

ПЕРЕСТРОЙКА:

**гласность
демократия
социализм**

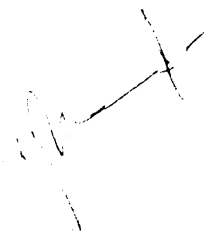
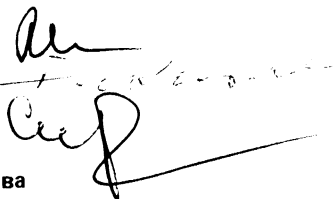
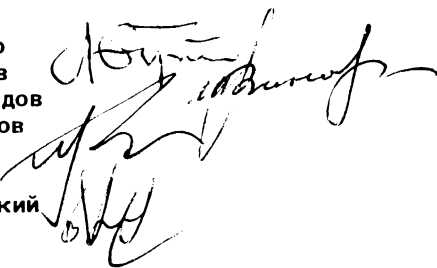
**ЧЕРЕЗ
ТЕРНИИ**

ПЕРЕСТРОЙКА:

**гласность
демократия
социализм**

ЧЕРЕЗ

Л. М. Баткин
В. С. Библиер
Ю. Г. Буртин
А. П. Бутенко
Л. С. Васильев
И. И. Виноградов
Г. Г. Водолазов
Л. А. Гордон
Д. А. Гранин
М. Г. Завельский
В. П. Киселев
Э. В. Клопов
И. М. Клямкин
Б. П. Курашвили
М. Я. Лемешев
А. А. Нуйкин
А. М. Оболенский
В. В. Попов
Н. П. Попов
Г. Я. Ракитская
Б. В. Ракитский
В. И. Селюнин
В. Г. Сироткин
А. А. Собчак
Г. В. Старовойтова
А. С. Ципко
Ю. Д. Черниченко
Н. П. Шмелев
А. Я. Эльянов
А. В. Яблоков

ПЕРЕСТРОЙКА:

**гласность
демократия
социализм**

ТЕРНИИ

Пролог

Что дальше?

Александр Александрову
и его коллегам
от благодарных
авторов = единомышленников

Москва
Прогресс
1990

ББК 66.3(2)

Ч 46

Редактор-составитель: А. А. ПРОТАЩИК

Редакторы: А. Н. ЗАВЬЯЛОВА, Н. К. САЗАНОВИЧ

ч 46 **Через тернии** / Сост. А. А. Протащик. — М.: Прогресс, 1990. — 792 с.

Прошло два года после выхода получившего широкую известность сборника "Иного не дано", открывший серию "Перестройка: гласность, демократия, социализм". Бурные события общественной жизни в стране заставляют многое пересмотреть, переоценить. В новой книге этой серии авторы возвращаются к проблемам, о которых они писали раньше, пытаются выявить и рассмотреть новые, возникшие за последнее время.

Читатель познакомится с точкой зрения ученых: Васильева Л., Бутенко А., Водолазова Г., Ципко А., Курашвили Б. и др.; писателей и публицистов Гранина Д., Нуйкина А., Виноградова И., а также народных депутатов Старовойтовой Г., Собчака А., Оболенского А., Черниченко Ю., Шмелева Н. и др.

На каком этапе перестройки мы находимся? Перестройка, сыграв огромную роль политического пролога, переходит в новое качество и только сейчас начинаются подлинные структурные реформы, мирная социальная и политическая революция.

Книга вызовет большой интерес у всех, кто серьезно озабочен судьбой нашей страны.

ч $\frac{0201000000 - 357}{006(01) - 90}$ без объявления

ББК 66.3(2)

ISBN 5-01-003301-1

Редакция литературы по экономике и управлению

© Издательство "Прогресс" 1990

От издательства

Перестройка оказалась гораздо более трудным, тяжелым, полным драматических противоречий делом, чем можно было предположить вначале. Вскрылись старые раны, обнаружилось болезни общества, о которых мы не подозревали. Оказалось, что мы очень мало знаем о себе, о своем доме, о нашем прошлом и будущем. Эмоции, спешка часто не дают возможности задуматься, проникнуть в суть событий, осмыслить пройденное, хоть чуть-чуть заглянуть в будущее.

Прошло ровно два года после выхода в свет книги «Иного не дано», положившей начало серии «Перестройка: гласность, демократия, социализм». За эти два года вышло девять книг из этой серии, посвященных самому главному, самому важному, а часто и больному в нашей жизни. В десятом сборнике читатель вновь встретится со многими авторами, выступавшими в первой книге. Что изменилось, что достигнуто за истекшее время, что упущено — на эти вопросы они пытаются дать ответ.

Позиция издательства оправдала себя. Только откровенный, смелый и прямой разговор, продуманные доводы, четкая аргументация — единственный путь движения вперед. С авторами нового сборника по многим вопросам можно спорить. Но научимся прислушиваться ко мнению других, понимать их точку зрения, вместе искать выход. Только тогда мы пройдем через тернии.

Пролог

Кризис социализма

Наша страна находится в состоянии глубокого кризиса. Это кризис системы, кризис социализма. Но что такое социализм? И вообще, был ли он у нас?

Отвечают на эти непростые вопросы по-разному. Большинство, включая многих официальных идеологов, склонно считать, что наша страна и при Сталине, и при Брежневе строила социализм, хотя дело не обошлось без извращений и недостатков. Есть альтернативная точка зрения: то, что у нас было, особенно при Сталине, считать социализмом ни в коем случае нельзя, это было бы кощунством по отношению к тем, кто шел во имя социализма на баррикады. Продолжая логику этой позиции, ее можно было бы сформулировать примерно так: социализм — идеал, светлая мечта, великое будущее, а раз ничего подобного не было и нет, то все, выдававшееся ранее за социализм, к социализму никакого отношения не имело, не имеет и не должно иметь.

На мой взгляд, первая точка зрения ближе к истине, но не истинна. Она была бы истинной, если бы не содержала ничем не оправданных оговорок в том смысле, что социализм — это лишь хорошее из того, что было сделано в нашей стране за последние десятилетия, тогда как все страшное, все извращения — это не социализм, а лишь издержки его, которые столь легко и даже выигрышно отнести на счет Сталина. Здесь крайности обеих точек зрения сошлись: социализм — нечто светлое, а все скверное — не социализм. Только одни видят это скверное как издержки хорошего пути, другие — как основную суть пути, нами пройденного. Отсюда и различие в выводах.

Так что же такое социализм? Светлый идеал или жестокая реальность? После семи десятков лет строительства и моря крови, пролитой во имя этого, он мог и был именно реальностью. Потому-то и кризис наш сегодня — кризис социализма, причем так называемого научного социализма.

О доктрине социализма

Дело в том, что не всякий социализм претендует на научность, во всяком случае в принятом у нас значении. Научкой у нас считают только марксистский социализм. Параметры, провозглашенные им в

качестве нормы, общеизвестны: это бесклассовое общество, приходящее на смену классово-антагонистическому капитализму. Большую часть своей жизни Маркс посвятил анализу капитала и капитализма с характерными для этого общества развитым рыночным хозяйством, со свободной конкуренцией частных собственников, концентрацией собственности в руках класса имущих с эксплуатацией в силу всего этого одних (неимущих) другими (собственниками) и с возникающими на этой основе непримиримыми антагонистическими классовыми противоречиями. Логика исследования привела Маркса к идее о неизбежной гибели запутавшегося в своих внутренних противоречиях капитализма. В качестве могильщика исчерпавшего свои потенции капитализма должен был, по Марксу, выступить пролетариат, которому нечего терять, кроме своих цепей, и который в решающей схватке расправит свои могучие крылья и завоюет победу. При этом старательно подчеркивалось, что победа может быть достигнута только в результате насильственной социальной революции, мощнейшим и едва ли не основным орудием которой должна стать диктатура. Диктатура пролетариата рассматривалась Марксом как жестокое, но необходимое для подавления сопротивления буржуазии орудие. Форма этой диктатуры — революционное государство переходного периода. Выполнив свои функции, т. е. силой подавив сопротивление частных собственников, диктатура затем, как предполагалось, отомрет, уступив место царству свободы, обществу без государства, обществу без классов.

Сторонники Маркса, марксисты, были покорены строгой логикой анализа и горячо восприняли главный вывод теории: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Имелось в виду объединение усилий пролетариата прежде всего промышленно развитых стран Европы, где капитализм считался уже созревшим и стоявшим накануне краха, с тем, чтобы соединенными усилиями в огне некоей перманентно развивающейся социальной революции, охватывающей одну развитую страну за другой, захватить власть и установить насильственную диктатуру, целью которой было беспощадное подавление сопротивления собственников. Научность же построений Маркса его сторонники видели как в убедительности анализа язв капитализма, так и в том, что теория предсказывала неизбежность революций, которые действительно вскоре последовали в Западной Европе, — вспомним о Парижской коммуне. И хотя Парижская коммуна была быстро разгромлена, это не обескуражило революционеров. Вооруженные научной, как им представлялось, теорией, они не допускали и тени сомнения в том, что мир идет путем, указанным Марксом, и что рано или поздно, но все, предсказанное теорией, будет осуществлено на практике.

Практика действительно не только великий, но практически единственный критерий истинности любой теории. Историческая практика в промышленно развитых странах Европы — которые и имел в виду Маркс, разрабатывая свою теорию, — шла, однако, вразрез с предсказаниями его теории, причем чем дальше, тем более оче-

видно. Тезис достаточно серьезный, чтобы остановиться на нем подробнее.

Анализ Маркса предсказывал, что запутавшийся в противоречиях капитализм исчерпал себя, во всяком случае в развитых странах Европы. Его теория не предусмотрела возможности для капитализма найти выход из состояния кризиса и в обновленных своих модификациях преодолеть внутренние противоречия, создать новые формы, более соответствующие общественному характеру производства. Между тем именно это стало реальным фактом XX века. Больше того, научно-техническая революция обеспечила не только невиданные прежде темпы роста производства и развития мирового хозяйства в целом, но также и резкое повышение уровня жизни, особенно во второй половине века. Пролетариат практически исчез, а его место занял так называемый «средний класс», состоящий преимущественно из работников наемного труда, обладающих достатком и в результате длительной профсоюзной борьбы нашедших приемлемый для них модус сосуществования с видеоизменившимся капиталом, частично принимающих участие в капиталистическом предпринимательстве. И хотя капиталистическое общество и сегодня отнюдь не является бесконфликтным, оно обрело солидную внутреннюю устойчивость и имеет неплохие потенции для успешного развития в будущем. Развитые капиталистические страны уже не чреватy социальной революцией, причем это настолько очевидно, что даже компартии соответствующих стран вполне осознают это.

Итак, социальной революции в развитых капиталистических странах не произошло и в резко изменившихся за столетие условиях не произойдет. Значит, историческая практика нанесла серьезный удар по теории в ее самом чувствительном месте, в ее сердцевине. Значит, говорить о безусловной научности теории не приходится — нужны по меньшей мере серьезные оговорки. Но это далеко не все. Стоит обратить внимание еще на один важный аспект теории — на проблему свободы, правового государства, гражданского общества.

Всеми этими терминами Маркс пользовался часто и охотно. Но что имелось в виду? Гражданское общество и правовое государство обычно воспринимались как неотъемлемые атрибуты ненавистного Марксу капитализма. Соответственно он не очень-то ценил их, придавал им сравнительно мало значения и с готовностью приносил их в теории в жертву насильственной революции с ее жесткой безжалостной диктатурой. Парадокс, но дело обстояло именно так! Сам Маркс дышал воздухом свободы, воздухом правового государства, защищавшего, помимо прочего, права меньшинства, гарантировавшего право на мысль и независимое мнение, свободу слова и печати, да и многое другое — словом, те самые права и свободы, которые были столь жизненно необходимы ему как мыслителю, привыкшему спорить с устоявшимися взглядами и все подвергать сомнению. Маркс в своей жизни пользовался всеми благами правового государства и гражданского общества. Пользовался — но не ценил... Не ценил потому, что считал

их хотя и свободой, но неполной свободой, капиталистической свободой с ее хитроумными уловками в виде парламентских и иных демократических процедур, дающих возможность буржуазии прикрыть неприглядную наготу ее эксплуатации неимущих. Государство, демократия, право — все поставлено на службу господствующему классу капиталистов и поэтому все это следовало уничтожить вместе с этим классом насильственным путем и до основания, с выкорчевыванием корней. Уничтожить во имя полной свободы, воспринимавшейся Марксом преимущественно в ее социально-экономическом аспекте — уничтожение частной собственности, освобождение труда, ликвидация эксплуатации и т. п. А коль скоро такое осуществится, вовсе не будет нужды ни в государстве с его институтами, ни в праве, ни в прочих элементах капиталистического гражданского общества. Итак, полная свобода — там, за пределами капитализма. Там и тогда только начнется подлинная история человечества (до того — лишь пред-ыстория). Как именно будущее будет выглядеть, увидят те, кто уничтожит капитализм.

Теперь мы знаем, как в реальности выглядит обновленное по Марксу общество. Виновата ли в этом теория? Грех сваливать на нее все те злодеяния, что связаны с деятельностью Сталина. Но не меньший грех делать вид, что Сталин — изверг, а теория ни при чем. Тем более что Сталин практически всегда следовал букве теории, трактуя ее, естественно, по-своему. Что здесь имеется в виду?

Когда Маркс опубликовал основы своей теории, его оппоненты, прежде всего из лагеря анархистов, которые, как известно, не слишком высоко ценили государство как институт (имеются в виду прежде всего Бакунин, Прудон), выступили с критикой идеи диктатуры пролетариата, предостерегая по поводу того, что на практике все может получиться иначе, чем в теории. Поводом для подобного рода предостережений были уроки Великой французской революции, где диктатура революционеров выродилась в кровавый всепожирающий террор. Но Маркс твердо стоял на своем. Он верил в истинность и научность своей теории. Верило в это вместе с ним и первое поколение марксистов, именовавшее себя социал-демократами. Однако такого рода святая вера длилась не слишком долго. На рубеже XIX—XX вв. в стане марксистов произошло размежевание. Подавляющее большинство западноевропейских социал-демократов (вместе с ними были и русские меньшевики, хотя здесь нужны оговорки) во главе с Бернштейном и Каутским предприняли ревизию революционного марксизма. Попросту говоря, они, учитывая реальные общественные процессы в развитых странах Европы и уже ощущая, что история идет не вполне так, как то следовало по теории, начали отказываться от идеи насильственной социальной революции и диктатуры пролетариата, предпочтя тому и другому медленную, неустанную парламентскую, профсоюзную и иную борьбу за улучшение прав рабочих в буржуазном обществе и государстве. Со временем именно эта борьба и ее ощутимые результаты внесли свой вклад в то самое изменение ка-

питализма в Европе, о котором уже упоминалось. Социал-демократы стали весомой частью политической структуры современного еврокапиталистического мира. Но они вместе с тем перестали быть марксистами.

Конечно, что-то от марксизма в современной социал-демократии осталось. Но немного. И с этой точки зрения вполне правы те ортодоксальные марксисты, которые вслед за Лениным резко критиковали социал-демократов за отступничество от марксизма. Другой вопрос, следовало ли их за это критиковать, особенно если исходить из конечных результатов. Но критика как таковая была вполне обоснованной: социал-демократы отошли от ортодоксального марксизма в сторону буржуазной демократии с ее правовым государством и гражданским обществом. Отошли, тем самым одновременно признав за капитализмом как системой право на самоусовершенствование (более того, проявив готовность активно этому содействовать) в условиях свободного рынка с открытой конкуренцией частных собственников.

Иначе поступили те, кто остался верен букве марксизма. Эти марксисты волею судеб оказались вне развитых стран Европы — на периферии Европы, в России (вне ее их было немного и реальной силы они не представляли). Почему так получилось? Что этому содействовало? В чем тут «воля судеб»?

Обратим сначала внимание еще на одну сторону теории Маркса, которая, мягко говоря, вошла в противоречие с исторической практикой. Маркс в свое время исходил из того, что социальная революция, начавшись в одной из развитых стран Европы, быстро станет всеобщей (откуда и лозунг с призывом к пролетариям всех стран). Но при этом он и думать не мог, что революция не произойдет одновременно во всех этих странах, (а этот вариант теория, претендующая на научность, вполне могла и даже обязана была предусмотреть). Не думал, что она вообще может произойти не там, где предполагалось, т. е. не в развитой капиталистической стране, где капитализм с его парламентарной демократией и привившимися нормами гражданских свобод давно уже был нормой, а там, где господствовали совсем другие порядки. Быть может, Маркс не сознавал разницы? Или не знал, что в мире бывает и кое-что похуже буржуазной демократии еврокапиталистического образца? Отнюдь. Маркс не только знал, но и блестяще описал, глубоко проанализировал структуру принципиально иного по сравнению с капитализмом общества. Я имею в виду его разработки на тему об особом «азиатском» способе производства.

Разрабатывая эту идею на примере известных ему восточных обществ, как древних, так и современных, Маркс сконструировал очень близкую к реальности модель, характеризующуюся абсолютным господством государства. Зафиксированное им отсутствие на Востоке частной собственности, сравнимой с европейской (в этом он видел «ключ к восточному небу»¹, обусловило всемогущество этого государства, бывшего единственным и всевластным собственником совокупного достояния коллектива. Выступая в качестве высшего субъекта власти

и собственности и одновременно исполняя функции верховного владельца средств производства и всех ресурсов, государство на Востоке было, по Марксу, основным элементом и субъектом производственных отношений, экономическим выражением чего были рента-налог и повинности. Экономическая мощь и политическое всевластие государства, олицетворенные аппаратом администрации, противостояли находившимся в бесправном и приниженном положении подданным. Систему в целом Маркс уподоблял ситуации «поголовного рабства», имея в виду как реальное бесправие нижестоящих перед вышестоящими, так и социо-психологический стереотип архаического сознания объединенного в социальные корпорации населения, в массе своей незнакомого со статусом вычлененного из коллектива индивида, тем более со статусом гражданина и собственника.

Хотя «азиатский» способ производства в схеме формаций Маркса был стадияльно наиболее ранней ступенью и, в частности, предшествовал античному (что бесспорно), стоит напомнить, что структуры, соответствующие этой модели, не только существовали, но абсолютно преобладали в неевропейском мире и в XIX в., во времена Маркса. Больше того, он уделил им немало внимания в своих работах, делая при этом особый акцент на процессах, протекавших в странах Востока под воздействием колониализма. Степень воздействия колониального капитала на современные ему страны Востока Маркс — как и многие в его время — переоценивал, полагая, что это воздействие достаточно быстро приведет к трансформации восточного государства в буржуазное: «Когда наши европейские реакционеры в предстоящем им близком будущем бегстве в Азию доберутся, наконец, до Китайской стены, к вратам, которые ведут к архиреакционной и архиконсервативной твердыне, как знать, не прочтут ли они там надпись *Republique Chinoise. Liberte, egalite, fraternite*»².

Быть может, не следует принимать приведенную цитату за твердое убеждение. Но одно несомненно: Маркс, хорошо зная природу Востока, явно не опасался того, что кто-либо, опираясь на стереотипы восточной структуры и всеислие восточного деспотизма, сможет каким-то образом использовать предлагавшуюся им идею о социальной революции и диктатуре пролетариата, а также о революционном насилии на классовой основе в целях и интересах, не имеющих ничего общего со свободой никем не эксплуатируемого индивида. Между тем ирония истории в том, что случилось как раз это. Там, где использовали теорию Маркса о насильственной революции и радикальных социальных преобразованиях под эгидой диктатуры передового класса, она привела к неслыханным злодеяниям всеисильного тоталитарного государства во главе с тираном, оставившим позади всех восточных деспотов. И что характерно: тиран всерьез и основательно опирался на теорию, дававшую ему для этого достаточно простора. Как тут не вспомнить предостережения анархистов!?

Так следует ли, можно ли считать *научной* теорию, которая на практике не привела к предсказанному результату там, где его следо-

вало по букве теории ожидать, но зато привела к непредсказанному результату там, где теория вообще не должна была бы — опять-таки по букве ее — сработать? Оставляю вопрос открытым, хотя ответ на него мне кажется само собой разумеющимся.

Обратимся теперь к России и попытаемся ответить на вопрос, почему же именно на нее пришлась страшная доля основного экспериментального поля для проверки истинности теории.

Россия и социализм

Причин много. Начать с того, что древняя Русь как государство полностью соответствовала типичным для «азиатских» структур параметрам. Здесь не было характерных для античного мира прав, привилегий и гарантий гражданина и частного собственника — при всем том, что после крещения Руси влияние Византии и православия стало очень ощутимым. Насколько это известно из истории, князь и его дружина, а затем также и созданный ими аппарат власти абсолютно господствовали над бесправными подданными и исполняли привычные для традиционных восточных структур функции господствующего класса, социально-экономической основой которого были власть — собственность («верховная собственность» по Марксу) и право на редистрибуцию ренты-налога, т. е. изымавшегося у населения вначале в форме дани, а позже в виде фиксированных поборов избыточного продукта. Производители содержали правителей и выступали по отношению к ним в виде безликой массы бесправных подданных (вспомним феномен «поголовного рабства»).

Нашествие монголов явно усилило значимость «азиатского» момента на Руси, а после монголов древняя Русь стала превращаться в Россию, мощь которой усиливалась по мере укрепления значимости государства с его аппаратом безусловной власти и бесконтрольного насилия, что нашло свое наиболее полное выражение в XVI в. при Иване Грозном. Новгородские права и вольности, формировавшиеся на северо-востоке, видимо, не без влияния ганзейских и иных европейских частнособственнических стандартов, были решительно уничтожены Грозным, а вся частная торговля — как и вообще вся не защищенная законами, гарантиями и привилегиями частная собственность неевропейского типа — хотя и признавалась де-факто, но была поставлена под строгий контроль властей. И именно это стало в России с тех пор нормой. Когда Петр Великий стремился к развитию торговли с Европой, он добивался этого не за счет реформы структуры с установлением соответствующих частно-индивидуальных прав и льгот, но за счет поощрений сверху по отношению к избранным им лицам либо компаниям. Иными словами, всем по-прежнему управляло государство, все зависело от него.

XVIII и особенно XIX века многое изменили в России. Появился влиятельный слой купцов и предпринимателей. Помещики с их правом продажи земель и людей стали превращаться де-факто в частных

собственников. После освобождения и правовые нормы России стали ориентироваться на западноевропейский стандарт. Начался энергичный дрейф России в сторону Европы, основы которого были заложены еще Петром. Казалось, еще немного усилий, еще немного времени — и «азиатская» Россия станет европейской. И это ощущалось в прошлом веке многими. Именно этот путь страны был в центре споров передовой части мыслителей страны. Именно европеизация и демократизация России были главной задачей тех, кто стремился к радикальному ее преобразованию, начиная с декабристов.

Итак, Россия — как, впрочем, и почти весь неевропейский мир, трансформировавшийся под воздействием колониального капитала, — шла к капитализму. Многие полагали, что путь такого рода будет не слишком долгим и трудным, что важно лишь начать. В спорах о судьбах России, однако, русские мыслители, начиная с Чаадаева и Герцена, расходились во мнениях. Одни были склонны считать, что спасение России в ее скорейшем сближении с западными стандартами; другие, их оппоненты, предпочитали делать акцент на самобытность. Дискуссии такого рода были типичны для всех трансформировавшихся в XIX в. неевропейских обществ, метавшихся в поисках выхода между сопротивлением и приспособлением к меняющимся обстоятельствам. Россия не была исключением. Но отличием России от других восточных структур, включая и наполовину европейскую Турцию, было то, что она в цивилизационно-религиозном плане ощутимо тяготела к Европе. Можно сказать, что из всего неевропейского мира Россия в силу ряда причин была наиболее европейским обществом. Оттого и казалось, что еще немного — и она станет вровень с Европой. Однако это «немногое» было на деле достаточно многим, ибо корниها уходило в восточного типа азиатско-государственную структуру.

С этим вынуждены были считаться и первые русские марксисты, начиная с Плеханова, хорошо видевшего «азиатскую» сущность России. Тяготая к Западу и ставя конечной своей целью крушение капитализма и замену его желанным социализмом, они, порой неосознанно, как бы торопили, пытались ускорить реально протекавшие в стране процессы, ставя своей целью несколько приукрасить феномен развития капитализма в России. Конечно, капитализм развивался, на что делал сильный акцент в своих трудах Ленин. Но едва ли стоило выдавать желаемое за действительное. Развивался он тяжело и весьма замедленными темпами, порой в очень своеобразных формах. А когда кто-либо из умных представителей верхов пытался активно содействовать процессу капиталистического развития, его попытки встречали, если и не сопротивление, то во всяком случае равнодушие и непонимание (в том числе и со стороны марксистов). Это хорошо видно на примере реформ Столыпина, заглохших после его убийства в 1911 г.

Медленное и тяжелое, трудное развитие капитализма было опять-таки типичным для всего неевропейского мира, причем это касается

не только экономической трансформации, но и идейно-институциональных перемен, этого неотвратимого спутника буржуазного развития. Россия после освобождения была реформирована — появились новые формы самоуправления (земство), суд присяжных, стали вестись активные разговоры о конституции, введение которой в немалой степени было замедлено пытавшимися ускорить процесс демократизации страны революционерами народнического типа с их террористическими актами. Но, как бы то ни было, постепенный процесс внутренней трансформации все же шел. И в начале нашего века результаты его были уже заметны, особенно после кризиса 1905 г. Но была ли Россия даже после введения конституционной монархии и начальных шагов парламентаризма (Дума) при многопартийной европейского типа политической системе уже капиталистической страной со сколько-нибудь развитым рыночным частнособственническим производством, осознавшим свои возможности гражданским обществом и стоящим на страже прав и свобод гражданина правовым государством? Разумеется, нет. Все перечисленное было еще в зародыше, а господствовало в стране традиционное и во многом крестьянско-архаическое сознание: подавляющее большинство народа, включая и правящие верхи во главе с царем, по-прежнему мыслило в привычных категориях единой и неделимой православной державы во главе с царем-батюшкой, который призван думать за всех и управлять всеми.

Феномен «пробуждения Азии», который мы порой привычно склонны воспринимать как свидетельство готовности трудящихся масс колониального неевропейского мира (а точнее — зависимого мира, ибо этот феномен проявил себя в основном не в колониях) к революционным преобразованиям, был на деле в значительно большей степени реакцией консервативного крестьянства Востока на навязываемые извне преобразования. Народ действительно пробуждался и весомо заявлял о себе, что подчас вело к радикальным политическим преобразованиям, к ликвидации одряхлевших монархий. Но значило ли это, что приход к власти республиканских режимов адекватно отражал готовность той или иной страны к переменам? История XX в. показывает, что это было не так. И Турция, и Китай, и тем более Иран (страны, где «пробуждение» было в начале века наиболее заметным) свидетельствуют о том, сколь трудным путем шли к успехам в развитии соответствующие страны, сколь мало готовы они были к революционным преобразованиям, как трудно шла на Востоке трансформация внутренней структуры. То, что произошло с Россией в начале XX в., стоит рассматривать и оценивать сквозь призму такого рода «пробуждения» — хотя и с учетом необходимых коэффициентов, связанных, в частности, с религиозно-цивилизационным фундаментом, который существенно отличал Россию от Востока.

Видели ли все это русские марксисты? Адекватно ли оценивали? Русские марксисты во главе с Плехановым и Лениным хорошо сознавали в начале нашего века, что империя идет к кризису. Кризис этот

вызывался многими причинами, но не в последней степени теми же, что вызывали кризис в других силовым образом трансформировавшихся странах неевропейского мира. Оценивая кризис, русские социал-демократы в 1903 г. раскололись на две противостоящие группы. Меньшевики во главе с Плехановым делали акцент на неподготовленность России к социализму и социалистической революции. Они резонно полагали, что Россия еще весьма далека даже от капитализма, что подавляющее большинство народа — крестьянство — находится на весьма примитивном уровне бытия и сознания и что потому русским социал-демократам не следует вести дело к насильственной социалистической революции. Надо дать возможность русской буржуазии форсировать развитие капитализма — только после этого можно будет ставить вопрос о социализме.

Большевики во главе с Лениным, как известно, считали иначе. Они полагали, что Россия в принципе может считаться, особенно в условиях надвигающегося кризиса, созревшей для социалистической революции. Конечно, она отстала по структуре, но зато имеет активный, пусть даже немногочисленный, пролетариат. Важно лишь правильно организовать его боевой авангард — партию нового типа, — и вести целенаправленный курс на революцию. При этом большевики уповали на помощь более развитых стран Европы.

Немногочисленная, но внутренне крепкая и умело использовавшая в своей борьбе за власть радикальные лозунги (власть — Советам, землю — крестьянам, конец войне, грабь награбленное и т. п.), а то и просто демагогию, партия большевиков в условиях острого и усугубленного мировой войной социального и политического кризиса возглавила недовольство народа и в октябре 1917 совершила почти бескровный переворот, отобрав власть у нерешительного Временного правительства, готовившегося после свержения самодержавия в феврале того же года передать решение вопроса о будущем России на рассмотрение созванного специально для этого Учредительного собрания (доля большевиков среди депутатов которого была сравнительно незначительной). Октябрьский переворот вызвал в поверженной кризисом и недовольной затяжной войной России нечто вроде шока, который, впрочем, вскоре сменился гражданской войной. Результаты этой войны известны: политически раздробленное и в большей своей части реакционно настроенное белое движение не сумело противостоять отоброшенной большевиками Красной Армии во главе с талантливыми ее полководцами. Народ поверил большевикам и пошел в массе своей за ними, что и предредило исход войны. Ведомая большевиками Россия в нелегкой борьбе отстояла право на *социалистический эксперимент*, т. е. на строительство в обществе с неразвитым капитализмом и с восходящими к «азиатской» структуре нормами отношений, традиционными поведенческими стереотипами и архаическим массовым сознанием общества принципиально нового типа, отрицающего частную собственность и эксплуатацию человека человеком, ликвидирующего членение людей на богатых и бедных.

Но как было в условиях послевоенной и пореволюционной России строить такое общество? Особенно если принять во внимание, что поддержки с Запада не последовало (революция 1918 г. в потерпевшей поражение в мировой войне Германии была быстро подавлена, а надежд на какой-либо иной новый революционный взрыв уже не было). Строить социализм пришлось в одиночку, что сразу же резко изменяло предполагавшуюся теорией ситуацию. Нужно было разрабатывать существенные коррективы для теории, что и выпало на долю большевиков, прежде всего Ленина и Сталина.

Все лидеры большевизма во главе с Лениным и Троцким единодушно исходили из теоретического постулата Маркса о мировой социалистической революции. Это была их стратегическая цель. Что же касается тактики, включавшей в себя как жесткий экстремизм красного террора, так и беззастенчивую демагогию, сопровождавшуюся принуждением по отношению к большинству населения страны, то смысл ее — в полном соответствии со стратегической линией — сводился к стремлению революционными событиями в России разжечь мировой пожар социалистической революции (на долю России при этом выпадала роль фитиля: пусть фитиль сгорит, лишь бы от него зажегся огонь революции там, где по теории марксизма должна была начаться революция, т. е. в развитых капиталистических странах Европы).

Эта тактика не скрывалась — напротив, афишировалась (и на уровне теории, и на уровне лозунгов). Естественно, что в соответствии с ней не щадились ни Россия, ни ее отставший в развитии и потому не подходивший на роль авангарда мировой революции народ, от которого объективно требовалось одно: помочь большевикам удержать власть и тем содействовать мировой революции.

Фортуна, как известно, благоприятствовала большевикам: они одолели на фронтах своих противников, причем сумели сделать это, не поступившись принципами. Собственность экспроприировалась, все «социально чуждые» (а это — большая часть населения) преследовались и принуждались к повиновению силой. Наиболее заметно то и другое проявилось по отношению к имуществу (пусть даже весьма мало имуществу) крестьянству, от которого требовалось безвозмездно и безропотно отдать весь свой хлеб государству. Но не прошла власть и мимо дворянства, духовенства, да и тех самых русских интеллигентов, которые столь жаждали революции, так активно действовали ради нее, но, тем не менее, оказались в конечном счете не большевиками и более того, вздумали осуждать их цели и методы, пусть даже и не вслух. Как хорошо известно было в нашей стране каждому, кто не с нами, тот против нас.

Гигантская работа, выпавшая на долю партии и ее органов, от армии до ЧК, способствовала победе большевиков, но истощила страну, и без того измученную многолетними войнами, до предела. Мировая революция, как то выяснилось к концу гражданской войны, после провала польской кампании, от русского фитиля не зажглась (не-

большие ее сполохи в Германии и Венгрии были быстро и легко погашены). В самой же России ситуация быстрыми темпами вела к катастрофе: кавалерийская атака на капитал и насильственные реквизиции хлеба сделали свое дело, недовольство становилось едва ли не всеобщим. Кронштадский мятеж балтийских моряков, до того исправно поставлявших революции ее боевые и едва ли не наиболее надежные кадры, сигнализировал именно об этом. Нужно было что-то делать, что-то решать в кардинально изменившейся обстановке. Нужно было менять стратегические цели, менять тактику, ставить перед пострадавшей голодной страной посильные для нее задачи. Словом, нужно было отступление. Отступление во имя спасения власти большевиков.

Ленин выдвинул концепцию новой экономической политики.

Нэп — не великое изобретение Ленина, как о том порой пишут. Это отход на старые хорошо известные позиции, вынужденный компромисс в условиях, когда рухнула великая цель и было совершенно неясно, что же теперь захватившим и удержавшим столь дорогой ценой власть большевикам следовало делать. Марксизм на сей счет рецептов не имел. Нужно было создавать новые теоретические разработки, а для этого требовалось время. В большевистской России начался период ожесточенных споров и дискуссий. Сначала в них принимал участие и Ленин, но позже из-за болезни он был вынужден от них отстраниться. Впрочем, это едва ли сыграло решающую роль: Ленин, как о том свидетельствуют последние его публикации, не был готов дать четкий ответ на вызов новой эпохи. Если говорить жестче, он просто не знал, как теперь быть с социализмом. Не знал потому, что новый социалистический строй слишком уж ассоциировался в рамках его теории с мировой революцией и соотвествующими постулатами марксизма на этот счет и никак не ассоциировался с реалиями нищей разоренной войной и во многом еще «азиатской» России, к тому же оставшейся один на один с враждебным ей несоциалистическим миром. В отличие от него такого рода «теоретическим» комплексом совсем не страдал прибиравший в начале 20-х гг. к своим рукам власть в партии и стране Сталин.

Сталин и советский (марксистский) социализм

Сталин не был выдающимся теоретиком марксизма и на фоне таких мыслителей, как Ленин и Троцкий, он отходил на задний план. Но преимуществом Сталина была практическая сметка и цепкая административная хватка, не говоря уже о задатках тирана типа классического восточного деспота. Словом, именно Сталин или, во всяком случае, прежде всего и легче других он мог дать адекватный ответ на вызов новой эпохи — тот самый вызов, к ответу на который оказались не готовы ни Ленин, ни Троцкий, ни другие лидеры русской революции. Ответ же Сталина был до предела прост: на смену слабой царской империи должна прийти новая социалистическая сильная. При

этом отбрасывалась за ненадобностью вчера еще абсолютно господствующая в умах большевиков идея мировой революции, а взамен как бы само собой выдвигался на передний план тезис о том, что центром мировой революции теперь является Россия и что именно успехи России в укреплении ее экономической, политической и военной мощи станут со временем залогом успехов социализма и коммунизма во всем мире. Отсюда следовал логичный вывод: все силы на укрепление мощи страны; все средства хороши для достижения этой великой цели.

Логика Сталина казалась неотразимой, а слабость и необедительность альтернативных концепций лишь укрепляли людей в необходимости поверить Сталину и следовать за ним. К тому же линия Сталина всегда выдавалась за линию Ленина, линию партии. И, к слову, это было не столь далеко от истины, как ныне многие считают. В самом деле, насколько по-марксистски, по-ленински ответил Сталин на вызов эпохи и насколько он извратил чистые идеи марксизма-ленинизма? На этом вопросе стоит остановиться специально.

О Сталине сегодня пишут много и чаще всего безжалостно. Нет слов, он того заслужил. На его совести несколько десятков миллионов загубленных жизней и несколько сотен миллионов, целое поколение, если даже не два, людей изуродованных, сломленных страхом, лишенных своего «я».

Конечно, Сталин был тираном. Но он не упал с неба. Напротив, оказался весьма к месту и ко времени, легко и даже гармонично вписался в структуру, которая сложилась в России после революции. Почему же? Разве к этому стремились революционеры, большинство которых было субъективно честными людьми, далеко не всегда с легким сердцем уничтожавшими своих врагов, руководствуясь при этом не судебным решением, а классовым сознанием или железной логикой насилия, диктатуры?

Из истории хорошо известно, что субъективные цели и объективные результаты, к которым действия во имя этих целей приводят, обычно не только не совпадают, но и весьма драматически расходятся. Как правило, революционеров это не смущало и не смущает: они верят в свои идеи и не очень-то внемлют урокам истории, даже если те, что называется, перед глазами (как это было в случае с Марксом и Французской революцией). Всегда легко объяснить, особенно самому себе и своим сторонникам, что твой случай — особенный и общему правилу не подчиняется. Когда же выясняется, что это не так, наступает своего рода идейный кризис. И суть кризиса отнюдь не сводится только к тому, что идеал оказался недостижимым, а результаты совсем не те, к которым стремились преобразователи. Он глубже. Это своего рода личная трагедия идеологов с одной стороны и великая драма для страны, где произошла революция, — с другой.

Трагедия марксизма и марксистов в случае с русской революцией была в том, что социалистическая революция свершилась не в результате кризиса зашедшего в тупик в своих непримиримых противо-

речиях капитализма, а в совершенно иных исторических обстоятельствах. Трагедия большевиков во главе с Лениным — в том, что загубив миллионы во имя великой цели, они в итоге остались, что называется, у разбитого корыта. Но самой страшной оказалась трагедия России, где в результате революции были с корнем вырваны слабые ростки и без того уродливого русского капитализма, уничтожены культурные традиции (под лозунгом «до основанья, а затем...»), включая религиозно-нравственные основы народного бытия, а взамен было предложено восстановление до невиданных размеров «азиатского» имперско-деспотического прошлого, впрочем, несколько приукрашенного (усиленного!) элементами двадцатого века (современная экономика, индоктринация с использованием средств массовых коммуникаций и, едва ли не самое главное, своего рода усовершенствованная опричнина в виде созданной еще Лениным, но кардинально усовершенствованной Сталиным партией нового типа и тесно связанных с нею репрессивных органов).

Партия сыграла — наряду со Сталиным — роковую роль в судьбах России. Для нее всегда было характерно требование единомыслия в духе строго ортодоксального марксизма, подчинения меньшинства большинству с обязанностью официально пропагандировать установки большинства, подчинения низовых организаций руководству, а всех вместе — признанному лидеру партии, имевшему в своем распоряжении немало способов заставить других принять его точку зрения.

Такая партия логично выросла из основного требования марксизма — идеи насильственного преобразования общества с помощью жесткой диктатуры революционного меньшинства при безусловном подавлении сопротивляющейся оппозиции, да и всех вообще инакомыслящих. Выполняя все эти задачи, партия сразу же после революции создала находившиеся под влиянием ее руководства репрессивные органы, действовавшие в соответствии с требованиями классовой борьбы и революционной целесообразности. Именно поэтому партия с ее репрессивными органами и стала той силой, перед которой блекнет любая опричнина.

И вот результат, своего рода парадокс истории: партия, созданная для борьбы с тиранией и во имя свободы, очень легко и даже как бы естественно, само собой, превратилась в неколебимое орудие имперской тоталитарной тирании, подавления любой свободы, любого инакомыслия, в орудие широкомасштабного беззастенчивого террора, классовой ярости и псевдореволюционной целесообразности. Она стала гильотиной, нож которой (репрессивные органы) безжалостно обрушивался на всех, правых и виноватых, включая (а порой и в первую очередь) членов самой партии.

Иногда пытаются говорить о перерождении партии. Да, физически, с точки зрения личного состава при Сталине это была совсем не та партия, что делала революцию. Но структурно, по своим генеральным параметрам и тем более по конечным целям, задачам, средствам достижения цели она продолжала оставаться все

той же партией нового типа, партией диктатуры пролетариата, логично принимавшей формы диктатуры правящего слоя партии, аппарата революционной власти.

Так был ли Сталин марксистом? Извратил ли он идеи и методы Ленина, не говоря уже о Марксе? Или напротив, действовал в духе марксизма-ленинизма, умело используя этот самый дух (и букву) доктрины в собственных целях, которые в конечном счете имели мало общего с первоначальными замыслами и идеями революционного марксизма? На все эти вопросы обстоятельно ответит со временем история, когда исследователи взвесят все «pro» и «contra». Однако несомненно: марксизм и ленинизм предоставили в распоряжение Сталина все то, чем он пользовался.

В том, что именно Сталин встал во главе партии и превратил при этом партию в орудие своей неслыханной по мощи и жестокости власти, нет ничего удивительного и тем более необъяснимого. Именно Сталин — точнее личность типа Сталина, — и должен был раньше и лучше других реализовать те потенции, что таил марксистский социализм при попытке воплощения его в жизнь в России и в любой иной неевропейской стране. Ведь если страна не знакома или почти не знакома с традициями гражданского общества и правового государства, то сколь гармонично и естественно ложится на соответствующую структуру идея о необходимости слома буржуазной государственной машины (обремененной элементами гражданского общества и правового государства, прав и свобод граждан, включая право на инакомыслие) и замены правовых норм классовым чутьем. Если страна едва знакома с частнособственническим предпринимательством в условиях свободного капиталистического рынка без жесткого государственного контроля, то что может быть проще того, чтобы ликвидировать частную собственность вместе с рынком под благовидным революционным предлогом уничтожения эксплуатации человека человеком и вернуть структуру в целом к привычным для нее нормам государственного ("азиатского" по Марксу) способу производства с тяжелой, но опять-таки не непривычной эксплуатацией человека государством? И если этот естественный поворот от начавшего было развиваться капитализма к докапиталистическим формам экономических, социальных, политических и социо-психологических связей и стереотипов был в создавшихся условиях едва ли не оптимальным выходом для страны, объявившей о строительстве социализма, но не имевшей для этого необходимых возможностей, то кому как не тирану типа Сталина ("восточный деспот" по Марксу) наиболее сподручно возглавить страну, вынужденную идти именно по такому пути (не бросать же начатое революцией дело, не отказываться же от самого главного — от идеи радикального преобразования общества на анти-собственнической и антиэксплуататорской основе?).

Речь не о том, что силой обстоятельств вместо Сталина не мог оказаться кто-либо иной. История многовариантна. Но в любом случае лидер, оказавшийся на месте Сталина, был бы похож на Сталина,

даже если крови и насилия при этом было бы меньше. Ниже на примере Китая об этом еще будет идти речь. Пока же речь о Сталине и его модели социализма, которую есть все основания считать не столько чудовищным извращением, сколько логическим воплощением идей марксова социализма в условиях, принципиально отличных от европейских. А так как Маркс — и об этом упоминалось — не оговорил строго самой невозможности строить социализм в любых иных условиях, кроме как при единовременной всеобщей победе социальной революции в развитых капиталистических странах (при всем том, что в его работах можно найти, к примеру, критику «казарменного» и иных форм убудочного социализма), то не может быть и серьезных претензий к Сталину в этом смысле. Он делал то, что мог и считал нужным для реализации завещанной ему Марксом и Лениным идеи. А во что это обошлось стране и народу и к чему в конечном счете привело — это уж другой вопрос. И претензии в этом случае следует адресовать не только и быть может даже не столько к исполнителю, сколь бы плох он ни был, сколько к теории, которую он со свойственной ему энергией и бесчеловечной жесткостью пытался во что бы то ни стало воплотить в жизнь. В этом смысле хорошо известный сформулированный А. Барбюсом лозунг 30-х годов «Сталин — это Ленин сегодня» не слишком противоречит истине.

Так что же сделал Сталин, в чем суть его модели социализма — единственной известной истории модели реального воплощения в жизнь марксистского социализма?

Сначала он решил основной вопрос любой революции — вопрос о власти, что удалось ему на удивление легко (по едва ли не общему мнению это произошло потому, что его никто из реальных соперников в борьбе за власть не принимал всерьез, поэтому все легко шли к нему в союзники для борьбы с более серьезными, как им казалось, соперниками). Затем, будучи поддержан одними из соратников Ленина, преодолев колебания других и оттеснив от руководства третьих, продолжая сложное лавирование и интриги, бывшие его стихией, Сталин ликвидировал нэп и возвратился к практиковавшимся в эпоху военного коммунизма жестким методам преследования собственников и имущих. Справедливости ради существенно заметить, что нэп был ликвидирован Сталиным прежде всего потому, что рыночная стихия препятствовала жесткому волюнтаристскому курсу на энергичную индустриализацию страны. Этот курс был совместим лишь с командно-административными методами тоталитарного государства. Больше того, используя в качестве основного метода классический лозунг «разделяй и властвуй!» и усилив этот лозунг марксистским тезисом о классовом антагонизме, Сталин сумел натравить деревенскую бедноту на имущих, изгнал из деревни богатых крестьян и «справных», как их тогда называли, мужиков, а всех оставшихся объединил в колхозы, отдав колхозам и колхозникам конфискованное при раскулачивании имущество. Несмотря на отдельные проявления недовольства, даже восстания, которые были решительно подавлены,

несмотря на страшный голод, приведший к гибели миллионов в первые годы после коллективизации, ему вполне удалось осуществить задуманное.

Сталинская индустриализация как социальный феномен еще ждет своего исследователя. Воспользовавшись благоприятнейшими внешними условиями (мировой кризис, в годы которого фирмы готовы были с радостью и почти за бесценок, лишь бы продать и не обанкротиться, снабдить любого заказчика тем, что он пожелает — а сталинская индустрия была заказчиком мирового класса, во всяком случае по масштабам) и накопив первоначальный капитал (для чего, собственно, и была проведена коллективизация, а все уцелевшие крестьяне посажены на голодный пашк, не считая миллионов лишенных и этого пайка, уморенных голодом), Сталин пустил в ход всю силу индоктринации и под мощные фанфары лозунгов и призывов к светлому будущему, под все более ощутимые угрозы в адрес сомнеющихся и мешающих взял курс на индустриализацию. Созданное им тоталитарное государство с невиданным прежде по силе, разветвленности, рвению и эффективности аппаратом насилия обеспечило неизвестный прежде режим крайнего перенапряжения. Под страхом жестокой кары за малейшее неповиновение или отступление от режима и опираясь на не исчезнувшие еще у переживших революцию людей пламенную веру и созидательный порыв, готовность к самопожертвованию и энтузиазм, Сталин добивался и добился своего: он создал новый по сравнению с капитализмом строй. Этот строй во многом походил на восточную деспотию и генетически был родственен именно ей, но в то же время он по ряду основных параметров (отсутствие частной собственности, свободного рынка и частной эксплуатации, жесткая диктатура победившего революционного класса и т. п.) напоминал то, что имела в виду теория марксизма. Этот строй и был после индустриализации во второй половине 30-х гг. торжественно наименован социализмом. И право же, у нас нет серьезных фактических оснований сомневаться в резонности такого названия. Сталин создал то, что хотел создать. В России было построено то, что можно было при заданных параметрах построить. А коль скоро все это строилось по определенному теоретическому эскизу с постоянной ориентацией на теорию, то трудно согласиться с теми, кто и сегодня еще старается не видеть того, что именно построенное Сталиным и было социализмом. Что иным социализм марксистского типа в условиях неевропейского общества и быть не мог.

Это было государство тоталитарного типа со всеобъемлющей машиной подавления и с огромным бюрократическим аппаратом администрации. Государство, целиком подчинившее себе не только отдельного человека, но и общество в целом, со всеми его социальными группами и корпорациями, чего не могло добиться ни одно восточное традиционное государство типа деспотии. В этом смысле было достигнуто новое качество, было создано такое государство, которое вдохновило Замятина и Оруэлла на создание ими их мрачных антиутопий. Я

бы сказал, что свершившееся следует воспринимать как торжество величайшего парадокса истории: силой обстоятельств общественный строй, в теории принципиально противостоявший государству как орудию власти и инструменту насилия, рассматривавшийся как скачок к абсолютной свободе человека, на практике стал основой тоталитарного государства, равному которому не знала история. От имени абсолютной свободы теоретического будущего человек в этом государстве был низведен до уровня запуганного и молчащего, на все соглашающегося и не смеющего перечить властям, отчужденного от производства и лишеного имущества подневольного труженика.

Но, как бы то ни было, строй был создан. И нормально функционировать он мог лишь в условиях экстремального режима, что Сталин сознавал очень хорошо. Он далеко не случайно все время держал общество не просто в состоянии производственного перенапряжения, но и в состоянии страха, искал и находил врагов, уничтожал то одних, то других, не исключая никого, в том числе и ближайших своих помощников. Война на время ослабила этот его кровавый импульс — крови и перенапряжения было достаточно и без искусственного нагнетания. Но стоило войне благополучно завершиться, а победившему и надевавшемуся на лучшее послевоенное будущее народу несколько расслабиться, как сразу же последовали новые репрессии, стали выискиваться и наказываться все новые враги.

Почему нужна была ситуация стресса? Дело объясняется достаточно просто. То, что ныне обычно именуют командно-административной системой и что на деле генетически восходит к классическому государственному ("азиатскому") способу производства, испокон веков господствовавшему в неевропейских обществах, есть особая форма управления хозяйством, гарантирующая простое воспроизводство при некоторых обязательных условиях. Одним из таких условий было существование рынка и умеренно развитой частной собственности, лишенной прав и гарантий, подконтрольной государству и аппарату администрации, но все же реально существующей. Это не была частная собственность европейского антично-капиталистического типа или типа той, что была характерной для средневековых европейских городов. Это была урезанная, убудочная, кастрированная частная собственность, но все же именно частная собственность, игравшая в экономике сколько-нибудь развитого неевропейского докапиталистического общества важную, даже жизненно важную роль, которую можно уподобить роли кровеносной системы для живого организма. Пусть эта система слабо функционирует и недостаточна для экономического процветания, для расширенного воспроизводства. Но она гарантирует жизнеспособность организма. Только нормальную жизнеспособность, простое воспроизводство, не более того! Сталину же было нужно расширенное воспроизводство, причем осуществляемое максимально быстрыми темпами, пусть даже ценой жизни поколения или двух. Для этого структура такого рода не подходила. Нужна была иная, тоталитарная по своей сути. Ее-то Сталин и создал. Однако,

ликвидировав рынок даже в его убудочной (неповской) форме, Сталин нарушил жизнеспособность социального организма, который без рынка довольно быстро должен был задохнуться в конвульсиях. Единственное лекарство, которое может в этом случае помочь (не вылечить, но компенсировать процесс) — это сверхперенапряжение, которое одно только способно побудить общество ценой отчаянных усилий существовать в аномальном режиме. Вот такого рода аномальный режим и создается в рамках сталинской модели социализма.

Но аномальный режим, как всякая аномалия, не может существовать долго. Для страны срок его существования обычно не превышает срока жизни, точнее — власти того, кто создал этот режим и является его символом. Но что дальше? Обратимся к судьбам России, или вернее, СССР после Сталина.

Сталинская модель социализма после Сталина

Разжигая дух ненависти, прежде всего классовой, апеллируя к агрессивным инстинктам умело подогретой и индоктринированной им толпы, Сталин добивался того самого сплочения и «морально-политического единства», которое одно только и могло помочь ему поддерживать ситуацию сверхперенапряжения и своего рода религиозного экстаза, фанатичной веры в возможность быстрого достижения обещанного теорией светлого будущего. Неслыханная власть Сталина держалась на двух основах — на доктрине, т. е. преданности индоктринированной массы идеям марксистского социализма, и на аппарате насилия и страха. Доктрина, которая на массовом своем уровне (да и не только на массовом, впрочем) выступала в функции религии, безоглядной фанатичной веры, во имя которой следовало безжалостно уничтожать противников и сомневающихся, создавала идейную основу его власти: репрессивный аппарат — институциональную. Обе эти основы обеспечивали сверхперенапряжение и, как упоминалось, выступали в функции своего рода искусственного кровообращения, не дававшего структуре задохнуться в конвульсиях. Вот почему ценой жизни не жалевшего себя и работавшего на износ поколения Сталин сумел форсировать в общем и целом желательные для страны перемены. Я имею в виду индустриализацию, развитие городов и городской культуры, включая современную систему образования и науки.

Отстраняясь от дискуссий на тему, можно ли было бы добиться всего этого без сталинизма (мировая практика убедительно подтверждает подобную возможность), стоит все же признать, что при Сталине все это было сделано достаточно быстро. Другое дело, какого качества и какой ценой. И совсем иной, в некотором смысле новый вопрос, — насколько прочным оказалось построенное на крови десятков миллионов здание нового общества. И почему это здание оказалось непрочным. Вот здесь мы и подходим к роковой не только для сталинской модели, но и теории в целом проблеме оптимальных вариантов и вообще возможных режимов существования структуры, созданной в

соответствии с чертежами теории, исходным пунктом которой было пусть временное, но лишение людей свободы, пусть временное и во имя благих целей, но навязывание обществу насильственной диктатуры и кровавого террора. Какова плата за такой путь? Стоит ли овчинка выделки?

Сначала снова обратимся к экономике. Успехи страны при Сталине выглядели в этом плане впечатляюще. Соединенные воедино, индоктринация и страх сделали свое дело. Одни безоглядно верили в идею и с энтузиазмом фанатиков отдавали всего себя на алтарь строительства нового общества, вынужденно, а то и почти охотно довольствуясь при этом нищенской зарплатой, примитивным жильем и скудным стандартом повседневного потребления. Другие становились жертвами репрессий и насилия (это касается не только заключенных, но и практически всей деревни) и работали из-под палки, но при этом тоже что-то производили. И как ни непродуктивен труд раба, он — если раба не жалеть и высасывать из него сразу как можно больше — тоже, оказывается, способен быть рентабельным. Отсюда и результаты, о которых уже шла речь. Нельзя, однако, забывать, что в основе этих результатов было сверхперенапряжение. Была работа поколения на износ. Была, наконец, святая вера в светлое будущее, была надежда на скорую отдачу — недаром повсюду висели лозунги о коммунизме.

После Сталина все стало меняться. Во-первых, люди узнали правду. Пусть далеко не всю, но все же страшную. И хотя процесс десталинизации был вскоре приостановлен именно из-за опасений причастных к злодеяниям режима верхов, резонно видевших угрозу своей власти и всей структуре от того, что миру станет известна цена сталинских достижений, он все же сделал свое дело. Поколение первых строителей социализма приостановилось и задумалось. Новое поколение стало быстро терять веру в идеалы отцов. И хотя в противовес этому еще при Хрущеве и с большей силой при Брежневе возобновились, пусть во много более слабой форме, и репрессии против недовольных (людей уже не убивали, лишь изолировали от общества, порой весьма надолго), восстановить сталинскую модель в ее первоначальной форме было уже невозможно. Процесс распада сталинизма можно было задержать, что и делалось всеми силами, но остановить было невозможно просто потому, что ослабли основы, на которых зиждилось всеисилие Сталина. Ослабла вера. Ушел в прошлое фанатизм, который вынужден был столкнуться с правдой (символом ее стали рассказы очевидцев лагерного мира, высшей точкой — литературные и публицистические труды Солженицына) и не выдержал этой очной ставки. Индоктринация стремилась как-то залатать дыры — но при этом возникал феномен тришкина кафтана, не более того. Нового создать было невозможно. В стране медленно, но неуклонно формировалась обстановка духовного вакуума, а вслед за ней — бездуховности, неверия, упадка нравственности, духовной деградации. И как противодействие этому — движение социального протест-

ста, духовного возрождения под новыми, противостоящими доктрине лозунгами свободы, прав человека, горделивого противодействия все- сильной власти.

Во-вторых, в тесной связи с только что описанным процессом, стал исчезать страх. Перестало выполнять свою привычную функцию насилие. Конечно, сформировавшийся при Сталине аппарат власти продолжал функционировать — но как бы в несколько ином режиме. Никто всерьез не внимал его настоятельным призывам улучшить, ускорить, добиться, выполнить. Напротив, возникали и годами отрабатывались различного рода бюрократические увертки, позволявшие не выполнять, не добиваться, не переутруждаться, но все же считаться как бы выполнившими, сделавшими дело. Перестав бояться за свою жизнь, — что при Сталине было для нее едва ли не решающим стимулом к активным и результативным действиям, — мощная и все увеличивавшаяся численно административная бюрократия стала неуправляемым аппаратом неэффективной власти, действовавшим уже по новым, отличным от сталинских времен законам. Началась стагнация. Вначале экономика по инерции продолжала эффективно функционировать, даже перестраиваться в соответствии с требованиями времени и достигать определенных успехов, особенно в военной сфере. Однако упадок сталинских основ быстро делал свое дело. Крепчавшая и уверенная в собственной безнаказанности бюрократия быстро усваивала столь выгодные для нее нормы коллективной безответственности и переносила новые правила игры на страну в целом. Экономика стала буксовать и отставать. Многократные попытки отремонтировать ее успеха не имели. Стало вполне очевидным, что нормально функционировать построенная на принуждении и насилии экономика может лишь недолгое время, когда абсолютно господствуют принуждение и насилие. Коль скоро сверхперенапряжение уходит, созданная для этого режима экономика оказывается не просто неэффективной, но структурно несостоятельной.

И добро бы речь шла только об экономике, хотя важность ее в современном мире вне сомнения. В аналогичном, а в некотором смысле в еще худшем состоянии оказались и все остальные сферы жизни общества, будь то социальная политика, культура, здравоохранение, просвещение, социальное обеспечение, жилищное строительство и т. д. и т. п. Всюду стали действовать одни и те же закономерности. Огромный бюрократический аппарат мешает нормальным связям между людьми и становится гигантским паразитом, высасывающим все жизненные соки из общества и жиреющим за его счет. Неэффективность труда на устаревающих предприятиях в условиях неразумно организованного хозяйства, незнакомого с действием экономических стимулов, но страдающего от безответственного регулирования сверху, ведет к упадку его производительности и соответственно к снижению реального заработка. Снижение зарплаток, даже если оно возмещается с помощью эмиссии денег, ведет к дезорганизации хозяйства и к последующему нежеланию хорошо трудиться на устарелом

оборудовании за гроши, на которые к тому же нечего купить, ибо в стране быстро создается обстановка дефицита. Дефицит рождается не столько из-за отсутствия хороших товаров и ориентации на вал (хотя это и играет большую роль), сколько из-за общего дисбаланса в экономических связях и, главное, из-за внутренних пороков системы, которые со временем становятся все обнаженней и очевиднее.

На основе дефицита возникает черный рынок. Теневая экономика становится не только экономически обусловленной, но и жизненно необходимой для социализма. Без нее как без кровеносной системы он уже не может существовать, ибо больше нет альтернативы, позволявшей это при Сталине. Но теневая экономика — это не рынок, скорей своего рода антирынок. Любой рынок от капиталистического до ублюдочного традиционного восточного был бы неопределенным благом по сравнению с тем, что стала представлять собой теневая экономика в нашей стране. Она не просто изуродовала все ценности, сделала вещи главным в жизни большинства населения. Она не только привела к моральному упадку, породив погоню за дефицитом и готовность продаваться во имя этого. Она сделала возникшую в связи со всем этим коррупцию едва ли не основной формой взаимоотношений между людьми. Рухнули не только идеалы времен сталинизма. Рухнули вообще все человеческие духовные ценности. Все можно достать — но заплати за это. Всего можно добиться — но дай соответствующий эквивалент. Дух продажного и к тому же официально запрещенного, но фактически абсолютно везде господствующего торгашества (вспомним оруэлловское двоемыслие!) охватил всю страну. Стало продаваться практически все, вплоть до самых высокопоставленных деятелей. Произошло естественное сращивание быстро разбухшего в подходящей для этого среде организованного преступного мира с административным аппаратом. Возник неслыханный феномен полубандитской структуры, захватившей в сферу своего полного господства не только целые республики и отрасли хозяйства или сферы деятельности, но фактически все, включая и аппарат охраны порядка. Страна быстрыми шагами шла к катастрофе. Нужны были радикальные меры. Нужны были решительные перемены. Но что нужно было менять? И как? К чему стремиться?

Еще недавно ответ на это был весьма бодрим: больше демократии, больше социализма! Что касается демократии, все понятно. Это как раз та самая свобода, те самые права человека, то самое народовластие, которых и духу не было при Сталине.

Но как насчет социализма? Одно дело — немарксистский социализм европейской социал-демократии. Он вполне гармонично сочетается с капитализмом и, делая акцент на защиту социальных прав людей, на социальные гарантии малоимущим и тем более неимущим, добивается посредством различного рода легальных мер (в частности, системы налогов, государственных выплат и гарантий, дотаций и т. п.) немалых успехов, что можно видеть, в частности, на примере Швеции и Австрии, где социал-демократы стоят у власти вот уже

много десятилетий. Такой социализм не только совместим с демократией, гражданским обществом и правовым государством (не говоря уже еще раз о свободном рынке и частной собственности), но и является их интегральной частью. Он вписывается в капитализм и именно потому его столь люто ненавидел Сталин, который был готов в 1933 г. предпочесть союзу немецких коммунистов с социал-демократами приход к власти Гитлера. И совсем другое — наш марксистско-ленинский, а в общем-то сталинский социализм, который пытаются лишь очистить от некоторых сталинских пятен. Есть ли что-нибудь третье? Что говорит историческая практика по этому поводу?

«Реальный» социализм вне СССР

Слово «реальный» я употребил для того, чтобы не спутать социалистические структуры, о которых теперь пойдет речь, с теми вписывающимися в капитализм (и потому в некотором смысле не вполне «реальными») социал-демократическими государствами, о которых выше упоминалось. Как легко догадаться, речь теперь пойдет о странах социализма, возникших в послевоенном мире, частично уже после смерти Сталина, практически во всех странах света, вплоть до Африки и Америки. При этом стоит заведомо оставить в стороне страны Восточной Европы, где послевоенный социализм сталинского типа был результатом не добровольного выбора, а стечения обстоятельств. Иное дело — группа стран Азии, в которых нашей армии не было, а также африканские страны, строящие социализм, или Куба. Здесь, если и не всегда можно вести речь о свободном выборе пути развития и политической ориентации (те, кто ныне строит или пытается строить социализм, приходили к власти обычно в результате насильственных действия, будь то народное движение, партизанские войны или военные перевороты), то во всяком случае нет оснований говорить о заметном давлении извне. Из этой группы стран, в общем-то стран одной категории — слаборазвитых и экономически отсталых — целесообразно выделить одну, а именно Китай. Китай в послевоенное время в наиболее чистом виде повторил русский социалистический эксперимент. Опираясь на ту же марксистскую социалистическую теорию, компартия Китая использовала кризисную ситуацию в стране и нацелила возглавленную ею массу недовольных на революционный переворот. Успешное осуществление задуманного привело коммунистов к власти хотя и не без помощи СССР, но все же и без чьего-либо заметного внешнего вмешательства или хотя бы давления.

Итак, несколько слов о Китае. В отличие от России, чей исторический путь лежал как бы посредине между Востоком и Западом, Китай издревле был классическим эталоном «азиатского», т. е. государственного способа производства.

В XIX в. после открытия Китая для европейской колониальной экспансии в результате так называемых «опиумных войн», империя шла к упадку. Упадок власти, совпавший с эпохой «пробуждения

Азии», привел к реформам и революциям, в огне которых Китай стал сильно изменяться. Рухнула империя с веками отлаженной системой власти. Стали прививаться элементы европейского политического порядка и цивилизационной культуры. Казалось, вот она, наконец, предсказанная Марксом *Republique Chinoise*. Но все было много сложнее. Европейские институты вызвали сопротивление традиции, проявлявшееся в разных формах, от восстания ориентированных на мистические заклинания ихэтуаней в начале XX в. до мощного народного движения в середине века, на гребне которого, собственно, и пришла к власти китайская компартия.

Перед КПК встала нелегкая проблема выбора не столько даже пути (он был предопределен доктриной), сколько способов и методов достижения желаемого. Как оказалось, проблема могла быть решена удивительно просто: то, что создавалось тысячелетиями, удивительно гармонично вписалось в рамки сталинской модели социализма, на параметры которой вынужденно — но и охотно, с внутренней готовностью — ориентировались как на единственно возможный реально существующий вариант осуществления марксистского социализма все страны, избравшие социалистический путь, в том числе и Китай. Место конфуцианства занял маоизм, вариант сталинизма. Реализовывали марксистские социалистические идеи в их маоистской интерпретации партийные функционеры-ганьбу, место и роль которых в системе все того же истари существовавшего в Китае государственного способа производства были функционально аналогичны тому, что прежде занимали чиновники и шэньши. Естественно, что в новой структуре управители-ганьбу быстро превратились в нечто вроде господствующего класса. Но было и нечто новое: Мао в строгом соответствии с духом и буквой доктрины, упразднил частную собственность и связанные с нею рыночные отношения. Собственно, именно в этом он резонно, — как и Сталин, — видел квинтэссенцию марксизма. И, кроме того, именно это позволяло взять курс на активизацию командно-административной системы, доведение ее до уровня тоталитаризма с тем, чтобы обеспечить расширенное воспроизводство, ускоренное индустриальное развитие страны за счет все того же апробированного Сталиным сверхперенапряжения предназначенного на износ поколения. Это коснулось прежде всего сотен миллионов крестьян, которые были лишены своей земли и объединены в гигантские коммуны, созданные по образу сталинских колхозов. Сразу же после этого в 1958 г. в стране исчезли рынки, все стало централизованно распределяться, чем Китай начал напоминать, особенно в годы культурной революции (после 1966 г.), Россию времен военного коммунизма.

Результаты сказались достаточно быстро. Те же приемы (конфискация имущества, ликвидация враждебных классов, закрытие рынка), та же ситуация сверхперенапряжения («три года тяжелого труда — десять тысяч лет счастья» — главный лозунг времен «большого скачка» 1958 г.) и тот же результат: катастрофа. Никто не считал, сколько миллионов жизней унесли грандиозные социальные экспери-

менты Мао. Но счет шел, как и во времена Сталина, именно на миллионы, если даже не на десятки миллионов. Если прибавить к этому массовые репрессии времен культурной революции и бесчинство хунвэйбинов, то картина станет до предела знакомой: крайнее перенапряжение и массовые репрессии с непрекращающейся индоктринацией во имя великой цели, светлого будущего.

Откуда, за счет чего столь поразительное сходство? Мао, как и Сталин, был марксистским социалистом, т. е. убежденно верил в железную необходимость насильственной диктатуры, кровавого террора во имя светлых целей, полного и безжалостного подавления имущих классов, а вместе с ними — и частной собственности, связанного с нею рыночного хозяйства еврокапиталистического и даже старокитайского типа, да и вообще материального интереса, который должен был быть вытеснен преданностью доктрине, идейным убеждением, революционным фанатизмом. Колоссальным перенапряжением он, как и Сталин, сумел добиться некоторых успехов: заложил, с помощью СССР, основы индустриализации, резко усилил государственный сектор хозяйства. Но все это он делал еще более последовательно, чем Сталин. Точнее, дисциплинированность веками воспитанного в духе покорности власти китайского социума была выше той, с которой имел дело Сталин. Это привело к тому, что Мао шел в тупик более быстрыми темпами, нежели то было у нас. Лишенный рынка социум задыхался к конвульсиям — Мао гасил их кровопусканиями и очередным экспериментом с перенапряжением. Он даже официально заявлял, что кровопускания типа большого скачка или культурной революции полезны и что их надлежит осуществлять регулярно раз в 6—8 лет.

Если рассматривать маоистский Китай как своего рода гигантский контрольный эксперимент, осуществленный историей, то следует признать убедительность результатов. Они в принципе те же, что и в первом случае, а в некотором смысле еще более наглядны и показательны. В сходных обстоятельствах (великая революция и грандиозная революционная война с официально декларируемыми целями радикального социального переустройства) на аналогичной структурной основе достигаются не только вполне сопоставимые, но порой сходные до мелочей результаты. И это при всем том, что цивилизационно Россия и Китай весьма несхожи, как различны и их исторические судьбы, генеральные ценностные и иные ориентации населения, да и многое другое. Стало быть, речь идет о некоей закономерности. Возьмем и еще один аспект проблемы, в свете нашего анализа весьма немаловажный. Речь о личности вождя.

Мао взял за основу сталинскую модель социализма — у него не было выбора. Он соответственно и стал как бы вторым Сталиным, хотя и оставался при этом Мао, т. е. человеком по характеру отнюдь не жестоким и коварным, а напротив, даже немного лириком, писавшим стихи в классическом китайском стиле. Но социологически, с точки зрения поставленных перед ним доктриной исторических задач, он

оказался двойником Сталина. Жизнь требовала от него жестокости — и он становился жестоким, без колебаний жертвовавшим миллионами во имя светлого будущего. Правда, он не уничтожил физически близких к нему людей, соратников и соперников, — хотя кое-что сделал и в этом смысле. Но от этих деталей суть не изменяется. Мао, как и Сталин, не мог не создавать врагов и не бороться с ними, ибо именно этого требовали от него как теория, так и санкционированные ею методы достижения цели. Врагами же у него, как и у Сталина, были все несогласные и сомневающиеся, все не вполне надежные.

Итак, сталинская модель марксова социализма — не случайность истории. Скорей закономерность. Если мы вспомним, что кроме СССР и КНР в мире были и есть еще несколько стран, шедших аналогичным путем и имевших, даже имеющих аналогичных Сталину и Мао лидеров, пусть в силу обстоятельств несколько меньших масштабов, но при этом не меньших реальных возможностей, во всяком случае в пределах своих стран, структура которых, как правило, аналогична тому, что было типичным для всех неевропейских обществ, включая Россию и Китай, — то вывод станет еще более обоснованным. Перед нами не просто досадные искажения великой идеи или злоупотребления причастных к власти недобросовестных людей. Перед нами четкие закономерности определенной системы — системы социализма. Того самого марксова социализма, доктринальные параметры которого, столь гармонично наложившись на традиционную командно-административную структуру обществ неевропейского типа, привели к результатам, прямо противоположным тому, о чем мечтал в свое время формулировавший эти параметры и не внимавший предостережениям в связи с этим Маркс.

Очень показательна в этом смысле оценка социалистического прошлого Чехословакии ее новым президентом В. Гавелом весной 1990 г. «Даже удивительно, что удалось столько натворить всего за 42 года. Нашим воздухом нельзя дышать, нашу воду нельзя пить. Рождаются больные дети, так как родители вместо кислорода дышат серой, вместо воды пьют нефть с хлором. Мы разрушили или запустили прекрасные города и села. Покрыли страну крольчатниками, в которых нельзя жить, можно только спать и смотреть телевизор. Умирают наши леса. Десятки тысяч людей работают ради того, чтобы жить все хуже. Крупнейшие машиностроительные заводы зарабатывают не деньги, а долги. Через несколько десятков лет наша земля перестанет родить. Наша экономика во главе таблицы тех, кто зря расходует энергию. Наши деньги — не деньги, за них ничего не купить в двух километрах за Шумаовой. Большинство больниц не выполняет своей миссии, а тысячи врачей половину времени заполняют бумаги, которые после них никто не читает. Миллионы людей делают бессмысленную работу. Наши студенты не ездят летом по Европе, не знают языков, не узнали, кто такой Шекспир, потому что должны были изучать, что коммунизм является вершиной истории мира» (см. «Известия», 1990,

№ 104 от 13.4). Не правда ли, все очень знакомо? И если бы наш президент не был коммунистом, он имел бы все основания сказать слово в слово то же самое, кроме разве что третьестепенных деталей.

Это не единственный случай такого рода в истории. Благими намерениями, как недаром говорится, вымощена дорога в ад. Но наш случай особый, ибо дело здесь не ограничилось благими пожеланиями. Последователи доктрины, объявив ее научной истиной, не только сделали на этом основании вывод о чуть ли не провиденциально обусловленной обязательности для всего человечества идти по пути социализма марксова типа, но сочли своим святым долгом, своим благодеянием по отношению к непросвещенному или не желающему идти по пути социализма человечеству навязать ему этот путь. И сделать это как можно скорей, при первом же удобном случае, не останавливаясь перед такими частностями, как скажем, отсталость страны. Больше того, именно этот фактор — вопреки настояниям самого Маркса — стал со временем чем-то вроде благоприятствующего обстоятельства: легче сломать хребет капиталистическому рынку и свободной частной собственности, когда они еще очень слабы, а то и вообще едва развиты. А что при этом таким же является пролетариат — не беда. Слабость пролетариата может быть, как показал пример России, компенсирована силой партии нового типа с ее аппаратом насилия и мощной индоктринацией.

Логический вывод такого рода сыграл свою роль в судьбах немало-го количества стран неевропейского мира, которые во второй половине нашего века в ходе деколонизации и поиска путей быстрого развития обратили внимание на страны социализма и попытались было следовать их примеру. Легче всего было установить однопартийный режим с репрессивной властью и огосударствить экономику. Но как только это происходило, темпы развития, как правило, не убыстрялись, а замедлялись. Неудачи вели к тому, что некоторые из стран, о которых идет речь, сравнительно быстро сменили путь развития. Другие увеличили собой количество стран, создавших сталинскую модель социализма или ориентировавшихся на нее.

Словом, очевидно, что речь в анализе идет и должна идти о системе социализма в целом. О том, насколько она жизнеспособна, насколько пригодна в качестве альтернативы капитализму и, коль скоро есть весомые основания говорить о несостоятельности этой обанкротившейся системы, то к чему сводятся органические ее пороки.

Органические пороки системы социализма

Истории известны две основные структуры, характерные для существования и самовоспроизводства постпервобытных цивилизованных обществ. Одна из них, исторически первая и более примитивная, возникла из недр первобытности в конкретной форме того самого

«азиатского» способа производства, который лучше других был описан Марксом и суть которого сводится к тому, что производственные и все иные общественные отношения редуцируются к отношениям командного управления и административного подчинения. В общем это и есть административно-командная система, т. е. типичный способ организации господства привилегированного меньшинства над гигантским нерассуждающим большинством, обретающим чаще всего облик приниженных бесправных подданных. Структура такого типа ограничено жизнеспособна. Ограниченность сводится к тому, что она, во-первых, неспособна к регулярному расширенному воспроизводству (в лучшем случае — к спорадическому, связанному с импульсивными скачками, вызванными разными причинами либо совокупностью их), а во-вторых, вообще может существовать лишь при условии наличия в ней товарных связей и рынка. Пусть эти связи не основаны на частной собственности в антично-капиталистическом смысле этого слова (т.е. свободной и неограниченной, огражденной правами и привилегиями) и тем более на рынке свободно конкурирующих товаропроизводителей, но они есть и должны быть.

Вторая структура, антично-капиталистическая, основанная не просто на развитой частной собственности и неконтролируемом свободном рынке, а на абсолютном приоритете и тенденции к господству того и другого, сложилась несколько позже, в эпоху античности, и, в отличие от командно-административной, характерна была вначале лишь для ограниченной группы европейских обществ. Только с эпохи колониальной экспансии эти территориальные рамки изменились как за счет освоения европейцами новых земель (США, Австралия, Канада и т. п.), так и за счет постепенной трансформации стран неевропейского мира, в которых до того абсолютно господствовала система командно-административная.

Европейское феодальное средневековье с этой точки зрения было ареной борьбы между обеими структурами (наследие античности и привнесенные германскими племенами «азиатского» типа связи), завершившейся победой второй из них после эпохи Возрождения и особенно Великих географических открытий. Неевропейское средневековье, включая русское, о котором уже шла речь, развивалось под знаком абсолютного преобладания первой, командно-административной. И хотя в период колониализма она уже трещала под натиском привнесенной еврейской рыночно-частнокапиталистической, основа продолжала сохраняться вплоть до XX в. И на эту основу лег марксистский социализм в его сталинской модели, создав тем самым новую систему, которая в принципе отрицала все, что было квинтэссенцией европейской антично-капиталистической. Если принять, что именно свободный рынок и частная собственность были упомянутой квинтэссенцией, то едва ли будут основания для сомнений в том, что институциональная, органическая основа новой системы — социалистической — могла быть, при всех ее претензиях на новизну и научность, лишь вариантом старой «азиатской», командно-администра-

тивной. Именно этим вариантом она и стала, причем вариантом наиболее жестким, не считающимся с требованиями жизни и потому внутренне порочным, но тем еще более страшным — особенно для тех, на ком ставился эксперимент. Больше того, в некоторых отношениях новая система, наложившись на «азиатскую» командно-административную, как бы усугубила, довела до предела, до абсурда ее принципы. Отсюда и появление в ней органических пороков, которые быстро сделали ее нежизнеспособной. О каких пороках идет речь?

1. Отрицая в принципе частную собственность и свободный рынок с конкуренцией товаропроизводителей (в лучшем случае соглашаясь смотреть как бы сквозь пальцы на мелкую базарную торговлю), система реального социализма заменила то и другое государственной собственностью с монополией соответствующих ведомств и всесилим бюрократов-администраторов, материально не связанных напрямую с результатами их труда, а также привычной для всего традиционного Востока централизованной редиистрибуцией. При этом в отличие от обычной традиционной «азиатской» структуры здесь огосударствлено практически все, включая землю и иные средства производства, в связи с чем и централизованной редиистрибуции здесь подлежит не один лишь избыточный продукт, как то всегда бывало на Востоке, а все произведенное — за исключением жалких крох типа натуральных выдач колхозникам и продукта с их мизерного приусадебного участка. Подобного рода тотальное обобществление, — как то наглядней всего проявилось в Китае в ходе так называемого «большого скачка» в 1958—59 гг., — оказывается тем более органически порочным для социума, чем последовательней и полнее оно проводится в жизнь.

Дело в том, что продиктованное стремлением избежать эксплуатации человека человеком (экономическая несвобода по Марксу — главный вид несвободы) отчуждение человека от собственности с последующим тотальным огосударствлением ведет к отчуждению производителей и управляющих ими администраторов и от конечных результатов их труда. Работникам важно лишь произвести положенное количество продукции согласно плану — ни в итоговом качестве, ни в конкурентоспособности произведенного продукта они не заинтересованы, ибо продукт идет не на рынок, а на государственные склады, откуда он затем и поставляется потребителю на основе централизованной редиистрибуции и по условным ценам, не имеющим ничего общего ни с ценами свободного рынка, ни с подлинными затратами труда на производство этого продукта. Результат всем хорошо известен: незаинтересованность способствует снижению качества продукции, а гримозная система редиистрибуции с ее складами, конторами по снабжению, сбыту и т. п. влечет за собой гигантские потери в виде брака, порчи, хищений, накопления избыточных неликвидов там, где они не нужны, и нехватка их там, где без них нельзя обойтись, и т. д. и т. п. Словом, труд производителя обесценивается, становится непродуктивным. А ведь за счет этого труда необходимо содержать гигантски разбухший аппарат власти, аппарат принуждения и насилия,

включая самую большую в мире армию, многочисленные репрессивные органы, бюрократические ведомства и многое-многое другое, вплоть до бедных стран, избравших социалистический путь и логично надеющихся на помощь. Мало того, за счет непроизводительного труда работников необходимо сооружать все новые и все более непроизводительные производства, призванные брать количеством, а не качеством и слабо заинтересованные во внедрении новой и новейшей технологии, так как это требует огромных затрат и усилий, но экономически никак не окупается по все тем же уже названным причинам. Отсюда накопление производств и предприятий, оснащенных устаревшей технологией, производящих второ- и третьесортную продукцию и управляемых все увеличивающимися в числе и активно умножающимися дроблением ведомствами.

Неэффективность экономики и несоразмерные затраты на капитальное строительство и содержание постоянно возрастающих непроизводительных слоев общества определяют и уровень заработка в стране социализма. Нищенская средняя зарплата здесь становится особенно очевидной при сравнении с зарплатой труженика в развитых странах (в среднем эта разница примерно 1:10; но если сопоставлять размеры доли национального дохода на душу населения, то порой, как в случае с КНР и Тайванем, она может быть еще в полтора-два раза больше). Используя привычные термины и категории марксистской политэкономии, можно сделать общий вывод, что живущий при социализме неэксплуатируемый труженик существует в среднем на уровне на порядок ниже эксплуатируемого в развитой стране. Иными словами, оказывается, что капиталистическая или просто рыночно-частнособственническая эксплуатация человека человеком, все еще являющаяся неким мистическим пугалом для соответственно воспитанных и индоктринированных людей в странах социализма, экономически намного выгодней и для общества, и для экономики, и для человека, для самого эксплуатируемого труженика. Ситуация абсурдна, — но — увы! — реальна. Абсурдность эту видят ныне все (в кооперативах у нас средний заработок вдвое-втрое выше, чем на государственных предприятиях), но понять ее могут далеко не все: мешает социо-психологическая установка (кооперативы — плохо, эксплуатация — плохо, а социализм — это хорошо). Факт эксплуатации человека государством, эксплуатации предельно жестокой и столь же бездарной, с гигантскими потерями, при этом в расчет обычно не принимается, что опять-таки связано с привычными социо-психологическими стереотипами: государственное — это общее, это наше, как же можно эксплуатировать самих себя?!

2. Имманентным органическим пороком системы является то, что она основана на принуждении и насилии, причем насилии повседневному, повсеместному, насилию тотальному. Здесь дело не только в том, что призыв к насилию заложен в фундамент доктрины и считается своего рода священным и неприкосновенным ее атрибутом. Гораздо существеннее то, что без насилия эта система действительно не мо-

жет существовать. В этом смысле можно опять-таки говорить о ее преэминентности по отношению к традиционной «азиатской»: командно-административная структура в принципе не может быть иной, кроме как основанной на принуждении и насилии. Но столь же хорошо видна и разница, сводящаяся не столько даже к тотальности насилия (в обществах «поголовного рабства» принуждение тоже было «тотальным», хотя и несколько иного рода), сколько к формам, средствам и методам, устрашающе-бесчеловечным по характеру.

Поясню свою мысль. В традиционных обществах Востока даже при наиболее деспотических режимах власть никогда не относилась к народу в целом как к средству достижения каких-то более высоких целей. Свою задачу управители видели в том, чтобы наладить и навеки обеспечить стабильное существование, при котором низы исправно бы трудились и за счет своего труда безропотно содержали управителей, не претендуя при этом ни на что сверх им положенного. Разумеется, случались чрезвычайные обстоятельства, — кризисы, войны и др., — когда труженикам приходилось подтягивать пояса, а то и массами гибнуть от голода или под ударами завоевателей. Но это были экстремальные ситуации. Социализм отличается от обычной командно-административной системы традиционного общества тем, что здесь экстремальность возведена в норму. Люди все время должны приносить себя в жертву и быть готовыми отдать все, включая и свою жизнь, во имя интересов государства. К этому, собственно, сводится то самое сверхнапряжение, о котором уже шла речь.

Но как было его достичь? В общем то, как оказалось, это дело нехитрое. Мировая мысль еще в древности устами знаменитого древнекитайского реформатора Шан Яна сформулировала задачу так: «Слабый народ — сильное государство». Ослабить народ — значит усилить власть и в конечном счете достичь поставленной власти имущими цели. Едва ли Сталин слышал что-либо о Шан Яне. Но он, как и Ленин, без Шан Яна вполне уловил суть идеи, которая напрашивалась сама собой: сверхзадача, конечная цель доктрины марксизма — главное; народ же российский — средство достижения этой великой цели. Но народ может не понять этого. Он может сопротивляться. Стало быть, главная тактическая задача — сломить его сопротивление и заставить следовать по предложенному властями и освященному доктриной великому пути.

Итак, необходимо ослабить народ. Что имеется в виду? Отчуждение людей от собственности и от результатов их труда было первым и главным шагом на пути к их ослаблению. Но этого было мало. Нужно было ослабить их организационно и духовно, т. е. лишить опоры в обществе, в среде других: соседей, близких, сослуживцев, а также в идеях, вере, устремлениях, жизненных ценностях, целях и установках.

«Азиатские» общества организационно держались на сравнительно ограниченном аппарате управления (большего они экономически бы не вынесли), но зато этот аппарат опирался на многочисленные

самоуправляющиеся социальные корпорации (семья, клан, секта, каста, цех, землячество, община и т. п.), веками почти неизменно существовавшие в исторически сложившейся форме в соответствии с господствовавшими религиозно-культурными цивилизационными традициями. Власти обычно не только не вмешивались в эти формы и традиции, но ревниво сохраняли то и другое, резонно видя в этом опору стабильности режима и социума в целом. Вождям социалистического государства нужно было иное. Они не могли допустить традиционного господства отсталых и чуждых марксизму идей и традиций и вовсе не желали сохранения независимых и неподконтрольных властей социальных организаций. Как и в сфере экономики, в этом — в сфере социально-административной и интеллектуально-духовной, культурно-ценностной — они пошли дальше, вразрез с веками освященной привычной «азиатской» нормой существования командно-административной системы.

Как хорошо известно, все неподконтрольные властям социальные корпорации, вплоть до семьи, были либо разрушены и уничтожены, либо основательно подорваны изнутри. В пропаганде и художественной литературе активно поощрялось доносительство и предательство своих, близких, во имя блага системы, государства. Символом этой цели стал незабвенный и хорошо знакомый старшему поколению Павлик Морозов, чье имя до наших дней носят еще некоторые улицы и детские учреждения нашей страны. Я уж не говорю о том, что в случае активных преследований, арестов и последующих репрессий от «врага народа» принуждали отказываться его родных и близких, а «недоносительство» (ты должен был знать, что рядом с тобой «враг» или «шпион») каралось по всей строгости жестокого бесчеловечного закона. Социально-административное принуждение при этом тесно увязывалось с доктринально-духовным, культурно-ценностным. Гигантский и до мелочей отработанный аппарат пропаганды не только оглушал людей каждодневной целенаправленной индоктринацией, но и опустошал их мозги, лишал возможности самостоятельно думать, разрушал в их сознании привычные социо-культурные ценности, ломал устоявшиеся традиции, представлял в извращенном свете веками незыблемые институты, как например церковь, — словом, активно перевоспитывал человека, превращал его в нечто новое, в «гомо советикус», как это не без ехидства именовалось в специальных исследованиях зарубежных советологов.

И люди, хотя и не без сильного внутреннего сопротивления, изменялись. Вынуждены были изменяться, ибо были поставлены в соответствующие условия существования. Среди них были и активно верующие (я имею в виду веру в идеи марксизма, коммунизма), которые жестче других влияли на остальных, принуждая их или действуя личным примером. Но таких в любом обществе и всегда меньшинство, по некоторым подсчетам — около 15%. Остальные приспособлялись к ситуации, причем приспособлявавшиеся энергичнее других и проявлявшие при этом большую беспринципность и безнравствен-

ность поощрялись и вознаграждались, делали карьеру и вливались в ряды разбухавшего аппарата власти. Тем самым открывался широкий простор для вливания в социально-административные верхи беспринципной посредственности, которая достаточно быстро стала там абсолютно господствовать, вначале потеснив, а позже, после репрессий 30-х гг., и вовсе вытеснив бывшую интеллектуальную элиту марксизма и большевизма. И что поразительно! Партия этого как бы и не заметила, а власти были даже довольны: с послушными и нерассуждающими посредственностями в качестве подчиненных любому высокому начальнику было легче работать. В свою очередь и послушный аппарат охотно и умело приспособливался к потребностям высокого начальства и подавал факты так, чтобы это было приятно начальствующему уху и глазу.

Эта далеко не безобидная махинация, ставшая у нас повседневной нормой, тоже является одним из неискоренимых органических пороков институционализировавшейся системы. Желаемое выдается за действительное, неприглядная действительность искусно подгоняется под желаемый и долженствующий быть по духу доктрины эталон. Власти привыкают видеть в жизни то, что должно было бы в ней быть, и в упор не замечать того, чего в ней быть не должно. И не только привыкают сами, но и заставляют посредством мощной повседневной целенаправленной идеологической индоктринации поверить в это же всех остальных. Создается ситуация кривых зеркал или волшебных искажающих реальность очков, которые принудительно должны были носить все. Здесь, в этом пункте, от принуждения и насилия как внутренней сути системы и от бесчеловечности, умелого ослабления народа, обольщивания его целенаправленной идеологической индоктринацией, от поощрения усердствующей беспринципной посредственности как форм и следствий абсолютного господства тотального насилия мы вплотную подходим к еще одному, третьему, по нашему счету, важнейшему органическому пороку системы — к ее безнравственности, «двоемыслию».

3. Система вынуждает каждого быть безнравственным, бессовестным. Нравственно то, что служит делу пролетариата и, как следствие, олицетворяющей это дело политике государства. А так как политика имеет неотъемлемое от нее свойство время от времени изменяться, вместе с ней обязаны изменяться и нравственные установки. Нет нравственности вообще — есть классовая нравственность. Нет совести вообще — она тоже может быть лишь классовой. И если во имя интересов класса — как их сегодня формулируют власти — нужно вполне сознательно уничтожить слой за слоем, группу за группой невинных и безоружных людей (бывших дворян, духовенство, офицеров, казаков, зажиточных крестьян или просто случайно задержанных ЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ людей, выдаваемых за «врагов» и «шпионов») — их, не колеблясь, уничтожают. Больше того, втягивают в этот безжалостный процесс уничтожения невинных, включая женщин, стариков и детей, буквально всех, опять-таки под страхом стро-

того наказания (кто захочет завтра оказаться «врагом народа»?). От этого липкого и далеко не обоснованного всеобщего страха — предательство, доносы, потеря человеком чести и достоинства (если они у него были и осознавались им), а вместе с ними потеря нравственно-ориентира, потеря совести, потеря самого себя.

Разумеется, система энергично стремилась возместить эти потери очередной порцией идеологической индоктринации, новой ценностной ориентацией. Создавая «гомо советикуса», она имела в виду превратить всех в активных борцов за новый строй и мистическое светлое будущее. Не имея альтернативы и будучи припертыми к стенке, люди вынуждены были соглашаться на предлагаемые им новые ценности, сознательно и громко исповедовать их, учить им с малолетства своих детей (впрочем, об этом более всего заботилась официальная система воспитания подрастающего поколения и ее институты, начиная со школы и организаций типа октябрят, пионеров, комсомола). Подрастающее поколение, воспитанное с детства в новом духе, обычно стопроцентно и вполне искренне верило всему тому, чему их учили и что им внушали. Но подрастая и начиная осмысливать жизнь самостоятельно, молодые — во всяком случае многие из них — видели несоответствие реальности лозунгам, суровой истины жизни лживым тезисам официальной пропаганды. Видели и порой готовы были протестовать. Но тут-то и выходили на передний план жесткие механизмы принуждения, запугивания, подкупа успешной карьерой и повседневной индоктринации в духе упомянутого уже «двоемыслия». И все эти механизмы в целом до поры до времени достаточно успешно срабатывали, хотя и со все уменьшающейся результативностью.

Как конкретно работали эти механизмы? Что касается запугивания принуждения, подкупа — об этом частично уже было сказано. Можно добавить к сказанному, что если человек недовольный, сомневающийся и тем более бунтующий просто уничтожался системой, изолировался ею от общества в застенках ГУЛАГа (куда, к слову, попадали и многие ни в чем неповинные, даже ревностные сторонники системы — через ГУЛАГ, как известно, прошло несколько десятков миллионов репрессированных граждан страны), то обычный и не склонный очень-то задумываться над устройством общества гражданин, точнее подданный государства ставился этими механизмами в жесткую и весьма однозначную позицию. Государство дает ему работу и платит за это столько, сколько считает нужным. Дает жилплощадь (термин, на другие языки непереводаемый) и перспективу, далеко не обязательно реализуемую на практике, получить когда-либо скромную квартиру в качестве награды за хорошую службу, за выслугу. Каждый ради этой милости служит государству в меру своих сил и возможностей, причем ради увеличения размеров подачи готов унижаться перед представителем власти, от которого реально все зависит. Характерно, что благосостояние человека и его семьи зависит не от труда, его количества, качества, производительности (за небольшими исключениями, касающимися тарифной квалификации

или образовательного ценза, специализации, такого рода зависимость блокируется экономическим механизмом, о чем шла речь выше, в пункте первом), но прежде всего от его поведения. И не только от степени лояльности или оппозиционности по отношению к власти (об этом нет и речи, это все идет уже как бы по другому ведомству и приводит в конечном счете ко все тому же всемогущему и вездесущему ГУЛАГу), но от степени беспринципности, аморальности, угодливости и старательности в соблюдении принятых и навязанных всем системой правил игры. Каждый не принадлежит сам себе и не должен стремиться стать и быть самым собой. Каждый должен делать то, чего от него ждет система, — если он, разумеется, хочет чего-то добиться, что-то иметь в жизни. Или, в конечном счете, человек — не индивидуум, не личность, не гражданин. Он подданный, если угодно — раб, во всяком случае винтик системы. И именно в этом безнравственность системы, один из основных и неисправимых органических пороков ее.

Превращение человека — даже если социальный генотип и в прошлом содержал больше черт подданного, нежели гражданина, как то имеет место в случае с Россией, — в homo советикус привело к потере им многого из того, что должно быть присуще человеку. Последствия дегуманизации, девальвации нравственности, переключения нравственного долга и социальных обязательств в сторону интересов системы, государства сыграли решающую роль в разрушении нашего общества и человека как члена этого общества. Отчужденный от собственности, от хозяйства, от забот о завтрашнем дне, ограниченный в возможностях заработать и вынужденный довольствоваться мизерными пайковыми выдачами (будь то зарплата, продовольственное и промтоварное снабжение или жилье), человек поневоле опускается, перестает заботиться о себе и о своих ближних, не говоря уже об остальных, о дальних. Никто не задумывается о судьбах стариков, одиноких, страдающих, падших. Никому нет дела до безнадзорных детей, обитающих при заливающих бессмысленность своего существования алкоголем родителей. Растет преступность, особенно среди малолетних. Страшно умирают в домах для престарелых обобранные всеми старики. Гибнет загаженная вредными выбросами и равнодушными людьми природа. Сделать что-либо для исправления создавшегося положения система как таковая не в состоянии — это естественный результат органических ее пороков. Единственное, что она может, — это не замечать своих пороков и их социально-нравственных последствий. И до поры до времени все усилия системы были направлены именно на это, что привело к неслыханному расцвету двоемыслия. Вот несколько достаточно ярких примеров.

— *Свобода* — едва ли не наивысшая из социальных и нравственных ценностей цивилизации. Под лозунгом свободы происходили все великие революции, изменившие облик мира за последние два с лишним века. Но что такое свобода с точки зрения нашей официальной пропаганды? Чтобы не быть голословным, сошлюсь на убийственный

факт, говорящий сам за себя. Всем известен расхожий термин нашей публицистики — «Остров свободы». Речь о Кубе, где со свободой обстоит дело примерно так же, как обстояло у нас. Так о какой же свободе может идти речь в стране, где никто не смеет пикнуть иначе, чем то представляется правильным Ф. Кастро? Вот тут-то и вся загвоздка. Речь не вообще о свободе в общепризнанном смысле этого слова. Речь о нашей свободе, о том, как она должна восприниматься и прославляться у нас, в мире победившего и успешно побеждающего социализма. И вовсе не беда, что в нашей системе нет места для свободы — ни экономической, столь полюбившейся Марксу, ни какой-либо другой, что у нас абсолютно господствовала до недавнего времени как раз полная несвобода (что соответствует классической формуле двоемыслия по Оруэллу: «свобода — это рабство»). Это никогда не мешало громко внушать нам, что мы — самые свободные в мире люди, что по сравнению с нами весь остальной мир несвободен (Сталин назидательно говорил о «ярме капиталистического рабства»). Отсюда и ведет свое происхождение очень показательная формула «Остров свободы» — ведь этот остров сравнивается ни больше и ни меньше, как со всем американским континентом, континентом «несвободы», как должен понимать каждый. И люди верили, а многие, видимо, и до сих пор верят, что свобода — именно на Кубе, а вся прочая Америка и особенно Соединенные Штаты являются символом несвободы, «капиталистического рабства». Вот уж поистине, рабство — это свобода, а свобода — это рабство.

— *Демократия, народовластие.* В нашей стране вот уже много десятилетий всем было хорошо известно, что наша демократия — самая лучшая, самая подлинная, самая народная. Еще бы, в наших советах и прежде всего в Верховном, в парламенте страны, всегда заседали не кто-нибудь, не капиталисты и их ученые лакеи и прихвостни, а самые что ни на есть рабочие и крестьяне. Именно у нас всем управляет передовой класс. Правда, от его имени обычно говорила партия нового типа, формально и фактически народу и вообще никому не подотчетная, никем не избиравшаяся и никому не подчинявшаяся, а от имени этой жестко централизованной партии — ее административная элита, номенклатура во главе с практически несменяемым пожизненно властвующим вождем. Но при этом всем всегда четко разъяснялось, что у партии нет иных интересов, кроме интересов народа, что партия и народ едины. А коль скоро так, то есть ли основания сомневаться в том, что масса послушно голосующих за все разработки и указания партаппарата депутатов как раз и олицетворяет собой лучшую в мире демократию, квинтэссенцию подлинного — а не, скажем, буржуазного — народовластия? Народ высказывает весьма четко и предельно единодушно свое мнение (вспомним, каковы всегда бывали у нас результаты выборов: за, как теперь говорят, безальтернативного кандидата — 99,99% голосов!), а кто с этим не согласен — в лучшем случае отщепенцы, если не просто враги. Итог подвести несложно: де-

мократия — это диктатура, а диктатура — демократия, опять-таки почти по Оруэллу.

— *Уважение к труду и людям труда, плата «по труду».* Это очередной миф, который многие из нас привыкли считать за правду. Сколько сил, времени, энергии потратила наша пропаганда, чтобы убедить нас в том, что именно здесь, в странах социализма — а не «у них» — уважают труд и людей труда. И люди верили, при всем том, что едва ли не каждый на своем рабочем месте видел, как обезличивается, официально усредняется и, как правило, никем не уважается его труд — труд в силу условий малопроизводительный, чаще всего неэффективный, а порой и бессмысленный (мало ли производств и учреждений, где вся работа — заведомый общепризнанный брак?!). Ведь до предела ясно, что за хороший результативный труд нужно хорошо платить, а коль скоро у нас платят всем мало, то нет стимула хорошо трудиться. И если так, то откуда взяться уважению? Плата за результаты труда — момент едва ли не решающий. Только она стимулирует качество труда, как это видно на примере развитых стран, где хороший труд хорошо оплачивается, а хорошего труженика — независимо от его общественно-политических убеждений — уважают и ценят. Работа — деньги — жизненные блага являют собой естественную логически связанную цепочку реальных взаимозависимостей «там».

Конечно, в мире капитала и частных собственников отнюдь не все «по труду». Там есть богатые, не очень-то много работающие (хотя справедливости ради стоит заметить, что обычно много работают почти все, включая миллиардеров). Но что характерно: «там» получают если не всегда «по труду», то всегда за результаты труда. И — никаких никому привилегий, если не считать за привилегии помощь немощным, больным, слабым, одиноким и т. п. Не то у нас, где далеко не все можно купить даже за честно заработанные деньги, где и шага нельзя ступить без каких-либо льгот и привилегий и где откровенно уважают лишь тех, кто привилегирован и имеет то, чего не имеет большинство. И это норма в гордящемся своим социальным равенством обществе социализма, причем далеко не только у нас — достаточно напомнить, что едва ли не главным лозунгом студентов, задавленных танками на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., было требование пресечь коррупцию правящих партийно-административных верхов, отнять у этих верхов столь привычные для них привилегии. Стоит напомнить в этой связи и о семье Чаушеску.

— *Социальное обеспечение и социальные гарантии.* Вообще-то именно это — едва ли не самое главное в настоящем, идеальном социализме. Немало сделали в этом плане социал-демократические партии стран развитого мира. Но много ли в реальности сделано у нас? У нас бесплатное лечение, бесплатное образование — и долгие десятилетия все это выдавалось за великие достижения, коренным образом отличающие наш строй от «тамошнего», где за лечение и учение надо платить, причем порой немало. Начнем с того, что бесплатного ниче-

го в мире не бывает, как в природе не бывает пустоты. Все что-либо стоит, кому-то принадлежит, за все кто-то платит. Каждый из нас платит и за учение, и за лечение, и за все остальные будто бы «бесплатные» социальные блага, включая ничтожно малую квартплату (за очень скверное жилье) и т. п. Платит столько, сколько в состоянии заплатить. Точнее даже не платит — просто выдающее ему зарплату государство заранее вычитает из заработка ту долю, которая потом ассигнуется через систему централизованной редистрибуции на нужды просвещения, образования, коммунального хозяйства, обеспечения стариков и инвалидов и т. п. Поэтому все это не бесплатное. Но зато бесплатность пользования приносит огромный вред.

Во-первых, влечет за собой низкий уровень зарплаты врачей и учителей и, как следствие, низкое качество их труда, катастрофическое состояние систем обучения и здравоохранения, коммунального хозяйства и социального обеспечения. Во-вторых, питает неравенство — те самые привилегии, о которых уже шла речь. В системе просвещения они наименьшие, в системе здравоохранения — очень заметные (одних лечат хорошие врачи в оборудованных кабинетах и благоустроенных больницах и санаториях, а другие, большинство, стоят в огромной очереди к замученному огромной нагрузкой участковому врачу, лечатся в переполненных поликлиниках и лежат в больницах, где на питание и обслуживание больницы ассигнуются жалкие гроши), а в системе коммунального хозяйства — прямо-таки огромные (у одних роскошные особняки и дачи, великолепные многокомнатные квартиры с изысканной внутренней планировкой, прекрасным сантехническим оборудованием в хорошем тихом месте города, тогда как у большинства — тесные небольшие квартирки, а то и просто комнаты в общежитии или коммунальной квартире, если даже не в деревянном бараке; некоторые, как известно, вообще никакого жилья не имеют, причем таких не так уж мало. Что же касается сирот и инвалидов, безнадзорных детей и одиноких стариков, то по отношению к ним наша система социального обеспечения — злая мачеха. Мачеха, которая благоволит только к своим родным, к персональным пенсионерам, к ветеранам КПСС.

— *Национальный вопрос.* Как и многие империи, Россия на протяжении ряда веков была страной не просто многонациональной, но состоявшей из ряда завоеванных ею и присоединенных к Руси государств. Пропаганда после образования СССР в конце 1922 г. неустанно твердила о том, что, если царская Россия была тюрьмой народов, то СССР — воплощение подлинно социалистического решения национального вопроса. У нас господствуют интернационализм и дружба народов, нет и не может быть никаких межнациональных конфликтов, вражды и вообще проблем. И их действительно не было, во всяком случае серьезных. Все они были силой загнаны внутрь, люди не смели поднять головы и подумать о себе. А в это время исчезали с лица земли или деградировали малые народы Сибири и севера страны, подвергались преследованиям и переселялись с места на место, теряя

по дороге и в новых непривычных условиях добрую четверть своего состава, объявленные без суда виновными другие народы, дискриминировались при приеме в вузы или на работу третьи.

Говоря о двоемыслии, стоит обратить внимание на один общий и очень существенный для нашей жизни аспект, который я назвал бы лингвистическо-терминологическим. Практика двоемыслия выработала в пропаганде и, как следствие, у каждого из нас не только четкую систему мифов, но и едва ли не более четкую и жесткую систему символов и знаков (вспомним оруэлловский новояз), причем знаков в рамках полярной черно-белой шкалы ценностей. Каждый с детства хорошо знал и знает, что наше и что чужое, какие слова следует использовать для обозначения всего нашего, хорошего, и какие — для обозначения всего того, заведомо плохого, что имеется и творится «там». И эти устойчивые стереотипы сознания формируют социо-психологические установки — те самые, что так долго позволяли и до сих пор по меньшей мере по отношению к значительной части населения позволяют представлять все вещи в искаженном свете. Простые примеры: частная собственность — зло (при всем том, что всем видно, к чему привело отчуждение людей от собственности, от результатов их труда и заинтересованности в этих результатах); эксплуатация — «там» (при всем том, что людей безжалостно эксплуатирует наше государство), прогрессивные — мы и все те, кто с нами; передовая социально-экономическая система — наша, а капитализм — худшее из зол (при всем том, что буквально все видят, что во много раз лучше обстоят дела и лучше живут люди именно «там»). Казалось бы, чего проще: снимите очки, протрите глаза, постарайтесь увидеть то, что есть на самом деле! Но все не так просто! Трудно снять очки, привычно направленные розовой стороной к нам и черной — туда, ибо они за годы жизни как бы приросли к носу. Еще трудней — во всяком случае для человека, не привыкшего много рассуждать и тем более сомневаться, — протереть глаза, ибо на них слишком густая пелена многолетней каждодневной индоктринации. Вот почему, хотя внешне проблема, о которой идет речь, выглядит лингвистическо-терминологической, на деле она мировоззренческо-социопсихологическая. Двоемыслие, если к нему приучать и им каждодневно пользоваться с детства, превращается в весьма устойчивый стереотип, сломить влияние которого, даже чуть ли не насильно открывая людям глаза, весьма не просто.

Коллапс и грядущее крушение системы

Все тесно связанные между собой органические пороки системы, от ее экономической неэффективности до многогранного патологического двоемыслия, неизбежно вели и не могли не вести к внутреннему ее ослаблению, к кризису. В отличие от классических «азиатских» обществ с аналогичной командно-административной структурой сконструированные по сталинской модели социалистические могли суще-

ствовать лишь в искусственно создаваемых экстремальных условиях. Стоит чуть отпустить вожжи — и система оказывается нежизнеспособной, разваливается на глазах. Отсюда вечный поиск «врагов», чередующиеся кампании репрессий, жесткий каждодневный прессинг идеологического оболванивания. Но при всем очевидном стремлении власть имущих сохранить статус-кво наступает рано или поздно момент, когда социум более не в состоянии функционировать во взнузданном состоянии: нужна релаксация. В нашей стране этот момент настал после смерти тирана.

На смену режима личной диктатуры пришла власть несменяемой и уверовавшей в свою безнаказанность номенклатуры.

Переход от высшей власти диктатора к будничному произволу номенклатуры сильно изменил ситуацию. Бюрократия, — согласно полшутливому, но точно сформулированному закону Паркинсона, — имеет явственно выраженную тенденцию к дроблению и количественному росту, что влечет за собой появление новых ведомств, контор и инстанций. А это, как легко понять, сильно затрудняет работу административного аппарата в целом: там, где раньше было достаточно негромкого слова вождя (все мгновенно мобилизовывались и дружно исполняли приказ), теперь появляется длительный путь коллективных согласований и иерархической лестницы инстанций, что нередко превращает первоначальный замысел в ничто, а то и в его прямую противоположность. Все при деле, а дело не идет. Грандиозно возросшая и продолжающая нерационально расти машина государственных предприятий и учреждений начинает во все большем масштабе работать вхолостую либо на обслуживание собственных нужд, на саму себя. Это, естественно, не может не сказаться на структуре в целом, постепенно входящей в состояние коллапса.

Но это еще полбеды. Гораздо хуже, что в качестве компенсации нерационального управления со стороны раздувшегося аппарата власти появляется принципиально новый механизм, берущий на себя ту долю централизованной редистрибуции, с которой явно не справляется администрация.

Речь о рынке — но не свободном и даже не об официально разрешенном и контролируемом властями, а о нелегальном черном рынке, о теневой экономике, начинающей именно в этих условиях чудовищно расти. Напрашивается вывод: теряя жизнеспособность в условиях относительной релаксации, система структурно трансформируется, принимая все более уродливые формы. Не имея более возможности опираться на веру и страх, на сверхэнтузиазм и сверхперенапряжение, она вынуждена опереться на разбухающую и по мере роста становящуюся все более неработоспособной бюрократическую номенклатуру и на компенсирующий эти слабости анти-рынок, официально не признанную теневую экономику, по мере дальнейшего коллапса режима все очевидней срачивающуюся с представителями власти.

На определенном этапе процесса трансформации наступает кризис, а затем и состояние коллапса, которое наша страна переживает

сейчас. Кризис следует считать закономерным результатом логического саморазвития тоталитарной системы подобного рода — об этом свидетельствуют аналогичные ситуации в иных странах, начиная с Китая и кончая Кампучией.

Кампучийский вариант — при всей его карикатурности (с точки зрения теории, но не судеб социума, пережившего трагедию!) — страшен именно тем, что здесь в миниатюре отчетливо видны, как на испытательном стенде, институциональные и иные пороки системы как таковой.

Кризис общий, глобальный, свидетельствующий о том, что социализм как система обанкротился. Люди хотя и привыкли к окружающей их с детства убогой жизни и даже сохраняют наивно-святую веру в магические слова-термины, в цели режима больше не верят и выкладываются ради них не станут. Каков же выход?

Собственно, все сводится к тому, чтобы решить вопрос, что следует изменить и как именно это нужно менять. Внутренние имманентные системе пороки очевидны ныне для всех. Известна и альтернатива — рыночное хозяйство, основанное на свободной конкуренции заинтересованных в результатах своего труда производителей, работников, менеджеров, предприятий и фирм. Но ведь страны, разбогатевшие на основе рыночного хозяйства — это государства, привычно воспринимаемые нами как капиталистические, при всем их национальном своеобразии, от Японии до Финляндии. А капитализм — это тот самый строй, для уничтожения которого свершалась революция и ради гибели которого в одной только нашей стране загублены десятки миллионов жизней. Перед нашей перестройкой, а точнее — перед возглавившей ее партией встает непростая дилемма: либо открыто признать, что капитализм как строй совершеннее социализма, либо попытаться кое-что подлатать (перестроить), сохранив социализм как знамя и привычную социо-психологическую ориентацию на образ жизни, совместимый с социальной дифференциацией, иждивенчеством, полунищенским уравнивательным потреблением. Как решить дилемму, что предпочесть?

На мой взгляд — да и на взгляд многих — совершенно очевидно, что поиски выхода из кризиса практически могут вестись только в одном направлении — в направлении сближения с мировой реальностью, причем не просто с мировой (в мире преобладают развивающиеся страны, многие из которых находятся тоже в кризисном состоянии и примерно по тем же причинам, что и наша, о чем уже упоминалось в связи с проблематикой «азиатского» способа производства), а с европейской, еврокапиталистической, основанной на принципах рыночного хозяйства, свободы и демократии, на закрепленных правовыми нормами гарантиях для меньшинства, вплоть до независимо мыслящего индивида.

Но, коль скоро так, то вся экономика должна не перестроиться, а коренным образом измениться в соответствии с нормами свободного капиталистического рынка. И не следует этого бояться. Не нужно

поддаваться магии слова. Капитализм ныне совсем не тот, что был во времена Маркса. Он во многом сблизился с тем стандартом обобщественного производства, о котором мечтал Маркс и путь к которому он видел лишь в насильственной революции. На современном капиталистическом рынке все большую роль играют акционерные предприятия и фирмы, в качестве владельцев-пайщиков которых нередко выступают сами рабочие этих предприятий, не говоря уже об огромном развитии объединений кооперативного типа. Заправляют рынком не столько хищники-стяжатели, являвшие собой типичную фигуру капиталиста времен Маркса, сколько опытные профессионалы-менеджеры, функционально ничем не отличающиеся от наших директоров и министров, но зато несравнимые с ними с точки зрения условий и результатов их деятельности. Что же касается заработной платы и уровня жизни в развитых капиталистических странах, то об этом уже шла речь. Мало того: те, кто по какой-либо уважительной причине не работает или не может устроиться в жизни, тоже обеспечены, для чего существует огромная и в деталях расписанная программа социального обеспечения, характерная не только для стран, руководимых социал-демократическими правительствами (хотя для них в первую очередь и в наилучшем виде). Конечно, есть и безработные и бездомные (вопрос, сколько их на каждого из наших бездомных и бродяг, так называемых бомжей, а теперь уже также и наших безработных), причем именно о них охотней всего всегда писала наша пресса. Но кто говорит, что в странах капитала нет язв? Другое дело — нам ли скорбеть об их язвах? Не лучше ли сопоставить их со своими и сделать разумный вывод?

Надо сказать, что вывод такого рода не только напрашивается сам собой, но уже и делается. За последний год в странах Восточной Европы не столько начали перестраивать социализм, сколько молниеносно от этой идеи отошли, предпочтя ей безо всяких колебаний апробированный западноевропейский стандарт. Разумеется, у нас дело обстоит и не может не обстоять много сложнее: ни в одной из небольших стран социализма восточноевропейского региона нет такой нищеты, столь тотального огосударствления, нет столь жгучих национальных проблем, восходящих к имперскому великодержавию, нет, наконец, сколько-нибудь сопоставимого военно-промышленного комплекса, ежегодно пожирающего не менее полутора-двухсот миллиардов и не желающего существенно умерить свои аппетиты. Все это весомые препятствия на пути радикальной ломки существующего строя. Но есть и иные. Выше уже говорилось о силе индоктринации и магии слов, окутывающих сознание людей свыше 70 лет. Стоит напомнить и о социо-психологических стереотипах, выработанных условиями жизни и индоктринацией и вошедших в плоть и кровь наших людей. Дело в том, что для большинства социализм с его пусть полунищенским, но гарантированным пайковым потреблением воспринимается как синица в руках. Люди привыкли к системе раздачи и многие из них разучились трудиться. Они психологически не готовы к

жизни в условиях риска, рыночной конкуренции — не говоря уже о том, что по меньшей мере два-три поколения наших современников воспитаны в духе ненависти к свободному предпринимательству и рыночно-частнособственнической стихии. К тому же первые попытки перехода к рыночной экономике за последние годы почти целиком вылились в эксперимент с кооперативами. Эксперимент этот пока что принес негативных результатов едва ли не более, чем позитивных. Не давая простора подлинному рынку и стремясь привычно командовать экономикой, административная власть создала для кооперативов такие условия, что те не только не заботятся о будущем их дела, о расширении оборота и т. п., но напротив, все усилия прилагают для того, чтобы получить максимальную выгоду как можно скорее, сейчас, пока власти вовсе не прикрыли их дело. Если прибавить к этому все- сильный рэкет, уголовный и административный, то вывод опять-таки однозначен: для нормального рынка мы еще не готовы, а попытки создать его прежде всего приводят к легализации и усилению черного рынка, все углубляющейся язвы нашего строя.

Эксперимент с незаписимым крестьянином-фермером непозволительно затянулся и практически не реализован даже на шестом году перестройки, хотя разговоров на эту тему много. Причины тоже очевидны: люди не вполне еще готовы взять землю и хозяйство на полную свою ответственность, а власти еще меньше готовы отдать желающим пригодные для хозяйствования земли и средства производства, которыми пока что монопольно и неэффективно владеют колхозы и совхозы. Для всего этого тоже нужны реформы, связанные с функционированием свободного рынка, а рынок пока не создан и создать его не просто.

В тисках государственной экономики задыхается ориентированная на план и вал промышленности, умирает научно-техническая мысль, влачат жалкое существование все прочие отрасли хозяйства, вся сфера обслуживания и т. д. и т. п. Все завязано единым тугим узлом. Казалось бы, чего проще — разрубить узел единым взмахом меча решительной реформы, снять все взаимные обязательства (планы, фонды, поставки и т. п.) и создать вместо этого свободный рынок с открытой конкуренцией фирм и товаров. Но как разрубить, если страна к этому не готова? Не готова потому, что слишком долго жила при социализме.

Мы традиционно привыкли считать наш социализм нашим безусловным преимуществом. Увы, на деле это вовсе не так. Это наш тяжелый крест, который мы уже не в состоянии нести на себе. Оттого и спотыкаемся все чаще, оттого и ноги у нас подгибаются, и движение резко замедляется... Конечно, этот крест наш, мы сроднились с ним, привыкли гордиться им, видеть именно в нем наше принципиальное отличие от других, лишенных его и потому в чем-то существенном ущербных. Дорог крест еще и потому, что слишком уж много за него заплачено. Эта плата — плата преимущественно кровью, миллионами жизней, — встала невидимой, но плотной стеной между нами и

реальностью. Мы видим реальность только сквозь призму, как бы невидящими адекватно глазами. Но не пора ли открыть глаза и отрешиться от застлавшей их пелены? Не пора ли адекватно осознать реальность и вслух сказать — сказать самим себе прежде всего, — что нашему лучшему будущему мешают прежде всего не махровые бюрократы, цепляющиеся за власть, не ведомственность и неэффективность экономики как таковой, а наш социализм. Конечно, именно это обычно имеют в виду, когда говорят об административно-командной системе, об устаревших принципах бестоварного хозяйства распределительного социализма и т. п. Но все эти формулы лишь эвфемизмы. А использование эвфемизмов — подчас вынужденное — лишает возможности четко вскрыть причины, дойти до самой сути. Суть же в том, что силы, саботирующие перестройку или мечтающие свести ее до уровня латания наиболее заметных дыр — это есть силы нашего социализма, твердо стоящие на почве генеральных принципов той самой сформулированной еще Марксом, воплощенной в жизнь в России Лениным и доведенной до абсурда Сталиным (и Мао, не говоря уже о других) системы, к которой мы столь привыкли и которую теперь вынуждены заменить на что-то иное. Я подчеркиваю — вынуждены, ибо далеко не все хотят этого, смирились с этим.

Силы, саботирующие перестройку, твердо стоят на основе привычных принципов и справедливо — стоит это подчеркнуть — считают именно их социалистическими, марксистско-ленинскими. И именно поэтому позиции этих сил очень весомы. Если представить себе, что они возьмут у нас верх, — а это никак не исключено — то именно генеральные принципы нашего социализма, последовательно реализуемые этими силами (даже если существующий строй будет чуть подлатан и обогащен приемлемыми для номенклатуры изменениями), обусловят и в дальнейшем прогрессирующее наше отставание от стандартов развитого капиталистического мира.

В рамках предлагаемой мною постановки проблемы вопрос в конечном счете сводится к одному: как же все-таки с социализмом, труп он уже или от нашей системы может и должно что-то остаться? И если да, то что именно? Дабы раз и навсегда снять этот вопрос вопросов, сразу же и ответу на него: все то, что реально дает и может дать людям социализм как светлая идея (социальная справедливость и социальные гарантии, социальная помощь нуждающимся и обездоленным, равенство перед законом и гуманистическо-демократические формы организации жизни, да и многое-многое другое, тесно со всем упомянутым связанное и близкое к нему), уже реализовано в большей или меньшей мере в странах развитого мира, причем не только в социал-демократических, но и в таких стопроцентно-капиталистических, как США или Япония. Но если так, то это может означать лишь одно: пора перестать спекулировать на насыщенном двояком смысле и насквозь ложном противопоставлении системы социализма системе капитализма в том смысле, как мы к этому привыкли (у нас хорошо, «там» — плохо). Пора открыто признать, что хорошо именно «там», а

плохо — у нас. Признать и сделать соответствующие выводы. Собственно, эти выводы уже делаются в наши дни и на наших глазах. Просто не все это адекватно осознано. Речь о феномене антисоциалистических революций, под знаком которых прошел конец 1989 и идет 1990 г. Что имеется в виду?

Революция против системы социализма

Как известно, именно 1989 г. стал кульминацией процесса, подсудно давно назревавшего и периодически проявлявшегося в странах социалистической системы в достаточно заметной форме (я имею в виду выступления против новых порядков в ГДР в 1953, в Венгрии в 1956, в Чехословакии в 1968, в Польше в 80-х). В том, что эти выступления были особенно заметными в странах Восточной Европы, нет ничего удивительного: именно там был минимум веры и энтузиазма, а режим держался только на принуждении, что в немалой степени было связано с тем, что в этом регионе, где уже сравнительно давно упрочились нормы еврокапитализма, социализм как командно-административная структура был чем-то генетически чуждым, чего не скажешь о России и странах вне Европы. Обычно любые выступления против системы социализма объявлялись происками внутренней и внешней контрреволюции и на этом основании жестоко подавлялись. Здесь была своя логика: коль скоро социализм как система — порождение революционной ломки социума, как то считалось и во многом было на самом деле, то сопротивление этой радикальной перемене можно было считать контрреволюцией.

Но во-первых, в Восточной Европе социализм как система был навязан грубой силой, а не явился результатом спонтанной революции, а во-вторых, где тот предел, за которым революция, как то очевидно на примере нашей страны, превращается в свою противоположность и порождает объективную потребность в низвержении навязанного ею социуму режима? Для Восточной Европы этого предела вообще не было — с самого начала режим был навязан и должен был вызывать сопротивление. Для нас пределом следует считать двадцатые годы, когда лозунги мировой революции исчерпали себя, а строительство социализма превратилось в восстановление имперской мощи, в создание тоталитарного государства; тридцатые-сороковые годы с этой точки зрения были периодом шока, пятидесятые-шестидесятые — кризиса веры, а семидесятые-восемидесятые — периодом прозрения и активной революционной борьбы, которая была начата лучшими из наших сограждан во главе с Сахаровым и Солженицыным. И эта борьба, которая властями клеймилась как контрреволюция (как то было и в годы активных выступлений в странах Восточной Европы), имела самое прямое отношение к феномену антисоциалистических революций, о котором теперь идет речь. Ибо целью борьбы было выступление против устаревших, мешающих развитию страны и расцвету социума порядков, а ведь именно такая си-

туация всеми, — включая и едва ли не в первую очередь марксистов, активнее других разрабатывающих тему и проблемы революции, — является основным критерием, определяющим правомочность и оправданность именно революции (а не контрреволюции!).

Антисоциалистические революции в Восточной Европе — как только был ослаблен силовой импульс извне, с нашей стороны, — победили на удивление легко и быстро, о чем уже упоминалось. Социалистический режим здесь был быстро отторгнут как нечто чуждое, наносное, неорганичное, после чего был взят энергичный курс на сближение с привычными для европейцев нормами еврокапитализма. Не то у нас, где в результате революционной борьбы инакомыслящих, расшатавшей устой структуры, и под давлением острого экономического и социального кризиса была начата революция сверху. Естественно, что революция эта была иной, что она приняла затяжные формы, она официально иначе именуется (сначала это было просто некое «ускорение», потом более серьезное — перестройка) и даже внешне ставит перед собой иные цели (усовершенствовать все тот же обанкротившийся социализм как систему). Но как бы то ни было, именно она, эта революция сверху, начатая по инициативе Горбачева и, насколько можно судить, задуманная как продолжение Октябрьской революции, на самом деле рано или поздно, но неизбежно должна сыграть в нашей стране примерно ту же роль, что сыграли антисоциалистические революции в Восточной Европе.

Дело в том, что Октябрьский переворот ставил своей целью уничтожить частную собственность и капиталистический рынок, ликвидировать все непролетарские классы, включая крестьянство как класс собственников. Считалось, что это и будет вкладом России в мировую революцию. После же провала расчетов на мировую революцию и принятия сталинского плана создания мощной тоталитарной империи стало очевидно, что новый режим отличается от докапиталистического российского лишь доведением до абсурда элементов той структуры, с которой имели дело Иван Грозный и Петр Великий, естественно, с поправкой на современность (индустриализация и т. п.). Еще позже оказалось, что основанный на насилии режим, лишивший социум рынка, института частной собственности и официально признаваемых собственников, нежизнеспособен и что ради выхода из тяжелейшего и охватившего все стороны жизни страны и народа кризиса следует вернуться именно к этим сознательно уничтоженным институтам. Как оказалось, именно без них современный социум не в состоянии нормально существовать и развиваться. А это, как ясно любому, прямо противоположно целям, задачам, лозунгам и конкретным результатам деятельности социалистической революции. Стало быть, революционная ломка сегодняшнего дня и у нас — не только в Восточной Европе — является ничем иным, как антисоциалистической революцией, если не по лозунгам, то, что гораздо существенней, по целям, задачам, конкретной целенаправленной деятельности.

Необычность и сложность в том, что эта революция начата сверху и что поэтому у власти стоят те самые люди, тот самый аппарат администрации, которые довели страну до состояния тяжелейшего кризиса и ответственны за это. И это не просто бюрократическая структура, хотя и от нее в случае нужды избавиться весьма нелегко. Это созданная еще Лениным мощная централизованная партийно-административная корпорация, монополизированная власть, ибо власть у нас — синоним принадлежности к высшим слоям партаппарата. Вплоть до недавнего времени, до альтернативных выборов 1989 и 1990 гг., представителями народа во всех органах управления были отобранные партаппаратом и обязанные своим местом именно партийным боссам — а не народу — администраторы.

И хотя за последние годы многое изменилось, эта особенность власти не просто дает о себе знать, но едва ли не определяет развитие событий. Ведь тормозят перестройку, не выпуская рычагов власти, именно те, кто принадлежит к аппарату власти и привык зависеть от вышестоящего партийного руководства, но никак не от давления снизу, тем более от выбора простых людей. И отказ в такого рода выборе, в доверии масс, а еще более практические следствия такого отказа резонно воспринимаются ими как крушение привычного порядка.

Обеспокоенный аппарат давит на руководство партии, требуя гарантий, восстановления статус-кво. И руководство, включая прежде всего генерального секретаря партии, не может не реагировать на это давление, отсюда и половинчатость многих его реформ, непоследовательность в решении важнейших, принципиальнейших задач перестройки. Конечно, в партийном аппарате власти есть не только косные силы. Но в том-то и сложность, даже в некотором смысле безвыходность, тупиковость ситуации, что различные социальные силы в одной и той же структуре власти, в партаппарате, тянут в разные стороны. И более того, те, кто последователен в стремлении к перестройке, явно не в большинстве (состав политбюро ЦК партии в этом смысле в принципе достаточно адекватно отражает соотношение сил в партии и даже в стране в целом). Это-то и вынуждает руководство лавировать, избирать осторожные и половинчатые меры, не форсировать радикальные преобразования. Но, следуя такому курсу, оно все более ведет в тупик, ибо именно в результате непоследовательности и половинчатости мер положение в стране ухудшается: скованные оговорками и запретами вчерашнего дня новые реформы не работают, а разрушаемые нововведениями старые принципы управления дают все больше сбоев. Идти же на радикальные меры не дает тормозящий их аппарат власти, не считается с которым руководство не может. И хотя время от времени предпринимаются меры для ослабления позиций ретроградов в высшем эшелоне власти, это не очень-то помогает: занявшие места вытесненных новые люди функционально оказываются в том же положении, что и их предшественники, и потому ведут себя примерно таким же образом. Вот поэтому-то и необходимо было изменить привычную структуру власти.

Сначала стране были предложены альтернативные выборы — шокирующее социум новшество, которое люди далеко не сразу сумели осознать и тем более реализовать в своих интересах. Тем не менее, выборы прошли весьма успешно в том смысле, что хотя в депутаты прошло свыше 80% членов КПСС (казалось бы, вслед за генсеком торжествует возглавляемая им все та же исстари управлявшая и, как выясняется, не лишившаяся доверия избирателей партия), на деле все эти люди, в основном добившиеся своих мандатов в нелегкой борьбе с соперниками, стали отчетливо противостоять всесильному партаппарату. В парламенте страны партаппарат перестал задавать тон, а многие кандидаты из числа его представителей на выборах с треском провалились. И что занятно: провалившиеся кандидаты партаппарата отчетливо и вполне справедливо ощущали, что они провалились именно потому, что принадлежат к аппарату власти, что народ не доверяет партии и готов идти против нее, но формально претензий быть не могло: их удачливые противники тоже в массе своей были членами КПСС, а кто сказал, что партию олицетворяет аппарат, а не рядовые члены!?

Как бы то ни было, но выборы помогли расставить акценты и многое увидеть. Парламент начал работать и вполне доказал свою самостоятельность, независимость от партаппарата. Это был первый серьезный удар по монополии партии (ее аппарата) на власть. И аппарат лучше других понял, что это был удар по нашей привычной системе социализма. Он стал делать все, что в его силах, чтобы оправиться от удара. Уроки выборов 1989 г. были учтены на выборах 1990 г. и несколько выправили позиции партаппарата, особенно на местах, вдали от больших городов. Но и выборы 1990 г. в конечном счете лишний раз показали, что монополии правящей партии на власть приходит конец. Как это ни неприятно было сознавать КПСС, но ей пришлось потесниться и формально: отмена 6-ой статьи конституции означала, что открывается путь к многопартийности. Весна 1990 г. оказалась временем оформления множества новых партий, представляющих широкий спектр политических и идеологических позиций, от анархистов до монархистов. Взгляды представителей этих партий стали излагаться в многочисленных полупедагогических изданиях, которые вот-вот легализуются новым законом о печати.

Так что же, вопрос о власти решен? Далеко нет. Мелкие разрозненные партии пока не в состоянии даже в сумме своей сколько-нибудь заметно противостоять КПСС. У них нет — в отличие от аналогичных партий и групп в Восточной Европе, где они удивительно легко конституировались и быстро приобрели голоса избирателей и мандаты в парламентах, — ни серьезных политических позиций, ни опыта, ни солидной социальной базы, ни денег, ни своих газет, ни перспективы завоевать мандаты. Все выборы в нашей стране уже прошли и принесли, как упоминалось, свыше 80% (и в 1989, и в 1990 г.) мандатов членам КПСС. Практически это означает, что на протяжении ближайших лет за большинство в выборных органах власти могут

бороться только сегодняшние члены КПСС друг с другом. Именно это и происходит. Другими словами, в нашей революции — в отличие от восточноевропейских — борьба за власть идет не между партиями, а внутри по-прежнему еще правящей партии. Но где же тогда антисоциалистическая революция? Как это ни странно, но именно здесь, причем судьба ее решается в ходе борьбы за власть внутри КПСС — борьбы, которая идет непрерывно, состоит из ряда непрерывных этапов и, видимо, далека еще от конца.

Первый этап этой острой борьбы будет завершён летом 1990 г. на XXVIII партийном съезде, который может закончиться либо расколом партии, либо легализацией в ней фракций, что на деле рано или поздно приведет к тому же расколу. Раскол неизбежен: слишком уж разные силы собрались в рядах недавно еще единственной и к тому же правящей партии. Не вдаваясь в детали расхождений и попыток их сглаживания, важно констатировать сам факт: уже к концу 1990 г. у нас, скорей всего, будут две сильные массовые партии, не считая множества заново создаваемых, о которых уже упоминалось. Быть может, таких партий будет и больше. И даже если представить себе, что партия умеренных сохранит свое имя (КПСС) и основную массу своих членов, а выйдет из нее (или составит фракции) лишь меньшинство, это все равно будет означать начало принципиально нового этапа в борьбе за власть — этапа, который будет означать, что не только де-юре (в результате отмены 6 статьи), но и де-факто у КПСС появится сильная оппозиция, с которой она не сможет не считаться.

Я далек от того, чтобы считать эту оппозицию политически однородной. Напротив, в ней будут и правые, и левые. Но во-первых, временами те и другие все же в принципе смогут блокироваться для противостояния правящему большинству, а во-вторых, численность демократически настроенной оппозиции будет неуклонно расти за счет хотя бы поддержки молодежи, не говоря уже о давлении внешней среды. Это значит, что власть будет постепенно перетекать в сторону радикально, революционно настроенной демократии, а именно с ней, с усилением ее позиций только и можно связывать конечный успех антисоциалистической революции.

Вопрос о власти — основной, но далеко не единственный. Многое в судьбах нашей страны зависит еще от двух жизненно важных узлов проблем, от решения вопроса об экономической реформе и национального вопроса. Первый из них — основа основ для жизни страны. Решить его можно, как о том уже много говорилось, лишь на путях перехода к рынку. И вести народ к рынку должна КПСС — еще один из многих парадоксов, коими столь богата отечественная история XX в. Другими словами, коммунисты своими руками обязаны — и к тому же быстро, время не ждет, и радикально, ибо иначе уже невозможно, — изменить систему социализма, резко приблизив ее к еврокапитализму. Сколько ни говорить в этой связи об общечеловеческих проблемах и надклассовом единстве, суть дела не меняется: уходя от классовых марксистских социалистических установок, КПСС уходит

от самой себя. Она вынужденно возглавляет революцию, о которой идет речь. А не делать этого она не может: без революции страна быстрыми темпами идет к экономической катастрофе, к развалу и гибели.

Второй вопрос, национальный, не менее остр и жизненно важен для страны. КПСС, привыкшая к имперским традициям времен Сталина, никак не может успеть за бурно развивающимися событиями и адекватно оценить разумные пределы уступок закономерным национальным притязаниям республик, не говоря уже об униженных или уничтожавшихся Сталиным народах. Там, где события разумными уступками следовало упредить, партаппарат запаздывал, а запоздалые решения уже не давали желанного результата. Национальный вопрос в итоге подошел к критической точке как в плане чуть ли не гражданской войны между враждующими народами (армяне и азербайджанцы), так и в плане законных требований независимости со стороны насильственно присоединенных к СССР республик (проблема Прибалтики). Словом, национальный вопрос стоит примерно так: что делать с гибнущей империей, последней в своем роде в революционном XX в.? На мой взгляд, теперь уже можно вести речь только о конфедерации, а если и с этим запоздать, останется — хорошо, если все-таки останется! — лишь вариант аморфного содружества наций. И это тоже будет революция, которая в любом случае сведется к крушению привычной для нас системы социализма.

Итак, ситуация складывается таким образом, что правящая партия, оказавшись слишком сильной и не успев отдать власть оппозиции, вынуждена и будет вынуждена впредь своими руками делать то, что в Восточной Европе взяла на себя несоциалистическая и антисоциалистическая оппозиция, т. е. вести страну по пути антисоциалистической революции, а точнее — по пути уничтожения нашей привычной системы и замены ее новой, скроенной на еврокапиталистический лад. На тот случай, если партия не выдержит этого противоречия и рухнет под его тяжестью, приняты разумные политические меры — я имею в виду избрание генсека президентом страны. Инициатор нового курса в любом случае сможет его продолжить, опираясь на изменяющуюся социальную базу. А не продолжать курс перестройки уже невозможно: альтернативы нет.

Не то чтобы ее вовсе не было. Я далек от наивной уверенности в провиденциализме истории, к которому нас столь энергично приучал марксизм, особенно в его вульгаризованной истматовской форме. Все может случиться, включая катастрофическое развитие событий и рецидивы силовой модели социализма. Одно здесь бесспорно: такого рода повороты истории к расцвету нашу страну уже никогда не приведут — скорей приведут к упадку и развалу. Народ устал и обещаниям не поверит. Без сильных экономических стимулов хорошо работать люди не станут ни при каком режиме, ни под каким видом. Именно это и значит, что альтернативы у нас нет. Антисоциалистическая революция, идущая сверху, медленно и тяжело, может быть сорвана,

может быть затянута, но может и иметь успех. И только в этом последнем случае страна еще способна найти свой шанс и начать расцветать после длительного упадка, после тяжелой обморочной ночи.

Сознаю, что многим мой вывод не понравится. Многие не согласятся со мной в том, что социалистические лозунги мертвы, а основанный на их реализации строй надолго, если не навсегда себя дискредитировал. Людям свойственно ценить идеалы вопреки реальности и в упор не видеть того, что видеть неприятно и непривычно. В частности, пресимущества иного, чуждого и даже всегда бывшего враждебным нашему строю. Они готовы слепо держаться за приятный для их сознания миф. Что ж, об этом я уже говорил. Это социо-психологический стереотип, с которым бороться нелегко. Здесь могут помочь только время и очевидные факты. Могут не помочь и они — тогда надежда только на следующее поколение, глаза которого, как это вполне очевидно, смотрят уже иначе. Но в любом случае следует апеллировать к разуму людей.

Примечания

1 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 28, с. 215, 221.

2 Там же, т. 7, с. 234.

Противоречия учения Карла Маркса

В работах Карла Маркса можно найти подкрепление для любого экономического и политического решения. Если вы будете опираться на «Экономические рукописи 1857—1859 годов», то с блеском докажете, что Маркс предполагал отмирание товарно-денежных отношений на очень высоком уровне развития производительных сил. Когда экономика перестает зависеть от количества простого живого труда как основного богатства общества, когда отпадает необходимость в физическом труде рабочих как процессе расходования их мускульной энергии, сама собой отомрет необходимость в меновой стоимости как условии и механизме дисциплинирования, прищипывания труда¹. Ссылаясь на тексты этой рукописи, Вы с полным основанием докажете, что все большевики были полными, неизлечимыми «головотяпами», ибо в России 1917 г., не было даже намека на отмирание товарных механизмов контроля за дисциплиной и качеством труда, т.е. даже намека на естественное, автоматическое отмирание частной собственности. Дополнительным аргументом, позволяющим уличить большевиков и Сталина в головотяпстве, является и мысль Маркса о необходимости воспитания у рабочих привычки работать сверх того, что необходимо для поддержания их жизни. По его прогнозам для зарождения этого «всеобщего трудолюбия рабочих» необходима целая цепь сменяющих друг друга поколений. У Маркса речь шла не о десятилетиях, а о веках капиталистической дрессировки рабочих².

Но если Вы будете, к примеру, руководствоваться идеями «Критики Готской программы» Карла Маркса, то с не меньшим блеском докажете прямо противоположное утверждение, докажете, что Маркс допускал возможность отмены товарно-денежных отношений даже на том уровне развития производительных сил, каким обладала капиталистическая Франция в 1871 г. В этой работе Карл Маркс говорит об ассоциации производителей, которые обменивают простой труд, простую мускульную энергию рабочих, обменивают шесть часов работы на поле на шесть часов работы за токарным станком подобно тому, как они обменивали изделия своего труда на рабочих базарах³.

Сверяя действия и решения большевиков России по текстам «Критики Готской программы» или «Гражданской войны во Франции», Вы убедитесь в том, что они были нормальными марксиста-

ми и мыслили так, как было положено мыслить марксистам-революционерам.

Если Вы захотите, то, опираясь на тексты Маркса и Энгельса, сможете даже доказать, что они были противниками классового подхода, настаивали на защите универсальных норм и ценностей буржуазного, гражданского общества. Они действительно были поборниками универсальных ценностей, универсальной нравственности, в том случае, когда вели теоретическую и политическую борьбу с анархистами, пытались дискредитировать их, уличить в аморализме. В своей статье «Альянс и Международное Товарищество Рабочих» Маркс и Энгельс резко критикуют «всеразрушительных анархистов, которые хотят все привести в состояние аморфности, чтобы установить анархию в области нравственности»⁴. Основатели научного социализма в этой статье протестуют против призыва Нечаева и Бакунина «разорвать всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира»⁵.

Единственное, что бы я посоветовал, так это помнить, что существует другой марксизм, учивший коммунистов совсем другому, тому же, что и Бакунин, тому, что революционер не имеет права зарекаться от каких-либо средств достижения своих целей. Наиболее характерно в этом отношении письмо Фридриха Энгельса Герсону Триру от 18 декабря 1889 г. В нем он писал: «Для меня как революционера пригодно всякое средство, ведущее к цели, как самое насильственное, так и то, которое кажется самым мирным»⁶.

Не следует забывать, что Маркс и Энгельс первыми в истории общественной мысли попытались доказать условность, исторически преходящий характер нравственных норм, на которых держался современный им гражданский порядок, попытались дискредитировать в глазах рабочих правила и нормы общечеловеческой морали как выдумку буржуазии.

Да это и понятно. Идея насильственного ниспровержения существующего строя, экспроприации экспроприаторов, всем своим содержанием отрицала устои, нормы гражданского общества. Авторитет оружия, революционного насилия никак нельзя было совместить с авторитетом нравственной нормы, христианских заповедей.

Идея слома государства была направлена не только против права частной собственности, но и против неприкосновенности жилища, идеи достоинства, суверенитета и независимости каждой личности, права на выбор своего образа жизни.

Маркс не скрывал, что пролетарская революция порывает целиком со всеми старыми «законами», отрицает их⁷. Логика революционной борьбы с неизбежностью вела к решительному отклонению всяких попыток навязать им (Марксу и Энгельсу) какую-нибудь моральную догму⁸.

В этой ситуации как раз и было необходимо учение о преходящем, классовом характере нравственных и правовых норм, позволяю-

щес приглушить криминальный характер их учения о революции и диктатуре пролетариата. Не случайно всю жизнь Маркс и Энгельс с поразительной настойчивостью доказывали относительность морали, нравственных догм, акцентировали свое внимание прежде всего на прерывности нравственного прогресса. Они стремились доказать бессилие категорического императива Канта, доказать, что он скроен для всех времен, для всех народов, для всех обстоятельств и именно поэтому не применим нигде и никогда.

Конечно, было бы чудом, если бы в стране, где на протяжении семидесяти лет ежедневно и ежечасно внушалась мысль о божественной мудрости и проницательности Карла Маркса, где жертвовали жизнью миллионов людей, благосостоянием народа, судьбой целых классов во имя того, чтобы засвидетельствовать верность учению о коммунизме, так сразу преодолели бы слепое преклонение перед авторитетом его создателя, научились бы цивилизованно с чувством собственного достоинства относиться к автору «Капитала», трезво, не теряя ум, мыслить о его идеях, аргументах, о всем, что связано с «марксизмом».

Даже наша гуманитарная интеллигенция в массе надолго утратила вкус к самостоятельному мышлению. Она привыкла согласовывать свои выводы с выводами Карла Маркса. Некоторые ее представители и до сих пор и мысли не могут допустить, что в этом мире может возникнуть нечто такое, что не было бы предусмотрено его прогнозом. А потому пытаются задним числом втиснуть в научный социализм и любовь к рынку и к фермерскому труду, и современное понимание цивилизаторских функций частной собственности. Эти люди и мысли не могут допустить, что Маркс был человек как человек, ученый как ученый, что ему, как и всем смертным, не было дано объять необъятное, превысить меру разумного, которой природа наделяет людей. Возможно этот инстинкт, побуждающий теоретически легализовать новые факты и приводит к подсознательному стихийному расширению первоначального смысла марксизма.

Понятно также, что наиболее трудно расстаться с верой в научное всеислие учения Маркса малообразованному «активисту» во всех его ипостасях, который до сих пор вершит судьбы людей в провинции и даже в центре. Им руководит не столько любовь к Марксу, сколько страх пограть право понукать людьми, освященное авторитетом пролетарской, марксистской революции, им руководит подозрительное отношение к тем, кто пытается самостоятельно мыслить о мире, кто настолько осмелел, что рискнул посягнуть на авторитет самого Карла Маркса.

Наверное, людям, которые на протяжении многих десятилетий были лишены подавляющей части принадлежащих им интеллектуальных богатств, христианской культуры, выдающихся достижений отечественной общественной мысли, выдающихся достижений современной немарксистской мысли, действительно трудно расстаться с

тем, что у них было, с верой в то, что в томах «Капитала» сокрыта вся основная мудрость человечества.

Понятно, что если бы у нас не было «Капитала» Карла Маркса, нам совсем было бы худо в тюрьме сталинизма. Но все же не могу найти объяснения тому, что в дело созидания нового марксистского фундаментализма, в тотальную апологетику марксизма со всеми его выводами включились наиболее талантливые публицисты, проявившие во всех других случаях много здравого смысла, включились те, кто в годы застоя боролся за свободу суждений и мысли, кого отнюдь нельзя было в прошлом назвать ретроградом и консерватором.

Почему в условиях, когда были созданы все идеологические и политические условия для свободного, открытого, научного анализа марксизма, для освобождения нашего сознания и нашей практики от очевидных иллюзий, заблуждений социализма XIX в., именно демократически настроенная часть нашей интеллигенции, активные участники свободных трибун и свободных семинаров воспротивились демократизации наших представлений о Марксе? Почему гонимые превратились в гонителей и начали преследовать тех, кто позволил себе сегодня свободно судить о Марксе.

Из-за этой бездумной веры в то, что все в мире будет происходить по сценарию, написанному Карлом Марксом, мы нарочито портили отношения со всем цивилизованным миром, проглядели несколько витков в движении научно-технической революции, сознательно вогнали себя в автаркический тупик, утратили надолго способность глядеть на себя со стороны, понимать и других и себя. И только сейчас после того, как было утрачено множество возможностей для сотрудничества и взаимодействия с другими народами, после массы отягчающих нам жизнь конфликтов, когда мы обнаружили себя слабо развитой страной, мы прозрели и увидели то, что можно было увидеть по крайней мере несколько десятилетий назад, увидели, что механизмы рыночной, предпринимательской экономики поразительно живучи, что они до сих пор в состоянии творить чудеса, типа японского, тайваньского, сингапурского и др., что с ними надо считаться как с завоеваниями человеческой цивилизации, как с выбором значительной части человечества.

Кто докажет, что мы были с самого начала обречены кожей, сжиганием миллионов человеческих жизней в топке истории, познавать то, что нормальные люди познали умом, движением мысли, до наших романтических экспериментов?

Ведь мы сегодня в своем искреннем, критическом познавательном порыве не сумели открыть ничего, что не было бы известно оппонентам Маркса задолго до Октября, задолго до наших и не наших попыток воплотить его учение в жизнь.

К примеру, о нашем главном открытии о том, что нетоварное, то есть социалистическое монопольное производство, ни к чему, кроме как к бедности и к казарме не ведет, было известно очень давно.

То, что не понял и не видел Маркс, поняли и видели многие его оппоненты. Разве не предупреждал Прудон в своих письмах к Марксу, что его экономическая доктрина, предполагающая монопольное, исключаящее конкуренцию производство, с неизбежностью ведет к деспотизму, к всевластию центральных органов коммуны над жизнью ее членов? Конечно, предупреждал. Об этом же, о том, что монополия, присущая плановому нетоварному производству типа оуэновской коммунии, ведет к страшному деспотизму, писали Бакунин, Кропоткин.

Не знаю, что будет дальше. Но пока что к нашему стыду и сожалению, более прозорливыми оказались те, кого мы в упор не видели, не знали, а тем более слушать не хотели.

Трудно согласиться с тем, что истины социализма давно открыты и чертежи его нарисованы, что, мол, нет необходимости «изобретать велосипед» и остановка только за тем, чтобы честно и добросовестно построить задуманное классиками. Глубоко убежден, что в этой позиции нет даже элементарной верности марксизму, не говоря уже о научном, ответственном отношении к будущему нашей страны.

Прежняя убежденность в том, что все написанное Марксом является истиной в последней инстанции, вряд ли будет полезной сегодня. Представьте себе, во что превратится наша страна, если мы предпримем еще одну, теперь уже третью, после «военного коммунизма» и сталинского наступления на рынок, попытку построить нашу экономику по модели Маркса, то есть на основе прямого продуктообмена и абсолютного директивного планирования сверху.

Вера, за которую держишься, когда нет твердой почвы, когда земля под ногами колышится, сегодня является признаком инфантильности, духовной и интеллектуальной неразвитости. Конечно, верить, мечтать, ненавидеть проще, чем рассуждать, сомневаться, анализировать. И не так трудно расстаться с догматической иллюзией, сколько со стилем мышления, который из нее вырос. Я уже не говорю о догмах, с которыми люди связаны своей политической судьбой или жизненными благами.

Все это говорит о настоятельной необходимости серьезной, гласной проверки учения Маркса об экономических основах будущего общества, о соотнесении теоретического прогноза с реальными результатами его воплощения в действительности. Это важно не только для того, чтобы освободиться от всех представлений о социализме, которые длительное время сдерживали наше развитие, но и чтобы оздоровить духовную ситуацию в партии, в обществе, пробудить у людей активное отношение к теории, освободиться от лозунгового марксизма, пробудить интерес к самостоятельному мышлению. Выясненная правда о Сталине должна одновременно пробудить у нас интерес и к самим себе. Ведь если исходные структуры мышления у нас такие же, как у него, восходят к одним и тем же азбучным истинам, то, следовательно, мы не застрахованы от того срыва в без-

дну насилия и преступлений, который случился с революционером-подпольщиком Кобой.

Сегодня мы как общество стоим перед важным выбором. Или мы скажем себе правду, смело, решительно откажемся от догм марксизма, которые способствовали зарождению сталинизма, сковывают наше экономическое и духовное развитие, заставляют нас ходить по миру с протянутой рукой, или мы будем продолжать лукавить, выражать вслед на нашими новыми фундаменталистами наигранный оптимизм по поводу всемогущества и мощи учения Карла Маркса. Мне думается, что мы обязаны выбрать первое, ибо альтернатива, предлагаемая нашему обществу новыми фундаменталистами является слишком зыбкой почвой для строительства новой жизни.

Где же правда?

Обращает прежде всего на себя внимание, что перестроечный марксистский фундаментализм в том виде, в каком он заявил о себе в последних статьях Г. Лисичкина, О. Лациса, Г. Водолазова, И. Клямкина грешит всеми болезнями старого консервативного догматизма. Он не мыслит свободно о марксизме. Он призывает читателя исходить из цитат, из того, что сами Маркс и Энгельс мыслили о себе и о своем учении. Перестроечный, публицистический фундаментализм как и старый догматический, изначально отбрасывает сомнение в том, о чем писали основатели научного социализма.

Наши уважаемые авторы настолько увлеклись делом спасения авторитета Карла Маркса, сохранения прежней всеобщей веры в его научную непогрешимость, что потеряли всякий самоконтроль над образом своих мыслей и способом формирования своих аргументов. В результате чего воспроизвели в своих текстах все слабости и все логические ошибки, так характерные для сталинского или застойного обществоведения. Суть их в ложном убеждении, что высказывание Маркса по тому или иному поводу во всех случаях является исчерпывающим аргументом в предметном споре.

Разве имеем мы право судить об отношении Маркса к свободам личности, судить о демократизме Маркса только потому, что он писал о всесторонне и гармонично развитой личности, о свободе свободной индивидуальности? Конечно же нет. Да, и Г.Г. Водолазов, О.Р. Лацис, А.П. Бутенко абсолютно правы, когда утверждают, что для классиков марксизма суть, смысл, главные цели социализма как раз были связаны с тем, чтобы человек перестал быть безмолвным и беспомощным винтиком экономической и политической машины и превратился в суверенное, свободное, универсально и всесторонне развитое существо. Социализм по их представлениям, — это результат творчества, исторической самодеятельности масс и каждого человека.

Да, Маркс и Энгельс никогда не были сознательными сторонниками казарменного коммунизма. Да, о их верности идеалу свободной личности можно, как пишет Г.Г. Водолазов, прочитать едва ли не на каждой странице их сочинений. Но ведь нас, если мы хотим мыслить как ученые, а не как пропагандисты прошлого, должны, повторяю,

интересовать не декларации, а сама возможность сохранения свободы личности в том обществе, к которому стремился Маркс в своей экономической теории, на практике, в обществе, где в соответствии с учением об ассоциации будет полностью преодолен частный, то есть не координируемый планом, центром труд, где будут вытеснены малейшие проявления экономической и социальной самостоятельности, стихии, где «преодолена» свобода выбора в труде, формах быта, обеспечения семьи.

Не ведет ли учение Маркса о нетоварном производстве, о непосредственном обобществлении труда, вопреки его декларации о свободе личности к казарме, к новой форме закрепощения людей? Можно ли было сохранить права и свободы личности в обществе, где изначально отрицается возможность экономического и социального выбора, где все жестко детерминировано истиной, законом?

Сегодня стала общепринятой критика деформированного, казарменного, уравнилельного социализма, построенного в тридцатые годы. Но эта критика старательно обходит эти структурные причины нашей казарменности. И уходит от центрального вопроса — возможно ли построить неказарменный, демократический социализм на нетоварном, безрыночном фундаменте?

Это действительно центральный, главный вопрос. И для тех, кто думает о будущем, и для тех, кто хочет понять прошлое. Почему во всех без исключения случаях, во всех странах, включая Иран Хомейни, где велась борьба с рынком, с товарно-денежными отношениями, она всегда вела к авторитаризму, к ущемлению прав и достоинства личности, к всемогущей администрации, бюрократического аппарата? Почему даже террор оказывался бессильным в борьбе с торговлей, почему все известные в истории человечества, включая наши попытки искоренить свободный обмен, хозяйственную самостоятельность производителя оканчивались поражением, побуждающим в конце концов отступить.

Маркс не видел этого трудного для себя вопроса, ибо для его постановки не было соответствующего исторического опыта. По этой причине, он, кстати, никогда не вникал во внутренние противоречия предлагаемых им методов лечения болезней капитализма. Эту проблему нащупал Ленин в конце жизни, исследуя причины неудач хозяйственной стратегии «военного коммунизма». Почему же мы не хотим мыслить в этом направлении? Почему мы тратим сегодня весь запас своей энергии на проблемы важные, но частные, к примеру, на бичевание бюрократии, ее привилегий и, по сути дела, отворачиваемся от вопроса, связанного с самими основами построения социализма, его исходными принципами? Ведь мы в этом отношении, в осмыслении собственного исторического опыта отстаем по крайней мере на полвека.

Например, сейчас, в свете всего нашего, и не только нашего, опыта социалистических аграрных преобразований представляется, что для исправления ситуации недостаточно вернуться к тому, что писал

о коллективном сельском хозяйстве Энгельс и начать действовать в строгом соответствии с его рецептами.

Суть вопроса, двигающего нас сегодня к истине, к правде жизни, совсем в другом: а надо ли стремиться во всех случаях к производственной кооперации в аграрном секторе? Действительно ли превращение крестьянина в рабочего, работающего по плану на одной большой национальной фабрике, является величайшим прогрессом?

Действительно ли крестьянская организация труда, объединяющая в единое целое быт, производство и семейный очаг, была анахронизмом? Насколько был научно обоснован план организации сельскохозяйственного производства в национальном масштабе? Действительно ли национализация земли является во всех случаях необходимостью?

Помимо проблем коллективизации существуют и десятки других «трудных вопросов», возникающих в ходе осмысления сталинской эпохи, но не имеющих прямого отношения к нему как личности.

Да, если судить о марксизме на основании того, что мыслил о себе и своем социальном учении сам Карл Маркс, то двойственная, неоднозначная оценка научного социализма недопустима. Сам Маркс на-верное, полагал, что в его системе все едино, все согласовано. Но ведь это не так.

Маркс не сводит концы с концами не только в частности, к примеру, в понимании предпосылок отмирания товарно-денежных отношений, но и в главном, в понимании истории и механизмов ее развития. Материалистические и идеалистические истоки его учения так и не смогли соединиться в нечто целостное в его мировоззрении, так и противостоят, борясь друг с другом.

С одной стороны, Маркса можно рассматривать как материалиста в понимании истории, противника волюнтаризма, внешнего волевого воздействия на естественный ход событий. Он понимает, что плод истории необходимо срывать только тогда, когда он созреет, что зеленое, неспелое яблоко никому радости не принесет. В этом смысле Маркса можно считать сторонником эволюционной точки зрения. Он действительно много раз подчеркивал, что старое имеет право жить до тех пор, пока оно живет, пока оно не исчерпает свое жизненное предназначение и что соответственно новое должно быть естественным следствием естественного развития старого общества. Новое, с этой точки зрения, должно вырасти из самого процесса жизни, доказать свое право на существование своей собственной полноценной жизнью. «Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс»,⁹ — заявлял Карл Маркс. А потому, с его точки зрения, оно «не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»¹⁰.

Вожди второго, реформистского Интернационала, делавшие ставку на естественный ход событий, на самопревращение капитализма в

социализм, как известно, подкрепляли свою позицию Марксом. И делали это с полным основанием.

Ведь Маркс и Энгельс не один раз писали о том, что они смотрят на самоотрицание, саморазрушение капитализма как на автоматический процесс. Они декларировали этот взгляд на историю в самом начале своей теоретической деятельности. «... Частная собственность, — утверждали Маркс и Энгельс в первой совместной работе «Святое семейство» — в своем экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению... она делает это только путем не зависящего от нее, бессознательного, против ее воли происходящего и природой самого объекта обусловленного развития»¹¹.

В конце концов, можно было черпать аргументы для реформистской тактики и в знаменитом «Предисловии» Карла Маркса «К критике политической экономии», в его утверждении, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»¹².

Но, с другой стороны, в марксизме, в его понимании жизни и истории очень много от немецкого трансцендентального идеализма, от убеждения, что самосознание «Я» творит и созидает мир. И это не моя выдумка. Еще Маркс и Энгельс в своей «Немецкой идеологии» обратили внимание на эту исходную, органическую связь между фихтевским учением о «Я», о «толчке» и учением о коммунизме. Они обвиняют Макса Штирнера в том, что он не видит того, что «коммунисты намерены взять под свой контроль этот «толчок», который (если не ограничиться пустой фразой) становится, правда, крайне сложным и многообразно определенным «толчком».

Фихтевский толчок, его учение о творящем самосознании превращается у коммунистов Маркса и Энгельса в идею революции, в мысль о конструктивности насилия, творящего новый мир.

В том и дело, что Маркс первым среди мыслителей нового времени призвал философов творить новый мир, вмешаться в естественный ход событий. Его философское кредо известно: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»¹³. Изменить не с помощью слов, воздействия на умы людей, а с помощью оружия, насильно принуждая часть общества к тому, с чем она не согласна, что воспринимает как противоестественное, навязанное. Речь идет не много ни мало о смене оружия. Вместо того, чтобы использовать критику в качестве оружия, Маркс призывает критиковать старый мир с помощью оружия¹⁴.

Идея толчка, коммунистической революции по своей социальной, политической и философской сути в корне противоположна идее автоматического саморазвития общественных форм. Изменение мира предполагает внесение в него того, чего в нем сейчас в данный момент нет. Речь идет о сознательном творчестве нового, того, что к

данному моменту не существует в жизни. Маркс прямо говорит о пролетарских революциях как о процессе созидания новой истории. Ничто так не раскрывает это деятельное, фихтевское начало мировоззрения Карла Маркса как его известное письмо Людвигу Кугельману от 17 апреля 1871 г., в котором он подчеркивает исключительную роль волевого, субъективного начала в истории. *«Творить мировую историю, — пишет он — было бы, конечно, очень удобно, (курсив А.К.), если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. ... Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения»*¹⁵.

Именно эта вера Карла Маркса, что воля и сознание пролетарских революционеров в состоянии изменить естественный ход событий, ускорить движение истории, дала Ленину полное право считать себя марксистом, поступающем строго в соответствии с учением Карла Маркса. Когда меньшевики говорили ему, что он спешит с пролетарской, социалистической революцией в России, что наш капитализм не созрел, что его стратегия и тактика расходятся с учением о необходимости самоисчерпания капитализма, он, отстаивая свою правоту, призывал на помощь Маркса, учившего, что революции являются *«локомотивами истории»*¹⁶. И по-своему Ленин был прав, по-своему он тоже был самым настоящим ортодоксом. Если с помощью революции мы имеем право и возможность ускорять ход событий, то почему бы не попытаться, обладая силой возмущения масс, ускорить переход России от ненавистного капитализма к желанному социализму.

Работа Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», в которой он переходит на позиции революционных народников, не желающих ждать зрелости капиталистической России, где он делает ставку на силу, как на основной фактор истории¹⁷, вся буквально напичкана цитатами из произведений Маркса и Энгельса, их призывами не бояться насилия, не бояться революции, изменять этот мир. Даже свои призывы к якобинским, плебейским методам расправы с царизмом, Ленин подкрепляет цитатами из текстов Маркса. *«Удастся решительная победа революции, — тогда, — писал В.И. Ленин, — мы разделаемся с царизмом по-якобински или, если хотите, по-плебейски. «Весь французский терроризм, — писал Маркс в знаменитой «Новой Рейнской Газете» в 1848 г., — был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством»... Думали ли когда-нибудь о значении этих слов Маркса те люди, которые пугают социал-демократических русских рабочих пугалом «якобинизма» в эпоху демократической революции?»*¹⁸. Так с помощью Карла Маркса заго-

нял большевик Ленин в угол и легального марксиста Струве, и марксистских ортодоксов меньшевиков.

Поразительно. Но Маркс так и не почувствовал внутреннее противоречие между этими двумя исходными посылками своего мировоззрения, не почувствовал, что его вера в то, что революционеры могут и имеют право «сократить и смягчить муки родов» спорит с его убеждением в том, что общество «не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»¹⁹.

Идея природного автоматического развития общества предполагает изначальную заданность всех без исключения фаз его развития. Автомат действует только тогда, когда ничто не мешает осуществлению заданной программы, вплоть до деталей, мелочей. Ведь до тех пор, пока программа не реализована, невозможно узнать какая деталь в развитии существенна, а какая носит второстепенный характер, а потому ее можно пропустить.

До тех пор, пока капитализм не начал разрушаться, не обнаружил свое экономическое бессилие, невозможно обнаружить исчерпал он или не исчерпал свои возможности.

Принцип естественного развития объекта несовместим с идеей ускорения истории. Это все равно, что толчками извне, ударами по крышке ускорять работу стиральной машины-автомата. Подобная помощь может привести только к порче машины-автомата, к тому, что Вы будете спать в грязной постели и носить грязное белье.

Идея сокращения сроков зарождения социализма предполагает насильственное сокращение сроков жизни капитализма, то есть нарушение естественной логики саморазвития буржуазной цивилизации.

Сама по себе идея революции, предполагающая возможность принуждения с помощью оружия значительной части общества к новой жизни²⁰, находилась в вопиющем противоречии с идеей естественного созревания новых общественных форм. По самой своей сути идея революции предполагает волюнтаризм, то есть насильственное принуждение значительной, подавляющей части общества к тому, к чему она не приспособлена, насильственное с помощью диктатуры пролетариата внедрение в жизнь того, чего в ней никогда раньше не было.

Г. Лисичкин вводит своих читателей в заблуждение, убеждая их в том, что в теории Маркса идея насилия играет второстепенную, незначительную роль, что насилие у него ограничивается функцией повивальной бабки, освобождающей от пуповины созревший плод²¹. Нет и еще раз нет. Насилие у Маркса и Энгельса выступает в роли творца новой жизни.

С помощью насилия, штыков диктатуры пролетариата мыслился переход к всеобщей трудовой повинности²². Вряд ли можно доказать, что она, всеобщая трудовая повинность, является естественным результатом буржуазной цивилизации. Скорее можно доказать прямо противоположное, что свобода выбора образа жизни является ее краеугольным камнем.

Диктатура пролетариата предполагала отмену права наследования, отмену частного, обособленного быта, обязанность родителей содержать и воспитывать детей²³. И вряд ли можно доказать, что объективная логика развития буржуазной цивилизации сама, в силу внутренней необходимости вела к отмиранию веками складывающегося семейного образа жизни. Очевидно, что и в этом случае без насилия ничего бы не получилось, что новый коммунистический образ жизни, отменяющий право наследования, право собирать сокровища, пришлось бы конструировать при помощи декретов.

Еще более трудно доказать, что естественное развитие капитализма, буржуазной цивилизации вело к отмиранию у крестьянина многовековой привычки работать обособленно, на своем поле, силами своей семьи. Впрочем, то, что крестьянин-частник никак не был готов к коллективному труду, на коллективном поле, прекрасно понимал Энгельс. Не случайно, он рекомендовал после пролетарской революции дать крестьянину-единоличнику время на раздумья, не гнать его сразу в коллективные хозяйства²⁴. Правда, не ясно как бы поступил Энгельс после истечения срока для размышления крестьянина на своей парцелле, если бы он продолжал упорствовать.

Идея революции, сокращения мук рождения общества вольно или невольно провоцировала волюнтаризм, соблазн побыстрее начать принуждение к новой, ассоциативной жизни. Ведь строго говоря точно, научно определить момент самоисчерпания капитализма невозможно. Это понятно только задним числом, когда гибель его наступила. Но до тех пор, т.е. пока он существует, развивается, трудно не ошибиться при оценке состояния его здоровья. Наблюдаемый Вами кризис перепроизводства может быть и свидетельством его стремления перейти на более высокий, совершенный уровень развития и свидетельством наступающей гибели. Маркс и Энгельс в силу своего революционного нетерпения, желания сократить муки рождения нового общества всегда, начиная с революции 1848 г., склонялись к уничтожающей оценке и всегда ошибались²⁵. Впрочем, как и после их смерти, в оценке состояния капитализма постоянно ошибались русские наследники их революционного учения.

Да, Маркс и Энгельс настаивали на том, что переход к социализму возможен только тогда, когда капитализм себя исчерпает. Но проблема состоит в том, что основатели научного социализма не оставили нам критериев, по которым мы могли бы определить меру его зрелости.

Данное противоречие между материалистическими и идеалистическими, трансцендентальными компонентами учения Карла Маркса пронизывает все без исключения стороны его учения.

Когда Маркс и Энгельс описывают то, что есть, то, что сложилось, развивается, то они твердо и последовательно стоят на позициях материализма, опираются на опыт, материалистический критерий практики. Эволюционный взгляд на мир у них имеет мощное научное подкрепление.

Но как только основатели научного социализма покидают твердую почву настоящего и начинают думать о будущем, о том, что с их точки зрения должно быть, то они становятся другими людьми, начинают говорить языком заклинаний, предположений, надежд.

Учение Маркса и Энгельса о коммунизме даже нельзя назвать научной гипотезой. В его основе лежит посылка, которая ничем не подкреплена, ни экономическим анализом перспектив развития современного им производства, ни анализом возможных демографических сдвигов, ни анализом динамики и тенденции развития основных потребностей человека.

Здесь, в этой части, все построено на вере в то, что «теперь благодаря развитию крупной промышленности... созданы капиталы и производительные силы в размерах, ранее неслыханных, и имеются средства для того, чтобы в короткий срок до бесконечности увеличить эти производительные силы»²⁶. С этой верой в то, что будущий строй в состоянии «до бесконечности увеличить эти производительные силы» Энгельс рождается как коммунист-революционер. С ней он и умирает. В своей самой крупной работе «Анти-Дюринг», он тоже обещает будущим поколениям, что только при коммунистических отношениях уже достигнутые технологические истины могут быть осуществлены на практике, что переход к ассоциированному производству избавит людей от многих «трудностей и препятствий», характерных для классового общества, обещает небывалый научный, технический и общественный прогресс²⁷.

Учение Энгельса не удовлетворяет самым элементарным требованиям достоверности. Оно вообще не знает вопросов «На каком основании?». «Почему?». Не ясно, что дает ему основание предполагать, что высокие темпы развития техники, производства, вызванные к жизни капиталистической конкуренцией, стремлением к прибыли, сохранятся и в условиях ассоциированного общества, где не будет ни первого, ни второго, где коренным образом изменятся условия жизни людей. Складывается впечатление, что Энгельс вообще об этом не задумывается, не видит этой проблемы условий и стимулов эффективного, качественного труда.

Впрочем, и у Маркса мы не найдем ответа на этот вопрос «Почему?». Он в «Критике Готской программы» рисует величественную картину перерастания низшей фазы коммунизма в высшую, описывает кульминацию исторического развития, «когда труд перестанет быть только средством для жизни, ... когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком»²⁸. Но опять-таки Маркс ничего не говорит о предпосылках, условиях, механизмах желанного чуда.

Он предлагает своему читателю поверить в то, что в будущем природа человека изменится и он уже не будет нуждаться в конкуренции, рынке, в экономическом принуждении к труду. Он ссылается на то, что конкуренция, связанная с реальным развитием людей

XVIII в. рано или поздно отомрет, что рано или поздно природа людей изменится, ибо «вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы»²⁹. Но понятно, что вера в то, что рано или поздно природа человека изменится, слишком зыбкое основание для учения, претендующего на то, чтобы изменить мир, изменить судьбу миллионов, сотен миллионов людей. А как быть, если природа человека не изменится так быстро, как надеялись Маркс и Энгельс, если она проявит упорство и надолго сохранит потребность в состязательности, соревновательности? Что будет в этом случае питать коммунистический прогресс?

Складывается впечатление, что основатели социализма, который по традиции мы называем научным, никогда всерьез не задумывались над этими самоочевидными проблемами. Даже мощный диалектический ум Карла Маркса, работающий как мотор, когда речь шла о противоречиях, антагонизмах ненавистной ему частно-собственнической цивилизации (чего стоит только его блестящий анализ товарного фетишизма в «Капитале») становится слабым и хилым, когда он судит о будущем ассоциированном обществе. Поразительно. Но он не видит очевидные структурные противоречия обобществления средств производства в национальном масштабе, очевидные негативные последствия его тотального централизма. Маркс отмахивается от Бакунина с его критикой грядущего марксистского деспотизма как от назойливой мухи³⁰.

Маркс, в сущности, никогда и не мыслил о будущем ассоциированном обществе предметно, никогда не доходил в своих суждениях о коммунистической формации до деталей, конкретного живого человека. Он, к примеру, настаивал на преодолении рынка, частного быта и частного обеспечения семьи. Но не чувствовал, что тем самым лишает людей первичных условий свободы, возможности выбирать предметы потребления. Маркс не чувствовал, что забирая у людей рынок, частную торговлю, он тем самым делает их, стоящих внизу, у основания общественной пирамиды заложниками тех, кто распределяет общественные богатства, кто решает, что они должны потреблять, носить, в каких количествах и в какое время.

Какова гарантия, что люди, назначенные или избранные руководить национальным производством, будут действительно руководствоваться интересами большинства? Как противостоять возможному произволу? Как противостоять попыткам подменить общественные интересы, общественные ожидания личными интересами и фантазиями управляющих? Эти вопросы перед собой Маркс не ставил, а потому не искал на них ответа. Он, по-видимому, не видел, что жизнь состоит из деталей, что игнорируя мелочи, детали, он игнорирует жизнь, законы экономики.

Маркс не чувствовал, не видел, что опосредованная, так называемая «вещная связь» между людьми, куда больше оставляет человеку свободы, гарантии социальной защищенности, чем так называемая «прозрачная», «непосредственно-коммунистическая».

В первом случае товаропроизводитель, включая собственника своей рабочей силы, то есть большинство общества, сохраняет право владения на свои товары, каждый вправе ими сам распоряжаться, искать наиболее выгодные условия обмена. Во втором, в условиях коммунистической ассоциации и продукт труда, и рабочая сила сразу без каких-либо условий отчуждаются от личности, ибо они с самого начала воспринимаются как достояние всего общества, как необходимый элемент совокупного богатства, совокупных условий труда. В ассоциированном обществе человек сразу теряет такую опору в жизни как право распоряжаться и своим трудом и его результатами.

В первом случае, в товарном, так называемом капиталистическом обществе, производитель, трудящийся с самого начала знает на что он может рассчитывать, во имя чего он трудится, какие блага этот труд ему может принести. В этом случае, когда связь между людьми опосредована вещами, тем не менее сохраняется очевидная, прозрачная, непосредственная связь между трудом и его результатами. Тут каждый человек, кто имеет работу, то есть подавляющее большинство свободно, то есть само творит материальные условия своей жизни, является хозяином своей судьбы. В первом случае, заработав деньги, получив все сполна Вы, к примеру, сами себе покупаете квартиру. Но во втором случае, когда не получаете сполна, Вы перепоручаете обществу заботиться о Вашем благосостоянии, и целиком зависите от действий центральных органов, от выделенных фондов на строительство, от темпов возведения зданий, от качества планируемых квартир, от воли тех, кто их распределяет.

Непосредственная же связь между людьми, изначальная привязанность конкретного труда к общественным целям, на деле оборачивается несвободой, привязанностью человека к органам, которые регулируют и контролируют общественное производство. Во втором случае, в ассоциированном, коммунистическом обществе, к которому стремился Карл Маркс, по логике вещей, связь между трудом и его результатами усложнилась, в нее вклиниваются многие, по сути паразитические, промежуточные звенья. Сначала Ваш труд становится общественным достоянием, отчуждается от Вас. Затем центральная, координирующая власть, определяет, в каком объеме и в какой форме возратить Вам ваш труд. И везде сотни людей с их пристрастиями, личными интересами. И всех надо контролировать. И нет никаких гарантий, что эти сотни, тысячи людей, распоряжающихся вашим благосостоянием, только и думают о том, чтобы Вам жилось лучше и легче. Вопреки прогнозу Карла Маркса, социализм не только не устранил личные пристрастия из хозяйственного процесса, сделал его нейтральным и объективным, а напротив, превратил экономику в царство своеволия. Борьба с рынком по сути обернулась борьбой с объективными экономическими критериями, которые делали экономику экономикой, борьбой с объективными, не зависящими от людей законами саморазвития и саморегуляции народного хозяйства страны.

Маркс, призывавший идти до конца в познании истины, тем не менее никогда не размышлял всерьез, по крайней мере вслух, о самом главном — о человеке, его душе, страстях, скрытых, затаенных мыслях. Он не видел, скорее не хотел видеть, что каждый поглощен собой, в чем-то лукавит, является рабом своего честолюбия, жажды выиграть в вечном соревновании с другими, что человеку, даже самому честному, совестливому трудно противостоять своему природному эгоизму, зависти, лести, соблазнам славы, власти, богатства.

К человеку, его тайным причудам Маркс никогда не проявлял интереса. И это странно. Ибо какая может быть наука об обществе, о производстве, пока мы не знаем ничего о человеке. Достаточно элементарной наблюдательности, элементарного внимания к той жизни, какая есть и к тому человеку, какой жил всегда, и во времена Маркса, и сегодня, чтобы обнаружить десятки, сотни неразгаданных загадок нашего человеческого бытия. Почему природа так несправедлива, почему одним она даст многое: и красоту, и талант, а другим оставляет только муки и страдания? Почему среди неравных людей все же утвердилось христианская идея духовного равенства всех людей? Почему рождаются «добрые» и «злые» мальчики? Почему такая громадная, непреодолимая пропасть между совестливым человеком, получившим от рождения или от бога, способность к доброте, состраданию и тем, кто с детства мучается от своей злобы, агрессивности, кто не в состоянии преодолеть свой недобрый взгляд на мир? Почему одни рождаются ленивыми, вялыми, а другими с детства движет энергия самореализации, самоутверждения? Как все это сказывается на жизни общества? Что тут можно изменить? С чем надо примириться?

Тайна на каждом шагу. Происхождение совести, сострадания, доброты. Тайна родственного чувства, тайна раскаяния, мук совести. Тайна и красота общения матери и ребенка. Неужели все это можно объяснить существующими в обществе экономическими отношениями?

Маркс сам страдал. Страдал как эмигрант, как отец, вынужденный хоронить детей, бедняк, живущий на содержании друга, как сврей, порвавший с законами и верой предков. Но эти страдания не высекали в его душе ни одной искры духовного прозрения. В его трудах Вы ничего не найдете о духовной жизни человека, о страхе перед смертью, о духовной благодати. Он — незаурядный, гениальный мыслитель, не хотел или не мог думать о духовном. Он как бы откладывал в сторону все те трагические проблемы человеческого бытия, которые бы помешали ему оставаться революционером, думать как революционеру, настаивать на насильственном разрушении буржуазного общества. Подобное же самоограничение в духовном будет характерно для всех его последователей и учеников и прежде всего для Ленина. Наверное, нельзя быть марксистом и одновременно всерьез думать о трагических, неразрешимых проблемах человеческого бытия.

Как философ, учивший, что идея каждый раз посрамляла себя, как только отрывалась от интересов людей, Маркс сам в исследовании капитализма и будущего коммунистического общества мало считался с тем, насколько мощно корысть движет этим грешным миром.

Всю жизнь, во всех основных работах, включая «Капитал», Маркс доказывал, что капиталист, цель которого — получение меновой стоимости, по природе своей не заинтересован в производстве добротных вещей и только в ассоциации, с самого начала нацеленной на производство потребительной стоимости, потребности человека будут поставлены во главу угла, тем самым экономиком будет служить человеку. Но в жизни, как мы теперь знаем, все обстоит прямо противоположным образом, то есть так, как говорил и Адам Смит, и современники Маркса, критики «Капитала», стоявшие на точке зрения здравого смысла. Именно предприниматели, пекущиеся о прибыли, приносящие достаток и благосостояние значительной части общества, дали развитым странам благоденствие и стабильность.

Так как капиталист не может получить прибыль, не продав вещь на рынке, то он по логике вещей в условиях конкуренции прилагает все возможные усилия, чтобы повысить качество производимой продукции. Сами условия производства, конкуренции заставляют его дено и ношно думать о совершенствовании своих изделий. В то же время монополичный социалистический производитель, освобожденный от контроля со стороны рынка, по той же логике слабо или совсем не заинтересован в совершенствовании производимой продукции.

Когда читаешь Маркса и Энгельса, складывается впечатление, что авторы никак не могут прорваться через опутавшую их сознание сетку «сущностных» понятий, включая учение о родовой сущности человека, не могут откликнуться своим незаурядным умом на очевидные проблемы. Ни один из социалистов, начиная с Платона, не обошел вниманием проблему стимулов к труду, а значит и замены, компенсации тех стимулов, которые дает частная собственность. Даже Гегель, который в примечаниях всегда оставался твердым материалистом и реалистом, не забывал о психологии человека, о его духовной конституции и доказывал, что демократия и частная собственность неразрывно связаны, что «свободная воля» человека невозможна без свободного отношения к «внешним вещам», к собственности.

Но для Маркса и Энгельса всех этих проблем как будто не существовало. Они почему-то полагали, что инженеру будет стыдно просить лишнюю тарелку супа за добавочный труд. Как будто не было печального опыта коммун Оуэна, где все оказались охочи до сочинения стихов, но так и не нашлось желающих работать в поле. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс открыто иронизируют над теми, кто напоминал в полемике с социалистами о существовании проблемы стимулов к труду, кто «выдвигал возражение, будто с уничтожением частной собственности прекратится всякая деятельность и воцарится всеобщая ленность».

Если бы это действительно было так, считали Маркс и Энгельс, «в таком случае буржуазное общество должно было бы давно погибнуть от лености, ибо здесь тот, кто трудится, ничего не приобретает, и тот, кто приобретает, не трудится»³¹.

Марксу и Энгельсу казалось, что этим замечанием они опрокидывают самый важный аргумент противников обобществления собственности. Но здесь им явно не хватает эмпирической, человеческой достоверности анализа. Одно дело относительное обнищание рабочего класса, то есть политико-экономический аспект проблемы, и совсем другое — система объективных жизненных условий, побуждающих всех членов капиталистического общества к интенсивному труду. Капитализм потому и не погибнет от лености, что изобрел такое эффективное средство борьбы с праздностью, как угроза голода, страх безработицы. Вопреки тому, что писали авторы «Манифеста», никогда не было спокойной жизни у обладателей капитала и тем более у промышленников.

В сущности, весь прогноз Маркса, все его учение о свободной ассоциации производителей, сформулированное на сущностном уровне, на уровне закона, не было проработано до конкретно-психологического уровня. Это касается не только проблемы мотивации, но и последствий предложенной Марксом вертикальной системы управления производством.

Речь, в принципе, идет о возможности сохранения духовного здоровья личности, свободы выбора в рамках плановой, жестко детерминированной организации производства, исключающей свободу труда, хозяйственную самостоятельность, экономическую стихию. По крайней мере, очевидно, что переход от рыночной экономики к директивной резко сокращал возможности индивидуального выбора в жизни, как коренного условия психологического комфорта европейской личности. Вместе с уничтожением рынка и конкуренции она лишалась возможности выбора предметов потребления, возможности личного непосредственного участия в контроле за качеством производимых изделий. Вместе с введением плановой организации производства резко сокращались возможности хозяйственной инициативы снизу, начисто исключалась такая важная форма самореализации личности, как индивидуальная и групповая предприимчивость. Введение закона о перемене труда в рамках всего общества, на чем настаивали Маркс и Энгельс, предусматривало обязательное сочетание различных форм труда, независимо от вашего личного отношения к ним, что в целом должно было снизить эффективность общественного производства.

Маркс платит очень большую цену за свое стремление вывести за скобки создаваемой им социальной наукой душу человека, его современника. Зависают в воздухе, в эфире философские понятия не только его учения о саморазвитии капитализма, но и его «реальный гуманизм».

Несомненно, по своим исходным побуждениям, в своем стремлении облегчить судьбу отверженных, сделать всех счастливыми, со-

здать все условия для всестороннего и свободного развития каждой личности, и Маркс и Энгельс были гуманистами. Их учение о целях коммунистического преобразования общественной жизни выдержит самую строгую гуманистическую проверку. Речь в нем идет о «перспективе всестороннего образования, счастливого существования»³².

Более того, в некоторых случаях, особенно тогда, когда они изобличали своих противников в недостатке гуманизма, в аморализме, пытались дискредитировать их в глазах общественного мнения, они выглядели вполне благопристойными кантианцами. В этих случаях они активно выступали против кредо всех революционеров «цель оправдывает средства», настаивали на том, что только гуманные средства могут привести к гуманным целям. На этой последовательно гуманистической позиции они стояли, когда изобличали в аморализме анархистов, а еще раньше коммуниста Криге, призывающего каждого покончить с «собственной подлой личностью»³³.

Я бы даже не согласился с очень распространенным среди критиков марксизма начала XX в. мнением, что Марксу в силу конституции его души, в принципе, не было дано увидеть внутренний мир человека, таким каким он есть, не было дано понять, что такое подлинный гуманизм³⁴. Чужую душу, а тем более душу своего идейного противника, Маркс видит прекрасно, проявляя при этом самоощущение гуманиста, противящегося насилию над личностью.

Маркс критиковал грубый, вульгарный коммунизм с позиции последовательного гуманизма. В своих «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он видит, понимает опасность приобщения люмпена к процессу изменения мира, опасность вырождения коммунистической революции рабочих в разграбление старого мира, в передел чужого богатства. Он понимает, что подлинное упразднение частной собственности имеет смысл только тогда, когда оно будет совершаться духовно развитыми людьми, которые переболели жадной богатства, обладания, которым доступно чувство совести, прекрасно. Нет ничего омерзительнее, пишет Карл Маркс, как желание люмпена обладать тем, чем обладают другие, расправиться с тем, с чем на началах частной собственности, не могут обладать все, расправиться с талантом³⁵.

Но, как мы уже имели возможность убедиться, Маркс теряет этот дар гуманистического самоощущения человека и истории, когда оказывается во власти своей теории революции и диктатуры пролетариата. Тут он поступает и мыслит вопреки тому, что писал о своем коммунизме как реальном гуманизме в «Экономическо-философских рукописях 1844 года».

Маркс, учивший гуманизму, недоверию к люмпену, в конце концов связывает и судьбы пролетарской революции, и судьбы истории именно с ним, с этой социальной прослойкой, с тем, что он называл продуктом разложения буржуазного общества.

Казалось бы из продукта разложения и распада буржуазного общества никак нельзя построить новое, более совершенное общество.

Казалось бы со всех точек зрения Марксу было бы лучше связать переход к коммунизму со зрелым, цивилизованным пролетариатом, которому уже доступно чувство прекрасного. Не случайно, ортодоксы нынешней перестройки в России, как и ортодоксы II Интернационала, в своей заботе о благопристойности своей веры прибегают к подобной цивилизованной трактовке марксистского учения о пролетарской революции.

Но эта интерпретация учения Карла Маркса о предпосылках социалистической революции не имеет ничего общего с оригиналом. Она является не более, чем очередным мифом, связанным с именем Карла Маркса.

Еще Эдуард Бернштейн обратил внимание на то, что Карл Маркс, вопреки своему учению о положительном упразднении частной собственности, связывает коммунистическую революцию с вырождающимся рабочим классом. Он критиковал первосвященника II Интернационала Карла Каутского за его утверждение будто бы «теория Маркса и Энгельса... выводит необходимость грядущего краха капитализма из роста пролетариата и его силы и зрелости...»³⁶. В «Капитале», — писал Э. Бернштейн, — «... Маркс излагает теорию переворота, в которой говорится не о растущей силе и зрелости пролетариата, а о его «вырождении» и рабстве»³⁷.

И первый ревизионист был прав на все сто процентов. В своем основном, опубликованном при его жизни труде, в первом томе «Капитала» Карл Маркс действительно связывал грядущий революционный взрыв с пауперизацией большинства рабочего класса, с его абсолютным обнищанием. Здесь, в первом томе «Капитала», он ни на иоту не отступил от исходного тезиса «Манифеста коммунистической партии», гласящего: «Крепостной в крепостном состоянии выбился до положения члена коммуны так же, как мелкий буржуа под ярмом феодального абсолютизма выбился до положения буржуа».

Наоборот, современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится паупером, и пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство. Это ясно показывает, что буржуазия неспособна оставаться долее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона.

Она неспособна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того чтобы кормиться за его счет. Общество не может более жить под ее властью, т.е. ее жизнь несовместима более с обществом»³⁸.

Позже, уже в России на это фундаментальное противоречие между учением Карла Маркса о социализме как царстве красоты и таланта и его учением о субъекте пролетарской революции обратил внимание П.Б. Струве. «Свое эмпирическое основание «теория круше-

ний», — писал он, — нашла у Маркса в учении о естественно необходимом обнищании народных масс с течением капиталистического развития.

Этого учения Маркс никогда не оставлял, но оно отвергнуто фактами и почти совершенно отброшено марксистами. И если бы это учение было правильно, его правильность была бы только доказательством против возможности социализма, *самоосвобождения* пролетариата и прогресса культуры, таким образом, против возможности марксистского социализма»³⁹.

Конечно, было бы интересно узнать, почему Карл Маркс так и не заметил этого противоречия в своем учении, не задумался о неизбежных негативных последствиях приобщения обнищавшего, вырождающегося рабочего класса к революционному переустройству мира.

Ведь и для него было очевидно, что обнищавший человек обозлен, жаждет мести, что как только он получит оружие в руки, он с одобрения учения об относительности моральных норм начнет расправляться с ненавистными ему буржуями, и вместо созидания красоты и мысли начнет созидать виселицы для своих притеснителей. По логике обстоятельств революционного взрыва, которые Маркс и Энгельс описывали в своем «Манифесте Коммунистической партии», должно было произойти то, что потом произошло в России после Октября — расправа обнищавших рабочих и крестьян над всеми, кто жил лучше их.

Но об этом, о человеческих последствиях революционного взрыва, о тех страданиях, с которыми сопряжено революционное насилие, они, по-видимому, никогда всерьез не задумывались. Более того, они, как это хорошо известно, питали неприязнь к социалистам, задумывающимся о цене пролетарской революции, предупреждающих о грядущих ужасах гражданской войны. Энгельс, как видно из его письма к Марксу от 25—26 октября 1847 г., с пренебрежением говорит о их соратнике по «Союзу коммунистов» Мозесе Гессе, который, как он пишет «беспреданно помещает в газете свои фантазии о последствиях пролетарской революции»⁴⁰.

Возможно Маркс и Энгельс рассчитывали на то, что вырождающийся обнищавший пролетариат, вовлеченный в процесс обновления мира сам обновится, очистится от грязи зависти и ненависти? Возможно они, основатели научного социализма, увлеченные конструированием диалектических законов саморазрушения капитализма вообще теряли ощущение человеческого, эмпирического смысла описываемых процессов?

Существует много объективных причин этой поразительной невменяемости, загнипнотизированности Карла Маркса и Фридриха Энгельса, когда они излагали свое учение о пролетарской революции. Но все же главная причина поразительного спокойствия их души и совести, когда они рассуждают о революционном взрыве, наверное, состоит в исходной иерархии их ценностей.

Для них главной и нравственной, и культурной, и исторической ценностью был сам факт пролетарской революции, факт движения истории, перехода ее в новое состояние. Именно к этому желанному для них событию и были направлены все их помыслы, душевные порывы. Ими, наверное, прежде всего двигала неистребимая страсть выхода за известное, привычное, ими двигал все тот же трансцендентальный порыв в новое, неиспробованное.

Все это еще раз говорит о том, что гуманизм Маркса и Энгельса был специфическим. Да, они ценили человека, считали его центром мироздания. Но ценили они выше всего не того человека, который есть и живет сегодня, а того, который возникнет завтра, в результате прорыва пролетариата в новую историю, новое состояние.

Определяющее все мировоззрение, все учение Маркса противопоставление человека будущего, так называемого «родового существа» человеку настоящему, т.е. «неподлинному существу», испорченному, как он полагал, всей организацией капиталистического общества ⁴¹, было изначально противоречиво по своей нравственной направленности.

Оно могло быть источником духовного прогресса, ибо призывало человека стать лучше, чем он есть, совершенствовать свои знания, развивать свои способности.

Но одновременно, оно могло служить оправданию самых страшных преступлений против личности, общества. Деление людей на подлинных и неподлинных личностей, стремление Маркса лишить повседневного, «испорченного» человека суверенности, невольно вело к новому, теперь уже классовому расизму.

Оно вело прежде всего к пренебрежительному отношению к «неподлинным» личностям и классам.

Если согласиться с Марксом, что только пролетариат обладает «умом» и «сердцем», что только он в состоянии познать смысл и цели общества, то надо признать, что все остальные люди и классы являются в социальном отношении неполноценными, что им не дано ни познать свои интересы, ни отстаивать их.

Характерное для Маркса человекобожие, его искренняя вера в то, что каждый смертный, единственный человек в состоянии подняться до родового человека, воплотить в своем конкретном существовании идеальную сущность человечества, преодолеть противоположность между сущностью и существованием, несло в себе не только заряд оптимизма, но и революционной нетерпимости, само по себе провоцировало насилие над тем человеком и той жизнью, которые есть сегодня.

Взобравшись на высоты родовой сущности человека, Карл Маркс уже ничем не мог помочь тем, кто остался внизу, тем «неистинным», «случайным» людям, которые нуждались в его советах.

А если он и опускается на землю, берет на себя смелость указывать людям как им быть, начинает говорить от имени того, что было и

что есть, становится трезвым реалистом, то тотчас же вступает в противоречие с тем Марксом, который остался на вершине идеала.

Примечания

1 Но как только живой труд теряет это свое качество «как только... рабочее время перестает и должно перестать, — добавляет Маркс, быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости», то «тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости» (См.: М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 214).

2 См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 280.

3 См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 18—19.

4 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 415.

5 Там же, с. 416.

6 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 275.

7 Там же, т. 6, с. 256.

8 Там же, т. 20, с. 95.

9 См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.

10 Там же.

11 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 39.

12 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

13 См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 4.

14 См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 422.

15 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 175.

16 См.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 7, с. 86.

17 «Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, в последнем счете, только сила, и мы должны заботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и наступательном употреблении её» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 18).

18 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 47.

19 См.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 23, с. 10.

20 «Революция есть акт, — писал Энгельс, — в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 305).

21 См.: Лисицкий Г. Мифы и реальность, «Новый мир», №11 с. 172.

22 См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 447.

23 См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 331.

24 См.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 22, с. 520.

25 «История показала, — писал во «Введении к «Классовой борьбе во Франции» Энгельс, — что и мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 22, с. 535).

26 Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 4, с. 331.

27 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 118.

28 См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 20.

29 См.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 4, с. 162.

30 М а р к с К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 579-624.

31 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 440.

32 См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 358.

33 См.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 4, с. 14-15.

34 «... Что касается личной психологии Маркса и его личных чувств — писал, к примеру, С.Н. Булгаков, — мне кажется довольно сомнительным, чтобы такие чувства,

как любовь, непосредственное сострадание, вообще теплая симпатия к человеческим страданиям, играли такую, действительно, первенствующую роль в его душевной жизни. Недаром даже отец его в студенческие годы Маркса обронил как-то в письме к нему фразу: «Соответствует ли твое сердце, твоей голове, твоим дарованиям?» Бу л г а к о в

С. Н. Маркс как религиозный тип. М., 1902, с. 8.

35 См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 114.

36 Бернштейн Э. Очерки из истории теории социализма. С. -Петербург, 1902, с. 281.

37 «Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 772).

38 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 435.

39 Струве П. Марксова теория социального развития. Киев, 1905, с. 47.

40 См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 97.

41 См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 397.

«Новое мышление» и старая совесть

Легче ли возводить новое здание на «чистой площадке»?

«Перестройка»... Какое неизящное, неблагозвучное слово! И означает что-то техническое, строительно-монтажное... Да и обращено оно не столько вперед — к сияющим вдали высотам, сколько назад — к чему-то один раз уже не очень удачно сделанному. В былые-то времена от наших лозунгов дух захватывало, кровь закипала.

Все — впервые в истории, все — вновь, все — без оглядки, все — только во всемирном масштабе. Как призывал, находя восторженный отклик у читателей, Маяковский:

*Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним...
Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!*

Нет, ничего мы тогда не хотели ни *ДО*страивать, ни *ПЕРЕ*страивать. Мы возводили хрустальное здание коммунизма на полностью очищенной от какого бы то ни было старья площадке социальной жизни! Сама мысль о возможности использования в этом священнодействии старых, бывших в употреблении стройматериалов представлялась кошунственной. Как отметил Гавриил Попов: «Строить новое легче на чистой площадке. И чем сложнее строительство, тем сильнее тяга к «чистой» площадке. А чем меньше новое здание стыкуется со старым, тем сильнее соблазн не возиться со старым: легче снести и начинать сначала. Для слова и начала новой стройки требуется меньшая квалификация, чем при попытке что-то использовать из старого. Недаром реставратор — более сложная профессия, чем строитель»¹.

«Более сложная», и тем не менее строить у нас несравненно престижнее, чем перестраивать, доделывать за кого-то! Так-то оно так, только ведь, говоря о «перестройке», мы сейчас не о добавлении шестого этажа к блочной пятиэтажке толкуем, а о «радикальной перестройке» всей нашей жизни! Дел нам история к сегодняш-

нему дню припасла — невпроворот. Да каких! Разработать и опробовать экономические методы управления народным хозяйством, возродить рынок; восстановить в правах и освоить на практике демократию, законность, гласность; поставить науку на службу обществу, очистив от забивших все ее поры приспособленцев и бездарей; сравняться хотя бы и не с самыми развитыми странами по производительности труда и качеству продукции; поднять благосостояние и бытовую культуру до уровня, за который хотя бы было не стыдно; очистить от толстой корки наслоений и сделать их привлекательными хотя бы для самих себя наши социальные идеалы; разработать и внедрить систему образования, воспитания и профессиональной подготовки, соответствующую новым условиям жизни и задачам, стоящим перед страной; найти способы остановить стремительное скатывание к экологической катастрофе; добиться перелома в международных отношениях — перейти от бесплодной конфронтации к конструктивному (хотя бы на уровне сосуществования) сотрудничеству в разрешении мировых политических, экономических, экологических, гуманитарных проблем... И все это задачи не абстрактного будущего, а сегодняшние, неотложные, ни на кого не переложимые... Перед всем миром нам за них ответ держать!

Один из крупных итальянских деятелей, приехав в Москву, имел основания заявить: «Если ваша перестройка не удастся, мир может погибнуть»². Вот так стоит вопрос.

Нет, не случайно это скромное «строительно-монтажное» слово употребляется у нас как синоним к слову «революция». И смелости, радикальности, размаха, сотворения принципиально нового, небывалого оно отнюдь не исключает. Наоборот — радикально изменившаяся историческая ситуация требует, может быть, слишком резкого изменения многих наших представлений, понятий, реакций. Даже Рассел с Эйнштейном, призывая в 1955 г. политиков учиться «мыслить по-новому», не представляли, похоже, насколько радикальным должен получиться предлагаемый ими переворот сознания, чтобы человечеству удалось выжить.

«...Тысячелетние традиции сейчас надо безжалостно ломать, от них надо напрочь отказываться. Иначе проблема выживания человечества может оказаться неразрешимой, — сказал М.С. Горбачев, отвечая на вопросы «Юманите». — В ядерный век нельзя жить — во всяком случае долго жить — с психологией, привычками и правилами века каменного».

Насколько проще и приятнее было бы решать эту эпохальную задачу, если бы речь шла только о явно «дурных» традициях, только об откровенно «ущербной» психологии, только об осужденных передовым общественным мнением привычках и правилах поведения! Но в том-то и заковыка, что поворота жизнь потребовала куда более крутого. Ломки! То есть отказа и от того, что до сих пор казалось незбылемым, правильным и даже высоким.

О масштабах намечающегося переворота в умах говорят такие хотя бы штрихи. В соответствии с «новым мышлением» каждая из противоборствующих в международной политике сторон должна быть искренне озабочена, чтобы не обрести военное превосходство. Мало того, — развитым странам надо идти на жертвы ради экономического здоровья стран, которые могут потом стать их конкурентами. И это нужно для экономического здоровья собственной страны — мир един и не делим! А признание общечеловеческих интересов выше классовых и региональных?

Даже в столь деликатных вопросах, как понятие героизма, национальной гордости, патриотизма, мы явно подошли к рубежу, когда от многих убеждений и «правил поведения» нам жизненно необходимо избавиться. В уже цитированной беседе с Г. Поповым высказывалась такая вот «неожиданная» для традиционной историографии мысль: «Народы, населяющие нашу страну, на протяжении длительного исторического периода не только жили бок о бок, не только помогали друг другу, но не раз и воевали между собой... Возникает ситуация, которую я описал бы вопросом: что делать, когда память одного народа сталкивается с памятью другого народа? Когда одно и то же событие требует различных интерпретаций?

Битва при Калке была трагедией для Руси эпохи раннего феодализма: в результате было положено начало татаро-монгольскому игу. Но, с другой стороны, битва при Калке была, видимо, событием противоположного свойства для завоевателей: не исключено, что именно благодаря этой победе они сохранили себя в истории. Проиграй они тогда эту битву, их полчища, возможно, откатились бы в степи и память о них исчезла бы так же, как исчезла память о печенегах и половцах. Поэтому иная «Память» (имеется в виду организация, которую вправе создать потомки Чингисхана. — А. Н.) могла бы поставить на месте битвы знак в честь победы над русскими. Логично? Но тут возникает вопрос: а как отнесутся нынешние жители тех мест к попытке поставить такой памятник?..³

Задержите на этом месте, дорогой читатель, свою мысль, не спеша соглашаться или отвергать. За высказанным просматривается, как мне кажется, еще одна крупная «драма идей» конца XX в. Жаль, что Г. Попов не захотел углубляться в нее, как она того заслуживает, и предложил в результате несколько облегченное решение задачи. Что именно имею я в виду? Давайте порассуждаем. Я сам давно с неприязнью воспринимаю современные сочинения на исторические темы, где, допустим, при описании татаро-монгольского нашествия не древние русичи (что было бы естественным и объяснимым), а нынешний автор воспринимает завоевателей как каких-то полуживотных, тупых садистов. Да и над картиной Сурикова «Покорение Сибири Ермаком» я не раз задумывался: а что если на изображенную битву взглянуть глазами не Ермака, а тех, кто с луками и копьями бесстрашно пробуют заслонить родную землю от вооруженных пушками и ружьями завоевателей?

Проявление «нового мышления» с моей стороны? Помилуйте. Это же слабый ответ старых, как мир, гуманизма и чувства справедливости, куда более яркие проявления которых мы можем встретить у весьма отдаленных наших предков. В стремлении же быть справедливым не на старый манер, а совсем иначе, в соответствии с нормами XXI в., уважаемый автор оказывается в странной (в данном случае) позиции. Он признает право за потомками Батяга гордиться битвой при Калке, но почему-то негодует по поводу аналогичной гордости потомков генерала Скобелева и Муравьева-вешателя. Ну, а вдруг бы Российская империя, потеряв она Польшу и не присоедини Среднюю Азию, утратила свою мощь, свое величие, и, не дай Бог, подобно половцам и печенегам, оказалась бы забытой потомками? Вот ведь что получается, когда в стремлении быть по-новому благородными, справедливыми и «широкими», мы отбрасываем (как устаревшие) мерки, по которым наши предки определяли эти самые благородство и справедливость. Хотели осудить великодержавный русский имперский «патриотизм», а в итоге оправдали его, уравнив в праве на гордость собой и поработителя и его жертву.

Стоя на пороге радикальнейших перемен в мышлении и системе ценностей, через которые человечество с неизбежностью должно будет пройти за весьма короткий отрезок времени (иначе оно действительно рискует исчезнуть и даже куда более непоправимо, чем это произошло с половцами и печенегами), мы должны, с одной стороны, быть смелыми, раскованными от навязанных нам в прошлом предрассудков и предубеждений, а с другой — предельно осторожными, ответственными. Чему-чему, а уж недоверию к быстрым, легким решениям сложных социальных проблем история нас должна была, вроде, научить. И к ломке старого, отречению от опыта предков.

«Строить новое легче на чистой площадке»... Строить, может быть, и легче, а вот построить труднее. Почему-то все время получается не то, что нарисовано в проекте.

Со строительством социализма мы, подбадриваемые и запугиваемые поклонниками казарменного коммунизма, тоже очень спешили. И что же получилось?

«Не было создано общество, которое по всем признакам могло бы стать примером, образцом для подражания, стимулом в борьбе за социалистическое преобразование мира», — очень деликатно отвечает на этот вопрос известный журналист-международник А. Бовин⁴. Как это понимать? Или социализм может быть в принципе малопривлекательным, отпугивающим трудящихся развитых стран (что А. Бовин далее раскрывает на примерах), или все же «та форма социализма», которая была создана у нас в 30-е гг. по чертежам одного из самых кровавых тиранов за всю историю человечества, совсем не социализм? А в связи с осточертевшим оправдыванием сотворенного тем, что настоящий социализм нам некогда было строить, ибо обстановка в мире была сложная, невольно вспоминается юмореска 16-й полосы «Литературной газеты». Помните? Завод, борясь за высокую произво-

дительность труда и за выполнение своих социалистических обязательств, досрочно выполняет заказ. И тут руководство завода начинает мучить любопытство: а что именно их коллектив героически (на два месяца раньше, чем на продукцию появились чертежи) сотворил? Спрашивает об этом директор у главного инженера, а тот не знает. «Слишком быстро делали, — говорит, — не успели понять, что именно». «Надо разобрать, — предлагает директор. — Посмотреть...» «Нельзя разобрать, — отвечает главный инженер — Сильно быстро делали. Никто не помнит, как собирали». Решили использовать метод аналогии, вспомнить, что завод вообще выпускает, и сравнить параметры.

- Может быть, это скрепка?

- Нет. Бумагу она не держит.

- Ну и что? У нас все скрепки бумагу не держат.

- И потом она для скрепки великовата — 26 метров в длину и 42 в высоту.

На застежку для лифчика продукция тоже не походила, и на шагающий экскаватор, и на картофелечистку (номенклатура завода)... Не помог метод аналогии. Решили призвать на помощь заказчика. Очень обрадовался тот досрочному выполнению заказа, но... что именно их предприятие заказало сказать не мог.

- В конце года заказывали, торопились очень заказать (чтобы оставшиеся деньги успеть израсходовать).

Так и осталось невыясненным, что завод сделал досрочно. А это нечто, между прочим, работало — гудело, иногда шипело. Больше, правда, ничего не умело.

Похожая ситуация возникла у нас и со строительством социализма. Что-то мы за 70 лет построили. Большое. Ни на что не похожее, а что именно — весь мир понять не может. Тоже «сильно быстро» мы свой социализм делали.

Особенно коварны стремление расчистить до основания стройплощадку от всякого «старья», торопливость, игнорирование накопленных человечеством в прошлые эпохи ценностей и истин в сфере духовной культуры. Здесь «революционный отказ» от старых норм, старых правил поведения, старых принципов (под флагом ли борьбы за «новое мышление», под флагом ли выработки «истинно научных критериев красоты и совести») очень просто может обернуться аннигиляцией духовности как таковой. Это тем более опасно, что происходит незаметно. Нехватка колбасы или мебели сразу всем становится очевидной, кризис же совести или вкуса в том и проявляется, что их отсутствие перестает восприниматься и поэтому совсем не удручает. Тем паче, что многие трубадуры научно-технического прогресса не устают твердить, что в эпоху НТР логика и разум могут и должны заменить все ветхозаветные механизмы нашего сознания. Совесть — в том числе.

Тут мы, думается, подошли к главной опасности, которую надо иметь в виду и обязательно избежать в борьбе за «новое мышление».

Дело в том, что, приступая к «перестройке» всей нашей жизни, к ее тотальному «оздоровлению» и с неизбежностью прибегая при этом к самым революционным, радикальным мерам, мы все еще не отдаем себе отчета в чрезвычайной специфичности духовно-нравственной сферы, в преступности (да, да, не просто в бесплодности, а в преступности) попыток «рационализировать» ее с позиций методов и критериев сциентистского, технократического мышления. А именно оно захватило (и не собирается их отдавать) командные высоты современной цивилизации.

Душа и синхрофазотроны

Ведя глубокомысленный разговор об устаревших традициях, «пещерной» психологии, привычках, которые надо безжалостно ломать, мы обычно относим все это, чего греха таить, не к себе и не к своим близким, а к каким-то волосатым немывтым существам, говорящим «чаво» и сморкающимся в кулак. Такую «пещерность» одолели бы и эстрадные куплетисты. В том-то и трудность, что та «пещерность», о преодолении которой мы ведем речь, держится чуть ли не на «три шага впереди самого прогресса». И одолевать ее требуется не только на мировой арене, но и внутри каждого из нас.

И если окинуть освобожденным от шор взглядом все виды воздействия на человеческое сознание, при помощи которых педагоги, идеологи и политики вырабатывают отношение к научно-техническому прогрессу, то с болью приходится признать: немало мы все приложили сил и весьма преуспели в том, чтобы внедрить в души многих уже поколений эту самую прогрессистскую «пещерность», которая осуществляет себя прежде всего в разного вида проявлениях сциентизма и технократизма.

Особое коварство данных феноменов в том, что они создают иллюзию своей «инструментальности», «вспомогательности» и, вроде бы, совершенно не претендуют на то, чтобы как-то подменить, вытеснить старые гуманитарные (идеологические, культурные, моральные, философские) ценности. Они как бы «только» объясняют их научно, позволяя избавиться от мифов и заблуждений, от ценностей ложных, преходящих... Опасное недомыслие! Технократизм, как угарный газ, — он тоже «без цвета и запаха». Дышишь им и не понимаешь, что этим самым накапливаешь яд в своей крови, что, чем активнее и глубже ты будешь дышать, тем быстрее твоя кровь станет непригодной для жизни.

Сциентизм в науке и технократизм в мировоззрении проявляются в убеждении, что все проблемы человеческого бытия, все социальные конфликты могут быть, должны быть и будут разрешены в результате научно-технического прогресса и только благодаря ему. При этом «научность» отождествляется исключительно методами точных и естественных наук. Чем это опасно? Тем, что под флагом такой «науч-

ности» дезавуируются методы и принципы нравственного, эстетического, идеологического познания, профанируются социальные науки, вульгаризируются жизненно важные для человека представления. «Человеческий фактор», о котором сегодня говорится как о важнейшем социальном векторе и без учета которого нельзя всерьез решить ни одну глобальную общественную проблему, для сторонника технократических представлений — досадная помеха, «шум», как говорят кибернетики.

Какие «плоды» дает сциентистский подход, когда его (из самых добрых побуждений, разумеется) переносят из области математики, физики, химии, биологии, техники в сферу человеческой духовности и социальности, можно увидеть на таком вот конкретном примере.

В свое время, выступая на Стокгольмском симпозиуме «Человеческие ценности в мире фактов», академик В. Энгельгардт дал классически сциентистскую трактовку понятия «свобода».

«...Свобода — одна из величайших человеческих ценностей, — рассуждал наш видный ученый-биолог, — но несколько противоречивая. Как только условия общественного существования улучшаются, личная свобода каждого слегка сокращается. Причем сокращается ровно настолько, насколько с необходимостью увеличивается усложненность жизни. Не всем это нравится. Недостаточное осознание необходимости ограничения свободы в связи с усложнением общественных отношений «является причиной многих брожений и беспорядков нашего века, особенно среди более молодого поколения». Энтропия — это стремление к беспорядку. Усложнение же организации материи (особенно живой материи) противостоит ей. И чем выше уровень организации, тем больше степеней зависимости, тем меньше свободы. «Появление элементов социального порядка приносит с собой ограничения, которым подвергается член любого общества, и свобода начнет уменьшаться — точно так же, как энтропия уменьшается с появлением порядка в форме биологической организации...» «Полная свобода, когда «все дозволено», есть не что иное, как произвол, как анархия со всеми ее разрушительными последствиями».

Если не вдумываться, то тут все, вроде бы, убедительно: чем больше связей у молекулы, тем больше зависимостей, а значит — подчинения. «Все дозволено» — это очень нехорошо... Ну, а если все же вдуматься? Если подойти к понятию «свобода» с позиций человека, а не молекулы? Получается ведь, что рабовладельческий строй должен предоставлять индивиду несравненно большую свободу, чем все последующие все усложняющиеся и обогащающиеся связями общественные формации!

Поучительно, сколь новый смысл обретают старые формулы, попадая в сциентистский контекст! Вспомнив слова Энгельса о том, что свобода есть осознанная необходимость, ученый говорил: «Из этого великолепного определения следует, что свободу приходится ограничивать, приходится жертвовать ею до такой степени, как этого требует необходимость». Однако, при философском прочтении энгельсов-

ских слов (а философия, в отличие от естественных наук, вбирает, по крайней мере, должна вбирать гуманистический подход к явлениям), «осознанная необходимость» — это такая необходимость, которую сам человек внутренне принял, преодолел, которая уже не мешает ему, не угнетает его, не оскорбляет его... Иначе преступник, осознавший, что посадили его в тюрьму в общем-то по заслугам, должен был бы ощущать себя вполне свободным человеком.

Но как разграничить эти тонкие психологические, ценностные, духовные квалификации, подходя к ним с позиций атомов и молекул? Трудновато! Вот и приходится трактовать хулиганский принцип «все дозволено» как идеал свободы, а на молодежь, замешанную в «брожениях и беспорядках нашего века», смотреть с недоумением и укором, точно на атомы, отказавшиеся вдруг ни с того ни с сего соблюдать таблицу валентностей...

Весьма знаменательно, что выступление, о котором идет речь, было опубликовано у нас под рубрикой «Мышление XX века». И самое печальное, что эта публикация ни у кого ни разу не вызвала несогласия, протеста, желанья возразить. Мы уже привыкли отождествлять научность с естественнонаучностью, а технократический «радикализм» в пересмотре незыблемых еще недавно гуманистических принципов и методик — с «мышлением XX века».

Думается, среди самых печальных последствий этого на первое место без колебаний мы вправе поставить серьезную эрозию нравственности. Разумеется, в эрозии этой повинен не только сциентизм, но свою весомую лепту в процесс деградации духовной культуры он, бесспорно, внес. Смеем уверить, обвинение это — не плод луддистских настроений.

Ситуация усугубляется во сто крат тем прискорбным фактом, что наука в условиях господства массовой культуры сама во многом является ее продуктом и фундаментом одновременно. Гениальный провидец такого рода процессов Ф. Достоевский еще более ста лет тому назад с величайшей тревогой писал об этих зависимостях: «Никогда разум не в силах был определить зло и добро или даже отделить зло от добра, хотя бы приблизительно; напротив, всегда позорно и жалко смешивал; наука же давала разрешения кулачные. В особенности этим отличалась полунаука, самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны, неизвестный до настоящего столетия. Полунаука — это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, пред которым все преклонилось с любовью и с суеверием, до сих пор немислимым, пред которым трепещет сама наука и постыдно потакает ему».

Но мы очень упростили бы диалектику взаимоотношений научного прогресса и нравственности, если бы увязывали указанные процессы только с «полунаукой». Я не сомневаюсь в принципиальной достижимости гармонии между научным знанием и духовной высотой (гармония предполагает ведь единство разного!). Но о том и речь, что для этого сама наука должна преодолеть нынешний свой во многом еще

вульгарный уровень. Для этого, в частности, требуется и выработка точного понимания пределов компетенции точного и естественного знания, а также — осознание специфичности знания гуманитарного (не путать гуманитарное *знание* с гуманитарной *наукой!*) и особых механизмов его выработки, сохранения, передачи. Пока же...

Макса Борна трудно заподозрить в неуважении к науке, тем паче в луддизме, но вот какие выводы сделал он к концу жизни: «Хотя я влюблен в науку, меня не покидает чувство, что методология естественных наук настолько противоречит всей истории и традициям человечества, что наша цивилизация просто не в состоянии сжиться с этой научной методологией. Ужасы современной политики и милитаризма, полный распад этики — всему этому я сам был свидетелем за свою жизнь. Эти ужасы можно объяснить не как симптом эфемерной социальной слабости, а как необходимое следствие роста науки, которая сама по себе есть одно из высших интеллектуальных достижений человека... Наука и техника разрушают этический фундамент цивилизации, причем это разрушение, возможно, уже непоправимо... Настоящие ученые составляют, как всегда, ничтожное меньшинство; однако внушительные успехи техники поставили их на ключевые позиции в обществе. Они прекрасно сознают явно преимущество своего образа мышления, но плохо видят его принципиальную ограниченность. Их политические и этические суждения поэтому зачастую примитивны и опасны»...⁶

Такого рода тревоги с каждым годом обретают все большую остроту. Технократ же становится все более опасным. Вспомним хотя бы про идею СОИ. И опасен он, разумеется, не только возле кнопок термоядерного оружия. Смертельно опасны сами его представления о сущности прогресса. Американское общество «Мир будущего» выступило однажды с прогнозами дальнейшего развития человечества. Что и говорить, просто голова кружится от восторга, когда мы заглядываем вперед на десятилетия. Объем научной информации обещает каждый год возрастать на целых 13%! В 1990 г. в США будет уже 35 тыс. роботов! Для удобства водителей дороги вот-вот покроются датчиками микрокомпьютеров... При этом умалчивается, что по пути к этому машинному раю в ближайшие 15 лет ежегодно с лица земли будет исчезать 10 тысяч растений и животных (каждый час по виду). Такова плата за «прогресс», понимаемый как торжество нового над старым. Чем больше нового и меньше старого, тем больше прогресса!

На одном из Московских кинофестивалей туманный Альбион был представлен фильмом с весьма задиристым названием — «Музыку не остановить!» Кому адресован вызов, заключенный в этом названии, кто и зачем пытается остановить музыку — в этом не разобраться, не уяснив, о какой именно музыке идет речь. А идет она не о музыке вообще, не о всякой музыке, но только о «современной», только о легкой, о гремящей и ритмической. О музыке конца XX в., то есть, как не раз навязчиво подчеркивают герои фильма — «простые парни и девушки», которые, случайно встретившись, играючи, создают сног-

сшибательный ансамбль и победно шествуют с ним по миру, потрясая слушателей бодрыми ритмами и непринужденностью исполнительских манер. Ясно, что «остановить» эту музыку, музыку будущего, норовят ретрограды и консерваторы, закостеневшие в своем развитии на уровне допотопных мелодий Бетховена и Шостаковича. Не выйдет! Современная музыка — не какая-нибудь жалкая оспа, которую «остановить» оказалось возможным. К чему еще обязывает наш бурный век, может объяснить такой вот эпизод фильма. Главный герой его — «простой», разумеется, парень спортивно-жеребцового экстерьера, встретив главную героиню (тоже очень интеллектуальную) не стал томить зрителей излишними проволочками, уложил ее на кровать и погасил свет. Прошло несколько мгновений и из темноты раздался ликующе-удивленный возглас героини: «Ой, что это ты делаешь!..» Ты еще не то испробуешь, — последовал самодовольный ответ жеребца. — Ведь это любовь восьмидесятых годов!..»

Но то далекий Альбион, а вот снимок московского корреспондента. На нем — «смазанная» бешеным порывом танца пара. Парень с женской прической и со сползшим на сторону галстуком, девушка с разинутой, простите, пастью. Друг на друга не смотрят, руки у того и у другого глубоко в карманах. Подпись: «Современные ритмы».

Припадочные люди, думается, встречались и в Древней Греции. Почему, спрашивается, их ритмы ближе нашему веку, чем ритмы ироничных сократовских бесед, в ходе которых философ учил жить и умирать без суеты, с достоинством? Увы, ритмы сократовской мысли «не резонируют» с «духовным и общественным сознанием» достаточно многих наших современников. Так мы расплачиваемся за «прогресс» деградацией нравов, утратой чувства достоинства. Но приведенные примеры характеризуют это с точки зрения внешних, зримых форм поведения. Большим самообольщением было бы думать, что за антиэстетизмом внешним все же прячутся тщательно маскируемые россыпи внутренних духовных богатств.

Когда студент (!) Сергей В. заявил со страниц «Литературной газеты», что со столь «нафталинным» занятием, как чтение книг, пора кончать, ибо и без того его мозг перенасыщен информацией, получаемой в дискотеках, кафе и барах, то поразил не сам по себе этот меморандум (мало ли недоразвитых людей было всегда на белом свете!), а то оживление, с которым и союзники и противники «концепции Сергея» приступили к обсуждению «поднятых им проблем». Нужно ли мыть шею в век космических полетов? Того и гляди, и в этом вопросе наиболее современно мыслящие юноши обнаружат тайну, неожиданный, «свежий» поворот в разговоре о небывалых рубежах, достигнутых цивилизацией.

«Многие произведения классики никак не резонируют с духовным и общественным самосознанием человека начала эпохи космической, ядерной. Вздохи, чье-то там дыханье, трели соловья.... А эквивалентного заменителя, отвечающего духу нашего времени — нет. Все это инстинктивно уловил Сергей В...». Данный текст сочинен не школь-

ником и не студентом, а старшим научным сотрудником, работающим не где-нибудь, а в университете. Бедный космический век!

«Правосудие должно свершиться, хотя бы погиб мир», — говорили древние римляне. Красиво говорили, благородно! И все же такие звонкие афоризмы позволительно было брать в качестве руководства к действию лишь до тех пор, пока гибель мира оставалась только аллегорией. «Ничто не может остановить прогресса науки!» — твердят наукопоклонники. Если «ничто», то и говорить об этом нечего, тем не менее ведь твердят, заклинают. И, думается, именно потому, что ощущают преступность творимого от лица прогресса над планетой и человеком, чувствуют необходимость оправдать конкретные действия некоторых ученых и целых научных направлений, вызывающие сомнения, а порой — негодование.

Тут прогрессопоклонники наверняка улыбнутся снисходительно — это, мол, для нас, отдельных индивидов с нашей коротенькой жизنيшкой и жаждой душевного комфорта, столь важна нравственная оценка деятельности выдающихся ученых. Для теории же важен только конечный результат, история — дама весьма ироничная. Все мы на нее работаем, хотя убеждены, что на себя да на своего внука Митю. А она, история, научилась даже из суммы мелких зол и пакостей творить одно большое Добро и в итоге неотвратимо приближать торжество Абсолютного Духа. Но фатализм романтичен, пока у пистолета, приставленного к гусарскому виску, происходят осечки. А когда он срабатывает?.. Столь ли уже красивы мозги, размазанные по потолку? А ведь сейчас игрушки-фаталисты приставили револьвер (небрежно крутанув барабан) не к собственному лбу, а к виску человечества.

Твердя об общем благостном апогее научно-технического прогресса, который наступит непременно и облагодетельствует буквально всех людей, «прогрессисты» не обходят порой вниманием высказывания классиков марксизма, которые тоже-де считали мораль «бессилием в действии», а все надежды возлагали на объективные законы развития, на прогресс науки и техники.

Начав в ходе перестройки следствие по делу сталинщины, общественная мысль последовательно добирается до идеологических и теоретических корней этого преступного явления и с неотвратимостью приближается к комплексу проблем, до сих пор исследовавшихся очень некачественно (как мне кажется), узко и предвзято. Речь идет о таких вопросах, как политика и мораль, классовое и общечеловеческое, насилие и нравственность...

Революция и совесть

Принцип приоритета общечеловеческих ценностей над ценностями классовыми, партийными, групповыми, региональными, национальными, если он завоеует реальное признание в нашем обществе,

станет одним из важнейших завоеваний «нового мышления». И дело даже не в том, что без такого признания, без основанных на нем компромиссов мир, напичканный десятками видов и типов смертоносного оружия, мир, доведенный до края экологической пропасти, долго не просуществует.

Новое мышление призвано спасти не только природу от человека, но и человека в человеке. Тем паче, что ни та, ни другая задача по отдельности не решается. Но если в первом случае мы знаем, в общем-то, что спасать, не зная, как спасать, во втором — мы весьма смутно представляем пока, что именно надо спасать, чтобы спасти в человеке человека.

Говорят, что тот, кто утратил в душе святых, высокие цели, идеалы, за которые он готов отдать жизнь, уже не Человек. Наверное, верно говорят. Но иранские фанатики за свои святых готовы без колебаний и сами умирать и других убивать. Они что — эталон человечности? Этому сектантству идеалов, религиозной, региональной, национальной, классовой ограниченности идеалов сейчас все громче противопоставляются общечеловеческие ценности. Абсолютно хорошие, противостоящие всякому групповому эгоизму, вечные... Какие именно? Тут-то и возникает некоторая настороженность. Что-то слишком уж узким оказывается набор такого рода добродетелей. Милосердие, доброта, терпимость, способность к покаянию... Складываем эти добродетели и получается что-то очень хорошее, но... как бы это помягче выразить... постное какое-то, благостное и, извините, искусственное, нежизнеспособное.

Очень узкий сектор мы оставили, как мне кажется, для поисков общечеловеческого. И одна из причин этого — игнорирование непрерывной диалектической противоречивости всех полнокровных явлений жизни, в том числе и качеств души.

Мне представляются, в частности, не только неверными, но и вредными попытки довольно большой уже (и все увеличивающейся) группы обществоведов и публицистов отделить общечеловеческие ценности от ценностей революционных. Не стоит, думается, пусть даже и справедливые обиды на конкретные следствия конкретной нашей революции распространять на великие (хотя почти всегда с неизбежностью и трагичные) законы исторической диалектики!

Свобода, равенство, братство, демократия, всеобщая правовая защищенность, веротерпимость... Все это для нас величайшие общечеловеческие ценности и блага. Но стоит ли забывать, что таковыми они были не всегда, что формировались они в ходе жестоких (увы!) европейских революционных бурь? Буржуазно-демократических? Конечно. Однако, в том, что буржуазно-демократические революции — это не только шаг вперед в экономическом развитии общества, но и очень важный этап в общечеловеческом духовном развитии, тоже забывать не стоит.

Связь революционного с общечеловеческим двоякая. Революционное творит новые общечеловеческие качества и ценности — это с

одной стороны. А с другой — оно само испытывается, проверяется на «истинность» критерием старых общечеловеческих нравственных мер. Ведь «общечеловеческое» — это, собственно говоря, есть не что иное, как просто человеческое. Приоритет общечеловеческого, стало быть, есть приоритет человеческого в Человеке. Только и всего. И усматривать в признании такого приоритета (как это сделал В. Сайкин на апрельском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС) «бездумное перенесение на нашу социалистическую почву вредных семян чуждой идеологии», значит становиться безнадежно старомодным. И уж по крайней мере, такую бдительность нам пора перестать воспринимать как безусловную примету верности революции.

Способность обретать качество общечеловечности, соответствие уже сформированным нормам общечеловечности — главное отличие той революционности, которая созидает, которая выводит общество на новый уровень культуры, от той «революционности», которая разрушает, отбрасывает назад, ведет к деградации экономической и духовной. Следует оговориться, что оба типа революционности могут сочетаться в одном человеке, переходить друг в друга и т.д. Из чего, однако, не следует, что мы не должны их различать, опознавать, оценивать раздельно. Давно ведь установлено: и добро может становиться злом, и зло может служить добру. Но это не дает нам права их отождествлять и смешивать.

С этих позиций мы, думается, и должны начинать поиск глубинных идеологических корней сталинизма. Поиск, ведущий (и уже приведший) нас к взискательному критическому исследованию и ленинизма, и марксизма, и революционности как таковой. В этом отношении не вижу никакого криминала в стремлении ревизовать итогами нашей революции верность и человечность целого ряда взглядов и теорий прошлых поколений революционеров. Тех, прежде всего, разумеется, за которыми просматриваются попытки отречься от общечеловеческих норм нравственности как досадных пут и помех в деле скорейшего революционного преобразования мира. В этом с А. Ципко трудно не согласиться. Можем ли мы предъявить это обвинение основоположникам марксизма? Маркс и Энгельс бесспорно были революционерами по убеждениям. Стало быть, если и не поэтизировали насилие как средство разрешения социальных конфликтов, то во всяком случае, признавали его неизбежность и историческую продуктивность. В качестве характерного можно привести хотя бы ответ Энгельса на вопрос: «Возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем?». «Можно было бы пожелать, чтобы это было так, — ответил он, — и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать. Коммунисты очень хорошо знают, что всякие заговоры не только бесполезны, но даже вредны. Они очень хорошо знают, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу и что революции всегда и везде являлись необходимым следствием обстоятельств, которые совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов. Но, вместе с тем, они

видят, что развитие пролетариата почти во всех цивилизованных странах насильственно подавляется и что тем самым противники коммунистов из всех сил работают на революцию»⁷.

Я не собираюсь делать из классиков марксизма благостных вегетарианцев. Стоит перечитать хотя бы «Уроки Коммуны», чтобы понять, учение их предполагает: коль скоро революция стала фактом, в силу вступают законы войны, отступать от которых — значит обречь свой лагерь на поражение. Я не комментирую, я констатирую.

Война всегда сама по себе зло и пакость, но из этого не следует, что каждый втянутый в ее жернова должен становиться злодеем и пакостником. Маркс и Энгельс, во всяком случае, не призывали во имя торжества социализма отрекаться от совести, порядочности, милосердия и прочих «устаревших буржуазных и нравственных канонов».

Говоря о будущем, Маркс избегал всякой экзотики; он вел речь об очень простых и понятных любому изменении жизни, — например, об утверждении «власти объединившихся индивидов». Он не только не ставил под сомнение как «устаревшее» понятие совести, но и видел в его утверждении чуть ли не главную цель всей революционной и общественной деятельности. Призывая в одном из своих произведений всех честных современников объединиться против правительств, ведущих аморальную политику, для разоблачения их деятельности, он так вот сформулировал конечную цель: «Добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами»⁸.

Общие теоретические рассуждения, в которых редко кто не выглядит нравственным и красивым? Давайте обратимся к конкретной практике. Журналистка Е. Лосото с большой иронией относится к тем хлипким интеллигентам, которые больше ста лет неизменно вздрагивают при имени Нечаева: «Нескольких студентиков превращают в пугало для обывателя. То ли нас предостерегают Нечаевым, то ли нас высмеивают»⁹.

Воздадим должное неустрашимости представительницы слабого пола, ибо «студентик» этот в свое время очень напугал и продолжает пугать многих отнюдь не трусливых, вроде бы, мужчин. Ф. Достоевского, например, который предостерегал об опасности нечаевщины во многих статьях и речах. Даже целый роман этой опасности посвятил и назвал его весьма пугливо — «Бесы»...

Так вот Маркс и Энгельс видели в линии, связанной с именем «студентика» Нечаева, одну из главных опасностей для Интернационала и всего революционного рабочего движения.

В чем состояла эта опасность?

«Еще до Базельского конгресса, когда Нечаев приехал в Женеву, Бакунин связался с ним и основал в России тайное общество среди студентов, — говорилось в циркуляре Генерального Совета Международного Товарищества рабочих, написанном Марксом и Энгельсом в 1872 г. — Постоянно скрывая свою собственную персону под именем

всяких «революционных комитетов», он добивался неограниченной власти, опирающейся на всевозможные обманы и мистификации времен Калиостро»¹⁰.

Вожизм, сектантство, раскольниковство, провокации, интригантство — вот что пугало основоположников марксизма в «студентике» Нечаеве. Но за этими «мильми» слабостями проглядывало нечто еще более отвратительное и опасное. Что? «Нечаев же либо русский агент-provokator, либо, во всяком случае, действовал как таковой»¹¹, — пишет в этом же году Энгельс. Может ли быть что-то еще более опасное, чем работа подпольщика на охранку? Оказывается, может. «Еще раз прошу Вас быть осторожным со всеми лицами, которые связаны с Бакуниным... Одним из его главных принципов является утверждение, что верность своему слову и тому подобные вещи — просто буржуазные предрассудки, которыми истинный революционер в интересах дела должен всегда пренебрегать»¹².

Вот в чем, оказывается, причина самых больших страхов Маркса и Энгельса. Нечаевщина — это попытка «освободить» революцию от нравственности, революционера — от совести, чести, порядочности и прочих «буржуазных предрассудков», как иронизирует Энгельс. Суть издевки в том и состоит, что нравственные ценности, качества и критерии — общечеловеческое обретение и достоинство! Освободиться от их «пут» под грохот ультрареволюционных выкриков — значит освобождаться от человеческого в себе, профанировать те высшие и благородные цели, ради скорейшего достижения которых якобы и следует пренебрегать велениями совести и порядочности.

А посмотрите, как «красиво» поэтизировалось нечаевцами освобождение от морали в «Катехизисе революционера»: «Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей... ни даже имени. Все в нем поглащено единым, исключительным интересом, единой мыслью, единой страстью... Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности должны быть задавлены в нем единою холодной страстью революционного дела... Стремясь хладнокровно и неумолимо к этой цели, он должен быть готов и сам погибнуть, и погубить своими руками все, что мешает ее достижению».

Согласитесь, это сочинено не бездарно, как не бездарна идея «белокурой бестии» у Ницше. Подобная поэтизация надморальности способна засосать экзальтированную благородную душу, как засасывает ласковая болотная жижа. Иначе нечаевщина и не представляла бы особой опасности. Нравственное растление революционного движения — что может быть для него пагубнее? Как мы видели, Маркс и Энгельс это хорошо понимали и пытались бороться с нечаевщиной изо всех сил. Одолели ли? — это уже другой вопрос. Марксизм ведь — это не только Маркс с Энгельсом. А сталинщина — это победа нечаевщины при первой крупной попытке реализовать марксистские идеи на практике.

Но отвергать на этом основании революционность как таковую, отрицать за угнетенными право противопоставлять силу произволу и насилию — значит встать на сторону именно насилия. Не в самом по себе признании насилия — семя сталинизма. Русская революция заблудилась на каком-то этапе из-за потери компаса нравственности, чем нечасовцы умело и воспользовались.

Главная слабость марксистского учения в неразработанности философии духа. Причины этого понять не трудно. Первоочередной задачей марксистской теории в период ее возникновения было обоснование неизбежности и продуктивности революционных скачков в историческом развитии, доказательство их объективной (прежде всего — экономической) предопределенности. Отсюда почти полная сосредоточенность на исследовании объективных процессов общественного развития, отсюда культ Гегеля и невнимание к Канту, отсюда постоянная произвольная дискредитация любого проявления любой субъективности, в том числе и специфики эстетических и нравственных явлений. Я уверенно пишу «произвольная», ибо мы без труда можем найти в трудах Маркса и Энгельса массу высказываний и оговорок, из которых со всей очевидностью следует, что они в общем-то понимали сложность, многофакторность, многоступенчатость (а зачастую — алогизм) общественного процесса, недопустимость прямого вывода из принадлежности к классу или формации, тем паче, из средств производства «духовных или идеологических их эквивалентов». Да и сам исторический процесс они понимали как общий итог столкновения отдельных человеческих волей, стремлений, желаний, интересов и т. д.

Увы, отдельные высказывания и оговорки философской системы не образуют. Марксистская философия духа до сих пор не создана. И думать, что это не отразилось на революционной практике, осуществлявшейся под знаменем марксизма, было бы наивно.

Особо трагично это воздействовало на идеологию революционности именно через отрицание общечеловеческих критериев нравственности. Нет, не об эпатазирующем, экстремистском отрицании (типа нечаевского) в данном случае идет речь, а о серьезных исканиях и заблуждениях людей, чей собственный высокий нравственный уровень для меня несомненен. Вычленим для иллюстрации два высказывания как две вехи в русле классического марксизма.

«Каждый из трех классов современного общества, — пишет Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», — феодальная аристократия, буржуазия и пролетариат, имеет свою особую мораль»...¹³

Свою. Особую! Это высказывание перекликается с известной мыслью Маркса о том, что «у республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего — иная, чем у неимущего, у мыслящего — иная, чем у того, кто неспособен мыслить»...¹⁴

За этими высказываниями просматривается характерный для XIX в. всеобщий взлет естественнонаучного знания, отринувший религиозные представления о божественном происхождении и неземной «аб-

солютной» сущности духовных явлений. Наука с воодушевлением фиксировала многообразие национальных представлений о красивом и безобразном, добре и зле, сущем и должном. Много интересного открывала наука XIX в., устанавливая факты исторической изменчивости взглядов и критериев в духовной сфере. Накапливался богатейший эмпирический материал, из которого еще только предстояло извлечь философские истины. И на этом нелегком пути следовало избежать Сциллы идеализма и Харибды вульгарно-материалистических трактовок. Предстояло!

Маркса и Энгельса вряд ли стоит упрекать в проповеди нравственного релятивизма. В практическом оперировании нравственными категориями релятивистами они явно не были. Беда в том, что до материалистического серьезного исследования природы и критериев нравственности (вообще — духовности) у них просто «руки не дошли». Тем не менее в разговорах об «особой» совести у разных классов и сословий сквозь правильную саму по себе констатацию обусловленности частных нравственных норм условиями жизни и особыми интересами людей, увы, просматривается опасная недосказанность, особый акцент, позволяющие релятивистски размыть общечеловеческий инвариант нравственных норм, позволяющие, опираясь вроде бы на «основополагающие установки» Маркса и Энгельса, вульгарно материалистически трактовать сущность духовных явлений. А отсюда — один шаг до пошлого прагматизма, корыстного манипулирования понятиями морали. Но я никогда бы не рискнул все эти следствия неразработанности приписывать основоположникам марксизма как чуть ли не свидетельство идеологической диверсии с их стороны.

«Идеи, .. которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца...»¹⁵, — так вот молодой Маркс писал о совести, ключевой этической категории. Но это все же пока только предошущение невозможности разорвать во имя чего бы то ни было узы совести, их неподвластности грубому прагматизму. В чем критерий нравственности при этом? Как совесть формируется, чем измеряется (если не практическими результатами поступков)? На такого рода вопросы на первичном этапе своего развития марксизм убедительных философских (с позиций онтологии, генезиса и гносеологии) ответов не дал. И даже не пытался всерьез их ставить.

И это была очень опасная недоработка, во многом предопределившая удручающую легкость, с которой сталинизм растлил на волне революционного энтузиазма огромное число убежденных, самоотверженных революционеров.

Идеи особости моралей, пренебрежение к любым попыткам найти общие и вечные нормы нравственности в революционных кругах ложилось как нигде на плодотворную почву. Революционное насилие, будучи неизбежным, требовало оправдания, освящения теорией, защиты со стороны укоров нравственного характера. С другой сторо-

ны — неразработанность природы нравственного знания вводила в соблазн выдвигать практически выгодные, удобные, соответствующие задачам дня критерии нравственности.

Было это и у В.Ленина, не раз пробовавшего дать сугубо классовую трактовку критериев нравственности: «... Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата». ¹⁶

Мысль эта, увы, проверки жизнью не выдержала. Горький, но поучительный штрих — незадолго до смерти Ленин саму возможность создания республики, достойной называться советской и социалистической, напрямую связал с тем, удастся ли бюрократический государственный аппарат власти поставить под контроль вновь придуманного органа, в котором большинство бы составляли «элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести»... ¹⁷ Вот тебе и фатализм, рассудочность, упование на объективные законы экономики! Веления сердца, совесть, смелость, порядочность объявляются решающей (чуть ли не единственной!) гарантией социализма. Не мера нравственной высоты выводится из меры полезности для дела революции. А полезность для дела революции ставится в прямую зависимость от нравственной высоты людей. По-разному можно назвать этот поворот на 180° — можно капитуляцией, а можно прозрением. Но если учесть, что самые значительные свои открытия (вспомним нэп) Ленин совершил именно в последние годы жизни, то, видимо, все-таки и здесь мы имеем дело с прозрением, а значит, и с еще одним завещанием относительно жизненной важности соединения политики с нравственностью, без чего о народовластии могут говорить, пожалуй, только циники и пройдохи.

Подлинная демократия (не говоря уж о народовластии) начинается, думается, только там, где зарождается осознанное социальное творчество народных масс, строительство жизни «по правде», «по совести». Старомодные наивные слова, как видите, оказываются вполне совместимыми с суровыми реальностями XX века. Вернее сказать — «могут оказаться». Смогут ли — это уже другой, очень нелегкий вопрос. Ответить на него, похоже, история поручила нашей перестройке.

Перестройка — это очищение!

Думается, пора нам уже перестать жить представлениями XIX в., когда еще можно было при желании уйти от политики, спрятаться в «личную жизнь», раствориться в глубинке и при этом сохранять за собой право считаться порядочным человеком. Связка «политика — нравственность», хотим мы того или нет, стала ключевой в личностной структуре любого человека. Применительно к писателям, очень любившим в прошлом прятаться в башню из слоновой кости, хорошо

об этом сказал Альбер Камю: «До сих пор, худо ли хорошо ли, всегда можно было уклониться от участия в истории. Тот, кто не одобрял, мог молчать или говорить о другом. Ныне все изменилось, и само молчание приобрело страшный смысл. С того момента как само уклонение стало рассматриваться как выбор и за него стали вознаграждать или наказывать как за выбор, художник, хочет он того или нет, оказался взятым на борт. «Взятый на борт» здесь мне кажется более подходящим выражением, чем «принятый на службу». Ведь в самом деле, здесь нет речи о том, чтобы художник добровольно поступил на службу, скорее это обязательная воинская повинность. Ныне каждый художник взят на борт галеры своего времени. Ему приходится с этим примириться, даже если он чувствует, что галера пахнет селедкой, и считает, что стража на ней слишком многочисленная и, кроме того, неправильно взят курс. Мы в открытом море. Подобно другим, художник должен грести, не умирая, если у него хватит сил, т.е. продолжать жить и творить»¹⁸.

2 декабря 1986 г. драматург М. Шатров записал в блокноте-дневнике: «Соседка, студентка, принесла из института план семинарских занятий по теме: «XXVII съезд КПСС». Вполне современные темы: «XXVII съезд и развитие демократии», «XXVII съезд и борьба за мир», знакомые и понятные слова. Но что-то не так. Смотрю внимательно. Оказывается, в ротاپринтно изданном плане напечатано XXVI, а затем аккуратненько, ручкой исправлено на XXVII. Вот и вся перестройка в преподавании общественных дисциплин в одном из ведущих институтов страны»¹⁹.

Наверное, вся наша перестройка и все наше «новое мышление» будут выглядеть в глазах потомков приблизительно так же, если мы не реализуем мощный нравственный потенциал перестройки. В потенциале этом заключено ведь «божественное триединство»: цель, средство и гарантии необратимости.

Маркс отмечал когда-то, что буржуазная пресса стремится внушить читателям «отвращение к политике»²⁰, увести их в болото обывательщины. Политика всегда охотно помогала прессе в этом, давая достаточно оснований к отвращению. Вот и получалось, что широкие массы трудящихся, народы как таковые не только искусственно изолировались государством от политики, но и сами сторонились ее, как чумы. Политикам такая безразличность создавала большие удобства для того, чтобы за спинами народов превращать свое ремесло во все более отвратительное и циничное. Но одно дело — заниматься нечестной политической игрой и манипулировать сознанием людей в условиях, когда это ведет «только» к их ограблению, и совсем другое — сейчас, когда выдача политики на откуп прожженным профессионалам ведет к безответственному жонглированию жизнью всего человечества. Сама ситуация вынуждает и, думается, вынудит всех людей, все народы стать субъектами исторического процесса, политиками. Но, сделав политику своим делом, «объединившиеся индивиды» и народы уже никогда не захотят всецело и бесконтрольно доверять свои

судьбы, судьбы своих детей, судьбы планеты особым аппаратам управления, особым государственным органам.

Перестройку нашу не случайно связывают иногда с понятием «очищение». Причем речь идет прежде всего именно о восстановлении в общественной атмосфере нравственных ценностей, резком повышении роли общественного мнения. Процесс этот, если он не будет прерван, без сомнения, окажет влияние на развитие событий отнюдь не только у нас в стране. Влияние норм нравственности на межгосударственные отношения?... Право слово, такая постановка вопроса у людей искушенных в политике до сих пор могла вызвать разве что ироническую улыбку.

Ф.Энгельс восхищался смелостью мышления Гегеля, который не побоялся говорить о зле как о форме, в которой проявляется движущая сила исторического развития. Оправдание, поэтизация зла? Нет, диалектический анализ противоречивого характера прогресса в определенных исторических условиях. Энгельс тут же и раскрывает, в каких именно: «С тех пор как возникла противоположность классов, рычагами исторического развития сделались дурные страсти людей: жадность и властолюбие. Непрерывным доказательством этого служит, например, история феодализма и буржуазии»²¹. «Непрерывным»... В том-то и суть, что диалектика общественного развития подвела человечество к той черте, за которой, если оно и дальше в своем движении вперед вздумает опираться на жадность и властолюбие, цепь примеров продуктивности зла в истории рискует «прерваться» самым трагическим образом, увя.

Зло служит прогрессу! Признание такого единства знаменует торжество гегелевской диалектики... Но диалектика учит и другому: истина всегда конкретна. Еще недавно зло и прогресс в историческом процессе выступали как «единство противоположностей». Ну, а когда «прогресс», основанный на служении злу, начинает с неотвратимостью подводить к мировой катастрофе? Такой «прогресс» перестает быть противоположностью зла, и их единство уже не дает диалектического развития! Стало быть, надо искать иные единства, которые обеспечивали бы прогресс в новых условиях. Например, единство совести и политики, эгоизма и заботы о других. Даже заботы о противнике! Мы не хотим обладать большей мерой безопасности, чем США, это нам невыгодно, это опасно, ибо возбуждает недоверие! — так вот неожиданно для многих было провозглашено новое продуктивное именно для сегодняшнего дня «единство противоположностей», ибо «высшая мудрость не в том, чтобы заботиться исключительно о себе, а тем более в ущерб другой стороне».

Можно сказать, что человечеству приходится сейчас пересматривать привычные отношения между силой и совестью. До победных реляций нам еще, конечно, очень далеко, тем не менее, можно привести немало примеров, когда действие в соответствии с велениями совести неожиданно оказалось выгоднее в политическом отношении, чем демонстрация силы.

Еще неожиданнее начинают складываться взаимоотношения совести с экономикой. Из мировых экономических тупиков просто уже, похоже, не выбраться без радикального пересмотра межгосударственных экономических принципов. Идея новой мировой экономической политики в отношении развивающихся стран все явственнее проявляет свою неотвратимость. А ведь в основе ее, можно сказать, лежит тоже понятие совести по отношению к целым народам.

Экологической катастрофы народам мира тоже явно не избежать, если оставаться на позициях чистого прагматизма. Только введение нравственных координат в сферу отношения человека к природе оставляет еще пока надежду на хотя бы относительный успех.

Интересно, что уйдя от Гегеля с его служащими прогрессу жадностью и властолюбием, мы неожиданно вернулись к Канту с его знаменитым категорическим императивом: поступай так, чтобы правило твоего личного поведения могло стать правилом поведения для всех, никогда не относись к другому как к средству для достижения своих целей, но всегда как к цели в себе! Только императив этот из надличностного закона, регулирующего отношения отдельных индивидов, превращается в универсальный закон, призванный регулировать отношения и отдельных людей, и целых государств²². А это уже что-то новое, небывалое. И как не гордиться тем, что первыми осознали и необходимость, и неизбежность такой «диалектики» в нашей многострадальной стране. Случайность тут проявилась? Отнюдь.

В нашей жизни и борьбе последних лет отчетливо просматриваются две стойкие тенденции: нацеленность на развитие демократических начал и четко обозначившаяся ориентированность на нравственные критерии. Тенденции эти не просто взаимосвязаны, они взаимно обусловлены. Роль субъективного, личностного или, как стало сейчас принято говорить, «человеческого» фактора в условиях зарождающегося народовластия возрастает настолько, что он из «сопутствующего», «способствующего» (или мешающего) момента социального бытия превращается в один из его решающих, *системообразующих* моментов. Демократизм, гуманизм, коллективизм — это не внешнее украшение, даже не «дизайн» в условиях народовластия, это его внутренние «несущие конструкции» и «рабочие органы». Это его существенные черты.

Выступая в Калуге, А. Н. Яковлев призвал добиваться, чтобы «жить и работать по совести стало незыблемым правилом, а не лозунговой рутинной», ибо «революционных преобразований в обществе не может быть без глубоких нравственных сдвигов»²³.

Возврат к старым просветительским лозунгам? Совесть ни выйти из «моды», ни «устареть» не может. Чем больше и чем дальше вглубь веков и народной жизни уходят корни нашей нравственности, тем мы современнее. Так что возврат наш к вечным, старым, как мир, нормам народной нравственности рождает оптимизм. К тому же это ведь не платонический призыв жить по совести каждому в отдельности, а

призыв сообща создать в стране глубокого нравственную атмосферу, в которой такая жизнь стала бы законом.

Примечания

- 1 «Знамя», 1988, № 1, с. 188.
- 2 «Литературная газета», 30.09.1987.
- 3 «Знамя», 1988, № 1, с. 190.
- 4 «Известия», 1987, № 192.
- 5 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 10. Л. «Наука», 1974, с. 199.
- 6 Борн М. Размышления. -- «Литературная газета», 11.03.1970.
- 7 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 331.
- 8 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 11.
- 9 «Комсомольская правда», 26.09.1986.
- 10 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 13.
- 11 Там же, т. 33, с. 332. (Тактика «подталкивания» революционного процесса у Нечаева, как известно, состояла в том, что он выдавал начинающих революционеров охранке, чтобы они увязли в революции и не могли «уйти в сторону».)
- 12 Там же, с. 333.
- 13 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 95.
- 14 Там же, т. 6, с. 140.
- 15 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 118.
- 16 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 309.
- 17 Там же, т. 45, с. 391.
- 18 Теория литературы. М., 1965, с. 493.
- 19 «Огонек», 1987, № 4, с. 4.
- 20 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 93.
- 21 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 296.
- 22 Не случайно думается, все-таки именно кантовская философия подвела к выводу о необходимости заключения всеобщего соглашения о мире на земле (к идее «вечного мира»), гегелевская же диалектика убеждала в неизбежности и даже полезности войн.
- 23 «Правда», 16.07.1987.

Наш дорогой Роман Авдеевич

Предлагается описание некоторых деяний и любопытных казусов из жизни одного прочно забытого ныне государственного мужа второй половины XX в. Начинал он свое восхождение в нашем городе, и автор имел возможность собрать и записать те истории, которые во множестве ходили среди обывателей. Зачем это автору понадобилось? Неизвестно, может быть, потому, что записи такие не поощрялись. Не принято было записывать, вот он и записывал. Передавать эти истории огласке запрещалось, их постоянно энергично опровергали и посему они прочно сохранялись в памяти горожан. Изустная, так сказать, история. Без документов и фотографий. Порой некоторые происшествия смахивают на анекдоты. Однако, они происходили. Автор ни в коем случае не хотел бы обличать свой город или свою эпоху. Наоборот, будучи патриотом и того и другого, автор изо всех сил пытается понять действительно ли мы заслужили Романа Авдеевича. Утверждение, что каждый народ заслуживает того правителя, которого имеет, вызывает некоторые сомнения.

Роль выдающейся личности, как известно, велика. Был ли герой этих записей выдающейся личностью — сомнительно, однако роль его в истории нашего города велика. Автор вообще пришел к странному выводу, что не обязательно быть выдающейся личностью, чтобы играть в истории большую роль.

В прежние времена отцы нашего города не могли играть большой роли потому, что у них не было особо большой власти. Но в последней половине нашего века власть так увеличилась, что наш Роман Авдеевич обладал властью ничуть не меньшей, чем какой-нибудь монарх. То есть не какого-нибудь, настоящего самодержца. С той разницей, что монарх передает свою власть детям и, следовательно, заботится о том, чтобы не развалить свою страну и не довести подданных до бунта.

Про королей, царей, императоров собирали анекдоты, изречения, затем печатали их. Про наших правителей не собирают и не издают ни в коем случае. Между тем, особенно в глубинке, можно услышать такие истории, такие чудеса там творят местные начальники, какие ни одному самодержцу и не снились. Если у нас что и известно, то только про Москву. Хотя из-за кремлевских стен многое не уви-

дишь. В нашем же городе укрыться труднее, свои стены, конечно, имеются, но они пониже и пожиже.

По мере того как записи пополнялись, оказывалось, что Роман Авдеевич, хотя фигура и достоверная, зафиксированная во всех документах, но в то же время как бы и химера, ибо никаких государственных следов его пребывания не осталось — все стерто, замазано, зашпаклевано так, словно его никогда и не было. Но с другой стороны, ничего исключительного тут нет: у нас любого правителя стоит только сменить, и сразу выясняется, что заслуги его преувеличены, властью он злоупотреблял, подданных, а также природу довел до бедственного состояния. Имя его вычеркивают из словарей, энциклопедий, мемориальные доски снимают и вскоре считается, что такого деятеля не было, никаких следов его существования найти нельзя.

Одно время автор хотел создать галерею правителей нашего города. Идея эта воодушевила краеведов. После долгих хлопот им отдали бывший музей отца народов, который так и не успели открыть. Были собраны портреты, бюсты, фотографии, а также некоторые личные вещи персеков, их ордена, грамоты и газетные вырезки. Однако в последний момент власти спохватились, увидев в этой галерее сатирический умысел. Оказалось, что все они были замешаны, уличены, причастны... Вывеску «Галерея персеков» так и не успели повесить. «Персек» — так называют у нас сокращенно первых секретарей, ибо они-то и являются нашими правителями. Первым «персеком» окрестили у нас одного пышущего здоровьем и любовью к себе Достойнейшему. Щеки его были покрыты нежным пушком и смуглым румянцем, так что сравнение с персиком напрашивалось само собой. Следующий за ним нежного румянца не имел, но был достаточно упитан и сочен, так что название «персик» подошло и к нему. Слово «персек» произносится как среднее между «персеком», то есть первым секретарем, и «персиком», то есть фруктом. Термин укрепился и вошел в словарь народных говоров нашего региона.

Галерея персеков, по мысли автора, должна была служить наглядным пособием для изучения истории города. Был персек, который приказал сносить ограды, заборы для «развития духа коллективизма». Прежде всего, снесли художественные, фигурные решетки, те, которые были занесены в альбомы. Это он успел. Следующий выстроил новые будки для регулировщиков в виде эмалированных подстанников. Третий персек остался в памяти населения тем, что завивался, делал маникюр и клал румяна. Портреты его выставлялись в витринах, украшенные хвойными ветками... Автор ни в коей мере не собирается соперничать с бесподобной щедринской «Историей города Глупова». Наш город носит совсем другое название и, хотя расположен неподалеку от Глупова, однако находится полностью в иной эпохе. Кроме того, автор поставил себе куда более скромную задачу, — рассказать всего лишь об одной персоне, о «нашем дорогом Романе Авдеевиче», как величали его много лет все выступавшие.

Появился Роман Авдеевич на своем посту внезапно. Собственно все они появлялись непредвиденно, спускались вдруг сверху как парашютисты. Как всякий новый начальник, он вел себя ровно, возмущался прежними порядками. Неважно, что до своего появления он, оказывается, пребывал в аппарате предыдущего персека. Пребывал в безвестности. Безвестность имела свои преимущества. Роман Авдеевич ждал своего часа. Но делал вид, что ничего не ждет. Не следовало засветиться раньше времени. А так как он не числился претендентом, то на него не обращали внимания. Борьба шла между вторым и третьим лицами. Они держали друг друга мертвой хваткой. Тут и возник Роман Авдеевич. Он стоял в стороне, руки по швам, ожидая команды, свободный от групповщины, невыполненных обещаний и взгляд Центра успокоенно остановился на его свежем лице.

Впоследствии выяснилось — произошло все это не так уж случайно. Роман Авдеевич давно был помечен крестиком. За что? За аккуратность. Очень хорошо он составлял списки, или регламент для ведения собрания.

Еще в школе он знал, что далеко пойдет, недаром он уверял своих одноклассников, что пароходы и колхозы будут носить его имя. Такую он поставил себе задачу и не разбрасывался. Он не был мечтателем. Ум его отличался практичностью, он не засорял свою голову беллетристикой, стихами или математикой, химией. Он знал цитаты, даты, штаты, а также имена-отчества. Доперсековский период его жизни несколько противоречив и невнятен. Иногда Роман Авдеевич приводил примеры из своей жизни станочника, иногда — из трудовых будней на колхозной ферме.

Став персеком, он округлился, разгладился, уплотнился, то есть приобрел большой удельный вес и законченность. Круглое лицо его, снабженное острыми ушками, имело нечто кошачье и в то же время обрело свойственное новой должности румяно-загорелое персиковое обличье. Свообразие Роману Авдеевичу придавали два признака — правильные черты его облика никогда не менялись, они отличались законченной неподвижностью, ругался ли он, грозил, хвалил, — все в нем сохраняло то же выражение железной непреклонности, отлитое раз и навсегда. Вторым отличием его был малый рост. Не так уж чтобы очень, но некоторое несоответствие возникало. Об этом Роман Авдеевич втайне досадовал. Он носил туфли на высоком каблуке, держался пряменько, даже несколько вытягиваясь. Впрочем, известно, что многие великие люди отличались небольшим ростом, — например, Наполеон, Нерон, Гитлер, Чаушеску, а также Сталин, которому на трибуне Мавзолея ставили скамеечку, чтобы он смотрелся вровень со своими соратниками. Кроме того, — Пушкин, Павлов, Лев Толстой. Рост, то есть высота великих людей, чрезвычайно интересовала Романа Авдеевича. Набиралось довольно много великих людей, которые имели росточек ниже среднего. Тем не менее, Роман Авдеевич испытывал из-за этого некоторый дискомфорт.

Внутренняя жизнь города с появлением Романа Авдеевича сильно оживилась. Вновь, как в былые времена, население призвали к борьбе. Врагов народа уже не стало, космополитов и абстракционистов извели в предыдущих кампаниях, диссидентов же для массовой борьбы явно не хватало, диссиденты размножились главным образом в Москве. Борьба с инакомыслием кое-какая велась, но не ожесточенно, потому что инакомыслящие быстро отказывались и переставали мыслить. Надо было найти что-то свое, местное, необыкновенное. Необыкновенное это значит новое, а новое это значит хорошо забытое старое. Пытливый ум Романа Авдеевича отыскал среди старых заброшенных кампаний одну незавершенную и политически неиспользованную. То была кампания против собак в городе. Казалось бы, при чем тут персек, достойно ли ему заниматься подобными мелочами? И кампанией это не назовешь, скорее — мероприятие на районном уровне. А у Романа Авдеевича сознание было не обыденное. У него была психология истинного борца. От одной борьбы он шел к другой. «И вся-то наша жизнь есть борьба», — строку эту он пел с особым чувством. Массы должны иметь конкретных противников, с которыми можно бороться, — учил он, — еще лучше иметь врагов. Надо таких врагов находить. Готовить их надо и поставлять. Хороший враг тот, кого можно побороть, это дает народу чувство удовлетворения. Всеобщая борьба шла в это время за продовольственную программу. Как победить в такой борьбе никто не знал. Картошка, к примеру, сгнила, — где тут враг? Роман Авдеевич нашел другой подход. Он взял ведущий дефицит продовольствия — мясомолочный продукт. Допустим, не хватает мяса. А почему? Кто, кроме трудящихся, потребляет мясо? Присмотритесь. Мясом кормят, оказывается, собак, ну еще кошек. Улавливаете? Не бродячие, не бездомные, а именно домашние собаки пожирают мясопродукт. Трудовой человек стоит в очереди за мясом, ему не хватает мяса. Почему? Потому что мясо уходит на собак. Предложили подсчитать количество собак в каждом районе. Считали не стеснялись. Затем умножили на дневной рацион, на колбасу, баранину и прочее, умножили на количество районов, — и перед потрясенным обывателем предстал главный виновник нехватки мяса. Спрашивается, — что надо делать? Поднять гнев людей на тех, кто позволяет себе держать собак и кошек в такой период народной жизни, гнев на этих собачников, на хозяев этих овчарок, мурок, такс, бульдогов... Благодаря Роману Авдеевичу был открыт огромный источник мяса. Уничтожив собак, мы решим один из основных пунктов продовольственной программы! Роман Авдеевич показал, что мелких вопросов в политике нет, важно найти новый подход, повернуть проблему, открыть в ней политический смысл. Гений — это ведь человек, который умеет видеть мир несколько иначе, чем остальные люди.

Борьба с собаками развернулась по всем направлениям. Запретили выгул их, уничтожили собачьи площадки, ввели налоги, увеличили

штрафы, организовали прессу, радио, появились активисты кампании, ибо у каждой кампании есть свои энтузиасты и передовики. Расширили движение за счет кошек. Роман Авдеевич не любил и кошек, он не любил никаких бесполезных, ничего не производящих животных, он признавал только те существа, которые годились в пищу рабочему классу. Нельзя сказать, чтобы собако-кошко-владельцы сдались, они тоже боролись, писали, обращались куда только могли: в редакции, в профсоюзы, министерства, разные отделы ЦК, Совмина, Верховного Совета, творческие союзы... Соппротивление в такой борьбе воодушевляет. Жалобщики вынудили Романа Авдеевича сделать следующий шаг — были опрысканы химическими составами собачьи площадки города. Собаки стали слепнуть, их приходилось усыплять. Знаменитая эта кампания была, как видите, не мелким ведомственным делом, Роман Авдеевич поднял ее на высоту, на уровень решения экономической проблемы. Жаль, что остальные регионы страны не подхватили его начинания.

Собак в городе не стало видно, мяса тоже. Оно все реже появлялось в магазинах. Но к этому времени Роман Авдеевич уже развернул другую борьбу.

Кроме кошек и собак, Роман Авдеевич не любил творческую интеллигенцию. Откровенно говоря, он всякую интеллигенцию не любил, но творческую особенно. Вначале он не любил ее инстинктивно, не зная про нее ничего. Поют, играют, картинки рисуют, — что это за работа, это же не продукция, в план-отчет не входит. Познакомился он с творческой лабораторией на памятнике Отечественной войне. Надо было рассмотреть проекты памятника. Специалисты год рассматривали их и отбирали. Но одно дело искусствоведы, художники, архитекторы, другое первый секретарь. Спрос с него. Он отвечает, ему доверено, оттого, что он лучше понимает, что нужно городу. Следовательно, он лучше знает что хорошо и красиво. Вот скульптор поместил в центре композиции золотого мальчика. Партизаны, солдаты, все они смотрят на маленького золотого мальчика. Однако на вопрос, что эта фигура означает, скульптор точного ответа не дал: скорее всего мальчик выражает Надежду, Победу, Веру, Будущее... Много красивых слов и никакой окончательной формулировки. Неясно. Роман Авдеевич смотрел на скульптора неподвижно, понимал, что такой вопрос могут задать ему самому. И что он ответит? И вообще что это за памятник, если он вызывает вопросы?

Всем известно, что Победа должна изображаться в виде женщины. При чем тут мальчик? «Победа» — она женского рода, Победа должна быть солидной, роскошной женщиной с мечом или венком или еще с каким-то символом. Удалить придется мальчика. Заменить! В прежнее время Роман Авдеевич велел бы поставить на этом месте, в центре, если не женщину, то генсека, разумеется, нынешнего, поскольку он участвовал, но увы... Подумав, предложил заменить мальчика фигурой матроса, флот тоже участвовал, а представителя флота не видно, и остальных надо проверить, чтобы все виды оружия

были налицо. Скульптор что-то возражал, но недолго. Указания Романа Авдеевича были выполнены, и получилось неплохо, во всяком случае у членов ПЭБэ, которые приезжали, памятник не вызывал вопросов, выглядел он богато, красный гранит блестел, свежие венки всегда лежали, памятник был представлен на премию. Показывая его, Роман Авдеевич чувствовал себя участником творческого коллектива: и его доля труда была воплощена в бронзу. С тех пор он смело поправлял и по линии кино, живописи и других искусств. Будучи в мастерской скульптора, Роман Авдеевич обратил внимание, что работает скульптор один, в отдельной мастерской. Обстоятельство это удивило нашего Первого. Расспросив, он узнал, что и другие скульпторы работают в одиночку, кто где. И художники таким же образом заточены, каждый в своей мастерской, писатели и композиторы соответственно работают на дому. Когда хотят, тогда и начинают работу, когда хотят заканчивают. Ни учета, ни отчета. Никто их не проверяет. Могут шататься в рабочее время по улицам, могут неделями ничего не делать. Пробовали ему осторожно напомнить насчет вдохновения, особенностей творчества, он слушал холодно, потом спросил:

— А почему это вы за них хлопочете?

Примолкли. Тогда он сказал:

— Думаете я не знаю про труд художника? Все известно. Советский художник не кустарь-одиночка. Архитекторы — кто по-вашему? Тоже художники. А являются на работу во-время, уходят со звоном, работают в коллективе у всех на виду. И обеспечивают нужды города.

В заключение предложил подработать положение о переводе всех отрядов творческой интеллигенции на коллективную работу. Создать студии, мастерские, распределить по жанрам, по темам — маринисты, лирики и т. п. Чтобы все являлись во-время и усаживались за свои партитуры и рукописи на весь рабочий день. Обеспечить пишущими машинками, мольбертами.

Идею высоко оценили наверху, но исполнение посоветовали делать постепенно, поэтапно, чтобы не будоражить мировое общественное мнение, поскольку вступили в период, когда приходится с ним считаться.

Что это такое «общественное мнение» и почему надо «с ним считаться» этого Роман Авдеевич никогда не понимал. Он ездил в Европу с делегациями, и мог сравнить. Не твердая там была власть. Все время менялась. С какой стати они оглядывались на газеты, на избирателей, на телевидение? Общественное мнение он лично мог бы за неделю привести в порядок, к общему, как говорится знаменателю. Реальностью для Романа Авдеевича было мнение начальства, прежде всего генсека, а значит его помощников, его консультантов. Далее — заведующих отделами, всех кто докладывал Главному, общался с ним. Вот чьи мнения решали, их мнения следовало знать, их мнения были дороги. Что касается городского населения, то какое значение имели их мнения, на кого они выходили? Те мнения, о которых ему докладывали, были, как правило, благоприятные. Находились, ко-

нечно, критиканы, с ними проводили работу. Предупреждали. По-хорошему. Роман Авдеевич предпочитал не вступать в контакты с такими людьми. Полностью избавиться от них он не мог, персеку полагалось принимать граждан. Они, эти граждане, с их бессчетными, ничтожными проблемами — прописками, жильем, ремонтом, и их жалобами на других начальников, каким-то образом проникали сквозь любые щели, несмотря на бюро пропусков, охрану одну, вторую, лезли как мошкара, совали в руки свои заявления, письма, плакали, кричали, грозили...

Однажды утром, одеваясь, Роман Авдеевич обнаружил, что брюки его стали несколько длиннее. Сперва он подумал, что похудел, попробовал подтянуть их, однако они не подтягивались. Вышло, что штанины стали длиннее. Взял передел другой костюм. И там было то же самое, там тоже брюки складками пошли, вроде как спадают. И третий костюм так же. Призадумался Роман Авдеевич. Какое-то тяжелое неприятное раздумье охватило его. Пришлось даже на работу позвонить, предупредить, что задерживается. Долго он сидел, пытаюсь вникнуть, что бы это значило. Перемерил еще несколько брюк, у него их было много, на все случаи, и всюду получалось одно и то же. Причем те костюмы, которые были шиты год с лишним назад, у тех брюки еще больше спадали, морщились мелкими морщинами книзу. Не могли же все брюки враз стать длиннее. Каким образом? И что вообще сие могло означать? Весь день он пребывал в мрачной задумчивости, вечером же, придя домой, заперся в своем кабинете, стал у дверной коробки и, как в детстве, карандашом на уровне макушки провел черточку, незаметную тонкую линию-отметку. Кроме того, заказал себе туфли с каблуком чуть повыше.

Вскоре после этого Роману Авдеевичу удалось радикально решить проблему с посетителями. Решил по-своему свежо, смело, так как никто до него не решал. Автор не собирается приукрашивать деяний своего героя, как это обычно делают биографы, но и не хочет превращать свою летопись в памфлет. В идеале следовало бы придерживаться фактов, то есть излагать те анекдоты и истории, какие ходили по городу. Однако, объективности при этом достигнуть невозможно, приходится всегда делать отбор, слишком их было много, слухов, среди них самые фантастичные. Автор на своем примере убеждается, что история не может быть объективной. Тем более наша история последнего полувека. Там не то чтобы объективной, так и субъективной не сыщешь, так, чтобы историк взял и высказал то, что он на самом деле думает. «Только не поймите меня правильно» — вот что его беспокоит.

Теперь-то, конечно, легко выставить всех персеков дураками, да кто знал как все кончится. Обыватель наш, — а между прочим и автор тоже был рядовым обывателем, — не зря отдавал должное Роману Авдеевичу, не то чтобы гордился им, но и не стыдился перед другими городами, и отмечал даже некоторое умственное превосходство нашего персека. Некоторые утверждают, что Роману Ав-

деевичу подсказал один ученый решение проблемы посетителей, — может профессор, — но ряд данных говорит за то, что Роман Авдеевич мог самостоятельно разработать эту конструкцию, ибо имел диплом инженера. Автор тут полностью на стороне героя. Нужда — великая придумщица. Роман Авдеевич искал выход из положения и нашел. Очень уж у него сложилась критическая ситуация. Это потом выяснилось. Точная дата его открытия неизвестна. В городе узнали о нем после скандала, который разразился в приемной Романа Авдеевича. В один прекрасный день к зданию Обкома явилась делегация одного завода и потребовала, чтобы их принял Первый. Это так говорится, что одного завода, завод был исторический, известный на всю страну. Делегация настроена была в соответствии с революционными традициями и ни к кому другому, кроме Первого, идти не желала. Им говорят: «он на совещании». Делегаты, видать, к этому были готовы, знали, что первая отговорка у всех начальников — совещание. Ничего нового придумать не могут. На это делегаты заявляют, что подождут и будут ждать хоть до утра.

Дело у них было вот какое: заводские садовые участки собирались у них отобрать. Территория понадобилась для какого-то объекта. Сколькo ни хлопотали, куда ни обращались, ничего не добились. Все указывали пальцем на потолок, оттуда, мол, идет, сверху. На самом деле, как потом выяснилось, Роман Авдеевич инициатором хотя и не был, но не препятствовал такому решению, поддерживал. Не имел он расположения к садовым участкам. Считал, что участки эти отвлекают людей от основной работы, рожают частнособственнические инстинкты. А как инстинкт родится, так человек звереет. Копается в земле все свободное время, мысль его работает на урожай, на ягоды, на морковку и соответственно теряет интерес к политической жизни... Было еще обстоятельство, о котором Роман Авдеевич не говорил. Директора заводов жаловались ему, да и он сам замечал, что, построив домик, разведя огороды, человек менялся, возражать начинал, спорить, некоторая независимость у него появлялась, страх убывал...

Делегация стояла на своем, в переговоры не вступала, мудро рассудив, что никогда не следует вникать в обстоятельства начальства. Далее vestibюля их не пустили. Офицеры в зеленых погонах стояли в дверях, как на государственной границе. Когда им пропуск предъявляли, рассматривали его недовольно, будь их воля, они бы вообще никого не пускали.

Делегаты расположились в vestibюле основательно. Сперва думали, что персек не знает. Незадолго до этого он приезжал на завод, выступал про его величество рабочий класс, требовал заботиться о его нуждах, проявлять внимание к каждому человеку. По-видимому, не допускали к нему аппаратики, боялись, что он узнает правду и нагорит им. Так они думали первый час. На второй час стали думать, что расчет как раз идет на то, чтобы думали, что он ничего не знает. Чем дольше начальство ждешь, тем умнее становишься. В конце третьего часа захотели перекусить, в столовую не пускают. Туда тоже пропу-

ска нужны. Дед, — был такой в составе делегации, — говорит: "Вот и хорошо, заодно голодовку объявляем". Плакат написали, выставили. Тут все волшебным образом изменилось, пришло в движение. Помощник охнул, побежал докладывать шефу, и вскоре делегацию пригласили наверх. Все же рабочему человеку у нас идут навстречу. Завели делегацию в небольшой зал, усадили в мягкие кресла. Вспыхнули лампы. Телевизор в углу мерцает. Помощник предупреждает: «Сейчас, товарищи, перед вами появится Роман Авдеевич». Словно бы конференсье. Странно прозвучало это «появится», но через минуту действительно Роман Авдеевич появился собственной персоной, только на экране. В цвете — сам розовый, костюм темносиний, галстук в желтую полоску. Все крупным планом, в подробностях, сидит, бумаги читает. Некоторые подумали, что это телефильм. А на кой нам фильм? Помощник приставил палец к губам, предупредил, что Роман Авдеевич сейчас слушать будет: будет включен микрофон, телевизионная камера, так что он будет видеть делегатов на своем телевизоре. Делегаты — его, он — делегатов. Культурно и современно.

— Зачем это? — спросил дед Ульян, ничего не поняв. — Где он сам-то?

— У себя в кабинете, — сказал помощник.

— Кабинет-то где его?

— В конце коридора.

— Этого что ли? Так чего ж он там спрятался?

В это время Роман Авдеевич поднял голову, посмотрел на делегатов, сказал:

— Здравствуйте, товарищи, слушаю вас.

Делегаты переглянулись. Дед Ульян сказал восхищенно:

— Вот это техника! Хорошо устроился.

— Это он чтобы за руки не здороваться. Заразы боится, — предположил кто-то. Может, он нас заразить боится, у него забота о рабочем человеке на первом месте.

— Прогресс! Со всеми можно через трубку общаться.

— Что ж он и с женой через трубку?

— Как чай раньше пили, вприглядку.

— Зато экономия времени большая. Голова на экране доклад проносит, а сам в это время в галльоне сидит. Тулова-то не видно.

Зубоскалят хитрованы, словно бы между собой, словно передачу обсуждают.

— Вы его сами живым, наощупь, когда-нибудь видите? — спрашивают у помощника. — Может, его вообще в натуре нет, одно изображение записано.

Помощник, бедняга, сигналил им, что шеф все слышит, угомонитесь.

Они как бы не понимают, знай себе трясут.

— Или кто играет его? Наняли артиста подходящего.

Обсуждают без стеснения: щеки его налитые, то ли гримом разрисованные, то ли настоящие, надо ли разговор вести с таким лицом,

может лучше в Москву обратиться. Кто-то матюшка пустил, вспоминая как Роман Авдеевич выставлял себя защитником рабочего человека, в грудь себя бил. Вдруг дед Ульян сказал:

— Чего навалились, наверняка радикулит у него. Может, конечно, и другая причина медицинская имеется, всякое бывает.

От этих слов Роман Авдеевич на экране свекольно налился, что-то выкрикнул, кулаком стукнул, затем щелкнул выключателем, и экран погас. Помощник за голову схватился, мужики заахали: мы, мол, не разобрались, да если б знали, что нас слышат... Дед Ульян оправдывался: «Я по себе рассуждал, меня бывает так радикулит схватит, не разогнуться».

Трудно объяснить было почему именно на его сочувствие вспылил Роман Авдеевич, казалось бы, пожалел его дед... Какая-то была тут несообразность, только позднее разобрались.

Можно считать, что рабочий класс не поддержал нововведения, зато чиновный аппарат по достоинству оценил инициативу Первого. При обычном порядке проситель как войдет в кабинет, как усядется в кресло, так его оттуда клещами не вытащить. Хлопотал, добивался приема, так что теперь уж он пока не выговорится не уйдет, у него все заготовлено, он и заспорит, и будет канючить и в слезы пустится. Никак от него не отделаться. А телевизионная техника — она позволяет: «Извините, ничем больше помочь не могу», тумблером кляцнул и конец, связь оборвана, стороны хочешь не хочешь — расстались. Аппаратный народ поддержал всей душой новую систему, внедрил ее. Телеприемные оборудовали себе заведующие отделами, добились этого и замы. Им сделали боксы поменьше, с черно-белыми экранами. Пропускная способность увеличилась втрое. Начинание Романа Авдеевича было подхвачено, вошло в жизнь.

Скандал, который произошел с делегацией, в городе обсуждался бурно. Интеллектуалы доказывали, что Роман Авдеевич просчитался, допустил оплошку. Пропагандисты не знали что возразить, у всех появилось недоумение, трудно даже понять в чем оно состояло. Никто тогда не представлял подспудной причины. Во всем этом деле имелось одно обстоятельство, никому в ту пору неизвестное, настолько интимное, почти неприличное, что нельзя было чтобы о нем знали.

Дело в том, что Роман Авдеевич понял, что уменьшается в росте. Тщательно измеряя себя по отметинам на дверном косяке, он обнаружил, что укорачивается. Укорот происходил рывками: то месяц-полтора ничего, то вдруг отметочка снижается, вчера еще было нормально, а сегодня хлоп и на какой-нибудь зазорчик снизился, съехал вниз. Вроде бы незаметно, но Роман Авдеевич наострил различать каждое сокращение, ничтожный миллиметр. Потеря этого миллиметра приводила его в отчаяние. Никому не заметно, а он-то знал. Отчего происходила эта потеря непонятно. Измучившись, он решил обратиться к врачу. Но к какому? Не к хирургу же. Не только в специальности было дело, врач требовался такой, чтобы довериться можно было. От

своих домашних и то таиться приходилось. Ведь если б узнали, если б просочилось, — считай все, конец карьеры.

Лег Роман Авдеевич на очередное обследование, — это регулярно полагалось особо ценным людям, — и когда дошла очередь до невропатолога, со смешком пожаловался, что видит сон дурацкий про укорот... Врач осмотрел, расспросил, нашел организм вполне здоровым, однако что-то его поразило в нервной системе или в какой-то другой системе, потому что Роман Авдеевич слышал как врач, не удержавшись, выразился про систему, чем-то она его не устраивала. Однако, никаких лекарств не прописал, сказал, что следовало бы «скоррелировать». Для этого требуется наблюдать и наблюдать. На это Роман Авдеевич согласия не дал. Ясно было, что ничего такого явного с ним не происходило, если медицина обнаружить не сумела, то окружающие тем паче, и в то же время нечто скрытое происходило. А наблюдать за собой будет он самолично.

В обращении с подчиненными, аппаратом и всеми другими подразделениями наш дорогой Роман Авдеевич применял собственную методику. Прежде всего, он по-хозяйски использовал богатейшие запасы страха, что были накоплены в каждом подчиненном еще в грозные культовые времена. Не пропадать же им. Разумными порциями он стал пускать их в дело. Сажать к тому времени было уже не принято. Однако, если намекнуть туманно, то срабатывало. Впрочем, Роману Авдеевичу и не приходилось угрожать. Он внушал свой собственный персональный страх. Более того — трепет. Фронтовики, бывалые люди приходили в оробелое состояние без видимой причины, слово попереk ему сказать не решались. Спорить с ним никто не спорил. Поначалу было вскидывались и наталкивались на неподвижный взгляд холодных голубых глаз — давай, давай, выкладывай, посмотрим что ты за штука. Ничего не возражал, слушал, молчал пока спорщик не запинаясь, постепенно угасая. Замораживал он любого. У него был на это талант. Без всякого крика, без замечаний. Природа наделила его специальным даром холода и тьмы. Он не скрывал своих убеждений: без страха управлять нашим народом нельзя. Он твердо верил в могущество страха. Сам народ хочет страха, — так он считал, и имел теорию о том, как страх цементирует общество, способствует сплочению, порождает, если угодно, энтузиазм. Сознательность в каком-то смысле — дитя страха, человек стремится оправдать свой страх, хочет показать, что он поддерживает идиотскую идею начальника не из-за страха, а потому, что эта идея имеет глубокий смысл. Не беспокойтесь, смысл этот он придумает, найдет. Откуда система наша получала своих теоретиков, защитников.

Многие начальники страх любят употреблять, да не знают где его нынче взять, из чего сделать. Роман же Авдеевич разработал самобытную систему. Берет, например, и без всякой причины человека с должности, допустим, секретаря горсовета, посылает директором совхоза в глубинку. На укрепление. Секретаря райкома на киностудию ставит. За что, почему — без объяснения. Все гадают, что сие значит,

чем не угодили, — неизвестно. В этом-то и заключался прием. Если бы из-за служебного промаха, всем ясно на чем погорел. Кто исправно работает, тому, значит, нечего бояться. Ничего подобного, бояться все обязаны. На любом месте. Неизвестно чего бояться. Чтобы трепетали даже в исправном состоянии. Не от работы чтобы страх шел, а от самого Романа Авдеевича, гнева его, происходящего по таинственной причине; покарать гнев может любого, в любое время.

Чем больше страха, тем преданности больше. Пусть стараются, но как бы ни старались, все равно надо, чтобы тайна оставалась. Его, например, в коридоре завидят и скорее сворачивают, стараясь куда-нибудь юркнуть, не попасть на глаза, откуда несло стужей казематов, взглянет — лес вянет. Он шествовал по красной ковровой дорожке вдоль строя трехметровых дубовых дверей, как будто принимал парад. Каждый шаг его был значим.

Торжественное заседание предстоит. Сообщают, допустим, известному ученому, что ему в президиуме надо сидеть. Он готовится, — как-никак почет и уважение. Приходит. И тут ему администратор объявляет: «Извините, отмена произошла, не будете вы в президиуме». — «Как так, почему?». В ответ администратор выразительно закатывает глаза к потолку. И человек сник, сражен. С некоторыми сердечные приступы происходили. Когда Роман Авдеевич устроился поплотнее в кресле, освоился, огляделся, увидел он, что сия высота еще ничего не означает. Подобных бугорков на просторах нашего отечества сотни. Персеки на них появляются и исчезают, не оставляя впечатления в памяти высшего начальства. Хочешь пробиться, — умей отличиться! Легко сказать, но как именно? Многие поколения чиновников решали этот проклятый вопрос — как им выделиться?

Выделиться, значит понравиться. Понравиться, значит заслужить внимание, не подчиненных разумеется, не горожан, от которых ничего не зависит, а начальства, лучше всего наивысшего, чем-то им запомниться. Что касается нижестоящей публики, населения, то им надо обещать, обещать; назначать сроки, приводить цифры планов, ассигнований, выставлять нарисованные проекты, показывать как растут уловы рыбы, изготовление холодильников, выпуск сыров. Начальство этим не привлечь, тут нужен ход необычный, потому что все хожено-перехожено, перепробовано, какие только ключи и отмычки не подбирали, тысячный, можно сказать, конкурс идет из века в век. Толкаются, карабкаются со всех сторон, все в дело пускают. Роман же Авдеевич не спешил. Не дергался попусту. Смотрел. Ждал. И вот однажды он обратил внимание на некую самую что ни на есть обыкновенную процедуру. Примелькавшуюся, формальную которую никто не замечал, вроде наглядной агитации. Висит и висит. Так и тут — издавна повелось, что каждый праздник посылают открытки. Поздравительные. Стандартные. Ну, членам правительства улучшенного качества. И вся недолга. А собственно почему такое безразличие? Неужели они не заслужили особого внимания? Наш Роман Авдеевич набрался духу и круто изменил порядок. Каждому члену ПЭБэ он при-

казал готовить индивидуальную открытку. Допустим, новогоднюю. Уже в ноябре затребовал эскизы. Задачу поставил нешуточную. Создать рисунок такой, чтобы: 1) соответствовал деятельности, 2) учитывал проблемы, поставленные на сегодняшний период, соблюдая при этом меру (не рисовать же химические удобрения или подшипники!) Требовалась художественная фантазия, выдумка. Чтобы легким намеком повеяло, «как запахом хвои» — его слова! — и в то же время, чтобы красиво. При этом текст — тоже индивидуальный. Без казенщины, без вольностей, соблюдая почтенис. Вариант за вариантом отвергал, добываясь наивысшего качества. Наконец дал добро. Печатают. В одном экземпляре! Кроме общих праздников еще стали создавать ко дню рождения. Ответственная работа была, печать проверялась тщательно, чтобы ни малейшего брачка. Лучших печатников ставили. Замысел Романа Авдеевича состоял в том, чтобы открытка эта была не просто почтовым отправлением. Если к ней приложить внимание, все чувства свои, то заметят. Обязательно обратят внимание. Через такую мелочь легче оценить. Потому что сравнить можно, выявить из потока прочих поздравлений. Конечно, сил и времени эта работа отнимала много. Надпись — кому золотом, кому серебром, кому выпуклую, кому вязью под старину... Сколько тонкостей было! Не хватало, например, прилагательных. Членов-то одиннадцать, плюс кандидаты. Кандидатам следовало чуть поменьше размером, а уж Генеральному — и обрез золотой и конверт особенный. Роман Авдеевич психологию своего Олимпа изучал досконально, личное внимание значило больше, чем освоение какой-нибудь новой технологии или досрочный пуск. Новая технология может подождать, а «день ваших именин» ждать не будет. Уже тогда его прозвали «анализатором». От слова «лизать», то самое, анальное...

Ни от кого члены ПЭБЭ не получали таких роскошных открыток, как от нашего Романа Авдеевича. Кто-нибудь скажет — мелочь, и ошибется, потому что мелочей в деле внимания к человеку не бывает. Это были произведения искусства, ими можно было хвалиться, и спустя годы, уйдя в отставку, показывать их как свидетельство народной любви. Любой знак внимания, если в него вкладывать душу, даст результат. И результаты стали появляться.

Отметка на дверном косяке снизилась на два миллиметра. Разом. Величина для Романа Авдеевича была ощутимо болезненной. И произошло это вскоре после того, как ему передали от Самого благодарность за превосходную открытку, Роман Авдеевич смотрел на новую нижнюю черточку на белом глянце косяка и ликующее его настроение испортилось. Одна за другой черточки, еле заметные, спадали. Когда-то в детстве, они лесенкой поднимались. Мать отмечала на таком же, только некрашенном косяке, и они бодрой лесенкой тянулись вверх. Теперь же, когда он стал ступенька за ступенькой подниматься, метки пошли вниз, чуть-чуть, но неукоснительно вниз и вниз. Отчего-то это зависело. «Корреляция», как сказал врач. В словаре иностранных слов «корреляция» означала «связь между явлениями», то

есть одно явление вызывает другое. Странная, неприятная догадка мелькнула у Романа Авдеевича, настолько она показалась дикой, что он отогнал ее. Тем не менее, она упорно возвращалась, она не могла не вернуться, ничего другого не было, чем-то надо было заполнить недоумение. Нашего дорогого Романа Авдеевича заметили. Его стали приглашать наверх. Допускали и присматривались. Никто его не учил, не предупреждал, он сам, своим чутьем, своим умом должен был ориентироваться в чащобах власти. Надо было следить за каждым своим словом, как ты его произносишь, какой жест при этом делаешь. Например, если главный «хекал», то и другие начинали «хекать», и Роман Авдеевич перешел на «хекание». Малейшее не то, — и пропал, перетолкуют, преподнесут в самом скверном виде и все многолетние усилия насмарку. Там, точно охотник в лесу, хрустнуть веткой нельзя, вспугнешь свою добычу. С тех пор как нашего Романа Авдеевича стали приглашать на заседания в Москву, почти на самый верх, помощники его, готовя материал, ломали головы. Фактически это должен быть не материал, а полный текст выступления. Тема была известна, но вот «за» или «против», отклонить или поддержать — неизвестно. Предположим, вопрос об абортax: запретить? разрешить? воззвать к сознательности? Какие факты подбирать — не поймешь. Мнение самого Романа Авдеевича выяснить невозможно. Не говорит. Произносит слова о защите интересов женщин, об укреплении семьи, толкуй как хочешь: хочешь в пользу абортов, хочешь — наоборот. Помощники никак договориться не могут, Роман Авдеевич, похоже, одобряет и тех и других. В результате одни готовят ему выступление — за, другие — против, соревнуются — кто убедительней. И представьте, — он берет оба текста. Одно выступление кладет в один карман пиджака, другое — в другой. А там уж, смотря куда склоняются прения, вынимает то или другое выступление и читает. Важно не перепутать. Такая избрана была альтернатива. Помощники, когда раскусили в чем тут нюанс, обрадовались, большое облегчение почувствовали, никто не увидел в этом ничего предосудительного. Наоборот, поняли, что искусство руководителя, видимо, в том и состоит, чтобы не идти против обстоятельств, а умело использовать их — вот задача! Престиж руководителя поднимает престиж города. Зря некоторые намекали, что Роман Авдеевич подлаживался, ловчил, не имел своего мнения. Критиковать легко, а попробуйте точно угадать момент, когда взять слово, если мнения расходятся то туда, то сюда, колеблются, и на чьей стороне Сам, не определить. Тут нужна тончайшая наблюдательность. Сверхчувствительность нужна. Нельзя оказаться в противоречии, нельзя и запоздать. Если мнение Самого выяснилось, тогда уж нечего высовываться. По каким-то ему одному ведомым приемам Роман Авдеевич первый определял единственную решающую минуту, поднимал руку, делал ею движение, обозначающее — «Ладно, рискну!» и доставал из нужного кармана бумагу. Постепенно, раз за разом, Роман Авдеевич наращивал репутацию человека решительного, прозорливого. Надо было видеть, как, достав бу-

магу, он зачитывал свое мнение, с выкладками, цифрами, цитатами из первоисточников. Волновался, голос его дрожал, как будто Роман Авдеевич набрался духу и осмелился изложить наболевшее. Видно, что человек давно обдумывал проблему, имеет твердое суждение, основанное на фактах.

Со временем, аппарат его, — вышколенные ребята, вежливые, чисто выбритые, с непроницаемо-зеркальными глазами, — стал находить нормальным, что настоящий крупный руководитель имеет не одно мнение. Такова диалектика роста и закона нового мышления. Иначе нельзя. Найдутся, особенно в наше время, молодые, которые возразят: ради чего, собственно, следовало так угодничать? так терять свою личность? И будут при этом брезгливо кривиться. Но человечески ли презирать игрока, проигрывающего последнюю рубашку? Влюбленного, готового терпеть унижения? Разве они вольны в том чувстве, что безраздельно властвует над ними? Так и с Романом Авдеевичем. Одна, но пламенная страсть владела всеми его помыслами, определяла все его действия. Каждый его поступок так или иначе был связан с великой целью, поставленной им. Автору не всегда удавалось найти эту связь, случались у Романа Авдеевича и отступления, жизнь самого целеустремленного человека не выглядит как прямая линия. Но, несмотря на путаницу зигзагов, обходов и уклонений, можно проследить неукоснительное движение Романа Авдеевича вперед и вверх. Только вперед, только вверх. На четверть века раньше, где-нибудь в 1937-38гг. движение его происходило бы куда быстрее. То были, хотя и опасные, но дивные времена головокружительных взлетов. Буквально за несколько месяцев люди делали блестящие карьеры. Быстрее чем на войне. Ныне же приходилось прорубать свой тоннель сантиметр за сантиметром. Мускулы души Романа Авдеевича крепили в этой каждодневной работе, воля росла, ум изощрялся, стал гибким, находчивым. Автору кажется: если бы его герой имел другую цель, человечество приобрело бы крупного изобретателя, получило бы средство от ураганов, новый пятновыводитель, словом, что-то для всеобщей пользы.

Боже ты мой, если бы удалось придумать устройство переводить страсть властолюбия в иную, такую же могучую, все одолевающую энергию, допустим, милосердия, или мастерства. Какую добавку получило бы человечество, сколько выдумки, живительных сил приобрели бы наши чахлае добродетели!

Увы, нет такого средства, и замечательные умы, подобные Роману Авдеевичу, вынуждены рваться к чинам, к возможности владеть судьбами населения, править, приказывать, ибо, если не они, то кто же?

Вопрос отнюдь не риторический. Роман Авдеевич считал себя достойным высоких постов. Наивысших. Впрочем, и пост и должность — не те понятия, они из словаря карьериста. Автора, к сожалению, все время сносит на какие-то привычные ему типы, тех же карьеристов, которые наше время плодит в несметных количествах.

Роман же Авдеевич нечто иное, автор даже затрудняется его определить, потому что надо войти в такую психологию, которую и вообразить не хватает духу. Сам Роман Авдеевич не решался себе сформулировать. Карьеристу нужно иметь под собой все больше учреждений, предприятий, людей. У нашего Романа Авдеевича мысль шла другим путем, в качественно ином направлении, отнюдь не безопасном: он хотел стать вождем. Руководить народом. Не обязательно всем народом, но какой-то частью народа, например, республикой. Формально у него для этого имелись все данные: читал он доклады отчетливо, имел неплохую дикцию, имел диплом, поскольку кончил какой-то технический институт, имел хорошую анкету. Всего у него было в меру, тут тоже надо избегать перебора. Один из конкурентов Романа Авдеевича имел ученую степень, кандидат, может, доктор. На этом и спекся. Чересчур ученый. Равняться надо было наверх, а там — один с грехом пополам кончил железнодорожный техникум, другой заочно педагогический институт, и то когда заведовал отделом в республике, так что преподаватели приезжали к нему принимать экзамены. У третьего числилось: «учился в пищевом техникуме». Кончил или нет, — это перестало иметь значение с тех пор, как человек достиг. Раз достиг, то значит дело не в образовании, может, потому и достиг, что «мы университетов не кончали». Некоторые утверждали, что все они, мол, были недоучки — инженеры были никудышные, учителя плохие, специалистов из них не получалось, вот и устремились в общественную работу. И к нашему Роману Авдеевичу то же пытались приложить эту теорию. Всякие мудрецы — схоласты. Не понимали, что, может, тупыми инженерами-обалдуями они были потому, что призвание имели другое: знамя нести хотели, взвалить на себя бремя государственных забот. Что если бы они попали в техникум, где готовят вождей, они были бы там отличниками. Так ведь нет такого училища.

В любой конторе, от министерства до жакта, на вокзалах и в больницах, в домах отдыха и на пароходах висели плакаты с портретами членов ПЭБ и кандидатов. Этакая галерея олигархов. Все в одинаково черных костюмах, черных галстуках, одинаково суровые, они испытующе взирали на Романа Авдеевича, начиная с его детских лет, а затем — в школьные и студенческие годы. Можно сказать, он вырос под их присмотром. Они были почти бессмертные, а уж непогрешимые — это точно, как боги.

Однажды, будучи еще аппаратным чиновником, находился он в столичной командировке и там попался на глаза тогдашнему нашему переску. То ли у того приболел помощник, то ли еще почему, но взял он с собою Романа Авдеевича на охоту. Да не просто на охоту, а с участием Самого. Был тогда наш персек на «взлете», пригласили его, а он взял нашего героя, ибо полагалось иметь при себе помощника. После охоты расположились на пикник по-русски, то есть выпивон. Когда олигархи хорошо «приняли», пошли байки-потешки и двое приближенных олигархов повздорили. Из-за чего Роман Авдеевич не слы-

шал, ибо стоял поодаль, с прочими помощниками. Слово за слово и сцепились. Задрались. Самым простейшим образом: матерясь, лупили друг друга кулаками, ногами, таскали за седые волосы... Никто их не разнимал. Сам хохотал, остальные подзуживали. Роман Авдеевич взирал зачарованно, — это были те самые боги, бессмертные, чьи лики словно на иконостасах сияли перед ним все эти годы. Вот тут и посетила впервые его дерзкая мысль, крамольнейшая, которая никому из окружающих не пришла в голову, а ему пришла: а чем он хуже? Несмотря на весь его трепет выходило не хуже. Он из их рода.

С того дня все определилось, выстроилось. На примере Романа Авдеевича можно показать, как человек, который все силы ума и воли сосредоточит на поставленной цели, может пойти ох как далеко. Желание, оно и есть способность. А если желание страстное, все себе подчиняющее, то это вообще как талант. Роман Авдеевич ведь не желал стать поэтом, музыкантом. Он желал стать вождем, в виде члена ПЭБэ. Значит у него именно к этому был талант.

Ряд историков доказывает, что Роману Авдеевичу способствовали случайности, историки прослеживают как одна случайность за другой выталкивали его на поверхность. Получается, что личных заслуг у Романа Авдеевича не имелось, вместо него мог быть и другой. Однако почему-то этого не произошло, хотя в соседних краях появились такие выжиги, такие начальники, про которых и вспоминать неприятно, лишь руками разведешь, каких прохиндеев земля рождает. Уж они бы никакой случайности не упустили. Нет, наш Роман Авдеевич обязан своему возвышению не легкомысленной игре случаям, не слепой безответственной фортуне, только самому себе он обязан, своей целеустремленности.

Однажды Роману Авдеевичу во сне явился поэт Попонов, которого он велел выслать как тунеядца за его эпиграммы. Поэт во сне раздавал прохожим открытки, где были кошечки с бантиками и поздравительным текстом для начальства. Все читали, смеялись и показывали пальцем на Романа Авдеевича. Он хотел утаиться, побежал. За ним погнались собаки, кошки. Он влетел в какой-то дом. Там сидел высоченный человек. Роман Авдеевич закричал ему: «Спасите, спасите!». Человек наклонился к нему и Роман Авдеевич увидел над собой академика Сергучева. Лицо академика было в синяках. Криво улыбаясь, он двумя пальцами поднял за шиворот Романа Авдеевич и стал измерять его штангенциркулем. И все сдвигал и сдвигал губки циркуля. А вокруг сидели собаки, оскалив морды, и кошки с горящими лунными глазами. Роман Авдеевич проснулся весь в поту. Страшная догадка проникала в него из этой ночной тьмы и ее никак было не отогнать. Под утро он тихо встал, прошел к себе в кабинет. Отметки на косяке были помечены датами и теперь перед Романом Авдеевичем ясно предстала страшная зависимость: как только он предпринимал что-то для своего продвижения, — он уменьшался. Стоило подняться на ступеньку лестницы, ведущей туда, и он становился ниже.

Смутное подозрение и раньше мелькало у него, теперь же все обозначилось явственно и безвыходно.

На следующий день Роман Авдеевич как бы невзначай осведомился у заведующего отделом науки, — был такой, поскольку надо было, чтобы кто-то ведал наукой, — как там дела у Сергучева. Оказалось, что академик не посчитался с фактом избиения его и продолжает выступать в прежнем духе. Этого академика Роман Авдеевич недавно вызывал, предупреждал по хорошему.

— Зачем же вы так, мы же вас академиком сделали, Ленинскую премию дали, — говорил он укоризненно.

— Вы? — спросил академик совершенно недопустимым тоном.

Он спокойно перенес замораживающий взгляд Романа Авдеевича, от которого другие теряли дар речи, попрощался и ушел, первым закончив разговор. Возмнил о себе. Конечно, он был известный на всю страну академик, один такой в нашем городе, но для Романа Авдеевича от него происходили только хлопоты, а пользы никакой. В его поведении усматривалась даже некоторая надменность, чуть ли не превосходство. Биография же у него была подмоченная. Сидел в молодости в Соловках. Следовало вроде вести себя поскромнее. Вскоре после визита Сергучева перестали пускать за границу на всякие симпозиумы.. Настырным иностранцам сообщали, что он болен, потому и не приезжает. Он же наперекор сообщал им, что здоров, но ему не дозволяют. Пошел на открытую конфронтацию и нанес ущерб авторитету власти. Вскоре его и побили в парадной. Били не очень, учитывая, наверное, хрупкость его старого организма, однако чувствительно, так что академик слег. Когда Роман Авдеевич увидел его во сне, академик что-то бормотал. На следующий день он приснился опять и сказал уже явственно: «Лопнет чашка терпения!». Смысл был неясен, но неприятен.

С этого времени начался новый период жизни Романа Авдеевича, — период трагических противоречий. Движение вверх требовало поступков новаторских, заметных, на которые могли обратить внимание. Например, хотелось запретить итальянский фильм, не пускать его в прокат. По всей стране он шел, а в нашем городе, чтобы не давать. Шум, крик — почему? В Москву напишут. Из Москвы позвонят, спросят — в чем дело? А в том, что мы блюдем. Идеологию блюдем и не допустим. У вас в Москве иностранцы, дипломаты, вам деваться некуда, а мы чистоту держим, здоровье идеологическое сохраняем. И концерты рокеров... Ну, конечно, докладывают наверх — вот, мол, что позволяя себе. А там на это вполне благоприятно замечают: молодец, твердый мужик, линию хранит, ничего не боится. И, явственно представив себе все это, Роман Авдеевич не мог удержаться, — запрещал.

Бояться ему было нечего, устройство нашего механизма он изучил: чем правее, тем вернее; запрещай, не ошибешься; тот отвечает, кто разрешает, — все это были азбучные истины. Мучило другое: всякий раз, принимая решение, он прикидывал во что оно может обой-

тись, теперь-то цена была известна. Но ведь иначе не выкарабкаешься. Чтобы приблизиться, надо что-то совершить. А уменьшаясь в росте, можно до того дойти, что нельзя будет его взять туда, наверх, на самый верх — неприлично станет, потому что есть предел. Правда, там, на самом верху, там пределов нет, там и совершать такого, чтобы уменьшалось, не обязательно, там можно, наоборот, и ослабить, страху поубавить.

В понятии «самый верх» не было ничего отвлеченного. Роман Авдеевич имел на сей пост образ зримый, до малейших подробностей. Полыхали знамена, медно гремели духовые оркестры, и он, Роман Авдеевич, в цепочке нескольких человек поднимался по гранитным ступенькам на трибуну мавзолея. На самую верхнюю трибуну страны и занимал предназначенное ему место в коротком ряду людей, расположенных по обе стороны от Хозяина. Лицо каждого, здесь стоящего, было известно стране, их портреты плыли, колыхались над колоннами демонстрантов. Все глаза были устремлены наверх, к ним поднимали детей, чтобы те видели. И он, Роман Авдеевич, приветственно поднимает руку, отвечая их радости. И тогда внизу по площади перекатывается мощное ура-а!, по всем прилегающим улицам, по всей стране. На боковых крыльях уступами стоят десятки, затем сотни избранных, и они тоже поглядывают не столько на идущих по площади, сколько наверх, на них, посвященных.

В праздники, с утра, он должен был выстаивать на нашей городской досчатой крашенной трибуне. Столицу он мог увидеть только по телевизору вечером. Вперялся, не отрываясь, ревнивым взглядом отмечая кто где стоит, кто как выглядит, кто с кем перекинулся, и так вглядывался, что начинал различать там себя: он стоял среди них, тоже в шляпе, третьим от Хозяина, росточком всего чуть пониже других. На вершине, на такой высоте, что личный рост не имел значения. То был апофеоз, сладостный финал, ради которого стоило терпеть! Финиш, победа!

Судя по этому видению, он успевал добраться, но если фактически, то страхи и сомнения раздирали его на части всякий раз, когда он принимал решение. Порой и можно было удержаться, а не мог. Терзался, понимал вред, какой наносил своему телу, и опасения грызли, и кошмарные картины возникали — лилипут, карлик выходит к трибуне и не видно его, мальчик с пальчик, уродец, над которым потешаются, — видел все это, ужасался и все равно остановить себя был не в силах.

Все исторические события происходили в Москве, там проводили исторические пленумы, принимали исторические решения, произносили исторические речи. В нашем городе ничего исторического не получалось, потому что исторические события происходят в присутствии исторических лиц. Исторические же лица к нам не приезжали. Но Роману Авдеевичу удалось добиться согласия одного члена ПэБэ баллотироваться на выборах от нашего города. Ныне мало кто помнит

Михаила Андреевича, а в те времена он являлся фигурой весьма внушающей и влияющей.

История она любит прежде всего первых лиц. Она привыкла со времен самодержавия располагаться по царям. Монарх такой-то смеяет монарха такого-то, у каждого царя свой раздел, своя эпоха, свой портрет. Удобно и никакой путаницы. Вторые и третьи лица, великие князья и претенденты — не в зачет. На самом-то деле Роман Авдеевич прекрасно понимал кто готовит решение, от кого зависит назначение. Такой человек как Михаил Андреевич благополучно перемещался из одной эпохи в другую и всегда оставался нужным. Он ведал идейным снаряжением, обеспечивал идеологией, снабжал лозунгами, командовал борьбой с чуждыми взглядами, вкусами. Он один досконально знал это таинственное идейное хозяйство, в чем состоит наше превосходство и почему гибнет капиталистическая система.

Встречали его на вокзале. Самолетов он не признавал, как человек старого склада, как его Учитель. Встречу Роман Авдеевич организовал по высшим правилам преданности. Перрон мылом вымыли, милиции новенькую форму выдали, в буфете салфетки вставили в стаканчики не нарезанные на крохотные треугольнички. Михаил Андреевич вышел из вагона, обнялся с Романом Авдеевичем, — целоваться в то время еще не полагалось, да и Роман Авдеевич еще «не достиг». Шествовали они по перрону в некотором сопоставлении — Михаил Андреевич высокий, тощий, старомодный плащ из серого габардина болтался на его костлявой фигуре как на вешалке, вид нездорово-желтый, засушенный. Рядом — наш Роман Авдеевич, хоть и маленький, зато румяный, крепенький, как наливное яблочко, одет модно, с иголки, Михаил Андреевич как бы олицетворял мивущую культурную эпоху, последний сталинист. Наш же олицетворял довольную собой, пирующую эпоху, которую затем окрестили «застойной», хотя с большим успехом ее можно назвать «застольной». Контраст был эффектный. Позади — свита, длинный хвост, особенно женская часть — вся в заграничных плащах, импортных перчатках (тогда импортное только им доступно было). Правда, некоторая одинаковость имела место: сапожки у всех серые австрийские, шарфики у всех японские зеленые, и улыбки у всех тоже одного размера.

Шли они по начищенному перрону и помощник Романа Авдеевича осведомляется у помощника Михаила Андреевича насчет обеденного меню Шефа. Тот помощник предупреждает этого помощника, что шеф его строго соблюдает диету, ему прописаны на сегодня рыбные блюда. Какую именно рыбу, — допытывается наш помощник. Тот помощник уточняет, какую именно — судак или форель, или еще что. В точности, впрочем, неизвестно как появилась в разговоре форель, действительно ли данная порода была согласована с самим Михаилом Андреевичем, в каком контексте, может, Михаил Андреевич сказал безразлично — «любую, лишь бы не жирную», может, помощник сказал «можно форель», или «годится форель». Может, он, помощник, сам любил форель. Как бы там ни было, форель была назва-

на и без всяких вариантов. Наш помощник заверил его помощника, что все будет в порядке. Пока Михаила Андреевича горячо принимал трудовой коллектив, а он принимал цветы, обходил цеха, затребовали форель и вдруг выяснилось, что форели в городе не имеется. Такой произошел провал. Нету и все, ни одной рыбины типа форели на данный момент нигде — ни в спецсадках, ни в ресторанах Интуриста — нету, полный абзац, как говорится. Положение для города постыдное.

Начальнику, который отвечал за обед, пришлось доложить начальнику отдела, начальник отдела явился, опустив голову, к помощнику Романа Авдеевича. Это на вид мелкий вопрос, а попробуй такое сообщить! Вызвали хозяйственников, те пораскинули своими тертыми мозгами и рекомендовали связаться с Ереваном, где должна иметься севанская форель. Связались по ВЧ. Форель в наличии имелась, хоть вагон отгрузят. Вагон ни к чему, у нас все горит — нужно успеть к обеду. Единственное средство — самолет. Простым рейсовым, поспеет к вечеру. Придется спецрейсом, военным самолетом. Через командующих договорились: на радиосвязи сидела группа, которая обеспечивала ход операции. Загрузили чан с живой форелью. У нас в аэропорту самолет ждала машина. Милицейскую с мигалкой пустили впереди для скорости. Повару чан был доставлен с опозданием на двадцать минут, но повар-молодец, справился. Обед был подан во-время. Обедал Михаил Андреевич без аппетита, похлебал немного овощного супчика, форели съел один кусочек, ложечку пюре картофельного, больше ничего не захотел. Откушал и спросил, сколько с него причитается. Наши молодцы руками замахали — «да что Вы, разве можно, да вы же ничего не ели, да вы в гостях!». Но Михаил Андреевич был строг: «Я этого не люблю. У меня правило: как вы, так и я. Как положено любому гражданину, никаких привилегий». Категорически пресек. Считали считали, согласно меню и раскладке: суп и рыбное второе — тридцать четыре копейки. Михаил Андреевич достал потертый кошелек, аккуратно отсчитал мелочь, директор столовой принял растроганно, как дар городу, и все кругом кивали и умилялись счастливые свидетели скромности великого гражданина. Глаза Романа Авдеевича увлажнились. Чувство любви и гордости за кандидата переполняли его. Сам Роман Авдеевич тоже был скромнен в быту. Квартиру имел в три или четыре комнаты, в точности неизвестно, никто у него не бывал. Жил в обыкновенном доме среди общего безмолвного населения. Ни машины своей, ни стереосистемы, ни собственных ковров или люстр драгоценных. Все, что и было из обстановки, — было не его, а государственным. И белый рояль и картины. На всем имелись между прочим инвентарные номерки. Ах, да, одежда, обувь. Это он, конечно, приобретал, и за свой счет, как все прочие. И это было, откровенно говоря, даже как-то странно Роману Авдеевичу, потому что он считал себя человеком государственным, а это означало, что говорил он от имени государства и партии. Если имел мнение, то мнение было

не его, а мнение власти. Решения, замечания, требования, — все было государственное, как будто он был лишь репродуктором, вещателем. И сам он давно и твердо уверился, что все, что он делает, произносит, принадлежит не ему, а государству. Поэтому он все совершал с такой уверенностью. Лично он мог бы ошибиться, но государство и партия, от имени которых он действовал, никогда не ошибались.

Подойдет он к проклятому дверному косяку своего кабинета и неподвижное лицо его дрогнет, исказится. Что делать, как быть? Надо бы закрутить гайку еще на оборот, припугнуть очередного критикана, или этого шумливого фрезеровщика — героя, который сор из избы тащит, надо бы, а получишь очередной укорот. Господи, дело-то какое получается, принципиальным-то за свой счет приходится быть. Если бы за счет кого чужого, если бы кого выслать, исключить, посадить, да ради бога, и сомнения бы не было, но тут за свой собственный счет расплачиваться приходилось, своими миллиметрами, своим и без того недостаточным ростом. И остановиться, отказаться невозможно. Пробовал, но жизнь сразу теряла смысл, если не продвигаться к мечте своей, то зачем жить, спрашивается, взойти, подняться туда, положить руки на прохладный полированный гранит мавзолея, или в президиум главного зала войти из бокового входа вместе с посвященными, под гром аплодисментов, чтобы зал поднялся, приветствуя, и скупой улыбнуться, слегка кивая на долгие несмолкающие. Стоя, мягко хлопать.

Власть — понятие неограниченное в том смысле, что власть не имеет пределов, она постоянно стремится все к большему. Ведь почти у каждого человека есть какой-то росточек власти. Власть над детьми, над несколькими подчиненными, над покупателями или больными. Казалось бы, Роман Авдеевич обладал властью немалой — над тысячами и тысячами людей. Мог дать квартиру, ошачливать орден, назначением, мог прославить, упомянуть, послать в заграникомандировку. Ему льстили, старались угодить, о нем писали, его боялись. Но власть была неполной. Стоило ему выехать за пределы области и она кончалась. Приезжал он в Москву и стоял в очереди в буфет наряду с другими персеками и даже вторсеками. Появлялась обыкновенность, пропадала единственность. С точки зрения обывателя, занятого добыванием сарделек, обоев, колготок, мяса, ваты, жизнь Романа Авдеевича была завидно-роскошной: никаких очередей, живи на всем готовом. Оно вроде и так. Больше того, этот обыватель, он не знал некоторых подробностей, потому что не соприкасался. И с ним Роман Авдеевич не соприкасался. И если бы хотел, то все равно не мог бы соприкоснуться. Никоим образом. Так было все устроено, что соприкоснуться их жизни не могли. Лечился Роман Авдеевич и его домочадцы в спецполиклинике, а в этой спецполиклинике был отдельный вход, то есть подъезд для персека и вторсека. Питались они в особой столовой, где была еще особая комната. В магазины он не ходил, ни в какие магазины, даже в радиомгазины, даже в посудные.

Взять, например, книги. Ему приносили списки вышедших книг, и он ставил птички против тех книг, которые ему нужны. То есть нужны не для прочтения, — книг он не читал, — а нужны потому что надо иметь. Кроме того, он их расставлял. Это он любил. Разглядывать. Знакомиться. Память у него была хорошая, так что он запоминал и автора, и название, и обложку. Или — взять транспорт. Тоже никакого соприкосновения. Ездил он в отдельном купе. Позже — в отдельном салон-вагоне и спецсамолете. Отдыхал в спецсанатории. Там все было огорожено, даже пляж. И кусок моря. Товарищи на лодках дежурили, следили, чтобы посторонние купальщики не подплывали близко.

Одна знакомая автора, будучи в Крыму, ходила по горам, потом спустилась вниз к морю по какой-то козьей тропке. Вышла на пляж. Пустой. Разделась, легла на лежак. Подходит к ней сестра в белом халате — чего желаете, боржом, нарзан или сок какой? она говорит — боржомчику. Принесли. Выпила. Спрашивает — сколько с меня. Вопрос этот и погубил все. Поднялся переполох. Появился милиционер и ее под белы ручки выпроводили с пляжа, да еще протокол составили...

Колбаса, ветчина, которыми питался Роман Авдеевич, доставлялись из особого цеха мясокомбината. Костюмы ему шили в спецателье. Вход в здание Обкома был у него отдельный, он имел свой лифт. Никто и никогда не видел Романа Авдеевича в трамвае, а также в кинотеатре или, допустим, в бане. Невозможно даже представить его в метро на эскалаторе, в потоке прочих пассажиров. Невольно перебираешь — где и как мог обыкновенный горожанин соприкоснуться с бытием своего персека. Нет, конечно, общее было. Например, электричество или телевидение общее; вода одна и та же, что в чайнике автора, что у Романа Авдеевича в ванной. Так что какие-то вещи нас соединяли. Сам Роман Авдеевич порой жаловался на отъединение от народа. Однако, как он говорил, порядок этот был заведен не им, он являлся всего лишь жертвой установленных и утвержденных правил, которые лишали его простых человеческих радостей. Выпить с прежними друзьями не мог. С бабами гулять не полагалось...

Тем временем в Хозяине происходили заметные перемены. Первыми это заметили аппаратные люди, гаврики высшего эшелона. Появилась путанность в мыслях. Но это было еще ничего, темную мысль можно перетолковать по-нужному. Хуже, что в речах сбивчивость появилась. Забывать стал. Мог в речи одну и ту же страницу дважды зачитать. Верные люди посоветовали Роману Авдеевичу не медлить. Шутка ли, столько сил ухлопано на расположение, первый кандидат, чтобы забраться в тележку... Другие кандидаты ведь тоже не дремали. Наговаривали, устроили, например, подвох в момент награждения. Среди прочих нашему Роману Авдеевичу должны были орден вручать. Церемонию передавали по телевидению на всю страну. Генсек называл фамилии и давал ордена маршалам, генералам, затем

очередь дошла до его сына, который кем-то работал скорее всего за границей (дети начальства большей частью работали за границей). Зачитав собственную фамилию, Генеральный несколько удивился и впал в задумчивость. Довольно долго он пребывал в отключке, пока до него дошло, что это не его будут награждать. Вручил орден своему сыну. Камера нацелилась на Романа Авдеевича, чья очередь подошла. Персек наш засиял и устремился к своему Генсеку. Весь замшево-нежный, такой любящий, каким мы никогда его у себя в городе не видели. Приблизился он к Персеку всех персеков, подскользился как по льду, что-то произнес, а сам переливается перламутром и губы приготовил для поцелуя. Перед этим кто-то из маршалов удостоился поцелуя, ну и наш Роман Авдеевич тоже всем своим коротким корпусом устремился к поцелую, губы его стали вытягиваться все длиннее, длиннее, образуя хоботок, как у муравьяда. Хоботок этот дотянулся почти до самого лица первого лица, но тот оставался в неподвижности, не сделал никаких ответных перемещений. Возможно он опять отключился, а возможно интрига сработала. Тяжкая это была минута для Романа Авдеевича. Областной же народишко ликовал. И что поучительно, — в других регионах зрители также получили удовольствие, о чем есть свидетельства в письмах и телефонных переговорах, что свидетельствует об ожесточении нравов и накопленных чувствах к руководителю.

Сорвался всесоюзный поцелуй. Можно считать, — на всю страну произошел конфуз. Автор боялся, что Романа Авдеевича хватит сердечный удар. Но в который раз автор убедился, что герой его великий человек, не предусмотренный никакими правилами. Нервное устройство его не имело ничего общего с устройством обыкновенного человека. Хоботок Романа Авдеевича повисел в пустоте, втянулся, а вот лицо стало еще более любящим и счастливым. Прямо-таки обожающим. Как будто он удостоился самой наивысшей милости. Тут нечеловеческая сила духа трезубеется. Или же полное его отсутствие — духа то есть.

Вскоре после награждения выяснилось, что завод, о котором Роман Авдеевич рапортовал, вовсе не построен и продукции не дает, только строительная площадка огорожена глухим забором. Радиопередачу даже об этом протолкнули. Роман Авдеевич огорчился, но не за себя, за Хозяина, в какое, мол, его положение ставят, некрасиво это, не человечно. На активе одна работница выступила, спросила: правда ли, что содержат специальную корову, которая обеспечивает молоком персека и его семью. На что Роман Авдеевич расхохотался, — до чего дезинформация доходит, как клеветники распоясались, надо же как партию атакуют! Ни в одном глазу смущения не было. Обладал прямо-таки потрясающей неуязвимостью. Автор полагал, что, может, это от сознания безнаказанной своей власти. Но и после катастрофы Роман Авдеевич ни в чем не усомнился. Что касается несостоявшегося поцелуя, то всему окружению было заявлено, что это происки одного южного персека, козни нерусской группы. Южные

люди, опекавшие Старшего на курортах, они раньше других обнаружили малярию и захватывают позиции, отгесняя...

К сожалению, автор плохо знает историю других персеков. Внешне они выглядели одинаково, произносили одни и те же речи, одинаково «хекали», ездили в одинаково длинных черных машинах, имели неразличимую охрану. Поэтому, когда персеков перемещали из одного города в другой, обывателю лучше не становилось.

Кто-то из самых ветхих членов Верхатуры «ушел в стену», как выражались гаврики, место в «тележке» освободилось и толкотня вокруг нее усилилась. Все старались пробиться, успеть что-то получить, захватить, утвердить. Метались, подсовывали бумаги, упрашивали, умоляли, чтобы вырвать последние блага. Отпихивали друг друга, ставили подножки, нашептывали, обещали, везли подарки, заключали соглашения, мелькали рога и хвосты, пахло серой, бесовская карусель вертелась все быстрее.

«Патриарху» пора было на покой, но его крепко держали гаврики всех мастей: и персеки, и министры, и помощники, и референты, и советники — вся великая рать начальников не желала отпускать его. Их не смущало, что он уже плохо соображал, плохо двигался, они боялись перемен и готовы были без конца поддерживать полужизнь Вождя. По-своему они любили это мычащее, с трудом ходящее тело. Им нужно было, чтобы оно продолжало существовать. Пока он был кое-как жив — они жили, дивно жили, полнокровно жили...

Южные и восточные персеки наперебой зазывали Патриарха к себе. Каждый рассчитывал, что если удастся заполучить, то во время визита, в размягченном состоянии можно будет договориться.

Для визита нужен был предлог. Нечто основательное, непреложное, требующее приезда Самого, именно в наш город. Мобилизовали местных краеведов, ученых всех направлений, чтобы дрались, круглую дату, открытие, что-нибудь этакое мирового замаха. Давно, оказывается, искали. Роман Авдеевич имел ум дальнзоркий, вообще мозг его работал непрерывно. И вот однажды находит среди старых проектов царских времен возведение Великой Защитной Стены, должной заслонить город от постоянных северных ветров. По расчетам такая стена обеспечивала городу постоянный теплый климат. Экономия только на топливе давала бы десятки миллионов рублей. Проект Александром Третьим был отдан на экспертизу известному академику Кулерману, затем петербургскому Фокину и забракован как безумный. Рукою его величества было начертано «Curieus!», что Роману Авдеевичу перевели как «любопытно-с!». Роман Авдеевич велел подсчитать, прикинуть. Строительство получалось грандиозное. Ничего подобного в Европе не было. Это могло стать почище всех великих строек коммунизма. Выгоду тоже при умелом подсчете удалось увеличить. Эшелоны угля, плюс окон не надо клеивать, шубы не нужны, насморк и гриппы исчезнут, следовательно, выход на работу возрастет. Уборка снега отпадает. Сохранность крыш. Травмы зимние долой... Неисчислимый эффект получался! Защитное сооружение

окупало себя за какие-нибудь три-четыре года, а дальше наступал сплошной доход и благополучие. Призваны были все средства информации. По телевидению показывали страшные действия северных ветров, обморожение, заносы. Нашлись скептики, которые уверяли, что город обходился триста лет без Стены и обойдется. Что лучше строить больницы, жилье, дома престарелых, библиотеки, овощехранилища, гостиницы. Всерьез нельзя было принимать такие рассуждения. Не пригласишь же на закладку дома престарелых Первого человека. Не тот повод. Да и какая в этом слава городу. Другое дело Стена, сооружение уникальное, единственное. Хуже было, что мешали специалисты, они доказывали, что ветры нужны, без них город задыхаться будет от городских выбросов. Сколько их ни уговаривали, как ни взывали к патриотизму, они твердили свое, форменные фанатики. До того дошли, что отправились в Москву протестовать. Их, конечно, вернули назад, кое-кого в психбольницу, со всеми ихними таблицами и диаграммами. Кто признал свои ошибки, тех вскоре отпустили, других пришлось лечить. Инстанции удалось уломать одну за другой, получить деньги, фонды, механизмы, штаты. Великая цель рождает великую энергию. Заслуга Романа Авдеевича тут бесспорна. Если бы не его настойчивость, остался бы город без Стены. Ему удалось добиться утверждения у Самого и город обрел Великую Стену.

Рынок: химеры и реальности

Как известно, научные вопросы не решаются голосованием. Они решаются на митингах. Доказательство тому — события вокруг недавней научно-практической конференции по вопросам экономической реформы. У Колонного зала, где проходила конференция, выстроились пикеты, организованные Объединенным Фронтом Трудящихся. Многие из нас успели прочесть с экранов телевизоров лозунги, поднятые пикетчиками: «Прекратить абалканизацию страны!», «Семь раз отмерь, но Шмелеву не верь!», «Социализм и частная собственность несовместимы!», «Экономисты-западники! Россия — не полигон для ваших испытаний!», «Нет распродаже Родины!»¹.

И это еще не главные лозунги. Летописец ОФТ Анатолий Салуцкий (он прославился еще и тем, что нашел истинную причину гибели российской деревни — оказывается, погубила ее социолог Т. И. Заславская) повествует: «Но главное требование пикетчиков состояло в том, чтобы трибуну конференции предоставили профессору Сергееву — ведущему экономисту реальной школы» Что же это за школа? А. Салуцкий объясняет: «Ныне в экономической науке оформились два мощных течения... Одно течение можно назвать академическим, поскольку в него входят прежде всего специалисты из академических институтов и оно консолидируется вокруг академического журнала «Вопросы экономики». Другое течение представлено экономистами так называемой реальной школы, в основном вузовской, университетской наукой. «Реалисты» сплотились вокруг научно-теоретического журнала «Экономические науки». ...Если академическое направление парит где-то близ вершин власти, оказывая сильнейшее влияние на формирование экономической политики перестройки, то их оппоненты не имеют доступа к главным источникам гласности, изолированы от круга экономических советников правительства».

Сторонников первого направления автор называет поименно: Л. Абалкин, Г. Попов, П. Бунич, А. Аганбегян, Н. Шмелев, Т. Заславская, Г. Лисичкин, Н. Петраков. Что ж, имена почтенные, репутации устоявшиеся. Сколь ни различны экономические воззрения этих людей, все они выступают за глубокие экономические реформы. Собственно, не просто выступают — они готовили эти реформы задолго до перестройки. Альтернативное направление представлено в

публикации одним именем: заведующий кафедрой политэкономии Высшей школы профдвижения Алексей Алексеевич Сергеев — тот самый, за кого сражались пикетчики. Впрочем, из рассказа Салуцкого можно понять, что особой нужды в заступничестве митингующих не было: профессора Сергеева и без того пригласили на конференцию, но как-то не так пригласили, недостаточно почтительно.

Дальше события развивались следующим образом: «...профессору Сергееву удалось пробиться — именно пробиться! — на трибуну Колонного зала. И его выступление завершилось долгой овацией», «...впервые за годы перестройки официально, с высокой трибуны прозвучал голос экономиста альтернативной школы!», «...если бы не блестящее вступление профессора Сергеева, устроители конференции просто-напросто утаили бы и от общественности, и от политического руководства наличие альтернативных точек зрения, создали бы видимость показного единодушия», «...заканчивая свое триумфальное выступление в Колонном зале, профессор Сергеев обратился к представителям академической школы с просьбой хотя бы на полстула подвинуться на экранах телевизоров, в средствах массовой информации, чтобы общественность могла познакомиться с альтернативой». Увы, средства массовой информации, «испугавшись триумфального выхода Сергеева на высокую трибуну, принялись срочно наклеивать на его концепцию замудрые ярлыки, свидетельствующие об одном — о теоретическом бессилии самих «наклейщиков».

Что же такого сообщил высокому собранию изгой науки, простой профессор, самый обыкновенный, на первый взгляд, доктор экономических наук, вроде бы непритязательный завкафедрой политэкономии?

Пожалеем на пир мысли.

Выступление профессора и впрямь сильно отличалось от речей других участников конференции. Иные-прочие «замудо» ломали голову над тем, как приостановить распад потребительского рынка. События идут пока в неблагоприятную сторону. Есть у экономистов такое понятие: горячие деньги. Это те сбережения, которые жгут руки, — дай товар, и люди вмиг истратят накопленное. К началу 1989 г. сумма «горячих денег» оценивалась в 70—100 млрд. руб., к нынешнему январю их стало никак не меньше 165 млрд. Общие сбережения — около 500 млрд., что примерно равно годовым денежным доходам населения, — среднестатистическая душа может год не работать, деньги на прожить есть. И вся эта астрономическая сумма горячест, накаляется: когда товары дорожают, исчезают из продажи, мы с вами готовы покупать что попало — иначе как бы не пришлось потом оклеивать купюрами стены. В таких условиях возрастет ли выпуск товаров внутри страны, приобретут ли ширпотреб за границей — все проваливается в ажиотажный спрос, как в черную дыру. Дело идет к тому, что все 500 млрд. сбережений хлынут на потребительский рынок. Тогда катастрофа — придется закрыть магазины за ненадобностью. А куда станем девать получку, чем жить?

Для профессора Сергеева тут проблемы нет: надо просто отнять деньги у богатых. Предлагается и механизм экспроприации: денежная реформа. До 10 тыс. руб. на душу старые деньги беспрепятственно обмениваются на новые рубль за рубль, а сверх этой суммы — только если докажешь честное происхождение накоплений. По словам профессора, «совбуры» (советские буржуи), подпольные миллионеры располагают капиталом минимум в 500 млрд. Происхождение этой цифры неизвестно. Впрочем, один расчет профессор обнародовал: всего лишь 3% вкладчиков сконцентрировали в своих руках 80% суммы вкладов в Сбербанке, средняя величина их вкладов 25—30 тыс. руб. Этот расчет теперь то и дело оглашают на митингах, на него неоднократно ссылался один их вдохновителей Ленинградского Объединенного Фронта Трудящихся Б. Гидаспел. Но ведь цифры нетрудно проверить. Статистика определенно указывает: на вклады величиной свыше 25 тыс.руб. падает лишь 0.6, а не 80% сбережений. Объявленная А. Сергеевым цифра подпольных капиталов (500 млрд.) подозрительно точно совпадает с общими сбережениями населения, которые, как уже сказано, «горячат» и дезорганизуют рынок. Намек ясен: пошерстим миллионеров — и ситуация в торговле сразу стабилизируется. Шариковский лозунг «Грабь награбленное» на крутых поворотах истории действует безотказно, это мы проходили.

Строго говоря, чрезвычайной нужды в обмене денег нет — денежная реформа уже происходит, только не так, как учит нас профессор, а ползучим способом. За два последних года номинальные доходы населения выросли на 105 млрд. или примерно по 100 руб. на семью из трех человек, товаров же практически не прибавилось, кроме разве что водки. А в оборот поступают новые мешки купюр — Гознак вдвое сократил производство орденов, сильно уменьшил выпуск партбилетов и переключил мощности на печатание денег. Если и дальше дело пойдет так, нынешние, да и будущие сбережения обратятся в труху — это уже бывало в истории. Тогда отмена старых денег и введение новых станет чисто формальным безболезненным актом.

И вот при денежном половодье профессор предложил... что бы вы думали? Не повышать в ближайшие годы норм выработки и не снижать расценок на предприятиях. Иными словами, быстро и постоянно увеличивать зарплату всему рабочему классу без какого-либо прироста продукции в расчете на рубль заработка. Что же это будут за выплаты, что на них купишь? Ведь цены на товары неизбежно начнут галопировать. Нет, этого профессор не желает. Он вносит предложение снижать цены, для чего, по его мнению, достаточно доводить до предприятий-товаропроизводителей строжайшие задания на ссй счет.

По поводу этой «наработки» ОФТ известный экономист В. Гуревич рассудительно заметил в печати: если бы в нормальной стране кто-то сказал, будто ему известен механизм снижения цен в условиях всеобщего дефицита, то из вежливости его попросили бы приоткрыть великую тайну; а услышав, что надо, мол, спускать предприятиям

вместо показателя прибыли показатель снижения цен, при всем их плюрализме такого мыслителя лишили бы слова навсегда. Ибо стой, не стой в пикетах — никаких показателей в тех странах предприятиям спускать не станут. Триумфальное, блестящее и какое там еще выступление А. Сергеева по честной оценке есть эклектический набор нереальных, бессмысленных, но весьма привлекательных и потому беспроектно популярных мер. А уж что из них выйдет, не его забота — за последствия пусть отвечают те, кто «парит где-то близ вершин власти».

Конечно, выступление на конференции — еще не научный труд, многое поневоле приходится излагать тезисно. Однако я не поленился прочесть объемистые статьи А. Сергеева в журнале «Экономические науки» и его беседу с тем же восторженным поклонником А. Салуцким, напечатанную в журнале «Наш современник» (1989, № 10). Хоть поверьте, хоть проверьте — чего-либо нового сравнительно с речью в Колонном зале там не содержится, кроме разве что обычных ныне нападок на кооператоров да экспрессивных призывов к восстановлению централизованного управления хозяйством (автор проектирует создание целого «стратегического эшелона», функционирующего в особом плано-централизованном режиме; эшелон расписывал бы, кто и что должен производить, делил бы ресурсы, контролировал бы через сеть информаторов исполнение директив центра).

Профессор не одинок в подобных суждениях и рекомендациях. Действительно, в последнее время сложилась целая школа экономистов и обществоведов, по всем значимым пунктам противостоящая перестройке народного хозяйства, переменам в обществе. Салуцкий назвал ее реальной в отличие от академической. Пусть будет так, дело не в названии. Однако совершенно неосновательно сетовать, будто «реалисты» не имеют доступа к главным источникам гласности. Помимо журнала «Экономические науки» в их полном распоряжении такие массовые издания, как «Литературная Россия», «Советская Россия», «Наш современник», «Молодая гвардия». «Реалистов» не спутаешь ни с кем — они узнаются уже по манере письма: крайняя агрессивность, нетерпимость к инакомыслящим, предельная простота и решительность в подходе к проблемам жизни.

Как мне представляется, руководящую экономическую концепцию этой школы четче и последовательнее других изложил экономист Владимир Якушев в статье «Нужна ли ВЧК перестройке?» («Молодая гвардия», 1989, № 7). Вникнем в ход его рассуждений — они того заслуживают.

Развитие экономики, по мысли автора, во все времена и в любом обществе проходит один и тот же ряд последовательных этапов: натуральное хозяйство — простое товарное производство — капиталистическое товарное производство — товарное производство периода империализма, когда свободный рынок уже не действует, — и, наконец, непосредственно общественное, то есть социалистическое производство. Если отбросить первый этап (натуральное хозяйство, которого

давно нет), то получается однонаправленный исторический процесс: движение от товарных отношений к нетоварным, когда хозяйство регулируется уже не рынком, а планом.

Автор рассматривает этот процесс как безусловно положительный, открывающий простор для развития производительных сил. Но тогда встает каверзный вопрос: судьей теории служит практика, а она вроде бы не подтвердила особых достоинств нетоварной, плановой модели. В. Якушев не уходит от ответа: «Действительно, существующая хозяйственная система работает плохо. Причины этому может быть две: либо она имеет изначальные пороки в конструкции, делающие ее непригодной, либо она по каким-то причинам испортилась, скажем засорилась чем-то». «Компас марксистско-ленинской теории указывал на необходимость двигаться в направлении уменьшения роли товарно-денежных отношений. До 1958 г. этот курс выдерживался. Шаг за шагом были вытеснены из экономики такие системные признаки товарного производства, как рынок, конкуренция, свободное ценообразование, торговля средствами производства, ориентация производителей на прибыль». Случались, правда, и ошибки вроде нэпа, но с этим чужеродным явлением в ту пору «сравнительно быстро разобрались».

Итак, все хорошо.

Тогда почему все плохо?

В послесталинский период, как рыжий в цирке, выскочили экономисты-товарники и начали крушить замечательную конструкцию. Они подготовили реформу 1965 г., с которой и начались все беды: дефицит товаров, рост цен, растраниживание труда, торможение научно-технического прогресса, ведомственность, ухудшение планирования. «Все эти "цветы" произрастают из одного корня — из решения усилить роль товарно-денежных отношений в то время, когда материальные основы для них уже исчезли.

Поставив во главу угла стоимостные показатели, реформа тем самым создала ложные ориентиры в деятельности предприятий. Эти показатели, собственно, и явились теми "чужеродными телами", которые как клин были вбиты в основание системы централизованного управления экономикой. Система не смогла их полностью отторгнуть, и они создали постоянно действующий фактор дезорганизации экономики».

Что всего вреднее — уже в наши дни рыночники задают тон науке и практике (В.Якушев называет ту же обойму имен). Они пролезли в печать, на радио, телевидение со своими предложениями. «Суть их сводится к тому, чтобы клин из "чужеродных тел", уже вбитый в централизованную систему управления, пробить до конца, "рассыпать" систему и построить отношения между "атомизированными", экономически самостоятельными предприятиями на рыночной основе».

Ладно, чего не надо делать, теперь ясно. А что надо? Ну как вы не понимаете — вернуться к старой доброй системе, вытравив

из нее присутствовавшие прежде стоимостные показатели, чтоб не смущали душу. Предприятиям следует задавать планы прямо в натуре — в парах обуви, тоннах металла, метрах ткани и т. д. Учет произведенного пойдет уже не в рублях, а сразу в часах рабочего времени. За свой труд люди поимеют расписки, квитанции, по которым и получают от общества все, что надобно для жизни. Лишь по традиции эти расписки будут называться деньгами. Распределять квитанции («трудовые деньги») автор предлагает так: одна часть оплаты труда гарантирована, другая, большая, зависит от успехов в социалистическом соревновании.

Вот, собственно, и все. Остается лишь добавить, что в своих логических построениях и рекомендациях автор ни на миллиметр не отклонился от экономической теории основоположников «единственно верного учения». Если бы на сей счет понадобилось зачем-то еще и мое подтверждение, охотно свидетельствую: концепция классиков объяснена абсолютно верно, цитаты из них, оснастившие статью, точны и уместны. Кто сомневается, пусть прочтет хотя бы несколько работ основоположников — особенно идут к делу «Анти-Дюринг», «Ницше философии», «Маркс и Родбертус», «Критика Готской программы». Один к одному со статьей В. Якушева! В этом смысле наш теоретик-реалист выгодно отличается от многих экономистов-перестройщиков, которые желают как-то так усовершенствовать, осовременить идейных учителей, чтобы те благословили из могил сегодняшние поиски путей в будущее. Пустая затея!

В спор с современными утопистами нечего и ввязываться — вы никогда не уличите их в логических противоречиях, подобно тому как самый искусный патентовед, случается, не в силах найти изъяны в хитроумном проекте вечного двигателя (а заявки на такие изобретения до сих пор поступают десятками). К несчастью для страны, лучший из всех мыслимых проектов, так сказать, вечного двигателя экономики был принят у нас к исполнению, утопия пришла к власти и растрчивает силы одного поколения за другим на построение механизма, призванного облагодетельствовать человечество. Сколько б ни случилось неудач, объяснение наготове: мы не так строили, отклонились от чертежей (или, напротив того, слишком буквально поняли проект, тогда как в нем содержалось иносказание). Вот тот же В. Якушев в согласии с классиками предлагает планировать производство в натуре, в так называемых потребительских стоимостях. Спроси его, откуда планировщики загода узнают, сколько людям понадобится рубах в синий горошек, колготок с обезьянами, садовых тракторов, оконных блоков и еще 25 млн. видов продукции, — теоретик научно ответит: «Переход к показателям учета и оценке результатов труда на основе потребительской стоимости рассматривается в теории марксизма в качестве одного из основных условий социалистического преобразования общества».

Не возразишь — и впрямь рассматривается. Но даже если допустить на минутку, что технически это возможно, то сколько же пла-

новиков и контролеров за планами понадобится? А сколько надо, столько и будет: «Это те люди, которые, что называется, "крутят колеса", и перестань они делать свое дело — машина встанет». Пусть так, но на Западе вручную административные колеса не крутят, а вроде бы живут — не тужат? Как же, много вы понимаете: «Рыночный механизм может эффективно обслуживать только слаборазвитые производительные силы... На первый взгляд это утверждение опровергается опытом развитых капиталистических стран. Но... там повсеместно идет замена рыночной координации административной, и она, по оценкам западных специалистов, является многократно более эффективной, чем рыночная. Вот так! В то время как мы пытаемся из административной системы сделать рыночную, в развитых капиталистических странах поступают наоборот». А что? Не постеснялся же известный писатель заявить, будто настоящий социализм построен не у нас, а как раз на Западе. Теперь мы знаем, как они там исхитрились свершить такое: всего-навсего буквально следовали Карлу Марксу и Владимиру Якушеву. Вот-вот начнут планировать из Белого дома выпуск виски, автомобилей и прочего добра, распределять все это среди беспостоловых американцев и американок по талончикам, квитанциям, в крайнем случае по «трудовым деньгам» (там их будут называть, очевидно, трудоволларами).

Но пошутили — и будет. Если дискутировать с «реалистами» можно не раньше, чем скушавши пуд гороху, если бесполезно тыкать им в нос цифры, факты, доказывающие, что плановая система никогда, ни в одной стране не была эффективной (они не услышат вас, на всю оставшуюся жизнь верные ортодоксальной теории), то отнюдь не бесполезно выявить, где оппоненты действительно правы, в чем их критика академической школы и верна, и глубока.

В той борьбе, которая сотрясает наше общество до глубинных основ, зачинщики перестройки сознательно занимают центристскую позицию. Сам М. С. Горбачев при каждом очередном конфликте старательно дистанцируется как от консервативных сил, так и от радикальных. Позиция удобная и, в общем-то, практичная. Во всяком случае, она позволяла великому мастеру компромисса М. С. Горбачеву владеть событиями, упреждать открытые схватки противоборствующих сил с непредсказуемыми последствиями. А что такое вообще политика, как не искусство компромисса? Однако еще мудрый Гете предупреждал: «Говорят, что посередине между двумя противоположными мнениями лежит истина. Никоим образом! Между ними лежит проблема...» И она, эта проблема, сегодня в том, что общество стремительно поляризуется, происходит размежевание масс, которые вчера еще были всего лишь объектом истории.

В самом деле, чем силен Горбачев? Наступали правые — он смещался влево, поддерживал своим огромным авторитетом тесных радикалов. И наоборот. Всякий раз восстанавливалось некоторое хрупкое равновесие, относительное спокойствие, желательное для

проведения неспешных реформ. Социальной базой центристов служат слабо политизированные слои населения — их умелый политик может повести за собой и туда, и сюда. С поляризацией общества сжимается, скукоживается пространство для маневра. Нам толкуют: все мы в одной лодке, и не надо ее раскачивать. Но смахивает на то, что нет у нас больше никакой лодки, а есть доска, поставленная на ребро. На ней долго не побалансируешь, центристам нужно спешно определяться — иначе они станут получать удары справа и слева, как оно и бывает в драке. Девиз кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно» — больше не проходит.

Бесплодность центризма проявилась в экономических преобразованиях, пожалуй, раньше, нежели в иных сферах бытия. Перестройку начинали люди не с улицы, а из высших эшелонов власти. За десятилетия практики они лучше других постигли, сколь неэффективна плано-административная система. Однако им была еще более чужда западная рыночная модель... да что там темнить, назовем вещи своими именами: современная капиталистическая организация производства, в основе которой лежит рынок, хотя бы и регулируемый государством. Вот и был сконструирован умозрительный кентавр, именуемый социалистическим рынком. В принципе он устраивал всех. Одни считали: раз рынок, значит, прогресс. Другие подчеркивали слово «социалистический» — не надо, мол, паниковать, потрясения основ не предвидится.

Все дело в том, возможен ли такой кентавр, не является ли он лишь химерным уродцем блудливой мысли? Короче, совместимы ли план и рынок? Единственное (но немалое!) достижение «реальной школы» я вижу в том, что она поставила эти вопросы и выдала верный ответ. Послушаем В. Якушева: «...в теории утвердилась и продолжает доминировать точка зрения, что планомерность и товарность не противостоят друг другу, как полагали классики, а дополняют. Эта точка зрения импонировала здравому смыслу, склонному искать истину посредине, и большинство теоретиков поспешило устроиться в "золотой середине", где удобно себя чувствуют и поныне». Другой «реалист» чеканит: «Непосредственно общественные отношения и отношения, опосредованные рынком, деньгами, противоположны, несовместимы, отрицают друг друга. Всякие попытки их как-то соединить, сочетать, дополнить одну другой есть эклектизм в теории, беспринципное шарханье в практике»².

Раз одно с другим несовместимо, надо делать выбор. Свой выбор «реалисты» объявили: никакого рынка, только возрождение и усиление плановой командно-административной системы. Иначе говоря, эти экономисты заняли позицию справа от центра. Они — противники перестройки в принципе и в таком качестве обслуживают консервативный, ретроградный стан, набирающий силу буквально на глазах.

Однако фантом социалистического рынка можно отвергать и слева, с позиций последовательно рыночных. Так поступают ради-

калы, или, по более выразительной терминологии, «экстремисты». Они известны мне и лично, и по печатным трудам, но называть имена, пожалуй, не стоит: гласность гласностью, а при случае шахрахнут такого начальнической цитатой по голове — не вдруг очухается. Приведу поэтому мнения людей, недоступных карающей деснице. Венгерский реформатор М. Пуллаи назвал попытку избрести особый «социалистический рынок» детской болезнью. В его стране пришли к выводу: надобно сменить и экономическую модель, и политическую систему. А вот заявление председателя правительства ЧСФР Мариана Чалфы: «Долгосрочной экономической целью правительства национального согласия является подготовка перехода к рыночной экономике, потому что только она способна создать рациональное народное хозяйство, повысить жизненный уровень народа и разумно использовать природные ресурсы. Мы не можем позволить себе экспериментировать с какой-то до сих пор никем не проверенной экономической моделью, основанной на комбинации принципов, сама совместимость которых нигде не была доказана. Рыночную экономику мы должны принимать со всеми ее достоинствами и недостатками»³. Вот это мужской разговор.

Раньше, чем сделать выбор, давайте наконец разберемся, вокруг чего ломаются копыта, что это за штука такая — рынок, отчего одни на дух его не принимают, а другие и склонны бы допустить, но в особой, нашенской форме. На первый взгляд дело проще пареной репы: производители материальных благ — частники, кооператоры, государственные предприятия — работают не на план, не по директиве сверху, а сами, на свой страх и риск, определяют, какую продукцию изготовлять. Естественно, ту, в которой нуждается покупатель и которую можно продать по дорожке. Между продавцами возникает конкуренция, борьба за покупателя, богатеет и процветает тот, кто предложил товар дефицитный, лучшего качества и по доступной цене.

Так что же тут дурного? Нам, покупателям, того и надо. И что за злыдни эти «реалисты», как они смеют препятствовать очевидным нашим выгодам? Однако не все так просто. Под собирательным понятием «рынок» действует не один, а разом три рынка: рынок товаров (мы его только что описали), рынок капитала и рынок труда. Подобно божественной троице, они единосущны, то есть поодиночке невозможны. Глубокое теоретическое заблуждение облеченных властью экономистов академической школы заключается, на мой взгляд, как раз в том, что, по их определенно выраженному мнению, мыслимо выхватить из этой троицы одну, самую привлекательную ипостась, а именно товарный рынок, который через конкуренцию производителей насытит торговлю, удовлетворит нужды и капризы потребителей. В действительности этот рынок есть лишь заключительный этап товарного производства. Он, так сказать, оборудует ту витрину западного способа производства, перед которой любят стоять разинув рты наши туристы. Но блеску витрин супермаркетов предшествует будничная,

внешне неприметная работа, исполняемая двумя другими рынками — капитала и труда. Глянем на них.

В недавней поездке по ФРГ я побывал на фондовой бирже в Штутгарте. Это и есть рынок капитала. Голосистые маклеры, расположившись на кафедрах, выкрикивают, по какой цене они готовы купить или продать те или иные акции. Если партнер сыскался, оба идут в кабинку за трибунами и оформляют сделку. Но, боюсь, читатель мало что понял из этого описания. Привычные на Западе слова «маклер», «акция», «дивиденд» у нас прочно забыты за ненадобностью, так что давайте-ка с самого начала и попроще. Допустим, у вас есть свободные деньги. Можно хранить их в чулке, если происходит инфляция, то есть обесценивание денег. Разумнее положить деньги в банк, где на них будут начислять процент. Велик ли процент? А это смотря в каком банке, там их в каждом крупном городе десятки, а может, и сотни. Есть государственные, есть частные с вековой историей и, значит, с солидной репутацией. Такие обычно не платят вкладчикам рекордного процента, но зато вы можете быть уверены в сохранности вклада. Где процент выше, там и риску больше.

Само собой, банкиры собирают деньги не для того, чтобы, подобно скупому рыцарю, любоваться ими на досуге («Хочу сегодня пир себе устроить: Зажгу свечу пред каждым сундуком. И все их отопру, и стану сам Среди них глядеть на блещущие груди. Я царствую... Какой волшебный блеск!»). Нет, банки пускают чужие деньги в оборот. Например, финансируют такие производства, которые принесут больший доход, нежели плата вкладчикам по процентам. Как остроумно выразился крупный американский финансист, банк есть предприятие, которое производит особую продукцию — деньги. Механика проста: банк покупает через посредников (маклеров) акции — ценные бумаги, удостоверяющие, что их владелец приобрел пай в стоимости данного предприятия. Теперь он вправе получать доход (дивиденд) с каждой акции. Любой вкладчик может поручить банку купить на его имя акции определенного предприятия.

На бирже в Штутгарте мне подарили курсовый бюллетень, в котором указана стоимость акций тысяч и тысяч предприятий. Цена различается многократно. Отчего так? Вот тут-то и заключена движущая пружина рыночного хозяйства. Допустим, мы с вами купили по одинаковой цене (по сто немецких марок) акции двух разных фирм. Через год моя принесла обычный средний доход, скажем 10% (10 марок), а ваша — вдвое больше, то есть 20 марок. Мне и вам понадобились живые деньги, и мы решили продать наши ценные бумаги. За мою мне вернули ту же сотню марок, что я уплатил год назад, а вы получили двести марок. Несправедливо? Но ведь покупателю все равно, приобрести ли две такие акции, как моя, или одну вашу — в том и другом случае, при прочих равных условиях, он получит одинаковый «припек» — 20 марок.

Оговорюсь, впрочем: цена акций зависит не только от сегодняшних дивидендов. Будучи недавно в американском городе Балтиморе, я

опять-таки отправился на местную биржу. Известный финансист Майкл Инграм объяснил мне правила операций и предложил поиграть, так сказать, насухую — определить по биржевым бюллетеням, какие акции я купил бы, будь у меня деньги. Конечно же, я наделал ошибок и едва остался «при своих».

— Вот вы не пожелали, — объяснял наставник, — приобрести акции фирмы «Адаптек» (она делает детали компьютеров). Формально вы правы: месяц назад одна акция стоила 20 долларов, две недели спустя — 18,8, а сегодня — чуть больше 17 долларов. Казалось бы, надо скорее продавать такие акции, пусть даже с убытком для себя. Однако наш исследовательский отдел изучил эту фирму, и теперь мы почти уверены, что через полгода ее акции поднимутся в цене до 30 долларов за штуку. Вы упустили шанс крупно заработать...

А может ли мистер Инграм, раз уж он такой умный, играть на бирже за меня? Да, эту услугу они оказывают. Гарантии? Никаких, и клиенты, доверившие свои деньги, это знают. Но ясно и другое: если маклерская фирма пустит по ветру чужие денежки, она и сама прогорит — впредь ей никто не верит и цента. В прошлом году биржевая корпорация «Алекс Браун и сыновья», где служит Майкл, обеспечила клиентам приращение денег в среднем на 25% — мощный исследовательский отдел почти безошибочно угадывал, куда выгоднее помещать чужие доллары.

На первый взгляд тут происходят чисто спекулятивные операции: вот паразиты — не работают, а богатеют. Что же, можно рассуждать и так, рыночная модель обеспечивает не справедливость, а всего лишь эффективность экономики. Фирмы, чьи акции дорожают, непрерывно подпитываются капиталом. Они имеют возможность быстрее других обновлять и расширять производство у себя, приобретать чужие предприятия, чтобы организовать там дело по-современному. Происходит как бы естественный отбор наиболее жизнеспособных фирм. Это решающий стимул технического и организационного прогресса: отстал — разорился. И не надо горевать о неудачниках — видно, не за свое дело взялись.

Сейчас вот, например, теснит конкурентов японский капитал. Ученый-экономист, у которого я жил под Кельном, купил японскую автомашину. Как он рассказал, соседи пристыдили его: не патриот, мол, раз не поддерживаешь немецких промышленников. Патриотизм — дело хорошее, но больно уж велик соблазн. Японцы первыми оснастили новые модели машин катализаторами — устройствами для поглощения выхлопных газов. По законам ФРГ владельцы таких машин на пять лет освобождаются от экологического налога, а это шестьсот марок в год (средняя недельная зарплата!). Кроме того, японские фирмы первыми ввели бесплатное техобслуживание машин в течение двух лет.

Теперь, надеюсь, понятно взаимодействие рынка капитала и рынка товаров. Товарный рынок, как сверхчувствительный прибор, отслеживает, вынюхивает неутоленный спрос и посылает сигналы рын-

ку капитала, то есть фондовым биржам: дефицит там-то и там-то, на покрытии его можно хорошо заработать. Товарный рынок угадывает едва обозначившиеся, а то еще и вовсе неведомые потребности покупателя — в видеомагнитофонах, переносных телефонах без проводов, автоматических фотоаппаратах, автомобилях с бортовым компьютером, думающих роботах, а фондовые биржи воспринимают импульсы, поступающие из торговли, весьма наглядно: в виде повышения курса акций тех предприятий, которые готовы заполнить бреши дефицита, или, напротив, падения цен акций, если каким-либо товаром рынок перенасыщен. Перемещение, перелив капитала из одних отраслей и производств в другие — вот движитель саморазвития, самонастройки рыночной экономики.

И нам бы так. Да вот беда: капитал не бывает ничьим. Покупая акцию, человек приобретает не просто красивую бумагу с водяными знаками, а часть предприятия. Он становится собственником этой доли и вправе распорядиться ею, как того пожелает, — продать, подарить, передать по наследству. Иначе говоря, на рынке товаров могут конкурировать только собственники средств производства. Да, на поверхности явлений рынок есть постоянный и добровольный обмен между собственником денег и собственником товара. Однако в последнем счете, в крайнем звене цепочки обменов собственником товара выступает собственник средств производства, на которых этот товар изготовлен. И если мы желаем в какой-то перспективе иметь по-западному насыщенный рынок жизненных благ, нам безнадежно мало объявленной ныне свободной конкуренции товаропроизводителей — требуется приватизация средств производства. Товарный рынок существует там, тогда и постольку, где, когда и постольку действует рынок капитала, на котором собственность переходит из рук в руки.

Вот здесь-то все мы, сверху донизу, и повязаны идеологическими догмами. Как сказано в «Коммунистическом Манифесте», «...коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»⁴. Экономика императивно требует утверждения частной собственности, идеология — ее уничтожения. Часто говорят: страна на краю пропасти. Продолжим этот образ: на узком мостике над пропастью сошлись экономика и идеология, уперлись лоб в лоб, той и другой обратного ходу нет — не развернешься. Кому-то лететь в бездну. Компромисс исключен, он означал бы просто бездействие — авось, мол, противостояние как-то само собой разрешится. Этого не будет.

Уже сегодня фантом особого, социалистического рынка мало кого вдохновляет. В сущности, это попытка совместить привлекательный товарный рынок с государственной собственностью на средства производства. «Далеко не всегда, — утверждает ненавистный «реалистам» академик Л. Абалкин, — для того, чтобы быть хозяином, надо быть собственником, хотя такое понимание довольно широко сегодня укоренилось и распространилось в общественном мнении. Совершенно

ясно, что за государством остается практически исключительное положение в формировании производственной и социальной инфраструктуры, обеспечивающей целостность народного хозяйства...» Но что такое в этом тексте «исключительное положение» государства, как не исключение самой мысли о рынке капитала, недопущение даже намека на неподконтрольный аппарату перелив средств в производство нужных рынку товаров?

Раз рыночный регулятор отвергнут, государство и впредь оставляет за собою обязанность перемещения, переброски капиталов из отрасли в отрасль, из одного производства в другое. Делается это через так называемые приоритеты: производства, объявленные предпочтительными, получают льготы в финансировании расширенного воспроизводства, в обеспечении ресурсами, на их продукцию назначаются выгодные цены, работникам — повышенная зарплата и т. п. Вспомним приоритет тяжелой промышленности, пятилетку химии, пятилетку машиностроения, теперешние приоритеты сельского хозяйства и потребительского сектора экономики. Но предпочтение одним — это всегда, если можно так выразиться, недопочтение другим. Покамест государство стягивает ресурсы в приоритетные отрасли, другие приходят в упадок, их в свой черед приходится объявлять ударными. Мы получили в итоге неизбежные дефициты, скособоченную экономику, работающую на самое себя и не способную обслуживать человека.

Теперь нам сулят: отныне станем планировать правильно, выберем приоритеты истинные, распределим капиталы по-научному. Как по-научному? Этот секрет раскрыл нам министр финансов В. Павлов. Оказывается, прежние планы никуда не годились по той причине, что составляли их в неверных ценах. На одни товары назначали такие цены, что изготовители без особых усилий получали сверхприбыль, тогда как другие не вылезали из убытков, хоть пупок порви от усердия. Государство вынуждено было выравнивать условия посредством повышенных нормативов отчислений в бюджет от прибыли предприятий-счастливчиков и дотаций неудачникам. Индивидуальные нормативы — это чистый произвол. Стало быть, нужен единый норматив. А он возможен, по мнению министра, если действует правило «равная прибыль на равный капитал». С этим расчетом и следует установить цены, а уже тогда, при научных ценах, легко будет сверстать правильную, научную пятилетку (и, добавив от себя, провалить ее по всем правилам в тринадцатый раз).

Таково последнее слово реформаторов из академической школы, теоретиков социалистического рынка. Читатель, даже не сведущий в тонкостях экономики, давно, полагаю, сообразил: нормальная экономика, вся без остатка, держится как раз на том, что производители получают *разную* прибыль на равный капитал. Разную, а не равную. Деньги, вложенные в перспективное, хорошо поставленное дело, приносят и повышенный дивиденд. В противном случае собственникам денег было бы совершенно безразлично, какие акции покупать — лю-

бая приносит один и тот же доход. Тогда переливов, перетоков капитала не происходило бы, на равных финансировались бы предприятия как закрывающие дефицит, так и выпускающие ненужную продукцию. А это — летаргия, затем — смерть экономики.

Между прочим, теория рыночного социализма несколько не нова. Еще в тридцатые годы ее выдвинул известный экономист Оскар Ланге, причем его модель предусматривала в точности то же, что предлагает нам сегодня академическая школа: некое центральное плановое бюро устанавливает правильные цены, которые предопределяют правильное поведение предприятий. Обсуждение этого проекта светилами мировой экономической мысли получило тогда название Великой Дискуссии. Теоретики показали несостоятельность проекта, а много позже практика реформ в социалистических странах убедила, что ничего, кроме бюрократизации экономики, из этой затеи не выходит. Всемирно известный венгерский ученый Я. Корнай ехидно заметил: «Модель Ланге базируется на ошибочных допущениях, касающихся природы "плановиков". Служащие его Центрального планового бюро являют живое воплощение Платоновых философов, олицетворение единства, бескорыстия и мудрости... Такое не от мира сего чиновничество никогда не существовало и существовать не будет».

А главное, у чиновников нет управленческого инструментария, сравнимого с рыночными регуляторами. Достоинство рынка капитала заключается еще и в том, что он настраивает производство с изумительной точностью — нужны не просто легковые автомобили, а с катализаторами, особо прибыльно изготовление не всяких телевизоров, а с повышенной четкостью изображения и с дистанционным управлением без проводов. Плановая настройка хозяйства много грубее исходно, в принципе. В самом деле, к чему толкает экономику баланс, справедливо считающийся сегодня самым важным, — между денежными доходами населения и их товарным покрытием? Единственно к насыщению платежеспособного спроса в валовке, в стоимостном выражении. Если цифры доходов и товарного вала сошлись, то вроде бы все в порядке. Но чем, каким товаром наполнены рубли валовки? Ведь нехватку мыла не покроешь избытием ковров, электродрели не заменяют мяса. Последующие плановые расшифровки общего задания на товарные группы (столько-то пар обуви, столько-то магнитофонов) не спасают положения — на душу населения можно нашлапать обуви больше всех в мире, а на ноги... сами знаете. Ситуация сродни той, что описал Чехов в «Жалобной книге»: «Проезжая через станцию и будучи голоден в рассуждении чего бы покушать я не мог найти постной пищи. Дьякон Духов». «Лопай, что дают».

Лопаем, куда денешься. И это еще не худший из вариантов. За четыре года пятилетки выпуск потребительских товаров возрос на 68 млрд. рублей, а ныне запланировали прибавить 66 млрд. — почти столько, сколько за весь предыдущий период. Можно не сомневаться: будет произведена увеличенная цифра, не более того. Предприятия станут еще нахальнее вздывать цены, чтобы исполнить неподъемные

планы, а государство в очередной раз закроет глаза на эти маленькие хитрости. Других способов сколько-то соблюсти баланс доходов и расходов населения все равно нет. Независимо от намерений начальства планирование год за годом, десятилетие за десятилетием демонстрирует полную неспособность рационализировать структуру отраслей, заставить экономику работать на человека. Эту задачу способен решить только раскрепощенный, выпущенный на волю капитал. Различия в норме прибыли безошибочно указывают, куда он должен переместиться в интересах покупателей и общества в целом.

Прокламированный ныне товарный рынок без рынка капитала создает конкуренцию особого рода: предприятия и отрасли улещают не покупателя, но государство, казну, соревнуясь, кто больше оттяпает лимитов, дотаций, денег в долг без отдачи, инвестиций, кто изловчится выцыганить план поменьше, льгот поболее, цены пожирнее. Реформаторы подменили право собственности на средства производства вздорным понятием самостоятельности трудовых коллективов. Это поистине безумие: сохранить средства производства за государством и в то же время дать людям самостоятельность в их использовании — как хочешь, так и распоряжайся чужим добром.

Результаты не заставили себя ждать. Даже официальная статистика сигнализирует о затухании прироста производственного потенциала страны. В 1970 г. ввод основных производственных фондов составил 10,5% от их наличия, выбытие — 2,3%. Разница между этими величинами (8,2%) характеризует чистую прибавку фондов. В 1985 г. эта прибавка снизилась до 5,4, в 1988 — до 4%. Из анализа плана на 1990 г. видно, что средства, расходуемые на расширенное воспроизводство, абсолютно сократятся в 1,2 раза сравнительно с 1988 г.

Это по официальным данным. В действительности положение гораздо хуже. По нашим расчетам, стоимость строительства возрастает как минимум на 30% каждую пятилетку, а в последние два года цены на инвестиционные товары будто с цепи сорвались. Между тем новые фонды засчитываются в баланс по их номинальной стоимости и приплюсовываются к действующим фондам, оцененным в свое время другими, более весомыми рублями. Если пересчитать все добро в сопоставимые рубли (в так называемую восстановительную стоимость) да сверх того учесть скрытое выбытие (фонды еще не списаны, но устарели и не приносят должной отдачи), то станет очевидно: вводы фондов далеко не покрывают их выбытия, мы проматываем главное материальное богатство страны — ведем себя как перед концом света.

Казенное, бесхозное — да кто же его станет беречь и приумножать? Урвать побольше заработка с казенного завода, урвать немедленно, пока хозяин не застучал, — вот это славно, это по-нашенски, по-люмпенски, снова живем. Сейчас государство-собственник спохватилось и отменило выборность директоров — их снова будут назначать. Станет ли лучше? Навряд ли. Нам все не впрок, пока собственность казенная. Действительно, за рубежом на акционерных

предприятиях работники руководителей не выбирают. Наблюдательный совет подбирает, нанимает таких директоров, которые не приведут производство к упадку — иначе акции быстренько обратятся в макулатуру.

Но вот я вспоминаю прелестный рассказ Бориса Шергина «Ничтожный срок». Дело было в старину, на артельной верфи в архангелогородском Поморье. Корабельные мастера и работные люди от пяти берегов Двинской губы собрались выслушать отчет своих выборных. Один доложил: «Я удовлетворил анбары дорогим припасом, красным лесом. Хватит на два года при большом расходе». Службу эту он управил за десять месяцев. Собрание поблагодарило его — и только. Другой за этот же срок обеспечил верфь инструментом. И ему сказали: «Что ж, ты исполнил свою должность. Но ничего восхитительного тут нет». Третий начал с вопроса: «Известен ли вам художественный мастер и мореходец Маркел Ушаков?» Собрание отвечает: «Ты бы еще спросил, известны ли нам отцы наши и матери! Мореходные и судостроительные чертежи Маркела Ушакова друг у друга отымаем». Тогда докладчик объявил: «Я уговорил Маркела Ушакова принять в свое смотрительное руководство нашу Лисестровскую верфь. Придет сюда на постоянное житье. Но, чтобы расположить Маркела, мне понадобился долгий срок». «Сколь долгий?» — спрашивает собрание. «Девять лет...» Триста человек, как один, всплеснули руками, встали, закричали: «Мало, совсем мало времени потратил ты, Панкрат Падиногин! Для столь полезного успеха десять лет — ничтожный срок».

Так вот как это назвать — выборы, назначение, приглашение? В том ли суть? Можно поступать так и эдак, смотря по обстоятельствам. Важно, кто назначает или выбирает — собственники или поденщики, хозяева или временщики. Ладно, отныне у нас директоров станут назначать. И что? Назначенцы будут смотреть в рот вышестоящим, служить партийно-государственному аппарату, а он так и не доказал за семьдесят лет своих способностей сносно распорядиться казенным имуществом.

Нет уж, без приватизации средств производства, как ни крути, не наладить нам здорового хозяйства. Такая перспектива для «реалистов» невыносима. «Мы перестанем быть сами собой, если поступимся нашими социалистическими ценностями, позволим яростным псевдодемократам дурачить людей сладенькими сказками о «народном капитализме», безграничной демократии и беспартийной гласности», — дает установку руководитель ленинградских коммунистов Б. Гидаспов⁵. «В ослеплении мы не видим, что уже на крючке. Еще движение — и мы окажемся на раскаленной сковородке: наши заводы и земли, банки, школы, лечебные учреждения и прочее станут добычей грабителей-толстосумов», — бьет в жестяные литавры ответственный партработник из Белоруссии Э. Скобелев⁶. «Наши «товарники-экстремисты» рвут и мечут, доказывая необходимость всеобъемлющего рынка, хотя осуществление их рекомендаций грозит полным разва-

лом советской экономики», — доносит М. Антонов и по законам жанра называет главного экстремиста — академика Л. Абалкина.⁷

Да будет шуметь-то по пустякам! Спешу успокоить тех, кто держал перед Колонным залом плакатик «Прекратить абалканизацию страны!». Академик сто раз клялся, что у него и в мыслях нет приватизировать сколько-то значимые средства производства, допустить рынок капитала. А без этого, как уже сказано, и товарный рынок невозможен. Стало быть, все останется по-старому, по-вашему.

Согласие скандальных «реалистов» с умеренными и аккуратными реформистами царит и в вопросе о рынке рабочей силы. Понимающий газетчик спросил Л. Абалкина: «Значит, не может быть речи о наемном труде?» «Наемный труд, — отрезал академик, — не расхожий термин, а строго научное понятие, парное понятию капитала. Поэтому считаю, что наемный труд и социализм несовместимы». Как видите, и с этой стороны угроз нашему строю не предвидится. Вопреки мнению радикально настроенных законодателей и как раз по настоянию Л. Абалкина в первую же статью нового Закона о собственности в СССР включена такая запись: «Использование любой формы собственности должно исключать... эксплуатацию человека человеком».

Разберемся, что тут к чему. В чеканной формулировке закона исключена, заметьте, не вообще эксплуатация человека, а только другим человеком. Государством — это пожалуйста, в том греха нет. Эксплуатация означает, все равно — на Западе или у нас, безвозмездное присвоение кем-то части продукта, созданного работником. Остроумна, но теоретически несостоятельна притча о том, как побеседовали японец и наш, советский. «Я работаю шесть часов, — объявил первый. — Два часа на себя, два часа на хозяина и два часа на Японию». Собеседник ответил: «А я работаю два часа, и только на себя. Хозяина у меня нет, а зачем мне работать на Японию?» Будь так, за счет чего страна содержала бы армию, милицию, школы, больницы? На какие шиши мы строили бы жилье и заводы? В этом смысле эксплуатация работника — обязательное условие жизнеспособности общества. Но чем ниже продуктивность труда, чем расточительнее ведется хозяйство, тем большую долю продукта приходится отнимать у производителя, чтобы насытить потребности общества. Тем выше, стало быть, степень эксплуатации. В рыночных экономиках от 60 до 80% времени человек трудится на себя и только 20 — 40% рабочего дня — на общество. У нас пропорция обратная: примерно две трети созданного чистого продукта непосредственно производителю не оплачивается и поступает в распоряжение государства.

Тамошний работник находится в предпочтительном положении не потому, что хозяева предприятий добры и сострадательны. Рабочая сила там такой же товар, как и всякий другой. Она имеет свою цену, которая в развитых странах, по нашим понятиям, баснословно высока (что выгодно, между прочим, и сообществу предпринимателей — иначе кому бы они продавали автомобили, квартиры, бытовую технику?). Человек имеет возможность продавать на рынке труда

свою рабочую силу, будучи ее собственником. Дарованная природой и умноженная обучением рабочая сила — важнейший вид собственности. Это главная производительная сила, создающая богатства общества.

Однако едва государство забирает в свои руки средства производства, как оно фактически экспроприирует и собственников рабочей силы, то есть все трудоспособное население. Человек теперь не может прокормиться, иначе как пойдя в наем к государству. Оно становится монопольным покупателем рабочей силы и, как всякий монополист, произвольно назначает на этот важнейший товар цену, какую пожелает (через оклады, тарифные ставки, расценки, нормативы и т. п.). Рынок труда упраздняется, торговаться о цене товара больше не с кем — монополист скупает всю рабочую силу.

Теперь представьте себе, что рядом с единственным покупателем появляется конкурент и начинает набивать цену на этот товар. В прошлом году среднемесячная зарплата в народном хозяйстве составила 240 руб., а в кооперативах — 500 руб. Предлагая двойную цену, кооператоры перехватывают у государства работников. Зарождается рынок труда. Потерпит ли государство, привыкшее распоряжаться по своему усмотрению всеми ресурсами труда, рядом с собою конкурента, пусть пока и слабенького, но такого настырного? Ответ ежедневно дает жизнь — кооператоров только что в ступе не толкут.

Такова суть дела. Она затуманена, затуманена словесами об эксплуатации. Действительно, эксплуатация человека человеком звучит некрасиво. Выразим то же самое спокойнее, как это сделал академик Л. Абалкин в упомянутом интервью: речь идет о запрещении наемного труда, и ни о чем больше. Наконец, определим смысл понятия третьим способом: государство запрещает нам, естественным собственникам своей рабочей силы, продавать ее кому бы то ни было, кроме как ему, государству. Вот теперь сказано, как надо.

В этих условиях рыночная экономика снова невозможна. Есть такая восточная легенда. Падишах велел архитектору построить дворец. Зная порядки в том царстве, зодчий попросил письменный указ и с фирманом под мышкой пошел покупать стройматериалы. Стража схватила его: нарушаешь, мол. Тот показывает шахскую бумагу — нет, не годится, тебе велено строить — вот и строй, а про кирпич и мрамор ничего не сказано. Ладно, выправил мастер еще бумагу, купил, что надо, и стал нанимать строителей. А стража опять тут как тут: пройдемте, гражданин. Зодчий опять к шаху: мол, ваше благородие, напиши ты мне такой фирман, чтобы я в своей работе был полный шах. Повелитель подумал и отказал: бог с ним, с дворцом, — если каждый в своем деле будет шахом, тогда зачем я, шах?

Правда, хорошо? Мы толковали уже о движущей пружине рыночной экономики — о перемещении капиталов из одних производств в другие, более полезные и выгодные. Но рынок капитала гроша ломаного не стоит, если нельзя свободно купить рабочую силу для расту-

щих и процветающих производств, если вся она монополизирована шахом или, в нашем случае, государством.

Возможность товарного рынка без рынков капитала и труда — в лучшем случае теоретическое заблуждение, а в худшем — сознательный обман ради успокоения общества, выпускация пара из кипящего котла.

Прав Л. Абалкин: существующий у нас строй и насмный труд несовместимы. Но ведь то же самое пишут и «реалисты». Идеолог реальной школы В. Якушев с предельной точностью называет условия, при которых только и может действовать рыночная модель: «Это наличие обособленных частных товаропроизводителей, ориентированных на прибыль, конкуренции, свободного ценообразования,... рынка труда и безработицы». Эти условия «реалисты» считают для нас неприсмлемыми столь же определенно, как и реформист № 1 академик Л. Абалкин, как его школа экономистов. Общий знаменатель той и другой школы — сохранение и укрепление существующей системы хозяйства. Разногласия лишь в частности. Сегодня модно призывать к гражданскому миру. Широко известный «реалист» Александр Проханов рекомендует даже «устроить братание и великое целование»⁸. Вот и подходящий случай для такого лобызания. Конечно, академическая школа не едина. В обойму имен, составленную ее противниками, довольно-таки произвольно включены мыслители, весьма различные по взглядам. Но даже тех, с кем я решительно не согласен, как-то не хочется ставить на одну доску с их оппонентами хотя бы уже потому, что одни — широко образованные интеллигенты, другие компенсируют нехватку знаний агрессивностью в полемике. Однако, как говорили в старину: Платон мне друг, но истина дороже.

Примечания

- 1 «Литературная Россия», 1989, № 49.
- 2 «Экономические науки», 1987, № 8, с. 51.
- 3 «Правда», 12.01.1990.
- 4 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 438.
- 5 «Ленинградская правда», 8. 12.1989.
- 6 «Литературная Россия», 1989, № 45.
- 7 «Наш современник», 1989, № 8.
- 8 «Литературная Россия», 1990, № 1, с. 5.

Земля и воля

Майская ночь, или Так говорит Стародубцев

Ожидали печатных бюллетеней — проголосовать за Горбачева и Верховный Совет — и бродили по пустым стогнам майского Кремля. Конечно, и купола мерцали старым золотом, и кущи сиреней у Ивана Великого источали свежесть, напоминая о калитках-накидках; на променаде, известном миллионам по живописному полотну «Сталин и Ворошилов в Кремле», угадывались тени забытых предков. Но было, однако же, поздно, томила неприкаянность, вокзальная твоя ненужность, а подлых бюллетеней — как Германна! — все не было. И почему начальство никак нельзя выбирать с утра пораньше на свежую голову, а непременно надо ночной порой,

Когда все доброе ложится,

А все недоброе встает.

(А.С. Пушкин)

Шла, таким образом, первая ночь Первого Съезда, все переворотилось и не спешило укладываться. Озонный хмель выборов еще шумел в головах, лев на одной поляне шутил с агнцем. Страна трезвенно праздновала приход неведомой демократии и виновато озиралась, словно турист-кулундинец в парижской «Галери Лафайет».

Ко мне подошел Стародубцев, председатель председательского корпуса России, и стал неспешно, еще по-свойски, наставлять. Как старший товарищ, неглупый и чуткий. Зачем связался с Кузьмичевым? Авантюрист, политическая пустышка, ни черта из его аренды не выйдет и выйти не может. Надо укреплять крупные хозяйства, снабжать их по-настоящему, только тут путь к решению проблем! Нужно сплотиться всем депутатам-аграриям, создать парламентскую группу — и требовать, теперь уже *требовать* равноправия. И жалко, что такой серьезный человек (значит, мне давался шанс!) заблудился в трех соснах.

Мысленно я прикидывал: три прыжка — и за Царь-пушкой, так — короткими перебежками до Царь-колокола... Но статья 6 еще не отменялась, в стране правила истина в конечной инстанции — и побег просто не имел смысла.

Кузьмичев, директор племзавода «Зыбино», был из тульских еретиков — и тем конфузил туляка же Стародубцева. Роздал всё имение

свое «делателям» (точно по евангельской притче), а потом от арендаторов же и потерпел. Доярки на внутренних деньгах-чеках прогорали, классово обижались на слово «банкрот» — и старались и в буднях аренды заботливо отнести баллон молока или сумку с дертью от *якобы* своего по аренде поголовья в несомненно свое, хотя и подсобное, хозяйство. Родной госплемзавод лежал просторным китом, от него весь коллектив муравьиными тропами трудолюбиво тянул, нёс и вёз что мог и как умел. А директору, вообще активу, надлежало тропы пересекать, муравьев устыжать-обезвреживать, кита охранять и возбуждать его жизнедеятельность. Поскольку в ношах муравьиных троп читалась природа собственности, Кузьмичев заключил: «из этого роя не выйдет» крупных сдвигов — хотя именно арендную организацию труда благословили ему специальным посещением члены Политбюро Е.К. Лигачев и В.П. Никонов. И затеял еретик кооперативное движение. Внутри племзавода. Чтобы всем на фермах работать, а директору, наряду со всеми, кредиты в банке брать на свой ответ, молоком и прочей продукцией те долги погашать — и не транспортировать, значит, под полой и в ночи материальные ценности от одного общественного уклада к иному. Замыслом было выкупить племзавод у государства — и вести дело кооперативом.

У лафета Царь-пушки мне было сообщено, что Кузьмичев — сквернавец. И даже укокошил кого-то! Чему дивиться? Наш способ стабилен: «Нету студента без диамата — нет оппонента без компромата». Нужно победить — добудь компромат. Нету — сделай.

Увы, мне тоже совсем недолго оставалось прыгать по лужайке при белозубых улыбках рослых зверей. На скате 1989 года именно тов. Стародубцев В.А., председатель Всероссийского совета колхозов, отправит фирменный донос в ЦК КПСС в хорошей стилистике 1937 года: журналист Черниченко Ю.Д. порочит колхозный строй, крестьянство, руководителей колхозов и совхозов, поэтому «просить ЦК КПСС, Комитет Верховного Совета по аграрным вопросам и продовольствию оказать через соответствующие органы (какие именно — КГБ? МВД? Прокурора Сухарева? говорили бы прямо... — Ю.Ч.) свое воздействие на средства массовой информации», а оно Черниченко из обращения изъять. На сленге посвященных это звучало изящно: «просить председателя Государственного Комитета СССР по телевидению и радиовещанию т. Ненашева М.Ф. рассмотреть вопрос о целесообразности использования журналиста т. Черниченко Ю.Д. как комментатора по вопросам сельского хозяйства на Центральном телевидении». Свежачок! А то все откапываете истлевшие доносы на Лубянку и качаете головами... Не нами заведено: без стука не входить. Даже в новое время.

Но той ночью в фольклорной тени Царь-пушки, мне предлагалось определиться — с кем, собственно, я?

У Иммануила Канта — пять, кажется, доказательств бытия божия? Доказательств необходимости колхозов — шесть, и в основном, они строятся от противного: если «не», то как же? Всю следующую зи-

му, зиму единственной, пожалуй, на нашем веку взаправдашной дискуссии на серьезную тему, эти аргументы кочевали из статьи в статью, а потом — от «Взгляда» к «Пятому колесу», к словесным пожарам в комитетах Верховного Совета. Но только двое на целом свете знали, что это все лишь повтор произнесенного у колеса Царь-пушки сиреновой ночью в Московском Кремле...

Замечательно, что о *ненужности* колхозов никто публично и не заикался — откуда ж вроде взяты доказательства *нужности*? Значит, шапки и вправду подчас вспыхивают сами собой. «Правда» зимою полемически отстаивала *полезность* нашего аграрного устройства. *Вредность* же словно сама собой разумелась и ни в каких подтверждениях не нуждалась! Да и что темнить: предкарточное состояние социального пропитания на 45-м мирном году (и то только потому «пред-», что достойные карточки уже отоварить нечем), гул-пальба за кусок лаваша, хлеба, пури, паляницы — в буквальном или обобщенном смысле — навели широчайшие массы на мысль, что у нас... голод. Не такой, какой случается, наступает — и с новым урожаем уходит, оставляя в летописях или статистике жуткие цены на хлеб, а голод как стабильная норма естества, как постоянное многолетнее недоедание, при котором страна отличается от держав соседних тем, в ней не так, не столько, не то едят люди. И сопредельные — финны, скажем, или, напротив, турки, — вовсе не зависят от того, подвезем ли мы чего-нибудь или нет, мы же стали жить как на полярной станции: не подвезут с Большой Земли — каюк, белое безмолвие...

Замечательно также и то, что давний и кадровый представитель строя, председатель двухзвездный с его простым лозунгом — «приезжай ко мне, увидишь!», стал со скоростью свободного падения терять социальную функцию Надежды, миссию внушения — «ничего, скоро наедемся». По-человечески говоря, тут даже печаль, потому что народ все больше бравый: я вообще не видал двухзвездного в каком-нибудь унылом, бракованном олицетворении. Наоборот — здоровый дух ищет и находит себе для земного бытия как правило решительное тело. Естественно, что в большинстве своем именно такой контингент, зовущий подражать уже физической своей завидности, и был послан аграрным народонаселением представлять свои беды и несовершенства в парламент.

Падение же... Отчасти сказался эффект медуновых-рашидовых, которые, увы, заставили широкие слои буквально воспринять вопрос поэта: «Если звезды зажигают — значит, это кому-нибудь нужно?» Конечно, наметился и тип хозяйственного диссидента, передовиканеслуха, который копил выговоры, инфаркты и к публике вышел в единоборстве с *прежним* начальством. То, *прежнее*, сметено могучей волною обновления, временем социальных реформ — и знаком новизны *нового* начальства оказалось прежде всего награждение (или признание, выдвижение) *прежнего* баламута и экономического озорника. Но в традиционном сознании масс всегда сидело — «богату и

черт люльку качает!» Постоянное появление двузвездного на TV, его простецкие-мужичьи беседы через экран с народом в майках или халатиках, узнаваемость пуще космонавтской привели к неожиданному: э, да ему, богатому, не просто везет, в судьбе его принимает деятельное участие некий черт, и качание люльки — самый невинный из видов чертовой службы. «Чорта, чорта подавай на TV, пушай все выложит!» — суммарное требование политизированного зрителя. И перебор с телепропагандой привел еще и... Перестали носить ордена! Поначалу странен был вид без золотой брони на груди. Что-то дискомфортное, стыдливое чувствовалось в поблекшей внешности... Некомплект! Однако — притерпелись, научились узнавать друг друга. Разве что принятие двузвездного за норму, за аграрный стандарт, за состоявшегося человека — и, следовательно, понимание долгов, запустений, возвращений серого волка на пажити немые как аномалии, случайности на правильном и победном пути — так, увы, и не вернулось.

Стародубцев сказал:

— Разрушать — не строить! Ну, растащите колхозы, а кто страну кормить будет?

Под растаскиванием, вы догадались, первое доказательство разумеет покушение на монополию колхозно-совхозной системы (практическая разница между колхозом и совхозом мала). Уже сама мысль, что надо еще доказать в соревновании, какой бегун быстрее, а значит — запустить на дистанцию *не одного*, принимается за покушение на строй. «Только враги народа и контрреволюционеры могут ставить вопрос о ненужности колхозов и совхозов», — понятно учит товарищ Сталин (т. 13, стр. 194). Но используется и память нации о Великом переломе. Разрушили 25 миллионов хозяйств, растащили нэповский механизм, согнали в 200 тысяч сталинских колхозов (теперь 26 тысяч, но больших) подлинных крестьян — и следом массовый голод, а скотий мор такой, что до сих пор поголовья рабочего и продуктивного скота не восстановили. Страшно? Еще бы. Значит, наш с вами статус-кво — против Великого перелома (пусть и наоборот), а Кузьмичев и иже с ним норовят вызвать голод.

И вновь Стародубцев сказал:

— Колхоз еще и не жил как следует — донором был, им и остается. Вы до конца его вооружите — он завалит вас зерном-мясом! Созреть не дали — «демонта-аж»!..

Из донора никогда чемпиона не будет, факт. Но и то верно, что донорство, или — иначе взглянуть — кровопийство, ввинчены в механику системы Агрогулага изначально: всегдашняя рука на кранике, партгосуправление подачей кислорода и откачкой крови есть главный блок механизма. «Говорят, что колхозы и совхозы не вполне рентабельны, что они поглощают уйму средств, что целесообразней было бы распустить их, оставив только рентабельные из них. Но так могут говорить лишь люди, которые ничего не смыслят в вопросах народного хозяйства, в вопросах экономики», — и на этот счет сказал това-

рищ Сталин. Он учил, что рентабельность колхозов — дело наживное. Прошло почти 60 лет, шланг с кислородом утолщился, местами налицо просто кислородное дутье, по рублю с двугривенным за литр молока! Но обширные части организма страны в смысле донорства теперь — полный амбец. Не отсосешь, кончай реанимацию. Грабящий обречен бывать милосердным, и постоянные списания долгов, прощение сотен миллиардов — такая же, оказалось, норма бытия, как при Сталине — нерентабельность.

И посещает тебя дикая мысль: может, не колхозы бедны — страна бедна для такой системы? Может, только нашей, отдельно взятой стране такой обогнавший время уклад не по карману? А государства с высоким доходом на душу населения, *цивилизованные*, как теперь говорят, смогли бы у себя сделать все колхозы богатыми, а колхозников — зажиточными? Но нет: Сталин (см. VI конгресс Коминтерна) наотрез отказал «капиталистически развитым странам» — Америке, Германии, Англии — в национализации всей земли «в первый же день пролетарской революции», а значит — и колхозы им не обломались! «...чем развитее капиталистическая страна, тем труднее провести национализацию всей земли, ибо тем сильнее там традиции частной собственности на землю и тем труднее, стало быть, бороться с этими традициями». А жа-аль...

Насчет же довооружения колхозов... Тут софизм. Ахиллес и черепаха. До чего, до какого уровня? Чтобы кто, собственно, сказал — «будя»? Исходная мерка — фермер Запада, его оснастка — недосыгаема не потому, что у нас денег мало (а их мало), а потому, что бежать по прямой нельзя. Зигзаги удачи! Там — рынок, а рынок склонен к измене и перемене, как ветер мая. Фермеру — т.е. купцу-земледельцу — далеко не всегда нужно больше железок и кирпичей (основных производственных фондов). Для него могут быть важней и доходней вложения в землю (прикупить 100—200 акров!) или... в информатику. Компьютер — машина, которая ликвидирует земледельцу-купцу его отдаленность от мира (отрезанности не было никогда, отдаленность оставалась). Он перестает быть деревенщиной-засельщиной. ЭВМ держит фермера в курсе *сиюминутных* цен всей планеты, учит *сегодняшнему* выращиванию тюльпанов или скрещиванию свиней, и выбирает ему из всера решений наименее рисковое в этой точке и в данный час. Конечно, компьютер как средство смычки города с деревней гожд лишь тогда, когда подключен к сети. А для этого *должна быть* эта самая сеть — сеть государства, континента, мира. Никто здравый не поставит же себе на хуторе телефонный аппарат, если проводок не протянут хотя бы к центральной усадьбе... Словом, фермеру теперь уже полезно вместо машины механической («мы с железным конем...») купить машину электронную. И символом времени стала ЭВМ.

Колхозу компьютер не нужен. На́ дух — и по ряду моментов. Цены утверждаются враз и надолго, а план, что бы там ни болтали, спускается сверху. Вариантов не бывает — есть указания. Информация,

какая положена сверху, опустится почтой, а снизу поднимется сводкой. Как случать-выращивать, специалист должен помнить сам, а перед случайной кампанией ему напомним «цзю». Сети нет — есть система. Она состоит из людей и их кормит. В АПК число кормимых — три миллиона.

Недавно Егор Кузьмич Лигачев до слез насмешил — нарочно, а может и нечаянно — сопоставлением колхозного оснащения (основными производственными фондами) и американского фермерского. Дескать, она, вооруженность, у них сейчас вчетверо выше нашей, а урожайность обогнала нашу вроде только вдвое. Зато когда у них фондов было столько, как у нас сейчас, так они, срамцы, и нашего не снимали! Империализм в очередной раз получил мордой об стол — или тут прием Задорнова—Жванецкого...

Что такое «фонды»? Сколько тракторов «Беларусь» содержится в компьютере «Тошиба»? Скольким тугим боевым лукам эквивалентен один автомат Калашникова? Некорректно? Срамцы всегда снимали в принципе столько, сколько можно было продать. Возник совершенно новый рынок растительного белка (сои), и сбор соевых бобов в США поднялся за четверть века на 400 процентов; узнал потребитель смысл в бройлерах — и цыпленок жареный как товар от практического ноля взлетел до четырех миллиардов штук в год. Итальянский крестьянин, от Ромула и Рема преданный винограду и оливам, в две пятiletки достиг мирового первенства по киви (экзотический фрукт такой, из Новой Зеландии). Основные фонды остались практически прежними, валовка в тоннах тоже, но килограмм киви дает впятеро больше лир, чем кило прозрачного золотистого винограда «Италия» (хрустящая мякоть, приторности нет, косточку легко отделить)...

Так что тут сопоставлять?

Колхозно-совхозная система бедна, это так. Но девиз «довооружения» способен будоражить только раннефеодальное мышление.

И еще Стародубцев сказал:

— Фермер *нам* просто дорог! Знаешь, во что обойдется оснастка фермерских хозяйств, если пойти этим путем? Можно на эти деньги обстроить все колхозы до уровня передовых.

Он прав в том, как дорог *настоящий* фермер. И именно *нам*, налогоплательщикам, морально-политическому советскому единству. Речь не о перемыславско-смоленском фермере, какой пока не является экономической силой, но об американско-канадском и общеевропейском, которым послушно платим дань едва ли не половину колхозного времени: 27 лет из шестидесяти. Страна за железным занавесом, оборвавшая все научные, кооперативные, технические и прочие связи с обыкновенным миром, втайне от своих людей вернулась через 10 лет после смерти Сталина к контактам с мировыми капитализмом (а с кем же? не с компартиями же?), но — на конфузном, национально унижительном пути зернового импорта. Те 70 миллиардов зеленых долларов, что заготовками нашармака отняты у своего народа, давно выплачиваются... классовому врагу. Нет? А кому же? Пролетарию

прерий? Батраку Рейна и Прованса? За проявление коминтерновской солидарности, за МОПР — и помощь рабочей Москве? Давайте без лапши на уши: выплачиваются международному империализму за то, что тот поддерживает своими поставками неработающий агроуклад. И тем на четверть века оттянул время кардинальных перемен — и еще, Бог даст, оттянет... Неохота взмывать здесь до высот с масонами и «памятливым» бредом о заговорах и врагах, но что импортные истоки лежат, конечно же, в диктатуре над союзником империализма тамбовским мужиком, в продразверстке, бронепоездах Тухачевского, продармиях Троцкого, заложниках Кагановича, лозунге «пуля в лоб» Зиновьева, во всеобщем «мы грабим награбленное» — факт безусловный, хоть и мучительный.

Эти тридцать, подчас сорок миллионов тонн годового привоза — будто найденные, и простые души Агрогулага свыклись с ними, как человек привыкает к прогрессивке, премии, к тринадцатой... Я старался пробить в обращении аграриев к Съезду абзац о проклятом импорте, а Стародубцев: «Зачем? Терять тридцать миллионов тонн?!...» С трибуны, правда, я выложил давнее свое соображение: объем закупок съестного за рубежом пропорционален неверию верхнего горизонта власти в живучесть колхозно-совхозной системы. Кому верят, тому дают деньги. Верили бы в колхозы — им бы и платили.

Ну, а дороговизна внутреннего фермерства... Того рязанско-казанского, кооперативного или нет, это уж его дело, но того, какое готово *само* платить за покупаемое (основные фонды) и *само* продавать изделия рук своих... Рождению такого обязательно предшествует раздел: это твое, а это, извини, мое. И не твоя печаль чужих детей качать. И его долги ни в коем случае Стародубцева (в понятном смысле) не обременяют, как товарища Сталина не заботили истинные заботы алтайских мужиков во время знаменитого путешествия... Естественно, такое фермерство — тоже проблема правового государства (налоги, учетные ставки, контрактации и т.д.), но как идут дела у них, мы, увы, будем узнавать через цены — как сейчас узнаем о подлинных делах системы по дальности перевозок мокрой колбасы и объемах импорта.

Вообще же говорить о дороговизне пропитания... Ну, давайте всем не есть! Да, прокормиться в нашей державе накладно: горожанин тратит на харчи 32, колхозник — 35 процентов совокупного дохода, а едят — как ни веселит статистика — средне. Средне между «отвратительно» и «социально опасно». Почему и жизненный срок советского мужика на 10 лет короче, чем у японца, и на 9 — чем у шведа, швейцарца... И поднять двух-трех «спиногрызов» тоже безумно дорого, проще воспитать не детей, а ребенка. Но как экономия на детях ведет к вымиранию нации, так и колхозно-совхозная дешевизна прокорма ведет в некий «четвертый мир». В самих каляканьях, что стране дорого, а что дешево, так дышит сталинское планетарное сознание, такая инерция решать за «массы», что человек с внутренним чувством времени и не калякал бы. Не подставлялся.

И снова сказал Стародубцев:

— Какой крестьянин, откуда вы его взяли? Где вы его видели — умелого, обученного, желающего рисковать? Кто вернется на хутор? Бросьте смешить.

И мощный хор — с Абалкиным, авторами «Правды», дискантами творческого шовинизма — рванул припев: «Где вы видали крестьянина, где вы видали его...»

Развяжите руки. Дайте размять запястья, опухли — и поговорим. Вот тогда поговорим!

Чего больше в том рефрене: мании величия, опасения, скорби, надежды, страха? Или ощущения, что Серп окончательно убежал за Молот, спрятавшись в индустриальной тени? В виду имеют, конечно, сельскую Россию, дупло дуба, про окружность спора нет. Что запад Украины, Закавказье, Молдавия, среднеазиатский скученный регион, не говоря уже о балтийских республиках, суть крестьянские края, то ли из-за сравнительно краткого царства колхозов, то ли по национальной психике, и живо готовы реагировать на землю и волю, сомнений не слышно. И голоду там — развяжи только руки — мигом отступит, ясно. А вот дупло впрямь великовато: и Урал, и обе Сибири, и Север — окромя Нечерноземки...

Но за самим Стародубцевым, как тень, как мальчик из исторической драмы о царе, ходит Ваня Билюк. Он молдаванин, из Рышкан, выдержал конкурс на фермера (900 человек на 11 мест), поселился в деревне Новая Новомосковского района под Тулой, за 70 тысяч кредита купил у совхоза «Путь к коммунизму» 1200 ненужных (совхозу) овец, зазвал из Рышкан пять семей земляков (осваивать дупло, так сказать), а РАПО, т.е. опять-таки и лично Стародубцев, не дало тому Ване Билюку ни клочка земли, а отару в избу не спрячешь, ей пастбище нужно, только выгнал — вот тебе, фермер, акт за потраву, 20 тысяч рублей штрафа. Перспектив никаких, скот дойный купить не дали — помаялись братья-молдаване и попылили назад. Легко представить, какое мнение о лидерах российских колхозов распространяют они теперь за Днестром и как выражают (молдавский язык тоже богат) нравственные оных качества... Но Ване, Ивану Михайловичу Билюку, отступать только в тюрягу, 414 голов уже сволок на мясокомбинат, а земли все нет, а кредиты висят... Стародубцев на съезд крестьян России — Ваня за ним туда, Стародубцев должен быть в депутатском клубе — Ваня в Москву, на Калининский. Да не просит искательно (у фермеров уже вырабатывается улыбка достойного нищего), а режет промеж глаз! В район едешь — Стародубцев, в совет колхозов — Стародубцев, в Верховный Совет — все тот же Стародубцев, так что, вешаться? У него черная «Волга» — у меня электричка, ему самолетом эмбрионы из Канады — я за хлебом грязь меси, он законы творит о земле — я ночи не сплю, спасаю овечек, это вы сделали равные возможности всем укладкам?!

Ваня, тут классовая борьба. Ты рождаешь капитализм и буржуазию постепенно, ежедневно, ежчасно, стихийно и в массовом масш-

табе — и Стародубцев ведет диктатуру. Поэтому тебя нет. Крестьянина, который согласен на хутор, давно нет!

Знал бы Иван Михайлович русский язык в совершенстве — спросил бы:

— Повылазило?

Вам повылазило, что не видите крестьян России, получающих со своих парцелл, куда они оттеснены Великим переломом, в 10—13 раз больше дохода (удельно), чем дает оказённая земля? Не видите растящих картошку в мерзлом болоте Сургута и помидоры в Мурманске, клубнику у высохшего Карабогаза и персики на шифере у Керчи? При свете факелов Тюмени можно еще сомневаться, есть ли в России нефтяники, но что гениальные мастаки агробиологии там в изобилии, в избытке — двух мнений нет! На неполных трёх процентах пашни (да какой! хорошая ведь нужна колхозу), колхозник и его двоюродный или кум с достославными городскими сотками «дачи», эти чужеземцы в своей стране, производят орудиями Екатерины Второй по одному продукту четверть, по другому — треть, по иному — больше половины союзного «вала», и ведь это такой харч, какой и будут есть по возвращении народа: петрушка из-под снега, персиковая слива, где-то спаржа (давняя гордость Лужников), где-то цикорий (форс Ростова Великого), и картошка, картоха, картовь, второй хлеб России, к которому она пристрастила за годы беды и тюркоязычных, и финно-угорскую группу. Если это вам не крестьяне, так какого... черта, именно черта вам еще нужно? Примените к ним девиз Абалкина — «Не мешайте!», дайте хотя бы сталинские пайки земли (четверть гектара на желающий выжить двор) — и даже 10 процентов частной пашни еще в 1990 году кардинально изменили бы тонус в стране!

И сказал Стародубцев пятое:

— Вы, друзья, начали — договаривайте: а что со строим? Как его прикажете называть? Если вам, допустим, удастся восстановить частное хозяйство в СССР?

На кардинальный этот вопрос давно ответил гимназист из анекдота: «Мне бы ваши заботы, господин учитель...» Если нечего дать — дай маленько свободы. Нечего продать — отпусти ему землю. Нечем наставить — склони человека к труду.

И напоследок сказал Стародубцев... Тут, собственно, мировая, знак поры компромиссов и уступок:

— Нет, если земля опустынена, негодная, списана — отчего не отдать? Пусть и частник постарается. Пустыню — можно. А хороших колхозные земли раздавать никто, это понятно, не будет.

А откуда пустыня в Европе? В Азии — ладно: Хива стоит в пустыне, Бухара. Европа же — единственная часть света без барханных пустынь! Значит, не обломится?

Хозяин знает, что говорит. (Говорит это методично, положим, член Комитета по аграрным делам К.Д. Моторный, но мне хочется поднять Стародубцева до понятия.) Есть пустыня и в Европе! Песча-

ная калмыцкая пустыня на месте «Черных земель» растет на 5 гектаров в час и уже охватывает 1,2 миллиона га. В пашне СССР 20 миллионов га составляют больше не пригодные к обработке земли — засоленные, смытые, выдутые, заболоченные, искаленные иным образом ешь разгуляться где на воле! И кооператоры, и фермеры! Вообще-то в конце XX века все почвы, с которых при хорошем климате и уже изобретенном тракторе снимают по 10—12 центнеров зерна, по 70 — картошки, вполне сойдут за агропустыню. Или — скажем воспитанно — земли запаса. Затоплено 6,5 миллиона га пойменных лугов и пастбищ, иные пригодны к осушению и рекультивации. Если не о площадях только, а и о плодородии, то вынос почв составляет теперь в год 1,6 миллиарда тонн — это равноценно 38 миллионам минеральных туков, в кормовых единицах это 40 миллионов тонн овса, т.е. еще один раз столько, сколько завозим по импорту. Еще раз — потому, что потеря только 20 % зернового урожая, теперь уже общепризнанная и составляющая (20% от 200 млн.т) тоже 40 миллионов, проходит как первая потеря. Техногенное загрязнение (выбросами металлов — или серой, фтором, мышьяком) на Урале, в Кузбассе, в Казахстане охватило 31,4 миллиона га — лакомые сельхозпродукты получились бы у фермера!

Значит, можно и сразу просить — можно и подождать, пока наработают. Кто? Ну, колхозы, совхозы... Стойте, так они у вас что, пустыню производят? Почему «у вас»? У нас, у всех, общество едино. Производятся продукты питания, почему вы до сих пор и живы, но попутно — как, скажем, газ в Тюмени — производятся — да! — отчасти пустыни.

Час пробил, бюллетени привезли, в Георгиевском зале началось такое, чего он не видел вовек... И я со своим единственным вопросом Стародубцеву остался не у дел. А вопросец-то был вроде оськиного насчет кита и слона: кто, мол, кого поборет?

— Всё хорошо. Но за сколько дней растащат *ваш* колхоз? Если охрану снять — и без притворства, никого не привлекать: за сколько? За два, за полтора?.. Но чтоб до кирпичиков, до голых стен — всё по сигналу «можно»?

«Мы грабим награбленное»

«В начале жизни школу помню я...»

Состояла она в том, как быстро растащили колхозы, когда (в ноябре 1941-го) в степной Крым ворвались немцы. Сильней, чем желтоголовые мессершмитты, катастрофу жизни обозначила муравьиная беготня моего же рабоче-крестьянского сообщества с мешками на спинах. Наверно, кто-то зарывал и «фордзон», и бюст Сталина, было всякое, но большинство бегало. И — идейно! «Идут же... не оставлять же?» Лет пять я читал в клубе перед сеансом: «Лица, покушающиеся на социалистическую собственность, являются врагами народа». В

два дня безвластия врагом народа был — поголовно — он сам. Покушался — да как...

С той же энергией («уходят — не составлять же?») снова все растащили по дворам в апреле 1944-го, когда наши, теперь в погонах, гнали немцев к Севастополю. Что растаскивали после немцев? А тоже... общину. Так оно называлось в оккупацию: «община». Вместо колхоза, но опять-таки — и план, и бригадиры, и носить молоко на молоханку, и — воровство. Повсеместное, вссобщее. Правда, когда растаскивали колхоз (а он прежде был немецкий, хозяев выселили в августе), то диапазон был широк: и кони, и сбура, и лаврушка со склада, и сепараторы, веялки, фляги, подковы, вожжи... Расхват «общины» ассортиментом был уже, да и чувствовалось: ненадолго, сносить придется. Безвластие безвластием, но у людей, даже беззащитных, и нитки, конечно, не пропало.

Нас у матери осталось трое, мы были беженцы — илоты степного полиса. На нашу долю остался проросший ячмень на току, недорытый картофель и стебли хлопчатника: топить (Сталин указал сеять в Крыму хлопок). Впрочем, на раскуроченном хлопкозаводе я обнаружил локомобиль, но утилизировать его не мог.

«Вон он где научился... отношеньицу!» Что делать. Лет тридцать писал в анкетах: «находился на территории...» Нас были десятки миллионов. Никто нас не спрашивал, когда оставлял под немцем. Да, в тысячах и тысячах «общин» Юга пацанов гоняли и пахать буккерами, и молотить на токах. Но мы не бросали дивизии морской пехоты на пирсах Севастополя. Не красили кровью Черное море и Азов. Не оставляли умирать партизан на Яйле. То — другие, с чудными анкетами.

А учиться — это всегда.

— Чего это твоя Иванова на ток не ходит? — учила жить соседка по алтайской Благовещенке Нюра Чепурнова. — Я вон и курам наносила, и кабану запасаю. А вы, целинщики, народ, гляжу, лени-и-ивый...

Носила Нюра кило по десять в день, хлеб убирала с половины августа до Октябрьской, хватало. Народ, кулундинцы, был честнейший — если честностью считать уважение личной собственности. Белье могло висеть на морозе неделями. Все девятые и десятые классы знали, как сдергивается замок с нашей двери. Раз у целинников в «Первомайском» крутили хорошее кино «Жюльетта», а я искал коменданта — и обошел тридцать незапертых квартир... Впрочем, оставить на дороге (в снегу или грязи) грузовик было уже смертельно: через сутки найдешь скелет. Стащить аккумулятор, фары, ремни с ночующего в поле комбайна тоже считается нормой, хотя «Нива» наполовину только колхозная, а наполовину как бы «людская».

За 37 лет ученья и практики (а это больше половины существования колхозного строя вообще) я не усвоил зыбкой грани между вполне колхозным и несомненно уже «людским», но зазубрил ряд четких, как боевой устав, позиций.

Колхоз есть охраняемое коллективное хозяйство. Охраняется от коллектива. Организует охрану руководство (председатель) колхоза, опираясь на парторганизацию (на сознательный коллектив). Охрана ведется от замыслов и покушений несознательной части коллектива, которая обыкновенно составляет большинство. Все, в сущности, знают, сколько кто взял, чего именно и откуда. Задача воспитательной работы: «Пусть земля горит под ногами расхитителя колхозного добра!» И горит. Прежде не знаю, а за свои 37 лет ручаюсь. Моя мама до войны распевала: «Трансваль, Трансваль, страна моя, ты вся горишь в огне...» Наверное, про это самое...

Охрана колхозного имущества организуется тремя способами. Они следующие.

Фортификация, или создание искусственных препятствий и сооружений, делающих акт присвоения колхозной (совхозной) собственности затрудненным или вовсе невозможным. Среди препятствий — заборы, решетки, стены, канавы, прожекторы, шлагбаумы, проходные и т.д. Колхозно-совхозный строй создает глубоко эшелонированную оборону. Сложность в том, что надо пускать людей на работу, но надо и выпускать... Это делает наш пейзаж средневековым: хоздворы — как замки феодалов, пункты заготзерна — провинциальные кремли, склады скрыты обычно за бетонными оградями плюс колючка. Иностранцы думают — военное, секретное. А оно вполне мирное, просто население у нас еще не такое, какое нужно народу. Велики ли расходы на оборону? Ограды отнимают подчас четверть или даже треть стройматериалов. Бывает, что на сам объект уже не остается — фонды кончаются. Но с этим не считаемся. У нас без забора — неестественно! Закладывать титульный объект по заграничному методу — на юру, без ограды, без охраны — не станет и душевнобольной. Да и иностранцы (турки, финны), если строят у нас что, теперь начинают с глухого забора.

Постоянный надзор за кадрами, т.е. внушение отсталому большинству, что руководство вездесуще, скрыться от него — утопия, а утаить что-либо и думать смешно. С.Ф. Медунов внедрял по всему краю особые фальшвышки у границ кукурузных массивов: для поселения вечной тревоги. (А хрен его знает — вдруг, гад, влезет и заметит.) У Чаушеску такие же вышки по углам были с начинкой: сам видел «попок» над кукурузой в дельте реки Дунай. Опытный руководитель в секунду, окинув усадьбу колхозника, опознает, откуда сено в копне, где взяты кукурузные бодылья или топливные запасы, чьими кровельными материалами (шифер, жесь, очерет?) отремонтирована крыша. Никаких меченых атомов не нужно — на то и выдвигают людей... Есть председатели, которые, увидев в окно кабинета одного из Акимочкиных, в 98 случаях из ста точно назовут, куда тот идет, что у него на уме, когда выпьет — и на чьи именно.

Конечно, ценней всего профилактика хищений, заблаговременное принятие мер, делающих приемы и навыки отсталого большинства никчемными. В селе Стригуны (Белгородская область) заблаговре-

менно вырывали схроны на путях ночного несения женщинами знаменитого лука (особенно семян, чернушки). Председатель сельсовета, восстав из тьмы с полной внезапностью для колхозниц, достигал столбняка и массового шока. Но наблюдал я сюжеты и с обратным исходом. Директор совхоза «Победитель» (Омская область), ответственный за успехи героини Тани Перешивко (2000 свиней за год!), принимал меры против стабильных хищений зерна у особо отпетого поселка. Скосив созревшие хлеба в валки, он не стал ждать положенных пяти-шести дней, а послал бригаду комбайнов (ипатовский метод!) уже через сутки. Каков же был у нас с ним стресс, когда, прибыв во главе колонны, мы застали полностью и тщательно обмолоченное поле, хоть не пропускай сквозь барабан! Тут было близко к вере в колдовство уже руководство.

«Затеи сельской остроты», как называл их Пушкин, всегда обусловлены нравами и, значит, зависят от местности. Многие не велят в огородах сажать сахарную свеклу, если рядом колхозная, или сеют те сорта кукурузы и других пропашных, каких еще не может быть у частного большинства. Население же старается возможно скорей слиться с общественным сектором восдино. Бдительность, однако же, может быть потеряна и сознательно: для толчка в научно-техническом прогрессе. Памятен иностранный опыт Антуана Пармантье, ботаника-любителя: тот уговорил короля Франции сажать под Версалем картофель, днем охранять гвардией, а на ночь стражу снимать. Картофель в королевстве распространился быстро и без жертв. Заместитель академика Ремесло по Институту пшениц полтавчанин Сайко рассказал, что именно таким путем в индивидуальный сектор были продвинуты амфидиплоиды. Без имитации ротозейства селяне не польстились бы на длинноусый тритикале (гибрид ржи и пшеницы). Я знал затейника, который высаживал саженцы роз перед доской почета до тех пор, пока все село не завело в палисадах розарии.

Метод утомительный, требующий от актива ночных бдений и разведческих данных, прямой надзор нашел отражение и в фольклоре. По анекдоту, американский шпион был спущен ночью в потасненное место — в кукурузу, а тут как раз дежурил предколхоза... Но специализация берет власть и здесь. Наряду с комбайнерами, трактористами, женделегатками в колхозное село вошла и профессия сторожа. Прежде сторожа держали только в имении (вспомните дедушку Ваньки Жукова, Константина Макарыча), одного, с колотушкой — нынче служба охраны задействована внутри села, приближена к колхозникам и рабочим совхоза, она в полях, у складов, у многолетних насаждений, сторож — одна из распространенных, если не массовых профессий. Народ посмеивается и над своей охраной. «Чего ты пришел хлеба просить, — говорит председатель бедолаге-колхознику, — я ж тебя два раза посылал ток сторожить!..»

Впрочем, тогда следует отметить и прежную (давнюю) единичность вора. Правдивый повествователь А.Н. Энгельгардт даст понять: вор в его время был в деревнях столь же профессионален и отличим,

как, скажем, коновал или кузнец. Если украли кожи, то нужно искать известное всей округе Костика — пока не пропилил выручку. Ныне же массовость и регулярность: где работаешь, то в принципе и несешь. Колхозница из-под Миргорода требовала протянуть в «Сельском часе» нового «голову колгоспу»: не даст, собака такой, принести мешок «кавунов» с бахчи, совсем обнаглели, «райкомовськы сторожа»... Отстаивала старинное ленное право!

Не того лес боится, кто много возит, а — кто часто ездит. Отсюда и взгляд на транспорт. Велосипед — безнаказанно, но нерентабельно. Стариковское дело — подгрызать посев люцерны, держать кроликов... Автомобиль (даже «каблучок», «пирожок») — хорошо, но наказуемо: «машиной заехали!» Золотая середина — мотоцикл с люлькой: и отчасти легально, и уже эффективно: бычки, кабаны, стадо птицы. И когда, зажатый сзади могучими коленями подруги жизни, владелец «Урала» в пластиковом шлеме вылетает на дело, взоры зависти и любования провожают его: поехал... Колхоз, понятно, позволяет покупать транспорт (постановкой на очередь) с учетом этого ракурса — равно как и на грузовики сажает со строгим разбором. Колесо — залог левых доходов.

Охрана путем *дозировки и управляемости хищений* есть путь третий, он выражает чувство нового и стремление превратить расхват (это странно звучит, но — потерпите) в организующий рычаг отчасти даже в двигатель хозрасчета. Давайте же глядеть в лицо фактам! Ну, внедрял тот же Медунов так называемые контрольные обмолоты: прошел комбайн с представителем первый круг, вышло по сорок — так и со всего поля, канальи, гоните по сорок! А меньше — разворовали! Либо потери, что тоже, по-сталински глядя, надо принимать за хищение социалистической собственности. А что народ? Ответил. Стали контрольный обмолот исчислять после подбора валков... Может, хватит изматывать друг друга? А вместо взаимного изнурения прийти к консенсусу? К паллиативам? Может, и не охранять то, что нам не нужно? При Ф.Т. Моргуне в Полтавской области было указание ГАИ вообще не задерживать на пересздах везы с соломой и кукурузными стеблями: раз мужик везет, значит ему надо.

И демократизировать, переложить на низы! Внедряется, скажем, штраф в конце года за прегрешения во всем сезоне, причем малый коллектив заинтересован быть строгим, ибо удержанное делится между непойманными. В сущности, семейный подряд и аренда имеют целью (не одной целью, но среди других) достижение идеального состояния: хозяйства, при котором нет смысла красть. Но об идеалах чуть позже.

Позволять много воровать — нельзя, разрешать не воровать вовсе — опасно: человек выходит из-под контроля, становится белой вороной. Из этой-то среды и возникают «писатели», обрекающие себя и руководство на вечные комиссии, проверки, шпионаж, контрразведку и ненависть. Нет, ты утащи на рубль — отработась на десять. Попользуйся десяткой — промолчишь на сто рублей. Консенсус!

Подчас доза разрешаемого может быть и больше того, что поступает в казну. В семидесятых годах, работая в «Правде», я заинтересовался: отчего это в Узбекистане, на орошении, пшеница дает раз в пять, а то и в десять меньше, чем хлопчатник? Надо ж, хлопка берут по 35 центнеров, пшеницы — где пять, где и четыре... Проник в Бухару, напечатал в ЦО статью «Семена показухи». Собкор по Ташкенту Мукимов звонит: «Шараф Рашидович сказал — мы такую критику не примем». Что — клевета? Нет, но это на руку обывателям. Ага-а, значит, и Рашидов в курсе, значит — с его согласия растаскивается пшеница, дающая, какого уж черта, никак не меньше хлопчатника. Так, а зачем Шараф Рашидович поощряет этот народный хапок? А чтоб и провинциальный Вабкент как-то участвовал во всем том сложном, многогранном, что — термина еще не было, возник потом, назовётся «хлопковым делом». Тогда удалось припугнуть комиссией из ЦК, через день из Ташкента пришла телеграмма: факты имеют место, исправляем и т.д. Тем и кончилось — до самого всесоюзного слушания по делу... уже не Рашидова—Усманходжасва, но Гдяна и Иванова. Нет, астрономические дани Рашидову—Медунову—Алиеву и пр. — вовсе не сложение муравьиных нош народонаселения. Но пшеница Бухары туда входит как накладной расход! Как трата на создание общей криминогенной атмосферы, без косяк никакие хищения с девятью нулями возможны бы не были.

Смешно думать, будто хапок в колхозе-совхозе — юдоль или масовых профессий (механизаторов, животноводов, сторожей), или очень уж большого руководства (Каримов, краснодарский секретарь Тарада, «не промахи» из Одессы, Чернигова и т.д.). Будто диплом, агроспециальность, опыт, свой шофер и седина на висках начисто отдают от соблазна... Какое! То-то и замечательно, что вот ведь какие рыцари технологии, а воруют за милую душу и без зазрения совести. Могу назвать главного зоотехника из знаменитого на севере Одесщины колхоза: украл с фермы двух коров — как ковбой или цыган до социализма! Сдал на мясо, уличен, судим — снова племработа, тот же штат под началом, осеменение, планерки, разве что не совсем уже главный... А есть испытательный институт на Северном Кавказе, весь белый свет там бывает, и главный агроном его хозяйства законтачил с бахчевиками (они приезжают из Харькова со своими овчарками, дробовиками, сами охраняют, сбывают — только справку им дай, позарез нужна справка!). Что-то он им подписал, а стопку денег положил себе в сейф, арестовали, растрезвонили на всю степь... Вернулся. Руководит. Разгоны даёт, стружку снимает. В свою среду не то что принят, а и не исключался. Никого же не ограбил? Агроном золотой. С гуся вода, с гуся вода.

— Что он опять городит? Да я жизнь проработал — и ни былинки чужой не взял! — с дрожью губ и бешенством стучит сейчас кулаком по столу некий читатель. И я верю, верю ему — не из страха перед скандалом, но потому, что еще в том присивашском поселке, где летом 1943-го у самого коменданта сперли доски, запасенные на новый

чистый клозет и тот носился с криками «шиссен, шиссен», то есть грозя расстрелять, — в том учебном моем поселке знал дядьку-пастуха, который просто не умел плохо работать. Такое увечье было у человека: копать пошлют — пашет в полный штык, сторожить на ток — не спит до света, идет домой пустым. Он бы, наверно, умер, но пастухов хозяйки поочередно кормят... Наша страна разнообразна, а села впрямь не стоят без праведников, и до войны их, инерционно-честных, даже призывали на нравственную, что ли, службу: «инспектор по качеству». Чтоб не подсовывали колхозу вместо работы — туфту! Самый массовый вид грабежа, самый разорительный, о каком мы почему-то здесь не говорим, увлекшись одними хищениями. Словом, это тип Терентия Мальцева, но без книг и диспутов, в хуторском варианте, его использовали сторожем при работе. Наличие пяти, пятнадцати, даже пятидесяти процентов таких — «отсохни рука, если возьму» — вовсе не устраняет и не убавляет экономического веса того фактора, что колхоз (совхоз) — не жилец без непрерывной, зоркой, как Карацупа, охраны, и все равно воруют!

Председатель колхоза, самый изначальный, стандартный — он что делает? Уличает во лжи и не дает украсть. Семен Давыдов тут классический герой: пострадал в бабий бунт, когда те хотели вернуть свои семена — и изнурял себя на пахоте, вскрывая заговор саботажников из Татарского... Но откуда столько лжецов и грабителей?

Мы судим-рядим о колхозно-совхозной системе воспитанно, не допуская непристойных речей о всеобщем воровстве. Чем колхозы выгодны, а чем, не скажи, все-таки слабоваты. Не конкретно, а как уклад, как всемирно-историческое завосвание, как разрушение самого первоисточника, рождающего капитализм ежедневно, ежечасно, повсеместно и в массовом размере... А что воруют и повсеместно и ежечасно — об этом, поймите, нель-зя! Даже при гласности — невозможно. Дискредитация!

— Да почему же Горбачев не накормит Россию! — вдруг завопит сочувствующий, только что учивший тебя уважать и беречь Горбачева — но потерявший в толчее воды терпение. Взорвется — и испустит вопль!

И ты снова говоришь ему — Стиву, Марку, Джерри — о традиционности коллективизма, общности владения землей... А что воруют — ни-ни. Оскорбительно!

«Мы грабим награбленное»... На Третьем съезде Советов в январе 1918 года участник казачьего съезда в станице Каменской изложил случай, пересказанный В.И. Лениным в феврале того же года так:

«Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чем большевизм.

На вопрос казака: а правда ли, что вы, большевики, грабите? — старик ответил: да, мы грабим награбленное». (ПСС, т. 35, стр. 327.)

Суть налицо — вопрос в детали: что считать награбленным в данный момент? К Великому перелому таковым было сочтено крестьянское имущество СССР вообще: 25 миллионов крестьянских хозяйств,

118 миллионов га посева, т.е. 105 процентов от дореволюционного уровня, 34 миллиона лошадей, 68 миллионов коров (крупного рогатого скота вообще), 147 миллионов овец и коз, 20,9 миллиона свиней. Сбор зерновых в 1930 году составил 83,5 миллиона тонн — на 3,4 миллиона больше предреволюционного.

В итоге переворота, основой которого, как и при всяком политическом перевороте, были перемены во власти и в собственности, возникло двести двадцать тысяч колхозов, поглотивших 15 миллионов крестьянских хозяйств. Лошадей уцелело менее половины, крупного рогатого скота — 57 процентов, овец и коз — одна треть, свиней — 60 процентов. Ничего даже близкого по размерам катастрофы страна никогда не переживала. Размер падежа смутил даже Сталина: он привел цифры потерь в докладе XVII съезду. Сбор зерна в 1932 году упал на 13,6 миллиона тонн и был на 10,2 миллиона тонн меньше дореволюционного. Повальный, чудовищный, массовый голод зимою 1932 и весной 1933 годов унес на Украине, Дону, Кубани, в Поволжье и в Казахстане многие миллионы жизней. По числу потерь, людских и материальных, это была гражданская война, не уступающая официальной гражданской 1918—1920 годов.

Война за что? Ясное дело — за *власть*. Безусловно — за *собственность*.

Сталин вовсе не объявлял себя автором идеи колхозов-совхозов. Наоборот — методически отсылает к Ленину, к «воснному коммунизму». «Если речь идет о том, чтобы предвидеть необходимость колхозов и совхозов, то это дело мы начали еще во время Октябрьского переворота. Что партия предвидела необходимость колхозов и совхозов еще тогда, в период Октябрьского переворота, — в этом не может быть никакого сомнения. Можно, наконец, взять нашу программу, принятую на VIII съезде партии (март 1919 г.). Необходимость колхозов и совхозов учтена там со всей ясностью» (т. 12, стр. 64).

Если в период самой коллективизации категория *власти* и *собственности* маскируется фразеологией о тракторах, машинном труде и т.д., а также о *крупности* хозяйства (приверженность гигантским размерам госхозов казалась бы маниакальной, если бы не служила просто камуфляжем раскрестьянивания: мужик должен был стать песчинкой против совхоза «Гигант»), то уже летом 1932 года колхознику заявлено со всей ясностью и лютостью, на какие было способно сталинское ядро:

— Всё на этой земле больше не твоё. Твоего тут нет! за посягательство—расстрел. Умирать с голоду будешь — и то расстреляем. Не подчинишься — выселим, лишим и дома, и поля, и языка, и могил родных.

Фантастическое по ненависти к земледельцу постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» передает размер пре-

ступления, совершенного властью над крестьянством, как тень передает величину предмета.

«1. Приравнять по своему значению имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, общественный запасы, кооперативные склады и магазины и т.п.) к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этого имущества от расхищения.

2. Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества.

3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по делам о хищении колхозного и кооперативного имущества».

Подписано председателем ЦИК М. Калининым, председателем СНК В. Молотовым, секретарем ЦИК А. Енукидзе.

Геноцидным «законом о пяти колосках» Сталин — не автор колхозов! — спас колхозы от бездумной расташиловки со стороны крестьян, вскоре понявших, что произошло, и поэтому Вождь и Учитель — полноправный отец колхозов. Порабощение недавно еще свободных людей осуществлено, казалось, навсегда. Особым приказом пригрозили судьям: не ваяйте дурака, сажать повсеместно! После первых пятидесяти тысяч «дел» по «закону от седьмого восьмого» голод в самой плодородной, изобильной части Европы можно было считать гарантированным и вполне истребительным.

Председатель колхоза имени Кирова в станице Прочноокопской на Кубани Г.В. Кизяков мне не раз, таясь, рассказывал, что у них на хуторе Лямине один мужик, уже колхозник, отпросился в Армавир что-то обменять на базаре, был слаб и опоздал вернуться на один день. Его расстреляли на глазах у хутора. Дед Григория Власовича, верующий, укладывал мертвых «шарами» (слоями) и сам засыпал эти курганы. Воровать или бежать люди боялись: уполномоченный райкома расстреливал без суда. В декабре 1932 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают даже для того жестокого времени драконовское, людоедское постановление: искоренять «контрреволюционные элементы», «не останавливаясь перед всеми видами репрессий (арест, концлагерь, высшая мера)». Предлагалось «выселить в кратчайший срок в северные области СССР из станицы Полтавской (Северный Кавказ) как наиболее контрреволюционной всех жителей...» Северо-Кавказский крайком, где выездную диктатуру осуществлял тогда Каганович, решил выселить и другие занесенные на «черную доску» казачьи станицы — Медведковскую, Урупскую, Уманскую. И перименовать их! «Нет «черных станиц» Полтавской, Урупской, — писала краевая газета. — Есть «цветущая станица Красноармейская, революционная станица Советская». К половине января 1933-го в крас было отнято у голодающих 1,8 миллиона тонн хлеба — ровно 1,8 миллиона тонн было экспортировано в том году из черноморских портов! Насчет *цветущих* станиц рассказывают донесения политотделов

МТС, совершенно секретные: в зоне Черносерковской МТС — «поголовное полное опухание, ежедневные смерти до 150 человек в одной станице и больше»; в Ейском МТС — «состояние людей в январе 1933 года было жутким... Итого по 4 колхозам умерло свыше 1000 человек, был ряд случаев трупоедства и людоедства своих близких и родных»; в Пластуновской МТС «весной 1933 года 1300 человек умерло... Большею частью мужчины и старики».

Было это — или не было?!

Я вот к чему. Дважды на протяжении трех съездов совсем уже нового парламента мы с Иваром Райгом, народным депутатом от Эстонии и секретарем Комитета по аграрным вопросам Верховного Совета, доводили до трибуны сдержанно, на наш взгляд, написанную декларацию о признании сталинской коллективизации преступлением перед человечностью — и торжественным завершением, что больше эти злодеяния над крестьянином ни-ког-да не повторятся. Отречение, так сказать. Отряхание преступного праха с ног. Раз выселения народов признаны злодейством и формула «никогда больше» произнесена, то как не оценить с ясностью и прямою бандитизм и расправу над всеми народами, только в крестьянской их части?

Не пойму механики, как наша декларация — извинения за коллективизацию, что ли, — так и не прошла. Мне удалось с трибуны Верховного Совета сказать, что 70 процентов сельских жителей верят в возможность нового раскулачивания и больше трети партгосаппарата «на местах» не сомневаются в повторении мер 30-х годов. А это значит, что люди считают людоедские приемы вождей ВКП(б) генетически, наследственно присущими режиму — и необходимо, значит, или громогласно отречься, или...

— «Преступление против человечности,» — предупреждающе покачал головой один очень большой чиновник. — А ты знаешь, что это подходит под определение геноцида? Партия — и геноцид?! Ты подумай...

Я одно хочу знать: было — или не было?..

Люди председательского корпуса — сами теперь иронически называющие себя то «феодалы», то «помещики» — в Верховном Совете держатся несколько зыбкой позиции: дескать, да, отчасти оно и было, но *муссировать* и тем более *акцентировать* нельзя и вредно, потому что теперь совсем *не те* колхозы, от сталинской принудиловки сохранилось одно название, а жить с головой, повернутой назад, может или калека, или, напротив, *враг*, который не хочет разрешения проблем и выполнения Продовольственной программы.

Вот! На вопрос «было или не было?» тебе все-таки вржут: «Враг!»

В месяц, когда смерть косила в станицах, в украинских селах, в казахских зимовьях миллионы людей, Сталин выступает с речью «О работе в деревне» (11 января 1933 года), где со всей прямою (или цинизмом, как угодно) объявляет, что власть в колхозе уже принадлежит не колхозникам, не их собранию, не ими выбранным, но —

«партии», т.е. послушному аппарату. Наверно, по первости это ошеломляло:

«Пока в деревне преобладал единоличный хозяин... единоличник сам должен был заботиться о своем хозяйстве... Колхоз не есть единоличное хозяйство. Колхозники так и говорят теперь: «Колхоз мой и не мой... колхоз общий».

...центр тяжести ответственности за ведение хозяйства переместился теперь от отдельных крестьян на руководство колхоза, на руководящее ядро колхоза...

...партия уже не может теперь ограничиваться отдельными актами вмешательства в процесс сельскохозяйственного развития. Она должна теперь взять в свои руки руководство колхозами...

... коммунисты обычно взваливают ответственность на крестьян, утверждая, что во всем виноваты крестьяне... Крестьяне тут ни при чем... Мы стоим у власти, жизнь располагает средствами государства, мы призваны руководить колхозами и мы должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне».

Так выглядел манифест о порабощении вольных российских земледельцев, просуществовавших как реальность неполных десять лет. Думается, эта же речь определяет точку, когда Сталин повернул свою партию (точней — аппарат, «орден меченосцев») в то аграрное ущелье, из которого ВКП(б) — КПСС — в прежнем состоянии, монопольной, не делящей власти ни с кем — выйти так и не смогла. И не по ошибке того или другого вожакого, а потому, что совмещение политического диктата с хозяйственным тоталитаризмом, гибрид агронома с прокурором, скрещение бургомистра с агентом охраны, смычка полной вседозволенности и безответственности с реальной и все-таки точной суммой тонн, нужных на прокорм городов и армии, были губельны, «ловушечны», «капканны» с самого начала. «Военный коммунизм» только отнимал хлеб, предоставляя крестьянину свободу пахать-сеять на переделенной земле, поэтому в период гражданской войны урожайность практически не упала. Семен же Давыдов сразу стал учить пахать — и это уже, да, генетика: иначе аппарат не может, Никита Сергеевич попробовал передать команду вновь изобретенной опричнине — «территориальным управлениям», и что? Несколько месяцев безалаберщины вернули всё на круги своя. Серединности, половинчатости система не терпит. Тут уж воистину: «Или — или»...

Мог ли Сталин поступить иначе — ну, скажем, по планам Бухарина? Пойти на закупки хлеба за границей, истратив 100 миллионов валюты (просто плевая сумма по нынешним импортным тратам)? И могла ли его клика (хунта? банда? как мы еще называли соединения злодеев?) сделать иные колхозы, без расстрелов, выселений, голода? Нет и нет. Так что же — обреченность? Напротив — диалектика. И «поделом вору мұка».

Полагая, что именно аграрное ущелье поглотило всемогущество «ордена меченосцев», что ни фантазмагория в промышленности, ни

серпантин идеологии так не подорвали «статью б», как колхозно-совхозный тлеющий кризис, я ожидаю разносов, отлупов — и выведения меня на чистую воду...

А к этой поре мне никак уже не приходилось рассчитывать на расположение кардинальной силы в системе Госагропрома: на Капустяна. Я неосторожно напечатал, что Капустян и есть главный, хоть и скрытый за глухой занавеской, двигатель фигур кукольного театра. Иван Ксенофонович Капустян для меня большую часть журналистской жизни выражает и суммирует руководящую роль Сельхозотдела ЦК. Мне не дано знать, каков мыслительный, эстетический, нравственный потенциал Ивана Ксенофоновича. Верю только, что он вездесущ — и имелся всегда. С хрущевских времен мои газетные, журнальные, киношные, даже театральные (и такой грех был!) опусы уходили «к Капустяну» — и процентов на 80 в корчах там же и гибли. Единственной радостью для меня было: получая в пакете что-либо мое, Капустян отвлекался и уже не мог пронзать и гвоздить самое производство. «Века проходили, всё к счастью стремилось», менялись названия наружной части управления, закатился Месяц — взошел сельский учитель Мураховский, а за ним встал укрупненным колхозом Департамент надежд и упований — Госагропром. Один Капустян знал, какая это всё туфта, как прочна, логична и действенна на деле сцепка марионеток и кукловодов. Но наивный обыватель-избиратель, упрямо веря в подлинность происходящего, о кукловоде и слышать не хотел, а все возлагал надежды: «Ну что Мураховский — накормит Россию?»

Как бы оно ни обернулось потом, поразительное социальное изобретение И.В. Сталина — негласный партаппарат, всем командующий, но ни за что не отвечающий, — непременно войдет в социальную историю людей. Конечно, приходится терпеть безымянность — как искупление, подоходный налог и при жизни, и тем более потом. Мария Илларионовна Твардовская, взыскательный редактор, издала переписку Александра Трифоновича с Овечкиным и в комментарии насчет часто мелькающего имени пишет: «Мыларщиков. Личность установить не удалось».

С ума сойти, вы слышите, шестидесятники? Всероссийский эмиссар Никиты Сергеевича, его правая агрорука, целые области оставивший без семян, седой и брызжущий чертовским желанием работать, рубивший направо и налево, автор вполне свифтовской переделки прицельного комбайна в самоходный — и забыт-позаброшен, хоть четверти века не прошло! Так, того и гляди, канет в лету и вечное имя «Капустян»... Лично я, ни разу за 30 лет отказов и запрещений во плоти Ивана Ксенофоновича не видев, склонен придавать этой силе скорей мистическое значение. Допускали меня «за получением» лишь до кабинета инструктора, и я, стыдно вспомнить, вечно являлся некстати: инструктор по телефону «устраивал шапку». Сколько ему нужно было этих шапок? Или это и было его призвани-

ем? Или — отдыхом, хобби? Не знаю, но теперь он — редактор прогрессивного агрожурнала...

Перестрочный Капустян тоже задаст работу Щедриным-Свифтам! Иссечение виноградников как месть «зеленому змию», причём змий реабилитирован и здоров, а лозы сожжены и отдымились, как после Тимура... Шаловливая затея с госзаказом, когда до области он доводится, а ниже — как знаешь, сам должен понимать, и восхищенный перестройкой мир рукоплещет отмене диктата, а районный капустян, тягловая сила аппарата, испытанно перемещает давление с верхних слоев на нижние, ибо — материалист и не допускает мысли, что госзаказ, как неопознанный летающий объект, может висеть в воздухе без опоры «на места».

Годная в книгу рекордов Гиннеса мера по стимулированию разорительно работающих путем дотаций и разнящихся цен: колхозу-доходяге за кило его говядины казна (мы с вами) платит по семь рублей в живом весе, то есть по четырнадцать в нормальном, убойном зачете, а колхоз расторопный, старательный получит вполтину меньше... Так, исполнено и экономически закреплено пророчество классиков ИМЭЛ о соревновании в лениности, и мечтой мускулистого хозяина становится сползти в число дистрофиков.

На оживление отстающих уходит — путем дифференцированных надбавок — 33 миллиарда рублей в год, или половина планируемого на 1990 год бюджетного дефицита. Но боярин, бросающий с тесового крыльца милостыню, охватывает далеко не всех своих холопов, лишь ограниченную их часть. Надо помнить, что одна треть идущих хозяйств (в отличие от «лежачих») в большинстве своем приплат не получает, но даст около 80 процентов товарной продукции сельского хозяйства, и 33 миллиарда достаются на оплату только одной пятой получаемых харчей. Понять эту методику человеку обычной житейской логики нельзя: да признайте вы экономическую смерть тех «лежачих», все равно они только волокут сапоги по дороге, тормозят движение — пусть дотацию усвоит живой и крепкий! Легко сказать...

А как вы тогда расцените долларовое хозяйствование Ивана Ксенофоновича? Ему нынче — с возникновением парламента — рекомендовано и наказано платить валютой за хлеб не только чужим (тем он двадцать седьмой год платит), а и своим. Чтоб получали Кубани-Казани настоящие деньги — и румяnelа дистрофичная доходность. Гуманное указание, куда с добром! Прошел год — и сколько, вы думаете, отстегнул Иван Ксенофонович отеческим пашням? Думаете, сразу третью часть? Или четверть? Нет, это может избаловать. Деньги — они развращают. Приемами кабинетного каратэ достигнуто: в 1989 году из 3.200 миллионов инвалютных рублей, израсходованных на зерно, колхозам-совхозам досталось 15,7 миллиона. Меньше полупроцента. За кордоном купили 32 миллионов тонн — и заплатили, значит, так, что фермер остался доволен; у себя же смогли уломать капризный люд только на 318 тысяч тонн — не хотят, каналские,

сдавать за валюту, на долларе не проведешь, давай им «деревянные» рубли!

Не решаюсь гадать, какая доля в утверждении этих затейливых мер принадлежит персонально тов. Капустяну И.К., но уверен, что без него нигде вода не осветится и чего хочет, того добьется.

Что Капустян как агроявление возник именно 11 января 1933 года в речи товарища Сталина «О работе в деревне» («Партия уже не может теперь ограничиваться отдельными актами вмешательства в процесс сельскохозяйственного развития. Она должна взять в свои руки руководство колхозами...»), мы помним твердо. А вот уйдет ли Иван Ксенофонович от контактов с политизированным едоком без оглашения заслуг и достижений — как по скромности, украшающей большевика, так и по ненужности связывать большое дело с отдельными лицами — остается пока загадкой.

Словом, скромное открытие — «Мураховский уходит, Капустян остается!» — никак не пошло мне на пользу. А факт, что суммарно потери от умственных движений обобщенного Ивана Ксенофоновича на несколько порядков выше регулярных хищений 12 миллионов оставшихся колхозников, лучше было б вообще не выражать.

Заметьте: ни слова пока о багажнике председателя. Ни звука про яства и питья, ранние овощи и белую черешню, про ящики с виноградом «Кардинал», фиолетовым, как мантия ватиканца, и просто про шашлык над старым прудом, давно зовомым среди селян «председательским». Я должен был за треть века узнать что-то из этой энциклопедии русской жизни, и узнал, и мог бы добавить строку-другую, но этого делать не стану. По идейным мотивам. Ибо полагаю *смазку подшипников* абсолютно вынужденной мерой при наличии трения качения, то есть систему подношений и взяток хотел бы считать выражением реальной собственности на производительные силы. Как только набежала тень на багажники и банкетные залы, встал вопрос об удвоении зарплаты. Встал — и, удовлетворенный, сник. Багажник как фактор выхода в ведущие-передовые не исчезнет, разве что видоизменится, но...

Но фактически ущерб от развозимого председательской «Волгой», фургоном главного инженера, старым уазиком зоотехника и т.д. не входит в сравнение с ущербом от гримас и деформаций экономики, которую можно бы выразить понятием «борьба за...» С кем аппарат организует эту *борьбу*? Борьбу за хлеб, за ипатьевский метод, за раскорчевку виноградников («Коммунисты, на корчевку!» — звали газеты в Молдавии), за аренду и подряд?.. Да с председателем в первую голову. «Ломать рога враз и навсегда» — формула можаевского Мотякова действует и в последние пятилетки. И выгоднее было бы (страшно и сказать такое!) откупаться и возить багажниками сколько надо, но зато уже не «борются за»...

В сущности, партгосаппарат старается отрегулировать температуру у искусственного человека до того состояния, чтобы тот и в жару не метался, и не холодел, синел. И показатели уже хорошие: по от-

дельным позициям бывает 37,2, по другим получается 35,4. Однако председатель все недоволен, старается температуру регулировать сам — и строит, сооружает, а это значит — ищет, кому бы отвезти...

(Разумеется, я упрощаю, когда свожу все к транспортировке съедобного. Жизнь не схема. Иной сочинит валюту в виде приморского профилактория для ревматизма доярок — и весь мертвый сезон с мая по бархатный сентябрь расселяет полезных тещ и взрослых дочурок, чтобы в пик сельского отдыха, в ноябре—феврале быть неуступчивым и селить своих в номер по трое-четверо. Зачем такому багажник?... А фантазия, выдумка, разве они ничего не значат? Мастер контактов, юморист, балагур, один из знатных предков устроил в скрытой комнате с камином и белым мрамором музыкальную машину и вращающуюся люстру. В точно угаданный миг он прикасается к мраморной досочке, хитрость включается, невидимые струны играют «Так будьте здоровы, живите богато», люстра в огнях пускает весь мир ходуном — и не остается больших руководителей, возвращаются сельские парубки, пораженные в самое сплетение... Вопрос решен.)

— То, что нужно председателю, то *нельзя*, а что *льзя* — то вредно, на этой стандартной ситуации возникла целая литература (у истока ее — и «Районные будни», и «Вокруг до около»), я же микросюжетами попробую истолковать вынужденные решения как воровство, то есть похищение ценности у законного владельца.

...Завтра на поле красных помидоров загонят овечьи отары, валухи и ярки от пуза наедятся, затопчут, подавят — и следом пойдут отвалы: запахать! Стой, Григорий Власович, а почему не свезти, скажем, в Москву? Нанять трейлеры — и... Или отдать Армавиру! Просто так: вы, мол, уберете, насолите, томату наварите — потом, глядишь, сквитаемся... Нельзя, отвечает Григорий Власович, тот самый, что пацаном едва не помер от голода на хуторе Лямине и буквально убежал из колхоза поймой Кубани, тогда малярийными зарослями — он до сих пор об этом вспоминает таясь и шепотом. Нельзя! Завод не берет — ему хватит. Городу отдать — от народного контроля, ОБХСС, прокуратуры потом не отбрешешься. Москве везти — самоубийство: и обдерут как липку, и засудят потом... Единственный выход — овцы и плуг! Конечно, за один день пропадет столько, что воруй пред (а он не воровал) всю жизнь — не дотянуться.

...В том же колхозе, при другом председателе. Побило градом пшеницу, теперь, пожалуй, едва половину собрать. Но стояло под 60, значит — осталось 30? Да, не меньше. Приказ бригаиру: немедленно запахать, завтра посеем кукурузу. Еще успеет, кочан будет сырой, но закладывать в силос можно. Юрий Александрович, стоит ли менять шило на мыло — еще и тратясь на работы? Увертывается, не говорит — калач тертый. Дело же вот в чем. Пшеницу заберут в заготовку — кукуруза останется скоту. Пшеница — материя казенная, забота райкома, скот — хвороба председателя, кукушкино насилие над малиновкой: навязали, воспитывай, корми... И Юрий Александрович наверняка бы оставил пшеницу дозреть, не запахал бы беременные

колосья, если б был хозяином, а не лукавым невольником. Одно его слово определит судьбу пятисот-шестисот тонн озимой пшеницы — все дани, скажем, газовикам за подключение станицы к газопроводу в сопоставлении с этим лилипутны.

«Где ж тут воровство? В лучшем случае — только бесхозяйственность...»

Понимаете, исчезнувшее ночью глухую в личном подсобном хозяйстве имеет для нас хотя бы то утешение, что — экономически не умрет, объявится хотя бы через рынок. Потери Григория Власовича, Юрия Александровича, Павла Яковлевича и ещё десятков тысяч персон абсолютны. Они сродни тем, что возмущали меня в пионерском возрасте: капитализм сжигает в паровозах зерна кофе, выливает на-земь цистерны молока... Проклятые, люди рядом голодают, отдайте! Не могут — строй такой...

«Хорошо, а там, где кофе сжигали, по-вашему — не воруют? Думаете, у фермеров — без хищений? Эхе-хе, ни фига вы не видели и не знаете...»

Знать я знаю, естественно, мало, но довольно, чтобы сделать из личного опыта заключение, что — да! — тяжба, взаимное обжуливание между крестьянином и правительством есть вещь, наверное, повсеместная, на то и щука в море, чтобы карась не дремал, а что до воровства, то оно перестает (перестало?) быть натуральным, вещным, так сказать, — и сосредоточивается все больше вокруг товара товаров. Мне думается, Интерпол давно не получал заявлений на розыск, скажем, трейлера с яблоками или свежими томатами, вышедшего из области Эмилия-Романья (Италия) и исчезнувшего где-то в Норвегии. Стража при продовольственных базах — да — бодрствует, хотя не думаю, что целые кварталы, переулки (на манер Краснодара) покупают мясо у комбинатских несунув. Касательно же натуральных краж...

...Джо Вайсхаар, у которого четыреста бычков на откорме, за ключкой, ограждающей — по айовским правилам — поля и пастбища, заметил на пустыре у ближнего спортклуба трех приبلудных бычков. Бычок килограммов на пятьсот — это живая тысяча долларов. Фунт живого веса мы с Джо («мы пахали»...) сбывли в Де-Мойн по доллару одиннадцать центов, отсюда считайте. Звонит шериф Крестона, это ближний городок Вайсхаара: твои бычки? Нет, отвечает Джо, бычки не мои, я их видел, надо оповестить... Через день шериф звонит снова — олл райт, хозяин бычков нашелся, гонит свой скотовоз...

Я живу у Джо, разоренного фермера, объявившего о своем банкротстве; что могу наблюдаю — и достаточно уже опытен, чтобы не саморазоблачиться вопросом: «Джо, почему было не сказать, что бычки — наши?» Во-первых, если бы их даже зарезать, — куда денешь мясо? Супермаркеты забиты, протиснуться на мясной рынок практически невозможно. Самому есть? Но Джин, супруга Джо и видный деятель демократической партии в фермерском штате Айова, в жизни не жарила собственной убоины и очень удивилась бы, решишь я на со-

вет. Главное же — Джо принадлежит уже к третьему поколению Вайсхааров, живущему близ Крестона, а сын его — к четвертому, их знают как порядочных людей и настоящих фермеров, и когда с Джо случилось несчастье, когда он сломал позвоночник, работая на стогометателе, то вся фермерская округа сложилась, добавила две тысячи к страховке, в позвоночный столб Вайсхаара вставили два штыря из нержавеющей стали — и он теперь вкалывает как молодой, разве что кособочится, когда вылезает из тракторной кабины. Его достоинство, его слово здесь, в Крестоне — уже страховка. Ему не пристало объявлять трех бычков у гольф-клуба своими еще и потому, что пострадает какой-то фермер, не очень далекий сосед.

Но что касается перетягивания каната между Джо и банками, службами департамента земледелия, штатными инспекциями и т.д. и т.п., то тут Вайсхаар — истый Федор Кузькин, изворотливый донельзя и непредсказуемый в фантазиях плут и жох, точный «Живой» аграрного штата Айова. На нем 470 тысяч кредитов, но банки и поставщики, видимо, всерьез сомневаются, удастся ли выдать из этого жулика хоть треть, хоть пятую часть. Дом, в котором живет Джо, не есть его дом, но снимается им у дяди, хотя у самого Джо есть и дом собственный, но он его сдает, как, впрочем, сдает дома еще трех хуторов, ему принадлежащих... Главная же хитрость, мне абсолютно не понятная, состоит в том, что трое взрослых детей четы Вайсхаар, сын и две дочери, создали якобы собственную корпорацию и, поскольку на них ни гроша долгу нет, берут на себя кредиты, а отец на те займы приобретает уже седьмой земельный участок... Банкрот! Гольф-босота! Тот разоренный фермер американской глубинки, что стоит — щеки впали — в комбинезоне у забора, а сзади, если верить рисункам «Правды» — его измученная «вайф» с тощим ребенком на руках и классовой мукой во взоре. Младшая дочка, Джин, студентка штатного университета Айовы, отцовское банкротство использует до дна: от бесплатных учебников, полагающихся ей как неимущей, до дешевой квартиры, снятой для нее партией ее мамы. Впрочем, девочка и живет, и машину содержит *на свои*: она три дня в неделю служит в магазине кожаных пальто и курток... Жульничество? Доят федеральный бюджет? Наверно... У Джо есть своей «лойсер», адвокат, поводырь в лабиринтах законности, но и лойсеру Джо задолжал пять тысяч, заплатит ли еще... «Они хотят дешево лопать за счет фермера и не помогать ему!» — вот идейный мотив уверток и ловкостей. Но кто именно эти «они» — банки, страховые кампании, чиновники, просто сытый «мидлкласс» — не уточняется.

Что есть, то есть. Но — чужие бычки? Вы Джо Вайсаара с кем-то спутали.

Еще раз, чтоб не быть ложно истолкованным: воровство людское — только индикатор «неладности в государстве датском», а вовсе не разоритель. Разоритель подлинный — монополия Стародубцевых,

десятельность Капустянов, а активность муравьиных троп от Левиафона — показатель, датчик, лакмус, не более того.

Надо, чтобы из колхоза не воровали. Только и всего!

Но это все равно, что сказать врачу: сделайте, чтобы столбик ртути у тяжело больного показывал тридцать шесть с половиной градусов. Достичь этого можно или стряхиванием-натиранием термометра (в чем партократия большая мастерица), или более сложным путем, для которого нужны свежий воздух, куриный бульон, ласковый уход, окно в сад, хорошие лекарства, стерильность всего, в том числе и «утки», знающие и оснащенные супертехникой врачи и т.д. Колхоз, из которого не тащат, где не «грабят награбленное», есть — по В.А. Тихонову — сумма добровольно сложенных владений и имений крестьян, где каждый может по своему желанию унести сразу всё своё. Выйти, одним словом, получить свой пай в полное распоряжение. Именно эта формула, звучавшая никак не меньше десятка раз в баталиях вокруг Закона о земле и, конечно, «забоданная» гневным председательским большинством, гарантирует не-воровство, ибо тащить становится незачем.

...А Кузьмичева из «Зыбина» выставили — срочно и оперативно! Райком Ясногорский, бросив все на свете, налег всем аппаратом, озадачил кадры, не брезговал ничем, а тут и «Правда» подсобила («Сегодня сотни Кузьмичевых рвутся к власти!»). Недовольных доярок возили на черных «волгах» столыко, что, казалось, демократия уже воцарилась и в тульских палестинах. «Кузьмичев раздаст совхоз! Никакой дисциплины, надой упал — кругом одни кооператоры»... Директора не выбрали: 119 — за, 121 — против. Конец еще одной известности.

Рвение Кузьмичева к власти состояло в том, что он отдавал ее — до конца и не играя. Раз все отрасли, подразделения хозяйства в кооперативах, то командовать некем — должен быть внутренний банк. Сняли табличку «директор», повесили — «председатель правления ассоциации кооператоров и директор банка (внутрихозяйственного)». Заставлять некого, стружку снимать — смешно, раза три в неделю (без нарядов, без вмешательства) — арбитражные совещания, снять нелады и замыкания...

Из РАПО Кузьмичев вышел — за что и лишен дотаций, молоко-мясо оплачивают вдвое ниже, чем соседям. А райком? Что прикажете делать при такой системе райкому? Как обеспечить свою нужность, важность, платность? Одним способом: свергнуть еретика. Положение, конечно, деликатное. Недавно, посетив «Зыбино», Егор Кузьмич Лигачев сделал заявление для ТАСС: «Тут для ленивых, для нерадивых просто места нет. Сама система и та атмосфера, которая утвердилась в коллективе, выталкивают таких людей либо вынуждают их засучив рукава трудиться... Так сильно переплетаются здесь личный и общественный интерес... здесь дается широкая возможность раскрыться способностям человека. Если он раньше был преимущественно исполнителем, то теперь становится создателем... здесь социаль-

ная справедливость по-настоящему торжествует. Социализм — это разнообразие. И на примере этой маленькой первичной ячейки нашего общества, каким является коллектив «Зыбино», мы видим, каким широким может быть разнообразие форм организации и стимулирования труда». Славно-то как, а? Кузьмичева избрала на XIX партконференцию, он дважды был у Генсека, съездил в Штаты (что и считает причиной жизненной аварии: стал иначе смотреть на достигнутое!), был выдвинут кандидатом в народные депутаты России... И вот: «События, которые разворачиваются сегодня в маленьком сельском районе в центре России — фотография всей нашей страны... Поэтому мы и обращаемся ко всем честным людям, ко всем избирателям: не будьте наивны, будьте бдительны!» Это — «Правда», конец февраля 1990 года.

И в доказательство кристальной честности свергших Кузьмичева... Доярка Клименко Н.С., лидер народного контроля в племзаводе и трибун-обличитель реформ, унесла ночью с фермы 20 кило комбикорма, была задержана и уже не избрана на райпартконференцию. Все путем, всем есть дело. Кажется, будет суд, коллектив заступится и т.д.

Совхозные активисты отменили «зону трезвости» — теперь водка поступит и в «Зыбино». Служилый люд вернулся в контору (а то «Известия» порадовались вместе с Кузьмичевым статьей «Прощай, контора!») — и она снова стала местом надзора, догляда, правежа, раздачи наказаний и наград, комендатурой совхозных буден... Райкому снова есть дело на территории «Зыбина», еще одна атака на власть отбита. Давно ли ясногорский «первый» Трушин Г.В. буквально убежал, скрывался от камеры «Сельского часа», отсиживаясь то в музыкальной школе, то еще где-то, боясь интервью как СПИДа: черт его знает, этого Кузьмичева, подведет под монастырь... Теперь же — пожалуйста: «за Егора Кузьмича, конечно, нам обидно, не тот человеческий материал попался, зазнался, оторвался от парторганизации, а доярка — что ж, надо и актив воспитывать... В конце концов, не для того же она сбрасывала Кузьмичева, чтоб унести пуд дерти?!» Десять против одного, что говорит теперь именно так!

Провал интересного опыта... Причина? Должна же быть причина, если партаппарат попер и против всесоюзной известности, и против поддержки в Политбюро? Мне судить трудно: я был целиком на стороне сорокалетнего директора-бунтаря. И все же...

Кузьмичев выказал политический романтизм. Как бы обличал данный народ, упрекал в лени, вороватости, нерадивости — как будто в запасе у него был еще какой-то честный и вышколенный. Детская болезнь еще библейских пророков! Не приспособившись к массам, заманивая их и приучая исподволь к иной, не совхозной манере поведения, а не умеющего плавать бросал подальше в пруд.

Недоучел силы райкома как организма смертного боя за власть на всех уровнях, не прощающего ни малейшего покушения на свою монополию. Был слишком брезглив, что ли, не хотел прибегать, подобно

оппонентам, к любым средствам и способам, отстаивая свои взгляды. Мог бы встать и уйти, когда состряпали ему внезапные перевыборы, — и тем распустить собрание, пустить на дно всю акцию... Нет! Он у нас гордый, Кузьмичев, политика для него — стерильное дело. А белые одежды сильно демаскируют на черноземе.

Не хотел признавать расстояния — гигантского! — между межрегиональной Москвой и сельской люмпенизированной глубинкой. Сто тридцать километров становятся громадной дистанцией, если учесть шестьдесят лет «приписного состояния», как называет статус советского крестьянина В.А. Тихонов. Что за предвыборная программа? «Человек должен выйти из спячки! Крестьянин, кормящий нацию, должен сбросить иго эксплуатации, должен обрести собственность (не частную, а просто, ибо никакой иной и не бывает), у него должна быть высокая зарплата, достойная (растущая при инфляции) пенсия — и богатый магазин в селе! Посмотрите на ваши жилища, на вашу одежду, на ваш быт — разве достойно все это современного человека?» И тому подобная патетика. Слишком много социал-демократии — и мало политической тренировки, школы уступок, нажимов, угроз, прощений, подкупов, мало учета психологии приладившегося к Агротулагу туляка.

— У нас не воруют! Ко мне приезжай, — говорит Магомед. — Мы людей освободили от найма. Они что вырастят — продают. У нас люди уже шесть лет свободны, они — собственники, они — люди чести, как они воровать будут?

Магомед Чертаев — из-под Махачкалы, председатель колхоза имени Орджоникидзе. Приехал в аграрный комитет Верховного Совета с обидой российского изобретателя паровоза, которого вот-вот обскочит Стефенсон, требует должного внимания, потому что... — насколько плохо — все знают! Беда, что мы не знаем, как хорошо. Наш колхоз — уже настоящий банк, а все мы акционеры, человек имеет свой пай, получает дивиденды от прибыли этого года, а что его дедом было вложено или заработано, тоже учтено, сумма собственности — за ним, всегда может свой пай взять, но кто еще ему выплатит такие проценты?! Если я не обеспечу пять процентов годовых, я должен буду колхозникам выплатить из своего кармана! Условие такое, мы заместителя председателя наказали на восемьдесят четыре тысячи — выплачивает... Какие сторожа, от кого! Нечего растаскивать! Мы свой социализм строили чужими руками, отсюда сторожа, жандармы, а при нашей системе нет воровства, приезжай, увидишь.

Придется ехать. В России не соскучишься.

Родословная Стародубцева

Итак, пять лет перестройки. Кузьмичева — по боку, правит бал все еще Стародубцев. А откуда он? Нет, я серьезно.

Откуда взялся на нашу голову Стародубцев? Если, как говорит фермер Ваня Молдован, он — всюду, и в колхозе, и в районе, и в рос-

сийском Совете колхозов, теперь даже в Крестьянском союзе, и в Верховном Совете, надежде масс, то имею я право знать генезис такой многоликости? Когда-то все-таки заделался же он умницей, заботником, кормильцем, когда-то же научился говорить — «народ ждет от нас», приучился minutно кручиниться — «в стране трудно с...»?

Не изначален же он, как материя?

Короче, доездили до простейшего, как задача средневековой крестьянской Европы: «Когда Адам пахал, а Ева пряла — кто был тогда дворянином?»

На дорогу выводил Сережа. Он молодой ученый. К возрасту эта специализация не всегда и отношение имеет. К погоням Академии наук — мэнээс ты или завлаб — тем болес. Просто носит человек очки и портфель, табу не празднует, а когда говорит — люди приходят из курилок. «Выйдет» ли что из Сережи, мне уже неинтересно: не я увижу его в могучий поздний возраст (дай Бог, чтоб в него Сережа вошел).

Так вот, откуда Стародубцев — хозяин земли русской?

Сережа улыбнулся сквозь очки и опустил веки. Слышал я такие фамилии: Зиновьев, Бухарин, Каменев, снова Зиновьев, Каганович, Ларин, Крицман, еще Зиновьев, Преображенский, ну и конечно — Ленин, Мартов, Столыпин, Сталин, Троцкий?

Я отвечал настороженно, хоть утвердительно.

Тогда надо взять их, поименованных, откровенные записки, распахнутые разговоры среди своих, в товарищеском кругу, размышления и обмен опытом — и, имея под руками элементы, составлять цельный образ. Но самое тут главное (Сережа акцентировал протиранием стекол) — брать подлинные книжки. Не переиздания, а достоверные. Они будут в синих штампах НКВД («как говядина на базаре», — пошутил Сергей). В первых изданиях суть остается, а из последующих выветривается.

Стойте, но разве такие откровения есть? Ну, Столыпин или кто там — ладно, а исповедь Кагановича? Неужто оставался авторский след? Сознавались?

Как же не сознаваться, если надо было создавать школу, делать, скажем по-вашему, Стародубцева?

Сережа предупредил, что искать можно, только держась стержня. А стержень не в земле или в чем-то еще, он в принципе, что хорошо то, что выгодно, а можно все, что нужно, порядочно же именно то, что служит нашей пользе. Завтра могут быть уже другие «хорошо» и «нужно», и мы скажем — «даже слепые видят, что...» и будем поступать противоположно, зато цельность природы сохранится.

Как же не откровенничать, удивлялся Сережа, если надо было снять внутренние оковы с тысяч и тысяч людей, подтолкнуть их, освободить их от привычек, изначальных норм, внутринародных связей? Ведь брался в обработку взрослый человек, чей-то сын, кому-то отец, он еще соглашался, может быть, распевать за гармошкой:

*А с попом и кулаком
Та же беседа —
В брюхо толстое штыком
Мироеда!*

Но действовать так по своей инициативе... Питерский слесарь? Ивановский ткач? Чабан от Фальцфейнов? Извините... Нужна школа. Речь-то, не забывайте, велась перед обреченными! До мирового пожара оставалось — сколько? Ну, месяцы. Все должно было сгореть, никаких следов пугаться было нечего, да и боязни не могло быть, потому что идея последующего суда начисто отметалась. Боязнь могла быть одна — боязнь боязни, осторожности, сомнений. Сережа сослался на пример, как будто фактический: если у бабы-мужички вместо грудного младенца оказался запеленут оклунок с солью, на которую объявлена монополия, то бояться следовало промедления с ее, бабы, расстрелом. Рассуждения бояться — «что-то ее до этого довело, от добра одна, среди солдатни, в теплушке не поедешь, используют и хорошо если с насыпи не скатят, а соль она все равно провезла, пускай и под видом ребенка, дети-то и настоящие от нее еще пойдут, не один ляток напечатает, все прирост народу в Рассе, так что давайте, братва, пужанем ее до детской болезни левизны и отпустим, пули для классовой борьбы нужны...»

Я тотчас догадался: Бабель. То есть беллетристика, вымысел.

— Нет, не вымысел, — строго возразил Сережа. — Все так и было!

И когда я первым из стопы пожелтевших книжек взял Кагановича, то ойкнул: было не только так, а и похлеще. Приезжали с оружием из города — и расстрелять грозились прямо уже местную Советскую власть! Не свезут ваши хлеб — расстреляем. Так кто это был: иноземцы, супостаты, захватчики?

Честно сказать, в рассказ Бабеля с солью я никогда не верил. Остро, рвет душу, но... двое-трое еще могли бы пойти на такое, а взвод солдат в теплушке, со всегдашним отношением оторванных от жилья, от семей мужиков к живой бабьей юбке, с обычной жеребятиной, какая жестокой не может быть просто по исходным мотивам своим, с шутовским желанием какого-нибудь инициатора то ли помочь, то ли «подержаться» — нет, взвод солдат женщину с ношей никогда не убьет. Вдумка политотдельца. И слава Богу.

Книжка товарища Кагановича (без Л. и М.) называлась «Как достается хлеб». Вон оно как по-человечески, а ты еще внутренне сомневался, сможет ли Каганович писать... Есть люди, которым это занятие — писание книжек — как бы неуместно. Был у нас в «Правде» один сотрудник, бывший помощник Кагановича, так он, после XXII съезда и разоблачений хозяина, свидетельствовал, как Лазарь Моисеевич однажды в кабинете ударил его ногою в зад. Мы сразу поверили товарищу (он показал, как было дело), выразили ему сочувствие: Ка-

ганович все мог. Но мысль о книжном искусстве... нет, не приходила в голову.

«Издательский отдел Народного комиссариата по продовольствию. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Как достается хлеб. Доклад уполномоченного ВЦИК по реализации урожая 1919 года в Самарской губернии тов. Кагановича. Москва — 1920». На обложке — плуг и молот на пятиконечной звезде (серп и молот был введен приказом Реввоенсовета в апреле 1922 года) и фиолетовый кубик: «Ордена Ленина Библиотека им. В.И. Ленина — отдел спецхранение».

... Прямо наше занятие, «деревенская» деловая проза: хлеб, обмен опытом трудяги, который сумел в тяжких обстоятельствах извернуться, преодолел — и все получилось куда с добром. В губернии, где — как думали — хлеба уже нет или почти нет, реализовано (замечательное слово нашлось!) из назначенных к разверстке 11 млн. пудов 9 миллионов, т. е. к 1 мая 1920 года план был выполнен на 82 процента. Реализована на большой дороге и прорва скота — по тысяче и больше голов с села.

Через год именно эта, Самарская, губерния — в ряду с Поволжьем вообще — поразит мир масштабами повального голода, который причиной будет иметь, разумеется, стихию, жестокую засуху.

От череды «деревенщиков» автор резко отличается описанием сопротивления крестьян. Потом могло быть или недоумение, или неумение колхозников (и хотели бы делать, как им велят, ан ума не хватает — или материального обеспечения йок). При обожествленном Сталине сопротивление выглядело бы богохульством, при Хрущеве и позже — подкопом под идеальную форму, колхоз. А Каганович — протест, без туману: вот территория, тут и противник, гни в бараний рог — врет, сломается!

«К концу июля прибыло 247 отрядов с 5700 отрядниками. Мною дана им следующая инструкция...

Собирается сельский сход, на котором отряд объявляет цель своего прибытия... Отряд ведет работы, производя подворный учет всего запаса хлеба и оставляя населению по 1¹/₂ пуда на едока и 3 пуда на лошадь».

Полтора пуда — это 24 кило зерна. А дело в августе, уже все обмолочено, как жить зиму, весну? Никак. Весной надлежит умирать. Без угрозы немедленной смерти от пули никто бы на такую ссыпку не пошел.

Далее — жалобы на трудности ремесла, подробности работы, они всегда читаются сочувственно, вы на стороне повествователя:

«Можно было бы прибегнуть к методу подворного учета, но, во-первых, это самый длительный и трудный метод и, применяя его, нечего было и думать о быстрой реализации урожая, а во-вторых, какой смысл делать подворные обыски, лазить по амбарам, подволокам, ямам, погребам и многим другим местам, в которых крестьянин прячет хлеб... Произвести поголовные обыски на территории 43490 кв.

верст в 1983 селениях и 308.743 дворах нелегко, да вообще едва ли достижимо. Отказавшись от этого метода работы, я применил метод разверстки».

Значит, смена методов, творческий подход. Я ж говорю: сельский очерк! В чем же особенность смелого метода на третьем году Советской власти?

«Председателями наиболее кулацких советов обычно бывали старики, выжившие из ума (с. Ключищи), или полуидiotы (Солдатская Ташла), которых сейчас же приходилось сменять...

Когда же такие предписания не действовали, то принимались решительные меры вплоть до ареста Советов. Любопытно отметить, что на арест своих Советов селения сейчас же отвечали ссыпкой хлеба, спешили выполнить всю разверстку и по ссыпке сейчас же являлись депутации с просьбой освободить Совет».

Любопытно отметить этнографический интерес, с каким личной уполномоченный ВЦИК вглядывался в нравы. Сам он, судя по удивлению, свой хлеб за «идиотов» и «выживших из ума» отдавать бы не стал. Эти же «сейчас же отвечали ссыпкой», такие чудачки. Еще и «депутации с просьбой»... Аборигены. Полуидiotы.

Живо и сочно изображена батальная сцена (как хотелось бы сегодня повидать те места!):

«Заняв на рассвете большое (1160 дворов) село Ключищи, запретили въезд и выезд в село и приступили к повальному обыску; то же было проделано в другом большом (1300 дворов) селении — Солдатская Ташла. Обыском было обнаружено и задержано до 300 дезертиров и арестовано до 30 явных контрреволюционеров и кулаков (так передано число заложников. — Ю. Ч.)... В три дня хлеб был ссыпан и сдано свыше 1000 голов скота. Другие селения, видя, что повезли ключищенские и тетюшские (так в тексте. — Ю. Ч.), тронулись следом, и по истечении пяти дней экспедиция вернулась». Боевое донесение, ничего не скажешь: хлеб достается трудно. Через двенадцать лет этот же метод военных экспедиций уполномоченный тов. Каганович применит на казачьей Кубани с таким успехом, что целые станицы полягут костями...

Он практик, Каганович, рядовой генерал подразверстки. Зиновьев — бесшабашный советник, если вспомнить Щедрина, он скорее теоретик, проектировщик хлебного разбоя. До мирового пожара, каким позже — как глава Коминтерна — занимался, он уже с середины 1918 года раздувал пожар всероссийский, создавал для крестьян равенство — что дома с голоду помереть, что от продотряда погибнуть. Зиновьев — как раз тот человек без последствий (выправлять придут другие...) — плодovit был необычайно: кроме 400-страничной «Истории РКП(б)», до двадцати названий его книжек рекламировали одновременно издательства Петрограда и Москвы.

«О хлебе насущном», Г. Зиновьев. Издательство Петроградского совдепа, 1918 год». Шрифт еще с ерами-ятами, марка издательства — в черном квадрате земной шар восточным боком, на нем рука с пером

выводит — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», росчерк как бы сшил Азию и Африку, застыла черта где-то у мыса Доброй Надежды.

Объявляется, что источником голода для рабочих и беднейшего крестьянства являются «способы распределения продуктов»: «Это так называемая «свободная торговля», произвол в ценах, «частная инициатива» в деле снабжения». Устанавливается монополия на хлеб, мясо, жиры, впервые спускаются твердые цены, одинаковые во всей России (что делает их сразу же фиктивными, перечеркивает деньги вообще, возвращая меняльную торговлю, как у кривичей или на островах Фиджи). Крестьянство порабощается такой формулой: «Весь хлеб и картофель нынешнего урожая и прошлых лет за вычетом необходимого количества для потребления того, кто обработал землю, его семьи и скота, по одинаковым нормам для всей России, переходит в руки комиссариата продовольствия...

Всякий идущий против продовольственной политики, выработанной Совнаркомом и Съездом Советов, — вольный или невольный враг народа».

Значит, судьбоносная для страны норма — враг народа — оформлена вовсе не в 37-м, не в 32-м даже, при «законе о пяти колосках», а на первом году переворота... «Крестьянин» и «народ» от века считались синонимами. Если крестьянин — враг народа, кто же тогда народ?

А народа единого больше нет, он расколот, разрезан по имущественному признаку: много имеющий хлеба — враг, кулак; сидящий без хлеба, хотя теперь и при земле — друг, бедняк. Вот как бы инструкция, сценарий образцового поведения, изложенный Зиновьевым перед Петроградским советом. За пример взят набег на Сарапульский уезд Вятской губернии:

«Приехал отряд, человек 900, несколько десятков пришлось выкинуть, потому что оказались швалью, осталось 800 с небольшим... На волость оказалось 5—6 человек, являются они в волость, заводят знакомство с крестьянами, с бедняками, батраками, которые рассказывают, где находится хлеб... Кулаки стоят здесь же и шелкают зубами, но не решаются ничего предпринять, потому что винтовки-то у наших есть... После этого рабочий-коммунист держит краткую речь:

— Меня послали питерские рабочие, меня послала Советская власть, хлеба у нас нет, а у вас есть, и у вас его держат кулаки. Мы явились, чтобы организовать комитеты деревенской бедноты, чтобы собрать хлеб, часть его оставить вам, часть двинуть в города, за это мы привезли вам ситец, подковы, гвозди, которые вы можете получить через ваши комитеты бедноты, а не по бешеным ценам от кулаков-лавочников. Кто хочет дать мирно — ладно, кто не хочет — пуля в лоб.

...Вот как действуют наши коммунисты на местах (аплодисменты)».

И зная хорошо, как оно вскоре Зиновьеву аукнулось, читать «аграрные» откровения его без страха не можешь. У Ленина — все-таки

чувство вины, хоть черточкой, но все-таки обозначенная грань закона («все руководители отвечают перед Советской властью за законность действия отряда», «уличенные в нарушении требований закона... передаются в распоряжение ближайшей Чрезвычайной комиссии...»), есть хотя бы ощущение несправедливости и желание умерить, ограничить, извиниться безвыходностью, что ли. Зиновьев же всегда энтузиаст, всегда на данный момент прав, воодушевленность его — пошлая безмерно, воистину — политическая трескотня, и когда, спустя семь лет, в книжке «Лицом к деревне» ты встречаешь слащавые зиновьевские славословия Ленину и ленинизму, то мстительно, почти доносительно вспоминаешь ту «пулю в лоб».

Однако рьяно навалившись на Григория Зиновьева, всегда вторичного, никакого пороха не выдумавшего, мы отвлекемся от предмета нашего исследования. От зарождения административно-командной системы в советской деревне. От возникновения, обобщенно говоря, Стародубцева.

Нам не сдвинуться без инвентаризации тех аксиом, с какими прожита жизнь. Итак...

До Октября земля была у помещиков, а у крестьян ее не было. Верно? Ну-ну — пускай.

Большевики были единственной партией, которая повела крестьян на борьбу с помещиками — за землю и волю. Были в России и другие партии, но они защищали помещиков. А крестьянам не было спасения без РСДРП — РКП(б). Поэтому крестьяне послушались большевиков — что надо скорей отнять помещичьи имения и разделить между собой поровну. Так или нет?

Если не учитывать известного опрощения — так.

Ленин написал знаменитый декрет о земле — и Октябрьская революция быстро и повсеместно победила. Земля стала принадлежать народу. В плату за землю и волю крестьяне стали снабжать города и Красную Армию хлебом. Потому что помещики хотели свои имения вернуть и наняли Колчака и Антанту. Годится?

Отдает плакатами РОСТА. Или «Кратким курсом». Но в целом — похоже.

Крестьянин понимал, что мелким хозяйством из нужды не выйти, и стремился в коммуны и совхозы. Кулак его удерживал, а у Советской власти еще не было ста тысяч тракторов, чтобы мужик сказал — «я за коммунию». Когда кулаков удалось ликвидировать как класс и дать деревне МТС, пришло торжество ленинского кооперативного плана. Оно длится по сей день.

Таков идейный багаж...

А теперь, удалив слаборезных и пристегнув ремни, произнесем: большевики вовсе не собирались раздавать помещичьи имения в единоличное владение крестьянам! Партия еще летом 1917 года звала, чтобы пролетарии деревни «добивались образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось за общественный счет Советами депутатов от сельско-

хозяйственных рабочих». Значит, вместо помещичьих — советские имения, будущие совхозы. 22 мая (4 июня) 1917 года на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов Ленин иронически оценивает лозунг «вольный труд на вольной земле», слово «народ» ставит в кавычки и отличает его от слова «трудящиеся»: «мы хотим отстаивать интересы наемных рабочих и беднейших крестьян. Это считает своей задачей наша партия российских социал-демократов большевиков... Землю есть нельзя, а чтобы хозяйничать, нужно иметь орудия, скот, приспособления, деньги; без денег, без орудий хозяйничать нельзя. Поэтому, когда вы установите такой порядок, что будет вольный труд на вольной земле, никакого помещичьего землевладения, никаких разрядов на земле не будет, а будет только общенародная собственность и свободные арендаторы у всего государства... Это не есть переход земли ко всем трудящимся, это означает только то, что каждый хозяин будет распоряжаться землей свободно; кто захочет, тот возьмет свободно общегосударственную землю...

...Это не есть шаг к охране интересов трудящихся... План этот не может дать сколько-нибудь заметного облегчения в положении наемных рабочих и беднейших крестьян... План этот не помогает нам найти верную дорогу для перехода из капитализма в социализм» (ПСС, т. 32, с. 182—183).

Вот и разберись, за что они! Вроде за отъем земель у помещиков, и немедленный, и без всякого выкупа, а вместе с тем народ как целое — в кавычках, он должен быть расчленен на хозяев, которым почувствовать нельзя, и на неимущих, которым план этот (вольный труд на вольной земле) не помогает.

И дело-то, получается, вовсе не в земле и не в русском крестьянстве, не в его вековой тяге к общинному уравнительному землевладению, выраженному всеми народническими вождями от Герцена до Кропоткина и ближних эсеров, но исключительно в классовой борьбе и переходе к социализму.

Тому летнему съезду еще неизвестна служебность как таковая. Служебность земельного вопроса — завоеванию крестьянства. Верней — «отвоеванию» его у эсеров. Служебность крестьянства — пролетариату, пролетариата — партии, партии — Коминтерну, мировой пролетарской революции с установлением на всех континентах диктатуры пролетариата. Когда киношный Василий Иванович на каверзный вопрос мужиков (он за большевиков аль за коммунистов?) отвечает — «я за Интернационал», то тут не такая и увертка, напрасно ухмыляется Фурманов: Чапай просто отмечает срединности и говорит по финал.

Земли в России (по Бухарину и Преображенскому) было: 138 миллионов десятин крестьянской, столько же казенной (под лесом или неудобьями), а 118 миллионов десятин — частных лиц и учреждений, в том числе: помещичьих — 102 миллиона, удельных (царских) — 7,8 миллиона, войсковых казачьих — 3,46 миллиона, церковных, монастырских и городских — около четырех с половиной

миллионов. Вот из-за этих ста пятнадцати (без казачьих) миллионов десятин и шла политическая борьба между всеми шестнадцатью партиями России, ибо их было зарегистрировано после манифеста 17 октября 1905 года ровно 16, и не было ни одной — от эсдеков на левом фланге до Русского Собрания на правом — без аграрной платформы, без своего отношения к проблеме «земля — крестьянам». Сказать ради интереса, относительно удельных, кабинетских, монастырских, церковных земель царило практическое единодушие — изъять без выкупа; насчет же частновладельческих (помещичьих) ста миллионов революционным подходом было — изъять и ликвидировать частную собственность на землю вообще, оппозиционным ему был выкуп в той или иной форме и частное владение.

Эсеровская партия базировала свою программу на социализации земли, культивируя «вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю как на общее достояние всех трудящихся». Эта социализация, в пустой след сказать, вышла России боком, потому что общинный смысл, заложенный в иностранное слово, уже через год-два после Октября был быстро и незаметно подменен национализацией, то есть земля стала «собственностью нации в лице государства». Практически в двух-трех не заметных в грохоте гражданской войны бумагах вся герценовская романтика и праведность «черного передела» были похоронены, воцарилось наркоматское удельное владычество... но об этом позже.

Социалисты-революционеры, стоит заметить, национализации побаивались как базы тоталитаризма и в программе своей оговаривали, что национализировать ничего нельзя без «гарантий против увеличения таким путем зависимости рабочего класса от правящей бюрократии». Как и мои сверстники, я боязливо отношусь к самому слову «эсер», но когда в документе 1906 года, когда и отцу моему шел только седьмой год, ты читаешь :

«Вообще же партия социалистов-революционеров предостерегает рабочий класс против «государственного социализма», который является отчасти системой полумер для усыпления рабочего класса, отчасти же — своеобразным государственным капитализмом, сосредоточивая различные отрасли производства и торговли в руках правящей бюрократии, ради ее фискальных и политических целей» — то думаешь: ну да, понятно, они — злейшие враги, негодяи и всё такое прочее, но вот дураками или близорукими их никак не назвать. Год-то — 1906! Впереди еще и «стольпинские галстуки», и его, премьера, смерть, и большевистское подполье, и Туруханск, Лонжюмо, Азеф и Малиновский, броневик Финляндского вокзала, убийство Мирбаха, потопление флота в Цемесской бухте, расказачивание, белочехи, разгром белого движения, Перекоп, Махно и Антонов, а гибельность именно от бюрократии с фольклорной прозорливостью уже предсказана!

Крестьянский наказ о земле (242 местных наказа, суммированных в «Известиях Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов»)

публикуется 19 августа 1917 года — за 68 дней до большевистского переворота. У этого документа — да, эсеровского, да, народнического по духу и букве — такой авторитет в стране, что Ленин повторяет его в «Декрете о земле». Объявляет всё в наказе изложенное (отмену частной собственности на землю, обращение земли во всенародное достояние, право на общественную поддержку у тех, кто лишается земли — даже отсутствие слов национализация, огосударствление, а вместо них расплывчатый и туманный «общенародный земельный фонд») временным законом — «впредь до Учредительного собрания». (ПСС, т. 35, с. 26.) А дальше небывалое, почти невообразимое: Ленин признает и чужое авторство, и свое несогласие с документом, и как бы вынужденность пойти на идейные уступки темным отсталым массам — ради чего?

«Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны... И если даже крестьяне пойдут и дальше за социалистами-революционерами, и если они даже этой партии дадут на Учредительном собрании большинство, то и тут мы скажем: пусть так. Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав... Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам... Россия велика, и местные условия в ней различны; мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить вопрос. В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы, — не в этом суть». (ПСС, т. 35, с.27.)

Можно не поверить — да Ленин ли это? Удивиться можно — где же знаменитое большевистское лидерство в крестьянской проблеме? Но необходимо — ради понимания цены всему — сперва выслушать ближних. Находившихся рядом. Фофанову Маргариту Васильевну, например, хозяйку квартиры, где скрывался Ленин:

«Нет, вы только посмотрите, чего хотят мужички: конфискации всей помещичьей земли с живым и мертвым инвентарем без выкупа! А мы вот что сделаем: положим их наказ в основу декрета о земле и посмотрим тогда, как левые эсеры посмеют отказаться!» (Ленин — при чтении «Наказа» в «Известиях».)

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич:

« — А если будут смеяться какие-нибудь дурачки, — пускай смеются. Монополию на крестьян мы эсерам никогда не собирались давать. Мы — главная правительственная партия, и вслед за диктатурой пролетариата крестьянский вопрос — самый важный вопрос».

Среди смеявшихся дурачков оказались теоретик партии эсеров, министр земледелия Временного правительства Виктор Михайлович Чернов и немец Карл Каутский, тот самый — «ренегат», он выдвинул идею ультраимпериализма и ненужности пролетарских революций... Конечно, это апокрифы, и мы не уверены, так ли точно Ленин говорил, зато как он делал — знаем в деталях.

«...чтобы доказать крестьянам, что пролетарии хотят не... командовать ими, а помогать им и быть друзьями их, победившие большевики ни слова своего не вставили в «декрет о земле», а списали его, слово в слово, с тех крестьянских наказов..., которые были опубликованы эсерами в эсеровской газете» (ПСС, т. 40, стр. 13—14) — сие есть слово.

Через 2 месяца и 15 дней после революции, на Третьем всероссийском съезде Советов, Ленин заявил, что «партия, выражающая истинные стремления и интересы крестьянства, — есть партия левых эсеров... Тот союз, который мы заключили с левыми социалистами-революционерами, создан на прочной базе и крепнет не по дням, а по часам». (ПСС, т. 35, стр. 263-264.) Одновременно со съездом редактировался «Основной закон о социализации земли» (утвержден 9 февраля), где эсеровское общинное землевладение подменено государственным, а точнее — наркоматским, ведомственным. Еще через год, 14 февраля 1919 года, в постановлении ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от декрета о земле вообще оставлены рожки да ножки, и те — в измененном состоянии: реальное российское крестьянство, только-только победившее в революции и обретшее землю, объявлено «преходящим» и «отживающим». Именно так: «Крупные советские хозяйства, коммуны, общественная обработка земли и другие виды товарищеского землепользования являются наилучшими средствами для достижения этой цели, поэтому на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на переходящие и отживающие» (статья 3).

«Эта цель» — расширявается как окончательное уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, организация сельского хозяйства на основах социализма, воспитание трудящихся масс в духе социализма, а также объединение пролетариата и деревенской бедноты в их борьбе с капиталом. То есть — та же идеологизация земельного вопроса, какая была летом 17-го и ни следа от постулата «дело ваше, выбирайте путь сами». Таково дело.

Грех утаить, что «черный передел» и получение крестьянином барской земли партийная мысль воспринимает вплоть до нэпа траурно, скорее как ущерб идее мирового коммунизма, чем как дело ему на пользу. «После октябрьского переворота, после ликвидации помещичьего землевладения наше сельское хозяйство сделалось почти исключительно крестьянским и почти исключительно мелким хозяйством. При таких условиях коммунистической партии приходилось преодолевать совершенно невероятные трудности в деле борьбы за крупное коллективное хозяйство», — читаем в знаменитой «Азбуке коммунизма» Н. Бухарина и Е. Пресображенского. И далее там же:

«Кулацкое землевладение выравнено со средне-крестьянским».

«Землепользование бедноты и самого малоземельного крестьянства, нажившего к тому же скот и инвентарь от кулачества и от разгрома имений, увеличилось до средней нормы душевого надела...

Помещицы земли запаханы. Советской власти удалось сохранить в своих руках лишь около 2 млн. десятин земли советских хозяйств... Вообще в распоряжение крестьянства перешло около 40 млн. десятин частновладельческой земли».

Странная скорбь, если наказ о земле впрямь принят желанно!

Крестьянство России вместе с самостоятельностью приобрело словно какую-то новизну и неузнаваемость: его настороженно изучает и публицистика РКП, и народническая мысль (в эмиграции). И к выводам приходят почти одинаковым!

В «Азбуке коммунизма» у Бухарина—Преображенского:

«Крестьянин не любит слова «коммуна» и боится его употреблять даже тогда, когда вынужден коммуны строить на практике». (К осени 1919 г. в Советской России была 1901 коммуна.)

Н.Н. Зворыкин «К предстоящему земельному переустройству России», Париж, 1920 г.:

«Коммунизм и диктатура пролетариата для русского крестьянина непонятны; он смотрит на вещи спроста, прямо в корень: дадут ему землю или нет? Когда его уверили, что ему землю дадут, если он опрокинет и разобьет все затрудняющие это препятствия, — он все опрокинул и разрушил. Но когда, вместо ожидаемого вечного и потомственного владения землею, ему предложили коммунизм, то он сразу понял, что его обманули и в настоящее время смотрит на советское правительство и на большевиков как на своих злейших врагов...»

Мы помним схему Зиновьева — интродукцию к формуле «пуля в лоб»: в деревне беднота целиком на стороне пролетариата, середняк нейтрализован (или должен быть нейтрализован), но хлеб у кулака, а кулак — классовый враг, щелкает зубами, не испытывает чувства благодарности за землю и волю — и не крепит диктатуры пролетариата.

Тут сами собой возникают к первоучителям российского коммунизма три вопроса. Кто таков кулак, если передел земли всех уравнял — раз. Откуда беднота, если пашни дали всем поровну, скот поделен тоже? Если середняк, основная часть главной массы населения, сделал революцию легкой («поднять перышко»), то что значит нейтрализовать его? Сделай ни тем, ни другим, вычлени из активных сил, из пользователей плодами Октябрьского переворота? Как объяснили эти три загадки до шестого января 1923 года, когда продиктованы так утешающие нас сегодня слова — «мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»? (ПСС, т. 45, с. 376). И что — по «Азбуке коммунизма» — надлежало делать в пору зарождения и стабилизации сельского советского уполномоченного — тогда в кавалерийской шинели и островерхом шлеме или, штатский вариант, в крагах, френче, с портфелем?

О кулаке. Н. Бухарин — автор 1919 года — никак не дает запознать себя в «правом уклоне», скорей здесь исправнейший сталинизм: он уже формулирует ликвидацию кулачества как класса и

предсказывает экспроприацию, даже мобилизацию на принудработы — словно видя мысленным взором Беломорканал:

«В борьбе с помещичьим землевладением городской пролетариат имел за собой всё крестьянство поголовно, не исключая и кулачество. Этим объясняется быстрый успех октябрьского переворота... Но уже проведение в жизнь закона о т. наз. социализации земли (— замечательно тут это ироничное «т. наз.» со стороны члена Политбюро и секретаря ЦК РКП(б)! — Ю.Ч.) с уравнительным разделом земель отбросило кулачество в лагерь контрреволюции. Кулачество потеряло часть покупной земли, которую имело до революции, потеряло землю, которой пользовалось, арендуя наделы бедноты. Оно потеряло всё, что успело захватить при разгроме помещичьих имений... Этот класс является претендентом на то, чтобы двинуть развитие нашего сельского хозяйства по типу фермерского хозяйства Дании и Америки. Если бы не пролетарская власть и ее социалистическая политика, то на расчищенной от помещика почве в России с чрезвычайной быстротой развилось бы среднее буржуазно-фермерское хозяйство с наёмным трудом, улучшенными способами обработки земли... Кулак вступил в революцию, окрыленный самыми розовыми надеждами и предчувствиями, а вышел из нее ошипанным даже на ту часть своей собственности, которой он располагал до революции. Кулачество до своей полной ликвидации неизбежно должно выступать в качестве непримиримого врага пролетарского государства... Не исключена возможность того, что Советской власти придется проводить планомерную экспроприацию кулачества, мобилизуя его на общественные работы и прежде всего на работы по мелиорации крестьянских и государственных земель».

Провидец геноцида тридцатых годов и он же (впоследствии) автор лозунга «Обогащайтесь!», Н.И. Бухарин не объясняет элементарного: да откуда же он, проклятый, берется?! Ошипали, уравнили, под одну гребенку остригли, а он — на тебе! — снова жив и вредит мировому пожару. Что за наказание такое коммунистической экономике?

Не наказание, нет. Пока нет колхоза, кулака не быть не может. Кулак вовсе не ликвидируется уравниванием земельного надела, делением барского скота — или отъемом полей у него самого. У Шолохова Яков Лукич Островнов прежде всего грамотен, умен и дальновиден. Людей делит разное желание и умение трудиться, эта-то «дифферента-II» (от ума и от мозолей) будет питать классовое негодование голи перскатной до самого крестьянского конца: Великого перелома. Кулак, далее, это тот, кто живет лучше; а ведь как ни малорослы призывники, скажем, Приаралье, кто-то выйдет в правифланговые и у них. Вот пример такой классовой «теории относительности».

Эстонский крестьянин, «новый нечистый из пскла», по грустной шутке Антона Таммсааре, воитель с валунами и болотом, вряд ли был замечен в Европе начала века. Но вот в России его выдвигают в весьма зажиточные! Ленин — на Третьем съезде Советов, самое начало 18-го: «Понятно, что переход к социализму в Эстляндии, в этой ма-

ленькой, поголовно грамотной стране, состоящей из крупных сельских хозяйств, не может походить на переход к социализму в стране по преимуществу мелкобуржуазной, какой является Россия». (ПСС, т. 35, с. 264.). А ведь рядом со швейцарским, бретонским, шотландским фермером Юхан с лопатой сошел бы — по грамоте и достатку — как раз за комбедовца! Каждому, значит, свое...

Наверное, Л.Б. Каменев был первым, кто прямо сказал (позже, в дни нэпа), что кулака плодит и выдвигает сама послереволюционная экономика. «Можно ли считать кулаком крестьянина, который, пользуясь Советской властью, пользуясь советским кредитом... повышает свое хозяйство, повышает техническую обработку земли, создает условия для накопления в своем хозяйстве? Конечно, нет. Мы были бы безумцами... Мы подрубили бы тот сук, на котором мы сидим...

Марксизм говорит, что совершенно безумна та политика, которая прет против развития производительных сил или тщится задерживать развитие производительных сил. Если бы мы с вами повели бы свою политику так, что она на деле препятствовала бы развитию производительных сил в деревне, то это означало бы крушение нашей политики: на этом сломался бы союз рабочих и крестьян...».

И сломался — за исчезновением крестьян. Колхозник — неправомерный, какие-либо союзы с ним просто недействительны.

Бедноты же, «голи и дармосдов», сельского люмпенства тоже не должно было быть. Земля, скот, инвентарь поделены по едокам. Однако она, беднота, нужна как классовая, властная категория! «Именно эта часть деревни продолжает оставаться наиболее последовательной основой в пролетарской диктатуре», — считает «Азбука коммунизма» (с. 271). «Главная задача коммунистической партии по отношению к деревенской бедноте заключается в том, чтобы вывести ее... в богатые? Или в зажиточные, достаточные, в исправные хотя бы? Да нет, вопрос «Азбукой коммунизма» ставится совсем не в той плоскости! Вывести надо вовсе не из бедности (это властное, классово-командное состояние), а «из того распыленного состояния, в котором она очутилась с роспуском комитетов бедноты». Вот, оказывается, в чем беда-недоработка!

«Крестьянин-бедняк от сохи» становится как бы кормящим ремеслом, новой профессией Советской России: с 11 июня 1918 года, когда вышел отредактированный Лениным декрет СНК «Об организации и снабжении деревенской бедноты» комбеды делаются второй, параллельной сельским Советам, властью, насквозь политизированной и не имеющей за собой даже формальных выборов. Их в 33 губерниях России и Белоруссии было 122 тысячи. С них и повелось, что *работой* в деревне может называться объем и дележ чужого. Всезнающие и заинтересованные материально, ибо получали от четверти до половины изъятого, комбеды сделали возможной и плодотворной продрозверстку как способ сперва изыскания, а потом уже изымания хлеба. Комитеты бедноты (комитеты незаможных на Украине, кошчи в Туркестане) и следует считать кадровым зародышем административно-коман-

дной системы, ибо они а) постоянны (не проходящи, временны, как продотряды), б) вживлены в деревенскую структуру (Каганович остается чужаком, нужен свой брат мужик) и в) независимы как от выборной сельской власти, так от населения в целом. Просуществовав почти до нэпа, изъев у кулаков, кроме миллионов пудов продрозверстки, около 50 миллионов десятин земли (тридцать миллионов десятин мироседам было оставлено), комбеды были потом возрождены в Великий перелом и, преобразованные в актив, аппарат, администрацию всех отростков и ветвей агропрома, составляют сейчас кадровую сокровищницу колхозно-совхозной мощи, насчитывая в сумме три миллиона человек.

А середняк — известное дело, «собственник и спекулянт» (Бухарин), субъект с двумя душами. Труженика и собственника. Как труженик — он материал для мировой революции, классово совместим с диктатурой пролетариата; как собственник — зверь. Уже без молодого ученого Ссрежи я обнаружил (во втором, современно сказать, чтении), какими же хищниками, зверьми, дикарями были наши земледельцы-деды. Литература социалистического реализма при самом рождении с таким классовым азартом пестует ненависть к мужику, так даровито подает образ врага в армяке, хищника в нагольном тулупе, что самые крайние авторы из дворян и разночинцев со всеми их «Подлиповцами», злыми чеховскими «Мужиками», не говоря уже о тульских говночистах графа Л. Толстого, кажутся палешанами-богомазами.

Лидия Сейфуллина, «Перегнутой» (в пятом номере «Сибирских огней» за 1922 год):

«Здесь у людей крепок хребет, густ в жилах настоей *звериной крови*... Оттого туго открываются двери его души, и *звериной* хитростью оберегает он... Высыпали на улицу из домов своих, приспособленных, как у *зверя*, только для зимней спячки...»

На одной книжной страничке — четыре «звериности», и все о мужике, да не ради красного словца — для дела. Когда в прежнем селе Тамбовско-Небесновском, а ныне Интернационаловке предволисполкома Софрон силой штыков провозглашает коммуну («кто в Коммуну не желает, пущай на печи лежит, ни хлеба, ни сена не дадим!...») — многоголосый сельский зверь мятется, и боится, и угрожает:

« — Это грабежу подобно! Небесновцы миром землю покупали... У господ отбирать ладно. А мы как трудящие? Над трудящими изгаляетесь? Свою брата-мужика зорите? Небесновцы допрежь вас коммуной жили! Сообча землю покупали... Грабители вы, а не устроители! Слово брата-мужика!

Закричал многоголосый зверь:

— Верно говорит!

— Не дадим!

— Пóтом, кровью наживали!

Разобрать слов уже нельзя было. Все слилось в одно грозное: а-а-а! Но торжествующий крик Софрона все услышали:

— Силой отберем!

Если б не революционная охрана, разорвали бы Софрона. Двинулись небесновцы и стали, а парни ружья наизготовку...»

Юрий Либединский, «Неделя», помечено — «Апрель 1921 — апрель 1924». Прямая иллюстрация к деловому отчету Кагановича: продотряды зерно увезли, а в уездном городке остались чекисты — не допустить мятежа. Врага пришлого (белочеха или офицера-колчаковца) в помине нет, бояться надо сельского, бородатого, пашущего, всегда заговорщика, всегда страшного.

Вырубили на дрова монастырский сад и городские аллеи, мобилизованных мужиков гонят везти дрова к станции: «С утра медленный обоз везет дрова в город. Крестьяне и сопровождающие обоз красноармейцы ведут разговор о посеве, о том, что время пахать, а антихристы-большевики заставляют в распутицу везти дрова, что нету семян для посева, что обманщики-коммунисты обещали взамен хлеба дать товаров, а прислали в деревню не гвоздей, не железа, не посуды и ситцу, а крахмальных воротничков, пудры и губной помады...

— Тыфу, антихристы, — говорит мужик.

— Это кто-то там нарочно тормозит, — отвечает пунцовый от смущения красноармеец, — об это беспрерывно нужно в Чека...

Безнадежно машет рукой крестьянин:

— Не поможет Чека. И тут, и там коммунисты. Они друг друга держат».

И наконец, Алексей Максимович Горький. «О русском крестьянстве». Сразу после отъезда за рубеж — 1922 г., издательство И.П. Ладужникова, Берлин. Воистину обнаружение какого-то нового зоологического типа, неведомого, случайно достигнутого — словно 150 миллионов Лыковых вдруг вышли на свет, жмурятся и подвергаются первым обмерам...

«Атмосфера бесправия, в которой издревле привык жить народ, убеждает его в законности бесправия, в зоологической естественности анархизма. Это особенно плотно приложимо к массе русского крестьянства, испытавшего более грубый и длительный гнет рабства, чем другие народы Европы. Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на свободу личности, на свободу ее действий»...

Чудны дела твои, соцреализм! Только-только русский крестьянин неимоверной стойкостью двух антоновских армий против бронепоездов Тухачевского, против кавалеристов Котовского (награжденного за доблесть против мужиков Почетным революционным оружием), пушками мятежного Кронштадта и тысячами малых восстаний заставил уважать право даже тех, кого не смутили ни Колчак, ни Антанта, только-только повернул историю в другое русло — и вот награда! Да если б хоть меж собою поношение, а то вселенское сопоставление — и все к ущербу и конфузу русского дикаря!

«Я думаю, что русскому народу исключительно — так же исключительно, как англичанину чувство юмора — свойственно чувство

особенной жестокости, хладнокровной и как бы испытывающей пределы человеческого терпения к боли»...

Горький приводит рассказ краскома о том, как тому было жалко воевать (громить бауэров) в Пруссии: «Какое величественное хозяйство разоряли мы по неизвестной причине. Тошнота!» «Я вам, товарищи, скажу: русского бить легче. Народу у нас много, хозяйство у нас плохое; ну, сожгут деревню, — чего она стоит! Она и сама сгорела бы в свой срок. И вообще это наше внутреннее дело, вроде маневров, для науки, так сказать».

Вон как. Ну и — под финал: о жертвах, вождях и конюшнях:

«Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа.

Когда в «зверстве» обвиняют вождей революции — группу наиболее активной интеллигенции, — я рассматриваю эти обвинения как ложь и клевету... Не отрицаю, что политики наиболее грешные люди из всех окаянных грешников земли, но — это потому, что характер деятельности неуклонно обявляет их руководствоваться иезуитским принципом «цель оправдывает средства»...

Тех, кто взял на себя каторжную, геркулесову работу очистки Авгиевых конюшен русской жизни, я не могу считать «мучителями народа», — с моей точки зрения, они скорее жертвы».

Что ж, совсем скоро подопечный Чехова и знакомец Толстого, близкий коллега Барбюса, Роллана и Герберта Уэллса увидит русского интеллигента на Соловках, русского жестокого крестьянина — на Беломорско-Балтийском канале, а главную жертву чистки Авгиевых конюшен — у себя, т.е. в особняке Рябушинского близ Никитских ворот, напротив церкви, где венчался Пушкин. Ему будет сказано, что его ранняя поэма посильнее, чем «Фауст» Гёте, а он скажет — именно о крестьянах, о жестоком и хитром русском землепашце, что, если враг не сдастся, его уничтожат.

Мы — не о последующих грехах. Мы — о предварительных страшных словах и оценках, мостивших дорогу к главному злодейству века: Агроулагу СССР. Или — что само по себе достаточно страшно — не преграждавших этим намерениям путь. Хотел бы ошибиться, но, возможно, ни в каком больше народе духовные учителя его не разделяли так город, «вторую натуру» — и звериное (хотя и кормящее) село, как это делали основатели советской — многими сторонами замечательной — литературы.

Хорошо, а наш повсеместный Стародубцев — кем он был тогда? Председателем — чего? Нет, наверно все-таки — управляющим! Управлял советским хозяйством — так тогда называлось. Полностью еще... После захвата помещичьих земель большинство культурных имений было разгромлено: можно с достаточной всроятностью говорить, что уцелело одно из десяти. Это те, как пишется в «Азбуке коммунизма», «охрану которых вовремя догадались взять на себя советы. Эти имения получили название советских хозяйств.

Советские хозяйства — это единственно возможный источник создания крупного образцового хозяйства со всеми его преимуществами». К осени 1919-го насчитывалось 3536 совхозов. Иные «превратились в монастыри для помещиков и занимаются лишь самоснабжением», — укоризненно замечают Бухарин—Преображенский, производственное значение их ничтожно, но тем не менее:

«Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы, где только возможно, увеличить число совхозов и размер их земельной площади».

И тут — едва ли не первый экскурс в технологию! Попытка «с карандашом» доказать, почему все-таки совхоз лучше, чем крестьянское хозяйство. Доказать умозрительно, потому что практика пока говорит иное, и вместе с тем теоретически же выйти на оптимальные параметры. Потом целых 70 лет будут длиться такие вот теоретические эзерсисы, и нам не следует иронизировать над смелостью новопеченных аграриев Бухарина и Преображенского в пору, когда у России есть мировые имена — Прянишников, Тулайков, Чаянов, Вавилов и т.д. Совсем не важно, была ли сельская эрудиция авторов «Азбуки коммунизма» на уровне поэта Маяковского («Сидят папаша. Каждый хитр») или за ними стояла вся европейская наука. «Дело, братцы, о другом!» Не о технологии, экономии труда, подлинных сравнимых величинах, а о властных функциях, о все тех же проблемах власти и собственности, какие заставляют считать независимое от политической администрации хозяйство — отсталым, а подчиненное, включенное в одну всероссийскую «фабрику зерна» — передовым. Основное — диктатура! А уж как доказать, как обосновать ее необходимость — дело, как говорят, десятое.

«Коммунистическое хозяйство выгоднее, производительнее капиталистического, тем более выгоднее оно мелкого крестьянского», — это символ веры авторов «Азбуки», и доказательство тому приводится, скажем так, весомое: «Если фунт тяжелее золотника, тем более пуд тяжелее золотника».

«Только в крупном хозяйстве применимо электричество. Далее, вместо 100 плохоньких стойл — одни большие стойла и конюшни, вместо 100 плохоньких кухонь — одна большая и т.д.». Не говорим здесь о подгонке размеров хозяйства к талантам некоего руководителя: «потянет — можно укрупнять». Иные доукрупнялись до пятидесяти деревень в хозяйстве — княжество! И, естественно, наш сегодняшний подход: размеры хозяйству задает не человек, а техника. Производительность машины — вот объективная мерка, к какой надо подгонять остальное. Пожалуйста: конный плуг полностью используется при 27 десятинах пашни, а паровой плуг — при 900 десятинах! «А между тем одно только применение парового плуга и трактора повышает урожайность почвы при прочих равных условиях на одну треть». Значит — что? — размер совхоза должен соответствовать паровому плугу: давай 900 десятин!

Авторы «Азбуки» не замечают, как выдают себя: берется реальная техника фермерских хозяйств США (паровой плуг был колесным локомотивом с плугом, одним из тупиковых вариантов «эры бегемотов»), и этот-то тип механизации, целиком рыночный, товарный, крестьянский, только далекий и Казаням-Рязаням неведомый, выдается за горизонт бестоварного коммунизма. То же с плановой командой, что где сеять (предельно актуальная ситуация!). «При социалистическом сельском хозяйстве вся земля Республики должна быть разграничена так, чтобы в каждом районе, округе, поле и т.д., смотря по качеству и свойствам земли, засеивались те зерновые хлеба, овощи, травы, технические растения..., которые здесь выгоднее сеять... При нашем же крестьянском хозяйстве часто делается наоборот: сеют хлеб и получают плохой урожай там, где мог бы прекрасно родиться лен, и сеют рожь, где может родиться пшеница»... Опять-таки: не в мелочах дело (лен не родится там, где не вырастает хлеб, рожь вовсе не хуже пшеницы и пр.), а в сути. Что выгоднее сеять, заведомо знают некие особые, специальные люди, ведомства, горизонты, в которых и возникает нужда при превращении России в единую «фабрику зерна». *Выгоднее — значит больше.* В основе всей коммунистической гармонии лежит валовка, вес; главное — «сколько», а не «чего» и «когда». Чтб в псковском Обозерье выгоднее выращивать раннюю клубнику и сбывать ее в Петрограде, может выявить только рынок. Его нет — клубника отменяется. А коммунистический подход продиктует рожь и картофель! В таком устройстве господствует феодализм: в виде валового подхода (*больше, тяжелее — значит успешней, лучше*) и в понимании крупного как обширного. Постфеодальные критерии успеха (отдача на вложенную единицу средств, производительность рабочего часа) делают диковатыми, археологичными чингисхановы системы мер: ведь не всегда ж, помилуйте, крупнее то, что трудней объехать!

Для удельного княжества это так, но для сферы биотехнологии... Мерки окупаемости денежных вложений и затрат мастерства «малую» форму Голландии (через луковицы тюльпана «Корольса ночи» или пересадку зародышей от коровы с 13 тоннами надоя) делают в десятки раз «крупнее» нашего совхоза в 40 тысяч гектаров, а вся «малая» Голландия именно благодаря «мелким» своим фермам по объемам экспорта вполне состязается с сырьевой распродажей супердержавы СССР.

Знатьё наверху, что выгоднее сеять, привело к гигантскому, двойному перепроизводству пшеницы в стране и к скармливанию ее животным — при острой нехватке зерна для выпечки хлеба и методичной закупке его там, где «мелкие» хозяйства. Валовка рождает туфту ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе. Но это побочный эффект, ибо главная, властная цель идеологизированного, возвратного феодализма повсеместно в Союзе Советов достигнута. «Все, что было загадано, то исполнится в срок»: чем больше совхоз «Гигант», тем микроскопичней рядовой рабочий, ни земли у него, ни кола, ни двора, потерять впрямь может только цепи. Открывать больше нече-

го, история прекратила течение свое, надо лишь распространять трактора-электричество, заимствуя технологии у того, что позже будет названо Западом. Полная исключенность человека с его желанием или отвращением трудиться на таких-то условиях, с согласием на существование вроде как приписного при демидовских заводах — или ненавистью к новому рабству, с абсолютным убеждением, что теория, умозрительное — всё, а реальность, мужицкая практика — ничто. И каста правящих, скорбящих за народ, несущих бремя мудрости и вездесущия. В нэп они всё перечеркнули? Всё изложили иначе? Да, так. Но почему же одолела все-таки «Азбука»?

Запредельное желание — узнать: каково жилось тогда хорошему, умному и честному русскому крестьянину? Не горьковскому карлику, не Софрону — «силой отберем», не повстанцу даже несчастному, выгнанному продармией в леса, а грамотному, разбуженному войной и революцией праведному трудяге? Взглянуть бы ему в лицо, речей его послушать...

А знаете — можно. Отчасти, конечно, с оговорками-поправками, но в принципе и это можно!

...Миронов глядит вам в глаза страдающе, щеки ввалились, черная борода придает ему болезненный вид, худ, хотя сложения крепкого, офицерская папаха, выцветшая гимнастерка... Просто истаял в ожидании приговора — и говорит горячо, со сведенными бровями, только не слышно — что... Все-таки прошло семьдесят лет. И синхронно тогда не знали.

Филипп Миронов, тот самый, его присуждают к расстрелу в городе Балашове, а он тебе говорит, внушает, толкует... Фильм! Уцелел документальный кинофильм Дзиги Вертова «Процесс Миронова», снятый в октябре 1919 года — снятый по заказу, ибо Троцкий указал обвинителю на суде И. Смилге — «хорошо поставленное дело Миронова послужит ликвидации донской учредилловщины, левой эсеровщины». А вот по чьему недосмотру лента о командире Второй конной, о совести расстрелянного Тихого Дона уцелела? Из разряда чудес. Немыслимо. Запредел.

Казак станицы Усть-Медведицкой, на два года младше Ленина, Филипп Миронов, окончив два класса гимназии, был отчислен за неуплату, но на юнкерские курсы приняли. Храбрец, воин лихой и умный, участник и японской, и германской, он к 1916 году стал войсковым старшиной (подполковником), у него все мыслимые для казака ордена, отказ использовать казачьи шашки против рабочих в 905-м — главное же, у этого самоучки такой возвышенный строй речи, такой вдохновенный дар проповедника, что Филипп Миронов равно чтим и красным казаком, и белым. Кристальная честность, благородство, бесстрашие, одна правда-матка плюс орден Красного Знамени № 3 — заступник Дона, станичный рыцарь революции.

Киноленту о Миронове откопали замечательные документалисты А. Иванкин и Л. Рошаль — и сделали на золотой основе кинокартину «Площадь революции». Лента Дзиги Вертова озвучена обращением

Миронова к Ленину, его манифестом к красным казакам, письмом после смертного приговора, это словно объясняет, что же тебе говорит чернородый мученик сквозь толщу лет.

Осуждение казачества на поголовное уничтожение было одной из первых мер Оргбюро ЦК РКП(б): 16 января 1919 г. образовано — 29 января секретный циркуляр о расказачивании. Вел Оргбюро (целью его был созыв очередного съезда) Я.М. Свердлов.

«... Признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми пороками казачества, путем поголовного их истребления.

Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью...

Конфисковать хлеб и заставлять ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится и к хлебу, так и ко всем сельскохозяйственным продуктам...

Провести полное разоружение, расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие...

Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

Центральный Комитет постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли».

На германскую войну Область Войска Донского выставила 60 конных полков, в 6 пеших батальонов, 126 отдельных конных сотен, 37 батарей... У казачества было 12 миллионов десятин земли, душевой надел составлял до 11 десятин — бедноты в великоросском смысле среди 1,5 миллионов донских казаков не было! Секретный циркуляр 29 января подписывал смертный приговор целому народу — геноцид чистых кровей.

Фильм А. Иванкина и Л. Рошалья старается передать ураган смерти во всех десяти округах Области: массовые расстрелы, убийство стариков и больных, измывательство над женщинами, грабежи, полуторамесячную пляску смерти...

В ночь на 11 марта вспыхнуло Вёшенское восстание 1919 года. Оно снова привело к переходу всего Дона к белым. 16 марта ЦК приостановил применение директивы Оргбюро, так как она «мешала проводить политику расслоения». Я.М. Свердлов не присутствовал: 16 марта он умер от простуды.

Организатор красного казачества, командир корпуса Филипп Миронов, разделяя ответственность за злодеяния, 24 июля 1919 года со станции Анна подает шифrogramму Ленину:

— Я стоял и стою не за келейное строительство социальной жизни, а за строительство гласное, в котором народ принимал бы живое участие. При личном свидании с Вами я заявил Вам о сквозящем ко мне недоверии, ибо агенты советской власти, совершающие противозаконные дела, знают, что я человек решительный и злых действий их не одобряю, как не должна одобрять их и власть, если эта власть не смотрит на народ как на материал для опыта при проведении своих утопий, хотя бы и отдающих раем. Я полагаю, что коммунистический строй — процесс долгого и терпеливого строительства, любовного, а не насильного... Зачем же такая жестокость и к казакам, и к русскому крестьянству, истребляющих друг друга в своей слепоте?.. Я сторонник того, чтобы, не трогая крестьянина с его бытовым и религиозным укладом..., увести его к лучшей жизни не громкими трескучими фразами доморощенных коммунистов, на губах которых еще молоко не обсохло... Я беспартийный. Буду идти до конца с партией большевиков, если она будет вести полемику, которая не будет расходиться на словах и на деле, как шло до сих пор. Требую именем революции и от лица измененного казачества прекратить политику его истребления... Я отказываюсь принимать участие в таком строительстве, когда весь народ и все им нажитое растрачивается для целей отдаленного будущего. А разве современное человечество не цель? Разве оно не хочет жить? Разве оно настолько лишено органов чувств, что ценой его страданий мы хотим построить счастье какому-то отдаленному человечеству?! Почти двухгодичный опыт народных страданий должен был убедить, что отрицание личности и человека есть безумие... почему же все те люди, которые стараются указать на зло, преследуются вплоть до расстрела? Возможно, что после этого письма и меня ждет та же участь, но смею заверить Вас, что в лице моем подвергнется преследованиям не мой индивидуальный протест против разлившегося по лицу республики зла, а протест коллективный, протест сотен тысяч и миллионов людей. Я не могу быть в силу своих давних революционных убеждений ни сторонником Деникина, ни Колчака..., но с одинаковым отвращением смотрю на насилия лжескоммунистов...

Искренне уважающий Вас и преданный Вашим идеям комдонкор Миронов».

Если бы только это, одно это — и то... Не сохрани скорбная летопись земли и воли ни единого слова и деяния, кроме этой неровной, местами малограмотной проповеди, русское крестьянство было бы спасено и оправдано.

Троцкий вынужден дать Миронову на формирование новый корпус, но дело не идет, мучат затяжки, казачьему вожаку не доверяют, препятствуют, вредят — и он принимает отчаянное решение: на свой риск, не достроив корпус, отправляется против Деникина на фронт.

Сжигая корабли, обращается к Дону с манифестом:

«...Замерло по всей Руси свободное слово. Смертная казнь восставлена в таких размерах, каких не видело правительство свергнутого царя. Надежды трудового крестьянства на землю и волю в той ме-

ре, на какую оно имеет право, не оправдались... Мы не видим, чтобы задача коммунистов, захвативших всю власть в свои руки, была ясна и определена.

Непонятна эта дерзкая монополия над властью народа кучки людей, вообразивших себя в своем фанатизме строителями социальной жизни по невиданному до сих пор способу — огнем и мечом.

Земельная политика выразилась в искусственном насаждении коммун и советских хозяйств. Эта политика ведет к созданию нового класса советских батраков и государственно-обязанных крестьян... Коммунисты парализуют возможность дальнейшего прогресса сельского хозяйства, которое является основой всей народнохозяйственной деятельности страны. Братства — нет. Равенства — нет. Правды — нет...

Под прикрытием социалистических фраз и слов коммунисты ведут политику узкопартийных интересов.

О деревне заботятся постольку, поскольку из нее необходимо выкачать всеми мерами и средствами скот, деньги и людей. Перед русским народом стоит огромная задача — что делать? Необходимо немедленное восстановление в центре и на местах доподлинной власти Советов... Упразднение бюрократической власти...

Предоставление Советам широких полномочий на местах... Упразднение смертной казни. Коммунисты кричали, что Керенский палач, сами же теперь применяют ее на каждом шагу... В целях борьбы с голодом: упразднение системы реквизиций, восстановившей деревню против города. Осуществление продуктообмена внутри советской республики через потребительско-трудовую крестьянскую и рабочую кооперацию».

Это нэп за полтора года до Кронштадта. Сколько сотен тысяч жизней не получила бы смерть, если бы... Впрочем, слишком много этих «если»... Миронова не убивают в Балашове. Правильнее — его убивают не в Балашове (там затевает кошки-мышки Троцкий, обещающая помиловать «при его обязательстве направиться в тыл Дона и поднять там восстание»), а в Москве. После взятия Перекопа. После награждения Почетным революционным оружием и орденом Красногосзнамени.

В Бутырской тюрьме Москвы, где он был убит 2 апреля 1921 года.

В марте, с восьмого по шестнадцатое, шел Десятый съезд. Выступали знакомые лица: Е. Преображенский — об агитпропработе, И. Сталин — о нацвопросе, Н. Бухарин — партстроительство, Л. Троцкий — реорганизация армии, Г. Зиновьев — профсоюзы и их роль... О замене продразверстки продналогом — доклад тов. Ленина. Пятого марта была послана такая записка: «Секретно. Товарищ Склянский! Где Миронов теперь? Как дело стоит теперь? Ленин».

Эфроим Моисеевич Склянский, зам. председателя Реввоенсовета Республики, был избран на X съезд. Ответ его неизвестен...

Боже отцов моих, помяни праведника воина Филиппа — и миллионы остальных, имена же их ты, Господи, веси...

— Не томи душу: мы будем жить как люди?

— А сейчас что делаем?

— Да ты толком скажи: выйдем из пике? Земля-то все ближе, а? Помнишь про русский бунт — бессмысленный и беспощадный?

— Футурология? Не выйдет. Эссе не получишь. Хочешь — скажу, что знаю. Чего уже не может не быть. Эксперимент закончен. Еще десятилетия почва будет изрыгать его апологетов, но опыту — амба, каюк. Человечество, конечно, тем похоже на отдельного человека, что не делает выводов из ошибок других. Но такому эксперименту, возможно, сделают исключение... Выход, как и весной 21-го, будет только политический — и тоже с покаянием: «мы ошиблись»... Это, впрочем, нэповского эффекта не даст. Нужны собственность на землю (не частная, а просто, другой нет), независимая крестьянская партия, влияющая на правительство даже сильнее, чем нынешнее Политбюро на решения Госагропрома (да-да, он ныне только в Федерации). Рынок, законы против монополий, акции — и яростная конкуренция между фермером и госхозом...

Всё есть — всё безумно дорого, не знаем и половины того, что продается, но пенсионеру, инженеру, честному человеку, многолетней семье — не подступиться. В «Елисееве» — три-четыре тысячи видов и сортов съестного товара, на Васильевском острове — филиал «Максима», в Касимове откуда-то стерлядь, а в Ленинграде — сиг. Среди подмосковных крестьян — миллионеры, но бои за землю тяжелые, позиционные: Стародубцевы стоят насмерть! Тысяч десять-пятнадцать госхозов уйдут с дороги сразу — будет просто признана их экономическая смерть. Хочешь — не хочешь, на Валдае и у Селигера японская империя «Сони» приобретет сперва 5, потом 50, затем 500 га земли — или у Байкала, у Арала, но своего не упустит. Техника всего мира — зеленые «Джон Диры», синие «Форды», красные «Массей-Фергюссон».. Медленное строительство дорог — но гладких, настоящих, не таких, как сейчас Садовое кольцо.

— И это твоя «земля и воля»?! Провались в тартарары, лучше на макаронах будем сидеть и на картохе...

— Не будешь. Уже не позволят. Сам — пожалуйста, страна — ни-ни. Через поколение дико представить будет, как жили.

— Очумел? «Поколение»! Это ж двадцать лет?!

— Промелькнут — не увидишь. Пяток лет в Италии или Греции батраком на ферме отмантулишь, если повезет, пяток лет будешь накопленное превращать в основные фонды под Чердыню или Ньюксницей, а там уже и отдача пойдет, вовсе ждать легче.

— Я?! В Грецию? Батрачить? Умру — ни ногой! И «Сони» на Волге увижу — петуха пушу. Погибну, но не сдамся!

— И не погибнешь, и не сдашься — кто в плен-то возьмет? Кормить тебя... Полмиллиарда гектаров земли. В основном — плохой, бедной, холодной, но — полмиллиарда. К концу века тихонечко про-

лезем на зерновые рынки: сильная пшеница, дурум. Сперва — ерунда, миллионов десять. Потом двадцать пять, сорок, выше пятидесяти миллионов тонн не осилить. Сахара для начала четверть миллиона тонн — сколько прежняя Россия вывозила, но лиха беда начало... Вообще-то за всякой идеологией забылось, что мы — картошкина империя (сталинизм научил) — и родина винограда: А что? Окультурен в наших границах, почти десятая часть плантаций мира! Будем сухие вина в Европу на «экю» поставлять, не возражаешь?

— Скажи, а можно и тебя расстрелять, если?..

— Конечно, милоч, какой разговор. Но я до того ускользну к деду. Замечательный был, говорили, садовод, Максим Васильевич. Умер зимой тридцать третьего в колхозе. Голод, если помнишь.

Май 1990

Социализм:
катастрофа или возрождение?

«Да и что такое общественный идеал, как понимать это слово? Конечно, суть его в стремлении людей отыскать себе формулу общественного устройства, по возможности безошибочную и всех удовлетворяющую — ведь так? Но формулы этой люди не знают, люди ищут ее все шесть тысяч лет своего исторического периода и не могут найти».

(Ф.М. Достоевский)

Когда я, как многие советские люди, наблюдал по телевидению работу I, да и II Съезда народных депутатов СССР, у меня возник такой образ. Представьте себе больницу, где давно, может быть несколько лет, не было врачей и больные были заброшены. И вот однажды в палату с тяжелобольными заходит человек в белом халате. Все обращаются к нему с мольбами: доктор, у меня болит печень, доктор, я не могу ходить, доктор, у меня рак... Но доктор пожимает плечами — у него нет лекарств. Через некоторое время выясняется, что вошедший вообще не доктор, а всего лишь вахтер, который, накинув халат, зашел в палату.

Насколько правомерно такое сравнение? Не уверен в его корректности, но убежден, что пока наша власть (партийная, советская, хозяйственная) не смогла или не захотела поставить точный диагноз тяжело больному обществу, определить способ лечения и начать его. Правда, наконец-то, официально заявлено, что речь идет не о недомогании, а о глубокой болезни общества: от стыдливой и маловразумительной формулы «предкризисное состояние» отказались, открыто признав кризис. Ну, а дальше? Какие меры предложены, какие пути намечены для оздоровления общественного организма?

Конечно, было бы постыдно несправедливым не видеть и целого ряда серьезных перемен в СССР: гласности, сокращения министерств, принятия законов о кооперации, аренде, социалистическом предприятии, земле, собственности, политической реформы, начатой

образованием новой структуры власти — Съезда народных депутатов СССР, выбранного частично на альтернативной основе, Верховного Совета СССР с зарождающейся парламентской культурой, появление в этих органах легальной оппозиции, отмену ст. 6 Конституции СССР, признание многопартийности...

Достаточно сравнить только два официальных документа, чтобы понять, какую дистанцию мы прошли: доклад М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 23 апреля 1985 г. и его же теоретическую статью «Социалистическая идея и революционная перестройка» (Правда, 26.XI.1989). В докладе, насыщенном лексикой застойного периода («совершенствование развитого социализма», «страна достигла больших успехов во всех областях общественной жизни», «восхождение к вершинам экономического и политического прогресса», «впервые в истории человек труда стал хозяином страны, творцом своей судьбы», «политическая стабильность, социальный оптимизм и уверенность в будущем...»), поставлена задача ускорения социально-экономического прогресса. Основой такой постановки вопроса был вполне стереотипный подход к существующему состоянию дел в стране: отмечалось, что наряду с достигнутыми успехами в развитии страны в последние годы усилились неблагоприятные тенденции, возникли трудности. Когда же не было в официальных документах констатации успехов и признания определенных трудностей? Когда не шла речь о неисчерпаемых возможностях социализма и живом творчестве и энергии масс, о единстве слова и дела, об авангардной роли коммунистов, о дисциплине и порядке, о необходимости преодоления формализма и назидательности в идейно-воспитательной работе...? Следует также заметить, что термин «перестройка» употреблен был в докладе только в контексте улучшения управления хозяйственным механизмом. Никаких революционных перемен в общественном строе (за исключением высказанной потребности в революционных сдвигах в области научно-технического прогресса) не намечалось, правда, наряду с сохранением преемственности стратегического курса, говорилось о необходимости достижения «нового качественного состояния общества, причем в самом широком смысле слова». Однако достичь этого намечалось теми же традиционными и уже неоднократно заявленными средствами: интенсификацией экономики и ускорением научно-технического прогресса, перестройкой управления и планирования, структурной и инвестиционной политикой, повышением организованности и дисциплины, улучшением стиля деятельности. Обо всем этом советские люди слышали уже многие десятилетия, как и о «дальнейшем усилении партийного руководства Советами, профсоюзами, комсомолом и другими звеньями нашей политической системы».

Однако через 4,5 года после апрельских решений руководитель КПСС вынужден был признать: «Если на первых порах полагали, что речь идет в основном лишь о выправлении отдельных деформаций об-

ществленного организма, совершенствовании той, в целом устоявшей системы, сложившейся за предыдущие десятилетия, то теперь говорим о необходимости радикальной перестройки всего нашего общественного здания — от экономического фундамента до надстройки».

Более того, впервые в программной статье М. С. Горбачева открыто был провозглашен прагматический, а не идеологизированный курс на развитие, объявлен отказ от готовых, абстрактных проектов общественного устройства, для осуществления которых можно использовать любые, в том числе насильственные, средства. Перестройка стала пониматься как решительное избавление от авторитарно-бюрократической системы во имя демократического, гуманного социализма.

Кроме того, в данной статье М. С. Горбачева есть и ряд других, принципиально новых для руководства СССР подходов к современной цивилизации и роли социализма в ней. Назову основные из них: 1) понимание социализма как мирового процесса; 2) признание многовариантности социалистического развития; 3) особое внимание к опыту социал-демократии; 4) стремление к преодолению конфронтации социализма и капитализма на основе использования общих механизмов единой человеческой цивилизации. Эти идеи вошли и в Платформу ЦК КПСС к XXVIII съезду партии, где наконец-то читаем о том, что мы прежде всего порываем с авторитарно-бюрократической системой, несовместимой с социалистическими принципами, и что наш идеал — гуманный, демократический социализм.

Для инициаторов перестройки и ее сторонников все более очевидным становится, что перестройка — открытый, длительный, к тому же глубоко противоречивый процесс, далеко не запрограммированный на успех. Драматизм перестройки объясняется задачей перехода от одного типа развития к другому (от регламентированного, директивно-направляемого, непрерывно планируемого к более спонтанному, самоуправляемому), решение которой чрезвычайно сложно как в теории, так и на практике. К тому же следует учитывать противоборство социальных сил, стоящих за разные варианты нашего будущего.

В ходе самой перестройки приходится преодолевать сопротивление не только ее противников, но и некоторых сторонников, которые далеко не всегда готовы принять ее масштабы, методы и даже цели. Движение к свободе — это движение народов, индивидов к самим себе, это возвращение утраченной культурной, политической, идейной самобытности, возвращение к тяжкому бремени свободы выбора, инициативы, ответственности, и такое возвращение возможно не столько на основе изменения прежних статистских, бюрократизированных структур собственности, власти, но прежде всего благодаря избавлению от утопического, мифологического видения.

Успех перестройки во многом зависит от мужества самооценки, самокритики ее субъектов, от способности инициаторов перестройки не только использовать творческий потенциал народа, но добиться собственной радикальной эволюции в пользу дальнейших, глубинных перемен. Конечно, от заблуждений, просчетов, ошибок никто не за-

страхован. Но не стоит забывать, что политические и духовные ресурсы тех, кто начал перестройку не беспредельны и во многом зависят от широты мировоззрения, от степени радикальности сознания, от воли к решительным переменам, от чувства сострадания к народу.

Думаю, растущая тревога за судьбу начатых преобразований не случайна. За пять лет перестройки экономическая, во многом и политическая ситуация в СССР резко ухудшились. Критическое состояние нашей страны и задачу скорейшего выхода из него, на мой взгляд, удачно выразил народный депутат СССР К. А. Антанавичус. Критикуя полумеры вместо коренных изменений в области отношений собственности, он сказал, выступая на II съезде народных депутатов СССР: «Предрассудки, догмы, а может быть, и попытка сохранить монополистические преференции власть имущих, все еще довлеют над высшими экономическими и политическим проблемами... Экономическая реформа растягивается на многие годы, а, по существу, административно-командная экономика несовместима с рыночной экономикой. Поэтому время переходного периода необходимо сократить до минимума. Образно, нам необходимо пробежать коридор, охваченный огнем, если не успеем — погибнем».

И все же, несмотря на полыхающий пожар, спастись можно, если знаешь, куда бежать. Куда же мы «бежим»? Что происходит в нашей стране (как и у наших друзей): обновление прежнего строя или развал, подтверждающий в великом историческом споре XIX-XX вв. окончательную победу буржуазного экономического и политического либерализма? Думаю, что правы те участники дискуссий, которые говорят не столько о кризисе прежней «сталинистской» модели социализма, сколько об экономическом, политическом и нравственном крахе или распаде коммунистического строя.

Примером этой точки зрения могут служить рассуждения тех политологов, которые считают (например, венгерский политолог М. Биhari), что в настоящее время существует и отмершая система коммунистических философских взглядов и безжизненный в историческом плане социализм, такой социализм, который подтвердил, что как идея он не может объяснить происходящие общественные процессы, а как практика является историческим тупиком.

Об этом же говорит, например, и Фрэнсис Фукуяма, заместитель директора Бюро политического планирования государственного департамента США, который полагает, что поворот в коммунистическом мире означает приближение к конечной точке идеологической эволюции человечества и к торжеству западной либеральной демократии в качестве победителя. Одновременно победа либеральной демократии изображается как бы финалом истории, постепенным переходом ее к началу XXI в. в скучное, одномерное состояние всеобщего довольства, лишённого межсистемного антагонизма. Соглашаясь с прогнозом об отмирании антагонизма, думаю, что вряд ли подобный взгляд точно отражает революционные надежды, вспыхнувшие в СССР и в странах Восточной Европы в конце ушедшего года. Наобо-

рот, уверен, что радикальные перемены означают драматическое возрождение исторической самодеятельности народных масс. А разве самодеятельность, творчество скучны? Скучна как раз казарма, потому и происходит отказ от тоталитарных систем и лежащего в их основе насилия. От того насилия, которое, по мнению одного из лидеров нынешнего реформаторского процесса в Чехословакии, ее президента Вацлава Гавела, навело бюрократический «порядок» в живом беспорядке истории, в результате чего история была забальзамирована, а правительство национализировало время, ставшее исчезать, как и национализированная собственность.

В этой связи вспоминаются горькие слова А. Ахматовой, однажды оброненные ею по поводу положения народа в СССР: «У нас отняли все. У нас отняли время и пространство». Действительно, многовековая история России в советское время была спрессована почти до послеоктябрьских десятилетий, низведена до социально-классовых битв, якобы с неумолимой неизбежностью подводивших к Великому Октябрю. А послеоктябрьская история оказалась вообще сфальсифицированной. Благодаря усилиям официальных идеологов и пропагандистов большинство народа быстро стало превращаться в рабов-манкуртов, насильственно лишенных памяти и, следовательно, покорных и безопасных. Для сохранивших же потребность исторического самосознания была создана суррогатная версия исторического процесса, основанная на искаженных или оскопленных событиях ушедшего времени. От подхода к истории как к политике, опрокинутой в прошлое (М.Покровский), — до управления прошлым, как непрерывной цепи побед над собственной памятью в результате ежеминутной подгонки прошлого под настоящее (Дж.Оруэлл) — таков диапазон возможностей контроля над временем, продемонстрированный тоталитарными режимами периода торжества казарменного социализма.

Сузилось и реальное пространство человеческого общения, сведенное к паспортно-прописочному, колхозному, а то и концлагерному измерению. Советский Союз для большинства своих граждан на многие десятилетия превратился в подобие города Градова, созданного творчеством гениального писателя А. Платонова: несмотря на то, что этот пункт был связан рельсами со всем миром — с Афинами и Апеннинским полуостровом, а также с берегом Тихого Океана, жители его туда не ездили: не было надобности. А если б кто и поехал, то запутался бы в маршруте: народ тут жил бестолковый.

Возвращение в историю, обретение планетарного пространства и исторического времени, отказ от социального насилия во имя абстрактных, хилиастических грез о всеобщем осчастливливании человечества — таково главное позитивное следствие «антикоммунистических революций» конца XX в., плода исторического поражения радикально-коммунистического социализма.

Но означают ли эти «антикоммунистические революции» прощание человечества с социалистическим идеалом вообще? Попробуем поразмышлять об этом.

Социалистический идеал бессмертен. Он не является выдумкой кабинетных ученых, их доктринной забавой. Мечта о социальной справедливости и защите, равенстве возможностей, об уничтожении эксплуатации, свободе от угнетения, сопровождает человечество на протяжении всего периода его классового развития. Уже в экономическом идеале христианства — «каждому по труду его» — была выражена норма долженствования, ставшая частью основного принципа социализма, позже сформулированного А. Сен-Симоном «от каждого по способностям, каждой способности по ее делам». Необходимо отличать идеалы социализма как цели от доктрины общественного устройства, которое способно реализовать эти цели. Многие века эти доктрины были утопическими, умозрительными, так как не основывались на реальных тенденциях общественного развития: от идеального государства Платона до футурологических прозрений современных утопистов.

Но объединяемые социалистическим идеалом (хотя есть различия и в понимании его содержания) все течения общественной мысли различались между собой предлагаемыми средствами приближения идеала, теми механизмами, которые бы служили одновременно и нравственными императивами и источником реальных изменений общественных отношений. В зависимости от предлагаемых средств выделялись и различные типы социализма. Наиболее ранний из них, христианский, в основе которого этический постулат о приоритете нравственного самоусовершенствования людей относительно изменения общественных структур.

Известно, что христианство в противовес рабовладельческой идеологии совершило духовную революцию, выразившуюся в уравнении (расовом и социальном) всех перед Богом, в новом экономическом воззрении, в центре которого достоинство труда, до того презираемого свободными людьми, как удела рабов и, наконец, в возникновении начал социальной защиты — системы борьбы с бедностью. Для носителей христианского мировосприятия социалистические идеалы — не самоцель, а лишь средство утверждения человеческой солидарности и взаимопонимания. Исторический процесс в таком понимании предстает прежде всего процессом нравственного самоосуществления человека. Евангельская заповедь любви и помощи ближнему требует не только социальной активности в труде, но и заботы о слабых и угнетенных.

Выступая против социальной неправды, христианство все же делает акцент на преодолении социально-психологического и нравственного чувства собственности — привязанности к ней, жадности, стяжательства, эгоизма, обладания и т. д. В этом смысле для христианина социализация средств производства не может быть достигнута устройством социалистического хозяйства. «Надо принципиально отвергнуть этот соблазн, — писал русский философ С. Н. Булгаков, — и признать, что непосредственного разрешения практических задач в виде «общения имуществ» христианство не сулит и что какого-либо

специфического христианского и церковно-общинного социализма не существует и существовать не должно»¹.

Поэтому в центре христианского социального движения находятся не материальные, ограниченно-классовые интересы, не погоня за эвдемоническим идеалом прогресса, а выработка в каждом человеке потребности самоуглубления, накопления духовных, творческих, культурных сил, развития в нем идеальной стороны. Полемизируя с социализмом атеистического толка, Ф. М. Достоевский писал: «Социалисты хотят переродить человека, освободить его, представить без Бога и без семейства. Они заключают, что, изменив насильно экономический быт его, цели достигнут. Но человек изменится не от внешних причин, а не иначе, как от перемены нравственной»². Исходным пунктом такого жизненного взгляда для христиан является самоотверженная готовность Иисуса Христа к отказу от выгод и преимуществ в качестве решающего критерия духовной жизни. «Нагорная проповедь (Матф. 5-7), — пишет советский ученый С. С. Аверинцев, — начинается восклицанием: блаженны нищие духом (или нищие по велению духа...). С неожиданной суровостью осуждена забота о завтрашнем дне: поля к обеспеченному, обставленному гарантиями благополучию (Матф. 6, 24-34)»³. Это, конечно, не означает для христиан отказа от роста материальных потребностей и их удовлетворения, но последнее для них ценно лишь в непосредственной и прямой связи с духовным подъемом, с ростом культуры. Об этом серьезно и глубоко размышляли многие русские писатели и философы — А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев... «Счастье, — утверждал С. Н. Булгаков, — есть естественное стремление человека, но нравственным является лишь то счастье, которое является попутным и не преднамеренным спутником нравственной деятельности, служения добру».

Не мирясь с общественным строем, связанным с насилием и классовой ненавистью, современное христианство стремится к этизации общества, его преобразованию на основе принципов христианского гуманизма, милосердия. Упор на идеи истины, добра и красоты как целей, по отношению к которым социальные движения лишь средства, — в этом суть христианского социализма. Для него свобода человека — результат добровольного выбора, внутреннего самоопределения личности, ее творчества, ибо она (свобода), по словам Н. А. Бердяева, «не может быть приказана и заказана». Приближение к ней всегда эволюционно и имманентно. Христианский социализм опирается на роль и значение личности в преобразовании общественных отношений, на необходимость нравственной победы над чувством собственности.

Не рассматривая специально всех теоретических посылок христианского социального идеала, тесно связанного с мечтой человечества об уничтожении эксплуатации, отмечу, что игнорирование, пренебрежение им и даже часто репрессии к носителям подобного мировоззрения дорого обошлись нашему обществу. Духовный мир был оскор-

бительно сведен к политическому просвещению, которое десятилетиями охватывало все население СССР — от детей, воспитывающихся в дошкольных учреждениях, до пенсионеров. Крах подобной идеологической системы был неизбежен, ибо, как и предсказывали многие философы, у марксистского социализма (коммунизма), восторжествовавшего в начале XX в. в России, в качестве главного, чуть ли не единственного средства строительства нового общества, оставалось только государство — внешняя принудительная организация. Строительство такого общезжития неизбежно должно было породить и породило социальное одиночество, разобщенность, утрату духовной связи, нравственное одичание.

Другой тип социализма — *социал-демократический*, отрицающий неизбежность, скорее неотвратимость революции и сделавший ставку на эволюционно-реформистский путь. «Дедушкой» его был немецкий философ Ф. Лассаль с идеями мирного вращивания капитализма в социализм с помощью избирательного права и надклассового характера государства, постепенно превращающегося в народное.

Отцом же реформизма правомерно считается Э. Бернштейн, впервые обосновавший концепцию демократического социализма. Являясь учеником Маркса и признавая классовую борьбу как объективное явление истории, Бернштейн одновременно призвал социал-демократов сосредоточить основное внимание на реформах как главном средстве перехода к социализму. Его идеи были определены ортодоксальными марксистами (в том числе Лениным) как ревизионизм, или, по выражению Н. И. Бухарина, «убогий, искривленный и в то же время припомаженный обрубок великого пролетарского учения»⁴.

Реформаторская широта, открытость социал-демократии на основе отказа от узкодогматического, доктринального подхода к концепции социализма до последнего времени воспринималась в марксистской среде как аморфность, соглашательство, теоретическое и практическое бессилие, бесхребетность и т. д. Достаточно привести высказывание теоретического органа СДПГ об идейных истоках социал-демократии, которое в советском издании «эпохи застоя» цитируется сугубо в негативном контексте: «Христианское учение об образе человека и его этические требования, права человека, провозглашенные французской революцией, этика и просветительские идеи Канта, гегелевская диалектика, философия истории, марксизм критика капитализма, критический марксизм Бернштейна, теория стихийности Розы Люксембург и критика большевизма, свободный социализм Шумахера, новейшие высказывания Эрнста Блоха, Хоркхаймера и Адорно, Хабермаса, Лешека Колаковского, Милована Джиласа и других — все это, так сказать, следующие друг за другом и взаимодействующие акты сознания демократического социализма, которые сводятся к одному этическому мотиву»⁵.

Казалось бы, что плохого в стремлении опереться в поисках гуманистических ценностей на максимально широкое интеллектуальное богатство и результаты этических поисков человечества? Однако со

стороны марксистских схоластов XX в. следовали обвинения в эклектике, научной несостоятельности, в порочности методологии, нарушении некоей идейной чистоты. Главной причиной такой нетерпимости, даже ненависти к социал-демократии было ее стремление найти третий — не капиталистический и не коммунистический — путь. Путь своеобразного симбиоза с капитализмом, хотя и обновленным, реформируемым, в противном случае народ ждут неизбежные катаклизмы, революционные трагедии. Традиции презрительного отношения к такой «ревизионистской» соглашательской политике ("лакейству перед буржуазией") идут от Ленина. Эти традиции отражали прежде всего своеобразие условий России, нашу национальную психологию, неизбежно влекущую за собой метафизические противоположности — либо многовековую покорность и смирение, либо «пугачевский бунт» и несмеленное строительство земного рая. «Ход русской истории, характеризующийся прогрессивными стремлениями общества и упорной реакционностью власти, — писал задолго до Октября 1917 г. Н. А. Бердяев, — воспитал нас в духе крайностей. Нам все кажется, что либо пан, либо пропад, либо все, либо ничего, либо самодержавие и высочайшая степень экономического гнета, либо республика и социализм. В стихии революции потерялась всякая историческая перспектива. Вкуса к правам, к благам свободы у нас не выработалось. Привычка к угнетению была так велика, что созидание, социальное творчество отступили на задний план, и казалось, достаточно уничтожить эксплуататоров, чтобы стать богатыми и чтобы воцарилась социальная справедливость. Думали достигнуть большего, чем в Западной Европе...»⁶.

Страсть к радикализму ("красный цвет есть лишь отражение синих мундиров") затмила в России позитивное качество социал-демократии — способность к компромиссам, к соединению политики с моралью. Отказ от использования любых средств во имя окончательного разрешения социального вопроса исторически оказалась не слабой, а сильной стороной демократического социализма. И следует честно признать, что в современные достижения стран развитого капитализма социал-демократы, не лишённые пороков и ошибок, внесли свой, достойный вклад.

Социалисты в течение века совершили серьезную эволюцию в сторону от классического марксизма, осуществив три объективно необходимых крупных изменения курса.

Первый из них состоял в предпочтении реформ перед революцией: конец XIX — начало XX в.

Второй — в отказе от директивного планирования и признании рыночной системы хозяйствования. Например, СДПГ в ноябре 1959 г. в Бад-Годесберге объявила себя народной партией, отказавшись от узкоклассовых позиций, и признала рыночный механизм. Одновременно она заявила о полном признании политического строя в ФРГ.

Третий сдвиг — установление пределов государственного вмешательства в общественную жизнь. Так, в новом программном докумен-

те СДПГ, принятом в декабре 1989 г. в Западном Берлине, говорится о том, что государство, проводя в жизнь демократию и социальную справедливость в обществе и экономике, не может решать все общественные проблемы. Кто предъявляет к нему слишком высокие требования, тот способствует бурному расцвету бюрократии, которая работает все менее эффективно и которую трудно контролировать и финансировать. Немецкие социал-демократы решительно выступают против огосударствления общества.

Несколько иную позицию занимают ныне французские социалисты, которые так же, как и немецкие, отрицают возможность с помощью революций преобразовать капиталистическое общество в социалистическое. Считая, что сейчас нет ни одного реального социалистического общества, они выдвигают цель образования «солидарного общества» на основе «развития в духе социализма»: постепенного создания новых равновесий в обществе, организации более гуманных отношений между индивидуумом и государством, между индивидуальными свободами и коллективными институтами, между частной инициативой и общественным вмешательством. Сохраняя оценку государства как гаранта и основы солидарного общества и выдвигая концепцию смешанной экономики (сочетания плана и рынка), французские социалисты главное место в регулировании экономики отводят планированию. Тем не менее они сейчас не имеют программы национализации, рассматривая ее масштабы в зависимости от экономических потребностей. Одновременно осознается необходимость сужения функций государства, которое не может и не должно делать все, претендуя на изменения жизни граждан сверху.

Как видим, у западноевропейских социалистов различных модификаций существуют и разные акценты по поводу национализации, а также решения проблем соотношения плана и рынка с конкуренцией. В принципе это старый спор о возможности планирования в условиях свободного образования цен, то есть рынка. Многие старые социалисты (например, К. Каутский) считали невозможным планирование в условиях капитализма, ибо в этом случае для проведения плана в жизнь государству не оставалось бы иного выхода, как создать наряду с производственным аппаратом огромный полицейский аппарат для надзора за первым.

Сегодня очевидно, что попытки ввести централизованное планирование, то есть разрушить саморегулирование экономики, правила рыночной игры неизбежно приводят к административно-бюрократической болезни всего общественного организма даже в условиях частичной национализации средств производства. Уже при капитализме, с его господством рынка чрезмерное усиление роли государства в жизни общества ведет к нестабильности, росту бюрократии, ослаблению стимулов к труду, деморализации бизнесменов, к замедлению темпов экономического роста, социальному изживенчеству. В обществе, где перераспределяются все сто процентов ВВП, основным способом повышения личного благосостояния станет жульничество в сис-

теме перераспределения — справедливо утверждает советский экономист Б. Пинскер в яркой статье «Бюрократическая химера». «В новом обществе, → пишет он, — социальные и политические, в конечном счете административно-бюрократические механизмы смогут, пожалуй, устранить социальное неравенство между управляемыми, обеспечить сплоченность вокруг общественных кормушек. Но одного решительно нельзя себе представить — чтобы общество это оказалось способным к динамичному экономическому развитию. Построить поражающие воображение пирамиды или грандиозную стену, мону-мент, плотину — да, но обеспечить хотя бы частичное, пусть с отставанием, удовлетворение растущих человеческих потребностей — ни в коем случае. В этом убеждают не только древняя и новая история, но и здравый смысл»⁷.

Такое общество неизбежно будет обществом «перераспределения нищеты» и оно давно существует (у нас по крайней мере более 70 лет). Если в развитых капиталистических странах с бюрократизмом борются с помощью рыночных механизмов, то у нас его полное, всеохватное торжество. Нельзя не согласиться с мнением экономиста В.Селюнина, что в сущности бюрократическая система, командно-административная система, плановая система, реальный социализм — синонимы. И дело тут не в каком-то искажении гуманистической сути нового общества, не во «временных» бюрократических извращениях, с которыми мы сражаемся (в основном резолюциями) все годы советской власти, а в самой природе планово-директивного, перераспределенческого социализма. В основе идеологического обоснования такого социализма лежит предположение о том, что перераспределение обеспечивается на основе принципа социальной справедливости. Но каковы гарантии того, что при перераспределении этот принцип будет соблюдаться теми, кто стоит у общественной кормушки? Естественно, что для перераспределения понадобится огромный аппарат, за которым нужен особый контроль. Да и чем измерить, скажем, потребности, затраты труда и соотнести их с результатами? Подобный проект централизованного коллективизма не был придуман Марксом или его последователями. Одним из первых авторов социализации производительных сил, финансов, когда единственным крупным собственником будет государство, а предпринимателями явятся рабочие ассоциации, был французский экономист Пеккер, выдвинувший эту идею в 1842 г. Но наиболее развернутую систему представлений о новом обществе на основе идеи национальной централизации средств производства, которая была положена и в основу марксистских взглядов, мы находим у учеников Сен-Симона Базара и Анфантена⁸. Ее суть в следующем:

1. Все средства производства сосредоточены в руках государства, имеющего признаки и религиозной общины, ибо их государство одновременно и церковь. Распоряжение этими средствами производства осуществляет централизованное государственное учреждение, с которым связаны учреждения областные и более мелкие территориально.

2. От местных организаций будут поступать сведения о величине и характере национального спроса. Центральная организация будет распределять средства производства между местными организациями на основе ежегодного национального бюджета. Отсюда стройная организация всего национального хозяйства, полное единство плана и подчиненность частей, соответствие между национальным производством и национальным потреблением.

3. Во главе социального организма стоят руководящие лица, обязанность которых состоять в том, чтобы каждому указывать именно то место, которое ему больше всего соответствует и в его личных интересах и в интересах других. Совокупность работников образует иерархию, в которой будут высшие и низшие, начальники и подчиненные. Принцип распределения — «от каждого по способностям, каждой способности по ее делам».

Чем не идеал, воплощенный в структуре, скажем, советского общества? Стройная система государственной машины, состоящей из правительства, ведомств, все регулирующего Госплана с госбюджетом и т. д. Но почему-то при воплощении этот идеал не только не воплотил мечты Сен-Симона и его учеников — обеспечить всем людям наиболее свободное развитие их способностей — но, наоборот, привел к созданию тоталитарного общества, где были растоптаны свободы человека. Просчет был в главном — в незнании природы человека, ее идеализации, ибо зиждется такая умозрительная система на авторитете, добровольном подчинении людей низших умственных и нравственных способностей людям высшего таланта и высшего нравственного сознания. Отсюда никаких привилегий, только полная оплата за личные заслуги. Но кто будет классифицировать людей по сортам — низшие и высшие? Кто, в свою очередь, сможет определить нравственную высоту самих классификаторов? Да и каковы вообще нравственные основания для воплощения в жизнь такой системы общественной жизни, с неизбежностью порождающей политическое да и идеологическое насилие над человеком?

Вряд ли мы найдем принципиальные отличия в сути марксового видения будущего общества от описанного выше проекта Сен-Симона и его учеников. «*Национальная централизация средств производства* станет национальной основой общества, состоящего из объединения свободных и равных производителей, занимающихся общественным трудом по общему и рациональному плану»⁹, — писал Маркс. Различия были лишь в способах перехода к такому общественному организму, в более глубоком осознании авторами теории научного социализма системного и естественно-исторического развития общества, в строгом формационном разграничении исторического процесса, в указании на пролетариат, как на ту социальную силу, которая явится субъектом окончательного устроения человечества. Однако марксизм явился законным преемником рационализма и так же, как и его предшественники-утописты, стремился к созданию законченной и стройной картины будущей общественной организации, хо-

тя и отказывался от ее детализации. Общее было в претензиях не только на роль учителей человечества, но и на роль радикальных реформаторов самих основ общественной жизни. Правда, марксизм был противоречив: признавая закономерности общественного развития, невозможность для любого народа «перескочить» объективные, естественные фазы, он считал возможным с помощью революции «помочь» переходу от одной формации к другой. Утопические идеи Маркса и Энгельса о нетоварном и самоуправляемом коммунизме объективно вели к обществу с внеэкономическим принуждением. Видимо, опасаясь этого, они из своей доктрины будущего общества исключали и государство, обосновывая его отмирание.

Маркс и Энгельс пренебрегли цивилизующей ролью частной собственности, необходимостью саморегуляции в общественном развитии и преувеличили значение рационального, планомерного регулирования на основе национальной централизации средств производства. Политическая тенденциозность вождей рабочего класса привела их и к иллюзии о готовности классического капитализма для перехода к новому типу общественного развития, исчерпанию им источников прогресса.

Тогда (в XIX в.) казалось, что для устранения эксплуатации достаточно революционной экспроприации средств производства, утверждения государственной собственности.

*Будет день,
Пожар всехсветный,
чистящий и чадный.
Выворачивая богачей палаты,
будьте так же,
так же беспощадны
в этот час расплаты!*

(Маяковский)

Очень важно помнить о двух обстоятельствах подобной надежды на окончательное освобождение. Во-первых, Маркс и Энгельс ошибочно полагали, как и большинство тогдашних экономистов, что управленческий труд — труд непроизводительный. Следовательно, устранение частной собственности создаст основу для ликвидации прежнего социального разделения труда, при котором происходит монополизация материальных и интеллектуальных плодов общественного развития теми общественными слоями, которые управляют. В этом причина взаимосвязи их идей о самоуправлении и нетоварном производстве. Во-вторых, они никогда не считали огосударствление или «национальную централизацию средств производства» окончательным идеалом, своего рода финальным актом обобществления. Наоборот, поскольку самоуправление должно было сменить государство-паразита, то и вначале государственная собственность должна была стать общественно-индивидуальной. Приведу цитату из ра-

боты Маркса, на которую сейчас многие ссылаются в полемике. «Капиталистический способ присвоения, — писал он, — вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства»¹⁰. Но каковы должны быть механизмы реализации такой индивидуально-общественной собственности? Об этом мы не найдем ни слова в работах основоположников теории нового строя. Поиски механизма создания такой собственности возлагались на поколения, которые начнут непосредственный переход к новому обществу.

Сегодня нельзя пройти мимо многообразия путей к социализму, существующих в современной цивилизации. Марксизм, давший ряд ответов на запросы человечества, не может претендовать на окончательный вердикт судьбе человечества, на законченную ее картину.

Наряду с плодотворными положениями, подтвердившимися на практике, марксизм имел и исторически ограниченные, а то и утопические идеи. Он недооценил возможностей капитализма к реформистскому движению к социализму, хотя когда-то и высказал мысль о том, что буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Марксизм абсолютизировал роль классовой борьбы и диктатуры пролетариата, проявил нигилизм по отношению к буржуазной демократии как плоду завоеваний трудящихся, оставил на периферии своего внимания социально-психологические и нравственные аспекты развития общества. Конечно, нельзя последующую вульгаризацию марксистского наследия, нетворческое, догматическое отношение к нему списывать на классиков, но надо признать, что сейчас *терпит крах как раз коммунистическая версия социализма*, первым симптомом которого была трагедия «восного коммунизма».

Опробовав марксову модель во время «восного коммунизма», Ленин начал ее ревизию, которая не была им завершена. Во-первых, этому помешала смерть вождя революции. Во-вторых, Ленин до конца жизни полагал, что предпринятое им отступление от непосредственного распределения продуктов на основе коммунистических принципов к товарно-денежным отношениям вызвано специфическими условиями России, где многомиллионная масса мелких товаропроизводителей нуждалась в рынке. «Если бы мы, — писал он, — имели государство, в котором преобладает крупная промыш-

ленность, или же, скажем даже, не преобладает, но очень сильно развита, и очень развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен»¹¹. Ленин открыто и прямо говорил в связи с новой экономической политикой о возвращении к капиталистическим (хотя и регулируемым пролетарским государством) отношениям.

В-третьих, поставленная Лениным проблема противоречия между сложившейся командно-административной системой периода военного коммунизма и рождающимися новыми экономическими механизмами так и не была разрешена.

В-четвертых, реалистической (не утопической) законченной модели общественного устройства вообще быть не может. Любая общественная система открыта (в большей или меньшей степени) для влияния извне и для внутренней эволюции. Претензии на завершенность проекта «окончательного устройства» человечества всегда метафизичны и чрезвычайно опасны для народа в случае попыток его воплощения в жизнь. Эти попытки неизбежно оборачиваются идеологическим и политическим насилием над человеком и обречены на поражение, на национальную катастрофу. Может быть, именно непонимание этого и привело большевиков к историческому поражению. Монополизация ими истины, романтическая жажда рационализации социальной жизни обернулись ее милитаризацией, использованием полного набора неэффективных, да и безнравственных средств. Несмотря на признание неудачи и даже ошибочности политики военного коммунизма, на возвращение к здравому смыслу, у Ленина и его соратников осталась главная черта большевизма — *воля к абсолютной власти, которая стала самодовлеющей и определяющей их поведение*. Вера в свое изначальное право на господство над народом, право на бесконечные социальные эксперименты, подкрепляемая идеей коммунистического мессианства, была характерна для всех большевиков без исключения. Оправдание тоталитарного зла, военно-политической диктатуры обеспечивалось иррационально-утопической идеей переделки человечества, лежащей в основе коммунистической доктрины. Эта, по сути преступная, идея отрицала внутреннюю свободу человека, его нравственные начала и нуждалась для своего воплощения в диктатуре, в государственной тирании. Новая система эксплуатации, новые формы классового угнетения, даже более жестокие, чем прежние, были неизбежны, хотя, подчас, и неожиданны для революционеров-романтиков. Отсюда искренняя борьба с бюрократией, с якобы извращениями пролетарской природы власти. Это была бесплодная и непрерывная борьба с фундаментальным свойством утверждающегося строя, выдаваемым за его деформации. И первым борцом с вызванным собственными усилиями врагом — бюрократизмом — был Ленин, осознавший лучше многих своих соратников грозную опасность новой беды: вместо государства вооруженных рабочих, самоуправленческой ассоциации возникло госу-

дарство чиновников. Произошло обратное тому, о чем он писал до Октября.

Произошло то, что предрек поэт М. Волошин:

*Они пройдут — расплавленные годы
Народных бурь и мятежей;
Вчерашний раб, усталый от свободы,
Возрощется, требуя цепей.
Построит вновь казармы и остроги,
Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдет молчать в свои берлоги,
Работать на полях, как вол.*

Таким образом, марксисты были правы, когда утверждали, что отрыв производителя от средств производства создаст отчуждение, является основой для эксплуатации, стихии и т. д. Но оказалось, что формальное обобществление (национализация) средств производства придает отчуждению еще большие масштабы, так как неизбежно усиливает бюрократизацию как форму общественных связей, заменяющую рынок. Одним из первых понял это М. Вебер, отмечавший, что социалистическое общество неизбежно приобретет черты государственно-монополистического капитализма, т.е. доведет до логического конца извращение целей и средств, начатое в условиях позднекапиталистического общества. Внешние блага этого мира приобретут всевозрастающую и в конце концов неотвратимую власть над людьми. Произойдет окончательная «аппаратизация культуры», общество оцепенет в «механизированной окаменелости», а объектом манипуляции станет человеческая мысль и поведение. По М.Веберу, социалистическое общество — несвободное общество, «потому что всякая борьба с государственной бюрократией бесперспективна и потому что нельзя призвать на помощь ни одной принципиально выступающей против нее и ее власти инстанции... Государственная бюрократия, если бы исключить частный капитализм, господствовала бы одна, действующие в настоящее время наряду друг с другом и в меру своих возможностей друг против друга, следовательно, постоянно держащие друг друга под угрозой частные и общественные бюрократии слились бы тогда в единую иерархию. Подобно тому, как это было в Египте или в древние времена, только в несравнимо более рациональной и потому неизбежной форме»¹².

Наученные горьким опытом многих десятилетий, сейчас мы бы добавили: и в жестокой до бессмысленности форме. Кроме того, в отличие от М. Вебера, хочется надеяться на перспективу преодоления государственной бюрократии, ибо, во-первых, сила, выступающая против нее, — не отдельные инстанции, а большинство народа, безмерно уставшего от нищеты, произвола и насилия, во-вторых, можно опереться на возрождение экономической многоукладности, вытекающей из реставрации многообразия форм и субъектов собственности.

Правы, абсолютно правы экономисты, утверждающие, что при социализме «анархию рынка» (так изруганную марксистами) государственная монополия заменила анархией управления, а народ снова оказался ни с чем. Поскольку социализм не поддается реформам без ломки жесткого тоталитарного каркаса, в основе которого принцип *насильственной ликвидации права частной собственности на средства производства*, пишет советский экономист И. А. Неслипа, поскольку он в тупике потерял способность развиваться, двигаться, дышать и с ослаблением насилия начал разваливаться. И совершенно резонно делает вывод — у тупика есть только один выход — э т о в х о д! ¹³. Иначе говоря, надо прежде всего вернуться к многообразию форм собственности: частной, государственной, коллективной (акционерной и кооперативной), национальной и интернациональной.

Однако экономическая свобода, основанная на плюрализме собственности, неприемлема для тех, кто отождествил себя с прежними социально-экономическими и политическими структурами. Зачем, скажите, нужны будут раздутые райкомы и обкомы партии, обюрокращенные профсоюзы, гигантское число министерств арендаторам, фермерам, индивидуальным предпринимателям, хозяевам акционерных предприятий? Не потому ли с таким трудом пробивают себе дорогу новые формы собственности, что чиновники им оказывают сопротивление не на жизнь, а на смерть? В недавней публикации «И.А.Бенедиктов: о Сталине и Хрущеве» ее автор В.Литов от имени одного из бывших крупных функционеров говорит: «Главный источник наших бед — резкое снижение уровня партийно-государственного руководства, забвение гениальных заветов Ленина о подборе кадров и проверке исполнения как основном, решающем инструменте партийного влияния». Даже Берия под пером ретивого журналиста вырастает во вполне достойного представителя большевистского стиля управления со свойственными ему железной дисциплиной, постоянным контролем, максимальным напряжением сил... Берию, пишет Литов, хотя порой и опускавшего дубинку на головы честных людей, ошибавшегося (с кем не бывает?), Сталин использовал с пользой для социализма — «из руководителей всех рангов выбивалось разгильдяйство, ротозейство, беспечность и другие наши болячки, которые Ленин весьма точно окрестил «русской обломовщиной» ¹⁴.

Современный французский предприниматель Алекс Москович долго задавал себе вопрос, когда впервые приехал в СССР в 1966 г.: как этот бардак мог победить немецкую организацию? И нашел ответ — может быть, причина в том, что в каждом звене советской армейской структуры были люди, наделенные правом расстрела? Думаю, Москович несколько ограничивает масштабы подобного права — оно способствовало и «успехам» в области индустриализации и коллективизации. Долго еще страх перед властью (несмотря на осознание многими мысли русского поэта О. Мандельштама: «власть отвратительна, как руки брадобрея») будет движущей силой трудовых подвигов советского народа. Но было бы антиисторическим вывертом

полагать, что только страх двигал народом. Кроме искреннего желания могущества родины, существовала и существует у некоторых его представителей и психология холопов, мечтающих о плетке хозяина. Ностальгия по расстрелам, как и по военно-казарменному типу труда и жизни, сохранилась до сегодняшнего дня у тех, кто, как и многие авторы «Молодой гвардии», считает, что ориентация на прибыль, товарно-денежные отношения, возрождение рынка в наших условиях крайне вредна и опасна. Что толку им доказывать, что нынешняя нищета нашего народа (41 млн. человек — 14,5% имеют доход ниже прожиточного минимума), разоренные деревни, пустые прилавки магазинов, убогое социальное обеспечение и здравоохранение, драматизм с жильем и прочие наши «исторические преимущества» перманентны и есть главные плоды прежней, безрыночной экономики? Несмотря на десятки миллионов расстрелянных и заключенных в концлагеря, на то, что в 30-40-е годы советские люди ели менее сытно, чем в 20-е годы (нужно ли упоминать о питании миллионов зеков, о голоде в начале 30-х гг. и послевоенном?), несмотря на жилищный кризис (в 1940 г. на каждого городского жителя было почти в 1,5 раза меньше полезной площади жилья, чем в середине 20-х годов)¹⁵, на утрату свободы и права на жизнь, такого рода мыслители утверждают: В своей основной массе советские люди были довольны жизнью и с оптимизмом смотрели в будущее, верили своим руководителям¹⁶. И вот эту идиллию нарушили: вначале Хрущев с его реформами, затем Горбачев с радикальной перестройкой.

Единственное, с чем можно согласиться в утверждениях неосталинистов, — не надо валить все грехи и беды на Сталина и его компанию. Как бы ни были масштабны их злодеяния, они оказались возможны лишь в условиях тоталитарной системы.

В конце XX в. становится все более очевидным, что система распределительного социализма неэффективна, нуждается в огромном полицейском аппарате как для принуждения к труду, так и для (во многом показного) контроля над теми, кто распределяет общенациональный пирог. Все оказываются в рабской зависимости от барского расположения последних. Любая подобная модель неизбежно порождает диктатуру «сталинского» типа, культ вождя, абсолютный произвол власти, бесправие личности, низкий жизненный уровень трудящихся, карточное распределение всех ресурсов, нивелирование интересов, закрытость, непрерывную апелляцию к идеологическим стимулам к труду, стагнацию развития, нереструктурируемость его в условиях сохранения прежнего политического режима и руководства, неспособность к достойному включению в процессы мировой экономики и культуры. Такими были режимы Мао Цзедуна, Чаушеску, Цеденбала, Живкова, такими остаются режимы Ким Ир Сена, Алии, Кастро. Близки им, несмотря на более высокий жизненный уровень, были режимы Хонеккера, Тито, Гусака, Кадара и Герска.

Выход из этой системы в деэтизации, в последовательном демонтаже всех ее структур. Этот демонтаж потребует времени, поисков адекватной стратегии и тактики и, конечно, цены. Предстоит трудный период в нашей истории — смена парадигм развития.

Трудность эта усугубляется тем, что по существу задача перехода к рыночному хозяйству возложена на бюрократические круги, не желающие рубить административно-директивный сук, на котором они сидят. Они объективно заинтересованы в крахе перестройки, ее дискредитации. Народ, измученный инфляцией, нехватками даже обычных, повседневных товаров, стремительно разочаровывающийся в перестройке из-за отсутствия материальных результатов стоит сейчас перед выбором — требовать либо возвращения к прежней, административно-командной системе, либо углубления и ускорения происходящих перемен. Сложившуюся ситуацию в СССР можно образно представить так: хирург начал операцию, сделал надрез, посмотрел на большие органы, затем пошел перескучить, пообедать, надолго забыв о больном. Поскольку в любом случае операция уже начата, так как альтернативы хирургическому вмешательству не было и быть не могло, операцию надо завершать. Необходимы более решительные шаги по пути рыночной экономики. Однако, мне кажется, препятствием к этому является не столько кризис и невозможность в его условиях перейти к свободному образованию цен, к немедленному введению конкуренции (с чем, конечно, надо считаться), сколько *желание найти третий путь* — взять все лучшее у рыночной (читай, капиталистической) экономики и пересадить в нашу директивно регулируемую систему. Отсюда непрерывные клятвы в приверженности социализму, идеалам Октября 1917 г. При этом почему-то право на выбор (на суверенитетский) за нынешним поколением отрицается, как будто бы Октябрь 1917 г. не потерпел поражения, оставив только иллюзию социалистического облика нашего общества. Одновременно никто из клянущихся принципами социализма не уточняет — в чем же суть идей Октября? Что подразумевается под «социалистическим выбором»? Планируемая нищета и директивно регулируемая катастрофа?

Да, на уровне лозунгов все в порядке: власть — Советам, фабрикам — рабочим, земля — крестьянам, мир — народам, свободное самоопределение — нациям. И, конечно, социальные права — на труд, образование, здравоохранение... Правда, отсюда неясно, почему эти лозунги сохраняют свою актуальность и через семь десятилетий, являясь, с одной стороны, «опорными пунктами перестроечного мышления и морали», как это обозначено, в Платформе ЦК КПСС к XXУШ съезду, а, с другой стороны, представляют «реальный вклад партии и народа в прогресс собственной страны и всего человечества». Могут ли выдвигаемые цели, за которые еще надо бороться, одновременно быть уже воплощенными?

Но, главное, можно ли провозглашать многообразие форм собственности как экономической основы свободы граждан, реального вы-

бора работником форм и способов приложения своих способностей, гарантий интересов и прав потребителя, начисто исключая частную собственность с наймом работников, всегда являющуюся самым мощным стимулом человеческого прогресса? Видимо нам недостаточно оказалось сравнительного опыта ГДР и ФРГ, Южной Кореи и КНДР, ЧССР и Австрии, Прибалтики и Финляндии, Болгарии и Греции, Китая и Тайваня, Вьетнама и Таиланда. Да и неужели собственная беспомощность в решении лавины проблем ничему не научила? И что это за странный гибрид «планово-рыночная экономика», попытки создания которой мы наблюдаем сегодня в СССР? Вновь сверху утверждается, что современное производство невозможно без централизованного планового воздействия на его развитие. Правда, на сей раз это воздействие связано с новыми для нас методами (через цены, налоги, проценты, кредит, платежи и т. п.) и иными границами (решением лишь стратегических задач — крупных научно-технических структурных программ, инфраструктуры, экологии, налоговой политики, вопросов социальной защиты и т. п.).

Все это, конечно, можно только приветствовать, если это будет сопровождаться отказом от тотального, директивного планирования и заменой его прогнозированием. Пока же, как известно, продолжается подготовка проекта XIII пятилетнего плана, на которую затрачиваются большие средства (интересно было узнать цену подобного планирования). «Нежелание отказаться от концепции пятилетнего планирования вызвано, видимо, привычкой, а также необходимостью занять огромную армию чиновников-плановиков, — справедливо пишет экономист из г. Горького В. Тарасов. — Планирование в СССР несет и чисто идеологические функции. Принятие планов, всевозможных программ, шумиха по их поводу позволяют снимать на какое-то время социальную напряженность. Когда же эйфория, связанная с принятием очередного плана, спадает, принимаются новые планы. Все это напоминает поведение алкоголика, который, чтобы снять тяжесть после попойки, затевает новую. Пора, стиснув зубы, пережить период похмелья и окончательно протрезветь»¹⁷.

Авторы Платформы ЦК КПСС боятся таких крамольных мыслей и указывают нам на использование планирования в других странах, в том числе в капиталистических. Но вот что говорит государственный секретарь по вопросам планирования при премьер-министре Франции, страны, осуществляющей уже X план, Л. Столерю, отвечая на вопрос, в чем различие планирования в СССР и в его стране: «Разница — в характере двух систем, а не только в объеме частной или государственной собственности. Есть целый взаимозависимый комплекс, который определяет: либо это рынок, либо это планируемая экономика. Такой комплекс включает прежде всего систему ценообразования, она-то является той самой границей, которая отделяет одно от другого. Есть и другие различия: право собственности, денежный рынок, процентные ставки, открытость по отношению к внешним капиталовложениям и т. д. Одним словом,

имеются две совершенно различные системы, образующие каждая единое целое, и поэтому вы находитесь либо в одной, либо в другой, но никоим образом сразу в двух»¹⁸.

Рынок, допуская индикативное планирование, не совместим с директивным, указующим перстом некомпетентного бюрократа — он эффективен лишь в соответствующей экономической системе, где свободно конкурируют разные формы собственности, хотя и действует антимонопольное законодательство.

Эту системность экономических отношений, определяемую господствующей формой собственности, выделяет и советский экономист С. Родин. В статье «Несколько аксиом», посвященной критике проекта Закона о собственности по поводу допускаемого ее плюрализма, он убеждает читателей «Советской России» (17 янв. 1990 г.), что при сохранении государственной собственности всего лишь на уровне 30%, о чем говорил Н. И. Рыжков, частная собственность неизбежно перерастет в частнокапиталистическую, а последняя в государственно-монополистическую, как во Франции, Швеции и в любой другой буржуазной стране. Странно нас страшить тем, что давно существует в СССР: государственно-монополистической собственностью. Правда, у нас она носит почти абсолютный характер в отличие от Запада, где она — элемент системы конкуренции, и не дает тех преимуществ, с которыми связывают там определенные социальные гарантии или социальные амортизаторы, предполагающие перераспределение части национального дохода с целью ослабления негативного воздействия на общественные отношения экономической дифференциации общества. Курс на развитие системы социальных амортизаторов особенно интенсивно проводился в 60-е и первой половине 70-х гг. К 70-м гг. практически во всех странах развитого капитализма сложились эффективные системы пенсионного обеспечения, страхования по безработице, охраны здоровья, основанные на долевым финансировании за счет взносов застрахованных предпринимателей и государства. Разумеется, это не означает, что в странах развитого капитализма нет социальных проблем. Но они решаются более успешно, чем в странах нового строя, чем и объясняется, например, непрерывная эмиграция в страны «эксплуататорского» строя и желание большинства населения ГДР избрать систему ФРГ.

С. Родин прав, говоря о том, что, допуская плюрализм собственности и рынок, мы утрачиваем свое кардинальное отличие от капитализма. Но зачем же пугать нас, что из-за этого мы получим рыночную экономику, а вместе с ней и то, о чем он знает из пропагандистских книжек 50-х годов: массовую безработицу, пособия, бесплатную тарелку супа, бесплатные (за счет благотворительных фондов кооперативов и частных) ночлежки и совсем бесплатную возможность для бездомного провести ночь на скамейке сквера или городского парка. «Типичная картина буржуазного рая, — пишет он, — стала осязаемой перспективой перед страной, совершившей гигантский скачок от отсталости благодаря народнохозяйственному планированию —

величайшему достижению человеческой цивилизации. И добровольно отказывающейся от него с принятием закона о собственности!»

Можно только поражаться тому, как ухитрился зав.кафедрой экономической теории Высших экономических курсов при Госплане СССР (!!) не заметить открываемые в последнее время ночлежки в СССР, благотворительные столовые с бесплатной чашкой супа, многомиллионную безработицу, милостыни в виде инвалидных колясок, лекарств, продовольствия, что шлют нам из стран Запада. Да только ли это обеспечил богатейшей по ресурсам стране мира «гигантский скачок от отсталости» (автор, почему-то не пишет к чему скачок?) благодаря планированию — гордости наших экспериментаторов над «человеческим материалом». Несмотря на разоренную, нищую страну, до сих пор идет борьба между теми, кто осознает полную несостоятельность прежней социально-экономической и политической системы, то есть общественного строя, и теми, кто все еще (искренне или лицемерно) утверждает, что строй-то хорош, да строители подвели. Надо, мол, всего лишь избавиться от деформаций и все будет в порядке. Вместо того, чтобы честно признать непригодность избранного проекта общественного устройства, нивелляторы-политики типа «хождения в струне», «бараньего рога» в купе с нивелляторами-учеными, на протяжении десятилетий разорявшие страну и рассуждавшие о непрерывном росте благосостояния масс, продолжают балаболить о преемственности развития, о приверженности выбору и идеям Октября. Они ведут себя как изображенный сатириком помпадур, который приказывал сечь на станциях ямщиков, объясняя своему спутнику-иностранцу, что это наш способ давать на чай.

Думаю, что честнее и мужественнее многих остепененных экономистов выразил свое отношение к нашей системе В. Селюнин, заявивший: «Если мы чему-то способны учиться у жизни, то важнейший урок прожитых нами четырех лет перестройки в следующем — плановая система управления изжила себя. Она не в силах обеспечивать даже количественный рост производства, а ведь это относительно простая задача. По объему валового национального продукта мы занимаем в лучшем случае седьмое место в мире — впереди нас США, Япония, ФРГ, Франция, Англия и Италия, за спиной дышат Испания и Канада. Вот так — в 1913 г. были на пятом месте в мире, теперь откатились на седьмое, отдав на заклятие столько жертв. По уровню жизни (по так называемой потребительской корзине) мы скатились к сорок пятому — пятидесятому месту в мире. Тем менее плановая система может обеспечивать структурные подвижки в народном хозяйстве, переход к интенсивным способам развития, товарно-денежную сбалансированность, достойный уровень жизни. Планируем одни пропорции, на деле получаем другие. Сбываются лишь те планы, которые ратифицируют, одобряют самопроизвольные экономические процессы, развивающиеся, как правило, в губительном направлении. Это иллюзия управления — события и без плана шли бы туда же»¹⁹.

Вновь и вновь распространяются иллюзии по поводу каких-то особых социалистических товарных отношениях, каком-то невиданном доселе социалистическом (плановом) рынке, в условиях которого не будет минусов капитализма. До сих пор широко распространены у большой части населения страх перед наемным трудом, эксплуатацией, страх перед частной собственностью. А доводы по поводу того, что все эти явления в принципе неустранимы из человеческой жизни, что можно говорить лишь о мере их развития, смягчении, ограничении, введении социальных амортизаторов, как во всех цивилизованных странах, медленно воздействуют на скованное догмами общественное сознание и то лишь благодаря постепенному осознанию, что надо что-то делать, надо выходить из кризиса. К счастью, сегодня можно сказать, что это общественное сознание уже далеко не однородно. Многие начинают понимать, что там, где эффективнее экономика, где растет благосостояние, там и происходит подлинная, а не мнимая социализация. Постепенно утверждается мысль, что движение человеческого общества к социализму не есть захват власти и строительство нового общества по определенной, искусственно созданной схеме. Это движение представляет собой мировой процесс трансформации цивилизации на гуманистических началах, в котором развитые капиталистические страны по ряду показателей ближе к «зрелому социализму», чем так называемые социалистические общества.

В случае (не так уж невозможного) поражения перестройки сохранится неэффективная, громоздкая централизованно-директивная модель нового общества, слегка скорректированная псевдорыночными механизмами. Трудное, если не драматическое становление кооперативного движения, отказ от признания частной собственности, равноправной с коллективной, нежелание понять необходимость торгового капитала как самостоятельного звена рынка могут, к сожалению, превратить перестройку в вариант косметического ремонта прежней системы, зашедшей в тупик. Основным препятствием социально-психологического свойства в деэтатизации общественной системы сталинистского типа является консерватизм части народа, притекающий из псевдосоциалистических иллюзий, замешанных на сочетании традиций России, связанных с азиатским способом производства и коллективистских догм марксистской доктрины, к тому же вульгаризированно истолкованных. Но можно ли бросать упреки народу в консерватизме, если только сейчас он начинает получать правдивую информацию о том, как живет цивилизованное человечество и к какой катастрофе подвела нашу страну власть? «С консерватизмом народа бороться труднее, чем с консерватизмом трона и амвона... — писал русский мыслитель XIX в. А.И. Герцен, — народ — консерватор по инстинкту, и потому, что он не знает ничего другого, у него нет идеалов вне существующих условий... Он держится за удручающий его быт, за тесные рамы, в которые он включен — он верит в их прочность и обеспеченность. Не понимая, что эту прочность он-то им и дает.

Чем народ держится дальше от движения истории, тем он упорнее держится за усвоенное, за знакомое. Он даже новое понимает только в старых одеждах»²⁰

Но, надо признать, что так бывает не всегда, ибо народ таит в себе способность к творчеству нового, оказывается принужден обстоятельствами к радикальным переменам, к сбрасыванию сковывающей его силы оболочке. И перемены эти всегда начинаются с борьбы за власть, различные проявления которой мы видим сегодня в бурном политическом половодье.

* * *

Наш путь к демократическому, гуманному обществу был отягощен историческим выбором маргинального пути, навязанного большевиками России, ее социальным одиночеством и войнами, ошибками и заблуждениями, идеологическим самодовольством и политическими преступлениями. Но реформаторы общества в СССР надеются на то, что тоталитаризм и социалистическая лжерелигия, с которыми они решительно размежевываются, не закрыли для советских людей возможности движения к мировой цивилизации. Однако ренессанс общечеловеческих идеалов (в том числе религиозных) будет победоносным при условии использования полноты международного опыта, при условии нашего отказа от своей избранности и мессианства.

Вновь на политической арене у нас появились кадеты и либералы, христианское движение, монархисты и социал-демократы...

Естественно, что последние привлекают особое внимание. Есть ли у них шансы вернуть социалистической идее привлекательность и плодотворность? Не знаю.

Трудно прогнозировать даже ближайшее будущее возрождаемой социал-демократической России. Общественная усталость от большевистской узурпации власти, земли, свобод, оправдываемая лжемессианским мировоззрением, бросает тень и на эту попытку стать самостоятельным знаком общественного пробуждения. Социал-демократия неизбежно будет нести шлейф чужих преступлений, ибо со словом социализм навсегда связана самая страшная страница человеческой истории. Либерализм одержал блистательную победу над идеей социализма — это правда. Даже если помнить, что поражение потерпела лишь коммунистическая версия социализма, одна из форм социальной чумы, которой прежде всего переболела наша Россия.

Но ненависть к коммунистическому прошлому не может служить мостом к будущему. Победа есть плод любви — утверждал А. Сент-Экзюпери. Вспомним и слова великого Эд. Бернштейна о том, что социализм по своему духовному содержанию не только преемник либерализма, но и его законный наследник. Более того, можно утверждать, что подлинный социализм — это конструктивный, регулируемый либерализм. Либералы и будут естественным союзником социал-демократии в борьбе за гуманизацию общества, как и другие ре-

лигиозные и демократические партии. Силой социал-демократии должна стать не самодовлеющая воля к власти, а солидарность в борьбе за интересы народа, способность к компромиссам, не узкокорыстные кастовые или классово-групповые мотивы, а общечеловеческое стремление к этизации общества.

Стать связующим центром между массами с их жадой социальной защиты, растоптанной властью, лишенной какой-либо морали, и либерализмом, выражающим стремление человечества к свободам — миссия социал-демократов. Эту политическую нишу никто кроме них не займет. Будем оптимистами — вслед за Гегелем воспримем коммунистическое рабство как шаг к свободе. Однако не забудем, что этот шаг еще не завершен, ибо многие (и наверху, и внизу) все еще живут просроченными векселями коммунизма. Поэтому призыв к компромиссам означает не отказ от борьбы за возвращение свободы, а придание ей цивилизованных форм.

Примечания

- 1 Булгаков С. Н. Два года. Исследования о природе общественных идеалов. М., 1911, т. 1, с. 231—232.
- 2 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 20. Л., «Наука», 1980, с. 171.
- 3 Мифы народов мира в 2-х т. Т. 1. М., 1980, с. 493.
- 4 Бухарин П. И. Борьба за кадры. М., 1926, с. 3.
- 5 Что такое «демократический социализм»? М., Политиздат, 1979, с. 17—18.
- 6 Бердяев Н. Опыты философские, сочинительные и литературные. 1900-1906 гг. С.-П., 1907, с. 388.
- 7 «Знамя», 1989, №11, с. 187.
- 8 См. об этом: Туган-Барановский М. Общественно-экономические идеалы. С.-П., 1913, с. 65-66.
- 9 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 57.
- 10 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 773.
- 11 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 79.
- 12 Weber M. Gesammelte politische Schriften, Munchen, 1921, s. 151.
- 13 См.: Нелипа И.А. Перестройка или начало конца? — Даугава, 1989, N 11, с. 86.
- 14 См. «Молодая гвардия», 1989, № 4.
- 15 См.: Гордон Л. А., Клонов Э. В. «Что это было?». М., 1989, с. 98-116.
- 16 «Молодая гвардия», 1939, N 4, с. 14.
- 17 Известия, 1990, 8 фев.
- 18 Там же, 15 фев.
- 19 Селюнин В. Черные дыры экономики. Новый мир, 1989, с. 165.
- 20 Герцен А. И. Собр. соч. в 8 т., М., 1975, т. 8, с. 339.

Теневая экономика: враг, друг...?

*«Нам вехой — наша тень,
Чтобы с пути не сбиться»
(Б. Л. Пастернак)*

Петроград. 1919. Март. Голод и холод революции. Митинги, митинги, митинги. На трибуне Максим Горький: «Когда русскому человеку особенно плохо живется, он обвиняет в этом жену, сестру, погоду, бога — всех, кроме себя. Такова русская натура»¹. Образ врага. Сколько изощренной выдумки, бессонных ночей, потерянного здоровья — и все, чтобы десятки лет он маячил перед народом. Не расслабляться, не задумываться, шаг вправо — шаг влево... Враг не дремлет! Где там понять себя?! И вот — ветер перемен. Казалось бы теперь на этом поставлен крест. Ан, нет — дружными усилиями политиков, юристов, экономистов изваяли нового истукана — теневую экономику. Вот от кого все ваши беды! Ату ее, ату!

Как не понять политиков, что взвалили на себя отеческие заботы о перестройке? Оправдать бы неудачи ее первых неверных шажков, унять нетерпенье тех, кто заждался кормильцев. Ведь младенец еще, а они: Почему опустел прилавок? Где обещанное жилье? Кто съел мой кусок пирога?... Вопросы, вопросы, вопросы. Поди ответь на все. Можно догадаться и что движет оппонентами этих политиков: ведь одной кашей кормлены, одним молоком поены. И почему в том Иван с Петром за одним столом, хоть в чем другом стул друг из-под друга так и норовят выдернуть, — не секрет. Хочешь признания масс — лей бальзам, расточай сезам.

А что же юрист, ему-то какой резон? — спросите вы. Ну, от юриста до политика — один шаг. Это мы видели. Профессионал же дело свое числит главным для спасения отечества и задачи ищет достойные этого: нас украшают враги наши. А тут такой монстр — теневая экономика! Что там теорема Ферма против задачи Гурова! И вот уже наши новые думцы, подогретые сенсационными разоблачениями прытких журналистов, соревнуются, кто громче проклянет ее. Однако, когда экономисты присоединяют свой голос к этому хору, к призывам ликвидировать теневую экономику, преодолеть ее, к требованиям, чтобы этим занялись правоведа как одной из ближайших задач, — тут уж остается только диву даваться.

Воистину, «каждый принимает конец своего кругозора за конец света»².

С птичьего полета

Что же это за зверь такой — теневая экономика? Т. И. Заславская, а ей одной из первых удалось употребить в прессе эти прежде непечатные слова, разъяснила кратко, но почти в точку: «между валунами устаревших инструкций все равно неизменно пробивают дорогу потоки неконтролируемой деятельности»³. Почти, ибо все же не ясно, почему теневая? Вопрос — вовсе не праздный. Правильный ответ на него позволяет понять — тот ли это чужак, от которого все наши беды, чужак ли вообще и беды ли он несет.

Наши исследователи как правило относят к теневой экономике незарегистрированную хозяйственную деятельность с использованием государственных производственных ресурсов, технологические, финансовые, экологические нарушения официальных норм в целях личного и группового обогащения, взяточничество, искажения отчетной информации в интересах предприятий и ведомств, «криминальную экономику» (наркобизнес, проституция, спекуляция, ростовщичество, торговля краденым и т. п.), наконец, личное подсобное хозяйство⁴. Они полагают, что эти процессы извлечения «нетрудовых доходов» возможны, главным образом, по двум причинам. Одна — это несовершенство действующего в стране хозяйственного механизма, правового регулирования хозяйственной деятельности, оставляющего массу лазеек для такого рода действий и провоцирующего на них. Другая — товарный дефицит, который является следствием этих несовершенств и вызывает соответствующую реакцию оборотистых людей.

Получается в таком случае, что эта экономика — тень, отбрасываемая официальным хозяйством, нечто несамостоятельное по отношению к нему и устранимое вместе с ликвидацией его недостатков или, по крайней мере, с высвечиванием и взятием под жесткий контроль правоохранительной системой, ибо только под покровом темноты и может совершаться все это в нашем хозяйстве. Совсем по Б. Л. Пастернаку⁵:

*По мере смены освещения
И лес меняет колорит:
То весь горит, то черной тенью
Насевшей копоти покрыт.*

Вот если б управиться с солнцем — остановить его в зените, то и тень исчезла бы навсегда. Дело, оказывается, за малым и безотлагательно, потому что «теневая экономика есть совокупность альтернативных социализму экономических структур. Речь идет об объективно не соответствующих экономической природе социализма явлениях»⁶.

Здесь-то, кажется, недалеко и до момента истины. Помните, как у А. Платонова председатель Чевенгурского ревкома Чепурный ком-

ментирует стихию высшего ума, исходившую из директивы губернии: «Видишь, товарищ, они хотят, чтоб умнейшие выдумали течение жизни раз навсегда и навеки и до того, пока под землю каждый ляжет, а прочим не выходить из плавности и терпеть внутри излишки...»⁷. Лишь «высшему уму» доступно знание того, что объективно есть социализм, ибо оно диктуется мыслями как самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам. Энгельс назвал это «идеологическим» подходом к действительности, все переворачивающим с ног на голову⁸. Именно такой подход и возобладали у нас и сохраняется. А ведь предупреждал же Ленин (иногда, правда, сам об этом забывая), что марксисты знают лишь направление движения к социализму, который не создается по указам сверху, а живой, творческий, есть создание самих народных масс⁹. Потому-то разъяснение Чепурного и натывается на вопрос старика — члена ревкома: «А для кого ж в этом нужда?» и на прибаутки его коллег: «Писец плотнику хату не поставит... Пастух сам знает, когда ему молоко пить... пока человека не кончишь, он живет дуrom»¹⁰.

Называя умозрительный социализм «алхимией прежде химии, астрологией прежде астрономии»¹¹, великий провидец Ф. М. Достоевский писал: «Ни одна в мире национальность, ни одно сколько-нибудь прочное государственное общество еще никогда не составлялись доселе по предварительно рекомендованной и заимствованной откуда-нибудь извне программе. Все живое составлялось само собой и жило в самом деле, заправду»¹². Не стали исключением и мы, попытавшиеся сломать старое общество и построить новое по заранее предначертанной программе. Десятки миллионов «кончили», иных обратили в рабов, но многие продолжали жить «дуrom», ибо «человек тебе не гладкий матерьял... Из железа я тебе что хочешь сделаю, а из человека коммуниста — никак!»¹³

Социально-экономическая динамика в сущности всегда была и остается результатом борьбы двух никогда не реализуемых крайностей. Как подспорье для научной мысли отображением одной из них служит абстрактная категория, так сказать, «чистой» частной собственности. Это — спонтанная деятельность каждого человека или коллектива согласно лишь собственному мнению о ее целесообразности. Таким же отображением другой крайности является безупречная общественная собственность. Это — строгое следование всех, кто хозяйствует, действиям, предписываемым им извне в качестве единственно верных, т. е. запрограммированное поведение. В ходе этой борьбы люди, рассматриваемые только как объект управления со стороны других — «высшего ума», — самоопределившись в роли его субъекта, своей повседневной деятельностью так ассимилируют законы общества, чтобы превратить его из условного расчленения правом на субъект и объект управления в их взаимопроникновение, в согласование их интересов и знаний. Об этом заметил еще о. Сергей Булгаков в своей «Философии хозяйства»¹⁴.

Общественное производство, в котором это совершается, всегда шире и глубже его рафинированного образа, воспринимаемого через действующую правовую систему. Имея в виду пренебрежение этим различием, Маркс подчеркивал: вульгарная экономическая наука тем и отличается, что толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей¹⁵. В действительном хозяйстве невозможно разобратся без учета «неформальных», незарегулированных законом отношений, реализующих творческую инициативу и понимание справедливости, которые не укладываются в рамки такой системы. В наших условиях это — отношения подобного рода государственных и огосударствленных предприятий друг с другом, с хозяйственными учреждениями, возникающими самопроизвольно, тех между собой и всех, вместе взятых, с населением. Если не вдаваться в детали, то именно они в совокупности и образуют теньвую экономику как результат движения, которое в качестве необходимого в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей.

Такое экономическое движение испытывает на себе обратное действие движения политического, которое само создало и которое обладает относительной самостоятельностью в стремлении вывести некий интерес как «идею» или «представление» далеко за его действительные границы, когда он легко смешивает себя с человеческим интересом вообще. Но это стремление преодолевается экономическим движением, втягивающим в противоречия и взламывающим установившуюся правовую систему, которой внутренняя гармония дается лишь искаженным отображением реальных экономических отношений. Здесь нельзя отказать Энгельсу в правоте¹⁶. Теньвая экономика и воплощает эту ломку юридических норм, препятствующих хозяйственному прогрессу, однако, используя их недостатки для совершения своей созидательной работы — ассимиляции общества его законов, — вовсе не является чем-то вторичным, производным от них.

Формы такой ассимиляции в зависимости от конкретных условий места и времени различны. Но происходит она непременно, проявляя творчество народа и реализуя объективную тенденцию общественно-го производства сохранять соответствие разнообразия его имущественных отношений множеству человеческих интересов как побудительных мотивов хозяйственных действий. И в определенных условиях из спонтанности и запрограммированности в отрицание существующей формы собственности в качестве исторически переходящей реальности нарождается новая, которая по-иному интегрирует различные способы отношения людей к средствам производства по поводу владения и распоряжения ими, их использования — от личного до государственного, — принаравливая такие способы к себе, как к экономическому отношению между людьми по поводу присвоения результатов этого.

Именно так — через именуемое сегодня теньвой экономикой — произрастал и капиталистический способ производства в последнюю

треть XV и первые десятилетия XVI века. Помните описанный Марксом процесс экспроприации земли у сельского населения? Он происходил вопреки испуганному этим переворотом законодательству, которое еще не стояло на той высоте цивилизации, когда созидание капитала и беспощадная эксплуатация и пауперизация народной массы считается пределом всякой государственной мудрости¹⁷. Сохраняется такая экономика в капиталистических странах и теперь. Одни стремятся в ней к личному обогащению, другие — избежать безработицы и подправить свое материальное положение, но в конце концов, все — к перераспределению национального дохода.

Почему же это происходит? Прислушаемся к гетевскому Фаусту:

*Твоя земля таит без пользы тьму
Сокровищ, не известных никому.
Мысль самого высокого полета
Не может охватить богатств без счета.
Восторженный мечтатель и фантаст
Понятья никогда о них не даст,
Но дальновидный риска не боится
И в безграничность верит без границы*¹⁸.

А теперь к платоновскому Дванову: «... ведь не механизм лежит, здесь люди живут, их не наладишь, пока они сами не устроятся»¹⁹. Вот это устройство людей с верой в безграничность своих возможностей и заставляет их преодолевать границы правовой системы, которая всегда инерционна, отражает и закрепляет лишь уже осмысленное.

Лицом к лицу

Однако при сходстве зарубежной теневой экономики с нашей в том, что обе они нелегалы, есть и существенное качественное различие между ними. Оно дает отголосок и на их более частные свойства, и на их масштабы. Одна — воплощение экономического движения, противоборствующего с правовой системой, отражающей его собственную предшествующую естественной фазу. Другая в коллизии с системой, которая не является таким отображением, а сама породила в 30-е годы вымышленное хозяйственное устройство, в ключевых моментах все еще сохраняющееся. Вот основные черты этого устройства. О них необходимо напомнить, чтобы разобраться в сущности нашей теневой экономики.

В итоге печально известных событий, обозначивших отречение общества от всякой собственной воли и его подчинение чужой воле, авторитету, граждане страны утратили возможность на законных основаниях относиться как к своей собственности не только к продуктам своего труда, но и к своим способностям. Они были вынуждены

предоставить право постоянно распоряжаться этими способностями, а потому «потреблять» самих себя, отделенной от них строго регулирующей власти в форме безоговорочной реализации декретируемого ею повеления. А в обмен получили обязательства этой власти об их столь же постоянном трудоустройстве в государственном хозяйстве и обеспечении средствами на жизнь, объективно достаточными для ее воспроизводства.

Первоначально подчинение людей дисциплине такого «общественного договора» носило формальный характер, т. е. обеспечивалось всей карательной мощью государства, употребляемой в массовых масштабах. Однако становление нового способа производства на собственные ноги явилось вместе с тем процессом сбрасывания *homo sapiens* формы, хотя и подневольного, но все еще традиционного «экономического человека» и обретения формы нового биосоциального вида. Противостоявший мещанину — носителю потребительской психологии как конституирующего его признака — человек, который «утратил все человеческое», так что на исходе коллективизации и индустриализации ему уже воистину терять было нечего, породил собственное отрицание. С ростом и «нормализацией» этого способа производства, имя которому теперь лихорадочно подыскивается, стал развиваться «*homo soveticus*», по своему воспитанию, традициям, привычкам признающий условия «общественного договора» как сами собой разумеющиеся естественные законы.

Такого человека, являющего собой синтез пролетарского обезчелоченья (на это авторы «Коммунистического манифеста» особо напирали как на основу ведущей роли, которую единственно он и способен сыграть в революционном переустройстве мира ²⁰) с уже не рефлексивным, а идейным потребительством, не нужно принуждать насильем соблюдать «общественный договор». Он становится безразличным к тому, закреплен ли этот договор законодательно или нет, и его можно, овладев хозяйственным механизмом реализации собственных целей, представить власти этого механизма, т. е. той зависимости от целеполагающей силы общества, которая создается самими условиями жизни. И поэтому сегодня, когда отменяются последние юридические уложения этого договора (а с такими, как трудовые законы 1939–1941 гг., указ «о колосках» и т. п., это произошло раньше), для многих наших соотечественников он сохраняет актуальность, о чем свидетельствует их реакция уже на первые шаги нынешней экономической реформы.

Непосредственные производители, отделенные от всякой собственности, стали безличными, дали ничем не ограниченную волю собственности, не подвластной никому из них, признали ее высшей ценностью, а существование этой воли — высшим нравственным существованием партийно-государственной бюрократии, персонафицирующей их всех. В итоге производственные отношения приобрели форму отчужденных не только от людей, но и от реальных вещей, идеальных отношений символов жизненных средств, в том

числе и самого человека как одного из них, в планах хозяйственных действий, разрабатываемых этой бюрократией в отрыве от самосознания исполнителей и ориентируемых на как можно большую «общественную полезность». Применительно к отдельным продуктам и ресурсам это — их соотносительная важность для достижения конечной цели государства, находящая выражение в централизованно устанавливаемых ценах и тарифах. А такой целью бюрократия, как всегда и везде, считает самое себя, свое сохранение и воспроизводство в качестве групповой индивидуальности, «душа» которой — идеология, т. е. плод того самого подхода к действительности, когда она оказывается вывернутой наизнанку, поставленной с ног на голову. Ведь «коммунизм, — как объяснил всем платоновский Чепурный, — дело нешуточное, он же светопреставление!»²¹.

Разные люди способны выполнять одну и ту же работу с различной интенсивностью, неодинаковым оказывается и качество того, что они создают. Однако такая нацеленность хозяйства в пределе делает неизбежным отождествление «общественной полезности» каждого из них как ресурса для этой деятельности (человеческого фактора) с наименьшим или «замыкающим» вкладом кого-то из них в конечный результат общественного производства. Это строго доказано пионерами оптимального планирования Л. В. Канторовичем и В. В. Новожиловым²². Что же это за вклад? А либо работников, чей труд, пусть малопродуктивный, еще необходим для того, чтобы сбалансировать хозяйство на максимуме «общественной полезности», достижимом при других доступных ресурсах (сырьевых, земельных и пр.). Либо тех, чей «труд» символизирует выполнение самой властью обязательства по «общественному договору» обеспечить всех работой на государственных предприятиях. Но в действительности вклад всех исполнителей данной работы больше суммы их «общественной полезности», измеряемой так, на величину ренты. Ее источник — выявленные в самой этой деятельности более высокие, превалирующие способности к ней других людей, остальных участников работы.

Желаемый материальный состав конечного результата общественного производства при этом лишь обуславливает различия «общественной полезности» работников по видам деятельности. Также и целый ряд других обстоятельств (от неспособности бюрократии овладеть механизмом реализации собственных целей и определения «замыкающего» вклада стоимостью средств, необходимых для физического воспроизводства жизни, до отношения отдельных людей к структуре власти) лишь искажает оценку этой полезности. Но и одно, и другое совсем не влияют на то, как возникает приращение этого результата. Это происходит только если обладатели превалирующих способностей к какому-то занятию находят средства, которые требуются для выявления их задатков и реализации в соответствующем деле, и лишь там, где оно совершается. А удается это постольку, поскольку трудовой доход каждого носителя таких способностей, сооб-

разный его «общественной полезности» как ресурса для данной работы, и его вклад в конечный результат общественного производства — две различные величины.

Вот почему «уравниловка» трудовых доходов в окрестности «общественной полезности» людей с «замыкающими» способностями увеличивает здесь приращение конечного результата и является закономерной, а оплата по труду действует наоборот, и люди с превалирующими способностями, особенно самые трудолюбивые и творчески активные, оказываются объектом самой жестокой эксплуатации. Ее зачатки в связи с монополизацией производства были подмечены давно. Но полновесным это экономическое насилие становится тогда, когда в лице государства объявляется единый и единственный распорядитель всего общественного капитала, не удерживаемый более чем-либо от нарушений эквивалентности товарообмена. Расчеты на основании официальной статистики показывают, что только за период 1913-1956 гг. в России норма эксплуатации труда возросла в среднем не менее, чем в 1,7 раза (а значит для людей с превалирующими способностями гораздо больше) и превысила уровень, которого она достигла бы при экстраполяции дореволюционной тенденции. В дальнейшем этот процесс сначала притормозился, и на коротком отрезке (60-е годы) даже попятился, но затем снова стал развиваться в том же направлении нарастающими темпами.

Можно ли при этом ожидать сколь-либо полной отдачи от таких людей на государственных предприятиях? Конечно, нет. Им выгоднее скрывать свои истинные знания и умения, чтобы ослабить кабалу, а сбереженные силы направить на деятельность, оцениваемую иначе — по законам рынка, — либо на то, чтобы потеснить стройные ряды бюрократии. И потому у ее ристалища образуется свалка.

Но и это еще не все. Погоня за максимальным приращением «общественной полезности» заставляет бюрократию уповать на расширение деятельности тех, кто уже обнаружил превалирующие способности, пренебрегая выявлением, быть может, превосходящих их задатков других людей, поскольку оно требует дополнительных затрат. Хотя совсем отрешиться от такой заботы она не может: подобное расширение имеет физические пределы и надо выполнять обязательства по «общественному договору» перед молодежью, вступающей в трудоспособный возраст. Становится рациональной как можно большая экономия на образовании и профессиональной подготовке трудящихся. Делается выгодным привитие им новых культурных и хозяйственных навыков и выявление способностей на уровне «замыкающих» в каждом виде деятельности посредством первоначального обучения азам профессии с дальнейшим саморазвитием навыков в раз-навсегда «избранном» занятии. В итоге налаживается массовое производство человека с как можно менее богатыми свойствами и связями. При должной постановке трудовой дисциплины затраты на это достаточно быстро возмещаются текущими результатами производства, но затем из-за вынужденного увеличения числа контролеров (в таком случае

требуемая дисциплина не может поддерживаться сознательно), разбухания слоя работников с посредственными способностями и выбытия по естественным причинам остальных производительность труда стагнирует и начинает падать. В СССР это было отмечено непредвзятыми исследованиями уже в конце 60-х годов.

Иное дело — выявление способностей, которые будучи приведены в действие, становятся превалирующими, повышая общее качество труда. Это, однако, сопряжено с осуществлением мероприятий, требующих значительно больших затрат на образование и культуру, а к тому же удлиняющих время производства, т. е. период, в течение которого подобные затраты не приносят потребительской отдачи. Отсюда иллюзия, что выгоднее концентрировать ресурсы на расширении масштабов деятельности самых благополучных звеньев хозяйства (у которых время производства, строительства, освоения, обучения и т. п. короче, а доля сравнительно совершенных средств в производственном аппарате выше, чем у других), отдавая предпочтение людям и коллективам, населению регионов, способности которых превалируют именно в данный момент. Это позволяет им сохранять свой статус по инерции, без конкурентного отбора (более того, уменьшает возможность такого состязания в будущем), и влечет консервацию свойств остальных трудящихся, ущербное выявление задатков тех, кто еще только вступает в самостоятельную жизнь. А результат? Единицы «передовых» предприятий монополизируют выпуск многих изделий и формирование представлений о том, что такое хорошо касательно их качества, техники, технологии, организации производства. Относительные, по самооценке, успехи этих предприятий тонут в провалах остальных, смирившихся с судьбой пожизненно «отстающих».

Так сам способ производства расширенно воссоздает отделение потенциально превалирующих способностей от условий их реализации. И тогда только случайность может позволить человеку не просто с выдающимися задатками к определенному делу, но сознающему их как зов души, на законных основаниях преодолеть силу инерции хозяйственного механизма и занять в обществе подобающее место. В итоге рабочая сила государственного хозяйства поляризуется: в противовес естественным образом оскудевающей популяции профессионалов средней руки, никак не склонных допустить, чтобы такая случайность поставила под сомнение их право на привычную деятельность, и готовых ради этого на все, на другом полюсе накапливается масса апатичных людей, то ли не имеющих задатков к работе, закрепленной за ними на основе «социалистического выбора», то ли не желающих их обнаруживать и не испытывающих никакого удовлетворения от нее самой. Вот почему самовозрастание «общественной полезности» — этот основной экономический закон утвердившегося у нас и теперь разлагающегося строя жизни, как его ни называй, — есть в то же самое время закон деградации психообщественной инфраструктуры — совокупности таких закрепившихся в стереотипе мас-

сового поведения нравственных установок, культурных навыков и их отношений, которые повседневно проявляются в поведении большинства населения, определяя свойства его образа жизни или способа деятельности (качество труда и его результатов, интенсивность и дисциплина работы, способность к взаимодействию и восприятию нового, терпимость к устаревшему и т. д.). А следовательно, это — закон обнищания, и не каких-либо социальных слоев, не того или иного класса, но всего общества в целом, — обнищания, противостоять которому можно лишь отказываясь «терпеть излишки внутри».

Показать на цифрах разложение психообщественной инфраструктуры довольно сложно. Никакая статистика не отражает, например, того общеизвестного факта, очевидного для всякого серьезного наблюдателя, что у нас рост численности охваченных различными видами образования и культурного обслуживания (сознательно употребляю эти наши кондовые термины) сопровождался (и так происходит до сих пор) выхолащиванием их содержания, непрерывным ухудшением качества. В какой-то степени прямой характеристикой этого служат сведения о потерях рабочего времени из-за снижения трудовой дисциплины. Если в 1913 г. на одного рабочего промышленности России они составляли 19 дней, то в 1923 г. — уже 43,3 дня (прогулы за это время увеличились в 3,5 раза), в конце же 80-х годов — около 40 дней (это если верить официальной статистике целодневных простоев, а она вызывает недоумение, особенно учитывая развитие забастовочного движения).

В известной мере такой характеристикой являются и показатели изменения качества продукции по числу принятых претензий потребителей. Отсутствие институтов защиты их интересов и в этом случае ставит под сомнение открытые данные, а возможность сопоставления с 1913 г. отсутствует. Но все же: с 1980 по 1986 г. количество таких претензий возросло по радиоприемным устройствам в 6,6 раза, по телевизорам в 5,1 раза, по магнитофонам в 3,6 раза, по стиральным машинам в 2,2 раза, по электропылесосам в 2,5 раза, по швейным изделиям в 1,6 раза, по трикотажным изделиям в 1,9 раза, по обуви в 1,2 раза.

Вместе с тем, помимо эксплуатации превалирующих способностей людей, конечный результат общественного производства прирастает здесь и другим — рентой, извлекаемой благодаря использованию наиболее качественных, благоприятно расположенных и залегающих природных ресурсов. Поэтому, особенно в условиях оскудевания первого источника, второй задействуется бюрократией все активнее и хищнически. Под лозунгом «не надо ждать милостей от природы, взять их — наша задача» нарастает внешнее размежевание человека и геобиосферы, которые внутренне взаимозависимы, дополняют друг друга. Природная среда жизнедеятельности человека оскудевает, и он сам утрачивает ощущение бескрайности своих задатков, которое дается видением ее бесконечных возможностей, и пото-

му сужается поле проявления его способностей, его жизнь обедняется и смертельная угроза нависает над ней.

Такие изменения не могли не сказаться пагубно на благосостоянии народа. К 1955 г. реальные доходы рабочих промышленности страны снизились относительно 1913 г. на 13-17% (с учетом заключенных, работавших в этой отрасли хозяйства), крестьян, приписанных к совхозам, — более, чем на 30%, а о колхозниках и говорить нечего. При этом если в 1913 г. у рабочих промышленности они достигали 85%, а у крестьян 25% реальных доходов американских братьев по классу, то к 1956 г. понизились, соответственно, до порядка 30 и 7 процентов. К тому же только около 60% взятого в стоимостном исчислении фонда потребления жителей страны (кроме бюрократии и военнослужащих) имело натуральное покрытие из контролируемых государством источников (включая колхозный рынок). В дальнейшем по сравнению с 1913 г. положение несколько улучшилось, но отставание от США не сокращалось, а кое в чем даже нарастало. Прав оказался Ф. М. Достоевский: «Сытое брюхо может быть достойным продуктом всех жизненных сил, а не предварительным и преднамеренным параличом всех остальных способностей человека».

Однако, пожалуй, наиболее общее представление о том, что случилось, можно получить, сопоставив следующие два показателя. В 1913 г. отставание страны от США по производству промышленной продукции на душу населения составляло 43 года (т. е. мы были на уровне американцев 1870 г., а к 1955 г. достигло 56 лет (причем основной прирост — 10 лет — пал на 1937 г.; это говорит о несостоятельности примелькавшихся ссылок на последствия Великой Отечественной войны). За тот же период наше отставание от США по отношению занятых в промышленности к численности населения сократилось с 60 до 18 лет. Теперь вспомним, что частное от деления объема производства на количество работников характеризует производительность труда. Стало быть, наш общественный строй не смог обеспечить ее динамику, даже напомилавшую прогресс в американской промышленности на аналогичном историческом этапе хозяйственного развития. И дело здесь не в худшем техническом наследстве, на что обычно кивают: в американской промышленности 1869 г. на одного рабочего приходилось 1,16, а в российской 1916 г. — 1,23 лошадиных сил мощности первичных двигателей. После 1955 г. несколько сократившись к 1960 г., это отставание нарастало.

Следуя своему основному экономическому закону, не сформулированной «гением всех времен и народов», а уже упомянутому, которому реально подчинялось и из цепких когтей которого до сих пор не вырвалось, наше общество рано или поздно должно было упереться в «потолок» «благополучных» звеньев хозяйства, когда дальнейшее расширение масштабов их деятельности требует интенсивнейшего и безотлагательного осуществления проектов чрезвычайной капиталоемкости. Они направлены на то, чтобы либо поднять этот «потолок» (коренное техническое перевооружение на основе революционных

технологий), либо подтянуть остальные звенья — их техническую базу, квалификацию кадров, условия труда — до уровня «благополучных» (таковы нынешние проекты подъема аграрного сектора, промышленности предметов потребления, а на очереди уже общие условия производства, образование, да практически все отрасли, за исключением разве ряда работающих на «оборону»). Сам хозяйственный механизм сложившегося строя препятствовал своевременному переходу к этому, а если момент для него упущен, то позже нужны уже меры чем дальше, тем более дорогостоящие и непосильные обществу, и они низводятся к тому, что имеющийся экономический потенциал позволяет осуществить, но чего недостаточно, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки.

Именно это сегодня и стало очевидным, хотя профессионалы-аналитики, умеющие извлечь из официальной статистики то, что не для чужих глаз, начали бить в колокола 10-15 лет назад. Тогда же власти, не признавая стагнацию, а уж тем более нарастающее свертывание воспроизводства (до сего дня руководство страны убаюкивается некоторыми экономистами якобы имевшим место в предперестроечные годы одно-, двух-, трехпроцентным среднегодовым увеличением национального дохода), стали предпринимать отчаянные попытки найти выход из положения. Было решено усилить дифференциацию оплаты труда в зависимости от его качества и двинуть вперед научно-технический прогресс. Однако внедрение в практику его достижений предполагает работника с возможно более богатыми свойствами и связями — такого, какого капитализм создал прежде, чем в ходе промышленного переворота одолел устаревшие способы производства. Научно-технический прогресс требует не только полной отдачи уже известных способностей людей, но и выявление у них новых задатков, более совершенных, и приведение их в действие. А чтобы добиться этого, нужны расходы, покрыть которые через оплату труда, выполняемого людьми в данный момент или период, нельзя без нарушения ее соответствия мере «общественной полезности» такой работы и, следовательно, без подрыва стимулирующей роли вознаграждения за нее.

Получается, мало того, что сама оплата по труду противопоказана механизму «общественной полезности» и потому ломает его: бюрократия вынуждена поступаться частью приращения конечного результата общественного производства (и это-то для нее как нож к горлу — достаточно сравнить время поисков средств на дифференциацию оплаты труда в производстве и размеры ее повышения инженерам, конструкторам, технологам с тем, которое понадобилось недавно, чтобы удвоить заработки партийно-государственного аппарата). Но и чем более четко соблюдается такой принцип, тем сильнее внешнее обособление внутренне несамостоятельных, дополняющих друг друга актов: взять от каждого по способностям, воздать каждому по его делам, — проявляющее противоречие между производством и распределением как коллизию текущего и отдаленного эффектов раз-

вития хозяйства в целом, его имманентное противоречие, независимое от общественной формы.

Оплата по труду может стимулировать полную отдачу лишь от уже выявленных задатков людей. Плохо, если этого нет: унаследованная или созданная материальная база производства обрекается на бездействие. Не случайно в 60-е годы использование производственной мощности оборудования в советском машиностроении (по отношению к фонду рабочего времени) едва превышало 27%. А в 70-х по выборочной оценке около 60% промышленных предприятий страны выпускали продукцию в объемах, значительно меньших, чем было запроектировано при их сооружении. Ничего не изменилось и позже. Но еще хуже, когда эти свои вымученные жертвы бюрократия приносит на алтарь максимальной интенсификации труда отдельных работников или коллективов в конкретной закрепленной за каждым из них хозяйственной деятельности, и разделение труда консервируется. Тогда не только резко усиливается эксплуатация природных ресурсов, чтобы рентой от них возместить такие жертвы, и вместо революционного обновления производственного аппарата выжимаются последние соки из устаревших технологий, что дает повышение производительности труда, не оправдывающее затраты на это. Но к тому же внешняя обособленность разделения труда, с одной стороны, и распределения его результатов, с другой, человека и среды его обитания доводит до такого предела, когда внутреннее единство этих «противоположностей» в обоих случаях обнаруживается насильственно — в форме кризиса. Такие кризисы — личностный и экологический — совмещаются, вызывая применительно к обществу явление своего рода парамагнитного резонанса.

Характеризовать это явление подробно с цифровыми выкладками нет необходимости: оно у всех на виду, да и много уже о нем сказано и написано. Культура и деловые навыки подавляющего большинства работников перестают соответствовать требованиям прогрессивного развития и эффективного использования материально-технической базы производства, отношения между его участниками расстраиваются, условия добычи и качество природных ресурсов прогрессивно ухудшаются, возможности экологически допустимого размещения хозяйства все быстрее и существеннее уменьшаются в ущерб экономической рациональности, хозяйство сначала как бы замирает, потом входит в штопор — стремительно нарастает свертывание производства, дефицит товаров становится столь же хроническим, как избыток платежных средств, и столь же резко обостряется, как недостаток свежего воздуха и чистой воды, деньги галопом обесцениваются и благосостояние народа неудержимо катится вниз.

В условиях обнищания общества естественно усиливается его социальное расслоение в зависимости от отношения тех или иных групп населения к государственной власти. Методом косвенной оценки по данным официальной статистики удастся установить, что уже в 1955 г. в СССР на долю «образованного» слоя общества (кроме воен-

нослужащих) приходилось порядка 19% фонда личного потребления. Из них до 8% шло на содержание элиты, составлявшей (вместе с семьями) не более 2% населения страны (при весьма существенной внутренней дифференциации), а «общественные фонды потребления» превратились в кормушку для нее, возможно, даже в более весомый источник ее содержания. Для сравнения заметим, что 5% наиболее богатых граждан США получали от 17% в 1947 до 14% в 1970 г. всех личных доходов американского населения, причем выплаты из социальных фондов достигали 43% доходов беднейших семей против 1% у самых состоятельных.

Этот процесс поляризации советского общества по условиям жизни продолжался в 60-80 годы и все еще углубляется с прогрессирующим вымыванием из привилегированной потребительской верхушки большей части интеллигенции, которая вполне закономерно превратилась в самый эксплуатируемый слой. И экономическое насилие над ним, пока сохраняется прежний способ производства, ужесточается тем более, чем значительнее становится роль научно-технического и культурно-образовательного прогресса в увеличении общественного богатства. Так, из самого существа строя с «железной» необходимостью естественно-природного процесса вытекает утрата государством не намерения, но способности выполнять обязательства по «общественному договору»:

*Большая дерзость — притязать на то,
Чтоб что-то значить, превратясь в ничто*

(И. В. Гете) ²⁴

Его возрастающее бессилие размывает веру в возможности законопослушного поведения. Именно потому стремительно набирает мощь теневая экономика, открывающая перед людьми пути спасения от обнищания собственными силами и реализации их невостребованных способностей в качестве средства достижения этого. И первыми здесь оказываются люди, осознающие свои задатки как нечто принадлежащее лично им и никому более, ибо нельзя «сделать работника и раба из человека, который по самому существу своей природы не может существовать иначе, как с сознанием, что он «сам хозяин» (Г. Успенский. «Власть земли») ²⁵.

Взгляд изнутри

Общественная полезность как оценка продуктов и услуг с точки зрения достижения конечной цели государства отрицает пользу конкретных благ для конкретных людей с их специфическими интересами, вкусами, склонностями. В этом первоисточник дефицита потребительских товаров. Так что частная торговля изделиями государственных предприятий возникла не раньше, но и не позже, чем явились

на свет они, никогда не исчезала, а будучи запрещена законом, под кличкой «спекуляция» перешла в подполье. Осуществляемая как торгово-посредническая деятельность в экономически оправданных объемах, она уже требует противозаконного соучастия, с одной стороны, поставщика товара, с другой — его покупателя. Вот почему, как только эта хромосома рыночных процессов в новых условиях начала самовоспроизводиться, тут же объявилась и коррупция. Ведь без подкупа работников государственного предприятия, имеющих доступ к соответствующей продукции, достать ее нельзя (неважно, как этот в сущности дележ доходом от спекуляции назвать — взяткой или оплатой похищенного).

Покупатель спекулятивного товара первоначально был из той самой среды, что и поставщик. В подавляющем же большинстве граждане с крайне неразвитыми потребностями, постоянно ощущавшие над собой дамоклов меч карательных органов, оставались законопослушными. Это существенно ограничивало масштабы спекуляции. Однако затем возникли обстоятельства, развеявшие мировоззренческие иллюзии широкого потребителя и заставившие его овладеть навыками нелегального самоснабжения. Это, прежде всего, война с последующей разрухой и восстановительным периодом, когда карательному аппарату стало не до спекулянтов, а население, сплошь и рядом предоставленное само себе в деле жизнеобеспечения, не имело никакой иной возможности добиться успеха, кроме общения с ними. Потом сюда добавилось познание опытным путем — в магазинах, на производстве, в очередях к градоначальникам, при серьезном заболевании, поступлении на работу или учебу и т. д. — истинной природы общества. В условиях нараставшего кризиса и связанного с ним понижения жизненного уровня не устояли перед соблазнами коррупции и работники правоохранительных органов. В итоге правовые нормы, которые прежде широкий потребитель вынужденно соблюдал, лишились полноценной защиты. Он получил возможность во все большей степени безнаказанно осуществлять помыслы, диктуемые собственными желаниями, и его законопослушание дало трещину.

Резкий рост спроса на спекулятивные товары послужил импульсом для организации их нелегальных производств с использованием государственного имущества. Сначала (40-60-е годы) они создавались подпольными предпринимателями ("цеховиками") главным образом на самих государственных предприятиях и изготавливали ту же самую продукцию на их оборудовании из сэкономленных материалов и отходов, иначе ухививших в «отвалы». Это требовало немалой конструкторской, технологической, организационной, экономической изобретательности, бережного отношения к предметам труда, увеличения против контролируемой сменности работы оборудования, заботы о его исправном состоянии, и не могло самым положительным образом не сказаться на государственном производстве, способствуя улучшению использования его основных фондов и оборотных средств, рабочей силы, мощностей. Сокращались удельные расходы сырья, мате-

риалов, топлива и ускорялась оборачиваемость денежных средств, интенсифицировался труд, рождались чудеса научно-технической мысли, находки которой немедленно шли в дело ¹⁶.

Возникновению таких участков и цехов на государственных предприятиях во многом благоприятствовала и сама организация их деятельности (фондированное материально-техническое снабжение, порядок разработки планов, отсутствие договорной ответственности и т. п.). Это заставляло их впрямь запастись различными товарно-материальными ценностями, исходить при планировании не из объективных производственных возможностей, а из достигнутого в прошлом, вступать в такие непосредственные, толкаческие отношения со смежниками, вышестоящими хозяйственными и управленческими органами, банковскими учреждениями, которые требовали постоянного наличия неподконтрольного государству товарного эквивалента (денег или «дефицита»). Иначе предприятие не могло нормально функционировать, а тем более совершенствовать свою работу. Отсюда частое превращение самого его директора в инициатора создания нелегального производства, поиска нужных для этого специалистов, обеспечения их деятельности и сбыта их продукции, попервоначалу, как правило, без какого-либо стремления к личной наживе. И нередко такое бескорыстие сохранялось в дальнейшем. Это теперь уже удостоверено в судебном порядке реабилитацией не одного известного всей стране предприимчивого организатора производства.

Чаще однако происходило другое. Необходимость быстрой реализации изделий таких производств принуждала этих людей находить посредников из спекулятивной среды (откуда же еще?) и вступать с ними в хозяйственные связи, но сам воздух такого сотрудничества пропитан корыстью — и не хочешь, да получишь, без этого какое же тебе доверие. Если на первых порах и удавалось воздерживаться от подобных контактов, прилаживая к делу ленечек из собственных снабженцев, то позже с ростом масштабов левого производства железная логика экономики все равно выводила на них. То же самое и с обслуживающей эти производства нелегальной торгово-посреднической деятельностью: по достижении объемов, с которыми кустарный промысел такого рода уже не мог совладать, он внедрялся в государственную торговую, снабженческо-сбытовую, заготовительную сеть, получая доступ к ее техническому оснащению, производственным площадям и персоналу, организации работы и связям с правоохранительной системой на почве взаимных любезностей, обеспечивающих лояльное отношение слуг закона к шалостям этой сети.

Так, поддерживая друг друга, торговый и производственный бизнес становились на ноги и мужали. Один все более выступал как направленная на самовозрастание дохода регулярная спекулятивная деятельность крупного масштаба в области розничных продаж и снабженческо-сбытового обслуживания незаконных производств, мелкого частного хозяйства, государственных предприятий. Постепенно он стал монополизироваться частными лицами (контролирующие «чер-

ный рынок» тех или иных товаров в определенной местности перекупщики соответствующих изделий у их нелегальных изготовителей, владельцев личных подсобных хозяйств, колхозов и совхозов, кустарей и жуликов-одиночек, «розничных спекулянтов»), а затем принимать форму государственно-капиталистической монополии. Это — постоянное взаимодействие таких «купцов» с коррумпированными должностными лицами государственных предприятий и учреждений, торговых организаций, которые становятся оптовыми поставщиками товаров на «черный рынок», а также сырья, материалов, полуфабрикатов, оборудования непосредственно подпольным производствам.

Эти производства со временем тоже делаются столь массовыми и достигают таких масштабов, что для дальнейшего эффективного функционирования неизбежно должны обрести независимые от родного лона помещения, площади, станки, источники материально-технического снабжения, персонал, территориальную и организационную самостоятельность. Гнездо на государственном предприятии обычно остается, но превращается по сути в один из филиалов. Такое производство, иногда с помощью различных уловок получающее даже статус юридического лица (свой счет в Госбанке, печать и прочие аксессуары) налаживает кооперацию с себе подобными и со временем вырастает в крупную фирму. Она пополняет свой парк оборудования и добывает сырье, материалы, топливо, энергию путем подкупа государственных чиновников, занятых их распределением, через государственные снабженческо-сбытовые учреждения или родственные по профилю предприятия и подпитывается взаимовыгодным обменом с ними, все чаще испытывающими острую нужду в разного рода комплектующих изделиях и услугах.

Вступает фирма в подобные отношения и с мелким частным хозяйством, деятельность которого, базируясь на использовании прорех в законодательстве, регламентирующем личную собственность, разрывов и несоответствий между его отдельными уложениями, принимает непредвиденные масштабы. Свидетельство тому — озабоченность бюрократии. Не отсюда ли постоянная шумиха в прессе 70-80-х годов по поводу размеров доходов этих хозяйств? Иногда дело доходило до истерии местного начальства, обеспокоенного тем, что скоро ему нечем будет управлять: такие доходы в ряде районов и областей начали превышать выручку государственного сектора экономики.

Аналогичный характер носит мелкое частное предпринимательство, которое начинает развиваться как извоз, жилищный и гостиничный промысел, в здравоохранении (на основе символичности бесплатного медицинского обслуживания и низкого качества массового врачевания), в уходе за больными, престарелыми, малолетними детьми, в просвещении (репетиторство, обучение иностранным языкам, музыке, художествам, навыкам профессионального мастерства по домашним специальностям — вязание, пошив и т. п.), коммунально-бытовом обслуживании, организации досуга (спорт, культура) и других сферах.

На войне — как на войне! Развитие такого предпринимательства имеет свои закономерности, хорошо изученные наукой. Поэтому нет ничего особенного в том, что при описанном развороте событий возникает и набирает силу нелегальный строительный, транспортный и финансовый капитал. Один начинается как «халтура» одиночек-калымщиков (ремонт жилья), переходит в артельный отхожий промысел (шабашничество), постепенно осваивает промышленное, транспортное, дорожное строительство и концентрируется под крылом крупных мастеров своего дела (организация портфеля заказов, снабжения и т. п., борьба за рынок). Другой, паразитируя на недоразвитости или деградации инфраструктуры отдельных, особенно удаленных и перенапряженных с точки зрения транспортных потоков районов страны, узурпирует здесь пассажирские и мелкогрузовые перевозки, а затем все более растет и расширяет сферу своей деятельности за счет обслуживания дальними грузовыми перевозками крупного торгового-производственного и строительного капитала. Для этого используются доверенные коррумпированные должностные лица и транспортные средства государственных учреждений, причем дело не ограничивается такими традиционными видами этих средств, как автомобиль и железная дорога.

Подпольный финансовый капитал зарождается на почве отсутствия нецелевого, неограниченного в размерах, постоянного государственного и общественного денежного кредитования населения, свободного обращения конвертируемой валюты, ее суррогатов и их обеспечения. Он функционирует сначала лишь как регулярная нелегальная ссудная деятельность, а также спекуляция ценными металлами и камнями, ювелирными изделиями, деньгами и подобными им бумагами (боны, чеки, непогашенные выигрыши всевозможных лотерей и т. п.). Но по мере роста торгового-производственного, транспортного, строительного капиталов принимает на себя функции их финансово-кредитного и страхового обслуживания, становится основой образования нелегальных концернов и главным связующим звеном с коррумпированными элементами высших эшелонов государственной власти.

Однако дополняет нашу теневую экономику и то, что науке мало известно, с чем ей почти не приходилось иметь дело из-за отсутствия при любом ином общественном строе условий, необходимых для функционирования таких капиталов. Крайняя бюрократизация всей общественной жизни, когда место самих знаний, самого интеллекта, самой правозащиты и т. п. занимают их канцелярские символы, обретающие потребительскую полезность, которая отчуждена от существа ценности обозначаемого ими, провоцирует частное предпринимательство в делах обеспечения людей атрибутами желаемого социального статуса (официальные подтверждения образования, квалификации, заслуг перед отечеством) и реализации конституционных гарантий их гражданских прав (на жизнь, труд и т. п.).

Такая деятельность, основанная на злоупотреблениях служебным положением, вознаграждается путем прямых и косвенных взяток по

ценам, регулируемым самими предпринимателями. Она состоит в организации внеконкурсного поступления в учебные заведения и документальных свидетельств об их окончании, присвоения ученых степеней и званий, правительственных наград, в положительно пристрастном или просто благожелательном отправлении исполнительных функций государственных и общественных учреждений (особенно в области правосудия, распределения жилья, наиболее дефицитных рабочих мест и должностей). Сюда же следует отнести злоупотребления в медицинском обслуживании (психиатрия) и оказании ритуальных услуг. И эти, чистой воды паразитарные занятия, как средства исключительно личного обогащения быстро монополизуются.

Подпольная хозяйственная деятельность во всех сферах лишена общественного правоконтроля и государственной правозащиты (хотя на нее распространяются внутренние кодексы «чести», суровые и безжалостные). Ей противопоказаны излишние посреднические связи. Поэтому здесь не только хозяйствуют бережливой, но и обычные для правовой частнопредпринимательской экономики процессы сращивания различных капиталов и сил базируются на более радикальных методах (вовсе не всегда экономического принуждения), а подстегиваемые специфическими обстоятельствами функционирования протекают намного интенсивнее. Они приводят к образованию концернов, которые подчиняют нелегальную хозяйственную деятельность разной специализации и осуществляемую в разных регионах страны финансовому контролю и руководству господствующей группы крупнейших держателей подпольного капитала.

Организирующую роль в этом играет своеобразный «налог на капитал», в значительной степени поглощаемый коррумпированными государственными должностными лицами (прежде всего контрольно-ревизионных, правоохранительных, исполнительно-репрессивных и хозяйственно-распорядительных служб), которые обеспечивают снабжение и безопасность, гарантируемые другим участникам концерна господствующей в нем группой (подобие легко угадывается в мафиозных структурах Запада). Эти средства, израсходованные на личное потребление и накопление сокровищ, выбывают из экономического оборота. И хотя на эффективности и самой теневой экономики, и всего хозяйства страны это сказывается отрицательно, чиновный люд оберегает и холит автономную, не зависящую от его руководства экономическую базу.

Формирование такой базы позволяет служащим партийно-государственного аппарата благоденствовать среди всеобщего обнищания, даже когда они лишаются привилегий, ранее полагавшихся по должности или месту работы в официальной структуре. Тем самым реальная власть постепенно отделяется от функции ее представительства, которую становится все сложнее подкреплять соответствующим потребительским статусом. Желание сохранить его сообщает импульс к сращиванию с частным капиталом деятелям все более высоких уровней этого аппарата, давая метастазы в святая святых, где питатель-

ной средой для этого оказывается главным образом необходимость содержания «своих команд» в условиях ужесточающейся борьбы за власть. Десять лет назад лишь думалось, что известные в СССР дела грузинского руководства, управляющих рыбной промышленностью и т. п. — макушка айсберга. Сегодня догадки подтвердились.

Количественные характеристики этой беспримерной экономики, вообще говоря, не поддаются распознаванию извне, претендующему на точность. Нелегальность ее функционирования, соответствующая законспирированность, иносказательность, разноречивость и приглушенность сведений о ней в уголовной хронике препятствует этому. Так что довольно сомнительны появившиеся в советской печати, а еще ранее в зарубежной, многочисленные оценки масштабов этой экономики. Наши исследователи обычно исходят из попыток прямого поэлементного счета, опуская многие сферы ее распространения. Это безнадежное занятие характерно и для некоторых зарубежных авторов, к тому же почему-то допускающих, что оборонная промышленность и вооруженные силы страны закрыты для вторжения теневой экономики. Это впечатляюще опровергли последние события — от загадочной истории АНТа до повсеместного обнаружения кладов оружия, которые раскопать, конечно, легче, чем особняки и дачи из строительных материалов для воинских нужд.

Полагаю, ближе всего к действительности может быть оценка, полученная с помощью такого макроподхода к явлению. Поверим нашему Госплану (десяток лет назад на одном из совещаний его руководитель это высказал), что теневая экономика «съедает» порядка 10% материально-технических ресурсов страны. Мог бы он назвать цифру большую, назвал бы, ибо «жулики» вне сферы его ответственности, а вот продуктивность использования этих ресурсов — иное дело. Допустим, что в теневой экономике она не ниже, чем в личных подсобных хозяйствах, т. е. как минимум в 3-4 раза превышает этот показатель в контролируемом государством производстве. Здесь нет преувеличения, имея в виду, что, согласно официальным данным, такие хозяйства, располагая 2,5% земель, дают до 30% общего объема «снимаемой» с них продукции. Значит, производство в теневой экономике достигает 30-40% национального дохода страны или применительно к 1988 г. 190-250 млрд. рублей (в государственных ценах и при очень благожелательном отношении к способности государственного хозяйства конкурировать с ней по части эффективности).

Однако не это — главное. И даже не обоснованность мнения, что сегодня известная поэтическая гипербола «Спер бы блюминг, да некому продать» — явно устарела. Для иллюстрации — на выбор два объявления. Одно — из газеты «Кубанская неделя» за май 1978 г.: «Утеряна муфта (в виде круглой болванки весом 240 кг из цветного металла) по ул. Новороссийской», ну, и далее, как обычно, — нашедшего прошу сообщить туда-то тому-то по такому-то телефону или адресу. Или: «Баня меняет трактор «Кировец» на автомашину» (Вечерний Новосибирск» от 10 мая 1978 г.). Социологические эксперимен-

ты, проведенные в ряде городов СССР, показали, что «теневая экономика» успешно реализует возможности перераспределения ресурсов на различных стадиях их технологического передела. Поэтому если сам блюминг тяжел на подъем, то его продукция вполне транспортабельна за пределы государственного предприятия.

Главное же состоит в том, что, пронизывая практически все наше «народное хозяйство», эта экономика претворяет в жизнь некие отношения собственности, которые вытесняют из общественного процесса производства сложившиеся в 30-е годы и все еще опутывающие нас. Что же это за отношения? Прежде чем ответить на такой вопрос, обратим внимание вот на что. Есть в теневой экономике акулы подпольного бизнеса, которые купаются в роскоши и все более прибирают к рукам государственный аппарат, погрязший в коррупции и фактически молчаливо признающий их деятельность допустимой по праву «вора в законе». К чему стремятся они, какими экономическими и политическими интересами руководствуются, что за отношения вживляют в ткань общественного производства — понятно. Это — отношения корпоративной частной собственности.

Есть там и другие люди — мелкие калымщики, влачащие жалкое существование, нередко в пьяном бреду, то и дело преследуемые властями, и если не элементарные воришки да мошенники, то кустари-одиночки, ничего не желающие, кроме как избавиться от голода и холода свою ребятню и самих себя. Только-то и осталось у нас «простых товарных отношений»: я им свой бесплатный труд, но и у них что-то да унесу. Однако есть, наконец, и труженики, вовлеченные в теневую экономику в качестве наемных работников, предприниматели — организаторы их хозяйственной деятельности и ее непосредственные участники, активность которых государство также стремится пресечь, дабы избежать дальнейших уступок и дележа власти. По опубликованным оценкам всего их 40-50 млн ²⁷. А они-то что здесь потеряли? Давайте, разберемся.

Осмысление

Общество в любой данный период по причине недостатка материальных ресурсов, или технологических возможностей их воспроизводства, или времени на это (а что у нас не в дефиците?), не может удовлетворить притязания всех жаждущих воспользоваться какими-то из них (особенно наиболее эффективными). Стало быть, не в состоянии оно и одобрить все предпочтения касательно хозяйственной деятельности, а следовательно, образа жизни. Кто-то добывается своего, то ли благодаря большим способностям на фоне всех пока выявленных, то ли еще почему (почему и как при нашем строе увидели мы раньше). А кто-то вынужден уступать и терпит урон, ибо ему остается дело менее привлекательное и, грубо говоря, хуже оплачиваемое.

мое (это затрагивает и отдельного человека, и трудовой коллектив предприятия, и население региона).

Если отвлечься от случаев патологических по нравственной и мировоззренческой меркам (уголовщина, коррупция, паразитарный капитал), то вот эти-то утраты люди и стремятся возместить участием в теневой экономике с произвольным изъятием через нее ренты, которую в официальном хозяйстве иные их соотечественники получают не за счет собственных способностей, но благодаря лучшим внешним условиям деятельности, самому ее характеру. Трудовой ли это доход? Нет. И что же с того — он противен социализму? Тоже нет. Ведь это — доход на собственность. Без него никто не может чувствовать себя хозяином нашего общего дома. Это — доход от владения и распоряжения каждым гражданином нашей страны всеми ее средствами производства по праву общественной собственности. Если последнюю не отождествлять с государственной, а социализм с вымыслами «высшего ума» ее распорядителей, легко понять, что такие средства являются достоянием всякого данного человека и коллектива, населения какого региона, так же как любого другого.

Сумма, с одной стороны, оплаты труда отдельного человека, или трудового коллектива, или населения региона (неважно где — в официальной ли, теневой экономике или там и там) и, с другой стороны, получаемой им (опять же, безразлично где) компенсации в счет упомянутых утрат, которая при должном использовании достаточна, чтобы привести его конкурентоспособность в общественном разделении труда в согласие с заинтересованностью в определенном социально безопасном занятии (в какой-то структуре хозяйственной деятельности) и в соответствующем образе жизни, составляет интегральный доход такого хозяйственного агента. Этот доход характеризует всеобщую ценность его образа жизни для всех нас. Потому и называю это дальше всеобщей ценностью индивидуального образа жизни.

Должное использование такой компенсации предполагает ее расход не на личное потребление непосредственно, но на все то (общее образование, профессиональная подготовка, техническое оснащение и т. п.), что со временем может превратить притязания на конкретную деятельность, адекватный ей образ жизни и нужные для этого средства со стороны хозяйственных агентов, пока неконкурентоспособных, в экономически состоятельные, а разделение труда в обществе — в процесс, подлинно состязательный. Допустим, такое разделение ориентировано на максимальную эффективность не в смысле «общественной полезности», а для всех людей с позиций удовлетворения их интересов. Тогда, побеждая в этом состязании конкурентов, люди вместе с общественным признанием их притязаний на желанные занятия смогут содействовать ее росту и добиваться повышения своего благосостояния ²⁸.

В таком случае на смену прежнему экономическому основанию обмена приходит новая его эквивалентность, соответствующая всеобщей ценности индивидуального образа жизни как главному ори-

ентиру развития общественного производства. Это — тождество изменений интегральных доходов его участников. Равновеликие с такой точки зрения количества разных благ, взятые в любых иных измерителях, как правило, отличаются друг от друга. Благодаря этому обеспечиваются вложения, которые необходимы, чтобы выявить и привести в действие задатки людей, превосходящие их известные и используемые в народном хозяйстве способности. Тем самым разрешается чреватое кризисом противоречие между разделением труда и распределением его результатов. Затем оно опять проявится, на следующем витке нашей жизни, и снова будет разрешено, обнаружится опять и т. д.

Чтобы это происходило в нашем подзаконном хозяйстве, выбивая социальную базу из-под коррупции и организованной преступности, оседлавших теневую экономику, мало декларировать отказ бюрократии от обладания истиной в последней инстанции, в том числе и по поводу того, что общественно полезно, а что — нет. На эти-то вопросы в конечном счете лишь рынок товаров, труда, капитала, на котором государство — равноправный с другими партнер — и может ответить безошибочно. Нужны еще в таком хозяйстве и каналы, обеспечивающие упомянутую компенсацию с ее должным использованием. А вот они-то и отсутствуют. Ведь подачки из центра отдельным, слабо развитым регионам детишкам на молочишко (или на строительство собственных Тадж-Махалов) либо из министерств плохо работающим предприятиям, чтобы срам прикрыть (оплатить потребительскую бесполезность их продукции) — не на то и не оттуда.

Такие подачки лишь усиливают территориальную дифференциацию экономических условий хозяйствования, при которой ни одно производство, желаемое населением этих регионов, чтобы повысить свое благосостояние собственным трудом, размещаться там так и не станет. Нарращивают они и различия предприятий по технической оснащенности, качеству кадров, условиям труда. Составят ли так когда-нибудь отстающие предприятия конкуренцию передовикам? И что же те, если у них вовсе не рента, а их кровные забираются на пропитание нахлебников, которые так никогда им в затылок и не задышат, ужель станут совершенствовать свое производство? Конечно, нет. И стоит ли тогда удивляться напору теневой экономики, таких безобразий не допускающей, потому, в частности, что она как раз и является тем самым каналом, которого лишено официальное хозяйство. И надо ли в связи с этим тыкать пальцем в регионы, жителям которых такая его ущербность особенно осложняет реализацию в нем творческих задатков и подъем уровня жизни в опоре на них? Или у этих людей, кроме страсти к размножению, ничего «лишнего» внутри нет?

Любопытно вот что: этот канал как нельзя лучше сопрягается с правилами эффективности хозяйства при рыночном механизме распределения средств, так сказать, текущего пользования, когда наилучшие из них попадают преимущественно тем, кто по их уже выявленным способностям может применить эти средства с наибольшей

отдачей для общества. Говорят, правда, что такой механизм требует частной собственности, ибо собственность общественная оскопляет рынок. Приводят тьму примеров из жизни. С ней не поспоришь. Но вот только общественную собственность отождествляют с государственной, не утруждая себя доказательствами. Оглянуться бы им по сторонам: откуда шквал аплодисментов-то валит, и что за люди все встают? Иные же знатоки нашего хозяйства, услышав, что нет — это не одно и то же, требуют объясниться, дать тогда пощупать собственность общественную.

Восприятие собственности исключительно как явления физического, отношения имущественного и только — вот в чем здесь все дело. Рискуя навлечь на себя гнев и сарказм членов Клуба таких знатоков, утверждаю: те, кто проговариваются, будто накоротке знакомы с частной собственностью, а общественную в глаза не видели, по поводу одного бахвалются сами и вводят в заблуждение других, а по поводу иного — остается развести руками, уж больно выбор причин невелик. И частную, и общественную собственность «чистую как кристалл», пощупать нельзя: это — не более, чем абстракция, что легко уяснить, взглянув на собственность как на явление и отношение экономическое.

Частная ли собственность то, чем вы владеете и распоряжаетесь, что вы используете и даже можете продать, если вместе с тем вам приходится платить за это налог — делиться с другими частью извлекаемых доходов, размер которой определяется не вами? Разумеется, нет, хотя имущество-то это — ваше. А может ли относиться к нему как к своей собственности кто-то иной, с кем вы делитесь этими доходами в размере, прямо зависящем от его хозяйственного поведения, и кто, благодаря такому прибытку, способен и купить у вас это имущество на выгодных для вас условиях или сделать так, чтобы его распорядителю, если это — не вы, стало прибыльным доверить использование соответствующих вещей именно ему? Тут ответ другой. И не имеет значения, согласно закону или в обход его, в каких формах и по каким мотивам происходит этот дележ. Вот мера его — иное дело. Из-за нее собственность может оказываться ближе к частной или к общественной. Важно, насколько полно возмещаются потерпевшим их утраты при разделении труда и размещении хозяйства, лишает ли такой дележ и в какой степени других доставленного их способностями или сохраняет за ними ренту, в основе которой лучшие внешние условия деятельности, сам ее характер. Общественная собственность имеет место, когда потери в оплате по труду любого производителя как звена в системе разделения труда из-за уступок другим предпочитаемого вида деятельности и реального пользования нужными для нее ресурсами возмещаются ему в качестве их собственника через доход от имущества за счет ренты, которую извлекают эти другие люди как его действительные пользователи. При частной собственности ничего подобного нет.

Так что же претворяют в действительность отношения всеобщей ценности индивидуального образа жизни, которые реализуются миллионами наших тружеников, вовлеченных в теневую экономику? Ведь через компенсацию в ней утрат от официального положения такие люди получают действительный доступ к тому, что теряют, уступая другим реальное пользование в легальном хозяйстве какими-то из общественных средств производства. А эти другие при изъятии у них таким образом ренты отдают то, что приобретают благодаря реальному распоряжению такими средствами не в силу своих способностей, но за счет лучших внешних условий, самого характера их контролируемой государством деятельности. Значит, экономически (а по-другому этого и не может быть) индивидуальная собственность воспроизводится в качестве общественной на основе кооперации, как и предвидел Маркс²⁹, хотя он, конечно, не мог, предполагать, что такая кооперация в стране, именующей себя социалистической, будет понуждаться через теневую экономику.

Когда толкование собственности как имущественного отношения абсолютизируется, возникает версия о множественности ее форм, которые смешиваются с разными способами владения и распоряжения вещами, пользования ими, встречающимися в любом обществе. Это — личный, кооперативный, групповой, коммунальный, корпоративный, государственный и другие способы. Каждый из них при том или ином хозяйственном механизме, препятствующем или потворствующем реализации отношений всеобщей ценности индивидуального образа жизни, может принимать форму собственности, более или менее близкую к частной или к общественной. Но известен только один — государственный, которому самому по себе подобное приближение не дано, ибо государство само с собою в налоги не играет. Обрети этот способ где-то монопольное положение в хозяйстве, и «щупай» себе частную собственность высшей пробы сколько заблагорассудится. Такое едва и не произошло у нас, если бы не теневая экономика. В отсутствие или бессилье других его оппонентов этот всегда набирает силу³⁰. Иначе общественное производство совсем утратило бы движитель прогресса, который в единстве и борьбе противоположностей. Теневая экономика — упразднимый лишь ценой гибели самого общества, неотъемлемый от него механизм обратной связи, который сигнализирует о дивергенции целей государственной власти и интересов населения страны.

Сегодня не счесть государств, где при наличии и успешном функционировании товарного рынка, фондовой и трудовой биржи обычные явления — дифференциация налогов и процента, тарифов оплаты и субсидий на образование, участие трудящихся в распределении прибылей и акционерном капитале, льготы развитию хозяйства в депрессивных регионах и т. п. Все это — каналы, через которые исторически сложившиеся там способы имущественных отношений вполне легально экономически приближаются к общественной собственности. У нас же этот процесс протекает в основном подпольно, в формах

конспиративных, на которые обречена теневая экономика, а потому тормозится, размывается и искажается деформациями нравственных устоев миллионов труженников — его участников и осаждающими их силами паразитарного капитала, коррупции, организованной уголовщины.

Однако, прежде чем отдавать теневую экономику на откуп криминалистам, следовало бы вспомнить слова отцов марксизма: «понятно, насколько трехлетний режим жандарма, освященный режимом попа, должен был деморализовать незрелые массы» в Великую французскую революцию³¹. На долю же наших труженников пришлось десятилетия этого и потом «период застоя», когда, в полном соответствии с высказыванием П. Я. Чаадаева, пусть и адресованным иному времени, «каким же образом, скажите, могли зародиться хотя бы самые элементарные понятия справедливости, права, какой-либо законности под управлением власти, которая со дня на день могла превратить в рабов целое население свободных людей?»³². И не стоит отделять себя от этих людей, а то получается совсем по Есенину³³:

*Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...
.....
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...*

А вот отделить от них и ликвидировать паразитарный капитал, коррупцию, организованную преступность нужно и можно. Но как?

Эти силы прежде всего приковывают внимание «реалистов», которые надеются избавлением от самой теневой экономики в качестве их носителя решить наши многотрудные хозяйственные проблемы. Ф. М. Достоевский и здесь не оплошал: «Реализм, — писал он, — есть ум толпы, большинства, не видящий дальше носу, но хитрый и пронырливый, совершенно достаточный для настоящей минуты»³⁴. А минет эта минута, что тогда? С одной стороны, это выход, очень оригинальный, еще никем не опробованный: если приспичило слить воду из корыта с ребенком — переворачивай корыто. Вот западные специалисты по нелегальной экономике думали-думали, а такого эффективного лекарства для своего хозяйства не нашли. С другой стороны, тут и выхода-то вовсе нет, и не потому отнюдь, что попытки уничтожить теневую экономику карательными акциями напоминают в лучшем случае борьбу с ветряными мельницами.

Самим своим способом производства созданный нами общественный строй неотвратимо восстанавливает развороченные правоохранительными органами. Меняются лишь декорации и лица, на место одних заступают другие, обогащенные опытом предшественников и более сноровистые в мимикрии. Усердие этих органов, расширяемых, модернизируемых для таких акций и отвлекающих от хозяйственных дел все больше физически самых здоровых людей (это при наших-то технологиях), лишь обескровливает хозяйство в целом. А пока происходит восстановительный процесс, потребитель не только не испытывает облегчения — напротив, его тяготы ужесточаются. При нынешних наших пустых прилавках это особенно ощутимо. Процесс окончательного замещения теневой экономикой государственного производства можно затормозить репрессивными мерами против всех ее участников без разбора, но нельзя прекратить, пока он сам не достигнет своего логического завершения в полном исчезновении хозяйственных форм, унаследованных нами от прошлого. Но в таком случае наш строй будет становиться все более похожим на тот, который утвердился у других «гладким способом», однако во всех отношениях перевернутый с ног на голову и лишенный каких-либо противовесов попыткам паразитарного капитала в союзе с организованной преступностью легализовать свое господство, установив над обществом диктатуру фашистского толка.

Допустить такое вряд ли в интересах самой бюрократии в целом как пока еще властвующей элиты. Но чем значительней, целенаправленной и действенной ее усилия затормозить этот естественный процесс становления отношений всеобщей ценности индивидуального образа жизни, который ни прекратить, ни перескочить нельзя, тем интенсивней эрозирует общество, выделяя, с одной стороны, рафинированный биологический фермент человека — уголовщину, а с другой — его столь же рафинированный идеологический фермент (чтобы не наносить обид, не буду уточнять, кому нынче наиболее присущ фанатизм как его отличительный признак). Это ведет к народной трагедии — тем самым опять создаются условия для исчезновения человека в таком синтезе безыдейности и духовной опустошенности с физической отчужденностью, который грозит самоуничтожением общества.

Что делать?

Надвигающийся катаклизм еще можно предотвратить, но лишь распротранив «новое мышление» на сферу внутренних отношений и предприняв, пока не поздно и поляризация общества не достигла критической точки, практические шаги, способные замедлить этот процесс, приостановить его и консолидировать общество в новой форме организации. Ею может быть форма, которая бы узаконила животворные силы — хозяйственное предпринимательство, реализующее отноше-

ния всеобщей ценности индивидуального образа жизни, и неформальные демократические движения, выражающие «теневое общественное мнение», — связав их в единство, органично антитоталитарное и невосприимчивое к коррупции. Как говорится, «жизнь или кошелек», и ничего иного история не предлагает тем, от кого это пока зависит.

Решая такую задачу с расчетом на успех предприятия, полезно иметь в виду, что «прогресс человеческого разума состоит не в том, чтобы налагать на мир законы собственного изобретения, а в том, чтобы непрестанно приближаться к более совершенному познанию тех законов, которые миром управляют» (П. Я. Чаадаев)³⁵. А подобные законы применительно к миру человека проявляются на множестве инициатив, индуцируемых индивидуальным самосознанием. Именно таковы отношения всеобщей ценности индивидуального образа жизни, выросшие из традиционных рыночных и отрицающие теперь их так же, как отношения государственной собственности. Это и есть основа для легализации теневой экономики с одновременным обезоруживанием коррупции, а наилучшая форма такой легализации — всеобщий хозрасчет, предполагающий право каждого на доходы не только от своего труда, но и от своей собственности, и необходимость самому окупать не одни лишь затраты на свою деятельность, но также и занятые ею.

Такой хозрасчет должен охватывать не единственно «основное звено» общественного производства (предприятия), но и государственные хозяйственные органы, и заменяющие иные из них государственные концерны. Затрону далее лишь суть его организации именно в приложении к этим органам, перевод которых на хозрасчет обычно вызывает опасения, связанные с их монополистическими поползновениями в нынешнем положении. Источник таких опасений — упорное нежелание признать регулирующую хозяйственную власть этих учреждений общественным ресурсом, который способен доставлять экономический эффект или вызывать его утрату и потому заслуживает экономической ответственности. Отсюда отождествление хозрасчета министерств, ведомств, региональных и местных органов управления экономикой с хозрасчетом предприятий как якобы единственно возможное. Такой опыт у нас был и подтвердил рост злоупотреблений со стороны этих органов в распоряжении материальными ресурсами, ценообразовании и т. д. На этом основании в дополнении к теневой экономике изобретается еще один ложный «образ врага», теперь уже того, что призвано легализовать ее, избавив от пороков, что особенно актуально в наших условиях, когда ответственность нравственная, имеющая своим коррелятивом тысячелетнюю культурную традицию, порушена, а ответственность политическая, по скудости резерва осведомленных и компетентных специалистов, малоприменима.

На уровне отраслевых, региональных, центральных экономических органов хозрасчет, настроенный на узаконенные отношения всеобщей ценности индивидуального образа жизни тех, кого они представляют, может иметь объектом не саму производственную деятельность,

а лишь управление ею. И устанавливать ответственность он может не за ее продукцию, а за использование регулирующей хозяйственной власти, особенно в народохозяйственном планировании, превращая его в своего рода рыночный механизм согласования различных интересов.

Каждое хозяйственное министерство имеет у нас централизованный фонд средств, которым распоряжается. Пусть он формируется в основном из отчислений фиксированной доли рентных платежей, причитающихся за использование общественных ресурсов от предприятий по профилю отрасли. Расходовать же такой фонд должен главным образом на отчисления этим предприятиям за согласие принять заказы на изготовление той или иной продукции в предпочитаемых министерством (концерном) объемах и республикам за их согласие размещать у себя различные производства отрасли тоже в предпочитаемых им масштабах. Каждая республика имеет свой бюджет. Пусть его доходы в основе формируются из таких отчислений от министерств (концернов), а расходы представляют собой отчисления в бюджеты автономий (краев, областей, районов) за согласие каждой развивать у себя различные виды хозяйственной деятельности в предпочитаемых республикой масштабах и отчисления в фонды развития производств предприятий, подобные отраслевым.

Теперь, чтобы хозрасчет заработал на реализацию отношений всеобщей ценности индивидуального образа жизни, исключая их осуществление через теневую экономику, необходимо, прежде всего, установить четкую зависимость размеров доходов и расходов всякого такого фонда или бюджета от качества плановых решений его распорядителя. Допустим, в результате решений министерства конкурентоспособность отрасли (или из-за решений правления концерна — его конкурентоспособность) в состязании за доступ к наиболее ценным, эффективным общественным ресурсам понижается. Или плохо согласовано размещение заказов с интересами предприятий и республик. Значит, станут уменьшаться доходы и увеличиваться расходы ведомственного фонда. Медленнее улучшается удовлетворение потребностей населения республики, слабо согласовано развитие ее хозяйства и участие в межрегиональном обмене материальными ресурсами с интересами жителей ее внутренних образований, других территорий, отраслей и предприятий — то же самое будет происходить с доходами и расходами республиканского бюджета. Аналогично — на уровне центральных хозяйственных ведомств, ответственных за удовлетворение общегосударственных интересов.

Такой механизм «рыночного планирования», представляя собой узаконенные коммерческие отношения между всеми государственными органами управления экономикой, преобразует план из несущей конструкции административно-командной системы в научную основу экономических регуляторов, призванных обеспечить изъятие у одних трудовых коллективов, отраслей, регионов ренты, которую они получают благодаря лучшим внешним условиям и самому характеру деятельности или структуре хозяйства, и компенсацию другим урона,

наносимого общественным разделением труда. Но он не может заменить ни фондовой, ни трудовой биржи, ни товарного рынка и должен взаимодействовать с ними, черпая там информацию о действительных предпочтениях непосредственных производителей и потребителей, и в свою очередь, оказывая на них влияние посредством рыночных заказов государственных хозяйственных органов, нормативов рентных изъятий и указанных компенсаций (отчислений), в переходный же период и через иные каналы ³⁶.

Другое неперемное условие работоспособности такого механизма, основанного на взаимодействии «рыночного планирования» с «натуральным рынком» — назначение общих размеров оплаты труда аппарата каждого государственного органа экономического управления в фиксированном проценте от разницы доходов и расходов соответствующего ведомственного фонда или регионального бюджета. При этом всякие ограничения на численность и состав аппарата следует упразднить, но сам план рассматривать не как директиву, спускаемую «нижестоящим», а в качестве обязательств его разработчиков перед трудящимися и населением со всеми вытекающими отсюда последствиями. Нарушил — плати штрафы, пени, возмещай убытки потерпевшим из фонда или бюджета, распорядителем которого являешься, но и сам получай все это от других в случаях невыполнения договорных обязательств ими.

Кому и куда платить? Если что-то не додано населению, например, сорван план республики по вводу в действие жилья, то — в ее финансовый резерв, который можно использовать на что угодно, кроме оплаты труда республиканского аппарата управления (и привлечь на время строителей от соседей, и ссудить им под дополнительные поставки в республику строительных материалов и т. п.). А если против плана что-то не додано предприятиям, допустим, электроэнергии? Тогда плати штрафы их коллективам, а сам получи в региональный бюджет от непосредственных виновников таких нарушений. А вот удастся извернуться и при их грехах план выполнить, то получить-то от них все это получишь, а платить не придется. Следовательно, возрастет материальное вознаграждение аппарата управления.

Возможность таких ситуаций требует наделить каждый государственный хозяйственный орган правом предпринимать под его экономическую ответственность (за счет средств соответствующего фонда или бюджета) любые меры для выполнения его обязательств по разработанному плану: кого угодно стимулировать и поддерживать, создавать любые предприятия и участвовать в любых начинаниях, разумеется, кроме подпольных.

И следует освободить их от экономических санкций по плану, если срывающие его выполнение недоработки государственных предприятий возмещаются продукцией тех из них, которые передаются данным органом в аренду, или изделиями кооперативных и индивидуальных промыслов, иницируемых и поддерживаемых им.

Вот тогда из сабогажника прогрессивных форм хозяйствования аппарат этих органов превратится в лучшего союзника и партнера арендаторов, кооператоров, индивидуальных, цивилизуясь сам и цивилизуя их деятельность. Нужно только не забыть поставить их с государственными предприятиями в совершенно одинаковые хозяйственные условия и исключить создание на таких предприятиях или при них кооперативов и т. п.

Иначе не устранить соблазна наращивания этой деятельности ценою постоянного ухудшения качества продукции и свертывания ее производства на государственных предприятиях.

Разница между доходами и расходами всякого ведомственного фонда или регионального бюджета при организованном так хозрасчете сможет не только заметно возрасти, но и катастрофически уменьшаться в зависимости от качества собственной работы каждого государственного хозяйственного органа. А сообразно этому поведет себя и размер оплаты труда его аппарата. И подобной оценке нечего противопоставить ни его политическим покровителям, ни тем, кто озабочен его коррумпированием.

При плохом отпращивании функций, доверенных этому органу, ни ордена, ни «левые деньги» не скроют факта его банкротства, влекущего утрату его служащими должностного положения, а стало быть, возможностей, единственно притягательных для подкупа. Поэтому паразитарному подпольному капиталу останется лишь один путь воспроизводства — откровенная уголовщина.

Именно так, преобразованием нашего государства в части его хозяйственных функций из политического в экономическое, только и представляется реальным покончить с коррупцией, не разбазаривая значительных средств в ущерб и экономике страны, и фронту борьбы с организованной преступностью, которая заслуживает всего внимания и всех усилий правоохранительной системы.

И его демократизация без такого преобразования с надеждами лишь на многопартийный парламентаризм останется пустым звуком, рождающим не народовластие, а галлюцинации, избавиться от которых ничуть не легче, чем от последствий пережитой нами интоксикации.

«Сущая истина, — писал П. Я. Чаадаев, — что народы, точно так же, как и отдельные личности, не могут ни на шаг продвинуться на пути прогресса или предназначенного им развития без глубокого чувства своей индивидуальности, без сознания, того, что они такое»³⁴.

Так давайте же поймем, что наша «теневая экономика» — не что-то чужеродное, противостоящее нам в качестве очередного врага, от коего все наши невзгоды, а явление, органичное нам таким, какими нас, наше общество, сформировала наша история.

Давайте осознаем, что в сущности это — концентрат всего достигнутого всенародными поисками выхода из тупика, куда мы забрели, — всаха, чтобы с пути не сбиться, выбираясь из него. И не забудем: «Мудрые наследуют славу, а глупые — бесславие»³⁵.

Примечания

- 1 Речь Максима Горького в Петрограде. Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. 1919, с. 3.
- 2 А. Шпеннгауэр. Афоризмы и максимы. Т.П.С.-Петербург. Изд. А.С. Суворина, 1902, с. 48.
- 3 Т. Заславская. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость. — «Коммунист», 1986, № 13, с. 63.
- 4 С.А. Плишкин. Пять этажей подпольной экономики. — «ЭКО», 1989, № 11; О.В. Осипенко, Ю.Г. Козлов. Что отбрасывает тень. — «ЭКО», 1989, № 2; Райг И.Х. Нелегальная экономика не знает границ. — Там же.
- 5 Б. Пастернак. Стихотворения и поэмы. М., «Художественная литература», 1961, с. 246.
- 6 О.В. Осипенко, Ю.Г. Козлов. Указ. соч., с. 48.
- 7 А. Платонов. Чевенгур. М., «Художественная литература», 1988, с. 296.
- 8 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 313.
- 9 В.И. Ленин. ПСС, т. 35, с. 57.
- 10 А. Платонов. Указ. соч., с. 297.
- 11 Ф.М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 18, с. 162.
- 12 Ф.М. Достоевский. Указ. соч., т. 20, с. 218.
- 13 А. Платонов. Указ. соч., с. 244.
- 14 С. Булгаков. Философия хозяйства. Т. 1, М., «Путь», 1912.
- 15 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 91.
- 16 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 416—418.
- 17 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 730, 731, 735, 765.
- 18 И. Гете. БВЛ, с. 257.
- 19 А. Платонов. Указ. соч., с. 339.
- 20 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 40.
- 21 А. Платонов. Указ. соч., с. 275.
- 22 Л.В. Канторович. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М.—Л., АН СССР 1959; В.В. Новожилов. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., «Экономика», 1967.
- 23 Ф.М. Достоевский. Указ. соч., т. 20, с. 239.
- 24 И. Гете. БВЛ, с. 285.
- 25 Г.И. Успенский. Собр. соч. Л., «Художественная литература», 1956, т. 5, с. 101.
- 26 Известно немало случаев, когда люди без профессионального образования опытным путем находили очень близкие к оптимальным решения задач, которые являются предметом специальных математических разработок (задачи о раскрое, о смешивании, различные комбинаторные и т.п.).
- 27 Однако думаю, эксперты поскромничали. Ведь государственный рабочий, получающий зарплату из заводской кассы в положенное время только благодаря тому, что левое производство своими доходами выручило его предприятия — помогло к сроку умилектовать, надлежащим образом оформить, доставить заказчикам и акцептовать его продукцию, — тоже становится участником теневой экономики. А много ли найдется среди нас избежавших этого в качестве покупателей?
- 28 В связи с этим профессиональному экономисту понятно, что составляющие интегрального дохода должны соизмеряться во времени, ибо одна представляет собой источник текущего, а другая как бы отложенного личного потребления.
- 29 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 733.
- 30 Не случайно наиболее велика доля нелегальной экономики (до 17%) в валовом национальном продукте тех западных стран (Швеция, Норвегия и т.п.), где сильна имущественная национализация, и существенно понизилась в Англии при правлении кабинета М. Тэтчер с его политикой приватизации.
- 31 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 159.
- 32 П.Я. Чаадаев. Статьи и письма. М., «Современник», 1989, с. 202.

33 С. Есенин. М., «Московский рабочий», 1989, с. 202.

33 С. Есенин. М., «Московский рабочий», 1958, с. 294.

34 Ф.М. Достоевский. Указ. соч., т. 20, с. 182.

35 П.Я. Чаадаев. Указ. соч., с. 198.

36 Ими при остром товарном дефиците и расстройстве денежной системы могут быть устанавливаемые в плане для совокупности предприятий каждой республики такие квоты ввоза в нее и вывоза за ее пределы материальных ресурсов, которые вместе со всем содержанием плана подлежат коррекции в зависимости от рыночной информации о действительных предпочтениях непосредственных производителей и потребителей и в рамках которых возможно развертывание их конкурентной борьбы за место под солнцем.

37 П.Я. Чаадаев. Указ. соч., с. 205.

Основы теории переходного периода

Еще совсем недавно понятие «переходный период» ассоциировалось у каждого из нас с заботами народа, отвоевавшего власть у помещиков и капиталистов и приступившего к строительству социализма. Нэп, национализация земли, банков, налаживание соревнования, вопрос «кто-кого», коллективизация и индустриализация — все это из содержательных характеристик того, послереволюционного переходного периода. Я не из тех, кто огульно отвергает Великий Октябрь и последовавший за ним переходный период. Это было время больших борений, искренних поисков, трагедий и прорывов в будущее. Я не судья нашим дедам и прадедам. И я смеюсь над теми, кто годен сегодня лишь на то, чтобы открыть консультационный пункт по проблеме, как надо было правильно действовать в начале нашего века. История состоялась, и ее действующие лица не нуждаются в консультациях, не приемлют упреков и не могут учесть чьи-либо советы. Очередь за нами — творить нашу часть истории. И лучше сосредоточиться на этом.

О переходном периоде вновь заговорили в обстановке перестройки. При этом не все. Три идеологии перестройки несет в себе современное советское общество:

1) неосталинистскую, то есть идеологию консервации и реставрации тоталитарного режима,

2) революционно-демократическую, то есть идеологию живого исторического творчества народа, свержения тоталитаризма методом антиказарменной народной революции и поворота общественного развития в демократическое русло, не исключающее при благоприятных условиях и социалистический выбор,

3) либерально-прагматическую, то есть идеологию реформ сверху (революции сверху), при которых масса действует не как инициатор, не как творец, а как исполнитель замысла реформатора.

Не стану развивать теорию консервации и реставрации тоталитарного режима, дабы не помочь своему политическому противнику. Не стану также излагать здесь стратегию и тактику социальных революций в обществах современного советского типа. Эта часть работы сделана своевременно, еще в 1987 г., хотя опубликовать ее удалось лишь попозже, в 1988—1990 гг. ¹.

Займусь теорией переходного периода — так называют либералы-реформаторы свои проблемы, связанные со стратегией и тактикой «революции сверху». Еще точнее было бы назвать нужную им теорию теорией *переводного периода*. Ведь и в самом деле задача реформирования общества представляется либералам-реформаторам как перевод хозяйства и всего общества из одного состояния в другое. И притом перевод по составленному наверху плану.

Задача этой статьи — осмыслить либерально-прагматический взгляд на осуществление перестройки. Ведь цели «революции сверху» могут быть весьма далеко идущими и радикальными. Трудность в нерадикальном характере средств. Идеология антитоталитарной революции снизу рассчитана на сочетание радикальных целей с радикальными средствами их достижения. Либерально-прагматический вариант преобразований живо интересует сторонников революции. В каждый данный момент революционно настроенные силы могут «давить снизу» на реформаторов, заставляя их действовать более радикально. А кроме того, при варианте мирной революции народные силы становятся доминирующими в обществе и подчиняют себе действия реформаторов, трансформируют программу реформ сверху в созидательную программу революции снизу.

Осмысливая либерально-прагматические представления о переходном периоде под углом зрения, во-первых, задач революции сверху, во-вторых, задач революции снизу, придется рассматривать одни и те же явления и процессы с двух точек зрения. Это не беда, это способствует объемному видению мира. Классовый, то есть политический подход не изжил себя. И в наши дни это единственно плодотворный подход. Бедный марксизм! Он так устарел, что мы скоро откроем его заново.

Переходный период и составные части его теории

Переходным периодом принято называть время, в течение которого преодолевается дистанция от исходного качественного состояния общества к его новому качественному состоянию. Переход к новому качеству может быть эволюционным и революционным — все дело в характере разрешаемых противоречий. Именно по этому вопросу коренным образом и различаются либерально-прагматический и революционный подходы к характеру и задачам перестройки. Что же касается состава решаемых задач, то здесь различия, как нам кажется, несущественны. Но по вопросу очередности их практической постановки и решения, а также по вопросу о движущих силах перехода расхождения опять-таки весьма и весьма существенные.

Теория переходного периода должна охватить следующий необходимый и достаточный круг содержательных вопросов:

- 1) характер исходного состояния общества,

- 2) достигнутая степень вызревания внутренних противоречий и оценка кризисности ситуации,
- 3) направление движения (характер возможного нового состояния общества),
- 4) соотношение и взаимодействие социальных сил, заинтересованных в переходе и противодействующих переходу,
- 5) стратегическая программа перехода,
- 6) реальная последовательность действий и возможные варианты продвижения к цели.

Исходное состояние. Общество, в котором мы живем

Вульгарно материалистическое (экономически детерминистское) представление об обществе подсказывает обыденному сознанию: каково на самом деле общество, таково и его представление о самом себе. Отсюда простой и ясный вывод: наше общество называется социалистическим, значит оно социалистическое.

«Чувство социализма» привито нам с детства. Но значит ли это, что действительность соответствует такому чувству? Научных доказательств социалистичности современного советского общества нет. Ученые-обществоведы разделились на три группы.

Первую из них составили (закономерный парадокс!) воинствующие сталинисты и оголтелые антикоммунисты. Их общая платформа в том, что в СССР и в странах современного советского типа построен именно социализм. Правда, в остальном у сталинистов и антикоммунистов диаметрально противоположные суждения. Первые напрочь отвергают очевидное — антинародность, антигуманность сложившейся общественной системы. Вторые — упирают на это очевидное и считают антигуманизм, тоталитаризм сущностью социализма.

Две другие группы обществоведов свободны от оголтелости и способны рассуждать здраво, соотнося действительный смысл слов с жизнью. Социализм — это реальный (реализующийся) гуманизм. Таково его самое общее и краткое сущностное определение. Если в советской действительности мы не обнаруживаем приоритета гуманистического начала, то приходится решительно отказать этой действительности в принадлежности к социализму (говоря словами В.И.Ленина, такая действительность не заслуживает названия социалистической). Революционное видение перестройки начинается именно с констатации несоциалистичности нашего современного общества в силу его антинародности, негуманистичности.

В отличие от революционеров, либералы видят ту же самую действительность в более успокоительном, примирительном ключе. Да, мы живем в обществе, где народ отчужден от власти, где нет социальной защищенности и социальной справедливости. Но ведь нет таких сил, которые были бы против социализма, защищенности и справедливости (тут точка перелома, перегиба, перехода в иное измерение

рассуждений). Поэтому будем считать, что у нас *ранний социализм*, при котором сущностные черты социализма еще отсутствуют, хотя не отрицаются. Гуманизм, демократия — это все появляется, да, не сразу, а через 100—200 лет от начала социалистического строительства. Общество, в котором мы живем, действительно, еще не обладает чертами социализма, оно раннесоциалистическое, досоциалистическое, подготовительное для социализма, оно способно развиваться в социалистическое, обрести черты и гуманизма, и демократии. Оно может стать демократическим социализмом.

Строго говоря, такая идеология — обман и самообман. Приверженность общества социалистическому выбору здесь просто декларируется. Нужно еще доказать, что массовому сознанию присуще хотя бы «чувство социализма». Но даже если оно присуще массовому сознанию, требуется еще научно точно определить, не обманчиво ли это чувство, соответствует ли оно общественной реальности.

Состояние общества может быть по-разному интерпретировано, особенно если его оценивать не статически, а динамически, и притом находясь не вне этого общества, а внутри него.

Так оно и происходит, отчего и имеют место существенные расхождения оценок. Из мира фактов спор переносится в мир тенденций, а сравнительная сила тенденций, вероятный исход их исторического противоборства рассматриваются сквозь призму субъективного тяготения к тому или иному реально возможному варианту будущего. Все по-своему правы, а обществоведческая истина остается, как и прежде, плюралистической. А нас-то уверяли новые мудрецы, что классовый подход мертв!

Значит, у нас есть основания констатировать бесспорные факты, характеристики и тенденции современного советского общества. И уже на этой основе установить размежевание интерпретаций состояния нашего общества. Похоже, что другого выхода в рамках «культурной дискуссии» нет.

Примемся за констатации. Постараемся охватить ими основные стороны жизни общества.

Первая сторона — политическая система. Фундаментальный факт, признаваемый теперь всеми, — отчуждение народа от власти, монополия на власть правящей касты. Решающим является то обстоятельство, что государство, его органы и институты противостоят народу. Их функции носят командно-карательный характер по отношению к собственному народу, а не защитительно-гарантирующий.

Весь режим власти тоталитарный по своему характеру, антидемократический. Отсутствует равноправие по той причине, что государство неправовое, что нет закона, правосудия и правопорядка. Правовоподобное регулирование жизни общества на самом деле есть система произвола, разрешения и запрета по усмотрению управляющего.

Вторая сторона — идеология. Отчуждение народа от власти, узурпация власти господствующим аппаратом предполагает (требует для своего воспроизведения) как минимум политическую дезактива-

цию народа, а как оптимум — экстатического верноподданничества. Вот почему страх (запугивание) и спекуляция на популярной идее — взаимодополняющие компоненты идеологии для массового сознания (для господствующей касты требуется и существует иная идеология). Не допускается не только плюрализм организаций и общественных действий, но даже разнообразие мнений. Тотальное единообразие идеологии и политической практики поддерживается репрессиями, изоляцией от внешнего мира и демагогией. Сила репрессий при тоталитарном режиме современного советского типа прямо пропорциональна влиянию на умы социалистических или хотя бы просто общедемократических идей. Тоталитарный строй в СССР возник как результат контрреволюции под лозунгами социализма. Социалистическая фразеология маскировала подмену и идеологии, и практики социалистического строительства. Большие репрессии 30-х гг. преследовали задачу подавить размах массового социалистического сознания, вызванный революцией. Каждый подъем активности народа вызывал со стороны тоталитарного режима соответствующий контрудар. Вспомним патриотизм и героизм времен войны и репрессии 40—50 гг., оттепель и андроповско-сусловские психушки, борьбу с инакомыслием в 70—80-е годы. Перестройка всколыхнула сознание масс, подняла активность. Великие репрессии потребовались бы тоталитарному режиму для восстановления себя самого. Он может их провести, если мы дрогнем. До сих пор ему удавалось. Но должно же хоть раз удастся и нам! Не вечен же этот распроклятый сталинизм!

Третья сторона жизни советского общества — экономика. Привычное для нас изображение экономического строя СССР включает следующие ключевые идеи: 1) собственность у нас общенародная (государственная), то есть социалистическая; 2) уровень обобществления производства очень высок, реально сложился единый народнохозяйственный комплекс; 3) имеет место демократический централизм как тип управления хозяйством; 4) планомерное управление хозяйством в целом дополняется широкой оперативной-хозяйственной самостоятельностью трудовых коллективов и трудящихся. И так далее. При внимательном же рассмотрении оказывается, что все это — лишь псевдосоциалистический словесный камуфляж откровенно тоталитарного, антинародного режима хозяйствования.

Первая ложь в отношении советской экономики — это приписывание собственности общенародного, социалистического характера. На чем основана эта ложь? На неправомерном знаке тождества между государством и народом. Даже если бы отношения собственности сводились к имущественным отношениям, то и в этом случае нельзя было бы ставить знак тождества между общенародным и государственным. Требовалось бы доказать, что государственное управление имуществом ведется в интересах народа. Доказать такое применительно к советской действительности невозможно. В подобное доказательство не вписываются ни милитаризация хозяйства, ни подчинение его задачам военной и экономической экспансии, ни игнорирова-

ние экологических и социальных ограничений при хозяйствовании (то самое «хищническое использование» природы и человека), ни многое-многое другое.

Но нельзя забывать, что отношения собственности не сводятся к имущественным. Собственность — власть в хозяйстве, социально-политический тип хозяйствования. Как в обществе, так и в хозяйстве народы СССР отчуждены от власти. Государство в СССР — не народное, чуждое народу. Государственная собственность в связи с этим также не имеет ничего общего с общенародной. Общенародность собственности означает прежде всего защищенность каждого хозяйствующего субъекта народом в целом через народную государственную власть. Современный советский строй являет нечто прямо противоположное: посредством государства народ отчуждается от власти, каждый хозяйствующий субъект посредством государства лишается возможности получить защиту народа. Хозяйствующие субъекты не ассоциируются имеющейся в СССР хозяйственной властью, а разъединяются, диссоциируются.

Вторая ложь о современной советской экономике касается степени ее обобществления. В обычном политико-экономическом смысле обобществление понимается как степень органической связанности, спаянности воедино различных хозяйственных явлений и процессов. Эта связанность, спаянность должна быть внутренним свойством хозяйства, подобно тому как в живом организме специализация систем и органов вызвана потребностями целостности. Советское хозяйство, конечно же, содержит в себе немало моментов действительного единства. Но немало в нем и такого, что идет от командования, от сконцентрированности власти наверху. Вот эту сконцентрированность власти, степень централизации управления чаще всего и принимают (или выдают) за степень обобществления хозяйства. Глубокое заблуждение. Сконцентрированность функций управления далеко не всегда оправдана внутренними потребностями функционирования хозяйства, а очень часто представляет собою разрушение возможного обобществления. Достаточно назвать проблемы рынка и любых других горизонтальных хозяйственных связей. Их либо нет, либо они ослаблены до дистрофии. Прибалтийские республики, к примеру, несколько десятилетий не имели прямых межреспубликанских связей, а устанавливали их кружным путем, через «сильный центр». Единый диспетчерский пункт советского хозяйства нам все время изображают как единый народнохозяйственный комплекс. Но комплекс — не подведомственность, а реальная связь. Реально же связь внутри экономики порвана, подменена административно-командной связью. Вот в чем дело.

Подобным же образом обстоит дело и с демократическим централизмом. О том, существует ли централизм в СССР, можно спорить. Централизм как субординированность, как органическое единство системы, устроенной иерархически, относится в СССР разве что к системе командования обществом. Но хозяйству внутренне не присущ

централизм, нет экономической субординированности, нет единства, достигаемого через самостоятельность действий органически увязанных звеньев хозяйства. Централизм придан хозяйству как некий внешний для него объединитель, не дополняющий, а заменяющий собой экономические субординированные связи. Не централизм, а командование — вот что есть в советской экономике. Вопрос о демократизме отпадает при этом сам собою. В неправовом государстве, да еще при отчуждении народа от власти нет и не может быть демократического управления. Тип управления, свойственный хозяйству СССР, — командно-карательное управление.

Четвертая ложь о советском хозяйстве — будто оно ведется планомерно, а планомерные решения, касающиеся хозяйства в целом, дополняются хозяйственной самостоятельностью и инициативами снизу. В принципиальном плане основные возражения на это связаны с приведенным выше раскрытием характера централизма. Тоталитаризму свойствен мертвящий централизм, когда движущее начало вынесено за пределы движущегося. Становясь внешним по отношению к хозяйству, управление приобретает вид командования, то есть полной противоположности самоуправлению, демократии, добровольному сознательному централизму. Планомерность как сознательная целесообразность вырождается при этом для хозяйства и для каждого хозяйствующего субъекта во внешний (спускаемый сверху) план, в жесткое предписание конкретных действий. Управляющий при этом действует планомерно, а управляемый — слепо, бессознательно, повинувшись указанию извне, по чужому плану. Хозяйствующие субъекты, люди, работники отчуждаются от планомерной деятельности. Их инициатива не имеет своим предметом их интересы, а своей целью — саморазвитие той хозяйственной среды (формы), в которой они находятся. Это инициатива исполнителя приказа. Правда, исполнение приказа в тоталитарной системе однозначно отождествляется с выполнением долга. Даже долг и совесть становятся критериями пригодности для исполнения только чужой воли, которую рекомендуется воспринять как волю собственную.

Словом, советская экономика, как ее ни оценивай, не подходит под критерии социалистичности. То, что выдается обычно за ее социалистические якобы свойства, — не является социалистическим, а только называется «социалистическими» словами.

Четвертая сторона жизни советского общества — культура. В отличие от социалистической революции, призванной продолжить историческую традицию гуманизма и приумножить гуманистические накопления, тоталитаризм задерживает прогрессивное развитие, пытается повернуть его вспять, осуществить антигуманистическую (фашистскую) альтернативу в истории. Таким целям и действиям тоталитаризма адекватно враждебное отношение к культуре, к накоплениям цивилизованности. От презумпции неблагонадежности до истребления культуры — таков спектр «отношения» тоталитарных

режимов к культуре. Сталинизм и брежневщина типичны в этом отношении.

Гуманизм, социализм, коммунизм (если рассматривать их как идейные течения и идеологии практических движений и обществ) нацелены на свободу развертывания своеобразия и разнообразия как на приоритетную социальную ценность. Разнообразие, своеобразие воспринимается как реальное богатство общества, как реализация его созидательных потенций, как активная культура в ее конкретно-историческом виде. Напротив, для тоталитаризма разнообразие, своеобразие — признак слабости общества, его монолитности, отсутствия единства. Рассматривая единство общества как фактор своей силы, тоталитаризм понимает единство исключительно как единообразие, как *монолитное единство*, а не единство разнообразного.

Тоталитаризм метафизичен как всякое субъективное насилие. Народ для него — объект окультуривания, пользователь одобренного вождями набора культурных благ и форм жизнедеятельности, но, конечно же, не творец новых форм и новых благ, тем более — не свободный их творец, не носитель и не верховный их ценитель.

Не буду развертывать этот тезис применительно к советской истории. Сегодня говорят страшные слова, оценивая итоги культурной политики сталинизма: бездуховность, отчуждение от культуры, разрушение культурных традиций и т.п. Думаю, все это — не издержки полемики, а предварительные оценки. Вся полнота разрушения пока еще нам не видна.

Так что и с этой стороны современное советское общество никак не выходит на социалистические критерии.

Резюмирую. Характер исходного состояния общества — *не социализм и не «ранний социализм», а казарменный псевдосоциализм, тоталитаризм.*

Четкое обозначение *сущностной противоположности* социализма и действительного состояния советского общества, которое является исходным для перестройки («доперестроечным»), невозможно переоценить. Вся концепция переходного периода (состояния), то есть вся концепция стратегии и тактики перестройки как социальной революции несет на себе глубочайший отпечаток того, какой вывод делается из сопоставления по существу социализма и «доперестроечного» состояния советского общества.

Если «доперестроечное» — это тоже социализм, то социальная основа общества признается доброкачественной и ее надо совершенствовать, обновлять, притом можно делать это и радикально. Так складывается концепция перестройки как переходного периода (и в формуле этой уже погашен политический накал, уже игнорирован антагонизм и уже слышатся сладкие мелодии «революции сверху»). Если же «доперестроечное» — не социализм, а тоталитаризм, то сама сложившаяся основа общества не может быть признана доброкачественной, и ее надо ломать, заменять принципиально иной — гумани-

стической, демократической. Так складывается концепция перестройки как социальной революции (и в формуле этой высок политический накал, пульс антагонизма бьется как сердце общества, слышатся позывные революции снизу — мощные, благородные, полные надежд на очищение).

Неправильная оценка исходного состояния, а также запаздывание с правильной его оценкой пагубно сказались на разворачивании советской перестройки. Утверждение, что в СССР построен именно социализм (пусть с недоделками и с извращениями), в период массовой политической активизации (1988—1990 гг.) оттолкнуло очень многих от социалистического выбора, погасило «чувство социализма». Это чувство было иллюзией социализма, но люди ею дорожили, а значит, — она могла стать фактором социалистического выбора в перестройке.

Теперь положение осложнилось. Люди все больше переключаются на поиск выхода не на путях социализма, ибо для массы социализм стал синонимом сталинизма, тоталитаризма. Пошел массовый процесс внутреннего отказа людей от социалистического выбора. Возможно, это повестрие, неустойчивая тенденция, мода. Но тогда надо действовать, чтобы процесс стал обратимым. К сожалению, необходимых действий пока нет.

Известно, что ЦК КПСС назвал свою платформу «К гуманному, демократическому социализму». В проекте платформы дан абрис социалистического выбора, хотя проглядывают черты непоследовательности, во-первых, при отмежевании от прошлого, во-вторых, при определении способов перехода на социалистический путь развития. Не улавливая глубочайшей пропасти, несовместимости сложившегося тоталитарного строя и социализма, платформа ЦК КПСС упрощает и искажает реальное положение дел и реальную сложность исторического выбора. Позволю себе образное сравнение, чтобы резче обозначить суть обсуждаемой проблемы. В платформе ЦК КПСС рассуждение ведется по схеме «нам нужен не любой социализм, а гуманный, демократический, очищенный от извращений, деформаций».

Это похоже на то, как если бы кто-то объяснял: «Наша задача — достигнуть на шкале отметки 10, а сейчас мы находимся на отметке 6. Отсюда — масштаб задач». При этом упускался бы из виду «пустяк»: нам нужна отметка «плюс 10», а мы находимся на отметке «минус 6».

Понятно, что это уже иная ситуация и иной масштаб. Рассуждая о социалистическом выборе, наша партийная идеология сплошь и рядом упускает это различие между минусом и плюсом, преподносит построенный у нас казарменный псевдосоциализм как социализм, как доброкачественную основу социалистического выбора. В этом — огромное заблуждение. И притом опасное для судеб социалистического выбора.

Ведь взяв за основу тоталитарный псевдосоциализм, нельзя построить социализм, а можно на демократический лад модернизировать тоталитаризм.

Кризис: причины, стадии, степени остроты

Долгое время решающие причины неблагополучия в нашем обществе (падение темпов развития, эффективности, неповоротливость воспроизводственной структуры, невосприимчивость производства к научно-техническому прогрессу и т.п.) видели в экономике. Было стереотипное объяснение: а) гигантски выросли производительные силы, усложнились хозяйственные связи, а формы и методы хозяйствования остались практически неизменными; б) эти формы и методы (как и весь строй производственных отношений) когда-то были эффективными и передовыми, а ныне устарели и стали тормозом развития производительных сил; в) нужно изменить формы и методы, производственные отношения, чтобы дать простор развитию производительных сил.

С такими представлениями о причинах «негативных явлений» и путях их преодоления мы вышли к экономической реформе 60-х годов. Судьба реформы показала, что причины кризисных явлений мы вскрывали тогда недостаточно глубоко. Были упущены из виду причины причин. Экономическая реформа была свернута не случайно. Она шла вразрез с корнями социально-политической системы.

Не надо думать, что в 50 и 60-е годы никто не догадывался, что экономическая реформа будет воспринята в штыки правящими органами. Но в том-то и дело, что, предвидя такое сопротивление, сторонники реформы не сомневались, что это сопротивление будет сломлено. Во-первых, потому, что перемены в экономике — перемены в основе общества, так что надстройка должна будет «прийти в соответствие». Во-вторых, сопротивление может исходить, считали мы тогда, от людей и органов, отступивших от социалистического характера системы. Ожидали, что в ходе реформы эти отступления будут устранены, наша социалистическая система возьмет верх. Жизнь заставила нас извлечь уроки из опыта реформы 60-х годов, переменить и расширить представления о причинах и характере кризиса. Обратите вниманис, что система предлагаемых направлений и мер экономической реформы в 80-х годах принципиально близка к замыслам реформы 60-х годов. Но общественный контекст реформы понимается сегодня принципиально иначе.

Начать хотя бы с того, что нужда в экономической реформе прорастает, как теперь стало ясно, не потому, что произошло мощное развитие производительных сил, а потому, что осуществилось и продолжает осуществляться экстенсивное наращивание мощностей и производства, не отвечающих современным научно-техническим возможностям. В результате — некомплексность, диспропорции, консервативность техники, технологии и организации производства.

Привычным стало утверждение, что в предвоенные годы нынешние принципы и формы хозяйствования были эффективны, позволили достигнуть поставленных целей. Но теперь, когда мы стали смотреть на прошлое трезвее и критичнее, напрашивается вопрос: а дейст-

вительно ли в довоенные годы ставились и достигались народные, социалистические цели?

Сегодня причина экономической реформы видится, следовательно, иначе: надо переменить экономическую систему, сложившуюся в «сталинскую эпоху». Эта система ни тогда, ни позже не позволяла организовать хозяйство на основах всемерного развития инициативы масс, утилизации новейших достижений науки и техники. Этот вывод принципиален: не обновить и усовершенствовать, не развить дальше сложившуюся систему организационно-экономических отношений, а признать ее недоброкачественной основой и заменить принципиально новой системой.

Вторая крупная перемена в понимании существа экономической реформы связана с уяснением действительной роли политики в осуществлении хозяйственных преобразований. В 60-е годы многие из нас сокрушались, что на проведение экономической реформы не выделялось даже минимально необходимых (стартовых) ресурсов. Реформа наша, остригли мы, бесприданница. Некоторые, впрочем, добавляли: и беспризорница, имея в виду пассивность высшего партийного и хозяйственного руководства в деле проведения реформы. Насчет пассивности мы были, как теперь стало понятно, совершенно не правы. Пассивность и была активной формой действия против реформы. Неудача реформы 60-х годов прояснила теснейшую связь экономики и политики, опрокинула эконом-материалистические (эконом-детерминистские) иллюзии насчет того, что экономическая реформа мало-помалу активизирует и улучшит политическую систему. Оказалось иначе: экономическая реформа может подводить более прочную основу под политическую власть, но не может качественно «перестраивать» политическую систему. Если власть не работает на реформу, реформе не бывать. В 60-е годы политическая система не работала на реформу, отчасти работала даже против реформы (в идеологии это проявилось как организованная травля так называемого «рыночного социализма» и третирование товарно-денежных отношений как несоциалистических, антисоциалистических).

Стало быть, сейчас мы не делаем прежней оплошности и не упускаем из виду, что экономическую реформу (тем более радикальную) можно сделать только при условии активного действия в пользу реформы всей властной структуры в обществе и в хозяйстве. Но тут возникает самый острый вопрос: примет ли и поддержит ли сложившаяся политическая система радикальную экономическую реформу?

Почему она не поддержала реформу такого типа в 60-е годы? И изменилась ли с тех пор политическая система?

Политическая система с тех пор в принципе не изменилась. И радикальную экономическую реформу эта система не поддержит, постарается опрокинуть по тем же причинам, что и в 60-е годы. Дело в том, что экономическая реформа строится на принципах демократизации хозяйствования, а имеющаяся (созданная сталинизмом) пол-

итическая система не только не является демократической, но и представляет собою антипод демократии. Она — тоталитарная система.

В 60-е годы многие из нас исходили из того, что в принципе в нашей стране и в нашем хозяйстве имеет место демократический централизм, вот только под влиянием особых обстоятельств приходилось делать «перекос» в сторону централизма, а теперь надо как бы подбавить демократии. Не все заметили тогда явную фальшь конструкции «централизм сверху плюс демократизм снизу». В том-то и дело, что такой слоеный демократический централизм оставляет верх без демократии, а низ — без доступа к проблемам, решаемым в центре. Мне приходилось в 60—70-е годы критиковать такое понимание демократического централизма (но не думаю, что эта критика была услышана даже коллегами). Лишь к концу 70-х годов стало ясно, что критика должна идти дальше. Тоталитарная система создает такой централизм, который принципиально не приемлет демократических методов ни вверху, ни внизу. Адекватные ему методы — командно-карательные. Демократизация же остается лишь на словах, как мираж для отвода глаз массам. Любые мероприятия по демократизации, приемлемые для тоталитаризма, — это хоровод вокруг командно-карательной власти, это «воспитание чувства демократии» при отсутствии самой демократии.

Тоталитаризм и есть коренная причина кризиса советского общества и его экономической системы. Не в экономике, а в политической системе коренится причина всех наших бед.

Отсюда следуют по крайней мере два вывода:

1) поскольку причины кризиса имеют явно выраженный политический характер, постольку и преодоление кризиса зависит в решающей мере не от экономических, а от политических действий;

2) стадии развития кризиса и степени его остроты отражают главным образом политическое состояние тоталитарного общества, а экономика при всей ее важности — фактор не первого, а второго ряда.

В соответствии с теорией деформаций и перерождений социализма², деформация строя является кризисным, неустойчивым состоянием общества, когда противоборствуют тенденции к выходу (или возврату) на траекторию, ведущую к первоначальной цели общества, и к окончательному перерождению строя. Движущей силой выхода из деформации является та массовая сила, в сознании которой первоначальные цели движения остаются приоритетными.

Казарменный «социализм» — это такая деформация общества, при которой тоталитарная политическая система отчуждает народ от власти в обществе и в хозяйстве, руководит обществом и хозяйством командно-карательными методами, прикрывает свои подлинные цели и средства (в том числе эксплуатацию и угнетение человека и народа) социалистической фразеологией, в то время как трудовой народ в своем большинстве предан идеалам социализма как идеалам свободы, добра, гуманизма, справедливости и мира.

Представление о казарменном псевдосоциализме как о перманентно кризисном состоянии общества позволяет рассматривать стадии развития казарменного строя как стадии кризиса. По-видимому, история советского варианта тоталитаризма позволяет выдвинуть в качестве гипотезы следующие стадии:

— становление тоталитаризма (от контрреволюции до достижения монолитного единства). Самоназвание этой стадии в СССР — сталинская эпоха;

— поддержание тоталитаризма в устойчивом состоянии (эпоха организуемого застоя). Самоназвание этой стадии в СССР — реальный социализм;

— разложение и ослабление тоталитаризма, попытки его оживления, модернизации. Самоназвание этой стадии в СССР — перестройка, или переходный период.

Возможна, как показал опыт Румынии, стадия агонии тоталитаризма.

Степени остроты кризиса могут быть определены по степени обострения антагонизмов. Исходным является политическая активизация масс. В зависимости от благоразумия тоталитарной власти степень и формы ее противостояния народу могут быть разными. Крайняя по остроте степень кризиса — открытое столкновение властей и народа, например, в форме восстания (Венгрия 1956 г., Румыния 1989 г.). Самая мягкая степень — инакомыслие как заметное социальное явление.

В СССР к весне 1990 г. наблюдается средняя степень остроты кризиса. Ее характерные приметы: народ не доверяет руководству; власти перестают изображать из себя защитников интересов народа, выдвигают идею «сильной власти», «сильного центра» и т.п.; возникают первые акции массового неповиновения, массового протеста, массового вызова тоталитарным властям.

Возможные варианты преодоления кризиса

Из трех идеологий перестройки (неосталинистская, революционно-демократическая и либерально-прагматическая) одна явно не дает надежд на преодоление кризиса. Это неосталинизм. Он рекомендует возврат к старым, сталинским порядкам в модернизированном виде, то есть консервирует причины кризиса, насильно подавляя его проявления. Две других идеологии отражают программу действий по преодолению кризиса. Стало быть, два варианта выхода из кризиса существуют сейчас как основные.

Если говорить броско, то варианты эти таковы: реформы («революция сверху») и революция (революция снизу). Фактически силы общества распределяются между этими вариантами. И эти силы не обязательно должны конфронтировать. Более того, на первом этапе разрешения общественного антагонизма силам этим по пути — от то-

талитаризма к демократии. Но заметьте — по пути им лишь в политической области. Тоталитаризм — главный враг, антинародная сила. Его антипод — демократия, власть народа. Однако народ не един, имеет структуру. По этой причине демократия оказывается понятием с разными смыслами для разных социальных групп.

О нашем советском тоталитарном обществе мы приучены рассуждать по сталинской схемке: это общество, где народ состоит из классов рабочих и колхозников и прослойки — интеллигенции. На самом деле социальная структура тоталитарного общества не может быть описана в терминах классовой структуры. Тоталитарное общество — кастовое. Мы живем сейчас в обстановке перехода от кастового, тоталитарного к классовому, правовому обществу. Эта особенность переживаемого нами перехода и объясняет, почему понятие «демократия» имеет разный смысл для разных социальных групп, а лучше сказать — для разных людей, ориентированных на разные социальные интересы. Ибо будущие социальные группы еще не сформировались на деле, а существуют пока что в идеале, в сфере субъективных устремлений людей, принадлежащих к той или иной касте тоталитарного режима.

Так вот: одни тянутся к абстрактной демократии, которой не может быть в действительности; другие — к буржуазной демократии, третьи — к народной, революционной демократии. По мере продвижения от тоталитаризма к правовому обществу вариантов остается два: буржуазная и народно-революционная демократия. Это варианты политического результата преодоления кризиса (ухода от тоталитаризма).

Что же касается экономических процессов, то и здесь складываются два возможных варианта:

1) переход от эксплуататорской системы тоталитарного государства к более цивилизованным формам капиталистической эксплуатации, становление частно-предпринимательской экономики;

2) переход от эксплуататорской системы тоталитарного государства к системе хозяйствования под руководством народного государства.

В соответствии с этими вариантами формируются и ключевые лозунги. Один из них — разгосударствление, другой — самоуправление. Поскольку в реальном перестроечном процессе складывается большая «сумятица в мозгах» (хорошо выразился М.С.Горбачев!), многим кажется, что разгосударствление, самоуправление (вдобавок к этому переход к рыночной экономике) — все это одно и то же. Но это совсем не одно и то же. Тенденций складывается две: 1) к буржуазной демократии и частно-предпринимательской организации хозяйства, что закрывает перспективу социалистического выбора, и 2) к народно-революционной демократии, когда государственная власть переходит в руки трудящегося народа и меняет характер собственности, оставляя возможность двигаться к обществу без эксплуатации трудящихся.

Основные социальные силы перехода

В кастовом обществе большая часть людей лишена возможности влиять на структуру и перспективы развития общества. В условиях антитоталитарных перемен, разложения и падения тоталитаризма возможность такого влияния оказывается реальной. При этом новые структуры общества не обязательно должны образовываться как комбинация прежних каст в их полном составе. Этим объясняется, в частности, что среди консерваторов-неосталинистов встретишь ныне и рабочих, и крупных писателей, и ученых, и крестьян. А среди либералов-реформаторов могут оказаться представители высшего руководства КПСС, генералы, опять-таки рабочие, ученые и др. Даже в революционно настроенных силах возможны представители разных каст, притом не в единичных количествах, а во множестве. Социальная структура делается мобильной. Переход к новому общественному состоянию совершает не только общество в целом, но и отдельные группы, группки, формирования и лица.

И все же можно выделить основные социальные силы, активно участвующие в переходе от тоталитаризма к демократии. Взаимодействие этих сил формирует облик переходных процессов. Что же это за силы?

Первая — инициаторы перестройки. В условиях тоталитарного строя идея перестройки, демократизации систематически подавляется, а носители и выразители этой идеи приобретают статус диссидентов. Эпоха брежневщины — андроповщины породила новые жестокие и изощренные формы борьбы с инакомыслием и политической активностью (карательная психиатрия, преследования по политическим мотивам, лишение гражданства, остракизм, всенародное осуждение и др.). Подавление идей демократизации входит в механизм организации так называемого застоя. Суть этого механизма — вытравить саму возможность появления политических инициатив и методично пропалывать редкие ростки и свободомыслия, и даже просто инакомыслия. Тоталитаризм осуществляет геноцид инициативы снизу, какой-либо самостоятельности в общественных сферах деятельности.

По указанной причине инициаторы перестройки как социально значимая сила могут возникнуть в тоталитарных условиях либо как диссидентская общность, либо как часть правящей касты, решившей по тем или иным причинам модернизировать режим. Несмотря на совершенно разные конечные цели, обе категории инициаторов перемен добиваются устранения старых форм и методов господства в обществе. Начинается критика сложившейся реальности. Направленность и границы этой критики «реформаторы сверху» пытаются установить в пределах понимаемых ими задач государственной безопасности. На этой стадии идет в ход идеология примата общечеловеческих ценностей, выживания, идеи типа «все мы по одну сторону баррикад» или «все мы в одной лодке».

Политика ограниченной (дозированной) критики устаревших антинародных порядков получила название политики гласности. Это большая заслуга «реформаторов сверху». Она часто недооценивается, но только потому, что современники — не историки, они сравнивают перемены не столько с тем, что было только что, сколько с потребностями общества. А потребности эти значительно превосходят дозы гласности. Вот почему она разными путями расширяется за рекомендуемые сверху пределы, охватывая постепенно как весь круг общественных явлений, так и мало-помалу существо сложившегося строя.

Инициаторы перестройки оказываются при этом в массе своей отстающими от реальных процессов. Все чаще и чаще имеющим власть инициаторам («новой номенклатуре») кажется недопустимой и нарушающей элементарные порядки в обществе инициатива «неформалов». Появляется целая череда «несанкционированных» инициатив. «Реформаторы сверху» становятся в позу охраняющих перестройку от экстремистов, сепаратистов, авангардистов, безответственных элементов. Инициаторы — диссиденты также далеко не всегда способны догнать реальные процессы, но они не могут существенно повредить им.

Вторая сила — «несанкционированные». Их правомерно рассматривать всех вместе, невзирая на подчас противоположные воззрения и несовместимые способы действия. Появление «несанкционированных» в более или менее заметных масштабах — свидетельство новой стадии перехода, когда значительная (заметная) часть общества сознательно противопоставляется сложившимся порядкам, в том числе и установленным сверху порядкам проявления инициативы. Появление «несанкционированных» расслаивает «реформаторов сверху» на тех, кто продолжает быть за перестройку, и тех, кто начинает блокироваться с консерваторами.

Третья сила — активные консерваторы. Они консолидируются на платформе защиты прежних порядков как якобы социалистических. Их непосредственное влияние в обществе убывает, их не слушают, вовсе или воспринимают как экзотику тоталитаризма. Однако они сплочены, в этом их сила и способность к реваншу в случае какой-либо конкретной возможности. Их реваншистские вылазки возбуждают антитоталитаристские силы, помогают им сплотиться, увидеть свою подлинную значимость (яркий пример — демонстрации и митинги в Москве 4 и 25 февраля 1990 г.). Но вылазки и вся деятельность консерваторов углубляют ошибку отождествления тоталитаризма с социализмом. В итоге социалистический идеал (тем более идеология марксизма-ленинизма) утрачивают свои былые позиции в общественном сознании. Деятельность консерваторов, рекламирующих себя как поборников социализма и марксизма-ленинизма, постепенно сводит на нет шансы подтверждения народом социалистического выбора.

Четвертая сила — народная масса. Она не расчленена в политическом отношении, нет устойчивых оформившихся ориентиров в политической перспективе. Сейчас это, к сожалению, часто «толпа», на-

строением которой можно воспользоваться как в добрых, так и в злых целях. Такое состояние народной массы крайне опасно, чревато катастрофами. В ходе вызревания революции вовсе не обязательно состояние, когда народная масса начинена по преимуществу настроениями отрицания и разрушения. В условиях советской перестройки такая ситуация создалась потому, что «реформаторы сверху» очень сильно запаздывали, отставали от реальности, слишком сильно блокировались с консерваторами и тем самым способствовали сосредоточению усилий здоровых сил почти исключительно на прорывах сквозь заперты и разного рода препоны и рогатки.

Так сложились в СССР (конкретно — в России) основные действующие политические силы к весне 1990 г. Это: инициаторы перестройки, считающие перестройку чем-то вроде своей собственности; те, кто «рвется к власти» (так о них пишут официальные газеты), то есть «несанкционированные»; консерваторы, то есть те, кто цепляется за власть; и, наконец, «народ, которому все надоело и который устал ждать».

Само собою понятно, что это ситуативная характеристика политических сил, их моментно зафиксированная диспозиция. Социальный, то есть устойчивый разрез отличается от ситуативного. В общем плане этот разрез ясен. Это антагонизм командно-карательной власти и народа. Появление «несанкционированных» и слабо структурированной народной массы (по существу «толпы») стало обозначать этот антагонизм, однако в крайне опасном ракурсе. Дело продвигается у нас (если давать оценку на март 1990 г.) пока что в сторону обостренных форм противостояния властей и народа. А в интересах народа — не восстание, не румынский вариант революции, а ее мирное развитие.

Хотелось бы со всей определенностью подчеркнуть, можно сказать, абсолютное расхождение взглядов «реформаторов сверху» и сторонников революции снизу на вопрос о возможности и способах обеспечения мирного характера перехода. Либералы (сторонники исключительно «реформирования сверху») уверены, что мирный переход можно обеспечить путем разработки руководством программ и сценариев перехода с тем, чтобы народ активно включался в исполнение таких программ и сценариев. То есть трудовая масса должна ждать решений сверху и быть инициативной в их исполнении. Либералы путают ситуацию революции с ситуацией обычного, так сказать, повседневного эволюционного обновления. В условиях революции мирный переход совершается совсем не так. Мирный характер гарантируется подъемом массы до самых вершин власти, полной доступностью власти для массы. Другими словами, мирной революции не может быть без развертывания двоевластия. Вот где корень, вся сущность решения о мирном характере перехода в обстановке общедемократической революции.

Опыт ряда стран, в том числе и СССР в 1988—1990 гг. подтверждает это. Ведь совсем не случайно все нити политической активности

сошлись в СССР в 1989 г. на отмене статьи 6 Конституции, то есть на вопросе о единовластии КПСС в обществе.

Если устранение конституционного оформления монополии КПСС на государственную власть получит развитие в реальной демократизации политической жизни, путь к мирному развитию перестройки будет открыт. Сейчас требуется создание массовых политических партий и движений, способных представить и отстаивать интересы формирующихся классов общества. Крайне желательно также создание параллельных властных структур, способных подготавливать опыт народа в управлении делами общества. Надо помнить, что мирная революция всегда проходит стадию двоевластия.

Сейчас можно лишь гипотетически обозначить основные социальные силы дальнейшего перехода от тоталитаризма к демократическому обществу. Отметим среди них:

а) рабочее демократическое движение. Это большая сила, активность которой является гарантом мирного хода перестройки;

б) народно-освободительные движения. При мирном, то есть достаточно благоприятном развитии революции такие движения становятся ее мощным фактором. Напротив, блокирование мирного развития революции усиливает националистические моменты в народно-освободительных движениях;

в) общедемократическое народное движение на базе ясно осознанных интересов и политической организованности разных социальных групп;

г) реакционное движение сил, защищающих имперский характер Союза ССР, тоталитаризм, монополию на власть одной партии.

Повторяю, мы живем в кастовом обществе, а переходим к классовому. Разграничить социальные силы переходного периода как по прежним кастам, так и по будущим классам невозможно. Переходный характер общества и его структуры заставляет мыслить о социальных силах общества не категориями «каста» или «класс», а категорией «движение». Как только революция развернется и достигнет исторического перевала, станут различимыми и более или менее устойчивыми будущие классовые деления.

Стратегическая программа перехода и последовательность действий

Самые большие сложности перехода от тоталитаризма к демократическому обществу возникли и возникают в СССР потому, что командно-карательная система власти не желает освобождать историческую сцену, затрудняет рождение нового, мимикрирует под новое. Главный вопрос — расчистка пути новому в экономике, культуре, нравственности посредством кардинального изменения типа власти, посредством перехода власти к народу.

Пока не возникнет народовластие, будет вновь и вновь повторяться провал одной экономической программы за другой. Только правительство, пользующееся доверием народа, способно осуществить действенные меры по выходу страны из кризиса, в том числе и экономического.

Такая принципиальная констатация не исключает возможности готовить и обсуждать экономические программы оздоровления. Если не ошибаюсь, весной 1990 г. правительство в срочном порядке приступило к разработке программы форсированного введения рыночной экономики. До этого была программа, утвержденная II Съездом народных депутатов СССР, а еще раньше — программа, созданная в 1987—1988 гг., начиная от закона о предприятии и кончая законами о кооперации, об индивидуальной трудовой деятельности и рядом других.

Вопрос об общей концепции реформы — один из наиболее сложных и актуальных. Нередко высказываются сомнения насчет того, есть ли у нас вообще общая концепция радикальных преобразований. По-видимому, такие сомнения вызваны мнением, что концепция представляет собой некий писанный и утвержденный проект, а то и с приложениями сетевого графика мер, с проектным заданием для каждой меры и т.д. Но новое состояние механизма хозяйствования нельзя спроектировать наподобие обычного механизма. Метафорическое (через термин «механизм») изображение системы организационно-экономических отношений не должно вводить в заблуждение.

Мне думается, что неправильно требовать и сколько-нибудь детализированного описания будущего состояния этих отношений. Не надо забывать, что новое состояние общественных отношений (в том числе их составной части — организационно-экономических отношений, или же хозяйственного механизма) складывается как результат живого творчества народа. Заранее этот результат невозможно спроектировать, в особенности детально. Но направления перемен можно и предвидеть, и обосновать как цель. В этом случае концепция перемен (особенно если это радикальные перемены) приобретает вид совокупности взаимоувязанных сдвигов, дающих в итоге новое качество. Само это новое качество может быть строго определено не детальными, а сущностными характеристиками. Помимо этого концепция радикальных преобразований предполагает и определение социальных сил, призванных и способных осуществить такие преобразования.

К 1987—1988 гг. сложилась достаточно убедительная и полная система представлений о направлениях и принципиальных мерах радикальных реформ экономической и политической систем. Осенью 1989 г. правительство выдвинуло концепцию «углубления реформы» и мер по оздоровлению экономики. Преимущество новой концепции с первоначальной не очевидно, требуется экспертиза на предмет их взаимосоответствия. Есть основание предположить существенное

несоответствие новых подходов тем, которые были провозглашены в 1987—1988 гг.

Полагаю, что концепция 1987—1988 гг. не требует пересмотра по существу, что ее развитие должно происходить без отступления от основных принципов. В этой концепции (хотя и она не без недостатков) определено новое качество, которого требуется достичь в итоге перестройки. Это слом командно-карательной системы управления, замена ее демократическим централизмом³.

Этот общий стержень преобразований объединяет кардинальные перемены по важнейшим сферам и функциям хозяйственного руководства. Среди них перераспределение функций между уровнями управления; укрепление единого государственного руководства в области целенаправленного, прогнозирования, перспективного планирования и комплексного целевого программирования; расширение хозяйственной самостоятельности и круга компетенций каждого из уровней и звеньев управления; развертывание социалистического рынка, более полное использование регулирующих потенциалов товарно-денежных отношений; развертывание эффективного разнообразия форм хозяйствования; реформа финансовых взаимоотношений хозяйственных звеньев с государством (с обществом); усиление экономического стимулирования и т.д. Органическая увязка реформ экономической и политической систем происходит в виде всесторонней и последовательной демократизации как хозяйственной жизни, так и всего общества.

К сожалению, промедление с демонтажом сталинистской системы, с демократизацией обусловило ряд принципиальных ошибок и факторов, сразу же блокировавших экономически грамотную программу 1987—1988 гг. Уже в момент разработки программы была выдвинута концепция — «начать с предприятия», или, другими словами, концепция предприятия как основного звена, за которое надо всеми силами ухватиться на начальном этапе экономической реформы, чтобы успешно осуществить всю реформу. Я пришел к выводу, что эта концепция ошибочна, не способствует успеху реформы, неверно определяет приоритетность задач в перестройке хозяйственного механизма.

Лозунг «начать с предприятия» очень выигрышен в социально-психологическом плане. Действительно, сразу создается впечатление, что взяли быка за рога, что дело делается в самом эпицентре столкновения всех интересов — в конкретных трудовых коллективах, в производящих звеньях. Однако очень скоро неизбежно выясняется, что предоставленные предприятию права и свободы в законе записаны, а в жизни нереализуемы, что новые правила хозяйствования выглядят маниловщиной перед десятилетиями отлаженной, почти монолитной привычной практической системой. Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)» был введен в действие с 1988 г. и почти сразу же обнаружилось, что действовать в хозяйстве по этому закону практически невозможно. Оказалась неготовой сис-

тема организационных отношений, органов управления и институтов общества.

Хозяйствующее звено — то общественное пространство, на котором основной массив организационно-экономических отношений выходит наружу в максимально конкретных формах, в сложнейших и притом весьма изменчивых комбинациях. Здесь разнообразие максимально, здесь поверхность экономической жизни. Однако было принято решение зарегулировать в первую очередь это пространство, это звено. Сказались, видимо, добрые намерения создать целостную модель хозяйственного механизма. Сказалось и то, что для центральных органов управления самым привычным делом было решение конкретных вопросов работы предприятий (то, что называют еще мелочной опекой).

Однако смоделировать конкретное можно, лишь уйдя от конкретности, упростив представления до сущности, оперируя содержательными абстракциями. Так выходит, что смоделировать работу предприятия, это значит разложить эту работу на функции и на устойчивые комбинации функций, типизировать их, найти формы реализации в масштабах народного хозяйства. Но это значит, если вздуматься, выработать структуру функций управления народным хозяйством и организационную схему распределения (комбинации) функций по уровням управления, типам хозяйствующих звеньев.

Но составители закона о предприятии пошли иным, испытанным путем — составили свод деклараций о правах предприятий, соединив с инструктивным материалом. Предполагалось, что начав действовать по этому закону, предприятие даст мощный импульс переменам по всей надстройке над собою. Так бы, может быть, и случилось если бы по закону 1987 г. предприятие могло начать полноценно действовать. Увы, даже те импульсы, которые пошли от предприятий, не были восприняты всей системой органов управления. Дело приостановилось в положении, очень близком к исходному.

Почему же так получилось? Потому что закон о предприятии 1987 г. — образец доперестроечного мышления (в смысле подходов, методологии разработки). В самом деле, как шла мысль? Наверное так (и примеры тому можно найти в публикациях): 1) экономика — решающий фактор, перестроим экономику — перестроим и все общество; 2) предприятие — основное звено хозяйства; 3) производительные силы, производство имеют примат в обществе, развитие производства вызывает цепную реакцию прогрессивных изменений; давайте начнем с перестройки на производстве — и всем придется подравнивать свой шаг под перестроившееся производство; 4) демократия — хорошо, но прежде чем заниматься политикой, человек должен есть, пить и одеваться, производить, распределять, обменивать, потреблять. Давайте наладим экономику — и тогда демократия примет не форму разглагольствований на митингах, а форму полезной активности на производстве прежде всего, а кроме того и в обществе; 5) пока человек не станет хозяином в своем цехе, на своем заводе,

как он может стать хозяином страны? Не надо громких слов о демократии вообще, начните с хозяйственного отношения к своему рабочему месту, с бригадного хозрасчета, подряда, с самоуправления в своем коллективе, с выборности своего руководителя. И так далее.

Есть разные формулировки, определяющие суть такого хода мысли, подобной методологии. По-житейски просто сказал Ф.Энгельс: иногда придают «больше значения экономической стороне, чем это следует»⁴. Грубо-прямолинейная наука вешает ярлыки «экономического материализма», «экономического детерминизма». Будем избегать ярлыков — они обижают. Обратим лучше внимание на то, что в приведенном способе рассуждений политика всегда оказывается следствием, а экономика причиной. В жизни так не бывает: они взаимодействуют и определяют друг друга, притом не только в порядке обратного, но и в порядке прямого влияния. В этом-то вся суть диалектического и исторического материализма. Жаль, что мы практически утратили эту методологию.

Концепция «начать с предприятия» породила узаконенную модель государственного предприятия. Разнообразие форм свелось к двум моделям хозрасчета. Почти сразу выяснилось, что это ничтожно узкий выбор, а главное, — все нарождающиеся инициативные формы хозяйствования оказались обреченными появляться не иначе, как незаконорожденными. Хорошенькая оказалась гарантия для инициативы! Впрочем, инициатива инициативе рознь. Одна инициатива (законопослушная) либо заглохла, либо пошла на поклон в парторганы (за поддержкой), в хозяйственные и советские органы (за разрешением). Тем самым инициатива не ломала старые порядки, а закрепляла их. Другого рода инициатива воспользовалась неурегулированностью тех или иных отношений и откровенно приступила к экономическому разбою, самоуправству. Тут уж власти стали прибегать к пресечению не по закону, а по своему усмотрению.

Вывод: приоритетная задача (основное звено цепи) оказалась выбрана неверно. Сосредоточение основного внимания на предприятии увело из поля зрения кардинальные проблемы преобразования общества в целом, без чего существенно изменить условия деятельности любого звена и их совокупности просто невозможно, нереально. Предприятие было поставлено в условия, когда оно должно было впредь до осуществления политической реформы бороться со всей старой по существу системой управления, да еще и поддерживаемой прежней недемократической политической системой. Это парализовало ход экономической реформы в самом начале. Была повторена ошибка реформы 1966—1968 гг., когда также начали с предприятий (воссоздание министерств — не в счет, это была воссоздана антиреформенная сила). В итоге дальше предприятий и не двинулись. Тогда, правда, здорово выручил энтузиазм заводчан. Сейчас реформа сколько-нибудь широкого энтузиазма не вызвала.

Таковы мои доводы в пользу утверждения, что главная причина неудач хозяйственного реформирования остается той же, что и 25 лет

назад: разьединенность экономики и политики, неумение видеть их взаимоувязанность, неумение и нежелание наладить эффективное политическое сопровождение хозяйственной реформы — последовательную и уверенную десталинизацию, демократизацию на деле, переход к народовластию.

«Начать с предприятия» — концепция неверная. Верная — «начать с государства». Мысль проста. Чтобы охватить все самое важное и не увязнуть в подробностях, не поставить ненужных ограничений, нужно принять решения о развитии и преобразовании хозяйства как целого. При этом, само собой разумеется, не забыть, что хозяйство — это лишь система средств для достижения целей общества. Поэтому цели и характер обновления общества должны быть взяты в расчет при реформировании хозяйства в целом. То есть начинать надо не со звена хозяйства, не это считать исходным пунктом реформы, а с изменения целообщественного масштаба. Наилучшим образом мы учтем это требование и со стороны задач экономической реформы, и со стороны ее связи с необходимыми политическими преобразованиями, если приоритетным делом будем считать реформу государства, начнем с государства.

Напомню, что характер государства воплощает в себе главное противоречие общества. В нашем обществе — это антагонистическая отчужденность народа от власти, а властей — от народа. Такая отчужденность пронизывает все сферы, экономикой в том числе. Начиная с решения проблемы взаимного отчуждения народа и властей, мы начинаем с коренной проблемы предстоящей революции (перестройки) — оздоровление общего климата в обществе. Начиная с государства, с его переделывания, мы волей и неволей ставим в центр внимания стратегические вопросы и обсуждаем их в ракурсе социальных сил, реально способных изменить положение дел в обществе.

Определим круг ключевых проблем, которые нужно рассмотреть, если начинать от государства.

1. Становление народовластия. Существование власти. Собственность как власть в хозяйстве. Народ и человек как хозяева.

2. Общее направление выхода из кризиса. Реальность социалистического выбора. Целесообразна ли и возможна ли конвергенция нашего общества с капитализмом? Общенародность или многоукладность? Многоукладность или разнообразие форм ведения социалистического хозяйства?

3. Социальная защищенность и социальная справедливость. Проблема доверия народа государству и правительству.

4. Реформа Союза ССР и новые принципы организации народного хозяйства.

5. Нормализация обращения (цены, снабжение, рынок).

6. Социальная защищенность трудящегося (трудовые права и свободы, формирование и реализация трудового дохода).

7. Нормализация денежного обращения.

8. Реформа общественных фондов потребления.

Есть и другие проблемы, но мы ограничимся рассмотрением некоторых из перечисленных, ибо их совокупность достаточно полно отражает взаимосвязь социальных и экономических аспектов созидательных дел революционной перестройки.

Ключевые проблемы перехода

Рассмотрим в самом конспективном виде решающие проблемы выхода страны из кризиса.

Власть, собственность, хозяин. Власть есть объединяющее действие (сила). В обществе с отчуждением и в обществе без отчуждения власть имеет разный характер и разные формы. При отчуждении власть принудительна, в справедливом обществе власть опирается на поддержку управляемых, на добровольность их действий, на понимание справедливости требований со стороны власти. Вот это отношение к власти как к справедливо действующей объединительной общественной функции — суть демократии. Нам предстоит перейти от общества, в котором власть основана на принуждении, к обществу, в котором власть основана на добровольном, осознанном принятии законов и установлений как норм жизни в обществе. Принуждение — формальная власть, непрочное объединение, способное ослабевать и распадаться. Как ни велика принуждающая сила, народ всегда сильнее ее. Но он сильнее в потенции. Главная задача принудительной власти — не дать потенции стать реальностью, не дать народу активизироваться. Всякая активизация ведет к осознанию народом своей силы, своего первородного права на власть. Даже простейшая форма активизации — высказывание собственного мнения — необратимый удар по принуждению.

Собственность неправомерно сводится у нас к имущественным отношениям, тогда как собственность — это и власть в хозяйстве. В этой связи хозяин представляется не как собственник имущества, а как собственник процесса воспроизводства, суверенный субъект хозяйствования.

Крайне важно, чтобы была глубоко понята взаимосвязь народа и человека как хозяев, собственников, субъектов ведения хозяйства. Разные типы этой взаимосвязи лежат в основе разных типов обществ, разных типов хозяйственного устройства (способов производства или хозяйственных укладов). Когда трудящийся народ осуществляет верховную власть в обществе и в хозяйстве (в строгом смысле слова это и есть социализм), тогда положение каждого труженика и трудового коллектива как реальных хозяев (суверенных субъектов хозяйствования, собственников) обеспечивается их функцией представителей всего народа в сфере их хозяйственной деятельности и реальной доступностью для них пользоваться демократическим общенародным государством как политическим выразителем и проводником их интересов. В этой связи общенародная собственность — не глупость и не

способ отчуждения трудящихся от производства. Тоталитаризм помпезно (но без всяких оснований) называет свою антинародную экономическую систему государственной собственностью, общенародной собственностью, социалистической собственностью. На самом деле в государственной собственности тоталитарного (сталинистского) режима нет ни грана ни общенародности, ни социалистичности. В условиях же действительного народовластия, в условиях социализма общенародный характер собственности есть критерияльный признак социалистичности экономической системы, способа производства. Это вывод фундаментального характера. Прошу обратить на него особое внимание.

Магистральное направление и варианты выхода из кризиса.

Магистраль преодоления кризиса предопределена тем, что коренная причина кризиса — тоталитаризм, командно-карадельная система власти как в обществе, так и в хозяйстве. Все, что направлено на демократизацию общества и хозяйства, лежит на магистральном направлении преодоления кризиса, прогрессивно. Это не исключает разнообразия действий, вариантов оздоровления общества и хозяйства. Находясь в целом в русле преодоления кризиса, разные варианты в разной мере эффективны, отражают разные интересы и разные представления о желаемом будущем. С этим нельзя не считаться. На этом должен быть основан сдержанный, демократический подход к оценке разных концепций и доктрин экономического развития.

Многу исследован ряд идеологически острых вопросов, касающихся вариантов дальнейшего развития советского хозяйства. Например, такие: сохранит ли наше хозяйство социалистический характер? Насколько реален для будущего социалистический выбор? Целесообразна ли и возможна ли конвергенция нашего общества и нашего хозяйства с капитализмом? Суть выводов следующая. Вопрос о сохранении социалистического характера нашим хозяйством исходит из того, что наше хозяйство — социалистическое. Наука не подтверждает этой оценки. Правильно ставить вопрос так: может ли советское хозяйство стать социалистическим? По моему мнению, может до тех пор, пока казарменная деформация не привела к окончательному перерождению. Условием социалистического выбора становится теперь анти-тоталитарная революция снизу, то есть наиболее радикальный вариант перестройки.

Преобладание «революции сверху» приведет страну скорее всего к модели конвергенции тоталитаризма с капитализмом, к тоталитаризму с цивилизованным лицом. Много и верно написано о невозможности конвергенции капитализма и социализма. Все тут остается в силе. Но этот вывод не закрывает путь конвергенции с капитализмом казарменному псевдосоциализму. Если казарменный псевдосоциализм пытается выйти из своего кризиса путем ослабления эксплуатации трудящихся, отказа от крайних форм угнетения, попрания прав человека и народов, то почему бы ему не взять на вооружение опыт буржуазной демократии? Либерализация советского хозяйства в форме

конвергенции с капитализмом способна принести облегчение эксплуатации, улучшение организации воспроизводства, вхождение не только в мировую торговлю, но и в мировое хозяйство и т.п. Это было бы реальным улучшением во многих отношениях. Это надо признавать. Но не надо самим думать и других обманывать, что конвергенция советского хозяйства с капитализмом была бы шагом на пути к социализму.

В свете сказанного рассмотрим вопрос о так называемом многообразии форм собственности. Надо различать многообразие форм собственности (многоукладность) и многообразие форм реализации того или иного типа собственности (многообразие форм ведения хозяйства). Конвергенция советского хозяйства с капиталистическим предполагает многоукладность экономики. Именно поэтому программы либерально-демократических и отчасти социал-демократических движений в СССР включают положения о многоукладности. У трудящихся мысль о частной капиталистической собственности непопулярна. Социалистический выбор может допустить многоукладность как тактическую меру, но в принципе основан на общенародной собственности при самом широком разнообразии форм ее реализации (форм ведения хозяйства). Разделительная граница тут — допущение или недопущение эксплуатации чужого труда, сохранение или полное устранение отчуждения труженика от функций собственника, хозяина.

Социальная защищенность и социальная справедливость. Доверие народа властям. Общенародный характер собственности вполне адекватно проявляется в форме социальной защищенности хозяйственной деятельности и в форме социальной справедливости ее организации. Социальная защищенность и социальная справедливость — две высших ценности как демократии вообще, так и особенно социалистической демократии. Социальная защищенность — такое положение труженика и трудового коллектива в обществе, когда их права, свободы и обязанности в сфере хозяйствования определены народом (народной властью), закреплены законами и гарантированы всем общественным правопорядком. Социальная справедливость — восприятие установленных и осуществляемых в обществе порядков хозяйствования как приемлемых, верно отражающих интересы человека, народа, трудового коллектива, общества, словом всех субъектов и участников хозяйственной жизни.

Кризис доверия народа к властям отражает недостаточную социальную защищенность и недостаточную социальную справедливость.

Реформа Союза ССР и новые принципы организации народного хозяйства. Воспроизвожу основные положения специальной научной разработки, выполненной в 1989 г.⁵ Смысл реформы Союза ССР вижу в отходе от имперских отношений и в утверждении союза суверенных республик.

Экономическая система союза должна быть основана на следующих принципах.

Верховными субъектами, организующими хозяйство общества, являются народы, объединяющиеся в Союз ССР. Обладая политическим суверенитетом, каждая из союзных республик имеет право на экономический суверенитет, то есть на верховенство в организации всей хозяйственной деятельности на территории республики.

Суверенитет союзных республик (народов) не может быть урезан действиями Союза ССР. Хозяйственные полномочия Союза ССР возникают на основе добровольного делегирования республиками части своих суверенных прав Союзу. Хозяйственная деятельность Союза ССР организуется союзным государством и союзным правительством без нарушения суверенитета союзных республик.

Народное богатство Союза ССР состоит из совместного имущества союзных республик и народных богатств союзных республик. Совместное имущество (ресурсы) создается союзными республиками по совместному решению (на основе консенсуса) для ведения совместной (союзной) хозяйственной деятельности или другого совместного общественно полезного использования. Вклад каждой республики в совместные (союзные) ресурсы, а также часть эффекта от совместной (союзной) деятельности остаются собственностью республики.

Союзные республики и Союз ССР договариваются о единых принципах организации хозяйственной деятельности и об определенных формах ее регулирования. По кругу договоренностей (на основе консенсуса) государство и правительство СССР вправе издавать законы, постановления и другие правовые и нормативные акты. Все союзные законы и другие нормативные акты, касающиеся хозяйственной деятельности, вступают в силу на территории союзной республики после их регистрации республиканским органом соответствующей компетенции.

Союз ССР осуществляет долгосрочное и среднесрочное планирование народного хозяйства СССР, а также в полном объеме управление совместной (союзной) хозяйственной деятельностью. Финансовая и кредитная системы Союза ССР строятся на основах защищенности экономического суверенитета союзных республик. В соответствии с этим денежная система может быть как единой для Союза ССР, так и состоящей из нескольких денежных систем, вплоть до самостоятельной денежной системы каждой союзной республики.

Использование союзной республикой своего права на самоопределение (суверенитет) в экономической деятельности не должно вызывать ни со стороны других союзных республик, ни со стороны Союза ССР каких-либо противодействий.

Нормализация обращения (цены, снабжение, рынок). Политика инфляции, проводимая начиная с середины 60-х годов, привела к существенному обесцениванию денежной массы (хотя и к неравномерному). Панические оценки современного состояния хозяйства (грозящая катастрофа, хаос, крах и т.п.) основаны вовсе не на скачкообразном ухудшении положения. Они отражают осознание властями своей неспособности переломить тенденции, вызванные экономической

политикой периода застоя. Лозунг оздоровления правилен. Но упор на чрезвычайность мер оздоровления вызывает тревогу, ибо командно-карательная система власти может воспользоваться ширмой чрезвычайности для восстановления и укрепления антидемократических порядков. Здесь требуется особая бдительность масс и немедленное реагирование на любые попытки властей ущемить права и свободы граждан и народов, демократических общественных движений и организаций.

Оздоровление (нормализация) сферы обращения должна происходить при последовательном и неуклонном возрастании социальной защищенности и социальной справедливости.

В основу процесса оздоровления обращения целесообразно положить *сегментирование рынка*. Эта мера включает в себя: выделение республиканских рынков как защищенных от дезорганизующей экспансии и разделении рынка на социально защищенный и коммерческий.

Республиканский рынок, защищенный от дезорганизующих внешних воздействий самостоятельной денежной системой, представляется неперменной составной частью экономического суверенитета в современных условиях. Потребность в сегментировании союзного рынка на республиканские вызывается фактически сложившейся неравномерностью хода перестройки в разных частях СССР. Защищенность республиканских интересов отзовется повышением ответственности республик, ощущением социальной защищенности и социальной справедливости, а в конечном счете созидательной активизацией народных сил.

Что касается республиканского рынка, то и он в свою очередь может быть сегментирован в целях быстрее оздоровления. Для этого нужно будет выделить социально защищенный рынок, а весь остальной рынок перевести на коммерческие основы. Социально защищенным рынком должна стать та часть потребительского рынка, которая доставляет семьям близкий к среднему уровню объем и состав потребления. Право на гарантированное снабжение на среднем уровне защищается карточной системой. Отоваривание по карточкам ведется по твердым государственным ценам (как вариант возможна индексация цен, связанная с ростом средней зарплаты). Когда у населения произойдет твердое осознание социальной защищенности среднего уровня потребления, можно будет постепенно (по группам товаров) и обязательно гласно и под контролем народа осуществлять реформу розничных цен с использованием полной компенсации (то есть такое изменение цен, при котором государство не получает в свою пользу ни копейки).

Коммерческий рынок (весь рынок средств производства и часть потребительского рынка) оздоровляется путем введения равновесных цен. С использования цен равновесия начинается оздоровление. Целесообразно в течение 10 лет осуществлять компенсационное государственное регулирование, задача которого — изъятие части превы-

шения равновесной ценой государственной цены и передача этих сумм в форме дотации покупателям. Если равновесная цена ниже государственной, то покупатель доплатит государству, а государство передаст продавцу эту доплату. В первый год компенсационные платежи и дотации могут составлять 90% разницы между равновесной и государственной ценой, во второй — 80%, в пятый — 50%, в десятый — 0%.

Поддерживаю предложения о введении твердого рубля и о продаже конвертируемой валюты на внутреннем рынке. Что касается акций и других форм вовлечения личных средств в производственные вложения, то это направление оцениваю как фактор усиления инфляции, снижения социальной защищенности трудового дохода. По моему мнению, правда, большого притока личных средств в производственную сферу на добровольных началах произойти не должно, так как отсутствует необходимое для этого доверие народа властям. Это относится также к перспективам добровольного участия в новых 5-процентных государственных займах. Попытки силового распространения акций и облигаций, предоставление владельцам акций и облигаций преимуществ на потребительском рынке вызовут ощущение социальной несправедливости.

Оздоровление сферы обращения возможно без обид со стороны населения. Но эта возможность на все сто процентов связана с темпами демократизации жизни общества и хозяйства. Если же чрезвычайность будет понята как неизбежная непопулярность, возникнут предсказуемые последствия — массовые недовольства и разрушительные формы протеста.

* * *

Лето 1989 г. ознаменовалось выходом на общественную арену рабочего движения. Это кладет конец этапу, когда правительственные программы могли существовать как прикрытие оттяжек кардинальных реформ. В «Декларации основных принципов Конфедерации Труда», принятой в г.Новокузнецке 1 мая 1990 г. формулируется тот облик переходного периода, который устраивает рабочее движение:

«Конфедерация Труда выступает за экономическую самостоятельность предприятий, за развитие регулируемых рыночных отношений по мере осуществления широких социальных программ защиты и улучшения жизни трудящихся. Руководство государственными и коллективными предприятиями должны осуществлять органы и люди, избранные самими рабочими, трудовыми коллективами. Права трудовых коллективов и граждан на хозяйственную самостоятельность, на выбор вида собственности, форм организации производства и труда должны защищаться всей силой демократической государственной власти».

По-моему, очень взвешенный взгляд на вещи. Он вселяет оптимизм.

Примечания

1 Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Размышления о перестройке как о социальной революции. — «ЭКО», 1988, № 5; их же. Действующие лица десталинизации. — «Вестник АН СССР» 1989, № 9; Б.В.Ракитский. Революционный характер идеологии перестройки. — «Вопросы экономики», 1988, № 10 ; Социальные ориентиры обновления: общество и человек. М., Политиздат, 1990; Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Политические предпосылки перестройки общественных отношений. — В кн.: Постигание. М., «Прогресс», 1989, с. 341—356.

2 Первые публикации об этом см. в кн.: Очерки политической экономии социализма. М., «Наука», 1988, с. 57—65; Б.В.Ракитский. Политическая экономия социализма сегодня. М., «Наука», 1989, с. 88—105.

3 Термин «централизм» всегда пугает наших современников. «У нас, — писал В.И.Ленин еще в 1913 г., — смешивают постоянно централизм с произволом и бюрократизмом. История России, естественно, должна была породить такое смешение, но оно остается все же безусловно непозволительным для марксиста» (Полн. собр. соч., т. 24, с. 144). С тех пор произвол сталинистского типа усилил тягу к отождествлению централизма с тоталитаризмом. Сталинистский централизм называл себя демократическим централизмом. Как же трудно теперь пользоваться категорией «демократический централизм» в ее подлинном смысле!

4 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 396.

5 Ракитский Б.В. Проблематика республиканского хозрасчета в контексте перестройки национально-политических отношений в СССР. (Теоретические аспекты). Предпринт доклада на Всесоюзной научной конференции. Таллинн. 1989.

Номенклатура в историческом разрезе

*В России горе от ума
И гибель от чиновников.
Опять пустые закрома
И не найдешь виновников.*

(Михаил Дулин. Грешные рифмы.)

Социализм теоретический

После XIX партконференции КПСС, съездов Советов и сессий Верховного Совета термины перестройки и гласности — «командно-административная» (М.С. Горбачев), «командно-приказная» (Э.А. Шеварднадзе) системы и даже «бюрократический бандитизм» (В.А. Медведев) — начали наполняться конкретным содержанием.

«Правда» пишет о «расслоении партии на «генералов» и «рядовых»: одни решали, другие обязаны были исполнять»¹. В «Дискуссионном листке» № 5 публикуется страстный манифест беспартийной Натальи Морозовой (едва ли не антитеза пресловутым ниноандреевским «не могу поступиться принципами»), где, пожалуй, впервые со времен борьбы «троцкистов» и «сталинистов» фигурирует тезис о «двух партиях» — «партии у власти» (номенклатура — «руководящие кадры райкомов, горкомов, обкомов, ЦК и Политбюро, короче, профессиональные партийцы...») и всей остальной массой «нижних чинов» — рядовых партийцев².

«Партия у власти» (номенклатура), по мнению Н. Морозовой, «называющая себя ленинской, на деле давно (!) отошла от ленинизма...; ни одной заповеди Ленина партия не выполнила» и в чем эта номенклатура преуспела, так это только лишь, по выражению Ленина, в умении «защищать своих мерзавцев»³.

Если бы я не знал, что выpusкавшийся в 1929—1940 гг. в Париже сыном Троцкого «Бюллетень оппозиции» (большевиков-ленинцев) хранится за семью печатями в библиотеках ИМЛ и Центрального партийного архива при ЦК КПСС, куда по сию пору допускаются в строго отфильтрованном виде, я бы подумал, что автор статьи слово в слово все списала из этого бюллетеня. Впрочем, аналогичные мысли о партбюрократии, порвавшей с ленинизмом, можно в эпоху гласности найти не только в «Правде».

«Неделя» (1988, № 43) опубликовала сокращенный вариант обращения (1928 г.) ссыльного «троцкиста № 2» — выдающегося деятеля

болгарского, румынского, российского и международного рабочего движения Х.Г. Раковского «О причинах перерождения партии и госаппарата» к большевикам-ленинцам против сталинского бюрократизма⁴.

После острой критики командно-административной системы на XIX партийной конференции в июне-июле 1988 г. (где, как известно, была даже создана специальная комиссия для подготовки проекта резолюции «О борьбе с бюрократизмом» во главе с секретарем ЦК КПСС Е.К. Лигачевым число статей, разящих бюрократизм и его вышший эшелон — номенклатуру, — не уменьшается, а все растет.

Среди публикаций есть очень аналитические и глубокие, скажем статью народного депутата СССР В. Ярошенко «Партии интересов», который убедительно доказал, что известная притянутая за уши реальность — «система у нас однопартийная, но многоподъездная» — отнюдь не анекдот, а реальность: «у нас очень много партий ведомственных интересов — машиностроительная, военно-промышленная, военная, сельскохозяйственная, мелиоративная. Не забудем энергетическую, газовую, нефтяную, химическую, строительную, торговую (и внешнеторговую), издательскую, медицинскую... Иные из этих партий интересов достаточно многочисленны и влиятельны, они — реальность, за каждой их них миллионы людей»⁵.

Стоило бы лишь добавить, что проблема раскола единой «монолитной» единолично правящей ВКП(б) — КПСС на «партии-ведомства» возникла не сегодня и не после смерти Сталина — она возникла еще в период нэпа. Вот как об этом за 52 года до В. Ярошенко говорил будущий верный сталинец, секретарь Исполкома Коминтерна Д.З. Мануильский на VI конгрессе Коминтерна 22 августа 1928 г.: «Мы вынуждены дробить единую партию на группы, со своими особыми «корпоративными» и «ведомственными» интересами... Пролетарская диктатура, выражающаяся в единстве руководства партии, была бы расплыска, у нас бы образовались своеобразные «партии» с узкими корпоративными интересами, беспрерывно сталкивающиеся между собой»⁶.

Сталин, как известно, по-своему решил эти «партийные столкновения», надолго отбив у «ведомственных лидеров» охоту отстаивать «корпоративные интересы». Но и он не мог, сам создавая номенклатуру партгосаппарата, устранить первопричину этого объективного явления. При Хрущеве «ведомственные партии» расцвели вновь, став в наши дни главным тормозом перестройки.

Троцкий и его сторонники были первыми, кто вскоре после смерти Ильича обратил внимание партии на первопричину этого явления — угрозу «советского термидора»; на отказ от марксовской доктрины мировой пролетарской революции, невозможность построить социализм в одной стране без перерождения партгосбюрократии в «новое дворянство», в «партийных генералов». Тезис Г.Е. Зиновьева середины 20-х годов — диктатура пролетариата или диктатура пар-

тии, диктатура партии или диктатура ее вождей? ⁷ — сегодня, в ходе дискуссии об обновлении партии приобретает как бы второе дыхание.

Впрочем, проблема «термидора» и «нового дворянства», увы, удел не одной только нашей революции. Применительно к Французской о ней много писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Об угрозе появления номенклатуры, («партийных генералов») предупреждал В.И. Ленина в начале века выдающийся марксист Г.В. Плеханов: «Съезд (партии — авт.), составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему «Ура!», одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас, действительно, не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха.» ⁸

Многое из того, с чем мы сегодня столкнулись, предвидел другой выдающийся русский ум — теоретик анархизма, «антигосударственник», неистовый революционер князь Петр Кропоткин. «Каждый революционер, — писал он в начале нашего века, — мечтает о диктатуре, будет ли это «диктатура пролетариата», т.е. его вождей, как говорил Маркс, или диктатура революционного штаба, как утверждают бланкисты...». Ничего из этого не выйдет, пророчески предсказывал «красный князь», ибо все эти революционеры «мечтают о завоевании власти», а власть эта будет осуществляться путем «создания всесильного, всемогущего, всеведующего государства, обращающегося с народом как с подданным и подвластным, управляя им при помощи тысяч и миллионов разного рода чиновников... И если... на другой день после революции, народным массам будет дана возможность высказать свою волю, то это делается лишь для того, чтобы народ избрал своих вождей, которые и будут думать за него и составлять законы от его имени... Вот тайная мечта 99% из тех, кто называет себя революционерами.» ⁹

Впрочем, в международном рабочем движении вся эта полемика не нова. Она восходит к 60—70-м годам XIX в., Ко времени критики М.А. Бакуниным с «идеологии государственного социализма г-на Маркса». Бакунин первым в своей работе «Государственность и анархия» подсказал перерождение носителей идеи диктатуры пролетариата в «новый класс», в номенклатуру: «По Марксу, народ не только не должен его (государство — авт.) разрушить, напротив, должен укреплять и усилить и в этом виде передать в полное распоряжение своих благодетелей и учителей — начальников коммунистической партии, словом, г. Марксу и его друзьям, которые начнут освобождать его посвоему. Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует весьма сильного попечения: создадут единый государственный банк, сосредоточивший все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массу народа разделят на две армии: промышленную и земледельческую, под непосредственной командой государственных чиновников, которые составляют новое привилегированное сословие» ¹⁰.

Так оценивали идеалы коммунистов-большевиков задолго до Октября их оппоненты «слева». Не менее критично были настроены и оппоненты «справа». Видный идеолог кадетов, колчаковский министр и будущий теоретик «сменовеховства» в период нэпа профессор Н. Устрялов писал накануне штурма Зимнего дворца: у большевиков «и замашки-то все старые — привычные, истинно-русские. Разве вот только вывеска другая: прежде — «православие, самодержавие», ну, а теперь — «пролетарии всех стран». А сущность все та же: заставить, арестовать, сослать, казнить... Большевики и прочие «углубители революции» — родные братья царя Николая, как бы они к нему не относились. Их ненависть к нему есть жгучая ненависть соперников, борющихся равными средствами и обладающих одинаковым кругозором.»¹¹

Почти в одни и те же дни, когда Устрялов публиковал свои сенсации в газете «Утро России», Ленин вместе с Зиновьевым в шалаше в Разливе писал свой ответ — «Государство и революция» — и «левым», и «правым» оппонентам.

Он писал, что, действительно, никакого социализма и никакой свободы при наличии государства не будет. Поэтому старое государство с его аппаратом принуждения (армия, полиция, тюрьмы), с его финансово-экономической надстройкой (министерства, банки и т.д.) большевики сломают и заменят прямым самоуправлением народа по типу Парижской Коммуны в форме диктатуры пролетариата, которая, однако, будет лишь временной диктатурой абсолютного большинства трудящихся над свергнутым эксплуататорским меньшинством. Основой этого самоуправления станет «общественная собственность», которая повсеместно заменит «капиталистическую частную собственность», а на этой базе социалистической собственности благодаря прогрессу капитализма «громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции (прежней бюрократии — авт.) станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного»¹².

Конечно, проще всего объявить все эти ленинские прогнозы «химерой», «утопией», «бредом», как в 1918 г. это сделал Г. Плеханов, в 1922 г. — П. Сорокин, в 1924 г. — Н. Бердяев, а уже в наши дни В. Гроссман (повесть «Все течет»), А. Солженицин («Архипелаг Гулаг»), наши соотечественники-историки эмигранты М. Восленский («Номенклатура»), А. Некрич и М. Геллер («Утопия у власти»). Гораздо труднее понять — почему за этой «утопией» пошли миллионы российских рабочих, солдат и крестьян и почему «реалисты» из Временного правительства столь быстро и так катастрофически потеряли контроль и власть над огромной империей?

Широким народным движениям — религиозным и атеистическим — вообще свойственен идеал-утопия, вытекающий из самой природы людей, в массе своей верящих в добро. На вере в утопии держались и держатся все религии мира и мы сегодня уже отказались от прежних вульгаризованных трактовок вроде «религия — опиум для народа». «Социализм — это идея, — говорил за «круглым столом» «Современное видение социализма» в «Правде» известный советский специалист по коллективной психологии масс проф. Г. Дилигенский. — Это мечта, которую надо рассматривать не только в рамках марксизма»¹³

Миллионы телезрителей в СССР совсем недавно, на исходе XX века, века космоса и ЭВМ, затаив дыхание сидели у экранов и ловили каждое слово новоявленных «утопистов» — гипнотизеров А. Кашпировского и А. Чумака.

«Это есть наш последний...», «весь мир насилия мы разрушим...», «наш паровоз вперед лети, в коммуне — остановка...» — не только слова из песен, это была «молитва» миллионов трудящихся, и не только в СССР. А лозунги великих французских революционеров конца XVIII в. (например, о «мире хижинам — войне дворцам»), вновь прозвучавшие недавно на 200-летнем юбилее революции в Париже — их тоже надо объявить «утопией» и вычеркнуть из истории? А призыв «отцов-основателей» США к установлению свободы на всем земном шаре, символом которой стала статуя Свободы в нью-йоркской гавани? Ведь это, если судить о современном мире, тоже утопия — везде ли на земном шаре сегодня свобода «по-американски»?

Нет, критерий утопизма для объяснения истории революций явно не годится. Задним числом объявить революции «ни необходимыми, ни закономерными» все равно, что объявлять землетрясения случайными, «утопичными», происками злой воли отдельных фанатиков.

Но был один аспект ленинской «утопии» в 1917 г., о котором мало пишут даже самые ревностные борцы перестройки с идеологическим наследием сталинщины. Речь идет о марксовской доктрине мировой пролетарской революции, полностью разделявшейся Лениным и большевиками накануне Великого Октября.

«...Мы и начали наше дело (штурм Зимнего дворца.-авт.), — говорил Ленин в третью годовщину Октября 6 ноября 1920 г. в Москве, — исключительно в расчете на мировую революцию»¹⁴. Именно этот «расчет» оттолкнул от большевиков правых эсеров, меньшевиков и другие просоциалистические группировки — они верили в революцию в России, но не верили в мировую пролетарскую (их партии даже не имели таких программных установок).

Более того, Ленин до введения нэпа вообще не мыслил реализацию «утопических» построений из «Государства и революции» об отмирании государства в рамках национальной державы — «...в одной стране совершить такое дело, как социалистическая революция, нельзя»¹⁵. Эта фраза из его речи 6 ноября 1920 г. содержалась во всех трех первых собраниях сочинений, а вот в четвертом и «полном» пя-

том она исчезла и не случайно. На XVI (1930 г.) а, затем на XVII (1934 г.) съездах Сталин был провозглашен равным Марксу, Энгельсу и Ленину теоретиком за главное свое «открытие» — возможности построения социализма в одной стране.

Ни у кого — ни у Маркса и Энгельса, ни у Ленина вы не найдете этого, по ироническому замечанию К. Радека, «социализма на одной улице», «в одной комнате».

В свое время Троцкий в эмигрантских трудах подробно разобрал эту сталинскую школу фальсификаций важнейшего теоретического постулата марксизма, который сегодня очень многое объясняет нам в истории возникновения «бюрократического бандитизма»¹⁶. Скажем, начавшуюся на другой день после Октября «социализацию» и «коммунизацию» не только экономической, но общественной и личной жизни в Советской России.

Конечно, условия гражданской войны и интервенции наложили свой отпечаток. Но главное было в другом — в немедленной реализации теории строго по Марксу (из «Критики Готской программы») и по Энгельсу (из «Анти-Дюринга»). Гражданская война здесь была скорее подспорьем для теории. «Каждая фабрика, каждый банк, каждая контора, лавка, приемная адвоката, — теоретически обосновал Троцкий этот «социалистический идеал», — были крепостью против нас. Они давали воинствующей контрреволюции материальную базу... Нужно было разгромить врага, отнять у него источники питания независимо от того, в какой мере поспедала за этим организационная хозяйственная работа. Поголовная экспроприация не только крупной и средней, но и мелкой буржуазии города и деревни была мерой не экономической целесообразности, а политической необходимости.»¹⁷

В чем же была срочность этой «политической необходимости»? В создании первого плацдарма для «перманентной пролетарской революции.» Это показал тогда другой теоретик большевиков, Бухарин, который в своих теоретических работах призывал к полному разрыву с прошлым, отмене денег («финансовое хозяйство отомрет»), «принудительному объединению населения в потребительские коммуны», отмене торговли и замене ее «распределением продуктов», «замене домашнего хозяйства общественным... (например, путем общего получения продуктов, общей варки пищи, устройства крупных и образцовых столовых)».

И все это — в мировом масштабе: «Здесь путь ясен. Это есть путь всемирной поддержки международной революции... Свержение империалистических правительств путем вооруженного восстания и организация международной республики Советов — таков путь к международной диктатуре рабочего класса.»¹⁸

Впоследствии сталинские фальсификаторы попытались отделить Троцкого и Бухарина от Ленина и тем самым только на них взвалить этот марксистский «утопизм». Однако они не смогли убрать из ленинского теоретического наследия ключевую мысль — «дело всемирной

пролетарской революции (есть) дело создания всемирной Советской республики»¹⁹.

И именно поэтому СССР создавался не как национальный, а как интернациональный союз первых четырех (РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР) пролетарских государств, который «открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем...»), а само создание СССР является «новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»²⁰.

Именно в этом «мировом» СССР видел Ленин конечную субстанцию реализации идей Маркса и Энгельса, развитых им в «Государстве и революции».

Идеологически доктрина мировой пролетарской революции и концепция строительства в скором будущем «мирового» СССР оставалась на вооружении партии до середины 30-х годов. В 1936 г. в «Сталинской» конституции (а затем — в «Кратком курсе» 1938 г.) оба понятия вдруг исчезли, вместе с исчезновением и всей старой ленинской большевистской гвардии. Однако, в наших символах («Пролетарии всех стран соединяйтесь!», гербе «мирового» СССР, пятиконечной звезде, объединяющей пять континентов в единое пролетарское государство) доктрина мировой революции осталась по сей день.

И даже сегодня наши историко-партийные публицисты как бы не замечают этого парадокса, подменяя марксистский постулат о безусловной необходимости мировой пролетарской революции как необходимого условия построения бесклассового (и «безноменклатурного») социалистического общества (причем, не в одной, а в целом ряде стран одновременно) придуманной сталинистами «троцкистской» теорией «перманентной революции»²¹.

А между тем, в 1927 г. на ноябрьской демонстрации и сторонники «генеральной линии», и «троцкисты» из параллельных колонн в Москве и Ленинграде еще несли общий лозунг: «Да здравствует Мировой Октябрь, которых превратит весь мир в Международный Союз Советских Социалистических Республик.»²².

До 1930 г., когда после исключения из партии «левых» («троцкистов»), Сталин и его партаппаратная группа разгромили и «правых» («бухаринцев»), между Троцким и Бухариным не было никаких теоретических разногласий по вопросу о мировой пролетарской революции. В 1926 г. на VII расширенном Пленуме ИККИ, где резко столкнулись «левые» и «правые» течения в ВКП(б) и Коминтерн, Бухарин говорил: «...все мы без исключения признаем международный характер русской революции, которая является составной частью революции мировой, это никем в нашей партии не оспаривается... Мы признаем и другую аксиому, гласящую, что окончательная практическая победа социализма в нашей стране без помощи других стран и мировой революции невозможна. Коренное противоречие между СССР и капиталистическими странами может быть разрешено только миро-

вой революцией... В этом вопросе никаких разногласий между нашей партией и оппозицией нет»²³.

Полгода спустя аналогичную бухаринскую программу «дотягивания» СССР до мировой революции почти в тех же словах изложил Троцкий в речи на заседании президиума ЦКК ВКП(б) в июне 1927 г., незадолго до своего исключения из партии: «Мы можем победить только как составная часть мировой революции. Нам необходимо дотянуть до международной революции, даже если бы она отодвинулась на ряд лет... Правильным революционным курсом мы укрепим себя на ряд лет, укрепим Коминтерн, продвинемся по социалистическому пути вперед и достигнем того, что нас возьмет на большой исторический буксир международная революция»²⁴.

Движение к социализму практическому

Однако мировая пролетарская революция не происходит ни в 1918, ни 1920 г.

В 1921—1923 гг. В.И. Ленин производит мучительную переоценку «всей точки зрения нашей на социализм»²⁵. Чьей «точки зрения?» К. Маркса, Ф. Энгельса и самого Ленина, изложенной им в «Государстве и революции».

Вызвавший сегодня большие споры тезис о «двух Лениных», наиболее четко выраженный Ю. Буртиним («Ленин эпохи «военного коммунизма» и Ленин своих последних работ — это во многом два разных человека...»²⁶, находит, однако, подтверждение в свидетельствах таких разных по своим политическим симпатиям современников Ильича, как большевик Г.Я. Сокольников, меньшевик-«невозвращенец» Н.В. Валентинов (Вольский) или известный американский миллиардер Арман Хаммер.

Краеугольным камнем ортодоксального марксизма было учение о ликвидации частной собственности и как следствие этого — эксплуатации человека человеком как экономической основы мирового капитализма, т.к. после пролетарской социалистической революции, писал накануне Октября Ленин, «нельзя захватить средства производства, фабрики, машины, землю и прочее в частную собственность.»²⁷

Основоположники марксизма настолько были уверены в классовой сознательности и энтузиазме трудящихся после того, как они все станут коллективными собственниками средств производства, что не увидели опасности ни появления «новой», «пролетарской» бюрократии («красных директоров» и «советских чиновников»), ни воровства трудящихся у них самих («несуны»), ни угрозы «теневой экономики».

Экономический детерминизм заслонил вековой человеческий психологический фактор — «не мое, значит ничье, казенное...»

Конечно, сегодня без улыбки нельзя читать старые сентенции Энгельса, что пролетарий, свергнув иго капитала и став хозяином своего труда, одновременно поработает у станков, затем с ружьем вместо армии и полиции («дружинник») поохраняет свое пролетарское отечест-

во, где уже, по Ленину (вспомним — государственная власть «так упростилась», что «каждая кухарка может управлять государством»), пролетарии вскоре построят коммунизм.

Важно отметить, что в начале нашего века подавляющее большинство ортодоксальных марксистов (исключая, может быть, одного Э. Бернштейна, что хорошо показал Ю. Буртин в «Ахиллесовой пяте исторической теории Маркса»²⁸ разделяли эти иллюзии государственных способностей «каждой кухарки». Даже такой борец за социализм «с человеческим лицом», как гуманист и антимилитарист Жан Жорес, погибший накануне начала Первой мировой войны от рук шовиниста, воспел панегирик сознательной «кухарке»: «По мнению Маркса, мы еще находимся в предысторическом периоде. История человечества начнется действительно только тогда, когда человек избавившись, наконец, от тирании бессознательных сил, будет разумом своим и волей своей управлять самим производством.»²⁹

Оказалось, однако, что на практике одних «разума и воли» для управления производством даже сознательным пролетариям — коллективным владельцам экспроприированной у «частника» собственности — явно недостаточно: великие материалисты человечества оказались плохими знатоками «идеализма» — души человека, его вековой психологии и навыков, наконец, разных уровней компетенции и интеллектуальных способностей «разума».

Бытующая у нас до сих пор концепция, что «военный коммунизм» (т.е. полный паралич экономической, социальной и духовной жизни в 1918—1920 гг.) был вызван исключительно гражданской войной и иностранной интервенцией, уже много десятилетий призвана прикрыть главную ошибку Маркса: в эксплуатации человека человеком виновата не частная собственность, а неумение социальных, национальных, религиозных групп в XVII—XX вв. найти мирный консенсус. Иначе почему на основе частной собственности США и Япония достигли таких высот, а СССР скатился за тот же период до уровня третьезразрядной развивающейся страны, «Верхней Волты с ракетами»?

После Великого Октября Ленин и большевики поступили «строго по Марксу», хотя при этом марксистское доктринерство (отмена декретом Совнаркома уже в ноябре 1917 г. любых форм частной собственности) сопровождалось вполне понятными для любой пришедшей к власти партии мерами «не экономической целесообразности», а «политической необходимости», о чем писал Троцкий.

К последним «мерам», например, относилось введение осенью 1918 г. продразверстки и посылка в деревню продотрядов, которые вскоре выросли до целой Продармии со своими штабами, связью, броневиками, карательными органами (отдельными от ВЧК) и т.д. Первыми «продотряды» ввели, однако, не большевики, а... царское правительство. Осенью 1915 г. в ряд губерний были направлены воинские команды для реквизиции или принудительной скупки хлеба у помещиков и кулаков, взвинтивших цены из-за войны в 2-3 раза. Однако

арская «продразверстка» провалилась — насильственное изъятие хлеба требовало отвлечения с фронта больших сил (это-то и учили большевики, создав многотысячную продармию из рабочих). В итоге этого провала в городах начались перебои с продовольствием, «голодные бунты»; недостаток в хлебе (поставлялось к 1917 г. лишь 40% требуемого продовольствия) испытывала даже действующая армия³⁰.

Но настоящую «продовольственную диктатуру» ввело отнюдь не социалистическое, а Временное буржуазное правительство (декрет 25 марта 1917 г. о государственной монополии на хлеб), сутью которой, как писал тогда один из авторов проекта этого декрета, крупный аграрник и будущий строитель нэпа профессор А.В. Чаянов, стало «уничтожение всей торговли хлебом и передача товарооборота хлебов в руки государственной власти.»³¹ Для исполнения этого декрета Керенский летом 1917 г., после подавления корниловского мятежа, направил в деревню десятки вооруженных продотрядов, правда, повысив предварительно в августе закупочные цены на хлеб вдвое. Этот «военный коммунизм» Керенского, хотя и позволил, судя по высказываниям второго теоретика этой «продовольственной диктатуры» и будущего «архитектора» нэпа — экономиста профессора Н.Д. Кондратьева³² временно наладить заготовку продовольствия для города (в 1917 г. хлеба было запасено больше, чем в 1916 г.), но «продразверстка» Керенского имела для его режима катастрофические последствия: в сентябре 1917 г. против «социалистических продотрядчиков» восстала вся деревня, начинались погромы помещичьих усадеб и владений крупной бюрократии, массовый «исход» их владельцев в Москву, Петроград, другие губернские города, а также за границу. Недовольство крестьян перекинулось в армию, началось массовое дезертирство и бегство с оружием на помощь родной деревне от грабежа «штабс-капитанов из мастеровых», словом, анархия и полный развал государственной власти. Тем более, что еще с февраля 1917 г. в стране сложилось двоевластие — власть Временного правительства и власть Советов.

Фактически уже к сентябрю 1917 г. Керенский и его «команда» потеряли всякий контроль над страной.

О положении в российской глубинке осенью 1917 г. — весной 1918 г. лучше всего свидетельствуют переписка и воспоминания «левых» меньшевиков, ЦК РСДРП которых занял в годы гражданской войны позицию нейтралитета между красными и белыми.

Один из них, Д. Далин, высланный в 1922 г. из Советской России вместе с большой группой лидеров других небольшевистских партий и течений, 40 лет спустя в эмиграции в США вспоминал те жуткие дни всеобщей анархии в провинции: «Во многих местах долгое время не было реальной местной власти. Откуда-то появлялись новые люди, многие из них с подозрительным прошлым, часто во главе «красных отрядов»: пулеметы решали все; были случаи когда умалишенные делались начальством. Расстрелы — редко по суду, большей частью по воле местного начальства — приобрели зловещие размеры.»³³

Однако из очень серьезных и малоизученных проблем — почему этой стихийной крестьянской анархии, поголовному разгрому и сожжению осенью 1917 — весной 1918 гг. дворянских усадеб вместе с их картинами, скульптурами, библиотеками не смогла воспротивиться земская интеллигенция (врачи, учителя, агрономы, зоотехники и т.д.), имевшая свою местную структуру власти (она просуществовала до конца 1918 г., и была ликвидирована большевиками), а также (до Октябрьского переворота 7—8 ноября 1917 г.) — местное сельское духовенство?

Если, как утверждают сегодня многие наши «почвенники», русский крестьянин испокон веку был нравственен, религиозен и мухи не обидел, то почему такой разгром дворянской культуры Герцена, Некрасова, Тургенева, Толстого? Ведь даже имение А. Блока, поэта революции, спалили дотла, а белый беккеровский рояль перед этим с криком и улюлюканием хряснули из мезонина о землю...

Эта страшная стихия и животное озверение того самого тургеневского кроткого Герасима из «Муму» и толстовского Платона Каратаева из «Войны и мира» безумно напугали либерально-земскую, да и монархическую российскую интеллигенцию, столько лет поклонявшуюся народу и лишь отдаленно слышавшую, что делала пугачевца с дворянами и их детьми в конце XVIII в. сжигали усадьбы, отрезали половые органы, вспарывали животы, набивая их зерном и т.п.).

Может быть, чересчур умильным был взгляд на русского мужичка сквозь окна дворянских усадеб в Спасо-Лутовинове, Карабихе или Ясной Поляне? И, возможно, напрасно не услышала российская интеллигенция отрезвляющий призыв авторов сборника «Вехи», не советовавших к топору звать Русь и предостерегавших от крутых ломок сложившихся традиций России³⁴.

Веховцы не были одиноки в этом вещем прогнозе. «Наука и жизнь» (1989, № 10) опубликовала стенограмму последней публичной речи 21 февраля 1922 г. профессора Петроградского университета Питирима Сорокина в советской России (несколько месяцев спустя его вместе с Бердяевым, в числе других выдающихся русских интеллигентов вышлют за границу). «...Хорошо и прочно строится лишь то, — говорил Питирим Сорокин, — что строится исподволь и постепенно, а не «по щучьему велению», не путем конвульсивных и смелых разрушений старого дочиста».

Потребовался кровавый катаклизм первой мировой войны и первых месяцев Февральской и Октябрьской революций, чтобы и «буревестник революции» Максим Горький, тот самый Горький, что в романе «Мать» призывал народ не ждать прав, а брать их, в своей газете «Новая жизнь» 18 мая 1918 г. солидаризировался с веховцами. «Вот и грабят усердно..., грабят, ибо очень твердо запомнили неглупую поговорку, созданную цинизмом хищников и тупым отчаянием неудачников: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Каторжный мужицкий труд, целиком зависимый от благорасположения стихии и руководимый древними навыками, а не новейшими успехами

знания, не способен развить вкус к «праведному», упорному и честно-му труду, а ход истории экономического развития России даже и кретина способен убедить в том, что поистине «собственность — есть кража» (выражение Прудона из его «Философии нищеты» — авт.).

И вот — грабят, воруют, поощряемые свыше премудрой властью, возгласившей городу и миру якобы новейший лозунг социального благоустройства: «Сарынь на кичку!» — что в переводе на язык текущего дня и значит: «Грабь награбленное!»³⁵

«Прогрессивный националист» монархист В. Шульгин, один из тех, кто принимал отречение царя Николая II, позднее в своих мемуарах писал: «Зверь вышел из клетки, но, увы, этот зверь был Его Величество русский народ.»³⁶

Почти аналогичную идею в декабре 1917 г. (большевики еще не успели создать даже ВЧК) в своем письме П.Б. Аксельроду, соратнику Плеханова и Веры Засулич по группе «Освобождение труда», высказывает непримиримый идейный противник Шульгина «левый» меньшевик Мартов, в 1917—1920 гг. временный союзник большевиков и поборник мировой пролетарской революции: «Дело не только в глубокой моей уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране — бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей примириться с тем аракетским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются, конечно, самим тем фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве... Для меня социализм всегда был не отрицанием индивидуальной свободы и индивидуальности, а, наоборот, высшим их воплощением... Здесь же расцветает такой «окопно-казарменный» квази-социализм, основанный на всестороннем «опрощении» всей жизни, на культе даже не «мозолистого кулака», а просто кулака, что чувствуешь себя как будто бы виноватым перед всяким культурным буржуа»³⁷.

Вопреки тому, что много лет писали наши историки во главе с академиком Минцем, никакого «триумфального шествия Советской власти» в российской глубинке не было, ибо не было никаких Советов как дееспособных органов власти ни в конце 1917 г., ни позднее. Все те же «левые» меньшевики, вместе с «левыми» эсерами до июля 1918 г. сотрудничавшие с большевиками в Советах, сообщали Мартову с мест: «Если бы вы знали, что за атмосфера жгучей ненависти всего населения окружает Советы, и не столько в центрах, сколько в провинции...; ненависть бушует среди обывателей, среди мещанства, среди мелкой городской буржуазии, среди доведенного до отчаяния крестьянства и среди рабочих...; наступила пора общей апатии и разочарования: «ну нас всех, и большевиков, и меньшевиков, к черту со всей вашей политикой...»³⁸.

Мартов и сам видел, что сконструированная марксистами многих поколений схема власти народа по типу Парижской Коммуны в виде Советов при соприкосновении с реальной жизнью разваливается на глазах. 22 апреля 1918 г. он писал в органе ЦК РСДРП «левых» мень-

шевиков газете «Новая заря»: «...власть Советов превратилась в безответственную, бесконтрольную, несправедливую, тираническую и дорогостоящую власть комиссаров, комитетов, штабов и вооруженных банд.»

Впрочем, в марте 1919 г. в «Правде» о том же самом (о «революционном идиотизме» примазавшихся к партии мещан, засевших в Советах на местах) писал и большевик Г.Я. Сокольников³⁹.

В этой обстановке все нараставшей анархии и безвластия, в условиях начавшейся весной 1918 г. (после Брестского мира) иностранной интервенции Антанты «советские партии» на время отбросили теории «по Марксу, Лаврову и Кропоткину» и начали лихорадочно практически экспериментировать: «левые» меньшевики — создавать в городах «собрания» фабрично-заводских рабочих; «левые» эсеры — реанимировать земства; большевики с июня 1918 г. — создавать вместо Советов комбеды.

В последнем случае прагматический интерес переплетался с доктринальным. Все историки «военного коммунизма» (исключение — работа 1990 г. С.А. Никольского «Власть и земля») тщательно избегали упоминания законодательного оформления большевиками в 1917—1920 гг. «прыжка в коммунию», особенно, их отмену знаменитого «Декрета о земле» II съезда Советов (передаче в аренду бесплатно в бессрочное пользование при «свободных формах» землепользования — «подводная (единоличная), хуторская («стольпинская»), общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках») и замену его на декрет ВЦИК «О социализации земли» от 19 февраля 1918 г. По сути, именно этот «социалистический» декрет (дополненный постановлением ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «О социалистическом землеустройстве и методах перехода к социалистическому земледелию») дал «белому движению» ту «пехоту», без которой бывшие помещики и офицеры ничего бы не сделали с «красными большевиками.»

Превращение росчерком пера огромного многоукладного русского земледелия в единую «аграрную фабрику», где главной формой провозглашались совхозы и коммуна (т.е. вновь «строго по Марксу» и вопреки предостережению Бакунина), запрет рабочим совхозов иметь приусадебный участок, живность, птиц, даже собак (при коммунизме общенародную собственность сохранять не от кого!) — все это было вопиющим насилием над реальной жизнью.

И это в деревне, где 70% населения было неграмотным, где портрет «Карлы Марлы» и Ленина вешали рядом с божницей, у икон, где, вспоминает моя мать — сельская учительница, во Владимирской губернии даже в годы нэпа девки на зимних посиделках распевали такую частушку:

*«Ленин Троцкому сказал
Пойдем, сходим на базар,
Купим сивку карию
И накормим пролетарию!»*

Так в деревне понимали тогда большевистский коммунизм. Не лучше было и в армии. Вспомним Чапаева — за кого он: «за большевиков, аль за коммунистов?»

И тем не менее в РККА до 1923 г. изучали... не русский язык, а эсперанто, «язык мировой революции». Подумать только — красноармейцы не владели даже русской грамотой (кириллицей), а их заставляли учить «латиницу» — латинский алфавит и совершенно незнакомый, «марксистский» язык фанатиков мировой революции.

Да что там деревенские девки или легендарный самородок Чапай! На XIII съезде РКП(б) в 1924 г. сам Сталин признает: «Плохо обстоит дело с политграмотностью членов партии (60% политнеграмотных). Ленинский призыв увеличивает процент неграмотности»⁴⁰.

А ведь «ленинских призывов», когда по образному выражению беспартийного рабочего Ноздрина, первого председателя первого Совета в Иваново-Вознесенске в 1905 г., репрессированного в 1938 г., принимали «людишек... от биллиарда, а не от станка», было целых три (1924, 1925, 1930), да еще один дополнительный «октябрьский» (1927 г.). Если пользоваться сталинской методикой исчисления «полит-неграмотных» (т.е. смутно представляющих, за кого они — «за большевиков, аль за коммунистов?»), то в 1924 г. вскоре после смерти Ильича на 472 тыс. членов партии «политнеграмотных» было 280 тыс., а к моменту победы Сталина в аппарате партии и Коминтерна в 1930 г. их 1 млн. 675 тыс. членов — более 900 тыс.⁴¹ Вот вам и ответ — откуда взялся культ личности «политнеграмотного», недоучившегося семинариста.

Именно из этих же «политнеграмотных», пришедших «от биллиарда, а не от станка» берет свои истоки и сталинская бюрократия, и ее верхушка — номенклатура.

Но вернемся к «социализации» 1917—1920 гг. Еще раньше она началась в промышленности. «Строго по Марксу» сразу после Октября была проведена национализация банков, морского транспорта, в ходе осуществления политики «военного коммунизма» запрещена всякая торговля, национализированы средние предприятия, а мелкие кустари и ремесленники обязаны были работать, «по нарядам» ВСНХ и всю продукцию сдавать в его главк. Вершиной тотального обобществления и насильственного внедрения «коммунизма сверху» стали решения IX съезда РКП(б) в марте-апреле 1920 г., полностью поддержанные Лениным: всеобщая «милитаризация» партии и страны, всеобщая трудовая повинность, трудовые армии в РККА, фактическая отмена денег и переход на продуктопасек («трудодень») при одновременной отмене квартплаты, платы за коммунальные услуги, общественный транспорт, лекарства.

Как справедливо писал в «Новом мире» народный депутат СССР В. Ярошенко, на этот «прыжок в коммунию» еще больше, чем Маркс, оказал влияние немецкий профессор Карл Баллод, опубликовавший еще в 1898 г. в Германии под псевдонимом «Атлантикус» книжку-утопию «Государство будущего, или производство и потребление в со-

циалистическом государстве» (в 1920 г. Баллод был восторженно встречен в Советской России как «отец» военного коммунизма). В.И. Ленин, вообще считавший государственную модель экономики Германии образцом хозяйствования, увидел в 1917—1920 гг. в проектах немецкого профессора научный план социалистической перестройки народного хозяйства⁴².

Но и Баллод (хотя многие из его идей вошли в декабре 1920 г. в план ГОЭЛРО) не помог — экономика страны окончательно развалилась: к началу нэпа страна производила всего 2% довоенного (1913 г.) чугуна, 3% сахара, 5—6% хлопчатобумажной ткани и т.д.⁴³ Все это никак не укладывалось в схему ортодоксального марксизма — заводы и фабрики принадлежат рабочим, они хозяева, а продукции нет... Более того, в 1918—1920 гг. свыше 50% и без того немногочисленного класса «хозяев-пролетариев», побросав «свои» заводы и фабрики, сбежали в деревню, где хотя бы как-то, с огорода, от леса и рыбалки, можно еще было прожить с семьей.

Почему же пролетарий не хотел работать на «своем» заводе? Это явно антимарксистское явление (частной-то собственности нет!) поставило в тупик и Ленина, и Мартова. Почти одновременно (апрель 1918 г. — ленинские «Очередные задачи Советской власти», март 1919 г. — мартовское «Что делать?») они пытаются понять феномен катастрофического развала экономики страны и роста бюрократии даже по сравнению с достаточно бюрократизованным хозяйственным управлением в царской России (по подсчетам академика Струмилина в 1913 г. на 15 рабочих приходился один «конторщик», а в рабоче-крестьянской советской республике в 1920 г. — уже один на семь пролетариев, т.е. за семь лет число «конторщиков» выросло в два раза).

Бывший соратник Мартова по меньшевистскому ЦК РСДРП, перешедший с 1922 г. в партию большевиков, А.С. Мыртынов-Пикер, вспоминая «внедрение коммунизма» в 1918—1920 гг. на сахарном заводе на Украине, недоумевал: «В то время, как заводская труба перестала дымиться, как работа в заводских корпусах и мастерских замирала, работа в заводской конторе, напротив, все больше и больше оживлялась и увеличивалась. Старые заводские служащие говорили, что никогда еще заводские бухгалтера и конторщики так много не потели над бумагами... как в последние годы, когда производство на заводе прекратилось. Что же они писали? Они заполняли бесчисленные анкеты для учета по требованиям разных центров — Подолсахар, Главсахар, Райсахар и т.д.»⁴⁴.

Почти слово в слово бывшему меньшевику Мартынову вторит старая большевичка Елизавета Драбкина в своих мемуарах «Зимний перевал» (1988 г.), обобщая короткий негативный опыт «военного коммунизма» со сталинской системой многолетнего всеобщего гулага: доктрина явно преобладала над реальной человеческой жизнью, «промышленность унаследовала от времен «военного коммунизма» бюрократическую систему управления, в которой — совсем как в учении общие понятия — «универсалии», а индивидуальные, конк-

рстные вещи являлись не более как их «атрибутами», или «акциденциями»: вместо рыбы царила лишенная субстанции Главрыба. вместо соли — Главсоль, вместо стекла и спичек — Главстекло и Главспичка. В заработной плате преобладала натуральная часть, в учете — цифровая тьма, хозяйственного расчета не существовало, хозяйственные нули числились хозяйственными единицами»⁴⁵.

Отличие Ленина и тех большевиков — его сторонников — от французских якобинцев (Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона и др.), которые так и погибли, не увидев разницу между добродетелью и гильотиной, с помощью которой они несли своему народу счастье, состояло в том, что «пролетарские якобинцы», к счастью, увидели главную ошибку Маркса. Дело не в частной или общественной собственности, не в рынке, деньгах и торговле, директивная отмена которых автоматически ведет к коммунизму, — все это суть формы, инструменты (как, скажем, железные дороги при капитализме или при социализме). Главное — *управление* любой собственностью и *распределение* полученной от ее эксплуатации прибыли (продукта). И, самое главное *кто* управляет и распределяет: класс капиталистов или узкая группа номенклатуры, или среди этих «управляющих» широко представлены сами труженики — рабочие, крестьяне, служащие?

Идея эта, кстати, после Первой мировой войны, опрокинувшей еще одну ортодоксальную марксистскую догму — «у пролетариев нет отечества», поэтому они не будут воевать друг с другом за интересы капиталистов — уже витала в воздухе. Как Ленин, вводя нэп, отказался от догмата частной собственности, якобы несовместимой с движением к социализму, так и «капитаны капитализма» в 20-х — 30-х годах (Вудро Вильсон, Ф.-Д. Рузвельт — в США, Д. Ллойд-Джордж, Макдональд — в Великобритании, Эд. Эррио, Л. Барту — во Франции отказались от догматов старого капитализма времен Рикардо и Адама Смита и во многом учли опыт военно-революционных катаклизмов 1914—1918 гг., пошли на существенные уступки трудящимся, по сути приближаясь со своего конца к «нэпу» (государственному капитализму).

Сегодня это участие трудящихся в управлении и распределении прибыли зримо представлено в акционерных обществах, в комитетах управления и наблюдательных советах, в участии профсоюзов в управлении экономической и социальной жизнью своих стран (скажем, в Экономической и Социальном Совете при правительстве Франции).

Ленин, а за ним и Бухарин (см. материалы об «Организованном капитализме», изданные в 1930 г. по итогам очень интересной дискуссии в Институте красной профессуры в Москве) заметили эту тенденцию к «социальному миру» в странах Антанты (см. последнюю статью из ленинского завещания «Лучше меньше, да лучше») ⁴⁶, хотя вряд ли можно, как это делает сегодня академик В.Н. Кудрявцев, модернизировать «коренную перемену» точки зрения Ленина на социализм в 1921—1923 гг., утверждая, что ленинский нэп заложил «осно-

вы правового государства» на том основании, что лично Ильичем «написаны все первые декреты и кодексы» по гражданскому и уголовному праву⁴⁷. Достаточно прочитать письмо Ленина Д.И. Курскому «О задачах наркомюста в условиях новой экономической политики» от 20 февраля 1922 г., где, в частности, были такие слова: «усиление репрессий против политических врагов Соввласти и агентов буржуазии (в особенности меньшевиков и эсеров); проведение этой репрессии ревтрибуналами и нарсудами в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке; обязательная постановка ряда образцовых (по скорости и силе репрессий; по разъяснению народным массам, через суд и через печать, значение их) процессов в Москве, Питере, Харькове и нескольких других важнейших центрах; воздействие на нарсудей и членов ревтрибуналов через партию в смысле улучшения деятельности судов и усиления репрессий; — все это должно вестись систематически, упорно, настойчиво...»⁴⁸, чтобы убедиться, что наши современные и ленинские нэповские представления о правовом государстве, вопреки утверждениям академика-юриста, кардинально расходятся.

Да, Ленин кардинально отошел от марксовской доктрины в вопросе частной собственности, роли рынка, торговли и денег при социализме, убедился в утопичности прямого распределения. В статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», опубликованной в «Правде» 18 октября 1921 г., он писал: «Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, как и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку»⁴⁹.

Да, два года спустя, после этой статьи, судя по мемуарам бывшего секретаря Сталина и протоколиста Политбюро Б. Бажанова, Ленин говорил: «Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое по щучьему велению (вспомним «щучье веление» Птирирма Сорокина! — авт.). Между тем, это вопрос десятилетий и поколений... Для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась, что так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни, нельзя. Можно попробовать загнать население в новый строй силой, но вопрос еще, сохранили бы мы власть в этой всероссийской мясорубке»⁵⁰. Но в отношении политико-правовой надстройки Ленин своих взглядов не изменил, и в этом Троцкий в своих эмигрантских трудах, безусловно, прав, как прав в своей песне «Троцкий в изгнании» (1969 г.) и известный немецкий писатель-антифашист Петер Вайс сцене «Смерть Ленина» тяжело больной Ильич якобы говорит «демон революции»: «Ты должен быть неприклонен, неуступ-

чив. Когда-нибудь признают твою правоту. Наша революция захлебнется, если не станет мировой революцией»⁵¹.

Иными словами, у Ленина и в конце жизни не было сомнений в конечной цели Великой Октябрьской социалистической революции — в коммунизме. Но он с 1921 г. уже считал, что путь к нему будет неизмеримо более долгий и трудный, нежели думали Маркс и Энгельс, ибо отныне «потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы *подготовить* — работой долгого ряда лет *подготовить* — переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма..., на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму... так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции»⁵²

Не подлежит сомнению, что Ленин в 1921—1923 гг. стремился сконструировать новую модель «движения к социализму» через государственный капитализм — нэп, причем понятную не только для своих соратников, но и для всего международного коммунистического движения. Об этом лучше всего свидетельствуют материалы IV («нэповского») Всемирного конгресса Коминтерна в ноябре 1922 г., по странному стечению обстоятельств единственного, стенографический отчет которого, так и не вышедший на русском языке (опубликован был только его немецкий перевод). Но даже из сборника «Избранных докладов, речей и резолюций» (М.-Пг., 1923), до 1988 г. хранившимся за семью печатями в шкафах «дмитровской библиотеки» бывшего секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева, а ныне находящегося в музее В.И. Ленина, видно, какое принципиальное значение для «коренной перемены всей точки зрения нашей на социализм» имел этот конгресс. К сожалению, Ленин был уже очень болен и не смог развернуть свои тезисы в обширный доклад — он выступил лишь с короткой речью «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции», но и в ней призывал всех коммунистов мира учиться нэпу, и «притом сначала»⁵³. По сути, это был призыв учиться уже не марксизму, а ленинизму, ибо по моему глубокому убеждению, ленинизм (вопреки схемам Зиновьева, Троцкого и Сталина) начинается по-настоящему с нэпа. Характерно, что в этом своем последнем публичном выступлении на международном форуме коммунистов Ленин (в отличие от его выступлений 1918—1920 гг.) ни слова не сказал о сроках мировой революции⁵⁴.

Ленинские идеи «движения к социализму» через нэп были более подробно развиты на конгрессе его соратниками, особенно Троцким и Бухариным. «Нэповский» Троцкий наверняка вызовет недоумение у читателя: столько лет официальная историко-партийная литература твердила, что не было в партии более злейшего врага Ленина, чем Троцкий и «троцкисты» (правда, в период перестройки к Троцкому

приравнивали и Сталина, который, оказывается, осуществлял «троцкистскую программу сверхиндустриализации» и «сплошной коллективизации»).

Здесь нет возможности подробно освещать действительную программу Троцкого — отмечу лишь, что в своих принципиальных основах она не отличалась от ленинской и бухаринской, а разногласия «правых» (Бухарин, Рыков, Томский и др.) и «левых» (Троцкий, Зиновьев, Каменев и др.) в значительной степени были вызваны вначале (1923—1924 гг.) личным соперничеством в борьбе против партограниции Сталина, которого, увы, неосмотрительно поддержали тогда «правые» Бухарин и Рыков.⁵⁵

Во всяком случае попытки принизить роль Троцкого, еще в феврале 1920 г. подавшего в ЦК записку о необходимости отказа от политики «военного коммунизма» и срочного поиска какой-то новой политики⁵⁶, (Ленин и большинство ЦК с порога отвергли эти разумные предложения), кажутся нам малоубедительными. Ведь Ленин потом, после катастрофы под Варшавой в августе 1920 г., кронштадского мятежа и антоновщины признал свою неправоту⁵⁷. Более того, на III (июнь-июль 1921 г.) и IV (ноябрь 1922 г.) конгрессах именно Троцкий выступал от имени ЦК РКП(б) и его делегации в ИККИ с основными докладами «Мировой хозяйственный кризис и новые задачи Коминтерна» и «Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции». Троцкий и Бухарин выступили и на III конгрессе Коминтерна в защиту ленинской модели «движения к социализму» — нэпа, против А.М. Коллонтай, от имени уже разбитой на IX партконференции (сентябрь 1920 г.) и на X съезде РКП(б) (март 1921 г.) «рабочей оппозиции», обрушившей на Ленина обвинение в «оппортунизме», «отходе от марксизма», в «предательстве интересов рабочего класса» и т.д., Клара Цеткин, прослушав доклад о нэпе, назвала Троцкого «истинным учеником Маркса»⁵⁸.

На IV «нэповском» конгрессе все соратники Ленина были единодушны. Троцкий говорил: «Нужно, чтобы каждая государственная фабрика, ее технический директор, ее коммерческий директор подвергались контролю не только сверху — со стороны госорганов, но и снизу — со стороны рынка, который в течении еще длительного периода останется регулятором государственного хозяйства.» Более того, именно в этом докладе Троцкого на IV конгрессе впервые прозвучала мысль о внутренней способности капитализма к выживанию: «Мы, марксисты, не раз говорили, что буржуазия исчерпала свою историческую миссию. Между тем, она сохраняет в своих руках власть до сегодняшнего дня. Это значит, что взаимоотношение между экономическим базисом и политической надстройкой вовсе не так прямолинейно»⁵⁹.

Даже председатель Коминтерна Зиновьев, чье отношение к нэпу было противоречивым, на IV конгрессе, вслед за Лениным, Троцким и Бухариным, говорил об универсальном значении нэпа, через этап которого «пройдет, вероятно, целый ряд стран с подавляющим боль-

шинством промышленного пролетариата, и который удастся миновать в виде исключения лишь некоторым странам»⁶⁰.

В свете недавних событий в Восточной Европе и в Прибалтике по иному звучит и такая сентенция Зиновьева: «Мы знаем прекрасно, что не пройдет и несколько лет, как ряд партий обгонит нас, как ряд более промышленных стран, совершив свою пролетарскую революцию, займет первенствующее место в коммунистическом Интернационале, и мы, как сказал тов. Ленин, превратимся в отсталую советскую страну среди других более передовых советских стран»⁶¹.

Зиновьеву в этом «хвостизме» вторил Бухарин, сделавший доклад о будущей новой программе Коминтерна (но ее примет только VI конгресс в 1928 г., когда Сталин уже будет готовиться послать нэп «к черту»): «Мы можем совершенно открыто сказать, что русский социализм, по сравнению с другими, будет выглядеть по-азиатски.»⁶²

Бухарин, пожалуй, больше чем другие, пытался теоретически осмыслить нэп как принципиально новую («рыночную») модель движения к социализму, модель, которую каждый раз заново осмысливали — в 1948 г. югославы, чехи в 1968 г., поляки в 1980—1990 гг. «Любимцу партии» принадлежит и явно отличное от марковского открытие на IV конгрессе «национальных типов социализма».

Главное же, именно Бухарин в ноябре 1922 г. сформулировал основные признаки командно-административной системы: «Пролетариат не в состоянии единым взмахом организовать все... Беря на себя слишком много, он вынужден создавать колоссальный административный аппарат. Для выполнения экономических функций мелких производителей, мелких крестьян и т.д. ему потребуется слишком много служащих и администраторов. Попытки заменить всех этих мелких деятелей государственными чиновниками... породит такой колоссальный аппарат, что расходы по его содержанию окажутся несравненно значительнее непроизводительных издержек..., в результате вся эта форма управления, весь экономический аппарат пролетарского государства не облегчит, но лишь затруднит развитие производительных сил. В действительности он выльется в прямую противоположность тому, чем должен был быть, а потому железная необходимость заставляет сломать его.

Явится ли это результатом контрреволюции, активного вмешательства мелкой буржуазии, или же аппарат будет сокращен и реорганизован самой партией, но это произойдет. Если это не сделает сам пролетариат, то другие силы свергнут его»⁶³.

Как известно, тогда, в 1922—1924 гг., «пролетариат» (партия) нашли в себе силы сократить «конторских барышень», составлявших не одну тысячу в тех 750 тыс. первых безработных нэпа и реорганизовать (ликвидировать) все до одного главки, подчинив региональные тресты и синдикаты напрямую ВСНХ.

Результаты той первой, нэповской «перестройки» ныне хорошо известны. Вчера еще нищая, голодная и разоренная страна к 1924 г. накормила народ, ввела конвертируемый «золотой» рубль («черво-

нец» на мировых финансовых биржах равнялся 5 долларам 14,5 центов США, выше, чем английский фунт стерлинга), вывезла за границу 180 млн. пудов зерна, накопила на продаже сельхозпродуктов 100 млн. инвалюты (а США в это время спасали Германию по «плану Дауэса», одалживая голодным и безработным немцам 200 млн. долларов), достигли 27,4% выпуска промтоваров (1913—37,2%), в три раза подняли производительность труда рабочего по сравнению с анархией «военного коммунизма» (62,6% довоенной), не сумев только обуздать безработицу и обеспечить безработным сносные социальные пособия, особенно в деревне.

Какой же трагический путь должна была пройти наша страна и наш народ, чтобы через 66 лет придти к той же «америке», открытой Лениным и его интеллектуальными соратниками в ноябре 1922 г.

«Государство рационально торговать не может по той причине, что оно всегда живет за счет общества, — говорил в декабре 1988 г. на активе Пермского обкома член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев, — Государство может вместе с тем стать цивилизованным прокурором торговли, регулировщиком финансовых потоков, контролером оплаты по труду. Само же государство оплату по труду вести не может, это чистой воды утопия. Сделать это сможет только развитый социалистический рынок. Без этого над нами будут властвовать и впредь лимиты, дефициты, ограничения, запреты, циркуляры, на которых, собственно, и держится машина торможения»⁶⁴.

Вскоре после своего последнего публичного выступления Ленин, отстаивая монополию внешней торговли и полемизируя с Бухариным, ратовал за «систему смешанных обществ» (по-нашему, сегодня — совместные с иностранным капиталом предприятия), к которым мы вновь вернулись в эпоху перестройки. Символично, что свое письмо «О монополии внешней торговли» для Пленума ЦК он адресовал Сталину, вновь доказывая, что большевикам не грешно поучиться торговать у заграничных купцов именно в системе «смешанных обществ»: «Если мы не сумеем даже при таких условиях подучиться и научиться и вполне научиться, тогда наш народ совершенно безнадежно народ дураков»⁶⁵.

Сталин пороха не выдумал...

Если, наконец, прекратить наводить тень на плетень, чем 50 лет занималась сталинско-сусловская пропаганда, и назвать вещи своими именами, то в самом главном — сомнении, что марксистам-большевикам удастся навсегда сломать государственный аппарат и установить самоуправление народа — М. Бакунин, П. Кропоткин, В. Шулгин, Н. Устрялов — оказались пророками.

Действительно, все вернулось на круги своя, и этот факт надо признать как исходную точку для объективного научного анализа феномена нашей номенклатуры. Тем более, что не только отечественные политики, но и духовные властители российской интеллигенции предупреждали: «Коммунизм — это русское самодержавие наоборот»

(А. Герцен, 1850 г.); «если бы даже случилось то, что предсказывает Маркс, то случилось бы только то, что деспотизм переместился бы. То властвовали капиталисты, а то будут властвовать распорядители рабочих» (Л.Н. Толстой, 1989 г. — вспомним Бакунина и Кропоткина. — авт.).

Проблема номенклатуры как верхушки нового «правлящего класса» — отнюдь не привилегия социализма, хотя в нашей критической литературе сегодня встречаются утверждения обратного свойства: «На первый взгляд обычная чиновничья табель о рангах, введенная еще Петром Великим, — пишет Л. Радзиховский в статье «Внутренняя партия» — Ничего общего! Петр-то создавал явную, прямую, честную номенклатуру, подотчетную закону. Сталин — учтя опыт самодержавия — создал систему куда более жесткую и всеохватную, но — самое главное — систему закрытую, систему с двойным дном, создал номенклатуру, которой подотчетен закон... Сила системы — в ее изначальной незаконности»⁶⁶.

Здесь со многим можно согласиться («закрытая», «с двойным дном», «всеохватная»), но со многим следует поспорить.

Во-первых, я бы не стал столь уж четко отделять петровскую «табель о рангах» от сталинско-брежневской номенклатуры, да еще путем моральных оценок — «честная», «нечестная», «незаконная» и т.п. Обе они выросли на одной российской почве и, скажем, были бы невозможны ни в XVIII веке в Англии, ни в XX веке во Франции или Австралии, ибо в основе обеих «табелей» лежали не только субъективная воля их создателей, а и объективные исторические условия. Кстати, как Петр I «пороха не выдумал», а лишь взял готовые «табели» в Швеции, Дании и, частично, Пруссии, так не выдумал его и Сталин — номенклатурные положения по партгосаппарату списали его порученцы со старых российских установлений — «Устава службы правительственной», «устав» министерств и ведомств, из «Общей росписи начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи» (по годам) и т.п.

Во-вторых, и Петр, и Сталин лишь оформляли статус уже складывавшегося «служилого человека» (военного, бюрократа), но если при Петре это были лишь истоки будущей могучей российской реки чиновничества, то при Сталине ее мощное русло лишь наполнилось новой, «советской челядью».

Чтобы лучше понять механизм действия административно-командной системы, следует сравнить ее предшественницу — царскую бюрократию, с западноевропейским чиновничеством, взяв за модель Францию.

Говорят, что Наполеон Бонапарт однажды воскликнул: «Моя истинная слава не в том, что я выиграл сто сражений, а в том, что будет жить вечно — мой Гражданский кодекс.» (1804 г.).

Вряд ли Петр I, введя свою «Табель» в 1722 г., за три года до смерти, смог также похвастаться своим детищем. Дело в том, что Наполеон создавал и создал не только для Франции, но и для всей континен-

тальной Европы (имея в виду, что почти вся она входила при Наполеоне в его империю) цивилизованную бюрократию. «Кодекс чиновника» со времен Наполеона рассматривал бюрократа как «агента государства». С самого начала был определен порядок поступления на публичную службу (образовательный ценз, периодическая сдача экзаменов на «класность»), взаимоотношения начальника-подчиненного (право не выполнять «аморальные приказы»), право на административную (суды) и социальную (пенсия до 80% последнего оклада) защиту. Со времен Наполеона и по сей день французский чиновник защищен от самодурства начальника — все чиновники находятся в двойном подчинении — собственного министра и генерального директората публичной службы при премьер-министре. Мало того, при премьер-министре есть общественный Высший совет публичной службы, своеобразный «парламент» чиновников. Оба учреждения не дают разгуляться министерской «номенклатуре», следят за соблюдением социальных и моральных прав французских «акакиев акакиевичей».

Да, и во Франции, от Наполеона и до Миттерана, сохраняется своя «табель о рангах», правда, не 14, а всего 4 класса (А, Б, С и Д), причем единая для всех министерств и ведомств. Все без исключения должности сегодня заполняются по открытому конкурсу (как у нас в вузах или НИИ) и с обязательным вступительным «экзаменом (собеседованием) на чин» при наличии диплома о среднем или высшем образовании.

В России еще в начале XIX в. чиновничество саботировало этот «экзамен», а его инициатора государственного секретаря из поповичей М.М. Сперанского объявила «французским шпионом» и в марте 1812 г. отправило в почетную ссылку на Урал. С тех пор и по сию пору набор у нас ведут кадры по анкете или по «звонку».

Конечно, и во Франции есть своя «номенклатура» — чиновники класса А (примерно 20% от общего числа), но у них нет ни «пайков», ни госдач, ни «кремлевки», ни даже «вертушки», совсем как у наших народных депутатов. Аналогичная система существует и в других развитых странах Запада⁶⁷. Главное же отличие наполеоновской «табели» от «петровско-сталинский» — набор в чиновники там всегда шел «по уму» и уровню компетентности, у нас — по анкете и по принципу — как более угодливо сказать: «Чего изволите-с, Ваше Превосходительство?»

Дав чиновникам еще в начале XIX в. немалые властные функции и социальную защиту, закон строжайше карал их за должностные преступления, особенно, за взятки. И сегодня взятка — наиболее уголовно наказуемое деяние для чиновников — до 5 лет тюрьмы в ФРГ и США, до 10 — во Франции, до 7 лет — в Японии⁶⁸.

В российском же чиновничьем законодательстве со времен Петра I такая форма наказания вообще отсутствовала, поскольку центральные власти всегда сквозь пальцы смотрели на «кормление» своих чиновников за счет подданных, относя взятку скорее к разряду «до-

брохотных подаяний» или «даров» всрующих своим церквям (вспомним персонажи их бессмертного гоголевского «Ревизора»).

Все дело в том, что вводя «табель о рангах», Петр I искренне хотел России добра — создать корпус «беспородных», но умелых «управляющих» от имени царя, но он не учел одного — социальной структуры России. Это мы сегодня привычно режем историю Отечества марксистско-ленинским ножом «классового подхода» на классы и партии. В юридической и бытовой практике Российской империи до февраля 1917 г. не было ни классов, ни национальностей. Их заменяли сословия (состояния) и вероисповедания: не 100 наций и народностей, как сейчас, а всего лишь шесть вероисповеданий — православный, католик, протестант, мусульманин, иудей, буддист а также «инородец»-язычник.

Больше было сословий — дворяне, мещане, крестьяне (крепостные и вольные), духовенство (белое и монастырское — черное), казаки, военное офицерство, купечество. Каждое сословие имело свой «устав» («в чужой монастырь...»), свои права и обычаи (например, купцы 3-й гильдии имели легальное право на... запой, который считался «болезнью души»), свои учебные заведения (духовенство — семинарии для юношей и епархиальные училища — для девушек), свои «суды чести» (дворянские, военные, купеческие), свои тюрьмы (гауптвахта — для дворян, «яма» — за долги у купцов) и т.д.

Петр I создал «табель», но не учел одного — очень быстро его «государевы служащие» самоорганизовывались в еще одно сословие со своими нравами, чинопочитанием, иерархией ценностей, при которых их основная функция — служба царю и государству — осталась как бы на последнем месте. Русская литература XIX в. оставила нам классические образы российского чиновничества — от гоголевского маленького Акакия Акакиевича из «Шинели» через городничего и судей типа Тяпкина-Ляпкина в «Ревизоре» и «номенклатурного» Каренина из толстовской «Анны Карениной» до чеховских «Толстого и тонкого». Практически в этой богатой литературе (в отличие от французской или немецкой) мы не встретим почти ни одного положительного персонажа из чиновников. Да и за что было воспевать российского чиновника? За то, что он высиживал чин за чином и при 6 классе (полковник) получал до 1845 г. (без необходимого образования, культуры и даже компетентности) потомственного дворянина (позднее класс повысили и до 1917 г. «потомственного» давали лишь с 4 класса — генерал-майор). 9 класс (штабс-капитаны) получали личное (жены и дети оставались «быдлом») дворянство, а мелкие клерки 14-го (низшего класса) удостаивались титула «почетного гражданина».

Если Наполеон сразу обеспечил социальную и моральную защиту своим чиновникам, то Петр I, кроме жалования (в начале часть его выдавалась даже «пайком» — хлебом), ничего не предусмотрел. Поэтому за два века российское чиновничество в «доснии» госказны весьма преуспело. Сначала, помимо жалования, оно добилось «столовых» прибавок (у нас — «авоська» или столовая IV Главного управления),

затем — «квартирных» («номенклатуре» 1—4 классов — генерал-маршал — «казенная квартира с дровами», горничной, кухарской и кухонным мужиком «за счет казны»), затем — «прогонных» (транспортных) или «казенный выезд с кучером за счет казны» (у нас черные «волги» или «чайки» с казенным «кучером»).

Как и во всяком феодальном сословии, «табель о рангах» в России был проникнут патернализмом старшего над младшим, которых первые обязаны «удерживать от безбожного житья (аморалка), пьянства, лжи и обмана» (из текста указа Петра о введении «табели»).

Если во Франции любой чиновник имеет юридическое право не исполнять «аморальный приказ», то в России сначала надлежало «объявить о том начальнику тайно» (вы дурак, начальник!), и лишь после отказа непосредственного начальника признать это, «донести о том высшему начальству», а в крайнем случае — «до Высочайшего сведения»⁶⁹.

Были, правда, в уставах российского чиновничества и хорошие статьи, которые Сталин, очевидно, сознательно проигнорировал.

На одном из «круглых столов» в «Правде» («Перестройка и власть») один из участников сетовал на отсутствие у нас закона, казавшего «бездействию должностного лица»⁷⁰. Так вот дореволюционное «Уложение о наказаниях» содержало специальные статьи о превышении полномочий или «противозаконном бездействии власти», что каралось не только «отрешением от должности», но в особо гяжелых случаях (например, как в Баку в декабре 1989 г.) — лишением всех особенных прав и преимуществ со ссылкой на житье в Сибирь».

Создав свою «корпорацию»-сословие, российское чиновничество очень неохотно допускало в свою среду «чужаков» со стороны. Конечно, с «номенклатурщиками» I—IV рангов оно ничего поделаться не могло — их назначал сам царь.

А вот в «среднем классе» (10—6, поручик-полковник) — тут они творили, что хотели. Очень скоро, как и в армии, негласно утвердился принцип «старшинства» — никто не мог занять следующую ступеньку раньше того, кто дольше всех служил. Поэтому для человека «со стороны», будь он семи пядей во лбу, доступ на «чин» был наглухо закрыт. Словом, карьеру определяли не ум и компетенция, а выслуга, благо никакого конкурса «на чин» все 200 лет существования «табели» не было.

Как в средневековой Европе или Азии, человек был приписан к сословию (у Сталина это средневековье возродилось в виде паспортной «прописки», от которой зависело все — жилье, работа, медобслуживание, а сегодня — и продажа продуктов).

При этом всякий имел свой «чин»: писарь — почетного гражданина, купец — гильдию, чиновник — ранг и т.д. Попадавший в пространство между этой жесткой структурой становился «разночинцем», именно они и дали такое уникальное явление, как «русская интеллигенция». Чаще всего в разночинцы попадали дети духовенства,

не пожелавшие избрать стезю своих отцов. Пополнялась эта интеллигенция и из мелкопоместного недослужилого дворянства (В. Белинский), и из детей мещан (М. Горький), и даже из крепостных (Т. Шевченко). Общим для такой интеллигенции было одно — отсутствие «чина». А без «чина» даже образованному и талантливому интеллигенту в государственную службу путь был закрыт. В XVIII веке «разночинцы» Вольтер (сын нотариуса без «чина») и Руссо (сын часовщика-«мещанина») гремели на всю Европу, но в России отечественные вольтеры и руссо не могли даже приблизиться к служению Отечеству.

После щедрой раздачи Петром I княжеских и графских титулов беспородным, но талантливым простолюдинам (Меньшиков, Шафиров, Ягужинский и др.), а Екатериной II — своим многочисленным, но не всегда талантливым фаворитам, до Александра I ни один «разночинец» не пробивался на самый «верх». При «властителе слабым и лукавым» таким впервые стал сын попа М.М. Сперанский, получивший, впрочем, титул графа.

Хорошо знакомая по литературе критического реализма фигура «лишнего человека» — продукт «табельной» российской действительности.

Люди далеко не левых взглядов, консерваторы и даже монархисты в XIX в. сознавали очевидные пороки царской командно-административной системы. Один из предков будущего наркоминдела, профессор Московского университета, избранный московским городским головой (мэром) Б.Н. Чичерин писал в своих воспоминаниях: «Ныне Россия управляется отребьем русского народа...»⁷¹ Другой консервативный публицист и идеолог монархизма В.В. Розанов критиковал царскую «номенклатуру» за другое: в любом цивилизованном государстве Н.Г. Чернышевского за его ум, честолюбие и энергию давно бы призвали в министры, а власти сослали в Сибирь — не «по чину» умный...

«Диссидентство» 60-х — 70-х годов — не продукт социализма. В царской России оно существовало со времен Радищева. Помните грибоедовское — «в мои лета не должно сметь свои суждения иметь.» Это — в поэзии. А в прозе жизни, согласно «Уставу о службе по определению от Правительства» (1910 г.), статья 727 гласила: «служащим чиновникам запрещается издавать в свет сочинения, заключающие в себе что-либо, касающееся до внешних и внутренних сношений Российского государства, без дозволения своих начальств.»

И у нас до недавнего времени сотрудники крупных министерств не публиковались «без дозволения» начальства, а если писали (скажем, в МИДе), то под глупейшими псевдонимами типа «Катин», «Надин», «Танин» — по имени своих жен.

Даже после первой российской революции определением Правительственного Сената от 30 апреля 1908 г. запрещалось «принадлежать к противоположенным и крайним правым партиям», что на практике трактовалось как запрет на вступление в любые партии и

даже присутствие на их митингах. Во Франции с 80-х г. XIX в. любой чиновник после работы мог участвовать в деятельности любой партии. А у нас и сегодня провинциальное «начальство» косо смотрит, если подчиненные — коммунисты и комсомольцы — «без дозволения» ходят на митинги «неформалов».

Однако самым опасным для судеб России после «самоорганизации» чиновничества в особое сословие стало образование из его верхушки (I—IV ранги) непотопляемой «номенклатуры», которая реально, тесно окружая трон, и вершила внутреннюю и внешнюю политику страны.

Крупнейший специалист по царской «номенклатуре» ⁷² известный публицист и библиофил Н. Рубакин (в Ленинке и сегодня хранятся книги «библиотеки Рубакина») насчитал в 1920 г. на 140 млн. населения 576 тыс. государственных чиновников, 4528 чинов первых четырех классов «табели о рангах» по гражданским ведомствам цивильных генералов и маршалов. (У нас сегодня на почти 300 млн. населения официально в «управленцах» ходит 18 млн. человек. Известный американский профессор Дж. Гэлбрейт насчитывает в бюрократическом аппарате СССР «около 30 млн. человек» ⁷³. К ним Рубакин прибавлял — по военном ведомству 1673 генерала и 75 адмиралов, по духовному ведомству (также имели гражданский «табельный чин») — 67. Итого получалось 6 тыс. 343 человек «номенклатуры», в руках которой и находилась реальная власть.

Эта верхушка «генералов» резко отличалась не только от канцелярской «голытьбы», но и от «капитанов» и «полковников».

Прежде всего — жалованием. Ни в одной цивилизованной стране мира не было такого разрыва в жаловании между «номенклатурой» и остальной массой чиновников, как в России. В 1906 г. 90% чиновников получали от 1 до 5 тыс. жалования в год (из них 53,5% — не более 1 тыс.), тогда как 9% — от 10 до 20 тыс. руб., а 1% — до 50 тыс. и выше (т.е. те самые 6 тыс. 343 «номенклатурщика»).

Мелкий чиновник получал в середине XIX в. от 7 до 16 руб. в месяц, а один действительный тайный советник (2-й ранг, генерал или адмирал) — 43 руб.78 коп. в день при «казенной квартире с дровами», экипаж «с кучером», кухаркой и горничной за казенный счет.

Ни в одной стране в мире до 1914 г. содержание государственного аппарата не обходилось так дорого, как в России — 13% годового бюджета.

Важной особенностью царской «номенклатуры» к началу XX в. стало ее уравнение в правах с родовитой аристократией. Это с XVIII в. подтверждалось земельными пожалованиями, орденами, а после отмены крепостного права — скупкой высшей бюрократией земель разоряющихся помещиков.

При сталинской бюрократии эта собственность их предшественников трансформировалась в госдачи, дома отдыха, санатории, охотничьи хозяйства и т.д. Отличие состоит лишь в том, что эта собствен-

ность состоит не в частной, а в «коллективной» собственности нынешней номенклатуры.

За «круглый стол», к национальному консенсусу

Пять лет перестройки и гласности в СССР вновь высветили две застрелые проблемы российской общественной жизни.

Во-первых, продолжающийся и на шестом году перестройки социальный и политический разрыв между «номенклатурой» и общественностью (в XIX в. говорили «публикой»), когда даже в условиях признаваемого в партии кризиса доверия части народа (что, в частности, нашло отражение в лозунгах ряда манифестантов на Первомайской демонстрации-маевке 1990 г. в Москве некоторые высшие «номенклатурщики» предлагают решить эту реальную проблему прежним, сталинским путем—«вычистить» из КПСС всех смутьянов-инакомыслящих...

Во-вторых, февральско-мартовский Пленум ЦК КПСС 1990 г. отчетливо показал продолжающееся размежевание внутри «номенклатуры» на реформаторов и консерваторов, что также имело место в российской номенклатуре, скажем, в период великих внутренних реформ 60-х — 70-х годов XIX в.

Размежевание зашло столь далеко, что один из крупных партпаратчиков — консультант отдела оргпартрabоты ЦК КПСС доктор наук Г. Хаценков, будучи принципиально несогласным с известным письмом ЦК «За консолидацию на принципиальной основе» — подал заявление об увольнении из центрального аппарата и выходе из КПСС ⁷⁴.

Удивительно, как мало за сто с лишним лет изменилось мышление и набор стереотипов в «идеологическом пугале» царской монархической высшей бюрократии времен Александра II и нынешней консервативной коммунистической номенклатуры.

Тогда «нечистой силой» провозглашались «конституция» и «парламент». Уже упоминавшегося, вполне благонамеренного к властям профессора Московского университета Б.Н. Чичерина в 80-х годах XIX в. выгнали с поста мэра (городского головы) только за то, что «аппаратчики» царского министерства внутренних дел усмотрели в его верноподданической речи перед Александром III намек на то, что сей голова якобы «требовал конституции».

Великий сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин писал о том, чего хотят такие «управители» России" — то ли конституции, то ли севрюжатыны с хреном...

Даже такой, несомненно, талантливый администратор, каким был П.А. Столыпин, усиленно вводивший в деревне частную собственность (в противовес нерентабельному общинно-арендному землепользованию), и тот восклицал: «Слава богу, у нас в России парламентов нет!» (Государственная дума, как и нынешние съезды Советов, конечно, мало походила на европейские цивилизованные парламенты).

И хотя «частная» (часть общегосударственной) собственность у нас сохранилась со времен Сталина (этикетки типа «личная», «индивидуальная», «трудовая» ничего по сути не меняют), многие ораторы на Пленуме были «решительно против», чтобы проект платформы ЦК КПСС «открывал даже щели для внедрения в социалистическое общество частной собственности. Это не игра, товарища, в термины. Речь идет о частнособственнической форме присвоения чужого наемного труда.»⁷⁵ Что в эту «щель» уже давно въехал на «Жигулях» или «Москвиче» частный таксист с патентом на основе закона об индивидуальной трудовой деятельности, оратор предпочел умолчать. Как и о том, что эксплуатация труженика и при обобществлении средств производства, судя по-нашему 50-летнему опыту, может быть в 2—2,5 раза большей, чем при капитализме.

Что сам К. Маркс в «Капитале», как это по первоисточнику напомнил председатель комиссии по этике Верховного Совета СССР народный депутат профессор А. Денисов, вовсе не отрицал частную собственность как экономическую основу индивидуальной свободы человека, об этом оратор на Пленуме предпочел скромно умолчать.

Тот же А. Денисов публично признался в «Пятом колесе», что он, как и все советские владельцы сберкнижек, «эксплуатор» — получает по 2—3% прибыли за ссудный капитал, основу любого капитала со времен Маркса. Скажут — что там 2—3%? Но ведь для принципа «частнособственнической формы присвоения чужого наемного труда» совершенно неважно — сколько процентов прибыли или сколько человек эксплуатируется — 10 (это социализм, как в ГДР, Польше или Венгрии) или 100 (это капитализм, как в США, Индии и т.д.).

Вот уж, воистину, то ли конституция, то ли севрюжинки с хреном?

Тайные мысли борцов за «идейную чистоту» не дать народу то, во имя чего совершалась Октябрьская революция предельно ясно обнажил на Пленуме народный депутат, известный хирург С.Н. Федоров: «Вспомним четкость идей партии в 1917 году: земля — крестьянам, власть — Советам, фабрики — рабочим. Почему бы не выполнить эти лозунги нам сегодня? Они ведь также актуальны с небольшой только разницей — собственность надо брать у нашей административно-партийно-бюрократической команды и передавать народу, людям, личностям.»⁷⁶

Этот «любовой» вопрос хирурга-менеджера, на практике осуществившего ленинскую идею о «строе цивилизованных кооператоров» — собственников, многие защитники руководящей роли «номенклатуры» в партии пытались обойти при помощи туманных намеков на реставрацию капитализма (о которой они сегодня, как и 50—20 лет назад, судят по «Манифесту Коммунистической партии», изучавшемуся как библия в ВПШ), на опасность переноса зарубежного опыта на национальную почву. И уж, конечно, дежурные ссылки на «народ», который «обеспокоен тем, куда мы идем.»⁷⁷

Между прочим, этот самый «народ», судя по опросу социологического центра при ВЦСПС и Госкомтруде, и о чем публично объявили на третьей сессии Верховного Совета СССР, на 70% за... частную собственность. При «проклятом царизме» только 1/4 крестьян согласились взять землю в частную собственность; остальные 3/4 предпочли остаться в общине (дореволюционном «колхозе»), и в этом коренилась главная причина провала аграрной политики Столыпина.

«Развал», «хаос», «у последней черты» — так номенклатурные консерваторы в госаппарате характеризуют «заваренную Горбачевым кашу». Просто поразительно, как 130 лет тому назад, накануне отмены крепостного права в России, их предшественники из «номенклатуры» уже почившего в бозе Николая I, точно также пугали «царя-освободителя» и его соратников: «Неужели вы думаете, что мы вам дадим кончить это дело? — вопрошал граф Бобринский инициатора перестройки армии на современный лад военного министра Д. Милютин. — ...Не пройдет и месяца, как вы все в трубу вылетите, а мы сядем на ваше место.» Шеф корпуса жандармов князь В. Долгорукий нашептывал в 1860 г. на ушко Александру II: народ недоволен, он не гарантирует «общественного спокойствия.» Потом, правда, выяснилось, что в своих секретных доносах под «народом» Долгорукий имел в виду... помещиков. «Нельзя не изумляться, — писал Милютин позднее в своих мемуарах, — редкой твердости государя, который один обуздывает настоящую реакцию и силу инерции»⁷⁸.

Нагретание психоза «погромов», приезда «босвиков» из Закавказья в Москву, телевизионные уговоры министра культуры СССР, а также высшего иерарха Православной церкви не выводить на улицу в великий пост (слукавил батюшка — 25 февраля был последний день Масленицы — «прощенное воскресенье»), заманчивая лотерея по ТВ Москвы от 10 до 18 — нет ли здесь аналогий с тактикой князя Долгорукого?

Волею случая я оказался 25 февраля 1990 г. в Ярославле и, судя по плакатам («Вставай, проклятьем заклеянный, весь мир голодных и рабов!», «Смело мы в бой пойдем, за власть Советов!») страхи местных «долгоруких» рабочий класс, служащих и студентов (плакат «Мы с Вами, Михаил Сергеевич!») не испугали. А вот доверия к местным и центральным средствам массовой информации (областной «Северный рабочий» опубликовал накануне подборку писем обкомовских-ручных ветеранов партии, в которой народные депутаты Ю. Афанасьев, Г. Попов, Т. Гдлян и другие разве что не зачислялись во «враги народа», рвущиеся к власти, как будто парламент страны — это не высшая законодательная власть) существенно поубавилось. «Даже если в следующий раз, на митинге 25 марта, объявят по телевизору, что пошлют против нас танки, как в Баку, — говорил при мне один из участников манифестации лидеру Ярославского народного фронта И. Шамшину, — мы Ненашеву не поверим».

А ведь после 1861 г. народ не восстал, он принял «иноземную» систему личной свободы с радостью, да так рванул, что с 1861 по 1914 г.

население России увеличилось втрое, а по темпам промышленного развития в 70-х — 90-х гг. прошлого века обгоняла все остальные страны мира.

Когда «запас прочности» освободительной реформы 1861 г. иссяк и в 1905 г. — 1907 г. разразилась революция, умные монархисты (помещик В. Шульгин, фабрикант А. Гучков) предлагали Николаю II повторить опыт «революции сверху». В ноябре 1916 г. в IV Государственной думе «прогрессивный националист» Шульгин заклинал — народ выйдет на улицы, 50% власти уже в руках рабочих на заводах, опомнитесь, выйдите из войны, дайте землю хотя бы части крестьян, не давите «мастеровых»⁷⁹. Куда там — дисциплина производства превыше всего, «неформалов» — в кутузку, а казачкам (как сегодня партгосаппарату) срочно повысили жалование, даже пенсии родне (в случае «убийства при подавлении беспорядков») назначили.

Русский флибустьер, фабрикант и «миллионщик» А.И. Гучков, видя паралич верховной власти накануне Февральской революции (которой умные монархисты не хотели, опасаясь «бунта толпы» и развала державы, что и произошло), говорил: «Историческая драма... заключается в том, что вынуждены отстаивать монархию против монарха, церковь против церковной иерархии, армию против ее вождей, авторитет правительственной власти против носителей этой власти»⁸⁰.

Начиная с А. Радищева, вся политическая история России — это борьба бюрократии и интеллигенции за власть как парламентскими методами (земства в провинции, Государственная дума в столице), так и методами террора (народовольцы и боевики — эсеры).

Поразительна была реакция тогдашней царской «номенклатуры». Что она не искала встречи с представителями «улицы», как это сегодня предложил и осуществил первый секретарь ЦК компартии Молдавии П.К. Лучинский (идея «круглого стола» с «неформалами», по образцу стран Восточной Европы)⁸¹, это в общем понятно. Но царская камарилья отвергла и умеренных кадетов (П.Н. Милюков и К^о) и даже своего собрата-монархиста (Шульгин, Гучков) — ни одному из них даже не было предложено войти в правительство «национального единения». А французская буржуазия, когда у нее в ноябре 1917 г. возник аналогичный кризис, пошла на крутую ломку стереотипов «номенклатуры» («казус Клемансо»): выгнала политиков-ретроградов, включила в правительство социалистов-«оборонцев», сменило бездарных генералов и выиграла войну.

Российская бюрократическая номенклатура на «перестройку» и «революцию сверху» оказалась накануне 1917 г. неспособной — в самодержавном государстве для этого общенациональным лидером мог стать только царь (Петр I, Александр II), но последний «лидер» монархизма только стрелял ворон.

Сбылось пророчество министра просвещения 60-х годов XIX в. при Александре II А.В. Головина — реформы «сверху» надо повторять не реже одного раза в 40 лет, но этого «власть придержащая» не пони-

мала и «правительство много брало у народа и дало ему очень мало. Это несправедливо. А так как каждая несправедливость всегда наказывается, то я уверен, что наказание не заставит себя ждать... Это может случиться в царствование внука настоящего государя». Внуком этим стал Николай II.⁸²

Не последнюю роль в кризисе и крахе самодержавия в 1917 г. сыграл обыкновенный человеческий фактор — возраст. Реальные центры власти — правительство, Сенат, Государственный Совет, Священный Синод — все они оказались до краев заполнены пенсионерами. Посмотрите в Русском музее в Ленинграде известную картину И. Репина «Заседание Государственного Совета» (играл тогда роль нынешнего «цска»): ни одного молодого лица, одни седовласые старцы в расшитых золотом сановных мундирах.

А сегодня? Секретарь парткома объединения «Нижневартовскнефтегаз» Ю.А. Ганьковский привел на февральском (1990 г.) Пленуме такие данные: половина нынешнего состава ЦК старше 60 лет. В апреле 1989 года «омолодили» состав — большая группа ветеранов добровольно подала в отставку. И года не прошло — глядь, снова 38 членов «подросли» до пенсии⁸³. Сотрудник журнала «Диалог» В. Сазинов в «Аргументах и фактах» и в «Московском комсомольце» (журнал «Коммунист» эти данные из «Справочника партработника» опубликовать побоялся) накануне Пленума уточнил — 2/3 «обновленного» на XXVII съезде КПСС ЦК — люди пенсионного и предпенсионного возраста. Впечатление такое, что некоторые лишь для того и стремились в ЦК, чтобы затем оформить «цековскую» пенсию: сразу после XXVII съезда в 1986 г. с «казенной» дачей и «казенной» машиной по вызову оформилось на пенсию семь человек, на следующий год — уже 13, а в 1988 г. — аж целых 31.

Далеко ли ушел от царского Государственного Совета, куда царь назначал пожизненно, наш ЦК, если некоторые его члены просидели в нем и рядом с ним от 34 (Б.Н. Пономарев, М.В. Зимянин) до 25 (М.С. Соломенцев, А.А. Громыко, Н.А. Тихоново и др.) лет. Чтобы не упрекали в сановности и номенклатурности, рядом сажали рабочего-строителя В.А. Затворницкого (18 лет и продолжает сидеть), колхозника М.И. Клепикова (23 года), горняка А.Я. Колесникова (18 лет) и т.д. Пусть кто-нибудь скажет, что наш ЦК — не рабоче-крестьянский?

А ведь «производственный» состав нынешнего ЦК как две капли воды похож на последний царский Государственный Совет (за минутом скульптурных рабочих и колхозников). «Номенклатура» заполняла кресла и того, и другого. Сегодня в нашем «госсовете» 94 гражданских министра и замминистра, в их составе мощный «военный взвод» Минобороны почти в полном составе своей «коллегии» (министр и его 14 замов). Вместе с представителями КГБ и МВД военные образуют 2/3 состава всего ЦК⁸⁴. Так где же здесь «партийный контроль», «политическое руководство», «ведущая роль» по недавно отме-

ненной 6 статье Конституции? И кто кого куда ведет и кто кого контролирует?

Не оттого ли в 1904 г. Государственный Совет одобрил заранее проигранную войну с Японией (некоторые престарелые члены Совета смутно уже помнили — где она, эта Япония?), а в 1979 г. такой же милитаризованный ЦК разве мог возражать против войны в Афганистане?

И после всего этого наша райкомовская партийная «номенклатура» еще обижается, что «у многих складывается впечатление, будто это какая-то каста малограмотных самодуров, узурпировавших право и власть в обществе»⁸⁵. Но ведь на той же газетной полосе в том же номере напечатано и письмо беспартийной Н. Морозовой о том, что и «каста» есть, и «комчванства» — хоть отбавляй, и «партийных мерзавцев» — достаточно (почитайте в той же «Правде» материал об «алисвщине»).

Да и на самом февральско-мартовском Пленуме хватало критики по адресу «отдельных партийных и советских вельмож», «мерзавцев с партийными билетами»⁸⁶. Конечно, отдельным «вельможам» это не нравится, для них эта критика «не та демократия, не та гласность»⁸⁷, а какая «та» — что при Брежневе — Суллове? Но такому «плакальщику» по «той» демократии на Пленуме не в бровь, а в глаз ответил приглашенный шахтер-забастовщик К.Г. Фесенко: «Вот сейчас мы слышали выступление товарища Месяца. О чем говорит! Шельмование партаппарата. Ну, шельмование — так вы же, товарищ Месяц, занимались сельским хозяйством. И что у нас — полные прилавки сейчас? А теперь кто-то вас шельмует?»⁸⁸ Но что можно ожидать от такого «вождя» из сталинско-хрущевской «номенклатуры», которой вчера руководил комсомолом, сегодня — радио и телевидением, завтра — сельским хозяйством, будучи одинаково некомпетентными во всем!

не нравится московскому секретарю райкома определение «каста малограмотных самодуров». А бывший первый секретарь Волгоградского обкома КПСС Калашников, приказавший снести помидорные теплицы пенсионеров, это кто — царицынский Вольтер? А «юнакомыслие» бывшего первого секретаря Тульского обкома Ивана Юнака, кричавшего прямо на партактиве области областному прокурору, тыча пальцем в очередную жертву: «Копейко, взять его!» И брали, например, будущего народного депутата СССР Д. Стародубцева⁸⁹.

Прав шахтер Фесенко — партаппарат на местах наловчился создавать «потемкинские деревни» отчетного благополучия, даже Генерального секретаря за нос водили — «мол, все хорошо, перестройка идет...»

Лично видел в мае 1989 г. в Иркутске, как тамошний обком сооружал к проезду Генерального секретаря из Москвы в Пекин такую «потемкинскую деревню». Дым коромыслом стоял на улице Карла Маркса — срочно заливали асфальтом многолетние выбоины, красили фасады (а не все стены) зданий, на горком водрузили два огром-

ных портрета Ленина и Горбачева, инструктировали «представителей трудящихся» — кому что спрашивать, что отвечать, как цветы дарить. Чуть лекцию у меня не отменили — студенты университета, снятые с занятий, мели улицы к приезду высокого гостя. Да вышел конфуз — пообщался Михаил Сергеевич с небольшой группой на аэродроме, да и поехал за город, а утром продолжал путь на Пекин.

И все это — на фоне зажима гласности, когда студентам и академической молодежи не дают проводить политические дискуссии об ответственности обкома за провалы в снабжении продовольствием, в культуре, в экологии Байкала. Рсбята всерьез мне говорили, что подадут на первого секретаря обкома В. Потапова (о нем уже не раз писали «Известия») ⁹⁰ — в... Международный суд ООН в Гааге. Жаль ребят — суд такой иск не примет: в международном праве нет такого субъекта ответственности, как секретарь обкома. Там партийный функционер в партийном качестве хозяйственным регионом не руководит: он либо мэр, либо освобожденный партработник, занимающийся исключительно делами своей общественной организации.

Впрочем, к весне 1990 г., похоже, дело обходится и без международного Гаагского суда, своими силами. Как сообщил мне в апреле в Москве мой бывший ученик заведующий кафедрой международных отношений и новейшей истории Иркутского госуниверситета проф. Г.Н. Новиков партийная организация единодушно потребовала ухода в отставку не только первого — Потапова и его подпевал из бюро, но и весь ранее выбранный обком. Решение общего партийного собрания университета опубликовал орган Иркутского обкома и облисполкома — газета «Восточно-Сибирская правда», оно было поддержано также коммунистами Иркутского УГКБ. И то же? «Удельный прибайкальский князь» пригрозил... исключить начальника областного УГКБ из партии! «Кто не с нами (консерваторами), тот — против нас». Похоже, однако, что времена не те и «потемкинские деревни» прежней партноменклатуры уже не проходят...

Грустно, но и здесь просматривается преемственность «номенклатурного самодурства». За 135 лет до В. Потапова сидел на «хозяйстве» в Иркутске генерал-губернатор В.Я. Руперт. Так тот за 73 года до введения в Советской России подразверстки и «военного коммунизма» единолично запретил свободную торговлю хлебом и ввел запрет на гонку самогона (монополии на водку тогда не было.). Куда только иркутяне не обращались — губернатор держал оборону семь лет, пока, наконец, не приехал из Петербурга ревизор — сенатор Т.Н. Толстой. Он обнаружил «многие случаи нарушения закона и злоупотреблений» (лицензии на хлебную торговлю и выгон самогона все же выдавались, но... за взятки). Мало того, Руперт, пользуясь отдаленностью от столицы, (царский курьер скакал из Петербурга в Иркутск два месяца), ввел собственные «иркутские» налоги, и обирал местное население от Байкала до Чукотки (все это было тогда Восточно-Сибирское генерал-губернаторство). Сенатская ревизия 1845 г. полностью изобличила Руперта в лихоимстве. И что же — два года

это «дело» разбирал Комитет министров, но так и не отдал под суд взяточника и самодура на том основании, что Сенат якобы забыл «истребовать с него объяснительную», хотя жулика и «отрешили от должности»⁹¹.

Контроль за самодурством и лихоимством местных начальников в такой огромной стране, как Россия, где по полгода (весной и осенью) в отдельные районы было ни пройти, ни проехать, всегда представляла проблему для центральной власти. Жалобы на самодурство местной «номенклатуры» начали звучать при Екатерине II на первом «съезде» выборных депутатов (т.н. Уложенной комиссии по подготовке законов) в московском Кремле еще за 20 лет до Французской революции и с тех пор не замолкали.

Чего только не делали цари! Николай I поручил контроль за генерал-губернаторами «голубым мундирам» — жандармскому корпусу. Из них рекрутировалось и большинство губернаторов, например, сын известного дворянского революционера, отставной жандармский генерал-майор А.А. Радищев, назначенный губернатором Ковенской (Каунасской) губернии.

Проверка III собственной его императорского величества канцелярии (жандармский корпус) в 1840-х годах установила, что их 46 губернаторов лишь трое не берут взятку. Среди этих троих — сын революционера Радищев. И что же начертал Николай I на рапорте шефа жандармов графа Бенкендорфа по этому исключительному случаю? «...Если не берет Радищев, значит он чересчур уже честен». И пришлось сыну революционера подавать в отставку⁹².

Известному французскому путешественнику барону де Кюстину Николай I мрачно заметил: «Вы думаете, я управляю Россией? Заблуждаетесь, барон — управляет 50 моих губернаторов.»

Реформаторы уже после отмены крепостного права решались на отчаянные шаги — публиковали сведения о произволе местной «номенклатуры» за рубежом, в «тамиздате». Так, в 1867 г. они выпустили в Берлине сборник, где поместили секретный доклад министра внутренних дел Н.А. Милютина царю Александру II: «Можно утвердительно и по строгой совести сказать, что в числе 45 губернаторов... 24 должны быть заменены без малейшего замедления, из них 12 как всем известные мошенники, а 12 по сомнительной честности. Из остальных 21-го десять могут быть терпимы по необходимости, девять довольно хороши и только два могут быть названы образцовыми: самарский Грот и калужский Арцимович»⁹³.

Не следует упрощать проблему «реформаторов» и «консерваторов» и в прошлом, и в настоящем: за теми и за другими, как справедливо отметил народный депутат В. Ярошенко, стоят многомиллионные «партии», а не только их лидеры, у которых велик соблазн к вершущему «номенклатурному» компромиссу среди «своих».

Со времен Петра I в Российской империи стали складываться две политические культуры. Первая, традиционная, питалась истоками общинного самоуправления и сельской демократии: сход (мир), выбо-

ры старосты, социальное призрение сирот и престарелых (содержание на «кошт общины»), уравнилельный общинный «социализм» (дележ земли по едокам), выплата налогов государству «скопом», от общины, а не индивидуально, как на Западе.

Эта сельская демократия не имела ни бюллетеней, ни урн для голосования, ни плакатов с избирательными платформами хотя бы потому, что даже в канун Октября подавляющее большинство населения было неграмотным.

Но это обстоятельство вовсе не значило, что в деревне не было демократии (народоправства). Да, это демократия кардинально отличалась от западной. В свое время на это формальное различие двух типов демократий обратили внимание славянофилы, а их последователи народники (и здесь их поддержал К. Маркс) даже попытались через русскую сельскую общину сразу шагнуть к социализму.

Наоборот, поборники второй «городской» политической культуры видели модель на Западе, в парламентских формах правового государства, и от декабристов до Плеханова и Ленина предсказывали развитие России по западному капиталистическому пути.

В плане экономическом, «базисном», так оно и случилось: здесь исторический спор народников и социал-демократов решился в пользу последних.

Но гораздо более сложным оказалось решение этого спора в «надстройке», в коллективном сознании народа, столетиями сохранявшем общинную психологию совместной борьбы и с природой, и с властями, предрержащими, ничего не дававшими, а только бравшими (налоги, рекрутов, повинности). Но при этом винули «государево нижнее начальство» (городового, исправника, губернатора), а не царя. «Вот приедет барин — барин нас рассудит», — метко отразил поэт эту царистскую психологию русской крестьянки.

Общинно-коллективная психология социальной уравнилельности и подчинения личности «обществу» («миру») пережила и столыпинскую реформу, и сталинскую коллективизацию, и хрущевский призыв 1961 г. «прыгнуть» через 20 лет в коммунизм. Откуда, скажите, это изумляющее иностранцев хождение наших жен в партком и местком с жалобами-заявлениями вернуть им мужей, ушедших к другим женщинам? От сельской крестьянской общины-«мира», который судил-рядил семейные ссоры и раздоры, чаще всего, впрочем, наказывавая неверных жен.

Почему сегодня, несмотря на все благоприятные законы, никак не могут встать на ноги кооператоры и арендаторы на селе? Да потому что и при Столыпине «мирское начальство» (хотя и демократическим образом выбранные на сходе — староста, стотский-дружинник, казначей общины и др.) ревниво охраняло свою путь и мизерную, но власть — хочу, пошлю на дорожную и ямскую повинность, хочу — нет, хочу — дам «отпускную» в города на отхожий промысел, хочу не дам... И за все эти «хочу — не хочу» надо было ставить магарыч, золотить ручку, отработать бесплатно на подворье старосты (что дела-

ют и сегодня многие подчиненные на дачах у наших многочисленных мелких начальников).

В условиях командно-административной системы это «хочу-нехочу» приобрело сомнительное значение, поскольку нормальные экономические рычаги (рынок, конвертируемый рубль, финансовая биржа и биржа труда и т.д.) давным давно были упразднены Сталиным. Выросло, оформилось и продолжает учиться в ВПШ (и сегодня прием более 7 тыс. человек в год) не одно поколение «Чингиз ханов с телефонами», которые никакой «рыночной» экономики, кроме «командной», не признают. Дремучая некомпетентность партгосноменклатуры в вопросах рыночной экономики стала настолько очевидной, что тревогу забила даже «Правда»⁹⁴ «Известия» проиллюстрировали в том же месяце этот командный стиль конкретным примером, когда Вологодский обком КПСС попрежнему спускал кооператорам с фабрики игрушек «оброки» на чистку улиц, на картошку и т.д., причем, как оказалось, за поставку «негров» в разваливающиеся колхозы и совхозы аппаратчики обкома и облисполкома исправно получали от областного агропрома «дань» за «активное участие в проведении работ по заготовке и уборке сельхозпродукции» (от 90 до 120 руб., в зависимости от руководящего кресла)⁹⁵.

Ну чем не замаскированный «магарыч» дореволюционному общинному старосте, когда тот требовал крестьянских подвод для перевозки, скажем, арестантов, а крестьянин хотел уклониться?

Видимо неслучайно, что после такого многолетнего «чингизханского» руководства первому секретарю обкома В. Купцову все же пришлось уйти со своего поста.

Но у поборников антирыночной экономики — мощная поддержка снизу. Как когда-то подавляющее большинство столыпинских крестьян, колхозники не хотят покидать «общину», где голодно, холодно, удобств — никаких, но зато каждому гарантирован кусок хлеба с жидким чаем. А всяких там «Жигулей», видеомагнитофонов, поездок за границу, иностранных шмучок им и на-дух не надо.

Программу этих люмпенов четко изложил в «Дискуссионном листке» народный депутат СССР таксист Л.И. Сухов, имеющий за плечами вечернюю школу рабочей молодежи «да плюс пятьдесят лет жесткой жизни»⁹⁶

И вот уже единомышленники Сухова собирают в Ленинграде 21—22 апреля 1990 г. инициативную конференцию политических представителей таких люмпенов, приглашают в зал небезызвестную Нину Андрееву и провозглашают намерение учредить чисто пролетарскую Российскую коммунистическую партию в составе КПСС.

Таксист Сухов лишь принципиально не согласен с горбачевским тезисом о приоритете общечеловеческих ценностей сегодня («и не надо меня убаюкивать разглагольствованиями об общечеловеческих ценностях!»), а инициаторы пролетарской РКП на пресс-конференции уже предлагают... исключить за это из КПСС как ренегатов ком-

мунизма М.С. Горбачева, А.Н. Яковлева и Э.А. Шеварднадзе, а также «всех других, кто с ними заодно»⁹⁷.

Спустя неделю «Московские новости» сообщают о другой формальной антикоммунистической, антипролетарской, но по духу близкой к РКП пресс-конференции — различных течений национально-патриотического движения «Память». У них Ленин — «кровавый вампир», вскормивший сионистскую мафию и погубивший якобы истинно-православный русский народ (весь набор аргументов списан из мракобесного сочинения черносотенца начала века Н.Е. Маркова — 2-го⁹⁸, но видны и уши: «Помимо церкви и армии, мы считаем — оказывать содействие здоровым (!) силам КГБ, МВД в их борьбе за сохранение общественной и государственной стабильности»⁹⁹.

«Здоровые силы» в российской номенклатуре в начале нашего века уже осуществили через «Союз русского народа» такую «стабильность» — под флагом борьбы с иудо-масонами и еврейских погромов убили в период Первой русской революции 1905—1907 гг. большевика Николая Баумана, двух депутатов Государственной думы, несколько десятков врачей, учителей, инженеров, никакого отношения ни к евреям, ни к сионистам не имевших. Лозунг «бей жидов, спасай Россию!» на практике означал расправу руками люмпенов-черносотенцев, натравленных царской охранительной номенклатурой, и над демократической интеллигенцией и реформаторами в самих «верхах» (три покушения на графа С.Ю. Витте, убийство в 1911 г. премьера П.А. Столыпина)¹⁰⁰.

Не хочет ли нынешняя консервативная номенклатура повторить этот опыт удушения первой отечественной перестройки нашего века?

Стоит, наконец, прислушаться к серьезным аналитикам феномена номенклатуры и среди отечественных, и среди зарубежных пророков. Выдающийся российский и мировой ум — Николай Бердяев — писал еще в 1937 г.: Ленин не сумел предвидеть лишь одного — «классовое угнетение может принять совершенно новые формы, не похожие на капиталистические...; новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестко эксплуатировать народные массы»¹⁰¹.

Пятьдесят лет спустя бывшему «легальному марксисту» вторил бывший «революционный коммунист» югослав Милован Джилас: «Бюрократическая и догматическая теория о том, что только коммунисты — сознательная сила социализма («люди особой закалки», по Сталину), служит основой для их отделения от общества... Она скрывает реальную тенденцию к сознанию особого привилегированного слоя по принципу политической и «идейной» принадлежности, а не на основе способностей и профессионализма. Такая практика может превратить коммунистов в попов и жандармов социализма...»¹⁰².

Очень важно, чтобы не только рядовые неформальные демократы СССР, но и многие реформаторы-руководители КПСС и государства осознали, наконец, этот главный исторический порок командно-административной «номенклатурной» системы, и сели, наконец, за

«круглый стол» переговоров в целях срочного достижения общенационального консенсуса и создания коалиционного правительства национального доверия всех здоровых демократических перестрочных сил общества.

Примечания

- 1 «Правда», 25 января 1990.
- 2 «Правда», 31 января 1990.
- 3 Там же.
- 4 Полный текст обращения Х.Г. Раковского см. «Дипломатический ежегодник, 1989.» М., 1990.
- 5 «Новый мир», 1990, № 2, с. 114.
- 6 Стенографический отчет. VI конгресс Коминтерна, вып. 5. М.-Л., 1929, с. 84.
- 7 Н.А. Васецкий. Г.Е. Зиновьев: страницы жизни и политической деятельности. -- «Новая и новейшая история», 1989, № 4, с. 124.
- 8 Г.В. Плеханов. Соч., т. 13, с. 90.
- 9 Цит. по: «Неделя», 1990, № 2, с. 6.
- 10 Цит. по: «Аргументы и факты», 1990, № 12, с. 6.
- 11 Осмысливая культ Сталина. М., «Прогресс», 1989, с. 563--564.
- 12 В.И. Ленин. ПСС, т. 33, с. 44.
- 13 «Правда», 22 января 1990.
- 14 В.И. Ленин. ПСС, т. 42, с. 1.
- 15 В.И. Ленин. Соч., 3-е изд., т. XXV, М., 1936, с. 474.
- 16 Л.Д. Троцкий. Что такое СССР и куда он идет? (Факсимильное издание наборной рукописи). Париж, б/г, гл. 5, 9.
- 17 Цит. по: Энциклопедический словарь «Гранат», т. 41, М., 1927, с. 141.
- 18 И.И. Бухарин. Программа коммунистов (большевиков) М., 1918, с. 60.
- 19 В.И. Ленин. ПСС, т. 41, с. 215.
- 20 Основной Закон (Конституция) СССР (1924), Ежегодник НКВД на 1925 г. (справочник для иностранных дипломатов). М., 1925, с. 6.
- 21 См., например: П.А. Васецкий. Ликвидация: Сталин, Троцкий, Зиновьев. М., 1989, с. 60--61.
- 22 Призывы ЦК ВКП(б) к 10-й годовщине начала Пролетарской Революции. -- «Известия ЦК ВКП(б)», 1927, № 40, с. 1.
- 23 Пути мировой революции. VII расширенный Пленум ИККИ, 22 ноября -- 16 декабря 1926, т. 2, М.-Л., 1927, с. 111.
- 24 «Вопросы истории», 1989, № 12, с. 99.
- 25 В.И. Ленин. ПСС, т. 45, с. 376.
- 26 «Октябрь», 1989, № 12, с. 37.
- 27 В.И. Ленин. ПСС, т. 33, с. 93.
- 28 «Октябрь», 1989, № 12, с. 34--46.
- 29 Ж. Жорес. Социалистическая история французской революции. т. 1, М., 1976, кн. 1, с. 38--39.
- 30 См.: С.А. Никольский. Власть и земля. М., «Агропромиздат», 1990.
- 31 А.В. Чапанов. Продовольственные вопросы. М., 1917, с. 34.
- 32 Н.Д. Кондратьев. По пути к городу. -- «Большевики у власти». Сб. статей. Петроград-М., 1918.
- 33 Меньшевики. Сб. воспоминаний. Состав. Ю.Г. Фельштинский. Вермонт, 1988, с. 162.
- 34 Подробнее см. мою статью «Вехи». -- «Учительская газета», 25 ноября 1989.
- 35 Своевременные мысли, или пророки в своем Отечестве (из мыслей В. Короленко, И. Бунина, М. Горького, М. Булгакова, И. Павлова, В. Вернадского и др.). Л., 1989, с. 66.
- 36 В.В. Шульгин. 1920 год. Л., 1927, с. 283.
- 37 Ю. Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959, с. 48--49.
- 38 Там же, с. 62--63.
- 39 См. «Известия», 9 марта 1989.
- 40 XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.-Л. 1924, с. 132.

- 41 Статистические сведения о ВКП(б). -- В кн. А. Бубнов, ВКП(б). М., 1930, с. 533--534.
- 42 См.: «Новый мир», 1990, № 2, с. 121.
- 43 «Диалог», 1990, № 2, с. 9, 11.
- 44 А.С. Мартынов. Мои украинские впечатления и размышления. М., 1923, с. 48--49. «Правда», 15 июня, 1988.
- 45 «Правда», 15 июля, 1988.
- 46 В.И. Ленин. ПСС, т. 45, с. 402.
- 47 «Правда», 1 февраля 1990.
- 48 В.И. Ленин. т. 44, с. 396--397.
- 49 В.И. Ленин. ПСС, т. 44, с. 151.
- 50 См.: «Известия», 9 марта 1989.
- 51 См.: «Московские новости», 29 апреля, 1990.
- 52 В.И. Ленин. ПСС, т. 44, с. 151.
- 53 Там же, т. 45, с. 293.
- 54 См.: там же, с. 293--294.
- 55 Подробней о том, как в интересах личного соперничества в 1924--1925 гг. со­здавался «троцкизм» и какую роль здесь сыграло игнорирование воли Ильича (сокры­тое от делегатов XIII съезда партии ленинского «Письма к съезду») см. в моей статье «Кто же они, троцкисты? -- «Учительская газета», 17 октября, 1989. См. также: Л.Д. Троцкий. Наши разногласия (ноябрь 1924 г.) -- «Новая и новейшая история», 1990, № 2.
- 56 «Нш»: суть, опыт, уроки -- «Правда», 15 июля 1988.
- 57 Подробнее см. в моей статье «Рижский мир». -- «Международная жизнь», 1988, № 8.
- 58 См.: III Всемирный конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Петроград, 1922, с. 58.
- 59 IV Всемирный конгресс Коминтерна. Избранные доклады, речи и резолюции. М., Петроград, 1923, с. 103.
- 60 Там же, с. 10.
- 61 Там же, с. 12.
- 62 Там же, с. 191.
- 63 Там же, с. 192. См. также «Диалог», 1990, № 2, с. 17.
- 64 «Звезда», 17 декабря 1988 г. (орган Пермского обкома КПСС); «Диалог», 1990, № 2, с. 19.
- 65 В.И. Ленин. ПСС, т. 45, с. 336.
- 66 «Московские новости», 28 января 1990.
- 67 См., например: А. Шальнев. Привилегии американского чиновника. -- «Изве­стия», 1 марта 1990.
- 68 «Аргументы и факты», 1990, № 14.
- 69 Свод законов Российской империи, т. II, ч. I, С.-Петербург, 1906, ст. 76.
- 70 «Правда», 31 января 1990.
- 71 См.: П. Эйдельман. «Революция сверху» в России. М., 1989, с. 155.
- 72 П. Р у б а к и н. Много ли в России чиновников? -- «Вестник Европы», 1910, № 1; О н ж е. Наша правящая бюрократия в цифрах (статистика тайных и действи­тельных тайных советников). -- «Сын Отечества», 20 апреля 1905; О н ж е. Военная бюрократия в цифрах (статистика генералов и адмиралов). -- «Русская мысль», 1907, № 1, 2, 3, 5.
- 73 «Известия», 31 января 1990.
- 74 «Московские новости», 6 мая 1990.
- 75 «Правда», 7 февраля 1990, (из выступления Е.К. Лигачева).
- 76 «Правда», 8 февраля 1990.
- 77 «Правда», 6 февраля 1990, (из выступления первого секретаря МК Ю.А. Про­кофьева).
- 78 П. Эйдельман. Ук. соч., с. 125.
- 79 Стенографический отчет IV Государственной думы, 1 ноября 1961, -- 14 февра­ля 1917. Сессия 5-я. Петроград, 1917, с. 69--71.
- 80 «Неделя», 1990, № 1, с. 14.
- 81 «Правда», 17 февраля 1990.
- 82 П. Эйдельман. Ук. соч., с. 158.
- 83 «Правда», 7 февраля 1990.
- 84 «Аргументы и факты», 1990, № 5, с. 6.

85 «Правда», 31 января 1990. (из статьи первого секретаря Свердловского РК КПСС г. Москвы Н.Е. Кисловой).

86 «Правда», 8 февраля 1990, (из выступления главного редактора «Советской культуры» А.А. Беляева).

87 «Правда», 6 февраля 1990 (из выступление первого секретаря МК КПСС В.К. Месяца).

88 Там же.

89 «Московские новости», 11 февраля 1990.

90 См., например: корреспонденцию спецкора Р. Лынева. -- «Известия», 11 декабря 1989.

91 «Вопросы истории», 1975, № 9, с. 37.

92 Там же, с. 40.

93 Там же, с. 43.

94 См. статью второго секретаря Красноярского крайкома КПСС проф. В. Соколова «Кризис компетентности» в «Дискуссионном листке № 20». -- «Правда», 4 апреля 1990.

95 «Известия», 22 апреля 1990.

96 «Правда», 28 апреля 1990.

97 «Советская культура», 28 апреля 1990, с. 8.

98 См.: Н.Е. Марков. Войны темных сил, т. 1--2. Париж, 1928.

99 «Московские новости», 6 мая 1990, с. 6.

100 См.: «Союз Русского народа». Сб. документов по материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917-го года. М.-Л., 1929.

101 П. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма (отрывки.) -- «Юность», 1989, № 11, с. 87.

102 «Огонек», 1990, № 9, с. 26.

**Что
дальше?**

О гражданском обществе и общественном договоре (Размышления после пяти перестроечных лет)

В этих размышлениях я сознательно отвлекаюсь от злобы дня, но отвлекаюсь также от далеких философских и культурологических прогнозов.

Все начинается рискованным предположением: мы будем существовать, дышать, работать, жить своей жизнью не только сегодня и завтра, но и — послезавтра, через три года, через десять лет. Предположим, далее, что мы не занимаемся «перестройкой» (все — разом), но — просто живем, общаемся — экономически, политически, духовно — в нормальном (?) современном обществе.

И вот тут возникает вопрос: что это значит, жить — к началу XXI века — в нормальном (не идеальном) обществе?

Нельзя все время суетиться, ужасаться, надо выдохнуть комок в горле, и — спокойно подумать.

В этих заметках я, признаюсь, с трудом, исхожу не из ужаса перед надвигающейся катастрофой, рассуждаю не по схеме, «грозящая катастрофа и как с ней бороться ...», а рассуждаю «от нормы»: в современной промышленной цивилизации есть (может быть определено ...) некое оптимальное социальное состояние, в котором наша повседневная экономическая, политическая, культурная, личная жизнь может протекать наиболее свободно, ответственно, продуктивно. Причем, эта современная жизнь осмысливается мной не в ее корневых глубинах и не в ее творческих высотах, но в ее «золотой середине», в срезе гражданского общества.

О том, как я понимаю это словосочетание, скажу дальше.

Сейчас только замечу: на вопрос — «в каком обществе может нормально жить человек современной промышленной цивилизации?» (коль скоро она есть) я бы не отвечал в альтернативе «капитализм» — «социализм», — поскольку эти формационные понятия несут в себе — в любом случае — печать экономического детерминизма. Я бы сказал так: современный человек может нормально жить, сознательно, свободно, ответственно производить и общаться (... и — преодолевать экономический детерминизм) только в гражданском обществе¹.

Вот об этом и будут мои заметки.

Но, конечно, из своей шкуры не выпрыгнешь, я буду рассуждать о гражданском обществе из того зияния, где этого общества нет, где оно насущно.

Конкретно, это означает, что — на мой взгляд — любая спасительная реформа, осуществляемая в нашей стране, — экономическая (самый радикальный закон о земле и собственности), или — политическая (формирование правовой демократии) — может быть успешна и необратима только в атмосфере гражданского общества. Вне этой ауры все наши самые великолепные новации снова уйдут в песок патриархальщины и тоталитаризма. В конечном счете мы окажемся у того же самого (разбитого) корыта.

Нет спора, — здесь действует и обратная связь. Но сейчас разговор идет о прямой ...

* * *

Чтобы дальнейший текст возможно было представить более целостно, как некий «конспект ненаписанной книги», сформулирую мысли преувеличенно тезисно и расчлененно (за исключением отступлений-гипотез):

I

Исходные тезисы

Для начала повторю сказанное выше. Необратимость всех современных социально-экономических и социально-политических преобразований в нашей стране определяется одним — *мерой и глубиной укоренения основ гражданского общества.*

Это — исходный и основной тезис.

Вне развитого гражданского общества нормальное демократическое государство — иллюзия, самообман и просто обман власть держащих. Демократическое правовое государство — всегда верхушка айсберга — глубинного, все формы человеческого общения и деятельности пронизывающего, — гражданского общества. Но и «обратно» — все социальные — экономические — культурные... связи и отношения оборачиваются связями гражданского общества в той мере, в какой они спроецированы «на» политическую плоскость, ориентированы в сферу формирования демократического правового государства.

Что же здесь понимается под «гражданским обществом»?

Гражданское общество — форма общения работников и просто жителей современной промышленной цивилизации, — как *гражданин*, — как отдельных самостоятельных (юридических) субъектов и участников экономической, общественной, политической жизни.

Здесь остановимся и вдумаемся.

Первое отступление

Чтобы мое исходное определение стало более ответственным и осмысленным, поразмышляем всерьез.

Прежде всего продумаем различие понятий «цивилизация» и «культура». Не входя в детальный анализ их исторического развития (соотношение которых столь значимо в общественной мысли XX века), я намечу лишь тот план понятия цивилизации, который существенен для темы моей статьи и который несколько отличен от обычного словоупотребления.

Я исхожу из того, что человек живет, действует, мыслит — в определенной цивилизации (античной, средневековой, нововременной и т. д.) — одновременно в двух сферах, в двух, принципиально различных формах детерминации. В формах детерминации *причинной* (ср. марксова «формационная» детерминация — от «базиса» — к «надстройке») и в формах детерминации *смысловой*, — действительной в формах *культуры*, в сфере самодетерминации, преодолевающей причинные связи и обреченности. В произведениях культуры «человек растет корнями вверх», разумно трансформируя исходные детерминанты своего бытия и сознания.

Но *между этими двумя сферами, двумя формами детерминации* всегда существует некая промежуточная связующая «прокладка». В такой «прокладке» связи причинные преобразуются в связи смысловые и — обратно — смысловая детерминация «снимается» в детерминации причинной. Именно такая «прокладка», такая призма преобразования разных форм детерминации и определяет основные характеристики каждой данной целостной цивилизации, — в отличие от «формационных» стросений и в отличие от основных утонченностей «социума культуры». Как правило, такой «прокладкой» служит та или иная, наиболее массовая и исходная, форма деятельности и общения в «режиме» свободного времени. Во всех предшествующих нашему времени цивилизациях, это, прежде всего, сфера политических отношений («Полития», — если говорить вместе с Аристотелем).

В древней Греции — Полис. В Средневековье — Сословность. В Новое время, в промышленной цивилизации — Г р а ж д а н с к о е о б щ е с т в о.

В этих странных «прокладках» коренится цивилизованность, здравый смысл, формальные нравы воспитанности, характерные для той или иной цивилизации. Это есть именно значимая *форма* цивилизации определенной исторической эпохи. Это цивилизация в узком смысле слова.

Культура, порожденная в этой форме, отщепляется от нее и остается на века, актуализируя свой смысл во все новых и новых культурных диалогах. Формация проходит... Цивилизация в своей чистой форме существует на грани времени и вечности.

Теперь, чтобы основательнее вдуматься в идею гражданского общества, сделаем еще одно уточнение: следует, хотя бы вкратце, осмыслить понятие *промышленной цивилизации*, этой необходимой подосновы современного развитого гражданского общества. Это — начиная с XVII века, — цивилизация, в которой средоточием деятельности оказывается машинизированная промышленность (*Maschinerie*).

Для промышленной цивилизации характерны следующие исходные определения:

1) развитая индустрия;

2) четкое разделение и социальное общение таких основных форм деятельности, как *промышленный труд*, — *сельскохозяйственная деятельность* (трудовое общение с землей, планетой), — *творческий (всеобщий) труд в сфере культуры*;

3) суверенная роль свободного работника, деятеля (см. существенные, но идеологически усеченные, соображения Маркса в «Капитале»);

4) динамика *необходимого и прибавочного* времени в непосредственном процессе труда, динамика *свободного и рабочего времени* в целостном процессе производства, — как два основных импульса в развитии экономики, в росте общественной производительности труда;

5) свободный рынок как основная форма экономического общения (спрос-предложение), — то есть производство, ориентированное на удовлетворение, развитие, изменение потребностей. Этот пятый момент смыкается с моментом первым и раскрывает целостный замысел индустриального производства. Вряд ли стоит оговаривать, но — все же, — любое «регулирование» рынка имеет смысл, если он свободный и если он — изначален.

Все эти моменты необходимы для *каждого «модуса» промышленной цивилизации (и «капитализма» и «социализма»)*. Вообще, я предполагаю, что наиболее глубоким определением современной экономики является не определение по формам собственности (частная или коллективная), но определение по тому основному *экономическому закону*, который насущен в конкретном типе производства. Таким основным экономическим законом, необходимым для нормального функционирования современного (еще не пост-индустриального) производства выступает соотношение *необходимого и прибавочного времени*, но также — *времени рабочего (совместный труд)* и — *времени свободного (труд всеобщий)* ². С учетом свободного времени смысл этой формулы коренным образом изменяется. Еще резче изменяется этот смысл, если учесть — в отличие от Маркса, — что рынок, игра спроса и предложения развивает исходные потребности и способности индивида, работника, не только «реализует» стоимость, но решаяще участвует в ее формировании. Тогда иначе будет выглядеть вся «прогнозная» часть марксова анализа, — тогда оказывается что «политэкономия капитализма» — это единая «политэко-

номия» промышленной цивилизации — в любом ее модусе — от XVII века — до начала века XXI-го. Гражданское общество — нормальная форма всех превращений этой цивилизации, вплоть до перехода ее в «пост-индустриальный» «социум культуры» (см. ниже). В этом плане, повторяю, — «строй цивилизованных кооператоров» (если он станет реальностью) и современный «капитализм» относятся к *одной* — промышленной — цивилизации и даже к *одному типу экономики* (действует закон стоимости и прибавочной стоимости...)

Вот те определения, на основе которых формируется и становится социально-экономически необходимым ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО. Это означает, что в промышленной цивилизации (в отличие от Античности и Средних веков) динамика свободного и рабочего времени, жизнь Политии оказывается в эпицентре проблем экономических, постоянно их трансформируя и преобразуя. Поэтому гражданское общество — в тех определениях, которые будут намечены дальше — характеризует не «надстройку», но самую суть современного производства (в тех структурах Общественного договора, о которых речь также пойдет в заключение статьи).

Здесь не место детально развивать только что сформулированные теоретические предположения. Но все же я решился их определенно высказать, поскольку читатель должен ощутить тот контекст, в котором только и могут иметь смысл все мои рассуждения о гражданском обществе. Этот теоретический контекст я не обосновывал детально; скорее он играет в моем тексте роль некоего авторского самосознания. Хотя все же, предполагаю, что современная социально-политическая обстановка и современные теоретические споры помогут внимательному читателю уловить основной смысл введенных здесь предположений.

И еще одно: эти предположения существенны, чтобы сразу же отметить еще один ключевой момент моих размышлений — само понятие «гражданского общества» развивается в этом контексте в его отношении к идеям к у л ь т у р ы, как в «вертикальном» плане (гражданское общество как «протокультура» промышленной цивилизации), так и в плане «горизонтальном» («гражданское общество» как органическая форма перехода к тому всеобщему «социуму культуры», что назревает к началу XXI века) (см., в частности мою статью — «Культура. Диалог культур» — «Вопросы философии» № 6, 1989).

II

Основы гражданского общества

Однако, вернусь к основной линии моих рассуждений, к феноменологической характеристике гражданского общества.

Начиная с XVII в., общение работников как граждан (см. исходное определение) отделяется от собственно-экономического «базиса»

и начинает развиваться самостоятельно, в сфере гражданских прав и свобод, в сфере правоотношений. Вкратце сформулирую основные особенности гражданского общества. Сначала — в первом приближении.

Для гражданского общества характерны — четкая расчлененность, разветвление общественных связей и интересов, динамичная структурализация социальной жизни, с выходом на ясное сознание социально-политических интересов и устремлений различных социальных групп, классов, идейных программ, форм деятельности и т. д. В этом плане — гражданское общество — есть форма общения «классов в себе» как «классов для себя» (если говорить вместе с Марксом). В таком общении лакуны, разрывы между классами, группами, общественными организациями увеличиваются; «пустоты» расширяются, осмысливаются как политические и правовые проблемы; заполняются эти лакуны и пустоты отношениями политическими, связями политической борьбы, согласия, компромисса.

Однако (если говорить уже не с Марксом), состояние «класса для себя» или, шире — социальной группы «для себя», закругленной на себя, означает, далее актуализацию жизни «индивидов для себя», фиксацию и закрепление и преобразование социальных интересов в миллионкратно повторяемую «робинзонаду» личных прав и свобод. Прав и свобод, принципиально формальных, лишенных какого-то особенного содержания, но закрепляющих свободу быть особенным и независимым от жестких (или мягких) социальных сцеплений и «слеплений». В гражданском обществе общение «классов для себя» оборачивается общением «индивидов для себя». Вне такого общения гражданское общество не может быть развито и политически артикулировано. Не может быть свободно формализовано. Здесь всегда действует двойной вектор: от социальных и экономических структур — к свободным, отдельным, самостоятельным индивидам; от атомизированных индивидов — к политически оформленным политическим структурам (собственно политический вектор гражданского общества). В этом плане социум, возникший стихийно и исторически, заново возникает — в гражданском обществе — сознательно и свободно (в схематизме «общественного договора») ³.

Так, «железная» детерминация историей и экономикой преобразуется в самодетерминации гражданского общества. Причем, такое обращение присуще самому экономическому своеобразию промышленной цивилизации.

В контексте гражданского общества формационная революция отныне исключается из нормального (!) «арсенала» общественного развития.

Дело в том, что в своем втором векторе — векторе общественного договора (необходимом в современном индустриальном обществе, в любом его модусе) особое значение имеет один момент, почти совсем выпадающий в марксовом схематизме. Речь идет о том, что атомизированные субъекты гражданского общества (атомизированные в

структурах рынка, — рынка капиталов и рабочей силы, в первую голову; в отсеках свободного времени; в отстранении правовых, договорных отношений в деятельности потребительской, творческой, «читательской» и т. д.) «второй раз» свободно соединяются — по своей воле (образуя социальные «молекулы» и «многомолекулярные» связи, — при всей условности этого сравнения) уже не только и даже не столько по линии «классов для себя», сколько по линии идущих и творческих программ и склонностей, идущих зачастую поперек собственно социальных интересов. Впрочем, переплетение и «дополнение» этих форм общения: форм социально-производственных, диктуемых условиями и связями *рабочего* времени и — форм, диктуемых силами времени *свободного* (творческого, — потребительского, — «читательского», в широком смысле слова), — само это отделение и сопряжение, лежащее в основе структур «гражданского общества» — есть уже глубинный феномен современного индустриального Социума.

В своей экономической подпочве жизнь гражданского общества подразумевает наличие реальных *суверенных индивидуальных субъектов* политической жизни и гражданской самостоятельности. Но такими суверенными субъектами могут быть лишь различные субъекты *собственности* (в пределе — суверенный индивид). Только субъект собственности (прежде всего — индивидуальный собственник своей рабочей силы, своей творческой потенции) обладает реальной возможностью быть гражданином. Вспомните излюбленный аргумент В. И. Ленина: бумага, типографии, земля, деньги на издание газет и т. д. — все это необходимо, чтобы гражданские права не были обманом и самообманом; правда, эти слова, направленные против буржуазной демократии, с особой силой звучат, отнесенные к всевластию государственной собственности. В этом плане рынок — товаров, капиталов, рабочей силы — условие формирования и жизни гражданского общества (конечно, таким индивидуальным субъектом собственности может быть и совладелец кооперативного предприятия, но именно как *совладелец*, то есть с четкой фиксацией его индивидуальной, отдельной доли участия в формировании кооперативной собственности и его частной, частичной доли в получаемом доходе).

Далее реальное функционирование гражданского общества подразумевает также развитую политическую динамику — особую структуру формирования государственных институтов. Такая структура характеризуется:⁴

— Динамикой свободного, «плавающего» формирования и сведения на-нет партийных организаций и органов, — без всякой мистики «исторического выбора»

— Постоянной и постоянно обновляемой связкой: партии (именно как «партии», то есть, как особенные, вне-государственные части гражданского общества) — партийные избирательные программы — выборы — формирование правительства победившей партией (или

коалицией), — с последующим отпадением партийного аппарата от государственных органов, от системы производственного управления, от всякой самостоятельной «руководящей роли»... После выборов и формирования правительства функции партии вновь ссыхаются — вплоть до следующих выборов — к функциям презируемого нами «дискуссионного клуба», избирательного механизма и парламентской фракции.

— Актуализацией всех политических отношений в форме борьбы, конкуренции, соглашений различных партий и организаций, претендующих на парламентское большинство, соответственно — государственное правление. Партийно-политическая дифференциация есть фиксированная форма дифференциации и структурализации гражданского общества.

— Особой ролью *меньшинства*, свободного от правительственной ответственности и могущего «безответственно» — то есть, наиболее радикально и теоретически отчетливо — формировать программы социального и общегосударственного развития. Меньшинство (многие «меньшинства»...) — это — своего рода «десанты в будущее», вне которых и без которых гражданское общество лишается своей существенной временной координаты и начинает существовать только «в пространстве» наличных отношений. Радикальное, «безответственное», оппозиционное «забегание вперед» или — «вбок» — не менее важная черта гражданской вертикали, чем выборное формирование «правительства большинства». Оппозиционное Слово *без* немедленного дела (так сказать — впрок) — важнейшая особенность политических структур гражданского общества, как самостоятельного целого, не сводящегося к обслуживанию структур государственных. Политическая демократия выражает и воспроизводит реальную структуру всего гражданского общества в необходимом сопряжении победившей на выборах правительственной политики и — реальной, действенной о п п о з и ц и и, не отвечающей з а власть, но отвечающей н а действия властей.

— Существенным бродилом гражданского общества выступает демократия *самодельных митингов*, демонстраций, протестов, уличного карнавала. Это — рискованная и раскованная стихия гражданского общества, вне которой не могут происходить живые процессы его трансформаций, превращение меньшинства — в большинство и т. д.

Добавлю только, что очерченная выше структура гражданского общества еще не выявлена мной в тех своих особенностях, что специфичны для демократических форм нашего времени, для конца XX века; пока я выделил лишь те черты этой структуры, которые носят предельно обобщенный характер и, скорее, типичны для XIX века, до которого, впрочем, нам еще добираться надо... Ниже я специально остановлюсь на этой специфике гражданского общества к концу XX ве-

ка, вычеркнуть которую мы все равно не в состоянии, несмотря на всю нашу отсталость.

Сейчас подытожу эту краткую характеристику культурного смысла классического гражданского общества.

Тонкая и — как-будто — легко проницаемая «пленка», может быть точнее — «мембрана» гражданского общества оказывается той промежуточной средой, в которой встречаются векторы, идущие от «чисто» экономических структур и — от структур государственно-правовых. В этой «мембране» и те и другие структуры приобретают — в промышленной цивилизации — реально работающий смысл. Думаю даже, что вне «посредничающей» преобразующей призмы гражданского общества в современном промышленном социуме (особенно в связи с теми процессами, что происходят в этом социуме в конце нашего века) не могут нормально функционировать ни отношения собственности, ни отношения государственно-политические. Это та пленка, та мембрана, та призма, что обращает те или иные «формационные» связи (сравни — Маркс) в связи, действующие внутри «цивилизации» и внутри «культуры» (в этом контексте возможно «цивилизацию» и «культуру» перечислить «через запятую»). Объективно-стихийные отношения обретают здесь характер свободно формируемых и свободно образуемых связей.

Такой подход существен еще в одном отношении. Сейчас много говорят о правовом обществе и — особенно — о правовом государстве. Но все же, как ни поверни, большей частью получается, что государство д а р у е т гражданам определенные права и затем охраняет их — законом, правоохранительными и карательными органами, «руководящей ролью» и другими столь необходимыми институтами и кодексами (как, впрочем, и произвольными изменениями этих кодексов, — конечно же, ради спасения правового государства). Но в большинстве статей и рассуждений исчезает нечто основное. В гражданском обществе исходное право (и — смысл всех остальных прав — свободы, слова, собраний, митингов, передвижения...) — это право суверенного индивида — в общественном договоре с другими, столь же суверенными индивидами — ф о р м и р о в а т ь, образовывать ... общество, экономику, государство. Извечно и демократично только то современное общество, которое сохраняет в своих корнях демократическое право своих граждан з а н о в о, исходно, изначально порождать и договорно закреплять свои собственные правовые структуры. Только тогда оказывается ненужным путь революции. Договор, а не свержение; делегирование (добровольное) своих прав, но не получение их в д а р, — вот корни правового государства, постоянно сохраняемые и оживляемые в гражданском обществе.

Современная экономика, — основанная на договорном праве, — соответствующая современному производству, может нормально функционировать, только преодолевая — в структурах гражданского общества — экономический, производственный и ...государственный детерминизм. Только погружаясь в живую воду вне-экономи-

ческих, гражданских форм общения. Глубинная суть всех этих форм — «связки» «общественного договора». Я уже произносил это слово несколько раз. Но специально об этой сути — в последних тезисах работы. Такой странный порядок изложения определяется стремлением понять смысл идеи ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА в реалиях и напряжениях нашей современной жизни.

III

Что мы утратили...

Все, что я сказал о «гражданском обществе» как н о р м е современной жизни — введение к тому, чтобы сказать: *дефицит гражданского общества* — это один из самых страшных наших дефицитов, лежащий, обобщенно говоря, — в основе даже дефицита мыла и сахара, хлеба и (культурных) зрелищ.

Разрушение всех форм гражданского общества — наиболее суммарный, интегральный итог социальной жизни последних семидесяти лет. Означает это следующее.

Полностью разрушена нормальная социальная структура, соответствующая современному производству, но — в этом суть! — отстраненная от него и самостоятельно на него воздействующая. Разрушена структура принципиально различных и ясно осознаваемых социально-экономических интересов и устремлений, столкновение которых может быть нормализовано только в формах динамического гражданского консенсуса.

Второе отступление

Говоря об этой социальной структуре, я имею в виду, прежде всего, некую глубинную «арматуру», формирующую основные «ипостаси» того субъекта деятельности, что — именно в своей гетерогенности — присущ современной промышленной цивилизации (все еще не цивилизации пост-индустриальной).

Это, во-первых, субъект промышленной, «фабричной» деятельности, полуфабрикатной и совместной: «совокупный работник» индустриального производства, составленный из многих точек единой производственной траектории (рабочие — инженеры — менеджеры — предприниматели, — во всей сложности и конфликтности их взаимоотношений). Наиболее явным и жестким выражением этого «совокупного работника» является — в XIX веке особенно определенно — рабочий класс.

Это, во-вторых, — субъект труда крестьянского, земледельческого, в принципе исключаящего полуфабрикатность, мануфактурность, «общую крышу» над головой. В идеализации это — одинокий (семейный) работник, странно связанный и разъединенный с землей, планетой, космосом, как целостным и неделимым процессом. Раньше

и отчетливее всего, это — самостоятельный фермер, обычно вступающий в кооперативные связи для переработки и сбыта продукции. Машина здесь не углубляет полуфабрикатность, но наоборот, — увеличивает возможности о д и н о к о г о труда.

Это, в-третьих, — субъект труда всеобщего, или, если определять точнее, — индивидуально-всеобщего, — в сфере культуры. Субъект труда научного, художественного, с совершенно особыми формами сообщества — через века и границы — несводимыми ни к фабричному совокупному труду, ни к фермерскому единоборству с планетой, сотрудничеству с землей. Короче, — это интеллигент, пусть, в европейском смысле слова. Здесь самоизменение, но не изменение предметов является стержнем всех форм деятельности.

Вот то *тройственное общение*, что образует реальную подпочву всех сложнейших соотношений, конфликтов и компромиссов гражданского общества. И каждая ипостась производительной деятельности, каждая коренная форма труда всеобща (в индустриальной цивилизации) по-своему, несводимо и не-подводимо не под какую общую шапку, или, тем более, — под идею «гегемонии» одной из таких коренных социальных сил.

Может быть, основным историософским заблуждением Маркса (впрочем, в угаре промышленной экспансии XIX века, вполне объяснимым) было как раз утверждение совокупного, совместного (обобществленного) труда и исторической роли рабочего класса, как *единственно определяющего* и формообразующего исторического субъекта промышленной цивилизации. Отсюда, — а также из представлений Маркса о перспективах слияния отдельных «малых» предприятий в единый промышленный «мега-полис», — вытекает предвидение назревающей, «единственно-прогрессивной» тоталитарно-общественной формы собственности⁵, а также и все другие, достаточно роковые моменты, о которых сейчас говорить наспех и мимоходом — бесполезно и безответственно, но только замечу, что без серьезной и углубленной критики исторической теории Маркса мы ничего не поймем в основах и возможностях гражданского общества⁶.

Это тем более существенно, поскольку (упущенное Марксом) решающее значение тройственной диалогичности исторического субъекта промышленной цивилизации стало особенно ясным и напряженно значимым именно к концу XX века, в канун нового пост-индустриального общества.

Но вернусь к основным (достаточно феноменологическим) замечкам этой статьи.

* * *

... Итак, я утверждал, что разрушение тройственной арматуры гражданского общества (раскрестьянивание, — деклассирование рабочего класса, — изничтожение интеллигенции) было самым роковым истоком всех наших семидесятилетних бед и тупиков.

Думаю, что можно говорить именно о *разрушении* реальных структур гражданского общества в нашей стране. Дело в том, что в начале XX века в России уже существовала (относительно развитая) промышленная цивилизация — и хотя с трудом — складывалась соответствующая форма гражданского общества, все более разветвленная и самостоятельная, но все еще очень тонкая и густо замешанная на патриархальщине и деспотизме. Именно эта активная форма и подверглась полному разрушению. Индустрия в советское время судорожно росла, но органически необходимая для нее структура гражданского общества беспощадно сводилась на-нет. Возникал странный монстр.

То, что мы — в радостном экстазе — называли «ликвидацией классов» было страшным делом де-структуализации общества, причем, в первую очередь, — уничтожением именно его гражданских структур, форм социального бытия «для себя», форм социальной сосредоточенности и осознанности. Пассивные формы социального бытия «... в себе» разрушиться до конца, конечно, не могли. Просто по той причине, что неизбежно продолжали существовать и возрождаться сами производственно-социальные функции. — Функции сельскохозяйственного труда (вновь и вновь происходило самораспадание всех искусственных сельскохозяйственных «гигантов», вновь и вновь спасали сельское хозяйство естественные формы «подсобного труда»). Функции труда промышленного (с ослабленными, но не могущими до конца исчезнуть формами кооперации и разделения труда на отдельных предприятиях).

Функции труда духовного, с особой ролью свободного времени, с «кооперацией» всеобщих знаний и обещаний в Уме и Сердце одинокого, отъединенного индивида.

Но только дело в том, что без процессов сосредоточения классов и социальных групп «для себя...», без социально-политической и культурной рефлексии, без необходимых форм самоорганизации (реальные профсоюзы для городских работников; крестьянские союзы и живые кооперативы — потребительского и сбытового характера — в деревне; творческие группы и объединения с их всеобщее значимыми манифестами и устремлениями), без всех этих процессов диффузности и амeboподобности вселенской «смази» побеждала и пожирала реальные структуры и кристаллы гражданского общества. Социально-экономические формы общения, не закрепленные в «связках» гражданского общества (индивид — коллектив — государство), теряли и свой реальный экономический характер, могли функционировать только по партийно-государственной приказной вертикали, то есть — не могли функционировать вообще. Вне кристаллизации гражданского общества (вектор, идущий от индивида...) современные промышленные, сельскохозяйственные, рыночные связи расплзаются и лишаются всякого органического смысла.

Но это означает и другое.

Когда в таком обществе происходит серьезный социальный сдвиг и сбиваются колодки принудительного труда (а нормальных гражданских кристаллических структур не существует), тогда наружу сразу вырывается плазма до-цивилизированных стихий, — в национальной, — социальной, — политической сферах.

Дело в том, что разрушение (или — полное небытие) социально-гражданских структур вовсе не означает какой-то реальной индивидуализации. Наоборот. Вне социально-гражданских отношений, вне правовых ячеек и матриц индивид в современном обществе не может самоопределиваться и отделяться, его индивидуальность не может сбываться, легко поглощаемая теми же вертикальными структурами господства и подчинения.

Разрушение гражданского общества было, одновременно, разрушением тех «лунок», в которых индивид может свободно остановиться и вступить в свободные отношения с другими — столь же юридически равными и отдельными, — индивидами. Так был перекрыт шлагбаум для второго вектора, о котором я вкратце говорил выше: от гражданского индивида — к гражданским кристаллам — к государственным институтам (в схематизме свободных «общественных договоров»). Там, где нет форм гражданского общества, там общение людей перестает быть общением самостоятельных субъектов, — субъектов собственности, права, творчества, рынка — и оказывается «общением» варварских — только индивидуально, психологически окрашенных — диффузных стихий (и винтиков одновременно).

Вспомним первое отступление. Когда разрушена «мембрана» гражданского общества (эта Полития современной цивилизации), тогда оказывается смятой и разрушенной обратная связь причинно-следственной экономической детерминации и — детерминации смысловой, внутрикультурной.

Между тем, только в такой обратной связи индивид обретает свободу самостоятельно перерешать исходные начала собственного бытия. Если такая мембрана разрушена, — исчезает тайная внутренняя свобода человеческих поступков. От мелких бытовых решений — до тюремных противостояний все мы оказываемся рабами обстоятельств. Точнее, гнет обстоятельств настолько подавляющ, что мы не решаемся осознать свою тайную свободу, объясняя исключения — случайностью (случай Осипа Манделъштама, или Мартемьяна Рютинна).

Вернусь к основной линии размышлений.

Но свято место пусто не бывает. В зияниях разрушенного гражданского общества партийная структура КПСС оказалась единственным заменителем всех реальных общественных связей, стала «квази-обществом» нашей страны. Такая ситуация дополнительно консервировала все очерченные выше процессы.

Наряду с реальным обществом и — в значительной мере — взамен реального общества существовала эта квази и псевдо-общественная структура, причем — в полном «наборе». Такое параллельное

квазиобщество «приводных ремней» (сверху—вниз) непрерывно выедало, поглощало все, — с трудом возрождающиеся (как же иначе), — общественные связи и сцепления, сообщая особую, небывалую силу всем бюрократическим институтам.

В наших условиях (когда функции гражданского общества брала на себя структура: «партия — приводные ремни...»), бюрократы (вообще-то необходимые в современном государстве) действовали уже не в — пусть узко понимаемых — интересах дела, но исключительно в интересах «правильной политики».

Тем самым, были вышиблены из государственных механизмов все «шестеренки», соединяющие общество и аппарат; бюрократы существовали и действовали вне системы обратных связей, только в режиме «сверху — вниз», да и тут в схемах партократического «квазиобщества»... Напомню только, что сам этот мистический «Верх» находился, к тому же, вне реальной жизни вообще, — в заоблачных сферах желаемого, диктуемого, лишь в будущем возможного, строящегося «по плану», идеального общества.

Очень странно, что, когда сегодня говорят о всевластии бюрократов, начисто забывают об этих его «чисто политических», вне-общественных корешках... Основа «всевластия» бюрократов — *подчинение* бюрократии партийному диктату.

Не буду сейчас детально говорить о собственно экономических («базисных») деструктивных процессах в сфере производства, разрушивших глубинную подоснову гражданского общества. Это — особый отдельный разговор, требующий серьезных теоретических идеализаций.

Во всяком случае, повторю еще раз — успешно ли развивалось наше производство, или нет (в основном — катастрофически) один итог наших семидесяти лет «строительства социализма» совершенно ясен: полное разрушение того гражданского общества, без которого невозможна ни жизнь современного производства—распределения—обмена, ни жизнь современной демократии, ни жизнь личности в сфере культуры (сейчас я уже говорю именно о культуре).

[Все труднее рассуждать «от нормы». До гражданского ли общества здесь, когда речь идет о разрушении самых основ человеческого бытия. Сталинские преступления; десятки миллионов жертв; сотни тысяч идейных палачей, льющих кровь, или требующих крови; искоренение крестьянского труда.

Это, наверное, самые страшные события страшного XX в. Да еще извиняемого облегченной ссылкой на высокие принципы: «несмотря на все это...»

И все же я буду твердо держаться жанра размышлений (еще не исследований). Все наше невыносимые ужасы — феномен чисто социальных сдвигов — разрушения структур гражданского общества. Гранитные платформы сдвинулись, — начинается землетрясение. Рушатся дома, гибнут тысячи людей, каждая смерть — смерть вселенной. Но я упрямо говорю о сдвиге платформ.]

Мировой контекст

Вот та ситуация, в которой мы реально находимся в конце XX-го века, но прежде чем непосредственно сформулировать исходные соображения об основных направлениях деятельности, способствующей восстановлению (или впервые — появлению) живого гражданского общества, — немного о *мировом контексте* наших внутренних социально-производственных и политических процессов. Это — тот контекст, в который мы должны — хотим, или не хотим — вписаться. Точнее — это тот контекст, в котором мы уже существуем, уже живлены всеми нашими кровеносными сосудами и костными сцеплениями. К счастью — уже живлены.

Это также специальная тема, поэтому — действительно — совсем кратко.

Сейчас в Европе, Японии, Америке происходит переход к пост-промышленной цивилизации, или говоря чуть конкретнее, — развиваются процессы автоматизации производства; возрастает роль свободного времени; ускоряется компьютерная революция. В итоге общественное производство смещается в сферу «всобщее-индивидуального» труда, — общения, — собственности, и, соответственно — возрастает социально-производственная роль малых, динамичных, экспериментальных формирований (как внутри предприятий, так и на грани различных производств); ускоряется сдвиг основной массы работников в сферу услуг и распределения. Предполагаю, что все эти процессы (впрочем, требующие углубленного исследования) уже сейчас приводят и к новому качественному развитию (изменению форм демократии, структуры гражданского общества).

Эти новые назревающие моменты гражданской жизни могут быть сформулированы в таких определениях:

А. Развитие производственной демократии, участия трудящихся в управлении производством, в распределении собственности ("революция собственности" в Англии, развитие различных форм кооперации, акционерного капитала, ослабление монополий). Смещение к демократии «свободного времени».

Б. Движение к демократии «меньшинств», малых групп, не домогающихся стать большинством, но стремящихся отстаивать и представлять свои особенные, уникальные интересы и стремления (сравнить хотя бы движение «Зеленых», или — на другом полюсе — «Пенклубов» и т. д.)

В. В процессах социально-экономической интеграции возникает и углубляется демократия межгосударственных институтов (Европарламент, ООН и т. д.), не ведущих непосредственно к формированию государственного аппарата, но остающихся на стадиях собственно гражданских форм общественной жизни.

В этом контексте возникает возможность более органичного развития демократии в наших условиях, не прибегая к плоскому заимствованию демократических форм гражданской жизни XIX века.

Или, если все же сказать более обобщенно и предположительно: накануне XXI века гражданское общество это — наиболее органичная форма естественного перехода отнюдь не к «социализму», или «коммунизму», но к социуму совершенно нового типа, — к социуму культуры (см. мои философские работы), с его основными особенностями: динамичными «малыми группами»; общением через века и границы (общением в производстве не столько «орудий», или «продуктов», сколько — произведений); особым смыслом свободного времени; всеобще-индивидуальным трудом и всеобще-индивидуальной собственностью. Теперь сведу воедино два определения: Гражданское общество нашего времени это не только призма преобразования связей экономического детерминизма в связи самодетерминации (в «вертикали» промышленной цивилизации), но это, вместе с тем, — форма «горизонтального» перехода к всеобщему социуму культуры⁷. Но дальше говорить об этом переходе здесь не место.

V

Общественный договор

Намечу теперь самые основные, хотя, наверное, несколько странные и необычные свои предположения.

Итак — условия задачи таковы. Гражданское общество у нас полностью разрушено. Без его формирования невозможны ни социально-экономическая здоровая жизнь, ни политическая правовая демократия. Где же выход?

Предполагаю, что нам необходимо *ab ovo*, ускоренно, в какой-то мере искусственно, формировать те исходные начала гражданского общества, которые в других странах возникали постепенно, замедленно, естественно-историческим путем. И — вот тут-то начинается самое главное. Чтобы это главное (и — практически — наиболее действенное) понять, необходимо обратить все только-что осмысленные определения гражданского общества. Необходимо понять структуры гражданского общества как — структуры ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА. Да, того самого общественного договора, что был когда-то в преувеличенной гротескной форме вообразен в трактатах Гоббса, Монтескье и особенно — Руссо, — того общественного договора, что реально образует реальный, глубинный остов всех современных экономических, политических и правовых институтов.

Но для целей этой статьи стоит вспомнить именно о преувеличенной форме социальных трактатов. Это гротескное преувеличение позволит угадать в вопросе — «что это такое?» (гражданское общество) наш излюбленный вопрос — «что делать?» (чтобы восстановить норму).

Третье отступление

Идея *общественного договора*, столь многократно и — иногда — остроумно осмеянная в истории общественной мысли, сводится — в очень сжатой форме — к следующим трем положениям (в основном подразумевается вариант Руссо):

— Предполагается некое изначальное, «первобытное» состояние людей, полностью отдельных и одиноких, полностью и абсолютно — свободных

— В целях безопасности и спасения от произвола других — столь же самостоятельных и свободных индивидов, — люди объединяются в разные сообщества, — добровольно делегируя часть своих прав и свобод — неким наиндивидуальным институтам, — политическим, в первую голову, — заключая **общественный договор**...

— Этот договор должен всегда сохраняться, как книга за семью печатями, в подпочве любого общественного института. Что означает: каждое нарушение условий договора — несоблюдение гарантий безопасности и порядка — **освобождает** исконную волю одинокого и — по природе (или — по божественному промыслу) абсолютно самостоятельного — вспомним пушкинское «самостоянье человека», — абсолютно свободного индивида.

Повторю: общественный договор не только изначален во времени, но он сохраняет смысл постоянного, каждый момент значимого *emento mori* — по отношению к любому государственному или социальному насилию.

Все остроумие критиков Руссо сводилось к обычным трюизмам. — В истории, дескать, никогда не было такого абсолютно одинокого и абсолютно свободного состояния. Человек исходно общителен, неотделим от общин, или от пуповины племени, или от других неотменяемых форм общения. Человек всегда ограничен в своих правах и свободах, — по своему в каждой исторической эпохе.

Общественное состояние отнюдь не результат сознательного и целеустремленного **д о г о в о р а**, но нечто стихийно, объективно и исторически неизбежное. Вот, пожалуй, и все. Дальше начинались нюансы, в зависимости от той или другой исторической теории...

Но во всей этой критике не хватает щепотки методологической иронии, великолепного Кантовского «als ob...» («как если бы...»). Впрочем, такого «как если бы...» не хватало и в самих теориях Гоббса, или Руссо, но зато вполне хватило в реальной истории и экономике Нового времени. Речь идет вот о чем... Конечно, никогда не было в истории, в начале истории такой руссоистской точки полного одиночества, не было исходной робинзоны, не было изначального решения торжественно заключить некое подобие Общественного Договора. Но было и есть нечто иное.

Современная промышленная («буржуазная») цивилизация, — начиная с XVIII века и вплоть до настоящего времени — держится и развивается в *реальной практике общественных договоров*.

В такой цивилизации общество, экономика, государство, когда-то возникшие исторически стихийно и необходимо, д о л ж н ы, — чтобы нормально функционировать — предположить некую таинственную точку, в которой все возникает впервые, сознательно и ответственно, предположить точку, или состояние, в которой предполагается (предполагает себя...) одинокий и ответственный индивид, свободно (!) вступающий в договорные отношения с другими столь же одинокими, самостоятельными, ответственными, свободными индивидами. Так срabатывает «als ob...» буржуазной цивилизации. Это договорное предположение, этот откат к точке робинзонадного начала необходим и в отношениях н а й м а рабочей силы и в законах *свободного рынка*, и в структурах *политической демократии*. Здесь и осуществляется та экономически детерминированная свобода от экономического детерминизма, о которой я несколько раз говорил, и которая характерна для рыночных отношений. Но этот удивительный перевертыш объясняет также и возможность свободного (не насильственного) преобразования цивилизации промышленной в цивилизацию пост-индустриальную, в социум культуры. Об этом коротко я уже писал, а детальнее надо размышлять в какой-то другой статье.

Не буду сейчас углубляться в критику и контраргументацию идей общественного договора. Задумаемся только над одним из поворотов такой дискуссии. Над поворотом, существенным для нашей страны в конце XX века.

Речь идет о марксовом понимании (и отвержении) идей гражданского общества, как идей ограничено буржуазных (еще раз подчеркну — именно ограничено, узко, своекорыстно буржуазных...).

В одной из ранних (очень существенных) статей Маркс писал: «...права человека суть не что иное, как права члена гражданского общества, то есть эгоистического человека, отделенного от человеческой сущности и общности... Речь идет о свободе человека, как изолированной, замкнувшейся в себе монады... право человека на свободу основывается не на соединении человека с человеком, а наоборот, на обособлении человека от человека... Практическое применение права человека на свободу есть право человека на *частную собственность*. Эта индивидуальная свобода, как и это использование ее образует основу гражданского общества. Она ставит всякого человека в такое положение, при котором он рассматривает другого человека не как осуществление своей свободы, а наоборот, как ее предел.

Следовательно ни одно из так называемых прав человека не выходит за пределы эгоистического человека, человека как члена гражданского общества, т. е. как индивида, замкнувшегося в себя, в свой частный интерес и частный произвол и обособившегося от общественного целого.

...citoyen объявляется слугой эгоистического homme".

Конституирование политического государства и разложение гражданского общества на независимых индивидов, — взаимоотноше-

ние которых выражается в *праве*, подобно тому как взаимоотношение людей сословного и цехового строя выражалось в *привилегии...*»

(К. Маркс. К еврейскому вопросу. Соч., т. 1, сс. 400—405).

Вдумаемся в суть этих марксовых обвиняющих «то есть...» (член гражданского общества, *то есть* эгоистический человек...).

В гражданском (буржуазном?) обществе право человека на свободу основывается по мысли Маркса, не на соединении человека с человеком, а «наоборот» (!?) на обособлении человека от человека.

... Но разве могут соединяться люди, не разъединенные и обособленные, не самостоятельные? Ведь иначе это будет не соединение, но просто-напросто существование слитной вне-индивидуальной плазмы.

Очевидно надо сказать иное: в гражданском обществе люди (рабочие, крестьяне, писатели) свободно соединяются как свободные, независимые (эгоистические?) граждане.

Но тогда договорность гражданского общества есть лишь вариант (и — поворот) идеи *свободы воли...*

... Дальше. В гражданском обществе, говорит Маркс (мысленно соотнося эту ситуацию с коммунистическими ценностями), человек рассматривает другого человека *не* как осуществление, но (опять-таки, — «наоборот») как *предел* своей свободы. Но что означает видеть в другом человеке вожаемое «Осуществление своей свободы»? Не есть ли именно такое состояние (или — стремление) — полнейший эгоизм? Другой человек — некий «сосуд», или «воск», в котором я осуществляю свою свободу, — свободу формовать этот воск, эту глину по своему, — или по общественному — разумению. Конечно, в размышлениях Маркса есть и другой, — может быть для него самый существенный-оттенок: чем более свободен другой человек, тем более его жизнь и его свободное общение со мной, есть осуществление (и — смысл, суть!) моей свободы.

Но все дело в том, что такое понимание предполагает, что, прежде всего, необходимо признать в другом человеке некую тайну, границу, *предел* моей свободы: стоп, дальше нельзя, дальше иной мир, иная вселенная, иной самостоятельный, отдельный (эгоистический?) индивид! Мое общение с этим иным индивидом (даже само осуществление моей свободы) есть — обязательно — свободное до г о в о р н о е общение, то есть общение по схеме: его свобода — граница, предел моей свободы.

Это есть всеобщая, и незыблемая *форма* (содержание — за семью печатями) личностных отношений.

... Еще один момент. В гражданском обществе, говорит Маркс, частный интерес и частный произвол позволяет индивиду обособиться от общественного целого, — и в этом заключена — по Марксу — ограниченность (буржуазная ограниченность!) гражданского общества. Но, может быть, само *обособление* индивида от всевластного общественного целого (от единой цели, от общего идеала, от интересов самого хорошего коллектива, — семьи, нации, народа...) и характери-

зует новое, особенное, небывалое «общественное целое» — ... гражданское общество, в котором общественная связь как раз сильна и глубока своей договорностью, своей рискованной — из индивида излучающейся—связью.

А там уже будет общая цель и общий интерес...

Вот и итог Маркса: Гражданин есть (в гражданском обществе) — слуга эгоистического человека. Эта с л у ж б а находит свое наиболее полное и завершенное выражение в п р а в е. Гражданин есть всеобщность б у р ж у а.

Да, здесь надо согласиться с Марксом. Идея свободного одинокого индивида, свободно вступающего в общественный договор с другими, столь же свободными гражданами, ч т о б ы заключить некое подобие общественного договора — это идея человека как буржуа. Но именно в таком согласии и скрыто наибольшее расхождение с марксовым выводом.

Я предполагаю, что определение человека как б у р ж у а, б ю р г е р а, собственника своей рабочей (глубже — творческой) силы, как одинокого суверенного субъекта договорных общественно-экономических отношений, — это есть одно из *всеобщих* определений человека и общества. Не более, но и не менее всеобщее (и необходимое), чем определение человека, как трагедийного г е р о я (Античность), как христианского с т р а с т о т е р п ц а, соединяющего время и вечность...

Что касается гражданского общества, основанного на идее общественного договора, то в том-то и состоит изобретение «человека-буржуа», что отныне самостоятельное возвращение к началу позволяет наиболее безболезненно осуществлять самые решительные социальные и культурные превращения. Повторяю: «Буржуа», в этом смысле, есть не формационное определение, но одно из всеобщих определений непреходящего субъекта культуры.

Впрочем, об этом определении сам Маркс сказал точно: «Какое-нибудь *существо* является в своих глазах самостоятельным лишь тогда, когда оно стоит на своих собственных ногах, а на своих собственных ногах оно стоит лишь тогда, когда оно обязано своим *существованием* самому себе» (Маркс и Энгельс. Экономически-философские рукописи 1844 года. Соч., т. 42, с. 125).

Теперь самое время вернуться к основному сюжету этой статьи.

Хотя, по правде говоря, думаю, что для современного читателя, все эти, казалось бы исторические и философские материи имеют актуально насыщенный, почти публицистический смысл в конфликтах начала 90-х годов XX века.

И смысл этот, повторяю, на мой взгляд, заключается в следующем: после семидесятилетнего «выпада» и зияния — ускоренное, сознательное формирование основных структур «общественного договора» — в его наиболее острых, прямо из руссоистских трактатов выскочивших формах, — есть, наверное, единственный путь, на котором возможно укоренить основные начала гражданского общества.

Возвращение к норме

Думаю, что в такой кристаллизации отношений общественного договора актуальны сейчас (в нашей стране) три основные сферы: социально-экономическая; непосредственно-политическая; национально-государственная.

Это, во-первых, — *общественный договор*, точнее — разветвленная система общественных договоров, регулирующих и скрепляющих правовое образование основных, объективно необходимых *форм собственности*. Исходным субъектом собственности, во всех ее формах, насущных промышленной цивилизации, является отдельный суверенный индивид, с определением формы (права) и доли его участия в деятельности, собственности и прибыли коллективной, того или другого характера. Конституирование основных объединенных форм собственности (на средства производства) достигается договором о формах участия индивидов, собственников своей рабочей силы, своих творческих и менеджерских потенций, земли, своих денег, — в формировании объединений, в получении и распределении доходов (кооператив; акционерное предприятие; акционерное участие в общенародной собственности, — на транспортную, энергетическую, телеграфную системы, которые не могут быть разделены на отдельные «куски», которые необходимы всем общественным подсистемам). Короче, — все «укрупненные» (общественные) формы собственности создаются заново, снизу — вверх, на *основах общественного договора (закрепленного в правовых документах)*. На этой основе труд может стать источником оплаты только через рынок, только с учетом общественно-необходимого труда и социально-необходимого (законы спроса и предложения) продукта, — в ходе рыночной реализации. То есть, — через процессы получения прибыли, в которых сейчас все большее значение приобретает труд, идущий впрок, то есть, — свободная, научно-изобретательская, вообще — творческая деятельность (деятельность свободного времени). Таким же договорным правом определяется заказ государства и «наем» предприятием «ведомственных», плановых, посреднических, научно-консультативных органов и оплата труда их сотрудников.

[В скобках — одно существенное уточнение. Конечно, *вне* экономических и *вне* правовых отношений, человек — не собственник своей рабочей силы, он — просто личность, индивид, все силы и способности которого — лишь одно из определений его неотчуждаемой индивидуальности. Таков человек как субъект культуры. Но как только индивид вступает в наличную систему экономических и правовых отношений — собственности и распределения, — этот индивид сразу же выступает как собственник своей рабочей силы, как субъект, свободный распоряжаться своей силой, используя ее как средство за-

работка, денежного дохода, как исходную форму образования этих отношений. Теперь вернусь к основной теме].

В контексте системы общественных договоров, регулирующих отношения собственности, можно выделить *три* наиболее характерных варианта, в соответствии с тремя, в настоящее время наиболее фундаментальными формами деятельности и кооперации труда.

Напомню: эти три формы деятельности и общения определяют — работой на земле; работой в промышленности; работой в культуре.

В XX веке выяснилось, что эти формы деятельности и общения несводимы друг к другу, что только в их сопряжении формируется новый исторический субъект, гетерогенный исторический субъект, насущный социальному развитию в XXI веке. Сопряжение этих основных форм деятельности есть самая глубокая основа структуры гражданского общества в конце XX века.

Итак:

1) *С е л ь с к о е х о з я й с т в о*. В этом деятельном общении с планетой, с землей существует основная производственно-экономическая тенденция: «семейный труд», — рост и оптимизация техники, — все бльшие пространства земли, все бльшие стада животных и а о д н о г о человека. Здесь мануфактурное разделение и кооперация труда (в марковом смысле) неприменимы. Здесь — основа — семейная форма частной собственности на землю, на основные, приспособленные к индивидуальному труду, машины (фермерское хозяйство). Кооперативы возникают на границах хозяйств в процессах переработки, сбыта, обмена продуктами. И, что для нашей темы самое существенное, объединение хозяйств в самостоятельные кооперативы производственного толка может здесь осуществляться, или (заново) фиксироваться — на основе д о г о в о р н о г о права, добровольных соглашений индивидуальных независимых субъектов собственности. Не обязательно реальный, но обязательно — мысленный (правовой) отсыл к н а ч а л у доброй воли индивида — основа энергии, активности, живой жизни всех — неизбежно возникающих — форм коллективности. Я говорю, конечно, об источнике, а не бесконечных возможностях его замутить, исказить, перекрыть.

2) *П р о м ы ш л е н о с т ь*. Очевидно, здесь — в связи с современными тенденциями производства и нашим историческим наследием — основной формой общественного договора будет кооперативное и акционерное право, с возрастанием непосредственно частной собственности в сфере обслуживания и мелких предприятий. И — возрастанием масштабов общественной собственности в транспорте, энергетике и т. д. — но на основе все тех же *структур общественного договора между суверенными субъектами-индивидами* (и, далее, самостоятельными предприятиями), делегирующими часть своих прав кооперативным и акционерным образованиям. В любой, самой социализированной (общенародной) собственности *исходным субъектом договора может быть только свободный индивид*. Если вду-

маться, сказанное есть уже подход к теоретическому определению, соотнесенному с понятиями «социализм» или «капитализм». Но я эту границу переходить не буду. Не буду сейчас полностью переходить в сферу теории. Это уже особая статья.

3) Труд в сфере культуры, с особенными, свободными формами общественного договора, — образованием школ, творческих объединений, вольных академий и институтов, журналов, газет, компьютерных центров, радиостанций, — с полным отделением информации от государства. Это предполагает право собственности таких объединений на научный инструментарий, бумагу, типографию; нормальное издательское и авторское право, и т. д.

Возможно предположить, как я это сделал выше, что в ближайшие десятилетия этот труд и общение в малых группах социума культуры (всеобщего труда) будут постепенно нарастать, охватывая... Но сразу же остановлюсь, ведь я здесь отказался от всяких культурологических прогнозов. Далее идея общественного договора означает:

Общественный договор о делегировании части суверенных прав личности (соотв. — предприятий, общественных организаций) — *государственным органам*, — государству в собственном смысле слова. Необходимо заново — из недр гражданского общества — сформировать государство. Собственно, это и есть глубинный смысл системы демократических выборов. Без такого — «руссоистского» договора гражданское общество — в связке — «государство—общество» — невозможно. Это — самая трудная тема, но — чтобы не зайти в дебри подробностей, — я определил ее совсем кратко. И еще одно.

Только на основе *общественного договора* (нового Союзного договора), — когда субъектами объединения являются отдельные суверенные Республики и Регионы, — происходит, — может происходить — формирование *Союза Государств*, в федеративной, или конфедеративной форме, с добровольным делегированием части суверенных республиканских прав союзным органам и институтам ⁸. Очевидно, наиболее естественным (но страшно трудным) процессом будет полный распад Империи, с последующей возможной (если понадобится) интеграцией отдельных суверенных государств, — в экономической, политической и других сферах.

Так, в разветвленных связках общественного договора формируется реальная, глубинная структура гражданского общества. Собственно, — *гражданское общество и общественный договор — это две стороны одного понятия, одного феномена.*

В системе общественного договора государство «съеживается» — как это ему и надлежит — до узкой, ограниченной части единого гражданского общества.

Конечно, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить...». По ним ходить..., то есть, все эти договора необходимо реально заключать и узаконивать. Пока что, повторно скажу одно: все наши правовые институты и реформы имеют смысл только в той ме-

ре, в какой они устремлены к этой подпочве, — к формированию структур общественного договора.

VII

Что делать...

Сведем все воедино. Если необратимость наших общественных преобразований действительно определяется глубиной укоренения основ гражданского общества, и если само это укоренение может наиболее остро и осознанно происходить в формах развитого общественного договора, то можно понять, что основная деятельность наших общественных организаций должна быть направлена не столько «вверх», на то, чтобы исправлять и направлять правительственные программы, сколько «окрест нас», — в микроструктуры общества, — укрепляя и развивая независимость общества от государства. Причем, это «вверх» и это «окрест» именно в формах и установлениях общественного договора бьют наиболее «в точку», встречаются наиболее естественно и насущно.

Сама система наших общественных и политических организаций должна стать сейчас своего рода «ДНК», «зародышевой плазмой» (или, попроще — моделью) будущих развитых форм гражданского общества.

Думаю, что в современных предельных условиях не классические партии (с их главной целью — формировать — на выборах — правящее большинство), но своего рода постоянно действующий «гражданский парламент», «гражданский форум», или «гражданский диалог» может стать наиболее серьезным катализатором этого процесса основой целостного Движения за гражданское общество.

Такое движение предполагает две основные структуры.

Первое. «Форум (диалог) общественных сил»: крестьянских союзов, — профсоюзов, — рабочих советов, — кооперативных союзов, — творческих объединений, — союзов интеллигенции, — государственных сил. Здесь происходит, с одной стороны, ускоренная кристаллизация действительных особых социальных интересов, а с другой — выработка консенсуса, временных и более постоянных соглашений, общих предложений и т. д.

Второе. «Форум (или — диалог) гражданских программных клубов», разрабатывающих свои социально-политические и культурные программы и инициативы. Такой постоянный диалог мог бы стать основой формирования «демократии меньшинств», инициативных ядер, которые были бы средоточиями будущей гражданской структуры, основой избирательных программ и т. д. Думаю, что многие современные народные фронты, партии, ассоциации, неформальные движения могли бы войти в такой Парламент, стать участниками такого Диалога.

И не надо говорить о слабости, малочисленности, или «амбициозности» таких организаций. Во-первых, сама клубность, программная завязанность таких новых групп — это симптом времени, это относится к особенностям современной демократии. А, во-вторых, как бы эти группы ни были малочисленны, они несут в себе необходимые ядра, всеобщие определения самого феномена «гражданское общество».

Вот для пояснения несколько таких определений:

— Государство — всегда насилие над обществом (может быть необходимым, но насилие), поэтому только самостийное общество, независимое от государства может быть основой современной демократии (анархо-синдикализм);

— Демократия в современном обществе поднимается на новую высоту в формах демократии социальной, — демократическое акционерное право, участие в управлении производством и т. д. Только сочетание политической и социальной демократии соответствует гражданскому обществу накануне XXI века (социал-демократия);

— Основа всей демократической жизни — главенство конституционного права, стоящего над властью и над отдельными политическими устремлениями. Не социальная демократия, но конституционное закрепление личной свободы — смысл демократического общества (либерализм; конституционные демократы);

Предполагаю, что все такие средоточия и определения — каждое в своем стремлении к всеобщности — и образует реальный необходимый многогранник (смысл) современной демократии.

Я назвал, естественно, только несколько таких средоточий. Можно было бы сказать о «Клубах избирателей», о «Народных фронтах», о «Мемориале» и т. д. Особого и очень серьезного внимания заслуживают рабочие стачкомы, независимые профсоюзы и другие формы демократической самоорганизации рабочих. Но мне было существенно подчеркнуть, что все эти партии и движения — не случайные капризы политической моды, но необходимые (насушно — каждое!) определения гражданского общества в конце XX века. Думаю, кстати, что и Коммунистическая партия — как одно из многих средоточий этого политического спектра — может войти в реальное многопартийное определение современной демократической жизни.

Конечно, неотвратимое сворачивание «руководящей силы» КПСС в один (или несколько) из таких программных клубов-партий — это основное условие и непреходящая составляющая всего очерченного процесса. А что произойдет затем — на выборах — это, уже как говорится, — дело народа. Но разговор об этом непреходящем условии — отдельный и особый. Сейчас речь идет о н о р м а л ь н о й жизни.

* * *

В своем единстве и диалоге два этих форума — социальных сил и программных клубов — могли бы стать основой постоянно действующего Гражданского Парламента, реально и ускоренно катализирую-

щего жизнь — еще не рожденного — гражданского общества, вне которого невозможны ни социально-экономическая, ни государственно-политическая жизнь.

Первоначальной задачей единого Гражданского Форума может стать разработка и принятие Конституции Общественного Договора (на основе проекта А. Д. Сахарова) и координация действительно свободных выборов в парламент обычного типа.

На всякий случай уточню. Главное в моем последнем тезисе — это не «конкретные практические предложения». Просто в форме «должного» мне было легче анализировать сущее. «Два форума» — не столько то, что должно быть, но то, что с т ь, реально существует, правда, недостаточно явно, развито и осознано. Иными словами, таков, мне кажется, перспективный нормальный смысл нашей современной общественной жизни. Но сейчас все это сформулировано впрок, как некий гипотетический образ. Думаю, что без такой целостной перспективы, осмысленной в модальности — «что означает — сегодня — жить в нормальном современном обществе?» — невозможно реальное поступательное движение.

Это — не «забегание вперед», но особое время — *пред-полагаемое настоящее*. А что касается пресловутого «забегания», то те, кто его боятся, — боятся не только теории, но просто-напросто — м ы ш л с н и я (там, «нового» или «старого», сие не столь существенно).

Примечания

1 Правда, в условиях индустриальной цивилизации только рыночная экономика детерминирует... преодоление собственного детерминизма... Но это уже отдельная тема, хотя кое-что я еще скажу об этом в своих размышлениях.

2 В концепции Маркса источником прибавочной стоимости, прибыли, — капитала и — соответственно — основным стимулом производительности труда оказывается исключительно рост времени прибавочного по отношению к времени необходимому (эксплуатация рабочего класса). Между тем, существенную роль в этом процессе играет — уже в истоках промышленной цивилизации — диалектика времени рабочего и — времени свободного; труда совместного и — труда всеобщего, определяющего рост самого прибавочного времени. Суть этой диалектики намечена Марксом (III том Капитала), но — странным образом — «отвлечена» от процесса производства прибавочной стоимости. Решающий источник роста производительности труда (во всей истории промышленной (цивилизации) — воздействие на диалектику рабочего времени (необходимое и прибавочное время) — коренной динамики времени свободного. — Это деятельность (и — досуг) человека, работника в не непосредственного производства — в сфере «дьявольски серьезной» научной работы; в художественном общении; в технологических новациях; в сфере вне-производственного потребления (когда изменится сама производительная сила работника). Но если учитывать этот момент, коренным образом изменится вся анатомия социальных отношений промышленного производства. В ходе общественного развития момент всеобщего труда (деятельность в сфере свободного времени) приобретает все большее значение в получении прибавочной стоимости, в приращении капитала, в формуле $D - T - D1$.

3 О смысле этого понятия — см. ниже.

4 Здесь я сформулирую, надо признаться с наслаждением несколько простых истин, политических банальностей, от которых наше сознание совершенно отучено (собственно, и не привыкло).

5 Этому предвидению Маркса жестко противоречит его же прогноз перехода от *Maschinerie* к автоматике, предполагающей объединение людей — вне производственных структур — в малые, динамичные группы индивидуально-всеобщего труда, с решающей ролью свободного времени. Однако, сделать все необходимые выводы из этого — очень точного — прогноза помешала идеологическая предвзятость. Впрочем, это, опять-таки, сюжет для отдельного разговора.

6 Серьезный опыт такой критики действительного, а не упрощенного Маркса дан в книге В. М. Вильчака «Алгоритмы истории» — «Прометей», 1989; и в статье Ю. Буртина «Ахиллесова пята исторической теории Маркса» — «Октябрь», 1989, №№ 11—12. Хотелось бы детальнее продумать этот опыт и в чем-то поспорить с авторами, но это уже — отдельно.

7 Социально-экономически (в плане основных импульсов предпринимательства) переход к постиндустриальной цивилизации означает исключение из сферы этих импульсов всех отношений необходимого и прибавочного рабочего времени (законов прибавочной стоимости) и — решающее значение нового «экономического закона» — все большего возрастания свободного времени (свободного от непосредственной включенности в совместный полуфабрикатный производственный процесс) за счет уменьшения рабочего времени, совместно-объединенного труда. Конечно, действие этого закона уже начинает чувствоваться во всех модусах современной цивилизации, но его целостное осуществление — дело достаточно отдаленного будущего. А уж нам говорить об этом всерьез и совсем рано.

8 Конечно, равными суверенными субъектами такого договора выступают и «союзные» и «автономные» республики (...области, округа...) по их «номенклатуре» в действующей конституции.

Государство, общество, нация

В последние годы наше общество неожиданно для себя обнаружило, что оно сидит на национальном вулкане, который иногда выбрасывает горячую лаву, извергается — в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Якутии, Алма-Ате, Душанбе, Фергане, Орджоникидзе, Молдавии, Прибалтике. Взрыв этнических страстей принимал разные формы и нередко вызывал неадекватную реакцию властей или прессы: и желание «обозвать» всех носителей национальных чувств националистами, и привычный рефлекс — погрозить пальцем или кулаком тем, кто не желает шагать в ногу двигаясь к слиянию и растворению в едином советском народе, новой исторической общности.

Наше послушное обществоведение очень долго ограничивалось «застольным» воспеванием межнациональной гармонии и игнорировало остроту и напряженность реальных коллизий. А возникающие в этой сфере явления замалчивались, загонялись внутрь и ждали своего часа. Пока мы ритуально скандировали лозунг о социальной однородности, углублялись социальная дифференциация, этнокультурные различия. Концепция новой исторической общности — советского народа — на самом деле служила прикрытием ассимиляторской политики, ведущей к уничтожению культурной самобытности всех народов страны, включая русский народ.

Описание национальных реалий до самого последнего времени велось с помощью двух вульгарно-метафизических формул: «расцвет и сближение», а также «национальная по форме и социалистическая по содержанию» (культура). Но ведь эти внутренне противоречивые девальвированные формулы не только не отражают существующей сложности этнокультурных процессов, но давно уже не выполняют и пропагандистской функции. Действительно, национальный «расцвет» вовсе не предполагает автоматически сближения народов; официальная пропаганда так долго твердила, что национальный вопрос в СССР решен, что в это поверили и те, кто вершит национальную политику. Случилось то, о чем говорил когда-то К. Маркс: этикетка нередко обманывает не только покупателя, но и продавца.

Исключительна ли наша ситуация по сравнению с другими странами? И да, и нет. Этнические процессы бурно проявляются повсюду

в современном мире. Они связаны, с одной стороны, с утверждением на арене мировой истории уникальных культур народов, считавшихся ранее отсталыми и обретших свою государственную независимость относительно недавно. С другой стороны, всплеск этнического самосознания у народов, живущих в «постиндустриальном обществе», вероятно, вызван неосознанным сопротивлением нивелирующему воздействию современных технологий и моделей образа жизни, угрожающих сохранению культурной традиции и национальной самобытности. Возрождение национального самосознания получило название «этнического парадокса» современности: действительно, увеличение значимости этнокультурных и этнопсихологических различий народов на фоне все большего внешнего сходства их образа жизни может показаться парадоксальным.

Даже в США, стране, где господствующей тенденцией этнических процессов долго считались взаимовлияние и сплавление культур, принесенных иммигрантами из разных стран, сегодня заметен рост интереса к языкам и традициям предков. Американские этнологи долго опирались в изучении этнических процессов в США на так называемую концепцию «плавильного тигля» (melting pot), а теперь она не вполне отражает объективную картину. «Мы думали, что у нас варится суп, а получился салат», шутят американцы по этому поводу.

Особенно недооценивалась до последнего времени роль религиозных различий народов, точнее, влияние религии на культуру и психологию народа. Характерный пример – реакция А. А. Громыко, занимавшего в 1988 г. пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, на июньские решения сессий Верховных Советов Армянской и Азербайджанской ССР по карабахскому вопросу. Стараясь понять, почему депутаты двух республик пришли к противоположным решениям, он провел ряд консультаций с ними. Один из армянских депутатов призвал руководителя федерации: «Если Вы не хотите воссоединить Карабах с Арменией, то подчините его любой христианской республике: России, Украине, Грузии, только изымите из подчинения мусульманскому Азербайджану!». На это А. А. Громыко удивленно спросил: «Скажите, товарищи, вы что, верующие?». — «Нет, ответили ему, но мы, так же, как и Вы, воспитаны в традициях христианской культуры. Мы не говорим, что христианство или ислам лучше – нет, просто они разные».

Подобная недооценка глубины этнокультурных различий народов не позволяет проводить адекватной национальной политики и способствует стихийному развитию центробежных процессов.

Многие народы демонстрируют разные темпы развития различных сторон жизни. Какая-то часть жизни общества, в первую очередь обычно технологическая, экономическая, может очень резко вырваться вперед, а менталитет, система родственных отношений, система верований или обрядовой жизни сохраняются очень долго. Если мы пытаемся преодолеть эту гетерохронность скачком, это нередко сопряжено с драмой неполноценной урбанизации — побочным эф-

фектом прямого «перехода в социализм, минуя капитализм» — от феодализма, рабовладения, а у некоторых народов, по сути дела, от неолита. При этом непройденными оказываются не только технологические этапы, но и важнейшие ступени развития духовной культуры, изменений в демографическом поведении и т. д. Отсюда феномены «полуурбанизированности», полужычия — когда традиционная этническая культура утрачивается, а новая, интернациональная, вполне не усваивается.

Но самое главное — единство любого государства базируется на двух основных факторах: общенациональном рынке и какой-то общей идеологии. Сегодня оба эти фактора в нашей стране отсутствуют, зато присутствует тревога перед надвигающейся экономической катастрофой, которая многих толкает, как выразился П. Бунич («Огонек», 1990, № 18), прыгнуть с корабля, идущего на рифы, чтобы попытаться достичь берега вплавь, хотя бы и в одиночку.

Данные этносоциологических опросов (руководитель — акад. Т. И. Заславская, ВЦИОМ, 1989 г.) показывают, насколько различны ориентации народов страны в этнокультурной и других сферах. Жителям разных республик был задан вопрос: что следует сделать, чтобы жизнь была лучше? Первый вариант ответа — заботиться о единстве Советского Союза — был избран около 10% населения Армении и прибалтийских республик, 31% украинцев, но 63% жителей России. Обратная картина распределения ответов по республикам была получена при выборе другого варианта: самое главное — сконцентрировать все усилия на сохранении родного языка и культуры. Это утверждение было выбрано 9% населения в России, 21% на Украине, 26% в Прибалтике, но 53% населения в Армении. Надо заметить, что Армения — наиболее гомогенная в этническом отношении республика в федерации, и ее населению легче других сохранить национальные культурные ценности и язык, тогда как многим народам сегодня необходимо принимать специальные меры для его спасения — например, белорусам.

Более 50% опрошенных жителей прибалтийских республик (по данным другого опроса, в Литве эта доля достигает 80%) отмечали необходимость полной политической независимости. Даже в Армении, несмотря на ее геополитическое положение и многовековую пророссийскую ориентацию, такое мнение выразили, по данным ВЦИОМ, около 17% населения (по другим данным, собранным весной 1990 г., — более 25%). Эти цифры говорят об ошибках в национальной политике не менее, чем о тенденциях объективных этнокультурных процессов.

В какой-то мере для нашей страны характерны и глобальные процессы. Однако у нас «этнический парадокс» имеет свои особенности, коренящиеся в тяжком наследии сталинизма, не вполне изжитом не только в практике национальных отношений, но и в теории.

Да и значительная часть терминов, сам арсенал науки о нации нуждается в пересмотре. Необходимо, например, договориться об од-

нозначной трактовке содержания таких ключевых понятий, как «национализм», «патриотизм», «шовинизм», «интернационализм», «космополитизм» и др., а также уяснить, как они соотносятся между собой. Например, где проходит граница между национализмом и патриотизмом? Или: что следует понимать читателю под такими, например, газетными пассажами: «...вчера произошли новые столкновения между тамильскими националистами и сингальскими шовинистами...»? Какая из сторон хуже? И в каких терминах описывать сегодня национальные движения, выплеснувшиеся на улицы наших городов?

Среди самостоятельных неформальных движений прошлого года национальные оказались наиболее массовыми. Ереван 1988 года, говорят, вошел в Книгу рекордов Гиннеса по такому показателю, как доля постоянного населения, одновременно участвовавшего в демонстрациях. Нагорно-Карабахская автономная область поставила грустный «рекорд» по длительности забастовки. В Литве было собрано 1 миллион 800 тысяч подписей под наказами сессии Верховного Совета СССР, принимавшей поправки к Конституции. Миллионные митинги увидел Баку.

«Поющая революция» вывела на улицы городов сотни тысяч жителей прибалтийских республик. 23 августа 1989 г., в годовщину подписания пакта Молотов-Риббентроп, они образовали живую цепь, взявшись за руки и выразив свою решимость освободиться от наследия сталинизма и восстановить свою независимость. В марте 1990 г. новый парламент (сейм) Литвы принял соответствующее решение, впрочем не признанное Съездом народных депутатов СССР. Ответом центра на одностороннее решение о самоопределении явилось экономическое эмбарго (так же, как до того была применена экономическая блокада к стремящейся самоопределиться НКАО). А в Закавказье за последние годы не раз проливалась кровь. «Тбилисский синдром» стал одним из факторов, помешавших своевременному введению войск в Баку, где более недели продолжались армянские погромы. Само же введение войск было произведено с нарушением Конституции страны и повлекло большое число жертв.

В столкновениях на национальной почве, которые происходили в стране в последние годы, обыденное сознание нередко не различает двух основных линий. Одно дело - события из ряда: Сумгаит, Фергана, Сухуми, Новый Узень, Баку, Душанбе; другое — события в ереванском аэропорту «Звартноц» (5.07.88), в Вильнюсе (28.09.88), в Минске и Куропатах (30.10.88), во Львове (1.10.89), в Тбилиси (9.04.89), а до того — еще в Алма-Ате (17.12.86). Войска (чаще МВД, иногда и армия) применялись во всех названных случаях, однако в первом ряду событий этому предшествовало национальное насилие с участием представителей двух конфликтующих народов.

Совсем другое дело — применение силы против мононациональных выступлений второго ряда. Эти события вообще неправомерно относить к числу межнациональных столкновений, ведь армия в этих

случаях противостояла национальным проявлениям, казавшимся центру опасными, поскольку они ставили под сомнение контроль над социальными процессами со стороны государства и партии коммунистов.

Нередко митинговая стихия захлестывала улицы и площади городов. Здесь мне кажется уместным напомнить об одном ленинском наблюдении: «...стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустранимости, это несомненно» (В. И. Ленин, ПСС, т. 34, стр. 217).

Мы не располагаем пока адекватной классификацией всего многообразного спектра национальных движений: от национально-культурных и движений за сохранение и возрождение исторических памятников до сепаратистских (между прочим, тоже конституционных). Наверное, пора уже признать реальность национально-освободительных движений эпохи социализма. Обычно они находят отражение в правовом сознании людей в виде идеи права нации на самоопределение — идеи, замалчивавшейся в последние десятилетия, хотя и входящей в арсенал классического ленинизма и усердно эксплуатировавшейся в пропагандистских целях, когда дело касалось зарубежных стран.

Не без усилий со стороны прибалтийских депутатов, — членов редакционной комиссии I Съезда народных депутатов СССР, формула самоопределения была внесена в резолюцию Съезда — впрочем, условия и механизм самоопределения народов (имеющих или не имеющих национально-государственные образования) не были определены. Нам представляется, что в самом жестком варианте для решения проблемы самоопределения можно требовать наличия следующих трех критериев: 1) историческая принадлежность той или иной этнической территории; 2) этнический состав современного населения на этой территории; этническое большинство; 3) наличие конституционно выраженного волеизъявления большинства населения (решение парламента, совета, референдума и т. п.). В обыденном этническом сознании нередко придается преувеличенное значение историческому фактору, однако ни один критерий, взятый в отдельности, на наш взгляд, не может быть основанием для решения о самоопределении; не всегда убедительно и сочетание любых двух факторов. Так, без внесения изменений в некоторые предварительные условия, кажется проблематичной реализация требования самоопределения таких республик, как Абхазская и Нахичеванская АССР (в нынешних границах нет этнического большинства либо отсутствует историческая преемственность территории).

Все три критерия совмещаются чрезвычайно редко; пока мы имеем лишь два таких случая: Нагорно-Карабахская АО и Литовская республика. В обоих случаях имели место глубокие исторические, культурные и психологические причины для самоопределения, однако это стремление было интерпретировано весьма поверхностно. Пресса и так называемый здравый смысл (или обыденное сознание), не услышав суждений серьезной социальной науки, не получив своевременно

политических ориентиров, поспешили выдвинуть свои объяснительные схемы. В общем виде расхожие «объяснения» национальной активности сводятся к двум стереотипам: вульгарно-экономическому детерминизму и «концепции заговора».

Согласно первой схеме, достаточно улучшить снабжение региона продуктами и товарами, чтобы национальные чувства успокоились. Весьма обычная мера из арсенала национальной политики - инвестирование в экономику соответствующего региона. В начале развития карабахских событий можно было услышать обывательское рассуждение типа «колбасы им не хватало».

Но в данном конкретном случае такие, казалось бы, необходимые меры по социально-экономическому развитию всех проблем не решают. Впрочем, это можно видеть и на зарубежных примерах: вроде бы в Ольстере колбаса продается не по талонам, однако кровопролитие на почве национально-религиозных столкновений длится там уже не первый год. В чем же дело? Ход событий показал, что в национальных процессах очень высока значимость надстроечных, субъективных факторов, и тут необходимо предпринять именно политические шаги для урегулирования конфликта.

Второй привычный стереотип рассуждений укладывается в «схему заговора» кучки экстремистов (провокаторов, мафиози, внешних подстрекателей, например, агентов мировой буржуазии, любых злоумышленников, вплоть до «жидо-масонов»). Народ, согласно этой схеме, отождествляемый с толпой, подобен неразумному дитяти, который легко и надолго становится игрушкой темных (коррупцированных, мафиозных и т. п.) сил и не способен на собственные сознательные действия, отвечающие его насущным потребностям.

Идея внешнего вредоносного влияния уходит корнями в глубинные пласты человеческого сознания, мыслящего в рамках «мы - они», где «они» — это весь враждебный, чуждый социальный мир, например, колдуны из соседнего племени, насылающие мор, неурожай и т. д. На этой идее замешены и ксенофобия, и шовинизм. К подобной точке зрения близка мысль об ответственности мафии за массовые выступления мафии, осуществляющие «отвлекающий маневр». Но, если принять эту версию, то, как честные налогоплательщики, мы вправе спросить: как долго «коррупцированные элементы» будут отвлекать внимание наших детективов и оттягивать торжество правосудия?

Необходимо признать реальность того факта, что национально-освободительные движения порождены имманентными причинами, и их движущей силой является значительная часть народа как такового.

Теперь наше общество начинает осознавать, перед какой моральной бездной мы оказались. Мы познали бездушные отчужденной от народа власти, мы познали кризис культурной преемственности, утрату исторической памяти, нереализованность светлых идеалов, за которыми шли энтузиасты 20-х и 30-х годов. Мы были долго лишены

«внутренней политики» и возможности влиять на свою судьбу, судьбу детей и близких. Но человек всегда остается, по Аристотелю, «животным политическим», и неудовлетворенная потребность в активном социальном действии ищет своего выхода.

В условиях недавнего взаимного отчуждения государства и общества именно эта потребность заставила многих людей обратиться к извечным, естественно-исторически сложившимся институтам: прежде всего к семье и к нации.

Социологи (В. Ядов и др.) еще в 70-х годах заметили тенденцию к приватизации интересов. Господство административно-бюрократической системы не менее, если не более, чем рост образования, вынуждает личность обратиться к фундаментальным основам бытия, а также к своим корням, своим истокам. Историческая, генетическая, культурная преемственность, сохраняемые семьей и нацией, обеспечивают личности защиту от механического вмешательства бездушных государственных структур в ее мир. В условиях становления гражданского общества еще больше возрастает значимость национальной общности, ведь именно для этого общества характерно обилие и богатство горизонтальных (в противовес вертикальным) связей, сила общественного мнения как регулятора социального поведения, возвращения морали в политику. Многие из этих черт уже имеются в готовом виде в той разновидности социума, который мы называем нацией. Ведь что такое нация, как не естественное живое тело гражданского общества? Государственный аппарат призван лишь обслуживать нужды этого общества (высокое призвание!). И пока национальное развитие полностью не исчерпало своих возможностей, сбрасывать со счетов национальный фактор не приходится.

Если исходить из приоритета гражданского общества над государственностью, то допустимо утверждение, что право нации на самоопределение может быть поставлено даже выше идеи государственного (или республиканского) суверенитета. Представляется, что стремление любого народа обрести свободу соответствует приоритету общечеловеческих ценностей и требованию «моральной политики». Однако до сих пор мы наблюдаем лишь одну реакцию властей на попытку самоопределиваться — будь то в составе СССР (Карабах) или вне федерации (Литва): силовое давление и экономическая блокада. Первый прецедент такого рода был создан в АзССР, но затем центр распространил его на Прибалтику; причем в обоих случаях при интерпретации событий прослеживается более или менее выраженная линия подмены понятия самоопределения, которое, конечно, отражает прежде всего духовное стремление большинства народа, идеями территориальных притязаний, нарушения территориальной целостности и т. п. — удивительный пример, доказывающий принципиальное сходство традиционного восточного менталитета и менталитета федерального центра.

Приходится вспомнить, что наша страна принадлежит азиатскому миру более, чем европейскому.

О будущем нашей федерации

В. И. Ленин не успел провести в жизнь план построения многонационального государства на принципах федерализма, о которых он неоднократно писал. Многие народы вошли в состав РСФСР (этой федерации внутри федерации), а впоследствии и других союзных республик — Азербайджана, Грузии, Таджикистана, Узбекистана — на правах автономий разного ранга, подчиненных союзным республикам. Нередко язык, религиозные традиции, психический склад этих подчиненных народов существенно отличаются от языка, религии и психологии доминирующего большинства. Принцип федерализма был существенно потеснен практикой автономизации, а сами народы оказались стоящими в разной позиции по отношению к органам центральной государственной власти: некоторые имеют с центром прямые связи, а некоторые — связи, опосредованные органами национальной государственности другого народа.

Сегодня у нас четыре типа национально-государственных и национально-административных образований: союзные и автономные республики со своими конституциями, автономные области и округа. Критерии определения статуса этих единиц неясны. Ссылка на высказанные Сталиным (1936 г.) требования к союзной республике (наличие внешней границы и не менее миллиона населения) никогда не были законодательно закреплены и вряд ли могут быть признаны обоснованными. Да и сам механизм создания новых (например, для гагаузов) или восстановления старых автономий не сформирован, и сегодня не вполне ясны первые шаги, с которых надо начинать восстановление государственности крымских татар, советских немцев, курдов. Очевидным представляется одно: реабилитация народов предполагает полное восстановление их в прежнем статусе, в поправленных правах, в том числе и в праве на государственность.

Недостаточно разнообразны формы культурно-национальной автономии для народов, расселенных в другой этнической среде. До начала 30-х годов существовала большая, чем теперь, дробность первичных национально-административных образований: тысячи национальных сельских советов и сотни национальных районов, что позволяло проводить более гибкую, дифференцированную кадровую, культурную, школьную политику, отвечающую интересам различных национальных групп.

Однако в нынешней государственной системе это не нашло своего отражения. Устройство Верховного Совета СССР предполагает участие в нем всех народов страны (перепись учитывает их около 120), однако реально в прежнем Совете Союза состояли представители около 40, а в Совете Национальностей — около 60 народов (причем список первых сорока, наиболее многочисленных, повторялся в обеих палатах). Иначе говоря, в высшем органе государственной власти была представлена примерно половина народов, правда, крупнейших. Не-

многим лучше в этом отношении национальная картина нынешнего Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета.

Различие названий палат не должно вводить в заблуждение: до последнего времени состав постоянных комиссий в них был совершенно идентичным, и национальная палата до сих пор не выполняла особых функций, связанных с разрешением национальных проблем, подобно прежнему Наркомату национальностей. Палаты различались только принципом представительства: Совет Союза избирается от территорий, с учетом численности населения, а Совет Национальностей — от республик и других национально-территориальных образований, население которых, впрочем, всегда многонационально. От отдельных национальностей (принцип раздельного электората, применяемый кое-где за рубежом) депутаты не избираются. Новая избирательная система также не дает никаких гарантий представительства национальностей в высшем органе государственной власти. Представительство республик зависит и от внутренних структур: при наличии более дробных подразделений число депутатов увеличивается.

Существует предложение перейти от «древовидной», ветвящейся иерархической системы взаимозависимостей национально-государственных образований к «горизонтальной», когда все подчинялись бы напрямую единому центру. Именно на этой идее — реального равенства народов и их национально-государственных образований, равенства, не зависящего от численности народа, величины этнической территории, наличия или отсутствия внешней границы — основан блок предложений к новому союзному договору, исходящий от Межрегиональной депутатской группы (автором идеи был А. Д. Сахаров). Имеет смысл, на наш взгляд, прислушаться и к сторонникам равного представительства всех народов страны в национальной палате (А. Зубов, А. Салмин и др.), поскольку национальные культуры равнозначны независимо от численности их носителей. И пусть сторонников великодержавного подхода не смутит, если в новой Палате национальностей будет заседать, скажем, 5 русских, 5 украинцев, 5 чукчей, 5 абхазов, 5 грузин, 5 евреев, 5 немцев, 5 цыган и т. д. Причем дисперсно расселенные этносы, как и не имеющие автономий внутри союза, тоже могут создавать свои экстерриториальные национальные советы и делегировать своих представителей в парламент страны. Необходимо также учесть, что в условиях роста суверенитета республик в их конституциях неизбежно появятся разделы об институте республиканского президентства. В некоторых республиках (Узбекистан, Казахстан) президенты уже выбраны. Вероятно, во многих случаях президенты республик будут выбираться прямым всенародным голосованием, которое послужит источником легитимности власти республиканских президентов. При ограниченной легитимности федеральной президентской власти, получившей мандат не из рук народа, а от Съезда народных депутатов, может возникнуть проблема

распределения полномочий между союзным и республиканскими президентами, проблема различия доверия к ним .

Не исключено идущее от республик требование пересмотра состава союзного парламента, норм национального представительства в нем. Парламент, избранный на основании измененного теперь закона, в сущности, уже сыграл свою историческую роль и навряд ли сможет сохраниться прежним по составу и структуре еще 4 года. Уже сегодня очевидны его отставание от реальных социально-экономических процессов в стране и неспособность не только управлять ими, но и адекватно отражать их.

Всёма существенным остается вопрос о перезаключении Договора об образовании СССР. Во-первых, потому, что на практике произошел значительный отход от постулированных в нем когда-то принципов, да и сегодняшняя реальность требует пересмотра перечня тех полномочий в политической и экономической сферах, которые республики делегируют центральному федеральному правительству, федеральной президентской власти. Во-вторых, с 1922 года изменился и сам состав суверенных субъектов Договора (так, республики Прибалтики его не подписывали, а за Азербайджан, Армению, Грузию он был подписан руководством Закавказской федерации и т. д.).

Само соотношение прав и обязанностей центра и республик, а также содержание прямых межреспубликанских хозяйственно-культурных связей (минуя центр) нуждается сегодня в пересмотре.

Сегодня очевидно, что союз может строиться только на основе добровольного делегирования функций снизу, от республик, причем набор этих функций не будет стандартным для всех. Как показывает содержание дебатов в Верховном Совете СССР, затягивание заключения нового договора ведет к ускорению центробежного движения и радикализации национальных требований республик. Предложенные после III Внеочередного Съезда народных депутатов СССР скоропалительные косметические поправки к старому Договору не решают проблемы. Забавно было наблюдать, как на трибуну Верховного Совета при обсуждении поправок к союзному Договору поднимались представители прибалтийских республик, Грузии и требовали начать переговоры о восстановлении их независимости, а председателюствующий (глава Совета Национальностей) просил депутатов держаться ближе к обозначенной в повестке дня теме и давать свои предложения по формулировкам закона, который ими отвергался по существу и целиком. Можно предположить, что негибкость, жесткость центра, недопущение разнообразия форм вхождения республик в федерацию могут простимулировать заключение «сепаратных» двух- и многосторонних новых договоров между республиками, с участием России или без такового, но помимо центра. В этом случае само содержание его деятельности стало бы проблематичным. Инициатором заключения нового Договора могла бы стать суверенная Россия, причем, как стало очевидным после дебатов на I Съезде народных депутатов РСФСР,

вхождение России в федерацию возможно также только на добровольных началах и не является само собой разумеющимся.

И еще одна государственно-правовая проблема. Она касается непосредственно каждого советского гражданина. Как известно, во многих странах (практически во всех) национальность людей в личных документах не фиксируется. У нас есть графа национальности, и притом принята весьма архаическая практика определения национальности — не по самосознанию людей (этот принцип действует только при проведении переписи населения), а «по крови», по биологической принадлежности одного или обоих родителей. Этот позорный принцип находится в вопиющем противоречии с многократно постулированной идеей примата социального над биологическим во всем, что касается человека. Миллионы наших сограждан от этого испытывают определенные трудности. Значительное количество людей проживает в иноэтнической среде, в крупных городах (около 60 млн человек или почти 20 % населения страны), многие родились в национально-смешанных семьях, которых насчитывается более 10 млн. в стране. И почему сын, допустим, армянина и латышки, родившийся в Москве или Калуге, не знающий никакого другого языка, кроме русского, должен по достижении 16 лет обозначить себя латышом или армянином? Чаще же в такой ситуации он ощущает себя русским. А если его родители, в свою очередь, рождены были в смешанных браках? Вероятно, нашлось бы немало желающих записаться (как это и принято в наших заграничных паспортах) просто как «советские», но действующая милицейская инструкция искусственно затрудняет в этом случае естественный процесс.

Иногда предлагается просто отменить графу «национальность». Однако данные пробных этносоциологических опросов в разных регионах страны показывают, что в большинстве населения против отмены «паспортной» национальности (например, 70-80 % молдаван и грузин, около 65 % населения Москвы). Дело здесь видимо, не только в привычке, но и в боязни «потерять свое лицо». Люди видят в этом первый шаг на пути к ассимиляции более многочисленным народом.

И, может быть, разумно уже сегодня в порядке эксперимента для желающих разрешить отказаться от этнического самоопределения — пусть в их паспортах появится прочерк в графе «национальность» или просто будет написано — «советский». Наверное, пора решить два вопроса: о сужении круга документов, в особенности детских, в которых фиксируется национальность, и одновременно расширить число факторов этнического самоопределения и признать наиболее значимыми родной язык и этническое самосознание. Подобная практика, наряду с политической культурно-национальной (экстерриториальной) автономизации, способствовала бы сохранению малых народов страны, в том числе и тех, которые не имеют своих национально-государственных образований.

Мировое сообщество сегодня понимает необходимость отказа от понятия «отсталые народы». Признается, что нужен равноправный

диалог со всеми как с суверенными партнерами. Ответственностью за будущее малых народов, создавших в экстремальных условиях (арктических, высокогорных, пустынных и др.) своеобразные типы этнических культур, проникнут ряд последних международных документов, например, принятый в 1988 г. документ, названный «Частичный пересмотр положений Конвенции 1957 г. (№ 107) о коренном и другом населении, ведущем племенной образ жизни». Мировое сообщество, наконец, приходит к пониманию того, что надо отказаться от искусственного осовременивания образа жизни таких народов, оно заявило об уважении и необходимости охраны, о признании приоритета их экологических систем природопользования на своих этнических территориях. Так находит свое воплощение принцип культурного релятивизма, подчеркивающий самоценность и принципиальное равенство любых этнических культур и, одновременно, относительность наших представлений об их прогрессивности или отсталости.

«Первый среди равных»

«Русский вопрос», отнюдь не сводимый к пресловутой загадочности русского национального характера, сегодня снова стоит в повестке дня. От его решения зависит будущее всех народов нашей Федерации.

Положение русского народа сегодня во многом парадоксально. Крупнейший народ страны играет ведущую роль во всех основных сферах ее политической, культурной и хозяйственной жизни. Русские широко представлены в высших эшелонах государственной власти, а также в партгосаппарате всех союзных республик. Как известно, второй секретарь ЦК, обкома или райкома в национальных республиках и областях, как правило, русский. Иногда они занимают даже первую должность в национальной республике. Можно напомнить, с каким интересом аудитория III Съезда народных депутатов СССР отнеслась к возможности занятия второго поста в государстве не русским, а представителем тюркоязычных народов, исповедовавших ислам. Пока этого не произошло, но вполне вероятно в ближайшем будущем, особенно если учесть более быстрый прирост народов мусульманской культуры.

Языковая ассимиляция нерусских народов служила важнейшим инструментом нивелировки их этнического самосознания. Характерно, что великодержавный российский шовинизм был особенно агрессивен в отношении культур родственных славянских народов, языки которых нередко рассматривались в качестве вариантов «испорченного» русского языка. Это относилось к украинскому, белорусскому, польскому языкам. Н. С. Хрущев, стоя на ступенях белорусского университета, однажды провозгласил, что чем быстрее мы все заговорим по-русски, тем скорее построим коммунизм. Эта установка привела сегодня к тому, что в городах Белоруссии не осталось ни одной

школы с белорусским языком обучения (усилиями общественности создаются и поддерживаются отдельные классы). Программа Хрущева оказалась выполненной только на 50%: все народы страны говорят по-русски, однако коммунизм так и не построен; напротив есть основания предполагать, что языковая, культурная и хозяйственная нивелировки могло затормозить социально-экономическое развитие.

На русском языке издаются все центральные газеты и журналы, ведется вещание Центральным радио и телевидением, делопроизводство и т. д. Русский язык фактически играет роль государственного языка, а не только языка межнационального общения. Русскоязычные кадры преобладают в руководстве творческих союзов, академий наук — не только на уровне страны, но и в республиках. И в то же время в своей собственной республике русские многого лишены. Более того, Россия, по сути, не имеет столицы! Ведь Москва — столица многонационального государства, и влияние общесоюзных ведомств здесь неизмеримо сильнее, чем республиканских органов.

Исключительность положения русских, в том числе и в своей собственной республике — двоякая, и она сама по себе может вызывать разную, в том числе и негативную, оценку со стороны как самих русских, так и представителей других этносов. К сожалению, в обыденном сознании ошибки нашего исторического пути нередко связываются с русскими, ведь именно русские или руссифицированные кадры в республиках осуществляли политику сталинизма, потом политику волюнтаризма, потом — политику застойных лет и политику перестройки. Понятно, что упреки во всех своих бедах многие республики склонны теперь адресовать России.

Положение русского народа в сложившейся системе межнациональных отношений не вполне удовлетворяет и самих русских, и представителей других народов советского многонационального сообщества. Спору нет, русский народ объективно находился, да и сейчас находится в особом положении. Эта особенность связана с историей формирования нашего многонационального государства вокруг русского национального ядра путем колонизации (иногда-относительно добровольной) соседних народов, с огромным и неоднозначным влиянием на судьбы этого государства русской культуры и русских политических традиций, наконец, просто с многочисленностью русского народа.

Бесспорно, однако, и другое. Превращение Российской империи в союз равноправных народов предполагало отход от имперской системы ценностей и перенос акцентов в самосознании русских с государственных на те же, что и у любого другого народа, непреходящие ценности народной жизни, национальной культуры. При таком подходе всякое подчеркивание национальной исключительности, выяснение вопроса о том, какой народ «первее», выглядит нелепостью, историческим анахронизмом.

И русский народ оказался жертвой именно такой нелепости. В сталинские времена, особенно в послевоенный период, старательно

подчеркивались особая миссия и особые тяготы, выпавшие на долю русского народа. В тексте торжественной речи на приеме в Кремле, посвященном великой победе, Сталин назвал русский народ «наиболее выдающейся нацией, заслужившей общее признание как руководящая сила». Историческая роль России в создании огромной державы отражена и в тексте Государственного гимна: «...сплотила навеки Великая Русь...». Таким образом, предлагалась схема федеративного союза партнеров, один из которых — первое других, схема равенства, в которой некоторые — более равны, чем другие — т. е. идея «старшего брата» (и это несмотря на относительную молодость русского этноса по сравнению, скажем, с армянским, еврейским, таджикским и другими).

Огромность русских земель отмечалась издавна (в переписке Екатерины II с французскими просветителями, а также В. Ключевским, Н. Бердяевым и др.) в качестве причины особого пути политического развития страны, а также в качестве этнопсихологического фактора, обуславливающего «власть пространства» над русским мировосприятием, над русской душой. К сожалению, не столько история, сколько география является доминантой русского самосознания.

Назойливое подчеркивание «первенства среди равных», неизменный эпитет «великий» (армянский или таджикский народы могли быть «древними», «трудолюбивыми», «гостеприимными» и т. д., но «великим» мог быть только русский народ) могут вызвать естественную обиду других народов. А такая мнимая исключительность убаюкивала и самих русских, препятствовала естественной консолидации сил, связанной с закономерным ростом национального самосознания в процессе вызревания гражданского общества.

Когда центральная власть совершала преступления или ошибки, грузины, эстонцы или узбеки все же имели дополнительный эшелон самозащиты, могли — хотя бы изредка — добиться каких-то уступок, например, в сфере культуры, ссылаясь на свое национальное своеобразие, исторические особенности и т. д. Забавные, но характерные примеры: нерусские солдаты в армии легче могут получить разрешение командира на ношение усов, чем русские. Кинжал горец может иметь в качестве части национального костюма, а для русского или белоруса ношение холодного оружия может стать поводом судебного преследования. Так что у русских этой линии «самообороны» - со ссылкой на национальную специфику — не было, и обычно им приходилось платить по всем счетам без всяких скидок. Отсюда другая причина культурно-исторических утрат русского народа, та, что именно на его базе в послесталинское время ускоренно формировалась «новая историческая общность» — советский народ. Несмотря на сказанное выше, думается, что ставить под сомнение реальность этой общности, как делается некоторыми авторами (Чепайтис В. Два пути. «Согласие» № 2, 1989, 2 февраля), нет достаточных оснований: в стране действительно сложилось огромное метаэтническое образование с однотипной социально-профессиональной структурой, опирающееся на

общую идеологию, русскоязычную нетрадиционную культуру и обладающее общесоветским самосознанием. Когда зарубежные советологи изучают феномен homo soveticus, я убеждена, у них есть предмет для исследования. Глубина взаимопроникновения черт этой общности и национальных культур различна: возможно, их наибольшая идентичность достигнута в русской среде. Однако советский народ, считает В. Чепайтис, «создается не на основе русской культуры как единой системы, а лишь на базе нескольких вырванных из контекста этой культуры стереотипов с приложением множества других». В силу изменения демографической ситуации — ускоренного воспроизводства народов Средней Азии и др. — нельзя быть уверенным, что дальнейшее формирование метаэтнической общности будет по-прежнему базироваться именно на русских (или шире, на христианских) культурных стереотипах.

Отчасти по этой причине русский народ более интернационализирован и деэтнизирован. И потому создается впечатление, что все русское как бы лишь составляет фон для иных национальных проявлений. Но так как этническое существует объективно и на современном этапе развития, по-видимому, никуда не собирается исчезать, то в конце концов оно дает себя знать в самых неожиданных формах. Возможно, В. Чепайтис прав, связывая деятельность «Памяти» с запоздалым сопротивлением утрате национальных черт. Сопротивлением, добавим мы, пытающимся использовать неадекватные средства и зовущего на бесперспективный путь национальной замкнутости, сохранения мнимой «чистоты крови» и т. п.

Нам, русским, еще не раз придется всматриваться в собственное отражение в зеркале социальной реальности, узнавая и не узнавая свои черты. Вопрос о русском характере не нов, но остается ли неизменным сам этот характер? Тот ли это народ, каким он был вчера или позавчера? Бунтарь и богоносец, взыскающий Третьего Рима, провозвестник «света с Востока» для загнивающего Запада?

Когда-то наблюдения Ф. Энгельса применительно к английскому обществу позволили ему сделать вывод о возможности радикальных изменений характера народа за исторический краткий период в 60-80 лет. В работе «Положение рабочего класса в Англии» он говорит о неузнаваемом населении страны, «которое состоит из совершенно других классов, мало того, составляет совершенно другую нацию с другими нравами и с другими потребностями, чем раньше» (подчеркнуто нами. — Г. С.).

Социально-экономические процессы за 60-80 лет нашей истории были не менее бурными, чем в Англии периода промышленного переворота, да еще сопровождалась тремя войнами: двумя мировыми и одной — беспрецедентной в истории человечества — войной тоталитарного режима против своего же народа. Страшный социальный смерч истребил русскую аристократию и интеллигенцию (хранителей исторической памяти), духовенство, офицерство, купечество; сорвал с родных мест и почти уничтожил крестьянство, на протяжении веков

бывшее главным создателем и хранителем народной культуры, традиционного бытового уклада, самой природы России. Могло ли все это не сказаться на духовном облике народа, на его жизнеощущении, на его этническом самосознании? Один простой человек в Эстонии — Энн Рооба, могильщик на старом русском кладбище в Таллинне, — так объяснил мне свое понимание судьбы русских мигрантов в Прибалтике: «Человек отличается от любого животного, кроме души, тем, что он имеет кое-что, имеет имущество. Эти бедные русские не виноваты, что им пришлось покинуть свои родные края, когда после коллективизации у них ничего не осталось. Стало возможным взять чемодан и уехать куда угодно. Как можно любить родину, где ничего твоего уже нет? А вот если знаешь, что твоя корова стоит в хлеву голодная, будешь даже ночью рвать ей траву голыми руками и никуда не поедешь...»

Геноцид сталинских репрессий подкосил русский народ так же, как и другие народы, и везде нашлись желающие взять на себя роль палачей своих соплеменников. Тут, казалось бы, все равны. Но мне кажется, что есть еще одно последствие тяжелых лет нашей истории: были уничтожены не все без разбора, а лучшие — самые смелые, самостоятельные, ответственные и инициативные — словом, те, кто вырос повыше общеподстриженного газона, кто мог поднять руку не «за», как все, а «против», кто имел свой особенный голос, кто первым высовывался из окопа, ведя других в атаку. Можно понять писателя В. Астафьева, задающего тревожный вопрос о том, не изменился ли сам генофонд русского народа в результате этих потерь?

Действительно, когда слышишь ущербные, граничащие с психопатологией призывы к «чистоте крови», к утверждению своего превосходства если не над всеми народами, так хоть над одним из них, стыдливо обозначаемым как «малый народ», трудно поверить, что и такую форму этнического самосознания мог породить великий и полноценный народ, занимающий видное место в многонациональном государстве. Допустим, тревога «Памяти» обоснована, но ее рекомендации не могут помочь излечению русского народа, поскольку сами болезненны. Они указывают ложные ориентиры, уводят от реальных проблем и порождают нездоровые мифы в русском самосознании. Невольно вспоминается мысль П. Я. Чаадаева о том, что единственно «критический» патриотизм может быть плодотворен. «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной».

Отрадно видеть, что эти идеи находят сегодня путь к умам русских людей: это доказывається, в частности, блестящей победой демократических сил на выборах в российский парламент при впечатляющем поражении кандидатов в депутаты от блока так называемых «патриотических» сил (впрочем, близкие по позиции к этому блоку

лица получили места в назначаемом главой государства Президентском совете).

Русский народ, конечно, изменился, и мы сегодня не знаем хорошо, что представляет из себя этот народ, прошедший через такие испытания, имеющий такие демографические провалы, такие разрывы в своей культурной памяти, расселенный на столь необъятных, слабо сообщающихся между собой территориях. Сегодня этот народ опять представляет собой загадку — и уже не столько для зарубежного советолога, сколько для нас самих.

И русскому, и другим народам страны сегодня близка формула Ч. Айтматова: каждая нация стремится быть не только сытой, но и вечной. Думается, что защита вечных ценностей человечества, его культурного разнообразия могут и должны сочетаться с универсальными ценностями демократии.

Почему так идет перестройка?

Прошло пять лет с того памятного апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 г., когда новое руководство страны, возглавляемое М. С. Горбачевым, смело и решительно вступило на путь, определившийся как путь революционной перестройки. Не сразу и не все уверовали в то, что начавшиеся перемены будут иметь судьбоносное значение для страны, но когда с самых высоких партийных и государственных трибун стали заявлять о намеченном ускорении социально-экономического развития советского общества, стала шириться и крепнуть надежда на то, что еще немного, еще чуть-чуть и страна из стагнации и упадка шагнет в полосу пусть скромного, но все же благополучия с постепенно улучшающимися перспективами.

Прошедшие годы не подтвердили этих надежд, они не вывели страну на путь благополучного развития. Напротив. Сегодня в условиях растущих дефицитов, при все сильнее ощущаемой инфляции и возрастающей политической нестабильности, советские люди все больше и больше говорят о том, что перестройка идет не так, как следует, что до сих пор она чаще всего сводилась к одним разговорам и ничего существенного не дала простому человеку.

Конечно, вряд ли можно согласиться со всеми и во всем, когда речь идет о неудачах перестройки: ведь сама она многопланова, а уже имеющиеся результаты отнюдь не однозначны. Но важнее другое. Неудачи перестройки, ухудшающиеся условия жизни предопределили поворот политического внимания от сталинизма, хрущевизма и брежневизма к насущным проблемам сегодняшней жизни, к «временни Горбачева». Дело не только в том, что все порядком устали от «потока разоблачений», и вовсе не в том, будто советская публицистика и историческая наука уже все выяснили в советском прошлом, а потому следует прекратить критический анализ послеоктябрьской отечественной истории. Ни в коем случае! Просто из-за погони за сенсациями, пишущие не научились извлекать полезных уроков из того, что было. Это и понятно: при поверхностном анализе прошлого, история никогда не отдает ключи от будущего. Но следует радоваться тому, что совершается поворот политического внимания к недолгой истории и ходу самой перестройки. Это позволяет дать более развернутую оценку нашим сегодняшним реалиям (как это делалось до сих пор по

отношению к «делам давно минувших дней»), лучше понять происходящее, выдвинуть соображения, весьма важные для практики, в чем-то корректирующие сегодняшнее понимание и совершаемые действия. А это и есть переход от объяснения мира к его преобразованию.

Что же касается самого хода перестройки, то здесь нет ничего неожиданного: перестройка идет так, как она должна идти в нашей стране при ее наследии, реальном соотношении противоборствующих социальных сил, при том арсенале материальных и духовных потенций, социально-экономических механизмов, концепций и организаторских способностей, которыми располагает КПСС, ее руководители — инициаторы и сегодняшние заложники перестройки. Когда так оцениваешь ход перестройки, нередко слышишь упрек: вы, гуманитарии, заморожены перестройкой, а потому более высоко ее оцениваете, чем каждый рядовой труженик!

С этим нельзя согласиться, ибо разлив первоначальной интеллигентской эйфории, порожденной гласностью, свободой и демократией, натолкнувшись на быстро пустеющие прилавки магазинов, сразу вошел в берега здравого смысла.

Как же оценить и объяснить пять лет перестройки?

Здравый смысл тот, который на кухне, и тот, который необходим в политике — не одно и то же. Конечно, в условиях инакомыслия и плюрализма мнений, когда никому не нужно прежнее бодрчество, поддерживавшееся официальной пропагандой, даже здоровое отношение к перестройке, ее ходу не однозначно: и сегодня можно искренне радоваться перестройке, восторгаться издалека, как это и делают ее зарубежные поклонники, а можно, будучи в стране и приглядываясь к происходящему, критиковать незначительность ее результатов, можно и просто не соглашаться с перестройкой. Но сейчас уже никуда не деться от того факта, что перестройка — не новорожденное дитя, еще не обретшее ни дара речи, ни определенного облика. Нет, перестройке пять лет, а это — вполне достаточный срок, чтобы оценить ее суть и ее ход, удачи и просчеты ее организаторов и исполнителей.

Весь вопрос в том, с чьих позиций оценивать перестройку: с позиций тех, кто, причисляя себя к интеллектуалам, только пять лет назад или еще позже впервые открыл расчетливо «сомкнутые уста» и, сделав это, сразу почувствовал в себе, если не способность, то желание стать «трибуном перестройки», глашатаем своих «совершенно потрясающих идей», способных перевернуть весь советский мир; или с позиций тех миллионов и миллионов честных тружеников, которые подобно бурлакам вчера и сегодня тащили и тащат за собой наш государственный корабль, давно давший течь, но только теперь настолько потяжелевший, что тащить его становится совсем невмоготу, или же с позиций тех, кто сегодня, как и вчера считает, что корабль, застрявший на мели, был в полном порядке и, если бы не отчаянные попытки

сдвинуть его с места, то и сегодня, дождавшись попутного ветра и при «твердом» капитане, можно было бы без особых потерь продвигаться вперед к светлому будущему, уповая на приобретенную в прошлом плавучесть и инерцию. Конечно же, к обновлению социализма можно подойти и с позиций тех, кто вообще считал и считает не только перестройку, но и сам Октябрь 1917 года опасной затеей «большевиков-злоумышленников», стремившихся к тотальной диктаторской власти, или инородцев и масонов, сбивших наш славный народ с его правильного исторического пути, и посадивших на мель. Разумеется, что у таких «обновленцев» свои счеты и с перестройкой, и с социализмом.

Как раз на этом распутье нам подсказывают: перестройку надо оценивать с позиций «простого человека», стоящего у станка или сидящего за штурвалом комбайна, а не с позиций «кабинетного гуманитария», якобы все еще умильно восторгающегося демократией, свободой и гласностью и не знающего, каково «простому человеку»?

Когда я слышу подобные подсказки, то мне чудится все тот же партийный функционер времен застоя, поднаторевший на демагогии, на попытках натравлять рабочих на интеллигентов, все еще верящий в то, что трудовой народ, состоящий из «простых людей» — это какое-то сборище одичавших жителей «медвежьих углов», которые день и ночь думают только о материальных благах — за которые готов на смерть биться сам функционер, — что интеллигенты — это разжиревшие от безделья и комфорта «разносчики идейной заразы».

Но ведь жизнь давно опровергла эти стереотипы вымирающего, застойного партийного функционера, а кто руководствуется этими стереотипами, пусть выйдет на улицу, выглянет в окно своего кабинета: ведь сегодняшний «простой человек» лучше вчерашнего функционера, провалившегося на выборах, знает — «не хлебом единым жив человек» и потому не только ценит свободу и демократию, но и умело пользуется ими, как это показали летние забастовки; а сегодняшние интеллигенты так «умиляются» благами голодной демократии, что часть из них, сбиваясь с пути, заговорила даже о «железной руке»! Поэтому не надо путать прошлое с новым, выдумки с действительностью: не какой-то там «простой человек» или «гуманитарий», а все советские люди, или по меньшей мере их активное большинство, уже хорошо знают цену демократии и свободы, относят их к числу тех несомненных благ и достижений, которые уже дала перестройка. Их не считают благом и завоеванием отнюдь не «простые люди», а именно партийно-государственные функционеры, их начальствующая бюрократия, для которой эти реальные завоевания перестройки — нож острый, каждодневная угроза Голгофы, та самая «пустопорожняя болтовня» и говорильня, с которыми надо, как можно скорее, кончать, ибо кому кому, а бюрократии ясно, чем все это может кончиться для ее существования.

Разумеется, никто не собирается опровергать истину: «баснями соловья не накормишь!», но откуда — как не из прошлого — это убеждение, что интеллигентам и служащим (учителям, врачам, ин-

женерам, рядовым научным сотрудникам и т. д.), чья зарплата часто гораздо ниже, чем — в среднем — у рабочего, демократия и гласность, а не улучшение материального положения — важнейший критерий успеха или неуспеха перестройки?

Да, перестройка, длаящаяся уже пять лет, — хотя и изменила глубоко всю нашу общественную жизнь, придала черты большей цивилизованности нашим государственным органам, сильно изменила и многих советских людей, позволив немалому их числу впервые разогнуть по-холопски согнутые спины, все же пока не дала народу, вопреки обещаниям ее организаторов, никакого улучшения материальных условий жизни. Более того, из-за продовольственной ситуации, роста дефицита товаров потребления и инфляции, люди стали жить еще хуже, беднее и тревожнее.

Естественно, возникает вопрос: в чем причина этого? Ведь XXVII съездом КПСС намечалось ускорение социально-экономического развития и предполагалось «поднять благосостояние советских людей на качественно новую ступень, обеспечить такие уровень и структуру потребления материальных, социальных и культурных благ, которые будут в наибольшей степени отвечать целям формирования гармонично развитой, духовно богатой личности, создания необходимых условий для полного раскрытия способностей и талантов советских людей в интересах общества»¹.

А что получается? Мы не только не приближаемся к решению этой задачи, а идем в противоположном направлении. Почему? Может быть, правы те, кто говорит, что у перестройки не было и нет продуманной концепции? В таком вопросе есть свои резоны. Давно известна народная мудрость: «Не зная броду, не суйся в воду!». Для того и необходимо теоретическое понимание ситуации в обществе и существа перестройки, чтобы не спотыкаться шаг за шагом при фактической реализации конкретных преобразований.

Я не берусь здесь судить о том, имело ли наше общество концепцию перестройки с самого начала послеапрельских перемен в нем, и какой она была? Ответ на этот вопрос требует скрупулезного сопоставления и осмысления многих речей, документов и призывов. Но можно не сомневаться в том, что сознание необходимости глубоких перемен в советском обществе у организаторов перестройки было с самого начала — с апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 г. Но сейчас не время выяснять, как что понималось и насколько обоснованно утверждалось. Более того, такой подход, отрывающий социальное познание от социальной борьбы, мало чего стоит, он не дает ответа, ибо возводит внимание в сторону от тех, кто направляет само социальное познание, а тем самым и отвечает за полученный результат. Но вернемся к сути дела.

В данном вопросе, — и это мое глубокое личное убеждение, — суть дела не столько в самой концепции перестройки, хотя, разумеется, все взаимно связано, а в правильной или неправильной оценке прошлого. Пусть это покажется странным, особенно для тех, кто уже

по горло сыт критикой сталинизма и считает, что эту критику следует прекратить, переноса внимание на брежневизм, а еще лучше на недостатки современного, «горбачевского развития», я придерживаюсь иной позиции. Многие, если не все наши беды сегодняшних дней проистекают от того, что мы не разобрались как следует ни со сталинизмом, ни с брежневизмом, ограничиваемся их поверхностной критикой, а потому и наши меры, предпринимаемые для преодоления брежневского застоя (а брежневизм — лишь ослабленное издание сталинизма) не дают должного результата, что само по себе выступает уже как недостаток «эпохи Горбачева», когда критики и разговоров, пожалуй более чем достаточно, а позитивных сдвигов, особенно социально-экономических, почти что нет.

Хочу аргументировать свою позицию. Сразу же обращаю внимание на следующее: каждый раз, когда проводимая сегодня политика не давала ожидаемых результатов, «спотыкалась» о неудачи, официально изменялась вчерашняя позиция. Так, в самом начале обновления — накануне XXVII съезда КПСС и на самом съезде, где говорилось о замедлении нашего прогресса, в качестве новой генеральной линии партии была выдвинута вовсе не перестройка (хотя и это слово употреблялось), а *ускорение социально-экономического развития*. Именно это слово первым (до перестройки и гласности) вошло без перевода в зарубежные языки. Но многие, в том числе и официальные идеологи, сегодня делают вид, будто не помнят (или хотят забыть) те баталии, которые были тогда связаны с расчетами (особенно академика Аганбегяна) о возможных темпах предстоящего ускорения — 7,5 или 3%? Все это происходило на общем фоне признания прошлых упущений, а позже и торможения социально-экономического развития.

На январском Пленуме ЦК КПСС 1987 г. уже широко говорилось о перестройке как условии социально-экономического ускорения, о предкризисном состоянии советского общества и о механизме торможения, о чем, как мы хорошо помним, и речи не было на XXVII съезде партии. Еще позже, когда уже была не только изложена и принята концепция перестройки, но и стали практически проводиться сначала экономическая, а затем и политическая реформы (1988 г.), опять таки обнаружилось, что существенных практических сдвигов в социально-экономическом положении страны все нет и нет, появилось нечто новое — признание *кризиса советского социализма* и отставания партии в перестройке своих рядов.

Вся эта идейно-политическая эволюция, видимо, и воспринимается как отсутствие концепции перестройки, чем и стараются объяснить обнаружившуюся сегодня неудачу вчерашних мер, видят первопричину противоречивого и малорезультативного хода перестройки. Однако, мне кажется, более правильным будет иной подход: вся эта эволюция — бесспорное свидетельство двух обстоятельств. Во-первых, в ней, конечно же, выражается если не ошибочное, то не совсем полное, а значит и не совсем правильное понимание и соответствующую

шая оценка действительного состояния советского общества к середине 80-х г.: мы все вновь и вновь, «спотыкаясь» о неудачи осуществляемых мер, убеждаемся в том, что прошлое нам оставило такое наследие, которое вчера мы не «заметили», но которое сегодня обнажилось после принятых вчера мер, а завтра мы натываемся на новые препятствия. И так день за днем, шаг за шагом.

Во-вторых, было бы слишком просто считать такое положение результатом только «отсутствия разработанной концепции перестройки». Не нам, прошедшим тяжелую идейно-политическую «школу» сталинизма и брежневизма, забывать о том, что социальное познание, тем более связанное с оценкой итогов деятельности большевистской партии — область острейшей не только научной, но и идеологической борьбы со всеми присущими ей угрозами, ярлыками и отлучениями. Конечно же, так не должно быть, но пока так есть. И поэтому вина за возможные теоретические просчеты, неточности и неправильности лежит не столько на творцах концепции перестройки, сколько на идеологических охранителях «чистоты теории». Это их действия, их давление и их здоровый или нездоровый консерватизм ответственны за неполноту, непоследовательность и ущербность официальной теории.

Многие обществоведы и публицисты боятся признать ту азбучную истину, что в партии на всех уровнях, в том числе в Секретариате и Политбюро ЦК заседают разные люди, с разным кругозором и образованием, не одинаковым личным опытом, с неравными умственными способностями, знаниями, с неодинаковой гибкостью ума и возможностями диалектически мыслить. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и подходы разных руководителей к одним и тем же вопросам, — скажем, к оценке сделанного большевистской партией в прошлом, могут быть не одинаковыми. В этом нет не только ничего страшного, но и ничего плохого: многообразие мнений, подходов — это бесценный мыслительный резервуар, позволяющий вырабатывать наиболее взвешенные общепартийные подходы.

Чтобы не быть голословным, приведу оценки М. Горбачевым и Е. Лигачевым нашего наследия, того строя, который в прошлом построили большевики. Выступая с докладом на февральском Пленуме ЦК КПСС 1988 г. Е. К. Лигачев с явным неодобрением говорил: «Кликушествуя над историческим наследием советской эпохи, договариваются до того, что мы, дескать, построили не тот социализм». М. С. Горбачев, выступавший на том же Пленуме ЦК КПСС с речью, тоже обратился к вопросам наследия и, говоря о созданном строе, предлагал «очистить его от наслоений и деформаций», «от всего того, что сковывало общество», мало того — «придать новое качество социалистическому обществу». Как бы полемизируя с кем-то, М. Горбачев говорил: «Мы видим — кое у кого возникла сумятица в умах: не отступаем ли мы с позиций социализма...? Не мудрено, что уже появились и «защитники» марксизма-ленинизма, плакальщики по социализму, считающие, что и то и другое под угрозой». И еще: «Нет, от

социализма, от марксизма-ленинизма, от всего, что завоевано и создано народом, мы ни на шаг не отступаем. Но мы решительно отказываемся от догматического, бюрократического и волюнтаристского наследства, ибо оно не имеет ничего общего ни с марксизмом-ленинизмом, ни с подлинным социализмом»².

Все это говорит о том, что познание социальных процессов осуществляется в ходе дискуссий, открытой или скрытой социальной борьбы, а значит и сама официальная концепция (в данном случае, перестройки) — вовсе не чистый продукт чьего-то индивидуального сознания.

Короче говоря, суть в следующем: причины неудач перестройки не только субъективны, но и объективны, причем, главное — не в разработанности концепции перестройки, а в социальных силах, препятствующих и разработке научной концепции перестройки и самому ходу перестройки. Отсюда и общий вывод: перестройка в советском обществе идет так, как она только и может идти в сложившейся ситуации. У такого ее хода есть и объективные, и субъективные причины.

Однако не будем фаталистами, видящими во всем наперед заданную предопределенность. Ведь в каждой ситуации, при данном соотношении объективных и субъективных условий и имеющейся расстановке общественно-политических сил есть разные варианты развертывания исторических событий.

Поскольку я, как и многие другие обществоведы, сторонник более глубокого осмысления всего происходящего в нашем советском обществе, то считаю нужным подчеркнуть, что для такого более глубокого коллективного осмысления в нашем теоретическом арсенале, как мне представляется, не хватает двух вещей: научного понимания глобальных проблем развития общества — прогресса и регресса в нем, и второе — конкретного понимания сути того социально-экономического устройства, которое нам досталось по наследству и которое как раз и не поддается нашим усилиям по его глубокой перестройке из нынешнего состояния в действительный социализм.

Мобилизационная экономика — материальная основа тупиковой эволюции

Думаю, не будет преувеличением сказать, что наше самое общее, или философское, представление о развитии общества, о движении социума, все еще сковано прежними догмами. Мы все еще мыслим его как фатально предопределенный однолинейный процесс движения от одной общественно-экономической формации к другой, более высокой, процесс, где не только отдельные люди, но и целые общества обречены реализовать раз и навсегда предначертанный им путь перехода от первобытной общины к рабству, затем феодализму и капитализму, а от него ко всеобщему светлому будущему — коммунизму. Нет

надобности доказывать, что такое фаталистическое понимание, хотя и ссылается на марксизм, не имеет ничего общего с действительными взглядами К. Маркса, считавшего, что его учение глубоко чуждо представлениям о «роковом пути», якобы уготовленном всем народам и странам, заявлявшего, что люди не только актеры, но и авторы собственной драмы — человеческой истории, а значит они всегда способны «переписать» разыгрываемый ими сценарий.

Однако, отказываясь сегодня от этого фатализма, еще недавно питавшего тот самый «исторический оптимизм», согласно которому, что бы ни сделали буржуа и как бы ни ошибались коммунисты, общество все равно совершит переход от капитализма к коммунизму, нельзя ограничиваться полумерами, а именно: нельзя представлять себе общественный прогресс также и в виде бесчисленных вариаций в рамках в общем закономерного и неизбежного для всех народов движения вперед, поскольку при наличии общего русла поступательного общественного восхождения есть в нем и тупиковые линии, ведущие «в никуда». Ведь миру известны многие цивилизации, канувшие в Лету именно потому, что они по тем или иным причинам зашли в тупики, оказались в таких «нишах истории», выйти из которых и вернуться в общее русло поступательного развития человечества им оказывалось уже не под силу, а общечеловеческих сил для такой помощи тогда не было.

Но если история — это не предопределенный для всех народов, прямо-таки «роковой» путь прогресса, а путь, где прогресс — только одна из линий, наряду с регрессом, где налицо не только в конечном счете возобладающее русло поступательного развития человечества, развития, могущего быть — особенно в современных условиях — прерванным, прекращенным термоядерной или экологической катастрофой, если в реальной истории существуют и тупиковые линии, безвозвратные «исторические ниши», то это значит, что целая сумма проблем, связанных с таким пониманием общественной эволюции до сих пор оказывалась вне внимания, вне научного исследования. В самом деле: разве марксисты могут похвалиться исследованием социальных причин гибели многих ранее существовавших цивилизаций, или пониманием безвозвратных «исторических ниш», или же, наконец, сути исторических тупиков и путей выхода из них.

Почему обо всем этом я веду речь?

Дело в том, что современное советское общество, по моему мнению, находится в одном из таких тупиков исторического развития и без осознания этого трудно рассчитывать и на правильное понимание всего происходящего, а главное — на успешное возвращение советского общества (и не только его) в общее русло поступательного развития человечества.

Нужно сразу же подчеркнуть, что сама по себе проблема тупиков и «исторических ниш» в общественной эволюции — весьма важная и принципиальная проблема, ибо она заставляет задуматься (тем более в условиях резкого увеличения роли сознательности в общественной

эволюции), насколько непогрешима концепция линейного прогресса, не является ли схема поступательной смены общественно-экономических формаций логически обобщенным спрямлением действительного хода истории, не может ли в наше время активная и организованная деятельность масс «поломать» эту схему, создать общественно-экономические устройства, не укладывающиеся в нее и являющиеся «ростками» иных линий общественной эволюции? К сожалению, советское обществоведение почти не интересуется этими проблемами.

А ведь именно в Советском Союзе так сложились обстоятельства, что длительное существование советского общества в особой обстановке, его развитие в чрезвычайных условиях, требовавших мобилизации всех социально-экономических сил для выживания, обусловили то, что именно здесь начала складываться и в конце концов сложилась феноменальная **МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА** как материальная основа тупиковой эволюции нашего общества. Такая экономика явилась важнейшим продуктом сталинизма, предопределившим тупиковое направление эволюции не только «первой страны социализма», но и скопировавших эту модель стран Европы и Азии.

Разумеется, все это случилось не в один день, причем не преднамеренно, более того, вопреки желаниям творцов тупиковой мобилизационной экономики — этого весьма своеобразного феномена XX столетия. Не будет преувеличением сказать, что тупиковое направление эволюции, представленное мобилизационной экономикой, созданной как средство скачка, как условие быстрого прогресса, составляет как раз тот исторический парадокс, который до сих пор не получил должной оценки и объяснения.

Дело в том, что сталинизм как определенная жестко управляемая социально-экономическая структура, как своеобразный тупиковый общественный строй мог сложиться и утвердиться, лишь разрушая не только капиталистические, но и общечеловеческие (общецивилизационные) основы естественно-исторического прогресса, замещая их своими, тупиковыми.

В экономическом фундаменте сталинизма (а часто также и его зарубежных подобию) лежит «мобилизационная экономика» как определенный искусственно созданный тип сознательно-организованного производства, как экономика, способная увести общество с естественно-исторического пути развития и завести его в тупик и даже «историческую нишу», из которой самостоятельно ему уже не выбраться. Главная черта и главный порок мобилизационной экономики, определяющие все другие ее недостатки, заключается в ее изначальном антигуманизме, в ее общей нацеленности не на удовлетворение жизненных потребностей человека (населения страны), а на решение чрезвычайных задач, родившихся не в самой экономической жизни общества, но привнесенных в нее. Именно отсюда вырастают все ее следствия, которые подобно метастазам поражают другие стороны общественного организма. Все это неизбежно деформирует экономическое развитие, придает всей экономике уродливый вид, однобокий ха-

ракти, сначала затрудняющий осуществление нормального расширенного производства, а затем — в ряде случаев, — даже реализацию простого воспроизводства.

Поясним это историческим примером. В Советском Союзе мобилизационная экономика сложилась не в один день. Процесс ее формирования в период «военного коммунизма», хотя и породил определенные негативные последствия, не только не был доведен до конца, но и подвергался решительному разрушению в результате ленинского поворота к нэпу, — знаменовавшего собой, пожалуй, единственный этап здорового естественного прогресса советской экономики.

Но этот этап тоже был непродолжительным: с конца 20-х гг. начинается новый поворот — «коренной перелом» — от естественно-исторического прогресса к разрушению его основ и формированию типичной мобилизационной экономики. С этого времени И. Сталин самыми жесткими методами мобилизовывал советскую экономику на быструю модернизацию и индустриализацию страны, затем были чрезвычайные задачи мобилизации всех сил на ведение войны, позже на восстановление разрушенного войной народного хозяйства. После смерти И. Сталина его преемники поставили амбициозную цель — догнать и перегнать капитализм (сначала по валу, а затем по производству на душу населения), создать экономический фундамент для претенциозной (в ряде случаев заносчивой) внешней политики, подobaющей, как считалось, одной из двух супердержав.

При всех широковещательных заявлениях о мире и миролюбии советское руководство, следовавшее при И. Сталине концепции мировой социалистической революции и решающей роли в ней могучего Советского Союза, после его смерти, когда был разоблачен его культ, осуждены беззакония и массовые репрессии, т. е. когда *внутренний страх* перед «врагами народа» уже не являлся важнейшим мобилизующим фактором, пошло по пути его замены *внешним страхом*, запугиванием опасностью империалистической агрессии (благо примеров было более, чем достаточно). Все это позволяло десятилетие за десятилетием сохранять и отрабатывать мобилизационную экономику с присущей ей командно-административной системой управления, ставящую в центр своих усилий не потребности человека, а престижно-амбициозные цели поддержания, если не преимущества, то военно-стратегического паритета СССР и США, Варшавского договора и НАТО.

Так шаг за шагом ненормальности сплавились в ранее невиданную, но единую систему связей и отношений, когда не за один год и даже не за десять лет, а за многие десятилетия (в Советском Союзе мобилизационная экономика с командно-административной системой управления и соответствующими перекосами производственного процесса функционирует уже шестьдесят лет) уродства, извращения и перекосы приобретают *естественный* характер, а их разрушение не может не быть очень болезненным, ибо сложившиеся механизмы намертво врастают в общественный орга-

низм. В чем же заключаются эти стопорящие механизмы, превращающие мобилизационную экономику в фундамент тупикового направления социально-экономической эволюции? Чтобы их выделить, нужно определить, где и как, а главное — каких черт и механизмов естественно-исторического прогресса лишается такое тупиковое общество? Уже сегодня таких «стопорящих механизмов», делающих невозможным естественно-исторический прогресс подобных обществ, можно назвать по меньшей мере три.

1. Вряд ли кто будет отрицать, что главным, если не единственным источником саморазвития человеческой цивилизации на данном этапе является постоянно возобновляющийся и становящийся все более эффективным *труд человека, людей, общества*. Но чтобы человек, люди, общество таким образом трудились, обеспечивая прогресс, необходим *интерес*, необходима *личная заинтересованность* всех участников в таком труде, развитии производства. Все это — азбучные истины, но их приходится повторять. Еще Гете писал: «Истину нужно повторять постоянно, так как вокруг нас постоянно проповедуют заблуждения».

В том и заключается одна из наиболее характерных черт мобилизационной экономики, объясняющая ее тупиковый характер, что она постепенно лишает своих участников интереса к такому труду и именно этим заводит общество в тупик, в «историческую нишу». Почему и как это происходит?

Прежде всего потому, что в подобных обществах постепенно отмирает интерес к эффективному труду у непосредственных производителей, ибо они год за годом, более того — десятилетие за десятилетием обречены действовать в условиях, когда материальное вознаграждение за труд не соответствует (и не может соответствовать) качеству, количеству и интенсивности труда. Это несоответствие обусловлено тем, что, решая свои особые очередные задачи, ради которых «мобилизовываются» ресурсы, возможности общества, мобилизационная экономика должна изымать создаваемые трудом общественные богатства в масштабах, оставляющих для самих трудящихся только то, что достаточно лишь для уравнительного распределения в целях поддержания физического существования производителей.

Когда в силу модернизации и индустриализации создаются объективные условия — наличие необходимой индустриальной базы и объем общественного богатства, уже позволяющие стимулировать труд в соответствии с его количеством и качеством и в зависимости от его интенсивности, этого не происходит чаще всего по трем причинам.

Первая может быть названа как «инерционный эффект», а, как известно, сила инерции — страшная сила в общественной жизни. Мобилизационная экономика в Советском Союзе (исторически первая среди подобных в странах реального социализма, но не последняя, ибо другие страны в основном повторили этот путь) складывалась как средство индустриализации и модернизации страны, а ее ключевым

вопросом являлся вопрос изыскания средств для первоначального накопления.

Решение этой задачи здесь осуществлялось таким путем, что комплекс производств группы А создавался не в связи с потребностями производств группы Б и не в соответствии с этими потребностями, а как самоцель. Тогда была создана система связей и отношений, обеспечивающая развитие всей экономики с упором на развитие производств группы А, новые цели — подготовка к обороне страны, ведение изнурительной войны после утраты важнейших промышленных районов и послевоенное восстановление народного хозяйства, продолжаясь десятилетия, закрепили как постоянно самовоспроизводящую структуру производства, нацеленную на приоритетный рост производства средств производства, что было объявлено И. Сталиным, если не объективным законом, то во всяком случае незыблемым условием социалистического прогресса. Ни для кого не является секретом, что производственный цикл, замыкающийся на преимущественный рост производства средств производства (группа А)³, а значит так или иначе принижающий или даже пренебрегающий развитием группы производств, создающих предметы потребления, т. е. средства жизни человека (группа Б) — в принципе антигуманный производственный цикл, все вновь и вновь воспроизводящий дефицит предметов потребления, низкие возможности для удовлетворения насущных потребностей трудящихся, не позволяющий обеспечить распределение действительно по труду. Разбить, разрушить такую структуру воспроизводства — чем дальше, тем становится труднее: налаженные связи, разделение труда, кадры и многое другое легче воспроизводить в прежнем виде, чем ломать и перестраивать, нарушая сложившиеся традиции. Однако дело не только в силе инерции, в выработанной системе, ставшей традиционной, ибо есть для этого и другие причины.

Вторая причина сохранения исходной черты мобилизационной экономики — амбиции руководителей. Каких бы результатов в индустриализации и модернизации страны ни достигло общество в ходе начального «скачка», обеспеченного такой экономикой, всегда сохраняются неудовлетворенные амбиции руководства, жаждущего войти в историю в качестве создателя могучей державы, творца ее впечатляющей мощи, даже если пьедесталом для этого «подвига» являются не загубленные жизни соотечественников, а загубленная радость их жизни.

Как известно, идол престижа — прожорливое чудовище, требующее все новых и новых подношений. Как раз сюда и направляются те или другие возникшие накопления или излишки (по отношению к тем объемам национального богатства, которые шли на прежние формы оплаты труда). Разумеется, что по мере роста бесхозяйственности, растраниживания бюрократией национальных и народных богатств, по мере все более явственного обнаружения многочисленных фактов хозяйственного идиотизма и огромного материального ущерба, появляется еще одно ненасытное чудовище, пожирающее значи-

тельную часть производимых богатств, национального дохода. И опять-таки для латания подобных дыр оказываются необходимыми меры, общим итогом которых является уменьшение тем или иным путем размера общественного богатства, идущего на оплату труда.

Третья причина консервирования исходных структур состоит в том, что в обществе, основывающемся на мобилизационной экономике, отсутствует должный механизм распределения, ибо для уравнительного дележа той доли общественного богатства, которая здесь направляется для поддержания физического существования, не нужна сколько-нибудь развитая система товарно-денежных отношений, обеспечивающая более или менее адекватный учет меры труда и меры потребления, их соответствие. Попытки же осуществлять распределение по труду при посредстве командно-административной системы неизбежно приводят к нарушениям и перекосам, что, хотя и в меньшей мере, но продолжает подрывать материальные стимулы к труду.

Эти рассуждения легко проиллюстрировать опытом СССР: вряд ли кто будет опровергать правильность этого рассуждения к периоду после года «великого перелома» — 1929 г. — и до начала мирной жизни после Отечественной войны. Именно в этот период советской истории был нанесен тяжелейший, если не смертельный, удар по материальным стимулам к труду как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

Очевидно, что с определенного этапа эту личную заинтересованность в эффективном труде непосредственных производителей (и крестьян и рабочих) «власть имущие» компенсировали внеэкономическими мерами: сначала спекулируя на вере масс в социалистическое строительство, призывая трудящихся активнее «трудиться на себя», используя впервые завоеванную возможность создавать строй, служащий человеку труда. И эта спекуляция давала свои результаты в соревновании и ударничестве тех лет. Но скоро стало очевидно, что этого мало. Обнаружилась возможность подключить к этому трудовые армии, армии «зэков», включить в дело наказания, репрессии и страх. Репрессии и террор превращаются в органическую часть становящегося казарменного социализма, а концлагеря и гугаги — необходимым условием экономического прогресса. «Гораздо страшнее то, — писала «Комсомольская правда», — что система делала своими противниками (хотя и называла их уголовными преступниками, а по существу рабами) большую часть населения: нужны были дармовые рабочие руки. Отсутствие экономических стимулов, торжество утопии в организации экономики — вот причины, по которым страна покрывалась лагерями»⁴.

Но для осуществления новых «стимуляторов» необходим был, помимо всего прочего, огромный репрессивный аппарат, армия управляющих, администраторов, способных своими «организующими» действиями в условиях растущего общего страха компенсировать отсутствующие материальные стимулы к труду.

Но сами администраторы должны были быть верными проводниками этой политики, глубоко чуждой ленинизму. Ленинская гвардия для этого не годилась. Она была (хотя и не по этой только причине) истреблена и заменена новой «сталинской гвардией», т. е. слоем руководителей-администраторов, выдвигавшихся уже по принципу личной преданности «вождю всех народов», сплотившихся на основе беспринципной борьбы против ленинской гвардии и возглавлявших созданную Сталиным командно-административную систему с ее номенклатурным принципом.

Кнут и пряник, запугивание и подкуп были основными способами руководства Сталина, в том числе и внутри высшего эшелона власти, где на приближенных диктатора обильным потоком проливались отобранные у народа блага. «Это было знамение времени, — писал Камил Икрамов. — Стерев самую память о партмаксимуме, Сталин покупал, подкупал, разлагал своих сподвижников, коммунистов-руководителей в центре и на местах. Чем больше крови проливал он, тем важнее было ему создавать вокруг себя касту, живущую не так, как народ, а так, чтобы в эту касту рвались за всякими благами»⁵. Эта каста, все больше и больше отрывавшаяся от народа и превращающаяся в высший эшелон партийно-государственной бюрократии, узурпировав власть и собственность, стала главной командной силой в стране, «организовывающей», а в сущности тем или иным способом принуждавшей непосредственных производителей за нищенскую компенсацию реализовывать амбиции «вождя всех народов», восхваляя при этом его мудрость и гениальность.

Так организованная мобилизационная экономика утилизировала для своего упрочения, а вместе с тем для укрепления деспотической власти И. Сталина и его окружения многое, казалось бы, сюда не относящееся: бедность и неграмотность масс, веру и доверие народа. Так бедность страны служила не только тому, что самая примитивная уравниловка воспринималась как реализация социального равенства, но и тому, что большой разрыв в условиях и образе жизни самых низших слоев населения и высших представителей руководства, внешне подчеркивавших скромность своего бытия, порождал страстное желание любыми средствами (в том числе и бесчестными) вырваться из нищеты, уйти от голода или подняться на одну-две социальные ступеньки выше.

Это было одним из важнейших факторов упрочения мобилизационной экономики, ибо создавало огромную армию людей, способных тем или другим способом поставить себя на любую службу создаваемой системе и ее функционированию. Неграмотность являлась условием не только подчинения масс самой вульгарной демагогии, насаждавшемуся культу сильного вождя, но и стремления каждого к грамотности и образованию, в силу чего даже преодоление неграмотности вызывало благодарность и признательность масс и т. п. Все это по-своему сплавлялось в ранее невиданную, но единую систему связей и отношений, где разные уродства в экономике, извращения в

политике и идеологические пластыри были прочно подогнаны друг к другу, соединены в нерасторжимое целое, словно вылитое из одного куска стали.

Таков первый стопорящий механизм.

2. Невозможно опровергнуть, что важнейшим условием общественного прогресса при производительном труде населения во всех обществах является *рачительное хозяйствование*, т. е. наличие хозяина, ведающего производством, заботящегося о его соответствии общественным потребностям, рациональности и эффективности. Это — элементарное общечеловеческое условие естественно-исторического прогресса, и именно оно было разрушено при создании мобилизационной экономики. В результате ликвидации частной собственности в советском обществе вообще исчезли действительные хозяева средств производства, что привело к небывалой бесхозности земли и воды, недр и лесов, шахт и рудников, фабрик и заводов, а это, неуклонно усиливая общественность, шаг за шагом вело к неминуемому развалу всего общественного производства.

Вот два подтверждения — одно из сферы промышленности, другое — сельского хозяйства.

Газета «Правда» в начале 1989 г. писала: «По данным Госкомстата, на 1 января 1989 г. в нашей стране скопилось неустановленного оборудования на сумму свыше 14 млрд.руб., в том числе импортного — более чем на 4,6 млрд.руб. Причем за прошлый год рост остатков составил соответственно 11 и 8 %»⁶. Вдумаемся в эти цифры! Вспомним: Верховный Совет СССР и правительство с огромным трудом изыскивали 2 млрд.руб., необходимых для увеличения минимальных пенсий пенсионерам, а в это время 14 млрд.руб. народных денег лежали и ржавели мертвым грузом в качестве заказанных бюрократами средств производства, за которые бюрократия уже получила премии, ордена, зарубежные командировки и т. д., а теперь все это оказалось ненужной затеей, за которую должен расплачиваться трудовой народ.

А вот несколько красноречивых фактов о сельском хозяйстве. Известный советский экономист-аграрник, доктор экономических наук Буздалов в статье «Больше нельзя медлить» пишет о бесхозности земли и ее порче не только мелиораторами. «Еще страшнее то, — говорится в статье, — что ныне обрабатываемые земли, будучи лишены хозяина, непосредственно заинтересованного в постоянном их улучшении, катастрофическими темпами теряют свое плодородие: запасы гумуса в почве, в том числе на черноземах, уменьшились за последние 30 лет в ряде районов страны на треть и более того. Выяснилось: то, что мы упорно приписывали капитализму, а именно — хищническое отношение к земле, да и к природе в целом, — присуще нашей системе хозяйствования, а точнее — бесхозяйствования на земле»⁷. Таковы результаты уничтожения хозяев средств производства в мобилизационной экономике.

Конечно, внешне в пропагандистском плане и многочисленных газетных клише мобилизационная экономика выглядела по другому: хозяевами средств производства объявлялись трудящиеся, а их главным стимулом к труду провозглашалось осознание самого труда как труда на себя. Однако в действительности положение было совершенно иным: сталинские псевдосоциалистические преобразования действительно ликвидировали юридическое право частной собственности на средства производства, с ее хозяйским отношением к созданным богатствам и самому труду, с присущей ей частной и личной заинтересованностью в умножении общественных богатств. Эти преобразования шаг за шагом вели к тому казарменному социализму, суть которого в свое время была глубоко раскрыта К. Марксом как результата преждевременного упразднения частной собственности, которая, устраняясь юридически, формально, заявляет о своем существовании в многочисленных фактах пренебрежения личностью человека, в его угнетении и эксплуатации общественным капиталом.

И все же в сталинском казарменном социализме была своя специфика: общественный капитал, который, согласно Марксу, при казарменном социализме наследует функции частного капитала, здесь выступал как капитал, сосредоточенный в руках государства (общественной организации, государственного предприятия, совхоза или колхоза) и управляемый прямо или косвенно партийно-государственной бюрократией, возглавляемой И. Сталиным и его окружением. Непосредственные производители здесь по-прежнему отчуждены от средств производства, ибо они так же, как и при капитализме, могли только использовать эти средства производства в процессе труда, но вовсе не владели ими, не были их собственниками, ибо трудящиеся не управляли производством, не распоряжались средствами производства и его результатами ни при создании новых предприятий, ни при распределении созданного ими прибавочного продукта.

Таков второй стопорящий механизм, прочно привязывающий мобилизационную экономику к тупиковому направлению эволюции. Совершенно очевидно, что общественное производство, в котором, с одной стороны, нет внутренних стимулов к труду, а с другой — нет реальных хозяев средств производства, пекущихся о развитии экономики — тупиковое производство, обреченное на прозябание и разложение.

3. Трудно оспорить и то, что весьма существенным условием поступательного развития любого общества, является такое его состояние, при котором приверженцы прогресса в общем балансе возобладают над его противниками; в ином случае движение вперед невозможно, а эволюция превращается в движение по кругу. Мобилизационная экономика характеризуется тем, что здесь формируется и утверждает свое господство *крупнейшая консервативная сила — партийно-государственная бюрократия*, находящаяся в мобилизационной экономике и связанном с ней казарменном социализме свой тщательно скрываемый социальный идеал (только в рамках казар-

менного социализма обеспечивается ее всевластие). Поэтому эта бюрократия нерушимо стоит на страже незыблемости подобных порядков. Это — главное препятствие, активно и сознательно действующее против любых попыток вывести существующее социально-экономическое устройство из исторического тупика, вернуть его на путь прогресса.

Противоречие между народными массами и партийно-государственной бюрократией — ключевое противоречие казарменного социализма сталинской разновидности, но в этом противоречии разные его стороны играют не одинаковую роль. Часть непосредственных производителей здесь тоже оказывается удовлетворенной присущей строю уравниловкой и выводиловкой, ибо с их помощью получает больше, чем зарабатывает на деле, и это делает эти группы населения опорой подобного строя, силой, консервирующей его. И все же именно партийно-государственная бюрократия, управляющая таким обществом и организующая его производство в своих корыстных интересах — разумеется, прикрываясь фразами о реализации долговременных интересов трудящихся — является как раз той социальной силой, которая в противоречии «народные массы — бюрократия» выступает стороной, наиболее удовлетворенной казарменным социализмом (это ее социальный идеал), а потому она является консервативной, удовлетворенной стороной противоречия, препятствующей его разрешению.

И все же такое общество не мертво, оно не остается всегда себе равным: достаточно обратиться к советской истории, чтобы убедиться в том, что советское общество, оказавшись на тупиковой линии эволюции, при Л. И. Брежневем было иным, чем при И. Сталине. Какой бы внутренне сбитой и подогнанной не выглядела эта тупиковая мобилизационная экономика, она тоже, хотя и по-своему, подчинилась и подчиняется тому принципу, который сформулировал Гераклит, сказавший: «все течет, все изменяется». Однако это была эволюция особого рода: здесь вовсе не совершался обычный поступательный процесс перехода от низшей ступени к высшей. Нет, общество все больше утрачивавшее естественные стимулы к труду, не прогрессировало, а как бы свертывалось, уходило в себя в поисках внутренних ресурсов, «проедая» условия роста, закрепляясь все на той же тупиковой линии эволюции.

Его руководящие кадры, не понимая сути общества, которым они управляли, не раз брались за реформы, но всякий раз они не затрагивали основы механизмов тупиковой эволюции, ибо они искали не способов возрождения интереса к труду и передачи средств производства трудящимся, не путей устранения бюрократии, а занимались поисками средств для поддержания, а значит консервации уже созданных структур, выдаваемых за социалистические. Делались попытки тем или иным способом увлечь и «задобрить» массы, неизбежно становившиеся иными, не желавшими уже мириться с тяготами жизни: сначала были «стройки коммунизма» и ежегодное снижение цен на продовольствие, потом было «развернутое строительство коммуниз-

ма» и массовое жилищное строительство, а затем — уже у предела — посредством распродажи национальных богатств (нефти и газа) делалась попытка создать «развитой социализм» как советский вариант «общества благосостояния» и т. д. Такая эволюция мобилизационной экономики не только не могла вывести ее из тупика, но, напротив, все сильнее сковывала ее элементы на этом опасном пути.

Особенно важно то, что под властью сталинского деспотизма или сходных форм тоталитаризма было разрушено еще только зарождавшееся в условиях нэпа гражданское общество социалистического типа как объективная взаимозависимость независимых членов общества, граждан. А ведь именно гражданское общество, — с того времени, когда были разрушены сословные деления и ограничения, сопряженные с личной зависимостью и внеэкономическим принуждением — стало не только ареной открытого выражения и противоборства интересов, но и главной колыбелью быстрого естественно-исторического прогресса.

Новые «вертикальные структуры» государственно-бюрократической иерархии, командно-административной системы, которые создал сталинизм и его зарубежные близнецы и наследники, до основания разрушили фундамент формировавшихся или существовавших раньше гражданских обществ и создали тоталитарные порядки, при которых место, роль и условия жизни каждого человека определялись не его личными качествами, способностями и трудолюбием т. е. не тем, что он делал и мог сделать для общества и для себя, а той общественной нишей, которую ему по должности предоставлял режим, зачастую не зависимо от его общественно-значимых личных качеств и способностей, а порой и в прямом противоречии с ними.

Тоталитарная система, управляемая бюрократией, упраздняя гражданское общество, стимулирует только чиновничество и карьеризм, но она не только не стимулирует способности и таланты граждан, а прямо-таки нацелена на их искоренение, усреднение, нивелировку, на ту самую страшную уравниловку, для которой каждая возвышающаяся голова должна быть, если не усечена, то низведена до общего уровня, до общепринятого ранжира, до серого прозябания.

Общество, столь безжалостное к способностям и талантам своих граждан, обречено на стагнацию и вырождение не только потому, что оно лишается способности адекватно реагировать на объективное усложнение условий своего существования, но и потому, что невежество, безмыслие, серость во всех сферах жизни стопорят развитие, а также потому, что они становятся интеллектуальной основой бескрылого труда и катастрофической бесхозяйственности, перерастающей в хозяйственный идиотизм.

Таков третий механизм, привязывающий рассматриваемое общество к тупиковой, деградирующей линии эволюции.

Конечно же, нарисованная картина жизни советского общества на материальном фундаменте мобилизационной экономики не может подкрепить столь привычный «исторический оптимизм». Но возника-

ет вопрос: уместен ли он сегодня? Ведь если присмотреться к тому, что происходит вокруг, разве скажешь: «Жить стало хорошо, жить стало веселее, товарищи!»? И все же одного признания существующих трудностей сегодня уже недостаточно, тем более для ответа на главный вопрос: «Почему так идет перестройка?» Если нарисованная здесь картина близка к действительности и не вызывает оптимизма, то еще более печально другое: общество до сих пор не верно оценивает свое состояние, не понимает того, что оно находится в социально-экономическом тупике! Каждый из нас внимательно следил за работой II Съезда народных депутатов, знаком с правительственной программой чрезвычайных мер выхода из... кризиса. Однако кризис и тупик — это не одно и то же! И дело не только в том, что достаточное для выхода из кризиса, далеко не достаточно для выхода из тупика. Важнее другое: для выхода из кризиса нужно идти в одном направлении, из тупика — в другом.

Никому и никогда не удавалось выйти из тупика, стремясь найти дорогу вперед, ибо из тупика единственный путь к прогрессу через возвращение назад. Если нет этого понимания, нельзя и ожидать необходимых решений, обеспечивающих выход общества из тупика и возвращение его на путь естественно-исторического прогресса? Думаю, что ответ напрашивается сам собой. А ведь именно в этом — возвращении советского общества на путь естественно-исторического прогресса, а не в чем-то другом, и заключается, по моему мнению, главная задача перестройки. Только решив эту задачу, можно будет приступить к решению других, в том числе и к поднятию жизненного уровня населения. Кстати говоря, между этими задачами нет не только китайской стены, но и даже временного разрыва: если основная масса населения, преодолевая прошлое, станет эффективно трудиться, получая адекватное вознаграждение за свой труд, это будет означать одновременно и преодоление главного стопора поступательного развития и поднятие жизненного уровня основной массы населения.

Есть ли реальный выход из тупика?

Реальные выходы из тупиков общественной эволюции всегда зависели не только от внутренних, но и внешних обстоятельств. Уровень, достигнутый современной цивилизацией таков, что сегодня человечество вряд ли смирится с тем, чтобы какая-то его часть нашла свой конец в «исторической нише» (при всей остроте идейно-политических споров и разногласий, пронизывающих почти весь XX век, в этом столетии были накоплены также не только материальные, но и духовные общечеловеческие ценности, выработаны гуманистические подходы и критерии). Однако, здесь есть свои варианты: если спасенным из «исторических ниш» спасатели диктуют условия спасения и выживания, то из исторических тупиков народы, как правило, выбираются собственными усилиями.

Каковы же реальные пути выхода из рассматриваемого тупика? Решающим, если не единственным средством возвращения советскому обществу импульсов к прогрессу является разрушение всех его стопорящих структур посредством возвращения к тем предыдущим этапам развития, в которых существовали условия и стимулы прогресса. Короче говоря, надо вернуться назад, чтобы идти вперед. Без этого современное советское общество не сможет вернуть общечеловеческие стимулы, интерес к производительному труду, превратить трудящихся в действительных хозяев средств производства, т. е. необходимо устранить партийно-государственную бюрократию и полностью разрушить ее детище — мобилизационную экономику путем создания взамен ее гражданского общества с развитым товарным производством.

Что это означает конкретно?

Во-первых, когда сегодня в ходе перестройки нет-нет да и раздаются недовольные голоса тех, кто обескуражен, удивлен или даже возмущен медленным разворачиванием перестроечных процессов в экономике, которая как не давала, так и не дает трудящимся необдуманно пообещанных скорых благ, хочется по этому поводу сказать следующее.

Те, кто обещали скорые блага через 2—3 года, обещали их тогда, когда они рассчитывали на быстрое *ускорение* социально-экономического развития общества, еще не понимая, что без *перестройки всей советской экономики* не то что об ускорении, но и просто о поступательном развитии советской экономики не может быть и речи. Жизнь вскоре «ткнула носом» в реальность этих наивных оптимистов. Не следует думать, что ошибки этим ограничатся. Можно не сомневаться в том, что и сегодня, когда всем ясна необходимость глубокой перестройки советской экономики, всей жизни нашего общества, могут опять появиться преждевременные обещания, связанные уже с тем, что далеко не все приверженцы перестройки отдают себе отчет в том, что советское общество находилось не просто в состоянии социально-экономического застоя, но что это был *застой на тупиковой линии эволюции*. А возвращение из тупиковой линии социальной эволюции на естественно-исторический путь прогресса человеческой цивилизации, как уже говорилось, неизмеримо сложнее и труднее любого другого развития. Этого часто не понимают люди и с весьма широкими взглядами. И в этом нет ничего удивительного: широта взглядов не избавляет от узости мышления!

Во-вторых, многие экономисты и политики, занимаясь проблемами советского общества, говорят об «исключительности» нашей ситуации, которую они видят в тесном переплетении текущих трудностей (инфляция, бюджетный дефицит, нехватка продовольствия, дефицит потребительских товаров вообще и т. д.) и долговременных трудностей (научно-техническое отставание промышленности, крайняя неэффективность сельского хозяйства, бесхозяйственность, нежелание трудиться большей части населения и т. п.). Однако никакой «исклю

чительности» здесь нет, ибо только такими — комплексными, сочетающимися текущие провалы и долговременные завалы, — может характеризоваться застой на тупиковой линии общественной эволюции. Сами такие явления — лишний показатель непонимания существа нашего социально-экономического состояния, следствие непризнания того, что мы находимся в тупике.

И тем не менее сегодняшнее наше положение, по моему мнению, не безнадежно. Но только, если мы правильно поймем суть тупикового состояния и вместе с тем верно наметим систему чрезвычайных мер для выхода из него, для одновременного решения как самых неотложных вопросов, без чего перестройка, дискредитировав себя в глазах народа, может захлебнуться, так и долговременных проблем, которые нельзя не решать, ибо в их решении и смысл самой перестройки и главный выход из ситуации.

Я не собираюсь здесь формулировать конкретную программу необходимых чрезвычайных мер, это — дело специалистов-экономистов, теоретиков и практиков. Но хочу высказать ряд общих соображений.

Прежде чем конкретно говорить о возвращении из тупика, следует иметь в виду, что в любом случае, где речь идет о реорганизации, перестройке экономической жизни, о создании новой экономики, отличающейся от прежней, — это всегда сложный и достаточно болезненный для общества процесс. Он сложен потому, что одно качество приходит на смену другому, а болезненен оттого, что непосредственно сказывается на благополучии и судьбах миллионов, всех членов общества. Ведь создание новой экономики — не строительство нового дома, когда жители живут в старом, пользуясь его уютом, наблюдая со стороны за стройкой и ожидая, когда будет построен новый дом, а затем, радуясь новоселью, перебираются в него.

Новая экономика, как и новый строй всегда создаются из старого, а не рядом с ним, т. е. когда люди живут в этом обществе и не могут выйти из него, как пассажиры на остановке автобуса. Все трудности и тяготы подобной перестройки падают на членов общества.

Вот эта включенность людей в процесс создания новой экономики — главный амортизатор и замедлитель любых, самых скоропалительных и самых радикальных проектов. Переделывая общественную экономику, где живут и действуют люди, никакие революционеры не способны устранить того обстоятельства, что в новой экономике, идущей на смену старой, живут и действуют вчерашние люди со всеми своими естественными человеческими потребностями, интересами, привычками и предрассудками. Они-то и не позволяют «сразу и все» выбросить и «все сделать новым», смягчают, амортизируют перевороты, являются «мостами» преемственности.

Но в том-то и заключается особая сложность и особая трудность выхода из тупика, возвращения на естественно-исторический путь прогресса, что уже отмеченные трудности многократно умножены тем, что тупиковая линия эволюции связана как раз с разрушением

общечеловеческих механизмов прогресса экономики: здесь подорван интерес к производительному труду, отсутствует хозяин средств производства и хозяйское отношение к общественным богатствам, укоренилось управление, нацеленное на удовлетворение корыстных интересов самих управляющих, нет нормального гражданского общества и т. д.

Поскольку именно разрушение общечеловеческих механизмов прогресса является первопричиной тупиковой эволюции советской экономики, постольку именно в *восстановлении общечеловеческих механизмов общественного прогресса*, отсутствующих в мобилизационной экономике, и заключается, грубо говоря, главное условие возвращения советского общества из тупика на естественно-исторический путь прогресса.

Разумеется, простота вывода вовсе не равнозначна легкости практического решения этой задачи. Когда сегодня жизнь все настойчивее требует от философов, социологов, экономистов и политологов решительного поворота от критики И. Сталина, сталинизма, всех ошибок прошлого (разумеется, такую критику нельзя считать законченной!) к конструктивным, позитивным предложениям, к ответу на вопрос: каким же должен быть социализм, наше общество, приходящее на смену мобилизационной экономике казарменного социализма, не редко можно услышать раздраженные заявления, вроде: "Хватит нам утопий, хватит разных конструкций социализма! Люди сами разберутся, что им нужно!" Если подобные заявления не являются хитрым маневром, скрывающим надежды на заранее predetermined и желаемый исход такого «невмешательства», то они — свидетельство безнравственной теоретической импотенции, открытого признания своего нежелания помочь трудящимся, которых не без помощи подобных «смельчаков» завели в тупиковую ситуацию, где и хотят оставить, считая проявлением своей крайней смелости трусливое желание «умыть руки».

Но таким образом спрятаться, «спастись» никому не удастся. Если кто-то считает, что социализм советским людям не нужен, что, возвращаясь на естественно-исторический путь прогресса цивилизации, следует идти к капитализму, то одного такого желания здесь мало: тупиковая линия эволюции сама по себе не ведет к нему. Не желая решать проблемы тех, кто хотел бы пренебречь диалектической мерой возврата, а точнее, прямо-таки уповает на регресс, на реставрацию в нашем обществе капитализма, я хочу высказать некоторые соображения о том, что, по моему мнению, следует делать, учитывая диалектическую меру, т. е. добиваясь соразмерного возвращения советского общества на путь прогресса.

Во-первых, с моей точки зрения, чем дольше изучаемое общество эволюционирует по тупиковой линии, приближаясь к той исторической нише, из которой оно само уже не в состоянии выбираться, тем более далеко идущим должен быть осуществляемый им возврат к предыдущим этапам развития.

Практически это означает следующее: возвращая советское общество к предыдущим этапам его развития, нам нет никакой необходимости реставрировать капитализм, достаточно восстановить основные условия времен новой экономической политики. Это равносильно воссозданию хозяйственной многоукладности. Но поскольку нэпу предшествовал у нас «военный коммунизм» с его неоправданной «кавалерийской атакой» на капитал, крайне и неоправданно сужившей сферу частного и частнокапиталистического производства, а также в связи с тем, что мы возвращаемся из тупика не сразу после смерти И. Сталина, а после длительного тупикового развития в последующие десятилетия, особенно при Л. И. Брежнев и К. У. Черненко, подведшего нас к такой исторической нише, из которой нам собственными силами было бы уже не выйти, видимо, нам придется согласиться с более решительным возвратом к частным и частнособственническим стимулам труда, и к соответствующему хозяйскому отношению и к средствам производства и к общественным богатствам, к наиболее элементарным основам жизни независимых индивидов в гражданском обществе.

Если попытаться дать общее наименование той экономики, которая должна быть восстановлена и создана в Советском Союзе, воссоздана у нас, то ее можно обозначить как развитие товарное производство с единственным ограничением: поскольку это общество, стремящееся сохранить социалистическую перспективу, здесь рабочая сила, как правило (в главном, в подавляющей мере) не должна снова стать товаром. Этим будет поставлен заслон восстановлению эксплуатации, капитализма.

Во-вторых, осуществляемый советским обществом соразмерный возврат на путь естественно-исторического прогресса предполагает решительное разрушение всех механизмов, душащих прогресс. Практически это означает следующее: советское общество должно не только найти в себе силы для разрушения сковывающих его развитие основ всевластия партийно-государственной бюрократии, возвращая власть народу, самим трудящимся, но должно также отыскать противоядие против реанимации всевластия этой бюрократии в будущем.

Примечания

1 Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 151.

2 См.: «Коммунист», 1988, №4, сс. 7, 9, 56.

3 С определенного времени условия и формы развития всего комплекса производств группы А стало диктовать военно-промышленное производство, интересы создания и роста военно-экономического могущества страны, гонки вооружений и т. д.

4 «Комсомольская правда», 28.10.1989.

5 Камил Икрамов. Дело моего отца. - «Знамя», 1989, №5, с. 38.

6 «Правда», 5.03.1989.

7 «Неделя», 1989, №43, с. 2.

Три сцены из первого акта

Под этим названием читатель найдет статьи, написанные каждый раз под впечатлением исторической минуты; когда был обнародован «для всенародного обсуждения» текст политической реформы, предусматривающей схему: Съезд народных депутатов — Верховный Совет — Председатель Верховного Совета, т.е. ту структуру высшей государственной власти, при которой, в общем, мы живем и сейчас; когда отшумели выборы в марте и мы посмотрели телесериал I Съезда, затем произошла первая всесоюзная забастовка шахтеров, и вот к концу лета стало ясно, что перестройка (в принятом официальном значении этого метафорического термина) миновала свой пик и приблизилась к завершению, к полному исчерпанию прежних своих верхушечных партийных форм, лозунгов, маневров, не затрагивавших загнившего фундамента системы; когда, наконец, прогремели восточноевропейские революции, у нас же заявила о себе (но возникла ли?) парламентская оппозиция, II Съезд послушно отверг обсуждение «шестой статьи» и проголосовал за очередную самоубийственную административно-хозяйственную «пятилетку», а спустя всего несколько недель, после грандиозного митинга 4 февраля и схватки на пленуме ЦК КПСС, было решено «шестую» из Конституции исключить — и была принята межсезонная предсъездовская платформа....

Каждый из предлагаемых здесь откликов на конкретные ситуации сочинялся с лихорадочной быстротой, и каждый раз в нем отмечался — само собой, в меру разумения автора и всего лишь пунктиром — некий срез наплывавших друг на друга событий и умонастроений. Я нарочно не изменил ни слова. Читатель волен сам решить, что именно подтвердилось впоследствии и что оказалось неточным, повернулось иначе; какие пассажи теперь уже разве что занято просматривать в качестве страничек пожелтевшего политического дневника, а какие все еще связаны с неотболевшими, не решенными проблемами. Но мне подумалось, что эти беглые заметки, целью которых в свое время было — без политологических претензий, но с как можно большей отчетливостью — выговорить, что было на уме не у одного лишь меня, но у многих, выговорить то, что в известный момент звучит, пожалуй, с непривычной степенью откровенности, кажется заглядыванием вперед, а завтра станет общим местом, — так вот, мне подумалось, что именно будучи поставлены в ряд, взятые вместе, хрони-

кальные экспресс-анализы могут представить интерес. Три среза нашей совместной гражданской биографии. Три драматических сцены из начального акта «Перестройки».

Первая статья предназначалась для газеты, «не прошла», была зачитана мною тогда же на заседании клуба «Московская трибуна» — и осталась в личном архиве. Я извлек ее оттуда с ощущением неизбежно банальным: неужели мы вели эти речи и споры всего полтора года тому назад?

Вторую статью вдруг напечатала 1 сентября 1989 г. «Вечерняя Москва», сопроводив ее, впрочем, не только параллельной статьей оппонента, выразившей *принятый* (тогда!) взгляд на вещи, но и собственной редакционной врезкой. Я не откажу себе в удовольствии привести несколько выдержек из нее, поскольку теперь-то очевидно, что они, хотя бы отчасти и слегка, адресованы уже не ко мне, а к принятому (сегодня!) взгляду тех же людей на те же вещи. Итак, вот как оценивал орган МГК КПСС осенью мою незатейливую мысль о том, что КПСС придется скоро расставаться со зловещей «руководящей ролью» и довольствоваться участием в борьбе за парламентские мандаты при многопартийной демократии: «умонастроения определенных групп людей», «внеисторический метод», «умозрительная схема», «субъективизм, уже не раз приносивший нам неисчислимые беды», «лжепророк», «чем это грозит обществу», «мнимо революционные идеи», «сомневается в состоятельности КПСС и на современном этапе, и в будущем», «подобная амбициозность» и т.д. Каково? Какие выпады против... предсъездовской платформы ЦК. Что сказал бы Гамлет о непостоянстве пропагандистской коммунистической Гертруды, «не сносившей даже башмаков» и т.д. Впрочем, мне могут возразить, что похоронить «руководящую роль» и тут же надеть подвенечную фату «авангардной роли» — не такое уж непостоянство, так что грубые гамлетовские упреки королеве в этом плане были бы тут не к месту.

Третья статья предназначалась для одного из самых смелых наших еженедельников, но весной опять-таки «не прошла»... а теперь, летом, ее зелень, пожалуй, также успела запылиться и пожухнуть.

Что же дальше? Во втором акте?

Не хочется и впрямь оказаться лжепророком. Поэтому осторожно ограничусь лишь тем, о чем сейчас чирикают все воробушки. В начале июля состоится последний съезд КПСС — по крайней мере, последний под ее нынешним названием и при нынешней формально 20-миллионной численности, и с нынешними руководителями, кроме разве что М.С.Горбачева и тех немногих, кто располагается рядом преимущественно по его левую руку. «Российская компартия», возможно, примет в свои объятия остальных; ОФТ худо-бедно станет ее «приводным ремнем». Миллионы рядовых партийцев — пока — останутся, миллионы уйдут: преимущественно в партию социал-демократической окраски. А вот в какой пропорции? Результаты выборов в

горсоветы Москвы, Питера и некоторых других городов указывают тенденцию, которая пойдет по экспоненте.

Во всяком случае, всем известна драматургическая ремарка, которой откроется второй акт: «На сцене похудевшая, но узнаваемая КПСС. Входят другие партии».

Об остальном я предпочитаю высказать кое-какие соображения не в начале настоящей публикации, а в ее постскриптуме.

Октябрь 1988

Вслед уходящему поезду

Никто не сомневается, что предложенный проект конституционных изменений через несколько дней единогласно (или почти единогласно) будет одобрен Верховным Советом, состоящим из депутатов, назначенных туда по старой, антидемократической системе. Этот проект подготовлен комиссией во главе с М.С.Горбачевым, т.е. высшей властью. Никаких альтернативных проектов не опубликовано. Общественного референдума не будет; хотя, если уж референдум теперь у нас в принципе провозглашаются желательными, то какой же более серьезный повод можно вообразить, чем преобразование государственного устройства? Непонятно, почему бы нам в ходе «революционной перестройки» не решиться на то, на что по сходному случаю только что решились, скажем, в Алжире. На публичное обсуждение отпущен символический срок; а между прочим, в самом же проекте предусмотрено, что избирателям необходимо не менее трех месяцев, чтобы всего только отобрать кандидатов к очередным выборам и разобраться в их программах. Ясно, что за месяц взять в толк необычный, запутанный, изобилующий несообразностями проект советское население не в состоянии. Но похоже, что никто этого всерьез и не ожидает. Так что поезд, почитай что, ушел.

На днях Горбачев, отвечая на встрече с молодежью на подобные же недоумения, возразил, что месячный срок «позволит нам... разобраться во всем как следует». И добавил, что «основные принципы политической реформы были уже изложены на подходах к XIX партийной конференции, в ее решениях и резолюциях». И что мы связаны сроками: первый Съезд народных депутатов СССР следует провести уже в апреле.

Мне доводы Михаила Сергеевича не показались убедительными. Апрельская дата не начертана на небесных скрижалях, все это в руках человеческих. На подходах к партконференции не прозвучало и намек на те структурные реформы, которые были внезапно изложены в докладе и даже вызвали некоторое замешательство среди делегатов, побудившее Генерального секретаря выступить с новой, импровизированной речью. Горбачев, впрочем, ограничился отстаиванием предложения о своего рода личной унии каждого парткомитета и Совета соответствующего уровня. М.С.Горбачев горячо разъяснял, что такая практика была бы оправдана с точки зрения переходного

политического компромисса. Наверно, это ограничение демократии пока еще действительно навязано историческими обстоятельствами. Все же оно не упомянуто в проекте, не станет конституционной нормой. И это весьма мудро и хорошо. Ведь Конституция — свод принципов, на которые обязуется ориентироваться жизнь, пусть на деле и не столь совершенная, но незачем возводить в принцип само несовершенство действительности; Конституция должна быть такой, чтобы будущие успехи советской демократии не оказались бы для нее подрывными.

Замечательно, что основной пакет предложений, сформулированных на партконференции в самом общем и приблизительном виде — о Съезде депутатов, о Председателе Верховного Совета и пр. — ни на конференции, ни после нее никак не был аргументирован и вовсе не обсуждался! Могут спросить: если поезд вот-вот отойдет и ничего поправить нельзя, какой вообще практический смысл в нынешнем блиц-обсуждении? Смысл есть. Во-первых, вскоре нам придется действовать на пользу демократии при изменившихся условиях; надо сразу же эти условия начинать обдумывать и осваивать. Во-вторых, впереди принятие еще многих важных для судеб страны новых законов. Так пусть сегодняшний опыт будет оценен по достоинству — как несколько опешившими гражданами на перроне, так и, может быть, поездной бригадой.

Теперь по существу. В проекте очень заметен шаг вперед — и менее очевидны несколько шагов назад. Впервые за шестьдесят лет статьи Конституции можно рассматривать не с чисто условной и пропагандистской точки зрения, а в качестве чего-то жизненно значимого, способного нести в себе реальную надежду или угрозу. Шаг вперед состоит, разумеется, в том, что на выборах теперь будет возможна конкуренция разных кандидатов. Хотя конкретные правила регистрации кандидатов невнятны и могут это затруднить: кто и как будет устанавливать, что собрались именно 500 жителей только данного района, всюду ли найдется для этого большое помещение и не послужит ли окружное собрание неким фильтром для законно выдвинутых лиц? Смушает и очень характерная для нашего правового мышления оговорка: «как правило». Кстати, «Известия» от 24 октября в передовице, радуясь тому, что это «как правило» убрано из ст.101 («мы за свою не столь уж долгую историю многократно убеждались в том, как исключения становятся правилом»), затем приводят ст.100 с этой же формулой, но на сей раз почему-то радуются....

Очень хорошо и то, что Верховный Совет станет постоянно действующим законодательным органом и что высокие ведомственные чины больше не будут голосовать в Советах, которым они подотчетны. (точнее, лишь самые высокие из таких чинов, но не их многочисленные заместители и пр.) Есть также новшества не то чтобы хорошие, но намечающие сдвиги в правильных направлениях, а пока лишены особого значения из-за сугубой непоследовательности. Например, Конституционный «комитет» вместо суда, т.е. работающий ве-

домственно, а не на основе публичного состязательного слушания, имеющий право «приостановить» действие антиконституционного закона, но неизвестно, надолго ли и как это действие может быть возобновлено. Причем к законам, принимаемым Съездом депутатов, это не относится: Конституционный комитет сможет высказать о них «мнение», и только. Предусмотрены отчеты Совета Министров перед Верховным Советом, но это не доведено до идеи вотума доверия и отставки правительства в случае провала его существенных намерений в Верховном Совете. Две палаты следовало бы сделать, как это принято во всем мире, не «равноправными», а разными и по правам, и по способу избрания. Совет национальностей должен бы формироваться с учетом неизбежной реформы федеративного устройства СССР, коренного усиления суверенитета республик.

Что до шагов назад, то главная черта предложенной нам громоздкой, двухступенчатой системы выборов и управления состоит в отстранении избирателей от непосредственного определения состава рабочего парламента и от выборов Председателя, т.е., по существу, Президента страны. Прямое избирательное право будет ограничено выборами депутатов Съезда. Но Съезд народных депутатов в числе 2250 (!) человек, собирающихся раз в году на мгновенную сессию, сумеет лишь торжественно одобрить все то, что ему будет предложено одобрить. У него нет структуры, независимого и делового способа существования. Депутаты будут знакомы друг с другом меньше, чем жильцы высотного здания. Тайное голосование предполагается раз в пятилетку — при избрании Председателя. О дискуссиях в собрании столь многочисленном и недолгом смешно и говорить. Причем функции Съезда и Верховного Совета разграничены так, что многое «решает» Верховный Совет, а Съезд лишь «утверждает». Каким же образом Съезд сможет обдуманно и поименно отобрать из своей среды 500 человек в Верховный Совет? — да и не оговорено, что будет отбор из числа кандидатов, превышающего число мандатов. Короче, Съезду задумано передать декоративные функции нынешнего Верховного Совета. А у меня как избирателя нет ни малейшей возможности повлиять на состав постоянного и реально действующего законодательного органа, этого первого советского парламента.

Никто не в состоянии, по-моему, политически и юридически обосновать замену прямых выборов Верховного Совета и Председателя — косвенными, недемократическими. Разговоры о Съездах Советов при Ленине и т.п. не идут к делу, тогда вся государственная система была иной, Верховного Совета не было. Нельзя механически встроить некоторые внешние признаки тех съездов представителей местных советов в принципиально отличную ситуацию.

А ведь к тому же мы будем избирать только две трети этой громадной и беспомощной коллегии выборщиков. Еще треть будет определяться вовсе странным способом, несовместимым с принципом «один избиратель — один голос». Последнее отметили все. Но этот способ недемократичен не только потому, что, например, беспартий-

ный пенсионер или военнослужащий сможет участвовать в выборах один раз, а житель, который член КПСС и ВЛКСМ, сверх того и профсоюза, и, скажем, общества изобретателей — пять раз, хотя и весьма косвенно. Этот способ недемократичен особенно потому, что наши «общественные» организации огосударствлены, их всесоюзные съезды, скорее, комплектуются, а не выражают интересы рядовых членов. Этот способ реакционен, поскольку откровенно закрепляет навечно все ныне наличествующие организации и формы, внося их в Конституцию. У нас нет еще эффективных профсоюзов, которые были бы партнерами партии и государства, а не послушными исполнителями их воли. Но свои 100 мандатов на Съезде эти игрушечные профсоюзы заведомо получают. И никакие другие. ВЛКСМ потерял привлекательность и авторитет среди молодежи, это в известной мере признали даже его руководители. Правда, они сообщают, что комсомол сейчас старается перестроиться.

Но 75 мандатов ему уже обеспечено, хотя еще явно преждевременно считать его полномочным представителем тех, кто в нем числится. А молодежные политклубы или экологические движения квотами не предусмотрены. Съезды ВЦСПС никого на деле не представляют, мы ведь все это прекрасно понимаем. Или, допустим, государственные «творческие союзы» — это, что же, тоже должно быть конституционно предусмотрено, законсервировано навсегда?

Тут мне могут возразить, что квоты условны, со временем можно будет отдать их часть вновь возникшим народным движениям и организациям. И что Конституция принимается вовсе не на века. Мы ее за 70 лет меняли не раз, так что лет через 10 ничто не помешает политическую систему опять переделать даже существенно... а не то что квоты и прочие мелочи. Но отчего бы Конституцию не принимать на века?.. Ну, как бы навсегда. Конечно, навсегда ничего не бывает. И, если история позволит и потребует — надо менять не только что Конституцию. Все же основательность, здоровый привкус консерватизма — полезны для основного закона страны, для правового государства, о котором мы мечтаем. В таком государстве вряд ли можно будет все менять каждые 10 лет. Поэтому — именно в предвидении дальнейших демократических перемен — к чему закреплять все то, что сложилось при Сталине и Брежнев?

Если человек вступает в брак, необходима пусть не юридическая, но психологическая презумпция, что это «навсегда». В конституционном процессе — тоже. Так вот, я, избиратель, не желаю связывать себя узами Гименея с ВЛКСМ, ВЦСПС или придуманными в эпоху сталинской диктатуры монопольными «творческими союзами», вроде писательского министерства. У всей этой замысловатой схемы нет никаких преимуществ перед той, что придумана мировой демократической цивилизацией. Нам нужен постоянно действующий двухпалатный парламент из 600–800 человек, прямо избираемый народом из состязавшихся на выборах кандидатов.

Пожалуй, еще важней и драматичней вопрос о Председателе. Сейчас он будет председательствовать в Верховном Совете, от которого не зависит. А зависеть будет номинально только от Съезда, т.е. практически ни от кого. Власть у Председателя (он же — Генеральный секретарь) будет, следовательно, такая, какая не снилась и американскому президенту. Многие из нас хотели бы, чтобы у Горбачева была именно такая власть, но... именно у него, а если у кого-то, у нового Черненко? Неужели не очевидно, что особенно в нашей стране, с ее печальным опытом, концентрация личной власти позволительна лишь под прямым конституционным контролем народа. Советского президента должны избирать мы все вместе — и притом из двух-трех кандидатов. Если бы такие выборы прошли сейчас, М.С.Горбачев, безусловно, собрал бы абсолютное большинство голосов и получил бы великий мандат на проведение перестроечной политики, такой мандат, который надежно дал бы его линии перевес над партийной и ведомственной бюрократией. При этом, может быть, бюрократия сохранила бы большинство в Верховном Совете. Но последовательное разделение власти обеспечило бы условия для нормальной политической борьбы.

Голосование же на Съезде депутатов — паллиатив. Хуже того: эта процедура не гарантирует, что дело Горбачева будет продолжено его преемником, не спасает его и нас от закулисного маневрирования. Ведь Съезд всегда в течение часа проголосует за ту единственную кандидатуру, которую ему предложат, а предлагать будет по-прежнему узкая группа людей. Пока еще никакой уверенности в компетентности и независимости депутатов Съезда у нас нет, лишь намереваемся «учиться демократии», а вот ненадежная процедура выдвижения лидера уже становится законом. Разве всеобщее прямое голосование — не надежней? Разве сиюминутное упрочение влияния М.С.Горбачева практичней и дальновидней, чем создание такого политического механизма, который обеспечил бы преемственность и необратимость горбачевского курса? Вот был бы наибольший личный триумф его как политика, не так ли? Даже Ленин добиться этого не сумел, потому что за кулисами группа вождей отвергла завещанные им кадровые советы, а процедуры общенародного и даже общепартийного волеизъявления на сей счет не существовало.

Съезд народных депутатов в качестве средостения между избирателями и реальной властью, законодательной и исполнительной, Президент-Председатель, отвечающий лишь раз в году перед аморфным множеством депутатов Съезда, — все это не только неоправданные формальные отступления от общедемократических принципов, шаги не просто назад, но и вбок — в неизведанном и непредсказуемом по историческим последствиям направлении. Опасно вводить немного парламентаризма, а одновременно и вот эти выборы от «организаций» — вроде сословного представительства при абсолютизме, Генеральных штатов во Франции и Земских соборов России — с той лишь разницей, что сословия хоть обладали действительным соци-

альным своеобразием и влиянием. Если уж решено, что мировой опыт по части демократического парламентаризма в полном объеме пока не про нас, то я бы лично попросил: «Ладно, оставьте схему Советов прежней, усовершенствовав ее состязательностью на выборах и постоянством сессий». Добавить к этому в будущем кое-что еще, надеюсь, станет доступным. Но отменять вновь изобретенную государственную систему будет куда трудней и рискованней. А отменять ее, перекраивать в будущем — решусь предсказать — все равно придется, потому что жизнеспособным и демократически эффективным это нескладное дитя оказаться не сможет. Мы принимаем явно переходную, потому и усложненную, противоречивую структуру. В дальнейшем она или наполнится нео-застойным содержанием, или ее сметет углубление демократии. Но лучше бы избежать ненужных исторических перипетий.

Я принадлежу к числу тех, кто, понимая необходимость осторожного и органичного роста обновленного строя, роста, который займет целую эпоху, все же считает абсолютно необходимым и отчаянно смелый, быстрый прорыв по некоторым направлениям. Нужно любой ценой избежать разочарований широких масс в перестройке, не дающей осязаемых житейских результатов, как и вращания в перестройку тоже довольно широких масс аппаратчиков. Нужно действовать очень энергично, очень быстро, иначе не победить. Но... с такой политической реформой, по-моему, лучше бы помедлить. Мы ее не обдумали хорошенько всем миром и не приняли посредством референдума. Это не благоразумно. Прожив 1000 лет без демократии, лучше бы ввести ее на три месяца позже, но в более зрелом виде. Пусть каждая кухарка хлопочет о своем, чтобы жаркое не пригорело, — но раз в пять лет решает, какой депутат от округа и какой Председатель ей ближе. И в качестве избирателя учится управлять государством.

Август 1989

Останется ли власть у партии?

Любая из наших болей и бед, с каждой неделей нарастающих, упирается, как теперь охотно признают, в «вопрос о власти». То-есть в то, как на деле определяется отбор управляющих на всех уровнях, *кто* и, следовательно, какие будет принимать решения. Это не то чтобы главная, а единственная, можно сказать, проблема. Потому что все остальные проблемы, даже наитягчайшие, имеют все же некие рациональные способы решения. И нам об этих способах кое-что известно, судя по опыту хотя бы других стран. А вот вопрос о механизме передачи власти никак не решается рационально в переходной исторической ситуации, вроде нашей.

Ведь если им занимаются те, у кого есть на это власть, то, следовательно, уже нет никакого вопроса.... Источником нового права может стать, однако, организованная и цивилизованная новая сила.

Вначале поэтому зарождается фактическое двоевластие. Оно предопределяет компромисс, и это, может быть, самый трудный для обеих сторон первый шаг. Далее возникает перспектива перехода к демократии. Это, говоря обобщенно, польская модель. У нас на сходный путь по-своему вступили страны Балтики.

При условии свершившегося демократического выбора «вопрос о власти» становится нормативно открытым, т.е. действительно постоянным *вопросом*, и в этом смысле уже решен. Например, в Венгрии. Вне демократии — он еще решен, например, в Китае. Между Пекином и Будапештом 10 тыс. километров, и вот настало время, пользуясь самым популярным ныне выражением, «определиться» по всемирно-исторической карте: если мы находимся где-то посредине этого невероятного расстояния, то...где именно.

В высшей степени остроумно иррациональное существо проблемы власти в нашей удивительной ситуации выявил недавно А.И.Лукьянов («Известия», 24 июня 1989 г.). «Модель, — заметил Анатолий Иванович, — складывается четкая и ясная. Партия, ЦК КПСС, Политбюро — это политика, Съезд народных депутатов, Верховный Совет — это власть».

Иначе говоря, депутаты не вырабатывают политику, а у Политбюро нет власти? Вот если это так, более корректно, переформулировать, тогда модель окажется точна: правда, в аккурат лишь наполовину.

В предложенной же формулировке обе половинки смущают ум. **П о л и т и к а , л и ш е н н а я в л а с т и ?** Такая политика вообще-то бывает. Выработка политических концепций, принципиально не тождественных власти (или «руководству», что, несомненно, одно и то же), возможна. Однако у нас, как тут же добавил А.И.Лукьянов, «из этого ничего не выйдет». Ибо «тот, кто под лозунгом «**Вся власть Советам**» подразумевает власть без партийного руководства, сознательно тянет нас на семь десятилетий назад».

Н у а в т о р а я ч а с т ь ф о р м у л ы : В л а с т ь , л и ш е н н а я п о л и т и к и ? Осуществляющая не собственную политику? Так еще нигде и никогда не бывало, — но это-то как раз прекрасно может получиться, поскольку получалось с Советами до сих пор.

Вот мы и «определились»... Поскольку «**Вся власть Советам**» подразумевает, как пояснил вице-президент, «партийное руководство» Советами, было бы неправильным, если бы мы вдруг вздумали понять А.И.Лукьянова буквально, будто у Политбюро нет власти, и забеспокоиться по этому поводу. Но мы не лишены сообразительности, все понимаем правильно, ценим парадоксы и не беспокоимся ничуть. Тем более что по-прежнему, например, первые секретари обкомов во главе с Генсеком борются с засухой и т.п. Так что вопрос о том, у кого власть, а у кого политика, остается всецело в сфере утонченной теории. Увлекаясь и чисто теоретически, можно бы сказать так. *Если* КПСС, выработав программу, выйдет с нею на выборы, предложит избирателям списки своих кандидатов, выдвинув в каждом округе

кандидата от КПСС и — в демократической, равной, альтернативной борьбе с другими программами, списками, кандидатами — победит... о, кому же тогда и руководить в Советах (но не Советами!). Разумеется, до следующих выборов.

Но эта общеизвестная схема демократии для реальных условий нашей демократизации кажется пока отвлеченно-идеальной. Или, изъясняясь поэтически, «насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом». А.И.Лукьянов утверждает, что «именно партия, и никто иной, возглавила перестройку». Увы, это не так. Не партия, а реформистское меньшинство внутри верхушки КПСС во главе с М.С.Горбачевым. Для тех, кто читал в «Правде» тексты выступлений на апрельском Пленуме и июльском совещании, фантастически звучит заверение т. Лукьянова о «приверженности» КПСС к «самообновлению». Чьей приверженности и к чему? В Ленинграде, в Кузбассе, в Ферганской долине?.. Есть, есть и в аппарате люди трезвые, думающие, способные — но не они задают тон.

А.И.Лукьянов признает, что «у партии... есть недостатки», и она «честно и во весь голос сказала о своих ошибках». «Недостатки» и «ошибки», по столь деликатной официальной формулировке, — это что же именно? Они состоят в сталинизме и брежневщине, в полицейском режиме, только ныне мучительно и половинчато изживаемом, в полном историческом провале всего строя партократии, в доведении народов до последнего предела рабской приниженности, апатии и отсталости, нищеты. Этот геноцид в Сумгаите и Узбекистане, бойня в Тбилиси, мракобесие партруководства в Белоруссии или во Львове и Житомире, да мало ли что и где еще. Вполне ли честно правда высказана самой партией до сих пор? И во весь ли голос? И по доброй ли воле или нехотя, под прессом жесточайшего и безысходного кризиса?

В СССР происходят — и в нарастающем темпе — замечательные перемены, я полон надежд, но именно поэтому растет общая неудовлетворенность, именно поэтому настал момент, когда неизбежна и политически практична поляризация и радикализация платформ, целей, лозунгов. После Марта и после Съезда, как пишут в газетах, «мы стали другими». Спасибо партии, конечно. Но не удивляйтесь тогда, если миллионы телезрителей не спешат и не собираются разделять перестроечные восторги насчет того, как быстро осваивается и цивилизуется Верховный Совет, в котором т. Нишанов даже не велит появляться без галстука. Но который, разумеется, не в состоянии отклонить хоть одно какое-нибудь принципиальное решение Михаила Сергеевича. Где уж там. Председатель, по старинному обыкновению первых лиц КПСС, непрерывно подает одобрительные, одергивающие, комментирующие, направляющие реплики и, будучи Высшей Исполнительной властью, одновременно возглавляет Законодательное собрание. Делает это умело, подчас добродушно-патриархально, а если требуется, — жестко в отношении своих детей-законодателей, дорогих, но требующих глаза да глаза. Зрелище необыкновенное,

оторваться до двух ночи нельзя. Огромный прогресс очевиден — без всякой иронии!

Что ж, а теперь, благодаря этому прогрессу, давайте-ка обсудим возможность создания в СССР настоящей парламентской демократии.

Отдавая должное выдающимся историческим заслугам инициатора перестройки сверху, хорошо помня, что без усилий Горбачева ничего не изменилось бы, разве нам не в чем упрекнуть и не в чем твердо оспорить политическое поведение и высказывания также Михаила Сергеевича? Откровенная критика правительственной концепции перестройки и ее хода, в адрес генсека и Председателя, диалог с л е в а с общепризнанным главенствующим лицом и гарантом реформаторского центризма явились бы неоценимо существенным завоеванием демократического процесса и необходимым подспорьем для самого Горбачева, для его связи общественной реальностью, для того чтобы удержать падение его популярности (пока такое недовольство лишь подспудно, как и встарь).

Да, наконец, есть ли у нас вообще *политическая партия*? Простите, КПСС — партия-призраки. Она сводится к номенклатурному слою и его приближенным. А вот около 20 миллионов членов КПСС, преимущественно сливающихся с прочим населением; на что *они* влияют и что зависит от них? Толща людей с партбилетами является, как и общество в целом, конгломерат личных и социально-групповых взглядов, настроений, нередко политически враждебных друг другу. Никакого «единства» внутри КПСС нет. Зато эта, массовая «партия» действительно «едина с народом», поскольку стоит с ним в одних очередях. Не рядовые партийцы определяют, кто будет секретарем обычно даже и в первичной, тем паче в районной или областной организации. Номенклатура отчуждена, отгорожена от этой массы, как и вообще от управляемых. А вместе с тем «партия» — очень даже реальность в том смысле, что на членов КПСС осуществляется дополнительное эффективное давление. Партии как «союза единомышленников», разумеется, нет, зато есть знаменитая «партийная дисциплина». В ней-то вся соль и пафос партийности.

А прелестный, нестразимо невинный довод о том, что среди народных депутатов, де, коммунистов даже больше, чем раньше, по разрядке! — хотя какое же отношение имеет это к К П С С к а к и н с т и т у ц и и, целиком сводящейся политически и практически к номенклатуре. От Москвы до самых до окраин, хотя и далеко не всех, КПСС выборы проиграла. Избирали более симпатичных и независимых людей не потому, что они коммунисты, а не обращая на это внимания, если угодно, даже н е с м о т р я н а э т о — часто лишь бы в пику партийным властям. Ну да это все знают, даже и толковать неловко. Для власти КПСС в марте прозвучал первый звонок. И на апрельском Пленуме т. Мельников, шеф Коми АССР, переведенный сейчас в лесные министры, сказал об этом куда выразительней, чем я.

Тогда хотя бы одно скромное пожелание: пусть политика у КПСС, а не у народных депутатов, но зачем же говорить, что при такой «модели» декларация о принятии Съездом на себя «всей полноты власти» может когда-нибудь быть или будто бы уже реализована. Притом, что Съезд *ничего* — просто-таки до смешного — не решил, кроме избрания Горбачева. Зачем же эти шуточные, хотя и любезные, преувеличения в устах первого заместителя Председателя Верховного Совета? Дело слишком серьезное, и от него зависят все остальные дела страны: наша жизнь и наша смерть.

Между прочим, в резолюции Съезда, чудесным образом принятой спустя две недели после его завершения (а говоря серьезно — незаконной, поскольку заочный референдум среди депутатов Конституцией не предусмотрен), есть такая фраза: «Съезд поддерживает выработанную XIX Всесоюзной партийной конференцией линию на четкое разграничение функций между партийными и государственными органами всех уровней». Характерная проговорка! Понятно, что «вся полнота власти» не у того, «кто поддерживает», а у того, «кого поддерживают».

Такова, однако, реальность. И, наверно, еще сравнительно долго (хотя я не исключаю года через два ситуации, которая потребует досрочных выборов действительно полномочного парламента или Учредительного собрания), реальность останется в основном той же, что и до сих пор. Но нетрудно предусмотреть, что еще до конца нынешнего года республиканские и местные выборы приведут в наиболее политически развитых республиках и регионах к власти тех «неформальных» лидеров, которым население доверяет. И тогда «нижний» уровень власти окажется радикальней и эффективней, чем «верхний», периферия начнет подталкивать центр.

Со временем, после второго звонка, партаппарату останется организация внутривнутрипартийных дел, для чего он собственно, в любой демократической, обычной партии и предназначен. Нынешний же девиз о «разграничении функций» — всего лишь попытка переложить на Советы наиболее хлопотную, повседневную часть ответственности за ведение хозяйственных или экологических дел, оставив за собой настоящую, *собственно политическую власть*. «Разделение функций» неосуществимо. В нашей стране власть партийного аппарата иерархична и тотальна, начиная с самых первых послереволюционных лет, поэтому она попросту не в силах не быть не только политической, но и всякой другой распорядительной властью, вплоть до повседневных бытовых мелочей. Если от партаппарата по-прежнему будет зависеть «решение кадровых вопросов», то не вмешиваться в деятельность тех, кто им назначен, аппарат не способен; как и начальник, назначенный и зависимый от райкома или обкома, поневоле будет по любому поводу оглядываться на тех, кто может его снять.

Не получится также «правового государства», если по-прежнему «партийное руководство» будет пониматься как утвердившаяся навечно высочайшая воля, вырабатывающая «политику», затем лишь

оформляемую и конкретизируемую «властью», государственными институтами. Словно КПСС — наследственная, династическая помазанница Божья; словно аппарат, так сказать, — коллективный самодержец или, в лучшем случае, конституционный монарх (раз уж у нас перестройка!) Легитимность монархии — в ней же самой. Так что поражение на выборах может случиться с «отдельными» партаппаратчиками, да хотя бы и с каждым из них и всеми вместе, но не с Аппаратом, не с Партией. Таков мистический взгляд на вещи, не лишенный, впрочем, практической основательности: характерный гибрид «застоя» и «перестройки».

Другая сторона этого взгляда не менее иррациональна и замечательна. В правовом государстве *постановления* (а не концепции и предложения) ЦК КПСС или партийных съездов *относительно страны* были бы дики и противоправны. С *правовой* точки зрения, нынешние комиссии ЦК, допустим, по аграрным, идеологическим и прочим вопросам, возглавляются частными лицами, занимающими всего лишь внутрипартийные посты и никому за пределами КПСС не подотчетными. Тем не менее у нас официально (и фактически, конечно, тоже) члены Политбюро — высшие иерархи страны. Это адекватно выражается и в титулатуре.

Политическая реформа Горбачева знаменует попытку модернизации и постепенного совмещения провалившейся традиционной системы с необычными и потенциально разрушительными для нее элементами. Чтобы такое совмещение стало естественным и конструктивным, по меньшей мере, сама КПСС должна стать *неузнаваемой*. Стать, коли угодно, неформальной, самодеятельной: если сумеет. Необходимость ее опережающего демократического обновления, фатальность отставания партии от бурлящей страны — после мартовских выборов и Съезда признаны в руководящих речах и передовицах. Но, по правде говоря, если КПСС станет действительно политической партией, не похожей на ту специфическую структуру, которую мы по-прежнему наблюдаем под этим названием, и к руководству парткомитетами придут взамен «номенклатуры» иные люди, — если это, дай-то бог, произошло бы, вместо симбиоза традиционных способов управления и новых, либеральных инородных элементов произошло бы некое гораздо более радикальное изменение. Вместо «демократизации» открылся бы путь к демократии. Вместо «гласности» — к свободе слова. Вместо «хозрасчета» — к экономической свободе контрагентов на рынке. И вместо «партийного руководства» нормальное участие партии (но тогда, конечно — не единственной партии, не только КПСС) в игре и балансе политических сил.

Я хочу сказать, что *ч а с т и ч н а я* и притом действительная модернизация такой предельно негибкой и потому ломкой системы, как наша, совершенно невозможна. Начав разрушаться и сдвигаться, система на каждом шагу оказывается перед выбором: или сразу и поэнергичней делать следующие шаги, или же все предыдущие усилия оказываются бессмысленными. Так человек неудержимо ускоряет

шаги, хотя бы и разумно притормаживая при крутом спуске. Остановиться, начав сбегать, уже нельзя. И вот всесоюзная забастовка горняков подтвердила, что остановка слишком опасна для самих незадачливых управляющих тоже. Смекнут ли они: отставка или персональная пенсия все же предпочтительнее, даже и в сугубо эгоистичном личном или клановом плане, чем гражданская смута. Что до закручивания гаек, военной диктатуры и т.п., то опасности подобного рода сохраняются: но Польша уже доказала (а Китай через несколько лет докажет), что силовой нажим в конце XX века никаких проблем не решает и лишь приближает конец такого режима.

Все понимают, что партийный аппарат может добровольно отказаться от власти — не на словах, а подлинно — лишь при диктате сильнейших исторических обстоятельств и при особо благоприятном их раскладе. Понадобятся переходные компромиссы — открытые и, следовательно, честные, как в Польше, где поначалу Ярузельский предложил разделить не «функции» (ибо *качественно* политическая власть неделима, только количественно) — а квоты представительства в парламенте. «Солидарность» разумно согласилась на резервирование двух третей голосов в Сейме для ПОРП. Что ж, возможен только поэтапный мирный выход из тупиков «реального социализма», партия в одночасье власть не отдаст, о постепенности спорить в *общей форме* незачем. Иное дело, как оценить каждый этап, конкретную «быстроту» или «медлительность» изменений, насколько можно (и нужно в большой политике!) в данный момент «забегать вперед», т.е. заносить ногу для следующего шага. А не плестись по следам событий.

Еще полтора года или даже год назад у нас не было гражданского общества. Не было Народных фронтов, самостоятельных движений, избирательных инициативных групп, стачечных комитетов, из которых в скором будущем, скорее всего, могут вырасти настоящие (независимые) профсоюзы. Когда общественности н е б ы л о, М.С.Горбачев и его группа сильно опережали оцепеневшую страну, изуверившихся людей. С 1988 г. страна — в своих деятельных, укрепляющих слоях, в передовых регионах — стала все заметней опережать партийных инициаторов перестройки. Так это и должно было непременно произойти. Раз уж народ, как к этому и призывал Горбачев, проснулся, поддержка перестройки снизу не могла оставаться просто «поддержкой».

Итак, вопрос вопросов на ближайшие несколько месяцев: закрепится ли, оформится ли у нас истинно политическая форма исторического движения? Конкретней же: изменится ли советская система настолько, чтобы органично включить в себя и открытую конструктивную оппозицию? Диалог с оппозицией и взаимные уступки означали бы приближение к демократической политической норме и позволили бы в проведении перестройки рассчитывать на реальное широкое общественное согласие. Чтобы добиваться консенсуса, консолидации и

т.п., надо располагать партнерами, с коими можно было бы этого добиваться, вести переговоры: иметь перед собой *иные* силы, группы, течения, артикулированное общество и соответственно артикулированный парламент взамен неясного и раздробленного на 2250 единиц месива... Это дало бы возможность ввести грозно нарастающее массовое недовольство в цивилизованные рамки. По-моему, в существовании независимой и сотрудничающей оппозиции более всех заинтересован сам Горбачев.

Без плюрализма взглядов и, соответственно, общественных группировок, позиций и действий немыслима демократия, а без демократии, как вдруг выясняется спустя 70 лет, ни помыться, ни постирать, ни распрямиться замордованному, но еще живому народу.

В конце концов именно народ будет решать, останется ли власть у партии. Как он решит, ведь так и будет? Это и ленинскому учению, сколько мне помнится, соответствует. И партийным лозунгам... А вот с догмой насчет «руководства партии» придется расставаться. Если у партии еще надолго останется власть, пусть воспользуется ею иначе, чем до сих пор, пусть добивается, чтобы ей доверяли, на сколько бы лет ни пришлось для этого «вернуться назад» или уйти вперед. Пусть набирает голоса при каждом честных выборах в полновластные Советы. Но «руководство» КПСС утратит. Быть священной инстанцией и властью над всякой иной властью, т.е. «руководить», — не следует. «Идейно воспитывать» взрослых индивидов — увольте нас от этого. Пожалуйста. Руководить, конечно, надо, если общество — сплошная великая стройка. Ну и довольно. Уже построили. Претензия «руководить» не собой, а всеми другими, всем обществом — опровергнута. «Массы» мужают, их нельзя «вести», нет «масс», а есть отдельные люди, и у каждого какая-никакая, а своя голова на плечах: подумает, послушает спорящих политиков и решит, что для него интересней и выгодней. Теперь не будем «жить по предназначениям», а просто — жить: работать, думать, сталкиваться в парламенте, бороться на выборах. Будет общество не строиться, а расти и созревать, как растет лес и созревает плод по отчасти таинственным законам.

Февраль 1990

Еще один обескураживающий успех

После слухов о готовящейся отставке Горбачева с поста Генсека, напугавших мировую печать; после отсрочки Пленума на неделю и непривычной затяжки его заседаний; после того, как Лигачев, пойдя на открытый скандал, фактически потребовал, чтобы ответственность за тбилисскую бойню с ним разделили Шеварнадзе, Яковлев и сам Горбачев; наконец, после того, как, примерно, четыре из каждых пяти выступлений на пленуме членов ЦК были пропитаны страхом и ненавистью к перемнам, — опять именно М.С.Горбачев, не имея

большинства ни в ЦК, ни, возможно, в Политбюро, добивается — в этой бесконечной, растянувшейся уже на пять лет, жесткой аппаратной игре — очередного убедительного выигрыша по очкам.

Президент Буш аплодировал, западные люди, в т.ч. сотрудники радиостанции «Свобода», удобно расположившись в партере, аплодировали — и мы, теснясь и пергибаясь с пятого яруса галерки, конечно, тоже не жалели ладоней.

Еще бы не успех!

Первое и главное: Москва больше не станет мешать другим народам выбирать свободу, будь то в Германии или Прибалтике. Во всяком случае, танки больше не будут служить аргументом в подобных спорах. (Правда, пока не совсем понятно, действителен ли этот принцип также и под южными широтами). Начавшись как «литовский», Пленум был искусно прерван... а в итоге мы получили резолюцию с несколькими недовольными фразами, за которую, по словам Ельцина, спокойно голосовал и практичный рассудительный Бразаускас. Вот ступень политико-исторической зрелости, давшаяся и Михаилу Сергеевичу, наверняка, не легко, пусть и поневоле (мы видели все своими глазами во время его поездки в Литву) — но ступень преодоленная. Тот, кто внимательно читал выступления на Пленуме советских «ястребов», вроде этого второго секретаря из Казахстана, может вообразить — нет, не может вообразить! — чего это стоило, какие невероятные сцены разыгрывались за кремлевскими кулисами. Что ж, с облегчением переведем дыхание.

Второе... и второстепенное. Только что, в декабре, было сделано все, чтобы заблокировать обсуждение на Съезде пресловутой «шестой». Теперь, в «платформе», ЦК КПСС вдруг заявляет: да боже ты мой, да не нужна она нам, да мы сами не желаем этой «шестой» и отменим ее хоть завтра же! После того, как Восточная Европа переходит к парламентской многопартийной демократии, после того, как против «шестой» открыто возмутились у нас миллионы, в т.ч. партийцев, после того, как против нее проголосовало даже в Верховном Совете большинство (хотя и «неквалифицированное») — откровенно говоря, этот жест не кажется новаторским. Он запоздал, по крайней мере, на год или полгода, он тоже вынужденный. Но будем вежливыми и, в соответствии с этикетом советских очередей, не станем спрашивать ЦК — не вы ли последние в очереди за демократией? Не последние, а крайние...

Так или иначе, КПСС впервые с 1918 г. заявила, что «не претендует на монополию и готова к политическому диалогу и сотрудничеству со всеми, кто выступает за обновление социалистического общества». Замечу, впрочем, скользь, что последние слова попали сюда зря. Со временем — и скоро! — их придется снять. Ведь рядом значится, что о «социализме» можно сказать только то, что... «это будет совсем другое общество». Далее перечислено, что в нем надо иметь: «другого», т.е. такого, чего у нас нет: это ценности, которые, как признано тут же, «стали достоянием всякого цивилизованного общества».

А ежели так, лучше бы изъявить готовность к диалогу со всеми цивилизованными политическими силами. А не только «социалистическими». И, глядя на Чехословакию, Польшу или ГДР, не делать в этом смысле различий между мышлением во внешнеполитической сфере («новым») и сфере внутривнутриполитической (слегка подновленным, лоскутным, уж никак не «новым»).

Какой-то «шаг вперед» бесспорен, но для радости повода не находится. Через силу выговоренные слова пока не подкреплены никакими реалиями. Да, впервые партия обещает отстаивать свою руководящую роль при помощи свободных выборов, в честной конкуренции с другими партиями, о которых осторожно замечено, что «развитие общества не исключает возможности создания и партий». *Требуется*, а не «не исключает»! Но — спасибо, конечно. Хорошо, что довелось дожить до такого признания. Чуть не сто лет шли мы к этой фразе. Однако же, говоря серьезно, сказав в связи с 6-й статьей «а», необходимо вымолвить «б» — и далее до конца алфавита. Почему же это партия, тем не менее, собирается и впредь организовываться по «территориально-производственному признаку», т.е. быть вездесущей? А если так, то что же — и другие партии заведут свои парткомы на предприятиях? Нет, придется партиям, включая КПСС, уйти с производства. Главное же, действительно отделиться от государственного механизма. Пока КГБ — партийная организация, пока в армии верховодят политорганы, пока судьям и прокурорам звонят из райкомов, пока в посольствах проводятся партийные собрания, пока студенты обязаны изучать историю и философию одной партии, — шестая статья останется. Как она оставалась до своего появления в 1977 г. Отказ от «шестой» — не декларация, не замена одних ритуальных слов другими, а глубинный процесс переустройства всей нашей жизни, ее основ. «Отмена 6-й» — всего лишь сигнал к началу этого процесса, весьма известного восточноевропейским союзникам.

Итак, порадовавшись новой победе Горбачева над крайне правыми, мы не в состоянии видеть, в который уже раз, единственный повод для радости только в этом. И мы погружаемся в чтение официальной предсъездовской платформы: что там есть еще, что это за документ в целом? Нетрудно сразу же обнаружить, что как раз чем-то *целым* платформа не является *принципиально*. Она задумана, составлена в качестве никакой, ничейной. Но это и не деловой компромисс между двумя крыльями партийной верхушки. Потому что чередуется лишь окраска слов, но, кроме перестроечных штампов, обветшалой риторики, часто нарочито туманной, в платформе на первый взгляд ничего не разберешь. Стилистика! — вот первое, что поражает при знакомстве с этим документом, сработанным посредством ножниц и обилия клея.

Да, «у перестройки нет разумной альтернативы». Да, «надо смело и последовательно идти этим путем». Вот сейчас прочитаем, как смело и куда конкретно? Да, есть «ошибки и просчеты, допущенные в ходе осуществления самих реформ». Что за «ошибки»? Кем и когда «до-

пущенные»? Ни слова. «Выход один — действовать решительней». Замечательно верно, но ... не значит ли это, что на мартовском Пленуме (1989 г.) аграрная реформа была завалена? Что затем сентябрьский Пленум похоронил надежду на истинное обновление СССР? Что принятые на II Съезде экономические планы исключают формулу «действовать решительней», отодвигая структурные экономические реформы на три года?... Ни слова. Никакого реального анализа.

Зато в разделе 11 говорится: обеспечить каждую семью отдельной квартирой к 2000 году (кто в это верит?), «наращивание темпов», «значительное увеличение ассигнований», «усиление гарантий», «резкое улучшение качества», «решительное увеличение заботы о детях» и пр., и т.п. И даже: «открытие широких возможностей для реализации способностей и удовлетворения потребностей!» Вот так. На 9/10 текст платформы состоит из такой залежалой пропагандистской бижутерии.

Ладно, все понимают, что читать это пытливо, строчка за строчкой, не следует, никто так и не читает. Все знают с детства правила игры, ищут фразы со смыслом. То есть не с конкретным, конечно, политическим смыслом, но с намеком, с «веяниями».

И обнаруживасм-таки! Отрадно прочесть, что «человек — самоцель истории», или что «мы отказываемся от упрощенного классового подхода», или что социал-демократические партии «вносят свой вклад в прогрессивное развитие», или даже, что надо «признать личную свободу главной жизненной ценностью». Это все явно не из Ильича. Уж не из Джона ли Стюарта Милля, классика либерализма?

Между тем в платформе сурово сказано: «Подтверждая верность творческому духу материалистического мировоззрения, диалектической методологии Маркса, Энгельса, Ленина... отбрасываем догматизм и нетерпимость к другим взглядам и идеям». Позвольте, но клаясь на верность идеям социологов и политиков прошлого века, самому младшему из которых ровно 120 лет, — это и есть уже догматизм, причем в роскошном древневосточном стиле. Сами эти официальные прадедушки, из которых один был гениальным мыслителем, а другой удивительным политиком, к тому же уж что-то, а образцы нетерпимости дали сами. Надо предоставить их наконец-то историкам и «учиться» у истории, которой они навеки принадлежат — но не у них самих.

Кстати, в седьмом номере журнала «Новое время» Шатров призывает «талантливо защищать Ленина». Эк, хватился, почтенный Михаил Филиппович! То была специфическая задача первой «оттепели» и «застоя» — талантливо выкручиваться, противопоставляя Марксу — совсем-совсем раннего Маркса, а Ленину — совсем позднего, непременно лежащего в инсульте Ленина, и их обоих — Сталину. М.Ф.Шатров советует сообщить молодежи, что Ленин — не бог, что он, подумать только, мог ошибаться, и «просто живой человек». Не означает ли это психологически и политически смешивать эпоху застоя и эпоху перестройки?

Не забудем, что идея «Советов», впрочем, уже при Ленине подмятых под партийные органы, провалилась (т.е. идея непосредственного соединения под лозунгами «пролетарской диктатуры» исполнительной и законодательной власти без прямых, равных и всеобщих выборов, в противовес представительной демократии). Сейчас эту идею разделяют только, кажется, в Ливии? Мы называем свой парламент и свои муниципалитеты по традиции «советами», но это, конечно, вовсе не Советы в ленинском смысле. Далее. КПСС предстоит позаботиться о том, чтобы перестать быть «партией нового типа», с полувоенной дисциплиной, словно бы только вчера вышедшей из подполья — и стать партией старого типа. Но в платформе ЦК КПСС есть и попытки освежить гиблущую идею демократического централизма, есть и ленинский запрет фракций, более того, есть пассаж, словно бы прямым взятый из юбилейного доклада 1987 г.: «одинаково (неужто еще и «одинаково»? — Л.Б.) опасны как идеализация прошлого, нежелание знать полную и суровую правду о трагических сторонах нашей истории, так и попытки перечеркнуть все по-настоящему великое и ценное в нашем историческом наследии. Нельзя обрывать преемственную связь труда и борьбы советских людей».

А она, увы, и не оборвана. Как жили, так и живем пока. Между тем, преемственную связь необходимо именно оборвать. Новая партия, та, что, как я думаю, уже летом возникнет на месте КПСС после ее последнего съезда, — не должна быть продолжением, наследницей прежней партии и не должна поэтому нести ответственность за все содеянное КПСС. Так же, как и, допустим, денацификация ФРГ означала полный разрыв с прошлым, так и идейная десталинизация (необратимая заслуга горбачевского курса) должна быть доведена до такого разрыва. Люди же, которые по-прежнему у порога XXI в. хотят считать себя социалистами, должны отречься от старого мира, отряхнуть его прах с наших ног. Вот тогда студентка, о которой рассказал М.Ф.Шатров, не будет кричать на экзамене: «Ненавижу вашего Ленина». Ведь не кричит же она «ненавижу вашего Петра и царевну Софью Алексеевну». Чтобы молодые люди перестали ненавидеть «вашего Ленина», хватит делать его «просто живым человеком». Он не живой, а давно умерший человек. Он ушел в историю вместе с Плехановым, Каутским, Мартовым, Милюковым, Троцким, Керенским, Сталиным и множеством своих сторонников и врагов. Эту большевистскую, меньшевистскую, кадетскую и т.д. историю мы еще долго будем изучать и обдумывать. Но не следовало бы путать ее с новым временем перестройки... скажу я с несколько форсированным оптимизмом.

Придется опустить много чего из текста платформы. Что значит «повышение роли суда»? Эта роль, как и свежесть осетрины, не может повышаться и понижаться. Или это настоящий, т.е. независимый суд, или его нет. Что это за ужасные «правозащитные» «общественно-государственные комиссии» нам обещаны? Почему в платформе КПСС не разъяснено, будет ли у нас и впредь по ее расчетам существовать

тайная политическая полиция? Появится ли независимая печать? Почему в рассуждении о плановом централизованном руководстве экономикой говорится, что оно должно осуществляться «по преимуществу экономическими средствами»? От этого «по преимуществу» бросает в дрожь. Но все это и многое иное — все мелочи, придирки, цветочки. В заключение сосредоточусь только на главном, на том, что меня по-настоящему тревожит и делает в моих глазах результаты февральского Пленума ЦК КПСС исторически безнадежными. Это, прежде всего, четыре доказательства политического дальтонизма. Я изъясняюсь совершенно откровенно и резко, но у нас уже нет времени бояться или подыскивать окольные словечки.

Первое. В разделе V («К новой Федерации») есть немало разумных формулировок, но их все перечеркивает заявление о том, что «наш подход к вопросам развития наций» изложен в платформе, принятой в сентябре 1989 г. Та платформа — мертворожденная, и, казалось бы, это теперь можно подтвердить не только ее разбором, но и самим ходом событий за *полгода*, прошедшие после сентября. Коротко говоря: не «развитие договорного принципа строения Союза» необходимо — потому что *нет* и не было такого принципа, о чем и сказал М.С.Горбачев в Вильнюсе: «Мы еще не жили в федерации». Тогда — о каком «совершенствовании Советского федеративного государства» речь? Как можно «усовершенствовать» верблюда так, чтобы превратить его в слона? От Закавказья до Прибалтики нарастает процесс *распада* СССР, все это видят и как будто понимают. Но вместо того, чтобы предложить немедленно (после избрания республиканских парламентов) открыть переговоры между делегациями стран и народов СССР (а не в Верховном Совете — т.е. *вне* прежних структур) о заключении нового Договора; вместо того, чтобы предложить *принципиально новую модель* содружества советских республик, о которой можно было бы спорить, но которая никоим образом не выглядела бы, как «совершенствование» и «развитие» нынешнего, сталинского устройства, — ср., например, проект А.Д.Сахарова, — платформа обходит действительную, трагическую глубину проблемы. Очевидно, еще не поздно выдвинуть такую *заманчиво выгодную* модель беспрецедентной *конфедерации* (или чего-то среднего между конфедерацией и федерацией), с гибкими различиями по степени включенности членов, в зависимости от их желаний и возможностей — такую модель *другого государства*, которое не походило бы на то, из которого рвутся выйти. Над которой стоило бы призадуматься. Но сентябрьская платформа ЦК, с ее идеей «сильного центра», да и нынешние, звучащие гораздо более приשמлемо, но лишённые конкретности, запоздавшие, несрабатывающие формулировки, — все сулят и сулят некое «совершенствование» и «реальное наполнение суверенитета союзных республик и новый уровень самостоятельности» и пр. А вот это — поздно! Дырявый сосуд уже не наполнишь. *Опередить* центрбежный

процесс посредством радикальности мышления и решений — КПСС по-прежнему не в силах.

Второе. Платформа отвергает понятие частной собственности. Дело вовсе не в том, что она названа трудовой индивидуальной собственностью на средства производства. А в том, что далее следует мистическая фраза об исключении «эксплуатации человека человеком». То бишь найма работников частным собственником. Разрешена только эксплуатация человека государством, коллективом, на худой конец, кооперативом, если его не додушат вскоре окончательно. У нас принципы. То, что размеры зарплаты, условия труда и т.п. у частного собственника могут быть для трудящегося выгодней (и защищены профсоюзами, законами), а стало быть, и эксплуатация приятней? — о том ни слова. В таком случае, фраза о «свободе... реального выбора форм и способов приложения своих способностей» оказывается болтовней. Болтовня и тезис о «равенстве всех форм собственности». Поскольку «частник» не допущен на рынок рабочей силы. В отличие от других собственников. А попросту говоря, он лишен права завести дело в сфере услуг, скажем фабрику химчистки; или предприятие по изготовлению кроссовок; или даже продуктовую лавку, наняв кассира или шофера. А как фермеру управиться без нескольких помощников, ежели в семье слишком мало рабочих рук? Итак: частной торговли и даже мелкого предпринимательства — не предвидится. Разрешены только (на бумаге) кустарь-одиночка и мужик-единоличник.

Третье. Но неправда и то, что мужик разрешен. Если по платформе — нам не дожить до развитого мелкособственнического крестьянского уклада. Без поднаема рабочей силы, или субаренды, или заклада земли банку под кредиты — как прокрутиться в подвижных хозяйственных ситуациях? Но откуда взять и саму землю без свободы выхода из совхоза и колхоза с наделом и соответствующей долей инвентаря, скота, помещений или стройматериалов, удобрений и пр.? Без государственных льгот (освобождения, скажем, на первые два года от налогов) реального равенства двух форм собственности, существующей и только зарождающейся — тоже не получим. Чтобы не было спекуляций землей и не возникали латифундисты, можно бы установить обязательное личное участие в обработке земли, и что переход участка из рук в руки должен происходить не чаще, чем, скажем, в 3-5 лет, и максимальные размеры землевладения, и всякие иные формы регулирования частной земельной собственности. Но сама эта собственность должна ли возникнуть? — наряду с коллективной (там, где крестьяне — в одном случае из пяти? из трех? — предпочтут колхоз-совхоз).

Верховный Совет принял Закон о земле. Но он разделит судьбу законов о кооперативах или об аренде. *Настоящей передачи земли крестьянам — не будет.* По-мосму, отказ от радикальной аграрной реформы — чистейшее безумие. Сохранение системы, созданной в 1929-32 гг., страшней всего. Значит, и продовольственного перелома не будет. А будет — нарастание голода и социального напряжения.

Что же это такое?! — после пяти лет перестройки все те же неизбежные ведомства в промышленности; еще одна (абалкинская) «пятилетка», те же колхозы-совхозы и бессмертный, как Кашей, вроде отмененный год тому назад, но живехонький агропром над ними, та же тотальная государственно-партийная система, *неспособность* аппарата к *структурным реформам*, та же падающая вниз экономическая кривая и приходящий во все большее бешенство народ, который газеты смеют поучать и бранить за то, что митингует, что его терпение кончается, кончилось — все! Неужто не ясно, что все.

А тут ЦК КПСС принимает платформу, у которой, как и у всех принимаемых руководством страны решений, только два изъяна: во-первых, они запаздывают этак на год-другой-третий, а во-вторых, они половинчаты, заредактированы, чтоб не слишком влево и не слишком вправо, не слишком конкретно и не слишком прямо. Пафос «постепенности». Принимают ту платформу, которая более или менее устраивает всех в Политбюро и ЦК при сиюминутном аппаратном раскладе. А дела все хуже, потому что осторожность и рассудительность в 1990 г. требуют как раз предельной смелости и быстроты. Но — не тот состав ЦК, не те люди.

А слева — в России — аморфное гулкое политическое пространство, разброд сотен и тысяч движений, фронтов, клубов.

Самое-самое опасное для М.С.Горбачева — отсутствие сильных, организованных оппонентов и партнеров слева. Нет пока для централизма в России мощного левого упора, поэтому нет (собственно, и не может быть) эффективного централизма. И все, все решится — откристиаллизуется или провалится — очевидно, уже летом. В исключительном для истории нашей — 1990 году!

В четвертых — и последнее. Идея президенства как якоря спасения. Я, как и многие, за институт сильной президентской власти. Но дело ведь не в том, что Конституция сейчас сильной, огромной власти Председателю Верховного Совета не даст. Дает! Перечитайте-ка Конституцию. А дело в том, что Председателя и Генсека «не слушаются» — и никого, и ничего не слушаются. Исчез страх... но исчезло и доверие. Нет доверия к руководству страны. Необходимо поэтому обновленное руководство с новым политическим мандатом от населения. Горбачев, да, но во главе *левоцентристского* блока. Когда наспех созданный Чрезвычайный Съезд, в том же послушном составе, наделит того же человека еще одним звучным званием, это станет или пустым жестом, или условным сигналом для появления «сильной руки», действующей... посредством тех же аппаратных, ведомственных, командных механизмов. Эта безнадежная роль — не для инициатора перестройки. Это ничего не прибавило бы, поскольку не прибавило бы доверия.

Наоборот! И тогда *вся* ответственность — на Горбачеве. А если можно *так* избрать, то легко *так* и убрать.

Президентство может стать содержательной политической реформой только при условии общенародных прямых выборов. Вот тогда

Горбачев получил бы принципиально новый исторический мандат и мог бы начать игру заново. Но время упущено, теперь избиратели бранят его повсюду и в открытую, теперь исход голосования был бы для него, скорее всего, плачевным. Комедия же выборов на Съезде для Михаила Сергеевичу не новую власть, а еще одну подпорку для споров на заседаниях Политбюро, зато и рост народного разочарования и нетерпения. Будет и центробежная реакция республик. В *такой* форме «президентство» (пост как бы «врио президента») — искусственный, аппаратный ход, а не настоящий, политический, радикальный. Он не решает *проблемы доверия*.

Далее. Сильная исполнительная власть должна быть уравновешена не менее сильной законодательной. Безжизненность нынешней двухступенчатой структуры (Съезд — Верховный Совет) нетрудно было предсказать, когда она затевалась. Теперь это ясно для всех. Чтобы законодательная власть уравновесила власть президента, *необходимо распустить Съезд* и назначить одновременно с выборами президента выборы нового двухпалатного Съезда, в составе 600-700 человек, который заменил бы собой нынешний постоянный парламент. И ему должен принести присягу Президент. Но когда будет принята новая Конституция — до или после? И как увязать это с переговорами республик по заключению нового Договора? До или логичней все-таки после?

Так или иначе, без немедленного приступа к радикальным экономическим реформам, без замены КПСС другой партией (или почти наверняка — двумя или тремя партиями из числа ее бывших членов), без многопартийности вообще, без подготовки и переговоров о Союзном Договоре, без новой Конституции, без чуткого баланса при разделении властей — новая импровизированная затея с президентством, маневр вместо фундаментального преобразования страны — все это сулит нам новые трудности и может быть непоправимые.

Вот почему, обдумывая очередной успех М.С.Горбачева на февральском Пленуме, я вынужден признать этот успех обескураживающим. По-прежнему не ясно наше будущее — не только отдаленное, но и ближайшее. По-прежнему оно остается двусмысленным и опасным.

Зато 25 февраля полноводье гигантских предвыборных митингов, прошедших (вопреки бесстыдным запугиваниям «сверху») цивилизованно, празднично и осмысленно в десятках городов, начиная с Москвы, — вот надежда! Похоже, что у запугивающих вполне понятные «эмоции — возобладали над разумом» ... Но нас, тех, кто «снизу», нами же не запугать. Народу достанет и разума, и эмоций. Не «народу» в мифологическом и риторическом значении, а чтобы выразиться без ложного пафоса — *населению*, нам (разным), жителям страны, не таким уж, оказывается, инертным, глупым, спившимся, способным разве что на «бунт бессмысленный и беспощадный», а колоссально созревшим политически за какой-нибудь год с прошлого марта — в значительной своей массе и во многих регионах. В частности, из «митин-

говой стихии» (за неимением многопартийности, независимой пачати и пр.) именно и прорастают у нас на глазах (пусть не везде, не всегда) новое, демократическое сознание и — решимость.

Главные слова народом еще не сказаны. Больше не во что верить, и я в это верю. А вот сумеет ли аппарат сделать здравые выводы из этого предметного урока, который он получил в последнее зимнее воскресенье?

Весна начинается и, говорят, будет дружной.

26 февраля 1990г.

Постскрипtum

Прошло немногим более месяца после того, как были написаны февральские заметки, и у меня появилась возможность кое-что добавить перед сдачей в набор.

Самое сильное впечатление марта 1990г. — конечно, III Чрезвычайный Съезд народных депутатов. С той же решительностью, с которой тремя месяцами раньше большинство, вслед за руководством КПСС, отказалось обсуждать «шестую статью», теперь оно — вслед за ним же — проголосовало за формальное исключение «руководящей роли» коммунистов из Конституции. Не без труда, с избытком, если не ошибаюсь, всего в 46 голосов, но удалось наскрести и потребные две трети для введения статей о президентстве.

М.С.Горбачев стал первым президентом, собрав 59% голосов от списочного состава Съезда (но, по существу — решением февральского пленума). Этому предшествовали весьма колоритные прения, но интерес к ним населения явно спал.

Все происходило, я бы сказал, не только откровенней, часто грубей в речах, раздававшихся с трибуны (со стороны «правых» и «популистов»), но и еще более по-отечески, если говорить о сценарии. По-отечески, по-свойски, по-нашенски. Тут президиум и зал были, в основном, едины. На заседаниях, где обсуждались конституционные прерогативы президента, председательствовал сам (бесспорный!) будущий президент. Когда же соответствующие изменения в Конституцию были внесены и, в частности, установлено, что Президент не может отправлять обязанности спикера парламента, и когда Горбачев был уже избран, а теперь оставалось избрать А.И.Лукиянова, — все-таки продолжал председательствовать Президент. В порядке, что ли, исключения. И то сказать, к чему формальности? — тем более, что лучше, чем у Михаила Сергеевича, это ни у кого не получилось бы. Выборы Президента на Съезде тоже состоялись в виде исключения, вопреки только что принятому закону. Почему? *Так было надо*. Почему надо? — произносить не принято, но намеки в печати и на Съезде прозвучали. Дмитрий Сергеевич Лихачев сказал об этом короче, прямей, но и загадочней других: иначе будет «гражданская война». Ох! Но — кого с кем? Реакционного большинства в аппарате, при

поддержке генералов — против Горбачева, его сторонников, его оппонентов слева, против перестройки, против избирателей, против республик, вообще против всех, кто левой Полозкова и т.п.? Хотя такое, по-моему, называется не гражданской войной, а партийно-милитаристским верхушечным путчем, но — это сценарий, заслуживающий обсуждения, и я свое личное мнение о нем выскажу ниже.

А пока вернемся на Съезд. Почему — если даже учесть, что срок полномочий этого состава Съезда истечет через четыре года (ой ли?), а передачу власти законодательной и исполнительной лучше сделать не синхронной, — почему Президента избрали на пять лет, а не, допустим, на три года? — спросил кто-то из депутатов. Отвечавший ему авторитетный юрист согласился, что логично было бы и на три, лишь возразил: а почему бы и не на пять?

Но замечательней всего было то, что все поправки к принятому вначале «в целом» проекту конституционных изменений отвергались, даже если набирали 2/3 голосов присутствующих и более половины от списочного состава, но не 2/3 от этого состава ... Поскольку председательствующий полагал, что принятое «в целом» — уже есть произведенное изменение, часть действующей с этого момента Конституции. Правда, некоторыми овладело тоскливое недоумение: почему же тогда то называлось «в целом», а это «поправками», в какой процедуре участвовал Съезд? Ведь получалось, что депутаты, поддержавшие проект изменений в целом, тем самым проголосовали *против себя же* как убежденных сторонников поправок и уточнений. Так в поте лица работали и голосовали два дня, пока кому-то из депутатов не вздумалось смеяться ради заглянуть в Регламент Съезда. Обнаружилось, что по регламенту полагалось сначала принять изменения Конституции действительно в целом, в первом чтении, простым большинством, затем — и тоже простым большинством — проголосовать поправки, а затем уже во втором чтении изменить Конституцию двумя третями голосов. То есть весь Съезд прошел в нарушение принятых им же требований процедуры.

Конечно, эта констатация не могла быть расценена иначе, как бузотерская и подрывная выходка, затеянная леваками, чтобы помешать дивно слаженной работе законодателей. Так, примерно, ее и расценил председательствующий — и Съезд отверг провокационные вылазки тех, кто не понимает всей неудобности и неуместности таких законов, из которых были бы невозможны естественные, непринужденные исключения... Надо сказать, что сквозная презумпция советского современного правосознания состоит в том, что, ежели мы — мы! — принимаем те или иные законы, то уж кто-кто, а мы-то, Съезд, в силах свои же собственные решения изменить, отменить, похерить — по обстоятельствам... своя рука владыка.

А еще Съезд собрался, было, «давать отводы» депутатам, чьи кандидатуры были выставлены на пост Анатолия Ивановича, и даже, кажется, споряча проголосовал уже за чей-то отвод; но тут кое-кто стал

рассуждать о различиях между парламентом и, скажем, партсобранием; соглашаться с таким тоже довольно-таки педантическим выводом искренне не хотелось; однако В.Н.Кудрявцев, опять приглашенный на трибуну для юридических разъяснений, вдруг подтвердил правоту смутьянов и сослался на Регламент. По-моему, Владимир Николаевич глубоко ошибся; в Англии, где в ходу прецедентное право, с ним не согласились бы; поскольку до этого работа Съезда постоянно основывалась на исключениях, было вовсе не обязательно и странно в этом вопросе делать исключение из исключений... Но нехотя от «отводов», т.е. от замены тайного голосования открытым — все же отказались.

Было и еще много живописного на Съезде.

Вспоминать об этом следует потому, что институт президентства вписан именно в такой, реальный контекст нашей политической культуры, в такой уровень младенческого парламентаризма, неразрывно соотнесен с ним. И должен оцениваться на этом фоне.

Доводы сторонников немедленного избрания Президента на Съезде (в т.ч. и части «межрегиональной группы», расколовшейся по этому вопросу, как и демократы в стране, как и либеральная интеллигенция — например, члены «Московской трибуны») сводились к следующему. Во-первых, надо доверять человеку, которому мы обязаны инициативой перестройки и который связал с обновлением страны всю политическую и личную судьбу. Во-вторых, и это главное, хаос в стране нарастает, как нарастает и давление справа: необходимо укрепить власть Горбачева, и эта *центристская сильная исполнительная власть* единственно в состоянии обеспечить плавное продвижение влево, радикализацию перестройки. В-третьих, центр тяжести переместился бы от КПСС к государству как таковому, от Политбюро — к Президенту. Ну, а те, кто во имя демократических принципов горячо возражал против избрания президента на Съезде (до появления реальной многопартийности, независимой прессы, действительно демократически избранного и сильного парламента) — это люди, настроенные догматически, это зануды, приносящие в жертву жестким, пусть и прекрасным принципам — политическую реальность и общую судьбу.

Я принадлежал и принадлежу к числу таких зануд. Теперь, когда дело сделано и Президент у нас есть, — следует еще раз объяснить, на чем основывалась и, увы, продолжает основываться тревога, почему основания для нее лишь нарастают с каждым днем.

Прежде всего: когда благонамеренные и прогрессивные дамы (часто мужского пола) переводят наш спор в такую плоскость — как надо относиться лично к М.С. Горбачеву — я отказываюсь участвовать в человечески очень понятном, чувствительном, но несерьезном разговоре. У нас действительно нет оснований недоверять хорошим намерениям Михаила Сергеевича и подозревать его в «диктаторских» поползновениях. Не больше у нас, впрочем, оснований и «доверять» Горбачеву, вспоминая, например, его выступление 13 октября о печат-

ти и либералах. Или речь на заключительном предсъездовском заседании Верховного Совета, где будущий президент назвал все опасения и доводы оппозиции «дешевой демагогией». Но дело вовсе не в достоинствах лидера перестройки и не в его, будем считать так, срывах, а в объективном раскладе сил — в стране и в партийной верхушке.

Если в последние месяцы резче обозначилась прагматическая ориентация горбачевского руководства, то не потому, что характер Михаила Сергеевича вдруг стал портиться, а потому что кризис СССР углубляется и одновременно реакционеры перестраивают ряды, их нажим становится все более яростным. Стрелка политического барометра отклоняется туда, где сила более определенная — или, по крайней мере, возникает впечатление, пусть ложное, что именно с этой силой приходится считаться по преимуществу.

Люди, думающие сходно, например, со мной, — отнюдь не «враги» Горбачева и не его «сторонники». А.Д. Сахаров сформулировал — в последний раз за два дня до кончины — очень сжато и удачно: «условная поддержка Горбачева». Т.е. поддержка при сохранении совершенно независимого политического мироощущения, не жертвуя радикально-демократическими позициями, хотя и понимая полезность компромиссов, которые *приближали бы* к осуществлению наших идеалов. Поддержка на определенных условиях, всегда конкретное партнерство — или столь же конкретное оппонирование, политическая борьба, хотя бы, увы, и с Михаилом Сергеевичем. Вот о каком тупом догматизме, простите, речь. Вот о каких принципах. И, чтобы покончить с темой о полезности и бесполезности быть верными демократическим принципам, позволю себе напомнить коллегам, печатающим статьи «в защиту Горбачева» (будто он в их защите остро нуждается) в газетах, где возражения против президентства опубликовать было нельзя, — позволю себе напомнить тем, кто при этом охотно числит себя среди последователей Сахарова... серьезные принципы не выдумываются благодушно, а выковываются по ходу всего исторического опыта реальных демократий, их побед и поражений. Потому-то принципам верны как раз практически устремленные люди. Оппортунизм тоже, конечно, практичен. Только не нужно, во всяком случае, называть его «подлинной оппозицией». Особенно в России. По-моему, это и стыдно, и вредно.

Что же, мы и впрямь получили «сильного президента»? Я одним из первых порадовался бы за Горбачева и за перестройку. Но (политологически) «сильный» — если не пустословить, ссылаясь, как это часто делали, на США или Францию и т.д., — означает: имеющий независимый (от столь же независимой и потому столь же сильной законодательной власти, судебной власти) политический мандат, непосредственно полученный из рук большинства избирателей. «Сильный» — значит опирающийся на доверие населения, на долгосрочный психологический кредит. Ах, если бы так!

К сожалению, получение президентского поста, обеспечив М.С.Горбачеву гораздо большую свободу маневра внутри партийно-

государственных сфер, отнюдь не увеличило доверия народа; зато демонстративно еще более расширило персональную ответственность. Перед лицом каждого нового исторического вызова Президент вынужден будет — не по свойствам характера, не по своим политическим склонностям, нет, а по принудительным условиям поста и ситуации — делать выбор между уступкой и силой (но силой едва ли не в буквальном смысле). Вновь и вновь доказывать, что у нас «сильная исполнительная власть», не получив для этого дополнительных, истинно политических ресурсов, расширенной социальной базы. Горбачеву кое в чем будет легче, но в самом существенном — напротив.

Что до того, что якобы власть теперь будет перетекать от КПСС к Президенту, к президентскому и федеральному советам и пр. — то, если со временем будут прямые свободные выборы в Верховный Совет, если возникнет мощная оппозиция, со своей прессой, телеканалами и пр., если аппарат реализации президентских решений не будет иметь никакого отношения к обкомам, райкомам и т.д., если М.С.Горбачев поэтому перестанет быть высшим воплощением воли КПСС в государственной пирамиде, но превратится в надпартийного политического арбитра (пусть и оставшись рядовым членом той партии, которая ему дорога по духу), — короче, в ином, воображаемом будущем историческом контексте довод насчет «передачи власти от КПСС к Президенту» мог бы заработать. Но пока он не согласуется — о, мои чуткие к реальности оппоненты — с ежедневно поступающей информацией о тех, кто власть почему-то передавать не торопится. Да, как раз поэтому я готов согласиться, что сегодня М.С.Горбачев ни в коем случае не должен расставаться с положением Генсека; однако мы (и Михаил Сергеевич тоже) платим за это тяжелую цену. Ведь Президент — глава той самой КПСС, отказ которой от «монополии на власть» есть неперменное условие существования демократического Президента. Лидер является Генсеком, занявшим пост Президента; а не наоборот. Это объективная двусмысленность (или однозначность: как угодно). Сегодня Горбачеву рано уходить с поста Генсека, становиться советским Ярузельским? А завтра может оказаться — поздно. Вот это трагично.

Невообразимый трагизм нашего нынешнего положения состоит и в том, что мы сначала решили усилить власть Центра, чтобы... распускать СССР и создавать на его месте свободное содружество народов? Это неотвратимо. Но, может быть, не самый надежный способ попасть к экватору, направившись туда в противоположном направлении, через Ледовитый океан и Северный полюс. И — никак не менее существенно и трагично — экономические рыночные преобразования, которые со дня на день будут наконец предложены правительством и которые по своей принципиальной сути, возможно, будут отвечать давнишним требованиям оппозиции, неосуществимы без доверия людей, без терпения людей. Т.е. их будет не в состоянии осуществить руководство, которое справедливо считает себя преемственным по отношению к давнему и недавнему прошлому: руководст-

во КПСС. Оппозиция же не может попросту «поддержать» то, за осуществление чего не отвечает. За решения, в принятии и проведении которых она не сможет участвовать. За решения, возможно, опять половинчатые, которые все же не затронут большей части ведомственной экономики, не приведут к быстрой ее приватизации, к быстрейшему (ср. с Польшей) насыщению потребительского рынка, но зато цены взвинтят и быстро, и бурно. К тому времени, когда эти заметки будут напечатаны, мы узнаем, не напрасны ли эти опасения.

Деятели, которые несколько месяцев тому назад поклялись уйти, если их экономическая программа не приведет к успеху до конца 1990 г., теперь говорят, что уходить оснований нет, поскольку они ведь провалились со своей программой гораздо раньше... Ладно, оценим отменную административную шутовщину. Дело не в лицах. Дело в том, что любую новую, действительно эффективную программу сможет провести только еще не скомпрометированное, не отвечающее также за недавнее прошлое новое руководство. Это политическая аксиома. А значит, проводить рыночную реформу и национально-государственное преобразование могла бы попытаться — с величайшим риском и трудом! — только коалиция последовательных сторонников Горбачева и демократов-оппозиционеров, побеждающих аппаратчиков на выборах. Только левоцентристский блок под эгидой Президента.

Какой-то отечественный, особый вариант того, что произошло в Польше? Допустим. После июля такая коалиция теоретически не исключена. Сумест ли пойти на нее Горбачев? Сможет ли Президент совладать со своим недоверием и неприязненностью к тем, кто совершенно независимо критикует слева?

Президент обычно возражает и против нападков справа, но, похоже, в ином тоне, без такого раздражения. Хотя опасность, исходящая справа, повседневней и подлинней, более того, речь идет об единственной опасности, угрожающей перестроечному курсу в целом, но эти люди понятней, они из привычного окружения, они — враждебны, но, в общем-то, свои. Это аппаратная ситуация, а такими ситуациями Горбачев овладевает блестяще. Куда неприятней левые «популисты», их поведение никак не укладывается в правила хорошего политического тона, их лозунги и митинги подчас заставляют морщиться и либералов, но что поделать! — это озлобленность и представления, продиктованные жизненными условиями, не только тяжкими, но и оскорбительными для миллионов людей. Можно в ответ уйти с трибуны и усмотреть во враждебных лозунгах чей-то заговор. А можно — и необходимо — вступать в диалог с «толпой», потому что это не толпа, а начальные формы политической активности масс, и стройные колонны, демонстрирующие «единение партии и народа», не будет больше никогда. Придется идти навстречу не без причины разочарованным и гневающим людям, крайне важно завоевывать словом и делом стихию левого популизма, понять правду этих возмущенных рядовых людей, более существенную, чем идейное оформление и по-

ведение. Таких людей очень много, нельзя не помнить, что они — равноправные и необходимые участники перестройки, без их поддержки она провалится.

Что до интеллигентов либерального толка, наиболее глубоких и конструктивных критиков правительственной политики, то они также вызывают у Генсека едва ли не глубинную неприязнь. Они — чужие, они возражают не только Горбачеву, но и друг другу, и каждый опирается только на внутреннее убеждение, заносится, так сказать, лично. Но что подслать! — без них (я уж лучше скажу: «без нас»), как и без возникшей в Кузбассе «Конфедерации труда», как и без национально-освободительных движений — без союза всех демократических сил, и лучше бы в партнерстве с группировкой Горбачева, а не против нее — ничего хорошего не ждет ни страну, ни, конечно, инициаторов перестройки. А флажок на шахматных часах уже завис (некоторые даже считают — уже упал...). Так сумеет ли Горбачев немедленно развернуться лицом к оппонентам слева?

Однако и в этом варианте не все зависит от поведения Президента. Очень многое, но не все. «Настоящей» (т.е. массовой, организованной, умной, гибкой, зрелой) оппозиции в России пока нет. Ни в стране, ни — в еще большей степени — в парламенте. Так что всерьез блокироваться *пока* не с кем. И это, может быть, самый трагический элемент сегодняшнего положения вещей.

Вероятность всяких печальных исходов всегда, разумеется, остается. Но пугать друг друга этой вероятностью — пустое занятие. Никакой «гражданской войны» не будет, если новые правые увидят перед собой левоцентристский блок, новое правительство, которое поддержали бы 80-90% населения. Приговаривать «лишь бы не было гражданской войны» мало. Надо работать над возможностью поворота Горбачева и центра — влево. Для этого левые должны стать мощной силой уже летом. Достанет ли разумности и ответственности у их лидеров?

P.P.S.

Прошло еще две недели, спешу добавить несколько строк уже в гранках.

1. Прибалтика уходит. Можно затягивать и осложнять этот драматический уход спустя полвека после аннексии — но он все равно неминуем. И это еще не вечер (Грузия? Молдавия? Украина?!). Еще в марте 1990 г. не поздно было выложить на стол проект Договора о конфедерации. А сейчас? После поспешных законов о «разделении функций» и о «порядке выхода из СССР», законов бессильных, неосуществимых, следовательно, вредных, лишь провоцирующих ускорение распада — что же сейчас еще реально? Конечно, «Центр» достаточно силен, чтобы помешать центростремительным процессам. Но и процессы эти набирают достаточную силу, чтобы сделать управление из Центра — даже и Россией!.. — по меньшей мере шатким, если вско-

рости не невозможным (ср. с тем, что уже произошло в Прибалтике). Т.е. это — патовая ситуация. Возможно, проект А.Д.Сахарова уже отчасти устарел и нуждается в том, чтобы предусмотреть сохранение **особых** отношений с будущей конфедерацией для тех республик, которые войти в нее не пожелают. Европа, как известно, объединится в 1992 г. Может быть, нам надо уже сейчас обдумать и такой уровень (способ) объединения? — ибо слишком быстрый, лавинный распад СССР ужасен, за него как бы не пришлось заплатить кровавую цену, а такой цены не стоит ничего. Надо двигаться очень быстро именно для того, чтобы двигаться плавно, оседлать историю. И сохранить — вместе со свободой — близость всех частей бывшего СССР, сохранить настоящее содружество (не только общий рынок) на приемлемых для всех условиях. А кто-то и уйдет, что ж. Лишь бы и ушедшие, и оставшиеся были благополучны. Лишь бы выиграл каждый житель страны — точнее, наших стран, России, Украины, всех других.

2. За последние месяцы руководство СССР сделало, кажется, все ошибки, какие только можно было сделать. Некоторые люди, и я в том числе, убеждены, что:

— без «шоковой» экономической терапии не обойтись;

— ее социальные тяготы можно смягчить, бросив на чашу весов наш золотой запас, валютные резервы за рубежом, попросив помощь Запада под приватизацию экономики, под конкретные структурные реформы;

— проводить такую реформу можно только при поддержке республик, и на нее решится только новое правительство, в которое войдут представители оппозиции, правительство, имеющее широкую социальную основу, которой сейчас Кремль (то бишь Старая площадь) не имеет;

— не миновать роспуска Съезда народных депутатов и Учредительного съезда с принятием новой Конституции, но путь к этому пока неясен;

— зато, возможно, реален после июля некий альтернативный парламент граждан — может быть, российский, а может быть, всесоюзный? — который обсудил бы *иной* «пакет» экономических законопроектов и проект Союзного договора.

В таком неофициальном Съезде могли бы участвовать полномочные представители демократических фракций Съезда народных депутатов, российского и других республиканских Съездов или Верховных Советов, тех горсоветов, где у левых большинство, союзов избирателей, стачкомов и независимых профсоюзов, Конфедерации труда особенно, вновь возникающих демократических партий, национально-освободительных фронтов и т.д. Этот съезд общественных сил должен был бы сделать то, на что неспособна КПСС: указать конкретную программу выхода из кризиса. И вступить в переговоры с Президентом о «круглом столе» и правительстве национального спасения.

Сказанное выше — всего лишь вопросы, которые я задаю в первую очередь самому себе. Но такие же вопросы обсуждаются ныне

всюду, где собираются хотя бы два человека, которые уже не в состоянии говорить о чем-либо ином, кроме как о том, что нам предстоит пережить в ближайшие месяцы. Итак, что нужно делать? Чего нам следует ждать от Президента, каких решительных шагов в принципиально новом стиле? И, главное — на что способны мы сами, мы, «левые»?

Я больше не «мрачный оптимист». Не «мрачный» и не «оптимист». Я просто не думаю или стараюсь не думать о суммарных прогнозах, о том, что будет через год, два, три... Я пытаюсь понять, что нужно сделать завтра утром. Прежний оптимизм оказался оправданным, история возобновилась и уже не остановится. Но «перестройка» закончилась к прошлой осени. А глубинные перемены еще не произошли. Вот уже несколько месяцев мы существуем в историческом *промежутке*. Промежуток опаснейшим образом затягивается. «Оптимизм», «пессимизм», какого чорта! Это ярлыки, в которых нуждаются обзореватели, наблюдатели и пр. А нам нужно действовать. Мы должны быть волюнтаристами, да! — хотя и, желательно, умными, трезвыми волюнтаристами. Мы должны переломить неблагоприятные обстоятельства и предпосылки. У нас просто нет другого выхода — как у лягушки, попавшей в банку с молоком. Надо биться без устали, чтобы взбить масло. А когда выживем — вот тогда и порассуждаем о пессимизме и оптимизме.

Ю. Буртин

На злобу дня

Мы живем в такое кризисное и горячее время, когда очень трудно месяцами сидеть и писать, не отвлекаясь, что-то длинное. Даже если ты предназначаешь его именно сегодняшнему дню и не видишь возможности сказать короче: ведь сейчас уже прошла (или проходит) пора тех первых, односложных «да!» и «нет!», которые позволила выкрикнуть вдруг открывшаяся, пусть ограниченная, гласность, нужны основательность, анализ, объективное взвешивание различных «рго» и «сопга», а это требует и времени, и места. И однако же как не «отвлекаться»? Не читать газет, не включать телевизор? Не впускать в себя ни Сумгаит, ни Тбилиси, ни митинги и забастовки, ни первый съезд, ни второй?.. Не получается. То и дело волей-неволей бросаешь все и строчишь что-то на злобу дня. Конечно, без всякой мысли о том, что и по прошествии этого дня написанное может иметь хоть какой-то интерес. А между тем в результате получается нечто вроде дневника, который, сколько бы хаотично он ни велся, все же в известной мере передает движение твоих (а значит, и не только твоих) умонастрое-ний. Разумеется, лишь пунктирно, но все же тянется какая-то нить, которая, сплетаясь со множеством других, образует то, что позволяет называть публицистику «историей современности». Вот так и составили предлагаемые заметки. По тематическим и жанровым различиям я разделил их на две неравные части.

Письма народным депутатам

Так получилось, что большую часть 1989 г. мне пришлось провести в больницах. А с единственного на отделение телефона, у которого всегда хвост, много не наговоришь. Отсюда — обращение к несколько архаическому в наш век жанру письма на политическую тему. Предназначенные конкретным адресатам письма эти (кроме последнего) писались без мысли о публикации, что наложило отпечаток на их форму: тезисность, отсутствие развернутой аргументации, плавности в переходах и т.п. Как тотчас заметит читатель, многое в них, особенно в первом, успело устареть, притом очень быстро. Едва открылся Первый съезд народных депутатов, как все мы получили возможность убедиться в том, что решительно недооценивали способ-

ности нашего руководства, которое так спланировало и провело избирательную кампанию, что при почти полной иллюзии свободных выборов гарантировало себе во Дворце съездов твердое большинство. А затем и самый Съезд подготовило таким образом, что заранее нейтрализовало потенциальную оппозицию, втянув ее в закулисные предсъездовские переговоры и — ценой небольших уступок — навязав ей свой сценарий. Все дальнейшее было уже, как говорится, делом техники. Ну и соответственно, поскольку Съезд таков, каким мы увидели его на первой, а в особенности на второй сессии, то и соотношение этого нынешнего Съезда и нынешнего же Верховного Совета, конечно, рисуется сегодня совсем по-иному. А вернее сказать, дело уже не в поисках какого-то лучшего соотношения: просто не нужно никакого Съезда, а нужен непосредственно самим народом избираемый (действительно избираемый) Верховный Совет. Действительно высший законодательный орган страны, а не «карманный», по сути лишь совещательный, орган при Председателе (президенте). Есть в этих письмах и некоторые другие вещи, которые я сегодня написал бы иначе, но сознательно ничего не исправляю: ведь это означало бы примерно то же, что задним числом переписывать свой дневник. Отчасти по той же причине я отказался и от намерения устранить смысловые повторы между отдельными письмами. Надеюсь, читатель мне их простит, тем более что есть в них и свой резон — разъяснение и подчеркивание того, что, по мнению автора, оставалось особенно важным и актуальным. И так...

Письмо первое.
4 мая 1989 г.

...Самая главная опасность состоит, на мой взгляд, в недооценке того, что произошло. Ведь произошло великое. Несмотря на все «препоны и рогатки», поставленные как законом о выборах, так и усилиями властей (хотя отчасти и благодаря этим препонам), мы имеем — впервые за всю советскую историю — всенародно выбранный (действительно, в большинстве своем выбранный) высший законодательный орган страны. Высший не только формально, по конституции, но и реально, в смысле *возможной* своей независимости от кого бы то ни было, кроме народа. Такого у нас не было еще никогда, в том числе и при Ленине. Самая большая опасность и состоит как раз в том, что этот по закону высший орган страны, следуя прежнему, привычным представлениям о субординации, не сумеет, не посмеет стать действительной властью. Она, эта опасность, тем более велика, что некоторый процент депутатов этого не захочет активно, некоторый будет, особенно в начале, пассивен и оппортунистичен. Но отсюда следует только одно: вся надежда — на вас, демократически ориентированную и боевую часть депутатов. Вам предстоит с первых же минут открытия Съезда показать, что ни над вами, ни рядом с вами в стране

нет никого, кто мог бы в какой угодно форме навязать вам свою волю. Начиная с выбора президиума Съезда и выработки повестки дня, ничто не должно потечь по заранее — прежней властью — предопределенному руслу. Только так, как вы, действительные представители народа, посчитаете правильным и нужным. Это — преамбула, а суть моих предложений в следующем. Прерогативы Съезда определены принятыми недавно изменениями в Конституции таким образом, что он поставлен в заведомо ложное положение. С одной стороны, он признается высшим законодательным органом страны, с другой — почти вся реальная законодательная деятельность передается его отпрыску — Верховному Совету. Создается с виду просто нелепая, а на деле выгодная прежним правящим силам структура: два высших законодательных органа в одном государстве, из которых один, формально наивысший, существует только для того, чтобы породить второго, а затем фактически надолго «отмереть». Вот эту структуру Съезд, если не хочет превратиться в побрякушку, должен тотчас же решительно сломать. Говоря спокойнее — усовершенствовать. Оговорюсь и подчеркну: на сегодняшней (май 1989 г., первая сессия Съезда) стадии преобразований нашей политической системы я как раз против *большой* ломки. Как бы ни были плохи наша Конституция, избирательный закон, система органов власти и пр., я думаю, Съезду незачем уже на первой сессии пытаться поспешно что-то ломать и менять. Но одно важное дело — как предпосылку всего дальнейшего — он должен сделать обязательно. А именно — уточнить и законодательно закрепить собственный статус и соответственно статус Верховного Совета СССР. Общее направление такого уточнения: высший законодательный орган власти в СССР — *один*. Это — самим населением всенародно избираемый Съезд народных депутатов СССР. Только он в масштабах страны и правомочен принимать (или отменять, изменять) какие бы то ни было законы, только он утверждает союзное правительство и пр. Что касается Верховного Совета СССР, то это рабочий орган Съезда народных депутатов, главная обязанность которого, помимо повседневного контроля за деятельностью правительства, — *готовить* законопроекты по поручению Съезда, то есть вырабатывать их, обсуждать, шлифовать и представлять на его рассмотрение. Конечно, можно было вообще обойтись без Верховного Совета, заменив его совокупностью постоянных комиссий Съезда народных депутатов (или назвать Верховным Советом СССР то, что сейчас называется Съездом), и вполне возможно, что со временем дело в том или ином варианте к этому придет. Но сейчас — именно для того, чтобы не ломать слишком радикально двухзвенную форму, утвержденную (хотя и не Съездом) всего полгода назад, — лучше пока, сохранив ее, наполнить существенно новым содержанием: Съезд (по уполномочению народа) — хозяин страны, Верховный Совет — его *совещательный* рабочий орган. Кстати, при таком решении вопроса сами собой отпадут многие из трудностей формирования Верховного Совета, обновления его состава, участия в его деятельности «других»

депутатов и пр. Есть смысл и в сохранении при этом двухпалатной структуры самого Верховного Совета: наличие Совета Национальностей позволит апробировать каждый законопроект и со стороны его соответствия тем или иным национальным интересам. Сделать предлагаемое, я думаю, можно так. На первом же заседании Съезда, после выборов его президиума, секретариата и пр., и даже перед утверждением повестки дня, группа депутатов с мотивирующим докладом вносит на рассмотрение Съезда подготовленный ею проект закона «Об уточнении статуса порядка деятельности Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР». Очень короткий, состоящий, может быть, всего из следующих положений:

1. Избранный всенародным голосованием Съезд народных депутатов СССР является высшим законодательным органом страны, в исключительном ведении которого находятся:

— принятие (а также изменение и отмена) всех законов, действующих на территории Советского Союза, равно как и всех постановлений, имеющих силу закона, международных договоров и конвенций;

— формирование высших органов исполнительной и судебной власти Союза ССР и контроль за их деятельностью;

— объявление войны или начало любых военных действий (что-то в таком смысле, чтобы предотвратить какой-нибудь новый Афганистан); заключение мира; объявление чрезвычайного или военного положения в стране.

2. Съезд собирается на очередные сессии два раза в год, весной и осенью. Весенняя сессия открывается в первый понедельник апреля, осенняя — в первый понедельник октября. Продолжительность работы сессии — до исчерпания повестки дня.

3. Для выработки и предварительного обсуждения законопроектов, принимаемых Съездом народных депутатов СССР, а также для контроля за деятельностью высших органов исполнительной и судебной власти в период между сессиями Съезд народных депутатов СССР избирает из своего состава рабочий орган — Верховный Совет СССР. Верховный Совет СССР состоит из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей. Верховный Совет СССР заседает в течение всего срока между сессиями Съезда народных депутатов с одним в году месячным перерывом. Повседневной деятельностью Верховного Совета СССР руководит Президиум Верховного Совета СССР. Съезд народных депутатов СССР избирает — не менее чем из двух кандидатур — Председателя Верховного Совета СССР и его первого заместителя, а также утверждает в качестве заместителей председателей Верховных Советов всех союзных республик. Все депутаты Съезда имеют право, по своему желанию, принимать участие в работе Верховного Совета СССР и создаваемых им комиссий наравне с депутатами, избранными в состав Верховного Совета СССР.

4. На период пребывания в качестве народных депутатов СССР их работа в этом качестве признается приоритетной по отношению ко

всякой иной их деятельности, а ответственность перед своими избирателями, перед народом в целом — приоритетной по отношению к ответственности, обусловленной их служебным положением, членством в КПСС и любых других общественных организациях.

5. Съезд постановляет внести соответствующие изменения в Конституцию СССР.

Это — самое главное. Кроме того, еще два вопроса. Первый — о выборах Председателя Верховного Совета. Вопрос очень непростой. Расчет тех, кто с настойчивостью, достойной лучшего применения, добился придания этой должности, в сущности, президентского веса и вместе с тем (по сравнению, скажем, с президентами Франции или США, избираемыми из многих, а на финише из двух кандидатур всем населением страны) не только сузил круг его избирателей до двух тысяч человек, но и как бы предопределил заведомое «избрание» на эту должность не кого иного, как генсека, — этот расчет понятен. Между тем результаты выборов, и в первую очередь единодушное избрание Б.Н.Ельцина всей Москвой (наиболее благополучным местом в России по части колбасы, мыла и пр.), заставляют думать, что, будь сейчас кандидатура М.С.Горбачева представлена на всенародное голосование, его шансы были бы не слишком велики. Не только в Армении, Грузии, Прибалтике и пр., но и в России он едва ли набрал бы и 50% голосов. Более того: я не мог бы поручиться даже и за то, что если бы на нынешней сессии Съезда в качестве альтернативных кандидатур на пост главы государства были бы предложены Сахаров, Ельцин и Горбачев, последний имел бы большинство. В этих условиях, мне представляется, что депутаты Съезда попросту не имеют морального права сделать то, к чему их подталкивает нынешняя власть, — санкционировать уже состоявшееся «избрание» Горбачева. Это — с одной стороны. А с другой — справедливо ли и целесообразно ли было бы начинать новый этап перестройки «свержением» ее инициатора? Опять-таки, по-моему, нет. Разрешение этого противоречия я вижу в следующем. Зафиксировав в законе «Об уточнении статуса... Съезда народных депутатов...» принцип избрания Председателя не менее чем из двух кандидатур (кстати, этот принцип должен быть распространен на Советы всех степеней), Съезд принимает решение: ввиду того, что М.С.Горбачев лишь недавно приступил к исполнению обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР, отложить вопрос об избрании Председателя до *одной из следующих сессий* Съезда. Такое решение, не связывая руки Съезду, явилось бы в то же время весьма педагогичным в смысле формирования из товарища с задатками владыки демократического лидера демократического государства. И, конечно же, эта школа пошла бы на пользу не только ему одному. Вопрос о статусе Председателя и о целесообразности его избрания всенародным голосованием на этой сессии, мне кажется, поднимать не стоит из того же соображения: поменьше *необязательной в данный момент ломки*. И последнее — насчет гласности. На первом же заседании Съезда должно быть постановлено что вся его деятель-

ность, как и деятельность Верховного Совета и всех его комиссий (кроме отдельных заседаний комиссий по вопросам обороны), идет при открытых дверях. Вся она транслируется по телевидению (специальный канал, во всяком случае на время работы Съезда) и в виде полных стенограмм публикуется в специальном печатном органе. Лучше всего подходят на эту роль не «Известия», которые заслуживают того, чтобы сохранить их в теперешнем виде, а «Ведомости Верховного Совета СССР», преобразованные — соответственно под другим названием — в ежедневную многополосную газету. В той же газете изо дня в день могло бы идти и читательское, общественное обсуждение как уже выдвинутых законопроектов, так и тех предложений граждан, которые, по их мнению, могли бы быть облечены в форму законов. Принятые законы точно так же должны обсуждаться на страницах газеты — в интересах совершенствования законодательства и соблюдения прав меньшинства. Редактор газеты избирается Съездом и ответственен только перед ним.

Письмо второе.

1 июня 1989 г.

Принципиальный порок «политики перестройки» — старый порок «попытки перепрыгнуть пропасть в два приема». Не только в области практических действий, где постепенность (которую не следует путать с непоследовательностью и эклектикой) неизбежна, но, гораздо хуже, и в области целей. У перестройки «по Горбачеву» нет цели, каковой в наше время может быть только превращение сталинско-брежневской системы в *саморазвивающуюся* общественную систему. Единственно возможные, как доказала мировая история, механизмы такого саморазвития и саморегулирования — это рынок в экономике, демократия в политике и во всем остальном.

Вся сила, вся суть, вся альтернативность существующему — в последовательности проведения в жизнь обоих этих принципов.

1. Свободный рынок, на котором как абсолютно равноправные партнеры конкурируют, и завод, самостоятельно определяющий и свою производственную программу (вплоть до перепрофилирования по решению трудового коллектива), и выбор поставщиков и клиентов, и фонд зарплаты, и все прочее; и колхоз; и кооператив; и частный предприниматель (не говоря уже о фермере). Не «хозрасчет» — это убудочная попытка облечь внерыночные отношения в псевдорыночные, «стоимостные» формы, главная из которых «научнообоснованные», то есть придуманные в кабинете цены, а именно рынок во всем, что он дает и отнимает.

Тогда будут и самофинансирование, и самокупаемость, и все прочее, что сейчас только слова. А государство, получающее лишь примерно такой же процент прибыли, какой оно на Западе получает от фирм, осторожно регулирует эту рыночную стихию с помощью

главным образом кредитного механизма и такого госзаказа, который предприятие может взять, а может и не взять, если он ему не выгоден. Естественно, никакого директивного планирования кому бы то ни было, ни фондируемого распределения ресурсов. Никакой *власти* у министерств, число которых должно быть не больше, чем в Америке или в Англии.

При этом хозяйственная власть не должна перейти от них ни к каким псевдонимам вроде главков, трестов и ни к местным Советам (также лишь получающим свой процент от прибыли). Хозяин — завод, колхоз, частник и т.д. Перевод на рельсы такой экономики необходимо начать производить энергично, широко использовав (как в положительных, так и в отрицательных, предостерегающих аспектах) опыт Югославии, Венгрии, Китая. Ну и нэпа, конечно, а кое в чем и хрущевских совнархозов. Немедленно можно начать с деревни, широко заменяя колхозно-рыночную нашу коррумпированную и организованно-дефицитную госторговлю. Аренда. Сейчас на нее главный упор, но это никак не магистральный путь развития, ибо по самой сути держит арендатора в зависимом положении, на коротком поводке. В основном же средства производства — не в аренду, а в собственность тем, кто их использует, с правом наследования, продажи и т.п.

2. Демократия. Тут не надо ни времени, ни денег. Полная демократизация (полная в смысле соответствия современным мировым стандартам демократии) *немедленно!* Ключевые пункты:

а) Свобода печати в виде де-официализации прессы (2-3 газеты, сохраняемые в качестве официальных органов партии, Советов, профсоюзов, остальные — *не* «органы», а просто газеты и журналы, свободная пресса). Без этого всевластие аппарата неистребимо. Возможность для любой группы граждан издавать газеты и журналы, заводить издательства, лишь уведомляя об этом власти. Свободный рынок бумаги и полиграфических средств. Закон о печати, предусматривающий, наряду с этими правами и отсутствием цензуры, судебную ответственность за клевету на *лиц*, призывы к насилию, порнографию. То же — применительно к кино и пр.

б) Свобода союзов. Хотят люди объединиться во вторую, третью партию — пожалуйста. В любую, кроме фашистской и включающей в свои программы и практику насилие, в том числе и *насильственное* изменение существующего строя. А в рамках демократии пусть предлагают все, что угодно, включая демократическую замену социалистического строя капиталистическим (как поступают компартии на Западе, предлагая социализм вместо капитализма).

в) Свобода собраний и пр. Отмена известных указов и пр., замена их демократическими правовыми актами.

г) Свобода создания новых профсоюзов и «разгосударствление» существующих. Узаконенное право на забастовку (с определенными, законом установленными ограничениями).

д) Вся полнота законодательной власти — Съезду народных депутатов СССР с Верховным Советом в виде его рабочего органа, лишь *готовящего* законопроекты. Изменение избирательной системы, предусматривающее прямые, всеобщие и равные выборы как Съезда народных депутатов, так и главы государства, — обязательно из альтернативных кандидатур.

е) Последовательно сверху донизу проведенное разделение властей (законодательной, исполнительной, судебной) и полное лишение партаппарата каких-либо властных функций (включая ЦК и Политбюро). А то и до сих пор принимаются постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР — вещь нетерпимая в правовом государстве. Исключение из Конституции статьи о руководящей роли КПСС. Правящей партией она, как и любая другая, может становиться лишь по мандату избирателей в условиях реальной многопартийности на срок от выборов до выборов.

ж) Полный государственный суверенитет республик. Превращение СССР в союз республик, т.е. суверенных государств на деле. Правовые гарантии защиты нацменьшинств в каждой из них. Полнота осуществления принципа права наций на самоопределение, в том числе право республик по-своему строить систему экономических отношений и политических институтов.

з) При уважении к марксизму как одному из великих достижений человеческой мысли — отказ от государственной идеологии. Равное право на свободу выражения любых философских, религиозных (и атеистических), политических и т.п. взглядов. Проведение этого принципа в системе образования и в деятельности Академии наук.

и) Открытость советского общества — как в экономическом отношении (концессии и пр.), так и в смысле права свободного выезда (на любой срок) и возвращения. Широкий обмен прессой (с запрещением лишь ввоза и вывоза порнографической литературы и литературы с призывами насильственного изменения существующего строя), право лечиться и получать образование за границей, издавать там книги и периодические издания, предназначенные для советского читателя, и пр. Свободное право выхода советских предприятий на мировой рынок.

к) «Правовое государство» в полном объеме. Не повторяя всего, что на этот счет за последнее время написано и сказано, — право гражданина привлекать к суду, в том числе суду низшей инстанции, любое учреждение и любое лицо, включая главу государства.

Словом, нечего валить дурака. Если рынок, так рынок (в наших условиях неизбежно «социалистический», в том смысле, что Рокфеллера у нас нет, а маленькие рокфеллерчики, если они выйдут из «тени» и открыто пустят свои деньги в оборот, нам только на пользу), если демократия, так демократия.

То и другое — *в полном объеме*, а не в виде попыток «немножко забеременеть», по удачному выражению Л. Пияшевой. «Немножко»

привело только к отсутствию мыла и соли — с одной стороны, к Сумгаиту и побоищу в Тбилиси — с другой.

Письмо третье
27 июля 1989 г.

В нашей печати произнесено немало восторженных слов о том, что за всю советскую историю у нас еще не было ни подобных выборов (чтобы на выборах можно было действительно выбирать), ни такой бурной предвыборной кампании. Это правильно, но недостаточно. Если верно, что в общественных явлениях форма и содержание не всегда соответствуют друг другу, то вот перед нами пример того, как содержание может быть гораздо шире и значительнее своей формы.

Форма — предвыборная кампания и выборы, вещь вполне обычная в любом мало-мальски демократическом государстве. А содержание? Когда-нибудь в школьном учебнике истории карта 1989 г. будет похожа на карту 1905 или 1917 г.: места, где вас выбрали, будут на ней отмечены красными флажками. Ибо что такое реальная предвыборная борьба и действительные выборы в условиях тоталитарного режима, где до той поры многие десятилетия существовала безраздельная, бесконтрольная и всеобъемлющая власть партийно-бюрократической верхушки, использовавшей Советы, в том числе Верховный, лишь в качестве одного из рычагов этой власти, притом далеко не первостепенного по своему значению, а выборы давно превратившей в одну из своих «демократических» декораций? В подобных обстоятельствах это были не просто выборы, это была *революция*.

Я знаю, что таким словом сегодня никого не удивить: «революционный характер перестройки» — официальный тезис, да и сама перестройка то и дело определяется в нашей печати как «революция сверху». Беда, однако, в том, что если оставить в стороне внешнюю политику, то за четыре года перестройки ничего революционного к нам сверху не поступало: водопады слов, кое-какие заведомо половинчатые решения, в своей половинчатости обычно приносящие больше вреда, чем пользы, — вот и все. Настоящая революция началась только тогда, когда она пошла снизу — сначала в форме национальных движений в Прибалтике и прошлогодних летних митингов в Ленинграде, Ярославле, Ереване и некоторых других местах, затем уже в неизмеримо больших масштабах — во время предвыборной кампании.

Соотношение движений «сверху» и «снизу» было в этот период весьма своеобразным. С одной стороны, предвыборная борьба была санкционирована новым законом о выборах и таким образом получила благословение сверху. С другой стороны, тот же закон, отдав — под именем представительства от всесоюзных общественных организаций, включая совершенно мифические, вроде Комитета советских женщин, — третью часть депутатских мандатов (в реальности оказалось несколько меньше) лицам, выбранным не народом, а начальством, заведомо гарантировал последнему твердое большинство на

Съезде. Потому что заранее было известно, что в районах с пока еще низкой гражданской активностью населения (Средняя Азия и др.) без сопротивления пройдут те, кого укажут. Состав Съезда наглядно продемонстрировал, что, вопреки заверениям М.С.Горбачева, многие депутаты были выбраны в таких районах по вполне традиционной «разверстке» ЦК КПСС. Сверху же, притом с самого веру, негласно, но, вполне очевидно, поощрялось то яростное сопротивление, которое оказывал местный партаппарат выдвижению и регистрации не санкционированных им кандидатов, а затем и их возможной победе на выборах. То обстоятельство, что такое сопротивление, как можно было судить по прессе, оказывалось, за исключением вышедшей из повиновения Прибалтики, чуть ли не повсеместно и, однако, ни один волос не упал с головы нарушителей избирательного закона, говорит само за себя.

Итак, «сверху» явным образом хотели двух вещей: обеспечить себе на Съезде подавляющее («агрессивно-покорное», по точному определению Ю.Н.Афанасьева) большинство и одновременно ценой некоторого, возможно меньшего, числа «потерянных» мандатов — создать впечатление свободных, демократических выборов. Но в условиях доведенной до точки кипения страны результат оказался совсем не тот, на который рассчитана была хитроумная политика разрешения-сдерживания. Как той, так и другой своей стороной она весьма сильно способствовала превращению избирательной кампании в настоящую народную революцию против бюрократической диктатуры с такими очагами в центре, как Москва, демонстративно избравшая опального Ельцина, и Ленинград, вклепавший звонкую пощечину не только собственной партийно-советской верхушке, но и московской начальственной мафии (избранием Н.В.Иванова). Первую в нашей стране революцию, победившую (хотя далеко не повсеместно) без единой капли крови.

На волне действительно небывалого подъема гражданской активности масс, в ходе и в результате выборов в стране создалась совершенно новая ситуация. На недавнем совещании в ЦК т.Лигачев употребил слово «двоевластие» («Правда», 21 июля 1989 г.), и если снять раздраженно-панический оттенок, то оно к этой ситуации вполне приложимо. Действительно, наряду с прежней властью партаппарата возникла новая власть и, еще не начав непосредственно функционировать, уже оказывала влияние на всю духовную атмосферу в обществе, в частности, на содержание и тон телепередач, газетных статей, на многотысячные митинги в московских Лужниках, которые срочно пришлось разрешить, не считаясь с милым аппаратному сердцу указом, и на многое другое. Все это отчасти напоминало тот момент американской жизни, когда после выборов нового президента прежний еще несколько месяцев правит, но все взоры уже обращены к его преемнику. Впечатление усиливалось еще и тем, что на глазах у публики были в тот момент почти исключительно представители демократических сил, народные депутаты в подлинном смысле слова, а те, кто со-

ставит на Съезде упомянутое «агрессивно-покорное большинство», — секретари обкомов, сонные генералы с большими звездами на погонах, избранницы Ксмитета советских женщин, заранее озабоченные необходимостью, может быть, на целых две недели оторваться от семейного очага, и пр. и пр., — отнюдь не выступали со своими контр-программами и вообще никак не обнаруживали своего существования. Без учета названных обстоятельств, составивших непосредственный фон Съезда, нельзя правильно понять то, что на нем произошло. И тут опять-таки важно отличить содержание от формы, разглядеть его под оболочкой по видимости неадекватных ему событий.

Говорят: Съезд не сделал всего, что мог, и в этом смысле не оправдал (или не вполне оправдал) надежды народа. Это совершенно не те слова. Если исходить из «формы», то он сделал именно то, что и полагалось, к чему и предназначала его новая, «горбачевская» Конституция: избрал Верховный Совет, которому и передал полномочия дальнейшей законодательной деятельности, избрал Председателя Верховного Совета и утвердил представленных им руководителей высших органов исполнительной и судебной власти. Если же не ограничиваться формой, а поставить вопрос о *политической сути* решений Съезда, то он сделал нечто прямо противоположное тому, чего ждала от него страна. Он ликвидировал ситуацию «двоевластия», вернув всю полноту власти партаппарату (в лице Горбачева и др.); вместо того чтобы закрепить и развить результаты революционной весны 1989 года, он фактически свел их на нет. (Я говорю здесь не обо всем содержании и значении Съезда, которое, конечно, не сводится к его решению, но, с другой стороны, именно они составили его непосредственный практический итог.)

«Как это делается» — все мы прекрасно помним, вы — тем более. Хочу лишь подчеркнуть: ни прямое нарушение М.С.Горбачевым «своей собственной» Конституции — председательствование на первом заседании Съезда, предопределившем весь его последующий, с виду просто нелепый, «перевернутый» порядок (сначала выборы без обсуждения, затем «махание кулаками после драки»); ни скандальное отклонение предложения С.Б.Станкевича о поименном голосовании, укрывавшее «агрессивно-покорное большинство» от глаз народа; ни откровенное управление этим большинством, включение, когда нужно, «машины голосования» и выключение микрофонов; ни затыкание рта А.Д.Сахарову, совести нашего общества; ни, наконец, стремительное «окончание работы Съезда», очень похожее на разгон Учредительного собрания в 1918 г., — все это были не «недостатки процедуры» (нередко великодушно извиняемые: «учимся демократии») и не просто какие-то несимпатичные черты главы государства (и тех, кто у него на подхвате), вдруг воочию представшие миллионам зрителей. Если не обманывать себя и называть вещи своими именами, то это были приемы и формы тщательно подготовленного и с жесткой последовательностью проведенного *государственного переворо-*

та. Тоже бескровного, как и та народная революция, против которой он был направлен, но тем не менее вполне определенного по своей направленности¹. В этой связи хочется, в интересах будущего, сказать о двух главных ошибках, допущенных, на мой взгляд, демократическим «меньшинством» Съезда.

Первая — признание почти президентских полномочий главы государства, которыми наделила новая Конституция (принятая «черненковским» Верховным Советом после чисто символического «всенародного обсуждения») и вместе с тем участие в его выборах — без выбора, а главное, без какого-либо предварительного совета с народом, без обсуждения кандидатуры Горбачева и других возможных кандидатур на предвыборных собраниях, в печати, по телевидению и пр. Излагая свои программы, депутаты много говорили о том, за что и против чего они намерены выступать и голосовать, но я не помню, чтобы кто-либо из них изложил свою позицию по вопросу о способе избрания главы государства (на Съезде или прямым всенародным голосованием, как обычно избирают президентов в цивилизованных странах) и о кандидатуре на этот пост. А следовательно, они и не получили на этот счет никаких полномочий от своих избирателей. Может быть, отношение народа (а точнее, всех наших народов — от литовцев до каряков) к т. Горбачеву было настолько очевидным в своем единодушии и однозначности, что незачем было и спрашивать? Не знаю, на чем могло базироваться такое убеждение в стране, которая после четырех лет перестройки «по Горбачеву» не только пьет чай вприглядку, но уже и умывается не каждый день, сотрясается по международными побоищами, то взрывами. Да и результаты выборов в сравнительно благополучной Москве могли послужить своего рода тестом: всякому понятно, что, голосуя за Ельцина, москвичи, по крайней мере многие из них, голосовали тем самым против Горбачева. Поэтому действительно народные депутаты (с других и спросу нет) при подобных обстоятельствах не имели никакого *морального* права участвовать в его избрании, совершенно независимо от своего личного отношения к этой политической фигуре и от того, «за» или «против» отдали они свои голоса. Тем более — после того урока демократии, который преподал нам всем прекрасный поступок А.М.Оболенского.

Вторая ошибка — ваше участие в выборах Верховного Совета (без изменения его статуса) и таким образом в фактической самоликвидации Съезда народных депутатов в качестве реального законодательного органа.

Скажут, может быть: что могло дать чье-то неучастие — при условии гарантированного «президиуму» большинства? Молчаливое — практически ничего. Объявленное, мотивированное, а главное — подкрепленное *уходом* хотя бы десяти человек (на глазах у всего народа!) с заседания, где твориться что-то противное демократическим нормам, чести и достоинству народных избранников, — очень и очень многое. Пример литовских товарищей это наглядно показал, и весьма жаль, что он не только не был предвосхищен — ни при решении двух

вышеназванных главных вопросов, ни еще раньше, когда Съезду навязывался противоестественный регламент его работы, — но не был даже и подхвачен в дальнейшем. Эта нечеткость демократического поведения, чем бы она ни вызывалась — доверием к «инициатору перестройки» или растерянностью перед его диктаторским нажимом, стремлением к конструктивному диалогу или воспитанным с детских лет убеждением, что «меньшинство подчиняется большинству» (даже если за этим «меньшинством» преобладающее большинство народа), — весьма сильно повлияла на ход и исход Съезда.

Что ж, на ошибках учимся. Важно их по крайней мере не повторять.

Итак, в лице М.С.Горбачева и во многом благодаря его искусству Съезд народных депутатов СССР сделал то, чего от него меньше всего ожидали, — восстановил единовластие партийно-бюрократического аппарата. Да не просто восстановил, но отчасти и укрепил его, выдав руководителям этого аппарата мандат на власть теперь уже, действительно, от имени народа. При таком исходе дела и «разноголосица» депутатских выступлений и неединогласие голосований — все пришлось даже кстати: вот, пожалуйста, и волки сыты и овцы целы, и плюрализм соблюден и плюралисты остались с носом, на фоне своих смелых речей и предвыборных обещаний предстали если не болтунами и обманщиками, то по крайней мере людьми несерьезными, которых оказалось так просто столкнуть с дороги. Недаром такие властные, хозяйские нотки тотчас зазвучали в голосах председательствующих на первой сессии «своего» Верховного Совета...

И все было бы прекрасно, если бы восстановивший свою власть «аппарат» был на что-нибудь способен, кроме одного: жиреть от этой власти. Если бы это был не тот же самый аппарат, который за многие десятилетия своего господства, включая четыре последних года, довел страну до разорения, до полной катастрофы и не только не хочет, но даже при желании, при прямой угрозе его собственным интересам *не может* стать другим. Не может так управлять, чтобы не взрывались атомные электростанции и поезда, чтобы не опасно было идти по улице, чтобы вода исправно текла из крана. Не может ни демократизировать и накормить страну, ни позволить, чтобы она сама себя, отодвинув его в сторону, демократизировала и накормила ².

Вот и получилось: восстановление власти аппарата тут же — полтора месяцев не прошло — обернулось *кризисом этой власти*. Почему так скоро? Потому что люди уже стали другими и они уже больше не хотят ждать, когда им за хорошее поведение, авось, что-нибудь дадут или позволят.

Существует прямая и очевидная связь между результатами Съезда и июльской волной забастовок. Ни до Съезда, ни во время его работы забастовок не было и не могло быть, потому что появилась надежда. Итоги Съезда убили эту надежду, и люди поняли, что могут рассчитывать только на самих себя. В этом смысле нечто большее, нежели простое совпадение во времени есть между такими прямо не

связанными событиями, как забастовка шахтеров и собрание Межрегиональной депутатской группы: общая почва, одно и то же общественное умонастроение.

Видимо, как народ, так и его действительно законные представители больше не могут допускать, чтобы ими помыкали, чтобы под шум «перестроечных» речей им снова пытались навязать власть и волю все того же, что и пять, и десять, и пятьдесят лет назад, партийно-чиновничьего аппарата.

Организованная парламентская оппозиция — как одна из минимально необходимых гарантий демократии — существует везде, где есть парламент, хоть сколько-нибудь достойный такого названия. Без нее не обойтись и у нас, если мы не хотим вернуться к Сталину. И вовсе не нужно искать ей каких-то иных словесных обозначений, более привычных нашему идеологическому слуху. Не народ и не его избранные ответственные за то, что такие слова, как «стачечный комитет», «свободные профсоюзы» или «парламентская оппозиция», входят сегодня в наш внутривластный лексикон.

Но оппозиция сильна и действенна только тогда, когда у нее есть собственная программа. Детальная разработка такой программы — дело времени, теоретической и политической практики. Однако, главное, мне кажется, ясно уже сейчас и за последнее время в разных выражениях многократно высказано в нашей печати. Оно сводится, на мой взгляд, всего к двум пунктам, неосуществимым один без другого и в этом смысле сливающимся в единое целое.

В экономике: ставка не на «хозрасчет», а на последовательное проведение принципов *свободного рынка*, на конкуренцию равноправных и полностью самостоятельных (следовательно, целиком ответственных) товаропроизводителей — собственников средств и продуктов своего производства, будь то заводской коллектив, ставший собственником своего предприятия, или колхоз, или кооперативное товарищество, или крестьянин-фермер, или «даже» частный предприниматель.

Без обязательного государственного плана и любого иного командного вмешательства в хозяйственную жизнь, но с умным и осторожным регулирующим воздействием государства в формах налоговой политики, льготного кредитования, госзаказа на некоторые виды продукции и пр.

В общественно-политической сфере: столь же последовательно проведенные принципы демократии во всей полноте ее современных форм, выработанных в ходе исторического развития человечества.

Говорят: перестройке нет альтернативы. Это верно. Но перестройке «по Горбачеву» (а она уже достаточно определилась в своих очертаниях и границах) альтернатива есть. И даже не одна. История социалистических стран, нашей в том числе, знает уже достаточно много всякого рода перестроек, переперестроек и контрперестроек (также нередко называвших себя перестройками или какими-нибудь другими хорошими словами). Осуществление надежд народа на настоящую

перестройку, не словесную и не такую, которую через некоторое время (где оно у нас?) пришлось бы переделывать заново, — в очень большой степени в ваших руках.

Письмо четвертое
19 октября 1989 г.

Весь ход событий последнего времени, в том числе ежедневно демонстрируемая бесцеремонность, с какой председательствующие навязывают ершащемуся, но бессильному Верховному Совету принятие половинчатых, а значит, либо невыполнимых, либо заведомо вредных законопроектов, убеждает меня в том, что мы с ускорением ка-тимся не только к экономической, но и политической катастрофе — новой партийно-бюрократической диктатуре с инициатором перестройки во главе.

Противостоять этому могло бы только наличие в стране открытой и сильной демократической оппозиции, но ее нет. Надежды, связывавшиеся с Межрегиональной группой, оказались обманутыми. В свою очередь «аппарат» проявил исключительную мобильность по части создания всякого рода охранительных «фронтов» и «движений»³. Полагая, что мне нет нужды аргументировать перед вами эти тезисы, и опуская всяческие сопутствующие соображения, перехожу сразу к предложениям практического порядка.

1. Межрегиональная группа должна превратиться — пусть ценой потери большинства своих членов (это дело наживное) — в *Комитет парламентской оппозиции*, то есть организационно оформленную группу депутатов, выступающих с открытой критикой руководства и выдвигающих свою программу перестройки, суть которой проста и очевидна: «демократический социализм» шведского, венгерского и т.п. типа.

2. Самое первое, что, на мой взгляд, должен сделать такой Комитет, — это развеять (прежде всего в собственных головах) некоторые представления-миражи, которые сейчас более всего вредят процессу демократизации:

— о том, что Горбачев — это перестройка, а перестройка — это Горбачев;

— о том, что в стране, где нет реальной, организованной оппозиции, возможен сколько-нибудь серьезный и устойчивый прогресс;

— о том, что оппозиция, если она и существует, должна быть скромной, лояльной и обязательно «конструктивной», то есть принимать навязанные ей правила игры и участвовать в этой игре (поправочками к негодным законопроектам и т.п.), между тем настоящая конструктивность совсем не в этом;

— о том, что выполнить наказ народа, доверившегося своим депутатам, можно без обострения отношений с партийно-бюрократической властью, без открытой политической борьбы против нее.

3. В плане практическом первоочередные действия мне видятся так. Самосоздавшись, Комитет парламентской оппозиции принимает краткое заявление, в котором:

— осуждает «аппаратный» вариант перестройки и возлагает на правящую верхушку ответственность за резкое ухудшение экономического положения в стране, за фактическое провоцирование межнациональных конфликтов, доходящих чуть ли не до состояния войны, за укрывательство партийно-бюрократической мафии, за свертывание начатого было процесса демократизации, когда он пришел в противоречие с интересами этой мафии:

— излагает существо своей программы;

— провозгласив лозунг свободы печати, объявляет об издании Комитетом ежедневной газеты (под названием, скажем, «Демократ», раз уж «Народный депутат» оказался перехваченным) и налаживает выпуск такой газеты немедленно;

— обращается к тем, кто избрал вошедших в Комитет депутатов, и к народу в целом с просьбой поддержать создание Комитета и учреждение его газеты всеобщей однодневной предупредительной забастовкой.

Это заявление следует огласить с трибуны Верховного Совета и на массовых митингах, а также размножить и распространить в виде листовки, которая должна висеть на каждом заборе. Я убежден, что появление открытой парламентской оппозиции, выступающей с радикальной демократической, истинно народной программой, сразу и в корне изменило бы всю ситуацию в стране: вызвало новый общественный подъем, подняло активность депутатского корпуса, заставило само правительство считаться с тем, что каждый сделанный (или не сделанный) им шаг может оказаться под огнем жестокой публичной критики. Только с этого момента у нас и может действительно начаться перестройка. Вероятно, для первого заявления Комитета было бы достаточно перечисленных пунктов. Но в перспективе, притом в недалекой перспективе, я считал бы полезными и такие шаги Комитета:

— предложить провести в ближайшее время всесоюзный референдум с вотумом доверия Горбачеву и идеей выборов главы государства прямым всеобщим голосованием на альтернативной основе;

— высказаться за создание в стране массовой партии, в которой под лозунгом демократического социализма западного типа могли бы объединиться все, кто осознал необходимость глубоких перемен в нашем общественном и государственном строе. Ячейки такой партии, по сути дела, уже существуют во многих местах в виде разного рода «неформальных» объединений. Это — неизбежная перспектива социалистической системы (примеры Венгрии и Польши⁴ куда как красноречивы), и чем скорее она реализуется, тем лучше будет для всех, кроме бюрократов, взяточников и бездельников на окладе.

Я написал о *превращении* Межрегиональной группы в Комитет парламентской оппозиции, но возможно, даже желательно и другое

соотношение между этими образованиями: Межрегиональная группа сохраняется в ее нынешнем виде, но в ее составе как автономное и независимое звено выделяется названный Комитет, не перекладывающий на всю Межрегиональную группу ответственность за свои действия, и не отказывающийся от совместных действий с остальной частью группы, когда они возможны.

4. Сказанное не означает также для членов Комитета отказа от участия в деятельности Верховного Совета, но предполагает решительное изменение характера этого участия. В числе возможных первых предложений с этой трибуны:

— во избежание превышения председательствующими своих полномочий, ввести как на совместных, так и на раздельных заседаниях поочередное председательствование представителей союзных и автономных республик, а также Москвы и Ленинграда;

— принятие важнейших законопроектов (например, о собственности), подготовленных Верховным Советом, перенести на Съезд народных депутатов;

— обеспечить действительно широкое и свободное обсуждение таких законопроектов выпуском ежедневных вкладок во все центральные газеты, редактируемых специальными уполномоченными Комитета по гласности и подчиняющихся только этому Комитету, без какой-либо цензуры со стороны партийного руководства;

— обеспечить возможность выступить по каждому обсуждаемому вопросу для всех депутатов, желающих выступить;

— исключить диктат руководства, осуществляемого с помощью машины голосования: никакое решение не принимается, если совместное число голосующих «против», «воздержавшихся» и не участвовавших в голосовании превышает, скажем, $1/5$ присутствующих, или при несогласии с этим решением $2/3$ депутатов от какой-либо союзной или автономной республики.

Понятно, что твердую демократическую линию Комитет должен был бы вести не только в процедурных вопросах. Тут многое просится на язык — от общих проблем общественного и государственного устройства до таких «частностей», как упразднение КГБ, свобода выезда и въезда, сокращение срока службы в армии до одного года — с соответствующей интенсификацией военного обучения и призывами каждые полгода (сколько молодежи было бы этим ограждено от «дедовщины», спасено для труда и учебы!). Пусть такие предложения и требования будут отвергнуты, важно, чтобы они прозвучали и при каждом необходимом случае звучали вновь. Без этого мы никогда не будем демократической страной.

Я отдаю себе отчет в том, что предлагаемое мною — в наших условиях — почти революция, что у одних это вызовет несогласие, у других испуг. Но если это и революция, то, во-первых, мирная и сугубо легальная, во-вторых, других путей выбраться из этого жалкого и опасного состояния, в котором находится наше общество, я решительно не вижу.

Письмо пятое⁵
5 декабря 1989 г.

Со смешанным чувством прочел я проект Закона о печати. Взять по отдельности — я в нем почти со всем согласен. (Почти — потому что, например, запрещение разглашать государственную тайну должно, на мой взгляд, относиться не к журналистам, а только к тем, кто ею, по должности, владеет; иначе — опять цензура и возможность объявить государственной тайной что-нибудь вроде меню в буфете ЦК. А многое в проекте сказано даже очень хорошо — ясно, перестроечно, демократично. Но вот в целом... Есть у этого хорошего проекта один общий недостаток: читая его, нельзя оглядываться на нашу реальную жизнь. Чуть оглянешься — все впечатление пропало.

Вот мы говорим сейчас: демонтаж командно-административной системы. Но ведь одна из самых главных ее опор — та система печати, которая окончательно сложилась у нас при Сталине и благополучно существует по сию пору. Суть ее — в двух вещах.

Первое: в отличие от всего цивилизованного мира и даже от царской России времен любого из Александров или Николаев у нас не просто газеты и журналы, а «органы» чего-то вышестоящего. То есть, помимо закона, над каждым из них есть еще какое-то свое начальство, дальнее и ближее (в проекте дипломатично названное «учредителем»), рупором которого и призвано быть соответствующее издание. А рупор есть рупор. Районная газета, согласно заданной ей «программе деятельности» (ст.13), не критикует райком, областная — обком, «Гудок» — МПС и т.д., иначе редактору придется плохо. Я бы назвал это «сплошной официализацией» нашей прессы — по аналогии со сплошной коллективизацией, ибо воздействие той и другой на судьбы общества примерно одинаково.

Второе: все типографии у нас — государственные, и вся поступающая в них бумага заранее занаряжена для «органов». Поэтому, допустим, какие-то «граждане СССР» (я беру либеральный вариант ст.6), решили издавать свою газету — где прикажете ее печатать и откуда взять бумагу? А если даже они как-то исхитрились найти щелочку в этой стене — что такое будет их газета по тиражу, а значит, и по возможности влияния? Мышонок среди слонов. Вот тебе и «равное право на свободное выражение мнений» (ст.1)! Проект закона парит над подобными проблемами, как будто он предназначен, ну, например, для Франции. Но тогда стоило ли так горячиться из-за него в Верховном Совете?

Ну а если «демонтаж» сталинской системы не фраза и мы к нему действительно готовы, то давайте, не занимаясь самообманом, четко и ясно запишем в законе:

1. Газеты и журналы издаются, как правило, трудовыми коллективами их редакций на кооперативных началах; в своей деятельности редакции подчиняются только закону. Иной порядок подчинения (в рамках закона) может сохраняться лишь для специальных научных

изданий, а также для официозов государственных и общественных организаций союзного и республиканского уровня.

2. Типографии выводятся из ведомственного подчинения и получают статус народных предприятий, действующих на чисто коммерческих началах. Разрешаются кооперативные и частные типографии. Все ресурсы бумаги для газет и журналов поступают, вне всяких лимитов, в свободную оптовую торговлю.

— Ну что вы... — заранее слышу я унылые голоса. — Разве это позволят?..

— Простите, кто не позволит? Народ? Давайте спросим у народа. «Аппарат»? Но если мы готовы мириться с тем, что он у нас выше и Верховного Совета, и Съезда, и самого народа, то в таком случае имеет ли смысл обсуждать какие бы то ни было законы?

К партии «старого типа»

Сегодня уже всеми, кажется, признана необходимость реформы КПСС как одно из решающих условий реальной перестройки в обществе. Существуют, однако, очень разные представления о том, насколько глубокой должна быть эта реформа и какой должна быть обновленная партия. Поскольку вопрос в равной мере затрагивает всех, как коммунистов, так и беспартийных, позволю себе высказать свои предложения по этому поводу. Их можно рассматривать и как форму участия в обсуждении проекта «Платформа КПСС к XXVIII съезду партии»⁶.

1. Примерно с середины 20-х годов РКП(б) — ВКП(б) — КПСС перестала быть политической партией, то есть союзом равноправных единомышленников, а была превращена в особую жестко иерархическую организацию, ставшую стержнем антинародного диктаторского режима. Возродить партию как партию можно лишь в условиях реальной многопартийности. Партия высказывается за легализацию, гарантированное законом равноправие и равные возможности участия в политической жизни всех уже существующих и будущих партий независимо от их отношения к социализму и программных установок (за исключением организаций, выступающих под лозунгами насилия и национальной вражды). Отказываясь от претензий на роль «авангарда» общества и от руководства деятельностью государственных и общественных предприятий и учреждений, партия может стать правящей лишь по мандату избирателей, но и в этом случае сама не имеет никаких властных функций.

2. Естественно, что при таких условиях партии не нужен весь ее нынешний огромный руководящий аппарат. Он должен быть снизу доверху распущен, а его сотрудникам предоставлены возможности переквалификации для занятия производительным трудом в народном хозяйстве. Партийная деятельность во всех звеньях организационной структуры партии должна осуществляться в основном на обще-

ственных началах, при наличии лишь небольшого числа работников, занимающихся исключительно делами партии и получающих зарплату из партийной кассы: по 1-2 работника в районном и областном звеньях, по 10-20 — в республиканском и союзном руководстве. Заработная плата этим работникам устанавливается членами партии в пределах определенного «партмаксимума» (например, не свыше 500 рублей в месяц). В сочетании с отказом партии от властных полномочий, а ее членов от каких бы то ни было привилегий (преимущество при замещении руководящих должностей в государственном аппарате, возможность заслониться от уголовной ответственности партийным взысканием и пр.) это сразу очистит партию от хапуг и карьеристов, что, безусловно, резко повысит ее политический и нравственный авторитет.

3. В основу организационного строения партии кладется исключительно территориальный принцип. Члены партии могут объединяться по месту работы лишь для партийной деятельности, без какого-либо вмешательства в производственную деятельность соответствующих предприятий и учреждений. Взамен распускаемых партийных комитетов основными организационными центрами деятельности партии, в том числе при проведении избирательных кампаний, становятся партийные клубы. Партия высказывается за запрещение создания организаций какой бы то ни было политической партии в вооруженных силах, органах милиции и государственной безопасности; соответствующие организации КПСС должны быть распущены. Вопрос о вступлении республиканских партий в союзную и о выходе из нее относится к компетенции республиканской партии.

4. Обновленную партию я представляю себе как партию равных, в которой не будет ни начальников, ни подчиненных. Любой член партии должен иметь право присутствовать на съездах партии и на всех заседаниях ее руководящих органов с совещательным голосом, равно как и право свободного доступа ко всем, без исключения, документам, принимаемым этими органами, стенограммам обсуждений, партийному архиву и пр. Понятие «партийной дисциплины» исключается из обихода партии: ее члены в соответствии со своими убеждениями добровольно выполняют взятые на себя обязанности, решения партийных организаций и руководящих органов партии либо заявляют о своем несогласии с ними. В интересах обеспечения свободы мнений и динамизма развития партии в меняющемся мире признается законным существование в ней различных фракций в пределах общих принципов партийной программы. Для вступления в партию и выхода из нее достаточно заявления гражданина в территориальную партийную организацию. Вместе с тем ему может быть отказано в приеме, а член партии может быть из нее исключен, если партийная организация найдет его членство компрометирующим партию.

5. Материальные средства партии формируются за счет членских взносов, одинаковых для всех ее членов (вероятно, будет достаточно одного рубля в год), а также за счет издательской деятельности. По-

мимо книг, выпускаемых партийным издательством, партия издает общепартийную газету, два-три общепартийных теоретических информационных журнала, а также республиканские партийные газеты и журналы. Отказываясь от монополии на информацию, она передает в руки общества районные и областные газеты, а также все остальные газеты и журналы, в настоящее время издаваемые партийными комитетами различного уровня.

6. Основу политической программы партии составляют идеи «демократического социализма» в том понимании этого термина, которое принято в западной социал-демократии, а в последнее время получило широкое распространение и в странах Центральной и Восточной Европы. Согласно этому пониманию, общественный строй, отвечающий принципам демократического социализма, представляет собой саморегулирующуюся и динамичную социально-экономическую систему, для которой характерны:

- при сохранении государственной собственности в некоторых отраслях народного хозяйства (связь, транспорт, выработка электроэнергии и пр.) преобладание и полная свобода коллективной и индивидуальной хозяйственной деятельности на основе рыночных отношений;

- реальное народовластие, независимость суда, свобода печати и все другие нормы, права и свободы, свойственные современной развитой демократии, без каких-либо ограничений;

- открытость общества, право наций на самоопределение, включая свободу вхождения в федерации (конфедерации) и выхода из них;

- развитие всех форм общественной самодеятельности как условие разностороннего развития личности, стремление к гармонизации межличностных, социальных, национальных и международных отношений на основе взаимоуважения, терпимости, доверия и сотрудничества.

От капитализма такой строй отличается прежде всего тем, что большинство крупных и средних предприятий переходит в кооперативную собственность их трудовых коллективов, а также, особенно на первых порах, повышенным вниманием общества к помощи малообеспеченным слоям населения; от существующего «государственного социализма» — допущением частной собственности, заменой псевдорыночных «товарно-денежных отношений», в основе которых лежит директивное планирование, фондированное распределение ресурсов и «хозрасчет» на базе спущенных сверху цен, отношениями свободного рынка, естественным результатом которых является бездефицитная, высокоэффективная экономика. В политической сфере демократический социализм представляет собой диаметрально противоположность тоталитарной системе сталинско-брежневского образца, а от развитого капиталистического общества отличается (в условиях СССР) сохранением системы Советов, наполненной, однако, в условиях многопартийности принципиально новым содержанием. Указан-

ный строй рассматривается партией не как цель, которая может быть достигнута раз и навсегда, но как непрерывный процесс самоизменения человека и общества — самоизменения, ограниченность (стихийность) которого сочетается в разумных пропорциях с регулирующими воздействиями государства; последнее выступает в качестве контролируемого органа всего общества и выполняет главным образом роль средства развития и социальной защиты.

7. Теоретическая деятельность партии (для организации которой существует специальный исследовательский центр) состоит прежде всего в комплексной разработке проблем демократического социализма, чтобы обеспечить постоянную корректировку партией своей практической политики и программных установок. Ближайшей задачей такой деятельности является создание прогностической модели первичных форм демократического социализма для СССР и выработки оптимальных путей мирного перехода к ним из нынешнего кризисного состояния нашей общественной системы. Отдавая дань уважения всем прежним и современным течениям общественной мысли, заключающим в себе те элементы общечеловеческих ценностей, в том числе коммунистическим идеям Маркса и Ленина, партия, членами которой могут быть представители всех наций и социальных слоев, люди, исповедующие любые религиозные и атеистические взгляды, сторонники по преимуществу коллективной и по преимуществу частной собственности и т.д., не связывает себя исключительной приверженностью никакой социально-исторической доктрине и философской системе. Поэтому, а также исходя из всего опыта общественного развития в XX в. как в нашей стране, так и за рубежом, партия считает необходимым изменить свое название и именоваться впредь Партией демократического социализма (ПДС).

8. Близость вышеизложенного с Демократической платформой в КПСС, программными установками «Демократической России», Социал-демократической ассоциации и ряда других общественных организаций и движений, возникших в стране за последние годы, открывает возможность их объединения с ПДС, для самой же ПДС — перспективу ее вхождения в Социалистический Интернационал, что в свою очередь могло бы способствовать преодолению барьеров, отделяющих нас от западного мира (а теперь и от наших партнеров по СЭВ), объединению усилий по разрешению общеевропейских и глобальных проблем.

Мои предложения намечают, понятно, лишь общие контуры обновления партии, оставляя без упоминания многое из того, что должно быть отражено в ее программе и уставе. Думается, однако, что сейчас, накануне XXVIII съезда, имеет смысл в первую очередь очертить и продискутировать различные принципиальные подходы к проблеме.

Трудно ждать, чтобы серьезное обновление партии могло оказаться привлекательным для всех ее нынешних членов. Многие из них, включая преобладающую часть аппаратчиков, конечно, попытаются

сохранить КПСС в прежнем виде, лишь подвергнув ее тому или иному «косметическому ремонту». При неудаче таких попыток они, скорее всего, покинули бы партию, перестав видеть в ней что-либо полезное для себя. Однако в нынешних условиях им практически гарантирована удача (пусть временная и чреватая завтрашними катаклизмами). А в таком случае неизбежен раскол, это сегодня ясно. В конечном счете он послужит лишь на пользу как живым силам в КПСС, так и обществу в целом.

Постскриптум

Надо ли пытаться как-нибудь обобщить сказанное? Едва ли. Ведь все это не более как материал для размышления о том, что еще находится в движении и почти ни в одном пункте даже не приблизилось к какому-то завершению. Так что вместо точки -- "продолжение следует".

Примечания

1 Через полгода дальнейший ход событий поставил партаппарат перед необходимостью повторить и продолжить эту операцию, что и было сделано в форме стремительного введения президентства с безальтернативными выборами президента, без участия народа тем же гарантированным съездовским большинством. -- *Прим.* 1990 г.

2 Сегодня это место требует уточнения. Не приобретая позитивных для страны способностей, «аппарат» за последнее время показывает прямо-таки чудеса изобретательности, организованности и мобильности в борьбе за самосохранение и самоукрепление. Он мгновенно реагирует на опасные для него ситуации, а то и предупреждает их. Прикрывая игрушечной, бутафорской многопартийностью свою сохраняющуюся монополию на власть, он успешно препятствует сплочению демократии как силы, потенциально способной ему противостоять. Словом, это уже не застывший (как при Брежневле) и не растерянный (как в 1985--1988 гг.), качественно новый аппарат, энергично проводящий в жизнь свой, выгодный ему вариант перестройки. -- *Прим.* 1990 г.

3 А теперь даже и политических партий, поражающих экстравагантными для нас названиями («либерально-демократическая» или даже «православно-монархическая»), но порой тут же проговаривающихся о своей «консолидации» с КПСС. -- *Прим.* 1990 г.

4 А теперь и остальных стран Восточной Европы. -- *Прим.* 1990 г.

5 Опубликовано в "Литературной газете" 20 декабря 1989 г. под заглавием "Если без обмана" и послано в Комитет по гласности Верховного Совета СССР.

6 Теоретические основы этих предложений изложены в моей статье "Ахиллесова пята исторической теории Маркса" ("Октябрь", 1989, №№ 11 и 12).

От съезда к съезду:

становление новой политической системы

Откуда есть и пошла (выражаясь языком древнерусской летописи) идея правового государства в ее социалистической интерпретации? Вопрос не праздный, если учесть, что до недавнего времени эта идея считалась столь же несовместимой с социализмом, как и идея президентства с политической системой Советов народных депутатов.

Осознание необходимости коренного обновления экономической и политической структуры нашего общества назревало давно. Поэтому неудивительно то массовое и едва ли не мгновенное прозрение, которое наступило в стране после апреля 1985 г. Как только общество получило возможность высказаться (даже при всех внешних и внутренних ограничениях, которые сохранялись) — плотину умолчаний, фальсификаций и лжи прорвало. И те, кто привычно пытался регулировать, дозировать поток разоблачений и критики существующих порядков — оказались неспособными остановить его.

Были предприняты попытки исправить положение — закрыть прорыв гласности, а точнее всенародного возмущения, которое показало, насколько упал в народе авторитет правящей партии и вместе с ним рассеялся гипноз социалистической фразеологии и казавшихся до сих пор незыблемыми идеалов социализма.

На смену привычным лозунгам и призывам, которые из-за их несоответствия реальной жизни воспринимались все больше в юмористическом контексте, был сначала выдвинут лозунг законности, но в несколько непривычном для уха советского человека звучании: никто в обществе (ни один орган, ни одно должностное лицо) не должен быть над законом или действовать за рамками закона. Этот призыв, прозвучавший на XXVII съезде КПСС и зафиксированный в его решениях, прошел практически незамеченным широкой общественностью. Слишком уж часто в нашей истории призывы к законности раздавались в чисто пропагандистских целях и никакого смыслового содержания не имели.

Но в среде специалистов (юристов и политологов) было отмечено, что в данном случае пафос обращения к закону был направлен против той самой политической структуры, которая подменила собой закон и

право и от имени которой этот призыв прозвучал, т. е. против «надзаконного» положения партийных органов и должностных лиц КПСС.

Вслед за этим выдвигается идея формирования правового государства — идея, которая давно уже не воспринимается как дискуссионная в развитых странах, а если дискутируется, то только в плане противопоставления неправовым политическим и государственным системам. В социалистической правовой доктрине идея правового государства всегда отвергалась как буржуазная, т. е. противоречащая идеалам социализма. И она действительно противоречит им, если под идеалами социализма понимаются диктатура пролетариата, всеобщая уравнительность, монополизм государственной собственности в экономике и компартии в политической жизни.

Выдвижение идеи правового государства, соединенной с принципом приоритета общечеловеческих ценностей (примата человека во всех сферах жизни общества) — по существу явилось первым практическим шагом на пути к радикальному обновлению политической системы социализма. Необходимость разграничения функций партии и государства, проведение первых демократических выборов народных депутатов, создание профессионально работающего парламента, введение президентского правления и другие шаги по обновлению политической структуры общества непосредственно вытекают из идеи правового государства, являются практическим воплощением этой идеи.

Проследим, как это было. 1988 год — в Конституцию вносятся изменения, касающиеся структуры высших органов государственной власти и порядка их формирования, а также в избирательную систему. Аппаратный вариант этих изменений (подготовленный в недрах ЦК и одобренный руководством партии) был привычно единогласно принят Верховным Советом страны.

В новых конституционных правилах прежде всего поражает их сложность и недемократичность. Речь идет и о выборах от общественных организаций (благодаря чему некоторые избиратели на прошлых выборах народных депутатов СССР имели по 5—7 голосов), и создание двух дублирующих друг друга высших законодательных органов — Съезда народных депутатов и Верховного Совета, и сохранение монопольного положения КПСС и т. п. Сегодня ясно, что идея выборов депутатов от общественных организаций возникла в целях страховки партийного и государственного руководства от поражения на общих выборах в условиях падающего доверия к нему со стороны широких масс населения. И гвоздь этой идеи — 100 депутатов от КПСС, избранных на пленуме ЦК партии по безальтернативному списку, т. е. при обеспечении стопроцентного избрания каждого из выдвинутых кандидатов.

Но эта система имела и неожиданный для ее создателей побочный демократический эффект. Во-первых, в составе депутатского корпуса оказались представленными практически все группы и слои населения — Съезд народных депутатов с зеркальной точностью отразил

лицо страны, ее национальный и социальный состав. Во-вторых, из-за новизны избирательной системы партийный и государственный аппарат не смог провести выборы по-старому — путем подбора и назначения, а не демократического избрания депутатов, что позволило войти в число народных депутатов значительному количеству независимых и демократически настроенных кандидатов. Представители же партаппарата получили значительно меньше депутатских мест, чем обычно. Выборы народных депутатов СССР, проведенные в марте-апреле 1989 года, прошли гораздо более демократично, чем можно было ожидать. В них приняло активное участие большое количество новых неформальных политических организаций и движений (народные фронты, интернациональные фронты, комитеты «Выборы-89», политклубы и т. п.). Для КПСС, с ее застывшими бюрократическими структурами и методами работы, такой поворот событий оказался совершенно неожиданным. В результате в тех регионах и крупных городах, где уровень политического сознания и активности населения оказался более высоким, партийные функционеры и высокопоставленные государственные чиновники потерпели неожиданное для них сокрушительное поражение (Прибалтика, Ленинград, Москва, Свердловск, Киев и др.).

Совершенно неожиданной оказалась и реакция на это поражение органов партийной и государственной власти на местах. С непривычной для советской политической жизни смелостью они обрушили свой гнев за поражение на выборах на центральные органы партии и на средства массовой информации. Особенно резкая критика прозвучала со стороны Ленинградского обкома КПСС, представители которого все без исключения во главе с бывшим тогда первым секретарем обкома и кандидатом в члены Политбюро Ю. Ф. Соловьевым были отвергнуты избирателями.

Результаты первых выборов народных депутатов прозвучали первым звонком предупреждения о падении авторитета компартии в народе.

И сразу же обнаружилась беспомощность, некомпетентность многих партийных функционеров кабинетного типа, келейно выдвинутых на свои посты. Такое утверждение кадров обусловлено не только организационным строением партии, которое породило определенный отрыв значительной части аппарата от рядовых коммунистов, а в конечном счете и от народа, но и уникальным положением партии в нашем обществе, когда она стояла как бы вне закона или над законом.

Ситуация после первых выборов сложилась для партии крайне непростая и, я бы сказал, тревожная. Дальнейшее ее сохранение было чревато большими неприятностями как для самой партии, так и для общества в целом. И нужно видеть корень этой ситуации. Ведь нередко партийные работники чувствуют себя носителями истины и справедливости в последней инстанции. Больше того, многие из них абсо-

лютно уверены в том, что находятся выше законов и без того зачастую слабеньких, противоречивых, плохо работающих.

Партия и право, партийное руководство обществом и закон... До недавнего времени даже подобная постановка вопроса не подлежала обсуждению. А ведь именно в таком сопоставлении заключена едва ли не главная причина многих деформаций нашего общества — от нравственных до экономических. Если задуматься, именно условия, при которых партийные органы порой действовали так, будто законы не существуют вовсе, и стали едва ли не главной причиной сталинщины, волюнтаризма, застоя и других печальных явлений нашей жизни. Правда, в Уставе КПСС записано, что партия действует в рамках закона. Однако эти рамки настолько размыты и неопределенны, что вряд ли о них стоит сейчас говорить.

В условиях гласности явление это обнажилось и повлекло падение авторитета власти, государства, партии. Между тем в нормальном демократическом гражданском обществе, юридическим выражением которого является понятие правового государства, не может существовать ни одной общественной или политической организации, ни одного должностного или частного лица, не подверженного действию закона или стоящего вне его, над ним.

У нас же зачастую все наоборот. Поэтому еще и сегодня сильно, увы, неверие людей в возможность нормальными правовыми способами, например, путем обращения в суд, добиться восстановления справедливости. Куда же человеку обращаться? Парадокс, но оставался лишь один адрес — в партийные органы.

Чувствуете драму наших дней? С одной стороны, слабость и несовершенство государственных средств защиты гражданина. С другой стороны, партийные органы, аппарат, в силу своего особого положения как бы возвышавшийся над этим несовершенством государства. Вот почему у простого человека на него, на аппарат, и остается надежда. И граждане буквально забрасывали партийные комитеты письмами, заявлениями, жалобами подчас по пустяковым вопросам. Множество партийных работников вместо того чтобы заниматься своим прямым делом, вынуждены были писать ответы на жалобы, создавать комиссии по их проверке и т. д. В результате и партийный аппарат работал плохо, отвлекался от главного — «делать политику». И жалобы рассматривались кое-как. Поэтому, конечно, росло недовольство людей.

Первые выборы 1989 года. Первая победа демократических сил. Но еще важнее было то, что они — выборы — наглядно показали существование различных сил внутри компартии: противостояние массы рядовых коммунистов и партаппарата. Ведь более 80% избранных народных депутатов СССР были коммунистами, но многие из них выступали на выборах с независимыми платформами не только не совпадающими с общей платформой своей партии, но по многим позициям противостоящими ей. Ведь именно на этих выборах в программах многих кандидатов-коммунистов содержалось требование

отмены ст. 6 Конституции СССР, закрепляющей руководящее и монопольное положение компартии, и призыв к созданию многопартийной системы.

Никто тогда не мог и предположить, что менее чем через год сама партия в лице ее ЦК поставит (естественно под давлением объективного хода политических событий) вопрос и об отмене ст. 6 и об отказе от монополии на власть, и о признании необходимости развития многопартийной системы. Весной же 1989 г. вопрос партийными органами ставился совершенно иначе — о том, какого цвета партийный билет у таких депутатов-коммунистов, о том, что необходима борьба со всеми теми, кто «рвется к власти» и т. д.

В силу этих причин I Съезд народных депутатов оказался непредсказуемым для руководства страны.

Оценивая позицию Горбачева на этом Съезде, я бы не забывал вот о каких моментах. Соотношение политических сил и в Центральном Комитете партии и вообще в стране еще осенью прошлого года было совершенно иное, чем сегодня. На Съезде Горбачев продемонстрировал себя в качестве очень сильного политика. Его окружение, к сожалению, было совершенно недееспособно. Я понимаю, когда иные депутаты не могут этого делать в силу отсутствия политического опыта, но когда Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР оказывается неспособным провести заседание депутатов, это вызывает совершенно определенное отношение. Встречи с избирателями после Съезда показали, что пессимистическая, порой даже нигилистическая оценка результатов работы Съезда действительно была. И я думаю, это следствие того, что в большинстве своем наш народ только начал приобщаться к политической деятельности, от многих просто ускользнули очень важные вещи, которые происходили на Съезде. Я убежден, что при всех недостатках в организации и результативности I Съезда народных депутатов — это историческое событие, значение которого даже трудно переоценить, и вот почему. Во-первых, на нем были заложены основы новой политической системы. Это действительно только первый шаг, первые основы, но они уже есть. К примеру, решение о необходимости принятия новой Конституции, что еще вчера казалось невозможным. Им сформирован первый в нашей истории профессионально работающий парламент. Громадное влияние оказал Съезд на политическое просвещение народа, приобщение миллионов людей к политической жизни. Но, даже если бы результатом Съезда была только отмена статьи 11-прим Указа от 8 апреля в изменение статьи 7-й, включая туда слова «насильственные призывы и действия по свержению существующей власти», это, я считаю, уже оправдало бы созыв и проведение Съезда.

Один из наиболее весомых политических результатов работы Съезда — его решения по назначениям на высшие государственные должности. Накануне Съезда, как это всегда было принято в нашей стране, собрался Пленум ЦК КПСС, который принял рекомендации по кандидатурам на занятие высших государственных должностей. Но

еще до начала работы Съезда на встрече народных депутатов-коммунистов с членами Политбюро, где было сообщено об этих рекомендациях, последовала первая неожиданность — депутаты-коммунисты отвергли целый ряд предложенных им кандидатур на должности председателя Комитета народного контроля СССР, Комитета конституционного надзора, Председателя Верховного Суда.

Но еще большей неожиданностью была необычная уступчивость партийного руководства, которое уже в ходе работы Съезда (27 мая), созвало новый Пленум ЦК и на нем были даны другие кадровые рекомендации.

Совершенно непривычным и новым для советской политической жизни был и характер выступлений депутатов, обнаженность и резкость критических замечаний в адрес руководства страны и политики, проводимой компартией. Самыми примечательными по драматизму были два эпизода Съезда: первый — самовыдвижение А. М. Оболенским своей кандидатуры на пост Председателя Верховного Совета СССР (напомню, что за него проголосовало более 800 депутатов); второй — избрание Б. Н. Ельцина в состав Верховного Совета. Первоначально забаллотированный, Б. Н. Ельцин все-таки стал членом Верховного Совета в результате отказа депутата А. Казанника от своего места в Верховном Совете.

Были нарушены все первоначально намеченные сроки работы Съезда: вместо 30 мая он завершил свою работу 9 июня, но времени на обсуждение и принятие основного документа — постановления Съезда по основным направлениям внутренней и внешней политики — не хватило.

Депутаты уехали из Москвы, так и не приняв основных решений — это было поручено сделать редакционной комиссии на основе письменных дополнений и замечаний депутатов по предложенному Президиумом Съезда проекту постановления. Съезд, однако, принял немало конкретных постановлений, в частности, об образовании трех парламентских Комиссий по изучению документов, связанных с заключением пакта Риббентропа — Молотова, по расследованию событий 9 апреля 1989 г. в Тбилиси и по расследованию дела о коррупции в высших эшелонах власти (так называемое дело Гдльяна — Иванова). К работе этих комиссий в последующие полгода было приковано внимание общественности, а обсуждение на Съезде или в Верховном Совете результатов работы каждой из них стало политическим событием номер один и долго будет будоражить общественное мнение страны.

Следующим шагом в становлении новой политической системы стало формирование Верховного Совета СССР и его первые сессии. Аппарат неплохо поработал и при выдвижении по делегациям республик, областей и краев кандидатов в члены Верховного Совета и при организации голосования. В результате этого состав Верховного Совета оказался более консервативным, чем даже Съезд (свыше 40% членов Верховного Совета составили партийные и государственные

функционеры всех уровней), а многие известные экономисты, политологи, публицисты (достаточно назвать имена Г. Попова, Н. Шмелева, Т. Заславской, Ю. Карякина, Г. Лисичкина, В. Тихонова) были забаллотированы.

И тем не менее, Верховный Совет оказался значительно более самостоятельным, чем можно было предполагать. Этому способствовало и обстоятельство внутривнутриполитического положения в стране в результате невиданных по масштабу и организованности забастовок шахтеров, а также межнациональные конфликты в Закавказье и Средней Азии. Кроме того, сказался фактор профессионализации. Постоянно работающие члены Верховного совета быстро набираются политического и парламентского опыта. Поэтому уже на первой сессии Верховного Совета впервые в нашей политической истории формирование Правительства происходило в условиях открытого обсуждения кандидатов на занятие правительственных должностей и их программ, в результате чего уже в ходе предварительных обсуждений в комитетах Верховного Совета был отвергнут ряд кандидатур (из числа высокопоставленных партийных функционеров) на министерские должности, а другие были забаллотированы в ходе работы сессии.

Также непривычно происходило обсуждение плана и бюджета страны на 1990 г. По требованию депутатов впервые становятся достоянием гласности размеры военных расходов страны, публикуются данные о размерах государственного долга СССР и задолженности других стран перед нами и т. д., т. е. происходит становление парламентской системы со всеми ее атрибутами. В частности, работа профессионального парламента в условиях открытого обсуждения всех вопросов государственной жизни с неизбежностью приводит к возникновению каждодневных конфликтов с монополизмом компартии, с навязыванием ее руководством своих решений парламенту. Поэтому усиливаются требования отмены ст. 6 Конституции и необходимости перехода к многопартийной системе.

Мы стояли на пороге II Съезда с надеждой, с планами, с идеями... Я думал, что межсъездовский период общения депутатов с избирателями не пройдет даром, что события последних месяцев — забастовки шахтеров, межнациональные столкновения — такие, как блокада в Закавказье, наконец, бурные процессы демократизации в социалистических странах подтолкнул и Съезд к более радикальным решениям. К сожалению, получилось иначе. С этой точки зрения II Съезд разочаровал. В целом он показал, что Верховный Совет СССР по сравнению с ним шагнул в своем развитии значительно дальше. Вспомните, с какой легкостью, буквально на лету, Верховный Совет решил отменить выборы от общественных организаций — настолько это было самоочевидно. А на Съезде развернулась утомительная дискуссия, в которой чуть ли не главным мотивом звучала необходимость представлять интересы инвалидов. В течение трех дней пытались проголосовать на этот счет. И в конце концов приняли компромиссное решение. Точно так же, если на сессии Верховного Совета не

хватило трех голосов для включения в повестку дня Съезда назревшего вопроса о 6-й статье Конституции, то Съезд большинством почти в две трети голосов высказался за ее сохранение. Хотя решать этот вопрос нужно было прежде всего в интересах самой партии, ее престижа.

Главное отличие его от I Съезда — большая консервативность и большая активность партийных и государственных функционеров. Судите сами: каждый второй выступивший на Съезде либо секретарь обкома, либо республиканского ЦК, либо председатель Совмина республики. Аппарат был на этот раз более организован, и Съезд народных избранников временами напоминал партийные съезды — XXV или XXIV — и по духу, и по тональности.

Для меня очевидно, что II Съезд народных депутатов по сравнению с первым пошел «вправо». Это существенно сказалось на его эффективности. Поэтому пессимистические оценки Съезда значительной частью избирателей не лишены оснований.

Самое важное из решений Съезда — утверждение экономической программы правительства на пять лет. Программа была неэффективна с самого момента принятия. Это было ясно видно, как и то, что в этом придется признаться через полгода. Я говорил об этом на Съезде, после Съезда и не ошибся. Ведь в основе выработанной программы лежала система административных мер чрезвычайного характера по стабилизации обстановки. Но история выхода большинства стран из экономического кризиса показывает, что подобными мерами из трудного положения не выйти. Но, главное, — принятая программа не имела фундамента в виде законов — о собственности, о социалистическом предприятии, о земле, о налогообложении и так далее. А ведь это контуры будущей перспективной экономики. Уже тогда было ясно, что после весенней сессии и принятия перечисленных законов экономическая программа будет корректироваться этак процентов на 90.

Что поделаешь, у нас сейчас самая примитивная экономика. Экономика, при которой все руководство осуществляется по принципу управления вожжами сверху. Пора понять, что одним кучером в такой стране, как наша, не обойтись. Нам нужно переходить на более сложные формы, методы взаимоотношений экономического развития.

Надо сменить методологию планирования. Какая у нас методология планирования, начиная со времен Сталина? Мы сегодня выплавляем, скажем, 50 млн. т стали, завтра надо бы 100 млн. А методология государственного планирования должна отталкиваться не от стали, не от дерева, а от человека.

Что должно было бы сделать правительство? Подсчитать, имея в основе индекс цен, каков минимальный прожиточный минимум. Допустим, определили: чтобы не помереть с голоду — 100 руб. Далее надо было научно разработать нормативы: сколько требуется человеку различных продуктов, чтобы нормально жить, — одежды, обуви и прочего, т. е. средние нормы. Вот эти средние нормы надо перемен-

жить на наше население и определить затем, сколько нужно тех самых стали, проката, леса и так далее. Только этим в первую очередь должно заниматься правительство. И, конечно, общими нуждами, связанными с обороной и прочим. Все остальное — это вообще не дело правительства! Все остальное должны решать на местах сами предприятия, банки, местные органы власти. И тогда мы наконец сможем подойти к нормальному обществу, в основе которого должен быть человек. Все плановые расчеты надо строить исходя из того, что в стране проживает такое-то количество людей, из них столько-то пенсионеров, столько-то учащихся, столько-то работающих в промышленности, столько-то в сельском хозяйстве. И вот по этим пропорциям населения определять, кому что надо. Государство должно взять на себя только обеспечение минимальных потребностей каждой группы населения. И ничего больше! Все остальное надо отдать решать самим людям. Во всем мире, между прочим, при всей разности систем этот принцип действует и дает результаты.

Вот, кстати, в последней статье М. С. Горбачева о социалистической идее есть такая заглавная мысль: пора перестать навязывать обществу, общественной жизни, экономике в том числе, готовые теоретические схемы и решения. Правильно там говорится: сегодня нет абсолютно надежной, абсолютно отработанной готовой схемы. Мы должны идти от жизни, от ее реальностей. И вот на этих реальностях основывать все наши решения.

Конкретный пример. Как разрабатывались концепции регионального республиканского хозрасчета в Эстонии? Я там работал какое-то время, меня приглашали для консультации. Ведь эта работа ведется в Эстонии уже более трех лет, причем работа, при которой они пошли от человека и определили, сколько для республики чего нужно произвести. В соответствии с этим определили профиль всех предприятий. Главное в этой системе то, что они выводят все предприятия из подчинения министерствам. Вместо министерств там создаются госкомитеты, которые выполняют лишь координирующие функции. Координация сводится к тому, что если, допустим, наметился провал (скажем, республике нужно столько-то определенной продукции, но по каким-то причинам она не получена), то конкретный госкомитет должен в результате ли обменных операций или каких-то других решить оперативно эту возникшую проблему. Именно в этом и есть смысл деятельности таких госкомитетов.

Сегодня мы, наконец, подошли к главному — осознанию мысли о необходимости переоценки производственных, базисных отношений. В чьих руках находятся средства производства? Кто истинный хозяин на земле?

Но именно на эти вопросы ответы на II Съезде народных депутатов не прозвучали, поэтому я и голосовал против программы, предложенной нашим правительством. А какие колоссальные усилия тратить на то, чтобы ни один из основополагающих законов не принимать.

Если бы мы на Съезде, как это предлагала большая группа депутатов, объявили о проведении земельной реформы, заявили, что каждый человек может получить для обработки землю и в течение трех лет не будет платить никаких налогов, то, уверен, сотни и тысячи людей вернулись бы на землю. Ведь многие горожане — это горожане в первом поколении. Те вчерашние крестьяне, кто живет сегодня в общежитиях и коммуналках, кто понимает, что ест не те продукты и дышит не тем воздухом, — они бы вернулись, ибо не утратили инстинкта самосохранения.

К сожалению, во многих еще сидит пещерно-общинный страх перед частной собственностью. Хотя я предпочитаю иной термин — собственность граждан, хотя и термин «частная собственность» ничего дурного не таит. И Маркс говорил, что ничего в ней страшного нет, если она — трудовая. А в нашем законе вполне можно предусмотреть ограничения, чтобы она не превращалась в средство эксплуатации других людей, чужого труда.

Но мы же в сфере, скажем, промышленности не предлагаем передать Кировский, бывший Путиловский, завод в частную собственность современному Путилову. Другое предлагается — чтобы сами трудовые коллективы на акционерных началах стали собственниками. И каждый рабочий стал собственником своего производства. Сегодня на Западе практически так уже и происходит. Есть множество фирм, принадлежащих именно коллективам, в которых нет ни одного человека, имеющего более двух процентов акций. Но ведь послушаешь иных наших идеологов, так у нас сегодня вообще власть в руках дельцов теневой экономики. Может, так и есть, им виднее: они ведь ближе к власти. Но тогда давайте выяснять, кого считать этими дельцами.

Мне как-то понравилась зарисовка в одной из газет... Дача в лесу, около дачи — «мерседес», в «мерседесе» сидит человек, в его сердце «горит любовь к рабочему классу».

Так вот таких людей в «мерседесах» у нас, к сожалению, немало. Тех, кто клянется в любви к рабочему классу, но думает прежде всего о своих дачах и «мерседесах». Именно от них чаще всего исходят рассуждения об угрозе капитализма, который большинство наших соотечественников в глаза не видели.

Но скоро, возможно, увидят. Намечается принять закон (он уже готов) о свободном въезде в СССР и выезде за рубеж, в том числе и на работу.

Думаю, что немало наших сограждан сможет поехать и поработать за рубежом. Пусть мы вначале проиграем, потому что на время потеряем лучших рабочих, инженеров, наиболее предприимчивых людей. Но они вернуться с опытом настоящей работы. Ведь мы, если начистоту, разучились по-настоящему трудиться, прежде всего на производстве, отвыкли от требовательности к качеству изделий. И только потому, что создали систему, в которой распределительные отношения господствуют над производительными.

Когда я вижу, как люди бьются у ювелирных магазинов в стремлении купить золото или бриллианты, я думаю: эти толпы — тоже лицо нашего народа. Невежественное лицо. Лицо людей, не умеющих экономически мыслить. Потому что стремление истратить сбережения на какие-то побрякушки, которые завтра, скажем, подорожают, — это ведь от примитивизма мышления. Ведь по-настоящему вкладывать средства необходимо в производство, в ценные бумаги, в акционерное общество. Тогда деньги приносят новые деньги.

Но где они — эти общества, ценные бумаги?

Пока их нет, но уже приняты первые решения. Нам надо серьезно подумать, стоит ли государству стричь, брить, мыть своих граждан. Это могут делать и частные предприятия, и кооперативы, и акционерные общества. Нерасторопность в принятии таких экономических решений приведет нас к банкротству. Через это прошли Англия, Франция, да и США тоже.

Я думаю, что сегодня большинство машиностроительных, транспортных предприятий мы вполне можем сделать акционерными. Владельцем акций, обладателем даже контрольного пакета акций может стать и государство. Но для этого нам необходим серьезный экономический «кликбез». Причем не только рядовым гражданам. Вспоминаю, как один из крупных руководителей в своей речи называл межотраслевые объединения наших гигантов «Энергомаш» и «Технохим» — одновременно и концерном, и синдикатом, и консорциумом. Я был поражен: ведь каждое из этих понятий подразумевает совершенно разные формы хозяйственных организаций, отличающихся друг от друга едва ли не так же, как зима от лета!

Но главная наша беда — идеологизированность советской экономики. Пора перестать ее идеологически насилловать. За семь десятилетий мы убедились, что это занятие себе в убыток.

Сегодня все у нас идет по упрощенной схеме продразверстки. Государство в целях пополнения бюджета стремится выкачать максимум средств из граждан и предприятий, чтобы закрыть свои финансовые дыры. Но тем самым создает серьезное препятствие на пути вперед. Мы сейчас избираем худший способ решения проблем: затыкаем дыры за счет хорошо работающих предприятий, у плохого-то что возьмешь. В результате отбираем у экономики ее животворные силы, обесточиваем ее.

Республики Прибалтики отравились по пути рыночной экономики. И готовясь к своему региональному хозрасчету, основательно продумали специализацию предприятий, определили, что и каким образом надо своими силами дополнительно произвести, выявили и поставили задачи, необходимые для решения в первую очередь, во вторую, в третью... Идут своим путем, хотя нередко и за счет соседей, не успевших перестроиться.

Высказываются, правда, и иные мнения. К примеру, один из лидеров Интерфронта в Эстонии Шепелевич заявил, что перемен не ощущается, а видно лишь, что происходит заигрывание с населением,

поднимается заработная плата, но одновременно растут и цены. Ему неведомо, что именно это — апробированный вариант решения проблем в кризисных ситуациях во всем мире. Эстонцы целенаправленно создают новые экономические условия. Добавьте сюда еще широкие международные связи, совместные предприятия, открытие рынка для иностранных фирм и зарубежного капитала... Время покажет, какой путь наиболее эффективен. Но в любом случае придерживаться старой экономической стратегии больше нельзя.

И это с каждым днем становится понятней все большему числу людей.

А тогда на Съезде было очень сильное ощущение того, что мы зачастую были не тем заняты. Во всяком случае, я считаю: несколько дней обсуждения экономической программы правительства вообще были потерей времени. Потому что это опять была попытка перемешать законодательную власть с властью исполнительной. Съезд — это законодательный орган. Я бы понял правительство, которое пришло бы к нам и сказало: «Вы нас назначили, вы дали нам полномочия, мы составили программу выхода из кризиса, а теперь просим вас внести изменения в действующее законодательство или принять новые законы вместо старых, которые мешают нам эту программу реализовать». А что нам предлагают? Нам дают традиционную, так сказать, программу: вот там мы увеличим, там сделаем то-то и то-то, и получилась программа без... фундамента. Ну, в самом деле, как же можно разрабатывать программу, не имея законов о собственности, о земле, о налогообложении, о соцпредприятии, о взаимоотношениях центра и республик? Ведь любой из этих законов может заставить эту программу, принятую Съездом, существенно пересмотреть. И поэтому мы действительно занимались не своим делом. Ведь тот, кто голосовал за программу правительства, тем самым взял на себя ответственность и за провал этой программы, верно? Сегодня премьер пытается разделить с нами свою ответственность. Чтобы завтра мы не могли сказать: «Программа правительства провалилась, своих функций оно не выполнило — пусть уходит в отставку». Депутаты не должны возлагать на себя исполнительные функции. Каждый должен заниматься своим делом.

А что происходило на Съезде? Ну, смотрите, ведь все председатели советов министров союзных республик и секретари обкомов, которые выступали, например, в прениях по докладу Н. Рыжкова, должны были все свои вопросы решать в рабочем порядке, в кабинете Предсовмина Союза или в ЦК, а не на Съезде! Вот выступает, например, депутат, председатель областного исполкома с такой жалобой: «Минлеспром не оставляет нам леса!» Простите меня, но даже по действующему Закону вы — хозяева территории, вы имеете право запретить вырубку леса в вашей местности. Что же вы жалуетесь с этой трибуны?! А жалуетесь он потому, что его, этого председателя, утверждают... в Москве! И он сегодня в своей должности на 99% зависит от Москвы, а не от местных Советов. Но если завтра он будет действи-

тельно зависеть от депутатов местного Совета, то он будет думать, что надо реализовывать свои законные права и нести ответственность за бездействие, за некомпетентность и т. д.

Одним словом, нам надо в корне переориентироваться, осознать, наконец, что такое Съезд и для чего он созывается: для того, чтобы решать законодательные, прежде всего конституционные, вопросы, а не обсуждать те или иные проблемы.

Ведь собралось более 2000 человек! Мало того, что мы едем сюда, нам платят командировочные, оплачивают дорогу, гостиницу и так далее, — кроме всего прочего, это же цвет страны, оторванный от работы! И речь не только о депутатах. Вот возьмите наше правительство: оно едва ли не в полном составе сидит здесь, в зале, и выходит, что все это время страна без руководства? Так? А партия? Партийное руководство тоже сидит на Съезде. Кто в это время руководит страной? Клерки. Во имя чего? Чтобы мы здесь обсуждали хозяйственные проблемы?

Но несмотря ни на что дискуссия на II Съезде все-таки получилась. Вся сложность стоящих перед страной проблем еще раз выплеснулась, и пришло понимание, что полумерами положение не исправить.

Мне кажется также, что второй Съезд наглядно показал, что существование двух параллельных органов власти нецелесообразно и неэффективно. Я также думаю, что съезды народных депутатов уже не нужны, они сыграли свою роль.

Нам нужен настоящий профессиональный парламент. Верховный Совет уже сумел показать, что работает более эффективно, чем Съезд. И будет работать лучше, если в процессе ротации произойдет более радикальное «оформление» нового Совета. По результатам опроса делегатов на Съезде только 35% выразили желание работать в Верховном Совете страны. Многие депутаты чувствуют свою неподготовленность, и возникает естественное желание уйти с политической сцены. В то же время мы помним по первому Съезду: многие первоклассные экономисты, публицисты в Верховный Совет не попали. Сказалось здесь и малое знакомство друг с другом, с позициями и взглядами депутатов. Я, например, в некоторых случаях при голосовании допускал ошибку, вычеркивая, по моим понятиям, функционеров, но оказалось, что многие из них хорошо, профессионально подготовлены и прекрасно работают в Верховном Совете.

У большого числа, к сожалению, послушание в крови. Больше или меньше, но в крови. Вот пример: Наш известный экономист акад. Л. И. Абалкин взвалил на свои плечи нелегкий груз Заместителя председателя Совмина, возглавил разработку экономической стратегии развития страны. Однако, как показал II Съезд, при разработке программы правительства под давлением наших непростых экономических реалий, он, по сути, вынужден был отказаться от большинства своих же теоретических взглядов. Боюсь, что завтра его могут сделать «козлом отпущения» за очередные провалы. А ведь это по-настояще-

му умный, один из самых знающих экономистов в стране, к тому же глубоко порядочный человек.

А у меня есть примеры более обнадеживающие. На Пленуме ЦК, который предшествовал II Съезду, выступил Министр внутренних дел В. В. Бакатин и предложил, чтобы М. С. Горбачев сам выступил на Съезде с вопросом о 6-й статье, что только повысит авторитет партии.

Предложение Бакатина, как известно, большинством голосов не было принято. И, на мой взгляд, прежде всего потому, что многие партийные функционеры увидели в этом реальную потерю власти.

О 6-й статье тогда много говорилось и в том числе, то, что ее не было ни в ленинские, ни в сталинские времена, а что это меняло?

Такой аргумент несостоятелен, как несостоятельно любое прямое обращение к истории. Сейчас на дворе не 1937 год, и наше общество не то, и никогда таким уже не будет. Этот довод, обращенный в прошлое, не работает.

По известному выражению историка М. Н. Покровского, история — это политика, обращенная в прошлое. На мой взгляд, эта формула обретает более полное содержание при таком добавлении: но и политика — это история, опрокинутая в будущее. Только тогда, когда мы научимся извлекать уроки из прошлого, только тогда мы сможем осуществлять настоящую политику в интересах народа. Но и до этого мне, да и многим другим депутатам приходилось постоянно говорить, что отмена 6-й статьи в сегодняшних условиях будет означать изменение правового взгляда на партию, как на одну из общественных организаций. Вопрос в том, чтобы она заняла подобающее ей место — политической организации, идеологической силы. Став элементом правового механизма, партия будет введена в рамки закона.

Это позволит решать многие вопросы по-иному. Скажем, сегодня в Ленинграде сложилась катастрофическая обстановка с архивами Академии наук. На грани гибели из-за хранения в совершенно непригодных условиях рукописи Ломоносова, Кеплера, сотни тысяч бесценных документов и книг. А в это же самое время для партийного архива Института истории партии при обкоме построено современное здание на улице Воинова с самым совершенным оборудованием. И Академия наук униженно просит, чтобы спасти наше национальное достояние, временно, до окончания строительства собственного архива, передать хотя бы небольшую часть этого здания. И пока еще вопрос окончательно не решен.

Другой пример, журнал «Человек и закон», являющийся непартийным органом, ежегодно передает более 50 млн. руб. прибыли в партийную кассу. Почему?

Мы в Верховном Совете уже обсуждали эту проблему. Необходимо ликвидировать параллельное существование партийных и государственных аппаратов. Сколько бы мы ни говорили о разграничении их функций, пока у нас на каждом уровне государственные органы

контролируются соответствующими партийными, никакого разграничения не будет.

Работая в комиссии по Тбилиси, я еще раз нашел всему этому подтверждение. От нас все требовали и, кажется, еще на I Съезде один из депутатов в сердцах воскликнул: «Ну зачем эта комиссия, когда всего-то и надо — честно ответить на вопрос: КТО ОТДАЛ ПРИКАЗ?»...

Многие от нас ждали простого ответа. А его нет. Невозможно сказать — виноват Иванов, Петров или Сидоров... Впрочем, могут предложить и «простой» ответ: виновата административно-командная система, сложившаяся в нашей стране. Потому что на всех уровнях принятия и выполнения решений были допущены грубейшие нарушения закона. Действовали так, будто у нас в государстве законов нет вообще. И действовали по привычке. Решения принимались «домашним способом», в узком кругу, без документального оформления. Почему бы и нет, если так поступали и раньше? (Возьмите решение о вводе войск в Афганистан — об этом тоже на Съезде говорилось). Привычка не считается с законом вошла в плоть и кровь руководителей любого ранга. А это самое опасное состояние административно-командной системы — открытость произволу.

Но административно-командная система — большая мишень, по ней трудно промахнуться, поэтому мы персонифицировали ответственность на всех уровнях. Выяснилось, например, что этим событиям предшествовало два совещания в ЦК КПСС — 7 и 8 апреля. На первом из них было решено помочь республике, направив войска. Оговаривалось, что необходимо использовать политические методы, а войска направляются на случай обострения ситуации. И командующему Закавказским военным округом Родионову, и политическому руководству Грузии было дано указание действовать по усмотрению, согласно обстановке.

Но что показательное? Это было даже не заседание Политбюро, а рабочее совещание в ЦК, которое, повторяю, не протоколировалось. Просто собрались, обменялись мнениями, пришли к определенным выводам. Собрались в отсутствие не только Горбачева (что понятно — он был за рубежом), но и главы правительства (который был в Москве, но к участию в совещании не привлекался). Попробуем в этих обстоятельствах оценить позицию государственного политического деятеля, меру его ответственности перед собой и перед обществом. Вот, скажем, министр обороны и заместитель министра внутренних дел: на основе решения группы политических руководителей они издают приказы по своим министерствам о направлении войск. Но, если вдуматься, тот же министр обороны обязан был сказать: «Товарищи, принято политическое решение. Но как министр я подчиняюсь главе правительства и могу действовать не раньше, чем Николай Иванович Рыжков соберет правительство и примет соответствующее решение». Этого сделано не было, ибо у нас сложилась практика: достаточно принять политическое решение, чтобы авто-

матически включился государственный механизм и это вопреки резолюции XIX партконференции о необходимости разграничения функций партийных и государственных органов и вопреки закону. Дело в том, что по приказу министра обороны военнотружущим вменялось в обязанность контролировать въезд и выезд из Тбилиси, взять под охрану важнейшие государственные и общественные здания в городе. Это уже не просто передислокация войск, которую министр может произвести и сам, никого не спрашивая, а по сути введение особого положения, когда затрагиваются конституционные права граждан. И, по Конституции, санкцию на это должен был дать Президиум Верховного Совета СССР — по просьбе или с согласия Президиума Верховного Совета республики.

Отмечу, что со всеми участниками упомянутого совещания мы подробно беседовали. Установили, что Анатолий Иванович Лукьянов предлагал действовать именно так — в точном соответствии с Конституцией, но его мнение воспринято не было. Войска в тот же день начали прибывать в Тбилиси... Ну а дальше произошло то, что произошло.

Решение о разгоне митинга принималось уже Бюро ЦК Компартии Грузии, было поддержано партактивом и Советом обороны республики. После чего в узком кругу (бывшие первый и второй секретари ЦК Патиашвили и Никольский, генералы Родионов и Кочетов — первый заместитель министра обороны) был принят план операции. И тут аналогичная схема.

Съезд принял решение, в который раз не выполненное, показать по ТВ фильм, предоставленный нашей комиссии Комитетом госбезопасности, в котором эпизоды тбилисской трагедии бесстрастно фиксируются таймером. Пусть люди увидят все своими глазами. Пусть они, говоря словами Горбачева, задумаются над вопросом «о том, как нам извлекать уроки, что нам делать для того, чтобы события подобного рода никогда не повторились».

На этот счет комиссия внесла свои предложения. Надо безотлагательно, в первые же дни работы Верховного Совета, принять Закон о порядке введения чрезвычайного, особого военного положения. Очень важно определить, кто в таких случаях принимает решения, кто проводит их в жизнь и кто отвечает за их последствия. В чем в чем, а в этом мы убедились: отсутствие точного законодательного механизма неизбежно ведет к безответственности.

После этого отступления, столь ярко характеризующего систему наших рычагов власти, вернусь ко II Съезду, где так и не были приняты многие, жизненно необходимые стране законы о собственности, о земле, об аренде, о социалистическом предприятии, о едином налогообложении граждан и организаций, и местном самоуправлении.

Партийному руководству понадобилось приложить максимальные усилия для того, чтобы требования по отмене 6-й статьи, поставленные на II сессии Верховного Совета и на II Съезде народных депутатов (декабрь 1989 г.) представителями Межрегиональной группы, бы-

ли отвергнуты «агрессивно-послушным большинством» (по ставшему крылатым определению Ю. Афанасьева).

Когда-то наши великие сатирики как некую дурь, способную вызвать только гомерический хохот, описывали разные проекты введения единомыслия на Руси. Но ведь это единомыслие было действительно введено и даже стало нормой жизни. Более того, были преданы забвению непреходящие ценности — сам человек, его жизнь, совесть, достоинство. Значит, нам надо в каком-то смысле очеловечить и общество, и нашу партию, повернуть ее лицом к человеку. Для этого прежде всего необходимо было изменить правовой взгляд на партию, ввести ее в рамки закона.

Наше законодательство десятилетиями не выполнялось. Мы жили не по законам, а по инструкциям и решениям, принимаемым разными министерствами и чиновниками. И, конечно же, чиновники составляли эти инструкции так, что они защищали их, а не наши с вами интересы. В море этих ведомственных инструкций канул в пропасть основной принцип законодательства: равные права для всех и равенство всех перед законом. В стране воцарилась несправедливость. Нас никто не защищал.

Другая причина сегодняшних проблем — наши законы писались так расплывчато и декларативно, что каждый чиновник толковал их по-своему. Один из моих избирателей остроумно заметил: «Законы представляются в виде телеграфных столбов, которые не перепрыгнешь, но обойти их ничего не стоит». И законы обходили, как кому угодно. Поэтому сегодня мы оказались в кризисе: политическом, экономическом, духовном. Чтобы человек не оказался беззащитным перед лицом чиновника, который не считается с правами граждан, сегодняшние преобразования должны идти в рамках нового законодательства.

Тут нужно распределить, как говорят, «Богу — богово, Кесарю — кесарево». То есть не на словах, а на деле провести в жизнь верховенство закона. Граждане или коллективы при любом, подчеркиваю, любом ущемлении своих законных прав должны иметь возможность добиваться их восстановления исключительно по суду. При этом должно быть запрещено всем другим органам параллельно заниматься рассмотрением тех же жалоб и заявлений, кроме выполняющих контрольные функции: КПК, КНК и других. Чтобы оздоровить обстановку в обществе, восстановить доверие к органам власти, необходимо также ввести юридическую ответственность должностных лиц любого ранга за умышленное нарушение закона, должностное вранье или подлог. Хотя бы в виде отстранения от работы с запретом занимать какую-либо должность в государственном и партийном аппарате на срок до пяти лет.

Необходим и принципиально новый подход к законодательной работе. Чтобы жить по закону, нужно как минимум его иметь. А сегодня мы на пятом году перестройки действуем в основном по ведомственным положениям и инструкциям, устанавливающим бесчислен-

ные запреты и ограничения. Огромное количество принятых до последнего времени совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР привело к их свособразной инфляции. Они перестали работать. Мы утратили разницу между законом как юридическим актом и политической декларацией. Расплывчатость, нечеткость, обилие призывов и обещаний — вот чем наполнены сегодня нормативные акты. А это снижает их действенность.

Отказ от такой практики на деле приведет к разграничению функций государственных и партийных органов, или, как модно нынче говорить, к отделению государства от партии.

Другой вопрос. В настоящее время Совет Министров СССР по существу присвоил себе функции законодателя. В своде законов его нормативные акты занимают более 90%. Это же свод постановлений, а не законов! Законодательство по всем вопросам жизни общества по существу сейчас создается заново. Обеспечить решение этой задачи может только постоянно работающий Верховный Совет СССР, а не периодически собирающийся Съезд народных депутатов.

И надо признать, в этом направлении есть явный прогресс. Пересматривается сложившаяся практика подготовки и опубликования законопроектов. Вместо кабинетного согласования и порой некомпетентного вмешательства работников партийного и государственного аппарата идет подготовка законопроектов комитетами и комиссиями Верховного Совета СССР на альтернативной основе. Необходимо ввести в постоянную практику широкое их публичное обсуждение и государственную экспертизу. Уверен, что так и будет. Практика все время об этом напоминает.

Вспомним, как принимался в свое время Закон о госпредприятии. Подавляющее большинство специалистов в процессе обсуждения опубликованного проекта предсказывало его нежизненность. Более того, был подготовлен и представлен альтернативный проект, получивший одобрение известных экономистов и юристов. Но он даже не рассматривался всерьез. Итог известен — старый Закон о госпредприятии так и не начал действовать, оздоровления экономики не произошло.

Почему? В нем был провозглашен отказ от директивного планирования. Но депутаты тогдашнего Верховного Совета, принимая закон, почему-то «забыли», что годом раньше они утвердили другой — об основных направлениях экономического и социального развития страны в двенадцатой пятилетке, который исходил из противоположного принципа: директивного установления заданий пятилетнего плана. Возникло серьезнейшее противоречие — и не теоретическое, а практическое. Результаты его мы видим на прилавках магазинов.

Все это должно послужить серьезным уроком для тех, кто имел отношение к разработке и принятию Закона о госпредприятии. Надеюсь, что члены нынешнего Верховного Совета СССР проявят ответственность и не допустят, чтобы новый Закон о социалистическом

предприятию оказался очередным литературным произведением на юридическую тему.

Мы переживаем крайне острый исторический момент, кризисный, и если не проявим достаточно мудрости, дальновидности, взвешенности, нам этого никогда не простит народ, не простит история.

Вспоминая II Съезд народных депутатов, не могу не сказать об одном из его кульминационных моментов, принятии Закона о конституционном надзоре.

О чем в принципе шла речь? О том, сохраняем ли мы единый Союз или идем по пути сепаратизма, поощряем центробежные тенденции в нашей федерации. Видеть в Законе о конституционном надзоре стремление ущемить права союзных республик — значит проявлять политическую близорукость. Я как юрист вижу роль этого закона и Комитета конституционного надзора в другом. Мы создаем политическую систему, основанную на демократизме, гласности, плюрализме мнений. Систему, которая обязательно приведет к рождению новых общественных организаций, к многопартийности. И очень важно иметь государственно-правовые структуры, в которые все эти новые для нас категории будут включены. Пока что вовлечение в политику широких масс, не обладающих опытом такой деятельности и потому легко возбуждаемых и легко управляемых, чревато анархией, хаосом, конфронтацией в обществе. Но мы уже приняли ряд законов о создании независимой от государства судебной власти, которая станет защитницей законных прав граждан. Столь же необходима система независимых прокурорских органов. Так вот. Комитет конституционного надзора в системе государственных, политических, общественных органов призван поддерживать определенное равновесие. Он стоит над ними, даже над Верховным Советом, в том смысле, что проверяет соответствие действий любого гражданина или организации конституционным нормам.

Гипотетический пример, он звучал на Съезде: представьте, у нас нет юридической защиты даже, если завтра Пленум отзовет народного депутата от КПСС М. Горбачева, что повлечет смену и власти, и курса. Можно, разумеется, привести примеры антиконституционных действий и профсоюзных, и комсомольских, и других органов. Теперь же появляется механизм, позволяющий такое решение парализовать, отменить, от кого бы оно ни исходило.

Далее, по поводу отношения к «брежневской» Конституции. Грозит ли нам строгий надзор за ее соблюдением со стороны комитета? Была сделана специальная оговорка, что до принятия новой Конституции СССР комитет вмешиваться в законодательную деятельность союзных республик не будет. Думаю, сама ситуация, в которой создан комитет, заставит его быть инициатором и катализатором скорейшей разработки и принятия новой Конституции страны.

Ведь еще летом 1989 г., на I Съезде шел разговор о новой Конституции, была создана Конституционная комиссия во главе с Горбачевым. У нас были надежды...

Уже ко II Съезду мы хотели подготовить новый проект Конституции СССР. Планировали разработать ее в очень короткие сроки. Реалистично ли это? Думаю, да, если бы подошли по-деловому. Следовало бы привлечь к работе широкий круг специалистов, создать в наиболее крупных юридических центрах — в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Свердловске, Саратове, других городах — рабочие группы. Уже сегодня, к примеру, во Всесоюзном научно-исследовательском институте советского законодательства есть целая картотека, в которой — несколько тысяч предложений по изменению текста Конституции. Предполагалось все предложения свести, создать два-три альтернативных проекта и вынести на обсуждение Съезда. Благодаря новой Конституции мы надеялись закрепить и новую политическую, экономическую системы, устранить многочисленные противоречия и несообразности.

Не получилось... И до сих пор не получается. За все время после I Съезда собрались мы всего один раз и то не для решения важных вопросов, а чисто организационных. Сегодня вызывает уже нешуточную тревогу тот факт, что создание новой Конституции затягивается, а в условиях нашей нестабильности это очень опасно. Для меня — однозначно! — 1990 год должен стать годом новой советской Конституции.

Вспоминая весну 1989 г. и сравнивая ее с весной 90-го, просто поражаешься иногда тем сдвигам в общественном сознании, которые произошли за этот год. Какой там год! Все менялось в течение двух-трех месяцев, если вспомнить, что в декабре 6-ю статью «спасли» на II Съезде, но уже в марте 1990 года то же самое большинство послушно проголосует и за отмену ст. 6, и за принцип многопартийности, но уже, правда, по предложению, исходящему не от оппозиции (на III сессии Верховного Совета произошло ее официальное признание), а от руководства КПСС.

Одновременно с отказом партии от монополии на власть выдвигается идея введения президентской формы правления и избрания Президента СССР. Эта идея была вызвана к жизни стремлением сохранить сильную центральную власть в условиях усиливающихся национальных и региональных центробежных настроений, процессов политической и экономической децентрализации.

По моему убеждению, для такого государства, как наше, действительно предпочтительнее президентская республика. Президент в этом случае, являясь высшим носителем представительной власти (при прямых всеобщих выборах), в то же время выступает в роли своеобразного координатора, арбитра во взаимоотношениях между республиками и между Союзом и республиками. Здесь единоличная власть президента предпочтительнее коллегиальной. Тем более в нынешних условиях кризиса власти, когда экстремисты разного рода поощряются безнаказанностью, когда народ требует, чтобы государство каждому человеку обеспечило безопасность.

Но у этой формы правления много и негативных сторон. Главная из них — опасность установления диктатуры. Единоличная власть, если она не уравновешена другими государственными институтами, определенным образом не ограничена ими, может легко превратиться в диктатуру личности. Прежде всего нам необходимо было построить баланс властных структур путем, например, введения права президентского вето на определенные решения парламента и права парламентского вето на некоторые решения президента. Создать такой правовой механизм несложно, но меня в той ситуации беспокоила та поспешность, с которой все это пытались сделать. Мне представлялось, что временное наделение Горбачева — именно его и именно временное — президентскими полномочиями в те дни (а Верховный Совет мог бы это сделать) — идеальный путь к введению президентского правления. Я предложил так и сделать, параллельно ускорив работу над проектом новой Конституции, которую можно было бы рассмотреть на очередном, а не на внеочередном съезде. Затем, после принятия Конституции, провести всенародные выборы президента.

Я говорил, что поспешность же в этом вопросе неизбежно вызовет негативное отношение широких слоев населения. Многие расценивают этот шаг как попытку проведения в жизнь аппаратных решений, направленных на утверждение личной власти. Это может привести к падению престижа Горбачева, к возникновению определенного недоверия к нему, что в нынешних условиях будет означать лишь укрепление правоконсервативной коалиции. А это — развязывание экстремизма, откат к прошлому.

Руководствуясь прагматическими соображениями сохранения рывков демократии, надо опасаться делать такие поспешные шаги. Я предлагал и такой путь, как проведение референдума. И если народ скажет «да» президентской форме правления, а я уверен, что так и будет, тогда выборы президента мы сможем провести и по упрощенной схеме — на съезде (на первый раз, конечно), не тратя времени на всесоюзную предвыборную борьбу. Но это «да» должно идти от народа. Только тогда он будет чувствовать, что с ним советуются, с ним считаются. Прodelать это можно за считанные месяцы. Все это принято не было.

Многие специалисты давно говорили, что нельзя допускать существования двух параллельных высших органов власти — Съезда и Верховного Совета. Для меня эта проблема — главное препятствие сегодня для введения президентства. В условиях, когда съезд способен отменить любое решение постоянно работающего профессионального парламента, противовеса абсолютной президентской власти не создашь. А съезд легко управляем, как всякая большая неорганизованная масса людей с самыми разными интересами. Верховным Советом аппарату управлять сложнее. Тут в отличие от съезда сложился коллектив, появилась атмосфера совместной работы.

Если бы в качестве парламента сохранился только Верховный Совет, я бы уже тогда двумя руками проголосовал за введение президен-

тской формы правления. Ситуация на Внеочередном III Съезде сложилась парадоксальная. Когда заходила речь о президентской форме правления было понятно, что ее введение объективно прогрессивно и является шагом вперед по пути формирования социалистического правового государства. Когда задумывались о том, кто может взять на себя груз президентства, то у всех тоже была только одна кандидатура — Горбачев. Но в ходе Съезда, когда уже был решен вопрос о введении президентской власти в стране, надо было решать, когда же избирать президента? Часть депутатов, и я в том числе, считали и считаем это святым правом народа, а не 2250 человек.

Однако, после решения вопроса о вводе в стране президентской формы правления сразу же возникла опасная ситуация. У правых сил появилась реальная возможность захвата власти, смещения Горбачева и все это можно было преодолеть, опираясь на закон или на силу. Военных в зале было тоже много...

В такой ситуации говорить о всенародных выборах президента, о референдуме — становилось опасно. Рисковать мы не имели права. Обнадешивало лишь одно — Горбачева мы все знаем. Отдавать же президентский пост Егору Кузьмичу очень не хотелось.

В этой ситуации был лишь один выход, выбирать Президента на съезде, ущемляя этим право народа.

Учреждение президентского правления в стране ставит множество проблем формирования новой системы государственной власти. И в первую очередь — это роль президента в процессе перехода от партийной монополии на власть к многопартийной системе демократического государства. А вообще, в идеале, человек, избранный президентом, должен становиться беспартийным.

Сейчас у нас происходят действительно серьезные вещи. Аппарат консолидируется, свою борьбу он ведет разными способами и подчас достаточно эффективно. Если говорить об опоре, то она у него есть. К сожалению, достаточное количество наших людей готовы сегодня ради вчерашней несътой, но все-таки спокойной жизни променять этот беспокойный период перемен. Люди воспитаны были так, чтобы всю жизнь действовать в рамках определенного стандарта, определенных указаний. Они не привыкли размышлять.

Но все-таки социальная база для поддержки консервативных сил, для их консолидации не так уж и велика. Первый признак этого — те методы, которыми они действуют. Обратите внимание, что они взяли на вооружение сегодня: разжигание межнациональной розни, стремление разделить народ по различным группам в зависимости от национальной либо социальной принадлежности. Идет противопоставление интеллигенции рабочему классу или крестьян — другим категориям населения. Последнее звучало достаточно часто и на съезде. Все это как раз проявление слабости, политического недомыслия.

Думаю, что самая большая надежда и самый большой шанс у консерваторов сохранить все без изменений, сохранить устой казармен-

ного социализма — это слабость, разобщенность демократических сил. Вот это и есть самая большая опасность.

Возьмите, к примеру, нашу Межрегиональную депутатскую группу. Какой шок был вначале у руководства — когда было объявлено о ее создании! И до сих пор упоминание о ней вызывает изжогу. А тем не менее дальше разговоров «вообще» дело не пошло. Время идет, а консолидации сил, выработки программы не происходит. Я думаю, абсолютно прав был М. С. Горбачев, когда на съезде бросил упрек Ю. Афанасьеву, что амбиций-то у вас много, а программы-то у вас нет.

К сожалению, у нашей группы до сих пор нет такой серьезной программы. Точно так же, как и разобщено руководство группы. И смерть Сахарова — это очень серьезная утрата. Нет, к сожалению, сегодня у группы лидеров, которые могли бы повести за собой. И нет, главное, повседневной организационной работы, из которой только и может родиться политическая организация. И с этой точки зрения объявлять себя оппозицией — преждевременно.

Точно так же, как все эти разговоры о многопартийности... Партии не рождаются по указу или декрету, в один день. Чтобы дорасти до оппозиции, нужно пройти определенный путь политической борьбы, организационного сплочения, надо вырасти из тех пеленок, в которых еще находятся наши парламентарии.

Такого рода события, которые опережают реальный ход вещей, могут нанести только ущерб делу. И с этой точки зрения я сторонник того, чтобы поменьше разговаривать. Здесь мои представления почти совпадают с лозунгами Б. В. Гидаспова. Но я имею в виду другое. Надо не просто призывать к делу — надо решать конкретные задачи совершенно конкретной работы, как делается в Верховном Совете СССР.

Сегодня главная опасность для перестройки в нежелании и неумении измениться в чем-либо большинства партийных и хозяйственных функционеров. Это та сплоченная административно-командная система, которую мы преждевременно посчитали похороненной. Под крылом системы процветает теневая экономика, которую нельзя рассматривать отдельно от нее, это ее порождение.

Еще одна опасность: леворадикальные разговоры, которые провоцируют действия, преследующие узконационалистические цели (юг, Прибалтика). Их ведут люди, которые ищут «врагов» независимо от позиций. Наше общество в этом смысле феноменально. Ведь мы живем не в 30—50-е годы., когда нравственные начала подавлялись. Сегодня нужны слова, идущие от сердца к сердцу.

Третья опасность: безразличие, неверие людей в успех перестройки. Связано это прежде всего с устрашающей экономической пропастью, перед которой оказалась страна. Массы людей негодуют по поводу, например, пустующих прилавков. В то же время я как депутат сталкиваюсь с фактами, когда товары имеются на складах и не вывозятся, вагоны с грузами не разгружаются. Но почему же народ, зная

об этом, попустительствует практически экономическому саботажу? А именно такое создается впечатление от бездеятельности многих государственных хозяйственных органов.

Четвертая опасность, одна из самых страшных: эскалация безнаказанности, когда нарушение законов поощряется. Это уже было в истории нашей страны и привело, как мы помним, к самым тяжелым последствиям.

Многие потеряли ориентиры, не знают, чему верить, ибо то, во что верили вчера, хотя и ругали, но считали, что недостатки, которые есть, связаны с тем или иным человеком, а в принципе все хорошо. И все это сегодня разрушено. А поверить в новое и принять его, выстроить мировоззрение на другой основе, обрести моральные принципы — это ведь сложно и требует времени.

Меня гораздо больше пугает в советском человеке какое-то удивительное равнодушие, неумение считаться с другими людьми, легкость, с которой человек нарушает закон. Существует какая-то причужденность к нарушению закона, как будто и нет ничего аморального в том. И законы в результате не работают. Стремление это опасно и тем, что любую здравую идею, экономическую или политическую, мы извращаем тем, что всегда находим сотни способов эту идею обойти.

И это при том, что мы, как считалось десятилетиями, самый читающий и как будто образованный народ. К сожалению, понятие культуры в нас подменено понятием образования, понятие морали — целесообразностью. Посмотрите на мораль, которая десятилетиями вбивалась в наше сознание. Ведь она аморальна, потому что насквозь прагматична.

Задумаемся над теми лозунгами, которые и до сих пор многие провозглашают, например: готов выполнить любое задание партии и правительства. В том числе и когда человека назначают на высокий пост. Его спрашивают: как он видит себя на этом посту, справится ли, и вот вместо нормальных человеческих раздумий буквально слышишь лозунг.

Но ведь эта формула противна природе человека. Не может он ни во имя партии, ни во имя каких-то идеалов светлого будущего заранее обещать, что он выполнит любое, значит, в том числе негуманное и даже преступное задание.

А ведь такие задания были. Вспомним соратников Сталина и его самого, с какой легкостью и даже с чувством самоудовлетворения они отправляли сотни тысяч людей на тот свет. Сказать, что эти люди были совершенно безнравственными, наверное, нельзя. Но это — особая нравственность, не-че-ло-ве-чес-кая.

Это психология бойца партии, который во имя долга на все готов и за ценой не постоит. И самое главное, она — противозаконна, ну а закон и мораль всегда рядом. Ведь те, кто в составе «троек» выносил приговоры, они же преступники, потому что действовали противозаконно. Ведь и в то время по Конституции, по всем законам только суд

мог осудить кого бы то ни было. Тем не менее, руководствуясь этим сознанием долга, этой моралью, такие приговоры выносились. Это было одной из причин деформации нравственного климата в нашем обществе. Не устранив ее, рассчитывать на изменение нашего духовного климата, повышение уровня духовности в обществе вряд ли возможно.

Я думаю, что понимание ущербности такой нравственности есть и среди членов партии, и среди остальной части населения. И оно распространяется тем дальше, чем больше мы сталкиваемся со злоупотреблениями в среде различного рода функционеров. Я убежден, что так называемая теневая экономика и ее дельцы — это неотъемлемая придаточная часть административно-командной системы. Это то, без чего такая система не может существовать. Больше того: это те скрытые от мира сваи, на которые она опирается и до сих пор.

Отчего складывается именно так? От вседозволенности, потому что в руках партийных да и советских функционеров сегодня оказываются совершенно неконтролируемые колоссальные возможности влияния, начиная от установки телефона, распределения квартир, машин, других дефицитов и кончая расстановкой кадров. Это проблемы, которые нам придется осознать. Вообще многое в нашем обществе еще предстоит переосмыслить, чтобы вернуться к здравому смыслу, к человеку.

Отказ компартии от монополии на власть породил сложнейшую проблему переходного периода — восстановление основных государственных институтов и передачи им реальной власти от партийных органов. Переход от тоталитарной формы правления к демократической таит множество опасностей. И главная из них — возможность образования вакуума власти, заполнение которого в условиях политической нестабильности может приобрести самые неожиданные формы: от демократуры (термин, предложенный известным французским юристом М. Казанова) — своеобразного симбиоза политических сил прошлого и будущего, компромисса между силами демократии и диктатуры, — до установления прямой военной диктатуры.

Единственный путь политического и социального обновления общества без насильственного устранения от власти тех, кому она принадлежит, — это путь построения правового государства, поэтапного перехода к демократическим порядкам и воссозданию основных форм жизнедеятельности гражданского общества.

Принимая законы о правах граждан (о гражданстве, о въездах и выездах граждан из страны, об общественных организациях, о свободе совести и свободе печати), о совершенствовании экономической структуры общества (о собственности, о земле, о социалистическом предприятии, о едином налогообложении и др.), мы неуклонно шаг за шагом возводим здание правового государства.

Что день грядущий нам готовит?

(размышления после III Съезда народных депутатов)

Вот и закончился очередной Съезд народных депутатов. Благодаря телеэкранам его зрителем стала вся наша огромная страна, жители которой затаив дыхание наблюдали за развитием событий во Дворце Съездов. Ждали и надеялись, что вот-вот что-то произойдет и избранные ими народные депутаты смогут наконец отстоять их право самим решать свою судьбу, право, которое и делает человека свободным. Их ожиданиям, увы, не суждено было сбыться. Подобное развитие событий не было запланировано в четко разыгранной очередной сцене спектакля, бесменным и, следовательно, незаменимым сценаристом и режиссером которого выступает вот уже 73 года коллективно правящая элита КПСС. Занавес опустился, и, как это у нас вошло в традицию, под «бурные, долго не смолкающие аплодисменты», страна вступила в новую эпоху своего развития — эру президентского правления. Без лишнего шума, мирно отправилась на заслуженную пенсию (все-таки возраст не малый, 73 года) идея о власти Советов как высшей форме осуществления демократии. Наспех переправлен сценарий, и вот уже *первый* Президент избран. Что день грядущий нам готовит? Риторический и далеко не праздный вопрос. Шутка ли, первого Президента избрали без программной речи и даже без ответов на каверзные вопросы, прозвучавшие с трибуны. Да и зачем было тратить драгоценное в буквальном смысле время Съезда, ведь выбора все равно не было...

Итак, занавес опустился, можно перевести дух и не спеша проанализировать достоинства и недостатки состоявшейся премьеры. Главным ее героем, безусловно, является Михаил Сергеевич Горбачев. При всей неоднозначности оценки его позиции и отдельных поступков не может не восхищать виртуозность, с которой он ведет политическую игру. Представители еще не оперившейся оппозиции не успели и глазом моргнуть, как уже на первой стадии голосования в результате ловкого маневра они потеряли возможность контроля над ситуацией. Особенность принимаемых на III Съезде решений состояла в том, что практически все они носили характер изменений, вносимых в Конституцию, и, следовательно, требовали при голосовании для своего принятия большинства в 2/3 голосов. Используя это обстоя-

ятельство, «меньшинство» получало уникальную возможность контролировать ситуацию. Достаточно было уже на первом этапе четко обозначить свою позицию — не голосовать за учреждение поста Президента, пока не будут оговорены и приняты приемлемые для оппозиции условия его введения. Это голосование могло стать поворотным в судьбе страны, заставило бы впервые представителей консервативного большинства сесть за стол переговоров с «меньшинством». Увы, возможность была упущена. Итоги голосования показали, что лишь 194 депутата поняли важность момента. Для остальных представителей меньшинства теоретические постулаты оказались важнее здравого смысла, верность идее не позволила использовать этот тактический прием. Эта особенность демократов-идеалистов была учтена сценаристами при постановке следующего акта. Не успели депутаты опомниться от радостного возбуждения после учреждения поста Президента, как на голосование был поставлен в целом весь II раздел проекта Закона о внесении изменений в Конституцию СССР. Ну как же было не проголосовать «за», когда на самом виду, на I месте, стояло вожде- ленное радикальное изменение пресловутой статьи 6. Как можно было голосовать против выполнения требования народа об изъятии позорящей нашу Конституцию формулировки. Тем более что измененная редакция фактически подразумевала возможность формирования у нас в стране новых партий. Радостная эйфория демократов и монолит партийной дисциплины консерваторов и центра сделали свое дело — раздел в целом был мгновенно принят. И лишь 238 депутатов смогли разглядеть, что под прикрытием популярной статьи на голосование поставлен заодно и явно слабый проект главы о президентской форме правления. Так ловкий маневр в одно мгновение лишил демократическое меньшинство «выгодной позиции». Ведущий спокойно заявил, что принятый раздел является частью Конституции и теперь уже для внесения в него поправок требуется большинство в 2/3 голосов. Отчаянные попытки представителей меньшинства аргументированными ссылками на Регламент доказать абсурдность и противоправность ситуации разбивались о насмешливую логику большинства типа «Съезд так решил» и «Съезд всегда прав». Достигнув главного, заняв господствующее положение, можно было уже не спешить и поиграть в демократию. На голосование ставится множество самых разных поправок, в том числе даже крамольное предложение признать недопустимым для Президента занятие каких-либо должностей в партийных или общественных организациях. Набрал 1303 голоса депутатов (53 %), оно тем не менее также остается отвергнутым. Чтобы немного разрядить обстановку, поощряется принятие поправки депутата Щелканова, устраняющее противоречие преамбулы Конституции с новой редакцией ст. 6. А на своем месте в центре зала все это время понурив голову сидит председатель пока несуществующего Комитета конституционного надзора. На заданный в перерыве вопрос, почему он не вмешивается в ход заседания и не дает правовой трактовки конфликтной ситуации, С. С. Алексеев скромно ответил, что

еще не вступил официально в должность (правда, это не помешало ему позднее торжественно вынести Конституцию страны для принятия присяги Президента), а как депутат подал заявку на выступление... Не вспоминает о председателе Комитета конституционного надзора почему-то и М. С. Горбачев. К вечеру второго дня заседаний Съезда, когда из внесенных 12 поправок проходит лишь одна (при еще 6, набравших более 50% голосов общего числа депутатов), возмущение приближается к опасному пределу и руководство объявляет спасительный перерыв. Оно и понятно. У демократических сил имеется еще один, последний рубеж обороны — голосование по III разделу проекта закона. Для принятия решения о выборах первого Президента в виде исключения на Съезде необходимо набрать также 2/3 голосов. Руководство понимает, что в обстановке общего недовольства пытаться ставить этот вопрос на голосование с ходу, без тщательного анализа и перегруппировки сил рискованно. На следующее утро появляется домашняя заготовка из поправок, предложенных редакционной Комиссией. Союзным республикам делаются определенные уступки в части ограничения права Президента вводить чрезвычайное положение и разрешения лишь на временное президентское правление. Правда, никто не замечает, что предельный срок этой временности не оговорен. В ряде статей проекта появляется упоминание об автономных республиках (областях, округах), что успокаивает депутатов от этих национально-территориальных образований. Конечно, позже они заметят, что представители их будут иметь в федеральном Совете лишь совещательный голос, а право принимать решения будет находиться в единоличной власти Президента. Ситуация, схожая с известной восточной пословицей «скажи халва и во рту станет сладко». Совсем иная тактика применяется для ослабления радикального демократического крыла. Во время перерывов в заседаниях Съезда то один, то другой депутат подхватывает обеспокоенный серьезными новостями о якобы готовящемся заговоре против Горбачева. В одном месте сговариваются не дать ему стать Президентом секретари обкомов (как будто не они сами поддержали эту идею на Пленуме ЦК). В другом — зреет заговор среди правых консерваторов, прямо-таки жаждущих военного переворота. Встречаются и прямые намеки, насколько будет плохо, если... Одним словом часть демократов со слабыми нервами уже готова кричать в голос «Горбачев в опасности» и бежать закрывать его своими плечами. В итоге в момент голосования лишь 46 голосов не хватает, чтобы отстоять волю народа, не допустить выборов первого Президента на Съезде.

В очередную пародию превратилась процедура выдвижения кандидатов. Во-первых, депутатская группа «Союз» явно перестаралась, выдвинув кандидатов на пост Президента еще до решения вопроса о проведении выборов на Съезде. Во-вторых, даже мини-скандал, разыгравшийся в зале заседаний после как всегда яркого и аргументированного выступления А. А. Собчака и явно неадекватной ему по силе обиды реакции главы правительства, не смог

затмить того обстоятельства, что после самоотвода Н. И. Рыжкова в списке для тайного голосования будет вновь фигурировать одна кандидатура. Вновь не суждено было сбыться обещанию Горбачева об альтернативных выборах. На этом фоне выглядела особо нелепо череда хвалебных выступлений в адрес М. С. Горбачева. В зале как будто повеяло все еще памятным нам духом брежневщины. Дело даже дошло до предложения «золотыми буквами» вписать в историю деяния современных руководителей страны. Нарушая общий хор умиления, как донесшийся с площадей голос предостережения, звучат чеканные, жесткие выступления депутатов Авалиани и Шелканова. Кандидату на пост Президента заданы вопросы, на которые, казалось бы, ответить ему будет не просто. Однако эти тревожные ноты тут же тонут в радостном нетерпении «большинства». М. С. Горбачев же не проявляет никакого желания выступать с программной речью и ответами на вопросы до проведения выборов, что еще более подчеркивает явную запланированность выдвижения трех кандидатов, нелепость ситуации и предрешенность ее финала.

Позволю себе сделать небольшое отступление и предложить версию развития событий, связанных с введением президентской формы правления.

Вечером 5 февраля жители страны напрасно ждали у экранов телевизоров и радио известий о начавшемся Пленуме ЦК КПСС. Впервые средства массовой информации позволили себе проигнорировать столь важное событие. Уже по этому факту можно судить о накале страстей, бушевавших за закрытыми, как обычно, дверями. Когда же наконец была дана официальная информация, она удивила нас еще больше. За три дня работы ЦК КПСС настолько переродился, что повел себя как завзятый демократ: отказ от монопольной руководящей роли КПСС (ст. 6 Конституции) и даже признание принципиальной возможности многопартийности. А ведь еще и двух месяцев не прошло после II Съезда, на котором Генеральный секретарь клеймил позором народных депутатов, осмелившихся усомниться в праве КПСС быть вечно руководящей и направляющей... Мало этого, ЦК КПСС, видимо, решил всерьез расстаться с реальной властью в стране и высказался за скорейшее, прямо-таки немедленное, введение президентской формы правления... Подобная резкая смена политической ориентации органа, до недавнего времени проявлявшего закостенелый консерватизм, право же, выглядит подозрительной и, во всяком случае, требует самого тщательного анализа.

Ключ к столь внезапному и резкому повороту в мировоззрении ЦК, очевидно, следует искать в событиях, произошедших в стране в течение последних 1—2 месяцев, т. е. после II Съезда народных депутатов СССР. В качестве официальной версии нам преподносят обострение внутреннего положения. Действительно, страна вновь ужаснулась от армянских погромов в Баку и массовых жертв в результате несвоевременного введения войск в столицу Азербайджана. Причем

военное руководство в очередной раз проявило странную неуклюжесть, граничащую с некомпетентностью. Однако задолго до этого были и Фергана, и Тбилиси — и это не мешало политическому руководству страны убежденно доказывать, что введение президентской формы правления недопустимо, т. к. будет означать конец Советской власти. Что же касается экономического положения страны, то II Съезд только что одобрил разработанную Советом Министров программу экономических мер и таким образом выразил вотум доверия правительству. Если же учесть, что инициатива внесения предложения о срочном, буквально в пожарном порядке, переходе к президентской форме правления исходила не от органов Советской власти, а от Пленума ЦК КПСС, логично предположить, что причина кроется в чрезвычайной ситуации внутри партии. Здесь действительно произошло событие, которое, видимо, всерьез напугало партийную элиту (Политбюро и ЦК) — 20—21 января... прошла конференция «Демократической платформы КПСС». Это массовое движение коммунистов внутри самой партии за последние полгода значительно окрепло и представляет реальную политическую силу. Члены Политбюро и ЦК проигнорировали приглашение на конференцию, тем самым продемонстрировав явное нежелание говорить со значительной частью своих товарищей по партии на языке политического диалога. Тем не менее, выдвинутое осенью 1989 года «Демократической платформой» требование о приближении даты созыва XXVIII съезда КПСС, казалось бы, было учтено февральским Пленумом ЦК, который перенес съезд на лето этого года. Однако это только кажущаяся уступка, т. к. в сложившейся ситуации скорейшее проведение съезда устраивает как демократов, рассчитывающих таким образом попытаться спасти остатки авторитета партии в народе, так и консерваторов, надеющихся использовать пока еще прочную власть аппарата и прежде всего его ловкость при выборах делегатов на съезд, чтобы попытаться удержать в своих руках власть в партии. Этому же призваны послужить и некоторые уступки на Пленуме ЦК явно набирающему мощь движению демократических сил. Тут и обещание изменить ст. 6 Конституции СССР, и принятие как неизбежного зла идеи о будущей многопартийности, и даже определенные обещания провести прямые выборы делегатов на съезд. Вершиной «демократической метаморфозы», произошедшей с членами ЦК, выглядит тезис о скорейшем переходе к президентской форме правления.

С другой стороны, консервативная часть партийной элиты испытывает все большую неуверенность в конечных итогах будущего партийного съезда. Набирающее силу демократическое крыло КПСС неизбежно придет на съезд со своей платформой и своими лидерами. В их числе вряд ли окажутся нынешние руководители партии и даже М. С. Горбачев, позиция которого в последнее время все более сдвигается вправо. В случае победы «Демократической платформы» на съезде КПСС неизбежно произойдут и серьезные изменения в составе ЦК и Политбюро, что для многих нынешних руководителей станет кра-

хом политической карьеры. Чем не чрезвычайная ситуация, требующая решительных предохранительных мер. Она еще более обостряется тем обстоятельством, что представители верхушки партийной элиты, или по крайней мере часть их, совершенно искренне уверовали в свою мессианскую роль — в то, что лишь они одни знают, куда идти нашему народу, и в случае отстранения их от власти рухнет все наше государство. Путь откровенного завинчивания гаек вплоть до переворота обоюдно опасен, т. к. в обстановке всеобщего брожения умов уже не гарантирует успех в удержании власти, но зато гарантирует дальнейший развал экономики. Вот в этой обстановке и возникает спасительная мысль о передаче *власти* на более высокий уровень, на который в ближайшее время не смогут повлиять ни возможные внутрипартийные катаклизмы, ни претензии на реальную власть со стороны набирающего силу полупрофессионального парламента. Так в одночасье вчерашние ярые противники президентского правления превратились в столь же «убежденных» его сторонников, при одном, правда, условии — первым президентом непременно должен быть их лидер. И чтобы не случилось никаких осечек, все, конечно, за прямые всенародные выборы, но... в будущем. А сейчас, конечно в виде исключения, Президента избирать Съездом, который пока вполне управляем. Новый государственный пост при этом встает и над ЦК, и над Верховным Советом, аккумулирует в себе почти неограниченную власть. Казалось бы, вот и хорошо, наконец мы избавимся от партийного диктата. Но весь фокус в том, что партийным этот диктат назвать никак нельзя. Все решения в нашей стране принимались его величеством партийным аппаратом, причем самой верхней его элитной частью. Итак, с учреждением поста Президента партийная верхушка получает возможность вывести своего лидера из-под контроля Верховного Совета (наоборот, он сам получает возможность контролировать законодательную власть) и заодно застраховать его от возможных неприятностей на будущем съезде КПСС. Наивно при этом полагать, что ради этого она готова расстаться со своей властью. Тихо и незаметно в проект Закона о введении Президентского правления, который, кстати, появился чисто аппаратным путем, включен пункт об учреждении еще одного органа управления — Президентского Совета. В его состав по должности предлагается ввести часть министров, причем именно тех, которые входят в партийную элиту и даже в Политбюро. Остальные места в этом Совете будут предоставляться по личному назначению Президента. Почему бы не назначить в этот Совет и остальных членов Политбюро и даже весь ЦК, благо количеством мест Совет не ограничен. А дальше логично нынешним партийным «советчикам» уже и зарплату платить из государственного кармана. Вот, казалось бы, до гениальности удачная рокировка, позволяющая на законных основаниях оставить у власти еще на 4 года нынешнюю партийную элиту.

Предвижу негодование воображаемого оппонента — нельзя все видеть только в черном свете и не доверять главе государства. Согла-

сен, однако слепое доверие в политике слишком опасная вещь. Вспомним хотя бы, чем обернулась для нашей страны слепая вера Сталина в честное слово Гитлера... Доверие в политике хорошо, когда оно подкреплено точной информацией и проверено логикой. Здесь изложен анализ только одной из возможных версий странной метаморфозы, произошедшей в течение короткого времени с позицией членов ЦК КПСС. Здравый смысл подсказывает, что без крайних оснований такое произойти не могло. От нас же, народных депутатов СССР, по-прежнему держат в страшном секрете стенограммы заседаний и Пленума, и Политбюро.

У оппонента есть еще один неотразимый довод: ну как же можно сомневаться в личных качествах М. С. Горбачева. Никто и не сомневается. Однако структура государственной власти, которую можно употребить во благо или во зло в зависимости от личных качеств облеченного этой властью лица, и есть прямой путь к возможной диктатуре. Ведь мы не можем заранее знать, что будет избран именно М. С. Горбачев, а не кто-либо другой.

В первом, представленном Верховному Совету СССР 27 февраля проекте Закона о введении президентской формы правления должны были быть сформулированы цели, которые ставил перед собой ЦК, проясняя эту инициативу.

Итак:

1. Президенту предоставляется право представлять Верховному Совету и затем Съезду на утверждение кандидатуры руководителей всех высших контролирующих органов в государстве: Председателя Комитета народного контроля СССР, Председателя Верховного Суда СССР, Генерального прокурора СССР, Главного государственного арбитра СССР и персональный состав Комитета конституционного надзора СССР. Мало этого, только ему предоставляется исключительное право вносить представление об освобождении этих должностных лиц. Таким образом, в трактовке ЦК президентская власть — это полный контроль и над судебной властью, и над конституционным надзором, и над прокуратурой. Ведь при таких полномочиях Президенту легко подобрать послушную команду, и тогда разговоры о независимости различных институтов власти будут такой же бутафорией, как пресловутые самые «демократические» выборы Советов, байками о которых нас усыпляли 70 лет. Надо понимать, что Верховный Совет, конечно, может отклонить ту или иную кандидатуру, но нового претендента будет опять же предлагать Президент из своих людей.

2. Президенту предоставляется право налагать вето на законы, принятые Верховным Советом. Сама по себе такая норма не вызвала бы возражений, если бы аналогичное право было предоставлено Верховному Совету в отношении указов Президента. Увы, это не предлагается, и, таким образом, высший законодательный орган поставлен в подчиненное положение. Если к этому добавить, что Председателя Верховного Совета предлагают лишить всех его прав и превратить в

простого распорядителя заседаний Верховного Совета, становится совсем обидно за нашу законодательную власть, которую явно подминает под себя верховная исполнительная власть. Даже чисто внутреннее дело Верховного Совета — поиск компромиссного решения в случае возникновения разногласий между палатами — должен почему-то возглавлять Президент, а не Председатель Верховного Совета.

3. Президенту предоставляется право объявлять военное или чрезвычайное положение в отдельных местностях Союза или даже вводить прямое президентское правление. Одну эту норму можно сравнивать с миной замедленного действия, подложенной под наше государственное устройство. При активном, порой болезненно протекающем росте национального самосознания, ряд республик не потерпит подобного диктата (часть из них мы можем потерять уже на стадии принятия этого Закона), ибо заложенная в проект норма об «обязательном рассмотрении данного вопроса с Президиумом Верховного Совета соответствующей союзной республики» позволяет обойтись и без ее согласия.

Поспешность, с которой партийное руководство стремится навязать нам президентское правление в своей трактовке, связана и с идущими сейчас во многих республиках выборами органов власти. Руководство лучше владеет информацией о выдвинутых кандидатах и, видимо, опасается, что вновь избранные республиканские Советы окажутся менее покладистыми в вопросе сверхконцентрации исполнительной власти в руках Президента, чем Советы старого состава.

Всего вышеизложенного достаточно, чтобы убедиться в обоснованности той резкой критики, которой подверглись законопроекты, представленные в Верховный Совет на заседании 27 февраля. Как ни парадоксально это выглядит, против поспешного введения президентской формы правления выступали в первую очередь ее прежние самые ярые сторонники, т. е. люди, наиболее компетентные в этом вопросе. Предоставление одному лицу столь большого объема власти недопустимо, пока не будет разработана система предохранительных мер против превращения президентского правления в режим личной власти. Прежде всего было необходимо:

- 1) четко разграничить функции равных по положению независимых институтов законодательной, исполнительной и судебной власти;
- 2) независимость этих структур должна быть обеспечена прежде всего независимой процедурой их формирования (избрания);
- 3) должен быть разработан механизм перекрестного контроля одного полюса власти двумя другими;
- 4) должен быть разработан механизм учета и защиты национальных интересов союзных республик при формировании и функционировании указанных структур (основой для учета этих интересов должны послужить разработка и заключение нового союзного договора);

5) до введения президентской формы правления должны быть законодательно решены вопросы, гарантирующие свободу политической деятельности (многопартийность) и свободу издательской деятельности (независимого функционирования средств массовой информации).

Итак, Президент у нашей страны есть. Очень сомнительно, что это приведет к реальному улучшению внутренней обстановки, если не последуют быстрые и радикальные перестановки в кадровом корпусе всей структуры исполнительной власти. Если проводниками в жизнь воли Президента останутся чиновники старого аппарата, они смогут загубить самые благие начинания. Правильность этого тезиса убедительно доказывают все минувшие 5 лет перестройки. Они же, и особенно последний год, постоянно демонстрировали нежелание (или неумение) М. С. Горбачева находить общий язык с выдвигаемыми снизу на волне инициативы народных масс новыми неформальными лидерами. Понимая необходимость поддержки развития массовых движений, которые призваны омолодить дряхлеющий на глазах государственный организм, он, тем не менее, видимо, никак не может смириться с мыслью о неизбежности появления при этом и потенциальных конкурентов в борьбе хотя бы в будущем за высшие посты в государстве. С этих позиций понятен резкий антагонизм в восприятии новых идей, если они исходят от независимых общественных структур, а не от контролируемой им пока партии. Даже на парламентском уровне явно чувствуется враждебное отношение к Межрегиональной депутатской группе и противодействие ее работе вместо конструктивного сотрудничества. Эта нежелательная черта приводит, в частности, к постоянному запаздыванию в принятии важных для страны назревших решений. Так, например, случилось с отменой пресловутой ст. 6 Конституции, декларировавшей закрепление руководящей роли КПСС. Отмена ее на II Съезде народных депутатов СССР могла бы резко повысить авторитет высшего органа власти, существенно подняла бы активность населения в проходившей в то время избирательной кампании. Задержка на 3 месяца превратила этот акт в фарс, еще раз демонстрирующий всесильность партии, приверженность большей части депутатского корпуса партийной дисциплине, а не выполнению воли народа. Эта же черта М. С. Горбачева приводит к стремлению обязательно модернизировать предлагаемую новацию, перехватив таким образом авторство. Поскольку это поручается аппарату опять-таки старой школы, становится ясным, почему у нас предлагаемые меры превращаются в полумеры, законы - в полузаконь, которые можно трактовать по своему разумению, и мы по-прежнему в сфере проведения реформ топчемся на месте.

Вторым важным моментом, проясняющим позицию Президента, является не раз звучавший в его выступлениях мотив «Съезд может принять любое решение». Опасность лозунга «Съезду законы не писаны» заключается в его легкой трансформации в лозунг «Президенту в период между Съездами законы не писаны». Насколько это плохо со-

гласуется с идеей построения правового государства, со связанной с этим целой системой строгого соблюдения процедурных условностей при принятии законов или правительственных решений, объяснять не приходится. Пожалуй, это пока гораздо ближе к нашему «доброму» старому «цель оправдывает средства»... Раздвоение внутренней позиции Горбачева только в этих двух вопросах уже создает опасную для страны неизвестность, которая тем более отягощена постоянным соблюдением простейшего выхода — применять вместо убеждения силу или власть. Во всяком случае, небрежение процедурными вопросами может оказать Михаилу Сергеевичу плохую услугу.

Правомочны ли решения Съезда о введении президентской формы правления? Этот отнюдь не праздный вопрос требует тщательного анализа.

До настоящего времени вся власть в стране фактически принадлежала диктатуре партийно-бюрократической элиты, хотя с формальной точки зрения, конституционно, декларировалась власть Советов. Концептуально признаком этой власти являлось, в отличие от буржуазной демократии, совмещение трех основных функций управления государством и обществом — законодательной, исполнительной и судебной власти. Выражалось это в праве носителей законодательной власти, Советов народных депутатов, формировать исполнительные и судебные органы и полной подотчетности последних Советам (вплоть до отзыва соответствующих должностных лиц). Поставленный в нашей стране 70-летний эксперимент убедительно доказал неустойчивость этой схемы политического устройства, ее постоянную склонность ко всякого рода извращениям. Наша страна, ситуация в которой дополнительно осложнялась постоянным всеобщим партийным диктатом, зашла в тупик, и экономический и политический. Именно осознание этого обстоятельства послужило импульсом к началу процесса перестройки. Стержнем начатой политической реформы явился тезис о переходе к правовому государству, основанному на апробированном историей и практикой развитых демократических стран принципе разделения законодательной, исполнительной и судебной власти и их практической независимости друг от друга, что позволяет осуществлять эффективный перекрестный контроль, предохранять от злоупотреблений властью. Идея эта, заложенная идеологами КПСС в решениях XIX партконференции еще летом 1988 г., только сейчас, с выборами на III Съезде независимого от законодательной власти Президента, обрела реальные очертания. Мало этого, при внесении поправки к Конституции, видимо даже не придавая этому серьезного значения, Съезд случайно сформировал и независимую судебную власть. Внесенной поправкой Президент лишен права ставить вопрос об отзыве Верховного судьи, и таким образом последний обрел юридическую независимость на 10-летний срок своих полномочий. Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что с введением в СССР президентского правления принципиально изменилась концепция построения государственной власти, т. е. произошло мирное

изменение политического строя (особенно если учесть заложенное последними законами правовое изменение экономического базиса строя). Республика Советов преобразована в президентскую республику.

Как известно, в соответствии со ст. 2 Конституции «Вся власть в СССР принадлежит народу». Съезд народных депутатов является правопреемником народа. При этом степень делегирования Съезду властных полномочий регламентирована ст. 108 Конституции, которая гласит: «Съезд народных депутатов СССР правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Союза ССР». Если теперь вернемся к ст. 73 Конституции, которая содержит перечень отнесенных к ведению Союза вопросов, то легко убедимся, что среди них нет права изменять политический строй в стране. Из этого однозначно следует, что основной субъект права, каковым является в нашей стране народ, не делегировал Съезду полномочий по изменению политического строя в стране и все принятые последним по данному вопросу постановления противозаконны. В соответствии с Конституцией вводить в стране президентскую форму правления можно было только путем проведения референдума или в крайнем случае на специальном Съезде специально уполномоченных делегатов, избранных на основе всеобщих равных прямых выборов. Естественно, в свете вышеизложенного подвергается сомнению и правомочность власти избранного на Съезде Президента. Если бы Михаил Сергеевич Горбачев рискнул согласиться на всенародные выборы, можно было бы опираться хотя бы на это волеизъявление народа. В теперешней же ситуации авторитет президентской власти по понятным причинам будет невысок. Мало этого, у принятых Съездом решений есть и еще одна уязвимая сторона. При принятии Закона о внесении изменений в Конституцию СССР были допущены грубые нарушения процедуры голосования, предписанной ст. 142 регламента Съезда. Не были поставлены на голосование разделы Закона после внесения в них поправок, а главное - не было проведено голосование по всему проекту в целом. Эти нарушения, кажущиеся нам мелкими с позиций недавнего прошлого, когда в официальной политике государства господствовал тезис «цель оправдывает средства», могут оказаться решающими в недалеком будущем при рассмотрении, например, конфликтных ситуаций в Комитете конституционного надзора или в иных случаях.

Как бы то ни было, пока президентская форма правления — свершившийся факт и народ настороженно ждет первых шагов первого Президента. Настороженность людей понятна. Их уже столько раз обманывали, что они устали верить в «незаменимых», «единственных» и т. д. Жажда альтернативных и всенародных выборов была очень велика. Буквально на каждом шагу приходилось объяснять, почему Межрегиональная депутатская группа не сочла возможным выдвинуть альтернативную кандидатуру на Съезде. Такой шаг автоматически означал бы признание за Съездом права избирать Президен-

та, а мы, во всяком случае в подавляющем большинстве, твердо стояли за всенародные выборы. Альтернативному же самовыдвижению, учитывая, видимо, свой испуг на I Съезде, аппарат поставил заслон, предоставив право выдвижения кандидата на пост Президента только группам народных депутатов СССР численностью не менее 100 человек. Тем не менее такие вопросы вольно или невольно направляли мысли в сторону насущных проблем страны, которые необходимо было бы решить в первую очередь с учетом возможностей, предоставляемых постом Президента. Так постепенно формировалась программа неких конкретных действий, которую бы следовало изложить народу в телевизионных и радиовыступлениях, на прямых встречах в случае начала в стране избирательной кампании по прямым выборам Президента.

Первоочередной и самой трудной проблемой нашей страны является национальный вопрос. В жертву ему уже принесены сотни человеческих жизней. В основе резкого обострения национальных отношений лежит как общее снижение уровня жизни, низкой социальной защищенности наших граждан, так и резкий рост национального самосознания, десятилетиями попираемого сверхцентрализованной властью партийно-бюрократического аппарата. Переплетение этих двух основных причин в разных республиках, с учетом различного экономического и культурного уровня развития, вызвало к жизни богатый спектр массовых народных движений, платформы которых порой имеют явно националистический уклон. Борьба с этими негативными тенденциями можно только в случае, если центральная союзная власть сможет снизойти со своего пьедестала и начать разговаривать с республиками на языке уважения и равенства. В связи с этим считал бы необходимым немедленно начать консультации с представителями вновь избранных органов власти, а также всех общественно-политических сил союзных республик, автономных национально-территориальных образований с целью поиска концепции нового Союза равноправных республик. Итогом таких переговоров за круглым столом должно быть создание комиссии по разработке проекта нового Союзного договора. Предположительно он должен состоять из двух основных частей. В первой будут сформулированы условия, на которых объединяются республики и другие национально-территориальные автономные образования. Безусловно, должно быть закреплено исключительное право каждого народа на владение территорией, на которой он исторически проживает, и находящиеся в ней природные богатства, в чем, собственно, и заключается смысл суверенитета. В этой же части должно быть оговорено, какие свои права и на каких условиях делегируют те или иные народы союзному правительству. Должны быть также сформулированы и принципы взаимоотношений между республиками и национально-территориальными образованиями.

Во второй части должны быть сформулированы механизмы защиты прав малых народов, не имеющих своих национально-территори-

альных образований, на сохранение культуры, языка, письменности, национальных обычаев. Должны быть четко сформулированы гарантии соблюдения их прав на территорию преимущественного расселения и ответственность за их нарушение.

Через 3—4 месяца работы комиссии могла бы быть созвана Национальная ассамблея представителей всех народов и национальных меньшинств, населяющих нашу страну, которая примет Союзный договор и утвердит принципы принятия в Союз новых республик, а также выхода их из него или исключения. В силу Союзный договор вступает после ратификации его референдумами в союзных республиках и автономных национально-территориальных образованиях. Естественно, вслед за этим Верховным Советом СССР должен быть разработан и принят комплекс необходимых законов.

Основная цель социализма — достижение гармоничного сочетания развитых производительных сил с общественными отношениями, которое бы позволило гарантировать каждому члену общества уровень жизни, достаточный для достойного существования, и в то же время создавало условия для полной реализации творческого потенциала личности. В нашей стране решение этой задачи в обеих ее частях на данный момент зашло в тупик. Раскрепощение производительных сил возможно только после решения нескольких приоритетных задач, к которым, по моему мнению, относятся: *проведение денежной реформы с обязательным введением единой конвертируемой денежной единицы; демонтаж монопольных структур в сфере управления и производства; поднятие престижа интеллектуального труда на основе соответствующего пересмотра приоритетов в оценке человеческой деятельности; включение экономики страны в общемировую хозяйственный организм.*

Введение в стране единой конвертируемой денежной единицы является условием, без выполнения которого бесполезно пытаться лечить разваливающуюся на глазах экономику. Образно говоря, решение этого вопроса является ключом к успеху экономической реформы. Просматриваются две модели перехода к конвертируемости рубля. Первая рассчитана на длительный эволюционный период, в течение которого пришлось бы вводить нормированное гарантированное обеспечение граждан товарами и продуктами питания первой необходимости по карточкам за старые рубли. Для реализации остатка товаров, выпущенных в свободную продажу, в этой модели необходимо было бы ввести новую денежную единицу — конвертируемый валютный рубль, который должен был бы последовательно, по мере оздоровления экономики, вытеснить старый бумажный рубль. Выход на мировой рынок (точнее, открытие внутреннего рынка для свободного поступления товаров из-за рубежа) возможен в этом варианте лишь к концу периода реализации модели, который должен растянуться примерно лет на 10. С учетом общей неприязни народа к идее карточной системы, а также отсутствия гарантий, что его терпения хватит еще лет на 5, когда должны будут начать сказываться реальные сдвиги к

улучшению обстановки на потребительском рынке, более предпочтительной выглядит вторая модель. Она рассчитана после короткого, к примеру полгода, подготовительного периода на одномоментное введение конвертируемого рубля. Чудес на свете, как известно, не бывает, и выигрыш во времени потребует определенных жертв со стороны народа. В первую очередь придется на время заморозить внутренний долг государства. В известной степени это было бы справедливо, т. к. большей своей частью этот долг сложился за время сознательной жизни нашего поколения, которое косвенно несет свою долю ответственности за крайне бездарное управление страной партийно-бюрократической элитой. Выразиться это должно в замораживании вкладов населения в сберегательном банке по состоянию на заранее оповещенный день и введении в хождение новой денежной единицы 1 января 1991 г.

Вполне естественно, все денежные знаки, которые население не положило в банк, теряют с этого дня покупательную способность. Обмену подлежит лишь сумма в размере минимального прожиточного минимума в месяц в расчете на душу населения. Введение конвертируемой денежной единицы сопровождается одновременным введением новой, соответствующей мировому уровню, системы цен на энергоносители, сырье, строительные материалы, комплектующие изделия, сельхозпродукты и открытием внутреннего рынка для свободного импорта этих видов продукции. Эта мера позволит сдмпфировать возможные трудности переходного периода становления новых отношений в нашей экономике. Иная позиция должна быть в отношении импорта конечной продукции (промышленных товаров). Здесь нужно вести гибкую политику регулирования таможенными пошлинами ввоза тех или иных товаров в страну, чтобы, с одной стороны, составить конкуренцию нашим предприятиям и, с другой стороны, не дать их сразу же «задушить» более сильным зарубежным партнерам. Грамотное использование таможенных пошлин позволит также пополнять государственную казну. Открытие внутреннего рынка позволит сразу решить задачу ликвидации монополии производителей соответствующей продукции внутри страны, что создает мощный материальный стимул повышения качества товаров. Понятно, что далеко не все предприятия смогут в новых условиях с первого месяца получать прибыль, достаточную даже для расчетов с рабочими. Для этой цели государство должно располагать достаточным валютным резервом, чтобы обеспечить кредитование (именно кредитование, а не дотацию) предприятия на выплату зарплаты по минимуму, т. е. исходя из выплаты каждому работнику зарплаты, не превышающей прожиточный минимум. Валютный резерв необходим также для обеспечения на первых порах — до поступления налогов в новых денежных единицах — твердых социальных выплат гражданам (пенсий, социальных пособий и т. п.). Формируется он путем прекращения на год импорта оборудования, материалов, товаров за счет средств госбюджета. Возможно так-

же использование на эти цели в качестве крайней меры части золотого запаса страны.

Временное замораживание денежных вкладов населения не означает их конфискацию в пользу государства. Это всего лишь разновидность отсроченного спроса. Одновременно эта мера дополнительно позволяет хотя бы частично решить проблему конфискации так называемых нетрудовых доходов. Граждане обязаны в течение 6 месяцев с момента введения новой денежной единицы предоставить декларацию на накопленные денежные средства. Представители налоговой инспекции проводят проверку достоверности представленных деклараций и конфискуют состояния, происхождение которых не нашло удовлетворительного объяснения. Решение органов налоговой инспекции может быть обжаловано в судебном порядке. Для постепенного возврата оставшихся «замороженных» вкладов населению должна быть разработана специальная программа поступления в бюджет необходимых средств, рассчитанная на 10—15 лет, не более. Возможен, и даже желателен, вариант, когда сроки «размораживания» вкладов будут увязаны со скоростью оздоровления финансов тех или иных регионов.

Одновременно с замораживанием вкладов населения должны быть заморожены и средства предприятий, учреждений и организаций, за исключением оборотного капитала в размере полугодовой потребности на текущую деятельность предприятия, который должен быть переведен в новые денежные единицы. Судьба «замороженных» средств решается в том же порядке, что и у населения.

Проведение финансовой реформы закрепляется выведением Государственного банка СССР из ведения Совета Министров и подчинением его непосредственно Верховному Совету СССР. При этом основными его функциями становятся проведение финансовых операций в рамках реализации государственного бюджета СССР, финансирование централизованных государственных программ и выплаты социальных пособий; приоритетное кредитование предприятий государственного сектора. Для финансового обеспечения других сфер научно-промышленной деятельности поощряется создание сети конкурирующих коммерческих акционерных банков.

Оздоровление финансов страны должно быть подкреплено осуществлением радикальных реформ в сфере экономики. В первую очередь при Президенте создается независимая экспертная комиссия из числа ведущих отечественных экономистов с правом привлечения к работе зарубежных специалистов. Основная ее задача — в течение 3—4 месяцев подготовить Президенту и Верховному Совету доклад о реальном состоянии нашей экономики, потенциальной конкурентоспособности отдельных ее отраслей на мировом рынке, их влиянии на состояние обороноспособности страны. С учетом выводов комиссии должен быть утвержден перечень отраслей экономики, которые полностью или частично должны остаться в государственном владении, иначе говоря, на которые государство должно сохранить моно-

полию. Размеры государственного сектора должны быть минимально достаточными для выполнения задач (функций), решение которых союзными республиками и национально-автономными образованиями добровольно передано в союзное ведение; для обеспечения работы органов управления Союзом и стабильных поступлений в бюджет с целью осуществления механизма эффективной социальной защиты граждан.

После этого должна быть *подготовлена программа демонополизации и денационализации оставшейся части промышленности.* Демонополизация заключается в полном роспуске соответствующих отраслевых министерств и передаче входившим в них предприятиям права самостоятельной хозяйственной деятельности. По времени эта мера должна быть реализована одновременно с введением конвертируемого рубля, в противном случае самостоятельность предприятий будет носить чисто фиктивный характер. Денационализация должна включать в себя сложный механизм постепенной передачи в частную собственность (с предоставлением преимущественных прав акционерной ее форме) нерентабельных государственных предприятий. Этот процесс должен сопровождаться соответствующими выплатами в союзный бюджет в новой, конвертируемой денежной единице.

В сфере сельского хозяйства, с момента введения мировой системы цен, полностью прекращается выплата дотации убыточным колхозам и совхозам. Одновременно *запрещается всякое вмешательство в хозяйственную деятельность сельскохозяйственных предприятий.* В случае необходимости кредитование хозяйств, находящихся временно в тяжелом финансовом положении, в течение года (до снятия первого урожая) допускается на льготных основаниях (без процентов), однако по тем же минимальным ставкам, что и предприятиям.

К моменту перехода на новую денежную единицу должна быть полностью завершена *денационализация торговли.* Предприятия розничной торговли передаются в частное, акционерное или кооперативное владение и переходят на прямые договорные поставки с предприятиями или через посреднические оптовые фирмы. Последние могут находиться как в государственной, так и в любой иной форме собственности. Штат министерства торговли резко сокращается, за ним закрепляются функции контроля за состоянием внутреннего рынка и регулировки поступления недостающих товаров из-за рубежа путем периодического пересмотра таможенных пошлин на их ввоз.

Понятно, что столь радикальные преобразования в стране, находящейся в глубоком экономическом кризисе, возможны лишь при условии, что не будет существенно снижен и без того полунищенский уровень жизни отдельных категорий граждан. То есть *до начала реализации предложенных реформ должен быть продуман и введен в действие механизм социальной защиты граждан.* Это тем более необходимо, что проведение в жизнь реформ вызовет в стране значительную временную безработицу. Массе людей потребуются опреде-

ленное время на переквалификацию и поиск нового места работы в изменяющейся хозяйственной структуре.

До начала экономических реформ должен быть введен в действие механизм, гарантирующий каждому гражданину получение минимального прожиточного минимума в виде соответствующего пособия. Каждый гражданин вправе обратиться в местный орган власти за пособием, дополняющим получаемый им доход до минимального прожиточного минимума. Органы власти обязаны при этом либо обеспечить гражданина любой работой, либо выплатить пособие. В практику должен быть введен регулярный контроль за индексом розничных цен — коэффициентом, усредненно отражающим изменение цен на потребительские товары, продукты питания и услуги. Пропорционально изменению этого индекса должен пересматриваться размер минимального прожиточного минимума, а также размер твердых выплат из бюджета государства (пенсий, социальных пособий, окладов служащим госучреждений и т. д.). Первоочередное претворение в жизнь этой меры позволит народу, в том числе и самым неимущим его слоям, достойно выдержать испытания самых трудных первых лет реорганизации. Пригодится этот механизм и в будущем, так как органично войдет в более общую систему мер социальной защиты граждан.

На принципиально новой основе происходит формирование союзного бюджета. Финансовые поступления в него идут из двух источников: налогообложение прибыли предприятий союзного владения и перечисление части средств, полученных от сбора налогов с населения, со счетов союзных (автономных) республик. Первая часть поступлений имеет более стабильный, регулярный характер и предназначена для финансирования постоянных расходов Союза по обеспечению государственных функций, переданных в его ведение республиками (например, выплата пенсий и иных социальных гарантий, содержание армии и т. д.). Вторая составляющая бюджета формируется путем многоступенчатого перечисления, каждый раз по своему нормативу, подоходного налога с населения. *Вносится подоходный налог гражданами добровольно один раз в год на основе самостоятельно заполняемой декларации о доходах, на счет Совета народных депутатов по месту своего жительства.* На основе поступивших отчислений с подоходного налога формируются целевые Союзные программы. Таким образом, формирование союзного бюджета производится как бы от достигнутого, от реально имеющихся «живых» денег, а не от мнимых, планируемых на будущее прибылей, как это практиковалось ранее.

До введения конвертируемой денежной единицы и связанных с ней остальных реформ во время подготовительного периода необходимо провести реорганизацию системы управления страной. В чрезвычайных условиях Президенту необходимы будут надежные помощники, обладающие юридическими знаниями и правовой практикой. Поскольку по Конституции СССР «Президент СССР выступает га-

рантом прав и свобод советских граждан, Конституции и законов СССР», логично передать ему Прокуратуру СССР, предварительно упразднив пост Генерального прокурора СССР и выведя из ее состава следственную часть в самостоятельное подразделение. Назначению бывших прокуроров на посты префектов (раз уж мы взяли за основу для введения президентской формы правления Конституцию Франции) должны предшествовать аттестация на профессиональную пригодность специальной экспертной комиссией и проведение социологического опроса среди населения по месту последней работы прокурора. За префектом остается исключительное право давать санкцию на арест, обыск и иные действия, ограничивающие права гражданина. В этом и будет заключаться механизм защиты гарантий прав и свобод отдельных граждан, обеспечение которых взял на себя Президент. В бывшей системе прокуратуры ликвидируется ведомственность. С этой целью упраздняются *военная, транспортная и прочие виды прокуратуры*. Создав по стране на уровне областей и городов систему префектур, Президент получает надежную опору, с помощью которой можно приступать к главным преобразованиям в стране.

В структуре Совета Министров необходимо оставить лишь министерства (комитеты), реализующие функции, добровольно переданные республиками в ведение Союза. Заполнение вакансий в их аппарате производится исключительно на свободной конкурсной основе в два этапа. На первом — комиссия экспертов в обезличенной форме проводит оценку профессиональных качеств кандидатов. На втором — с учетом данных комиссии, рассмотрев программу кандидатов по будущей их работе, производится назначение (или выбор) соответствующего министра или иного должностного лица.

Производится реорганизация судебной системы. Для обеспечения независимости судебной власти ее глава — Председатель Верховного суда СССР и заместитель назначаются на основе консенсуса между Президентом и Верховным Советом СССР при поочередном выдвижении кандидатур. Предварительный отбор кандидатур на должности Председателя и членов Верховного суда СССР проводится в два этапа. На первом происходит выдвижение в качестве кандидатов юристов, имеющих высшее образование и судебную практику не менее 10 лет. На втором этапе по результатам анонимного опроса всех судей в стране определяется рейтинг кандидатов и по нему отбирается необходимое число претендентов. Назначение членов Верховного суда производится по представлению Председателя Верховного суда, совместным постановлением Президента и Верховного Совета СССР, причем каждый из них обладает правом вето. При отборе претендентов на занимаемые вакансии Председатель Верховного суда обязан учитывать рейтинг кандидатов, полученный в итоге социологического опроса. Срок полномочий членов Верховного суда определяется лишь верхним возрастным цензом — 70 лет. Назначение судей всех остальных уровней производится индивидуально Верховным судом СССР. Освобождение их от должности допускается лишь решением

Верховного суда при выявлении в их действиях решений, противоречащих закону.

Верховный суд лишается права толкования законов. Он может лишь вносить в порядке законодательной инициативы свои предложения в Верховный Совет СССР. *Вводится административная и уголовная ответственность судей за вынесение противозаконных решений.* В судебной системе, в соответствии со специализацией права, вводится три вида судов: экономический (арбитраж), гражданский и уголовный. В первых двух допускается рассмотрение дел судьей единолично на принципах третейского суда, если обе стороны до начала рассмотрения дела выразили на это согласие. В противном случае, а по уголовным делам в обязательном порядке, дело рассматривается судом присяжных. Число занятых в рассмотрении дела присяжных зависит от сложности дела и определяется председателем суда (но не менее трех).

Сама по себе независимость судебной системы мало что дает обществу, если не будет подкреплена общей реформой права. Право как система законов в нашей стране должно изменить свою ориентацию. Из механизма, усиливающего давление власти на отдельного гражданина, оно должно быть реорганизовано в механизм, ограничивающий власть, защищающий от нее любого человека. Для эффективной работы судебной системы необходимо из сферы общественных отношений исключить иной, как правило ведомственный, порядок решения конфликтных ситуаций. Для этого *предполагается разовым декретом (указом) запретить все ведомственное нормотворчество, т. е. отменить юридическую силу миллионов различных инструкций, правил и т. п.* После этого суд обязан будет исходить в своих решениях исключительно из законов, принятых законодательной властью. Должна быть запрещена и практика толкования тех или иных законов с целью сужения их действия, которая в настоящее время имеет очень широкое применение. *Неотъемлемое право каждого гражданина — возможность обратиться в суд по любому поводу, если он считает, что в нарушение действующего законодательства ущемлены его интересы.*

В условиях новых требований к судебной, да и к правоохранительной системам наверняка крайне остро встанет кадровый вопрос. Для его решения придется реализовать комплекс мер: учет в стране всех граждан, в том числе пенсионеров, имеющих юридическое образование; оценка их компетентности с помощью аттестации специальными экспертными комиссиями; привлечение к работе с учетом результатов аттестации, естественно экономическими методами. В любом случае необходимо будет начать комплектование судебных органов сверху вниз, не стремясь во что бы то ни стало срочно заполнить все вакансии в ущерб качеству. Укреплению кадрами судебных и особенно правоохранительных органов может способствовать сокращение аппарата КГБ, часть сотрудников которого может быть ис-

пользована, естественно после соответствующей аттестации, переподготовки и т. п.

Для привлечения к управлению страной самых способных граждан проводится повышение окладов входящих в его структуру должностных лиц. За отправную точку берется при этом сложившееся в мировой практике соотношение между оплатой труда соответствующих категорий служащих, руководителей и средней оплатой, к примеру, рабочих в промышленности. Учитывая же сложное положение страны, принимается решение о перечислении части зарплаты руководящих работников, превышающей более чем в 2 раза минимальный прожиточный уровень в стране, на банковские счета с отсроченной формой выплаты. Условие окончания срока отсрочки — выплата внутреннего и внешнего долга страны. Для повышения материальной заинтересованности в рачительном управлении страной применяется механизм уменьшения доли зарплаты управленческого персонала, перечисляемой на отсроченный банковский счет, пропорционально уменьшению размера невыплаченного внутреннего и внешнего долга страны.

Реорганизация системы управления страной должна быть завершена лишь после беспощадного освобождения ее от так называемых «коррупцированных элементов», в том числе от руководителей, использующих служебное положение в личных целях. *Органам налоговой инспекции должна быть поручена проверка соответствия находящегося в собственности руководителей имущества уровню их доходов.* Для этого все руководители должны будут представить декларацию своего имущества и доходов. Постепенно аналогичная мера может быть распространена и на отдельных граждан, живущих явно не по средствам. Персональную ответственность за претворение этих мер в жизнь должны нести полномочные представители Президента в регионах — префекты. Конечно, отсутствие убедительных объяснений происхождения крупного состояния может не иметь достаточных оснований для привлечения должностного лица к уголовной ответственности за взятки, но этого может быть вполне достаточно для того, чтобы освободить его от должности. Должна быть без откладывания в долгий ящик ликвидирована вся система привилегий, распределяемых по служебному положению, — правительственные дачи, закрытые дома отдыха, больницы, магазины, персональные пенсии и т. п.

Повышение окладов служащим системы управления должно создать условия, при которых им было бы экономически выгодно быть честными, делать выбор между высоким стабильным, постоянным заработком и риском потерять место из-за взятки или иного злоупотребления служебным положением. Принцип «выгоднее жить честно» должен стать основой всей программы борьбы с преступностью.

Все изложенные реформы не будут иметь будущего без подкрепления их реорганизацией сфер образования, науки и культуры. Ключевым моментом в решении этого вопроса должно стать восстановление

ние престижа интеллектуального труда. Необходимо бросить порочную практику, когда право на образование истолковывается как обязанность отсидеть положенные 8—10 лет в школе, не получив за это время ни реального образования, ни полезных навыков. *Право на образование — это прежде всего гарантия на возможность его получения в случае наличия внутренней потребности в знаниях.* В современных наших школах учитель выполняет преимущественно роль биоробота по изложению учащимся запрограммированной суммы знаний. Совершенно забыто былое значение этого слова, когда оно писалось с большой буквы, когда учитель был одновременно и наставником в жизни, и первым другом, и порой главным авторитетом, которому стремились во всем подражать. *После реформы формирования классов в школе производится по индивидуальному набору на основе системы тестов, выявляющих склонности будущих учеников, степень их развития, психологическую совместимость в группах и т. д.* Каждый учитель набирает группу из 8—12 человек, не более. Основная его роль состоит не в преподавании специального предмета, а в обучении на начальном этапе учеников основам знаний и, главное, в наставничестве. В соответствии с этим необходим пересмотр программы подготовки учителей. На первое место выступают эрудиция, контактность в общении с людьми и высочайшая культура, ибо последнюю наиболее эффективно привить своим ученикам можно только личным примером. Обучение же специальным предметам должно быть построено по лекционному принципу с использованием новейших технических средств. В наше время одна видеокассета с лекцией талантливого популяризатора может дать ученикам больше, чем несколько занудных уроков преподавателя, отбывающего в классе трудовую повинность. На технических лекционных занятиях учитель должен быть старшим товарищем, обладающим достаточной эрудицией, чтобы объяснить моменты лекции, вызвавшие вопросы у учеников. Ничего страшного не произойдет, если он обнаружит недостаточность своих знаний и вместе с учениками будет искать ответ на вопрос в справочной литературе или в консультациях с узкими специалистами. *На протяжении всего периода обучения в школе должна быть предусмотрена возможность перехода ученика от одного учителя к другому, в случае если у него изменились интересы, привязанности и т. д.* В ходе обучения предусмотрены контрольные проверки знаний учащихся по тем или иным предметам (экзамены). Должна существовать также возможность добровольного перехода учеников, не проявляющих интереса к учебе, в группы по раннему обучению выбранной ими профессии. Используя увлеченность любимым делом, грамотный учитель сможет наряду с профессиональным мастерством исподволь передать своему подопечному и массу знаний, не говоря уже о культуре общения.

По иному будет сформирована и высшая школа. В основу ее работы положено не количество выданных дипломов, а качество подготовленных специалистов. Каждый гражданин имеет право на бесплатное

обучение в высшем учебном заведении, но для этого ему надо на специальной независимой экспертной комиссии продемонстрировать достаточный уровень своих знаний. В случае положительного заключения соискатель получает именную документ, дающий право на учебу в любом выбранном им учебном заведении. Система обучения близка по форме школьной,⁹ с той лишь разницей, что технические лекции дополняются публичными лекциями крупных специалистов. На публичных лекциях могут присутствовать в качестве вольных слушателей и граждане, не сумевшие сдать экзамены, или просто интересующиеся данным вопросом. Полис, сданный студентом в избранный им институт, служит основанием для перечисления на счет последнего из бюджета государства необходимой для обучения суммы денег. Индивидуальная работа преподавателей с группами студентов способствует раннему проявлению их интересов, формированию основы будущих научных школ.

В стране введено понятие интеллектуальной собственности, что подняло престиж умственного труда. Финансирование фундаментальной науки производится преимущественно из государственного бюджета путем выделения средств для работы временных коллективов на основе конкурса идей. Поощряются и иные источники вложения средств в науку, например путем освобождения их от налогообложения. Средства на развитие прикладных научных исследований и изобретательскую деятельность, наоборот, выделяются преимущественно напрямую фирмами (государственными, частными, акционерными и т. п.).

Авторы открытий и изобретений признаются их собственниками, а финансировавшие их работы фирмы (предприятия) получают приоритетное право на заключение договоров об использовании соответствующих достижений науки и техники. Форма вознаграждения выбирается автором в виде единовременной денежной выплаты или получения доли от прибыли предприятия. У наиболее крупных ученых и изобретателей образуются целые специализированные фирмы. Конкуренция в сфере производства ускорит процесс внедрения изобретений, новых технологий, что в свою очередь повлияет на научно-технический прогресс.

Введение понятия интеллектуальной собственности вместе со снятием идеологических запретов создаст благоприятную ситуацию и для подъема культуры, развития многообразия ее форм. Этому в немалой степени будет способствовать повышение уровня материального благосостояния граждан, в том числе повышение оплаты труда работников сферы культуры. Оздоровление экономики страны, приведение в порядок ее финансов позволит всерьез заняться восстановлением исторических культурных памятников. Должны быть созданы благоприятные условия для сохранения исторического, культурного наследия: построены на современном техническом уровне хранилища музейных экспонатов, фондов библиотек, архивов и т. д. Архивы должны быть открыты для всеобщего пользования.

Должен быть законодательно закреплён предельный срок хранения в закрытых архивах сведений, подлежащих такому засекречиванию.

Государственная программа восстановления полуутраченных национально-культурных традиций не может не коснуться сферы религии. Свобода вероисповедания, провозглашенная Конституцией, должна быть подкреплена реальными гарантиями, в том числе разрешением факультативного преподавания в школах религиозных дисциплин. *Все культовые сооружения должны быть возвращены верующим.* Из государственных хранилищ церкви должны быть возвращены изъятые в свое время ценности. Принять закон, обязывающий КПСС производить ежегодные выплаты из партийной кассы на возмещение ущерба, нанесенного памятникам культуры, в том числе и культовым сооружениям, в итоге ее деятельности. Всемерно способствовать созданию различных целевых фондов из пожертвований граждан и предприятий на восстановление и сохранение памятников культуры; обеспечивать контроль за использованием собранных средств только по назначению.

Отношение к культурному наследию предыдущих поколений, равно как и степень заботы о своих современниках, волею судьбы лишенных возможности своим трудом зарабатывать достаточно средств на жизнь, являются лучшим показателем нравственного климата в обществе. В настоящее время к этим двум моментам можно добавить и отношение к сохранению самой среды обитания человека. В нашем государстве до настоящего времени первая и третья из перечисленных проблем находились в подчиненном положении, постоянно приносились в жертву потребительским интересам общества. Социальную же защищенность граждан с низкими доходами пытались решить через общественные фонды потребления. На этой основе сформировалась сложная система дотаций из госбюджета, направленная на поддержание искусственно низкого уровня цен на продукты питания, жилье, услуги и т. д. Внешняя видимость такой защиты жизненных интересов слоев населения с низкими доходами на самом деле прикрывала чудовищную по сложности, хитроумную систему перераспределения доходов этих же категорий граждан в пользу находящихся у власти и, конечно, более обеспеченных соотечественников. В условиях всеобщего дефицита доступность материальных благ по искусственно заниженным на них ценам была неодинаковой для разных граждан. Таким образом, при пропорциональном вкладе (отчислении от зарплат) в общественные фонды потребления отдачу от них получали лишь стоящие у власти или контролирующие систему распределения благ (торговля, снабжение). В итоге, в самой богатой в мире стране большое количество людей влачит самое настоящее нищенское существование и возникают все новые очаги социальной напряженности и недовольства. И тем не менее для функционирования в стране механизмов социальных гарантий уровня жизни граждан существование общественных фондов потребления необходимо. Однако формироваться они должны не за счет удержания части дохода (зар-

платы) граждан, как это делалось ранее, а за счет прибыли государственного сектора экономики. Иначе говоря, экономической их основой должна служить та самая общественная собственность на средства производства. Каждый гражданин, как бы вложив в нее свой пай, вправе ежегодно получать в качестве дивидендов определенную сумму через общественные фонды потребления. Тратить же их на показавшую свою несостоятельность систему дотаций не имеет смысла. В том случае, если общество в лице государства берет на себя заботу о предоставлении каждому своему члену некоторого объема благ, есть два пути решения задачи — вещественный и финансовый. Образно говоря, можно каждый день давать человеку по краюхе хлеба и тем самым гарантировать ему защиту от голодной смерти. А можно в виде такой гарантии ежедневно выдавать стоимость этой краюхи, чтобы он сам сделал выбор — есть черный хлеб или, поголодав два дня, на третий съесть хороший кусок мяса. Достигается та же цель — человек не умрет с голода, но будет чувствовать себя *хозяином своей судьбы, человеком, имеющим право выбора*. В данном направлении и необходимо перестроить использование общественных фондов потребления. К примеру, в нашей стране провозглашено право человека на жилье, т. е. государство гарантирует каждому гражданину жилое помещение площадью не менее 9 кв. м жилой площади. Использование дотационной модели содержания жилого фонда привело к тому, что при общем жилом фонде страны, достаточным для обеспечения каждого жителя площадью 8 м², и громадном объеме жилого строительства бесконечные очереди на жилье не уменьшаются. При новой системе использования общественных фондов каждый гражданин с момента рождения будет получать жилищный полис — именной документ, по которому ежемесячно до смерти государство будет выплачивать ему из общественных фондов сумму равную средней по стране полной стоимости содержания 9 м² жилой площади. Заботой самого гражданина станет поиск и аренда подходящего жилья. Естественно, стоимость его будет исчисляться от общей площади, с учетом подсобных помещений, а также варьировать в зависимости от этажности, степени обустроенности и т. д. Любителям комфорта придется оплачивать излишки площади полновесной монетой из своего кармана, а не дотациями, переложеными из карманов людей, стоящих в очереди на жилье. Те же, кто пока не нашел подходящего жилья, получают добавку к бюджету семьи в виде компенсации за жилищное неудобство. Естественно, при такой реформе ликвидируется уродливое наследие сталинского крепостничества — разрешительная прописка. Для решения стоящих перед обществом задач по статистике, прогнозу занятости населения, удобству работы, связи и т. п. вполне достаточно, чтобы гражданин уведомлял местные власти о месте своего жительства (уведомительная прописка). В государственной строительной программе делается упор на удовлетворение потребностей человека. *Замораживается все капитальное строительство*, кроме направленного на реконструкцию действующих производств. *Все осво-*

бодившиеся материальные ресурсы и строительные мощности переориентируются на строительство жилья и других объектов социально-бытового назначения. При этом стимулируется строительство индивидуальных домов, прежде всего в сельской местности для жителей, желающих переехать туда на работу.

Не терпит отлагательства и решение проблем, накопившихся в области военного строительства. Боеспособность армии не может не способствовать переходу на *профессиональный принцип формирования видов войск с повышенной технической оснащенностью* (ПВО, ракетные и др.), *требующих специальной подготовки* (десантные, внутренние войска). Одновременно с этим ведется строительство для профессиональных воинских частей базовых военных городков, обеспеченных достаточным уровнем комфортности. Программа профессионализации армии должна быть рассчитана на 3—5 лет.

Наряду с профессиональной армией, находящейся под командованием Президента, формируются мотострелковые части, находящиеся под командованием руководителей союзных республик. В них на основе закона о всеобщей воинской повинности проходит годичную военную подготовку мужская половина населения. Для граждан, которым религиозные или иные убеждения не позволяют проходить воинскую службу, предусматривается возможность выбора и отбывание гражданской повинности сроком 1,5 года на непрестижных, но необходимых обществу работах.

Цель комплекса мероприятий политической реформы — создание самоуправляющегося общества подлинного народовластия с выходом в конечном итоге на общественные отношения, способствующие гармоничному развитию каждой личности, раскрытию и использованию в интересах общества ее индивидуальности.

В основу политической реформы должны быть положены разработка и принятие новой Конституции страны. В отличие от предыдущих конституций идея подлинного народовластия в ней должна быть закреплена самым способом ее принятия. *Основной Закон страны после всенародной дискуссии и работы редакционной комиссии должен быть принят всенародным референдумом.*

В одной из основополагающих статей должен быть заложен запрет на изменение Конституции иным, кроме всенародного голосования, способом. На стадии подготовки проекта текста должны активно использоваться широкие социологические опросы для выяснения и учета мнения различных социальных групп граждан по ключевым позициям закона. Текст Конституции должен быть максимально кратким, формулирующим лишь основные принципы построения нашего государства и защиты прав его граждан.

Реформа политической системы преследует цель активизации участия граждан в политической жизни страны. Для этого необходимо *немедленное принятие закона, гарантирующего свободу функционирования средств массовой информации и свободу использования их гражданами. В числе первоочередных должен быть принят и за-*

кон о порядке образования и деятельности общественных, в том числе политических, организаций. При этом в нем обязательно должен быть сформулирован запрет на формирование структур таких организаций по производственному признаку (кроме профсоюзов). К этому выводу приводит анализ истории нашей страны, где формирование структуры КПСС по территориально-производственному признаку повлекло вмешательство партийных комитетов в работу производственных предприятий, привело к тотальной идеологизации всех сторон жизни общества.

Для исправления этого перекоса в первую очередь необходим срочный демонтаж партийных органов в армии, Комитете государственной безопасности, органах внутренних дел, судебных и правоохранительных структурах, а затем и во всех отраслях промышленности. Логическим завершением этого процесса является создание двух комиссий: возможно, даже международной по политической оценке деятельности КПСС как «вдохновителя и организатора наших побед» и по проверке финансово-хозяйственной деятельности партии и ее соответствии действовавшим в нашей стране законам.

Основой народовластия в стране должен послужить закон о референдуме. Однако для практической законотворческой работы и для оперативного осуществления функций исполнительной власти народ, как основной субъект власти, должен делегировать часть своих властных полномочий более узкому кругу представителей — иначе говоря, представительной власти. Отсюда становится понятной важность раздела Конституции, закрепляющего основы избирательной системы, и конкретизация их в законе о выборах. Ключевыми моментами избирательной системы должны стать: равенство прав всех избирателей на выдвижение кандидатов, в том числе и самовыдвижение, на свободу агитации за и против и на число голосов, поданных в момент голосования.

На первом этапе законотворческой деятельности встанет вопрос о полномочиях уже избранного депутатского корпуса. Первым проведенным в стране референдумом, если не считать референдумом выборы Президента, должно стать всенародное голосование на вотум доверия депутатам от общественных организаций. Оно либо подтвердит их право носить звание народного депутата СССР, либо сократит на 1/3 депутатский корпус.

В любом случае, независимо от исхода референдума, к моменту его проведения уже должен быть закон по новым принципам формирования Верховного Совета (после принятия новой Конституции вполне вероятно, что двухзвенная структура нашего верховного органа законодательной власти будет упразднена). Он должен прежде всего обеспечивать принцип подобия расстановки политических сил в Верховном Совете, расстановке их на Съезде народных депутатов и обеспечивать работоспособность Верховного Совета. Последние две меры позволяют уравнивать в правах и Президента и Верховный Совет.

Оба получают непосредственно из рук народа мандат на пользование всей полнотой власти, только разными ее частями. Для предотвращения злоупотребления или узурпации власти обе эти стороны должны быть наделены новой Конституцией правом налагать вето на решения противоположной стороны и обращаться для решения их спора к третьей, независимой инстанции — Конституционному суду, или напрямую через референдум — к народу.

Таков далеко не исчерпывающий перечень реформ, которые, на мой взгляд, могли бы радикально изменить к лучшему ситуацию в стране. Естественно, приведенные соображения нельзя считать в буквальном смысле программы конкретного действия по тем или иным вопросам. Это только концептуальная постановка задач (с некоторыми из них можно спорить), подробный механизм реализации которых должен быть взаимно увязан и выверен до мельчайших деталей с помощью многих специалистов. Но даже изложенного достаточно, чтобы понять, какого объединения и напряжения всех сил, всех наших ресурсов потребовало бы осуществление этих планов. Вполне понятно, что одному человеку, даже если он Президент, сдвинуть этот воз просто не под силу и нужно заранее продумать механизм взаимодействия с двумя остальными главными действующими силами — народом и Верховным Советом (Съездом). Первому пришлось бы претерпеть неизбежные трудности, особенно на начальном этапе преобразований. На плечи второго должен был бы лечь весь груз законодательного закрепления начатых перемен.

Перед окончательным голосованием, думаю, следовало бы обратить внимание людей, что на выборах они голосуют не за личность, а за выдвинутую ею программу действий. Поддержка ее своими голосами означает не только предоставление Президенту полномочий для ее реализации, но и взятие на себя обязательства проявить терпение и добровольно дать обещание отложить на время, на год-два, такие способы выяснения отношений, как забастовки, митинги и демонстрации. Это встречное условие и следовало бы выдвинуть перед выборами. Избрание же даст моральное право ставить перед Верховным Советом (или Съездом) задачи по разработке законов именно из подержанной народом программы.

Всенародное избрание давало бы Президенту и право в крайнем случае вынести на референдум вопрос о роспуске законодательного органа и проведении досрочных парламентских выборов. Всех этих возможностей лишился Михаил Сергеевич Горбачев, отказавшись от всенародных выборов.

Заканчивая статью, мысленно невольно возвращаешься к I Съезду народных депутатов. Сколько раз приходилось тогда слышать полудухидный вопрос: «Что бы Вы делали, если бы Вас вдруг избрали Председателем Верховного Совета?» Хотя и нашел тогда, на мой взгляд, удачный ответ: «Предложил бы Михаилу Сергеевичу как Генеральному секретарю самое тесное сотрудничество», на душе становилось беспокойно. Да, была развернутая тезисная программа с прин-

ципиальной постановкой необходимых задач. (Часть из них на данный момент уже находится в стадии решения.) Но до продумывания конкретных механизмов реализации их было еще далеко. Сейчас бы на подобный вопрос я уже ответил иначе: «Не боги горшки обжигают. Если идти вместе с народом, а не стоять над ним, можно горы свернуть».

Бремя нашей свободы

1

В экономике — очевидное и все более глубокое разрушение всех традиционных структур «планово-социалистического» хозяйствования, неуклонный спад производства, почти полный уже развал потребительского рынка, который никак не удается не то что остановить, но хотя бы замедлить.

В социальной жизни — непрекращающийся рост социального расслоения и — соответственно — социального напряжения между группами и слоями населения, располагающими существенно разными, порой прямо противоположными правами и возможностями в сфере материального самообеспечения (в том числе и во все еще существующей иерархической системе распределения материальных благ). В результате — наглядно разный, нередко дразняще контрастный образ их жизни и уровень их материального благосостояния, следствием чего и является, в частности, та повсеместная ненависть так называемого «простого народа» ко всяческому «начальству», которая с ходом перестройки не только не слабеет, но даже усиливается.

В области межнациональных отношений — очевидный и все развивающийся кризис созданной Сталиным последней великой Империи, которая трещит ныне по всем швам. Стремление выйти из состава СССР и обрести государственную независимость становится все более мощным, охватывающим все более широкие слои населения не только в Молдавии или в Прибалтийских республиках, народы которых имеют все основания считать свое «добровольное» включение в состав СССР попросту незаконным, но и в республиках Закавказья, и на Украине. А нерушимая дружба народов, торжественно провозглашенная в качестве Высшей Святыни советской Империи, все чаще выражает себя в кровавых столкновениях, ненависти, насилии и массовом бегстве с нажитых мест. Причем кровавый этот кошмар принимает нередко такие масштабы, что может быть сравним разве с состоянием настоящей войны, как это до сих пор и происходит, в сущности, в Армении и Азербайджане, вражда между которыми, вспыхнувшая из-за Нагорного Карабаха, дошла уже, кажется, до последней черты...

На эти мрачные реалии нашей жизни (да и то лишь из числа важнейших) сразу же укажет вам сегодня любой серьезный автор, пишу-

ший на экономические, политические и социальные темы, приступая к характеристике сложившейся в стране ситуации. И не удивительно: ведь именно они, эти реалии, прежде всего и определяют в своей совокупности самую суть этой драматической, если и не прямо уже трагической ситуации, к которой подошла на пятом своем году наша так называемая «перестройка». А тем самым — и самую суть тех поистине тягчайших, почти неподъемных проблем, перед которыми мы сегодня оказались и которые все отчетливее вырисовываются ныне перед нами во всей своей грозной и неотвратимой альтернативности.

В самом деле: решимся ли мы, наконец, и сумеем ли осуществить мирный и эффективный переход к свободной рыночной экономике, в которой ныне едва ли не все уже ведущие экономисты страны (не говоря уж о зарубежных) видят единственное, хотя и очень нелегкое спасение от грозящего нам полного экономического краха? Тот переход, который невозможен без введения (хотя бы в первоначально ограниченных размерах) частной собственности на землю и на средства производства, отнюдь не только мелкого и среднего. Сумеем ли мы создать и ввести в действие при этом такие механизмы социальной защиты малоимущих слоев населения, которые хотя и не остановят неизбежное при рыночной экономике еще большее социальное расслоение общества, но кардинально изменят его характер, лишив его элементов сословности? А главное — снимут не только психологическую, но и материальную его остроту, решительно подняв нижний уровень материального благосостояния в стране до отметки, практически обеспечивающей пусть скромное, но достойное современной цивилизации и ненатужное решение каждым житейски-материальных проблем своего существования. Ведь только это и может вывести столь агрессивное ныне чувство социальной зависти из опасной зоны этой агрессивной активности, неотделимой от ненависти. Сумеем ли и успеем ли мы сделать во всех этих направлениях хотя бы первые шаги, способные реально облегчить положение людей, раньше чем наступит полный развал потребительского рынка, к которому мы так неуклонно идем? А если не сумеем, не успеем и окончательный крах нашей хозяйственной системы нас-таки настигнет, то какие формы, какой размах и характер может принять в таком случае почти неминуемая при этом всеобщая гражданская катастрофа страны? Какие последствия такой катастрофы обязаны мы в таком случае трезво предвидеть и в чем необходимо нам сегодня отдавать себе ясный отчет, чтобы быть способными к такому предвидению?..

Сумеем ли и как скоро сумеем мы, далее, перейти в области политической и гражданской жизни к нормальной демократической системе современного типа, функционирующей на основе действительной и полной (в конституционных ненасильственных рамках) свободы? Той свободы политической, религиозной, культурной и прочей общественной самоорганизации и самостоятельности граждан, которая невозможна без действительной независимости печати и других средств массовой коммуникации, достигаемой лишь на основе их эко-

номической суверенности. То есть опять-таки лишь в условиях свободной рыночной экономики, гарантией и абсолютно необходимым условием нормального функционирования которой свободная печать, радио и телевидение в свою очередь тоже как раз и являются. Пойдет ли гражданско-политическое развитие нашей страны именно в этом направлении, или же мы будем эволюционировать в сторону хотя, как любят сейчас у нас говорить, и *правового*, но правового *авторитарного*, если и не прямо уже *тоталитарного* (возвратно-тоталитарного, так сказать) государства? Это было бы, конечно же, самым ужасным, но ведь ныне достаточно уже ясно, что некоторые тенденции в нашей политической жизни, наметившиеся с введением президентской формы правления, обязывают нас и такую возможность тоже, по крайней мере, учитывать. Конечно, для того, чтобы она реализовалась, потребовалось бы что-то вроде государственного переворота. Но кто сказал, что такой переворот нереален и что в наших условиях он не может совершиться и в столь невидных, «внутрикабинетных» и притом постепенных формах, что мы можем даже и не заметить, когда он произошел? Как учил нас в свое время незабвенный наш вождь и учитель товарищ Сталин, нет таких крепостей, которые не могли бы быть взяты большевиками, а уж в отношении взятия бастионов свободы, к тому же только еще строящихся, у них, как известно, есть достаточно солидный опыт. Разумеется, в большой исторической перспективе подобного рода поворот событий все равно бесперспективен, но пока эта большая историческая перспектива реально себя выявит и утвердит, могут пройти годы и годы, и цена, которую придется стране заплатить еще и за это потерянное время, может оказаться слишком велика.

Наконец, сумеет ли наша страна преодолеть то межнациональное напряжение, которое выражается и в постоянном возникновении более или менее локальных очагов двухсторонних столкновений, и в общих центробежных (или, как это все еще, увы, гневно у нас именуют, *сепаратистских*) тенденциях, грозящих отпадением за практически уже отпавшей Прибалтикой и каких-то других нынешних союзных республик — то есть фактическим распадом СССР? Если да, сумеет, то на какой позитивной основе, в какой взаимоприемлемой форме федеративной или конфедеративной ассоциации? Если же нет, то хватит ли мудрости и у тех, кто хочет уйти, и особенно у тех, кто остается, чтобы не превращать этот процесс в какое-то подобие развода по-хамски — с оскорблениями, угрозами, драками, попытками насильственного удержания, экономическим принуждением и т.д. и т.п.? И удастся ли при этом оставшейся части бывшего СССР — и прежде всего России — осуществить-таки и на своей территории демократию? Или же процесс распада бывшей Империи приведет не просто, как уже сказано, к возвратному тоталитаризму, но к возвратному тоталитаризму к тому же еще и на русской великодержавной национал-социалистической основе? Такое тоже ведь не исключено, и в результате мир может получить в лице новой России государст-

во, бытие которого (пусть даже и недолгое) заставит вспоминать о временах взаимоотношений с бывшим СССР, как о золотом сне...

Вот те острейшие и абсолютно уже неотклонимые вопросы, к которым подвела нас сегодня наша трагическая судьба и которые имеют для нас всех сегодня столь грозный альтернативный смысл. Как ответит на них жизнь, какое их решение она выберет, какие методы предпочтет? И от чего зависит этот выбор, какие силы могут определить его характер?

2

Я думаю, сегодня становится все очевиднее для всех, что в нынешней ситуации этот выбор зависит уже отнюдь не только от самой по себе верховной власти, управляющей страной. Но впервые, кажется, за семьдесят лет нашего «народовластия» — и от того самого народа, который до самого последнего времени только числился в «субъектах истории», практически же был полностью лишен возможности хоть сколько-нибудь значимо выступать на арене реального политического действия и выглядел скорее неким загадочным Великим Сфинксом, доступ к тайне которого был надежно перекрыт надежным отсутствием в стране сколько-нибудь серьезной социологической службы. Ныне же этот Сфинкс не только заявляет о своем реальном присутствии в нашей общественно-политической жизни, но приобретает в ней все больший вес и очень скоро действительно может стать уже и по-настоящему решающей, главной силой нашего общественного развития. При этом речь вполне может идти даже только и о том, вчера еще совершенно молчаливом большинстве населения страны, которое остается за *вычетом* активно выражающих себя его слоев, имеющих возможность обозначать и отстаивать свои позиции гласно и через организованное политическое действие. Это большинство составляет, как все еще любят у нас порой говорить, «простой народ» — основная часть рабочих и крестьян, обычные слушающие различных контор и учреждений, рядовые работники сферы обслуживания, большая часть инженерно-технической и даже гуманитарной интеллигенции. Оно, это большинство, и сегодня еще куда молчаливее, чем так называемая «общественность», его представляющая или претендующая его представлять; оно и сегодня не столь уж привычно к вербальным формам публичного самовыражения. Но когда оно выходит на тысячные и миллионные митинги, когда оно, допущенное к выборам, пусть даже еще не подлинно демократическим, берет альтернативные бюлети и начинает существенно влиять на состав тех парламентских органов, которым уже и сегодня принадлежит немалая власть, — его действия становятся красноречивее любых слов. И с этими действиями ни один серьезный политик не может уже сегодня не считаться, хотя иным из них отказывают порой нервы. И, обидевшись на какие-нибудь выкрики, картинки или лозунги, они поворачиваются к ним спиной, не понимая, что поворачиваются тем самым

спиной не к отдельным крикунам или непочтительно ведущим себя группкам, которые всегда найдут себе место в любой народной массе, а ко всей этой массе в целом, всерьез воспринявшей лозунг политического плюрализма и, к счастью, не обученной еще выполнять самостоятельные жандармские функции по отношению к тем, чей вид и митинговое оснащение могут почему-либо быть неприятны начальству...

Но повернуться можно раз, два, да и то только сегодня, а вот что будет завтра, через несколько лет, когда нормальным демократическим путем, без всяких квот для общественных организаций, да еще на альтернативной основе и в условиях достаточно развитой уже, надо полагать, многопартийности, далеко ушедшей от нынешнего ее младенческого состояния, страна будет выбирать и Президента, и Парламент? Недаром даже и сегодня, когда эта наша только еще рождающаяся многопартийность учится делать лишь первые свои шаги, не обладая к тому же нормальными возможностями для ведения избирательных кампаний, а избирательные потенции населения тоже достаточно ограничены, — недаром и сегодня идет тем не менее такая ожесточенная борьба за голоса избирателей. И может ли это быть иначе, если уже и сегодня результаты голосования вполне могут открыть и людям, и партиям совершенно реальный путь к реальной власти? А какой, скажите, политический деятель и какая политическая партия могут относиться к себе всерьез, если они не стремятся к такой власти?..

Или возьмем ситуацию, сложившуюся сегодня в отношениях официальной власти с теми оформленными общественными движениями, которые вполне реально заявили уже о себе в качестве достаточно значимых участников современного общественного процесса, практически и определяющих его развитие своим взаимодействием. В этом сложном и многостороннем взаимодействии ныне, как известно, испытывают на прочность свои программы, свою влияние, свою психологию и свой духовный потенциал самые разные общественные движения — от правых экстремистов национал-социалистического толка, все теснее смыкающихся с консервативной частью партийно-государственного аппарата, до левых радикалов, возрождающих традиции русской революционной нетерпеливости и нетерпимости. Но — как это тоже видно ныне едва ли уже не всем — в рамках этого достаточно сложного взаимодействия все-таки все большее значение приобретает день ото дня характер взаимоотношений прежде всего между центральной властью (президентской и правительственной) и тем широким демократическим движением, которое в своих организованных формах (межрегиональная депутатская группа, «Демократическая платформа» в КПСС, избирательный блок «Демократическая Россия» и т.д.) стремится принять на себя и выполнить в нынешних сложных условиях нелегкую роль конструктивной демократической оппозиции ей. Это ведь сейчас действительно *главная* оппозиция официальной власти, все еще тесно сросленной (по

собственной природе и потенциям или вынужденно) с мощными аппаратными структурами административно-командной системы, которая все еще господствует пока у нас (даже и через обеспеченное ею себе на прошлых выборах парламентское большинство) и заложником которой официальная горбачевская власть в огромной степени все еще является. Правда, стремление быть такой конструктивной оппозицией не всегда находит в рядах демократического движения адекватное выражение, и возможно, что отчасти по этой причине тоже Горбачев и его администрация относятся пока что к демократической оппозиционной силе явно предубежденно, с недоверием и ни на какой конструктивный диалог, не говоря уж о сотрудничестве, с нею, в сущности, не идут. Однако — и это чувствуется уже и по самому эмоциональному накалу, по самой энергии этого настороженного противостояния, — однако в том-то и дело, что они вынуждены тем не менее очень серьезно считаться с нею. И то, что именно взаимодействие *этих* двух сил, характер *их* взаимоотношений и определит скорее всего принципиальное направление, темпы и методы ожидаемых преобразований, что именно оно и будет иметь решающее значение для судеб страны, становится сегодня все большей вероятностью.

Почему?

Да опять-таки именно потому, что через действия организованной демократической оппозиции Горбачев и его администрация более всего и ощущают на себе постоянное реальное давление, постоянный напор ожиданий и требований основной массы населения страны. Во всяком случае — значительнейшей его части. А проходящие по стране в поддержку демократического движения миллионные митинги, как бы ни пыталась официальная пропаганда их дискредитировать, лишь подтверждают властям нештучный политический статус этого движения.

Сохранится ли эта внутренняя связь нынешней демократической оппозиционной общественности с основной массой населения страны и в дальнейшем? Сумеет ли она при такой поддержке вступить, наконец, в действительно конструктивные отношения с властью и тем повлиять — может быть, даже решающим образом — на выбор путей и темпов выхода страны из создавшегося положения?

Это зависит от многих факторов, и дело может обернуться по-разному. Но, как показывает и уже имеющийся опыт, можно с уверенностью сказать, что в любом случае, то есть как бы ни сложились дальнейшие отношения нынешней организованной демократической оппозиции с народным большинством, все равно решающую роль в предстоящих отношениях с официальной властью, сегодняшняя легитимация которой потеряет через несколько лет всякую силу, будут играть, несомненно, именно те политические движения и партии, которые будут располагать наибольшей поддержкой населения страны и способны будут не только рассчитывать на его голоса, но и поднимать его на активные гражданские акции. А это и значит, что, стало быть, та целостная совокупность жителей страны, которую мы привыкли

обозначать словом «народ», действительно становится ныне все более определяющим субъектом общественно-политического действия, от преимущественных позиций, настроений, осведомленности, симпатий и антипатий которого может и в самом деле решающим образом зависеть выбор путей дальнейшего развития страны, ее судьба.

3

Вот почему именно этот «субъект исторического действия» и стал ныне, в течение полутора-двух последних лет, объектом такого всеобщего и пристального, остро вдруг пробудившегося общественного интереса. В частности, едва ли не главным объектом и той службы публичных социологических исследований, которая, будучи задумана когда-то в зародыше, снова, к счастью, родилась сегодня в наших краях и занялась, наконец, серьезными опросными «обмерами» народного организма. Народ подвергается ныне этим «обмерам» со всех сторон и в самых разных отношениях: материальное благосостояние и источники доходов, возрастной состав и национальная принадлежность, здоровье и круг чтения, политические ориентации и социальные претензии, любимые передачи по ТВ и впечатления от заседаний Съезда народных депутатов или Верховного Совета СССР и т.д. и т.п. И это понятно: без такого предельно конкретного изучения тот Великий Сфинкс, в облике которого он представал обычно перед нами в недавнем прошлом, вряд ли перестанет быть для нас таким же Сфинксом даже и сегодня, когда он прервал уже как будто бы свое вынужденное прежнее молчание и заговорил словами реальных своих действий. Ведь в действиях-то этих он сплошь и рядом проявляет себя тем не менее так по-разному, что и вправду становится для нас, пожалуй, ничуть порою не меньше, а даже еще более загадочным, чем прежде.

В самом деле: ведь именно из недр этого таинственного «простого народа», из недр народного большинства выстраивается, как мы знаем, знаменитая балтийская цепь и образуется массовый фундамент народных фронтов в республиках, борющихся за свое национальное возрождение. Но из недр этого же большинства, из «толщи» этого же «простого народа» вербуются в тех же республиках и волонтеры так называемых интердвижений, формируемых к тому же явно не без участия того самого «начальства», к которому этот же «простой народ» как будто бы не должен испытывать особого доверия. Загадочное это большинство неожиданно даже для самой оптимистически настроенной либеральной интеллигенции так энергично проявляет себя уже на первых выборах народных депутатов, так явно выражает свою приверженность демократическим принципам и идеалам, что остается, кажется, только радоваться его так называемой «политической зрелости». Но разве на вторых, республиканских и местных, выборах, которые обеспечивали как будто бы куда больше возможностей для демократического волеизъявления, это же самое большинство не снизило вдруг очень резко свою активность, засвидетельствовав небыва-

лым процентом не пришедших голосовать явно усилившиеся в нем настроения апатии и разочарования? А разве не это же большинство порождает порою в некоторых регионах даже и те массовые движения, что охвачены неуголимой национальной ненавистью к соседям по земле, разве не оно участвует в кровавых столкновениях и погромах?

Да, ко всеобщему умилению и властей, и либеральной перестроенной интеллигенции забастовочное движение шахтерских масс прошло на таком высоком уровне, отличалось такой организованностью, исключавшей какие-либо кровавые эксцессы, насилие и беспорядки, что опять же можно как будто бы только радоваться, согласно нашей привычной терминологии, «политической сознательности масс». Но кто может быть уверен, что завтра такое же рабочее движение в других регионах страны не примет совсем иные формы, напоминающие скорее тот народный бунт, бессмысленный и беспощадный, о котором с такой горечью говорил когда-то наш Пушкин?..

Что же происходит внутри этого громадного, сложного и, конечно же, отличающегося большим внутренним разнообразием народного организма, который почему-то представляется нам тем не менее в своей загадочности чем-то единым? Можно ли подобрать какой-то ключ или какие-то ключи, которые открыли бы нам его душу, помогли понять действие тех внутренних механизмов, что управляют его поведением, нередко столь противоречивым? Ведь понять это — значит и в самом деле понять очень многое, получить в руки знание, практически-политическое значение которого в нашей ситуации переоценить невозможно. Это знание, в котором предельно заинтересована сегодня и вся наша общественность, и сам народ, и, разумеется, все те политические движения и партии (во главе с горбачевской официальной властью), которые просто не могут в нынешней ситуации рассчитывать на какой-либо успех своих действий и программ, досконально не зная состояние народного организма, не понимая законов, движущих его психологией, не видя, из каких разных — и каких именно — потоков, струй и течений образуется бурлящее половодье народной жизни, не просчитывая, какое русло она может проложить для себя и на какие русла может разветвиться в условиях того или иного экономического или социального рельефа, при той или иной политической погоде или при тех или иных межнациональных геологических сдвигах.

Конечно, эта практическая, эта, если можно так выразиться, утилитарно-политическая важность достоверного сегодняшнего нашего знания о том, что представляет собой наш народный организм, что в нем происходит, каков его состав и каковы его устремления, никак не покрывает и не может покрывать всей действительной и главной значимости такого знания. Во всяком цивилизованном обществе, претендующем на то, чтобы жить вменяемой исторической жизнью, оно есть *самозначимое* условие такой жизни, неотъемлемый, как уже сказано, элемент *самосознания* общества, его гражданской, полити-

ческой и духовной культуры. Практическое использование такого знания в текущей политике — лишь производное и часто побочное следствие этой культуры, причем не всегда даже и благотворное, поскольку берется на вооружение и политиками.

Однако в нашей ситуации, когда именно от ближайших практически-политических решений, от поведения и мудрости политических партий, в том числе от их компетентности и осведомленности столь серьезно, столь, я бы сказал, кардинально может зависеть сама судьба народа, само его будущее, абстрагироваться от актуально-политической стороны проблемы тоже было бы в лучшем случае теоретическим снобизмом. И я был бы недостоверен, если бы не сказал, что и этот, практически-политический угол зрения тоже имел, конечно, немалое значение в моем обращении к теме, к которой я всячески хотел бы привлечь внимание в этих заметках и которая как раз и связана с попытками осмысления того, что же происходит со всеми нами — народом — в целом.

4

Речь пойдет о тех процессах в нашей сегодняшней жизни, которые очень трудно как раз поддаются уловлению социологическими опросами и которые именно поэтому, возможно, в обильных и разнообразных сведениях, поставляемых нам сегодня возродившейся социологической службой, и находят такое слабое, к тому же весьма косвенное, как правило, отражение. Во всяком случае социологически-статистический метод не нашел пока еще у нас путей своего к ним применения, а потому и говорить о них, не имея под руками надежных фактических данных, очень трудно.

Однако хотя бы в порядке первого приближения к проблеме, в пределах хотя бы самой общей и предварительной постановки вопроса такая необходимость давно уже стучится в наше общественное сознание. Тем более, что само наличие этих процессов, само производимое ими действие — это то, что остро ощущается в самом воздухе времени, в психологической атмосфере нашей жизни и нуждается только в адекватном понимании и анализе, поскольку масштаб и значимость этих процессов в народной жизни таковы, что действительно обязывают к самому пристальному к ним вниманию. В том числе — и с той практически-политической точки зрения, о которой шла речь. Ибо если какого-то одного ключа к загадкам нашего Великого народного Сфинкса и не существует (да и вряд ли может существовать, поскольку сплетение мотивов, которые могут диктовать ему его поведение в той или иной ситуации, слишком сложно, чтобы их можно было уложить в какую-то одну формулу), то все же без понимания тех процессов, о которых пойдет речь, вряд ли мы и вообще подберем все те многочисленные ключи к его загадкам, которые, по-видимому, здесь требуются. Понимание этих процессов дает, мне кажется, как бы некий общий, «исходный» ключ ко всем этим различным и более конкрет-

ным ключам, а потому и представляется абсолютной необходимостью для любой серьезной общественной силы, стремящейся соизмерять и ориентировать свои действия в соответствии с действием тех внутренних механизмов, что управляют органикой народной жизни.

И вместе с тем мне очень не хотелось бы сводить все дело только к этой прагматике, как ни важна она сегодня. Потому что в данном случае мы имеем перед собой такую важную, такую остро-болезненную и такую «долгосрочную» проблему современной народной жизни, которая и сама по себе требует всего того внимания, на какое только способно действительно вменяемое и ответственное общество. Ведь речь идет о болезни народного организма, которая поистине несет в себе семена смерти и способна его убить. А потому и не может не быть излеченной, если все мы, составляющие все вместе этот народный организм, хотим жить именно как целостная народная общность.

5

Собственно, болезнь, о которой идет речь, в некоторых наиболее очевидных своих проявлениях давно уже уловлена нашим общественным сознанием (что и не могло быть иначе). А упоминание о ней стало даже своего рода общим местом в нашей публицистике, почти никогда не забываемой добавить, что наряду с экономическим, политическим, социальным и межнациональным страна наша переживает и *духовный* кризис. А порой даже и в такой градации: как ни серьезно наше экономическое или политическое положение, еще серьезнее духовное оскудение общества, лежащее в основании всего...

Однако видится это «основание всего», как правило, лишь на уровне того падения нравственности в нашем обществе, которое согласно констатируют все авторы, пишущие на этические темы, говоря о росте преступности, о бездуховности молодежи, «балдеющей» на рок-концертах, об утере ею высоких моральных критериев, о нравственной легализации в ее сознании даже таких негативных явлений, как проституция или наркомания, о катастрофическом росте в обществе пьянства, об усилении в людях агрессивности, озлобленности, национальной нетерпимости и т.п. Все это связывается, понятно, с последствиями той идеологической лжи, которая царила в нашем обществе и с ошибками в «нравственном воспитании» народа — с тем, что приоритет «общечеловеческих» моральных ценностей долгое время нашей пропагандой не признавался, что воспитательный процесс в школе носил и все еще носит показной, формальный характер, что мы плохо боремся с негативным влиянием западной «псевдокультуры» и т.п. А отсюда и методы лечения, и рецепты, предлагаемые многими искренними радателями о народом здоровье: прекратить развращающую пропаганду рока с телеэкранов, организовать борьбу с пьянством, всячески поощряя, в частности, общества трезвости, воспитывать молодежь на высоких образцах искусства, прививать любовь к нашему историческому прошлому, пробуждать патриотические чув-

ства, решительно усилить просветительскую работу, направленную на утверждение в сознании общества высоких моральных принципов, подключив к этому, в частности, и Церковь, и т.д. и т.п. И вот уже чутко реагирующее на веления времени и — в соответствии с ними — энтузиастически охваченное бурным порывом ко всеобщему духовному возрождению предприимчивое наше телевидение превращается уже в некий сплошной воспитательный видеоклип, где выступление какого-нибудь очередного рок-ансамбля (нужно же оставить хоть что-то для плюралистического баланса!) непременно компенсируется в следующем же сюжете выступлением очередного народного ансамбля, очередным наплывом очередных церковных куполов, пением церковного хора или даже прямой трансляцией церковной службы. А раз в неделю у голубого экрана в передаче «Воскресная проповедь» начинают поочередно сменять друг друга митрополиты, епископы, художники, писатели, философы и публицисты, атеисты и верующие. С разных позиций, но одинаково задушевно они толкуют вам, как хорошо и как важно для общества, чтобы вы были добрым, милосердным, любящим, чистым и честным, и как плохо, если вы ссоритесь с ближними, не помогаете нуждающимся и не заботитесь о чистоте своей души и тела...

Все это, конечно, прекрасно, хотя и слишком прекраснотушно, а наше умение все доводить до комического идиотизма не оставит нас, видимо, до тех пор, пока не начнет испытывать себя на сугубо коммерческой основе свободного рыночного соревнования независимых каналов телевидения, программ радио, газет и журналов.

Но дело, в конце концов, не в этом — при всем том немало, что способны внести в практикуемую методику лечения нашей нравственной дистрофии ретивый служебный энтузиазм и административное рвение, природа самой этой методики от этого не меняется. А она, эта сугубо проповедническая, рассчитанная, в сущности, на чистую суггестию природа повсеместной нынешней нашей духовно-оздоровительной кампании такова, что не оставляет сомнений: мы все еще плохо понимаем ту болезнь, которая нас поразила. И потому, вероятно, и пытаемся лечить не причины, а следствия. А может быть, пытаемся идти по такому пути и потому, что просто страшимся взглянуть правде в глаза и отдать себе ясный отчет в том, что же с нами происходит.

6

Между тем, то, что с нами происходит и следствием чего действительно являются все эти печальные вещи, которые мы пытаемся лечить воскресными увещеваниями, и в самом деле очень серьезно. И я бы сказал даже — уникально. Настолько уникально, что уникальность эта по-своему даже и парадоксальна. И я бы сформулировал этот парадокс так: *самая глубинная суть ситуации, в которой мы сегодня находимся, состоит в том, что подавляющее большинство*

населения нашей далеко еще не свободной страны переживает сейчас трагический опыт пребывания в состоянии самой безграничной свободы, какая только может быть. Мы свободны сегодня, увы, так, как, пожалуй, ни один другой народ в мире.

Чтобы объяснить, что я имею в виду, я попробую прибегнуть к помощи Достоевского, умевшего, как известно, излагать предельно просто, ярко и точно самые сложные философские идеи. Так вот, один из его героев, а именно герой знаменитых «Записок из подполья», дает такое определение человеку: «человек есть животное, по преимуществу созидательное, присужденное стремиться к цели сознательно и заниматься инженерным искусством, то есть вечно и непрерывно дорогу себе прокладывать, хотя бы куда бы то ни было». Эта блестящая формула показывает, что Достоевский действительно очень прилежно читал, как об этом давно уж догадывались исследователи, Иммануила Канта и хорошо усвоил, в частности, и его диалектику трансцендентальных идей, и логику его «практического разума». Человек устроен так, что он и в самом деле «присужден» к сознательной, целесообразной организации своей жизни, то есть к тому, чтобы структурировать все свое поведение вокруг тех или иных целей, которые он, в свою очередь, «присужден» выбирать в той или иной поляризованной системе ценностей. Или, говоря обобщенно, в системе добра и зла.

Но величайшее достояние и одновременно трагедия человеческой свободы состоит в том, что он «присужден» выбирать не только между «добром» и «злом» в той или иной принятой им системе ценностей — он присужден свободно выбирать и саму эту систему ценностей, сам принцип разделения «добра» и «зла». И с этим и связана та давняя традиция различения двух разных свобод, что идет еще от Блаженного Августина и у нас, в русской философии, особенно содержательно была разработана Николаем Бердяевым. «Существуют, — писал он, — две свободы: первая — изначальная свобода и последняя — конечная свобода. Между этими двумя свободами лежит путь человека, полный мук и страданий».

Почему мук и страданий?

Потому что человек достигает полноты внутренней самоорганизации, позволяющей ему сознавать единство своей личности, только тогда, когда овладевает второй, последней свободой — свободой в избранном им добре, свободой в избранной им Истине, которая становится для него смыслообразующим центром его личности, высшим оправданием и целью его бытия. Это то, что, согласно другой шкале классификации, можно назвать *положительной* свободой, то есть свободой, уже избравшей какую-то определенную цель и смысл своего осуществления, уже наполненной каким-то реальным (и только в этом смысле «положительным») содержанием. В этом ее отличие от свободы *отрицательной* — то есть свободы еще «пустой», проявляющей себя только через отталкивание от каких-то навязываемых человеку извне императивов, но не избравшей еще собственных. Это сво-

бода от чего-то, которой еще только предстоит стать свободой для чего-то — свободой последней, положительной, без которой человек просто распадается как духовная структура. «Ибо тайна бытия человеческого, — говорит Достоевский словами другого своего героя, — не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорее истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлеба».

«Познаете истину, и истина сделает вас свободными», — читаем мы в Евангелии. Но свобода не равна истине, они разноприродны, напоминает Бердяев. Истина делает человека свободным, но человек должен *свободно* принять эту Истину, и в этом вся его суть и весь трагизм его свободы. Ибо свободно принять Истину, то есть свободно выработать, принять для себя какую-то систему ценностей, построить смыслообразующий центр своей личности, — дело необычайно трудное. Вот почему Достоевский и говорит, что «нет ничего обольстительнее для человека, чем свобода его совести, но нет ничего и мучительней». И вот почему, имея ввиду большинство людей, он говорит, что «нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться». В этом — разгадка того, почему подавляющее большинство людей заполняет то место в духовном пространстве своей личности, которое предназначено для ее смыслообразующего ядра, не путем самостоятельной духовной работы, а усваивая и принимая те или иные господствующие в обществе мировоззренческие стереотипы.

Но так или иначе, путем ли самостоятельной выработки, или через некритическое усвоение каких-то общественных стереотипов, однако это «место» в человеческой душе обязательно должно быть заполнено. Если оно остается или оказывается почему-либо пустым, человека начинает шатать, у него все плывет перед глазами, он перестает держаться на ногах, как если бы ему отказал вестибулярный аппарат.

7

Итак, к чему я веду?

К тому, что именно в этом положении оказались, в сущности, ныне мы все — наша страна в целом, в своем большинстве. И это положение действительно уникальное. Мы переживаем сейчас опыт свободы, который вряд ли знала когда-либо хоть одна страна в мире, какие бы революции, перевороты и кардинальные перестройки в ней ни происходили.

Не переживали раньше этого опыта и мы, — даже во время революции 1917-го года. Ведь все революции свершаются во имя каких-то идеалов, сменяющих старые, и побеждают лишь тогда, когда эти идеалы увлекают за собой достаточно широкие массы. Наша революция имеет в этом отношении некоторые существенные отличия, но не яв-

ляется абсолютным исключением. Она разрушила, в конце концов, в большинстве населения религиозную веру и основанную на ней нравственность; она уничтожила царство частной собственности, свободную экономику и ту начаточную демократию, к которой Россия не успела еще даже и привыкнуть; и она выжгла в народе огнем гражданской войны последнюю веру в тот идеал православно-монархического народного государства во главе с Царем-батюшкой, от которого Россия стала отпадать уже со времен русско-японской войны и первой русской революции (если не раньше), смертельный удар которому нанесла уже мировая война и Февральская революция и остатки которого унесла с собой в свой трагический зарубежный исход Белая Россия. Но место всех этих разрушений в духовном организме народа не осталось незаполненным. Как бы мы ни относились сегодня к идеологии, тоталитарно утвердившейся потом на одной шестой части земли, не приходится отрицать: знамя Нового Земного Рая без Бога, Царя и Эксплуататоров, Нового Царства равенства, свободы, братства и социальной справедливости — царства, названного Социализмом, отнюдь не оказалось всего лишь красной парадной тряпкой, вывешиваемой для камуфляжного прикрытия внутренней пустоты в народной душе. За него, это знамя, проливали кровь, оно вдохнуло в людей новую веру, становившуюся постепенно общей верой — хотя бы в значительной степени и под воздействием того всегдашнего закона конформистского приспособления большинства к господствующей идеологии, силу которого не отрицал и марксизм, признавший, что идеи господствующего класса являются господствующими идеями масс. И потому-то тот же бескорыстный комсомольский энтузиазм молодежи 20-х — 30-х г.г., был вовсе не досужей выдумкой советской пропаганды, а реальным историческим фактом. Так же, как таким же историческим фактом является и то, что во время войны с фашистской Германией, когда защита отечества стала объединяющим духовным стержнем, скрепившим страну, лозунг защиты этого отечества именно как отечества *социалистического* тоже отнюдь не был пустым звуком, с какими бы надеждами на избавление от сталинского колхозного рабства и не начинала войну значительная часть нашего крестьянства. Наконец, даже и начавшаяся после смерти Сталина хрущевская оттепель хотя и заставила ужаснуться правде, которая открылась нам о нашем недавнем прошлом, однако у большинства людей отнюдь не разрушила саму идею социализма. Напротив, все широкое общественное движение пятидесятых-начала шестидесятых годов, на основе которого у нас выросла целая новая литература, кино, театр, публицистика и т.д., вдохновлялось верой в возможность и необходимость построения социализма, очищенного от искажений и деформаций сталищины, — социализма, как стали позднее говорить, с человеческим лицом. Это верно во многом даже и для нашего крестьянства, бедственное положение которого заставляло его куда трезвее и скептичнее относиться к лозунгам официальной пропаганды. Все же тот факт, что предпринятые Хрущевым в первый период его деятель-

ности крупные реформы, направленные на преодоление кризиса деревни и действительно улучшившие ее жизнь, были проведены под флагом восстановления в стране «истинного», «подлинного» социализма, тоже отнюдь не прошел бесследно.

Но уже вторая половина «эры» Хрущева, когда его «обновленный» социализм вполне выказал всю свою действительную, всю свою административную суть (да еще в тех, доведенных до идиотизма формах командно-административного восторга, с каким проводились все эти кампании по неукооснительному насаждению кукурузы, ликвидации травополя или всеобщей химизации сельского хозяйства), заставила немало самых разных голов задуматься о том, а не связано ли все это с самой природой социализма как общественно-экономической системы. Затем годы застоя и то, что в первый же период перестройки открылось нам в отношении реального положения страны, дошедшей до границы полного экономического краха, — все это нанесло по социалистической вере новый и на этот раз уже сокрушительный удар, практически подорвав в подавляющем большинстве народа страны не только надежды на то, что мы сумеем построить какой-то «настоящий», «очищенный», «хороший» социализм, но и доверие к идее социализма вообще. А за те почти уже пять лет перестройки, в течение которых все под теми же лозунгами подлинного, ленинского социализма принимались в общих пределах существующей социалистической системы те или иные реформы, а жизнь между тем в самом простом материальном отношении становилась не легче, но все хуже и хуже, процесс этого разрушения социалистической веры не только не приостановился, а, напротив, принял еще более широкие масштабы. Не отражают ли это, кстати, хотя и в косвенной форме, но достаточно наглядно и недавние социологические опросы, фиксирующие резкое падение у населения страны веры в то, что в экономическом отношении 1990 год будет лучше прежнего? Не будем лукавить перед собой — давайте открыто признаем то, что и без всяких опросов достаточно очевидно всем, кто внимателен к окружающей жизни, к тому, что растворено, можно сказать, в самом воздухе времени: сейчас у нас мало уже кто верит в социализм и коммунизм как во что-то хорошее хотя бы в потенции — даже и многие из тех, кто все еще повторяет лозунги официальной идеологии или просто не осознал еще отчетливо крушение своей бывшей веры, пусть даже смутной, неотчетливой, скорее эмоциональной, чем осознанной. Это так, и этому надо смотреть в глаза.

И вот в результате ситуация, в которой мы сегодня оказались: то место в духовном пространстве человеческой личности, которое предназначено для смыслообразующего ее ядра, оказалось вдруг у подавляющего большинства населения *пусто*. Ситуация действительно совершенно уникальная, ни одним народом, еще, кажется, не пережитая. Потому что ни у одного народа не случалось в истории так, чтобы на какой-то весьма длительный период его существования именно *социальная вера* — вера в какой-то порядок *общественного* устройст-

ва — заняла в его душе место той *общемировоззренческой* веры или тех общемировоззренческих вер, которые дают духовное обоснование человеческому бытию, определяют его смысл и обозначают систему моральных ценностей, связанных с этим смыслом. У нас же в результате пережитого нами в 1917 году геологического выброса из органического развития человеческой цивилизации и последующего тотального насаждения и утверждения всеобщей идеологической веры, получилось именно так. И вот теперь, когда эта прежняя идеологическая вера, вера в социализм, практически разрушена, на месте ее ничего не осталось. То атеистическое или, по крайней мере, материалистическое мировидение, которое является как бы духовно-философским фундаментом этой социальной веры, в сознании нашем настолько было сращено с нею, настолько прикреплено именно к ее ценностям обещанного земного рая, что с ее крушением не только не освободилось от нее, обретая самостоятельную значимость в духовно-нравственном структурировании человеческой личности, а, напротив, как бы потеряло в цене, приобрело маргинальный характер. Во всяком случае, для того, чтобы такое мировидение обрело сегодня для какой-то части обычных советских людей действительно *самозначимый* смысл, стало духовным фундаментом их жизни, обеспечивающим ей какой-то смысл и ценность, необходима такая большая и сложная духовная работа, особых следов присутствия которой не видно пока даже у лучших представителей нашей неверующей интеллигенции, исповедующей безрелигиозный гуманизм — гуманизм, увы, совершенно, в сущности, неотрефлексированный, стихийный.

С другой стороны, что бы ни говорили о росте влияния религии, надо и здесь смотреть правде в глаза: подавляющее большинство населения практически безрелигиозно, и недаром, как показывают последние статистические исследования, даже среди тех, кого, например, числит за собой наша православная Церковь (около семидесяти миллионов), всего 7-8% действительно, по-настоящему, сознательно верующих. Это значит, что религия тоже не заполняет указанного пустующего места в душе даже и тех остальных 92-93% так называемых «верующих», которые ходят порой в Церковь, совершают те или иные обряды, крестят детей и т.д. Или, по крайней мере, занимает его столь непрочное, смутно и приблизительно, что как бы и не занимает.

Наконец, не пришла на смену разрушенной социалистической вере и никакая новая *социальная* вера, способная придать хоть сколько-нибудь осмысленный программно-аксиологический характер всенародному желанию решительно изменить жизнь к лучшему. Такой веры перестройка наша тоже не дала. Кредит доверия к властям, заверяющим, что все, в конце концов, будет хорошо, но обосновывающих свои заверения все теми же клятвами в верности «социализму», «ленинским принципам», «историческому выбору 1917 года» и т.п., катастрофически упал и падает все дальше. А интерес к тем системам организации общества, которые характерны для цивилизованного Запада, — интерес, который стимулируется очевидным для всех завид-

ным уровнем западной жизни — интерес этот носит все-таки до сих пор очень опасливый характер. Образ страшного капитализма, в котором простому человеку так трудно и неуверенно жить, слишком долго внушался людям, чтобы это могло пройти бесследно. Кроме того, чтобы социальная вера, ориентированная на ценности западной цивилизации, смогла стать действительно конструктивной смыслообразующей программой жизни людей, нужно, чтобы ценности эти сами получили серьезное духовное, а не только наглядно-материальное, практически-жизненное обоснование в глазах нашего человека. А это дело не такое простое, и здесь придется очень серьезно вспомнить и очень серьезно посчитаться с той критикой западной цивилизации, которая давно велась в русской культуре и в которой очень многое заслуживает самого пристального внимания. Это тоже проблема, и труднейшая.

8

Итак, глубинная суть переживаемой нами сейчас ситуации, состоит, как уже сказано, в том, что страна испытывает сегодня все прелести пребывания в состоянии той самой *отрицательной свободы*, которая и есть, до Достоевскому, *главное мучение человека*. И особая острота этого состояния в том именно и заключается, что оно мучительно двойной, если можно так выразиться, мучительностью. С одной стороны, оно мучительно своей нестерпимостью, тем, что, вопреки основному условию жизни, всегда стремящейся наполнить свою свободу каким-то смыслообразующим содержанием, оно не может быть, следовательно, *постоянным* состоянием жизни. Оно разрушительно для человека, оно несет в себе семя смерти, а потому и стремится непременно к самоликвидации, к изживанию себя вобретении хоть какой-нибудь, но веры — веры, способной превратить отрицательную свободу в положительную. И вместе с тем, стремясь к этому самоизживанию, к этому освобождению от мучительной своей нестерпимости, оно мучительно и в самом этом стремлении. Именно потому, что стремление это осуществляется без каких-либо надежных, тем более привычных ориентиров, на развалинах старой разрушенной веры и в отсутствии какой-либо возможной новой. Мы ведь и в самом деле находимся сегодня словно в состоянии некоего мучительного духовного вакуума, порождающего в людях острое и болезненное чувство потерянности, даже духовной покинутости, неуверенности и смятения. Мы как голые люди на голой земле, где нам все нужно построить самим и заново, а из чего строить, на что опереться, кому верить — одному Богу известно...

Вот эта-та абсолютная необходимость и даже неизбежность того, что отрицательная наша свобода, с одной стороны, непременно должна изжить (и действительно так или иначе непременно изживет) себя, а с другой — она будет изживать себя именно в труднейшей для всех нас ситуации мучительного духовного вакуума, и есть главная

духовная коллизия нашей сегодняшней жизни. Та главная глубинная ее проблема, которую часто просто не видят, не отдают себе нужного в ней отчета, акцентируя внимание лишь на политическом или экономическом кризисе и его последствиях или на нравственном «оскудении» народа и т.д. А между тем никакое трезвое понимание происходящих в стране процессов и уж тем более никакое трезвое прогнозирование возможного будущего их развития просто невозможны, если мы не научимся рассматривать любые проблемы нашей жизни — а значит и любые проблемы перестройки, нас занимающие, — в связи и на фоне этого глубинного, поистине всеобъемлющего духовного кризиса, в котором находится страна. И если мы не научимся понимать и предвидеть, какими разрушительными последствиями может он сегодня для страны обернуться.

Кстати сказать, эйфорическое, восторженно-облегченное восприятие нашей перестройки, столь характерное ныне для Запада, связано не только с тем, что Горбачев освободил Запад от многодесятилетнего страха перед нами. Оно опирается и на удивительное непонимание самой природы того кризиса (в частности — и духовного), который мы сегодня переживаем и адекватно понять который западному сознанию и в самом деле очень трудно. Когда мне доводилось затрагивать все эти темы на тех или иных международных обсуждениях, я не раз встречался с вежливым недоумением и возражениями такого примерно рода: Не слишком ли вы драматизируете ситуацию? — говорили мне. — Ведь вы переживаете сегодня, в сущности, переход от идеологизированного тоталитарного государства к деидеологизированному гражданскому обществу. Или — как это тоже часто называют, — к открытой общественности, целостность которой обеспечивается уже не единством какой-то общей идеологической веры, а принципами так называемого «общественного договора», то есть носит конвенциональный характер, основанный на духовном, политическом и культурном плюрализме общества. Но ведь это вполне естественный, нормальный исторический процесс — вы, по сравнению с нами, просто опять несколько запоздали. Мы ведь тоже пережили аналогичную ситуацию в XVII — XVIII веках, когда Европа переходила от идеологических моноструктур религиозно-монархической государственности к деидеологизированной плюралистической гражданской общественности. И, как видите, перешла, в общем, вполне благополучно, ничего катастрофического с нею не случилось. Национальные организмы стран, проделавших этот процесс, не развалились, но, напротив, окрепли и развились до вполне стабильных форм современной западной демократии. Чего же вы опасаетесь? Время свое возьмет; сыграет, в конце концов, свою цивилизующую моральную роль и рынок, к которому вы все равно, конечно, придете. Ведь не о том же, надо полагать, вы хлопчете, чтобы вместо рухнувшей прежней веры обратить вашу страну в какую-то новую — такую же всеобщую и единую?..

Разумеется, не о том. И я был бы очень плохо понят, если бы моя констатация того, что утратив старую веру, страна не обрела никакой новой, была понята как тоска все по той же идеологической *тотальности*, но только на какой-то новой содержательной основе. Нет, в смысле принципиальной своей направленности путь нашего развития может быть ориентирован ныне только вехами той эволюции, которую проделала мировая цивилизация. И поэтому хотя я уверен, например, что подлинное духовное возрождение той же, скажем, нашей России как национальной общности возможно только через ее религиозное возрождение, это совсем не значит и не может значить, что я хотел бы такого же повсеместного и обязательного насаждения в России православия, как насаждался когда-то марксизм-ленинизм. Напротив, я совершенно убежден, что только в условиях современной правовой демократии, то есть только в условиях современной деидеологизированной плюралистической гражданской общественности Церковь и может развернуть свои действительные потенции, стать той, способной духовно возродить общество силой, которая потому и способна на это, что действует свободно, словом убеждения, а не прессом своего принудительного авторитета. Ни о чем другом речь не может и идти, наше движение к плюралистической открытой общественности — единственно спасительный для нас сегодня путь, и в этом смысле мы действительно движемся — или должны двигаться — в направлении, выбранном Европой еще в XVII — XVIII веках.

Но в том-то и дело — и я не случайно акцентирую все время на этом внимание, — что движение в этом общем направлении у нас происходит и будет происходить в ситуации принципиально иного рода, чем ситуация в Европе XVII — XVIII веков. И аналогии здесь не только неточны — они просто недопустимы, поскольку ведут к полному непониманию проблемы, и без того действительно очень трудной для западного сознания. Ведь коренное различие состоит здесь именно в том, что переход от «тотальной» религиозно-монархической государственности к демократическому гражданскому обществу вовсе не был переходом из одной цивилизации (или псевдоцивилизации) в какую-то принципиально другую. Возникновение нового типа общества происходило не на пустом месте, а на почве тех же принципиальных моральных ценностей, которые были выработаны веками христианской цивилизации и нарушение, деформация которых в результате духовной деградации сословно-монархической государственности как раз и привела к отказу от нее. Кроме того, не следует забывать, что идеологическая тотальность европейских монархий была тоже довольно относительной и включала в себя немалый элемент духовного плюрализма, а рынок играл свою нравственную цивилизующую роль уже многие века и уровень материальной цивилизации, достигнутый к описываемому моменту, был таков, что лишь способствовал развитию в обществе социальных инстинктов самосохранения, гасивших те деструктивные устремления, которые могли разрушить построенное здание цивилизации. Ведь охранять и оберегать

можно только то, чем дорожишь, что действительно представляет для тебя определенную ценность.

У нас же все иначе, принципиально иначе. Перспектива нашего перехода в будущее, нашего развития в сторону рынка, правовой демократии и т.п. — это перспектива развития вовсе не на основе принципиально *той же самой* цивилизации, которая только что существовала в стране. Это — возвращение в ту цивилизацию, из которой нас выбросил поистине геологический исторический сброс 1917 года, вогнавший нас в измерения цивилизации (или, вернее, *псевдоцивилизации*) прямо противоположного типа. Той псевдоцивилизации, от которой — или, по крайней мере, от духовного наследия которой — мы уже сегодня так решительно отказываемся, но которая тем не менее на протяжении целых семидесяти лет определяла наше и духовное, и не только духовное бытие. Поэтому-то, отказываясь от нее, мы и чувствуем себя сегодня словно в мучительнейшем духовном вакууме, словно в какой-то пустыне. Нам не на что опереться в своем реальном опыте, нам не может помочь в этом даже историческая память, которая все еще помогает народам Восточной Европы. У нас перерыв был так долгов, что от нее, этой памяти — практически, непосредственно, в живом веществе реальных жизненных привычек, ориентаций, критериев, — ничего не осталось. А если бы даже и осталось, то вряд ли так уж сильно могло бы нам сегодня помочь, поскольку рынок и к 1917 году не успел еще проделать у нас ту цивилизующую свою работу, которая, кстати, как раз и сделала бы невозможным этот октябрьский геологический сброс. Недаром Константин Леонтьев когда-то очень зло и вместе с тем не без удовольствия, ибо был страстным ненавистником «буржуазной» цивилизации, пошутил, что русский человек может быть и святым, и разбойником, но вряд ли понимает, что значит быть честным. Честность — это ведь и в самом деле типичная «буржуазная» добродетель, воспитываемая, как и многие другие, жесткими условиями рынка. Во всяком случае как по причине исторической скоротечности своего становления, так и по причине дальнейших «социалистических» с нею метаморфоз, но какой-либо укорененностью своей в стране эта почтенная добродетель (равно как и многие другие) похвастаться никак сегодня не может, и это, понятно, отнюдь не облегчает нам выход из нашего духовного вакуума. А уж об уровне нашей материальной цивилизованности, которая должна была бы, казалось бы, служить одним из действенных тормозов в отношении разрушительных тенденций общественной психологии, и говорить нечего. Чем нам дорожить, что охранять? Пустые полки магазинов? Разбитые дороги или разваливающаяся, к тому же давно уже и полурасташенное производство? Или, может быть, благополучие административно-командной мафии, никак не желающей сдавать свои позиции?..

Нет, переживаемая нами ситуация действительно совершенно уникальна, и уникальна очень нехорошо, грозно, предупреждающе. И вот эту-то грозную ее уникальность и важно видеть сегодня, если

только мы хотим действительно трезво оценивать свое положение. Я ничего не хочу драматизировать, но и не быть слепыми в отношении тех вполне вероятных разрушительных последствий, которыми может обернуться сегодня для страны наша отрицательная свобода, тоже необходимо.

В самом деле: ведь опыт показывает, что инстинктивно стремясь выбраться из такого рода «отрицательно свободных» состояний, обрести хоть какую-то внутреннюю устойчивость, как-то структурировать личность, люди, которые не привыкли к самостоятельной духовной работе и не имеют выработанных достаточно долгими годами культурных навыков жизни в демократическом плюралистическом сообществе, — люди эти способны становиться жертвой самых опасных воздействий. Они даже религию могут воспринимать так, что она будет превращать их в религиозных фанатиков, стимулировать в них чувства враждебности и ненависти ко всем «инаковерующим». И они способны искать спасения даже и в самых простых, ближайших формах национально-племенного объединения по крови, самоутверждаясь в своем противостоянии другим таким же объединениям, ибо создание себе образа врага и есть один из самых простых и легких способов структурирования личности в ситуации отрицательной свободы.

Вот почему именно сейчас, в годы перестройки, в атмосфере всеобщей духовной покинутости и опустошенности, таким пышным цветом расцветает национальная вражда между бывшими «братскими народами», стоит только возникнуть между ними какому-нибудь конфликту. И вот почему, кстати, эта вражда расцветает особенно пышным цветом именно там, где давно уже отсутствует память о нормах цивилизованной жизни. Там же, где менее долгая жизнь в условиях тоталитаризма еще не успела ее изгладить — как, например, в республиках Прибалтики, — там национальные чувства не порождают таких взрывов насилия и ненависти и принимают характер движений более спокойных, стремящихся к нормам правового демократизма.

С другой стороны, состояние духовного вакуума и потерянности способно порождать тоску по сильной власти, железной руке, которая наведет, наконец, нужный порядок и даст хоть какую-нибудь веру, перед которой, по слову Достоевского, можно преклониться. Вот почему даже сейчас, после стольких разоблачений Сталина, в некоторых слоях так называемого простого народа снова начинает возрождаться миф о нем, как об отце родном — факт, который не может не заметить всякий честный наблюдатель нашей жизни. И вот почему пока что весьма малочисленная русская националистическая партия, мечтающая о союзе Церкви и КПСС, то есть выдвигающая, в сущности, идеал некоего освященного православием национал-социализма, завтра может приобрести очень широкую поддержку. И это — если учесть к тому же своеобразный «эффект толпы», сильно действующий именно в ситуации духовного вакуума и мгновенно объединяю-

щий людей в некое неуправляемое, но как бы единое целое, — очень реальная опасность. Особенно если принять во внимание, что наше сползание в яму экономического краха пока никак еще не остановлено и, разразись этот крах, стихийный протест масс может превратиться именно в тот самый процесс, который метко и грозно назван Александром Солженицыным *Красным колесом*. А тогда, прежде чем в раздираемом враждой и насилием обществе сработает инстинкт самосохранения и люди на собственном горьком опыте поймут, что спасение состоит только в терпимости и правовой демократии, может пролиться столько крови и свершиться столько несчастий, что выбираться из этого хаоса будет труднее, чем нам сейчас из нашей тоже совсем не радостной ситуации. Настолько трудно, что под прямой угрозой может оказаться и вообще наше существование как национально-государственного целого — мрачная перспектива, возможность которой, однако, мы тоже не имеем права игнорировать...

9

Но неужели же в том мучительном состоянии отрицательной свободы, под бременем которого мы сегодня живем, нет ничего, что могло бы явиться отправной точкой для каких-то иных, более обнадеживающих путей нашего из него выхода?

Несомненно, есть. И нечто очень важное. Как ни парадоксально, это «нечто» — в той же самой «двойной» мучительности нашей отрицательной свободы. Ибо если ее нестерпимость и духовная жажда выхода из нее к каким-то позитивным ориентирам, с одной стороны, и состояние вакуума, с другой, делают терпящую эти мучения душу особо податливой на любые обманы и подмены, обещающие заполнить ее пустоту, то они же делают ее особо открытой и к слову истинного просвещения. Особенно в ситуации всеобщего отталкивания от той пережитой и уже отброшенной веры, которая обнаружила свою ложность и тем уже обеспечила какую-то прививку от подобного же рода лжи. Можно сказать даже, что именно то состояние духовного вакуума, которое мы сегодня переживаем, есть, может быть, наиболее благодатная как раз почва для всякого серьезного духовного воздействия — та почва, о которой могли только, в сущности, мечтать просветители всех времен, столь сильно пресувеличивавшие мощь Слова и столь мало считавшиеся с мощью духовной Инерции, связанной с инерцией жизни. Так вот, наше общество находится сегодня как раз в одном из тех редчайших для человечества трагических — но потому же обладающих и возможностью катарсиса — состояний, когда энергия инерционного духовного сопротивления располагает наименьшей возможной, а энергия открытости, готовности слушать, внимать, размышлять, чтобы преодолеть внутреннюю духовную смуту, — наибольшей силой.

Однако всякий благотворный духовный спрос только тогда и приносит хорошие плоды, когда встречает соответствующий отклик, со-

ответствующее предложение. А вот тут-то мы опять сталкиваемся с ситуацией, которая пока что мало обнадеживает. Потому что беда наша еще и в том, что именно те культурные общественные силы, которые в нашей ситуации могли бы и должны были бы, кажется, по самому своему статусу оказать благотворное духовно-цивилизующее воздействие на «пустующее» сознание большей части нашего общества, сами еще находятся в таком состоянии, которое отнюдь не делает их готовыми к такой роли.

Интеллигенция наша пока что занята политикой, экономикой и междуусобными схватками, и сколько-нибудь заметной кристаллизации внутри нее тех духовных течений и образований, которые формировались бы вокруг того или иного типа мировидения и которые могли бы стать действительными субъектами духовно-культурного общественного действия и воздействия, пока что не видно. Конечно, в узком слое так называемых «интеллектуалов» такая кристаллизация не то что происходит, а давно уже произошла.

Но в массе своей нынешний советский интеллигент все еще не таков. Перефразируя слова Леонтьева, можно сказать, что он уже может быть и либералом, и демократом, и консерватором, но очень редко является действительно культурным человеком — в том, высшем смысле этого термина, который предполагает духовную вмняемость, духовную обоснованность жизненных позиций человека.

Что же касается Церкви, то Церковь — по крайней мере наша, русская, православная, — так долго находилась под железной пятой тоталитаризма, что до сих пор боится малейшего самостоятельного движения.

И о христианской социальной политике у нас пока что и слыхом не слыхать. Высшая ее иерархия, отобранная и сформированная еще в те времена, когда епископом и уж тем более митрополитом можно было стать только с одобрения КГБ и ЦК КПСС, представляет собою одно из самых косных современных Министерств и занята, в сущности, чисто представительскими своими функциями на разного рода торжествах, церемониях и международных форумах. Неспособное к истинному духовному покаянию в былом сотрудничестве с советским тоталитаризмом, это Министерство Церкви и сегодня всячески противится тем процессам плодотворного духовного обновления, которые происходят ныне в живом теле Церкви и за которыми, конечно, будущее. Но когда оно наступит?

Наконец, если говорить о духовном примере и воздействии тех политических сил, парламентская деятельность которых происходит сегодня у всех на глазах, то это воздействие тоже все больше теряет свой положительный смысл и не случайно привело уже к заметному снижению политической активности избирателей.

Политика обладает своими законами, уводящими ее порой от морали, и это, увы, все чаще приходится всем нам наблюдать, когда в ситуации политической борьбы конфронтирующие партии — и левые, и правые, — все чаще начинают прибегать к лукавству и демаго-

гии, забываясь не столько об истине, сколько о своей победе, и для этого в нужный момент накрывая истину в свою сторону. Я думаю, что в этом отношении особенно отрезвляющее воздействие на наше общество произвело то, как разбиралось в Верховном Совете СССР так называемое «дело Гдлына и Иванова», где этот «накрен» истины осуществлялся и теми и другими столь очевидно и почти демонстративно, что оставалось только руками разводиться.

В политике вообще это, может быть, и годится, но у нас, в нашей ситуации — все-таки вряд ли.

И жаль что со смертью Сахарова такой, наиболее важный для нас сейчас пример подлинно нравственной политики, мало уже кто подаст. Да и то лишь периодически. Так что ситуация у нас и в этом отношении тоже сложнейшая, и вот поэтому-то мне и хотелось бы закончить эти размышления обращением именно к этой теме.

Ведь всем нам, претендующим принадлежать к культурным силам общества, нужно сегодня очень и очень серьезно задуматься над тем, как выполнить свой нравственный долг перед страной, в духовное оболванивание которой эти культурные силы тоже внесли в свое время, увы, очень немалый вклад. Если страна не обретет духовного здоровья, если народный организм наш не излечится от болезни, поразившей его не без нашей интеллигентской и даже церковной помощи, мало чего будут стоить даже и те, пусть даже самые ошеломительные, успехи гласности и гражданской свободы, которых, может быть, нам и удастся в недалеком будущем достичь.

Как же может страна обрести это здоровье? Как сумеет вылечиться она от выматывающей нас болезни нашей пустой, нашей отрицательной духовной свободы?

Понятно, что проблему эту в два счета не осилишь. И я не собираюсь предлагать здесь какие-то скороспелые рецепты ее решения. Она требует для начала хотя бы очень серьезного специального обсуждения. Но уж давайте, по крайней мере, согласимся пока хоть на том, что выход — не в воскресных проповедях. И тем более не в попытках «вернуть» народ в лоно старой веры, с каким бы пафосом и на каком бы искреннем дрожании голоса ни произносились с самых высоких трибун призывы не поступаться нашими «социалистическими идеалами», клятвы в верности народу, выбравшему социализм семьдесят лет назад, и угрозы по адресу тех, кто «подбрасывает» какие-то иные, крамольные идеи.

Народ не обманешь, даже если обманываешься сам: то, что исторически себя изжило, что обнаружило свою непригодность для живой жизни, не оживишь. И народ чувствует это всем своим существом. Даже если когда-то он — или вернее, какая-то часть его предков — сделал рискованный и оказавшийся неверным выбор.

Так и нужно это прямо и открыто признать.

Ибо до тех пор, пока это не будет сделано теми общественными силами, которые держат сейчас в своих руках практические рычаги власти, перестройка наша желаемых результатов не даст.

Просто потому уже, что именно избавление от лжи, фальши, неправды, хотя бы и неосознанной, — первое условие всякого действительного духовного выздоровления. Любая иная политика просто губительна. В том числе и для тех, кто ее осуществляет. Окончательную потерю доверия народа ничто не восполнит, и вряд ли в этом случае может послужить утешением даже самая большая в стране пожизненная пенсия.

Что же дальше?

Пятый год перестройки так и не принес желанного прорыва на экономическом фронте. Перемены, конечно, есть, нелепо было бы их отрицать. Но кардинальных, осязаемых, масштабных сдвигов к лучшему все-таки нет.

Более того, экономическая обстановка в последнее время характеризуется нарастанием опасных тенденций. Огромный бюджетный дефицит, финансируемый с помощью печатного станка, расширение пропасти между платежеспособным спросом и товарным предложением, раскручивание инфляционной спирали, усиление старых и возникновение новых диспропорций, забастовки — все это может в близком будущем вызвать неуправляемое развитие событий. Есть реальная угроза того, что центр уже теряет контроль над экономической ситуацией, а это, в свою очередь, может иметь непредсказуемые социальные последствия.

Остановить надвигающуюся угрозу могут только экстренные, чрезвычайные меры. Речь идет не о долгосрочной стратегии экономической перестройки — она в общих чертах более или менее ясна. Речь идет именно о срочных, пожарных мерах, принятие которых необходимо для того, чтобы только не ухудшить нынешнее и без того нелегкое положение, чтобы не переступить опасную черту, за которой многие процессы приобретут уже труднообратимый или совсем необратимый характер.

Остановить печатный станок

Самой важной проблемой сегодня представляется необходимость восстановления устойчивости денежной системы, разваливающейся буквально на глазах.

По западным подсчетам, дефицит государственного бюджета СССР, составлявший в 1980—1985 гг. в среднем менее 3% ВВП, возрос в 1988 г. до 14% ВВП. Эти подсчеты примерно совпадают с советскими неофициальными оценками и с недавно обнародованными официальными данными о бюджетном дефиците — 120 млрд. руб. в 1988 г., более 90 млрд. в 1989 г. и 60 млрд. по

плану на 1990 г. Напомним, что в США, которые все так критиковали за «непомерный» дефицит федерального бюджета, он достиг максимума в 1983г. (3,8% ВВП), а затем снизился и составляет сейчас менее 3% ВВП. В среднем по странам Запада дефицит госбюджета в 80-е годы составляет 3—4% ВВП; только в трех странах — в Италии, Греции и Бельгии — дефицит доходил в минувшем десятилетии до отметки 10—12% ВВП.

Реальная опасность, исходящая от увеличения бюджетного дефицита, состоит в том, что в обращение постоянно накачивается избыточная, необеспеченная товарами денежная масса и, соответственно, растет разрыв между денежным спросом и товарным предложением. Цены у нас пока в основном назначаются сверху, и, следовательно, увеличение денежной массы выразится в обострении повсеместного дефицита, в полном исчезновении из продажи все новых и новых товаров, в удлинении очередей, в ускорении роста цен на кооперативном и «черном» рынках. А в недалекой перспективе это может привести и, скорее всего, приведет к введению карточной системы на все потребительские товары.

Из экономической теории и мирового опыта известно, что развитие инфляционного процесса проходит два этапа. На первом рост массы денег в обороте не трансформируется полностью в повышение цен: поступающие в обращение новые деньги сразу не тратятся, т. е. скорость обращения всех денег замедляется, что сдерживает повышение цен. Но затем, по мере поступления новых денег в оборот и повышения темпов инфляции (примерно до 10—15%), наступает второй этап: люди, обеспокоенные обесцениением денег, стараются избавиться от них, обменять их на реальные ценности, начинается «бегство от денег» в вещественные активы, ускорение оборачиваемости денег становится дополнительным фактором, питающим инфляцию.

На первом этапе государство явно выигрывает, получая дополнительные доходы от денежной эмиссии при относительно небольшом усилении инфляции (или — при устанавливаемых сверху ценах — дефицитности). Но «бесплатных завтраков не бывает», за все в этом мире рано или поздно приходится платить, и на втором этапе инфляции рост цен уже обгоняет увеличение денежной эмиссии. Весь процесс приобретает кумулятивный, лавинообразно разворачивающийся характер: усиление инфляции — «бегство от денег» — ускорение оборачиваемости денег — еще большее усиление инфляции и т. д. На этой стадии денежное обращение страны приходит в расстройство, рост цен выходит из под контроля и становится непредсказуемым, и даже полная остановка печатного станка не ведет к стабилизации цен — инфляция по инерции продолжается за счет роста скорости оборота обесценивающих денежных средств.

Многочисленные факты свидетельствуют, что мы сейчас уже вступили во вторую, крайне опасную стадию разворачивания инфляционного процесса.

Согласно официальной статистике, индекс розничных цен увеличивается у нас ежегодно менее, чем на 1% (в 1989 г. — на 2%), индекс оптовых цен вообще не растет. Но эти цифры — фикция, создаваемая порочной практикой статистического учета. Неофициальные оценки показывают, что инфляция составляет у нас 5—6%, что в общем тоже пока еще не много. Обесценение денег, однако, уже сейчас идет у нас гораздо более высоким темпом, ибо выражается не только в умеренном повышении частично контролируемых сверху цен, но и в быстром росте дефицитности на всех рынках, в углублении разрыва между спросом и предложением.

Всего за 5 лет (1985—1989 гг.) вклады населения в сберкассы увеличилось почти на 140 млрд. руб., т. е. более чем на половину. При сохранении таких темпов роста сумма вкладов через 3—4 года превысит объем всего розничного товарооборота и всех денежных доходов. По ориентировочным оценкам, постоянно давящий на потребительский рынок отложенный потребительский спрос, который будет немедленно «отоварен», как только в магазинах появится дефицит, возрос с 40 млрд. руб. (20% розничных продаж товаров и услуг) в 1985 г. до 165 млрд. руб. (40% продаж) в 1989 г.

Уже сейчас степень несбалансированности потребительского рынка подошла, вероятно, к критическому рубежу: исчезают из продажи не только товары повседневного спроса, но и потребительские товары длительного пользования (холодильники, мебель, стиральные машины), и типично накопительские товары (драгоценности, антиквариат, хрусталь). Люди явно встревожены перспективами ценовой реформы, ассоциирующейся со всеобщим повышением цен, опасаются что будет проведена денежная реформа и стремятся вложить свои сбережения в реальные ценности. Те же диспропорции и на рынке средств производства — все увеличивающиеся денежные средства на банковских счетах предприятий нечем отovarивать.

Иначе говоря, всеобщий товарный голод уже становится реальностью. Еще год-два такой бешеной гонки, и доверие населения и предприятий к рублю будет полностью подорвано, денежная система окончательно придет в расстройство и процесс выйдет из-под контроля. Тогда уже не будет пути назад, придется проводить всеобъемлющую денежную реформу, наподобие тех, которые проводились у нас в 1922—1924 гг. и в 1947 г. Нужно ли говорить, что эта болезненная мера, неизбежно сопряженная с конфискацией накоплений населения (иначе денежная реформа не будет эффективной), надолго подорвет всякую веру в перестройку?

При всей кажущейся простоте этого вопроса сегодня (и в краткосрочной перспективе) для нас, пожалуй, нет ничего важнее, чем восстановление финансового равновесия и обеспечение устойчивости рубля. Если мы не сумеем существенно сократить бюджетный дефицит в самое ближайшее время, страна может оказаться на грани финансового краха. Если не остановить немедленно печатный станок, экономическая жизнь будет парализована обесценением денег, и ни-

какие реформы, никакой новый хозяйственный механизм не будут возможны.

Стабильное денежное обращение нужно любой экономике. Однако устойчивый рубль особенно необходим нам именно сейчас, когда мы отказываемся от директивных методов управления, делая ставку на экономические стимулы. Совершенно очевидно, что как только мы перешагиваем невидимый рубеж, отделяющий первый этап развития инфляции от второго, т. е., другими словами, как только процесс обесценения денег приобретает саморазвертывающийся характер, все экономические методы регулирования, все известные инструменты и рычаги экономического воздействия на производство, такие, как цены, нормативы, налоги, кредит и т. п., оказываются недейственными, неэффективными, просто не работают. Нити экономического управления, связывающие хозяйственных агентов с центром, провисают, их нельзя больше использовать в качестве приводного ремня в механизме централизованного регулирования. Собственно говоря, тогда остается только одна альтернатива неуправляемому хаотичному развитию хозяйства, и эта альтернатива известна — возврат к директивным методам управления, к административно-командной системе.

Вспомним опыт западных стран: в 70—е годы, по мере раскручивания инфляционной спирали, там постоянно нарастала озабоченность все ускоряющимся ростом цен, и в конце концов, когда темпы их повышения стали подбираться к 10%-ой отметке, инфляция была объявлена врагом № 1, а борьба с ней — наивысшим приоритетом всей экономической политики правительства. Практически во всех западных странах такой курс (ограничение темпов роста денежной массы) с середины 70—х годов и еще решительнее — с конца 70—х годов последовательно проводился в жизнь, независимо от того, какие политические партии стояли у власти, и несмотря на то, что издержки в виде углубления циклических кризисов 1973—1975 гг. и 1979—1982 гг., роста безработицы, банкротств предприятий и т. д. были отнюдь не символическими.

Зачем понадобились эти жертвы, если от инфляции в 10%, как говорится, «еще никто не умирал», если заработная плата, пенсии, пособия и другие доходы в целом росли быстрее, чем цены, так что реальное благосостояние основных слоев населения по крайней мере существенно не снижалось? Ответ известен: инфляция, превышающая 10—15%, опасна тем, что становится самопроизвольно развертывающимся и плохопредсказуемым процессом, что, следовательно, экономические рычаги регулирования теряют свою эффективность. Именно поэтому расстройству системы управления экономикой расценивалось на Западе как неизмеримо более серьезная опасность, чем издержки, связанные с проведением антиинфляционного курса.

И надо ли нам повторять ошибки социалистических стран, в разное время вступивших на путь перехода к рыночной экономике, — Югославии, где инфляция в 80-е годы составляла десятки процентов, а затем выражалась даже трехзначной цифрой, или Венгрии, или Ки-

тая, или Польши, где цены росли более, чем на 10—15% в год? Ведь и в этих странах именно инфляция тормозила развертывание экономических реформ.

Срочное, безотлагательное оздоровление наших финансов и нашего денежного обращения — это хотя далеко и не самая сложная, но самая горячая экономическая проблема на сегодня. И это абсолютно необходимое условие для проведения в жизнь всех намеченных и намечаемых преобразований. Самые умные, умело разработанные и тщательно скоординированные реформы окажутся бесполезными и нерезультативными, если только не будут приняты неотложные решительные меры по восстановлению финансового равновесия.

С каждым месяцем, по мере того, как раскручивается инфляционная спираль, возможности выбора средств антиинфляционной политики все более сужаются. Но пока что, думается, все-таки есть шанс последовательным и одновременным осуществлением ряда крупных мер остановить обесценение рубля и сбалансировать потребительский и инвестиционный рынки.

Учитывая сложившуюся обстановку в стране, наиболее безопасный в политическом и социальном отношении путь восстановления равновесия на рынке — это массивная государственная товарная интервенция для стабилизации рубля, своего рода «выкуп» государством излишних денег.

Такая интервенция должна проводиться преимущественно по действующим ценам и без изменения официального, выгодного для бюджета курса рубля с последующим уничтожением (списанием) основной части полученной денежной выручки. Понятно, что эту операцию «выкупа» необходимо провести по варианту, наиболее дешевому для государства. Та же часть имеющихся в стране излишних денег, которая не может быть «выкуплена», должна быть иммобилизована, связана путем привлечения ее в различного рода долгосрочные активы.

Накопленные на сегодня населением и предприятиями деньги можно с определенной долей условности разделить на две категории: «горячие деньги», ищущие свой товар и способные мгновенно выплеснуться на рынок при появлении этого товара, и «капитал», т. е. сбережения в подлинном смысле этого слова, ищущие или ожидающие своего использования в качестве капиталовложений в производственные либо финансовые активы, либо в различного рода недвижимость.

В сложившихся у нас условиях и «горячие деньги», и «капитал» являются мощным фактором нестабильности рынка. Но «горячие деньги» опаснее, поскольку именно они в наибольшей мере определяют социальное поведение массового потребителя и положение на потребительском рынке. По максимальным оценкам (с учетом предполагаемой суммы денег «в чулках»), «горячие деньги» составляют сегодня величину порядка 150—200 млрд. руб. Соответственно, имеющийся в стране, но неиспользуемый и несвязанный «капитал» (с уче-

том денежных накоплений предприятий) может быть оценен в величинах порядка 300—350 млрд. руб.

Каковы на сегодня реальные возможности быстрого «выкупа» (или отоваривания) государством «горячих денег» у населения и имобилизации имеющегося «капитала»?

Из внутренних источников. Наиболее серьезными из них представляются следующие:

— не удушение, а, наоборот, поощрение и максимально льготный режим для кооперативов, производящих товары и услуги; при поощрительных условиях этот сектор с лихвой перекроет предполагаемый на 1990 г. прирост денежных доходов населения; в этом случае весь намечаемый на нынешний год прирост государственного производства потребительских товаров (в масштабах порядка 40—50 млрд .руб.) и, соответственно, весь налог с оборота с них может быть направлен на рассасывание основной массы денег, скопившихся у населения;

— продажа или сдача в вечную аренду земельных участков городским жителям, продажа государственных квартир в собственность населения при обязательном, однако, сохранении их на хозрасчетном государственном обслуживании, продажа сверхнормативных запасов материалов, неустановленного оборудования и любой производственной техники городскому населению, фермерам и кооперативам. Все эти приобретения будут иметь, естественно, характер капиталовложений, но они могут оттянуть на себя существенную часть и «горячих денег», если перед их владельцами появится реальный выбор, на что потратить деньги — на текущие или долгосрочные потребности;

— аналогичное значение будет иметь и выпуск товарных займов на строительство кооперативных жилищ и стандартных дачных домов, на приобретение в точно установленные сроки автомобилей, мебели, видеотехники, персональных компьютеров, стиральных машин и пр.; учитывая, например, уже намеченное сокращение фронта производственного капитального строительства и высвобождающиеся в связи с этим производственные мощности и рабочую силу, государство вполне могло бы взять на себя обязательство обеспечить жильем в ближайшие 5 лет 2—3 млн. семей дополнительно при условии предоставления с их стороны правительству беспроцентного кредита на строительство. Одна подобная операция могла бы изъять из оборота как минимум 75 млрд. руб.; почти столь же значительный эффект мог бы дать выпуск автомобильного займа под обязательство государства построить к середине 90-х годов два новых завода легковых автомобилей общей мощностью 2—2,5 млн. автомашин в год;

— выпуск доходных государственных ценных бумаг (займов) сроком от 30 дней до 30 лет; процент по ним должен превышать темпы инфляции как минимум на 2 процентных пункта, т. е. быть на уровне 7—8% годовых; аналогичный или близкий уровень процента необходимо установить и по срочным вкладам населения в сберегательные банки; определенный, хотя и ограниченный, эффект даже уже в следующем году может дать выпуск и продажа населению и юридиче-

ским лицам (т. е. предприятиям и банкам) без всяких ограничений акций и облигаций как действующих, так и вновь создаваемых предприятий;

— проведение для предприятий аукционов средств производства и производственных материалов (включая импортные) без всякого ограничения цен, с последующим изъятием в бюджет части полученной выручки и ее уничтожением; аналогичную роль могли бы сыграть и государственные валютные аукционы — продажа государством валюты предприятиям, а возможно, и частным лицам, по свободно складывающейся рыночной цене; в сочетании с уже намеченным заимствованием через госзаймы на выгодных условиях свободных средств предприятий, эти аукционы могли бы почти полностью снять проблему излишних денег в безналичном обороте;

— временное сокращение экспорта потребительских товаров с высокой бюджетной эффективностью (прежде всего автомобилей), не имеющих решающего значения для валютных доходов страны, но играющих важную роль в насыщении внутреннего потребительского рынка;

— наконец, нормализация казенной торговли спиртным и вытеснение из оборота самогонщика экономическими мерами, прежде всего доступностью спиртного в государственной торговой сети и понижением его цены; положение, когда как минимум половина спиртового оборота в стране остается в руках самогонщика и не облагается налогом, делается совершенно уже нетерпимым; «самогонный сектор» стал мощнейшим фактором спекуляции, развала рынка и роста организованной преступности; вопреки всякому смыслу государство лишило себя многомиллиардных бюджетных доходов и, более того, по сути дела тратит сегодня сотни миллионов долларов на закупку свыше миллиона тонн кубинского сахара за тем только, чтобы перегнать его потом через самогонный аппарат и обеспечить доходы самогонной мафии.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что в условиях огромного и неразворотливого бюрократического государства для организации большинства из указанных выше мер потребуется время. Боюсь, что даже если мы приступим к разработке и осуществлению этих мер немедленно, отпущенных нам жизнью года, максимум полутора, на это не хватит. В обстановке нарастающей паники и обостряющейся с каждым днем социальной напряженности нужен почти немедленный эффект, почти немедленное улучшение положения на рынке и хотя бы какие-то признаки восстанавливающейся стабильности рубля. Вот-вот гора «горячих денег» обрушится на рынок и похоронит под собой все. С этой точки зрения, у государства сегодня (с учетом нереальности, видимо, быстрого прогресса в сельском хозяйстве) остается по существу только три возможных источника быстрого и экономически, так сказать, естественного влияния на рынок и на «горячие деньги»: рост кооперативного сектора, казенная торговля спиртным и резкое увеличение импорта потребительских товаров.

Следует признать, что все эти три источника на сегодняшний день представляются весьма проблематичными: первые два — по политическим и идеологическим, третий — по политическим и экономическим причинам, вместе взятым. Похоже, что ни общество в целом, ни правительство еще не осознали масштабов надвигающейся опасности и пока еще склонны тратить время и силы на разного рода бесплодные препирательства об «идеологической допустимости» тех или иных разумных практических действий, необходимых сегодня стране позарез.

Из внешних источников. Строго говоря, вся проблема наших «горячих денег» и восстановления равновесия на рынке при нынешней бюджетной эффективности импорта «стоит» по международным критериям очень немного — максимум 20—25 млрд. долл., учитывая, что на каждый потраченный на импорт ширпотреба доллар наша государственная казна может получить 8—10 руб. во внутренних рублях, а при должной маневренности — и больше. По существу в более или менее нормальных условиях это был бы самый дешевый путь «выкупа» казной у населения всех излишних денег, причем «выкупа», при котором в стране не был бы обижен никто.

Искусство в такую разовую операцию (естественно, с растяжкой на 2—3 года) мы могли бы в дальнейшем использовать стабильный импорт ширпотреба на твердую валюту в качестве балансирующего и конкурирующего фактора, подстегивающего работу наших предприятий. Если кооперативный сектор не будет задушен и если планы по социальной переориентации промышленности будут осуществляться так, как они задуманы, импорт ширпотреба в дальнейшем (в зависимости от курса рубля) мог бы поддерживаться на уровне 3—5 млрд. долл. ежегодно. Это не является недостижимой целью, учитывая, что даже сегодняшние масштабы всего нашего импорта на твердую валюту находятся на уровне 30 млрд. долл. в год.

Но, напомним, разговор здесь идет даже не о ближайшем, но все-таки будущем, а о нынешнем, 1990 г., т. е. по существу о сегодняшнем дне. Можем ли мы сегодня где-нибудь найти, или сэкономить, или занять валюту, чтобы попытаться решить проблему «горячих денег» наиболее быстрым и дешевым путем — за счет импорта, причем преимущественно импорта именно на твердую валюту?

Очень неприятно, но факт: и время, и многие возможности для решения наших проблем таким путем мы уже упустили. В частности, к 1990 г. потерял почти всякий смысл такой способ увеличения наших валютных резервов, как среднесрочные и долгосрочные займы у частных западных банков. Политические потрясения в стране — шахтерские забастовки летом-осенью 1989 г. и последовавшее затем обострение межнациональных конфликтов, а также неспособность некоторых наших внешнеторговых объединений оплатить в срок импортные поставки в конце прошлого- начале нынешнего года, привели к тому, что международные банковские круги перевели нас в категорию потенциально ненадежных заемщиков. А это, согласно международной

практике, означает резко повышенный, по существу ростовщический процент по займам (сегодня некоторые банки уже требуют 15—16%), что лишает подобные заимствования всякой экономической целесообразности. Видимо, не следует также ожидать мгновенного эффекта и от таких потенциально значительных источников экономии валюты, как оплата нашим сельскохозяйственным предприятиям их сверхплановых поставок в долларах или сокращение импорта оборудования, металла и труб для нашей тяжелой промышленности.

Но какие-то резервы у нас еще есть, и при должной смелости и воображении, они могли бы быть использованы уже в текущем году.

По степени значимости это, во-первых, остающийся все еще весьма существенным наш золотой запас. Он не может быть продан, поскольку в этом случае весь международный рынок золота рухнет. Но мы можем занять под его обеспечение необходимые нам (с учетом других возможностей) 10—20 млрд. долл. Это не является чем-то необычным в мировой практике: подобным образом относительно недавно поступили, например, Италия и Португалия, когда им срочно понадобились деньги. Запас этот мы, видимо, храним «на черный день». Но какого же еще «черного дня» нам ждать? Судя по всему, он уже наступил.

Во-вторых, это возможность существенно сократить наши расходы на помощь за рубежом, в особенности в «третьем мире». На 1990 г. эти расходы запланированы в размере 9,7 млрд. руб., т. е. по официальному курсу, порядка 14—14,5 млрд. долл. Конечно, большая часть этой помощи предоставляется в рублях, но несколько миллиардов из нее идет в полновесных долларах. Так, может быть, настало время для радикального пересмотра привычных представлений и предрассудков и в этой области? Думаем, что при сложившихся условиях такой крест нашему народу уже больше не по силам.

В-третьих, это уже принятое в принципе решение перейти на расчеты по мировым ценам в свободно конвертируемой валюте в рамках СЭВ, что несколько улучшит наш платежный баланс.

Потенциально значительным источником валютных поступлений могла бы быть и возможность приобретения собственности в нашей стране для иностранцев: земли, квартир, оффисов, промышленных и торговых предприятий. Конечно, и в этой области трудно ожидать немедленного эффекта. Но кое-какие валютные средства мы могли бы таким образом получить в самое же ближайшее время. И кроме того, принятие соответствующего надежного законодательства могло бы не только улучшить общие перспективы сотрудничества с нашими иностранными партнерами, но и укрепить нашу сильно пошатнувшуюся в последнее время репутацию на международных финансовых рынках.

И, наконец, остается еще одна потенциальная возможность. Мы имеем в виду официальную государственную помощь со стороны наиболее дружественных нам западных правительств. Но это огромный политический вопрос, в котором мы не берем на себя смелость взве-

шивать все возможные «за» и «против». Подчеркнем лишь, что в последнее время идея второго «плана Маршалла» для Восточной Европы дискутируется на Западе очень оживленно, и зачастую в весьма высоких официальных кругах.

Таковы весьма ограниченные, не все же реальные возможности радикального оздоровления нашего денежного обращения. Еще несколько лет назад, когда дефицит бюджета и внешний долг были значительно ниже, чем теперь, а потребительский рынок был более сбалансирован, эти возможности были значительно шире. Но время необратимо, тот редкий шанс мы уже упустили: вместо того чтобы размещать внутренние и внешние займы мы с завидным упорством свертывали государственное производство спиртного, боролись с нетрудовыми доходами и запустили на всю мощь печатный станок.

Сегодня важно не повторять прошлых ошибок, важно использовать последний, возможно, шанс спасти от развала нашу денежную систему с помощью перечисленных мер «малой кровью», ибо завтра все пути для совершения такого маневра могут оказаться отрезанными. Правительственный же план сокращения дефицита в нынешнем году до 60 млрд. руб. и денежной эмиссии — до 10 млрд. руб. — это полумера, паллиатив, свидетельство того, что ни правительство, ни Верховный Совет не оценивают правильно ни масштабов грозящей опасности, ни сути возникших перед страной проблем.

В предложенной правительством программе суть проблемы видится не в размерах уже сложившегося превышения денежной массы в стране над товарным предложением, т. е. не в масштабах уже имеющейся несбалансированности рынка, а в приростных величинах, в необходимости сбалансировать на следующий год прирост денежных доходов населения и предприятий и прирост товарной массы на рынке. Между тем рынок уже развален. Более 500 млрд. руб. имеющихся у населения и предприятий денег (включая экспертную оценку денег «в чулках»), в массе своей излишних по сравнению с возможностями предложения; несоответствие структуры как текущего, так и отложенного спроса структуре товарного предложения; наконец, масштабы уже вспыхнувшей и продолжающей разгораться покупательской паники, искусственно повышающей спрос зачастую на порядок и выше против нормального, — все это делает центральной проблемой сегодняшнего экономического положения задачу нейтрализации именно уже имеющихся в стране денег, а не просто их прироста на следующий год.

Правительство, однако, в своей программе почти полностью обходит эту задачу. Но даже и в отношении приростных величин его программа представляется по меньшей мере недостаточной: предусматриваемые на нынешний год 8,7% прироста денежных доходов населения и 10,1% прироста розничного товарооборота в условиях как минимум 5—6% инфляции, низкого качества отечественной потребительской продукции, 10 млрд. руб. новой денежной эмиссии и 60 млрд. руб. бюджетного дефицита не только не решат проблемы не-

равновесия рынка, но даже не смогут предотвратить ее дальнейшего обострения.

Одновременно политика жесткого налогового сдерживания роста зарплаты и других денежных доходов при пустых прилавках магазинов означает, что единственный, пусть иллюзорный, стимул к более инициативному и добросовестному труду полностью выключается (по меньшей мере на ближайшие два-три года) из нашей экономической жизни. К этому необходимо добавить реальную угрозу резкого роста безработицы в результате свертывания инвестиционных программ, структурной перестройки промышленности, сокращения армии и конверсии оборонных предприятий. К этому же необходимо прибавить и поистине «самоедскую» политику удушения кооперативного сектора, которая столь резко обозначилась именно в последнее время: в нынешнем году ни на прирост товарного наполнения рынка, ни на прирост рабочих мест за счет этого сектора рассчитывать, видимо, уже не приходится. Можно лишь удивляться, как можем мы, в угоду темным предрассудкам толпы и безграмотной бюрократии, пожертвовать не только одним из наиболее эффективных долгосрочных факторов оздоровления нашей экономики, но и реальным источником наполнения рынка, который на следующий год мог бы один покрыть весь прогнозируемый прирост денежных доходов населения.

Не допустить денежной реформы, отложить реформу розничных цен

Если рассматривать всю проблему оздоровления денежного обращения с точки зрения чистой экономической техники, можно указать еще на два варианта быстрого восстановления равновесия на потребительском рынке: проведение денежной реформы путем обмена старых денег на новые по льготному для государства курсу и повышение цен на продовольствие и другие товары, освобождающее государственную казну от стомиллиардных субсидий на поддержание этих цен на искусственно заниженном уровне. Такие варианты, однако, неприемлемы по социальным и политическим причинам, которые даже в сугубо экономическом анализе никогда нельзя сбрасывать со счетов, ибо чистой экономики, существующей вне других общественных отношений, не бывает.

В начале 1989 г. руководство высказалось против изменения розничных цен в ближайшие 2—3 года, неоднократно давались также заверения, что не планируется никакой денежной реформы. Однако, на 1990 г. намечена реформа оптовых цен (что может привести и к изменению розничных), вопросы эти постоянно обсуждаются в печати и «на кухне», а угрожающе растущая несбалансированность потребительского рынка заставляет многих сомневаться в твердости обещаний самых высоких должностных лиц на этот счет. Нелишне поэтому

еще раз попытаться оценить возможности последствия этих мер, взвесить все их плюсы и минусы.

Ситуация, в которой оказалась сегодня наша экономика, не является уникальной для истории. При исключительных масштабах переполнения денежного обращения правительства многих стран заменяли старые обесценившиеся деньги на новые, выпускавшиеся в меньшем количестве. Примером могут служить денежная реформа во Франции в 1797 г., в ходе которой все выпущенные революционным правительством и сильно обесценившиеся ассигнации и мандаты были аннулированы; денежные реформы у нас в 1922—1924 гг. и в 1947 г.; денежная реформа в Германии в 1924 г., проведенная после гиперинфляции, развившейся в период первой мировой войны; денежные реформы в ряде европейских стран после второй мировой войны — скажем, в Западной Германии в 1948 г. оккупационные власти США, Великобритании и Франции обменяли старые марки на новые по соотношению 10:1.

Однако обращает на себя внимание, что во всех случаях денежные реформы такого рода проводились, во-первых, после крупных политических потрясений (войны, революции) и, во-вторых, когда обесцениение национальной денежной единицы шло очень высокими темпами (100% и более в год). Собственно говоря, только при таких условиях выгоды неэквивалентного обмена старых денег на новые могут превышать издержки, и этот обмен становится оправданным. В других случаях никто не прибегает к подобной мере: скажем, в Израиле, Югославии, многих латиноамериканских странах инфляция исчислялась порой сотнями процентов в год, но денежные реформы тем не менее не проводились. Причина проста — уж слишком высоки неизбежные издержки, связанные с нарушением социальной справедливости и, как следствие, подрывом доверия правительству. В демократических обществах это ведет к поражению на выборах и к смещению правительства; в обществах с неразвитыми демократическими институтами последствия могут быть самыми разными — от забастовок и уличных столкновений до эмиграции.

У нас пока нет ни 100%-ой инфляции, ни чрезвычайных политических обстоятельств. Темпы обесцениения рубля даже с учетом роста дефицитности (разрыва между денежным спросом и товарным предложением, не покрываемого повышением цен) не превышают 10—15%, а отложенный потребительский и инвестиционный спрос пока что, как минимум, вдвое меньше, чем объем ВВП, так что понадобится всего 1 год, чтобы рассосать этот спрос, продавая все товары по повышенным на 50% ценам. Это не настолько плохие показатели, чтобы даже поднимать вопрос о денежной реформе. Старые деньги еще далеко не так плохи, чтобы окончательно поставить на них крест и начать создавать новые. Нам пока что совсем нет надобности уподобляться цыгану, считавшему, что отмывать от грязи своих детей труднее, чем сделать новых. Кроме того, война у нас кончилась почти полвека назад, нынешнее руководство находится у власти уже 5 лет,

и сегодня в глазах населения невозможно будет оправдать необходимость повальных денежных конфискации трагическим стечением исторических обстоятельств.

Далее. Распределение накоплений среди нашего населения таково, что государству, чтобы серьезно поправить свои финансовые дела, придется отнимать сбережения у довольно большой прослойки населения. Недавно опубликованные данные показывают, что основная часть всех сбережений приходится у нас именно на мелких вкладчиков: из почти 300 млрд. руб. сбережений граждан, хранившихся на начало 1989 г. в Сбербанке СССР, на вклады более 10 тыс.руб. приходилось в общей сложности всего 30 млрд. руб., на вклады более 5 тыс.руб. — только 100 млрд. руб. Число вкладов в 5 тыс.руб. и более — 13 млн., в 10 тыс.руб. и более — 2,2 млн. Конечно, некоторые имеют по 2 и более сберкнижки, но в среднем на семью вкладчиков приходится только 1,3 сберкнижки, так что число вкладов в общем незначительно превышает число семей, имеющих сбережения. Иначе говоря, государству, если оно все-таки решится на крайние меры, придется, чтобы получить только 100 млрд. руб., нарушить социальную справедливость в отношении примерно 10 млн. семей, т. е. в отношении 10% нашего населения.

Эти люди — в массе своей отнюдь не миллионеры, не мафиози и не дельцы подпольной экономики, это наш советский средний класс, среднестатистический представитель которого в лучшем случае имеет машину и дачу (или собирается их купить). Сейчас это, наверное, наиболее «перестроечная» часть населения, это та социальная группа, которая более всех других поддерживает перестройку. И нельзя не видеть, что после конфискации вкладов и сама перестройка, и ее лидеры надолго (возможно, на поколение или даже больше) лишатся поддержки нашего среднего класса.

Так стоит ли игра свеч? И выдержит ли перестройка как мощное, всеохватывающее общественное движение к обновлению страны такую хирургическую операцию? Неужели ради 100 млрд. руб., которые, кстати, можно получить, импортировав ширпотреб всего на 10 млрд. долл., надо жертвовать доверием среднего класса?

То же можно сказать и о таком варианте оздоровления денежного обращения, который предполагает повышение розничных цен. Реформа розничных цен — это не приоритетная задача на ближайшие годы. У нас вполне хватает других головоломных проблем, требующих неотложного решения, и нам незачем самим создавать себе новые. Против проведения ценовой реформы в ближайшие годы высказались уже практически все экономисты — и «антирыночники», и «рыночники», и даже В. Леонтьев и Дж. Гэлбрейт.

Рядовые потребители в массе своей настроены решительно против повышения цен, даже разговоры о возможной ценовой реформе вызывают у них все возрастающее раздражение, и для этого несомненно есть веские основания. Слишком часто рядового потребителя обманывали, попросту говоря, надували при проведении подобных реформ,

чтобы он сейчас вдруг и сразу поверил, что повышение цен на основные продовольственные товары — в его же собственных интересах.

Многим памятна и денежная реформа 1947 г., сопровождавшаяся прямой конфискацией сбережений населения, и повышение цен на мясо-молочные продукты в начале 60-х годов, не компенсированное полностью ростом доходов и снижением цен на промтовары, и неоднократные последующие повышения цен и тарифов на самые разные товары и услуги, о которых порой даже не объявлялось. Совсем недавнее решение о закрытии «Березок» было проведено в жизнь с явным нарушением принципов финансовой порядочности — наряду с сотнями жуликов и спекулянтов пострадали тысячи честных людей, трудовые сбережения которых государство фактически частично откалало отоваривать.

Предубеждения, сложившиеся у нашего населения против повышения цен, пожалуй, сильнее, чем в других государствах. За последние шесть десятилетий, даже по официальным данным Госкомстата, которые существенно занижают фактическую инфляцию, цены в государственной и кооперативной розничной торговле выросли почти в 10 раз. Немногие страны могут «похвастаться» такими темпами — в США, например, за тот же период цены выросли только в 7 раз.

Короче, у населения сложилось к настоящему времени очень твердое убеждение, что так или иначе, вопреки всем заверениям, ценовая реформа будет проведена в очередной раз за счет ущемления жизненных интересов потребителей. Даже если ценовая реформа будет проведена действительно честным образом, так, что государство вернет населению (через надбавки к зарплате, удешевление промтоваров и т. д.) весь свой выигрыш от повышения цен на продовольствие, все равно этому мало кто поверит. Это, может быть, удивительно и даже неприятно, но это так, это — реальность нашей жизни, с которой нельзя не считаться.

Общественное сознание инерционно, и на финансовую репутацию правительства влияет сейчас в гораздо большей степени печальный опыт прошлых злоупотреблений, чем сегодняшние самые искренние намерения покончить с этими злоупотреблениями раз и навсегда. Доверие населения к финансовым акциям правительства может быть потеряно в один день, но завоевывается годами и даже десятилетиями. А в последние годы, к сожалению, не случилось ничего такого, что позволило бы говорить об успехе перестройки в экономике и повысило бы доверие к экономической стратегии правительства: очереди все так же длинны, прилавки по-прежнему пусты, уровень жизни снижается.

При сложившемся сейчас положении, другими словами, у правительства нет никакой реальной возможности «выиграть ценовой раунд». Как бы тщательно ни готовилось повышение цен, какой бы разъяснительной работой оно не сопровождалось, какую бы полную компенсацию ни получили потребители, большинство все равно окажется недовольным, популярность руководства резко упадет и кредит

нового курса будет серьезно подорван. «Вот и свелась вся перестройка к повышению цен» — несложно предсказать, что такое мнение станет после ценовой реформы типичным и преобладающим.

Тем более, что с точки зрения немедленных результатов, реформа розничных цен мало что даст. При «честном варианте» государство ничего не выигрывает и, следовательно, не сможет поправить свои бюджетные дела. Мяса же и молока от повышения розничных цен больше не станет. Рост сельскохозяйственного производства после 1953 г. и 1965 г. был вызван, среди прочего, повышением не розничных, а оптовых цен (кстати, при стабильных розничных), и потому ничего в данном случае не доказывает.

Что же касается субсидий, направляемых на поддержание заниженных розничных цен на мясо-молочные продукты, то в этом нет ничего необычного. Все промышленно развитые страны субсидируют сейчас свое сельское хозяйство, причем до 2/3 субсидий направляется именно на поддержание продажных цен и фермерских доходов. В середине 80-х годов в Японии субсидии достигали 15 млрд. долл., в ЕЭС — 26 млрд. долл. Даже рейгановская администрация, более других приверженная принципам свободного нерегулируемого рынка, вынуждена была увеличить за время своего пребывания у власти субсидии фермерам в несколько раз, так что они достигли 27 млрд. долл.

Собственно говоря, субсидирование розничных цен — это прежде всего и главным образом проблема социальной политики, а не ценообразования. Разумнее всего просто отложить реформу розничных цен до тех пор, пока не произойдет осязаемого сдвига к лучшему на продовольственном рынке. Но и тогда изменение пропорций розничных цен не должно быть главной и единственной целью реформы. Гораздо важнее будет ее другая цель — постепенное дерегулирование розничных цен, создание условий для их формирования под влиянием движения спроса и предложения.

Короче, ни повышение розничных цен, ни денежная реформа сегодня не выведут страну из тупика, и перспективным представляется только один путь — выкуп и иммобилизация избыточных денежных средств при строгом соблюдении правительством правил «честной игры». Приходится, однако, с сожалением констатировать, что на практике, в нашей реальной жизни все складывается совсем не в соответствии с принципами экономической целесообразности. Нет никаких признаков, что из трех изложенных выше возможных вариантов стабилизации внутреннего рынка и преодоления надвигающегося его полного развала будет выбран первый и наиболее безболезненный вариант. Похоже, что на это не хватит ни политической уверенности, ни воображения у тех, кто определяет сегодня нашу экономическую политику. Не придется удивляться, если мы пойдем, а вернее, вынуждены будем пойти по второму варианту, т. е. по пути конфискации значительной части денежных сбережений населения и предприятий. Иными словами, всеобщая карточная система и, как выход из нее, грубая, жесткая денежная реформа при нынешней расстановке

сил представляются нам в скором времени неизбежными. Вновь повторим: есть еще шанс, есть еще возможность этого избежать. Но избежим ли?

Создать механизм регулирования рынка

Чтобы не ввергнуть экономику в состояние хаоса, чтобы не получить еще большие диспропорции, чем те, которые мы имеем сейчас, нам надо одновременно с ослаблением административного контроля создавать новый механизм экономического регулирования. Пока что мы не имеем ни общей концепции такого регулирования, ни профессионально подготовленных кадров, ни соответствующего аппарата.

До сих пор мы были озабочены прежде всего и главным образом разрушением прочных оков административной системы — это было оправдано раньше и безусловно оправдано сейчас. До сих пор мы более всего страдали от бюрократического сопротивления перестройке, от того, что хорошие решения, принимавшиеся на самом веру, неизменно выхолащивались, спускаясь вниз по ступенькам бюрократической пирамиды. И это продолжает оставаться самой серьезной преградой на пути рыночной экономике.

Похоже, однако, что борьба с таким сопротивлением, далеко еще не сломленным, отодвинула на задний план задачи конструктивные, созидательные — задачи организации новой системы управления социалистическим рыночным хозяйством. А между тем без такой системы управления нам нечего рассчитывать, что освобожденная от административного корсета экономика станет сбалансированной и эффективной. Больше того, разрушив старую систему административного управления и не создав взамен новой, экономической, мы можем только подорвать устоявшиеся хозяйственные связи, добавить к нынешним, уже существующим диспропорциям новые и таким образом окончательно испортить все дело.

Оттолкнувшись от одного берега в лодке без руля и весел, мы рискуем так и не доплыть до противоположного берега. Или иначе: мы можем оказаться подобными больному человеку, который, потеряв всякое терпение, решительно отбрасывает костыли, так и не научившись ходить: костыли очень плохие, неудобные, неэффективной конструкции, не позволяющие человеку нормально передвигаться, но все-таки худо-бедно поддерживающие его в вертикальном положении и не дающие упасть.

Это вовсе не абстрактно-теоретические варианты нашего перспективного развития. Это реальные альтернативы сегодняшнего дня. Заниматься этими проблемами надо сегодня, сейчас, немедленно, ибо мы и так уже упустили время, и завтра может быть поздно.

Чтобы не быть голословными, обратимся к экономическим реалиям.

В прошлом, 1989 г., долю госзаказа в основных промышленных отраслях планировалось снизить до 25—59%, т. е., грубым счетом, вдвое по сравнению с уровнем предыдущего года. Конечно, план этот не осуществили, как не осуществили его и в 1988 г. (в 1987 г. намечалось сократить в 1988 г. госзаказ до 50—70% продукции обрабатывающих отраслей, на деле же он охватил все 90%).

То же — с Законом о кооперации, согласно которому колхозы получили право реализовывать продукцию на рынке по договорным ценам. Получить-то получили, но воспользоваться этим правом не смогли до сих пор, ибо инструкции бывшего Госагропрома, действующие и после его ликвидации, фактически все сводят на нет.

Что же мешает дать, наконец, свободу производителям, позволить им планировать хотя бы часть выпуска самостоятельно? Можно ли все списать на плохих чиновников, извращающих хорошие решения центра? Можно, но лишь отчасти. Ибо есть еще и другая, не менее важная причина — мы до сих пор не создали механизмов регулирования рынка, без которых свобода производителей ведет отнюдь не к всеобщей гармонии, но к повышению цен, вымыванию дешевого ассортимента, сокращению выпуска и прочим неприятным последствиям.

Мы не должны полностью уповать на рынок, на свободную игру рыночных сил, на волшебное действие автоматических рыночных регуляторов. Слов нет, рынок — это наиболее эффективный способ организации современного хозяйства из всех известных истории, но именно регулируемый рынок, т. е. рынок, функционирование которого дополняется централизованным регулированием. Без такого регулирования действие рыночных механизмов в современных условиях чревато стагфляцией, тяжелым экономическим кризисом, сопровождающимся ростом цен.

В самом деле, свободный немонополизированный рынок — это далекое прошлое, XIX век, да и, строго говоря, даже в те времена он не был совершенно свободным. Сейчас на Западе, да и во всем мире рынки в той или иной степени монополизированы, поделены между несколькими крупнейшими производителями, так что цена образуется не только под влиянием свободной игры рыночных сил, но и в результате монополистического соглашения, даже если оно и не оформлено. На таких монополизированных, точнее сказать, олигополистических, рынках, действуют специфические закономерности: как следует из экономической теории, цены здесь устанавливаются на более высоком, а объем выпуска — на более низком уровне, чем в условиях свободной конкуренции, ибо монополии повышают цены за счет искусственного ограничения предложения (производства).

Опыт западных стран свидетельствует, что в отсутствие специальных контрмер такое повышение цен за счет сокращений выпуска в монополизированных отраслях может быть очень значительным. Так случилось во времена «великой депрессии» 30-х гг. во всех западных странах — промышленное производство падало тогда уже несколько

лет подряд и сократилось чуть ли не вдвое. Так было и у нас, в начале 20-х гг.: созданные в 1921—22 гг. тресты и синдикаты превратили советскую промышленность в самую монополизированную в мире и стали вздуть цены за счет искусственного ограничения выпуска, так что образовались гигантские «ножницы цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары (рынки сельхозпродуктов не были монополизированы, и потому цены сельскохозяйственного сырья оставались на стабильном уровне), и разразился кризис сбыта 1923 г.

Глядя правде в глаза, следует признать, что сейчас, почти 70 лет спустя, мы фактически стоим на пороге нового кризиса сбыта. Наша промышленность и теперь остается, вероятно, самой монополизированной в мире: если в американской промышленности действует около 1 млн. фирм, то у нас — только несколько десятков тысяч. Во многих отраслях конкретный продукт выпускается всего одним-двумя предприятиями-монополистами. Как показало обследование, проведенное недавно Госснабом только в ряде отраслей, почти две тысячи продуктов производятся лишь на одном-единственном предприятии (швейные машинки, например), а существуют еще, видимо многие десятки, если не сотни тысяч изделий, каждое из которых выпускается лишь несколькими заводами по всей стране — двумя, тремя, пятью. Значит, формирующийся в промышленных отраслях по мере свертывания госзаказа рынок будет сильно монополизированным, а это в свою очередь, чревато повальным повышением цен за счет ограничения выпуска.

Кампания заключения договоров на 1989 г. на поставки продукции проходила у нас, как известно, с большими трудностями. Многие предприятия заявили тогда о своем намерении сократить производство. Проведенный в Госснабе анализ заявок по 1000 видам продукции, которая проходит по контрольным цифрам, показал, что каждое пятое предприятие предполагало уменьшить выпуск такой продукции по сравнению с уровнем 1988 г. на 15—30%. Оказывается, что и при сокращении реального выпуска, только за счет повышения цен (даже при нашем строгом контроле над ними) эти предприятия чувствовали себя вполне в состоянии выйти на такой объем производства в рублях, в текущих ценах, который был необходим им для выплаты зарплаты.

И наша вина, и наша беда, состоит в том, что мы оказались абсолютно не подготовленными к тому, чтобы противостоять этим монополистическим тенденциям. В итоге произошло то, что должно было произойти: в 1989 г. заметно усилились рост цен, вымывание дешевого ассортимента, по многим позициям началось сокращение выпуска. Темпы прироста национального дохода упали с 4,4% в 1988 г. до 2,4% в 1989 г., что фактически, т. е. с поправкой на погрешности нашей официальной статистики, означало падение производства, экономический кризис. Из 144 наименований важнейших видов продукции, находившихся под государственным статистическим контролем, снижение объема производства в 1989 г. наблюдалось по 64. В первом

квартале 1990 г. сокращение промышленного производства было зафиксировано даже официальной статистикой.

В такой обстановке поступательное движение вперед экономической реформы застопорилось и последовал откат назад. Госзаказ перестали сокращать, а в легкой и пищевой промышленности даже восстановили в полном объеме; сферу действия договорных цен резко сузили; некоторые научно-исследовательские институты, в которых особенно сильно повысилась зарплата, сняли с хозрасчета и перевели на прежнюю систему бюджетного финансирования и т. д. В общем, столкнувшись с первыми издержками из рук вон плохо регулируемого рынка, мы, похоже, решили, что во всем виноват именно рынок сам по себе, и надо срочно вернуться к старым проверенным директивным методам, отложив реформы до лучших времен.

Между тем, все наши несчастья связаны, конечно, не с рынком как таковым, не с самой идеей рыночного хозяйства, но только с ошибками и просчетами в реализации идеи рынка на практике. И, в частности, с отсутствием механизмов регулирования монополизированных рынков. Инструменты такого регулирования в принципе известны. Во всех западных странах существует специальное антимонополистическое законодательство, направленное на сохранение какого-то минимума конкуренции на отраслевых рынках. Для предотвращения чрезмерной монополизации рынков используется также и регулирование импорта. Но главное — это специальная финансовая и кредитно-денежная политика, имеющая целью обеспечить устойчивый безынфляционный рост при полной занятости в условиях негибких, жестких монопольных цен.

Проблема, однако, в том, что мы до сих пор довольно слабо знакомы с теорией и практикой такого регулирования, у нас недостаточно квалифицированных специалистов, полностью отсутствует аппарат для разработки и проведения соответствующей финансовой и кредитно-денежной политики.

Проблема заключается также и в том, что социалистический рынок во многих отношениях отличается от капиталистического рынка. Скажем, капиталистические фирмы ориентированы на накопление, на увеличение прибыли, на инвестирование этой прибыли с целью получения новой прибыли и т. д. Социалистические самоуправляющиеся трудовые коллективы и кооперативы ориентированы на потребление, на максимальное удовлетворение своих нужд. Поэтому, если в капиталистической экономике возникает опасность перенакопления (отсюда — периодические кризисы перепроизводства), то в социалистическом рыночном хозяйстве, напротив, имеется угроза «перепотребления». Об этом свидетельствует, в частности, многолетний опыт Югославии, равно как и недавний опыт Китая, где трудовые коллективы, получив право распоряжаться собственной прибылью, тут же стали «проедать» ее, резко увеличивая фонд потребления.

Выход, видимо, состоит в регулировании из центра ключевой пропорции между потреблением и накоплением. Чтобы не ставить под

угрозу национальные долгосрочные приоритеты и гарантии трудоустройства, объем накопления, обеспечивающий помимо реализации общенациональных программ также и создание определенного количества рабочих мест, должен быть задан заранее, а все, что останется, будет «самотеком» пущено на потребление. Нормативы, регулирующие объем вложений предприятий в расширение производства (инвестировать не меньше такой-то величины от дохода) существовали у нас, кстати сказать, в период нэпа. До сих пор, однако, не видно, чтобы Госплан, Минфин или другие ведомства серьезно занимались этим вопросом.

Замысел сейчас, похоже, заключается в том, чтобы регулировать постепенно высвобождаемое из тисков директивного плана (госзаказа) производство через централизованное установление цен и нормативов. Но это как раз самый неэффективный метод из всех возможных, ибо ни экономическая наука, ни самые компетентные директивные органы никогда не умели и до сих пор не умеют лучше, чем это делает рынок, рассчитывать цены «в уме», «на бумаге», «в кабинете». И тысячу раз повторяемое заклинание, что цены должны быть научно обоснованными, дела вперед не продвигает: из экономической теории известно, что обоснованно назначить сверху, в плановом порядке цены даже не на все, а хотя бы только на основные продукты, на практике так же невозможно, как и составить сбалансированный план производства в натуре. Всобъемлющее плановое регулирование цен сверху, из центра, влечет за собой едва ли меньшие диспропорции, чем прямое директивное планирование.

Строго говоря, при устанавливаемых сверху ценах рынка нет и не может быть, и пока мы не перейдем на договорные цены, нам нечего рассчитывать на действие механизмов рыночной автоматики. И оптовая торговля по фиксированным ценам — это вовсе не торговля, а плановое распределение. Короче, регулирование рынка через установление сверху цен плохо тем, что «отключает» автоматическую рыночную настройку, т. е. лишает рынок его главного преимущества — саморегулирования и по существу умерщвляет сам рынок.

Несложно предсказать, что произойдет завтра, когда уже не будет госзаказа, но еще будут цены, установленные вчера: возникнут тысячи новых диспропорций и дефицитов, ибо предприятия, освободившись от плана по номенклатуре, станут снимать (и уже снимают) с производства нерентабельные изделия, цены которых необоснованно занижены.

Разумной альтернативой может стать только дерегулирование оптовых цен (пока именно оптовых, а не розничных), но сегодня здесь нас подстерегает другая опасность, о которой уже говорилось, — перспектива всеобщего монополистического повышения цен при одновременном свертывании производства, кризис сбыта. На сегодня, другими словами, мы в ловушке, в которую сами себя загнали и из которой так непросто теперь выбираться.

Далее. Для того, чтобы свести к минимуму издержки рыночного хозяйства и в полной мере воспользоваться его выгодами, нам непременно нужна сильная социальная политика, равно как и всесоюзная система переквалификации рабочей силы. Ведь по мере свертывания системы государственных заказов многие предприятия станут сокращать производство и увольнять рабочих, другие, хронически убыточные, вообще придется закрывать, люди должны будут менять место работы. Рост цен — а он определенно усилится с переходом к рыночному ценообразованию — еще более подорвет материальное положение лиц с фиксированными доходами, в первую очередь пенсионеров. Все это требует создания механизмов социальной защиты, адекватных современным мировым стандартам и нашим социалистическим идеалам. Такие механизмы развиты у нас крайне слабо. Здесь мы отстали от промышленно развитых стран, в особенности от западноевропейских, на многие десятилетия.

В общем, и в этой, социальной, области, так же как и в других сферах, нам срочно нужны специальные механизмы и институты, с помощью которых можно было бы отрегулировать нарождающуюся систему рыночного социалистического хозяйства, обеспечить ее нормальное, безкризисное функционирование. В отсутствие таких механизмов и институтов переходить на рыночные рельсы — это все равно, что рассчитывать, что удастся перепрыгнуть через пропасть в два прыжка. Выстрадавшая годами и десятилетиями идея рыночной экономики, едва-едва ставшая приобретать реальные очертания, может быть загублена, и очень быстро.

Что необходимо сделать уже в ближайшем будущем?

1. *Реформа оптовых цен.* Одновременно с решительными мерами по оздоровлению денежного обращения можно будет провести дерегулирование оптовых цен в монополизированных отраслях (сельское хозяйство, услуги и др.). Такому дерегулированию должен, разумеется, предшествовать анализ состояния отраслевых рынков, степени их монополизации. Если на рынке может быть обеспечена надлежащая конкуренция, надо смело отказываться от централизованного ценообразования, ибо повышение цен здесь нам не грозит, при устойчивом рубле оно может быть только кратковременным.

В монополизированных отраслях (многие промышленные отрасли, транспорт и др.) контроль над ценами придется на первые несколько лет сохранить, ибо их дерегулирование чревато в нынешних условиях усилением инфляции и свертыванием производства. Но эти сверху устанавливаемые цены необходимо рассчитать заново, имея в виду, что новый расчет, конечно, не даст абсолютно обоснованных ценовых соотношений, но позволит по крайней мере существенно уменьшить нынешние вопиющие ценовые неувязки. Тогда эти цены можно будет хоть как-то использовать для регулирования производ-

ства после свертывания госзаказа. Нынешние же цены для этого совершенно непригодны, и любая попытка использовать их в качестве регулятора объема выпуска приведет лишь к новым диспропорциям.

2. *Создание механизма регулирования монополизированных рынков.* Нам следует создать отечественное антимонополистическое законодательство и раздробить, там где возможно, особенно крупные предприятия-монополисты. Вместе с тем, надо понимать, что все монополии мы ликвидировать не сможем, что, более того, монополизированные отрасли все равно останутся стеновым хребтом нашей экономики. Антимонополистическое законодательство само по себе здесь не сможет дать немедленного эффекта, поскольку разукрупнять многие сложившиеся предприятия нецелесообразно — это может привести к падению эффективности и замедлению технического прогресса, а строительство новых предприятий требует времени. Поэтому, помимо антимонополистического законодательства, нужна еще и специальная долгосрочная стратегия, направленная на перестройку всей организационной структуры наших промышленных и других отраслей.

Представляется целесообразным создать комиссию Госплана, Госнаба и Госкомцен (с участием ученых) для изучения степени монополизации отраслей рынков, для выработки рекомендаций, в каких случаях предприятия, занимающие монопольное положение, можно разукрупнить (раздробить) без ущерба для технического прогресса и экономической эффективности (типичные примеры — Аэрофлот, Интурист), где целесообразно пойти на строительство новых, параллельных предприятий, выпускающих ту же продукцию, что и действующие, какие заводы можно перепрофилировать и каковы возможности расширения конкуренции на отдельных отраслевых рынках за счет либерализации импорта. Аналогичные исследования должны быть, очевидно, проделаны на региональном уровне (вплоть до областей и районов — для местной промышленности) соответствующими рабочими группами.

На основе этих исследований Совмин, министерства, республиканские и местные власти могли бы принять рассчитанные на ряд лет программы перестройки организационной структуры отраслей, разукрупнения фирм, перепрофилирования отдельных заводов, строительства новых предприятий-дублеров, развития кооперативов и совместных предприятий, изменения импортной политики, так чтобы в максимально возможной степени содействовать (не сейчас, конечно, но в перспективе) созданию рынков со здоровой конкуренцией.

В более близкой перспективе наиболее эффективной антимонополистической политикой может быть, видимо, только поощрение конкуренции на сильно монополизированных рынках за счет расширения импорта. Опыт США в этом смысле очень показателен — в 80-е годы за счет размывания сложившихся структур самых высокомонополизированных отраслей (сталь, автомобили, электроника) с помощью либерализации импорта им удалось резко снизить инфляцию.

Сам закон о конкуренции должен, вероятно, предусматривать создание специального исполнительного органа — антимонополистического трибунала, осуществляющего надзор за состоянием конкуренции на отраслевых рынках, и специальной комиссии в новом Верховном Совете. Ключевым звеном, однако, должны стать суды, лучше всего обычные, наделенные правом разбирать дела о нарушениях конкуренции не только по запросу трибунала, но и по требованию любого потребителя, будь то предприятие или отдельное лицо.

В США, кстати, именно судебные органы играют решающую роль в поддержании конкуренции на отраслевых рынках, при том, что антимонополистические законы не содержат никаких четких формулировок и количественных ограничений. При судебных же разбирательствах огромную роль играют прецеденты и так называемое «правило разумности», смысл которого в том, что во всех сомнительных и неясных случаях следует принимать решение о запрете тех или иных действий фирмы только тогда, когда вред от этих действий, причиняемый конкуренции, превышает выгоды, получаемые от них обществом.

Такой подход имеет глубокий смысл, он проверен практикой антитрестовских разбирательств многих десятилетий и, думается, должен быть принят у нас. Ведь антимонополистические дела крайне сложны и запутаны, каждый случай практически уникален, никакие общие правила и тем более количественные критерии здесь установить невозможно, и потому гарантией от злоупотреблений (со стороны государственного исполнительного органа, осуществляющего контроль и надзор за состоянием конкуренции, например) может быть только гласное судебное разбирательство, позволяющее открыто высказать и обсудить мнение всех заинтересованных сторон.

При всем при том надо иметь в виду, что антимонополистическое законодательство — это только первый шаг, только начало государственного регулирования монополизированных рынков, что оно необходимо, но отнюдь не достаточно для успешного функционирования рыночных механизмов в современных условиях. Антимонополистические меры позволяют в лучшем случае устранить абсолютную и высокую монополизацию рынков и связанные с этим негативные последствия, но не могут совсем ликвидировать монополизм и монополистической конкуренции. Монополии — компании, занимающие такое положение на рынке, которое позволяет им оказывать воздействие на уровень цен, а также и умеренно монополизированные рынки — это типичная ситуация в большинстве несельскохозяйственных отраслей материального производства. Это — нормальная, приемлемая, нечрезмерная монополизация, и с ней антитрестовское регулирование ничего поделать не может. Да такая задача никогда и не ставилась: разукрупнение и контроль над деятельностью «средних» монополий повлекли бы за собой слишком значительные издержки, с лихвой перекрывающие потенциальные выгоды.

Между тем, даже если в отрасли действует 8—10 компаний, контролирующих половину рынка, но не сговаривающихся о ценах, не прибегающих к ценовой дискриминации, не проводящих противозаконных слияний и т. д., так что никаких нарушений антитрестовского регулирования не наблюдается, на отраслевом рынке все равно возникают крайне неприятные специфически монополистические эффекты. Главный из них состоит в том, что цена на таких рынках с нормальной олигополистической структурой устанавливается на более высоком, а объем выпуска — на более низком уровне в сравнении с полностью конкурентной экономикой. Даже если фирмы не сговариваются, они начинают повышать цены за счет искусственного ограничения предложения (производства).

Все это свидетельствует о том, что антимонополистическое регулирование в традиционном смысле этого слова (антитрестовское законодательство) является, конечно, нужным, необходимым, но само по себе не может обеспечить бесперебойного функционирования монополизированной экономики. Исключительно по любым меркам падение производства в начале 30-х гг., случившееся как раз тогда, когда главные антитрестовские законы в США (акт Шермана — 1890 г., акт Клейтона — 1914 г.) были уже приняты и действовали в полную силу (в 1911—1912 гг. закончилось так называемое «избиение трестов», предпринятое тогдашним президентом Т. Рузвельтом), — лучшее тому подтверждение.

Образно говоря, антимонополистическое законодательство — это арифметика регулирования монополистического рынка, тогда как есть еще и алгебра и высшая математика. Нам надо осваивать методы регулирования монополизированного рынка без установления контроля над ценами (этот инструмент — самый неэффективный и годится только на первых порах за неимением лучшего). Нам надо разрабатывать концепцию регулирования монополизированного социалистического рынка, создавать аппарат для такого регулирования, для проведения специальной макроэкономической политики в условиях жесткости, негибкости цен. Нам нужна также перестройка банковской системы на таких принципах, которые приняты повсюду в мире, — независимые, конкурирующие между собой коммерческие банки, центральный банк, регулирующий процесс кредитования и денежного обращения через установление норм ликвидности, соотношения собственных и заемных средств, операции на открытом рынке (покупка и продажа облигаций государственного долга). Нам нужна, наконец, специальная стратегия регулирования государственных доходов и расходов, дефицита бюджета и государственного долга. Такая стратегия, как показал опыт западных стран, является на сегодняшний день самым эффективным средством борьбы с негативными монополистическими тенденциями — с ростом цен и искусственным ограничением объема производства. Она гораздо более эффективна, чем порождающее многообразные диспропорции прямое

директивное планирование, чем попытки регулировать хозяйственную жизнь через централизованное установление цен.

3. *Создание механизма социальной защиты и системы переподготовки кадров.* Переход к рыночной экономике ставит в повестку дня использование принципиально иных методов обеспечения гарантий трудоустройства и доходов населения. Государство должно, видимо, взять на себя расходы по переквалификации увольняемых работников, если они не могут найти работу по специальности, выплачивать пособия все то время, в течение которого уволенный не может устроиться на работу, ввести специальные пособия малоимущим, а, возможно, и программу минимального гарантированного дохода, организовать индексацию доходов (их автоматическое увеличение по мере роста цен), установить новую прогрессивную шкалу налогообложения личных доходов и индексацию этой налоговой шкалы.

* * *

От слишком частого употребления любые слова девальвируются, утрачивают свой изначальный смысл. Заявления о том, что перестройка вступила в критическую фазу, что решаются судьбы страны и что мы не должны — в который раз — упустить шанс, теперь уже не производят особого впечатления.

Нет ничего легче, как назвать авторов подобных заявлений паникерами или обвинить их в стремлении приобрести дешевую популярность. Но от необходимости решать реальные проблемы все равно никуда не уйти. Выжидание, надежда на авось, на то, что все как-нибудь рассосется само собой, — худший из возможных вариантов. Взрывной механизм уже запущен и, если ничего не делать, мина непременно взорвется. И самым горьким при такой перспективе будет то, что большинство будет винить в этом не застой, не исторически обанкротившуюся сталинскую модель хозяйства и ее методы управления, — будут винить перестройку. Время слов прошло, нужны действия — решительные, компетентные, ответственные.

Законы и закономерности — подлинные и мнимые

Прошло уже немало времени, а память до сих пор хранит впечатление от опубликованной в центральной прессе статьи кандидата экономических наук Т. Дзокаевой «Последняя жертва» («Правда», 6 мая 1989 г.). Ничего удивительного. Это был буквально вопль истерзанной души. Статья вряд ли могла оставить кого-либо из сведущих людей равнодушным. В ней рассказывалось о том, как Сталин, задушив ростки начавшего было пробиваться инакомыслия, внес, так сказать, самолично огромный, поистине неопределимый «вклад» в советскую экономическую науку. Отметив очевидное расхождение основополагающих в политико-идеологическом плане сталинских теоретических изысканий, автор взывал к критическому их переосмыслению. Не остался равнодушным и я. Более того, у меня даже возникло желание сразу же взяться за перо и откликнуться на этот призыв. Однако в тот момент я этого сделать не смог. К тому же мне казалось, что задача такого рода скорее все-таки для теоретиков, занимающихся непосредственно политической экономией.

С тех пор, едва поспевая за стремительно развивающейся практикой, наша экономическая наука как будто повергла немало догматических бастионов. Но, по-видимому, в силу огромного неутоленного спроса на конкретные рекомендации практического характера до переосмысления тех несостоятельных положений, о которых говорилось в статье Дзокаевой, так и не добралась. Это может быть связано и с нежеланием ввязываться в открытую теоретическую дискуссию по весьма щекотливым с идеологической точки зрения вопросам или попросту тратить на них время. Такой подход вполне объясним. Тем более, что попутно с решением насущных практических вопросов постепенно вроде бы должны были рушиться и изжившие себя идеологические стереотипы.

На самом деле все получилось много сложнее. Конечно, нельзя сказать, чтобы жизнь их совсем не подрывала. Однако, глубоко укоренившись в нашем сознании, эти стереотипы по-прежнему основательно мешают принятию и реализации тех же самых практических решений. Наглядным подтверждением могут служить острые, но, увы, далеко не всегда и не во всем достаточно предметные баталии

вокруг законов о кооперации, об аренде, о земле, о собственности и о налогах. К тому же эти стереотипы практически без изменений продолжают воспроизводиться в новых учебниках и учебных пособиях по общественным наукам. В итоге они так или иначе закладываются в мировоззренческий фундамент нового поколения. В общем куда не кинь, всюду клин. И пора, наверное, попытаться его выбить или хотя бы начать эту не терпящую отлагательства работу. Особенно, если вспомнить, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория.

Немаловажным подспорьем в решении этой задачи призвано стать новое политическое мышление. Широчайшие эвристические возможности открывает, в частности, основной его тезис о целостности и взаимозависимости расколотого на две разнотипные общественно-экономические системы мира. При этом само новое видение мира, очевидно, не может ограничиваться только рамками межгосударственных отношений. Идея примата общечеловеческих ценностей затрагивает, по существу, все сферы современной общественной жизни, стимулируя поиск новых нетрадиционных подходов к их изучению. В свете этой идеи все явственней проступает потребность в переоценке некоторых устоявшихся теоретических взглядов и идеологических положений, превратившихся в своего рода клише. К их числу принадлежат и те, на пересмотре которых настаивала Дзюкаева. Особого внимания заслуживает в этой связи вопрос о содержании и взаимодействии общих (для обеих систем) и частных (внутрисистемных) экономических законов и закономерностей. Ибо ими определяются не только пути и формы, но, в конечном счете, и сами возможности развития двух систем.

1. Немного истории

До последнего времени, во всяком случае до перестройки, основное внимание в советской научной, учебной и пропагандистской литературе акцентировалось на различиях двух систем хозяйства, каждая из которых развивается будто бы по своим особым, только ей присущим законам. Фактически по принципу «у нас» все совсем не так, как «у них». И многое действительно происходило и пока происходит иначе. Но, как правило, увы, не в нашу пользу. Возникает естественный вопрос, а почему не в нашу? Почему несмотря на радикальную смену форм собственности, с которой принято связывать качественные сдвиги в общественных системах, нам не удалось добиться каких-либо преимуществ в экономике?

Ссылки на отсталость дореволюционной России, огромные материальные и невосполнимые людские потери, понесенные в первой мировой, гражданской и Великой отечественной войнах безусловно правомерны. Но они уже явно недостаточны и к тому же себя исчерпали. Тем более, что масштабы экономического развития, фиксируемые официальными данными, больше не вызывают доверия¹. Реальное продвижение вперед на основных, наиболее значимых в социаль-

ном отношении участках хозяйства оказалось несравненно скромнее, чем можно заключить из этих данных. Особенно на фоне впечатляющих достижений некоторых стран другой системы, включая развивающиеся.

Системы, конечно, разнотипны. И различий не может не быть. Прежде всего они связаны с совершенно разными функциями государства в экономике. Однако, если мы исходим из того, что командно-административная система — это не имманентное свойство, а извращение социализма, приведшее к его деформации, то существенные различия между двумя системами находятся, по-видимому, не в той или, вернее, не совсем в той плоскости, где их до сих пор искали.

Ни в коей мере не сбрасывая со счетов этих различий, генезис и реальное содержание которых еще несомненно нуждаются в серьезном осмыслении, вряд ли можно абстрагироваться от некоторых общих для двух систем черт и закономерностей. Речь прежде всего о тех общих законах, которые, по мысли Энгельса, применимы «к производству и обмену вообще» независимо от ступени и социальной формы их развития и имеют «силу для всех исторических периодов, которым общи эти способы производства и формы обмена»². Или, иначе говоря, о законах, лежавших *в основе поступательного движения человеческой цивилизации, как единого всемирно-исторического процесса, и обеспечивающих необходимую преемственность между различными его периодами и этапами*. Без познания и учета этих законов вряд ли можно в полной мере воспользоваться важнейшими достижениями современной цивилизации, извлечь максимум выгод из культурного, научно-технического и хозяйственного сотрудничества двух систем и тем более добиться желаемых результатов в историческом соревновании с капитализмом.

В связи с этим возникает ряд вопросов. Что конкретно и в каком направлении реально изменилось в экономике тех стран, где произошли социалистические революции? Чем и насколько их экономический организм отличался и отличается от действующего в капиталистических государствах и откуда взялось это отличие? Могут ли вообще в едином взаимосвязанном мире сосуществовать две принципиально различные, плохо стыкующиеся между собой экономические системы? Да и правомерна ли в таком случае сама постановка вопроса о его целостности?

Думается, частично ответ на эти вопросы вытекает из самой специфики становления социализма. Ведь его развитие началось и происходит во многом не так, как это виделось Марксу и Энгельсу. Во-первых, задолго до исчерпания тех возможностей, которые обеспечиваются для развития производительных сил капиталистическим способом производства. «Ни одна общественная формация, — гласит марксистская теория, — не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созрели материальные условия их существова-

ния в недрах старого общества»³. Во-вторых, не одновременно и, главное, не в наиболее развитых, а разновремененно и прежде всего в сравнительно отсталых с экономической точки зрения странах. В-третьих, не путем естественного «снятия» частной собственности на средства производства, а в результате ее насильственной экспроприации и национализации.

Справедливо усматривая специфику нынешнего социалистического хозяйства в общественной собственности на средства производства, мы нередко забываем, однако, что сама эта собственность фактически утвердилась вне связи с прогрессом производительных сил, на основе и в ходе которого только и могут быть созданы предпосылки более высокой общественно-экономической формации, опирающейся на иные, более совершенные формы организации труда и общественной жизни в целом. Упускаем из виду, что она принадлежит все-таки не обществу, а государству в лице различных созданных им ведомств и организаций. К тому же, в результате национализации и коллективизации вместе с уничтожением частной собственности на средства производства была ликвидирована и хозяйственная самостоятельность производителей, без которой невозможно обеспечить сколько-нибудь действенную связь производства с интересами потребителя. В итоге выработанный многовековой историей человечества рыночный механизм мотивации и регулирования экономической деятельности оказался разрушенным, а государство обременено в принципе несвойственными ему (а во многих отношениях и непосильными для него) функциями главного организатора и непосредственного участника производственного процесса.

С разрушением рынка и функционирующего на его основе хозяйственного механизма исчезли объективные ориентиры и критерии экономической деятельности. Это расчистило путь для произвола и волюнтаризма пришедшей ему на смену командно-административной по сути своей разверсточно-распределительной системы. Сопутствовавшая же национализации и коллективизации обезличка собственности ослабила, а затем и вовсе размыла заинтересованность непосредственных производителей в результатах своего труда.

Своеобразие социалистической экономики свелось, в сущности, к модификации отношений распределения, юридической основой и выражением которых и служат отношения, сложившиеся на базе государственной и колхозной (которая фактически представляет собой разновидность той же государственной) собственности. В результате, ранее сложившаяся система общей мотивации хозяйственной деятельности и конкретных стимулов к труду не только не была усовершенствована, но, напротив, все более расшатывалась и сводилась на нет. Отсюда падение экономической дисциплины, расточительство, отсутствие согласованности инвестиционных решений с реальными потребностями и возможностями общества, невосприимчивость к техническим нововведениям и долгострой, подорвавшие эффективность хозяйства и приведшие к его глубокому кризису. Иллюзорными в та-

ких условиях оказались и те преимущества, которые связывались в теории с освобождением трудящихся от капиталистической эксплуатации.

Выход из создавшегося тупика, преодоление укоренившихся в экономике негативных, в основе своей разрушительных процессов и тенденций возможны лишь на путях развертывающихся радикальных реформ, ее возврата в русло развития, ориентированного на рынок, в рамках которого существует и продвигается вперед все остальное человечество. Там, где благодаря децентрализации экономических решений, гибкой системе обратных связей и конкуренции отрабатываются и совершенствуются механизмы саморегулирования, повышающие жизнестойкость хозяйственной системы в целом, ставится надежный заслон волюнтаризму в выборе целей и средств развития, через кошелек потребителя осуществляется эффективный общественный контроль над мерой труда и его вознаграждения, их согласование и взаимоувязка, на уровне предприятий ведется активный поиск возможностей для освоения организационно-технических новшеств и повышения общей эффективности производства.

Воссоздание полнокровного рынка выступает таким образом неприменным условием экономического возрождения нашей страны, ее приобщения ко всему кругу (а не к отдельным элементам) современных научно-технических достижений, без овладения которыми вряд ли возможно решение до предела обострившихся социальных проблем. С восстановлением рынка и рыночных отношений неразрывно связаны перспективы становления демократии в экономике, утверждения подлинного суверенитета потребителя, превращения его запросов в единственную цель, а тем самым и детерминанту всех форм и видов хозяйственной деятельности. От решения этой проблемы во многом зависят и возможности упрочения демократических тенденций в других сферах общественной жизни, придания им необратимого характера.

Относительно свободное, не удушаемое всякого рода произвольными регламентациями развитие рынка и опирающейся на него широко разветвленной системы хозяйственных связей, как неопровержимо свидетельствует опыт истории, представляет к тому же, пожалуй, самый важный и наиболее эффективный, хотя совсем не безболезненный, путь естественной интеграции различных национально-территориальных образований в целостный общественно-экономический организм. Только на такой базе и возможно относительно прочное государственное устройство. Только при интеграции такого типа могут быть сформированы необходимые предпосылки для гармонизации интересов всех ее участников.

Намтившийся разрыв с порядком уже набившими оскомину и отнюдь недешево обошедшимися идеологизированными схемами и представлениями, до предела обострившаяся потребность в возвращении нашей экономики в лоно здравого смысла, восстановлении рынка и нормальных товарно-денежных отношений со всеми присущими им

проблемами и противоречиями (разумеется, одновременно с отладкой надлежащей системы регулирования рынка государством) убеждают в полной несостоятельности и некогда надуманного тезиса о принципиальном отличии социалистических форм и методов хозяйствования от капиталистических. Такого отличия не может быть хотя бы потому, что рынок и товарно-денежные отношения в самой своей основе связаны с прогрессом производительных сил и общественным разделением труда (а вовсе не с существованием разнородных форм собственности или укладов хозяйства, как это еще подчас трактуется некоторыми советскими политэкономистами), на котором покоится любая сколько-нибудь развитая экономическая система ⁴

Если мы действительно — не только на словах, но и на деле — готовы, наконец, признать универсальную роль рынка, необходимо, думается, критически рассмотреть весь комплекс утвердившихся в период безраздельного господства командно-административной системы воззрений на экономические законы социализма. Тем более, что некоторые из этих воззрений, похоже, отражают не столько результаты анализа объективных потребностей, сколько упрощающие и камуфлирующие их идеологические догмы и созданные в соответствии с этими догмами структуры, которые лишь сковывают развитие экономики, удерживая ее в прокрустовом ложе волюнтаристских решений. Такое рассмотрение помимо всего прочего помогло бы полнее и лучше осмыслить общие принципы, заложенные в основу проводимой ныне хозяйственной реформы, а чем-то, может быть, и подкрепить ее теоретически. Коснусь лишь двух тесно связанных между собой вопросов, на мой взгляд, более других затрагивающих эту проблему.

2. Основной экономический закон: миф или реальность?

Первый вопрос относится, как ни крамольно это звучит, к так называемому основному экономическому закону социализма. К так называемому — ибо то, что принято называть основным законом, таковым не является. Вряд ли он может считаться и объективным законом, то есть действующим независимо от сознания и воли людей, как, например, закон стоимости. Более того, серьезные сомнения вызывает сама идея существования в каждой формации какого-то особого, своего собственного основного экономического закона. Характерно, что Сталин, приписавший себе сомнительную честь «открытия» основного экономического закона социализма ⁵, не ограничивается его определением, а как бы обрамляет это определение сравнением с основным экономическим законом капитализма, разумеется в своей интерпретации, противопоставляя и цели двух способов производства, и средства их достижения.

Если, по словам Сталина, цель современного монополистического капитализма сводится к извлечению максимальной капиталистической прибыли, то при социализме она заключается в максимальном удовлетворении постоянно растущих материальных и культурных

потребностей всего общества. И если источником максимальной прибыли при капитализме является нещадная эксплуатация населения самих капиталистических и отсталых стран, а также войны и милитаризация хозяйства, то максимальное удовлетворение потребностей социалистического общества обеспечивается путем непрерывного роста и совершенствования производства на базе высшей техники⁶. Эти, как теперь уже совершенно очевидно, во многом схоластические построения, видимо, были призваны утвердить в сознании советского человека неоспоримые и к тому же (коль скоро речь об объективных законах) будто бы раз и навсегда «свыше данные», то есть автоматически действующие преимущества социализма и одновременно убедить его в неотвратимости скорой гибели полностью изжившего себя капитализма.

Даже если не подвергать ни малейшему сомнению провозглашенные Сталиным цели капиталистического и социалистического производства, вряд ли правомочно рассматривать их в одном смысловом ряду и соответственно противопоставлять друг другу. И прибыль, как превращенная форма прибавочной стоимости, в которой материализуются результаты эксплуатации наемного труда, и средства, необходимые для удовлетворения материальных и духовных запросов общества, создаются в процессе производства. Но извлечение прибыли представляет субъективную и к тому же, по сути своей, лишь промежуточную задачу, а удовлетворение общественных потребностей объективную конечную цель любого вида производства, независимо от социальной формы его организации и конкретного назначения. Без достижения этой объективной цели не поддается решению и субъективная задача. Ибо получение прибыли предполагает реализацию произведенной продукции на рынке, то есть готовность потребителя заплатить за нее соответствующую цену. В то же время сама прибыль в отличие от заработной платы и других форм личного дохода используется не на потребление, а служит целям накопления, превращается в капитал и вновь вкладывается в производство.

Следовательно, если даже безоговорочно принять данную К. Марксом чисто классовую интерпретацию этой экономической категории, ее реальное содержание много шире, поскольку класс составляет лишь часть общества. Кстати говоря, шире не вопреки, а именно по К. Марксу. Ведь сама прибавочная стоимость изначально выступает в качестве неперемennого условия расширенного воспроизводства или, иными словами, того типа развития, который только и в состоянии обеспечить условия для социально-экономического прогресса. Она же (прибавочная стоимость) служит важным, нередко основным источником средств на другие общественные нужды. Прежде всего в раскрытии этого феномена общечеловеческой значимости, думается, и состоит величайшая заслуга К. Маркса, а не в объяснении самого механизма капиталистической эксплуатации, как утверждает наша официальная политическая экономия.

Таким образом, без создания прибавочной стоимости или — если ее недостаточно — без частичного отчуждения от производителя результатов его необходимого труда невозможно существование ни одного общества. Проблема, стало быть, не в эксплуатации, как таковой, а в ее уровне и формах. Пока обеспечиваются все необходимые объективные (совершенствование и накопление средств производства, инфраструктура и рынок сбыта) и субъективные (надлежащие условия жизни и качество рабочей силы) предпосылки расширенного воспроизводства, все обстоит более или менее благополучно. Хотя очевидно, что предпосылки эти, если не практически, то теоретически, всегда имеют какие-то изъяны. Когда же в механизме расширенного воспроизводства возникают серьезные сбои, неизбежно привлекает к себе внимание и вопрос об эксплуатации.

Строго говоря, его следует рассматривать в широком контексте с учетом того, насколько эффективно используются средства, образующие и фонд потребления и, особенно, фонд накопления, отвечают ли сложившиеся формы и направления их расходования требованиям расширенного воспроизводства. Однако, как ни важна данная проблема, она все-таки вторична — ее исходные посылки во многом закладываются при формировании соотношения между накоплением и потреблением и зависят от того, как это происходит. Между тем наша экономика, якобы нацеленная на максимальное удовлетворение общественных потребностей, выглядит, по меньшей мере, весьма оригинально. Чуть ли не всеми материальными и финансовыми ресурсами общества распоряжается государство. В таких условиях и основные народнохозяйственные пропорции сформировались в соответствии с соображениями и приоритетами, навязанными обществу административно-командной системой, которые, естественно, не совпадают с его объективными потребностями.

Достаточно напомнить, что задача экономического подъема нашей страны изначально была фактически сведена к наращиванию любой ценой мощи тяжелой индустрии, без должной увязки с развитием других отраслей хозяйства. Не случайно длительное время у нас публиковалась статистика только по промышленному производству. Вряд ли случайно и то, что центральное место отводилось в ней той же тяжелой индустрии, причем не конечной, а исходной и промежуточной продукции — уголь, нефть, сталь, чугун. Что же касается производства услуг, улучшения условий труда и быта, т.е. создания нематериальных форм богатства общества, значение и роль которых в современной жизни неуклонно повышается, то они до сих пор обозначаются, мягко говоря, странным понятием — непроизводственная сфера. Отсюда остаточный принцип ее финансирования. Отсюда и отношение ко всем тем, кто непосредственно не занят производством материальных благ, чуть ли не как к иждивенцам. Отсюда же явная недооценка сельского хозяйства и пренебрежительное отношение к сельскому труженику.

Ставка на тяжелую индустрию потребовала жесточайшей экономии во всем остальном, а точнее говоря, она развивалась за счет всех прочих потребностей и подразделений экономики. Урезанные расходы на социальные нужды лишь одно из свидетельств этого. Другое состоит в замедленном росте заработной платы. В итоге ее доля в национальном доходе при всем разбросе опубликованных на этот счет оценок оказалась, по меньшей мере, вдвое ниже, чем в развитых странах капитализма. Однако усиленная эксплуатация из-за многочисленных диспропорций и ослабленной восприимчивости к техническому прогрессу не дала каких-либо ощутимых положительных результатов. Обусловленная ею относительная дешевизна рабочей силы, напротив, обернулась искусственным сужением рынка конечной продукции, определяющей общие рамки экономического роста, и одновременно осложнила модернизацию экономики путем освоения новых и новейших трудосберегающих технологий.

Стремление к максимизации прибыли, как блестяще показал К. Маркс, присуще капитализму не какой-то определенной эпохи, а капитализму вообще, причем на всех уровнях. И дело не только в имманентной капиталу внутренней тенденции к самовозрастанию. Само это свойство формируется и поддерживается условиями ни на миг не затухающей конкуренции, вынуждающей каждого капиталистического предпринимателя прилагать максимум усилий для совершенствования и повышения эффективности своей деятельности. Иначе говоря, субъективные устремления совпадают здесь с объективной потребностью в уменьшении затрат на единицу конечной продукции, из которой складывается совокупное потребление и накопление всего общества. Предприятия, по каким-либо причинам не сумевшие реализовать эту потребность в достаточной степени, разоряются, уступая место более удачливым конкурентам.

Вместе с тем по мере совершенствования производства, подталкиваемого стремлением к максимизации прибыли, повышаются требования к качеству рабочей силы, которые могут быть реализованы лишь при улучшении ее оплаты. Решению этой задачи способствуют борьба лиц наемного труда за свои права, с одной стороны, и относительное, а нередко и абсолютное удешевление жизненных благ в ходе технического прогресса — с другой. Стало быть, прибыль и противостоящая ей оплата труда находятся в сложной диалектической взаимозависимости, которая требует поддержания определенного, объективно обусловленного соотношения между ними, стимулирующего в принципе их параллельный рост.

Это, кстати, давно усвоили на Западе и не только там. Поэтому и в государственных установлениях, регулирующих деятельность коммерческих предприятий, и в уставах мало-мальски солидных капиталистических фирм содержится недвусмысленные указания на необходимость изучения и всемерного учета запросов, вкусов и возможностей потребителя. И это не просто прокламация или реклама, а реальная задача, которую вынуждена ставить перед собой и своим

персоналом каждая фирма. Неотвратимостью следования ей собственно и обусловлено необычайно важное значение, придаваемое службе маркетинга.

Таким образом, максимальная прибыль ⁷, равно как и обеспечивающая ее безудержная эксплуатация наемного труда, результатом которой является «разрушение и обнищание (не понятно только где физические границы того и другого) большинства населения», — это чистой воды иллюзия. Однако иллюзия совсем не безобидная. Ее канонизация послужила немаловажным препятствием к осознанию объективных закономерностей распределения национального дохода, которым в конечном счете измеряется благосостояние любого общества, места и роли отдельных его компонентов в процессе развития.

Столь же нелепым представляется и тезис о закабалении и систематическом ограблении других стран, не говоря уже о войнах и милитаризации хозяйства, которые могут лишь его обескровить. Проблема взаимоотношений метрополий и колоний даже в эпоху безраздельного колониального господства выглядели не столь однозначно. Еще сложнее обстоит дело ныне, когда освободившиеся от колониального и полуколониального гнета суверенные государства обрели реальную возможность определять, что им выгодно, а что нет. Вряд ли можно считать случайным их стремление ко всемирному расширению мирохозяйственных связей, пресобладающие позиции в которых занимают индустриально развитые капиталистические страны.

За счет прибыли, как известно, финансируются капиталовложения, обеспечивающие развитие производства. Оплатой же труда определяются возможности потребления или, иначе говоря, емкость рынка конечной продукции потребительского спроса. От гармонизации (через сложную систему опосредующих звеньев) этих двух основных компонентов национального дохода зависит бесперебойность расширенного воспроизводства. Когда же верх берут дисгармонии и расстыковка между ними превышает объективно допустимые пределы, наступает полный или частичный кризис перепроизводства. Между тем кризис этот, наряду с разрушительными, выполняет своеобразные санирующие функции, расчищая стартовую площадку для следующего, более высокого витка спирали, обозначающей общую траекторию движения капиталистического производства. Особо важная роль в этом механизме саморегуляции принадлежит прибыли, которая на всех стадиях цикла выступает главным ориентиром и одновременно показателем состояния капиталистической экономики.

При социализме все обстоит много сложнее и в то же время проще. Целью, движущим мотивом социалистического производства на всех уровнях, императивно побуждающим его к развитию, служит не в высшей степени гуманное, но достаточно абстрактное, непосредственно не затрагивающее жизненные интересы его участников, стремление к максимальному удовлетворению постоянно растущих потребностей общества, как утверждает «открытый» Сталиным основной экономический закон социализма. Таким императивом — по устано-

вившейся еще в 20-е годы традиции — фактически выступает вполне осязаемый государственный план. Ибо от его выполнения, причем, по сути дела, независимо от связанных с этим расходов и себестоимости выпускаемой по плану продукции, зависит благополучие и соответствующего ведомства, и каждого подчиненного ему предприятия вместе со всем персоналом. А как в планах отражаются реальные нужды и потребности общества, красноречиво свидетельствует неизбывный, лишь подверженный диверсификации дефицит с нарастающим вымыванием ассортимента дешевых товаров и расширенное воспроизводство всякого рода диспропорций.

Но и независимо от этого сама идея максимального удовлетворения потребностей, во всяком случае в сталинской ее интерпретации, представляется абсолютно несостоятельной. Ведь потребности всегда и при всех обстоятельствах, если, конечно, брать общество в целом, опережают в своем развитии рост производства. А потреблять между тем можно только то, что уже произведено, и к тому же лишь то, что общество в состоянии оплатить. Следовательно, удовлетворение потребностей зависит от состояния производства, совокупной покупательной способности и распределения обеспечивающих эту способность денежных средств.

К вождленному же, но не достижимому максимуму можно, по-видимому, продвигаться по двум направлениям. Во-первых, на основе насыщения рынка, обеспечивающего удовлетворение той части общественных потребностей, которая подкреплена платежеспособным спросом. Между тем, как свидетельствует наш собственный многострадаальный опыт, это в условиях командно-административной системы хозяйствования практически невозможно. Во-вторых, путем достижения высоких и относительно устойчивых темпов или повышения качества экономического роста. Однако для этого необходимы принципиально иная мотивация экономической деятельности на всех уровнях, другие, более рациональные пропорции между различными компонентами воспроизводственного процесса, а также во многом отличные от нынешних, более эффективные формы организации хозяйственной жизни.

И здесь вновь необходимо вернуться к вопросу о прибыли, столько раз заклеянной и, казалось бы, окончательно пригвожденной Сталиным к позорному столбу. Разумеется, не максимальной, которой просто не существует в природе, а той «самой обычной», в конечном счете усредняемой прибыли, за счет которой финансируется процесс развития, и которая в условиях высокоразвитого общественного разделения труда и соответствующего ему товарно-денежного хозяйства является общепринятым интегральным показателем эффективности производства. Ведь совокупный фонд потребления (включая ту его часть, которая полностью оплачивается или субсидируется государством) зависит не только от доли национального дохода, идущей на накопление. Не менее, если не более важным фактором, воздействующим на потребление, выступает объем конечного продукта, который

во многом зависит от эффективности и соответственно доходности производства. Иными словами, прибыль как ресурс, используемый для накопления, противостоит текущему потреблению лишь в каждый данный отрезок времени. Между тем в динамике извлечение прибыли опосредует рост потребления, служит его неперенным условием — с ее увеличением расширяются и возможности для наращивания производства потребительских благ. И наоборот: с прогрессом потребления и обслуживающего его рынка ширятся возможности для наращивания прибылей.

Когда же роль прибыли в процессе воспроизводства недооценивается или — еще хуже — совсем игнорируется, не убедительно выглядит и сам по себе правильный тезис о непрерывном росте и совершенствовании производства как источнике удовлетворения постоянно растущих потребностей. И даже не из-за смешения различных понятий — противопоставления технического уровня и динамики производства при социализме распределению его результатов при капитализме. А прежде всего вследствие некорректного подхода к проблеме мотивации экономической деятельности при социализме. В итоге остаются вне поля зрения рычаги, стимулирующие организационно-техническое совершенствование производства, без которого практически невозможен его непрерывный рост. Противопоставление же прибыли удовлетворению потребностей, хотя это делалось вроде бы только теоретически и применительно к разнотипным социально-экономическим системам, не могло не способствовать распространению упрощенных представлений о социалистической экономике, вредных иллюзий о мотивах и движущих пружинах хозяйственной деятельности при социализме.

Радикальная экономическая реформа, коль скоро она нацелена на реабилитацию и возрождение рыночных форм хозяйствования, призвана восстановить в гражданских правах и естественное стремление к максимизации прибыли как главной цели производственной деятельности хозяйствующих субъектов. Только на такой основе возможен настоящий хозрасчет. А вместе с ним, и приближение к модели развития, способной обеспечить ускоренный рост благосостояния всех и каждого. Однако этот очистительный процесс наталкивается на огромную инерционность, а подчас и скрытое сопротивление ранее созданных социально-экономических структур, а также труднопреодолимые психологические барьеры, которые подпираются изначально несостоятельными, но пока еще не опровергнутыми и не отзергнутыми догмами. Такова цена пренебрежительного, высокомерного отношения к важнейшим достижениям человеческой цивилизации и укоренившейся не без активного содействия Сталина привычки подходить к оценке экономических проблем главным образом — если не исключительно — с идеологических позиций.

Догматизм и косность мысли, сопутствовавшие непомерной идеологизации общественных наук в ущерб их основной, познавательной функции, воспрепятствовали выявлению и некоторых дру-

гих, более общих тенденций и закономерностей социально-экономического процесса, в основе которого лежат общечеловеческие ценности. Ведь стремление к максимизации прибыли в условиях относительной сбалансированности рынка и конкуренции (то самое стремление, которое все еще нередко классифицируется нами лишь как жажда наживы), стимулируя усилия к рационализации производства, способствует снижению его издержек. А это, по сути дела, лишь определенная, исторически обусловленная стоимостная форма, частный случай экономии рабочего времени (в виде живого и овеществленного в средствах производства труда), представляющий основную цель и главное направление развития всей человеческой цивилизации. Именно так определяет данный феномен К. Маркс, рассматривая развитие денежной формы стоимости. «Всякая экономия в конечном счете сводится, — подчеркивает он, — к экономии времени»⁸.

С нсю, как неопровержимо свидетельствует исторический опыт, в решающей степени связаны возможности развития и каждого отдельного индивида, и общества в целом. Действительно, чем больше сберегалось времени при производстве товаров и услуг первой необходимости, тем больше его расходовалось на производство, предназначенное для удовлетворения материальных и духовных потребностей более высокого уровня. По мере же дальнейшего роста производительности общественного труда создавались предпосылки для уменьшения общей продолжительности рабочего дня, как это обычно имело место на определенном этапе индустриализации, а ныне все явственнее происходит в связи с углублением НТР. Высвобождаемое таким образом время и представляет в сущности тот дополнительный бесценный ресурс, без которого не может быть обеспечено всестороннее развитие ни индивида, ни общества. Путь к достижению этой цели лежит через совершенствование всех форм и видов экономической деятельности, находящее наиболее адекватное отражение в росте прибыли, погоня за которой стимулирует организационно-технический прогресс в сфере производства при капитализме. Однако эта связь с экономической теорией и хозяйственной практикой социализма до самого последнего времени фактически не признавалась.

В результате мы и имеем то, что имеем. У них, там «за бугром», идет бурный процесс развития научно-технических производительных сил. Осуществляется широкая компьютеризация, переход к ресурсосберегающим и экологически чистым технологиям. На передний план в производственных ресурсах выдвигается информация. Неуклонно повышается роль индустрии знаний, здоровья и досуга. Радикально преобразуются условия труда и быта. У нас между тем далеко не завершено становление индустриального способа производства. Не решены элементарные проблемы жилья и продовольствия. На рынке свирепствует дефицит со всеми вытекающими из этого экономическими, социальными и нравственными последствиями. Продолжается деградация среды обитания.

Зато мы цепко держимся за принципы, проявляя трогательную заботу об идеологической чистоте вновь принимаемых законов, призванных разбить оковы, сдерживающие развитие производительных сил. Не жалеем средств на содержание разоряющих экономику нерентабельных производств, возведя их в ранг плано-убыточных. Вместо поощрения всего передового и прогрессивного горой стоим за справедливость и равенство, беспардонно обстригая тех, кто вдруг начинает зарабатывать и высовываться. Свято храним централизованное начало в экономике, регламентируя сверху распоряжение практически всеми ресурсами и не желая отпускать на свободу процесс ценообразования.

3. Планомерная диспропорциональность

Совершенно некорректной представляется и возведенная Сталиным в ранг закона идея планомерного, пропорционального развития, которое чуть ли не противопоставлялось закону стоимости, поскольку рассматривалось в качестве его ограничителя. Это «открытие» также сыграло весьма негативную роль в нашей экономической истории. Прежде всего потому, что он подобно пресловутому основному экономическому закону социализма выдает желаемое за действительное, тем самым дезориентируя общество и отвращая его от поиска путей к решению насущных проблем и противоречий. С началом перестройки и расширением гласности в прессе приводилось бесчисленное множество примеров, опровергающих наличие какой бы то ни было пропорциональности в развитии страны. Убедительные свидетельства этого дает и повседневная жизнь. Однако сама идея будто бы планомерно обеспечиваемых пропорций в силу своей идеологической защищенности, похоже, даже не подвергалась сомнению. Она по-прежнему украшает наши учебники и учебные пособия по политической экономии, философии, истории и другим общественным дисциплинам. Наверное, для того чтобы никто не забывал о неоспоримых преимуществах государственно-монополистического социализма.

Лучшим критерием достоверности теоретических открытий служит, как известно, практика. Но наше сознание настолько идеологически развращено, что для него и практика не указ. Будто, если она не подтверждает теории, то тем хуже для нее самой. Учитывая неординарность сложившейся ситуации, вероятно, имеет смысл еще раз вернуться к теории вопроса, посмотрев на нее критическим, но непредвзятым взглядом.

Прежде всего обращает на себя внимание неадекватность самой формулировки закона планомерного, пропорционального развития, ее схематичность. Пропорциональность фактически трактуется здесь как синоним и одновременно результат планомерности, то есть систематического заранее продуманного воздействия на экономику со стороны государства. Однако синонимичность этих понятий весьма относительна, и результаты плановой деятельности государства в силу

множества причин могут быть самые различные. Для нас сегодня это совсем не секрет. Открытым остается и вопрос о необходимости такой деятельности. Она выводится из априорно утверждаемой потребности обуздать рыночную стихию. Причины появления такой потребности при социализме не раскрываются. Лишь подчеркивается, что возможность для ее реализации открывает сама социалистическая собственность на средства производства, выступавшая в те годы в двух формах — государственной и колхозной. При этом под планомерностью понимается директивное планирование, а стихия приравняется к анархии.

Между тем директивное планирование это наше собственное изобретение. В большинстве других стран, где тоже практикуется планирование, оно опирается на рынок и осуществляется совершенно иными методами. Рыночная же стихия имеет свою логику, которая выражается в экономических циклах и потому неравнозначна анархии — синониму полного беспорядка и хаоса. Потребность сгладить циклические колебания, по возможности самортизировать их, уменьшить разрушительные последствия периодических кризисов перепроизводства и тем самым как бы спрямить общую траекторию развития в той или иной мере ощущается именно при капитализме. А в условиях построенного нами социализма развитие, как известно, не является циклическим или, во всяком случае, не было таковым до сих пор. В то же время стало ясно, что социалистическая собственность не сводится лишь к государственной и колхозной и что социализм, как следует из опыта некоторых стран, вполне совместим с частной собственностью на средства производства, не говоря уже о такой ее модификации, как индивидуальная. Основательно поколебались представления и о директивном планировании, выдававшемся чуть ли не за панацею от всех бед, а на самом деле являющемся порождением и одновременно условием существования командно-бюрократической системы хозяйствования, которая органически не способна обеспечить какой бы то ни было пропорциональности.

Ни в коей мере не отрицая необходимости планирования как формы сознательного вмешательства в процесс социально-экономического развития, нельзя упускать из виду, что такое вмешательство может и должно осуществляться не на одном, как это имеет место при авторитарно-бюрократических методах регулирования экономической деятельности, а, по меньшей мере, на двух уровнях. Иначе говоря, на уровне не только государства, но и каждого, отдельно взятого предприятия-производителя. Причем, по-видимому, больше на втором, приближенном к рынку уровне, где сталкиваются интересы различных производителей и потребителей. Ведь именно на этом уровне производитель может и должен в максимальной возможной степени учитывать реальные нужды и запросы потребителя, и соответственно лучше их удовлетворять, способствуя тем самым повышению прибыльности, а стало быть, и общей эффективности производства. На

государство же следует возложить лишь те функции, которые по каким-либо причинам не могут выполняться самими предприятиями.

Только при таком разделении труда между государством и непосредственными производителями и возможно приближение к искомой пропорциональности, которая является фактически недостижимым идеалом. К. Маркс показал, что при капитализме «никакого вполне установленного «отношения пропорциональности» не существует, а есть только устанавливающее его движение»⁹. И дело здесь совсем не в отсутствии планомерности, а в неотвратимости перманентных изменений в структурах предложения и спроса и сопутствующих им сдвигов в соотношениях между отдельными их компонентами. Не исключено к тому же, что идеальные пропорции вовсе и не нужны, коль скоро всякого рода «возмущения» и противоречия играют роль движущей пружины развития. Важно и другое. Движение к пропорциональности, как выявил еще Рикардо, с которым полностью солидаризуется Маркс, осуществляется через постоянно происходящие колебания спроса и предложения. Устанавливаемые этими колебаниями пропорции между различными видами производства зависят от их технической оснащенности и от реальной потребительной силы общества, то есть того же набора потребительских благ, который оно может и готово оплатить в каждый данный отрезок времени.

Но само капиталистическое хозяйство является, как известно, лишь высокоразвитой формой товарного производства. Между тем последнее — вследствие постоянного расширения и углубления общественного разделения труда, стимулируемого беспредельным по самой своей природе научно-техническим прогрессом, — продолжает развиваться и при социализме. Так что результаты марксова анализа по данной, как и многим другим проблемам, думается, вполне могут быть отнесены и к социалистической экономике. Кстати, опыт развития нашей страны ни в коей мере не опровергает тезиса о том, что продвижение к пропорциональности возможно лишь на основе перманентной подстройки производства к колебаниям спроса и предложения. Во всяком случае, командно-административная система какой-либо альтернативы для решения данной проблемы предложить не сумела. Более того, неразрывно связанное с нею централизованное директивное планирование скорее усугубляет, нежели рассасывает возникающие в ходе развития диспропорции, оказывая воздействие лишь на формы их проявления и общую конфигурацию.

Уместно, очевидно, напомнить и упорно игнорировавшуюся авторитарно-бюрократической системой мысль того же Маркса (кстати, воспроизводившуюся и Лениным) о том, что обращение на рынке постоянного капитала «ограничено в конечном счете личным потреблением, ибо производство постоянного капитала никогда не совершается ради него самого, а совершается лишь потому, что этого постоянного капитала больше потребляется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление»¹⁰. Единственное исключение из этого правила при нормальном, ориентированном на

рынок развития, составляет, очевидно, производство средств производства для военных целей, продукция которого оплачивается государством и которое нуждается поэтому в общественном контроле за его деятельностью.

Стало быть, весь сложнейший комплекс хозяйственных связей между различными видами и формами производства, равно как и осуществляющими их отдельными предприятиями, в рыночной экономике неизбежно замыкается на потребление или, точнее говоря, на платежеспособный спрос. Его объем и структура в сущности и представляют ту систему координат, на которую вынуждены ориентироваться все без исключения производители, и которой определяется, в конечном счете, процесс формирования межотраслевых пропорций. И это отнюдь не преувеличение. Ибо любое отклонение от такой ориентации, как и проигрыш в конкурентной борьбе, чревато утерей ранее занятых на рынке позиций и в случае неудачи хотя бы с частичной переквалификацией — полным разорением. Очевидно, что прежде всего это относится к частным компаниям, которым всегда приходится самим отвечать за результаты своей деятельности.

Поэтому сама идея замены рынка и обусловленных им форм хозяйствования директивным планированием не выдерживает критики. Действительно, зачем нужен план и внеэкономическое принуждение к его выполнению, если производство тех или иных видов продукции обеспечено или в перспективе может быть стимулировано платежеспособным спросом? При отсутствии же такового возникает сомнение в целесообразности затрат на выпуск соответствующих видов продукции. А если все-таки такая продукция начинает производиться, и государство возмещает связанные с этим расходы, то они являются прямым вычетом из ранее произведенного богатства.

Самого пристального внимания заслуживает вопрос о том, какое время можно и нужно считать необходимым для производства того или иного вида продукта-товара. Несмотря на достаточно очевидную логику и наличие прямых высказываний на этот счет у К. Маркса, в данном вопросе все еще сохраняется немалая путаница. При трактовке этого понятия обычно ограничиваются ссылкой на широко известное положение о том, что необходимое рабочее время сводится к тому, «которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»¹¹. При этом обходится молчанием, а быть может, и сознательно игнорируется тот факт, что реальная, постоянно изменяющаяся в связи с техническим прогрессом мера такого времени должна в какой-то объективно значимой форме признаваться общественно. В условиях товарно-денежного хозяйства это признание целиком и полностью зависит от рынка, где за нужные ему товары и услуги потребитель голосует своим собственным кошельком.

Как гласит другое, так же обычно замалчиваемое или упускаемое из виду высказывание К. Маркса, «стоимость вещи определяется не

тем временем, в течение которого она была произведена, а *минимумом* времени, в течение которого она может быть произведена, и этот минимум устанавливается конкуренцией»¹² Иначе говоря, «общественно необходимое для производства продуктов рабочее время прокладывает себе путь через случайные и постоянно колеблющиеся меновые отношения продуктов частных работ лишь насильственно в качестве регулирующего естественного закона, действующего подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом»¹³. Разумеется, ныне при развитой системе внутрифирменного планирования и государственного регулирования, широко разветвленных и относительно стабильных хозяйственных связей «меновые отношения продуктов частных работ» во многом уже не являются случайными. Тем не менее общественно необходимое для производства этих продуктов время в условиях конкуренции может быть установлено лишь в процессе обмена, то есть на рынке при сопоставлении спроса и предложения.

Характерно, что даже если потребительные стоимости создаются «при среднем в данном обществе уровне умелости и производительности труда», но в больших, чем того требует рынок, количествах, затраченном на их производство время в той части, которая превышает потребности рынка, не является, по мнению К. Маркса, общественно необходимым. Вряд ли могут быть признаны таковыми и затраты на некачественную или не устраивающую потребителя по каким-то иным причинам продукцию, которая несмотря на наличие спроса не находит своего покупателя. О том, какими могут быть масштабы ущерба, обусловленного этими неувязками, неизбежными при директивном планировании, свидетельствует беспрецедентно высокий уровень товарных запасов в нашей экономике.

Очевидно, что кроме самого акта реализации продуктов-товаров на рынке, который только и позволяет установить меру соответствия поступающей в продажу товарной массой реальным запросам потребителя, иных путей к определению необходимого рабочего времени попросту не существует. И надежды в этом смысле на растущую мощь ЭВМ абсолютно не состоятельны¹⁴. Сколько-нибудь доскональные расчеты требуемой товарной массы на перспективу в масштабах всего народного хозяйства не оправдывали себя и прежде. Несмотря на растущее быстрое действие ЭВМ их целесообразность ныне еще более сомнительна. Нельзя сбрасывать со счетов бурное развитие информатики, создающей предпосылки для ускоренной оборачиваемости всех производственных ресурсов. Серьезные дополнительные трудности для таких расчетов создаются опережающим ростом спроса на новые, ранее не существовавшие услуги, потребление которых в отличие от вещных товаров осуществляется, как известно, в ходе самого производства.

Только с учетом всех этих обстоятельств и можно вести, как представляется, предметный разговор о научно обоснованном планировании. В отличие от директивного оно не может игнорировать реальных запросов рынка и порожденных им экономических сил. Более того, в

получающей все более широкое признание взаимосвязи ранее противопоставлявшихся друг другу плана и рынка безусловный приоритет, по-моему, принадлежит рынку, как образующему первооснову, исходную базу любого типа планирования, а вместе с тем его конечный результат и цель.

Уместно напомнить, что само понятие рынка в известном смысле тождественно экономике, где каждый производитель — будь-то продающий свою рабочую силу индивид или предприятие — одновременно выступает и в качестве потребителя, обуславливая тем самым необходимость вполне определенных связей с множеством других производителей и потребителей. Стало быть, народное хозяйство любой страны независимо от степени его внутренней интегрированности представляет единое взаимосвязанное целое, некую систему, отдельные элементы которой не могут развиваться совершенно независимо друг от друга. И в принципе рост, повышение уровня каждой национальной (как, впрочем, и всей мировой) экономики немислим без соблюдения определенных объективно задаваемых пропорций между составными ее частями.

С пропорциональностью как формой необходимого структурного равновесия неразрывно связана и эффективность производства. Между тем народнохозяйственным пропорциям на каждом этапе развития присуща известная эластичность, нередко позволяющая частично компенсировать замедленную экспансию одних подразделений экономики ускоренным расширением других и тем самым поддерживать или даже временно повышать общие темпы ее роста. Особенно значительна эта эластичность при экстенсивном развитии. Она-то собственно и обеспечивает возможность сознательного воздействия государства на общие направления и динамику социально-экономического прогресса. При широком включении страны в международное разделение труда эластичность хозяйственных пропорций, а следовательно, и возможности управления процессом развития в некоторых отношениях увеличиваются. Однако и то, и другое имеет достаточно жестко очерченные границы, нарушение которых чревато снижением эффективности и замедлением темпов общественного производства.

Отсюда следует, что и сама идея, и практика централизованного государственного планирования при социализме нуждаются в радикальном пересмотре. Это планирование было бы целесообразно переориентировать исключительно на решение стратегических общенациональных задач. Главным образом в рамках государственных целевых программ, в самых общих чертах увязанных с интересами потребителя и в то же время свободных от жестких директивных предписаний непосредственным производителям, исходящих лишь из возможности воздействия на них через налоговую, кредитную, валютную и другие регулирующие системы.

Другими словами, задача централизованного государственного регулирования хозяйственной жизни должна быть сведена к созданию необходимых, по возможности более благоприятных условий для

развития. Речь прежде всего о всемерном поощрении и поддержке научно-технического прогресса, особенно на его важнейших, направлениях в соответствии с избранными общенациональными приоритетами, о частичной в случае необходимости корректировке посредством экономических рычагов рыночных сил, определяемых изменениями платежеспособного спроса и пресечении пагубных монополистических тенденций. К важным задачам государства относятся также поддержка тех слоев населения, которые сами не в состоянии обеспечить себе прожиточный минимум, гарантии социальной справедливости, защита имущества и достоинства всех граждан и обеспечение на этой основе общей социально-политической стабильности. Особо следует сказать о прогнозировании и принятии, если это необходимо, упреждающих — амортизирующих и стимулирующих их мер.

Без решительного разрыва с директивно-разверсточными методами хозяйствования, лишь создающими видимость управления социально-экономическими процессами, а на самом деле ведущими их в тупик, ускорение организационно-технического прогресса представляется нереальным, также как недостижимой и остро необходимая социальная переориентация экономики. Вместе с тем потребность в таких изменениях настолько велика, что сохранение статус-кво поставило бы под вопрос саму возможность выживания. Хотя бы потому, что иных путей к предотвращению экологической катастрофы (если, разумеется, исключить существовавшее свертывание экономической деятельности) попросту не существует. Другое дело, что разрыв этот при беспрецедентно глубокой разбалансированности хозяйства, резком обострении экономической и социальной ситуации вряд ли можно осуществить быстро и безболезненно. Давно назревший переход к новому хозяйственному механизму требует предельной взвешенности и особой осмотрительности. Многое, если не все, зависит теперь от нахождения адекватных форм, путей и темпов этого перехода.

4. Экономическая реформа и международное сотрудничество

Осознание идентичности ряда объективных экономических законов социализма тем, которые присущи капитализму, и увязка практической деятельности с их требованиями не имеют ничего общего с недооценкой и тем более с пренебрежением различиями между двумя системами. Причем не только порожденными порочными в своей основе авторитарно-бюрократическими методами вмешательства в естественный ход экономических процессов. Конечно, восстановление рыночных форм хозяйствования может расцениваться как шаг в сторону конвергенции. Но думается, что это пока скорее всего лишь попытка преодолеть дивергенцию, которая произошла в результате ничем не оправданного свертывания нэпа и утверждения командно-разверсточной системы регулирования хозяйственной жизни.

Очевидно, что сам по себе такой шаг не ликвидирует и не может ликвидировать некоторых исторически сложившихся различий между двумя системами. Эти различия вытекают из характера собственности на средства производства и потому произвольно в одночасье не устранимы. Прежде всего из-за инерционности, присущей прежним хозяйственным структурам. Нельзя не учитывать также порожденных ими ценностных ориентаций и соответствующих психологических установок. В тоже время неустраним объективный процесс социализации, набирающий силу в капиталистическом мире. Это и трансформация индивидуальной капиталистической собственности в акционерную, и становление собственности, принадлежащей персоналу отдельных предприятий, и развитие общественных форм потребления, и совершенствование системы социального обеспечения. Словом, направленность готовящейся радикальной экономической реформы, равно как и намечаемых ею преобразований в отношении собственности, а также формах и методах хозяйствования, вопреки утверждениям и опасениям наиболее активных ревнителей чистоты социалистических идеалов, заключается совсем не в возрождении капиталистических порядков или в каком-то приближении к таковым.

Их единственная цель — устранить глубоко укоренившиеся деформации в организации экономической жизни, возникшие не без влияния крайне вредных иллюзий о непосредственно общественном характере труда при социализме, надуманных преимуществах государственной собственности и нерыночного хозяйства, упрощенных, явно преувеличенных представлений о возможностях целенаправленного воздействия на общий ход экономического развития, будто бы способного чуть ли не переиначить его внутреннюю логику. Тех самых иллюзий и представлений, которые превратившись в мифологемы, искажающие реальную картину мира, обернулись непререкаемыми догмами и схоластическими построениями, способствовавшими утверждению самого настоящего произвола в экономике. Подвергшись настоящей канонизации, эти догмы содействовали формированию трудно преодолимых идеологических и психологических барьеров на пути радикальной перестройки несостоятельного, полностью изжившего себя хозяйственного механизма, смазывая и притупляя ощущение подлинных экономических реалий и всякий раз вызывая к жизни мощную, в том числе скрытую ей оппозицию.

Если абстрагироваться от частных деталей, в политэкономическом плане суть этой перестройки сводится к устранению разлагающей обезлички, преодолению ничем не оправданного отчуждения непосредственного производителя от средств производства и результатов своего труда, к превращению его в подлинного хозяина экономики со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями перед обществом, к утверждению безусловного приоритета интересов потребителя. В этом собственно и заключается весь смысл трех провозглашенных, но далеко еще не реализованных «с»: самоуправления, самокупаемости, самофинансирования. Без их воплощения в жизнь фактически не

может быть решена ни одна сколько-нибудь крупная экономическая или социальная проблема с расчетом на перспективу. Тем более такие болезненные и острые, как изживание дефицита, достижение и поддержание относительно рыночного равновесия, жизненно необходимый переход от практически исчерпавшего себя экстенсивного типа развития к интенсивному. Вне рамок радикальной экономической реформы не может быть решена и острейшая экологическая проблема.

Однако, при сложившихся к настоящему времени в мире обстоятельствах назревшая экономическая реформа в известном смысле уже не может рассматриваться как исключительно наше внутреннее дело. Разумеется, в осуществляемые в этой связи преобразования никто не вправе вмешиваться. Но в силу растущей взаимозависимости в основе своей, как никогда прежде, целостного мира ход и направление начатых нами экономических преобразований самым непосредственным образом затрагивают интересы других стран, в том числе принадлежащих к иной общественной системе. Если отбросить излишнюю скромность, то это, в сущности, интересы всего мирового сообщества.

Всемирно-историческое развитие во многом развернулось не так, как это в свое время виделось Ленину. И не только из-за свертывания провозглашавшегося «всерьез и надолго» нэпа, из-за восстановления и утверждения на его обломках авторитарно-бюрократической модели хозяйствования в СССР и распространения этой модели в последующем на другие государства, где велось строительство социализма. Но во многом потому, что сама эта модель и — главное — конкретные результаты ее функционирования не способствовали, а, напротив, препятствовали развитию плодотворного международного экономического и научно-технического сотрудничества, особенно на межсистемной основе, которому В.И. Ленин придавал огромное значение.

В итоге усиление взаимозависимости мира покоится ныне главным образом на факторах военно-политического и экологического характера. И то и другое не столько цементирует и сплачивает его воедино, сколько под угрозой глобальной катастрофы вынуждает страны разных систем к поиску компромиссов, которые ослабляют, но не устраняют такую угрозу. Ее ликвидация во многом упирается в экономическую разобщенность мира. Только с преодолением этой разобщенности и возникновением действительно целостного мирового хозяйства, где органично сплетены воедино экономики всех стран независимо от их общественно-политического устройства, можно и обрести полную гарантию против войны, и предотвратить экологическую катастрофу.

Между тем не желающая сдавать свои позиции командно-административная модель хозяйствования, сдерживая социально-экономический прогресс нашей страны, одновременно продолжает препятствовать ее более широкому и глубокому включению в международное разделение труда. И не только непосредственно из-за низкой

конкурентоспособности отечественной продукции, ограничивающей возможности экспорта, и традиционно недостаточной открытости экономики. Более значительной и органичной ее интеграции в мировое хозяйство, несомненно, препятствует и несовместимость самих хозяйственных механизмов, действующих ныне в государствах разнотипных общественных систем, лежащих в их основе целевых установок и методов решения возникающих проблем. Без преодоления этой несовместимости вряд ли можно рассчитывать на упрочение экономического фундамента сосуществования двух систем. Трудно, стало быть, и надеяться на сколько-нибудь быстрое продвижение вперед по другим направлениям международного сотрудничества, без которого не может быть решена ни одна глобальная проблема современности.

5. Рынок — и цель, и средство

Итак, на карту поставлено буквально все. Не только повышение уровня и качества жизни, но и сама возможность выживания. Однако, это, к сожалению, осознали еще не все, в том числе многие высокопоставленные представители командно-административной системы. Потеряв чувство реальности и апеллируя к изжившим себя догмам, подчас под прикрытием перестроечной фразеологии, в попытке сохранить статус-кво и защитить свои привилегии они всеми способами продолжают ставить палки в колеса радикальных экономических преобразований. Не исключено, что часть из них из-за искаженного представления о законах общественного развития не ведают, что творит. Причем я бы не рискнул называть их недоучками. Скорее они неплохо усвоили то, чему обучались, и уже не могут или еще не успели переучиться.

Вместо того чтобы, не откладывая в долгий ящик, незамедлительно приступить к созданию условий для ускоренного развития новых форм хозяйствования, они перекрывают им кислород, порой не останавливаясь при этом перед прямым нарушением уже принятых законов. И главное нарушают совершенно безнаказанно, подрывая веру как в возможность реализации намеченных преобразований, так и в силу самого закона.

Несомненный ущерб перестройке наносят и меры, в результате которых происходит укрепление во многом изживших себя управленческо-бюрократических структур. Как известно, в целях упорядочения потребительского рынка были приняты решения о фактическом замораживании заработной платы всех занятых производством сырья, материалов и оборудования, необходимых для выпуска остро дефицитных товаров, и одновременно она основательно увеличена всем сотрудникам государственного, партийного, профсоюзного и хозяйственного аппарата. Не иначе как в порядке признания и поощрения больших достижений в руководстве экономическим строительством или, быть может, в расчете на создание стимулов для повышения

его сопротивляемости радикальным экономическим реформам. И это в условиях немыслимого бюджетного дефицита и стремительно раскручивающейся инфляционной спирали.

Если обратимся к законотворческой деятельности, обнаружим, что в некоторых принятых крайне важных законах осталось немало лазеек для превратного их толкования. К тому же часть их утверждена в такой форме, которая требует инструкций и других подзаконных разъяснительных актов, что также не исключает извращения сути законов. Не отменена и масса прежних ведомственных инструкций, которые сплошь и рядом противоречат этим законам. Когда же, наконец, будет принята инструкция по отмене всех инструкций?

Неблагоприятными для радикальной экономической реформы последствиями чреватые некоторые положения проекта закона о налогообложении прибыли предприятий. Несмотря на ряд бесспорных подвижек проект несет на себе отпечаток застойного мышления. Предлагаемая им ставка налога в 55% (а первоначально даже намечалось 60%) непомерно высока. Какие бы аргументы не выдвигались в защиту столь тяжелого налога, они не могут скрыть лежащих в его основе фискальных мотивов и объективной его направленности против децентрализации экономических решений, как того требует рыночное хозяйство. Ни о какой самостоятельности и самофинансировании при таких значительных изъятиях из прибыли не может быть и речи. Закрепляя финансовую зависимость предприятий от центра, лишая их побудительных мотивов даже к расширению и совершенствованию своей деятельности, этот налог в случае его одобрения упрочит позиции командно-административной системы и нанесет экономике трудно поправимый ущерб.

Если не хватает средств для осуществления намеченных социальных программ, их следует поискать в другом месте. Например, в дальнейшем сокращении государственных расходов на явно раздутое капитальное строительство, частичной денационализации и продаже населению некоторых видов государственного имущества. В то же время сами эти программы привести в соответствие с наличными ресурсами. Нельзя же латая сегодняшние дыры, оставлять без пищи курицу, несущую яйца. При нынешнем развале экономики налоги, напротив, нужны щадящие, которые могут создать достаточные стимулы к напряженной творческой работе всех предприятий. Тогда, поставив заслон монополистическим тенденциям, можно добиться ускоренного роста производства, а тем самым и расширить возможности увеличения налоговых сборов, необходимых для финансирования государственных социальных программ. Кстати, при отсутствии финансовой удавки решение социальных проблем могло бы быть ускорено и самими предприятиями, заинтересованными в стабилизации кадрового состава и повышении его профессионально-квалификационного уровня. Этому способствовал бы и рост заработной платы.

Современное гуманное демократическое общество, к созданию которого мы стремимся, очевидно, не может отождествляться ни с

превратно понимаемым равенством, которое сводится к поравнению всего и вся, ни с безоглядной погоней за материальными благами и прибылью при подавлении прав и свобод личности. Хотя, конечно же, равноправие, как и эффективная экономика, способная обеспечить материальный достаток, входит в число его важнейших слагаемых. Переход к такому обществу неразрывно связан с осознанием примата общечеловеческих ценностей и требует усвоения всех достижений мировой цивилизации. Особое место среди них принадлежит рынку и обусловленной им системе экономических отношений.

Интересно, задумывался ли кто-нибудь, почему ООН и входящие в ее состав международные организации длительное время проводили различие между странами не в зависимости от их социально-политического устройства, а по типу хозяйствования. Но и тогда, когда страны с централизованным планированием стали фигурировать в их документах, как социалистические, по-прежнему выделяются группы развитых и развивающихся стран с рыночной экономикой. Дело здесь, по-видимому, не в попытках какой-то деполитизации или, во всяком случае, далеко не только в ней. За основу, как представляется, был взят основной признак, определяющий характер развития страны, а не ее принадлежность к той или иной социально-политической системе. Ибо этот признак, по существу, предполагает и вполне определенную социально-политическую систему. Тем более, что сами эти понятия относительны. Если сегодня и можно рассматривать развитые страны с рыночной экономикой как капиталистические, то весьма условно, только с учетом генезиса и той роли, которая принадлежит капиталу, олицетворяющему предпринимательство, в их хозяйственном развитии. Еще труднее считать социалистическими страны с командно-административной системой управления, которая весьма далека от подлинных идеалов социализма. Поэтому нужно прекратить схоластические споры, не цепляться за термины, а скорее создавать полнокровный рынок.

Только рынок с лежащими в его основе принципами и возможностями саморегулирования способен устранить искусственные барьеры, воздвигнутые на пути объективных экономических законов административно-командной системой, и поставить надежный заслон произволу и волонтаризму в экономике.

Только располагая нормальным рынком, пронизывающим все сферы экономики, — с полной самостоятельностью и разнообразием форм хозяйствующих субъектов, конкуренцией, свободными ценами и свободным движением факторов производства — можно покончить с дефицитом, унижительными и совсем недешево обходящимися очередями и тем самым уничтожить один из важнейших рассадников коррупции и теневой экономики. Только в условиях нормально функционирующего рынка можно создать эффективную современную экономику и экономическую теорию сделать научной.

Только рынок в состоянии обеспечить объективные критерии для отбора наиболее эффективных и полезных людям типов, форм и ви-

дов производства, как и осуществляющих его конкретных предприятий, понуждая при этом отстающих к совершенствованию или перепрофилированию.

Только при утверждении рыночных форм хозяйствования можно вести эффективную борьбу за оздоровление нашей уже основательно разрушенной среды обитания. Только на основе рынка можно обеспечить полную социальную справедливость, платить не по количеству и качеству затраченного труда, который еще нередко напоминает у нас сизифов, а по его результатам, и, опираясь на возросшую благодаря этому эффективность экономики, создать надежную социальную защищенность детей, стариков, больных, инвалидов, словом, всех тех, кто сам не в состоянии заработать.

Только в системе рыночных координат может быть полностью задействован такой бесценный ресурс экономического прогресса, как предприимчивость и до предела сжаты сроки действительного превращения науки в непосредственную производительную силу общества. Только при развитых рыночных отношениях можно покончить с таким позорным явлением как очковтирательство и приписки.

Разумется, рынок не обеспечивает автоматического решения всех этих проблем, но он создаст необходимые для этого условия и предпосылки. Для их урегулирования в любом случае требуется эффективная экономическая и социальная политика. Однако сама эта политика может быть реализована лишь при наличии нормально функционирующего рыночного механизма.

Таким образом, восстановление и неустанное совершенствование рынка (с помощью антимонопольных и антибюрократических мер) представляет самую важную и неотложную задачу экономической реформы. Ее решению следует, по-видимому, подчинить и все остальное.

Во всяком случае ни новые правовые акты, ни практические шаги и меры не должны входить в противоречие с буквой и духом законов, направленных на утверждение рыночных принципов хозяйствования. Без наведения должного порядка в этом деле вряд ли можно рассчитывать и на общий успех перестройки.

Примечания

1 См. «Коммунист», 1988, № 17, с. 83; «ЭКО», 1988, № 12, с. 39-55.

2 Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 20, с. 151.

3 Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 13, с. 7.

4 «Разделение труда превращает продукт труда в товар и делает поэтому необходимым его превращение в деньги», — отмечал К. Маркс. (Собр. соч., т. 23, с. 118). «Рынок является там и постольку, где и насколько появляется общественное разделение труда и товарное производство», — объяснял в свое время народникам В.И. Ленин. (НСС, т. 1, с. 83-84). Что же касается действительных, повседневно ощущаемых различий, то они в значительной мере обусловлены функционированием несколько подо-

рванной, но еще сохраняющей довольно прочные позиции командно-административной системы. Той самой системы, которая сдерживает, а нередко просто блокирует социально-экономический прогресс нашей страны, выталкивает ее на обочину мирового развития и одновременно сужает возможности жизненно необходимого международного сотрудничества.

5 Формулировка этого закона фактически заимствована Сталиным у Преображенского (См.: А. Цинко. Истоки сталинизма. — «Наука и жизнь», 1988, № 11, с. 51).

6 И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. ГИИЛ, 1953, с. 90-97.

7 Убедительная критика несостоятельности тезиса о максимальной прибыли содержится в книге покойного академика Е.С. Варги «Очерки по проблемам политэкономии капитализма», М., 1964, с. 5-30.

8 Маркс К и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 46, ч. 1, с. 117.

9 Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 4, с. 98.

10 Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 25, ч. 1, с. 335.

11 Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 23, с. 47.

12 Там же, т. 4, с. 99.

13 Там же, т. 23, с. 85.

14 См.: Я. Певзнер. Радикальная экономическая реформа и вопросы политической экономии. — «Коммунист», 1987, № 11, с. 54; В. Попов, Н. Шмелев. Анатомия дефицита. — «Знамя», 1988, № 5, с. 161.

АЭС — преступление перед человечеством

«Не против прогресса мы, Боже сохрани, но дело в том, что в прогресс-то идут стертые пятиалтынные люди, люди без предания, с ненавистью, а ненависть есть явление ненормальное».

Ф. М. Достоевский

В последние годы в нашей стране идут бесконечные и ожесточенные дискуссии. Они носят массовый характер и охватывают самые актуальные проблемы жизни общества. Споры ведутся о земле, о собственности, о плане и рынке, о политическом устройстве.

Среди этих дискуссионных тем, порожденных перестройкой, не последнее место занимает и проблема атомной энергетики. Почему? Казалось бы это частный, технический вопрос. Ан нет! Быть или не быть атомным станциям? Этот вопрос волнует миллионы людей во всем мире и в нашей стране в особенности. Это неслучайно. Я всегда утверждал и теперь утверждаю, что *осознание необходимости отказа от атомной энергетики с ее нынешним техническим уровнем есть первое условие нашего общего выживания.*

Крах безответственных планов

В апреле 1986 г. мир был буквально потрясен чернобыльской трагедией. Столкнувшись с проявлением смертельной опасности, заключенной в так называемом «мирном» атоме, люди испытали настоящий шок. О неожиданных событиях, затрагивающих интересы многих лиц, принято говорить, что они производят эффект «внезапно разорвавшейся бомбы». Но в данном случае речь шла не об *обычной бомбе*, даже если она атомная. Объем смертоносных радионуклидов, извергнутых из чрева четвертого блока Чернобыльской АЭС (ЧАЭС), *в девяносто раз превысил* их выброс при взрыве атомной бомбы, сброшенной американцами в августе 1945 г. на Хиросиму¹. Но чудовищная трагедийность гибели четвертого энергоблока ЧАЭС, произошедшей 26 апреля 1986 г., определяется отнюдь не только масштабом взрыва по сравнению с хиросимским. Между ними колоссальная разница принципиального идейно-этического и социально-экономического характера.

Атомная бомба в Хиросиме была сброшена во время жестокой кровопролитной войны. Правда, целью атомной бомбардировки американцы считали не только уничтожение военных сил противника. В этом особой нужды не было. Конец войны и поражение японской армии были уже predetermined. Цель скорее состояла в поражении воли противостоящей стороны к сопротивлению, а заодно и в демонстрации силы, способности США диктовать свою волю не только побежденным государствам, но и своему союзнику по антигитлеровской коалиции — Советскому Союзу. Монополия на атомную бомбу рассматривалась американскими политиками как убедительная заявка на мировое господство. Описанная ситуация, разумеется, не оправдывает, но в известной мере объясняет варварский, бесчеловечный, глубоко безнравственный результат использования достижений человеческого разума, прогресса науки и техники.

Время шло. Наука и техника развивались. На смену атомному оружию пришло еще более разрушительное, еще более аморальное по своей сути — водородное. Средства самоуничтожения человечества все нарастали, накапливались. К счастью, параллельно с этим росло и осознание людьми Земли бессмысленности и недопустимости атомной войны. Можно утверждать, что ныне это осознание стало всеобщим, планетарным.

Совсем иначе развивались события, предшествующие чернобыльскому взрыву. Отлично и влияние, произведенное этим взрывом на сознание людей, на их нынешнюю и грядущую судьбу. Дело в том, что *атомная энергетика — это побочное больное дитя атомной бомбы* — в последние годы стала выдаваться за эпохальное достижение научно-технического прогресса.

Атомщики и их единомышленники в развитии атомной энергетики стали усматривать наступление золотого века человечества, а со строительством атомных электростанций увязывать неограниченный рост энергии, на основе которой должно возрасти изобилие материальных ценностей и наступить всеобщее благоденствие. АЭС стали приписывать чудодейственные свойства, недоступные никаким другим источникам энергии. Бывший президент Академии наук СССР А. П. Александров в журнале «Коммунист» № 1 за 1976 г. писал: «В канун XXV съезда КПСС пуском второго энергоблока завершено строительство первой очереди крупнейшей в мире Ленинградской атомной станции имени Владимира Ильича Ленина. Каждый блок ее имеет мощность 1 миллион киловатт ни одна станция в мире не обладает столь мощными реакторами канального типа, как эта. Такие же реакторы строятся и на других атомных электростанциях, в частности Чернобыльской (выделено мной — М. Л.), Курской, Смоленской». И далее: «Атомные электростанции не нуждаются в кислороде и не засоряют атмосферу золой, серой и другими продуктами сгорания. Это наиболее "чистые" станции»².

Президенту вторил другой неколебимый авторитет и руководитель научного энергетического ведомства академик М. А. Стырико-

вич. Атомной энергетике он предсказал фантастические темпы роста. По его оценке к началу XXI в. АЭС должны были давать половину всей электроэнергии, вырабатываемой в мире ³.

Дальше — больше. Атомная эйфория нарастала день ото дня. В 1980 г. в журнале «Огонек» этот ученый патетически восклицал: «АЭС — это дневные звезды! Мы усеем ими всю нашу землю. Совершенно безопасны! ⁴» Не многие ученые и специалисты, включая и автора этих строк, предупреждали об опасности строительства АЭС в пригородных зонах. Однако академик А. Е. Шейндлин «парировал» их суждения в «Литературной газете»: «Тут много от эмоций. Атомные станции нашей страны совершенно безопасны для населения окрестных районов. Никакого повода для беспокойства просто не существует». К счастью человечество не полностью поддалось безответственной пропаганде атомщиков. Вместо предполагаемых 50% атомной энергии в общем объеме мировых энергетических ресурсов ныне она занимает 4% ⁵. Но несмотря на свою ничтожно малую роль в решении энергетической проблемы, стоящей перед человечеством, бед атомная энергетика уже успела натворить немало.

Всечеловеческая трагедия Чернобыля

На фоне безответственных дифирамбов АЭС, усыпляющих бдительность общественности, взрыв в Чернобыле вызвал буквально потрясение в сознании людей. Колокол Чернобыля прозвучал на весь мир. Люди Земли поняли, что их просто обманывали, внушая миф о полной безопасности АЭС.

Но обман на этом не закончился. Даже во время смертельной борьбы с взбесившимися силами радиации, где облучались и гибли наиболее честные и мужественные люди, ценою собственной жизни спасая жизнь миллионов своих сограждан и жителей зарубежных европейских стран, ложь не прекращалась. Началось с того, что страшную трагедию первоначально вообще пытались скрыть. Когда 26 апреля в одном из академических институтов Киева (Институт ботаники АН УССР) счетчики показали резкое повышение радиоактивности, и сотрудники института попытались выяснить причину столь тревожного явления, то к ученым явились представители спецслужбы и «указали» на строгую секретность сложившейся ситуации, а в целях недопущения паники и распространения провокационных слухов ⁶... опечатали институтские счетчики. Бывший в то время заместителем председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина, назначенный председателем правительственной комиссии по ликвидации последствий ядерной катастрофы в Чернобыле, срочно издал распоряжение о засекречивании истинных причин аварии.

В западных странах уже было известно об аварии, а советским людям все еще ничего не сообщалось о всенародной беде.

Вот весьма характерная деталь из событий тех роковых дней. В понедельник 28 апреля шведские и финские дипломаты прибыли в Государственный комитет СССР по использованию атомной энергии и попросили бывшего председателя этого Комитета А. М. Петросьянца дать информацию о случившейся в СССР ядерной катастрофе. Нетрудно представить изумление зарубежных визитеров, когда они услышали, что его ведомство подобными сведениями не располагает.

Первое сообщение о чудовищной катастрофе в советской печати появилось лишь на пятый день после ее рокового старта. При этом сообщение было выдержано в оптимистических тонах, как будто речь шла о рядовом, обыденном событии. «На Чернобыльской атомной электростанции, — писала газета «Известия» от 30.04.86 г., произошла авария, поврежден один из атомных реакторов. Принимаются меры по ликвидации последствий аварии. Пострадавшим оказывается помощь. Создана правительственная комиссия».

Вот и все. Общественность может быть спокойна.

А в это время большинство атомщиков и их единомышленников думали не о том, как ликвидировать страшную беду, а о том, как уберечь свое ведомство от разоблачения, как не запятнать весьма сомнительную честь мундира, как сохранить в своих руках огромные народные ресурсы, как спасти свой дутый авторитет.

А достичь этих целей можно было только с помощью обмана. Горестные дни шли. Люди гибли. Десятки тысяч людей выселялись со своих родных мест, пребывали в неведении, тревоге и страхе за свою жизнь, за жизнь детей и внуков, за свое будущее. Правдивая информация о радиационной обстановке в зоне бедствия могла бы содействовать принятию действенных мер, спасти сотни тысяч людей от опасного уровня облучения. Но не этим были озабочены защитники атомной энергетики. Б. Е. Щербина и председатель Госкомгидромета СССР Ю. А. Израэль на пресс-конференции 6 мая 1986 г. в Москве заявили о том, что радиоактивность в районе аварийного энергоблока ЧАЭС составляет 15 миллирентген в час, то есть находится в пределах допустимой для человека нормы. Увы, это была не просто «медвежья» услуга людям.

Эта информация несла в себе дополнительную беду для тысяч и тысяч людей. Действительный уровень радиоактивности по оценке известного специалиста в области атомной энергии участника чернобыльских событий тех дней Г. У. Медведова в городе Припяти не только 26 апреля, но и несколько последующих дней достигала 500—1000 миллирентген в час, т. е. превышала допустимую норму в 30—60 раз⁷.

Прошло четыре года, а беды, принесенные советскому народу чернобыльской катастрофой, не только не ушли в прошлое, но буквально с каждым днем множатся. Наши атомщики и их высокопоставленные покровители до сих пор продолжают твердить о тридцатикилометровой зоне радиоактивного загрязнения и о тридцати двух

человеческих жертвах, имевших место в первые дни ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

Во имя чего же и ныне, в период так называемой гласности, творится эта ложь? Кто заинтересован в сокрытии истинных масштабов трагедии? А масштабы эти ужасны.

Вот их далеко не полная, но наглядная характеристика.

Таблица 1

Территория с плотностью загрязнения цезием—137
свыше 5 Ки/ км⁸

Регионы Площадь (тыс. га) Население (тыс. чел)

Брянская область	725	298
Украинская ССР	378	1480
Белорусская ССР	1347	2105

Итого: 2450 3883

Как видим, зона поражения радиацией охватывает около 2,5 млн. га и около 4 млн. человек. Таковы истинные масштабы поражения. Такова правда. Но и это еще не вся правда! Дело в том, что радиоактивная зона все время расширяет свои границы. Ранее считалось, что в Белоруссии наиболее загрязнена Гомельская область. Теперь же выявляется новая ситуация. Особо высок уровень радиации в Могилевской области. Прошедшая в феврале текущего года внеочередная сессия Могилевского областного Совета народных депутатов постановила объявить область зоной экологического и радиационного бедствия. Сессия проведена по требованию участников многотысячных митингов, прошедших в городе. На одном из таких митингов представители Белорусского Народного фронта, народный депутат СССР С. Габрусев по сути предъявил ультиматум партийному и советскому руководству области и города. Ему ставится в вину затянувшееся решение вопросов, связанных с ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Ультимативный тон и митинговые страсти далеко не лучший способ решения столь серьезных проблем, но можно понять состояние людей, поскольку у них нет других средств и способов борьбы за свое выживание.

Главный вопрос повестки дня, как и требовали участники митингов, выполнение программы по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, ситуация крайне обострилась, население настроено выезжать немедленно, особенно семьи с детьми. Но куда переселяться? В постановлениях, принятых правительством республики, кажется, все четко расписано, в каких областях и сколько должно быть выделено

переселенцам жилья. Но это на бумаге, на деле же никакой ясности. Те дома, которые им предлагают, к примеру, в Витебской и Минской областях, как правило, необустроены, нуждаются в серьезном ремонте. А ведь только в нынешнем году надо переселить не менее 7 тыс. семей, это примерно 15 тыс. человек.

Депутаты обратились к сессии Верховного Совета СССР, М. С. Горбачеву с просьбой рассмотреть одним из первых вопрос ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Сессия областного Совета также обратилась в ООН, к международной общественности, к людям доброй воли с просьбой оказать любую возможную помощь⁹. В целом по Белоруссии оказалось необходимым переселять не 11 тыс. населения, как предполагалось ранее, а 106 тыс. человек¹⁰.

Аналогичное положение и в Российской Федерации. До недавнего времени по официальной оценке Госкомгидромета СССР и Минздрава СССР в этой республике считалась пораженной радиацией лишь часть Брянской области. Соседние области считались «чистыми». Например, в Орловскую область даже начато отселение людей из районов Украины и Белоруссии. В начале 1990 г. Орловский район Орловской области уже предоставил 100 первых ключей для чернобыльцев¹¹. Теперь же более объективные обследования показали, что радионуклеидами загрязнены, хотя и в меньшей степени, значительные площади в Калужской, Тульской, Курской и Орловской областях.

Впрочем, и на сегодня все еще неизвестны истинные масштабы загрязнения территории стронцием, плутонием, горячими частицами. Недостаточна и более детальная информация по цезию. Используемые в официальных данных средние величины загрязнения территории по цезию, во-первых, вуализуют огромные различия, имеющиеся внутри изолиний. Например, в поселке Полесском на Украине, имеющем плотность загрязнения 24,7 Ки/кв.км (в среднем по данным Госкомгидромета СССР), значение этого показателя по сведениям ПО «Комбинат» колеблется от 15 до 112 Ки/кв. км, причем в отдельных точках он достигает 300 и более Ки/кв. км.

Во-вторых, официальные данные и на сегодняшний день касаются только цезия, иногда стронция, ничего не говорится о других радионуклеидах. Между тем в том же Полесском зарегистрировали плутоний, плотность загрязнения которым практически равна так называемому временно допустимому уровню (ВДУ). Сходная ситуация отмечается и в Ветковском районе Гомельской области Белорусской ССР.

Обследование на местах еще раз убедительно показало, что данные о загрязненности территории продуктами деления являются необходимым, но не достаточным условием комплексной оценки ситуации, которая может быть осуществлена только на многофакторной основе. Важнейшим критерием, помимо уровня излучения и плотности загрязнения территории, служит полученная человеком и населе-

нием суммарная доза внешнего и внутреннего облучения, которая, по имеющимся данным, зачастую занижается.

В целом в пострадавших районах за последние годы наблюдается рост числа заболеваний верхних дыхательных путей, желудочно-кишечного тракта, эндокринной системы, нарушений иммунитета, психических расстройств, болезней системы кровообращения, различных нарушений беременности. Повсеместно в пострадавших от аварии районах, согласно представленным официальным документам, намного тяжелее протекают обычные заболевания, например, заболевания верхних дыхательных путей. Выявляется ряд неспецифичных нарушений цитологических, биохимических, иммунных, которые могут быть связаны как с воздействием радиации, так и с ухудшением экологической обстановки и стрессовыми ситуациями.

Особое беспокойство органов здравоохранения на местах вызывает состояние щитовидной железы у детей, пострадавших от воздействия радиоактивного йода. Повсеместно распространена гиперплазия щитовидной железы. В Гомельской области зарегистрированы случаи рака щитовидной железы у детей. Материалы, полученные органами здравоохранения, свидетельствуют о том, что в указанных районах усугубились нарушения течения беременности, родов, развития плода. По данным Минздрава УССР, в загрязненных радионуклидами районах Киевской и Житомирской областей у жительниц в 1,5— 2 раза возросли поздние токсикозы — наиболее тяжкие осложнения беременности, в 2,5— 3 раза — анемии. В Народичском и Лугинском районах в 3 раза возросли маточные кровотечения. В Народичском районе в 2 раза увеличилось рождение недоношенных детей. Такая же ситуация сложилась в Новозыбковском районе Брянской области, в Полесском районе в 3 раза, а в Новозыбковском районе в 2 раза возросло число самопроизвольного прерывания беременности. В 1989 г. увеличилась мертворождаемость в Народичском и Овручском районах, соответственно в 2 и 3 раза по сравнению с 1985 г. В Лугинском районе зарегистрировано 5 случаев врожденных тяжелых уродств, частота таких аномалий возросла также в Полесском и Новозыбковском районах. В Полесском районе в несколько раз увеличилась частота гинекологических заболеваний. Необходимо отметить, что одной из причин целого ряда наблюдаемых отклонений (врожденные аномалии, мертворождения, спонтанные аборт) являются генетические изменения, влияние которых на эти заболевания может достигать, согласно данным Научного комитета ООН по действию атомной радиации (НКДАР ООН), 50—100%. Возрастание в пострадавших от аварии районах указанных нарушений трудно связать с большей выявляемостью заболеваний за счет улучшения уровня медицинского обслуживания.

В 1988 г. Министерством здравоохранения СССР был принят норматив «Предел индивидуальной дозы за жизнь, установленный для населения контролируемых районов РСФСР, БССР и УССР, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате аварии на Черно-

быльской АЭС», равный 35 бэр. Этот норматив представляет собой нижний предел неприемлемого риска, т. е. предел дозы за жизнь. Если он выше — жить населению в этих районах нельзя, нужно отселить людей на чистые территории.

Однако из предела доз как критерия для обязательного отселения этот норматив был трансформирован в верхний предел приемлемого риска, т. е. критерий, по которому население, получающее меньше 35 бэр за жизнь, отселить не рекомендуется, и ему якобы гарантируется постоянное безопасное проживание.

При обосновании этой концепции Национальной комиссией радиологической защиты Минздрава СССР исходили из посылки, что при дозах ниже 35 бэр за жизнь гарантировано отсутствие «учащения раковых заболеваний, генетических нарушений и патологии у потомства, вызванного облучением плода, поддающегося реальному обнаружению».

Исходя из беспороговой концепции зависимости стохастических эффектов от дозы облучения (рак, наследственные изменения и др.), говорить о безопасном для жизни населения пределе доз радиации некорректно. Следует указать степень риска ожидаемых заболеваний и связанных с ними изменений качества жизни, смертельных исходов как для нынешнего, так и для будущих поколений.

Оценка риска в концепции делается на основании ранее полученных данных. В то же время на сегодняшний момент более точные эпидемиологические и дозиметрические данные Международной комиссии радиологической защиты (МКРЗ) говорят о том, что риск появления злокачественных новообразований в действительности в 2—4 раза выше, чем предполагалось ранее. На этом основании МКРЗ намечает пересмотреть в 1990 г. предельные дозы облучения и величины риска для населения.

Имеется большой массив экспериментальных данных и эпидемиологических наблюдений, которые говорят о том, что канцерогенный риск, как и риск генетических эффектов от облучения, зависит и от физических и химических факторов, влияющих на окружающую среду. При совместном действии облучения и ряда других факторов риск появления злокачественных заболеваний и мутагенных эффектов может возрасти на порядок (синергический эффект).

Чрезвычайно мало данных о действии горячих частиц, образовавшихся в результате аварии. Оценка риска, связанного с их действием на организм, не может быть сделана обычными методами. С точки зрения генетической опасности, по расчетам, основанным на материалах НКДАР ООН, ожидается от 50 до 347 случаев появления серьезных наследственных аномалий при дозе 1 бэр на миллион новорожденных потомков облученных родителей. При дозе 35 бэр за жизнь ожидается уже 1750—12 100 случаев серьезных наследственных аномалий. Таким образом, при указанных дозах ожидаются реальные генетические изменения у потомков облученных лиц.

При хроническом воздействии ионизирующих излучений через ряд последовательных поколений ожидается приблизительно 10—кратное увеличение уровня мутаций по сравнению с эффектом, наблюдаемым в первом поколении, что составляет 450—3400 случаев наследственных аномалий при дозе 1 бэр за поколение и на 1 млн. новорожденных.

Таким образом, нельзя говорить о безопасном постоянном проживании населения на загрязненных территориях и лишать его возможности добровольного отселения при дозовой нагрузке за жизнь менее 35 бэр. Государством должна предоставляться материальная помощь на переселение. При решении этой проблемы необходимо учитывать комплекс обстоятельств: медицинские показатели, экономические затраты на обеспечение «жизни без ограничения», желание населения и др.

Если учесть, что в значение 35 бэр должна быть включена и доза, полученная в первые дни после аварии, а эта доза практически известна лишь приблизительно, и то в весьма ограниченном числе случаев, то и достоверность критерия, служащего в качестве основы для принятия решений об отселении, оказывается более чем сомнительной. По-видимому, ожидаемые дозы определялись в программах различными методами. Это привело к тому, что прогнозируемые значения доз даже для одних и тех же населенных пунктов в некоторых случаях отличаются более чем в 2 раза¹².

Что стоит за этой довольно скудной и печальной информацией? За ней судьбы людские, разбитые судьбы. Первые отселения людей с пораженных районов моей родной Брянщины были проведены в августе 1986 г. Автору этих строк довелось побывать в Красногорском районе, самом «грязном» в области, где некогда жила деревня Барсуки и три других малых деревушки. Ныне здесь на улицах, заросших мелколесьем и дурным чертополохом, стоят полуразрушенные остовы печей. Трудно было поднимать людей с отчих усадеб. Из глаз сами собой текли слезы. Но еще труднее было осознать, что сотни тысяч жителей других населенных пунктов — старики, женщины, дети остаются жить в зоне крайне высокой радиационной опасности. И их постоянно обманывают. Обманывали, когда убеждали, что уровень радиации не опасен. Обманывали, когда объясняли, что после проведения дезактивационных работ все будет хорошо.

Дезактивация загрязненных радионуклидами территорий оказалась блефом. В 1986 г. планомерная дезактивация проводилась в 366 населенных пунктах, в 1987 — в 505, в 1988 — в 643, в 1989 — в 630. При этом в основном используется механический способ дезактивации: срезание и удаление верхнего слоя грунта, замена крыш, заборов, надворных построек и т. д. Фактически осуществляется капитальный ремонт жилого фонда, который, однако, не приводит к желаемым результатам, т. к. за счет одноразовой дезактивации в целом удается достичь коэффициента дезактивации, как правило, не выше 1,2—1,6 (в редких случаях 3).

Низкая эффективность дезактивации обусловлена не только длительным сроком, прошедшим после загрязнения, за который радионуклиды проникли на большие глубины в материалы и почву, но и малой эффективностью используемых методов и средств дезактивации. Например, поверхности из дерева на сегодня имеют уже фиксированное радиоактивное загрязнение и имеющимся способом и средствами дезактивации не поддаются.

Более того, населенные пункты не изолированы от окружающей среды (поля, пастбища, луга, леса и т. д.), на которой продолжается активное землепользование. В связи с этим они, как правило, через определенное время (8—12 месяцев) вновь загрязняются до уровней загрязнения окружающей среды. Быстрому восстановлению радиоактивного загрязнения в населенных пунктах способствует и антропогенная деятельность человека (особенно топка печей загрязненными дровами). В связи с этим приходится осуществлять их повторную дезактивацию. Так, из 944 загрязненных населенных пунктов 105 подверглись уже 4-кратной дезактивации, 398 — 3-кратной.

По прошествии 8—12 месяцев во многих случаях наблюдается постепенное восстановление радиоактивного загрязнения до исходных значений, а иногда и превышающих их. Таким образом, несмотря на предпринимаемые широкомасштабные мероприятия по дезактивации, добиться значительного улучшения радиационной обстановки в населенных пунктах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, не удастся. Используемый войсками широкий набор способов и средств дезактивации, основанных на всех известных физических и физико-химических принципах, не обеспечивает улучшения радиационной обстановки.

Ныне работы по дезактивации из-за их неэффективности практически прекращены, а программа переселения людей растянута до 1995 г. Такова реальная, а не мифическая картина. В этих губительных условиях проживают миллионы людей, в том числе детей, особо уязвимых радиацией.

В этом свете хочу привести один документ как образец казенно-бюрократического отношения к проблеме. Цитирую: «В зону, зараженную Чернобылем, следует направлять «практически здоровых выпускников согласно проведенной диспансеризации, за исключением беременных женщин и семей, имеющих детей в возрасте до 14 лет»¹³.

Эти «ценные» указания взяты из инструктивного письма Министерства здравоохранения УССР Ю. П. Спигенко, которое направлено заведующим Киевского, Черниговского, Житомирского и Ровенского облздравотделов, а также ректорам мединститутам.

Как сообщили в Минздраве республики, таких «практически здоровых» и не беременных предполагается набрать около 1,5 тыс. человек. Рассказали здесь и о том, что ожидает этих новоиспеченных медиков за 3—4 года работы в загрязненных радионуклеидами районах. Прежде всего, повышенный радиационный фон и не поддающиеся

ся учету загрязненные радионуклеидами продукты питания, которые им придется здесь употреблять за неимением других, вдыхать пыль с долгоживущими изотопами и т. д. То есть заранее известно, что эти молодые люди подорвут свое здоровье.

Что же получится? А получится лишь то, что к одним страдальцам прибавляются другие.

Министерство здравоохранения объявляет крестовый поход медиков по местам чернобыльской трагедии, запугивая выпускников медицинских вузов изъятием дипломов, а *Министерство обороны загоняет непосредственно в зону четвертого реактора обманутых воинов запаса. Их призывают якобы на переподготовку, а вместо этого отправляют на станцию, за полное закрытие которой пока безуспешно борется общественность республики.*

Что же касается 32 погибших, по мнению атомщиков являющихся величиной, которой можно пренебречь, то к ним следует добавить сотни тысяч так называемых ликвидаторов, людей, получивших опасную дозу облучения во время борьбы с Чернобыльской аварией и ее последствиями. Эти люди тяжело больны и судьба их неясна.

Такова мрачная жатва Чернобыля. А ведь таких и подобных реакторов, как четвертый чернобыльский, в стране стоит много и каждый из них «бременен» аналогичной катастрофой.

Новые эфемерные обещания

Трагический опыт не смущает наших «бесстрашных» атомщиков. Их научный лидер — директор Института атомной энергии им. И. В. Курчатова академик Е. П. Велихов даже заявляет, что «атомная энергетика — магистральный путь развития человечества»¹⁴. Вот так! Ни больше, ни меньше.

Лидеру изо всех сил вторит целая армия его единомышленников. Послушаем некоторых из них. Показательны в этом отношении аргументы в пользу атомной энергетике, приводимые доктором физико-математических наук О. Казачковским. Приведу его суждения дословно. «Сейчас, — пишет О. Казачковский, — все тепло, вырабатываемое в единицу времени при сжигании топлива органического происхождения (нефть, уголь, газ), а также использовании ядерного горючего, составляет всего около одной сотой процента от общего потока солнечной энергии, достигающей поверхности Земли, и примерно соизмеримо с тем, что выходит из земных недр. Казалось бы, здесь еще далеко до предела. Однако уже при десятикратном увеличении выработки электроэнергии могут появиться признаки глобального изменения климата. Возможно, что по этой причине в будущем придется вводить энергетические квоты для разных стран.

Что же необходимо сделать, чтобы избежать энергетического «голода»? Только одно — развивать атомную энергетiku. У нее неоспоримые преимущества. Ядерное горючее — уран, а также искусствен-

но получасмый плутоний — обладает колоссальной теплотворной способностью. Поэтому, в частности, АЭС не привязаны к урановым месторождениям. Можно ввозить уран хоть самолетами»¹⁵. Не правда ли оригинальный способ доказательства? Уважаемый доктор физико-математических наук взял и ничтоже сумняшеся предположил десятикратное (?) увеличение выработки электроэнергии. Зачем, для каких целей, где? Почему в 10 раз, а не в 100? Почему не уменьшение выработки электроэнергии, наконец?

Чтобы дать читателю реальное представление о динамике производства электроэнергии, приведу темпы ее прироста в ведущих капиталистических странах. За последнее десятилетие (1980—1989 гг.) прирост выработки электроэнергии составил в ФРГ — 16, в Японии — 17 и в США — 18%¹⁶. Так что с тысячпроцентным приростом выработки электроэнергии О. Казачковскому придется подождать, причем основательно, поскольку серьезные прогнозы динамики энергопотребления говорят нам о том, что на базе достижений научно-технического прогресса в ближайшие десятилетия будет наблюдаться сокращение не только удельного, но и абсолютного потребления, а следовательно, и выработки энергии.

Так, по прогнозам Пристонского университета, к 2020 году душевое потребление электроэнергии в США снизится вдвое и сравняется с уровнем потребления электроэнергии в СССР в 1987 г.¹⁷

Но даже, если выработка электроэнергии несколько возрастет, то почему этот весьма скромный, а не десятикратный прирост должен быть получен за счет атомной энергии, а не энергии малых рек, солнца, ветра, биоресурсов, внутреннего тепла Земли, морских приливов и отливов, разности потенциалов металлических тел и других источников?

О. Казачковский в качестве другого аргумента в пользу АЭС приводит сведения о том, что сейчас во всем мире работает свыше 400 блоков АЭС общей мощностью около 300 млн. квт. Во Франции 70% всей электроэнергии вырабатывается на АЭС, в Болгарии около 35, в ФРГ — 30, в Японии — 25, в Финляндии — 20, в США — 17%. Доля выработки электроэнергии на АЭС в нашей стране составляет около 12%.

Но что же следует из этой информации? А ровным счетом ничего. Что такое общая мощность атомных реакторов во всем мире 300 млн. квт, если только в Советском Союзе мощность обычных, неатомных электрических генераторов превышает 300 млн. квт¹⁸.

Сторонники наращивания атомных мощностей в СССР неизменно в пример нам ставят Францию, где 70% электроэнергии получают на АЭС. А почему именно Францию? Почему не такие высокоразвитые и богатые страны как Австрия, Дания, Австралия, Норвегия, Новая Зеландия, где вообще нет атомной энергетики? Действительно, почему нам не равняться на эти страны, тем более что в отличие от Франции и Японии наша страна располагает огромными запасами природных энергетических ресурсов — угля, нефти, газа, речного

стока. В своем стремлении пропагандировать АЭС как якобы самый лучший источник энергии О. Казачковский не останавливается перед явной фальсификацией проблемы захоронения радиоактивных отходов АЭС. «В основном, — разъясняет атомщик, — это осколки, которые из-за большой суммарной активности представляют, в принципе, наибольшую экологическую опасность. Проблема пока еще окончательно не решена, то есть не определены оптимальные технологические варианты удаления отходов. Здесь, однако, на мой взгляд, есть ряд облегчающих положений и обстоятельств. Для первоначального спада активности осколки несколько лет сохраняются на АЭС в отработанном топливе, в котором они образовались. После его химической очистки (для повторного использования) отходы с осколками, обычно весьма компактными, могут складироваться и весьма длительно храниться в контролируемых условиях. Общее количество осколков, образуемых ежегодно на всех АЭС нашей страны, составляет всего около 30 тонн. В процессе дальнейшего хранения активность осколков будет продолжать спадать. Если иметь в виду реакторы первого поколения, а они еще долго будут существовать, то через 200—250 лет после образования осколки по мощности радиации (это главный критерий) достигнут уровня природного урана, из которого было изготовлено ядерное топливо. Их можно будет спокойно удалять в землю вместо извлеченного урана»¹⁹.

Видите, читатель, как все просто. Осколков всего-то мелочь — 30 тонн! Стоит нам с вами подождать 200—250 лет и смертоносные осколки станут «безобидны», как уран, и их можно будет закопать в землю. Проблема захоронения радиоактивных отходов, по мнению О. Казачковского, настолько проста и безоблачна, что он даже не вспомнил о том, что каждый атомный энергоблок мощностью в один миллион киловатт, а именно такие блоки установлены на Чернобыльской, Ленинградской, Смоленской, Курской АЭС, ежегодно в процессе работы «производит» 100 тыс. куб. м жидких радиоактивных отходов. Прошу читателя самого сопоставить: 30 т осколков от всех АЭС и 100 тыс. куб. м каждого энергоблока, каких у нас уже теперь десятки.

По существующей технологии подобные отходы концентрируются и направляются во временные хранилища, *расположенные на территории самой АЭС*. Мощности таких хранилищ рассчитаны, как правило, на пять-шесть лет и на некоторых станциях уже находятся на грани заполнения.

Очень простые расчеты показывают, что в 1990 г. на атомных энергообъектах Украины будет нарабатываться около 3 млн. куб. м таких радиоактивных отходов. Что делать с ними? Думается, будет интересно узнать, что стационарных хранилищ — могильников отходов АЭС на территории Украины просто не существует²⁰.

Рассмотрим еще одно весьма любопытное рассуждение О. Казачковского в пользу АЭС. Речь идет об экспертизе атомных станций. «Обычно, — справедливо замечает ученый атомщик, — для *экспертирования важных проектов привлекаются отдельные лица из чис-*

ла ведущих специалистов в своей отрасли. Кажется разумно? На деле — это далеко не так. У корифеев нет времени, а если бы и было, нет физической возможности одному детально проверить обосновывающие крупный проект обычно обширные расчеты. В результате, бегло ознакомившись с проектом и сделав дежурные замечания, эксперт даст в целом авторитетнейший положительный отзыв, который становится практически неоспоримым. Представляется, что *экспертизу есть смысл поручать не отдельным лицам, а организациям того же профиля*, включая ее в их план и устанавливая достаточно приемлемые сроки»²¹.

Вот те на! Вместо одной субъективной оценки предлагается коллективная и опять же субъективная, поскольку выполнять экспертизу будет организация «того же профиля». Формально при такой организации работы авторитет экспертизы повышается, а на деле создаются условия успешного «проталкивания» ведомственных проектов.

И что же вы думаете, уже созданы специальные структурные подразделения и целые институты в атомной науке и промышленности, которым и поручается теперь проводить экспертизу строящихся и действующих АЭС. А как же быть с межведомственной экспертизой, с учетом суждений широкой общественности?

Послушаем, кстати, мнение одного из ведомственных экспертов — начальника отдела безопасности атомной энергетики Института им. И. В. Курчатова В. Амосова по такому важному вопросу, как размещение АЭС. Отвечая на него В. Амосов дал следующее разъяснение. Учитывается множество факторов. «Здесь и экономические потребности района, обеспеченность трудовыми и материальными ресурсами, природные условия, распределение населения. Требования к размещению и концентрации мощностей атомных станций, исходя из ограничений безопасности и экологии, установлены Советом Министров СССР. Конкретные решения по размещению ядерных объектов также принимаются на правительственном уровне».

После Чернобыля критерии размещения АЭС были конкретизированы в виде допустимого расстояния от АЭС, АСТ²² до городов, объектов культуры, здравоохранения, национальных зон отдыха, биосферных и исторических заповедников в зависимости от численности населения города и мощности станции. В частности, площадки для вновь строящихся АЭС и АТЭЦ должны выбираться не ближе 25 километров от городов с численностью более 100 тыс. жителей, а для АСТ не ближе 5 километров от крупных городов. При этом ограничивается суммарная мощность станций: АЭС — 8 млн. киловатт; для АСТ — 2 млн. киловатт (тепловых)²³.

Где уж тут место объективной экспертизе, если требования к размещению ядерных объектов установлены Совмином СССР, а конкретные решения принимаются на правительственном уровне? Опять выходит — все предопределено ведомством. Иначе как можно понять то чудовищное положение, при котором допускается размещение АЭС в 25 километрах от крупного города. И это после Чернобыля,

один аварийный блок которого заразил территорию на сотни километров от его расположения.

Нельзя не обратить внимание и на то, что по «установленному» нормативу АСТ можно строить всего в 5 километрах от крупных городов, что кстати и делается. Непосредственно под Нижним Новгородом (ныне Горький), население которого превысило 1,5 млн. душ, строится первая в мире АСТ. Почему так близко? — спросит изумленный читатель. А потому, что если ее поставить дальше, — объясняют атомщики, — то будет очень дорого тянуть теплотрассу. Вот такая бухгалтерия: рубли оказываются дороже миллионов человеческих жизней.

И еще один норматив, который «установлен» самой высокой инстанцией — это 8 (!) атомных энергоблоков на одной площадке. Такого мир не знал еще и наверняка не узнает никогда. Опять, по-видимому, атомщики руководствовались соображениями экономии. Хороша экономия! Неужели Чернобыль ничему нас не научил?! Неужели уже забыто, что из-за аварии на четвертом блоке в течение года не работали и три другие блока, смонтированные на этой АЭС, парализуя нормальную работу всего народного хозяйства Украины?

Еще одно важное утверждение специалиста по безопасности АЭС В. Амосова. «К началу третьего тысячелетия мы накопим около 30 тыс. тонн выгруженного из реакторов отработавшего ядерного топлива. Оно займет объем не более 30 тыс. куб. м — половина хрущевской пятиэтажки».

Насчет «хрущевской пятиэтажки» это, конечно, очень наглядно. Но все-таки 30 тыс. т смертоносного материала! Это ведь намного больше, чем весь мировой ядерный потенциал. И потом, помилуйте, как 30 тыс. т, когда О. Казачковский только что утверждал, что все АЭС Советского Союза дают всего 30 т (не тысяч, а тонн) в год. По Казачковскому, к началу третьего тысячелетия будет всего-то 300 т отходов, а не 30 тыс. т, как утверждает В. Амосов.

А вот мнение еще одного авторитета в области атомной энергии — начальника Главного научно-технического управления Минатомэнерго СССР Е. И. Игнатенко. Этот специалист считает, что выход «высокорadioактивных отходов (отработавшего топлива) составляет 20 т в год в расчете на один энергоблок-миллионник»²⁴. Это, хотя и не очень, но все же ближе к оценке В. Амосова.

Но кому же все-таки верить? Этот вопрос законно встает еще и потому, что нередко атомщики даже не дают себе труда вникать в суть проблем, которые ставят перед ними их оппоненты. Характерный пример. Член-корреспондент АН СССР В. Троицкий высказал свое суждение о бесперспективности развития атомной энергетики («Правда», 15.09.1989 г.). В своем выступлении он привел данные (кстати сказать совершенно точные) о том, что доля атомной энергии в общем топливно-энергетическом балансе США составляет 8%.

И вдруг, (какой пассаж!) в «Правде» за 3.01.1990 г. выступает доктор физико-математических наук, член правления ядерного об-

щества Н. Роботнов и заявляет следующее. В США доля атомной энергии в выработке *электроэнергии* (выделено мной — М. Л.) составляет 18%. И далее: «приведенная В. Троицким цифра в восемь процентов — явная ошибка». Вот так — с больной головы на здоровую! Ведь В. Троицкий говорил о доле атомной энергии в общем энергетическом балансе, а не в выработке электроэнергии. Не дав себе труда вникнуть в суть проблемы доктор Н. Роботнов публично выдвигает свое нелепое обвинение В. Троицкому. Я не знаю, извинился ли Н. Роботнов перед В. Троицким за свою бестактность, речь сейчас о другом, а именно о поверхностности взглядов атомщиков при определении роли АЭС в жизни нашего общества.

Пропагандируя форсированный рост АЭС в СССР руководители атомных ведомств часто ссылаются на мировую практику развития ядерной энергетики. При этом допускается грубое нарушение фактов и дезинформация. Например, председатель Госкомитета СССР по использованию атомной энергии А. Проценко в «Правде» от 06.09.1988 г. в статье «Атомная энергетика: после Чернобыля» сообщает о том, что в мире в настоящее время строится около 100 атомных станций. Но при этом умалчивает один чрезвычайно важный факт, что в СССР при этом строится 30 АЭС, тогда как в мире строительство большинства строек прекращено. При этом ничего не говорится о том, что атомные станции за рубежом, как правило, имеют 1—2 блока, а в СССР, как правило, 4 блока. Каково же истинное положение с динамикой развития атомной энергетики в мире и в СССР?

По имеющимся у меня сведениям, наблюдается четко выраженная противоположная тенденция. В мире строительство АЭС сворачивается, а в СССР расширяется. А. Проценко ничего не говорит о динамике нового строительства, а она такова. Число реакторов, начатых строительством, по периодам составляло: в 1971—75 г. — 142, в 1976—80 гг. — 104, в 1981—85 гг. — 75, в 1986—88 гг. — 2. (К. Муздыбаев. Риск ядерной энергетики, Л., 1988, с. 35). Не правда ли, выразительный ряд? При этом тот же А. Проценко не сообщает точное число реакторов, начатых строительством в СССР, зато выражает сожаление, что темп их наращивания снизился в последние годы. Правда, он не говорит о том, что снижение обусловлено тем, что прекращено проектирование и строительство АЭС из-за высокой сейсмичности мест их расположения в Грузии, Армении, Азербайджане, Краснодарском крае и близости к крупным городам в Минске, Одессе, Ярославле, Казане, Уфе и др. Но автора это не смущает. Свое выступление он завершает на псевдооптимистической ноте: «Альтернатива замедлившемуся росту атомной энергетики одна — ускоренное ее развитие». В унисон с А. Проценко выступает упоминавшийся выше Е. И. Игнатенко: «Мы все знаем, что без энергетики ничего быть не может в настоящее время: или мы вернемся назад к каменному веку, или мы будем пользоваться электричеством»²⁵. Но, помилуйте, разве кто-нибудь из оппонентов призывает отказаться от пользования электричеством? Разве кто-нибудь из них мечтает попасть в ка-

менный вск? По-моему, всем очевидно, что это невозможно, даже если кому-то очень хочется. Речь идет о другом: как построить экологически приемлемую энергетику, не разрушающую природу, здоровье и саму жизнь людей. Вот что следует обсуждать, а не надуманную дилемму — быть или не быть энергетике. И ответ здесь очевиден — быть. Но какой?

Нужна ли нам атомная энергетика?

Академик Е. П. Велихов объявил развитие атомной энергетики магистральным путем человечества.

Бедное, обреченное человечество, *гибельный же путь* предначертан тебе нашей атомной наукой. Но посмотрим, нет ли у человечества другого пути, не столь «магистрального»? Колокол Чернобыля услышан во всем мире. И не просто услышан. Он послужил началом отрезвления миллионов людей от ядерного дурмана, от пустых и опасных обещаний атомщиков, от призрачных надежд на несметные блага, которые будто бы несет нам «мирный» атом.

Справедливости ради надо сказать, что были трезво мыслящие люди и задолго до Чернобыля. Еще в 1922 г. В. И. Вернадский писал: «Не далеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить новую жизнь, как он захочет... сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение? Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука? Ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного прогресса. Они должны чувствовать себя ответственными за последствия их открытий» (Вернадский В. И. Очерки и речи, вып. II, 1922 г.). И такую ответственность многие ученые имели и имеют. Всемирно известный физик академик П. Л. Капица в 1976 г., то есть ровно за 10 лет до Чернобыльской трагедии, на годовичном собрании Академии Наук СССР обращал внимание на ограниченные возможности атомной энергетики, на опасность крупных аварий в реакторах типа РБМК, на сложность проблем демонтажа атомных станций после их непродолжительной жизни (25—30 лет), на дороговизну и технические трудности захоронения радиоактивных отходов²⁶. Увы, это мудрое предостережение не только не было услышано, оно до сих пор замалчивается сторонниками расширения строительства АЭС в нашей стране.

Иначе обстоит дело за рубежом. В Швеции еще в 1980 г. был проведен общенародный референдум, в соответствии с которым правительство страны приняло решение не только не строить новые АЭС, но и демонтировать все имеющиеся станции. Последняя из них должна быть закрыта к 2010 г.²⁷

Позднее аналогичные решения приняли, учитывая общественное мнение, правительства Австрии, Италии, Бразилии и других стран.

Начиная с 1981 г. в США, ФРГ, Англии, Швейцарии, Канаде, Бельгии не поступило ни одного нового заказа на ядерные реакторы для АЭС²⁸. В ряде стран ведется строительство АЭС, однако, это, как правило, ранее начатые объекты или реконструкция действующих станций с целью повышения их безопасности.

К сожалению, эта прогрессивная мировая тенденция не коснулась нашей страны. Атомщики, руководствуясь *корыстными* ведомственными интересами, по-прежнему навязывают нашему обществу и руководству страны курс на развертывание массового строительства АЭС. Написал я слова *корыстными интересами* и на минуту засомневался: а, может быть, эти люди творят зло в неведении и поэтому по незнанию берут тяжкий грех на душу. Может быть, их поведение, их напористость и энергия, достойные лучшего применения, диктуются их узкими специальными знаниями? Может быть, они не знают о губельных последствиях форсированного строительства ядерных гигантов? Ведь говорил же Бернард Шоу, перефразируя древних греков, что «узкий специалист узнает все больше о все меньшем, и так до тех пор, пока не будет знать все ни о чем и ничего обо всем». Несмотря на глубокий смысл этого суждения все-таки мало верится в то, что активность наших атомщиков объясняется их экономическим, экологическим и социальным невежеством. Слишком уж очевидна тенденциозность в оценке значения атомной энергетики. Для ее пропаганды они не останавливаются ни перед чем.

Замалчивание объективной информации, обман общественности, спекуляция на экономических и социальных трудностях в стране, шельмование честных ученых и специалистов, подтасовка данных и социальная демагогия — все пускается в ход. На полную мощность используются неограниченные возможности командно-административной бюрократической системы в принятии решений и в обработке общественного мнения средствами массовой информации. Вот совсем свежий пример. В мае 1989 г. в Москве проходила Учредительная конференция Всемирной ассоциации организаций, эксплуатирующих атомные станции.

На этом форуме, в работе которого участвовали руководители крупных ядерных электроэнергетических компаний из тридцати стран мира, отмечалось, что человечество может успешно воспользоваться ядерной энергией лишь в том случае, если «безопасность АЭС будет поддерживаться на максимально высоком уровне». Хотелось бы однако узнать, что реально означает этот мифический «максимально высокий уровень»? Гарантирует ли он реальную безопасность общества? Действительно ли мы застрахованы от угрозы гибели, от разрушения нашего здоровья и окружающей нас природы? Способны ли руководители атомных компаний обеспечить безаварийную работу АЭС? Мировой опыт говорит о том, что такой гарантии нет и дать ее никто не может.

Вполне уместно допустить, что для атомных магнатов зарубежных стран на первом месте стоит цель получения прибыли, а для

руководителей наших атомных ведомств и учреждений — удержание за собой своих высоких постов, общественного положения и, увы, пошатнувшегося престижа. Безопасность же общества и природы для большинства из них — это задача второго порядка. Для общественности же нет более актуальной задачи чем *выживание*. А выживание не только нас с вами, но и наших потомков, как раз и оказалось под угрозой.

В 1982 г. всемирно известная американская исследовательская фирма «Оук Ридж, Нэшнл Лэбрэтори» сделала математический прогноз аварий на АЭС. Согласно этому прогнозу в мире возможна одна авария на 4 тыс. реакторо-лет или один раз в 8 лет. Теперь вспомните: авария на острове Тримайкл Айленд произошла в 1979 г., в Чернобыле — в 1986 г. Похоже, специалисты «Оук Ридж» угадали...

Ну а если темпы строительства увеличатся? Ведь, по мере ввода в эксплуатацию все новых и новых АЭС, вероятность катастроф возрастет. По некоторым оценкам, до начала следующего тысячелетия вполне вероятны еще 2—3 аварии типа Чернобыльской. Кстати сказать, комиссиями по расследованию обеих аварий установлено: причины схожи, как две капли воды: недостатки конструкции АЭС, ошибки операторов.

В апреле 1987 г. обследование персонала АЭС Теннесси взяли Оторити, самой крупной в США, показало, что 14 из 26 операторов и рабочих употребляют наркотики. На АЭС Пич Боттом в штате Пенсильвания все операторы были найдены спящими в зале управления в то время, как реактор работал на полную мощность²⁹. Такова вот ситуация с реальной безопасностью АЭС в мире. Но ведь можно назвать и десятки других причин возникновения аварий, в том числе совершенно не предвидимых. Вспомним хотя бы о том печальном факте, что во время оказания помощи пострадавшим от землетрясения в Армении в непосредственной близости от АЭС упал самолет югославской компании. Слава Богу, что он не угодил в станцию непосредственно. Случись эта беда, мы потеряли бы не двадцать с лишним тысяч армянских граждан, а практически — все население республики с его уникальной многовековой культурой.

Спрашивается, позволительно ли кому бы то ни было рисковать такими общечеловеческими ценностями? А ведь такой риск допускается нашими ответственными (или безответственными?) руководителями.

Чтобы обойтись без смертоносной атомной энергетики, надо прежде всего прекратить ставить перед экономикой страны ложные цели и задачи, решение которых разрушает природу, благополучие людей и порождает искусственный дефицит энергии.

Вдумаемся в следующие цифры. В 1960 г. СССР производил 292 млрд. кВт·ч. электроэнергии. Прошло 30 лет. Ныне выработка электричества составила 1722 млрд. кВт·ч. Рост фантастический — в 6 раз! Население за это время выросло с 218 до 287 млн. человек, то есть в 1,3 раза. Казалось бы, мы просто должны «купаться» в электричестве.

Но не тут-то было. В 1960 г. дефицита электроэнергии не было, а сейчас он принял хронический характер. Его-то, этот пресловутый дефицит, якобы и хотят покрывать атомщики. В дискуссиях атомщики в качестве неотразимого аргумента в пользу строительства АЭС обычно задают своим оппонентам такие вопросы: «А вы хотите чтобы у вас телевизор работал?» Или: «А вы готовы отказаться от пользования холодильником?» И как ни странно, эта демагогия срабатывает. Люди не хотят отказаться от своих, пусть малых, но привычных удобств и готовы смириться с АЭС.

Но ведь это же очередной *обман*. На все бытовые нужды населения страны расходуется лишь... 7% от общего количества потребляемой энергии. А куда же девается остальная прорва электричества? Как куда? Мы же добываем в 6 раз больше полезной руды чем США, производим в 5 раз больше тракторов, в 4 раза станков. Мы же вдвое опередили американцев по выплавке стали, по выпуску цемента, минеральных удобрений. Мы копаем тысячекilометровые уничтожающие почвы каналы, создаем гниющие рукотворные моря. Наконец, мы сооружаем АЭС, строительство, эксплуатация и ликвидация которых требуют больше электроэнергии, чем они вырабатывают.

По моим расчетам, более половины промышленной продукции вообще не представляет действительной потребительной стоимости, не пользуется реальным платежеспособным спросом и выпускается лишь для выполнения отраслевых ведомственно-бюрократических планов.

Стоит лишь отказаться от производства этой никому ненужной продукции, как сразу обнаружится не дефицит, а избыток энергии в стране. Один маленький конкретный пример. Основная масса черного металла выплавляется у нас из железной руды. Но ведь сталь можно выплавлять из металлолома, значительная часть которого продается за рубеж, а то и просто ржавеет по городам и весям. А между тем выплавка стали из металлолома дает более качественный продукт, в 6 раз сокращает расход энергии, в 8 раз снижает загрязнение окружающей среды и исключает разрушение ценных земель, которое происходит при добыче железной руды. Аналогичным решениям буквально несть числа.

Так что если уж говорить о «магистральном пути человечества», то это скорее энергосбережение, чем самоубийственное развитие атомной энергетики.

Альтернатива

Отказавшись от атомной энергетики, можно не только отвести от человечества смертельную угрозу, не только избежать экологической катастрофы, но и оздоровить экономическую и социальную жизнь нашего общества. Что же касается путей удовлетворения рациональных потребностей нашей страны в энергетических ресурсах и, в частно-

сти, в электроэнергии, то они совершенно ясны. Рассмотрим один из них — самый простой, к реализации которого можно приступить незамедлительно. Население СССР в настоящее время составляет 5,5% мировой численности. В то же время производство природного газа в нашей стране достигает 770 млрд. куб. м или 43% его мировой добычи. Это гигантское национальное богатство. Природный газ — это наиболее чистый в экологическом отношении энергоресурс. Значительная часть его — около 90 млрд. куб. м в год продается за рубеж. Только в этом количестве газа содержится энергетический потенциал, равный 116 млн. т условного топлива (т. у. т). Все атомные станции Советского Союза вырабатывают 216 млрд. кВт. ч. электроэнергии, что эквивалентно 60 млн. т. у. т. Как видим, даже половины экспортируемого количества природного газа достаточно, чтобы заменить всю атомную энергетику страны.

Причем заменить с высокой экономической эффективностью. Сжечь газ в топках и получить электроэнергию — проблемы не составляет. Технология здесь предельно проста — это не АЭС. Загрязнение окружающей среды от сожженного газа минимальное, — это не уголь и не мазут, а экономический эффект огромен. Ведь удельные затраты на единицу вырабатываемой электроэнергии на тепловой электростанции, работающей на газе, в 4—5 раз ниже, чем на АЭС³⁰.

Отказ от строительства АЭС позволяет реально перейти к решению социальных задач, стоящих перед нашим обществом. Сооружение каждой АЭС в среднем обходится государству в 3 млрд. руб.³¹. На ее строительстве занято от 15 до 20 тыс. работников. Эксплуатация одного блока-миллионника требует не менее 1 тыс. человек³². Не лучше ли эти огромные ресурсы направить на строительство жилья, школ, больниц, дорог, детских садов, интернатов, учреждений культуры и спорта, благоустроенных домов на селе?

Высвобождающийся научно-технический потенциал целесообразно направить на разработку эффективных средств и методов освоения экологически чистых, возобновляемых и практически неисчерпаемых энергоресурсов — солнца, ветра, биологических отходов, а также малых бесплотинных гидростанций и других энергетических установок. Именно на этом пути гарантия будущего благополучия общества.

Примечания

1 Куркин Б. Бремя «мирного» атома. М., «Молодая гвардия», 1989, с. 19.

2 «Коммунист», 1976, №1, с. 65.

3 См. Научно-техническая революция и человек. М., «Наука», 1977, с. 50.

4 Медведев Г. Чернобыльская тетрадь. — «Новый мир», 1989, №6, с. 4.

5 «Энергия: экономика, техника, экология», 1990, №3, с. 28.

6 Куркин Б. Бремя «мирного» атома, с. 8.

7 Медведев Г. Чернобыльская тетрадь, с. 36.

8 «ИТР: трибуна», 1990, №5—6, с. 10.

9 «Известия» 24.02.1990.

10 «Правда» 30.07.1989.

- 11 «Комсомольская правда», 14.02.1990.
- 12 «НГР: трибуна», 1990, №5—6, с. 10.
- 13 «Литературная газета», 14.02.1990.
- 14 «Правда», 25.08.1989.
- 15 «Правда», 15.10.1989.
- 16 Расчет автора на основе: «Народное хозяйство СССР в 1980 г.», с. 69; «Народное хозяйство СССР в 1989 г.», с. 675.
- 17 Б у д я н о в В. Цепная реакция расточительства. — «Советская Россия», 24.12.1989.
- 18 «Народное хозяйство СССР в 1988 г.», с. 379.
- 19 «Правда», 15.10.1989.
- 20 Л е п и х о в А. Дефицит энергии — мнимый. — «НГР: трибуна», 1989, №14, с. 5.
- 21 «Правда», 15.10.1989.
- 22 АСТ — атомная станция теплоснабжения.
- 23 «Известия», 14.01.1989.
- 24 «Наш современник», 1990, №1, с. 146.
- 25 «Наш современник», 1990, №1, с. 167.
- 26 «Вестник Академии Наук СССР», 1976, №1, с. 18.
- 27 «Энергия», 1988, №5, с. 38;
- 28 Куркин Б. Отрезвление. — «Сельская молодежь», 1988, №6, с. 26—27.
- 29 Краснощекоев В. Семьдесят девятый — восемьдесят шестой, 199..? — «НГР: проблемы и решения», 1989, №8, с. 7
- 30 «НГР: трибуна», 1989, №14, с. 5.
- 31 «Советская Россия», 24.12.1989.
- 32 Чернобыль: события и уроки. М., Политиздат, 1989, с. 16.

Экологическая ситуация в СССР:

факты, анализ, прогноз ¹

До конца 1988 г. правдивые обобщенные данные о состоянии окружающей среды в СССР были в основном закрыты. Процветала так называемая система «благополучной информации» ².

Однако качество среды было таким вопиющим, что никакая секретность не могла этого скрыть. В 1988—1989 гг. в демонстрациях, митингах и забастовках по экологическим мотивам участвовало, по видимому, несколько миллионов человек.

Благодаря гласности мы с каждым днем получаем все больше доказательств тяжелого экологического состояния страны — о чем каждый из нас знает и по собственному опыту, где бы он ни жил, — в столице, в Сибири, на Севере, Дальнем Востоке или в Средней Азии ³.

После некоторых общих цифр и сравнения я кратко рассмотрю состояние воды, воздуха, земли, растительного и животного мира, охраняемых территорий и некоторые другие актуальные для СССР вопросы, связанные с охраной природы.

Затем кратко проанализирую причины сложившейся экологической ситуации и закончу прогнозом на обозримое будущее.

В СССР в 1988 г. на 1 человека приходилось:

Пашни	— 0,79 га
Загрязненных сточных вод	— 523 м ³
Бытовых твердых отходов	— 809 кг
	(867 кг в РСФСР)
Хлорфторуглеродов	— 0,43 кг
Выпало из воздуха серы	— 52,3 кг
Выброшено в воздух загрязнений	— 343 кг
Сожжено в факелах и выпущено в воздух попутного нефтяного газа	— 533 м ³ .
Накоплено отвалов горных пород	— 176 т
Выработано электроэнергии	— около 6 тыс. квт/час

Следующие данные характеризуют состояние природы в СССР и характер природопользования:

— 16% территорий (3,7 млн. км²) — зона экологического неблагополучия;

— 18% населения (50 млн. человек) живет в городах, где загрязнение воздуха превышает санитарные нормы в 10 раз;

— на охрану среды тратится 1,33% валового национального продукта и 1,28% всех капитальных вложений⁴;

— по средней продолжительности жизни СССР занимал в 1987 г. 45-е место в мире;

— по детской смертности СССР занимал в 1988 г. — 52-е место;

— на единицу национального дохода мы расходует больше, чем США:

нефти и газа	— в 2,3 раза
стали	— в 2,1 раза
удобрений	— в 2,8 раза
хлопка	— в 3,0 раза
цемента	— в 2,6 раза
энергии	— около 2 раз.

Факты

В этом разделе последовательно рассматриваются основные показатели состояния природных вод, атмосферного воздуха, земли, недр, лесов, растительного и животного мира, охраняемых территорий, здоровья населения и радиационной обстановки.

Вода

В среднем по стране забирается около 8% стока — 365 км³, в том числе 182 км³ безвозвратно.

На территории РСФСР забирается уже 32% среднегодового стока, в ряде регионов — больше половины.

Из забранной воды около 20% ежегодно теряется на пути до места использования. Вода подается в основном по необлицованным каналам, просачивается, подтопляет окружающие площади. Подтопление и неправильно организованное орошение вывело из строя миллионы гектар сельскохозяйственных земель. В ряде случаев сбросные оросительные воды, насыщенные солями и пестицидами, образуют огромные искусственные озера, размеры которых в Средней Азии достигают многих сотен квадратных километров.

Бездумное гидротехническое строительство привело к подтоплению 2600 сел и 809 городов. По прогнозам, к 2010 г. половина территории Москвы будет подтоплена. Этот процесс есть результат того, что в ходе строительства на территории Москвы было засыпано 290 км (из 510 км) русел малых рек и ручьев, а также утечек из водопровода в канализацию (а это около 20% забираемой воды, или 400

тыс. куб. м в сутки). Подтоплены такие города, как Ангарск, Курган, Куйбышев, Казань, Горький, Пермь, Свердловск, Челябинск, Энгельс. Например, подтоплено 76% территории Уфы, 82 — Тулы, 80 — Астрахани, 100% — территории Архангельска. Подтоплены огромные территории плодородных сельскохозяйственных земель: практически все сельскохозяйственные земли Средней Азии, многие территории Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, Дагестана, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и других районов страны. Все это уже привело к экономическому ущербу в десятки миллиардов рублей, и этот ущерб растет.

Строительство гигантских плотин на равнинных реках породило немало экологических проблем. Реки, даже таких крупных, как Волга и Днепр, превратились в цепочки огромных водохранилищ. Раньше частица воды из верховьев Волги попадала в Каспийское море через 1,5 месяца, сейчас — за 1,5 года. При этом резко понизилась способность рек к самоочищению от загрязнений. Это вместе с возрастающим загрязнением привело к катастрофическому состоянию 75% всех внутренних водоемов страны. При этом экосистемы четверти всех водоемов находятся в состоянии экологического регресса и восстановить их даже в будущем невозможно.

Очистных сооружений мало, и работают они неэффективно. Вот несколько примеров. В Москве проходит очистку менее половины промышленных стоков, при этом только 8% очистных сооружений очищают воду до нормативов. В таких крупных городах, как Красноярск, Тюмень, Волгоград, Баку, Рига очищается всего 20—25% коммунальных стоков. В Батуми — крупнейшем порту на Черном море на побережье Грузии — лишь 13% стоков. В таких городах, как Ереван, Запорожье, Мурманск, Пермь, Севастополь, вся вода, поступающая из коммунальной канализации, очищается недостаточно либо вообще не очищается. Все это ведет к постоянному увеличению сброса загрязненных вод. Сток Волги на 10% состоит из сточных вод, хозяйственно-бытовые воды составляют до 20% стока некоторых крупных рек (например, Северный Донец на Украине). В Уральском промышленном регионе в некоторые годы реки Тобол, Тагил, Ай и Уй на 30—40% состояли из сточных вод.

Вода рек становится ядовитой, опасной для человека и животных. В реке Илек (Северный Казахстан) содержание хрома превышает санитарные нормы в 1600 раз. По бактериологическим показателям загрязнение Рижского залива превышало в 1987 г. санитарные нормы в 240 раз, реки Оби в самом крупном городе Сибири — Новосибирске — в 1988 г. — в 4000 раз! Из 4200 створов, на которых в 1987 г. велся контроль качества внутренних вод Госкомгидрометом СССР, на 600 (14,3%) концентрация хотя бы одного загрязнителя превышала допустимый уровень в 10 и более раз. До предельно опасного уровня упало качество вод Волги, Немана, Днепра, Печоры, Оби, Дона, Сырдарьи, Амударьи, Амура.

В реках, водохранилищах и прибрежных морях все чаще разыгрываются настоящие экологические катастрофы, когда какой-то один или немногие дополнительные факторы, отягощающие предельно напряженные экологические системы, приводят к трагическим последствиям для природы. Так в июне-июле 1988 г. на нижней Волге в результате промышленного загрязнения и несколько более теплой, чем обычно, погоде погибли десятки тысяч ценнейших осетровых и миллионы других рыб.

На протяжении нескольких лет из-за опасных экологических ситуаций были закрыты для купания многие пляжи на Черном, Азовском, Балтийском морях, ряд участков рек на Европейской территории СССР.

В Советском Союзе действует около 15 тыс. морских скважин на нефть и газ. И на Каспии, и на Баренцевом море, и на Дальнем Востоке они крайне отрицательно влияют на экосистемы морей.

Уровень артезианских вод практически во всех промышленных регионах резко понижается. В районе Москвы он понизился, например, на 50—70 м. На огромных площадях отмечается быстро растущее индустриальное и сельскохозяйственное загрязнение подземных вод. В половине из 1 тыс. проверенных водоисточников в северной Молдавии количество нитратов превышало санитарные нормы. В целом по стране около 30% подземных вод опасно загрязнены, а в ряде регионов, например в Башкирии, опасно загрязнена большая их часть.

В заключение раздела отмечу, что отчаянное состояние наших вод является результатом прежде всего недостаточного понимания экологической опасности руководителями среднего звена — на уровне директоров предприятий и городских властей. Об этом говорит тот факт, что значительные суммы, выделяемые государством для строительства очистных сооружений, не используются. В 1988 г. в целом по СССР план по вводу очистных сооружений был выполнен менее чем на 50%, в том числе Министерством химической промышленности СССР — на 13%, Министерством атомной энергетики СССР — на 27; в Грузии этот план выполнен на 12, в Азербайджане — на 2, в Казахстане — на 1%!

Воздух

Состояние атмосферного воздуха, особенно в промышленно развитых регионах страны, крайне неблагоприятное. По далеко неполным официальным данным (которые охватывают лишь крупные города с населением более 100 тыс. человек) 113 млн. человек (около 40% населения) живут в условиях, при которых средние годовые концентрации сероуглерода, формальдегида и бенз-а-пирена в 3—4 раза превышают среднесуточные ПДК. Среднегодовая концентрация пыли, фенола, аммиака и двуокиси азота во многих городах СССР также выше санитарной нормы.

В 1988 г. в 19 городах страны (из 132 контролируемых по этому показателю) были повышены концентрации в воздухе хрома, в 17 городах (из 161) — свинца, в 19 (из 143) — марганца.

В 103 городах — местах проживания около 40 млн. человек (более 35% населения подконтрольной территории) загрязнение воздушного бассейна официально считается опасным — там наблюдалось хотя бы раз 10-кратное превышение санитарных норм минимум по одному из контролируемых веществ-загрязнителей; 20—22 млн. человек (жителей 68 из отмеченных выше 103 городов) дышат еще более плохим воздухом. К их числу относятся пять столиц республик: Алма-Ата, Душанбе, Ереван, Киев, Фрунзе, а также юго-восточная часть Москвы и такие крупные города с населением более 1 млн. человек каждый, как Днепропетровск, Куйбышев, Донецк, Новосибирск, Одесса, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Свердловск, Челябинск.

В 16 городах страны в 1988 г. отмечались уровни так называемого экстремально высокого загрязнения — более 50 ПДК. При этом число городов с таким огромным загрязнением воздуха в январе 1990 г. оказалось большим, чем в январе 1989 г. Воздух отравляется свинцом, хлористым водородом, сероводородом, ацетальдегидом, двуокисью серы.

В стране, по-видимому, только немногим более половины предприятий, загрязняющих атмосферу, оснащены пылегазоулавливающим оборудованием (в Москве — меньше 30%). Показательно положение и в Московской области: хотя 60% предприятий имеют такое оборудование (40% не имеют!), работает оно на 10—15% своей мощности⁵. Оборудование, как правило, не эффективное, часто выходит из строя (и часто отключается по ночам!).

По официальным данным, в 1988 г. от стационарных источников в атмосферу выброшено 61,7 млн.т загрязняющих веществ, а автотранспортом еще 36,2 млн.т. Даже в Москве из выбросов теплоэлектростанций улавливается только 28% загрязнений, только на 18% очищаются выбросы в Красноярске. Эти цифры характерны и для других городов.

Есть данные, свидетельствующие о том, что в некоторых крупных промышленных центрах снижено содержание кислорода в воздухе. Так, для снабжения кислородом сталеплавильного комплекса Нижнетагильского металлургического комбината пришлось прокладывать трубопровод для забора чистого воздуха длиной в несколько километров. В Запорожье (Украина) содержание кислорода в воздухе промышленной зоны составляет всего 17% (вместо 21 в чистом воздухе).

На территории СССР в 1988 г. выпало в общей сложности 14,8 млн.т соединений серы и 8,5 млн.т азота. При этом в Европейской части выпало 1,04 т серы на кв.км и 0,63 т/кв.км азота. Считается, что около 20% серы поступило в нашу страну через западную границу.

Основными причинами плохого состояния атмосферы в СССР является применяемая на многих предприятиях отсталая технология, что приводит к огромным выбросам отходов в атмосферу, а также

плохая работа очистных сооружений. На многих предприятиях они вообще отсутствуют. В то же время далеко не все выделенные средства для сооружения очистных пылегазоуловителей промышленностью расходуются. В среднем по стране в 1988 г. использовано лишь 66% средств, выделенных на эти цели, при этом Министерство тяжелого машиностроения освоило только 29% выделенных средств, Министерство по производству удобрений — 52%, а Министерство лесной промышленности — только 0,2%!

В стране по-прежнему значительная часть бензина производится с добавками свинца. В 1988 г. на Украине такого бензина было 90%. Потребовалось специальное решение правительства Украины, чтобы в 1989 г. довести долю неэтилированного бензина до 45%.

Земля (сельское хозяйство)

Сельское хозяйство в СССР находится в кризисном состоянии — страна не обеспечивает себя продуктами питания, и мы вынуждены покупать ежегодно 20—30 млн. т зерна. В результате неэффективного ведения сельского хозяйства огромные территории оказываются в экологически опасном состоянии.

Сельскохозяйственные угодья занимают общую площадь в 627 млн. га. Из них:

157 млн. га засолено;

113 млн. га эродировано, и эрозия угрожает 40% угодий;

25 млн. га переувлажнено и заболочено;

на 70 млн. га (из них — 52 млн. га пашни) отмечается повышенная кислотность почв.

За последние 25 лет в стране 12 млн. га ушло под строительство и дороги; 6 млн. га заброшено из-за опустынивания и эрозии; 3 млн. га заброшено из-за неправильного орошения; около 10 млн. га ушло под водохранилища; 2 млн. га нарушено открытыми разработками.

Вынос питательных веществ из почвы в 1,5—2 раза превышает их пополнение. Наши черноземы потеряли около $\frac{1}{3}$ гумуса, а плодородный слой почвы уменьшился на 10—15 см. Ежегодно протяженность оврагов в СССР увеличивается на 20 тыс. км.; только за счет этого площадь пашни ежегодно сокращается на 150 тыс. га.

В результате плохо налаженного хозяйства применяемые удобрения и ядохимикаты оказываются вторым после выбросов промышленных отходов фактором загрязнения природной среды. Смытые с полей удобрения служат причиной отравления внутренних водоемов, загрязнения подземных источников.

Неправильное применение пестицидов (30% их теряется по дороге к полю) ведет к повсеместному уничтожению животного и растительного мира, отрицательно сказывается на качестве продуктов питания и состоянии здоровья людей.

Массовая проверка, проведенная Минздравом СССР в 1984—1989 гг. показала (сравнивались близкие территории с разным количеством используемых пестицидов): там, где пестицидов применялось больше, заболеваемость была значительно выше. В регионах страны с особенно интенсивным применением пестицидов — в Средней Азии, Молдавии, рисосеющих регионах Кубани и Краснодарского края (где применялось 15—50 кг/га пестицидов) — возросло число мертворождений, повысилась детская смертность, замедлено и ухудшено физическое развитие людей.

Пик использования пестицидов в СССР был, по-видимому, в 1986 г. — около 1,4 кг/га или 1,7 кг/га по действующему веществу в зоне применения. После него в 1987 г. около 30% всех продуктов питания, 42,5% продукции детских молочных кухонь содержало пестициды на опасном для здоровья человека уровне. Из 262 исследованных в 1988 г. видов сельхозпродукции и продуктов питания в СССР в 68,7% обнаружены 84 пестицида в недопустимых количествах. По масштабу загрязнения лидирующими при этом оказываются ДДТ (38,8% из 250 исследованных видов продуктов), хлорофос (28,4% из 236), препараты 2,4-Д (43,8% из 144), метафос (26,5% из 170), ртутьсодержащие препараты (31,0% из 129). Столь широкое распространение ДДТ в отдельных видах сельхозпродуктов можно объяснить только продолжающимся его нелегальным применением в сельском хозяйстве в самых разных регионах страны (Ферганской, Сурхандарьинской, Курганской, Чарджоуской, Сырдарьинской, Андижанской, Одесской областях). В 1988 г. Минздравом СССР обнаружено, что, например, более 40% сливочного масла содержит ДДТ в опасном для здоровья количестве.

Данные за 1988 г. обнаруживают крайне высокое (от 50 до 100% исследованных проб) загрязнение ртутью пресноводных рыб в Ярославской, Одесской, Саратовской, Кировской, Магаданской, Карагандинской, Пермской, Белгородской, Калининградской областях и в Марийской АССР. Более 30% из сотен проверенных рыб, пойманных в реках и водохранилищах, были экстремально (то есть более пяти максимально допустимых уровней) загрязнены ртутью⁶. В тканях тела окуня из Рыбинского водохранилища, например, было найдено до 3 мг ртути на 1 кг веса тела!

В 1987—1989 гг. в печати появилось множество сообщений об отравлении овощными продуктами, перенасыщенными нитратами.

Показательно, что малопродуктивное советское сельское хозяйство потребляет невероятное количество энергии. На 1 т условной продукции энергозатраты СССР превышают таковые США в растениеводстве в 3,7 раза, Франции — в 4,3 раза, а в животноводстве — соответственно в 10 и 41 раз!

Огромным бременем на природу страны ложится так называемая теневая экономика. Чтобы получить побольше продукции, многие хозяйства нелегально распахивают маргинальные территории. Аэрокосмический анализ показал, что в некоторых областях страны до 30%

пашни оказалось нелегальной. Эта же теневая экономика ведет к огромному перевыпасу. Так, например, в Калмыцкой автономной республике (Северный Прикаспий) проверка обнаружила, что на некоторых пастбищах паслось в 20 раз больше овец, чем официально сообщалось! В результате произошла деградация пастбищ и опустынивание на больших территориях — на месте когда-то плодородных степей в Европе возникла первая настоящая песчаная пустыня площадью несколько сотен кв. км. Ежегодное антропогенное увеличение площадей всех пустынь в СССР составляет 10%.

Огромные потери сельскохозяйственной продукции при хранении и переработке также ведут к экстенсивному характеру развития сельского хозяйства и неоправданному экономическому давлению на среду обитания. Приведу только один яркий пример, связанный с производством картофеля:

	<i>СССР</i>	<i>США</i>
Валовый сбор (1986 г.)	31,4 млн.т	15 млн.т
Объем товарной продукции	12 млн.т	13,6 млн.т
Объем розничной продажи	8 млн.т	12,5 млн.т

Производя картофеля в 2 раза больше, чем в США, на обеденный стол советское сельское хозяйство дает его на 40% меньше! Но нагрузка-то на природную среду оказывается тем не менее в СССР вдвое больше!

Недра

Горнодобывающая промышленность СССР поглощает 40% капитальных вложений и в ней занято 20% населения страны, столько же примерно, сколько в сельском хозяйстве. Под открытыми разработками — угольными карьерами, добычей железных и других руд — занято около 1 млн.га когда-то плодородных земель. Еще 1 млн. га занят отвалами, терриконами и шлакохранилищами.

Недостаточна полнота извлечения полезных ископаемых. Из недр извлекается менее половины находящихся в разрабатываемых месторождениях калийных солей, нефти и газоконденсата. Огромное количество сырья теряется в дальнейших технологических процессах. Так теряется 75% добытого марганца, $\frac{1}{3}$ олова, $\frac{1}{4}$ железа, цинка, вольфрама. Только в 1987 г. было сожжено в факелах и выпущено в воздух в факелах 17 млрд. куб. м попутного нефтяного газа. На снимках из космоса север Тюменской области выглядят столь же освещенным как регионы мегаполиса. На пути к потребителю теряется каждый седьмой кубометр добытого природного газа, а всего в 1987 г. было потеряно не менее 100 млрд.куб.м.

Только 3—5% отходов горнопромышленного производства используются в качестве стройматериалов. В результате в отвалах накоплено более 50 млрд. т отходов.

Огромный урон природе страны наносит горнодобывающая и нефтегазовая промышленность, уничтожая на больших пространствах естественные места обитания. На 25% поверхности Чукотского полуострова добыча полезных ископаемых разрушила его экосистему. Добыча золота мощными драгами в Магаданской области и Якутии привела к уничтожению экосистем тысяч небольших рек. При варварском освоении нефтяных месторождений Севера, Сибири и Арктики выливается огромное количество нефти. Подсчеты показывают, что только в Тюменской области ежегодно попадает в окружающую среду до 6 млн. т нефти, то есть почти столько же, сколько ее попадает в Мировой океан в результате всех, вместе взятых, катастроф на морях. Не удивительно, что на всех без исключения водоемах Тюменской области содержание остатков нефтепродуктов превышает предельно-допустимые концентрации.

Леса

В СССР покрыто лесом 814,4 млн. га. Ежегодно сплошные рубки леса охватывают площадь в 2,0 млн. га; в 1988 г. на площади 2,2 млн. га было проведено лесовосстановление. Ежегодно в стране бывает 20—25 тыс. лесных пожаров, из них 83—87% — по вине человека. В 1988 г. от 24,4 тыс. пожаров было потеряно около 800 тыс. га леса.

Национальной трагедией является использование вырубленного леса. На каждом гектаре вырубки остается 30—50 куб. м древесины. До 20—25% срубленных деревьев доставляется к местам обработки или вывоза по воде россыпью, т.е. молевым сплавом, при котором тонет каждое 25—30-е бревно.

Дно всех наших лесосплавных рек — а это подавляющее большинство рек Севера, Сибири и Дальнего Востока — выстлано утонувшей древесиной, иногда многометровым слоем. Именно поэтому для всех таких рек характерно многократное превышение предельно допустимых концентраций фенолов и других продуктов гниения древесины. Можно сказать, что лесное хозяйство оказывается одним из главных губителей всего живого в реках.

В результате того, что при затоплении крупнейших сибирских водохранилищ не было проведено предварительной вырубki леса из лож будущих водохранилищ, до сих пор в Братском, Красноярском и Усть-Илимском водохранилищах плавает около 4 млн. куб. м древесины. Сибирские и северные реки выносят огромное количество древесины в Северный Ледовитый океан и Белое море. В Баренцевом море норвежские суда много лет занимаются с выгодой для себя вылавливанием плавающих бревен.

На всех этапах обработки теряется огромное количество древесины. Из кубометра добытого леса СССР получает в 3—4 раза меньше продукции, чем в развитых странах.

Несмотря на огромные запасы древесины в целом по стране, наблюдается переруб расчетной лесосеки в хозяйственно-развитых рай-

онах. Сокращаются площади спелых сосновых, еловых и особенно кедровых лесов.

В результате недостатков существующего лесного законодательства ведется массовая вырубка прибрежных лесов. За последние 30 лет практически уничтожены так называемые тугайные леса в Средней Азии — когда-то непроходимые древесно-кустарниковые заросли, окружавшие все среднеазиатские реки и служившие естественными заповедниками для многих животных и растений.

Все большие площади лесов повреждаются в результате антропогенного загрязнения атмосферы — двуокисью серы, окислами азота, фтористым водородом и аммиаком.

Животный и растительный мир

Живая природа страны также находится в угрожаемом состоянии. Каждый десятый вид птиц, пятый — растений и млекопитающих, четвертый — рептилий и амфибий в СССР находится перед угрозой исчезновения. Не менее четырех видов млекопитающих и трех видов птиц исчезли из фауны страны за последние 15—18 лет, а численность полутора десятков форм птиц и зверей не превышает 100—200 особей.

В Молдавии — регионе с интенсивным сельским хозяйством — за последние 10 лет численность насекомых сократилась в 20 раз, насекомоядных птиц — в 5 раз, исчезло 150 видов гидробионтов, в том числе 20% видов рыб. В Горьковской области исчезло около 40% местных видов рыб (21 из 58).

Главными причинами такого катастрофического состояния живой природы является антропогенное изменение мест обитания и преднамеренное уничтожение. Приведу только несколько примеров. На водозаборах гибнет по меньшей мере 14 млрд. штук молоди рыб ежегодно. Это в 1,5 раза больше числа молоди рыб, выращиваемой на всех 160 рыбоводных заводах. При этом только 25—30% всех водозаборов снабжены рыбозащитными устройствами.

90% икры сельди в Рижском заливе гибнет от загрязнений. У 4% взрослых тюленей в Белом море желудок был забит пластиковыми пакетами, обрекающими животных на гибель. В СССР под сельскохозяйственной техникой погибает больше зайцев, куропаток и перепелов, чем их отстреливается охотниками. Сотни тысяч крупных птицихищников погибает ежегодно на линиях электропередач.

В результате сознательной и случайной интродукции и акклиматизации наблюдается вытеснение местных животных и растений пришлыми. Так, во многих районах страны каждый пятый вид растений оказывается пришлым.

Как ослабленный человек подвержен различным заболеваниям, так и нарушенные экосистемы оказываются малостойкими. Азовское море 40 лет назад было самым рыбопродуктивным на Земле. В ре-

зультате сокращения стока рек, промышленного и сельскохозяйственного загрязнения (уровень содержания пестицидов во время обработки рисовых чеков здесь превышает допустимый в сотни раз) это море к 1988 г полностью потеряло рыбохозяйственное значение. В 1986—1987 гг. его заполнили полчища медуз; в 1987 г. их было около 300 млн.т.

Осенью 1988 г. здесь в массе появился житель атлантического побережья Северной Америки гребневик мнemiopsis, способный выесть все живое размером меньше 1 см. В 1 куб.м воды этого гребневика было до 1,5 кг. Теперь, по-видимому, на многие годы Азовское море будет безрыбным. К этому остается добавить, что в результате забора воды промышленностью, коммунальными службами и на орошение общий поверхностный сток в Азовское море сократился и ныне составляет всего 15% от бывшего среднемноголетнего.

Такое значительное сокращение поступления пресной воды в экосистему Азово-Черноморского бассейна чревато опасными экологическими последствиями.

В самом богатом рыбном районе страны — Волжско-Каспийском бассейне — уловы ценных рыб сократились за последние 30 лет в десятки раз. Нельзя не упомянуть о крупномасштабной экологической катастрофе, разразившейся в Баренцевом море в 1987—1988 гг. Здесь в 1967—1975 гг. неумеренным промыслом были подорваны ресурсы сельди и трески. В их отсутствие рыболовный флот переключился на вылов мойвы.

Этим полностью была подорвана кормовая база не только трески, но и тюленей, и морских птиц. На морских базарах по берегам Баренцева моря несколько лет погибали от голода большая часть вылупившихся птенцов кайр и чаек. Голодные грenландские тюлени десятками тысяч стали запутываться в сетях у побережья Норвегии, куда они устремились из традиционных мест обитания в Баренцевом море в отчаянных попытках спастись от голода. Сейчас в море пусто: уловы сократились в десятки раз, а восстановление разрушенной экосистемы очень длительный процесс.

Рыбу из ряда водоемов страны становится опасным употреблять в пищу из-за высокого уровня тяжелых металлов (например, из ряда Волжских водохранилищ), пестицидов (например, из большинства антропогенных водоемов Средней Азии) и иногда из-за раковых заболеваний (судак из оз.Балхаш).

Охраняемые территории

В СССР в 1989 г. было 164 заповедника и 19 национальных парков общей площадью 2377 тыс. га, что составляет 1,1% территории страны. В ряде республик (Эстонии, Армении, Туркмении) площадь этих территорий близка к 3% тогда как в Казахстане, Молдавии, Киргизии — около 0,5%.

Ежегодно в стране создаются в среднем три новых заповедника, и к 2015 г. СССР может иметь 2,0% заповедной территории — столько, сколько в 1986 г. было в среднем в мире.

Здоровье населения

Состояние здоровья населения служит одним из объективных показателей качества окружающей среды, особенно учитывая то обстоятельство, что до 80% заболеваний прямо или косвенно связаны ныне с факторами внешней среды.

Приведу некоторые фактические данные о здоровье населения СССР на 1.01.1990 г.:

— средняя ожидаемая продолжительность жизни (лет)	— 69,5
— младенческая смертность (до 1 года — на тысячу)	— 22,4
— практически здоровых детей до 7 лет	— 23 %
— практически здоровых школьников старших классов	— 14 %
— школьников, имеющих аллергические заболевания,	— 20 %
— каждая 6-я женщина не может нормально родить ребенка	
— каждая 5—6 беременность кончается выкидышем.	

В экологически неблагоприятных условиях живет 35—40% населения страны. В результате быстро растет заболеваемость, связанная с ухудшением качества среды. Ежегодно число раковых больных увеличивается на 1—4%. Детская смертность в ряде регионов выше (до 70 на 1000), чем в Африке, а средняя продолжительность жизни на 6—8 лет ниже, чем в некоторых развитых странах. При этом, если во всех без исключения развитых странах средняя ожидаемая продолжительность жизни растет, в СССР она в 1988 г. по сравнению с 1965 г. даже *сократилась!* Некоторое сокращение (большее у мужчин) наблюдалось и в 1988 г. по сравнению с 1987 г. ⁷

В городе Карабаш (Челябинская обл.), где на одного человека в год приходится 9 т вредных выбросов из труб медеплавильного комбината, половина юношей призывного возраста не может быть призвана в армию по состоянию здоровья.

В 1988 г. Министерство здравоохранения СССР проанализировало показатели здоровья населения в 184 городах страны с высоким уровнем промышленного загрязнения. Оказалось, что постоянное превышение допустимой концентрации лишь по одному из загрязнителей ведет к повышению заболеваемости населения в 1,7 раза (по некоторым возрастным группам — до 3-х раз). Оказалось также, что структура заболеваемости специфична для каждого города и связана с преобладающей в данном городе промышленностью. Например, в городах с развитой промышленностью по производству удобрений заметен рост злокачественных новообразований, заболеваний крови и сердечно — сосудистой системы, с развитой цветной металлургией —

вызывает рост злокачественных заболеваний и болезней крови преимущественно у детей.

В районах с наибольшей нагрузкой пестицидов общая заболеваемость детей до 6 лет в 5 раз выше, чем в экологически чистых районах. Особенно часты болезни кожи, органов дыхания, пищеварительного тракта, дети отстают в физическом развитии. У взрослых на первое место в таких районах выходят заболевания нервной системы, органов дыхания. Обнаружена прямая связь между применением пестицидов и заболеваемостью туберкулезом, детской смертностью, смертностью от цирроза печени и хронических гепатитов.

Особенно тревожны данные о состоянии здоровья населения из районов экологического бедствия — Приаралья, индустриальных районов Урала, Южной Сибири, Украины. В Приаралье в результате повсеместного отравления воды пестицидами обнаруживается почти 100% распространение гепатита, уровень смертности населения вдвое выше общесоюзного, а уровень детской смертности достигает 70 на 1000 — один из самых высоких в мире.

По данным ВОЗ, в среднем в мире к 40 годам человек теряет 2 зуба. В Москве к 40 годам люди теряют 6 зубов. К тому же в Москве наблюдается в 10 раз больше желудочно-кишечных заболеваний, чем в Прибалтике.

В Актюбинске (Северный Казахстан), насыщенном химической промышленностью, заболеваемость разными формами рака в 6 раз больше, чем в окрестных сельских районах. Подобными примерами сейчас полна наша периодическая печать.

Особо убедительно связь заболеваемости с состоянием среды проявляется при сравнении здоровья населения внутри крупных городов, в разных районах, различающихся по степени загрязнения. Так, жители центра Алма-Аты страдают от заболеваний органов дыхания в 2,4 раза, а нервной системы и органов чувств — в 4,5 раза чаще, чем из сравнительно экологически чистых пригородов. Заболеваемость бронхиальной астмой детей, живущих внутри Садового кольца в Москве в 2 раза выше, чем за его пределами. Дети же, живущие на самом Садовом кольце — самой загрязненной автомагистрали столицы СССР — болеют в 6 раз чаще, чем в экологически чистых районах города.

Кроме возрастания общей заболеваемости, загрязнение среды ведет к появлению необычных, ранее неизвестных заболеваний. Приведу три примера. В 1986 г. в украинском городке Черновцы почти у 200 детей разного возраста в течении месяца-двух выпадали за несколько часов все или значительная часть волос на голове (через несколько месяцев волосы вырастали вновь). Несмотря на интенсивные медицинские исследования, в том числе и приглашенными экспертами ВОЗ, до сих пор не удалось обнаружить источник заболеваний. Частичное облысение до сих пор встречается в этом городе. Случаи такого же облысения детей в 1988—1989 гг. зарегистрированы и в северо-

восточной Эстонии (Силламяэ), Запорожье, Мариуполе, Златоусте, Москве, Бийске, Кемерове, Ташкенте.

Второй пример. В г. Салавате (Башкирия) — одном из крупнейших центров нефтехимической промышленности — с 1985 г. стали встречаться дети с нервными тиками. Конкретная причина этих тиков так и не выяснена. Обычно они бесследно пропадают после того, как дети надолго уезжают из города. Загрязненность атмосферы в этом городе такова, что овощи, выращенные в 7 км от города, содержат значительные количества бензола, стирола и ксилола. Каждый третий ребенок, живущий в г. Салавате у нефтекомбината, оказывается малорослым, а месячные взлеты цифр детской смертности (от 14—16 до 29—31) точно совпадают с месяцами с более интенсивным смогом. Детей с нервными тиками, детей с неврозами и умственно отсталых детей в районах г. Салавата, расположенных в непосредственной близости от химических заводов, 44,4%.

Третий пример. В СССР за последние 20 лет получило развитие производство белково-витаминного концентрата (БВК), на базе разведения микроорганизмов на парафинах нефти. Он используется как кормовая добавка в свиноводстве и птицеводстве. В 1989 г. на 8 заводах его производилось свыше 1млн.т. Оказалось, что во всех городах с заводами БВК у детей развивается особая форма аллергии.

До сих пор в нашей стране попытки борьбы с ухудшающимся состоянием здоровья нации сводились в основном к увеличению числа госпиталей и врачей. Но таким образом мы боремся со следствиями, а не с причиной. Уверен, что борьба станет эффективной только тогда, когда будет направлена на ликвидацию причин высокой заболеваемости — на улучшение качества окружающей среды. Об этом говорят и цифры расходов. На охрану среды в СССР, как говорилось уже выше, тратится около 11 млрд. руб. в год. А на частичную компенсацию нанесенного загрязнением среды ущерба здоровью людей через систему здравоохранения и социального обеспечения тратится ежегодно свыше 30 млрд. руб.⁸

Долгое время в СССР существовал запрет на публикации о катастрофическом положении малых народов Севера и Дальнего Востока, о деградации их традиционного образа жизни и хозяйства. Министерства, добывающие нефть, газ, руды, лес, катастрофически меняли среду обитания этих народов, разрушали традиционный уклад их жизни, основанный на рациональном природопользовании. Речь идет о 26 малых народах, общей численностью 180 тыс. человек, 19 из которых не имеет собственных национально-государственных образований. Им негде ловить рыбу, негде добывать зверя, негде пасти оленей. В результате промышленного освоения Севера погибло 20 млн.га оленьих пастбищ. Средняя продолжительность жизни местного населения 42—45 лет — на 16—18 лет меньше, чем живущего там же некоренного населения. Заболеваемость туберкулезом в 5 раз выше, а детская смертность в 2 раза выше, чем в среднем по РСФСР.

Сейчас у большинства из этих народов начался процесс активного возрождения национального самосознания, чувства хозяина собственной земли. В 1989 г. в г. Ханты-Мансийске прошел первый съезд ханты и манси — коренных народов этого региона Западной Сибири. Принято решение закрыть оставшиеся еще неповрежденными участки тайги для геологов, нефтяников-промысловиков и восстановить там традиционное природопользование.

В начале 1990 г. созданы ассоциации коренных народов Колымы и Чукотки, народов севера Сахалинской области. В марте 1990 г. в Москве состоялся первый Съезд народов Севера, на котором были обсуждены конкретные действия по реализации Постановления Верховного Совета СССР от 27 ноября 1989 г. о закреплении территорий традиционного природопользования, не подлежащих отчуждению под промышленное освоение, за коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока.

В судьбе малых народов экология сплетается с политикой. Сохранение национальной культуры этих народов будет означать важный вклад в сохранение природы Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Радиационная обстановка

Говорят, мерилом ошибок современной цивилизации стал «один чернобыль». Из района ядерной катастрофы было эвакуировано 116 тыс. человек. Еще 230 тыс. человек находится в опасной зоне и сотни поселков должны быть эвакуированы. По некоторым расчетам, серьезные ограничения должны затронуть жизнь не менее 2,5 млн. человек. Сейчас всеми признается, наконец, что чернобыльская катастрофа является, по-видимому, самой крупной техногенной катастрофой современности. Выяснилось, что доступная официальная информация содержала существенные искажения реального положения, как относительно безопасности и характера работы разных АЭС, так и радиационного загрязнения местности. Например, лишь в 1990 г. общественность узнала о том, что общая территория, пораженная радиацией, в России, вдвое больше, чем на Украине. С экологической точки зрения, ясно, что пятна радиоактивного загрязнения будут обязательно «расползаться». Радиация будет переноситься с поверхности ветром (пыль и пепел), грунтовыми водами, мигрирующими животными и т.д. Этот процесс будет продолжаться многие десятилетия, и последствия его для природы и человека все еще не в достаточной степени осмысливаются.

В 1989 г. внимание общественности было привлечено к случаям использования в пищу сельскохозяйственных продуктов с высоким уровнем радиации. Было обнаружено, например, что в Ленинград, Ярославль и Архангельск поступало радиоактивное мясо из пораженных радиацией районов. Для уменьшения дозы радиации такое мясо смешивалось с необлученным мясом. В Новосибирске и Иркутске бы-

ли обнаружены партии грузинского чая и лечебных трав с опасным уровнем радиации.

Сейчас в стране становится все более сильным антиядерное движение. Специалисты в области ядерной энергетики объясняют его возникновение «радиофобией». Однако накапливается все больше фактов, подтверждающих мысль, что мы в СССР просто еще не готовы к мирному использованию ядерной энергии из-за отсутствия надежных и безопасных в эксплуатации АЭС. Число аварий на всех АЭС СССР в 1988 г. было на 20% больше, чем в 1987 г. Резко возросло общественное внимание не только к радиационному, но и тепло-вому загрязнению среды, вызываемому АЭС.

Это общественное движение дает результаты. Остановлено строительство Одесской и Минской тепловых атомных станций, Краснодарской и Ульяновской АЭС, закрыта Чигиринская АЭС прекращено сооружение Крымской АЭС и проектирование Ивановской АЭС.

Пережив трагедию Чернобыля, мы с большим вниманием и неприятием стали относиться и к продолжению ядерных испытаний. По постановлению Верховного Совета СССР от 27 ноября 1989 г. идет подготовка к закрытию ядерного полигона в Северном Казахстане в районе Семипалатинска. В последнее время стали известны факты отрицательного влияния этого полигона на состояние здоровья населения, а также на животный мир.

Огромную экологическую опасность представляет переполняющееся хранилище жидких радиоактивных отходов в Челябинской области. Высок риск его прорыва. В этом случае под угрозой окажутся жизнь и здоровье нескольких миллионов человек.

На протяжении долгого времени в СССР были фактически запрещены индивидуальные средства радиоактивного контроля. Да и до сих пор радиометров и дозиметров нет в продаже. Оказалось, что только в Москве существовали многие сотни(!) источников радиоактивного загрязнения. В бесхозном состоянии находятся многие свалки радиоактивных отходов, что создает серьезную опасность для населения и для животного мира. Кстати отмечу, что проблема захоронения токсичных и бытовых отходов решается крайне медленно и неудовлетворительно. Проверка показала, что в 1988 г. 53% мест такого захоронения не отвечали санитарным требованиям (82% в Латвии, 84 — в Грузии, 89 — в Молдавии, 93% в Узбекистане). А что же можно сказать о тех более чем 800 радиоактивных могильниках, которые были в спешном порядке организованы вокруг Чернобыльской АЭС после аварии? Ясно, что при их сооружении не могли быть соблюдены требования радиоационной защиты окружающей местности и грунтовых вод.

Анализ

Главные причины ухудшения экологической ситуации в стране — политические и экономические. В результате многолетних перекосов

в политической системе общества Советы как органы народного управления утратили реальную власть на местах. Партийный аппарат КПСС неоправданно широко вмешивался в хозяйственные функции. Другую часть власти — и возможно даже большую чем партаппарат, — захватили министерства и ведомства. Местные Советы поставлены в положение просителей и часто против желания соглашаются с экологически опасными проектами, поскольку видят в этом главный источник финансирования для развития территории.

У ведомств нет действенных экономических стимулов ресурсосбережения, что приводит к экстенсивной эксплуатации ресурсов и экстенсивному развитию самих ведомств. Монополия ведомств ведет также к тому, что каждая отрасль развивается без учета влияния на среду других участников хозяйствования. Все это привело к экологически опасному развитию отдельных регионов.

Итак, главная причина бедственного экологического положения страны в том, что охрана природы до настоящего времени предприятиям и ведомствам экономически невыгодна, а у местной власти не хватает средств. Только экономическая реформа способна коренным образом изменить положение. Земля, лес, недра, воды — все природные ресурсы должны иметь цену и хозяина. Ущерб, наносимый природе и здоровью человека, должен полностью возмещаться тем, кто его нанес. Плата за ресурсы должна в значительной мере идти местным органам власти, что сделает их материально независимыми от ведомств и способными организовать работу по улучшению среды обитания. Любые проекты строительства и выпуска новой продукции должны предваряться независимой государственной экологической экспертизой, имеющей право вето.

Вторая группа причин ухудшения экологической обстановки в стране может быть названа «идеологической». До последних лет было широко распространено заблуждение, что социалистическая система хозяйства автоматически обеспечивает рациональное природопользование. Воспитанные на этом тезисе, мы в свое время отказались от участия во многих мировых программах по спасению природы. Советский Союз не участвует в нескольких десятках из более чем ста экологических международных соглашений. По политическим соображениям СССР отказался участвовать в международной конференции, ознаменовавшей поворот мирового сообщества к глобальным проблемам — Стокгольмской конференции 1972 г. СССР до сих пор не участвует в работе ФАО — специализированной организации ООН, регулирующей сельское, лесное и промышленное хозяйство во всем мире.

За критикой капиталистического природопользования мы проглядели, что ведущие капиталистические страны в значительной мере справились с теми экологическими проблемами, которые ныне встали перед нами. Во всех развитых странах мира быстро идет процесс *социализации* природных ресурсов. У нас же наблюдается скорее обратная тенденция «де-социализация» природы: ее ресурсы монопольно используются ведомствами или даже группами лиц. Яркий пример

тому — огораживание пляжей в курортных зонах СССР, и прямо противоположное развитие «права на берег», например в Италии и США.

Все затраты на охрану среды в СССР составляли в 1988 г. — 11,1 млрд.руб.; в 1989 г. — 11,5; 1990 (проект) — 12,5 млрд.руб. (39 руб. на человека). Аналогичные затраты в США составляли в 1989 г. около 80 млрд. долл. (320 долл. на человека). Чтобы быть точным, надо отметить, что из выделяемых в СССР денег на охрану природы используется лишь часть — по-видимому, не более 65%. Остальные не используются из-за недостатка строительных мощностей, материалов — таковы официальные оправдания, а на самом деле — из-за недостаточного понимания важности проблем.

Сколько же и куда нам надо потратить денег для улучшения состояния экологии?

Подсчеты показывают, что для снижения загрязнения до нормативного уровня — то есть в среднем в 2—3 раза — нам необходимо, по меньшей мере, около 60—70 млрд. руб. и большая их часть должна быть реализована в XIII пятилетке.

На приведение в порядок поверхностных вод (полное прекращение сброса неочищенных стоков, повышение глубины очистки и так далее) нужно еще 110—145 млрд. руб. Для обезвреживания токсических отходов промышленности (которых уже сегодня 30 млн.т) и улучшения переработки бытовых отходов понадобится не менее 6—25 млрд. руб.

Все затраты на решение экологических проблем страны должны бы составить в 1991—1995 гг. не менее 180 млрд. руб. И основные резервы для этого — в отказе от экстенсивного развития отраслей. Можно бурить ежегодно — как мы и делаем — 15 тыс. скважин, а можно из каждой умело пробуренной скважины получить в пять — десять, а то и 20 раз больше нефти. Только на бурении скважин можно сэкономить, как говорят специалисты, несколько миллиардов рублей в год. Уверен, что в народном хозяйстве не эффективно тратятся ежегодно десятки миллиардов рублей. Сейчас, если считать на единицу продукции (а не на человека), наше сельское хозяйство тратит в десятки раз больше энергии, чем другие страны.

А как мы используем свои огромные земельные ресурсы? Из 627 млн. га пашни на 32 млн. га средний урожай зерновых не более 7 ц. Обработка этих земель приносит нам больше убытков. Получается, что мы неэффективно тратим огромное количество труда, посевного материала, материально-технических ресурсов. Залужение этих 14% пахотных земель страны даст дополнительные корма для получения 3 млн.т мяса. Можно будет высвободить порядка 10% тракторно-комбайнового парка, сэкономить 1,5 млн. т моторного топлива, много удобрений, труда, но при этом полностью сохранить чистые сборы зерновых на уже достигнутом уровне. Важно изменить ситуацию и в отношении экологии, так как многие из этих площадей находятся в зонах рискованного земледелия, где особенно сильны эрозионные процессы.

На этой огромной территории, равной по площади Италии, в случае организации, скажем, отгонного животноводства, можно было бы сохранить разнообразный животный и растительный мир, уничтожаемый ныне тракторами и комбайнами. Этот же стратегический маневр — прекращение траты средств на обработку малопродуктивных земель — дал бы возможность вздохнуть и Аралу: на 40% площадей под хлопчатником урожайность ниже 15 ц/га и здесь его возделывание экономически невыгодно.

Необходимо преимущественно развивать не водные виды мелиорации, а сухие — облесение, гипсование, известкование. Экономические расчеты показывают, что в результате можно получить примерно 110—115 млн.т кормовых единиц. К этому нужно прибавить колоссальную — 6—7 млрд. руб. в год экономию средств, выбрасываемых сейчас на бездумное централизованное финансирование гидромелиоративных работ в системе бывшего Минводхоза СССР.

В значительной степени нежелание выделять деньги на охрану среды определяется тем, что мы не научились, как следует, взвешивать варианты нашего развития. Приведу несколько примеров.

Более 30 лет назад на Кубани были начаты работы по рисосеянию. Общая прибыль от собранного за эти годы риса составила несколько более 2 млрд.руб. Однако ущерб, нанесенный пестицидами одному только рыбному хозяйству Азовского бассейна, составил 3 млрд. руб. И это не считая огромного ущерба здоровью людей — сельскохозяйственные рисосеющие районы одни из самых опасных для проживания человека. Здесь крайне высок уровень заболеваемости, смертности, особенно детской, т.е. в целом для народного хозяйства развитие рисоводства на Кубани оказалось убыточным!

Другой пример. Освоение нефтяных и газовых месторождений на Севере, в частности газовых на п-ве Ямал. Уже несенный ущерб оленьим пастбищам в этом регионе составляет (если исходить из официальной оценки 1 га пастбищ в 1000 руб.) более 6 млрд. руб. Если же учитывать затраты, необходимые для рекультивации этих пастбищ, — несколько сот миллионов рублей. Этот ущерб никогда не будет покрыт выгодами от эксплуатации пусть даже очень крупных газовых ресурсов Ямала.

Третий пример — стоимость Чернобыльской катастрофы. Стоимость самой Чернобыльской АЭС была, вероятно, около 1 млрд.руб. Пусть на ней выработано на 1млрд. руб. электричества. Затраты же на ликвидацию аварии сначала были оценены в 8 млрд. руб., а сейчас уже многие десятки миллиардов рублей. Ясно, что этот ущерб многократно перекрывает прибыль, получаемую от эксплуатации всех АЭС, вместе взятых. Этим ставится под вопрос экономическая эффективность развития ядерной энергетики в стране.

Осложняет экологическую ситуацию и отсутствие точной информации о состоянии среды, которая часто просто скрывается ведомствами. Выше уже говорилось о недоступности данных по радиационному загрязнению местности, продуктов питания и товаров широкого

потребления. На заводе по переплавке цветных металлов в Подольске под Москвой в конце 1989 г. был случайно обнаружен мощный источник радиации. Неизвестно откуда радиоактивный металл попал на завод, неизвестно, как долго он находился в груде другого металла, и наконец, неизвестно, не разошелся ли он частично с производимой на заводе посудой по тысячам и тысячам квартир.

До сих пор оказываются недоступными данные по электромагнитному загрязнению среды (по отрывочным сведениям, этот вид загрязнения широко распространен и, на мой взгляд, не менее опасен для здоровья, чем радиоактивное).

А вот пример формально не секретной информации, которая так и осталась недоступной населению из-за тиража издания (18 экз.) в 1987 г. 21% всех проверенных Минздравом СССР колбасных изделий содержал ядохимикаты в опасном для здоровья количестве. То же относится к 42,5% продукции детских молочных кухонь, к 30% всех продуктов питания в Ленинграде... Однако в основном у нас в стране просто нет достаточно подробной и полной информации. Приведу примеры. Известно, что для состояния природы исключительно важно соотношение затронутых и незатронутых человеческой деятельностью земель. В частности — сколько земли распаханно. Оказалось, что в официальных статистических данных занижены величины площадей распаханых земель. Наблюдение из космоса показало наличие до $\frac{1}{3}$ неучтенных распаханых территорий! Можно ли при этом надежно планировать природоохранные мероприятия? То же самое оказалось с площадью пастбищ сбитых скотом (проблема перевыпаса). Официальная статистика говорит о 34,5 млн. га таких земель, а по данным из космоса — 150 млн. га, т.е. в 4 раза больше!

Сейчас в СССР возникла проблема уничтожения пестицидов, срок хранения которых истек или применение которых запрещено Минздравом СССР. Многие десятки тысяч тонн таких опасных химических веществ разбросаны по стране.

До последнего времени в СССР не было данных по содержанию в окружающей среде, пище и организме человека таких сверхопасных химических веществ, как диоксины и полихлорбифенилы. Нет данных — значит, и проблемы не существует!

В завершение этого раздела попробую определить, что же нужно для решительного изменения отчаянного экологического положения, в котором оказалась страна. На международном конгрессе «Экология — 89» в шведском городе Гетеборге оно было названо «экологическим вызовом», который мы бросаем миру.

Прежде всего — и это главное — надо, чтобы осознание экологической опасности стало всеобщим, а не только достоянием проживающих на территориях экологического бедствия. Это означает, что должны «позеленеть» все структуры государственной власти — законодательная, исполнительная, судебная. Пока самой «зеленой» оказывается законодательная, и наименее — судебная. Надо осознать тот факт, что время экологически неграмотных руководителей про-

шло. Даже те (не достаточно большие) средства, которые выделяются ныне государством на экологию не расходуются. Истинная причина этого не в отсутствии техники или фондов, а в политической неадекватности лиц, принимающих решения на местах и в центре.

Должна «позеленеть» и наука. Именно ученые были первыми (и в нашей стране, и в мире), кто еще в начале XX в. стал бить в набат экологической тревоги. Однако основная масса ученых пока далека от экологии и занята разработкой скорее антиэкологических, чем экологических технологий. Это становится понятным, если учесть, что ведомственная наука поглощает львиную долю всех ассигнований государства на развитие научных исследований (по-видимому, более 80—85%). Именно ведомственная армия ученых «научно» обосновала проекты переброски стока северных рек на юг, развитие производства экологически опасных белково-витаминных концентратов на базе парафинов нефти, проекты регулирования стока всех без исключения крупных рек СССР, каналов Волго-Дон-2 и Волга-Чограй.

В отечественной науке практически не получило развитие одно из важнейших направлений современной прикладной науки — оценка экологического риска любой новой технологии. Оценка риска важна в любом направлении человеческой деятельности, начиная от выведения новых сортов растений и животных и кончая развитием космической техники.

Анализируя экологическое состояние страны, нельзя не сказать о роли КПСС. Она долгое время добровольно несет бремя политического лидерства, а потому единолично и полностью ответственна за экологическую катастрофу в стране (хотя это руководством КПСС не признается). Наглядное доказательство тому — проект политической платформы, выдвинутой ЦК КПСС к XXVIII съезду, где экология существует на третьестепенных ролях. Несомненно, именно эта экологическая «глухота» высшего эшелона КПСС стимулировала в известной степени политизацию общественных экологических движений в стране вне рамок КПСС в ходе перестройки нашего общества в 1986—1990 гг.

В завершение этого короткого анализа отечественной экологической ситуации необходимо сказать, что до сих пор наше участие в международных усилиях по решению глобальных экологических проблем было совершенно недостаточное. Похоже, что мы и тут участвуем только в тех соглашениях, которые сулят нам непосредственную выгоду сегодня. Поэтому необходимо более жесткое, и я бы добавил, честное со стороны СССР, участие в международных усилиях по защите среды в глобальном масштабе.

Прогноз

Экологический кризис в стране будет в ближайшие годы нарастать и углубляться, увеличится и связанная с этим социальная напряженность. Экология уже сейчас ставит жесткие ограничения раз-

витию народного хозяйства, а местами определяет и внутривластическую обстановку. В 1987—1989 гг. из-за напряженной экологической ситуации бросало работу, подписывало петиции, участвовало в митингах несколько миллионов человек. Можно сказать, что, начиная с 1987 г., вопросы экологии стали важными внутривластическими вопросами. Это хорошо отразил опрос общественного мнения в конце 1988 г. — по-видимому, первый широкий опрос такого рода, проведенный за много десятков лет в СССР. Вот некоторые результаты опроса:

Вопрос: *«Какие проблемы актуальны для общества?»*

1. Нехватка промышленных товаров	— 55 %
2. Нехватка продовольственных товаров	— 51 %
3. Несправедливое распределение благ	— 49 %
4-5. Загрязнение окружающей среды	— 47 %
5-4. Высокие цены	— 47 %
6. Нехватка жилья	— 35 %
7. Плохое медицинское обслуживание	— 31 %
8. Зависимость от чиновников при решении жизненно важных вопросов	— 27 %
9. Плохое обучение и воспитание	— 24 %
10. Недостаточная забота о пожилых	— 23 %

Вопрос: *«Какая проблема главная для Вас лично?»*

1. Нехватка жилья	— 17 %
2. Высокие цены	— 18 %
3. Загрязнение окружающей среды	— 14 %
4. Несправедливое распределение благ	— 12 %
5. Нехватка продовольствия	— 11 %
6. Нехватка промышленных товаров	— 8 %
7. Зависимость от чиновников при решении жизненно важных вопросов	— 7 %
8. Плохое медицинское обслуживание	— 4 %
9-10. Плохое обучение и воспитание	— 3 %
10-9. Недостаточная забота о пожилых	— 3 %

Вопрос: *«Что надо делать немедленно, а что — потом?»*

1. Загрязнение окружающей среды	— 87 %
2. Нехватка продовольствия	— 82 %
3. Нехватка жилья	— 78 %
4. Нехватка промышленных товаров	— 74 %
5. Несправедливое распределение благ	— 73 %
6. Высокие цены	— 67 %
7-8. Плохое обучение и воспитание	— 63 %
8-7. Плохое медицинское обслуживание	— 63 %

9. Недостаточная забота о пожилых	— 61 %
10. Зависимость от чиновников	— 56 %

Вопрос: «Что является главным в проблеме экологии?»

1. Загрязнение воздуха	— 69 %
2. Загрязнение водоемов	— 54 %
3. Радиационная опасность	— 42 %

В Московском регионе на первый вопрос: «Какие проблемы актуальны для общества?» три первых ответа были следующие:

1. Нехватка жилья	— 20 %
2. Загрязнение окружающей среды	— 19 %
3. Высокие цены	— 15 %

В последующем подобных опросов проводилось несколько. В начале 1990 года 17% опрошенных считали, что при возникновении многопартийной системы партия «зеленых» выйдет на третье место по числу сторонников (после коммунистической и социал-демократической).

Партии «зеленых» уже существуют в прибалтийских республиках и на Украине, и в течении 1990—1991 гг. будут созданы, несомненно, во всех других союзных республиках. Учитывая возрастающую самостоятельность республик, вряд ли можно будет говорить при этом о единой такой партии для СССР но, несомненно, общественно-политическое движение с экологической направленностью, будет развиваться. Ответом на это со стороны более крупных политических партий будет заметная экологизация их политических платформ.

На уровне исполнительной власти уже в ближайшее время произойдет резкое сокращение числа министерств и ведомств, в первую очередь за счет добывающих и обрабатывающих министерств (вроде Минметаллургии, Миннефтегазпрома, Минрыбхоза, Минлесхоза, Минтяжмаша и т.д.). На этом фоне сокращения управленческих структур (при развитии самостоятельности предприятий) неизбежно должно усилиться государственное управление природопользованием, а значит — возрастет значение Госкомприроды СССР. Все органы государственного управления и контроля за качеством окружающей среды должны быть объединены в единый блок. В такой блок, несомненно, должны будут войти и Главное управление геодезии и картографии, общегосударственные службы космического наблюдения, охраны почв, вод, лесов и т.д. Должна будет резко измениться вся структура народного хозяйства страны. В сфере обслуживания будет занято значительно (в перспективе вдвое) больше населения. Необходимо сократить число работающих в добывающих и обрабатывающих отраслях, оборонной промышленности, сельском хозяйстве и энергетике. Прекратятся гигантские стройки — детища ведомств-мо-

нополистов, которые пожирают значительную часть государственного бюджета, разрушают природу.

Академия наук СССР и отечественная наука вообще наконец-то повернутся лицом к экологическим проблемам. Академия наук СССР, сохраняя свою роль своеобразного министерства по делам наук, должна будет создать сеть экологических подразделений и, по-видимому, специальное отделение экологии. Резко возрастет экспертная роль Академии наук в народном хозяйстве.

Неизмеримо возрастет роль местных Советов (муниципальных органов) в налаживании рационального природопользования, контроля за качеством окружающей природной среды. Именно на уровне местных Советов будут реализованы на практике ограничения на промышленное развитие территорий, уже сегодня относимых к регионам экологического бедствия. Существенную роль при этом сыграет уже начавшаяся в соответствии с Постановлением Верховного Совета СССР «О неотложных мерах экологического оздоровления страны» от 27 ноября 1989 г. *экологическая паспортизация* всех предприятий и территорий, а также экологическая экспертиза всех начинающихся строек, реконструкций, программ развития.

В результате экологизации деятельности судебной власти — прокуратуры и судов — произойдет резкое увеличение эффективности действия законов по охране природы. Важным моментом в этом процессе на первом этапе будет выполнение требования уже упомянутого выше постановления о полном возмещении ущерба природе и здоровью человека деятельностью любого природопользователя.

По изложенному выше сценарию, правда, по оптимистической оценке современных тенденций развития, через 2—3 года может произойти стабилизация экологического состояния страны, а в 1993—1995 гг. может начаться некоторое ее улучшение. В этом случае к 2000 г. можно будет надеяться на восстановление приземных экологических условий по всей стране.

Условием для этого является дальнейшая демократизация советского общества. Однако никакая демократизация сама по себе, без экологизации сознания (и следовательно — политики и экономики), не решит задачу улучшения условий жизни человека. Обнадеживает то обстоятельство, что понимание важности решительных изменений нашего отношения к природе быстро распространяется среди разных общественных групп. Американский писатель и философ XIX в. Генри Торо писал: «Встает только та заря, к которой пробудились мы сами». Советский Союз пробуждается от экологической спячки.

Примечания

1 Приводимые в этой статье фактические данные основаны на официальном докладе Госкомприроды СССР «Состояние природной среды в СССР в 1988 году» (М., Госкомприрода СССР, 1989, с. 1—204), статистическом сборнике «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в СССР» (М., Госкомстат СССР, 1989, с. 1—174), «Обзоре фонового состояния окружающей природной среды в СССР за 1988 г.» (М., «Гидрометеоиздат», 1989, с. 1—102) и на материалах пе-

риодической печати. В статье использованы также материалы выступлений автора на I и II Съездах народных депутатов СССР в июне и декабре 1989 г.

2 Эта система сохранилась до сих пор, и, например, в официальном статистическом отчете об итогах развития народного хозяйства СССР в 1989 г. читаем: «...расходы (на природоохранные мероприятия) возросли ...», «Выброс вредных веществ в воздушный бассейн... уменьшился...» («Известия», 28.01.90, с.2). И лишь через несколько абзацев полупризнание: «Вместе с тем проведенные мероприятия не обеспечили повсеместного улучшения экологической обстановки». Словечко «повсеместно» сразу же настраивает читателя на то, что где-то ситуация улучшилась, хотя на самом деле это не так.

3 На вопрос «бывает ли, что официальная информация о состоянии среды противоречит действительности?» 77,8% опрошенных ответили утвердительно, а на вопрос «откуда вы обычно получаете сведения по состоянию среды?» 47,2% опрошенных сослались на собственные наблюдения («Народный депутат», №2, 1990, с. 80).

4 В 1981 г. было использовано 1,42% капитальных вложений на охрану среды.

5 Г. А р т ю х и н. В поисках равновесия с природой. — «Ленинское знамя», 29. 08. 1986.

6 Гигиенический анализ результатов автоматизированной системы контроля за остаточными количествами пестицидов в сельскохозяйственной продукции и продуктах питания в СССР за 1988 г. — в целом по стране и по союзным республикам. ВНИИ гигиены и токсикологии пестицидов, полимеров и пластических масс. Киев, 1989, с. 117.

7 Данные по ожидаемой продолжительности жизни в 1964—1967 гг. были изъяты из всех статистических справочников последнего десятилетия. Только в 1990 г. они стали доступными («Население СССР. 1988». М., Госкомстат, 1990, с. 493):

	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины
1964—1965 гг.	70,4	66,1	73,8
1987 г.	69,8	65,1	73,8
1988 г.	69,5	64,8	73,6

8 «Аргументы и факты», №15, 1990, с.1.

СССР в 2000 году

1. К чему пришли?

Общеисторический контекст перестройки. Что будет через 10 лет? История, кажется, очевидна, вся наружу — и загадочна, непредсказуема, неуловима в своей внутренней логике, особенно на переломных этапах. А это десятилетие переломное. Одна эпоха сменяется другой. Какова одна, какова другая?

Одна — это раскаленная добела эпоха неистовой, непримиримой классовой и межгосударственной борьбы, отмеченная двумя мировыми войнами и последовавшей за ними упорной, лихорадочной подготовкой третьей, последней, ракетно-ядерной. Эпоха, на протяжении которой великие гуманисты трагически сознавали «несовременность» естественных гуманистических мыслей и стремлений, а политики отодвигали их в сторону. Другая — закономерно вызревшая в лоне этого неслучайного, рожденного классовым антагонизмом социального безумия эпоха примирения и конвергенции. Конвергенции, понимаемой не как слияние двух систем на якобы общецивилизационной капиталистической основе, а как неразрушительное соперничество, сотрудничество, взаимное сближение этих систем, каждая из которых сохраняет собственную природу, но обе имеют обширную «общую зону» и общие сущностные черты — товарное производство и политическую демократию, а в отдаленной перспективе, вероятно, придут к более полному воплощению свободы, равенства и братства. Наступило совсем иное время. Возникает совсем иной мир, зачатый в середине XX века, рождающийся на его исходе и имеющий вступить в «могучий поздний возраст» (Пушкин) в XXI веке.

Что касается следующего века, то он доступен общему обзору до того рубежа, когда уже надвигающаяся экологическая катастрофа проявит себя с такой разрушительной силой, что человечество, спохватившись с непростительным, возможно, роковым опозданием, коренным образом изменит свой образ жизни. И прибегнет к последним, отчаянным мерам спасения, включая резкое снижение уровня производства и потребления, сокращение «избыточного» населения и т.п.

Мировая история избрала причудливый, в духе «женской логики», но в своей подоснове, видимо, единственно разумный способ смены общественно-экономических формаций, избавления человечества от частной собственности на средства производства, приводимые в

движение наемными работниками, и вытекающей отсюда классовой дифференциации, способ утверждения большего равенства и более справедливых социальных различий (связанных не с имущественным положением, а с личными способностями людей и реальными результатами их труда).

Во-первых, она, история, посмеялась над утопиями основоположников «научного» социализма, планировавшими достичь своих целей на протяжении жизни одного поколения, и решила растянуть смену общественно-экономических формаций века на два.

Во-вторых, она предоставила роль первопроходцев относительно отсталым странам, оказав им тем самым высочайшую честь и, увы, не пожалев их, ввергнув их в пучину волюнтаристских конвульсий — революцию.

В-третьих, неимоверными усилиями главным образом социалистической страны — СССР и ценой принесенных ею огромных жертв она, история, оградила развитые капиталистические страны и весь мир от социальной катастрофы — фашизма, этой особо уродливой деформации капиталистического строя.

В-четвертых, она позволила развитым капиталистическим странам («первому миру») заметно продвинуться в сторону социализма, дав им возможность реализовать важные социальные программы на базе как бурного роста производительности труда в условиях научно-технической революции, так и неэквивалентного обмена с отсталыми странами — главным образом странами «третьего мира», но во многом и с социалистическими странами («вторым миром»).

В-пятых, она тем самым избавила развитые капиталистические страны от революции с ее демонами нетерпимости и разрушения, предоставила этим странам возможность развиваться спокойным и конструктивным эволюционным путем, на котором могут, соперничая друг с другом, сотрудничать противоположные классы и их организации.

В-шестых, она, зная природу капитализма и не доверяя его доброй воле, стала осуществлять такой параллельный, сдублированный переход от капитализма к социализму, при котором оба строя поставлены в условия жесткой конструктивной конкуренции, а социализм должен демонстрировать образец более справедливого общества.

В-седьмых (дойдя до этого магического числа, на том и остановимся), она, мировая история, прежде чем, возможно, прекратить течение свое и удалиться на покой до появления после человека иных, более разумных, не столь агрессивных существ, решила предоставить человечеству последний шанс, приготовив для трех его секторов общую работу — предотвращение экологической катастрофы, что сблизит их, скорее всего, на базе социализма — строя, в принципе допускающего большую меру управляемости общества.

Испытывая признательность истории по поводу ее общей приверженности прогрессу, социализм («реальный») должен понимать, что у нее, этой суровой старой леди, пироги и пышки достаются больше

умелым и развитым народам, а синяки и шишки — неумелым и отстающим. Кое-кого она может даже сжечь со света.

По Гегелю, история, ведя свою игру с народами, которых у нее много, с запасом, может избрать какой-то из них для воплощения новой идеи, а затем обречь его на гибель: народ уходит в небытие, а идея, импульс общего движения — сохраняются. Возможно, советскому народу была уготована такая участь, но он чудом избежал ее, выстояв в самоубийственной гражданской, а затем в Отечественной войнах. Теперь не столь жестокое, но не менее сложное испытание — на социальную (социалистическую) зрелость. Каждый новый общественный строй предъявляет к обществу все более высокие интеллектуальные и нравственные требования. Начать движение относительно легко — взойти на плоскогорье много труднее, можно и не дойти, сорваться на крутом подъеме в пропасть.

Таков, позволительно думать, общеисторический процесс, в рамках которого можно попытаться несколько по-новому осмыслить советскую историю и предугадать ключевые события и результаты предстоящего десятилетия. Не поддаваясь при этом тому поветрию вульгарного, одностороннего, упрощенного, закусившего удила анти-социализма, которое явилось органическим продолжением поветрия столь же вульгарного антисталинизма.

Предыстория перестройки. Социализм, прошедший стадию своего становления в ненормальных, чрезвычайных условиях, в условиях борьбы не на жизнь, а на смерть, неизбежно сформировался в СССР как авторитарно-мобилизационный. С теми тоталитарными извращениями, которые не неизбежны, но обычно сопровождают авторитарные режимы. Социализм был, коль скоро утвердились две его необходимые формационные черты — общественная, главным образом общенародная собственность (без частнокапиталистической собственности) и распределение по труду (а не по капиталу и труду). Но остальное... Социализм был, но примитивный. В таком качестве он и выжил. Только освободившись от этого качества, от сталинизма как формы авторитарно-мобилизационного социализма и сталинщины как его нетерпимого извращения, он может жить дальше.

Понимание того, что назрела реконструкция авторитарно-мобилизационного социализма (административно-командного, казарменного, военно-феодалного, крепостного и т.д., как в критическом увлечении называют его сейчас), начало проклевываться у его творцов уже в начале 50-х годов. В дискуссии об экономических проблемах заговорили о том, что классовое общество предполагает не только борьбу, но и сотрудничество противоположных классов, что сложившиеся производственные отношения в чем-то отстают, что государство не всемерно в управлении экономикой, что она подчинена объективным законам, в частности закону стоимости, который не может быть отменен или «преобразован».

Но ни сталинское, ни потом хрущевское руководство не смогли вырваться из плена своего собственного прошлого, отрешиться от иде-

ологии тотальной управляемости общества. Они не приняли идеологии независимого от государства «гражданского общества», идеологии отчасти регулируемой государством, но прежде всего саморегулируемой общественной жизни. Казалось, что и без крутых перемен, в рамках тотального управления и авторитарного режима десятипроцентный ежегодный рост производства будет продолжаться, достигнутый в предвоенные годы и в годы войны технический паритет с развитыми странами, а кое-где приоритет сохранятся. Лишь в середине и конце 60-х годов увидели очевидное отставание. Была сделана серьезная попытка реформы, пусть половинчатой, но с перспективой углубления. Однако косыгинская реформа уже после первых ее шагов сменилась брежневской контрреформой, а потом застоём, равнодушием, разложением, маразмом.

Вместо авторитарно-мобилизационного социализма, который ценой огромных жертв, идеологических, политических, экономических потерь все же утвердил основные элементы нового общественного строя и спас страну от порабощения, тем самым выполнил свою историческую задачу («трагедия и триумф»), возник социализм авторитарно-бюрократический, редкостно бесплодный. Нельзя сказать, что он даже не понял исторической задачи социализма на новом этапе развития. Какое-то понимание того, что социализм должен, наконец, стать нормальным и явить миру образец эффективного и справедливого общественного устройства, присутствовало в речах и решениях партии, руководящая роль которой непрерывно «возрастала» (в действительности падала), но это была какая-то платоническая политика. Весь ее пар уходил в гудок. Политическое руководство произносило и верные декларации. Но оно срослось с бюрократизированным аппаратом управления, утратило контроль над ним, само подпало под его фактический контроль. А он стал служить не столько обществу, сколько самому себе. Монополия партийной власти переродилась в партийно-аппаратное двоевластие. Аппарат фактически противопоставил себя политическому руководству и проводил свою линию. Это один из ключевых моментов для понимания сложившейся ситуации и последующих провалов «революционной» перестройки.

Преобразование аномального социализма в нормальный требовало ликвидации организационного двоевластия, преодоления упорного сопротивления сложившегося мощного бюрократизированного, а в ряде звеньев и просто бюрократического аппарата управления. Не «голового» аппарата, а опирающегося на инерционность массового сознания, на привычку многих и многих работников работать ненапряженно, недобросовестно и получать незаработанное. Началось проедание обществом своего собственного будущего.

В мотивационной системе работника производства требовалось произвести настоящий переворот — отказаться от ставки на невечные воодушевление и самоотверженность, питаемые лишь преходящим революционным подъемом и действительными чрезвычайными условиями, оставить эти высокие чувства и установки лишь для «идеоло-

гического аккомпанемента», воспитательного фона, а на первый план выдвинуть непосредственный интерес, личную и групповую выгоду, если угодно, эгоизм, а значит — большее социальное неравенство, инициативу, риск. Как и накануне нэпа, назрел достаточно крутой поворот в политике вправо, к значительному, однако нормальному для социализма неравенству, имеющему трудовую основу, к формированию полномасштабного конкурентного товарного производства, но в его социалистической, а не частнокапиталистической форме.

Естественно, это означает глубокие сдвиги в политике — и в политическом курсе (ориентация общественного развития, траектория его движения, рассчитанная на удовлетворение интересов господствующих классов и других общественных групп, приспосабливаемое для подавляющего большинства общества) и в политическом режиме (организация социальных взаимодействий внутри общества, между ним и государством и внутри государства с помощью того или иного сочетания как таких авторитарных, односторонне властных средств, как предписание, централизация, дисциплина, принуждение, так и таких демократических средств, как равноправие, договоры, децентрализация, самоуправление).

По спектру объективно возможных политических курсов (ультралевый — леворадикальный — левоумеренный — левоцентристский — правоцентристский — правоумеренный — праворадикальный — ультраправый) нужно было, как и при нэпе (явившемся решительным сдвигом от безрассудного ультралевого курса к правоцентристскому — с ограниченным допущением частной, частнокапиталистической собственности) сдвигаться вправо, к большему чем прежде социальному неравенству как важнейшему стимулу эффективного производства.

Здесь не обойтись без терминологического отступления. Слова «левый» и «правый» употребляются в настоящей статье в том смысле, какой принят в мировой политологии и политике. Левизна означает ориентацию политики на большее социальное равенство, на его достижение и использование в качестве организационного фактора, а правизна — на меньшее социальное равенство, на большее социальное неравенство. Поэтому коммунистические партии повсюду левые, а буржуазные — правые. Центристы сочетают эти ориентации. Ясно, как божий день. Тем не менее в советском «политическом фольклоре», а вслед за ним и в литературе здесь полная «оригинальность».

Для советской политической и публицистической культуры характерно смешение не только этих понятий, но и нестрогое, неряшливое употребление длинного ряда фундаментальных понятий: революций и реформ, консерватизма и новаторства, консерватизма формационного (ориентация на сохранение данного общественного строя) и консерватизма модельного (ориентация на сохранение исторически более преходящей формы данного строя), реакции и прогресса, радикализма и умеренности. Каждый норовит обозначить свою позицию,

какой бы она ни была, лестным термином, а позицию противника или оппонента — нелестным.

Рекорды несуразности побиты употреблением слов «левый» и «правый» в обратном смысле. Слово «левый» служит любой позитивной самооценке. «Левыми» называют себя... сторонники рекапитализации советского общества, такие радикалы, «прогрессисты» и «революционеры», которые добиваются отмены социализма и возврата капитализма, хотя бы и нового (то есть действительные радикалы, но крайне правой ориентации).

Итак, перестройка — это сдвиг вправо, каких бы левых, революционных речей ни произносили при этом ее инициаторы и руководители. Но это сдвиг вправо в рамках строя, который «зачат» как левый, ориентирован на максимально возможное социальное равенство (равенство, конечно, стартовых возможностей, а не людей, которые не могут быть равны как личности), у которого левизна заложена в его генетической программе. Вся проблема в том, чтобы этот сдвиг вправо был достаточным, но не чрезмерным. Вот поле для проявления политического искусства.

Каждому историческому периоду соответствует один, и только один, оптимальный политический курс. Он может быть найден и принят или нет, может быть осуществлен более или менее умело, с большей или меньшей полнотой, но он один. Истина и в политике одна, альтернативных заблуждений много. В политике нет ничего хуже «рысканья по курсу», смешения курсов, замены или торможения принятого курса при каждом случайном препятствии, внешнем влиянии, проявлении собственной нерешительности. Это не имеет ничего общего с гибкой тактикой в осуществлении принятого курса.

Принципиальное значение принятия оптимального политического курса состоит в том, что он представляет собой главную объективную предпосылку максимально демократичного режима. Именно политический курс главным образом «ответствен» за то, что из всего спектра объективно возможных политических режимов (тоталитарный, или извращенно авторитарный, — жестко авторитарный — авторитарно-демократический — демократически-авторитарный — развернутый демократический — попустительски-демократический, или анархистский) общество реализует или не реализует наилучший, данный ему на этом отрезке истории.

При этом нужно иметь в виду, что демократическая организация общественной жизни, обеспечивая максимально возможную индивидуальную свободу, предоставляет собой огромную самостоятельную социальную ценность, сравнимую с социальным равенством. При выборе оптимального политического курса принимается во внимание и то, насколько демократичный политический режим он даст возможность реализовать.

Развернуто демократический режим объективно может быть реализован лишь при таком политическом курсе, который создает широкий социальный консенсус. Это такая «социальная диспозиция», ког-

да процентов 10 самостоятельного населения образуют активный авторитетный авангард общества (в норме представленный 2-3 партиями, ориентированными на сохранение и развитие данного общественного строя, и примыкающими к ним организациями), наиболее влиятельная часть которого отстаивает принятый политический курс, процентов 50 населения охотно принимает этот курс как свой собственный и безоговорочно поддерживает его, процентов 30 с некоторыми колебаниями соглашается с ним как с приемлемым, а из оставшихся 10 процентов, в принципе предпочитающих другой строй, более левый или более правый, большая часть смиряется с существующим строем и принятым курсом как с исторической судьбой.

✓ | Без социального консенсуса демократия невозможна. При социальном консенсусе она объективно возможна, но устанавливается отнюдь не автоматически. Нужны мудрые или хотя бы разумные лидеры.

Социальный консенсус — это нормальная структура социальной активности и ее носителей, она с теми или иными несущественными отклонениями наблюдается лишь в условиях стабильности. С наступлением нестабильности все меняется.

Энгельс как-то высказал мысль, что в политике только две силы имеют решающее значение — организованная сила государства, армия и неорганизованная, стихийная сила народных масс. К ним можно было бы добавить третью решающую силу политики, уже не материальную, а организационную, — высшее политическое руководство. Перестройка сложилась так, что третья решающая сила оказалась слабой, ввиду чего на арену выступила вторая, и в ряде мест пришлось прибегнуть к первой силе как к последнему спасению.

К началу 1987 г. страна и интеллектуально (были проекты), и психологически была подготовлена предшествующими двумя годами «предперестройки» к глубоким переменам, прежде всего и главным образом к глубокой экономической реформе. Проведение последней могло тогда поглотить почти всю общественную энергию, с великой пользой занять ее решением конструктивных задач. И что же? Политическое руководство, не имевшее концепции перестройки, бухнувшее в колокола, не заглянув в святцы, лишённое ввиду отсутствия четкого плана действий хотя бы минимального единства (но тем не менее заявлявшее, что у него есть и концепция, и единство) явило свою «решающую слабость»: был принят закон о государственном предприятии. Он должен был стать основной базой для экономической реформы, а на деле, ввиду своей половинчатости и внутренней противоречивости, стал источником дезорганизации народного хозяйства.

✓ |

Этот закон стал документальным свидетельством капитуляции политического крыла в системе организационного двоевластия перед бюрократическим, представленным главным образом партийным аппаратом, Госпланом, Госснабом и отраслевым аппаратом управления. Административно-командная система управления хозяйством сохра-

нила свои позиции, заменив обязательные плановые задания обязательными же госзаказами и предоставив предприятиям чуть большую самостоятельность. Система сохранилась, но в расшатанном виде и потому еще более неэффективная. Развал хозяйства был делом времени, и его потребовалось совсем немного — всего два года. Покатился по наклонной плоскости вниз и авторитет политического руководства.

Общественная энергия, долго копившаяся под прессом застоя, подогреваемая революционными речами политического руководства и уже не воспринимающая его же призывы не терять чувства меры и ответственности, переключилась с экономики на политику, а в политике с социальных проблем на национальные. В международных отношениях конструктивные задачи были быстро подменены разрушительными, начались международные конфликты. Кое-где с территориальными притязаниями и международными босвыми действиями.

Неорганизованная, стихийная сила народных (национальных) масс начала обретать организованность. Были созданы и преступным путем вооружены отряды босвиков. Число вооруженных и невооруженных, но готовых действовать босвиков достигло десятков тысяч. Для локализации и нейтрализации международных конфликтов, а также, кое-где, для предотвращения захвата власти народными фронтами, возникшими на почве национальных движений, пришлось устанавливать в отдельных районах чрезвычайное положение, пускать в ход организованную силу государства, армию. В некоторых республиках возникла новая система двоевластия, составленная из официальных партийно-государственных властей и народных фронтов, оказывающих на органы власти сильнейшее давление. Многие их представители вполне легально, по выборам заняли официальные посты. Суверенитет союзных республик, самостоятельность автономных образований стали осуществляться, ввиду запаздывания государственных решений по этим вопросам, во многом явочным порядком.

Справедливости ради и для полноты представления картины нужно сказать, что успехом политического руководства было преобразование структуры высших органов власти. Были учреждены и созданы Съезд народных депутатов СССР и постоянно работающий Верховный Совет СССР, а во главе того и другого поставлен Председатель Верховного Совета, наделенный одновременно полномочиями главы государства (эта аномалия была исправлена введением президентства). Заслуживает одобрения и дальнейшей жизни постоянно работающий Верховный Совет, который, естественно, должен избираться непосредственно населением. Но важно, что, пусть в далеких от идеала структурах, начался процесс «советизации» власти, ее упорядоченный переход от партийных органов к советским, государственным.

В сущности, первые пять лет перестройки были не перестроечными, а «предперестроечными». Реальная перестройка начинается, если не считать первых шагов к «советизации» власти, в 1990 г.

Перестройку, то есть преобразование аномального социализма (и все же социализма) в нормальный, можно рассматривать как задачу с двумя неизвестными — политическим курсом и политическим режимом. Два поколения послесталинского политического руководства не справились с этой задачей, даже не поставили ее. С огромным, в «полистории» запозданием, с запозданием на три-четыре десятилетия, совершенно непростительным для динамичного XX века, третье поколение сформулировало ее. Правда, как-то неуверенно, нечетко, многословно, невразумительно, но все же сформулировало и поставило. И приступило к ее решению. Это в любом случае остается заслугой. Судя по итогам первых пяти лет, потраченных по крайней мере наполовину непродуктивно и с отрицательными результатами, нынешнее поколение политических руководителей весьма благонамеренно, но и весьма некомпетентно.

И это понятно. В условиях монополярной партийной власти не было и не могло быть здорового отбора и роста политических лидеров, они выдвигались не столько в политических сражениях и серьезных кампаниях, сколько в пустопорожней риторике и угождении начальству. На риторике подчас выдвигались и циничные карьеристы, и те, кто искренне верит в марксизм, если не было противопоказаний по части угождения. Возможно, нынешнее поколение политического руководства выправится. Но более вероятно, что для решения поставленной им задачи потребуется четвертое поколение. Сохранит ли в нем свое место Горбачев, займут ли это место Гидаспов, Ельцин, Яковлев или кто-то еще, сказать трудно. В этой части история полна неожиданностей.

Некоторые идеологические проблемы перестройки. Руководители перестройки правильно отмечают свои заслуги в установлении «гласности». В смысле свободы слова, в частности печатного. Это, кстати, еще один пример терминологической неряшливости. Гласность — это открытость политики, доступность каждому гражданину информации о деятельности государства, его аппарата, должностных лиц (за изъятием информации, конфиденциальной по действительно важным соображениям, а не из-за стремления избежать того, чтобы, как говорил Петр Великий, «глупость каждого явлена была». А еще больше своекорыстие). В части гласности есть небольшие перемены, основной же прогресс — в области реализации свободы слова.

Но и здесь не все ладно. И гласность, и свобода слова, и вообще все демократические элементы политического режима устанавливаются и поддерживаются государством для того, чтобы использовать в интересах сохранения данного общественного строя и проведения данного политического курса. Конечно, в политике, как и везде, нет добра без зла, эти свободы используются и противниками данного строя и данного курса, это неизбежно и в определенном смысле (конкуренция) неплохо, просто хорошо. Но совершенно ненормально положение, когда социалистические силы уклонились от принципиаль-

ных дискуссий, дали запугать себя, фактически уступили поле идеологической борьбы своим противникам.

Идеология (позитивная) — не только пища для души, средство познания каждым человеком окружающего мира и определения своего места в нем, средство саморазвития и самореализации, стержень внутреннего мира личности, позволяющий ей не «гнуть» и качаться» в жизненных испытаниях. У идеологии есть и вытекающее из этого ее личностного качества политико-инструментальное качество: открывать, обосновывать, доказывать, убеждать, внушать, что избранный строй наиболее справедлив и при адекватных политическом курсе и политическом режиме имеет такие-то преимущества и потенции. Руководители перестройки виноваты перед социализмом в том, что, открыв возможности для свободной идеологической борьбы, сами вели ее неумело, фактически капитулировали в ней.

Самой большой прорехой на рубище социализма стала даже не буксующая несуразная экономика, а парализованная идеология. Дошли до кокетничания с тезисом о «деидеологизации». Как будто идеологическая пустота вообще возможна, как-будто возможно что-либо иное чем замена одной идеологии другой идеологией. По истечении своих пяти лет перестройка со стыдом и ужасом обнаружила, что социалистические ценности подорваны, что молодежь, да и многие взрослые теряют веру в социализм, что она, перестройка, как раньше застой, теряет входящих в самостоятельную жизнь молодых людей.

Как известно, всякая идеология, даже если она, как социалистическая идеология, с некоторыми основаниями претендует на научность, на массовом уровне функционирует преимущественно как вера. Предмет веры может быть при этом и абсолютно иллюзорным (как бог и загробная жизнь), и проблематичным (как коммунизм и пока что, хотя и в меньшей мере, социализм). Крушение веры, замена веры безверием или другой верой — тягчайшее испытание для народа, отдельных социальных групп, отдельного человека, источник глубокой дестабилизации всей их жизни.

В практически любом обществе существует процентов десять людей, являющихся основными вполне сознательными носителями господствующих идеологии и политики, духовным ядром общества. Остальные более или менее конформны и ведомы, и для них вера — великая опора. В критические периоды духовное ядро общества раскалывается и лишается влияния. Если оно собирается с силами, обновляет идеологию и политику, приводит ее в соответствие с интересами и стремлениями большинства общества, с духом времени, очищает себя от балласта и наростов, то восстанавливает свое влияние. Если нет, то уступает место другому духовному ядру, целиком или отчасти иному и по составу, и по идеологии, и политике. А смена веры каждый раз сопровождается ростом массового безверия — негативизма, эгоцентризма, цинизма, культа силы, нравственной опустошенности. Это тоже идеология, только негативная. В позитивной же

идеологии происходит бурный прилив сторонников от распадающейся к другим, альтернативным идеологиям.

Все это и происходит в процессе перестройки. Падение социалистической идеологии — при том, конечно, что свою роль сыграли также экономические трудности и провалы, — вызвало главным образом три идеологических явления: всплеск движений за национальное возрождение (чаще всего с вытеснением социальных проблем национальностями, недооценкой первых), натиск буржуазной идеологии и оживление религий. Вместе с тем тревожные масштабы приобрели последствия идеологического абсентеизма, распространившегося безверия — это скачкообразный рост преступности, алкоголизма, наркомании, самоубийств.

Из идеологического кризиса есть только один социалистически ориентированный выход — разработка и пропаганда теории нового социализма, неосоциализма, который, скорее всего, получит наименование демократического социализма. Это название уже употребляется, но что стоит за ним, остается неясным. И вот, вместо того чтобы внести ясность в этот кардинальный вопрос, руководители перестройки выступили со «странным и чудовищным» для марксистской традиции тезисом — о недопустимости такого образа действий, когда разрабатывается и реализуется («навязывается») какая-то модель будущего общества. Что бы это значило?

Безмодельное развитие — это что-то не для человека разумного, какой-то принципиальный иррационализм. Слепым виднес. Разумные люди, в частности и физически слепые, у которых этот недостаток обычно компенсируется развитым мышлением, действуют не иначе как имея некоторый проект — ракеты, моста, предприятия, партии, общества и т.д. В общественной деятельности, прежде всего в политике, считаются с особой сложностью объективных законов общественной жизни и механизмов их реализации, с более высокой вероятностью отклонения реальных результатов от цели. У нас на этот счет свой горький опыт. Но из него никак не следует, что все зло в моделях вообще. Не подходит одна модель — нужно пробовать другую, лучшую, полнее отражающую потребности общества, дух времени. Иного не дано. Это элементарно, об этом неловко говорить. Тезис о безмодельном развитии не лишен смысла лишь в случае, если имеется в виду постепенно, с хорошо рассчитанной «стихийностью» подменить социалистическую модель развития неокapиталистической. Тот же моделью, но такой, которая возникла будто бы сама собой, «вытекла из жизни», но в действительности как раз навязывается советскому обществу.

Проповедь безмодельного развития — это либо грубая ошибка, либо идеологический и политический прием, который едва ли пройдет. Одно из двух. Если такой прием все же используется, то логичны и «деидеологизация», и игра в идеологические поддавки. И систематическая публикация во многих органах печати, в том числе в «больших» газетах, издаваемых органами власти, статей и тенденциозно

составленных обзоров писем в пользу приватизации, восстановления частнокапиталистической собственности. И неопубликование небанальных (конструктивных) статей и писем в пользу социализма, против приватизации (примитивные письма часто публикуются «для смеха»). И двусмысленности в исследовании общественного мнения, основанные на смешении понятий индивидуальной и частной собственности. И широко растяжимые положения в законопроектах, в особенности с использованием аморфного термина «собственность граждан». И настойчивая пропаганда формулы о «равноправии всех форм собственности, включая частную» (а не об ограниченном допущении частной собственности, как при нэпе). И т.п. Логичны — уже в качестве прикрытия — и горячие декларации руководства о приверженности социализму, за которыми не только не следуют конкретные меры по переходу от негодной, старой модели социализма к новой, но следуют меры противоположные или двусмысленные.

В «Коммунистическом Манифесте» говорится, что «коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». Точно так же антисоциалисты, рекапитализаторы могут выразить свои требования в единственном положении: восстановление частной собственности. Все остальное прикладывается почти автоматически. А как относится к этому народ, общество? Вот примерная «социальная диспозиция» и вот как подаются данные о ней. Интересно и то, и другое.

Всесоюзный центр по изучению общественного мнения (ВЦИОМ) в ноябре 1989 г. опросил более тысячи жителей РСФСР, Украины, Латвии, Казахстана, Армении, Азербайджана. Некоторые результаты этого опроса приведены в конце декабря в «Неделе» (№ 52 за 1989 г.) в статье под характерным заголовком «Эта «страшная» частная собственность...». Надо понимать, нестрашная.

Автор публикации, упомянув о требованиях провести референдум по этому вопросу, пишет: «Вполне возможно, что если бы референдум состоялся сегодня, сторонники легализации частной собственности оказались в большинстве. Во всяком случае, среди участников опроса положительно отнеслись к возможности существования у нас в стране частной собственности 56%, а отрицательно — только 21%. Но делать отсюда вывод о широкой социальной поддержке этой формы собственности было бы преждевременным: тот же опрос показал, что большинство людей имеют самое смутное представление о том, что она такое, частная собственность». Как я понимаю, исследование было не семантическое, а социологическое. Значит нужно было пояснить опрашиваемым, «что она такое, частная собственность», по представлению исследователей. И, конечно, никак нельзя проводить референдум по вопросу, который неясен народу. Разве что с целью одурачить его.

Как бы то ни было, вот что мы узнаем дальше: «Выяснилось, что чаще всего под частной собственностью люди понимают дом, мебель, дачу, машину, то есть просто путают ее с собственностью личной...

Характерно, что определения, в которых упоминаются «отказ от завоеваний социализма, возврат к капитализму, эксплуатация человека человеком» и тому подобные атрибуты идеологизированного штампа, дали всего 3 процента опрошенных». Поди ты, какая досада, под именем частной собственности люди поддерживают не то, что «нужно».

Дальше: «Так что, прежде чем проводить референдум или всенародное обсуждение по проблеме частной собственности, не мешало бы уделить хоть немного внимания ликвидации экономической безграмотности в этом вопросе. Люди редко мыслят сложными политэкономическими категориями. Им ближе конкретные понятия о собственности — что человек вправе иметь; может ли он продать то, что имеет, или подарить, передать по наследству. Анализ же ответов на соответствующие вопросы анкеты позволяет сделать вывод: рамки, в которых население действительно поддерживает развитие частной собственности, пока весьма ограничены». Пока, значит, не склонны. Но остаются, значит, надежды.

Есть цифры немного поприятнее: «Судите сами. Например, к тому, чтобы частным лицам принадлежали небольшие мастерские, кафе, магазины, положительно относятся три четверти участников опроса, а недопустимым такое положение считают лишь 17%. Но вот появление крупных частных предприятий допускает только четверть опрошенных, тогда как 57% высказываются категорически против. Или возьмем использование наемного труда. Недопустимым считают его 35% участников опроса, противоположной точки зрения придерживается около половины. Но из последних большинство (30%) полагают, что число нанимаемых работников должно быть строго ограничено».

А вот выводы автора: «Частную собственность в том виде, в котором она наиболее широко распространена в странах с рыночной экономикой, у нас поддерживает не более 25-30%. Большинство же не против развития частной собственности, но в строго ограниченных масштабах, формах, сферах деятельности. Впрочем, и на сей счет обольщаться не следует. История с кооперацией наглядно показала, какую реакцию вызывает возникновение новых форм собственности у той части населения, которая осталась «за бортом» соответствующего сектора экономики». Иначе говоря, есть 25-30% сторонников рекапитализации (цифра скорее всего завышенная), — но и те ненадежны. Как на них полагаются, если в «соответствующем секторе экономики» почти всем им, за немногими исключениями, достанется роль не частного собственника, а наемного работника — как ни крутить, эксплуатируемого (иначе зачем нанимать?).

За выводом — рекомендация: «Что же отсюда следует? То, что процесс становления частной собственности должен сопровождаться (а возможно, и опережаться) развитием коллективных форм, основанных на аренде, выкупе основных фондов трудовыми коллективами, создании акционерных обществ, совместных предприятий и т.д.

Именно их «рейтинг», как показал опрос, сегодня наиболее высок. И это обстоятельство надо использовать, чтобы вовлечь в процесс разгосударствливания собственности максимально широкие слои населения». Значит, общим направлением развития является максимально возможная приватизация, но с использованием усыпляющих, благопристойных переходных форм.

Но и при этом горизонт небезоблачен: «Вероятно, с чисто экономической точки зрения, приоритет в развитии коллективных форм собственности и определенное сдерживание частной — не самый быстрый путь выхода из кризиса. Но более радикальные преобразования чреваты социальным взрывом. Массовое сознание может просто не выдержать таких перегрузок». Такие вот дела. И нужно бы, с чисто экономической точки зрения, пренебрегая социальной, пропеть отходную социализму, да не примут, воспротивятся, грозит в этом случае социальный взрыв. А, может быть, обратить энергию не на ликвидацию, а на модернизацию социализма, вызвав тем самым не социальный взрыв, а социальный подъем?

2. Старт в 90-е годы

Неопределенность в политике продолжается. Для начала не мешало бы одно терминологическое замечание. Сейчас в большом ходу слово «консерватор». Так в идеологических спорах любят называть своих оппонентов, не считаясь с тем, что консерватизм может быть принципиально разным.

Нужно различать сплошь и рядом смешиваемые у нас, особенно в недобросовестной, бульварной полемике, консерватизм формационный и консерватизм модельный. Без формационного консерватизма общественный строй не может просуществовать и трех дней. Коль скоро социализм возник и утвердился, он должен заботиться о своем сохранении. О сохранении своих основ, а не исторически преходящих моделей своего функционирования. Неокапитализм явился продуктом упорнейшего формационного консерватизма и в то же время изощреннейшего модельного неконсерватизма, новаторства, реформаторства. «Его пример другим наука».

Перестройка вступила в критическую фазу. Пришло время обрести определенность в политике, расстаться с безбрежным маневрированием, положить конец метаниям и шатаниям между стремлениями угодить бюрократизированному аппарату управления и удовлетворить правую реакцию, мечтающую о рекапитализации. Пришло время распрощаться с пустой надеждой всех примирить и «консолидировать». «Не довольно ль вертеться, кружиться, не пора ли мужчиною стать?». Адекватная политика перестройки — это разумное соединение последовательного формационного консерватизма с радикальным модельным новаторством.

Первые два года объявленной в апреле 1985 г. перестройки были временем политической и социально-психологической подготовки к

ней. В теоретическом отношении подготовки особой не было, но, хотя и туманно, все же представлялось, что перестройка пойдет по линии усиления механизмов самоуправления, большей самостоятельности низов, ослабления бюрократического засилия государства (за которым стояла монопольная власть партийных органов). Было более или менее ясно, что главным полем перестройки является экономика, а главным звеном — расширение самостоятельности государственных предприятий. И вот, как говорились выше, старт перестройке был дан — был принят закон о государственном предприятии. Но это был сомнительный, несостоятельный старт. Реально стартовали процессы, поставившие экономическую, да и в целом общественную жизнь на грань развала, заведшие перестройку в тупик.

Начало 1990 г. ознаменовано вторым стартом перестройке: февральский Пленум ЦК КПСС принял проект Платформы к XXVIII съезду партии «К гуманному, демократическому социализму», а Верховный Совет — пакет экономических законов, в том числе о собственности и о земле. Нового закона о предприятии принимать пока что не стали, есть лишь проект, недалеко ушедший от действующего закона. Будет ли этот, второй старт реальным? Если взять за критерий глубокие преобразования государственного сектора, то, к сожалению, нет. В этом секторе не намечено никаких качественных перемен.

Когда спортсмены неправильно принимают старт («фальстарт»), их возвращают к исходному положению и дают старт повторно. В обществе дело обстоит сложнее. Когда желая дать старт одним, благотворным процессам, на деле развязывают другие, противоположные, жизнь уже нельзя вернуть к исходному состоянию. Ей приходится принимать новый старт с другого, худшего рубежа, в худших условиях. В случае с перестройкой это старт не с рубежа застоя, а с рубежа полуразвала. Если перестройка берет сейчас, отмечая свое пятилетие, второй несостоятельный старт, то не означает ли это в действительности старта к социальной катастрофе?

Конечно, социальной катастрофы никто не хочет. Во всяком случае, политическое руководство. Но чего оно все-таки хочет? К сожалению, предсъездовская платформа не дает на это четкого ответа. Состояние неопределенности в политике все еще сохраняется. И это относится к кардинальнейшему, фундаментальнейшему вопросу — о социальном выборе.

И платформа, и доклад М.С. Горбачева изобилуют уверениями в твердой приверженности социалистическому выбору. Но кое-что заставляет в этих уверениях усомниться. Вот некоторые моменты.

В докладе говорится: «В платформе четко обозначено, от чего мы должны отказаться... От всего, что вело к изоляции социалистических стран в общем потоке мировой цивилизации, от понимания путей прогресса в форме постоянной конфронтации с социально иным миром». («Правда», 6 февраля 1990 г.). Это по меньшей мере неточно.

Здесь явная уступка той точке зрения, что социалистические страны уклонились от общего потока мировой цивилизации, представленного

развитыми капиталистическими странами, и теперь должны присоединиться к этому потоку. По сути дела отказавшись от соперничества с капитализмом (соперничество — тоже конфронтация, только в неострой форме), перестав быть иным социальным миром. Уступив свое первородство (прогрессивность в утверждении большего социального равенства, свободы не для избранных, а для всех) за чечевичную похлебку (которую можно добыть и при реформированном социализме). Нет ясного понимания того, что поток современной мировой цивилизации образуется двумя, а точнее — тремя течениями — некапиталистическим, несосоциалистическим и «третьемировым», что социалистическое течение должно сохранить свою природу и относительную самостоятельность, что только при этом условии оно внесет в мировую цивилизацию, в ее развитие исторически необходимый достойный вклад.

С существующим общественным строем народу расстаться будет тем легче, чем больше он будет убежден в том, что прощается не с социализмом, а с каким-то уродливым образованием, не несущим в себе ничего такого, что заслуживало бы сохранения. Отсюда часто повторяемые в печати уверения, что «никто не знает, что такое социализм», и что «это — не социализм». Правда, чтобы утверждать, что данный строй не является социалистическим, нужно знать, что такое социализм. Говоря: «это не яблоко», я должен знать, каково яблоко. Но на это противоречие не обращают внимания. Все сходит в том антисоциалистическом поветрии, которое создано в последние год-два в советской прессе и захватило все слои общества. Включая наших уважаемых законодателей — народных депутатов СССР, членов Верховного Совета СССР. Это особенно ярко проявилось в середине февраля 1990 г. при обсуждении в Верховном Совете проектов законов о собственности и о земле. Выступлений в пользу «безмодельного» продвижения к «новому» обществу, фактически капиталистическому, там было немало. Как, однако, и резких протестов против этого курса, сколько бы он ни маскировался.

Предсъездовская платформа, которая, как предполагается, будет утверждена съездом и станет программным документом партии, вроде бы не уклоняется от характеристики социализма как общественного строя, но элементарной полнотой и конкретностью эта характеристика не отличается. Вот она: «Облик будущего, даже отдаленного от нас лишь несколькими десятилетиями, невозможно обрисовать конкретно, во всех деталях. Ясно одно: это будет совсем другое общество, которое сложится в условиях демократии, на базе мощного культурного и научно-технического прогресса, будет основываться на гуманистических ценностях народов нашей страны и всего человечества. Общество, осознавшее целостность цивилизации и природы, в котором человек — самоцель истории. Эти признаки грядущей общественной организации отражают суть изначальной социалистической идеи, нашедшей воплощение в труде и борьбе народов за социальное освобождение» («Правда», 13 февраля 1990 г.).

Итак, в изрядном историческом отдалении нас ждет «совсем другое общество». А в несколько меньшем отдалении, лет через десять, в рамках которых должна завершиться перестройка и начаться нормальное функционирование и развитие общества? Тоже «совсем другое» или во многом узнаваемое общество? И как это так случилось, что «изначальная» (что бы это, кстати, значило — раннехристианская или марксистская?) социалистическая идея не включает социального равенства — фундаментального специфического признака социализма?

На Пленуме проект платформы подвергся резкой критике. Была и поддержка, она в конечном счете возобладала, почему проект и был одобрен, но критики было небывало много и она была небывало нещадная. А на фоне поддержки выделился отзыв Г.А. Ягодина, Председателя Госкомитета СССР по образованию. Он не согласился с упреком, что партия теряет авторитет у народа из-за того, что «мы не обозначаем то, к чему идем», и сказал, что «мудрость платформы и состоит в том, что она сейчас целей, кроме общегуманных, абсолютно таких, с которыми нельзя не согласиться, — человек, его счастье и благо, — не ставит». И добавил: «Это важнейшее достижение концепции» («Правда», 6 февраля 1990 г.). Услуга, пожалуй, медвежья. Похвала, по сути, убийственная. Долой модели — слепым виднее.

Из отступлений от такой «мудрости» в сторону более или менее конкретных решений в платформе обращает на себя внимание положение: «Важной задачей является преобразование государственной собственности в демократически управляемую самими трудящимися на основе аренды, полного хозрасчета, подряда, акционерных и других современных форм...». Практически это означает, что никаких радикальных мер в решении этой не просто «важной», а ключевой задачи экономической реформы не намечается. Полномочное хозяйственное владение как основа имущественной и плановой самостоятельности «государственного» предприятия остается вне поля зрения «безмодельного» руководства. Оно еще раз, как и при принятии закона о государственном предприятии, капитулировало перед бюрократизированным аппаратом управления в основном вопросе перестройки.

В отличие от этой достаточно явной капитуляции, едва прикрытой таким сомнительным новшеством, как аренда, капитуляция перед «приватизаторами», добивающимися «равноправия всех форм собственности, включая частную», в платформе почти не видна. Она не сразу обнаруживается и в законе о собственности. Включенное в этот закон (как и в платформу) положение, что формы собственности в СССР должны исключать отчуждение работников от средств производства и эксплуатацию человека человеком, выглядит как декларация, которой конкретные нормы могут и не соответствовать.

При обсуждении проекта этого закона многие депутаты утверждали, будто акционерная форма собственности исключает такое отчуждение. В действительности же она может носить и социалистиче-

ский характер, когда акции, приобретаемые работниками предприятий, не поступают в свободную продажу, и капиталистический характер, когда значительная или большая часть акций, продаваемых на рынке ценных бумаг, сосредоточивается в руках крупных собственников (в США в руках примерно одного процента населения находится примерно три четверти акционерного капитала). Некоторые депутаты правильно сетовали, что бюрократическая система управления привела к отчуждению работника от средств производства, лишила их положения хозяина производства. И тут же, впадая в вопиющее противоречие, призвали не бояться легализовать частную собственность, что даст производству настоящего хозяина. При этом депутаты забывали добавить, что хозяином станет разве что один из ста, остальные же лишатся даже формальных прав на имущество, называемое ныне государственным. Задача между тем состоит в том, чтобы формальные права превратить в фактические. И нет более верного пути к этому, чем передача народного («государственного») имущества в полномочное хозяйственное владение трудовым коллективом.

Что касается эксплуатации человека человеком, то на сей счет было выдано немало политэкономических перлов: социалистическое государство тоже, мол, эксплуатирует человека, это-де вообще неустранимо, эксплуатации-де нет, если работник хорошо оплачивается и если он сам хочет быть эксплуатируемым, и т.д.

Все это изначально обесценило декларативное отрицание отчуждения и эксплуатации и придало ему характер дежурной идеологической фразы, под прикрытием которой можно делать что угодно. Некоторые члены Верховного Совета прямо расценили эту декларацию и обтекаемые, растяжимые формулировки (типа «собственность граждан») как камуфляж для норм, направленных против честных тружеников, дающих простор дельцам теневой экономики.

Между тем при действительном желании исключить или жестко ограничить отчуждение и эксплуатацию законодатель мог бы воспользоваться простым выходом: включить в закон правило, запрещающее частнокапиталистическое предпринимательство (с использованием наемных работников) или ограничивающее наем постоянных работников определенным числом, а сезонных работников — числом и сроком. Это правило должно было бы быть распространено и на кооперативы — во избежание положения, когда тройка дельцов учреждает «кооператив» и нанимает сотни работников, то есть занимается капиталистическим предпринимательством под кооперативным прикрытием. И на положение закона о печати, предоставляющее гражданину право учреждать средство массовой информации — чтобы дать возможность каждому распространять информацию (в порядке индивидуальной деятельности), но не возможность заниматься частнокапиталистическим предпринимательством в сфере распространения информации. Без такого правила принятый закон о собственности с точки зрения столь торжественно провозглашаемой социалистичности двусмыслен.

В пользу легализации частной собственности, частнокапиталистического предпринимательства и в публицистике, и в дебатах в Верховном Совете приводилось и приводится два довода: принципиальный (идеологический) и прагматический. Оба заслуживают внимания.

Принципиальный довод взят из арсенала капиталистической апологетики: частное предпринимательство есть, дескать, проявление экономической свободы, это естественное право человека, а возражать против свободы частного предпринимательства — все равно что выступать в защиту запрета на профессии. Но разве экономическая свобода, как и любая свобода, может быть абсолютной? Она не абсолютна и в капиталистических странах, где ныне частнопредпринимательская деятельность во многих отношениях, и притом достаточно жестко, ограничивается законом и государством в интересах общества. Общепринято положение, что свобода одного кончается там, где начинаются права другого, группы лиц и общества в целом.

Социалистическое общество достигло такого уровня развития, когда оказалось возможным гарантировать каждому человеку свободу от его эксплуатации другим человеком, от того ущемления человеческого достоинства, с которым так или иначе связано пребывание в положении наемного работника.

Экономическая свобода отнюдь не отменяется в социалистическом обществе: человек может работать на том или другом народном, кооперативном, семейном предприятии, заниматься индивидуальной деятельностью. Но не может (в норме, от которой возможны ситуационные отступления, регламентированные законом) заниматься частнопредпринимательской деятельностью с использованием наемных работников, так как это ущемляет экономические права и свободы этих работников. Правда, некоторые из них, как говорят, могут испытывать то ли мазохистское, то ли холопское стремление быть нанятыми на частное предприятие и подвергаться эксплуатации. Что ж, и такое стремление заслуживает уважения, но ради этого не стоило бы менять общественный строй. Частная собственность и эксплуатация человека человеком — ценности классовые, как бы ни пытались сейчас иные идеологи и политики поставить все с ног на голову, преподнести их в качестве общечеловеческих.

Идея «вершинности» и потому вечности капитализма нередко обосновывается аргументами от практически неизменной природы человека. Сильнее аргументов не бывает. Говорят, что двигателями развития выступают люди, у которых творческие и лидерские способности заложены генетически. Их в обществе немного (процентов пять), но все зависит от них. Частнокапиталистическая организация производства наилучшим образом обеспечивает, мол, реализацию этой категорией людей их потенций. И хотя они большей частью подвигаются к максимальной активности эгоистическими мотивами, конечные результаты их деятельности, поскольку они оцениваются массовым потребителем, оказываются общественно полезными. Ста-

раются для себя — приносят пользу всем. Что ж, это в общем верно. И социализму нет нужды спорить с природой человека.

Такие люди есть, и они должны иметь простор и при социализме. Социалистическое товарное производство вполне может дать им этот простор и без частной собственности. Уже давно и в капиталистических странах главным интеллектуальным и организационно-волевым двигателем производства являются большей частью не собственники, а менеджеры. «Форд мотор компани» — исключение, да и в ней руководящая роль собственника ограничена. Капиталистическое производство находится практически в руках высокооплачиваемых управляющих. Ничто не мешает социализму иметь таких же менеджеров, работоспособную управленческую элиту. Вместо нынешних пассивных, нередко бездарных бюрократов. Больше того, условия социального равенства, присущие нормальному социализму, позволяют отбирать нужную управленческую элиту на самой широкой основе.

Признавая существенную природную обусловленность элитарного слоя, выделяющегося своими способностями, волей к власти и приносимой пользой, социализм, в отличие от своих предшественников, в принципе может создать более человеческие условия жизни для других социально-психологических групп. Хотя бы для столь же многочисленной полярно противоположной группы — для людей, склонных к послушанию, покорности, личному самоотречению, в нездоровых случаях к прислужничеству, холопству. Над ними в меньшей мере будет довлеть имущественный фактор. Главное же в том, что социализм обеспечит более человеческие условия жизни для подавляющего большинства общества, для нормальных, обыкновенных людей, не стремящихся ни к власти, ни к подчинению, считающих естественными и достойными и для себя, и для других равные и равные, паритетные и партнерские взаимоотношения на работе, в семье, в обществе, взаимоотношения, для которых необходим материальный достаток, но не столь уж существенно имущественное неравенство. Это тоже в природе человека.

Ориентируясь на то, что в своем подавляющем большинстве, процентов на 90 работники производства принадлежат к этому «среднему» человеческому типу (с некоторыми внутренними различиями в нем, в частности между «мужскими» и «женскими» характерами), социализм, скажем прямо, не может рассчитывать на ту степень интенсификации труда, какая достигается на капиталистических предприятиях, в условиях жесткой конкуренции между работниками. Пишут, к примеру, что переселившиеся в ФРГ восточные немцы, не уступая в квалификации западным, нередко не выдерживают принятого там темпа труда. В Японии есть специальное юридическое понятие, производное от понятия коррозии. Этим словом (в его японской модификации) обозначается смерть работника от систематического перенапряжения в труде.

Должен ли социализм во имя победы в конкурентной борьбе стремиться к такой интенсификации труда? Нет, это в общем не для соци-

ализма. Профсоюзам придется защищать некоторых работников и некоторые коллективы от самих себя, от сверхсамоэксплуатации, отстаивать шадящий режим труда. Социалистическим предприятиям остается в норме компенсировать свою «слабость» в этом пункте преимущественным использованием других факторов, прежде всего научно-технического прогресса. Или мириться с более скромными доходами. Каждому строю свое. А выбирать свою судьбу вправе лишь само общество.

Не нужно застывать в растерянности, когда ретивые приватизаторы произносят слова «экономическая свобода», «экономическая демократия есть базис политической демократии» и т.п. Не следует думать, что речь в этом случае всегда идет о поисках истины, хотя бывает и такое. Чаще всего дело в интересе группы, с которой по тем или иным соображениям отождествляет себя то или иное лицо.

Столь же неубедителен прагматический довод в пользу неограниченной или значительной приватизации, хотя бы и звучащий с высокой трибуны Верховного Совета. Говорят, что частное предпринимательство развяжет деловую инициативу, привлечет способных людей, быстро поднимет производство и позволит выйти из нужды, преодолеть дефицитность экономики, завалить общество товарами. Да, это так. Но, спрашивается, почему бы не развязать инициативу «государственных» предприятий, превратив их в народные и дав им самостоятельность, инициативу колхозов, вернув им их кооперативные свободы, здоровую инициативу новых кооперативов, поставив их в нормальные условия конкурентного рынка, инициативу семейных предприятий, включая независимые крестьянские фермы, — почему бы не сделать всего этого и не добиться того же изобилия без возврата к капиталистическим формам организации производства? И можно ли, почти ничего не сделав для коренного преобразования социалистического производства как товарного, ломать его и заменять капиталистическим, хотя и современным (каковым оно станет отнюдь не сразу)? Впрочем, можно, если рассуждать абстрактно, но и исследования общественного мнения, и дебаты в Верховном Совете должны бы показать приватизаторам, что в конкретных условиях нашей страны их социальная авантюра едва ли пройдет.

Социализм вполне может расстаться с уравнительностью как извращенной формой социального равенства, положить конец иждивенческим настроениям, лениности и безответственности, взять на вооружение умеренное, имеющее трудовую основу, справедливое неравенство, взнудать и пришпорить себя конкурентным рынком. И выйти на современный уровень благосостояния, нисколько не поступаясь своим первородством — общественной собственностью. Это великое социальное завоевание, и оно совместимо с рынком.

Законы и механизмы социалистического рынка — те же, что и в современном развитом капиталистическом обществе. Действующие же на рынке физические и юридические лица отчасти иные. Это конечные массовые потребители, народные («государственные») пред-

приятня, кооперативы, индивидуалы. Естественнo, и выполняющее регулирующую роль государство. Нет или почти нет капиталистов. А если есть акционерные общества и предприятия, то с акционерами-организациями и акционерами-тружениками, без обладателей крупных капиталов, акционеров-воротил. Они не нужны социалистическому производству и обществу, если речь не идет о совместных предприятиях и особых экономических зонах.

Это совершенно неверно, будто только частный собственник способен работать на перспективу и требовательно организовать производство. То же самое в состоянии делать и трудовые коллективы. Никем не доказано, что их неудержимо влечет к проеданию доходов, которые по конъюнктуре нужно обратить на развитие производства, что они не заботятся о будущем, о долгосрочных программах. И такое возможно, но это не объективный закон. Из неудач типа югославской следует извлекать уроки, а не опускать руки. Нужно отвергнуть усиленно навязываемое идеологами неокapиталистического перерождения советского общества представление о незаменимости капиталистов-благодетелей, об органической неполноценности трудовых коллективов и создаваемых ими на демократических началах органов управления.

Упорно оставляемый в бездействии пусковой механизм экономического, а вслед за тем и социально-политического и нравственного подъема заключен в глубокой реформе государственного сектора. Все главные проблемы находятся здесь, а не, при всей их важности, в кооперативном и индивидуальном секторах. Рынок будет незначительным по объему и деформированным, пока на него не придут «государственные» предприятия. Для этого они должны получить реальную самостоятельность. Ее необходимая предпосылка — передача соответствующей части народного («государственного») имущества трудовым коллективам в полномочное хозяйственное владение. Не в бюрократически контролируемое «оперативное управление», как до сих пор, и не в такого же рода «полное ведение», как предлагается в законе о собственности, даже не в аренду (сфера ее действия ограничена, да и непонятно, почему это коллектив должен брать в платную аренду имущество, на использование которого и без того имеет право, входя в состав собственника — народа). Именно во владение в широком смысле этого слова.

Полномочное хозяйственное владение — это неполная, но достаточная собственность. Суверенным, верховным собственником остается народ (государство — всего лишь представитель собственника). Коллектив — полномочный владелец, и этого достаточно, чтобы быть реальным хозяином имущества и основанного на нем производства, действовать так, как того требует рынок, конъюнктура, извлекать из эффективного использования имущества свое благополучие и неотвратимо наказываться за бесхозяйственность потерями в фондах развития и заработках.

Больше ничего и не нужно для того, чтобы народное хозяйство развивалось как саморегулирующаяся система, лишь в минимально необходимой мере, процентов на десять регулируемая государством. И нет никакой нужды вместо бюрократа сажать себе на шею новую буржуазию, отдавать экономическую, а затем, неизбежно, и политическую власть денежным мешкам, почти сплошь у нас преступным, криминальным, этим советским миллионерам, прошедшим в клоаках «теневой» экономики и бюрократической коррупции этап «первоначального накопления капитала», «отмывшим» грязные деньги в некоторых новых кооперативах и теперь рвущимся на оперативный простор.

Группы, заинтересованные в капитализации экономики и общества, и их идеологи, предлагающие не останавливаться на существенном «разгосударствлении» народной собственности, на ее передаче в хозяйственное владение трудовым коллективам, а идти дальше, к денационализации и приватизации, определенно зарываются. Они, что называется, распоряжаются без хозяина — народа. Очевидно, большинство общества расположено лечить наш пока что «невезучий», деформированный социализм, а не хоронить его заживо.

В нормальном социалистическом обществе работник — действительный хозяин, поскольку входит в состав коллективного собственника или полномочного владельца средств производства. Он находится в демократической зависимости от коллектива, полноправным членом которого является. Наемный труд замещается свободным. Свободный труд соединяется со свободным коллективным предпринимательством, которое делает частнокапиталистическое предпринимательство в принципе излишним. Свободное конкурентное коллективное предпринимательство обеспечивает каждому работнику широкую инициативу, возможность творчества, риска, заработка. Такова социально-экономическая суть демократического социализма. Как можно отворачиваться от этой перспективы, до которой сейчас — рукой подать?

Это не моральная проповедь: не будем-де изменять социализму, не впадем-де в такой позор. Это трезвая политическая позиция: социалистическая ориентация соответствует объективным законам мирового развития, истинным интересам народа, а потому будет пользоваться массовой поддержкой и имеет все шансы на успех. Что же касается морали, то, действительно, было бы позорным не воспользоваться этими шансами, упустить возможность сделать очередной исторический шаг к большему социальному равенству и большей индивидуальной свободе, к обществу, в котором, как писали Маркс и Энгельс, «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Два варианта многопартийности. Подобно тому, как в социально-экономической сфере ключевым звеном перестройки является дестатизация «государственного» сектора (а не приватизация), в политической сфере, после того как начался процесс «советизации» вла-

сти, таким же ключевым звеном стало формирование социалистической многопартийности как ядра общей многопартийности.

Лишь февральский (1990 г.) Пленум ЦК КПСС сообразовал признать, что день есть день, ночь есть ночь, а многопартийность фактически возникла и не исчезнет. Но КПСС выдвинула свой, удобный для нее, для ее сановников и чиновников вариант многопартийности.

Вот какая приятная картина рисуется ее воображению. КПСС, пренебрегая своей реальной разобщенностью, сохраняет и свое единство, и свою ведущую роль. Она всех «консолидирует», сводит разные, даже противоположные позиции, отвергая обвинения в эклектике. Она снисходит до диалога и сотрудничества с другими партиями, общественно-политическими движениями («здоровыми»). Словом, цепляется за уплывающую из рук монополию власти, пытается в окружении партий-статистов реализовать тезис «партия вырабатывает и принимает политику — Советы ее осуществляют». Налицо мечта о замене однопартийного монополизма условной фиктивной многопартийностью, что существовала в ряде стран Восточной Европы. Видимо, есть надежда избежать финала «многопартийности» в этих странах.

Ориентируясь на несбалансированный вариант многопартийности, КПСС (ее руководство) заявляет, что это в интересах сохранения социалистического выбора. Но дело обстоит как раз наоборот. Политическое руководство опять запаздывает.

Не будем вступать здесь в обсуждение вопроса о том, является ли социализм (не столько существующий, сколько реально возможный) великим социальным завоеванием, которым нужно дорожить, или великим социальным заблуждением, от которого нужно освободиться, чтобы вернуться на «общесцивилизационный» путь развития, представленный неокapитализмом. Ограничимся организационно-политическим, политико-техническим аспектом проблемы: какой вариант многопартийности в современных условиях в большей мере гарантирует сохранение обновленного социализма (существующий авторитарно-бюрократический социализм не может быть сохранен никакими силами, ни человеческими, ни небесными) и какой вариант повышает вероятность его гибели.

Сбалансированная многопартийность — единственный способ организации политической жизни, обеспечивающий социальную стабильность, оптимальное эволюционное (через реформы) развитие общества, развернутую демократию, создание и функционирование правового государства. Неокapиталистическая практика это доказала, и это действительное общесцивилизационное завоевание, которое глупо было бы не использовать социализму.

Может быть, (мысль П.Я. Чаадаева) нас фатально преследуют демоны дурной оригинальности, и мы поэтому не можем воспользоваться величайшими достижениями цивилизации, ее законами в нашей несчастной «революционной» перестройке. Это было бы печально.

Перед нами такая политическая диспозиция, которая как раз настоятельнейшим образом требует, чтобы мы поступали в соответствии с общими политическими законами. Все дело в «субъективном факторе», попросту говоря, в том, наделены ли политические руководители достаточным умом, достаточной волей.

Именно в нашей конкретной ситуации заключена угроза, что в несбалансированной многопартийности стороны поменяются местами. Партия, сосредоточивающая в своем составе большую часть активных социалистически ориентированных людей, ослаблена, идейно разобщена, теряет одну позицию за другой, утрачивает влияние в массах. Ее оппоненты, тоже имеющие в своем составе социалистически ориентированных лиц, но также и несоциалистические и антисоциалистические течения и группы, кое-где преобладающие, находятся на подъеме, завоевывают одну позицию за другой, в частности и в системе власти. Надежды партии занять в несбалансированной многопартийности доминирующее или хотя бы преимущественное положение уже сейчас зыбки и быстро улетучиваются.

Партия парализована. Без встряски она не придет в себя, не пробудится от спячки, не вернет боеспособности. Она стоит перед реальной опасностью утратить позиции, выпасть на какое-то время, возможно продолжительное, из колесницы. У нее один выход — раскол на две-три социалистически ориентированные партии, организационное оформление фактически уже существующих в ее составе партий, предложение народу не эклектической «единой» платформы, а четко выраженных альтернатив социалистического развития, оздоравливающее соперничество в межпартийных дискуссиях и в пропаганде своих программ, в выборной борьбе и борьбе в представительных органах власти. Либо раскол, либо угасание с вышвыриванием за борт в последнем акте драмы — третьего поистине не дано.

Не одно поколение коммунистов было воспитано на лозунге единства партии, и оно в общем совершенно необходимо. Но вот наступил момент, когда уместна осанна расколу — великому двигателю идеологии и политики на переломных этапах их развития. При необходимости раскола Ленин шел на него без колебаний, а в политическом искусстве он был мастер несравненный. И он же был родоначальником единства. В чрезвычайных условиях развития, для мобилизации всех сил партии и страны в борьбе за выживание единство партии было необходимо.

Сейчас не единство партии, а ее раскол является предпосылкой выживания социализма. Единая партия будет оттеснена на обочину политической жизни. Раскол же партии даст обществу новые жизнеспособные партии, которые останутся в центре политической жизни и отстоят социалистический выбор.

В сущности, ныне правильной тактикой антисоциалистических сил было бы заблокироваться с партийными консерваторами на лозунге единства партии. У этой тактики два расчета. Один — попытаться превратить руководство единой партии в своего заложника, в свою

марионетку, которая будет способствовать своими двусмысленными решениями постепенной несоциалистической эволюции общественных отношений при сохранении социалистической лексики. Второй — законсервировать бессилие политического противника, а там и подвести его под решающий удар. Партийное руководство не должно думать, что поддерживающие его курс на единство — непременно его друзья, а выступающие против этого курса — его враги. «Не верьте данайцам, дары приносящим». Иные «враги» — лучшие друзья.

Техника конструктивного раскола проста, о ней здесь достаточно сказать несколько слов. В соответствии с Уставом партии нужно провестись демократическую общепартийную дискуссию с голосованием во всех первичных партийных организациях альтернативных платформ, способов выхода из перестроечного кризиса, программ строительства разных моделей социализма. Вот результаты голосования — и вот, следовательно, разные партии со своими первоначальными программами и со своим в основном определившимся составом.

Главное сейчас не в технике. Поговорим об идеологических основах раскола, заглянем в то будущее, которое, вероятно, развернется в рамках сбалансированного варианта многопартийности.

Хотелось бы испросить у читателя разрешения на необычную форму дальнейшего изложения, впрочем, и не столь уж оригинальную. Речь идет о таком представлении предполагаемых будущих событий и состояний, как если бы они уже совершились и существуют, а потому описываются в прошедшем и настоящем времени («сценарий»). Автор выступает в качестве наблюдателя, перенесшегося на машине времени примерно в 2000 год, и рассказывающего читателям, что ему удалось увидеть и узнать. Такая форма изложения более экономна (не нужно каждый раз употреблять слова «будет», «вероятно», «возможно» и т.п.) и обязывает к большей определенности. Разумется, несколько не прибавляя в достоверности.

3. Что дальше?

Размежевание. Движение вперед началось с того, что уже в 1990 году сбавили обороты в революционном фразерстве («революционная перестройка», «революция в революции» и т.п.). Революционная риторика, которой долго упивались, которой политические лидеры отдавались чуть ли не как делу жизни, с одной стороны, прикрывала их действительную растерянность и нерешительность, а с другой — мешала конструктивной реформационной работе, настраивала людей на повторение деяний глуповского градоначальника Архистратиха Стратилатовича Перехват-Залихватского, который въехал в город на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки, на переворачивание вверх дном всего и вся, на социальные авантюры и захват власти, породила авантюры- и люмпен-политику, люмпен- и авантюер-политиков. Разгул авантюер- и люмпен-политики был в значительной мере наказанием за долгое господство в общественной

жизни бюрократ- и конформ-политиков, но еще в большей мере результатом того, что перестройку пытались делать их же руками.

Перестройка долго не могла попасть в русло нормо-политики и открыть путь нормо-политикам. Заметный прогресс начался здесь лишь в первой половине 90-х годов. Зрелые, ответственные политики выдвинулись на первые роли и в массовых демократических движениях — за национальное возрождение и в защиту прав трудящихся, в возглавляющих эти движения организациях.

В отличие от первых пяти лет перестройки, уже с 1990 года идеологическая борьба перестала быть игрой в одни ворота. Произошла нормальная, естественная поляризация позиций, политических сил, органов печати. Попытка антисоциалистических сил и поддерживающих их по умыслу или наивности политиков, идеологов, ученых, публицистов под флагом свободы и демократии повести перестройку по руслу капитализации, используя при этом некоторых склонных к соглашательству руководителей в качестве марионеток, была не вовсе безуспешной, в частности привела к принятию двусмысленных норм в законах. Но в общем эта попытка провалилась. Развитие удалось удержать в социалистическом русле. Социализм вышел из нокдауна, держит удары, наносит их сам, удерживаясь и удерживая других в рамках правил политического соперничества.

Идеологическое размежевание произошло не без курьезов. Был в ходу один анекдот, предвосхищавший как неизбежность размежевания, так и то, какие затруднения будут испытывать при этом некоторые деятели. Председательствующий на заседании Верховного Совета говорит, что неплохо было бы сторонникам социализма сесть с правой стороны, а сторонникам капитализма — с левой (председательствующий тоже путает левое с правым в политике). Депутаты согласились, расселись. Только один депутат (называется, естественно, фамилия, это один из наиболее активных и заметных депутатов) мечется между образовывшимися группами, никак не решится занять какое-то место. Председательствующий спрашивает его, в чем дело. Депутат отвечает: «Дело в том, что я вообще-то за социализм, но хотел бы жить при капитализме». «Ах, вот в чем трудность, — говорит председательствующий, — тогда садитесь к нам в президиум». Иной анекдот стоит трактата.

Основным звеном перестройки, тем самым основным звеном цепи, ухватившись за которое, по Ленину, можно вытащить всю цепь, явилось формирование социалистической многопартийности как ядра общей многопартийности. Было признано, что ленинская концепция партии как партии «нового, высшего типа», ядра политической системы, организации непосредственно и монополюно властвующей и управляющей, превратившей государственную систему в оформителя и исполнителя принимаемых ею решений, сыграла свою роль в чрезвычайно сложных условиях становления социализма, но и тогда не была идеальной, в сущности, послужила организационной базой сталинизма, а потом и соблазнительного, но в нормальных условиях совер-

шенно негодного «социалистического авторитаризма», что она давно и безнадежно устарела, что общество нуждается в авангарде, в идеологическом и политическом ядре, но принципиально ином — внутренне расчлененном, плюралистическом, многопартийном.

Все это было, как и остальное, с непростительным запаздыванием осознано и понято. И, сколько ни сопротивлялась партийная бюрократия, особенно ее верхушка, уцепившаяся, как черт за грешную душу, за искусственное, давно уже фиктивное единство партии, а фактически за монопольное обладание властью, за кресла, уже, впрочем, отбираемые неудержимым процессом «советизации» власти, многопартийность (конструктивная) стала фактом. И только потому, что это случилось в самом начале 90-х годов, социалистические силы удержали власть, а середина десятилетия стала временем выхода социализма из кризиса.

Внешним толчком к формированию многопартийности явились бурные события 1989 г. в социалистических странах Восточной Европы. Как была оценена в конце концов их суть? Они были квалифицированы как надстроечная, антипартократическая, антиавторитарная революция, непосредственно не затронувшая социалистических базисных отношений, но создавшая политические предпосылки для их частичной, возможно весьма значительной капитализации.

Коммунистические партии были лишены власти, казалось бы, выброшены на свалку. Но начали подниматься на ноги, зализывать раны, обновлять состав и лидеров, а потом и успешно соперничать с партиями капиталистической или полукапиталистической ориентации. Социальной основой возрождения стало то, что трудовые коллективы государственных предприятий и обретшие самостоятельность профсоюзы стали упорно сопротивляться приватизации, не отдавая народные предприятия в руки частных лиц или акционерных обществ (в которых решающую роль могли приобрести крупные собственники), прибегая при этом к забастовкам, захвату предприятий и другим решительным массовым действиям.

Похороны общественной собственности и вместе с ней социализма оказались преждевременными, а значит — и похороны коммунистических партий. Естественно, им нужно было сменить названия, указав в них свой более близкий реалистический идеал, принять новые программы, прорасти корнями в свою социальную опору, которая с частичным возвратом к обществу, разделенному классовыми антагонизмами, как бы они ни прикрывались и смягчались, восстановилась и расширилась («нас бьют, а мы от этого крепнем»). Если первый, авторитарный социализм был установлен в восточноевропейских странах не без участия освободительной армии, то второй социализм, социализм с человеческим лицом они создадут у себя сами.

Наблюдая за крахом «социалистического авторитаризма» и партий, по инертности, легкомыслию и своскорыстию ставших его носителями, советские коммунисты, даже утешаясь небезнадежностью положения этих партий, не захотели повторять их судьбу и пошли на

образование многопартийности на базе существовавшей до того единой партии, доведенной до паралича. Их подтолкнуло к этому шагу и обострение внутривластного кризиса. Особенно энергично толкали и тащили упирающуюся «единую» партию к многопартийности следующие элементы нарастающего внутреннего кризиса.

Кое-где отчасти уже реализовалась и повсеместно назревала опасность формирования деструктивной многопартийности — с преобладанием антисоциалистических, шовинистических, националистических, теократических партий и партиек, которые демонстрировали свою способность в выгодный для них момент вывести народ на улицу и направить его возмущение в нужное им русло. В Советах всех уровней все чаще формировались на случайных основах и вносили дезорганизацию в их деятельность различные фракции, нередко экстремистские, которые не могли заменить собой нормальную фракционную структуру, обусловленную структурой общественных интересов и в норме обеспечиваемую лишь конструктивной многопартийностью. Неудержимое падение авторитета «единой» партии, массовый выход из нее не только карьеристов, примазавшихся, но и активных честных людей, провал многих руководителей на выборах в Советы и на выборах руководящих органов Советами. Массовые выступления трудящихся, трудовых коллективов и территориальных общностей в защиту своих естественных и конституционных прав, не обеспечиваемых партией и государством, осуществление этих прав явочным порядком, самочинно, что делало партийную «работу» и государственное управление все более призрачными.

Такие факторы, способные поднять на ноги даже политического покойника, вынудили партийное руководство согласиться с расколом партии. Он, впрочем, проходил фактически и без согласия партийного начальства. На базе КПСС возникло в конце концов три социалистически ориентированных партии — левоумеренная, левоцентристская и правоцентристская. Они встретили новый век уже сложившимися, устойчивыми массовыми общественно-политическими организациями, соперничающими и между собой, и с другими партиями.

Пределы идеологической общности. Отбросив рассчитанные на наивных утверждения, что «никто не знает, что такое социализм», что «нет смысла в каких-то моделях или схемах социализма», социалистически ориентированные партии пришли к принципиальному программно-идеологическому согласию относительно целей социализма и основных черт, характеризующих механизмы их реализации, и в своей политике исходят из этого согласия.

Целью социализма считается обеспечение условий для свободного всестороннего развития личности в обстановке социального равенства, равное обеспечение каждому члену общества материальных и юридических предпосылок для самореализации и свободной жизнедеятельности (равенство возможностей). При этом предполагается, что социальное равенство не только не препятствует, но стимулирует сколь угодно значительное личностное неравенство, обусловленное

природными задатками и усилиями человека по развитию и применению своих способностей, знаний, умений. Словом, социальное равенство, свобода, поощрение личностного неравенства. Это все, что общество может дать человеку, а мера его благополучия и счастья зависит от него самого. Социалистически ориентированные партии сходятся и в представлениях о сущности социальных механизмов, служащих достижению целей социализма, но расходятся в представлениях об их конкретно-историческом характере, соотношении разных элементов этих механизмов. Считается, что все модели социализма характеризуются двумя специфическими для этого строя, формационными сущностными чертами и тремя сущностными чертами, общими у него с современным капитализмом.

Формационные черты, отличающие социализм от капитализма:

1) исключительность или более или менее значительное преобладание общественной (народной, неточно называемой также государственной, и кооперативной) собственности на средства производства и, следовательно, отсутствие или непреобладание частной (в смысле частнокапиталистической) собственности, связанной с применением наемного труда и эксплуатацией человека человеком;

2) исключительность или более или менее значительное преобладание распределения материальных и духовных благ по результатам труда и, следовательно, отсутствие или непреобладание распределения по капиталу.

Общие с современным капитализмом черты:

1) регулируемое рынком конкретное товарное производство, осуществляемое с большими или меньшими ограничениями;

2) более или менее полная политическая демократия, включая в случае полной демократии правовое государство, развернутые и юридически гарантированные права и свободы личности, равноправие граждан, многопартийность, законность, народовластие и разделение властей, подчинение меньшинства большинству при гарантии прав меньшинства;

3) более или менее широкое и глубокое вмешательство государства в жизнь «гражданского общества», в присутствии ему механизмы саморегуляции.

Социалистически ориентированные партии пришли, далее, к согласию в том, что никто из них и никто другой не может монопольно решать, какая модель социализма оптимальна для данного исторического периода, каково оптимальное сочетание общественной и частной собственности, трудовых и нетрудовых доходов, свободного рынка и государственного регулирования и саморегулирования, что определение оптимума при решающем слове общества и является предметом их политического соперничества.

Социальная база социалистически ориентированных партий в классовом отношении дифференцирована слабо. Все три партии имеют своих сторонников в рабочем классе, крестьянстве, интеллигенции. Но есть и нюансы. Левоумеренная и левоцентристская партии в

меньшей мере, чем ее конкуренты, пользуются поддержкой работников мелких и средних предприятий, творческой интеллигенции, кооператоров, индивидуалов. Старшие возраста и нормально романтизированная молодежь в большей мере поддерживают последовательно социалистические партии — левоумеренную и левоцентристскую, ценя в их политике не в последнюю очередь отрицание частной собственности. В средних возрастах поддержка трех партий распределяется с преимуществом для левоцентристской. На выборах в Советы и референдумах с решающим отрывом лидирует левоцентристская партия (процентов 50 голосов), две другие пользуются примерно одинаковой поддержкой (процентов по 20 голосов) и надеются на лучшие времена. Это общесоюзное распределение предпочтений имеет существенные отклонения по союзным республикам. Но не принципиальные, как поначалу думали.

Лики основных партий. Левоумеренная партия, не без труда освободившаяся от леворадикальных и даже ультралевых тенденций, которые казались спасительными некоторым неисправимым романтикам от социализма и были выгодны бюрократизированному аппарату управления, партийному и государственному, сохранила название коммунистической. Обсуждалось и обсуждается предложение назвать ее партией организованного социализма. Так она обозначает модель социализма, которую считает необходимым построить, будучи уверена в том, что во многом нужно вернуться к фундаментальным положениям марксизма-ленинизма, от которых ошибочно отступили и в годы застоя, и в процессе перестройки. Она уверена, что дальнейшее развитие производительных сил, революция (не перестроечная, а настоящая) в сфере информатизации производства и управления и наложившийся на этот процесс экологический кризис, не преодолимый без чрезвычайных мер, сделают и уже сделали механизмы рыночного регулирования во многом архаичными, потребуют более рациональных централизованных методов управления, применимых лишь в рамках авторитарно-демократического режима.

Не нужно, мол, поэтому порождать у общества иллюзии, настраивая его на развернуто демократический режим, возбуждать надежды, беспредметную активность и разочарования, надо развивать «демократию участия», но не забывать и об эффективных формах «демократии поддержки». Поддержки не любого, а компетентного и бескорыстного руководства. По представлениям этой партии, формы управления, вытекающие из ортодоксального марксизма-ленинизма, только на время оказались неэффективными, да и то лишь вследствие их непоследовательного и бездарно неумелого применения тремя поколениями послесталинского политического руководства. Эту партию считают неосталинистской, и она не без гордости и колебаний соглашается с этим, открещиваясь от сталинщины. И считает себя единственной достойной наследницей великих побед социализма.

Этот титул оспаривает у нее левоцентристская партия — партия демократического социализма. Стержнем ее политики является деэ-

татизация, резгосударствление государственного сектора, его превращение в народный сектор, основанный на народной собственности на средства производства, реализуемой в форме их передачи соответствующими государственными органами (как официальными представителями собственника — советского народа в целом, или народа республики, или территориальной общности) трудовым коллективам в полномочное хозяйственное владение. Предприятия обязаны вносить амортизационные отчисления и умеренные взносы в фонд развития производства, но и эти составляющие народную собственность суммы, при необходимости дополняемые вкладами работников, остаются в их распоряжении, если какие-то особые обстоятельства, предусмотренные законом, не потребуют глубокой реорганизации предприятия.

За этими редкими исключениями, при которых интересы трудовых коллективов тоже гарантируются, предприятия пользуются полной имущественной и финансовой самостоятельностью. Собственник — народ. Его представитель — государство. Полномочный владелец, фактический хозяин — трудовой коллектив. Естественно, предприятия платят налоги, но умеренные (30-40%), и это обеспечивает им возможность справедливо оплачивать труд и развивать производство, своевременно осваивать научно-технические достижения. Плановая самостоятельность предприятий в большей части народного хозяйства — полная, они не знают ни директивных планов, ни их мнимой замены — обязательных государственных заказов.

Ограничения плановой самостоятельности сохранены лишь для базовых отраслей, где конкуренция затруднена (топливно-энергетическая и оборонная промышленность, транспорт). В целом же свое «эгоистическое» благополучие народные предприятия (общесоюзные, республиканские, коммунальные) добывают не иначе, как на конкурентном социалистическом рынке, повышая качество общественно необходимых, пользующихся спросом товаров и услуг и объем их производства, снижая их себестоимость и цены на них для обеспечения их сбыта на бездефицитном рынке. Не ограничивается, то есть ограничивается только рынком, конкуренцией главным образом с народными предприятиями колхозно-кооперативное и индивидуальное производство без применения наемного труда, включая крестьянские фермы. Допускаются совместные с другими странами предприятия.

Государство планирует народное хозяйство главным образом «для себя», прогнозируя его обусловленное объективными факторами развитие, и регулирует это развитие прежде всего экономическими средствами, включая финансирование крупных научно-технических и структурных программ, дотации и кредиты. В то же время оно проводит самыми что ни на есть административно-командными методами жесткую антимонопольную политику, политику неотвратимой ответственности предприятий, виновных в загрязнении окружающей среды, сокрытии доходов и неуплате налогов, нарушении договоров поставки и т.д.

Что же касается политического режима, то партия демократического социализма провозглашает и гарантирует развернутую политическую демократию, считая, что именно левоцентристская политика, и только она, обеспечивает широкий социальный консенсус, заинтересованную активную поддержку большинства общества и необходимую меру согласия слева и справа.

Правозентристская партия, проводящая курс нэповского типа, могла бы из стремления к точности назвать себя партией многоукладного социализма, а из стремления к большей привлекательности партией свободного социализма, но предпочла название социал-демократической партии. Тем самым она выразила тенденцию к приближению предлагаемой ею модели к той, которая описывается в программах западных социал-демократических партий под именем демократического социализма.

Существуют, следовательно, три модели демократического социализма: левоцентристская советская модель — с отрицанием частной (частнокапиталистической) собственности, западная социал-демократическая модель — с частной собственностью как основой экономики, а между ними промежуточная модель советских социал-демократов, предполагающая в законодательстве равноправие всех форм собственности, включая частную, а на практике — перевод примерно половины производства на частнокапиталистические основы.

Для обозначения этой последней модели используется чаще всего термин «свободный социализм». Это обязывает иметь в рамках этой модели развернутую политическую демократию, она и предусматривается в программных документах. Но трезвые умы предупреждают, что для формирования рынка (имеется в виду капиталистический или полукапиталистический, так как социалистический рынок без особых доказательств объявляется нонсенсом, химерой) потребуется длительный период диктатуры, «деликатно» замалчивая то, что нужно будет подавлять массовое сопротивление слева.

Главный козырь советских социал-демократов поэтому не политическая демократия, как ни убеждены они, что она вырастает не иначе как на почве экономической свободы, как ни настаивают они на самоценности демократии и своей преданности ей, как ни активны они в демократическом фразерстве. Главный их козырь — возможность быстро добиться экономического процветания на базе частнокапиталистического предпринимательства, побуждаемого и принуждаемого к социальной ответственности. «Мы вас накормим!» — говорит обществу социал-демократы. «Но какой ценой?» — спрашивают их соперники.

Другие партии. Как уже говорилось, три социалистически ориентированных партии — это наиболее значительные, но не единственные партии.

Заметную роль играет и стабильную поддержку (процентов 5 голосов) имеет либерально-буржуазная партия, носящая имя либерально-демократической. Она предлагает провести практически полную

денационализацию и приватизацию и тем самым, не мудрствуя лукаво, не изобретая велосипед, вернуться на «общесцивилизационную магистраль» развития. Ту самую, по которой сегодня идет новый капитализм, будто бы уже не являющийся капитализмом, ставший «народным», «полусоциалистическим». А главное — это строй, как говорят его сторонники, способный накормить общество «лучше всякого социализма».

Нередко шутят, что свободные демократы прямо говорят то, о чем социал-демократы думают про себя, но в этом есть лишь доля правды. Между этими партиями есть и существенные различия. Если свободные демократы выступают от имени «теневого капитала» и тех, кто верит в благодетельность его легализации, вообще в неокapитализм как единственный выход из кризиса, то добросовестные социал-демократы (а не маскирующиеся под них по тактическим соображениям противники социализма) не утратили социалистических убеждений, чести и совести и считают себя представителями трудящихся, защищающими их интересы наиболее реалистическим образом.

Своеобразную роль в партийной системе занимает «зеленое движение», в 90-х годах превратившееся в партию. Она не имеет своего обособленного членства, в ней наряду с ее членами, не состоящими в других партиях, состоят и члены других партий (своеобразное двойное партийное гражданство).

Как и в конце 80-х, в первой половине 90-х годов в высшей степени активными и влиятельными, особенно в некоторых республиках, были умеренные и экстремистские движения, «фронты», партии, выдвинувшие на первый план проблемы национального возрождения и суверенитета и не уделявшие должного внимания решению социально-экономических проблем. Но реальная жизнь сосредоточилась вокруг этих проблем. И вот результат. Национальные формирования существуют и в 2000 году, но не столько в качестве самостоятельной политической силы, сколько в качестве союзников близких им основных, социальных партий, кое-где их фракций.

А эти, социальные партии в большей мере сориентированы на решение национальных проблем, чем прежняя унитарная КПСС. Они существуют, как правило, в виде конфедераций республиканских партий, имеющих свои программы и уставы, а объединяют свою деятельность в общегосударственном масштабе с помощью союзного координационного совета, в котором представлены на паритетных началах все республиканские партии.

Первые шаги многопартийности. Конструктивная, работающая многопартийная система с приведенным выше соотношением сил сложилась не сразу. Это соотношение (50 — 20 — 20 — 5% голосов у социальных партий, 5% у остальных — главным образом у зеленой и национальных партий и движений, не считая их доли, скорее всего значительной, в активе социальных партий) характерно для второй половины 90-х годов. В первой же половине, особенно в первые годы этого десятилетия положение было существенно иное.

Поначалу левый центр не имел заметного перевеса над правым (у обоих близко к 30%). Значительный, а в некоторых республиках преобладающий вес имели национальные партии и движения. Второе понятно: на конец 80-х и начало 90-х годов приходится бурный подъем движения за национальное возрождение. Успех же правого центра, а также по тактическим соображениям пристегивавшей себя к нему свободно-демократической партии объяснялся главным образом запаздыванием формирования их основного конкурента — партии демократического социализма и, что немаловажно, тем, что на протяжении нескольких лет в печати и на телевидении доминировали антисоциалистические мотивы, а официальные выступления в пользу социализма были неконкретны, многословны, неубедительны, а то и просто прикрывали сомнительные меры.

Сказывалось и то, что все более масштабной и активной становилась «теневая политика». Это явление зародилось еще в годы застоя, росло в годы «предперестройки», распустилось пышным цветом и получило это обозначение в начале 90-х годов. Оно возникло как бы специально для того, чтобы подтвердить универсальность марксистского учения о базисе и надстройке в то время, когда авторитет марксизма-ленинизма из-за некоторых его утопических положений (главным образом в части нерыночного социализма и некоей оригинальности политической демократии при социализме) заметно упал. «Теневая политика» была надстройкой над «теневой экономикой».

Стратегическая цель «теневиков» была — добиться реализации в законах тезиса «равноправие всех форм собственности, включая частную» и тем легализации их криминального предпринимательства. Поощряя в прессе кампанию за «свободный», многоукладный, «полупокапиталистический» социализм, а еще лучше — за «свободное общество», обхаживая законодателей и проводя в их число своих людей, подкупая утративших нормальную жизненную перспективу чиновников и сановников, а также и журналистов, «теневики» стали реальной политической силой. С далеко идущими замыслами. Победа левоцентристского курса сорвала эти авантюристические замыслы, способные, по признанию и близких «теневикам» идеологов, вызвать социальный взрыв, гражданскую войну, но отнюдь не привела к исчезновению «теневой экономики» и «теневой политики». Их преодоление, да и то частичное, потребовало всего десятилетия, на протяжении которого добились ликвидации дефицитности, формирования рынка без капиталистов, экономического подъема, отладки механизма честного политического соперничества.

Для победы последовательно социалистической тенденции развития, наиболее продуктивно представляемой партией демократического социализма, ей потребовалось проявить политическое искусство, не идущее ни в какое сравнение с тем квазиреволюционным вспышкательством и беспринципными капитулянтскими компромиссами, которых так много было в первый, детский период перестройки. Неизбежные умные компромиссы с левым и правым крыльями в сис-

теме социалистических сил не деформировали облик демократического социализма, хотя и привели к принятию некоторых двусмысленных законодательных норм, действовавших до середины 90-х годов.

Особо важное значение имело взаимопонимание ПДС со сменившим забастовки массовым конструктивным движением — за реализацию явочным порядком, ввиду запаздывания законодательства или его ошибочности, права трудовых коллективов народных предприятий на самостоятельность и полномочное хозяйственное владение соответствующей частью «государственного» имущества. Стало очевидным, что полномочное владение и «большее», и справедливее аренды — последней уловки бюрократического аппарата, который бросил эту кость перестройке в расчете отделаться передачей в аренду лишь небольшой доли предприятий, мелких и средних и к тому же нерентабельных, и отвести удар от основной части государственного сектора и тем самым от себя самого.

Эта политика — вместе с приходом решительно обновленного или нового руководства — обеспечила партии демократического социализма и ее политике ту широкую поддержку, которая сделала ее на пороге нового века ведущей политической партией и в стране в целом, и во всех почти союзных республиках.

Была посрамлена и забыта теория, приписывающая внутренние механизмы саморазвития, основанные на конкурентном товарном производстве, только частной собственности и капитализму, толкавшая советское общество к капитализации, и на практике доказано, что эти механизмы как общее достояние человечества не менее органичны для демократического социализма. Но максимально возможная эффективность производства еще не достигнута, и остается не вполне ясным, почему.

Скорее всего, как считается, причина относительной слабости социализма, в том, что, в отличие от частной, общественная собственность не создает вполне достаточных предпосылок для четкости и жесткости в организации производственных процессов и хозяйственных связей, не так сильно, как частная собственность, стимулирует техническое и деловое творчество и держит в режиме исполнительство.

Опять встал вопрос, какой общественный строй способен, оставаясь гуманным, не прибегая к угнетающему человека, унижающему его достоинство принуждению, экономическому и внеэкономическому, обеспечивать оптимальное совокупное действие мотивационного, технического и организационного факторов производства. Иначе говоря, на рубеже XXI века опять обострилась проблема социальной цены, которая должна выплачиваться обществом за экономические успехи. С запаздыванием и тем более остро встали проблемы все более жесткого экологического рационарования производства и в определенных аспектах потребления (использование индивидуального транспорта, путешествия, бытовые услуги и т.д.). Практические очертания начала принимать общевропейская интеграция. Спираль

развития опять пришла к дискуссиям о социальном выборе, а с ними и к сдвигам в соотношении политических сил.

Так обстояло дело с решением советским обществом главной исторической задачи 90-х годов — подтверждением и конкретизацией социального, а именно социалистического выбора, определением и принятием политического курса — левостороннего, формированием многопартийной системы — с социалистической многопартийностью в качестве ее ядра. Поскольку эта задача была в общем успешно решена, все остальное «к сему приложилось».

Государственная система. В системе органов государства не осталось ничего искусственного, вычурно-оригинального. Здесь СССР с пользой для общества вернулся на общецивилизационную магистраль.

Съезд народных депутатов, так напоминавший земские соборы XVII века, принял новую Конституцию СССР, в которой не без грусти не предусмотрел свое существование. Верховный Совет, состоящий из тех же двух палат, избирается непосредственно населением. Последовательно проведен принцип несовместимости мандатов: в него не избираются не только министры, но и их заместители. И вообще граждане, состоящие на государственной службе: с них довольно и этой причастности к государственной власти и управлению. Вместо полуадминистративного Комитета конституционного надзора учрежден Конституционный суд. При президенте существует президентский совет, состоящий из президентов союзных республик.

Чудесные превращения в смысле возврата от чудес к норме произошли с правительством. Оно насчитывает уже не сотню и даже не полсотни человек. Всего двадцать, и все известные народу, крупные государственные деятели. В правительстве своими руководителями представлены 18 ведомств: плановое (планирование, в основном уже не директивное, а «регулятивное», естественно, сохранилось как важнейшая функция), народного хозяйства (по большей части промышленности, строительства, сельского хозяйства), топливно-энергетической промышленности, транспорта, оборонной промышленности (пока что), коммунального хозяйства и связи, торговли и снабжения, внешних экономических связей, финансов, по труду и социальному обеспечению, здравоохранения, по образованию и науке, по информации и культуре, внутренних дел, иностранных дел, обороны, государственной безопасности. У премьера два заместителя: первый и другой, занимающий должность председателя Госплана. Есть союзный правительственный совет, включающий премьеров союзных республик.

Непривычные перемены произошли в устройстве СССР как союзного государства. Они основываются, во-первых, на признании принципа, что суверенитет союзных республик первичен, а полномочия центра производны (делегированы центру республиками) и, во-вторых, на сочетании двух типов союзных республик — национальных (существовавших и раньше) и территориальных (типа «штатов», об-

разованных на базе наиболее крупных республик). На республики — «штаты» разбиты бывшие РСФСР, Украинская ССР, Казахская ССР, Узбекская ССР.

XXI век СССР встречает как объединение 30 союзных республик: Северо-Западной, Среднерусской, Средневолжской, Нижневолжской, Южнорусской, Северо-Кавказской, Уральской, Западно-Сибирской, Восточно-Сибирской, Дальневосточной, Северо-Украинской, Украинской Левобережной, Украинской Правобережной, Южно-Украинской, Западно-Казахской, Северо-Казахской, Южно-Казахской, Восточно-Узбекской, Западно-Узбекской, Белорусской, Азербайджанской, Грузинской, Армянской, Молдавской, Латвийской, Литовской, Эстонской, Киргизской, Таджикской, Туркменской.

Расчленение крупных и потому не поддающихся оптимальному управлению республик на «штаты» вызвало бурю споров. Нельзя мол резать их на куски. Но эти «куски» как раз и стали знаменосцами преобразования, особенно в огромной России. Указывали на децентрализацию и регионализацию государственного управления как мощную мировую тенденцию, обеспечивающую развитие мест и продуктивную горизонтальную небюрократическую интеграцию народного хозяйства страны и всей жизни общества. Простая регионализация отвергалась по тому соображению, что крупным регионам нужно дать максимальные права, а ими в нашей стране обладают союзные республики. Говорили, что национальное единство крупных республик не будет утрачено, если преобразовать их в субфедеральные союзы, и с помощью органов, создаваемых республиками, решать национальные проблемы. Так и поступили, создав Российский, Украинский, Казахский, Узбекский союзы. «Штаты» говорили: дайте нам самостоятельность — мы с умом устроим свои дела, добьемся процветания родной земли, а это и составит основу национального процветания. Сыграло свою роль и то, что некоторые органы государственной власти и управления СССР стали комплектоваться по принципу паритетного представительства союзных республик, а это потребовало того, чтобы члены-союзы были более соразмерны. Не возражали против расчленения крупных республик и входившие в их состав автономные образования: в составе союзных органов они сохранили свои позиции, а в составе меньших союзных республик их вес и влияние поднялись. Аналогичным образом ничего не потеряли, а только приобрели и территориальные единицы областного уровня. В конечном итоге СССР стал федерацией нового, смешанного типа.

Право выхода из Союза сохраняется за республиками, созданными на национальной основе, и за субфедеральными союзами в целом. Республики-«штаты» этого права не имеют. Обсуждается возможность их выхода при условии, что на это соглашаются другие республики, входящие в субфедеральный союз. Предусмотрена возможность исключения из Союза республик, не выполняющих своих обязанностей по союзному договору (естественных и необременительных). Этот институт не применялся, и многие считают его излишним. Вве-

ден статус союзной республики, входящей в Союз на началах конфедерации. «Конфедераты» (они есть) имеют свои валюту и таможенную, свое законодательство, и это отгораживает их от других союзных республик, от общесоюзного рынка, причем от этого «конфедераты» больше потеряли, чем выгадали. Но такова их воля.

Межреспубликанские хозяйственные, социально-культурные, гуманитарные связи осуществляются главным образом не через центр, «по дуге», а прямо. И при этом большей частью самими предприятиями, кооперативами, организациями, гражданами, а не через государственные органы республик. Что-то, конечно, остается и для этих органов. Все республики и их граждане заинтересованы в отсутствии законодательных сложностей и препятствий для их связей, в полной прозрачности и проницаемости межреспубликанских границ. Этой потребности отвечает большее единство союзного законодательства, чем это было при прежней федерации, клонившейся к унитаризму. Если раньше действовали основы законодательства и конкретизирующие их и при этом расходившиеся между собой и без серьезной к тому нужды кодексы союзных республик, то теперь перешли на принципиально другую структуру. Действуют общесоюзные кодексы, принимаемые с согласия всех союзных республик. При необходимости республики принимают к этим кодексам дополнительные установления. В этих установлениях некоторые республики предусмотрели равноправие всех форм собственности, включая частную. Это их дело. Каковы итоги, судить пока что трудно.

Если в первой половине 90-х годов социально-экономическое неблагополучие, общий кризис социализма, преходящие, но остро протекавшие болезни национального сознания вызвали сильные дезинтеграционные тенденции в прежде вроде бы прочном и незыблемом Союзе, то вторая половина этого десятилетия отмечена нарастанием здоровых интеграционных тенденций. Их продуктом стала новая, гибкая и потому устойчивая советская федерация.

Для новой Конституции СССР характерна фундаментальная структурная новация. Права, свободы и обязанности граждан, соответствующим образом классифицированные, рассматриваются в качестве доминантной составной части каждого из разделов Конституции. Определяются права, свободы и обязанности граждан в той или иной сфере общественной жизни и жизни человека, а затем приводятся нормы, направленные на их реализацию. Вот экономические права — и вот обеспечивающая их экономическая система, вот права гражданина — и вот основы государственного строя, и т.д. Предполагается, что помимо этого нет ничего существенного, что заслуживало бы включения в Конституцию. Это обеспечивает максимальную гуманистическую направленность Конституции, решительный и, пожалуй, предельный сдвиг от ориентации на интересы близких классов и других общественных групп к ориентации на права человека и гражданина. В текст Конституции с разбивкой по ее разделам включены все нормы, содержащиеся во Всеобщей декларации прав челове-

ка 1948 г. и в последующих международных документах, к которым присоединился СССР.

Таковы некоторые итоги путешествия автора на машине времени в 2000 год. XXI век для СССР наступит.

**Эволюция союзной власти:
идеология и практика девяти месяцев**

1987 — март 1990 г. — это время небывалой для СССР динамичности общественной жизни, характерной для периодов революционного подъема. Стремительно шло размежевание и нарастала политическая активность социальных сил, множились и углублялись направления их противостояния. С высоты каждой новой ступени развития этих процессов существенно иначе, чем прежде, виделись идеологам противоборствующих сторон прошлое, настоящее страны и ее путь в будущее. Основные идейно-практические концепции обозначились и развивались в дебатах на трех съездах народных депутатов и сессиях Верховного Совета СССР. Параллельно с союзной Советской властью происходила эволюция узаконенного Конституцией СССР ядра нашего государства — Коммунистической партии. Главные течения в руководстве КПСС открыто проявились на Пленумах ЦК КПСС 1989 и 1990 гг.

Материалы съездов, сессий и пленумов — богатейший источник информации для исследователей — обществоведов, политиков, журналистов. Не случайно без всяких понуждений «сверху» возник обширный поток публикаций, в которых они анализируются с самых разных сторон, с разными целями, с различных мировоззренческих позиций. Особенно пристально и подробно рассматривались работа и итоги первого Съезда народных депутатов СССР, применительно к которому эпитет «исторический» воспринимается не как привычный штамп, а как точное определение. К этому следует добавить оперативную реакцию общественности на митингах, а также критический, как правило, разбор в печати независимых организаций и общественных движений. Казалось бы, сказанное трудно чем-нибудь дополнить сейчас, пока время не высветило еще истинную роль и специфику начального этапа функционирования новых органов союзной власти в истории перестройки. Тем не менее возможности анализа этого этапа (с июня 1989 г. до введения президентской власти) по свежим, так сказать, следам далеко не исчерпаны. Более того, именно сейчас, а не когда-либо позже, актуально вычленение существа различий и изменений в представлениях народных депутатов СССР и их осмысление в контексте социального размежевания и логики социальной борьбы.

Попытка такого анализа предпринимается нами, конечно же, не из чисто академического интереса. Статья ориентирована на нужды формирования дальнейшей стратегии и тактики революционно-демократического варианта перестройки общественных отношений в СССР.

События последнего времени убедительно показали: призывы к гражданскому миру, национальному согласию, к взаимодействию на основе приоритета общечеловеческих ценностей остаются призывами, не достигают цели, если практическая политика игнорирует реальную противоречивость конкретно-исторических интересов, необходимость их согласования с учетом современной расстановки действующих социальных сил. Подобная политика обостряет конфликты (в том числе межнациональные), углубляет раскол. Она приводит к открытым столкновениям там, где объективно возможны взаимоприемлемые решения, достижение компромиссов. Необходимо понять действительные причины и факторы, заставляющие идеологов и политиков занимать и отстаивать ту или иную позицию. Надо обнаружить и обнажить связь между событиями общественной жизни и видоизменением идейно-практических концепций. Это позволит с достаточно высокой степенью достоверности предвидеть эволюцию политической мысли, политических стратегий, прогнозировать перегруппировку социальных сил, находить пути и методы мирного продвижения демократической революции.

Три предсъездовских года

Никто не станет отрицать, что перестройка — инициатива высшего партийного руководства. И поначалу, вплоть до январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС все импульсы обновления шли только сверху. Группа реформаторов, возглавившая партию и государство в 1985 г., использовала свои законные полномочия (согласно фактической логике реализации ст. 6 Конституции СССР) и свое действительное положение в структуре власти, чтобы провозгласить курс страны на перестройку. Однако нельзя было рассчитывать на его осуществление без широкой поддержки снизу.

Стремясь побудить народ к активному выполнению своих планов, правящая группа вынуждена была все более конкретизировать и радикализировать свои призывы. Так появилась (осенью 1986 г.) формула перестройки как *социальной революции*. Затем (в январе 1987 г.), выдвинув на первый план задачи *всесторонней демократизации*, руководство тем самым обозначило главное содержание этой революции. Характеристика преобразований, намечаемых под лозунгом «перестройка», достигла политической глубины, был дан ответ на вопрос об их социальной направленности и степени радикальности.

Лозунг демократизации прозвучал на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС весьма убедительно. Он был воспринят в самых разных слоях населения всерьез, а не как демагогия, послужил стимулом ак-

тивизации людей, разделяющих идеи демократических преобразований. Стали зарождаться и шириться общественные движения в поддержку перестройки.

Народная инициатива повсеместно наталкивалась на консервативную позицию командно-бюрократического аппарата. Но несмотря на это, а часто как раз вследствие реакционных идеологических демаршей и прямых репрессивных акций аппарата, на политической арене появился в 1988 г. качественно новый субъект — массовые самоорганизующиеся демократические движения. Это означало, что структура движущих сил перестройки стала принципиально иной.

До 1988 г. реально действующими субъектами обновления были реформаторское крыло в высших эшелонах власти и прогрессивно настроенные хозяйственные руководители, заинтересованные в гарантированной свободе экономического поведения. Важную роль в оживлении общества на первых порах сыграла также либеральная интеллигенция.

Она активно поддержала политическую линию руководства своей литературно-публицистической деятельностью. В отношении каждой из этих трех сил к проблемам перестройки не было и не могло быть существенных расхождений. Их идеологический багаж в главном и в целом не выходил за рамки концепции либерал-реформизма: перестройка мыслилась как постепенная модернизация системы по воле и сценарию руководства, как длительный эволюционный переход от казарменного «социализма» ко все более мягким формам диктаторства вплоть до его перерастания в демократию. В идеологии либерализации нет места для общественных движений, если они не инициированы или не разрешены властью. Несанкционированная активность масс представляется опасной: она, дескать, может сорвать добровольное самореформирование казарменного режима, вызвать негативную его реакцию на давление снизу.

Массовые демократические движения коренным образом изменили политическую ситуацию, ибо в них перестройка обрела свою истинную движущую силу как демократическая, антиказарменная революция. Размежевался прежде аморфный стан «сторонников перестройки». Радикальные представления о целях, стратегии и тактике преобразований получили социальную опору в революциях, начавшихся сначала в Армении, а затем в Прибалтике. Одновременно стали более отчетливыми и сблизились идеологические позиции прежних субъектов политического действия — либеральных реформаторов и консервативного аппарата. Ускорился процесс самоопределения и консолидации «противников перестройки», прояснивший социальный и персональный состав сил реакции. Они заняли позицию открытой конфронтации с демократическими народными движениями.

Очевидные звенья становления реакционного блока — манифест Н. Андреевой, поддержанный партаппаратом; формирование состава делегатов на XIX партийную конференцию; реформа избирательной системы и давление партийного аппарата на избирательную кампа-

нию; дебаты на апрельском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС; Указы Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 г. и от 8 апреля 1989 г.; сдвигка части интеллигенции в сторону «Памяти» и пр.

Но это лишь одна тенденция, привлекавшая долгое время всеобщее внимание. В 1988 г. проявилась и другая, пожалуй, наиболее опасная тенденция в нарастании сил и изменении способов сопротивления революционным преобразованиям, предвестник перехода реакции от оборонительных действий к наступательным.

Возникли относительно массовые движения, противопоставляющие себя демократическим. Антиперестроечные силы стремятся вовлечь в сферу своего влияния народные массы (реакционно-шовинистическое движение «Память», так называемые интернациональные движения, во многом противостоящие демократическим национально-освободительным).

Казарменная система, защищаясь от перестройки, использует в своих интересах переход народа от пассивного недовольства к политической активности, провоцирует и углубляет раскол «внизу», доводит дело до вооруженных межнациональных столкновений, пытается подчинить зарождающееся рабочее движение.

Таким образом, к началу работы первого Съезда народных депутатов СССР процесс активизации вышел из-под контроля партийного руководства (и части аппарата, проводящей его линию). Расстановка социальных сил, типичная для революционной ситуации, стала фактом.

К Съезду прежние и новые субъекты политического действия пришли, обогащенные опытом своих первых поражений и успехов в ходе разворачивающейся социальной борьбы. Взгляд на предысторию Съезда как на перерастание перестройки сверху в социальную революцию со всей сложностью ее проблем даст ключ к задуманному нами анализу.

В обилии подходов и предлагаемых конкретных мер, взаимной критике необходимо увидеть не отрадное проявление плюрализма и столкновения частных мнений, а более или менее четкое отражение современной структуры социально-политических сил.

И даже если депутаты не высказывали цельных концепций, необходимо за фасадом фрагментарных, зачастую противоречивых суждений и отдельных предложений увидеть идейные платформы, целевые ориентации и практические программы действующих сил революции и сил сопротивления, оппозиции революции.

Оценивая выступления на съездах, сессиях и их решения, мы в качестве критерия прогрессивности (правильности) будем использовать соответствие интересам продвижения демократических народных революций к своим конечным целям.

Такая методология отвечает революционным представлениям об общественном прогрессе и позволяет (в отличие от реформизма и либерализма) предельно сознательно, открыто и бескомпромиссно стоять на точке зрения трудящихся масс.

берализма) предельно сознательно, открыто и бескомпромиссно стоять на точке зрения трудящихся масс.

Идеология и программа новой номенклатуры

С первых шагов гласности и активизации общественной мысли главными непосредственными факторами размежевания социальных сил были оценка прошлого страны, строя, сложившегося в СССР, и понимание целей перестройки. С возникновением широких революционно-демократических движений теоретическая полемика на этот счет потеряла свою остроту, ибо борьба за коренное преобразование общества перешла в область практических действий. В изменившейся ситуации на первый план выдвинулась необходимость осознания особенностей текущего момента, поскольку это наиболее существенно для выработки (обновления) каждой из социальных сил своей дальнейшей стратегии, определения первоочередных тактических задач.

Начиная с 1989 г. положение дел в стране все чаще характеризуется как «кризис», «чрезвычайная ситуация», «чрезвычайные обстоятельства». В последние месяцы заговорили о приближении советского общества к катастрофе. Звучало все это и на съездах народных депутатов СССР, сессиях Верховного Совета. Однако суть и причины кризиса, степень остроты и необходимая очередность конкретных задач видятся по-разному.

Идеология современной, обновленной платформы либерально-реформаторского крыла руководства — это *идеология чрезвычайных обстоятельств и чрезвычайных временных мер*. Поначалу (во всяком случае на первом Съезде и сразу после него) речь шла о чрезвычайности преимущественно экономических обстоятельств и мер. Затем платформа существенно переменялась. И хотя мотивы, связанные с состоянием экономики, на втором Съезде получили дальнейшее развитие, акцент в идейно-практической концепции номенклатурного либерал-реформизма постепенно переместился на озабоченность социально-политической ситуацией и на отстаивание необходимости срочных перемен в политической системе.

Внеочередной третий Съезд народных депутатов СССР ввел в качестве чрезвычайной политической меры институт президентства. Закрепив за президентом широчайшие полномочия, Съезд под бурные аплодисменты его участников узаконил тем самым курс на перестройку «сверху» при помощи сильной, авторитарной власти. «Твердая рука» для наведения и удержания «порядка» — вот что было фактически признано условием осуществления программы неотложных мероприятий в хозяйственной сфере, ранее предложенной правительством и принятой органами союзной Советской власти.

Основные контуры исходного варианта рассматриваемой концепции были представлены на первом Съезде народных депутатов СССР в докладе Председателя Верховного Совета СССР М. С. Горбачева

«Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР»¹. Обратимся к докладу.

Состояние «серьезного кризиса, охватившего все сферы жизни», датируется здесь началом 80-х годов. Обстановка к моменту Съезда характеризуется как убедительная победа перестройки, «самым крупным завоеванием которой является широко развернувшаяся демократизация государственной и общественной жизни». В то же время подчеркнута, что еще не удалось преобразовать экономическую и социальную сферы, обеспечить нормальные ("достойные нашего времени") условия труда и жизни советских людей. Напротив, имеют место «кричащие» социально-экономические проблемы. Согласно докладу, это вовсе не означает, что неверна политика перестройки, что проблемы порождены новыми методами хозяйствования. Их причины усматриваются и в прошлом, и как раз в непоследовательности, половинчатости экономической реформы, в просчетах, ошибках при осуществлении идей перестройки, несоответствии кадров требованиям времени и т. п.

В докладе прямо не говорилось о чрезвычайности современной ситуации. Но положение в экономике, и в первую очередь расстройство финансовой системы, разбалансированность рынка, представлено здесь обстоятельством, которое «сводит на нет» все положительные сдвиги в жизни общества и государства, вызывает острую социальную напряженность. Отсюда и необходимость чрезвычайных усилий, призванных нормализовать прежде всего положение на рынке потребительских товаров и услуг. Заявлено о неизменной приверженности ЦК КПСС и правительства курсу на радикальную реформу. В то же время утверждается: реформу невозможно осуществить в виде единовременного акта, надо постепенно продвигаться к новому хозяйственному механизму, но ввести его в полном объеме не ранее начала XIII пятилетки. А пока... Что же пока? Какими способами добиться, причем в кратчайшие сроки, решения неотложных задач? Открытого признания в том, что ставка делается на старые (в лучшем случае слегка подновленные) методы руководства, в докладе нет. Однако из перечисленных первоочередных мер только изменения в отношениях собственности и формах хозяйствования на селе — из числа тех, которые способны затронуть глубинные причины неблагоприятной ситуации, открывая тем самым возможность устойчивой ее нормализации. Формулировки всех остальных социально-экономических проблем (малообеспеченности, жилищной, качества медицинского обслуживания и др.) — по преимуществу не более чем конкретизация негативных следствий существующей системы властно-управленческих отношений. Постановка актуальных задач лишь фиксирует необходимость устранить следствия системы, сосредоточить на этом внимание, усилия, ресурсы. Так, полноценная реформа откладывается. Предполагается, что ликвидация «болевых точек» произойдет в чрезвычайном порядке и не одновременно с проведением всесторонней реформы, а до нее, вместо нее.

Не надо было обладать особым критическим настроем, чтобы сказать: предложенная руководством экономическая стратегия в лучшем случае могла смягчить на время некоторые из проблем, создать видимость их решения, а затем воспроизвести их в новой, более тяжелой форме. Однако более вероятным был другой вариант: существенного предполагаемого эффекта вообще не будет. Ведь резервы командно-репрессивных механизмов управления хозяйством практически исчерпаны, пик их «совершенства» (когда из страха перед непомерным наказанием послушно исполнялись любые приказы) позади. История перестройки показала (и это отмечено в самом докладе): половинчатое реформирование осложняет и множит проблемы. Откуда взяться быстрым успехам? Их не будет, а потому «добро» на продление жизни старых методов и структур чревато переводом ситуации из остронапряженной в остроконфликтную. Забастовки, прокатившиеся по стране вскоре после первого Съезда, стали свидетельством реальности именно такого развития событий. Предложенные правительством 3 августа поправки к Закону СССР о государственном предприятии (объединении) в части, расширяющей права предприятий, — это, конечно, результат забастовочного давления. При этом содержание поправок и процедура поспешного их принятия Верховным Советом СССР выглядели так, будто бы торжествовал принцип: сделаем пока срочно что-нибудь, обнадежим народ, а там разберемся, найдем долговременные, серьезные решения².

В чем же, возникает вопрос, заключался смысл стратегии временных чрезвычайных мер? Казалось бы, малая ее эффективность, опасность социальных взрывов из-за откладывания комплексных радикальных преобразований очевидны. Вряд ли эта стратегия формировалась профессиональной некомпетентностью, безответственностью или же наивным стремлением временно успокоить защитников старых порядков, чтобы в дальнейшем постепенно сделать их сторонниками перестройки. А может быть, она сознательно была рассчитана на усиление недовольства трудящихся, на рост общественного движения в поддержку номенклатурных реформаторов, на умелое использование ими в борьбе с консервативным аппаратом давления снизу? Трудно предположить столь тонкий расчет долговременного процесса, подвластного многим факторам. Полагаться на него означало бы идти на слишком большой риск, вплоть до риска потери власти. Не в традициях советской номенклатуры делать такие расчеты и следовать им. Действительные причины и смысл выбора стратегии чрезвычайных экономических мер летом 1989 г. могут быть поняты при учете следующих трех обстоятельств, которые отчасти были обозначены в выступлениях депутатов первого Съезда, поддержавших ее.

Первое обстоятельство. Чрезвычайные меры трудящимся сулили скорейшее улучшение материальных условий жизни, удовлетворение их насущных экономических и социальных потребностей. Предполагалось, что осуществление этих мер подтвердит на деле заботу нового высшего органа власти (читай: доминирующей в нем пар-

тийно-государственной номенклатуры) о своем народе. Показательно, что к числу необходимых первоочередных мер многие из депутатов относили ликвидацию льгот и привилегий номенклатуры, ведомственных льгот и одновременное расширение контингентов людей, пользующихся льготами в связи с какими-либо обстоятельствами их прошлой жизни, так сказать, в связи с прошлыми заслугами или бедами. В этом проявился доперестроечный характер приоритетов, которыми руководствовались депутаты — подлинные представители своего народа. Они выражали тем самым иждивенческо-уравнительные представления о социальной справедливости, свойственные массе в казарменном обществе.

Настойчиво звучал на Съезде и такой мотив: нельзя допустить, говорили депутаты, чтобы люди утратили веру в перестройку, отказали в доверии партии (читай: восстали против монопольной власти партийно-государственного аппарата). А это, по их мнению, случится, если срочно не накормить, не одеть народ, не заполнить магазины товарами первой необходимости.

Второе обстоятельство. Необходимость чрезвычайных экономических мер обосновывается в условиях, когда размах демократических народных движений и глубина их целей далеко превосходили границы, первоначально отведенные активности масс инициаторами перестройки. Предвыборная кампания выявила способность и готовность народа к инициативным солидарным действиям. В Прибалтийских республиках революции привели к фактическому двоевластию. Не исключено, что и в других республиках события будут развиваться по сходному сценарию. Кампании широких общественных протестов против трех Указов Президиума Верховного Совета СССР (от 28 июля 1988 г. и от 8 апреля 1989 г.), в связи с арестом лидеров армянского народного движения и в особенности в связи с событиями в Тбилиси — все это тоже предупреждения аппарату о проблематичности «наведения порядка» в стране с помощью репрессий. Вместо порядка, послушания, угодного аппарату, могут возникнуть и бунт, и гражданская война.

Третье обстоятельство. Для реакционного блока, сердцевину которого составляет партийно-государственный аппарат, самым большим является вопрос о радикально-демократических политических реформах. В то же время и теория, и практика подсказывают: без таких реформ нельзя задеть в полной мере главный резерв экономического роста — инициативу и самодеятельность масс. Указаний на то, что именно аппарат срывает даже половинчатые экономические перемены, на Съезде было приведено достаточно. Есть они и в докладе М. С. Горбачева. Нельзя надеяться на быстрое безболезненное введение политических предпосылок преобразования экономики. Следовательно, получается по логике рассуждений либерального реформатора, нужно время, нужен маневр. Время — для того, чтобы сделать аппарат более сговорчивым. Маневр — для того, чтобы предотвратить опасную для мира в стране дальнейшую активизацию и на-

рода, и реакции. Именно эта потребность стоит, как представляется, за словами М. С. Горбачева о необходимости защиты революционного процесса «от поползновений и консервативных, и ультралевых элементов»³. При этом, конечно же, у инициаторов перестройки и мысли не было о коренном изменении системы властных отношений, в результате которого был бы положен конец монополии партийно-государственного аппарата, выступающего под вывеской Коммунистической партии. В противном случае в официальном докладе прозвучало хотя бы обещание перейти к многопартийности в будущем.

Вместо этого мы вновь услышали весьма странное (в том числе и для идеологов, называющих себя марксистами) утверждение, будто бы одна партия может и должна выражать и гармонизировать интересы основных социальных групп, слоев населения, всего народа. И это в условиях глубокой противопоставленности народа и аппарата, все увеличивающейся социальной дифференциации, выявления глубоких антагонизмов между рабочим классом и государством-предпринимателем! В условиях существования де-факто и бурного роста различных по политической направленности и социальной базе независимых организаций и движений (союзов, фронтов, партий и пр.)?! К тому же, как теперь признано, процесс демократизации в самой КПСС существенно отставал и отстает от развития демократического сознания и становления демократических форм жизни в обществе, подвластных ее решениям.

Сохранение исключительной роли КПСС (роли «гаранта революционного процесса», «консолидирующей силы») — вот главное условие, призванное примирить аппарат с программой правительства. А что было обещано народу в качестве политического сопровождения чрезвычайных экономических мер? Существенны, на наш взгляд, три обещания. Во-первых, разграничение сфер влияния между партийными и государственными органами. Для партии (партийного аппарата) это еще не трагедия, так как в государственных органах она и «гарант» и «консолидирующий» фактор, и кадровая политика остается на ней; перед народом же это открывает некоторые возможности бороться с диктатом партийного аппарата. Во-вторых, разделение государственного руководства и хозяйственного управления. За государством совершенно справедливо предполагалось оставить установление общих норм и правил хозяйствования. Фокус в том, что государство — это все тот же партийно-государственный аппарат. Хозяйственное управление, избавленное от понуканий аппарата, защищенное в большей мере законом, — такая перемена в интересах новых хозяев (архидаторов, кооператоров, предприимчивых хозяйственных руководителей государственных предприятий). В-третьих, обновление аппарата. О необходимости замены кадров говорилось много, да и реальные шаги к этому были предприняты сразу же после первого Съезда на сессии Верховного Совета СССР. Для народа, только еще сбрасывающего с себя оковы казарменно-репрессивного мышления, его враги персонифицируются в конкретном бюрократе, а

защитники — в добром вожде, заботливом руководителе. Народ в массе своей лишь подходит к границе, за которой возникает понимание смысла тактики, приносящей в жертву выживанию системы отдельных скомпрометировавших себя (да и действительно некомпетентных) ее функционеров. Есть и еще одна сторона тактики обновления аппарата: это рука, протянутая либеральной интеллигенции. Она может теперь осуществить свои самые смелые мечты — войти в аппарат, в номенклатуру, чтобы «влиять», подталкивать к правильным решениям, помогать своими знаниями, словом, ... "бороться" за счастье народа. Итак, вроде бы все интересы учтены.

Если согласиться с перечисленными соображениями и рассуждениями, то напрашивается следующий вывод. Суть идеологии чрезвычайных экономических обстоятельств и мер — это предложение демократическим силам и реакционному блоку пойти на *временный компромисс*, условия которого разработаны либеральными реформаторами (новой номенклатурой) и предложены от лица ее лидера в руководстве КПСС. Глава партии становится при этом и главой государства (Председателем Верховного Совета СССР). Это тоже входило в условия компромисса.

Сама по себе решимость руководства идти на компромисс должна, конечно же, приветствоваться. Другое дело, достаточны ли уступки? Кого устраивают, а кого не устраивают выдвинутые сверху предложения?

Новая номенклатура вынуждалась к поиску компромиссных решений ситуацией, близкой к равновесию основных противоборствующих сил: народных демократических движений (и, главное, успехами мирных революций Прибалтики) и реакционного блока. Условия компромисса выглядели приемлемыми для последнего, ибо сохранялись пока незыблемыми ключевыми позициями партийно-государственного аппарата в структуре власти. Аппарат мог пойти на уступки, на ущемление некоторых своих интересов под давлением снизу, так как классовый (точнее, кастовый) инстинкт подсказывает: *удержать бы власть, а там посмотрим.*

Программа чрезвычайных мер не только откладывала необходимые народу фундаментальные хозяйственные реформы до лучших времен. Она оставляла аппарату возможность, оперевшись на силу все еще охраняемой законом своей руководящей роли (власти) в обществе, заблокировать в любой момент даже обещанные нерадикальные перемены.

Следует к тому же добавить, что чрезвычайные меры по характеру и содержанию вовсе не являются переходными к принципиально новому экономическому механизму: их осуществление не гарантирует проведение вслед за этим радикальных демократических реформ в хозяйственной сфере. Переходным этапом к устойчивой нормализации экономической ситуации стало бы коренное изменение типа власти в обществе и хозяйстве. Лишь политические реформы, которые ставят общественную и экономическую жизнь под контроль наро-

да, — действительная предпосылка стабилизации и улучшения дел в хозяйстве. Подобные реформы были в начале лета 1989 г. (и остаются до сих пор) за пределами зоны соглашения номенклатурных реформаторов с реакционным блоком. Нет, не по злему умыслу и не от недопонимания, а в соответствии с логикой компромисса правящая группа ни на первом Съезде, ни потом не торопилась с принятием законов, изменяющих политическую суть хозяйственных отношений (характер собственности, полномочия республик и пр.). Чрезвычайные экономические меры нацелены на успокоение и завоевание доверия народа в рамках прежней философии заботы о его нуждах, в рамках обещаний и намерений преимущественно силой приказа «вернуть экономику к человеку». Программа по замыслу своему должна временно примирить противоборствующие стороны, ослабить активность масс, предотвратить расширение и углубление революции, дать возможность новой номенклатуре перехватить инициативу. Такая возможность возникнет, если народ опять поверит в перестройку «сверху», согласится ждать. Но вот согласится ли народ, поверит ли?

Перед исследователем революционного варианта перестройки осмысление сути политики чрезвычайных временных мер неизбежно выдвигает проблему: как оценить предложенный новой номенклатурой компромисс с точки зрения интересов развития народно-демократической революции? Улучшение жизни народа, смягчение условий эксплуатации всегда были и должны быть составной частью программных установок общедемократического и социалистического движений. Другое дело, какой ценой оплачиваются частичные завоевания. Если цена велика, а силы у народа для радикального изменения ситуации есть, к компромиссу следует относиться как к ошибке. Компромисс, который способствует развитию, а не сдерживанию революции, не закрывает путь к достижению ее конечных целей, — не ошибка, а шаг вперед.

На вопрос об условиях выдачи народом очередного кредита доверия руководству и во время первого Съезда, и вскоре после него были получены недвусмысленные ответы: призыв к пассивному, послушному ожиданию благоприятных экономических перемен пробудившиеся к жизни народные силы не услышали, не поняли, не приняли.

«Первой ласточкой» была позиция депутатов, представлявших на Съезде Эстонию, Литву и Латвию. В своих выступлениях они заявили о претензии прибалтийских народов на право самим решать проблемы рационализации народного хозяйства республик, искать способы выхода из экономического кризиса. Они весьма стойко выдержали антиприбалтийскую настроенность большинства Съезда, не согласились (да и не собирались соглашаться) с оценкой их требований экономической самостоятельности как «экономической изоляции», отвергли разработанный правительством вариант усеченного регионального хозрасчета. Принятые затем на сессии Верховного Совета СССР решения по вопросу об экономической самостоятельности Эстонии, Латвии, Литвы появились в результате отказа прибалтийских респуб-

лик от условий, предложенных правительством. Временный компромисс между республиками и центральной властью был достигнут, но на условиях, позволявших подключить к налаживанию дел в республиках созидательные потенции мирных демократических революций. Не исключено, что, действуя центральный аппарат в соответствии с буквой и духом достигнутых соглашений, не тормози он их осуществление, народы Прибалтики поставили бы и решали проблему своего государственного суверенитета существенно иначе, чем сделали это в марте 1990 г. Литва и Эстония. Кредит доверия к высшему руководству иссякал по мере того, как оно демонстрировало свою неспособностью (или нежелание?) эффективно противостоять имперским политическим амбициям и экономическим интересам союзно-ведомственных монополий.

Первая за годы перестройки мощная волна организованных забастовок рабочих в России и на Украине также стала ответом на стратегию высшего руководства, обнародованную на первом Съезде. Характер первоначальных требований шахтеров, постепенное углубление целей возродившегося рабочего движения и, главное, создание рабочих (стачечных) комитетов как структур, по существу параллельных местной власти, — вот что было противопоставлено планам косметического подновления общества под прикрытием концепции чрезвычайных экономических обстоятельств и мер. И хотя в пределах всего рассматриваемого нами периода рабочее движение в целом не сумело подняться до партийно-политического уровня, есть все основания считать, что вслед за Прибалтикой Россия и Украина вступают в начальную фазу своих революций. А это означает, что *оттягивание радикальных преобразований в угоду аппарату более недопустимо*. Оно таит в себе опасность высокого накала конфликта народа с властью. И не на народ, требующий революционных перемен, а на тех, кто не желает поступиться или поделиться властью, ложится ответственность за обострение ситуации и за защиту старого режима (пусть де-юре и законного, конституционного) с помощью насильственных, военно-карательных методов.

Призывы подождать, дать время правительству на осуществление замысленной им программы никак не повлияли (как и следовало предполагать) на положение в Закавказье. Конфликт вокруг Нагорного Карабаха с самого начала требовал срочных политических решений, которые направили бы энергию разрастающихся в Армении и Азербайджане народных движений в русло мирного созидания новых, гуманных форм жизни. Однако за 1,5 года со времени первых массовых митингов в Ереване не было сделано никаких реальных шагов по пути к демократической реформе государственного устройства СССР, открывающей возможность предотвращать обострение межнациональных отношений, находить взаимоприемлемый выход в случае возникновения сложных проблем. С лета 1989 г. события в Закавказье стали приобретать все более трагический поворот, развиваясь в сторону военного противоборства двух народов — противоборства, у

истоков которого лежит обреченность попыток отстаивать демократические права и свободы (в том числе права национальных меньшинств, право республик на суверенитет) в тоталитарном государстве. Можно глубоко сожалеть, что вместо объединения усилий на попрание мирной антиказарменной революции народные движения двух республик противопоставились друг другу и дело дошло до междоусобной войны. Но нельзя отрицать, что одна из главных причин (если не самая главная), приведших столкновение к столь крайним формам, — утрата веры в то, что Москва или республиканские власти смогут сами найти и провести в жизнь необходимые решения. Второе естественное следствие отказа от этих иллюзий — активизация антиаппаратных настроений и действий. В Азербайджане этот процесс стал развиваться наиболее стремительно, хотя иной раз казалось, что позиции Народного фронта Азербайджана и руководства республики сближаются.

Причудлива политическая судьба инициаторов перестройки: никак не удастся им действовать в унисон с народом. В 1985—1986 гг. они всячески пытались расшевелить людей, убедить в необходимости активной поддержки объявленного нового курса. И наталкивались на повсеместную инертность, на одну и ту же жалобу: «перестройка до нас еще не дошла». В следующие два года номенклатурные реформаторы обнаружили, что у народа появилось собственное видение целей и способов переустройства общества. Активность масс стала приобретать «несанкционированную» руководством направленность и «несанкционированные» формы. Тезис «перестройка есть революция» был выдвинут руководством в 1986 г. скорее как метафорический, все с той же целью активизировать своих потенциальных сторонников. Но через два года это определение уже полностью соответствовало характеру разворачивающегося процесса. Реальная история перестройки стала складываться как результат столкновения политики либеральных реформ «сверху» и революции «снизу» (в обстановке противодействия им обеим со стороны консервативных и неосталинистских сил). И вот на взлете национально-освободительных и общедемократического движений, после того, как народ на выборах ясно высказался за кардинальные преобразования, когда массовым сознанием прочно овладели идеи борьбы с монополией аппарата, за превращение Советов в органы народовластия, — в этот исторический момент правящие реформаторы просят народ остановиться, не скрывать своей революцией их тактику топтания на месте. «Передышка» не состоялась. Руководство было поставлено перед необходимостью менять тактику.

Глубоко закономерна, на наш взгляд, трансформация платформы чрезвычайных экономических обстоятельств и мер в платформу, оправдывающую чрезвычайные политические меры по закреплению высшей власти в руках лидера новой номенклатуры. В такой трансформации проявилась, конечно же, сущность либерал-реформизма, его внутренняя логика. Отказ от опоры на общественные движения, боязнь сделать ставку в осуществлении социальных преобразований

на народную инициативу, народную власть оставляют либеральному реформатору единственный путь — путь надежды на добрую волю и силу мудрого Центра. Следующий же шаг в этой логике приводит к мысли узаконить единоличное (авторитарное) правление: представляется, что гарантией твердости линии и оперативности центра является отсутствие в нем разномыслия. Так либерал-реформаторы, объявившие себя на заре перестройки сторонниками политического плюрализма, становятся ревностными поборниками реформы, отдающей будущее перестройки, народа и вопрос об облике плюрализма в руки либералу-вождю. При этом судьбоносный характер этой акции вполне осознается.

Случайно ли совпадение по времени двух крупнейших нововведений — отмены конституционного закрепления властных функций КПСС и учреждения института президентства? Разумеется, не случайно, но если при этом не упускать из виду, что президентом должен был стать (и стал) Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Вопрос о том, кто будет главой государства, получившего шанс развиваться в сторону действительно советской системы, на первом Съезде народных депутатов СССР был решен в пользу лидера монополюс правящей партии. Советская система в ее первоначальных функциях и форме, порожденных иваново-вознесенскими ткачами, в принципе не совместима с узурпацией власти у народа. А монополия одной партии на власть, естественно, — антипод народовластия. Неудобоваримость затеянного политического компромисса стала очевидной уже летом 1989 г. и проявилась, с одной стороны, в необъявленном («несанкционированном») народном референдуме о статье 6 Конституции, а с другой, — в настойчивых кликах либералов «Горбачева — в президенты!». Стратегия перестройки по сценарию революции «сверху» родила новую стадию компромисса: монополия КПСС на власть формально отменена, а реально власть поделена между союзными Советскими органами и президентом-генсеком. Тем самым монополия партии приобрела новый, смягченный и завуалированный облик — облик президентства.

На первом Съезде народных депутатов СССР политическое руководство отвергло призывы к введению президентско-парламентской системы вместо советской. На осенней сессии Верховного Совета и на втором Съезде верное руководству большинство затягивало и откладывало вопрос о статье 6 Конституции СССР. В то же время Председатель Совета Министров СССР Н.И.Рыжков в своем докладе на втором Съезде констатировал возникновение «нежелательных явлений, серьезно осложняющих экономическое развитие». К их числу им отнесены (среди прочих) «столкновения на межнациональной основе», «забастовки на предприятиях», «блокады», «длительные перерывы движения на железнодорожных магистралях».

По смыслу доклада Н. И. Рыжкова чрезвычайные экономические меры должны воздействовать на эти так называемые нежелательные явления, стабилизировать социальную ситуацию. Возможно ли это?

Ведь вызваны они, без сомнения, не только и не столько ухудшением экономического положения, сколько длительными проволочками с демократизацией политической системы. Во всяком случае, требования, касающиеся суверенитета республик, экономической самостоятельности и самоуправления предприятий, требования снять фактический запрет на рожденные забастовками рабочие (стачечные) комитеты и т.п. — все это уже не подпадает под категорию чрезвычайных экономических обстоятельств, выходит за рамки разрешающей способности централизованных мер по преодолению бюджетного дефицита, разбалансированности потребительского рынка и т.п. Программа правительства переносит, таким образом, преобразования, способные затронуть глубинные причины «нежелательных явлений» (так правительство именует революционный подъем) в лучшем случае на второй этап реформы — на 1993—1995 гг.: «На втором этапе, — сказано в докладе Н. И. Рыжкова, — все более активно функционирует рынок на основе базисных изменений собственности, в землепользовании, в аренде, принципов республиканского самоуправления и самофинансирования, местного хозяйства и местного самоуправления...». ⁴

Осенью заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. И. Абалкин просил у народа полтора года спокойной работы. А в декабре правительство просит увеличить этот срок, называет новую дату начала радикальной экономической реформы — 1993 г.

Следовательно, еще на три года планируется отложить открытый политический бой с аппаратом. Потому что радикальная демократическая реформа хозяйства — это в первую очередь смена социально-политического его типа, изменение характера власти в хозяйстве, что в наших условиях совпадает по задачам и содержанию с отстранением номенклатуры от власти в государстве.

Так для чего же даны чрезвычайные полномочия президенту? Не для того ли, чтобы решительно пресекать так называемые нежелательные явления (читай: организованное политическое давление «снизу» на правящих реформаторов и на аппарат), дабы они не осложняли жизнь новой номенклатуре? Полномочия президента даны Генеральному секретарю ЦК КПСС, как представляется, еще и для того, чтобы помочь КПСС избежать по возможности печальной участи правящих коммунистических партий в странах Восточной Европы.

Первые два месяца 1990 г. ушли на то, чтобы внедрить в массовое сознание мысль о необходимости защиты «твердой рукой» не только прав, но и самой жизни каждого и всех граждан. Немалую роль сыграли в такой подготовке эскалация межнациональной войны в Закавказье и армянские погромы в Баку, новая волна беженцев (теперь уже семей русских военнослужащих), спровоцированная вводом войск в Баку, и открытая разнузданная деятельность «Памяти» в Москве и Ленинграде.

Никак не могли взять в толк наши либерал-демократы, зачем руководство столь круто взяло курс на введение президентской власти, зачем торопится, почему не подождет результатов выборов в республиканские и местные Советы. И все пытались они втолковать коллегам-депутатам, что президентство — атрибут развитой многопартийной системы, что президента лучше избирать всенародно, что слишком много власти президенту давать нельзя и т. д. Доводы эти хороши с точки зрения пропаганды демократических идей. Но они плохи тем, что не схватывают, не раскрывают смысл чрезвычайной политической меры в ее конкретно-историческом контексте. А смысл этот — в узаконении личной власти лидера КПСС, что позволит, может быть, верному ему аппарату удерживать свои позиции, пошатнувшиеся под напором народных движений. Справедливо отметил один из депутатов, что М. С. Горбачев, став Генеральным секретарем ЦК КПСС, получил абсолютную личную власть, и «было бы нелепо предполагать, что... М. С. Горбачев решил сейчас захватить в свои руки власть в новой ипостаси»⁵. Создание поста Президента СССР, продолжили бы мы, нужно не потому, что у единственного реального кандидата на этот пост мало фактической власти. Президентство вводится для того, чтобы закрепить законом хоть часть прежде ничем не ограниченных полномочий первого лица в партии и в государстве. Реформа политической системы не усиливает власть центра. Куда уж сильнее? Она, скорее, попытается продлить ее (в модернизированном виде) в преддверии необратимого процесса рождения демократических институтов, гражданского общества.

Достаточно ли осталось у правящей группы сил и власти, чтобы решить свою главную задачу: в условиях, когда падает доверие к руководству, осуществить программу непопулярных мер? Надо думать, что, стремясь перехватить инициативу и вернуть себе доверие народа, руководство вынуждено будет выдвигать новые планы крутого перелома в экономике. Но теперь и самый радикальный, самый прекрасный план оздоровления и обновления не имеет шансов на народную поддержку, если он будет (как прошлогодняя программа чрезвычайных экономических мер) оторван от политической ситуации, от демократических политических тенденций в СССР.

13 апреля 1990 г. газеты сообщили, что в пресс-центре МИД СССР заместитель председателя Комитета Верховного Совета СССР по вопросам экономической реформы П. Бунич сказал журналистам: «В правительстве готовится пакет документов, направленных на ускоренное развитие рыночных отношений; таким образом, в процессе оздоровления экономики может быть сделан самый крупный шаг за последние годы»⁶. Итак, власть президента, собираются, видимо, употребить для быстрого «внедрения» рынка. Не исключено, что народ поддержал бы такой резкий поворот, если бы одновременно новая номенклатура ускоренными темпами «внедряла» и демократию. А этого не сделать теперь мирными методами без союза с народом, без опоры на массовые революционно-демократические движения.

Резюмируем. Идеология номенклатурного либерал-реформизма обосновывает вроде бы необходимость решительных, чрезвычайных усилий для обновления общества и власти. Фактически же либеральный реформизм возвращает дело по существу к исходному состоянию, хотя и в модернизированном виде. Отсюда принципиальный вопрос: действительно ли задачей номенклатурных реформаторов является обновление социальных структур, характера общества и власти? Или же их изначальная задача — модернизация внешнего оформления прежней структуры и прежнего типа власти? Скорее всего, сообщество номенклатурных реформаторов включает в себя и искренних, и мнимых сторонников существенных перемен. Однако они все еще не размежевались, выступают вместе. И это порождает у населения бесконечные догадки и раздумья на тему: чего же все-таки они хотят, насколько они радикальны и как понять действия, столь противоречивые с точки зрения обычной логики?

Современный сталинизм

Фразеологическое оформление современного сталинизма испытывает сильное воздействие перестроечной терминологии. Впрочем, прикрытие своей антинародной сущности формулами, близкими к гуманистическим, демократическим, социалистическим — одна из особенностей сталинизма, позволяющая ему создавать себе опору в массовом сознании. За маскировкой современного сталиниста под сторонника перестройки (причем, иной раз под самого решительного, так сказать, ультраперестроечника) внимательный анализ обнаруживает *платформу удержания ключевых позиций в ожидании реванша*. Элементы этой идеологии и программы есть в выступлениях и таких народных депутатов СССР, которых общественное мнение занесло в список приверженцев либеральной или радикальной демократизации. Наша задача — не разоблачать эклектичность чьих-либо высказываний, не клеймить депутатов, а охарактеризовать неосталинистское течение политической мысли образца 1989—1990 гг., разглядеть его и там, где оно скрыто за либеральной и революционной фразой.

Анализ дебатов на Съездах народных депутатов и сессиях Верховного Совета СССР показывает, что современный сталинизм настаивает на незыблемости, по меньшей мере, двух черт доперестроечного общества: монопольного положения КПСС в структуре власти и имперского характера Союза ССР. На их сохранение направлен пафос многих выступлений. В принципе здесь все предельно ясно: действительно, на этих двух китах стояла и поныне стоит псевдосоветская казарменная система. В то же время требуются уточнения, касающиеся обоснования, словесного оформления неосталинистской платформы, ее видоизменений от первого к третьему Съезду народных депутатов СССР.

Одно из важнейших (если не самое главное, исходное) отличий идеологии современного сталинизма от концепции номенклатурных

реформаторов — совершенно иная оценка конкретно-исторической ситуации. Идеолог компромисса акцентирует внимание на состоянии экономики, на бедственном положении трудящихся. У неосталиниста современного образца выпирает кастово-политическое видение особенностей текущего момента. Депутаты бьют тревогу из-за того, что КПСС, по их словам, теряет свой прежний авторитет⁷. В этом усматривают негативные следствия ошибок, допущенных в годы перестройки. И получается, что главная задача — восстановить авторитет партии, а все остальное (накормить, одеть народ и пр.) превращается в средство достижения этой цели. И перестройка оказывается сталинисту ни к чему, если партия потеряет авторитет. Это, конечно, не глупость, а камуфляж. Ратующие за восстановление авторитета партии, обозначают этими словами власть аппарата. Угрозу монополии аппарата неосталинист воспринимает и преподносит как общественную катастрофу. Арсенал идеологических приемов, обосновывающих такой политической трюк, невелик и негибок, но все же совершенствуется, мало помалу приспособляется к новым обстоятельствам. При этом преобладающей чертой современной демагогии сталинизма все явственнее становится запугивание народа всяческими бедами и ужасами, которые якобы несет с собой затеянная перестройка.

Одно из первых (по времени) «ужасных» порождений перестройки, если верить неосталинистам, — рвущийся к власти авантюрист-неформал. Показательно, что подобный образ нового врага народа активно творили участники апрельского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС, на котором подводились итоги выборов народных депутатов СССР. На первом Съезде в ряде выступлений депутатов воспроизводилось почти такое же, как и на Пленуме, обвинение в адрес тех, кто соперничал в предвыборной кампании с кандидатами, удобными аппарату. Обвинение в том, что они, дескать, рвались к власти. Выдвижение кандидатов снизу, самодвижение, свободная агитация за кандидатов, чьи программы отличаются от официальной линии, и т. п. — все это в глазах аппаратчика-сталиниста (и оболваненных сталинизмом трудящихся) есть посягательство на его законные полномочия. Только он, выдвинутый, поддерживаемый партийными органами, представляет будто бы народ, живет и работает во имя народных интересов. А того, кто не признает правомерность подобных претензий, кто пытается (пусть даже в узких рамках слегка модернизированного закона) потеснить номенклатуру, клеймят авантюристом, экстремистом, антисоветчиком, политическим карьеристом и пр. Так, по логике неосталинизма, аморальной и социально опасной является любая деятельность, посредством которой народ заявил, наконец-то, о своем исконном праве на власть, на выбор политического ее содержания, на поименное определение своих представителей в органах власти и управления. Тем самым антиобщественной, аморальной становится, согласно этой логике, главная объективная задача перестройки — переход от диктатурных социальных механизмов к демократическим.

В течение 1989 г. концепция новых врагов пополнилась еще одной фигурой антинародного деятеля: это теперь уже депутаты, которые (по неосталинисту) лишь называют себя демократами, а на деле, якобы, спекулируют именем народа, используют данные им полномочия в своих целях. Упорно создается образ депутата, который намеренно всячески мешает нормальной, слаженной работе Съезда и Верховного Совета СССР, — узурпирует место на трибуне, отвлекает время законодателей на несущественные вопросы в ущерб животрепещущим проблемам и пр. Но самым страшным «грехом» депутатов, причисляющих себя к демократическому блоку, является (с точки зрения современных сталинистов) их участие в массовых акциях народного волеизъявления — в митингах и демонстрациях. И это естественно, ибо номенклатура боялась контактов с массой даже в пору ее пассивности. Сотрудничество, работа на равных с народом, открытая полемика с политическими противниками недоступны и противопоказаны сталинисту как классическому, так и нынешнему. Недоступны и враждебны ему подлинная связь с народом, опора на народ. Правда, вынужденные подлаживаться к обстоятельствам сталинисты начинают менять методы манипулирования людьми, обработки общественного сознания. Они тоже проводят теперь свои собрания на улицах и площадях городов. При этом собственные театрализованные уличные акции называют борьбой за перестройку и демократию, а тактику мирного коллективного протеста и волеизъявления трудящихся презрительно именуют «митинговой демократией», уверяя, что она чревата беспорядками, насилием, дестабилизацией и пр. Выходит, демагог неосталинистского толка прошел за 9 месяцев большой путь. Он стал рассуждать о митинговой и парламентской демократии и превратился (разумеется, на словах) в сторонника парламентской. Он к тому же — после многих лет квалифицированной организации массовых психозов (страха, беспочвенного энтузиазма, доносительства) — объявляет себя противником разжигания «нездоровых эмоций» в народе, называя таковыми справедливое возмущение людей по конкретным, им же создаваемым поводам. С весны 1990 г. начался, по-видимому, новый этап вживания неосталиниста в образ демократа. Опасность утраты монополии на власть обрела некие реальные черты: изменена ст. 6 Конституции; выдвинуты реакционного блока в ряде республиканских и местных Советов оказались в меньшинстве. И сталинист заговорил о правах меньшинства, о попрании демократии «дорвавшимся» до власти, словом, перекрашивается в правозащитника. Но в отличие от правозащитников брежневской эпохи сталинист-«диссидент» все еще имеет под рукой десантные части и прочие действенные средства решительной защиты своих интересов.

В идеологической атаке неосталинизма на демократические перемены лейтмотивом проходит запугивание грядущим (и уже будто бы начавшимся) хаосом в обществе, в экономике. Причем, главную причину надвигающегося разгула стихии сталинист усматривает в том, что ослабление позиций КПСС создает «вакуум власти»⁸. Нас заве-

ряют: все рухнет, если партия уйдет, ибо она цементирует общество, гарантирует его устойчивость и порядок в стране. Конечно, если старые властно-управленческие структуры бездействуют, разрушаются, а новых еще нет, — катастрофа неминуема. Но ее причиной стало бы отсутствие жизнеспособного нового, а не уход с исторической сцены командно-карательных методов и структур. Усилия современного сталинизма мобилизованы как раз на то, чтобы подавлять новое (в том числе и внутри самой КПСС), препятствовать революционному творчеству масс, оттягивать оформление законом нарождающихся структур гражданского общества, демократических механизмов власти. Наиболее ярко антиперестроечная сущность неосталинистского мышления проявилась в отношении законодателей к рабочим (стачечным) комитетам. Отказ поддержать и узаконить эту инициативу — верное доказательство тому, что не «вакуум власти» страшит реакцию, а народная власть. Вопреки апокалиптическим пророчествам неосталинистов и их практическому сопротивлению процессам самоорганизации масс, в СССР оформляются и крепнут новые демократические структуры, способные заменить собою прежние, обслуживавшие нужды правящей касты.

Возвращение казарменного общества в русло социального прогресса связано с немалыми объективными сложностями. В частности, не так уж просто перевести экономику, изуродованную произволом центральной и местной власти, на рельсы функционирования в режиме рыночных отношений, регулируемых демократическим законом. К тому же реальное освобождение хозяйственных отношений от насильственных ограничений началось не с государственного сектора экономики, а со снятия ряда запретов на создание и деятельность кооперативных и индивидуальных предприятий. Эта тактика несла в себе с самого начала заряд существенного роста цен и увеличения товарного дефицита. В результате антирыночная настроенность получила шанс опереться на реальное недовольство трудящихся ходом экономических перемен. В дискуссиях народных депутатов СССР неосталинистская демагогия была представлена подчас весьма яркими спекуляциями на реальных проблемах, тревожащих сегодня людей. Неосталинист обрушивается на кооператоров (кооператор — вот еще один, якобы, враг народа), живописует ужасы так называемого свободного рынка — стихию, анархию, безработицу и пр. При этом он как бы забывает, что именно практически-политическая позиция неосталинизма является главным препятствием на пути создания эффективных механизмов защиты интересов трудящихся, необходимых для подчинения рыночной экономики социальным целям и задачам.

Неосталинистские представления о государственном устройстве СССР, пожалуй, наиболее устойчивы по сравнению с другими составляющими этого течения политической мысли. За 9 месяцев, разделяющих первый и внеочередной третий Съезды народных депутатов СССР, они не только не претерпели сколько-нибудь существенных изменений, но остались преобладающими в депутатском корпусе. За-

конодательная деятельность постоянно упиралась в препятствия, возникающие из-за закоренелости старой, имперской концепции характера Союза ССР. Даже такой важнейший закон, как Закон о собственности в СССР, был принят невзирая на нерешенность вопроса о приемлемых для союзных и автономных республик принципах их объединения в Союз.

Современный сталинист допускает возможность совершенствования взаимоотношений между республиками, между республиками и центральной властью. Он говорит о расширении самостоятельности, прав, о хозрасчете республик. Но говорит он об этом непременно в таком контексте, который предполагает, что центр будет решать, какие полномочия предоставить республикам, а какие оставить себе. Реальный суверенитет республик, изменение статуса общесоюзных органов представляются ему угрозой распада СССР, а то и фактическим распадом.

Именно такой взгляд на вещи проявился в отношении большинства депутатов первого Съезда народных депутатов СССР (если судить не только по речам, но и по реакции зала) к концепциям депутатов прибалтийских республик. Обсуждение на первом Съезде, а затем и на сессии Верховного Совета СССР показало глухоту многих к каким-либо разумным доказательствам правомерности экономического и политического суверенитета республик в полном объеме. У кого мы должны выкупать Литву? Кто претендует на выкуп? — и этот довод К. Д. П. Прунскене не убедил сторонников удержания ключевых позиций. В качестве аргументов против суверенитета республик Прибалтики, против изменения принципов их взаимодействия с союзной властью и на первом Съезде, и потом выдвигались несправедливые, по нашему убеждению, обвинения в ущемлении вновь принятыми республиканскими законами прав некоренного населения. Депутат В. И. Алкснис, войдя в роль правозащитника, апеллировал с трибуны первого Съезда к международным организациям по правам человека⁹. Показательно, что именно в связи с борьбой за сохранение имперского характера СССР впервые были использованы новые для сталинизма методы, которые де-факто признала перестройка, — политические забастовки.

Так, в Таллинне во время летней сессии Верховного Совета СССР прошли забастовки с требованиями приостановить действие Закона ЭССР о языке, о переработке законопроекта ЭССР о выборах в местные Советы республики и др.¹⁰

С тех пор в разных республиках поднимались и на законодательном уровне решались самые разные, большие и малые вопросы. Однако реакция проимперских сил всегда была одинакова: резкое противопоставление себя любым решениям республики и любым демократическим освободительным движениям, провокационная апелляция к центру и к российскому общественному мнению, демагогические призывы защитить права русскоязычного населения и т. п.

Постоянно имеет место попытка получить поддержку русского народа. Но к чести русского народа (по крайней мере к чести русской демократической интеллигенции и демократического рабочего движения) проимперские хныкания и приглашения к интервенции не находят отклика у большинства.

При обсуждении депутатами обстоятельств расправы, учиненной в апреле 1989 г. в Тбилиси, и войны в Афганистане, в реакции на январские (1990 г.) события в Баку, в ряде других эпизодов обнаружили себя две установки современного сталинизма, из-за которых он заслуживает, на наш взгляд, определения «в ожидании реванша». Во-первых, установка на активизацию милитаризованного сознания. И, во-вторых, установка на сколачивание актива для наведения в стране порядка в сталинистском понимании.

В связи с этими установками приобретает глубокий смысл тенденция так или иначе оправдать, увести от ответственности организаторов и исполнителей тбилисской и бакинской военных акций. Интересы реванша требуют гарантий безнаказанности.

Аналогично, по нашему убеждению, следует оценивать и позицию, согласно которой участие в афганской войне упорно представляется исполнением гражданского долга. Притом вопрос этот принципиально отделяется от политической оценки характера войны. До сих пор не отменены, несмотря на протесты общественности, Указы Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 г, отменена только одна из статей Указа от 8 апреля 1989 г. Это тоже свидетельствует, что компромисс приемлем для реакционного блока на условиях, при которых и закон не закрывает дорогу к реваншу, не лишает, говоря словами В. В. Ландсбергиса, «видимой законности любой из возможных «наполеоновских» или «пиночетовских» переворотов»¹¹.

С июня 1989 г. законодатели не раз возвращались к вопросу об усилении борьбы с преступностью в стране. Однако гарантий от преступных военных акций против народа так и нет. По Постановлению Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. «О решительном усилении борьбы с преступностью»¹² созданы временные (по сути — опять же чрезвычайные) комитеты, усилена уголовная ответственность за посягательство на жизнь и достоинство милиционеров и других лиц, участвующих в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка. Но в Постановлении ничего не сказано об усилении ответственности тех, кому даны чрезвычайные полномочия; не сказано и об усилении ответственности тех, кто под прикрытием модного ныне лозунга «демократия должна уметь себя защищать» пускает в ход дубинки и более «эффективные» средства против мирных граждан. И никто из депутатов во время обсуждения (судя по телевизионной записи) этого не потребовал. Такова сила инерции сталинистского мышления.

Эскалация безнаказанности продолжается. Причем, большие надежды связывают ожидающие реванша с президентским характером теперешней власти.

Борьба народов за суверенитет и союзная власть

С самого начала работы Съезда народных депутатов СССР явно обозначилось принципиальное расхождение позиций тех депутатов, которые представляли национально-демократические движения республик, и большинства депутатов Съезда. Фундаментальная черта советской перестройки — неравномерность активизации народа и возникновения массовых демократических движений — отчетливо проявилась еще в 1988 г. А к июню 1989 г. в Прибалтике установилось двоевластие, то есть национально-демократические революции практически победили. Не удивительно, что люди из разных, так сказать, эпох нашей революции по-разному понимают ее проблемы, исходят из существенно различных требований к содержанию и стилю деятельности союзных законодательных органов.

Депутаты, отражающие интересы прибалтийских революционных движений, тоже говорят о критическом состоянии экономики, о необходимости выхода из застоя, преодоления спада и пр. Но для них это — вещи, само собой разумеющиеся, не требующие акцентирования¹³. Сказано было на первом Съезде и о кризисе (потере) доверия — о потере доверия к центральной власти, в том числе и об отсутствии доверия народов Прибалтики к Съезду народных депутатов СССР. Но кризис доверия к центру существует в условиях возникновения, восстановления доверия к законам и к власти на уровне республик. В Прибалтике совершенно иное положение, нежели в других регионах: революция победила, а это значит, что общество находится на подъеме, выходит из тупика, что кризис позади.

В программе революции нет места чрезвычайным временным мерам. Нужны реформы незамедлительные, но не половинчатые, не односторонние, а комплексные, радикальные, фундаментальные. Такая концепция экономической самостоятельности, которая в качестве предпосылки своей реализации предполагала политический суверенитет республик.

Никто из прибалтийских депутатов не употреблял формулу типа «мы должны немедленно накормить народ, иначе он потеряет веру в перестройку, в партию». Постановка задач выражает принципиально другое отношение к народу: «Укрепление суверенитета, развитие и возврат государственности — это путь к раскрепощению творческих сил народа»¹⁴.

Многие из наблюдавших за работой первого Съезда недоумевали: почему прибалтийские депутаты далеко не во всем поддержали так называемую московскую группу депутатов и тех, кто солидаризировался с ней? Самый простой ответ, который вроде бы напрашивается: это проявление сепаратизма, недопонимания необходимости совместных действий для борьбы с номенклатурой, тоталитаризмом. Подобный взгляд не верен, по нашему мнению, из-за излишней абстрагированности, из-за отвлеченности от конкретной ситуации. Совместная борьба (не критика, а именно борьба) хороша и эффективна в

союзе с единомышленниками и при условии, что задачи совпадают (близки). Прибалтика по всем параметрам революционного процесса опередила другие республики. Не в упрек, а просто констатируя, сказала К. Д. П. Прунскене на первом Съезде: «То, что само собой понятно для большинства людей Прибалтики, еще непонятно или неприемлемо для многих депутатов Съезда из других республик». Добавим от себя — непонятно и неприемлемо было и для многих депутатов из так называемого демократического меньшинства. Поэтому, в частности, москвичи не поддержали прибалтийских депутатов в вопросе о процедуре формирования Верховного Совета СССР.

Тем, кто усматривает в поведении прибалтийских депутатов сепаратизм, мы хотим задать вопрос: чем объяснить, что те же самые люди (или же их единомышленники в республиках Прибалтики) активно помогают становлению и развитию независимых демократических движений в других республиках? Помогают, как умеют, по-товарищески. Примеров тому — множество. Это, в частности, Учредительный съезд Белорусского Народного фронта, который прошел в июне 1989 г. в Вильнюсе благодаря помощи «Саюдиса», Учредительный съезд Социал-демократической ассоциации, который помог организовать и провести в январе 1990 г. в Таллинне Народный фронт Эстонии.

После первого Съезда народных депутатов СССР думалось, что совместная работа прибалтийских и других депутатов — впереди. Ведь для этого нужно было, чтобы демократические движения других регионов СССР дотянулись, доросли по своим практическим целям до прибалтийских, чтобы депутаты от других регионов говорили с прибалтийскими на языке одних и тех же проблем революционной теории и практики народных масс. Действительно, в течение 1989 г. позиции депутатов от Прибалтики и демократически ориентированных депутатов от других регионов существенно сблизились. Однако, к сожалению, в целом органы союзной власти все больше отставали от задач и проблем, выдвигаемых народами Литвы, Эстонии и Латвии. Ни Съезд, ни Верховный Совет не сумели стать на уровень власти, адекватно обслуживающей потребности демократических национально-освободительных революций. Естественной реакцией на такое отставание (а по сути — противостояние) стала внутренняя отстраненность прибалтийских депутатов от работы Съезда и Верховного Совета СССР. Они перешли на позицию фактического неучастия, наблюдателей при обсуждении и принятии таких законопроектов, которые не учитывали стремление прибалтийских народов к обретению суверенитета, противоречили новым республиканским законам.

Ситуация противостояния союзной власти и депутатов, выражающих волю прибалтийских народов, привела в конце концов к решениям республик объявить о восстановлении своей государственной независимости. Эта развязка свидетельствует о том, что союзная власть в нынешнем ее состоянии не соответствует задачам демократического переустройства СССР. Именно поэтому демократические движения

всех республик вели весеннюю предвыборную кампанию, исходя из того, что достижение суверенитета республик и добровольное их объединение в Союз возможны лишь в условиях наличия демократического большинства в республиканских органах власти. Случись такое — и можно считать, что Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР исчерпали свои функции в истории перестройки, так и не выполнив их в должном объеме. Это было бы подведением итоговой черты под вариантом перестройки как «революций сверху», усилениями сильного центра.

Демократическое меньшинство. Активизация масс.

На первом Съезде народ увидел плеяду демократически ориентированных депутатов из республик и регионов страны, в которых антиказарменные народные движения только начинались. На стадии зарождения движений, когда практические задачи еще не потребовали выработки целостных конструктивных программ, интеллектуальный потенциал обращается главным образом на критическое осмысление действительности. Вот почему, как нам представляется, на Съезде самой сильной стороной была аналитическая, критическая. Депутаты, за которыми прочно закрепилось название «демократическое меньшинство», были едины в своем негативном отношении к прошлому страны, к ходу перестройки и к аппаратному сценарию, по которому руководство старалось вести Съезд. Характерной чертой демократического меньшинства была изначально тесная связь с избирателями, с народом. Она поддерживалась во время первого Съезда транслированием его заседаний. Ежедневные многотысячные митинги в Лужниках, в других районах Москвы, встречи с избирателями на предприятиях были существенным фактором, формирующим у демократических депутатов чувство ответственности перед народом и одновременно опоры на народ.

На волне противопоставления консервативному и неосталинистскому большинству на первом Съезде сразу же стала складываться оппозиционная фракция, хотя прямого заявления об этом в июне мы так и не услышали. Но оформилась и начала функционировать межрегиональная депутатская группа, провозгласившая своей задачей разработку конструктивных альтернативных программ и законопроектов.

Следует констатировать, что реальное стремление межрегиональной группы депутатов стать весомой парламентской оппозицией так и не удалось реализовать в полном объеме. Здесь, на наш взгляд, главными были две причины. Во-первых, межрегиональная группа, как выяснилось позже, вобрала в себя людей с существенно разными представлениями о целях самой перестройки и методах политической борьбы. Во-вторых (что важнее), межрегиональная группа как целое не сумела подняться до уровня представителя, выразителя интересов народных движений. Депутаты позволили втянуть себя в бесплодные

дискуссии по законопроектам, как правило, отстающим от реальных потребностей, не соответствующим задачам радикальных преобразований. Лишь малая часть членов межрегиональной депутатской группы не потеряла и даже укрепила свою связь с народом, но не благодаря своей деятельности в рамках парламента, а в результате непосредственного участия в работе и массовых акциях независимых демократических организаций.

На Съездах народных депутатов и сессиях Верховного Совета СССР основные линии демократического революционного процесса — национально-освободительного и рабочего движений — были представлены очень слабо, отдельными голосами и эпизодами. Работа органов союзной власти шла параллельно с развитием народных движений, как бы не замечая их, игнорируя их проблемы и требования. О том, что Съезд и Верховный Совет СССР не отражают потребностей демократических народных движений, говорит тот факт, что ни революционные республики, ни рабочее движение не приняли адресованные непосредственно им законы и постановления. А это значит, что союзная власть все еще не является народной властью. С другой стороны, и революция «снизу» не набрала еще достаточной силы для того, чтобы серьезно повлиять на содержание решений союзной власти.

Игнорируя живые (демократические) ветви народных движений, союзная власть подталкивает их к противостоянию — либо к восстанию, либо к созданию параллельных структур власти, к двоевластию. Прогрессирующее отставание Съезда и Верховного Совета СССР от потребностей радикального преобразования общества, от ожиданий и требований народа — специфическая черта эволюции союзной власти, понижающая шансы дальнейшего мирного развития революции. Особенно опасные следствия имела, по нашему убеждению, затяжка с отменой ст.6 Конституции СССР. В результате этой оттяжки народ внутренне противопоставился не только аппарату, но уже КПСС в целом. В предвыборной кампании 1990 г. лозунг «Советы без коммунистов» уже не звучал как экстремистский, был одним из ходовых. В то же время народ оказался на выборах политически почти неорганизованным, без выразителей своих разнообразных интересов. Наспех созданные (по крайней мере в России) демократические блоки действовали далеко не всегда цивилизованно, зачастую по принципу ватаг футбольных болельщиков. Население, противопоставившись КПСС, впало в иллюзию, что оно тем самым противопоставляется социалистическим идеям. «Чувство» социализма у массы растрчено впустую. Существенно понизилась из-за этого вероятность перехода общества в такое русло социального прогресса, в котором власть в государстве и в хозяйстве действительно перейдет в руки трудящихся.

Сейчас на очереди дня формирования массовых политических партий и организаций, то есть переход от политически неорганизованной массы к ее самоорганизации. Процесс этот уже идет. Но вот примета времени: союзная власть опять отстает, политическая само-

организация народа происходит в полном смысле слова вне закона, так как не существует законов о партиях, общественных организациях, о свободе печати и др. Очередной шаг политической активизации народа вновь не защищен государственной властью. Противостояние народа и властей продолжается и углубляется. Оно способно разрешиться как мирным, так и немирным путем. Весь ход событий за последние месяцы убеждает, что ответственность за опасность немирного продолжения перестройки лежит на союзной власти. Будем надеяться, что тяга народа к мирной революции перевесит.

Примечания

1 Концепция была существенно дополнена, конкретизирована в докладе Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова «О программе предстоящей деятельности правительства СССР», а также на сессии Верховного Совета СССР 28 июня в речи депутата Л. И. Абалкина. Ряд депутатов первого Съезда, в том числе и из тех, кого народ причислил к демократическому меньшинству, в своих выступлениях сознательно или невольно поддержали и уточнили эту концепцию.

2 Поправки были приняты с первого чтения, без предварительного обсуждения в научных кругах, в печати; были проигнорированы при этом явно заслуживающие внимания и анализа сомнения и замечания ряда депутатов.

3 Доклад на первом Съезде народных депутатов СССР.

4 Эффективность, консолидация, реформа — путь к здоровой экономике. Доклад Н. И. Рыжкова на втором Съезде народных депутатов СССР. — «Правда» 14 декабря 1989.

5 «Известия», 14 марта 1990 (выступление В. И. Гольданского).

6 «Московская правда», 13 апреля 1990.

7 См. «Известия», 2 июня 1989 (выступление Б. П. Ельцина).

8 См. «Известия», 14 марта 1990 (выступления Н. П. Шмелева и А. С. Елисеева).

9 См. «Известия», 10 июня 1989.

10 См. «Молодежь Эстонии», 27 июня 1989.

11 См. «Известия», 3 июня 1989 (выступление В. В. Ландсбергиса).

12 См. «Правда», 6 августа 1989.

13 См. «Известия», 2 июня 1989 (выступление И. Х. Тоомс); «Известия», 9 июня 1989 (выступление К. Д. Прунскене).

14 См. «Известия», 3 июня 1989 (выступление В. В. Ландсбергиса).

Логика власти и логика оппозиции

Почему Горбачев согласился на президентскую систему?

До лета 1989 г., а точнее — до I Съезда народных депутатов — вопрос о содержании и целях проводимых в Советском Союзе реформ большинству либерально настроенных интеллектуалов казался (в теоретическом плане) довольно простым. Его, этот вопрос, понимали в том смысле, что стране предстоит осуществить переход к рыночной экономике и политической демократии, что одно без другого невозможно, а потому то и другое нужно внедрять одновременно. Если же рыночные отношения и демократия внедряются медленно, то это, мол, результат нерешительности инициаторов перестройки, а не следствие каких-то сложных проблем, требующих углубленного теоретического исследования. При этом оппозиционно ориентированные слои общества (за исключением небольших групп вроде членов «Демократического союза») исходили в то время из того, что разногласия между ними и группой Горбачева одних только темпов преобразований и касаются.

Такое представление жило довольно долго: его высказывал Ельцин в Америке, оно доминировало и в выступлениях членов межрегиональной группы на II Съезде народных депутатов, где «левые радикалы» упрекали Горбачева в недостаточной решительности, в том, что слишком робко и медленно движется он по пути реформ.

Однако уже на I Съезде наметилось другое, гораздо более глубокое расхождение позиций, которое долго не осознавалось как принципиальное и оставалось на периферии ведущихся в стране политических дискуссий. Я имею в виду резко негативную реакцию Сахарова и некоторых других депутатов на совмещение высших постов в партии и государстве — Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Верховного Совета СССР. Сахаров говорил, что это совмещение, в сочетании с бюрократической, безальтернативной процедурой выборов Председателя Верховного Совета несовместимо с провозглашенным курсом на демократизацию, что это ведет к сосредоточению огромной власти в руках одного лица с непредсказуемыми последствиями. Сахаров предлагал тогда президентскую систему с прямыми и альтернативными выборами.

Но это разногласие впоследствии отошло на второй план, исчезло с поверхности политической жизни. Причина заключается в

том, что совмещение двух ключевых постов не выглядело исходным пунктом движения к установлению личной диктатуры. Более того, после событий в Тбилиси и всплеска негодования, которое они вызвали в обществе, центральная власть стала чрезвычайно осторожно относиться к применению насилия. Она пыталась политическими средствами урегулировать не только конфликт с забастовавшими шахтерами (что либеральная часть общества приветствовала), но и ликвидировать блокаду Армении и конфликт на советско-иранской границе (что вызвало со стороны многих либералов упреки в нерешительности — на этот раз нерешительности не в проведении реформ, а в наведении порядка).

Вместе с тем начали раздаваться голоса, что у Горбачева, несмотря на совмещение высших постов, власти не много, а наоборот, мало, так как у него нет возможности контролировать выполнение принимаемых законов и полномочий для принятия чрезвычайных мер в кризисных ситуациях. Это соображение было высказано, в частности, осенью прошлого года в «Литературной газете» народным депутатом С. Алексеевым, который через некоторое время станет председателем Комитета конституционного надзора. Вновь выплыла на поверхность идея президентской системы, но не в том контексте, в каком она звучала у Сахарова на I Съезде: не как способ демократизации тоталитарно-партийных структур посредством прямых и альтернативных выборов президента и ликвидации практики совмещения постов, а как способ усиления власти первого лица после того, как совмещение высших постов стало фактом, но оказалось недостаточным с точки зрения исполнительских полномочий для того, чтобы оперативно вмешиваться в ситуацию. Существенную роль в возникновении представлений о том, что Горбачеву не хватает власти, сыграло то, что в условиях растущей нелегитимности партии и провозглашенного курса на разделение функций между партией и государством реальное вмешательство в конфликтные ситуации по линии партаппаратных структур стало весьма затруднительным и малоэффективным. А других властных институтов, кроме партийных, в распоряжении Председателя Верховного Совета и Генерального Секретаря ЦК КПСС по сути дела не было.

Поначалу, однако, Горбачев идею президентского правления в нескольких публичных выступлениях категорически отверг. Он отверг ее, очевидно, потому, что идея сильной личной власти была крайне непопулярной. С одной стороны, она была непопулярна среди большинства либеральной интеллигенции и широких слоев населения (о чем свидетельствует, в частности, дискуссия в «Литературной газете» о «железной руке», начатая публикацией 16 августа прошлого года нашего с А. Миграняном диалога по вопросам перехода от тоталитаризма к демократии). С другой стороны, к ней настороженно относились и в высших эшелонах партийно-государственного руководства, о чем можно судить по выступлениям в центральной печати членов Политбюро Е. Лигачева и В. Медведева или, скажем, по тем

возражениям, которые вызвали осенью прошлого года на второй сессии Верховного Совета предложения о введении президентской системы у Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР В. Воротникова (тоже члена Политбюро).

Возможно, именно эти соображения казались Горбачеву наиболее существенными. Ведь если бы он не принимал идею президентской системы в первую очередь потому, что опасался негативной реакции общества, которое могло воспринять линию на усиление его власти как откат назад, как разрыв с курсом на демократизацию, то при прямых и альтернативных выборах все эти сомнения были бы сняты. Но идти на прямые выборы как раз и означало вступить в конфликт с партийным аппаратом, который не был заинтересован в появлении неподконтрольной ему исполнительной власти, источником легитимности которой является непосредственно народ. Кроме того, не было, очевидно, полной уверенности в победе на таких выборах, так как в последнее время популярность Горбачева явно упала. Оставались выборы президента Съездом народных депутатов, большинство которого послушно руководству. Но и этот вариант довольно долго отвергался. И не только потому, наверное, что он тоже не мог не смущать представителей высших партаппаратных структур, опасующихся даже малейшего увеличения степени независимости от них их лидера и смещения центра власти от партийных структур к государственным. Дело еще и в том, очевидно, что сам Горбачев опасался принять на себя исполнительную власть, так как это означало бы персонафикацию всей полноты ответственности в весьма неблагоприятной и непредсказуемой ситуации при отсутствии четкой и законодательно оформленной программы выхода из кризиса.

Принять идею президентской системы заставили события, которые, как стало очевидно после трагедии в Баку, приобретают все более неуправляемый характер. Незадолго до февральского Пленума ЦК КПСС, 31 января 1990 г., «Правда» опубликовала беседу политологов за «круглым столом», некоторые участники которой высказались за усиление личной власти инициатора перестройки, а редакция газеты впервые поддержала такую точку зрения. В одном из следующих номеров была опубликована подборка писем читателей, в которых они целиком и полностью солидаризировались с этой идеей. Разумеется, такие публикации — очень плохое и крайне неточное зеркало реальных политических настроений населения (напомню, что подавляющее большинство читателей, приславших свои отклики в ходе упомянутой дискуссии в «Литературную газету», мысль об усилении власти руководителя страны безоговорочно отвергли). Но подобные публикации — важное свидетельство эволюции настроений в окружении Горбачева и его самого.

Еще через несколько дней эта идея от имени Политбюро была предложена февральскому Пленуму ЦК, и он ее принял. Тем самым было признано, что кризис в обществе и в партии настолько глубок, что интересы самосохранения самого партаппарата требуют увеличе-

ния полномочий первого лица партаппаратной иерархии, определенного перемещения центра власти от партийных структур к государственным. Показательна в этом смысле эволюция Воротникова, который на Пленуме публично признал свое отрицательное отношение к президентской системе ошибочным (см. «Правда», 7 февраля 1990 г.). Разумеется, речь шла о выборах президента управляемым Съездом народных депутатов, а не неуправляемыми избираемыми.

Этот шаг в сторону усиления личной власти очень важен для понимания хода и основных тенденций перестройки. Его недемократичность (не прямые, а косвенные выборы на недостаточно представительном съезде) позволяет предвидеть, что в перспективе он может способствовать не смягчению, а углублению противоречий, а сама его направленность в сторону усиления личной власти позволяет более определенно высказываться об основных тенденциях и объективной логике развертывания политического процесса в Советском Союзе.

От тоталитаризма к авторитаризму

Когда я в «Московских новостях» (2 июля 1989 г.), а затем в «Литературной газете» в ходе уже упоминавшейся беседы с А. Миграняном высказал предположение, что переход к рыночной экономике в стране будет осуществляться в рамках авторитарного, а не демократического режима, и что линию на совмещение высших постов можно рассматривать как первый шаг в данном направлении, то это вызвало целый поток возражений в советской печати (Л. Баткин, Г. Дилигенский и др.), а также в западной эмигрантской (например, со стороны А. Некрича).

При этом критики главное внимание уделяли абстрактному, с их точки зрения, характеру моей аргументации, произвольному использованию исторических аналогий. Действительно, я исходил из того, что существует мировой опыт перехода к современной рыночной экономике, которая обычно называется капиталистической, и этот опыт может служить определенным теоретическим ориентиром при анализе и прогнозировании хода событий в Советском Союзе. Естественно, ориентиром самым общим, приблизительным, не подменяющим конкретное исследование происходящих в стране оригинальных и даже уникальных процессов, а способным стать той точкой отсчета, тем историческим фоном, на котором эта оригинальность проступает более ярко, отчетливо, рельефно. Такой подход к реальности (действительно, весьма абстрактный) был тем более оправдан, что политический процесс в Советском Союзе только начинался, его внутренняя логика на поверхности общественной жизни сколько-нибудь отчетливо не проступала, и потому тем более важно было иметь исторический ориентир, который позволял бы совмещать и интерпретировать разрозненные факты формирующейся, но еще совершенно не понятной новой реальности.

О чем же свидетельствует мировой опыт перехода к современной рыночной экономике? Если ограничиться самым абстрактным уровнем анализа (а это в нашем случае вполне оправданно), то он свидетельствует о том, что такой переход осуществлялся, как правило, в рамках не демократических, а авторитарных политических режимов. Скажем, в западноевропейском регионе это были сначала абсолютистские, а затем — после революций — бонапартистские режимы, в Латинской Америке XX века — военные диктатуры. Такого рода режимы не всегда были жесткими и кровавыми, они не всегда опирались непосредственно на силу. Бывали случаи, когда процесс экономической модернизации происходил относительно мягко, когда, опираясь на не утратившие своей интегрирующей роли традиции монархического правления и присоединенные к нему элементы современной демократии, а также благодаря экономической поддержке развитых стран Запада, удавалось избежать резкой поляризации и конфронтации интересов. Так было в некоторых странах Северной Европы. Но и эти факты не опровергают тезис о том, что современные рыночные отношения начинают обычно формироваться в рамках авторитарных режимов. Такого рода факты свидетельствуют лишь о том, что иногда бывает достаточно традиционных авторитарно-монархических механизмов, которые оказываются способными постепенно и органично соединяться с элементами демократии, а в других случаях это не получается (как, например, во Франции XVIII или в России XIX — начала XX вв.), конфронтации интересов избежать не удается, а из конфронтации вырастают более жесткие авторитарные структуры. Бывает и так, что на первых порах это получается (Германия при Бисмарке), а потом выясняется неорганичность такого рода развития для данной страны, что ведет к тупиковым вариантам типа нацистского тоталитаризма.

Эта общая логика проявлялась и в коммунистических государствах в те периоды, когда там пытались открыть простор рыночным отношениям. В Советской России периода нэпа развитие товарного производства и рынка вовсе не сопровождалось демократизацией политического режима. Наоборот, после перехода к нэпу Ленин был занят не столько демократизацией (после разгрома «рабочей оппозиции» он о ней вообще не говорит), сколько укреплением государственного аппарата и созданием механизмов, способных обеспечить единство в вышних эшелонах партийного руководства.

В рамках авторитарных режимов начинался и переход к рыночным отношениям в странах Восточной Европы (режим Тито в Югославии, Кадара в Венгрии, Ярузельского в Польше). То же самое в Китае (реформы Дэн Сяопина). Опыт этих стран свидетельствует о том, что переход к рыночным отношениям в условиях коммунистического тоталитаризма сопровождается эволюцией этого тоталитаризма в коммунистический же, т. е. продолжающий опираться на партийную монополию, авторитаризм. Примерно в такой же логике рассматривает, кстати, эволюцию данной группы стран Збигнев Бжезинский в

своей книге «Большой провал», хотя в 1988 г., когда вышла его работа, еще было слишком мало материала, чтобы наполнить эту схему конкретным содержанием.

Особенность СССР в том, что он стал первой страной с тоталитарным режимом, где реформы начались не с создания рыночных секторов экономики при сохранении прежних структур власти, а с демократизации политической системы. Это и вызвало у многих иллюзии, что переход к рынку будет осуществляться сразу через демократию, минуя авторитаризм. Эти иллюзии укреплялись по мере того, как в Восточной Европе реформаторские коммунистические авторитарные режимы начали сменяться плюралистическими многопартийными системами, а избегавшие реформ режимы в ГДР, Чехословакии и Румынии рухнули в результате народных революций, которые действительно сразу, действительно минуя коммунистический авторитаризм открыли дорогу многопартийности, в условиях которой этим странам и предстоит теперь осуществить переход к рыночной экономике.

Но если все же учесть, что такой переход там еще не осуществлен и как он будет происходить, неясно, если все же посмотреть на происходящие в Советском Союзе процессы сквозь призму не будущего, а прошлого опыта движения к современным рыночным отношениям, то при всей абстрактности этой схемы она позволяет увидеть нечто весьма существенное. Она позволяет увидеть, что начавшаяся в СССР демократизация — это не альтернатива авторитаризму, а специфическая форма движения именно к авторитаризму, являющаяся производной от некоторых важных особенностей исторического развития страны. Именно это обстоятельство прошло мимо внимания моих советских и зарубежных критиков. Они усмотрели в моих рассуждениях лишь отвлеченные исторические аналогии, а в результате — не смогли, как мне кажется, обрести исторический угол зрения на реальные политические процессы и оказались в плену иллюзий. В результате вызвавший всеобщее недовольство либерально настроенной публики факт совмещения двух высших постов был вскоре забыт; никто даже не пытался интерпретировать его теоретически, подвергнуть политологическому анализу. Такие попытки появились лишь в самое последнее время, да и то лишь в «самиздатовской» прессе.

Но после того как был взят курс на усиление власти Горбачева посредством создания президентской системы (без прямых выборов), объективная логика движения в сторону авторитаризма вряд ли может вызвать сомнения. Вместе с тем этот факт проливает свет и на целый ряд предшествующих событий, позволяет лучше рассмотреть их внутреннюю связь.

Апрель 1985 — февраль 1990

Мы не всегда отдаем себе отчет в том, что перестройка, включая сам факт прихода Горбачева к власти, началась не потому, что бывшие руководители страны устыдились однажды всего содеянного ими

и решили, наконец, позаботиться не только о себе, но и о своем народе. Нет, «партия начала перестройку» (любимая фраза сторонников сохранения партийной монополии) вовсе не потому, что вспомнила о народе, а потому, что высшее партийное руководство вынуждено было пойти на это ради сохранения своих позиций у власти.

В конце 70-х — начале 80-х гг. стало ясно, что советская хозяйственная система, бывшая конкурентоспособной по отношению к Западу в одной-единственной области (в области производства вооружений), при современной смене типа технологии становится неконкурентоспособной и в этой сфере. Стало ясно, что для поддержания конкурентоспособности (а именно она была основой внутренней стабильности режима и поддерживала субъективную уверенность находящегося у власти слоя в его праве руководить страной), нужны какие-то новые, более решительные меры и нестандартные действия. Это вызвало потребность в новом лидере с реформаторскими потенциями. Так произошло выдвижение Горбачева. Он был выдвинут партаппаратом потому, что в высших эшелонах этого аппарата стала ощущаться невозможность удерживать власть прежними средствами.

Но после того, как на Горбачева была возложена миссия спасителя режима, он довольно быстро должен был почувствовать, что не сможет эту миссию выполнить, не вступая в противоречие с интересами выдвинувшего его правящего слоя. Он не мог не почувствовать, что не сможет ничего сделать, если будет оставаться только ставленником аппарата и не попытается стать выразителем общенационального, а точнее — межнационального, т. е. общегосударственного интереса, рупором назревших потребностей общественного развития, которые с корпоративным интересом аппарата не совпадали. Но для того, чтобы стать выразителем интересов, не совпадающих с интересами правящего слоя, нужно было получить определенную свободу действий по отношению к этому слою. Нужно было, говоря иначе, попробовать увеличить свои властные полномочия.

Думаю, что именно это противоречивое положение привело к тому, что он попытался подключить к политической борьбе внутри аппарата внешнюю силу — общество. Для этого его нужно было разбудить от долгой спячки, что и было начато решениями январского Пленума ЦК КПСС 1987 г., провозгласившего политику гласности. Вскоре после этого в официальный политический обиход начало входить слово «плюрализм» (разумеется, еще не политический, а «плюрализм мнений»), но так как и мнения допускались не все, то существенное «плюрализм» неизменно сопровождалось прилагательным «социалистический»).

Однако довольно быстро выяснилось, что общество, которому разрешено лишь высказывать свое мнение, не может реально влиять на деятельность политических институтов, живущих по своим законам и обществу реально не подконтрольных. Ведь вполне очевидно, что институты эти только потому и могли, скрепя сердце, согласиться на гласность, что она затрагивала лишь принадлежащую им духовную

монополию, не затрагивая политических механизмов их власти. Они могли согласиться на гласность только потому, что полагали, будто общество, получив от них глоток свободы, станет более управляемым и активным в выполнении их директив и в знак благодарности сознательно переложит на себя часть ответственности с плеч аппарата, не требуя взамен ни капли власти. Когда же обнаружилось, что освобождающееся от аппаратной опеки общественное мнение не только не испытывает благодарности, но начинает покушаться на существующие механизмы власти, то представители партаппаратных структур не только не бросились «перестраиваться» в соответствии с пожеланиями осмелевшей прессы, но стали целеустремленно и резко высказывать недовольство политикой гласности, дискредитирующей их в глазах населения.

Это новое противоречие привело к тому, что был взят курс на подключение общества и к формированию политических институтов, сохраняя вместе с тем нетронутой гегемонию партийного аппарата. Компромисс между ним и обществом, которому был открыт некоторый доступ к формированию Советов посредством более свободных выборов, был зафиксирован в решении XIX партконференции о совмещении постов первых секретарей партийных комитетов и председателей Советов. Наверное, аппарат отступил еще на один шаг только потому, что надеялся, сохранив зависимый и управляемый характер Советов, сделать их более дееспособными и одновременно перенести на них растущее общественное недовольство, провозгласив, что вся власть отныне принадлежит только им.

Здесь, в этой точке перестройки, Горбачев впервые столкнулся с открытым сопротивлением той генерации интеллектуалов, которая была ему обязана своим выдвижением (см., например, выступление на конференции академика Л. Абалкина). Генсеку пришлось выслушать упреки в том, что совмещение постов лишь усилит всевластие партаппарата, легализуя это всевластие, что такое решение вопроса придает пародийный характер провозглашенному курсу на разделение функций партии и государства. Горбачев пытался раскрыть своим оппонентам глаза на демократическое зерно предлагавшейся меры, которая, по его мнению, позволит не только партии осуществлять контроль над Советами, но и Советам над партией (секретарь партийного комитета, не избранный председателем Совета, лишился возможности оставаться секретарем). Однако это объяснение убедило не многих. Большинство полагало, что реальное полномочие партаппарата позволит ему контролировать в своих интересах любую избирательную процедуру.

В итоге же произошло то, чего не предвидел никто. До совмещения постов дело вообще не дошло. Горбачеву пришлось (в нарушение решений конференции) объявлять совмещение не обязательным именно в интересах партийного аппарата, а не вопреки им. Потому что выборы в марте 1989 г. обнаружили полную несовместимость власти этого аппарата с демократизацией, даже частичной. Выборы по-

казали, что он силен только как главный элемент, как ведущее звено тоталитарного режима, опирающегося на ложь и насилие, а в обстановке гласности и даже ограниченной избирательной свободы он обнаруживает полную свою нелегитимность. С этого момента на политической сцене появилась новая сила в лице широких слоев политизирующегося населения. Это был, без сомнения, один из ключевых моментов перестройки. С одной стороны, он оказался серьезным, причем никем не запланированным, продвижением по пути демократизации, что вызвало настоящую эйфорию в обществе. С другой стороны, он углубил старые и вызвал к жизни новые противоречия.

Во-первых, резко обострилось противоречие между партаппаратом (особенно местным, который в первую очередь и пострадал на выборах, в то время как все московские члены Политбюро прошли без борьбы по партийному списку) и реформаторской группой Горбачева, что отчетливо проявилось на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1989 г. Руководители партийных органов впервые, может быть, отчетливо осознали, что под угрозой уже не просто их репутация, а их власть. Им стало ясно, что они проиграют и местные выборы, а значит, потеряют и свои посты. Стремясь уладить этот конфликт со структурами, из которых он сам вышел и на которые продолжал опираться (другими он по-прежнему не располагал), Горбачев пошел на определенные уступки: тогда-то и было отменено решение о совмещении постов, а сроки выборов в местные Советы были отодвинуты на полгода (чтобы партийные органы «могли подготовиться»). Существенно, однако, что Горбачев пошел на отмену решения о совмещении постов лишь после того, как сам он приобрел второй пост на I Съезде народных депутатов. От этого он отказаться не мог, так как это составляло, как мне представляется, ключевое звено в его политической стратегии, направленной на расширение зоны самостоятельности по отношению к партийным структурам.

Во-вторых, в среде либеральной интеллигенции стали вскоре раздаваться голоса, ставившие под сомнение сам курс на демократизацию, как несвоевременный. Эти люди считали, что в условиях, когда отсутствуют даже зародыши рыночной экономики, когда нет гражданского общества и не существует никаких реальных властных структур, кроме партийных, демократизация ни к чему, кроме дестабилизации, не ведет и привести не может; она делегитимизирует, разрушает старые институты власти, не заменяя их новыми, порождая тем самым вакуум власти. Факты, свидетельствовавшие в пользу таких выводов, у всех были перед глазами: дестабилизация после мартовских выборов прошлого года действительно усилилась, конфликты на социальной и межнациональной почве становились печальной повседневностью. К тому же все отчетливее становилось видно, что демократизация ведет не к рынку и изобилию, а к пустым прилавкам. Интеллектуалы, рассуждавшие подобным образом, исходили из того, что нужно было начинать реформы так, как делали это Кадар и Дэн Сяопин, т. е. с со-

здания секторов рыночной экономики, используя не демократию, которая без рынка не имеет почвы, а рычаги авторитарной власти, опирающейся на существующие аппаратные структуры и постепенно преобразовывающей их посредством демократизации не всего общества сразу, а поначалу только партии, вводя прямые выборы первых секретарей райкомов, горкомов, а затем и обкомов. Правда, в Венгрии, а тем более в Китае ничего похожего на такое самореформирование партии не происходило, но критики советской демократизации считали, что такое вполне возможно. Эта точка зрения наиболее отчетливое и развернутое выражение получила у А. Миграняна, разрабатывающего концепцию последовательного реформистского перехода от тоталитаризма к демократии через авторитаризм (см. «Новый мир», 1989, № 7).

Мне представляется однако, что такая стратегия в Советском Союзе не могла быть осуществлена в силу его принципиальных отличий и от Венгрии, и от Китая, и от всех других стран с тоталитарными режимами. То, что реформистский переход от коммунистического тоталитаризма к рынку и демократии трудно представить себе без авторитарного этапа, на протяжении которого сохраняется партийная монополия на власть, — это сомнений не вызывает, хотя и в данном отношении Советский Союз не совсем повторяет опыт других стран, о чем я еще скажу подробнее. Правда, теперь мы знаем, что возможен и иной, революционный путь освобождения от тоталитаризма, когда партийная монополия ликвидируется сразу и окончательно (ГДР, Чехословакия, Румыния). Но Советский Союз идет реформистским путем, при котором тенденция к авторитаризму отчетливо просматривается, хотя и в особой, оригинальной форме. Однако, эта тенденция не могла реализоваться иначе, чем через демократизацию.

Дело в том, что в СССР тоталитаризм, если можно так выразиться, наиболее тотален, он не только проник во все сферы и поры общества, но и успел за семьдесят с лишним лет коренным образом преобразовать их, всецело приспособить к себе. Скажем, ни в Венгрии, ни в Китае, ни в большинстве других стран такого типа не было уничтожено крестьянство: те же китайские коммуны не успели стать такой прочной, органически сросшейся с партийно-государственной тоталитарной системой управления ячейкой хозяйствования, как советские колхозы. Поэтому в Китае освобождение крестьян от тоталитарной опеки и создание рыночного аграрного сектора высшее руководство могло начать, не вступая в серьезный конфликт с партаппаратными институтами власти и не затрагивая их коренных интересов. К тому же китайский крестьянин не успел, социально и психологически, интегрироваться в противостественные коммуны, он сохранил социальную память и трудовую мораль. Поэтому властям не нужно было думать о том, как вернуть крестьянину желание свободно хозяйствовать на земле; крестьянин потребовал этого сам, власти лишь пошли ему навстречу.

Совсем иное дело у нас, где колхозы стали важным и органичным звеном тоталитарной системы. Поэтому здесь любые попытки поставить под сомнение устои колхозного строя затрагивают интересы широких аппаратных слоев, выбивают у них из-под ног почву. К тому же они могут в своей борьбе против попыток подорвать колхозную монополию апеллировать к настроениям широких слоев деревенского населения, у которых социальная память и трудовая мораль в значительной степени уничтожены, в сознании и поведении которых доминируют уравнилельные и перераспределительные мотивы и где нет места идеям предприимчивости и частной инициативы.

Отсюда — такое отчаянное сопротивление, которое долго вызывали все предложения о том, чтобы уравнивать в правах колхозы с крестьянами, желающими хозяйствовать свободно и независимо, поставить их в одинаковое экономико-юридическое положение с точки зрения права собственности и тем самым способствовать развитию между ними конкурентных отношений. В такой ситуации никакой реформатор не смог бы начать развязывание конкурентно-рыночных отношений в аграрном секторе, опираясь на существующие политические структуры. В такой ситуации все объективно толкало его к тому, чтобы попробовать приобрести определенную независимость от существующего аппарата и одновременно начать формирование новых структур власти. Иначе, чем через пробуждение и подключение общества, т. е. иначе, чем через демократизацию, сделать это было невозможно. В этом — мое несогласие с теми, кто полагает, что перестройка пошла ошибочным путем и что можно было начинать формирование товарно-рыночного уклада по венгерскому или китайскому образцу. Но в этом же — и мое несогласие с очень многими либерально ориентированными интеллектуалами, которые не видят, что демократизация с самого начала являлась в первую очередь лишь той формой, посредством которой пробивает себе дорогу тенденция усиления личной власти реформатора.

Думаю, что одним из мотивов введения такого института, как Съезд народных депутатов, как раз и было стремление Горбачева получить дополнительный источник власти (наряду с аппаратом и репрессивными органами) в виде собрания народных представителей.

Это должно было, по замыслу, придать власти лидера и недостающую ему легитимность. Компромисс на этом этапе между группой Горбачева и партаппаратом оказался возможным потому, что тезис о политической монополии партии Горбачевым тогда не только не подвергался сомнению, но категорически отстаивался, а это означало, что вся реальная власть и впредь должна принадлежать не Съезду депутатов, а Политбюро и ЦК, которые сохраняли контроль над Председателем Верховного Совета. Вместе с тем в глазах представителей высших эшелонов партийной иерархии такая «демократизация» тоже могла выглядеть выгодной, так как она позволяла поделиться политической ответственностью с новыми структурами, не делясь с ними властью. Похоже, однако, что борьба между консерва-

тивным крылом партаппарата и группой Горбачева завершилась в итоге усилением позиций Горбачева. Почти сразу же после I Съезда народных депутатов, в сентябре 1989 г., он, получив новый источник власти, произвел выгодные для себя перемещения в Политбюро, одновременно обновив его. Начавшийся затем цикл борьбы, когда напуганные предстоящими выборами партийные функционеры на местах попытались перейти в контрнаступление (митинг Гидаспова в Ленинграде), когда не только на местах, но и в центре начали упрекать Горбачева в отказе от социализма и в том, что именно демократизация повинна в дестабилизации, распаде партии и государства и всех прочих неудачах перестройки, инициатор перестройки решился на еще один шаг влево.

С одной стороны, Горбачев пошел на углубление процесса демократизации, прежде всего в партии. В борьбу с окостеневшими и непопулярными партаппаратными структурами были вовлечены рядовые коммунисты, что привело к отставке руководителей целого ряда крупных обкомов. В этой ситуации, усугубившейся трагедией в Баку, даже самые отъявленные консерваторы не рисковали уже настаивать на сохранении партийной монополии на власть. Вместе с тем Горбачев использовал углубление демократизации и растущую политическую активность населения не только для ослабления партаппарата, создавая тем самым предпосылки для перемещения власти от партии к государству. Дело в том, что такое ослабление, как и общий рост нестабильности, вызванные демократизацией, Горбачев сумел использовать и для усиления своих собственных позиций, так как по мере нарастания неуправляемых явлений у него появились реальные основания для увеличения своей власти, для введения президентской системы.

И обессиленные, не имеющие никакой альтернативы, абсолютно нелегитимные партаппаратные структуры уже не могли этому противостоять. Так в феврале нынешнего года советская демократизация выявила, наконец, свою не совсем явную логику, выявила заложенную в ней тенденцию создания предпосылок для авторитарности. Я вовсе не то хочу сказать, что введение института президентства означает абсолютное увеличение власти Горбачева. Я хочу сказать лишь то, что власть эта становится более личной, перестает быть растворенной в «коллективном руководстве», т. е. зависимой от Политбюро и ЦК. Это даже не столько реальное усиление власти, сколько ее высвобождение из-под партаппаратной опеки при удержании традиционной опоры на сохраняющие управляемость армию и органы безопасности.

Перспективы

После февральского Пленума ЦК уже не вызывает никаких сомнений то, что СССР, встав на путь перестройки, подтвердил закономерность, отчетливо проявившуюся в ходе реформ в восточноевропейских странах (прежде всего в Венгрии и Польше). Законо-

мерность эта заключается в том, что монополюльно правящая партия может лишь начать реформы, но завершить их она не в состоянии, так как по мере ослабления механизмов тоталитарного контроля над обществом (а без такого ослабления нельзя даже начать преобразования) обнаруживается нелегитимность партаппаратных структур и невозможность при отсутствии легитимности осуществлять функции власти. В такой ситуации допущение к власти других политических сил (партий или движений) и эволюция в сторону многопартийной системы неизбежны. Хочу еще раз подчеркнуть, что такое отступление совершается не из любви к демократии, а в силу того, что добровольный переход к многопартийности является для компартий единственным способом самосохранения себя в качестве реальной политической силы, способной конкурировать с другими силами, хотя и без гарантий на лидерство и даже более того — без надежд на сколько-нибудь серьезный успех.

Конечно, в Советском Союзе в начале февраля сделан только шаг в этом направлении. Но уже возникли и продолжают возникать новые партии, и руководство КПСС через подконтрольные ему средства информации демонстрирует по отношению к ним свою лояльность и всячески поощряет их, но делает оно это, похоже, потому, что конкуренции с их стороны в ближайшее время не опасается, зато побаивается конкурентов в своей собственной партии в лице сторонников и — особенно — лидеров «Демократической платформы», пытается поэтому освободиться от них еще до XXVIII съезда или, по крайней мере, не допустить их на съезд, чем и было вызвано нашумевшее открытое письмо ЦК КПСС к коммунистам страны. Это значит, что определенные силы в руководстве партии стремятся, используя существующую в многомиллионной КПСС огромную силу политической и организационной инерции, обеспечить ее формальное единство на правоцентристской основе, заблокировать ее дальнейшую демократизацию и благодаря этому сохранить монополию в условиях многопартийности. Что-то подобное сделать, конечно, можно. Но если Президент страны надолго свяжет свою судьбу с партией политической инерции, то его авторитет будет продолжать падать, а вместе с авторитетом будут иссякать и его реформаторские возможности.

Если же Горбачев будет продолжать линию на демократизацию КПСС, отказавшись от сложившейся во времени монополии концепции «партии — авангарда», за которой (концепцией) стоит всего-навсего стремление сохранить высокооплачиваемый партийный аппарат, то не исключено, что Советский Союз, развиваясь в русле общих закономерностей перехода от тоталитаризма к демократии, и в дальнейшем обнаружит в этом развитии некоторые оригинальные черты. Возможно, что отказ Горбачева от партийной монополии на власть и одновременный курс на усиление своей личной власти путем введения президентской системы позволит не повторять логику политического развития Югославии, Венгрии, Польши, Китая, т. е. не проходить в ходе реформ через особый этап коммунистического авторитета-

ризма. Президентское правление может получить (по крайней мере на некоторое время) определенную легитимизацию именно потому, что режим сильной личной власти будет складываться не на основе партийной монополии, а в результате отказа от нее. Но для этого Горбачеву придется пойти на союз с демократическими силами в партии, попытаться возглавить их, решительно отказавшись от всех без исключения принципов, которые соответствовали сущности и функциям партии-монолита и которые совершенно несовместимы с деятельностью партий демократических.

Пока нет оснований надеяться на то, что это произойдет. Но если это все же произойдет, то Горбачев может сохранить гораздо более сильные позиции, чем, например, Ярузельский, который, несмотря на президентский пост, отодвинут на второй план правительством Мазовецкого. Дело в том, что у Горбачева нет такого мощного, пользующегося народной поддержкой политического конкурента в масштабе страны, каковой для Ярузельского стала «Солидарность». Советские оппозиционные силы, попытавшиеся объединиться для того, чтобы потребовать от властей проведения переговоров за «круглым столом», довольно быстро убедились в том, что у них нет сил заставить правительство начать с ними переговоры не только потому, что они не могут выработать единую программу для ведения таких переговоров, но и потому, что у них нет прочной опоры среди широких слоев населения.

Кроме того, в глазах поляков Ярузельский все же олицетворяет военный переворот и военную диктатуру. Горбачеву мешает только то, что он является порождением старых, утративших кредит доверия структур власти и не решается порвать с ними окончательно. Можно предположить, что его сдерживало в этом отношении отсутствие новых институтов власти на местах, где советские органы прочно срослись с партийными, доверием населения не пользовались и потому политической опорой перестройки служить не могли. Насколько можно судить уже сейчас, выборы в местные советы в ряде регионов создали основу для того, чтобы такие демократические институты со временем сформировались, а это в свою очередь, может способствовать тому, что и Горбачев завершит перемещение центра своей власти от партийных структур к государственным, так как такое перемещение осуществится во всей политической системе.

Но если так действительно произойдет (что, разумеется, вовсе не гарантировано), то это вовсе не значит, что все проблемы и опасные повороты у Горбачева будут позади. Наоборот, тогда они снова окажутся впереди. При этом трудности, которые его ждут, несоизмеримы с теми, с которыми он уже столкнулся. Ведь создать новые структуры власти, желающие, в отличие от партаппаратных, действительно осуществлять реформы, — это важно, но это лишь часть задачи, причем, не главная, в глазах основной массы населения даже второстепенная, несущественная. Главное в том, сумеет ли эта власть действительно осуществить реформы.

Сегодня можно уже с достаточной степенью определенности утверждать, что процесс преобразования тоталитарных структур проходит в своем развитии два этапа. Первый этап — ликвидация (снизу) или самоликвидация (сверху) монопартийной системы. На этом этапе (при реформах сверху) могут начаться и преобразования в экономике, отдельные секторы ее могут быть переведены на рыночные основы, но завершить переход к рынку монопартийная система не в состоянии, так как это противоречит ее природе. Второй этап — переход к созданию рыночной экономики в рамках преобразованных политических институтов, на базе плюралистической многопартийной системы.

История еще не дала ответа на вопрос, является ли этот этап последним или, что точнее, может ли он быть последним. История еще не сказала сколько-нибудь определенно, возможен ли консенсус относительно основных целей и принципов реформ в обществе, только что вышедшем из коммунистического тоталитаризма, или реформы в экономике будут сопровождаться поляризацией и конфронтацией интересов, что всегда являлось предпосылкой возникновения авторитаризма. Иными словами, пока еще не ясно, возможен ли в современную эпоху переход к рынку на основе демократии или формирование рыночных отношений и сегодня, как в прежние времена, возможно только в рамках авторитарных режимов. Пример демократического восстановления послевоенной Западной Германии дает в этом отношении некоторые основания для оптимизма, но все же данный пример слишком специфичен для того, чтобы делать на его основании далеко идущие выводы.

Как бы то ни было, перед нашей страной эти вопросы пока реально не стоят, так как она еще только выходит из первого этапа. Причем, в отличие от ряда других стран, на первом этапе рыночные отношения не сформировались даже частично, переход к ним еще не начинался. Но, как показывает пример Венгрии, Польши, других стран, переход этот неизбежно сопровождается болезненными социальными последствиями, так как сталкивается не только с укоренившимися уравнилельно-перераспределительными установками и низкой культурой труда, но и с проблемой перестройки устаревшей отраслевой структуры, что опять-таки связано с тяжелыми социальными последствиями. Если учесть, что в СССР господство тоталитарного режима было наиболее длительным, а его укорененность в сознании миллионов людей наиболее глубокой; если учесть, что он здесь является всепроникающим, охватывающим не только национализированный сектор тяжелой промышленности, но и сельское хозяйство и связанные с ним отрасли; если учесть, наконец, гигантский спектр национальных культур и традиций, в том числе и колоссальные перепады в уровне хозяйственной культуры между разными регионами, то можно представить себе (а точнее, трудно даже представить), насколько сложные проблемы встанут в стране перед любой властью, как только она всерьез вознамерится осуществлять переход к рыночной экономике.

А у Президента Горбачева тут будут еще и дополнительные трудности, обусловленные тем, что проблему легитимности своей власти ему даже ценой ликвидации партийной монополии если и удастся решить, то не надолго. Его положение в этом плане будет усугубляться тем, что президентские полномочия он получил недемократическим путем. Между тем непопулярные меры, неизбежные при переходе к рыночной экономике, может позволить себе осуществлять, не рискуя потерять поддержку населения, только легитимная власть. Это — главная политическая проблема при переходе ко второму этапу реформ, о чем наиболее красноречиво свидетельствует опыт Польши, где миллионы людей при Мазовецком согласились взвалить на себя тяготы, на которые ни при каком из бывших до сих пор правительств они бы не пошли ни при каких обстоятельствах (два-три года назад они не соглашались и на меньшие жертвы).

Многие советские политические деятели либерального толка явно идеализируют перспективы перехода к рыночной экономике в СССР и отношение к этой экономике широких слоев населения. В своих оптимистических прогнозах они опираются обычно на данные социологических опросов, согласно которым 50 и более процентов людей выступают за частную собственность. Но мне представляется, что данные эти интерпретируются неверно. Дело в том, что по другим опросам примерно такой же процент населения высказывается против реформ, так как они не ведут к повышению жизненного уровня, а способствуют его снижению. Мне кажется, что эти данные не противоречат друг другу, так как и любовь к частной собственности, и нелюбовь к реформам имеют своим источником один и тот же факт — нелегитимность власти. Это и приводит к тому, что если власть осуществляет реформы, то люди высказываются против, а если она против частной собственности, то люди голосуют «за».

Не исключено, что трудности перехода к рыночной экономике будут связываться именно с политикой и личностью Горбачева, так как возглавляемое им руководство уже пять лет, обещая перемены к лучшему, не может удержать страну от углубляющегося кризиса. И по мере нарастания этих трудностей как раз и может сказаться прежняя принадлежность Горбачева к тоталитарным структурам. В таких ситуациях политическое прошлое играет весьма существенную роль, о чем свидетельствует, в частности, пример Румынии, где новым руководителям не могут простить то, что они в той или иной степени были связаны с режимом Чаушеску, хотя именно они возглавили движение против диктатуры и казнили диктатора.

Но как бы то ни было, непопулярная центральная власть вынуждена будет в ближайшее время пойти на непопулярные меры ради углубления реформы, промедление с которой тоже подобно смерти. Факты свидетельствуют о том, что, с одной стороны, Горбачев хочет использовать свои президентские полномочия, чтобы ускорить движение в сторону рыночных отношений, а с другой — что он опасается отторжения этого курса обществом. Во всяком случае, реформа, как

известно, вновь отложена до тех пор, пока не будет разработана программа социальной защиты населения от наступления рынка. Такая программа, разумеется, необходима, но как бы хорошо и умно ее ни составили, переход к рыночной экономике все равно будет болезненным. Тут никаких иллюзий быть не должно: впереди у нас рост социальной напряженности, а не ее притупление.

Я вижу два возможных сценария дальнейшего развития событий.

Первый: нелегитимная власть начинает реформы, рассчитывая, что сохранение управляемой армии и глубоких корней «оборонного сознания» позволит удержать руль и, если понадобится, силой подавить недовольство. Это будет означать последний и решающий шаг в сторону авторитаризма, его окончательное становление с непредсказуемыми последствиями для всех, в том числе и для судьбы самой нынешней центральной власти.

Второй сценарий: Горбачев использует свою усилившуюся личную власть прежде всего для того, чтобы передать значительную часть власти из центра в республики. Суть этого сценария: сначала — союзный договор и политическая независимость республик (в том числе, разумеется, и России), и лишь затем — рывок к рыночной экономике. Его преимущество перед первым сценарием: политический суверенитет сопровождается национальным подъемом и возникновением в республиках пользующихся народным доверием правительств, способных взять на себя значительную долю ответственности за трудности, неизбежные при переходе к рынку. Могут сказать, правда, что такая стратегия равнозначна искусственному торможению реформ в экономике. Но это не так. События в Прибалтике показывают, что движение республик к политической независимости все равно начинается и набирает силы до складывания рыночных отношений, но все это происходит как реакция на промедление с заключением договора и сопровождается стихийным распадом страны.

Конечно, и второй сценарий нельзя считать заведомо безупречным, устраняющим все возможные конфликты и предупреждающим все предсказуемые и непредсказуемые неприятные последствия. Но он обладает достоинством большей демократичности и несет в себе больше гарантий от применения насилия. Вот почему, мне кажется, только этот сценарий может быть ориентиром для демократических сил.

Разумеется, демократическая оппозиция в любом случае — в силу самой логики политической борьбы — будет выступать против любых авторитарных тенденций в развитии политического режима. Но сегодня, мне кажется, этого мало, а главное — это не главное. Главное — способствовать демократической самоорганизации общества снизу, которая до сих пор очень слаба, а ее слабость — в сочетании с разобщенностью и конфронтацией зарождающихся политических сил — и дает силу авторитарным тенденциям.

Отсюда следует, что демократам, во-первых, предстоит осознать, что им приходится действовать в исторических рамках особой разно-

видности зарождающегося и пока еще окончательно не утвердившегося авторитаризма, сам факт существования которого есть результат слабости демократической самоорганизации общества. Во-вторых, им предстоит осознать, что их деятельность в этих рамках должна заключаться не только в том, чтобы критиковать авторитаризм с позиций демократии, но и в том, чтобы заставить его совершить максимум исторической работы, т. е. двигаться в сторону рыночной экономики, создавая тем самым экономические предпосылки демократии, причем двигаться наиболее демократическим — из всех возможных — путем. И, наконец, в-третьих, им предстоит осознать, что на их плечи ложится задача формирования и консолидации в масштабах страны таких массовых сил, которые могли бы стать реальной альтернативой КПСС, остающейся пока единственной организацией, действующей во всех регионах. Это, в свою очередь, является одним из главных условий успешного противостояния нынешним и будущим авторитарным тенденциям.

Однако, ход III Съезда народных депутатов СССР, на котором был избран наш первый Президент, ясно показал, что оппозиция чувствует себя пока крайне неуверенно. Дело не в ее слабости. Дело в том, что, в отличие от власти, которая вела себя на Съезде именно как власть и была в этом отношении последовательной и логичной, оппозиция вела себя не как оппозиция, а как критический придаток и советчик власти.

Власть не скрывала, что она не может управлять по-старому, не может решать вставшие перед страной проблемы, что ей нужны для этого новые полномочия, что демократическим способом она их приобрести не рассчитывает и потому хочет получить их недемократически. Власть отдавала себе отчет в том, что это не увеличит доверие к ней, но, идя на такой шаг, она давала понять, что для нее это сейчас не главное. Она давала понять, что недоверие ее не страшит, так как сила на ее стороне, а сила эта — в бессилии ее конкурентов.

И вот в такой ситуации представитель оппозиции посчитал, что важнее всего поделиться с Горбачевым соображениями о том, что авторитета Генсеку его недемократически приобретенное Президентство не прибавит. Иными словами, оппозиция решила критиковать власть, встав на позиции этой власти и не дав себе труда выяснить их (позиций власти) подлинное содержание.

Но ведь в том-то и дело, что оппозиция только тогда и оппозиция, когда она действует по иной логике, чем логика власти. На III Съезде этого не произошло. Во всяком случае, оппозиция проявила себя здесь оппозицией не больше, чем на одну треть.

Перед ней, насколько я понимаю, стояли три задачи.

Во-первых, ей нужно было заявить (и это она сделала), что выборы президента проводятся недемократически, и она выступает поэтому против таких выборов, рассчитывая тем самым способствовать развитию демократического сознания народа.

Во-вторых, ей нужно было прямо сказать (и это она не сделала), что ее силы слабы, что она в заведомом меньшинстве в парламентских учреждениях и в то же время не располагает организованной силой за стенами парламента, способной решающим образом повлиять на процедуру выборов, и что в этой ситуации ответственность за решение назревших в обществе проблем может взять на себя лишь существующая власть и решать их теми средствами, какие ей доступны. Тем самым миллионам людей за стенами парламента было бы объяснено, что дефицит демократии есть не что иное, как следствие слабости их собственной демократической организации и самоорганизации.

В-третьих, нужно было, как мне кажется, заявить (и это тоже сделано не было), что оппозиция, воспринимая президентскую систему как заранее предрешенный факт, вытекающий из реального соотношения сил, видит впредь свою миссию в том, чтобы подталкивать Президента к решению главной задачи — демонтажу империи, ибо без этого не могут быть проведены глубокие реформы в экономике, немыслимые без национального подъема в республиках, без возникновения в них легитимной, пользующейся доверием и поддержкой населения власти, что, в свою очередь, немыслимо без экономической и политической самостоятельности республик. Оппозиция должна была заявить, что постарается, насколько это возможно, заставить служить недемократически избранную президентскую власть интересам демократии и призывает поддержать ее снизу. Если же оппозиция не воспользовалась съездовской трибуной даже для того, чтобы высказать свое отношение к событиям в Литве, то это свидетельствует о том, что она не поспевает за жизнью, что по-прежнему обрекает себя на роль комментатора решений и оценок, исходящих от власти.

Похоже, что неопределенность поведения нашей парламентской оппозиции, помимо прочего, связана и с тем, что в сознании либерально настроенной публики до сих пор не произошло принципиального разграничения *логики деятельности власти и логики деятельности оппозиции*. Похоже, что над умами до сих пор господствует тоталитарная логика «монолитного единства советского общества». Если это так, то эту логику предстоит побыстрее преодолеть. Потому что в наших общих интересах, чтобы каждая политическая сила, каждое течение ясно осознавали и выражали свои цели и задачи. Только в этом случае мы будем иметь перед глазами ясную картину политической жизни общества, только в этом случае сознание миллионов людей действительно начнет освобождаться от старой мифологии «монолитного единства».

Формулы консолидации

Две платформы

Наше общество топчется на месте, потому что имеющиеся в нем социальные и политические силы тянут его в разные стороны. Происходит не сложение, а взаимное вычитание сил. Все неуступчиво воюют со всеми, никто ни о чем, ни с кем не может договориться. Проржавевшие, исторически скомпрометированные старые структуры власти утрачивают привычные механизмы управления, новые еще не сложились. И это не двоевластие, это — *безвластие*. Сколько-нибудь нормальная работа в этих условиях просто невозможна; никто не чувствует себя хотя бы элементарно защищенным — ни социально, ни политически, ни юридически — ни у кого нет уверенности в завтрашнем дне и даже в сегодняшнем вечере. В условиях подобной политической смуты, экономического распада и правового кризиса обычно начинают складываться элементы, структурные образования будущей диктатуры, которая, в случае победы, и окажется ответом на общественную потребность навести хоть какой-то порядок. И не будет ничего удивительного в том, что она, по крайней мере, на первых порах, получит поддержку значительной части народа, уставшего от неразберихи и утрачивающего веру в красиво говорящих, но не способных на эффективные практические действия «перестроечников» различных мастей и оттенков. Для многих любой порядок лучше перманентного хаоса. В такие периоды социального распада, на волне этих настроений и приходят всевозможные сталины, гитлеры, пиночеты. Конечно, диктаторский «порядок», замешанный на насилии и крови людей, — это всего лишь политический наркотик, он дает только временное, и во многом иллюзорное облегчение и обуславливает мучительное пробуждение в будущем — когда выяснится, что после периода такого «порядка» людская боль, общественный хаос и всеобщий развал не только не уменьшились, но возросли многократно. Увы, не все хорошо знают прошлое и потому не все способны взглянуть в будущее... Так постараемся же — пока еще есть время — совместно извлечь уроки из поучительных примеров истории. Приложим усилия, чтобы не Диктатура, а Демократия явилась ответом на объективную потребность в общественной консолидации и обеспечении единства политической воли общества.

Как же идти к этой Демократической консолидации? В каких формах, на какой основе? Выяснению этих вопросов и посвящается данная статья. В ее основу положен анализ двух важнейших политических документов последнего времени: «Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии» и «Демократической платформы», представляющих собой попытку указать пути выхода из той ситуации, в какой оказалось наше общество, пути консолидации сил, способных, по мнению авторов, перестроить страну. Сопоставление этих двух документов, в силу противоположности их подходов и оценок, будет неизбежно иметь остроконфликтный характер. А о степени остроты конфликта дает некоторое представление напечатанное 11 апреля 1990 г. в «Правде» «Открытое письмо Центрального Комитета КПСС коммунистам страны». В нем авторы, члены ЦК партии, дают сугубо негативную характеристику «Демократической платформы» и весьма лестно отзываяются о своем собственном произведении — «Платформе ЦК». Назначение письма, по замыслу авторов, — способствовать «консолидации на принципиальной основе».

Анализ этого документа и послужит нам своеобразным введением к теоретическому сопоставлению двух Платформ.

Его основной мотив: разоблачение и осуждение «раскольников» из «Демократической платформы» и призыв ко «всем коммунистам» консолидироваться на принципиальной (что означает — цесковской) основе.

Документ этот, скажем сразу, вызывает много вопросов.

Во-первых, характеристика того узла проблем вокруг которого, по мнению ЦК, вращается сегодня теоретическая дискуссия, обуславливая разделение политических сил.

Так, в письме приводятся «положения проекта Платформы ЦК КПСС, выражающие смысл перестройки» и являющиеся «добротной базой для сплочения партии и народа». Это — «решительный разрыв с авторитарно-бюрократической системой, ориентация на гуманный, демократический социализм, эффективную планомерно-рыночную экономику, правовое государство, на обновление советской федерации, на создание народу достойных условий жизни...». И вот по отношению к этой «добротной основе» идет поляризация сил: «Одни отвергают перестройку, видя в ней «либерально-буржуазное перерождение» общества и партии», «другие... призывают к реставрации капитализма».

Итак, вот расстановка сил и ось дискуссии: одни — за «перестройку», другие — против (с правых и левацких позиций), отсюда призыв к консолидации тех, кто за «перестройку», за «разрыв с авторитарно-бюрократической системой».

Не очень убедительно. Это, пожалуй, в 1985-86 гг. вопрос за «перестройку» или против был *главным* вопросом. Сегодня для абсолютного большинства нашего народа тут вопроса нет: люди — за «перестройку» и за «разрыв с авторитарной системой». Сегодня главный вопрос и ось дискуссии — в другом: что нужно *практически сделать*,

каковы *конструктивные пути* «перестройки», чтобы вышеупомянутый «разрыв» не оставался только словом, только благим призывом (как в общем-то было все пять последних лет), а чтобы он стал реальностью. *Здесь*, а не в вопросе принимать или не принимать «перестройку», сегодня, думается, главное разногласие.

Из этого первого спорного тезиса «Открытого письма» проистекает и другой. Поскольку опорные позиции Платформы ЦК формулируются в «письме» столь широко и абстрактно, что не выявляют отличия Платформы ЦК от Демократической платформы, то перед его авторами встает задача объяснить, почему же в таком случае высказывается такое острое неприятие позиции авторов «Демократической платформы». Оказывается, вот почему: вокруг «так называемой» «Демократической платформы» развернула свою деятельность группа лиц, произносящих громкие фразы и легковесные обещания, «за которыми нет ничего, кроме личных политических амбиций», или, как намекалось на февральском (1990 г.) Пленуме ЦК, — группа лиц, «рвущихся к власти».

Письмо, таким образом, переключает внимание «коммунистов страны» с анализа и сопоставления *текстов* опубликованных платформ, дающих возможность вести дискуссию со ссылкой на точные цитаты и публично сформулированные позиции, на размышления о деятельности каких-то «лиц», которые вынашивают «замыслы» «развалить партию», «устранить ее с политической арены» и самим прорваться к власти. И ни конкретных лиц, ни фактов, ни доказательств — трудно тут вести конструктивную полемику. Конечно, все примерно догадываются, на кого довольно прозрачно намекают авторы письма. Но именно эта прозрачность намека вызывает у читателя чувство какой-то особенной неловкости. Во-первых, те, на кого намекают в письме, не имеют нормальной печатной, радио- и телетрибуны для пропаганды, изложения и защиты своих взглядов и действий; о взглядах и действиях этих «лиц» общественность узнает урывками, из отдельных номеров каких-то многотиражек, издаваемых то в одном, то в другом институте, из отрывочных цитат, скупо и подчас тенденциозно приводимых в критических статьях изданий, абсолютное большинство которых жестко контролируется официальным партийным аппаратом. Такой тип обвинений с помощью прозрачного намека на «лица», но без называния фамилий, лишаящихся по этой причине возможности защищать себя, — своего рода анонимка, к которым в нашем обществе, слава богу, сложилось уже вполне определенное отношение...

Да, и насчет этого укора в «политических амбициях», в том, что кто-то «рвется к власти». Опять — неловкость. Разве можно упрекать политических деятелей, политические группы, что они — во имя осуществления своих идей — стремятся быть ближе к рычагам управления, к рычагам власти. К тому же на не очень тактичную формулировку упрека можно получить, ведь, и не очень вежливый ответ, который, кстати, уже звучал в письмах, опубликованных на страницах

газет: «А чем эти «лица» хуже вас, «дорвавшихся до власти»? Откуда такая нескромность, такое самодовольство? Почему вы так уверены, что ваше властвование — лучшее из всех возможных. Откуда гордыня-то такая — ведь посмотрите, как сегодня страна живет, каковы итоги последних пяти лет вашего правления... и т. д.». Действительно, пока экономическая, политическая и социальная ситуация в стране такова, что для особого высокомерия по отношению к политическим оппонентам — ну просто нет никаких оснований. И кроме того: если даже отдельные «лица», заявляющие о своей приверженности «Демократической платформе», выступают с какими-то сомнительными заявлениями, то давайте все-таки не отождествлять позиции отдельных «лиц» с позиций платформы.

Далее. Есть в «Открытом письме» характеристика не только анонимных «лиц», но и содержания самой «Демократической платформы». По утверждению его авторов, «замысел» «Демократической платформы» направлен на «развал» партии, «на устранение ее с политической арены». Ну, здесь, располагая напечатанным текстом платформы, можно уже с точными цитатами в руках сравнивать, насколько эта характеристика соответствует действительности. Думается, весь пафос, весь смысл платформы: спасти — в максимальной степени — тот демократический потенциал партии, который еще можно спасти (сделать то, что не успели сделать, по вине «принципиального» руководства, в партиях стран Восточной Европы), остановить «дальнейшее углубление идейного кризиса в КПСС», «ослабление идейно-политического влияния партии в массах». И это все не наша интерпретация, это — точные цитаты. Пафос платформы — предложение форм и способов сосуществования в рамках *единой партии* имеющихся в ней течений, в целях более плавного, более управляемого перехода общества от тоталитарной к демократической политической системе. Пафос «Демократической платформы» — как раз не конфронтация, а консолидация. Правда, эту консолидацию, ее создание и основы Демплатформа представляет иначе, чем авторы «Открытого письма». И об этих двух типах консолидации, двух путях к ней, изложенных в «Платформе ЦК» и Демократической платформе, мы еще подробно будем говорить в этой статье. Но уже сейчас хотели бы заметить, что успех любого типа консолидации связан, в частности, с верным, уважительно точным изложением позиции оппонентов.

Еще один штрих. Авторы «Открытого письма», в отличие от осуждаемых ими инициаторов «раскола», — «за консолидацию партийных рядов», «за прочное единство». К этой симпатичной декларации имеются весьма любопытные дополнения. Так, подчеркивается, что консолидация возможна только на ... «принципиальной основе» (то есть на основе платформы авторов письма). Все другие «основы», таким образом, зачисляются в непринципиальные, не годящиеся для «консолидации». И потому с теми, кто их предлагает, «необходимо разо-

браться» — «разве могут такие лица оставаться в рядах КПСС?». Довольно оригинальная идея: раскол как метод борьбы против раскола.

И наконец, бросим общий взгляд на сам тип, «на весь облик» «Открытого письма». Задумаемся, каков был бы политический результат этого документа, появившись он 5—6 лет тому назад.

Нет сомнения, события развивались бы по хорошо известным и тщательно отработанным образцам. По всей стране прокатилась бы волна партийных собраний и митингов трудящихся, где специально подобранные ораторы от имени «его величества рабочего класса», «колхозного крестьянства», «трудовой интеллигенции», «советской молодежи», «всех народов великой многонациональной страны» зачитали бы по бумажке набор фраз, взятых непосредственно из документа — о «развале», «расколе», «устранении», «скрытых замыслах», «политических амбициях», «антисоциалистической направленности», и т. д. Заканчивались бы эти речи единими призывами: «необходимо разобраться», «разве могут такие лица оставаться в рядах КПСС?»

Что было бы дальше с этими «лицами» — тоже нетрудно представить, практика отношения к инакомыслящим еще, ведь, не стерлась в нашей памяти.

Конечно, ничего этого сегодня не будет, — ни тех митингов, ни тех репрессий. Но это уже по причинам, не зависящим от большинства авторов «Открытого письма». Сейчас общество уже не то и люди не те, что были десяток лет назад. А вот манера изъяснения и манера мышления авторов письма — увы, *те*, *те* самые.

Но не будем чересчур драматизировать историю с «Открытым письмом». Мы не знаем, как оно готовилось, кем писалось, кем принималось — и единогласно ли. Может быть, какую-то сверхактивность и сверхэмоциональность проявили люди старого закала из ЦК, а другие пошли, что называется, на поводу. А может временное раздражение какими-нибудь высказываниями отдельных лиц из «Демократической платформы» (которые, ведь, не склонны гладить «по шерстке» нынешнее руководство и у которых личностный момент в критике занимает большое — иногда непомерно большое — место) сыграли роль своеобразного детонатора для появления письма? Но как бы там ни было, оно получилось в общем и целом не консолидационным, а резко конфронтационным. И это, я не сомневаюсь, со временем будет определено как «ошибка», даже с точки зрения интересов тех политических сил, которые готовили это письмо, и тех социальных сил, что стоят за ними.

Ибо сейчас, действительно, общая задача, от которой зависит выход страны из кризиса, — это консолидация. И, добавим, консолидация не на «принципиальной» основе (ибо такой подход ведет не к консолидации, а к подавлению, поглощению одних сил другими), а на *компромиссной основе*, когда учитывались бы и уважались взгляды, позиции, интересы всех основных социальных и политических сил общества. И программа этого консолидационного единства долж-

на быть программой, более или менее приемлемой для всех, то есть программой Демократического Компромисса.

А чтобы этот компромисс состоялся, нужно прежде всего хорошо знать взгляды и позиции друг друга,— без искажения и иллюзий. Только тогда можно отыскать точки возможной общности.

Чтобы вывести наше общество из тупика, надо хорошо знать сущность и интересы составляющих его социальных сил и слоев, надо ясно зафиксировать его основные проблемы и противоречия. Потому что если мы, как прежде, будем плодить иллюзии, объявляя, что общество наше социально однородное, что в нем нет противоположных интересов, и т. п., то мы не сможем выписать верных рецептов лечения.

В начале 80-х годов Ю. В. Андропов очень верно заметил: «Мы плохо знаем общество, в котором живем». Не скажу, что самому ему удалось обогатить наше знание о современном обществе (в главном он все-таки мало чем отличался от других деятелей прошлого), но то, что он ситуацию зафиксировал *верно* — признать следует. И главное, что пока нами по-настоящему не понято, не оценено, не проанализировано (и не это, конечно, имел в виду Андропов), так это то, что общество наше, в качестве основного социального противоречия, содержит в себе противоречие между обладающим всей полнотой экономической и политической власти государственно-управленческим слоем и трудящимися, которые, по сути, отчуждены от средств производства, политики и управления.

Суметь разрешить противоречие (а то и антагонизм) этих двух социальных образований не посредством кровавой схватки, а цивилизованным, эволюционным, мирным путем,— выработав политическое соглашение, демократический компромисс,— такова общая формула современной консолидации. Нахождению путей к этому компромиссу и будет способствовать сравнительный анализ двух названных платформ, в которых очень наглядно проявилось различие интересов, подходов и оценок, присущих различным социальным и политическим силам нашего общества. Каким именно силам, как это конкретно проявилось, что может дать знание этого для осуществления Демократического компромисса — таковы главные сюжетные линии нашей статьи.

Знакомясь с указанными выше платформами, мы, естественно, обращаем внимание в первую очередь на то, как в них оценивается нынешняя ситуация, в чем видятся причины того, почему она сложилась так, а не иначе, и какие предлагаются пути в будущее. Эти оценки настоящего, прошлого и будущего и составляют главную содержательную ось обеих платформ.

Оценка современной ситуации

Коренное расхождение платформ начинается с самого начала. «Демократическая платформа» сразу же констатирует то, что оче-

видно едва ли не для всех: общество находится у «опасной черты» в «глубоком кризисе».

Платформа ЦК ведет свой разговор совсем в другой тональности. Тут нет и намека на какой-либо «кризис». «Трудности», «проблемы» — да, имеются. Но с чем они связаны? Да главным образом, с тем что «масштабы необходимых преобразований оказались намного большими, чем можно было предположить вначале».

Видите как. «Демократическая платформа» с самого начала просто в набат бьет: «реформы повисают в воздухе», «растет инфляция», «ухудшается продовольственное снабжение населения», «нарастает напряженность в межнациональных отношениях», «во многих регионах страны сложилась бедственная экологическая обстановка», «растет преступность, особенно организованная», «крайне непоследовательно проводятся политическая и правовая реформы, передача реальной власти из рук партийного аппарата Советам, создание правовых гарантий гласности и социалистических ценностей» — внимание, граждане, Отечество — у кризисной черты.

Платформа же ЦК начинается бодрыми заверениями о достижениях — о том, что «главный итог переходного периода — духовное и политическое раскрепощение общества», что «в атмосфере свободы, демократизации и гласности (это при монополии-то одной партии на средства массовой информации? — Г. В.) люди обрели гражданское и национальное достоинство (это при событиях-то в Закавказье и Прибалтике, при тысячах и тысячах беженцев? — Г. В.), берут в свои руки дела государства (это при монополии-то аппарата на власть? — Г. В.)». После этой-то бодрой заправки и следует тот самый диагноз трудностей: масштабы проблем оказались большими, чем предполагалось. Да, конечно, это не какая-то политическая «чернуха» «Демократической платформы» с ее акцентами на «кризисах», «опасной черте» и т. п., это — полная оптимизма установка: шли хорошо, широко, высоко (ну, не без некоторых «ошибок и просчетов», разумеется, — где их не бывает?) — и вот вышли к новым, еще более высоким, еще более масштабным рубежам. И просто надо, с удовлетворением оглядываясь на сделанное и черпая в этом энергию, напрячь силы и еще более «решительно и энергично» двинуться дальше. «Сейчас кардинальный вопрос — темпы начатых преобразований...»

Это каких «преобразований»? Тех, что сопровождаются пустыми полками, снижением производства, инфляцией, ростом преступности, национальными столкновениями? Увеличить «темпы» всего этого? Может быть, сегодня есть смысл все-таки более основательно задуматься не о *темпах* «начатых преобразований», а — об их содержании, о том, какой конкретно вид принимают они в реальной действительности. И может быть не наращивать темпы «начатого», а критически его переосмыслить и найти другие, более эффективные пути «перестройки»? Не *это* ли кардинальный вопрос сегодня?

Но что же значит все это? Ошиблись немного авторы анализируемой платформы в оценке нынешней ситуации и следует попытаться указать им на эту ошибку, дабы она была бы исправлена?

Нет, никакой «ошибки», в обычном смысле этого слова, здесь нет. И вот это-то и есть главное, что в интересах будущего возможного компромисса следует понять. Дело в том, что в рассматриваемой Платформе точно и *безошибочно* отражена политическая позиция и социальный интерес административно-управленческих слоев. Именно так, как записано в Платформе, видится ситуация из кремлевских, обкомовских и министерских окон. Да, конечно, призматические стекла в этих окнах деформируют образ объективной реальности, и в этом смысле дают несколько искаженный, ошибочный ее облик. Но само это преломление света, сама деформация есть тоже объективность, и определенная часть людей, находящихся *за* этими стенами, отнюдь не какие-то сознательные и намеренные обманщики. Они могут быть по-своему искренни и честны, не исключено, что им действительно «чертовски хочется поработать» на «перестройку» (так, как они ее понимают) по 14 и 16 часов в сутки. Наряду, так сказать, с «честными консерваторами» (искренне думающими, что живут одной жизнью с «народом» и одними думами с ним), есть среди сторонников этой Платформы и группы, не заблуждающиеся относительно своей наднародности, и идущие на сознательное искажение действительности, — под влиянием узкогруппового эгоизма. Они отдают себе ясный отчет в том, что скажи они правду, а именно — что пять последних лет (как, впрочем, и многие предшествующие годы) их руководящей деятельности привели страну к глубочайшему кризису; назови они далее те его черты, о которых так безжалостно прямо говорит «Демократическая платформа», — то совершенно ясно, что отнюдь не аплодисментами встретит эти признания руководимый ими трехсотмиллионный народ. «Вы продемонстрировали свои возможности, — скажет он. — Довольно. Займитесь лучше какими-нибудь другими делами».

Не «ошибаются» и либеральные реформаторы из аппарата, вместе с «честными» и «нечестными» консерваторами разделяющие приведенное выше описание сегодняшней ситуации в стране. Логика «аппарата», законы его функционирования накрепко привязывают их к консервативной его части. Во все решающие, переломные моменты, как свидетельствует опыт истории, они протягивают руку не революционному народу и его демократическим представителям, а консерваторам, — как того и требует интерес привилегированной социальной группы (единичные исключения из этого правила на индивидуальном уровне — не отменяют общего принципа).

Короче говоря, не надо питать иллюзий, не надо думать, что можно чисто теоретически, чисто логически, опираясь на цифры и факты, переубедить эти социально-политические группы людей, чисто просветительской деятельностью перетянуть их на свою сторону, консолидироваться с частью из них на *своей* программной основе.

Сегодня крепко ругают марксизм (ругают, кому только не лень, и кто знает о нем разве что по краткому философскому словарю). Но именно марксизм сделал очень важный и весьма поучительный для сегодняшней ситуации вывод: привилегированные группы, слои, классы просто так, без сильного политического давления на них, с властью и привилегиями не расстанутся. Именно марксистская материалистическая методология приводит к важному заключению: не сознание людей из этих групп надо стремиться, в первую очередь, изменить, а их общественное бытие — поселить в нормальные квартиры с нормальными стеклами в окнах, заставить их ходить в нормальные магазины, ездить на нормальном общественном транспорте (в метро и на автобусах)... И все!!! И будет у всех полное взаимопонимание. И тогда никто из них в период, когда страна разваливается, не будет говорить о встающих «новых масштабах» задач, или, когда общество заведено в тупик, — о необходимости наращивания «темпов» (дальнейшего движения по тупиковой ветке).

Но пока нет сил и возможностей у народа изменить коренным образом их бытие, и тем самым — тип всего общественного бытия, пока важные рычаги управления страной находятся в их руках, следует попытаться на основе компромисса, взаимной договоренности, ограничить их возможности, их власть и привилегии — на столько, на сколько позволяет нынешнее соотношение социальных и политических сил. А успешность такого диалога зависит и от хорошего знания позиций и претензий договаривающихся сторон, дабы народ, демократическая общественность страны имели бы возможность сопоставлять, оценивать и выбирать ту или другую программу, ту или другую форму компромисса, — с полным знанием дела.

Оценки нынешней ситуации в двух рассматриваемых Платформах мы уже привели. Теперь о причинах, приведших к этой ситуации (оценка прошлого), и планах на будущее.

Как мы дошли до жизни такой?

(об истоках нынешних проблем)

Снова нужно констатировать, что при ответе и на этот, вынесенный в заголовок, вопрос, мысль авторов «Демократической платформы» развивается естественно и логично. Они ничего не стремятся вуалировать, избегают двусмысленностей и витеватости, хотят быть однозначно понятыми (даже теми, кто не согласен с ними) — и потому стремятся к четкости, ясности, определенности, лаконичности. Всеобщий, глубокий кризис нашего общества и КПСС, подчеркивается в «Демократической платформе», обусловлен, во-первых, кризисом коммунистической идеологии, во-вторых, связанным с ним политическим кризисом всей нашей системы (в том числе и партии), в-третьих и в-четвертых, организационным и моральным кризисами партии. Ну, и разве не так? Разве не была идеология, навязывавшаяся идеологическими отделами всех уровней (в полном единстве и в

тесной дружбе с КГБ), разве не была она — объективно (а нередко — и субъективно) — средством огульного и затмения (а не просвещения) людей, разве не превращалась она нередко в средство манкуртизации (употребляя ставшее уже общепринятым айтматовское понятие) населения? И разве не превратился наш политический режим в тоталитарный, антидемократический (лукаво возвещавший миру о 99- % поддержке советским народом брежневых, гришиных, романовых, кунаевых, медуновых и иже с ними)? И разве секрет, что значительная доля руководящего слоя брежневских времен оказалась, по сути, частью могучей и разветвленной преступной мафии, разворовывавшей и распродававшей народное богатство страны?..

Отношение Платформы ЦК к прошлому чуждо «односторонним» и «прямолинейным» оценкам «Демократической платформы», которая зовет к «многосторонности», к «диалектике» и «считает принципиально важным четко различать в нашем прошлом то, что является порождением сталинщины, следствием поправки социалистических принципов и то, что представляет реальный вклад партии и народа в прогресс собственной страны и всего человечества». И далее: «Одинаково опасны как идеализация прошлого, нежелание знать полную и суровую правду о трагических сторонах нашей истории, так и попытки перечеркнуть все по-настоящему великое и ценное в нашем историческом наследии. Нельзя обрывать преемственную связь труда и борьбы советских людей».

Кажется, верно: и в самом деле, было плохое, но было, ведь вроде и хорошее: по нефти, углю ведь на первые места в мире вышли, и водородное оружие создали, а Днспрогэс, а Волго-Дон, а Беломорканал, а Алексей Стаханов, а Паша Ангелина, а ..., а..., да мало ли...

О, это одна из наиболее распространенных интеллектуальных ловушек. Ведь, в чем нехитрый смысл этой хитроумной «диалектики»? Вам говорят: «Тезис первый: согласны Вы, что в нашей истории было и хорошее и плохое?» Естественно Вы согласны, ибо не было в истории любой страны таких периодов, когда было *только* плохое (даже во времена фашизма, гитлеризма, — разве немецкий народ только и занимался тем, что слушал и слушался Гитлера и Геббельса, разве он бросил трудиться — ведь, он и уголь добывал, и сталь варил, и пшеницу выращивал — и в целом не хуже наших стахановцев, да и антифашисты существовали и борьбу вели — и в подполье, и в лагерях). Итак, *было*, было хорошее, соглашаетесь Вы, ну, и что дальше? А дальше вот что: осудим, говорят Вам, плохое ("сталинщину") и возьмем хорошее — например, то богатство, что было создано народом. Наверное, можно согласиться и с этим (чего же от созданных народом производительных сил отказываться!), но на одну неувязочку тут указать обязательно надо. А именно: «сталинщина» — это и есть одна из разновидностей (наихудшая) административно-командной, авторитарно-бюрократической системы. Вот мы и спрашиваем: в ней, в *этой системе* было ли наряду с плохим, что-либо хорошее, что следовало бы сохранить. Ведь главный вопрос сегодня — как оценить *ав-*

торитарно-бюрократическую систему, как поступить с ней. А его хотят (кто — сознательно, кто — бессознательно) подменить другим вопросом: как отнестись ко *всему*, что было сделано в истории народными массами. Это все равно, как если бы на вопрос: нужно ли устранять фашизм, нам бы ответили: знаете что, осторожней — не забывайте, что в истории немецкого народа в 1933—1945 г. было и хорошее. Но, ведь, мы *фашизм*, а не историю немецкого народа, хотим устранить. Ведь, мы у себя-то сталинизм, авторитарно-бюрократическую систему, а не историю нашего *народа* хотим осудить и устранить. Поэтому от авторов Платформы ЦК хотелось бы получить ясный и прямой ответ, готовы ли, согласны ли они ставить вопрос о ликвидации авторитарно-бюрократической социальной и политической системы — *целиком и без остатка*, или им видится в *ней нечто хорошее*, что хотелось бы сохранить? От такой прямой постановки вопроса авторы указанной платформы уклоняются. Многим из административно-управленческой элиты просто *не хочется* понимать этого вопроса. Ведь, понять его и ответить на него таким образом: да, нужна полная ликвидация этого социально-политического режима — означает для них ликвидацию *их* до сих пор существующей монополии на власть — на власть партийную и государственную. А вот к этому-то они пока еще не готовы, точнее их к этому еще *не подготовили* демократические силы.

Диалектика (простите за напоминание банальных истин!) — это вовсе не простое перечисление различных свойств предмета («с одной стороны», «с другой стороны»), диалектика — это открытие и описание главного, всеопределяющего звена системы («клеточки», как говорят философы) и раскрытие того, как с этим главным звеном связаны все другие, определяемые им, звенья.

Если вы хотите дать научную характеристику прежней системы социальных отношений в нашей стране, вам придется быть «односторонним» и признать, что таким ведущим, системообразующим признаком социальной системы были авторитаризм, бюрократизм, административно-командный тип общественных отношений, который формировал и до неузнаваемости искажал даже то потенциально «хорошее», что не может не возникать в любой коллективной трудовой деятельности людей. И чтобы очистить и сохранить это «хорошее», нужно будет коренным образом изменить деформировавшую его систему, и построить новую; с помощью механизмов этой новой системы только и можно «взять» это «хорошее». И тогда мы увидим, что «хорошее» в «плохой» системе может быть только потенциально хорошим, «взять» его — не значит просто «перенести», просто «присвоить», а значит — преобразовать. Попытки же просто «переносить» хорошее, пытаться брать его в исторически сложившемся виде — абсолютно бесплодны. И это ясно демонстрируют два основных тезиса платформы ЦК, в которых дается попытка раскрыть — какого же типа «хорошее» ее авторы советуют воспринять. «Для нас, — говорится там, — остается незыблемой приверженность социалистическому вы-

730

бору и идеям Октября: власть — Советам, фабрики — рабочим, земля — крестьянам, мир — народам, свободное самоопределение — нациям». Прекрасно! Но ведь сие, почти слово в слово, писалось и в «Вопросах ленинизма» Сталиным и в «Ленинском курсом» Брежневым и в решениях всех съездов, начиная со съезда расстрелянных — XVII — и вплоть до XXVI — съезда песнопений «развитому социализму». Ну, как же можно после 1937 г., после двадцати лет правления брежневского коррумпированного руководства, без конца повторявшего весь этот джентльменский набор слов — как же можно выходить с простым повторением подобных деклараций. Ведь сегодня люди ждут разъяснений: почему, несмотря на все вышеприведенные прекрасные лозунги, фабрики так и не перешли к рабочим, земля — к крестьянам, а власть — к Советам; и что нужно сделать, чтобы эти лозунги — стали правдой. Только подробным и убедительным ответом на *эти* вопросы авторы и могли отделить себя от сталинско-брежневской бюрократии. А так — ведь им могут с полным основанием сказать: вы что же, дорогие товарищи, *так же* привержены «социалистическому выбору», *так же* отдадите землю — крестьянам, фабрики — рабочим и власть — Советам, как ваши предшественники? В таком случае — извините, нам не по пути. А если не так — то как же? Платформа безмолствует...

И совсем уж каким-то невероятным анахронизмом выглядит перечисление позитивных завоеваний прежних времен: «право на труд, на пенсионное обеспечение, бесплатное образование и здравоохранение». «Забывать об этом — значило бы допустить неуважение к истине...» — торжественно звучит голос авторов Платформы. Ну, уж эти-то вопросы современная публицистика выяснила и оценку этим «завоеваниям» дала (сравнив к тому же с тем, что имеется на Западе), — и что за пенсии у нас (помереть, имяя их, может и не помрешь, но и жить по-человечески невозможно), и какие у нас «медицина» с «образованием». Инерция традиционных перечислений «завоеваний» — сегодня, увы, не срабатывает.

Путь в будущее

Типичный упрек в адрес «Демократической платформы», прозвучавший, кстати, и в «Открытом письме»: там нет-де экономической и социальной программ. Что же это в таком случае за платформа — не основательная и не серьезная какая-то! То ли дело в Платформе ЦК — и подробная концепция социального развития ("в центре политики партии — человек" — так возвышенно называется один из разделов платформы), программные разработки по вопросам экономики, политической системы, межнациональных отношений. Всохватно и основательно! В общем, государственные люди — против любителей.

А между тем, не более ли правильно поступили авторы «Демократической платформы»? Они взялись за решение вопроса, от которого зависят все остальные. Они поставили в центр проблему ликвидации

политической системы, обеспечивавшей монопольное господство управленческой «элиты». Вы требуете от авторов «Демократической платформы» развернутой программы экономических преобразований? Но на Ваши требования они отреагируют законным вопросом: «Применительно к *каким* политическим условиям желаете вы получить такую программу?» Ведь, дело в том, что не может быть конструктивной, «хорошей» экономической программы «вообще», а только — применительно к *определенным* политическим условиям и *в* связи с ними. Хотите убедиться? Возьмите, к примеру, перечисление опорных пунктов экономических преобразований платформы ЦК: аренда, полный хозрасчет, подряд, акционерные общества, кооперативы и т. д. Слова, названия эти — в общем неплохие. Ну, и что из этого? Ну и почему все это не идет, почему все это остается бумажными программами? Да потому, что там, где есть монополия одной партии (а точнее — аппарата) на власть, где «правят бал» партийно-государственные чиновники с помощью своих обкомов, министерств и ведомств, там экономику будут душить госзаказом, директивными распоряжениями, разорительными налогами, денежной инфляцией и т. п. При таком политическом режиме рыночная, хозрасчетная экономика просто невозможна; незачем и предлагать ее введение — только хаос возникнет, да прилавки совсем опустеют. Пока бюрократия у власти — какой уж там хозрасчет, какой рынок, — только хуже от этого, уж лучше карточки (понемногу, но зато — каждому, хоть с голоду никто не помрет). Это как раз то, что, судя по всему, не понимают критики «Демплатформы»: экономическая реформа не пойдет без настоящей, подлинной *политической* революции — просите хоть пятнадцать, хоть сто пятьдесят месяцев для экономических преобразований.

Авторы же «Демократической платформы» отдают себе в этом ясный отчет и потому не считают целесообразным разрабатывать экономические меры применительно к системе существующего политического монополизма. Они предлагают прежде всего и немедленно разрушить саму эту систему, заменив ее демократической. Вся их платформа, все их предложения — об этом. Удастся осуществить это, тогда будут уместны и развернутые экономические программы, исходящие из достигнутого уровня высоты политической демократии. Но расписывать сейчас в деталях и подробностях картину экономической деятельности, не привязанной к определенной системе политических отношений — значит заниматься бессмысленным и бессодержательным прожектерством, схоластическими упражнениями.

При этом следует отдавать себе ясный отчет и в том, что в обществе того типа, что сложился у нас, преобразование политических отношений есть одновременно и изменение экономических, производственных отношений. Ибо когда административно-управленческий слой лишается монопольной *политической* власти, он тем самым лишается и монопольного *экономического* господства; а установление широкой демократии, с помощью инструментов которой трудящийся

человек получает возможность реально влиять на экономику предприятия, района, города, распоряжаться плодами хозяйственной деятельности, превращает прежнего отчужденного, по сути — наемного, работника в подлинного хозяина. В наших условиях революционная политическая программа является одновременно и экономической (вернее, первой и самой важной ее ступенью).

Поэтому полностью оправдан подход «Демократической платформы», которая сосредотачивается на решении главной задачи — выяснении условий и путей перехода от авторитарно-бюрократической политической системы к демократической. А внутри этой главной общей задачи выделяется и еще более глубокий ее пласт: как покончить с монополией партии в политической системе общества и одновременно — с монополией аппарата внутри партии.

И опять-таки: хочет кто этого или нет, понимает это кто или нет, но существует, по-видимому, объективный закон, сформулированный кстати, еще одним классиком марксизма, тоже активно критикуемым сегодня, В. И. Лениным, — о первенстве политики над экономикой в революционные эпохи. «Демократическая платформа» и составлена с учетом именно этого закона.

Но посмотрим теперь более конкретно, какие реформы в партийно-политической области предлагаются обеими платформами.

Главные темы здесь две: изменение места и роли партии в политической системе общества и реформа самой партии.

Партия и процесс демократизации общества. Изменение места и роли партии в политической системе общества — как подчеркивается в «Демократической платформе», это, не один из вопросов демократизации общества, существующий наряду с другими, а — вопрос главный и решающий. Собственно, изменение роли партии в нашей политической системе — и есть главное, всеопределяющее направление демократизации общества. И далее — четкое, ясное, определенное и, как всегда, в этой Платформе лаконичное решение этой задачи: необходим «пересмотр Конституции СССР (отмена ст. 6) и принятие Закона об общественных организациях (или Закона о политических партиях), в котором должно быть гарантирована свобода создания политических партий и их равноправие, определен их политический статус». Здесь, действительно, зерно всех политических преобразований: многопартийность, равноправие партий.

А как же ставятся и решаются вопросы политической демократизации в Платформе ЦК? Здесь тема развития «политического плюрализма» (то есть — многопартийности) буквально тонет где-то в середине перечислений двенадцати (!) направлений движения «к развернутой социалистической демократии». Здесь все — с размахом, все — солидно, авторы хотят обо всем сказать, ничего не упустить: об «избирательной системе», о «Советах», о «государственной власти», о «правосудии», о «военной реформе», о «правовом государстве» и т. д. Но это — псевдополнота. Во-первых, потому, что характеристика всех этих направлений состоит, как правило, из общих мест, вроде

того, что мы за то, чтобы «выборы были полем честного соревнования представителей всех слоев общества, личностей и идей», «чтобы Советы стали действительно полновластными органами», что «нужны неотложные меры по укреплению законности и правопорядка», что «аппарат» должен быть «под контролем» общественности и чаще обновляться и т. д. Набор общих формулировок, которые, в силу их абстрактности и малой содержательности, могли бы быть записанными в программах едва ли не любого из течений в нашей партии — от консерваторов до радикалов. Многоплановость здесь подменяется многословием. Нет здесь никаких попыток выделить из всех этих направлений главное, указать на связь его со всеми другими.

Ну, и все-таки — о чем же идет речь в этой одной двенадцатой данного раздела — в главке «Демократия и политический плюрализм», а также, что говорится в Платформе ЦК о статье 6?

О статье 6. После рассуждений о том, что «роль» партии — «быть демократически признанным лидером», действуя через коммунистов в органах власти, однако «не претендуя на преимущество и закрепление своего особого положения в Конституции СССР», и следует «шаг по пути прогресса»: «В связи с этим партия считает необходимым в порядке законодательной инициативы внести на Съезд народных депутатов СССР соответствующее предложение по статье 6 Основного Закона страны».

Сравните, пожалуйста, прямое и ясное — «отменить» (как в «Демократической платформе») и оставляющее поле для возможного маневра, замысловатое «внести соответствующее предложение». И такая некоторая неопределенность — свойство не столько литературного стиля авторов указанной платформы, сколько — их мышления и действия. Эта витиеватость — вещь не случайная. Она — свидетельство того, что «прогрессивный шаг» делается нехотя, без желания, как уступка давлению демократических сил. Вспомним, каким гневом участники одного недавнего Пленума встретили информацию о том, что Ельцин посмел в интервью заметить, что сегодня есть резон поразмышлять, среди прочего, и над вопросом о многопартийности. Повторяю: *поразмышлять* только. Так, вот, создали же партийную комиссию, чтобы «изучить» эти высказывания тов. Ельцина — на предмет того, как с ним поступить дальше. Слушайте, а может комиссия-то эта (о результатах работы которой ничего неизвестно), может она-то, «изучив» высказывания Ельцина, вдруг и осознала его правоту и внесла указанные выше «соответствующие предложения». Но если всерьез, то ясно — эти формулировки платформы ЦК по ст. 6 — вынужденно уступленная после отчаянных боев позиция. И потому уступка эта имеет вид такой неопределенной формулировки. И потому в других местах Платформы постоянно прорываются и выплескиваются формулировки несколько иного типа. Так, написав, что «КПСС не претендует на монополию», что она «не берет на себя государственные властные полномочия», авторы Платформы тут же вещают в категорической форме: «Порядок их (политических пар-

тий — Г. В.) образования будет определен законом и соответственно отражен в Конституции СССР». (Ну, зачем же за Съезд народных депутатов решать? А вдруг — не «будет», вдруг народные депутаты какую-то иную форму решения этого вопроса найдут?). И дальше: «При этом в законодательном порядке должны быть запрещены создание и деятельность организаций и движений, которые проповедают насилие, межнациональную рознь, преследуют экстремистские, антиконституционные цели». Обратим внимание здесь на нетерпящую возражений директиву «должны быть» и требование запретить партии, преследующие «экстремистские, антиконституционные цели». «О чем речь идет, товарищи авторы Платформы? — могут спросить вас. — Ведь «экстремистами» многие из вас называли людей, которые сегодня стоят во главе «Демократической платформы». Значит — запретить их деятельность? А что это такое «антиконституционные цели»? Не вы ли в своей платформе хотя и туманно, но ставите вопрос об изменении важной шестой статьи Конституции, более того — не вы ли в специальном параграфе «О новой Конституции СССР» выдвигаете задачу даже «создания нового Основного Закона Советского государства». Очевидно, прежняя Конституция вас не устраивает и вы, можно сказать, выступаете против нее. Согласитесь, в этом смысле «антиконституционный» момент тут налицо. Не собираетесь ли вы уж сами себя «запретить»?

Такие вот «неудобные» (но законные) вопросы возникают в связи с вашим пониманием демократии, товарищи.

И кроме того: давайте задумаемся вместе — а не является ли выдвинутая в Платформе ЦК (и уже проведенная в жизнь) идея президентского правления некоторой компенсацией за утрату статьи 6...

Ну, и последнее — реформа КПСС

Авторы «Открытого письма», как мы помним, определили основное содержание «Демократической платформы» как «курс на раскол КПСС изнутри». Сами же они — «против раскола» и за «консолидацию партийных рядов» на «принципиальной основе». Так ли это?

Вначале — о позиции «Демократической платформы». Она отнюдь не держит курс на раскол. Ее установки имеют прямо противоположную направленность. Она *исходит* из того, что в настоящий момент партия фактически расколота на несколько течений: «консервативно-сталинское», «умеренно-реформистское» и «радикально-реформистское». Течений — с основательно разработанными концепциями, достаточно богатой пропагандистско-политической литературой, со сложившимися группами уже известных всей стране лидеров, с зачатками организационных структур, налаженными связями со «своими» социальными слоями и т. д. и т. п. Иначе говоря, размежевание, согласно «Демократической платформе», — это не цель, к которой следует во что бы то ни стало стремиться, а — реальный, объективно существующий факт, из которого следует исходить, и факт

этот отнюдь не доставляет радости «демократам», для них он — показатель кризиса партии, из которого надо найти выход. Но выход действительный, а не иллюзорный. «Соккрытие существующих принципиальных разногласий, — намекают «демократы» на позицию своих оппонентов, — подавление инакомыслия в партии организационными мерами, стремление сохранить мифическое единство любой ценой ведут к дальнейшему углублению идейного кризиса в КПСС, ослаблению идей — политического влияния партии в массах». Сторонники «Демократической платформы» хотят путем коренной реформы устранить кризис партии, а их упрекают в стремлении «устранить партию».

Авторы же Платформы ЦК ни о каком принципиальном размежевании в партии, и соответственно ни о каком ее кризисе не говорят ни слова. Они связывают необходимость «реформирования партии» с «масштабностью и новизной вставших задач». Снова знакомые оптимистические мотивы. А чего стоит следующее утверждение: КПСС «сумела преодолеть инерцию сталинщины и застоя, возглавила революционный поворот и тем самым вновь доказала свою способность выполнять авангардную роль». И дело тут даже не только в возрождении слегка уже подзабытой манеры победных (и, увы, малоправдоподобных) реляций. Тут просто исчезает логика, концы с концами не сходятся: если партия все «преодолела», все «доказала», так чего же еще ее реформировать, зачем подвергать ее «глубокой перестройке».

«Демократическая платформа» исходит из действительности — такой, какова она есть, а не такой, какой нам хотелось бы ее видеть. Отсюда — реализм ее антикризисных идей и планов.

Так, отмечая объективное существование различных течений в партии, она не стремится сеять иллюзий на тот счет, что-де различия эти легко преодолимы, стоит только немного захотеть. Нет, по ее мнению, и мы думаем — так оно и есть в действительности, различия, противоречия эти столь серьезны, что примирить или устранить их не удастся. И в перспективе эти течения неизбежно превратятся в самостоятельные политические образования. (Не эта ли бесспорная констатация интерпретируется подчас как «курс на раскол»? Но как можно держать курс на то, что фактически уже существует?)

Но вся специфика, весь взвешенный реализм «Демократической платформы» состоит в том, чтобы не ускорять этот процесс неизбежного официального раскола, а наоборот — чтобы несколько попридержать его. *В этом вся соль позиции Демплатформы.* Она справедливо при этом исходит из того, что в настоящих условиях (так уж распорядилась история!) КПСС — действительно, единственная более или менее организованная в общесоюзном масштабе сила, которая худо-бедно, но держит в своих руках общие и главные рычаги движения нашего общества, нашей коллективной деятельности. И пока дробить эту силу нельзя. Политический развод сегодня нецелесообразен — ни с точки зрения интересов всех групп и течений, имеющихся в партии, ни, что особенно важно, с точки зрения интересов всего общества, на-

рода, перспектив демократических преобразований. Знаете, так бывает в семейной жизни — когда ставшие друг другу чужими супруги договариваются: во имя детей (до их совершеннолетия) жить вместе, сохраняя корректные отношения и определенные взаимные обязательства.

Нечто подобное предлагается в «Демократической платформе». Нет, ее авторы решительно против того, чтобы закрывать глаза на объективный факт: партия разделена на устойчивые течения, которые все яснее осознают, что различие их позиций нарастает, что логика событий сделает со временем невозможным их существование в рамках одной партии. И нет никакого смысла скрывать имеющиеся различия, растворять их в каком-то абстрактном, мифическом единстве. Напротив, следует помогать их выявлению и фиксации, предоставлять разным течениям возможность вести открытую дискуссию друг с другом. Это поможет выработке более основательных, подвергнутых придирчивому и разностороннему обсуждению, программных установок. Это нужно и для того, чтобы рядовые члены партии и все трудящиеся могли сопоставлять разные подходы, сравнивать их друг с другом и... выбирать — кто с кем, кто за кого. Со всем этим затягивать нельзя. Здесь «медлительность, чрезмерная осторожность грозят обернуться реставрацией тоталитаризма и крахом перестройки».

Иначе говоря, Демократическая платформа против административной унификации партии, против замораживания ее внутренней жизни. А с другой стороны, она против быстрого, мгновенного разделения КПСС на самостоятельные партии. «Поспешность в проведении реформы может привести к хаосу и анархии, потере управляемости обществом.»

Так что нет никаких оснований представлять ее авторов какими-то экстремистами, леваками, не желающими считаться с реальностью, собирающимися прыгать через этапы и т. п. Они смотрят действительности в глаза и принимают взвешенные и реалистические решения.

На этой основе и рождается их в высшей степени плодотворная концепция *двух этапов* в реформировании КПСС.

Основная цель всей реформы партии, согласно «Демократической платформе», — «преобразование КПСС в парламентскую партию, действующую в условиях многопартийной системы, правового, парламентского государства». (Просим, между прочим, обратить внимание: речь идет, как вы видите, не о «развале» КПСС, не об «устранении» ее, а о «преобразовании».)

Понятно, люди старого закала с трудом воспринимают подобные идеи, и потому какой-то острый конфликт (и, по видимому, — разрыв) в будущем неизбежен. Но это в будущем. А сегодня его надо избежать. И в этих установках нет никакой хитрости, никакого «скрытого замысла», в чем подчас упрекают авторов Демократической платформы. Они пишут обо всем открыто, прямо — что называется

черным по белому. И подоплека их рассуждений, логика их подходов тоже предельно ясны, более того — поучительны: мы, как правящая партия, ответственны за тяжелую кризисную ситуацию в стране; и с точки зрения нормального, демократического мышления, мы должны подать в отставку, уступить свое место у рычагов власти другим. В наших же, не слишком нормальных и не очень демократических, условиях уступить просто некому.

Можно о том сожалеть, можно возмущаться, но история распорядилась таким образом, что КПСС сегодня — действительно пока единственная общесоюзная сила, держащая в своих руках все общественные связи. В мгновение ока оставить все рычаги управления, бросить на произвол сложившиеся связи, сцепляющие нашу коллективную жизнь механизмы (хорошие, плохие — не в том сейчас вопрос) — означает в наших условиях не демократический шаг, а — дезертирство, которое непременно ввергнет страну в еще больший хаос. Задача партии сегодня вовсе не в том, чтобы немедленно исчезнуть с авансцены политической жизни, и в порыве покаяния удариться оземь, превратившись в массу каких-то других политических образований — это, повторяю, приведет не к обузданию, а к умножению хаоса. Принять на себя ответственность — не значит только покаяться перед народом за прошлое, но — постараться выйти из тупиковой ситуации организованно, согласованно, достойно. Партия завела в тупик, партия не имеет права уклониться от обязанностей активного участия в выходе из тупика.

Из всего этого и возникает в «Демократической платформе» идея «Первого этапа» реформы КПСС. Да, политические, и идеологические течения, имеющиеся в партии, трудно (или практически не-) совместимы, и в перспективе они не смогут быть в рамках одной политической организации. Но давайте на ближайший период постараемся ужиться — ужиться, оставаясь самими собой, не изменяя самим себе, не пытаясь обеспечить *традиционное* «единство» (которое в нынешних условиях может быть только «мифическим» единством), «монолитность» партийных рядов.

И еще одна цель «Демократической платформы»: через реформу КПСС консолидировать не только партию, но и общество в целом. В ней выдвигаются идеи, которые смогут разделить и поддержать демократические силы не только внутри партии, но и за ее пределами. Демплатформа — это и платформа союза коммунистов-демократов с демократами-некоммунистами.

Да, конечно, это несколько размывает четкость границ партии. Но это и хорошо. Мы, ведь, привыкли к такому жесткому разделению: член партии — одно, не член — совершенно другое, — люди как бы разных сортов. Подлинно же народные партии должны, по-видимому, не рвами и крепостными стенами отделяться от народа, а быть в отношении к нему партиями «без берегов», широко открытыми для контроля со стороны всех трудящихся. Забота о «неразмывании» границ — это забота о закреплении своей избранности по отношению к

основной массе людей. Демплатформа и выступает за сближение, за консолидацию партийных и непартийных масс нашего народа.

Таким образом на нынешнем («первом») этапе «Демократическая платформа» прямо выступает против «раскола» и за «консолидацию» — как партии, так и всего народа. Но не на какой-то там «принципиальной основе» (под которой обычно понимаются «принципы» находящегося у власти руководства), а на...компромиссной. Но, как предвидят авторы «Демократической платформы», на первом этапе будут возникать «различные идейные течения», «платформы», «фракции», которые впоследствии (на втором этапе) «могут стать основой для возникновения нескольких политических партий, предлагающих различные модели социализма и пути их достижения».

Слово «фракция», которое с такой легкостью и естественностью выговаривает «Демократическая платформа», бросает людей старого организационного мышления буквально в дрожь: «Фракции? Да как можно? Ведь их сам Ленин запретил!». Ну, что касается Ленина, то в один период (в начале 20-х годов) он их «запретил», а в другой (после первой русской революции) — «разрешил». Так что Лениным тут не заслонишься. Да, и вообще сами классики марксизма, думая о нас, людях будущих поколений, рассчитывали больше не на то, что мы будем искать ответы на наши вопросы в цитатах из их произведений, а на то, что у нас на плечах будут собственные головы и что мы этот «инструмент» сможем использовать по его прямому назначению.

Фракции в партии, как устойчивая, постоянная форма, — бессмыслица. Если ваши различия имеют устойчивый и постоянный характер, зачем вам общая политическая крыша, создавайте собственные партии. Фракция — это законная организационная и политическая форма в некоторые *переходные периоды*. Она допустима и оправдана, например в периоды создания новых партий и политических образований — когда объединяются уже сложившиеся политические группы, кружки и т. п. Может понадобиться время — чтобы группы эти, так сказать, притерлись друг к другу, лучше поняли позиции и возможности друг друга.

«Фракция» оправдана и в период начинающегося внутреннего размешивания, разделения в партии, — когда, с одной стороны, существуют еще общие для всех членов партии задачи и общая ответственность, а с другой стороны — когда политическая совместимость отдельных течений в партии становится все более трудной задачей. Сейчас именно такое время. Вот почему, учитывая все это, и предлагает на ближайшее время «Демократическая платформа» фракционную структуру партии.

«Но это же и есть раскол, — взволнованно говорят сторонники «демократического централизма» (господствовавшего у нас в его сталинской интерпретации), — и в этом случае уже никакой единой партии не существует». Это, конечно, не так, и я, чтобы не доказывать слишком долго, приведу слова человека, весьма искушенного в политической жизни: «Партия, — писал Ленин о ситуации 1906 г., когда

в одежи партии существовали фракции большевиков и меньшевиков, — тогда была едина, не было раскола, но была фракционность...»¹. Иначе говоря, фракционность — это еще не «раскол», фракционность — еще не означает отказ от «единой» партии. Но все-таки — зачем? Зачем в «единой» партии, скажет читатель, нужны еще фракции, то есть устойчивые политические образования, имеющие свои специфические программные установки, свою организационную структуру и групповую дисциплину? Если есть различия во мнениях между членами партии, почему не обсуждать их публично, открыто — не через посредство фракций, а перед лицом всей партии, и пусть все ее члены принимают в этом участие, зачем еще это промежуточное звено — «фракция»?

А — затем, ответим мы, что в определенные исторические моменты появляются различия не просто во мнениях *отдельных людей*, но в установках и интересах формирующихся *социальных слоев*, социальных групп. И когда дело касается этого типа различий, то встает вопрос не о взаимоотношении *отдельных людей* с их специфическими взглядами в рамках принципиально единой социальной и политической общности (осуществление чего возможно и даже необходимо без фракций), а о взаимодействии различных *социальных слоев* и их политических представителей. В этом, последнем, случае размышляют не просто индивиды — как им лучше защитить общие для них интересы, а — политические представители различных социальных слоев — как этим слоям найти верный баланс отношений. И слои эти должны быть представлены достаточно сильными мозговыми и политическими центрами. Одно политическое решение будет принято, когда с особым мнением выступает, скажем, *один человек* против односторонней позиции исторически сложившегося партийного руководства, а другое — когда это делает сильная и авторитетная *группа*.

Вспомним, что происходило на первых заседаниях Съезда народных депутатов, — бесследно, как вода в песок, уходили особые мнения выступавших тогда разрозненно радикальных ораторов. Председательствующие, демонстрируя свою терпимость к инакомыслящим и журуя излишне агрессивных консерваторов, давали высказаться радикалам, продлевали им порой регламент, идя на конфликты с залом. А потом, тоже очень «демократично», так это мягко, по-дружески, почти по-семейному, объявляли: «Ну что, товарищи, все высказались? Будем определяться, голосовать? Кто «за»?». И заведомо известное большинство вскидывало руки за заведомо известное решение. И голосования были самые разнообразные — и открытые, и тайные, и поименные — ну просто пиршество «демократии».

Мне только не припоминается ни одного случая, когда бы председательствующий заявил: «Товарищи, конечно, с тем, что говорили здесь Сахаров, Ельцин, Попов, Станкевич и т. е., мы не согласны, и, конечно, если я просто поставлю на голосование их предложения, они не пройдут. Но поскольку за ними определенная часть депутатов и миллионы избирателей, может, не будем пускать в ход машину голо-

сования, а попробуем учесть какие-то идеи меньшинства, попробуем найти компромиссное решение?...» Я не помню такого случая. Но помню, как после создания межрегиональной депутатской группы, этой фракции на Съезде, с каждым выступлением ее *представителей* приходилось уже основательно считаться. Фракция — форма защиты позиций меньшинства внутри той или иной политической организации — что важно не просто для самого этого меньшинства, но и для общества в целом. Ибо через сопоставление, через согласование позиций политических «большинства» и «меньшинства» осуществляется согласование позиций действий социальных слоев. В результате итоговое политическое решение будет более точно отражать реальное соотношение общественных сил и исторических возможностей развития общества.

Пугают иногда фракционной дисциплиной, будто бы делающей невозможной дисциплину общепартийную. Напрасно пугают. И при фракциях возможна и даже необходима общепартийная дисциплина (иначе какая же это *единая* партия?). И эта общепартийная дисциплина должна, разумеется, преобладать над фракционной. Но речь идет не о той тотальной «дисциплине», которая была характерна для КПСС, не о дисциплине, которая целиком — во всех проявлениях — подчиняет личность политической общности (когда даже сугубо личная жизнь человека, его художественные вкусы, все его мысли и наклонности находились под жестким и даже жестоким контролем). Речь идет о дисциплине, диктуемой общностью задач, которые определены всей партией, каждым ее членом. Речь идет об обязательном единстве действий в строго определенной и коллективно согласованной сфере. Что за ее пределами — вольная воля каждого. Фракционная дисциплина не отменяет, таким образом, общепартийную, а вводит ее в строгие, заранее обговоренные рамки. Еще раз: фракционность в современных условиях — законная и мы бы добавили, необходимая и наиболее безболезненная форма, способная обеспечить более плавный, эволюционный, цивилизованный переход от однопартийности к многопартийности. Фракционность сегодня — это форма сохранения единства в условиях возникновения принципиально различных течений внутри партии. *Фракционность в рамках единой партии — это и есть формула современной консолидации, предлагаемая «Демократической платформой».* Формула же «консолидации», предлагаемая их оппонентами, — консолидация на базе только и исключительно принципов, предлагаемых Центральным Комитетом (то есть по сути, одним из течений, одной из «фракций» партии), — это формула, по сути, отсекает инакомыслящих, она не умест соединить многообразие в единство.

Вместо заключения

XXVIII съезд КПСС — момент решающий. Нет, не в том смысле, что на нем ожидается принятие каких-то определяющих всю нашу

жизнь «исторических решений». Это при нынешнем состоянии общества и партии абсолютно исключено. Он — решающий, потому что в ходе его и сразу после него — независимо от чьих-либо желаний — коренным и необратимым образом изменится политический климат, политическое лицо, вся дальнейшая судьба нашего народа.

То, что когда-то было скрыто от глаз, сегодня становится открытой для всех явью: Коммунистическая партия Советского Союза, начиная с середины 20-х годов, — никогда не была «союзом единомышленников». «Единая» партия была, по сути, противоестественным (но, впрочем, исторически объяснимым) соединением двух прямо противоположных образований — партийно-государственной бюрократии (этой новой, получившей в 30-е годы абсолютную власть, господствующей элиты) и партийной массы, политически эксплуатируемой руководством, но стремившейся тем не менее выразить и отстаивать интересы трудящихся.

Партия не только состояла из этих двух «партий», но имела и две, исключаящие друг друга программы: одну — письменную, состоящую из высоких, благородных и прекрасных принципов, привлекавшую массу простых людей, и другую — устную, которой на практике следовало руководство. В самом деле, не поленитесь перечитать, например, Программу КПСС, принятую в 1961 г. и действовавшую в период брежневщины, и сопоставьте то, что было в реальной жизни и то, что содержалось в торжественно провозглашенных принципах. Ведь, нет же в Программе ни слова о том, что секретари обкомов, как это было в жизни, — полновластные и безраздельные хозяева вверенных им областей и судеб людей, в них проживающих, напротив, — там говорится о стремлении видеть народные и партийные массы, трудящихся действительными хозяевами своей страны; нет там даже и намека на то, что инакомыслящих следует запикивать в психушки, лагеря, выталкивать за пределы государства, напротив, провозглашаются задачи «всестороннего развертывания и совершенствования социалистической демократии», «прав и свобод советских граждан»; нет ничего и о том, что правящая элита во главе с Генеральным секретарем будет бессменно, в течение десятилетий, сидеть в руководящих креслах, напротив — обещается «систематическое обновление руководящих кадров»; не найдете вы и уверений в том, что партия — это стоящая над народом организация, лидерам которой позволяется в узком кругу решать, уютить ли танками улицы Праги, заполнять ли смертоносными ракетами небо Кабула, напротив подчеркивается, что «партия существует для народа, в служении ему видит смысл своей деятельности», «считает своим долгом постоянно советоваться с трудящимися по всем вопросам внутренней и внешней политики, выносить эти вопросы на всенародное обсуждение» и т. д. и т. п. Я думаю, многие и многие люди не по расчету, а следуя голосу совести и сегодня согласились бы вступить в партию *перечисленных выше принципов* и одновременно не желали бы иметь что-либо общее с *партией указанных выше политических действий*. Беда лишь в том, что

это была одна и та же партия, которая декларировала одно, а делала (в лице основной массы своего руководящего слоя) — иное. И поэтому объективным смыслом вступления в столь необычную партию для многих людей и было: опираясь на декларированные высокие принципы, на гуманистические, демократические традиции марксизма, используя те организационные формы и возможности, которые пусть и в минимальной степени, но все же существовали внутри партии — разоблачить узурпаторов демократии, выявить эту противоположность между высокими словами и низкими делами, способствовать развитию антибюрократического сознания и подготовки условий для победы демократических сил — в партии и обществе. Так вот и шло формирование двух противостоящих друг другу партий в рамках «единой партии».

К сожалению, исторические условия сложились таким образом, что в 30—70-е годы демократические силы партии, как и весь народ, не имели серьезных реальных возможностей влиять на деятельность командных верхов (монополюно распоряжавшихся всеми средствами массовой информации, которые играли роль средств интеллектуального террора, всеми политическими и военно-репрессивными механизмами). Попытки отдельных представителей или групп демократических сил партии раскрыть людям глаза на происходящее, призвать их к борьбе за то, чтобы декларированное стало действительным, а обещанное — правдой, подавлялись господствующим слоем решительно и беспощадно. Сталинская бюрократия уничтожала всех, кто стремился сам и призывал других быть коммунистом не на словах, а на деле (то есть — демократом, отстаивающим коренные интересы трудящихся). Бюрократия брежневских времен не была столь кровавой, но в беспощадности и готовности на все ради защиты сохранения своего безраздельного господства ей также не откажешь.

Но все эти коллизии, эти схватки двух политических течений в партии (а точнее не столько «схватки», сколько удушение демократических сил) происходили не заметно для глаз общественности, где-то за кулисами залитой фальшивым, якобы — солнечным, светом сцены. Противостояние партийных (и социальных) сил не становилось фокусом всей общественной жизни, фактом всеобщего внимания и теоретического анализа.

И вот тайное стало явным. Противостояние, несовпадение, несовместимость — налицо: две диаметрально противоположные платформы к съезду. Как это ни грустно признавать, но доминирующие политические мотивы Платформы ЦК — увы, консервативно-бюрократические, «Демократическая платформа» (при некоторых ее недостатках, которые легко могут быть изжиты практикой развертывающегося на ее основе движения) — это действительно демократическая платформа.

Противопоставить их так резко, и определенно важно потому, что официальная версия основной массы пропагандистов Платформы ЦК сводится к тому, что «Демократическая платформа», хотя и несрав-

ненно беднее цсковской (нет там-де развернутых экономических и социальных программ), но по основным своим теоретическим позициям мало чем от нее отличается. И потому-де мы имеем дело не с теоретическим противостоением, а всего лишь с амбициями людей, стремящимися расколоть партию и приобрести на этом некоторый политический капитал. «Мне кажется, — заявляет, например, на «Круглом столе» редактор «Правды» по отделу партийной жизни А. Ильин, — оба документа исходят в главном из одних позиций — демократизации партии», и их «главное различие не столько в теоретических оценках, сколько в размежевании организационном» («Правда», от 3 марта 1990 г.).

И при поверхностном чтении так и может показаться. Ну, как же: обе платформы за «перестройку», против «возврата к административно-командной системе», за демократизацию и гласность, за политический плюрализм, расширение рыночной экономики, за «гуманный и демократический социализм» и т. д. и т. п. Эту иллюзию определенной общности двух документов поддерживает, увы, и один из известных пропагандистов «Демократической платформы» В. Лысенко. В своем — вслед за А. Ильиным — выступлении на «Круглом столе» он, перечислив ряд «общих моментов» в общих документах, отмечает даже, что это «делает возможным диалог» между Центральным Комитетом и представителями Демократической платформы. Заметим, что «возможность» подобного диалога была вскоре продемонстрирована участниками Пленума ЦК: они решительно проголосовали против того, чтобы предоставить на Пленуме слово напрашивавшемуся на «диалог» товарищу Лысенко.

Не надо иллюзий! Внимательное и вдумчивое чтение обеих платформ ясно показывает: две части партии четко осознают свое противостояние, они представили принципиально разные политические программы, выражают интересы разных общественных сил.

Эту цель — показать принципиальные различия платформ, определить состав социальных сил, стоящих за каждой из них, наметить логику дальнейшего развития событий — такую задачу мы и ставили перед собой в этой статье.

Но прежде чем поставить точку, сделаем — в интересах ясности — еще одно замечание. Читатель, сторонник перестройки, ознакомившись с нашей оценкой платформы ЦК, как консервативно-бюрократической, возможно спросит: «Так что же, и М. С. Горбачева Вы так же оцениваете (поскольку, ведь, и он голосовал за эту платформу)? Стало быть, Вы против Горбачева? Но сейчас это, ведь, опасно, ибо только он способен быть лидером блока, противостоящего реакционным силам — как о том убедительно пишет, например, А. Нуйкин в «Известиях» от 13 марта сего года».

Ну, прежде всего, отвечу я, многие выступления и статьи Горбачева (и среди них его главная теоретическая работа «Социалистическая идея и революционная перестройка») значительно — и в лучшую сторону — отличаются от цсковской платформы. И как знать,

был ли на тот момент у Горбачева иной политический выбор, как согласиться — под давлением консервативного ЦК — на эту платформу, имея в виду, с одной стороны, что, будучи в явном меньшинстве, восставать против нее, — безрассудно, и осознавая — с другой, что у этой платформы и большинства ее авторов нет никакого будущего. Как знать? Хотя, может, я и ошибаюсь, и вся эта ситуация на самом деле выглядит иначе...

Но главное даже не в том. Я вообще решительно против излишней персонифицирования политики: «за» Горбачева или «против», «за» Ельцина или «против», «за» Лигачева, Гидаспова, Иванова, Петрова, Сидорова или «против». Ведь, тот или иной политический деятель может менять свои позиции, проявлять непоследовательность, колебания, делать небольшие и крупные ошибки. Поэтому, наверное, лучше все-таки определить себе не кумира, не фюрера, за которым бы «в огонь и в воду», а — систему политических ориентиров, наиболее, по Вашему мнению, справедливых, и уже через ее призму и определять свое отношение к тем или другим деятелям.

Вот почему оценка цсковской платформы — это отнюдь не то же самое, что оценка позиции Горбачева. А то, что он голосовал за нее .., так ведь за нее и Бровиков (прямой антипод Горбачева) голосовал. Грешным делом, мне кажется, что вообще платформа ЦК выравнивалась, так сказать, по Бровиковым...

Однако, повторим: мы оставляли в стороне все личностные моменты, и вели разговор не о лицах, а о принципах и программах.

* * *

И в заключение, может быть, — самое главное.

Я бы ни в коем случае не рассматривал Демплатформу как программу какой-то конкретной будущей партии, или даже одной какой-то строго определенной фракции. Нет, мне думается, у нее — объективно — иной смысл и иная задача: сформулировать ближайшие требования, способные объединить *всех* демократически настроенных людей — независимо от типа и оттенка их демократизма. Сегодня главная линия борьбы: монополизм (авангардизм, гегемонизм и т. п.) какой-то одной политической организации или политической плюрализм, многопартийность; административно-бюрократическое или демократическое общественное устройство. Сегодня важно и актуально только одно политическое деление: консервативно-бюрократическая позиция или демократическая.

Сегодня не время выдвигать на первый план, делать злобой дня, предметом развернутых дискуссий различия среди демократов, различия, которые могут стать актуальными и первостепенными завтра. Но сегодня главная задача — одна-единственная: создание общих условий для нормальной демократической жизни, осуществляемое в острой (но мирной, цивилизованной, не пренебрегающей компромиссами) борьбе с консервативно-бюрократическими силами. В нынешних

обстоятельствах демократам крайне необходимо избежать дробления сил, разбегания по разным платформам.

В связи с этим — два слова о «Марксистской платформе КПСС», появившейся значительно позже двух других. Все основные подходы и оценки этой платформы вполне уместаются в рамках широкого блока демократических сил. Я не думаю, что самый горячий сторонник «Марксистской платформы» (пусть с некоторыми, несущественными на сегодня оговорками) не смог бы присоединиться к основным позициям Демплатформы (поскольку они формулируются, как правило, достаточно широко). В самом деле, вот, ведь, центральная идея «Марксистской платформы»: «Исходным пунктом выхода из кризиса должны стать политические (!) преобразования». (Это, как мы помним, и есть главная методологическая линия Демплатформы). И дальше — о ядре этих преобразований: «На основе широкого массового движения обеспечить постепенный мирный переход власти из рук бюрократии к блоку демократических сил социалистического выбора при гарантиях конституционных прав общественных и политических движений иной направленности»... и т. д.

Здесь, конечно, есть оттенок отличия от Демплатформы. Последняя не ставит акцент на переходе власти к «силам социалистического выбора». Не потому, что ее сторонники обязательно против него. Просто она формулирует ближайшую цель более широко: установление *демократии*, а какой «выбор» предпочтет народ и каков конкретное содержание получит этот выбор (ведь и понятие «социалистический» многие трактуют по-разному!) — это будет предметом *завтрашней* дискуссии.

У вас, товарищи «марксисты», есть и ряд других специфических, характерных только для вас установок, касающихся дальних, стратегических целей развития. Мы, разумеется, не против того, чтобы и сегодня рассматривались подобные вопросы, появлялись программные наброски на отдаленное будущее. Но при одном условии: при полном понимании того, что они — дело завтрашнего, а не сегодняшнего дня, — дабы из-за завтрашних возможных расхождений не разрушить сегодняшнюю принципиальную общность — к радости и удовлетворению консервативных сил.

В частности, надо ли сегодня, как делаете вы, друзья-«марксисты», столь жестко и однозначно определять позицию по вопросу о будущих формах собственности — за «социалистическую», против «частной» и т. п. Ведь пока у нас, по сути, не было ни той, ни другой, была — государственно-бюрократическая. Устранить ее, а потом, в условиях, когда будет возможно действительно свободное обсуждение проблем и подлинно демократический выбор — будем обсуждать и проверять на практике, какие типы собственности, какое их сочетание обеспечат наиболее эффективное развитие — в интересах общества в целом и каждого из его членов.

Еще раз: «демократы» всех оттенков, консолидируйтесь, объединяйтесь, независимо от того, кем вы будете завтра: социал-демокра-

ми, левыми социалистами, марксистами, демократическими ленинистами, гуманистическими коммунистами, «зелеными» и т. д. Не надо плодить платформ! Сегодня определились две, главные, рассмотренные здесь нами. Пусть кто-то считает (а мы именно так считаем), что «Демократическая платформа» могла бы быть написана глубже, ярче, основательнее и т. д. и т. п. Это сегодня все несущественные детали. Сплотиться на основе общедемократических принципов, изложенных в ней, потеснить бюрократические силы! Все остальное — потом...

Примечания

1 В.И. Ленин. ПСС, т. 25, с. 186.

Перестройка и новое рабочее движение

В грозном развороте социальных и политических перемен, охватывающих нашу страну, все большее значение приобретает рост нового рабочего движения, самостоятельного и независимого от официальных структур. После забастовки шахтеров в июне 1989 г., это движение стало мощным фактором общественной жизни, без учета которого невозможно ни постижение смысла текущих событий, ни сколько-нибудь обоснованное суждение о будущих перспективах. Его характеристика приобретает в этой ситуации особую актуальность даже при том условии, что она пока еще неизбежно будет лишь примерной, начальной, скорее подходом к проблеме, чем ее всесторонним анализом.

I.

Характеристика рабочего движения и его роли в современном советском обществе неотделимы от понимания природы перестроечных процессов вообще и их нынешнего этапа в особенности. Решающее значение в данной связи имеет отчетливое осознание того обстоятельства, что вопреки буквальному значению слова перестройка представляет собой не планомерную реконструкцию, а *коренное революционное преобразование*. В сущности у нас происходит не перестройка, а революция, к счастью осуществляемая пока в мирных формах. Это своего рода революционная реформа, суть которой — разрушение монопольно-государственного устройства общества с преимущественно безрыночной, административно-командной экономикой, авторитарной политической системой и догматической идеологией и замена его плюралистическими, рыночными и демократическими общественными порядками.

Признание радикально-революционного содержания перестройки — не просто фраза. Отсюда следует, что ход перестройки, как и всякой революции, меняющей устои общественной жизни, отличается некоторыми объективно неустраняемыми, неизбежными чертами, вытекающими из закономерностей самой этой формы социального

развития. Одна из них обусловлена тем, что революция — мирная или немирная, неважно — рано или поздно достигает этапа, на котором привычные, сложившиеся ранее формы и методы управления перестают работать, становятся физически неосуществимыми.

Применительно к перестройке советского общества это означает, что на определенном ее этапе невозможным оказывается обычное директивное управление, прямое руководство, когда центр принимает решение и затем это решение более или менее неукоснительно исполняется. И дело здесь не в том, чтобы обеспечить демократическое обсуждение и правильность решения, а в том, что на определенных этапах революционного процесса прежние органы власти неизбежно теряют свой прошлый безраздельный авторитет. Утрачивается всеобщее и почти автоматическое признание законности, легитимности их руководящего положения. Прежде, чем сложится новая легитимность, новое всеобщее признание подавляющим большинством бесспорного авторитета власти, необходимо пережить период вакуума или по крайней мере недостатка легитимности правящих структур.

В подобный период народные массы, составляющие их нации, социальные группы и классы, общественные движения, выражающие интересы этих наций и групп, действуют самостоятельно, зачастую не до конца подчиняясь законным (с формальной точки зрения) требованиям власти. Процесс управления в этот период не может быть просто принятием решений и их последующим исполнением. В нем резко усиливается роль элементов, которые в обычных, неревolutionонных условиях занимают второстепенное место, например, действий масс, подчас спонтанных, а иногда направляемых общественными органами, не входящими в структуру власти. Управление в это время во многом приобретает характер большего или меньшего взаимодействия законных органов власти с самостоятельными общественными движениями, со стихийными социальными силами. С этими силами на данном этапе им приходится считаться, причем в гораздо большей степени, чем раньше.

Совершенно избежать подобного этапа падения авторитета власти в революции нельзя. Иногда возможно подавить самостоятельность масс и силой восстановить традиционную легитимность. Но тогда происходит контрреволюция, прекращение самого процесса преобразований. Понятно, что коль скоро речь идет о действительно назревших преобразованиях, их насильственное прекращение ведет к революции и загниванию общества, а впоследствии нередко и к еще более мощному взрыву социальной стихии.

Разумеется, закономерный характер ослабления авторитета власти на определенных стадиях революционного процесса не означает, что степень, характер такого ослабления всегда одинаковы или что эта степень безразлична обществу. Чрезмерно глубокий вакуум авторитета, чрезмерный размах неуправляемой социальной стихии составляет едва ли меньшую общественную угрозу, чем прямая контрреволюция. К тому же чем сильнее разгул стихии на промежуточных,

этапах революции, тем жестче формы восстановления власти на последующих стадиях, тем вероятнее установление (или восстановление) авторитарно-диктаторской политической системы для поддержания новых социально-экономических порядков и (или) новых правящих групп, появляющихся в итоге революционных преобразований. В этом одна из причин укрепления и развития авторитарных форм советской власти после гражданской войны. Силы, осуществляющие революцию, особенно если она имеет характер революционной реформы, заинтересованы в сведении неизбежных элементов стихии к минимуму, в том, чтобы необходимые преобразования осуществлялись посредством ненасильственных процессов. Но именно поэтому важно понимать, что на определенном этапе необходимо сократить применение директивных, идущих сверху форм управления, и резко увеличить роль регулятивных мер, построенных на компромиссах, на использовании самостоятельных, нерегулярных структур, органов, движений. В какой мере и как именно сочетать прямые, законодирективные и косвенные, компромиссно-регулятивные приемы управления — вопрос политического искусства. Но сама необходимость отказа на определенное время от обычных пропорций в ряду методов управления можно считать объективным социальным законом революции, предпосылкой и следствием ее развития, подтверждаемым научным обобщением исторического опыта. В этом смысле периоды сочетания официальных и неофициальных, самостоятельных властных структур, т.е. периоды своего рода двоевластия образуют нормальные этапы течения революционных событий.

С ослаблением легитимности власти переплетается еще одна объективно неустранимая социальная сложность революции, как особой формы общественного развития. Коренное преобразование общественного строя всегда и неизбежно связано с временным *понижением эффективности общественного производства*. Споры нет, в конце концов — а по большому счету даже в исторической быстрой сроки, — такое преобразование способствует как раз подъему экономики. Но на какой-то период эффективность народного хозяйства в процессе его перестройки падает. В этом смысле все революции переживают периоды экономического беспорядка, хозяйственных диспропорций, а то и разрухи и потому всегда ведут на каком-то этапе к ухудшению материального положения больших групп населения. (Другой вопрос, что их социальное и политическое положение может в это же время улучшаться, отчасти компенсируя материальные тяготы).

II.

Особенно трудная ситуация складывается в тех нередких случаях, когда период ослабления авторитета власти и период ухудшения экономической конъюнктуры совпадают. К сожалению, именно так получилось в ходе наших революционных преобразований, начатых в 1985 г. На первом этапе (1985-1986 гг.) в обществе еще полностью со-

хранялся авторитет власти и признание ее легитимности. Практически политика перестройки осуществлялась тогда почти исключительно с помощью традиционных директив сверху при сочувствии довольно широких кругов интеллигенции и более или менее благожелательном равнодушии или нейтралитете остальных слоев народа. В определенном смысле, это был период наиболее благоприятный для проведения решительных экономических преобразований: все еще очень сильное в массовом сознании признание права центра принимать решения и привычка подчиняться ему могли бы облегчить прохождение стадии экономического спада. Однако крутизна апрельского поворота обусловила отсутствие согласованных концепций в центрах власти, заставила потратить основное время на защиту исходных идейных предпосылок перестройки и политическую борьбу за укрепление позиций реформаторского ядра в политическом руководстве. Крупнейшими достижениями этого периода были решительные перемены в сферах внешней политики и утверждения гласности.

Второй период (приблизительно 1987-1988 гг.) связан с началом политической демократизации и попытками перейти от преимущественно технико-экономических мер (ускорение) к социально-экономическим преобразованиям (глубокие реформы и демократизация). Авторитет власти стал падать, но пока еще главным образом в глазах интеллигенции. Создаваемые независимые общественные движения и часть прессы перешли к самостоятельным политическим действиям в пользу расширения демократии. Одновременно стали проявляться первые признаки самостоятельной активности консервативных элементов. Начали разворачиваться мощные национальные и национально-демократические движения. Однако, если иметь в виду основные регионы страны, сила групп и движений, пытавшихся действовать самостоятельно, оставалась в то время несравнимой с силой традиционной власти и традиционных политических центров.

Реальная политическая жизнь большей части Советского Союза все еще определялась тогда в основном решениями политического центра, в которых, правда частично, учитывалась самостоятельная позиция некоторых групп интеллигенции, консерваторов, отдельных органов печати. Большинство трудящихся, сохраняя убеждение в законном праве власти принимать главные решения, перешло вместе с тем от благожелательного безразличия к отчетливому сочувствию идеям и символам перестройки. Лишь в некоторых союзных республиках активность независимых общественных движений достигла уровня, при котором можно говорить о начале той стадии революционного развития, где прежде, традиционное управление оказывается невозможным. Увы, давление консервативных элементов, сила привычки, возможно, недостаток ясности и решимости не позволили и в это время осуществить экономические реформы и ослабить следующее за ними неизбежное снижение хозяйственной эффективности с помощью еще сохраняющегося авторитета власти.

Избирательная кампания 1989 г. обозначила начало перехода по всей стране к тому этапу революционного развития, с которым связан *кризис легитимности прежних форм власти и активная политизация большинства общественных групп*. Шахтерские забастовки летом 1989 г. показали, что уже не отдельные республики, а страна в целом вступила в этот самый трудный период революционной реформы. События 1990 г., в частности весенние выборы, выступления против ряда областных партийных комитетов, массовые протесты, связанные с попыткой осуществить призыв резервистов после введения чрезвычайного положения в Баку, реакция на то, что произошло в Литве, — все это свидетельствует, что народные массы, в первую голову промышленный рабочий класс и промышленная интеллигенция России, Украины, Белоруссии, перестали безоговорочно принимать решения центра. Они все чаще начинают действовать самостоятельно, проявляя политическую активность и образуя свободные, не зависящие от традиционных органов власти общественные движения и организации. Характер, направленность, формы активности подобных движений могут и будут меняться, подчас очень быстро и круто. Сама же их самостоятельность, отказ безоговорочно принимать и исполнять директивы центра будут сохраняться на протяжении всего времени, пока не утвердится сознание новой легитимности, покаuda большинство народа не признает законность новой политической системы (которая еще только создается в процессе политических реформ).

Можно радоваться политизации рабочего класса и массовой интеллигенции, можно сожалеть об этом, но, так или иначе, самостоятельная политическая активность масс и общественно-политических образований отныне — непреложный факт нашей общественной жизни. Массы не хотят жить по-старому, не хотят подчиняться старой системе власти, и потому управлять по-старому — особенно, если стремиться к продолжению революционных преобразований — больше нельзя. Более того, на нынешнем этапе вообще невозможно управлять одними лишь «нормальными» методами, просто принимая решения, сколь угодно законные и демократические, и, требуя затем их исполнения. То есть, конечно, выступая таким образом, можно делать вид, что общество управляется по-прежнему. Но реального управленческого эффекта подобная система теперь и в ближайшем будущем не даст. Реальным, эффективным будет на нынешней стадии только *революционная организация общественной жизни*, в которой обычные приемы управления сочетаются с самостоятельной активностью массовых движений, с признанием неизбежности социальных конфликтов и необходимости компромисса в качестве средства их разрешения, с проведением политики взаимодействия органов власти с самостоятельными общественными организациями, принятием многих их требований, использованием их социального потенциала и т.п. Делать это сейчас очень трудно, ибо подобные компромиссы приходится достигать в чрезвычайно тяжелой экономической ситуации, в условиях развала потребительского рынка и финансовой системы. Но

избежать этого нельзя. Можно лишь попытаться ослабить давление экономических тягот какими-либо экстраординарными средствами, например, получением временной и чрезвычайной помощи извне. Так или иначе, к добру или к худу, прежнего могущества центра нет и в обозримом будущем не будет. Наступает как раз один из тех периодов революционного развития, когда элементы двоевластия оказываются необходимостью и фактором мирного течения событий. Тот, кто стремится достичь конечных целей перестройки — коренного усиления рыночных начал в экономике, демократии в политике, плюрализма и творческой свободы в культуре — должен считаться с этим объективным обстоятельством.

Будем откровенны. Переход к революционным формам управления сопряжен с огромными сложностями, с усугублением угрозы анархии и хаоса. Однако попытки сохранить или усилить традиционные системы управления несравнимо опаснее. Обо отказ от традиционных форм и утверждение чего-то вроде двоевластия, дают если и не гарантию, то все же некоторый шанс, надежду на успех мирных революционных преобразований. В то же время продолжение использования обычных методов на нынешнем этапе делает перспективу всеобщей катастрофы абсолютно неизбежной.

Трезвая оценка стадии революционного процесса, на котором находится ныне советское общество, подводит к мысли, что *возможности продолжения медленных, полностью контролируемых и направляемых сверху реформ практически исчерпаны*. Не стоит шараться в противоположную крайность и бросать все рычаги нормального государственного управления, целиком отдаваясь на волю стихии. Особенно в тех случаях, когда стихия выливается в насилие. Однако понять неизбежность большей, чем раньше, самодетельности масс, большей подвижности, изменчивости, большей опоры на спонтанное народное творчество, большей, как ни страшно выговорить, стихии — все это признать надо.

Отсюда, кстати, ясно ограниченное значение срочной разработки многих детализированных законов, призванных надолго определить функционирование социально-экономической и политической системы. В период, когда революция достигла вакуума легитимности, когда авторитет прежних устоев ослаб или исчез, а представления о новых порядках еще не выработаны, не получили массового признания, создание долговременных актов подобного рода маловероятно. Стремительное развитие общества все равно их опрокинет и заставит принимать новые. Судя по опыту прошлых революций, с принятием детализированных основополагающих законов на данном этапе лучше не спешить. Если уж заниматься ими сегодня, важно тщательно и фундаментально обсуждать их основные идеи и формулировки. Что же касается действительно срочных аспектов законотворческой деятельности в настоящее время, стоит обратить внимание на два момента.

Во-первых, всюду, где это позволяют ресурсы, надо быстро принимать относительно небольшие акты, удовлетворяющие те или иные конкретные требования трудящихся и позволяющие «расшить», если это возможно, узкие места экономики, облегчить переход к рыночному строению хозяйства, соблюдение порядка в условиях демократизации и т.п. Причем, речь тут идет именно о *конкретных актах*, решающих проблему не на века, но здесь и сейчас, на текущий период.

Во-вторых, огромное значение могло бы иметь принятие высшими органами власти своего рода принципиальных законов-деклараций, определяющих, например, не детали отношений собственности, но *общие направления развития*. Самый мудрый законодатель не может создать общественные отношения, он может лишь способствовать их формированию, а затем зафиксировать их реальное существование. Вообще же на этом этапе революционных преобразований, когда прежние порядки уже перестают работать, а новые еще не сложились, решающую роль приобретает поиск ростков нового, поддержка общественной самостоятельности, общественного творчества в политике, экономике, социальных отношениях. Снова и снова вспомним о значении меры, об опасности увлечения крайностями, столь часто проявлявшейся в нашей истории. Поиск нового сопряжен с вероятной ошибкой, с возможностью принять нечто редкостное, быстро преходящее или, наоборот, пригодное в очень отдаленном будущем, за реальность сегодняшнего дня (как, скажем, получилось с оценкой субботников в 1919 г.) Мудрое признание неизбежности элементов стихии, если теряется мера, может вылиться в действия, ведущие к полному распаду общественных связей. Но историческое творчество всегда сложно. Из вероятности неудач отнюдь не следует, что от попыток поиска живых и перспективных ростков нового надо отказываться в принципе.

III.

В свете общих тенденций нынешнего этапа перестройки становится понятным растущее значение *независимого рабочего движения*. Сразу же оговоримся, что слово «рабочее» употребляется здесь, в его широком, современном истолковании, при котором в понятие «рабочий класс» включается вся совокупность рядовых наемных работников, чей труд имеет коллективный и индустриально организованный характер, независимо от того, заняты они преимущественно физической или умственной деятельностью. Соответственно рабочее движение в нашей стране выражает социальные интересы всех людей наемного труда и в первую очередь рабочих, служащих, специалистов крупных промышленных, строительных, транспортных, научных предприятий. Особое значение имеют в данном случае те интересы или, вернее, те стороны интересов рядовых тружеников, которые отделяют их от ведомственного и хозяйственно-политического аппарата, вырастающего над предприятиями и трудовыми коллективами.

Связь с социальными интересами рабочей массы важно подчеркнуть, ибо форму рабочего движения в современных условиях нередко принимают за движения национальные. Несмотря на сходство форм и некоторых приемов борьбы (забастовки и т.п.), по содержанию это очень различные общественные явления. То, что далее говорится о рабочем движении в собственном смысле, отнюдь не всегда относится к рабочим формам выражения национальных столкновений или общедемократических движений.

Наиболее яркий и характерный пример свободного самостоятельного рабочего движения в современном советском обществе (насколько об этом можно судить по событиям второй половины 1989 г. и начала 1990 г.) дает движение шахтеров и примыкающих к ним групп трудящихся. Как известно, в летних забастовках 1989 г. участвовало около 0,5 млн. шахтеров. Впоследствии в городских, областных, региональных рабочих комитетах, образованных на базе стачкомов, а также в формирующихся по инициативе этих комитетов Союзах трудящихся (прежде всего в Союзе трудящихся Кузбасса) объединились делегаты шахт и предприятий других отраслей, представляющие по крайней мере 1,5-2 млн. рабочих и служащих.

В 1990 г. региональные комитеты стали проявлять энергичные усилия, чтобы объединиться друг с другом, а также с иными независимыми рабочими движениями и организациями. Созванный ими съезд более чем сорока независимых рабочих движений (Новокузнецк, 30 апр. — 2 мая 1990 г.) провозгласил создание Конфедерации Труда. Можно надеяться, что Конфедерация Труда станет началом общесоюзной организации свободного рабочего движения.

Так или иначе, прошлогоднее шахтерское движение явилось признаком окончания летаргического сна советского рабочего класса. *Рабочий класс вышел на арену социально-политической борьбы.* В обозримом будущем он отсюда не уйдет — разве что весь ход революционных преобразований будет насильственно прерван. Отныне рабочий класс и рабочее движение составляют новый мощный фактор общественной жизни, без которого невозможен никакой ее теоретический анализ и никакое практически политическое регулирование. Именно так воспринимается положение с массовым народным сознанием. Опросы, проведенные Центром по изучению общественного мнения осенью 1989 г., показали, что две трети населения (67 %) считают право на забастовку таким же естественным, как право на труд, свободу собраний и т.п.¹

Несколько месяцев свободного рабочего движения показали, что оно содержит как деструктивный, так и конструктивный потенциалы. Поэтому, с одной стороны, его развитие открывает громадные новые возможности, особенно значимые в период ослабления авторитета и легитимности обычных органов власти. А с другой, это развитие, в частности неуправляемый рост забастовок, создаст новые опасности, усугубляющие и без того напряженную хозяйственно-политическую ситуацию в стране.

Правда, если исходить из опубликованных до сих пор материалов, сама постановка вопроса о позитивном воздействии рабочего движения и забастовок может показаться парадоксом. Обычно обсуждение этой проблемы ведется в плоскости спора о том, больший или меньший урон наносит рабочее движение обществу, имеются ли нравственно-политические оправдания этого урона и т.п. Между тем, по нашему убеждению, рабочее движение, по крайней мере, как оно развивалось у нас до сих пор, несет не только вред, но и пользу. И реалистическое определение его социального значения требует соотнесения всех последствий — как отрицательных, так и положительных.

Поскольку о негативных сторонах рабочего движения и забастовок в нашей стране писалось немало (и зачастую преувеличенно), начнем с характеристики его позитивных, конструктивных возможностей.

В долговременной социально-экономической перспективе положительное значение свободного рабочего движения состоит в том, что оно образует *важнейший элемент цивилизованных трудовых отношений в хозяйствах рыночного типа*. Всемирный опыт вообще и в особенности опыт тоталитарного монополично-государственного социализма (семидесятилетний у нас, сорокалетний в других странах) показал иллюзорность попыток определять оптимальные социально-экономические пропорции на основе решений единого центра, стремящегося научно-обоснованно учесть все общественные потребности.

Определение таких пропорций представляет собой не чисто рациональный, но *социальный процесс*, в котором неизбежно сталкиваются различные интересы. В сложных современных обществах там и тогда, где и когда основные социально-экономические пропорции (норма накопления, оплата труда, соотношение I и II подразделения) складываются в результате гласного, демократического выявления интересов и открытого столкновения, диспута, взаимодействия сил, представляющих разные социальные сферы и институты (производство, труд, оборона, просвещение и т.п.), они оказываются гораздо ближе к общественному оптимуму, чем в тех случаях, где эти пропорции задаются заранее, на основе якобы научных соображений.

В последнем случае столкновение социальных интересов не исчезает, но искажается, приобретает недемократический скрытый характер, превращается в интриги и т.п. В практике нашего общества отказ от открытого столкновения приводил по большей части к тому, что влияние непосредственных интересов труда, просвещения, здравоохранения и т.п. оказывалось чрезвычайно слабым, а влияние текущих и субъективно понимаемых интересов производства и военно-промышленного комплекса — чрезмерно сильным. В подобной ситуации «ведомственное усердие», не сдерживаемое противодействием иных сил, превращается в ведомственный эгоизм и губительную ведомственную монополию, ведет к остаточному принципу распределения и т.п.

В этом одна из причин «самоедского» стресса нашего хозяйства, его гигантских непроемких запасов, чрезмерных капиталовложений, одностороннего роста I подразделения, обеспечивающего главным образом самого себя, и т.п. Здесь корни непомерно низкого фонда потребления в нашем национальном доходе. На протяжении многих десятилетий — вплоть до конца 80-х годов — этот фонд составлял 70-75% национального дохода по официальным данным и 60-65% по аналитическим расчетам с поправкой на структуру цен. Отсюда же и ничтожная доля оплаты труда в стоимости валового продукта (35-40%). Эти показатели у нас гораздо ниже, чем в других промышленно развитых странах, где фонд потребления обычно достигает 75-80% национального дохода, а доля оплаты труда 60% стоимости валового продукта. Пониженный уровень жизни и все, что с ним связано, — закономерное следствие подобного положения.

Самостоятельное рабочее движение во всем мире является важнейшим фактором, обеспечивающим приближение основных общественно-экономических пропорций к оптимуму. Оно гораздо чаще помогает экономике, чем вредит ей. Так должно быть и у нас. Но для этого необходимо не осуждение независимого рабочего движения, не стремление сохранить порядки, при которых оно полностью подчинено государству, но, наоборот, *создание условий, благоприятствующих самостоятельности рабочих организаций и стимулирующих их демократизацию и цивилизованность.*

Движение трудящихся и рабочее движение будут давать наибольший социальный эффект, если через них будут ясно и четко выражаться именно представляемые ими общественные нужды и интересы. Поэтому рабочие организации должны быть свободными и самостоятельными, т.е. руководствоваться, в первую очередь, интересами групп, которые они представляют, подчиняться в своих действиях прежде всего органам, созданным этими группами, и в случае необходимости иметь возможность действовать вопреки указаниям любых других органов (за исключением подчинения законам и законным властям в пределах их компетенции). Причем идейное влияние в этом случае не должно смешиваться с организационным подчинением.

IV.

Впрочем, в той острой ситуации, в какой находится страна, еще более важно, что независимое рабочее движение при определенных условиях *может способствовать решению основных задач перестройки на современном этапе.*

Едва ли не наиболее глубокие противоречия перестройки обусловлены самой природой революционных реформ. В таких преобразованиях нужно перестроить основы общества, его корневые структуры, видоизменить аппарат власти и правящие элиты, но сделать все это в сравнительно мирных формах, без насилия и тем более без кро-

вопролития (чем, собственно, и отличается революционная реформа от революционных взрывов). Притом, осуществлять все это приходится в значительной мере руками тех самых групп, чья власть и положение ущемляются в итоге реформ. Соответственно, проведение реформ требует поиска того уникального сочетания социальных сил, которые способны разрешить это противоречие в данное время и в данной стране.

На начальных этапах перестройки главными силами, позволяющими преодолеть органические сложности реформистской революции, явились возглавляемые М.С.Горбачевым группы инициаторов перестройки в высших эшелонах власти, многие органы печати и телесвидения, значительные слои интеллигенции и возникшие в этой среде самостоятельные общественные организации, а также демократическая часть национальных движений. Оказалось, однако, что этих сил достаточно, чтобы *начать* перестройку, но их мало, чтобы *развернуть ее во всю глубину и довести до конца*.

В структурах власти усиливается дифференциация, многие ее элементы оказываются неспособными проводить преобразования с необходимой радикальностью. Более того, выступления ряда партийных и государственных деятелей на съездах народных депутатов и пленумах ЦК в 1989–1990 гг. свидетельствуют, что они вообще не хотят продолжения демократизации и рыночных реформ, считают необходимым вернуться к жесткому административному регулированию. Преобразования, осуществляемые властью, одна часть которой склоняется к продолжению их, а другая по сути дела сопротивляется новому, приобретают половинчатый, нерешительный характер. Причем, половинчатость эта неизбежно проявляется не в том, что все процессы происходят медленно, а в том, что разрушение старых порядков идет быстро, а создание новых не происходит вообще. Половинчатость, нерешительность оборачиваются острым кризисом перестройки.

Следствием этого общего кризиса является то, что мы выше называли кризисом легитимности — быстрое падение авторитета власти, снижение народного доверия к ней. Продолжение реформ в прежних формах — в виде своего рода революции «сверху» — оказывается невозможным. Огромное значение приобретает соединение тех элементов власти, которые готовы идти на решительную радикализацию преобразований с массовыми демократическими движениями. Если подобное соединение произойдет, откроется возможность продолжения и успеха мирной революции, начатой инициаторами перестройки. Иначе развитие может легко приобрести немирный, насильственный характер. Недаром в Декларации основных принципов Конституции Труда, учрежденной, как упоминалось выше, Съездом независимых рабочих движений в мае 1990 г., говорится о том, что время преобразований «сверху» проходит. Власть теряет доверие народа. Пассивное недовольство в этих условиях может легко превратиться в стихийные и разрушительные действия, ведущие к катастрофиче-

ским последствиям. Направить общественный протест в русло организованного политического действия — единственная возможность предотвратить разгул стихии, добиться мирного развития революционного процесса.

Демократическое рабочее движение такого типа, каким явилось движение шахтеров и вырастающее из него движение союзов трудящихся, другие организации, объединившиеся в Конфедерации Труда, как раз и могут стать одной из главнейших новых сил, необходимых для успеха революционных реформ. Как отмечается в Декларации основных принципов Конфедерации «переход к обществу, где утверждена политическая свобода и где регулируемые рыночные отношения сочетаются с эффективными механизмами социальной защиты, возможен только тогда, когда стратегические решения и тактика реформ формируются с учетом волеизъявления широких демократических движений и организаций. Рабочим движениям, трудовым коллективам принадлежит важная роль в этом процессе. Именно они, как показали действия рабочих и стачечных комитетов и Союза трудящихся Кузбасса, способны стать силой, которая может сломить сопротивление бюрократии, обеспечить мирный ход общественных преобразований».

Независимое рабочее движение может сыграть особую роль в осуществлении революционных реформ прежде всего потому, что движение это обладает чрезвычайной мощью. Сила его, как показал опыт, далеко превосходит возможности интеллигенции, печати, отдельных политических деятелей, даже если они занимают самые ключевые посты в государстве. Опыт двухлетнего фактического блокирования пакета решений 1987 г. и их искажения в ведомственных инструкциях свидетельствует, что ни те, ни другие, ни третьи сами по себе не могут справиться с противодействием реформам. В то же время выступление шахтеров летом 1989 г. показало, что у рабочего класса хватает социальной мощи, чтобы заставить сознательных и бессознательных противников реформы подчиняться политической воле сторонников перестройки. (Разумеется, если рабочее движение сохраняет демократический характер и действует в защиту перестройки, а не против нее). При всех случайностях субъективных намерений и связей простое сопоставление подготовки актов, придающих экономическим реформам радикальный характер, до и после июльских забастовок 1989 г. говорит об этом с полной очевидностью. (Внесение поправок в закон о предприятиях, изменение проектов плана и бюджета, обнародование новой стратегии реформ и т.п.). Ту же способность преодолевать сопротивление и, что еще важнее, стихийную косность бюрократии показывает борьба шахтеров за реальное выполнение летних протоколов 1989 г. в последующие месяцы. С рабочими *не проходит* привычка волокитить дело, подменять действительные решениями, указаниями, намерениями. Воркута начинает второй тур забастовок и скрипучая аппаратная колымага снова пускается в путь.

Понятно, что сила рабочего движения проявляется не обязательно в забастовках. Представление самих требований рабочих, подкрепляемых организацией и угрозой забастовки, зачастую оказывается не менее эффективным. Этому, кстати, учит рабочих опыт их собственной борьбы.

Летом 1989 г. в Кузбассе и Донбассе около четверти бастующих, а среди молодежи — до трети, признавали стачку хорошим средством разрешения конфликтов.

Осенью, при всей решительности воркутинских забастовщиков такую позицию занимали лишь менее 15% шахтеров; подавляющее большинство — почти 80% — оценивали забастовку как крайнее средство, оправданное только чрезвычайными обстоятельствами. Судя по международному опыту, чем дальше будет развиваться демократизация, чем чаще рабочее движение будет обнаруживать свою мощь в борьбе за реформы, тем яснее станет трудящимся, что противников перестройки можно заставить идти на уступки и компромиссы посредством организованного давления, не прибегая к реальным забастовкам.

Далее, обладая громадной социальной мощью, самостоятельное рабочее движение одновременно отличается чрезвычайной *способностью к организации*. Это значит, что сила рабочего движения может проявляться в мирных, организованных формах, без уничтожения базовых социальных связей и общего порядка. Организация, порядок отличают рабочее движение (во всяком случае демократическое и цивилизованное рабочее движение) от бунта, по пушкинскому выражению, «бессмысленного и беспощадного». Общеизвестно, что даже в самые острые периоды развития движения шахтеров — во время забастовок — в нем не было ни грана бунта, хаоса и анархии, оно всегда стремилось поддерживать общественный порядок, действовать всюду, где это возможно, совместно с властью, а не против нее. Знаменательно, что организованные группы забастовщиков вместе с милицией предотвратили попытки спаивания людей, сознательно предпринимавшиеся кем-то, кто пока еще не известен общественности.

В угольных бассейнах рабочее движение с лета 1989 г. и до сих пор оказывается главной опорой порядка. Фактически оно стало там составной частью власти, или вернее самостоятельной общественной властью, в одних случаях сотрудничающей, а в других противостоящей власти официальной.

Причем, такой общественной властью, которая пользуется уважением у населения и которой население готово добровольно подчиняться.

В условиях ослабления авторитета традиционных партийно-государственных органов это обстоятельство приобретает особую важность. Опираясь на авторитет рабочих комитетов и их лидеров, органически включая их в партийно-государственные структуры, можно ускорить столь необходимый ныне процесс формирования новой, послереволюционной легитимности власти.

Наконец, очень существенно, что мощное и организованное самостоятельное рабочее движение — вопреки расхожим представлениям — вполне может быть направлено именно на защиту радикальных социально-экономических реформ, а не против них. Собственно, именно такую позицию занимает (по крайней мере, занимала до сих пор) наиболее значительная ветвь свободного рабочего движения в нашей стране: движение шахтеров, примкнувших к ним трудящихся многих предприятий Кузбасса, Донбасса, Воркуты, Караганды, или рабочие клубы, первые независимые профсоюзы и другие организации, провозгласившие в мае 1990 г. создание советской Конфедерации Труда.

Принципиальная поддержка демократизации и экономических реформ со стороны независимого рабочего движения проявилась уже на самых первых этапах его развития. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на стандартные протоколы, заключенные в июле 1989 г. стачками основных угольных бассейнов с представителями ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС. (Последний в этих документах, увы, оказался не вместе с рабочими, а, выражаясь языком протокола, «с другой стороны»; знаменательно также, что упомянутые протоколы были опубликованы только в местной печати и потому плохо известны населению страны.).

Из документов видно, что главные требования рабочих имели по преимуществу не иждивенческий и не узкогрупповой характер. На первых местах в протоколах стоят требования самостоятельности шахт и других предприятий, предоставления возможности эффективно, на рыночных основаниях распоряжаться частью добытого ими угля, ограничения всевластия министерского и вообще административно-хозяйственного аппарата.

В последующие месяцы общедемократические требования ускорить радикальные экономические реформы заняли еще более видное место в документах рабочего движения. В договоре представителей Воркутинского городского рабочего (стаечного) комитета и Союза объединенных кооперативов СССР, подписанного в октябре 1989 г., говорится, что рабочие стремятся всеми доступными средствами вести «борьбу за ликвидацию монополии бюрократического административного аппарата», за право «людей свободно трудиться и самостоятельно распределять результаты своего труда, добиваться социальной справедливости во всех сферах жизни». В начавшейся вскоре после этого забастовке с полной ясностью проявилось стремление воркутинских шахтеров добиваться не только экономических благ, но и расширения социально-политических прав рабочих. В ноябрьском обращении Воркутинского городского рабочего комитета, наряду с экономическими требованиями, идет речь о необходимости «утвердить статус рабочих комитетов, как постоянно действующих органов социальной защиты, включая право на издание собственной печатной продук-

ции», о кардинальной реформе профсоюзов и подобных вопросах. Одновременно в Обращении подчеркнута готовность бастующих поддерживать «перестроечное крыло КПСС».

Тогда же, в ноябре 1989 г., произошло второе по важности (после июльских забастовок) событие в процессе возрождения независимого рабочего движения — создание по инициативе рабочих комитетов Союза трудящихся Кузбасса. В Уставе Союза говорится, что эта общественно-политическая организация, объединяющая рабочих, крестьян, служащих, всех трудящихся, органически связана с рабочим движением, что Союз представляет собой форму самоорганизации рабочего класса, «импульс которому дали июльские забастовки 1989 г.». Тем важнее, что в Программном заявлении Союза трудящихся Кузбасса демократические, экономические и политические устремления рабочего движения выражены в развернутом и трезво сбалансированном виде. Союз, говорится в этом документе, «своей фундаментальной задачей считает ликвидацию командно-бюрократической системы в экономике, передачу права распоряжаться богатством тем, кто его создает. Признается равноправное существование всех возможных при социализме форм собственности: общенародной, государственной, республиканской, коллективной, кооперативной, частно-трудовой, акционерной, смешанной, личной и других».

Союз трудящихся Кузбасса совершенно недвусмысленно провозглашает, что он стоит за переход от директивного планирования к планированию с использованием рыночных механизмов. «Рыночные отношения, — отмечается в Программном заявлении, — это бесценный опыт человеческой цивилизации, и отсутствие рынка наносит советской экономике ущерб. Рынок в сочетании с изобретением XX в. — планированием должен превратиться в основную форму взаимоотношений предприятий друг с другом и потребителями». На отношение Союза трудящихся Кузбасса к рынку хотелось бы обратить особое внимание еще и потому, что рабочим нередко приписываются огульные антирыночные и примитивно уравнилельные настроения. Думается, однако, что документ действительно массовой и действительно пользующейся рабочим доверием организации передает реальные настроения рабочего класса не хуже, чем заявления некоторых профсоюзных деятелей и избранных профсоюзными органами депутатов.

Столь же определенно выражает демократическую ориентацию Союза трудящихся Кузбасса и его политическая программа. «На нынешнем этапе развития общества, — отмечается в ней, — наиболее актуальной является задача передачи всей полноты власти Советам, изъятие ее у других политических структур и лиц. Советы должны стать органами подлинного народовластия». И далее: «Союз трудящихся Кузбасса отчетливо отдает себе отчет в том, что дальнейшая демократизация общества невозможна без радикальной реформы политической системы. Среди возможных мер могут быть следующие: предоставление гражданам СССР права свободно создавать общественно-политические, общественные, профессиональные и молодеж-

ные организации, действующие в рамках законов СССР; возможность проведения референдумов по важным проблемам общественной жизни; свободный доступ граждан к любой информации, не являющейся государственной тайной, право всевозможных организаций издавать газеты и журналы; прекращение навязывания стандартов в культурной жизни».

Быть может, яснее всего осознанная и последовательная приверженность Союза трудящихся Кузбасса идеалам демократии (равно как и трезвость его позиций) выявляется в отношении к вопросу о положении Коммунистической партии в обществе. «КПСС, — говорится в Программном заявлении, — имеет за своими плечами долгий, полный героических и трагических событий путь. Она может претендовать на роль авангарда, однако эту роль необходимо завоевывать своим авторитетом, а не навязывать обществу законодательными актами». Напомним, что Программное заявление Союза трудящихся Кузбасса было принято в ноябре 1989 г. Рабочие, таким образом, оказались в числе первых, кто открыто поддержал требование отменить закрепление особого положения КПСС.

Вместе с тем в принципиальном плане Союз выступает за всемерное развитие политического плюрализма. «Длительное существование одной партии причинило нашему обществу большой вред, поскольку это породило монополию на выработку стратегии и тактики в экономическом и политическом развитии. Всякая монополия ведет к застою. Союз солидаризируется с существующим мнением о возможности и целесообразности многопартийной системы в СССР».

В последующие месяцы главнейшие программные установки Союза трудящихся Кузбасса были приняты и развиты многими другими рабочими организациями. Во всяком случае, в Декларации основных принципов Конфедерации Труда, принятой на Съезде независимых рабочих движений (30 апр.-2 мая 1990 г.), где участвовали представители почти всей страны, демократические идеи выражены столь же ясно, а местами даже в более четкой и определенной форме. В декларации говорится, что Конференция «выступает за экономическую самостоятельность предприятий, за развитие регулируемых рыночных отношений». В ней признается возможность существования государственных, акционерных, кооперативных, частных предприятий (а не только частно-трудоуловых, как в Программном заявлении Союза трудящихся Кузбасса). Вместе с тем, в Декларации отмечается, что экономические реформы рыночного типа должны проводиться лишь «по мере осуществления широких социальных программ защиты и улучшения жизни трудящихся».

Еще важнее, что в Декларации подчеркивается ключевая роль политических преобразований и зависимость от их успеха положения трудящихся. В ней указывается, например, что кардинальное изменение социально-экономического положения рабочих, ликвидация нищеты, бесправия, жестокой эксплуатации народа государством, технократией и другими силами, справедливое распределение дохо-

дов и материальных благ — все это станет возможным и надежным лишь после перехода к демократической политической системе.

Рабочие движения, объединившиеся в Конфедерации труда, выступают не только за демократические цели, но, что не менее важно, за демократические средства их достижения. «Мы заявляем, — записал Съезд независимых рабочих движений в своей Декларации, — о приверженности мирным, ненасильственным методам. Мы не делаем ставку ни на стихийный бунт, ни на вооруженные восстания. Конфедерация труда — за выдвижение реалистических радикальных требований, за тактику их мирного отстаивания, за согласование интересов. Вместе с тем мы признаем возможность использования в случае необходимости методов организованного коллективного протеста и давления».

VI.

Как видно, главное, чего добивается та ветвь рабочего движения, которая выросла из летних забастовок 1989 г. и начала в 1990 г. создание общесоюзной независимой рабочей организации — Конфедерации Труда, — это *развертывание демократических преобразований в экономике и политике, создание условий, в которых рабочие смогут жить свободно и работать эффективно, обеспечивая своим трудом собственное благополучие, а с ним и благополучие общества*. В общеисторической и общесоциальной перспективе все остальные требования имеют второстепенное значение.

Конечно, эти «остальные» требования — от повышения зарплаты за вечерние и ночные смены до регулярного снабжения мылом и спецодеждой — для шахтеров и других рабочих вовсе не безразличны; борьба за их удовлетворение поддерживала боевой тонус значительной части забастовщиков. Именно соединение этих, так сказать, ближайших требований с требованиями, которые имеют, в конечном счете, общеполитический характер, способствовало сплочению рабочих, их стойкости в борьбе за свои интересы, высокому социальному потенциалу рабочего движения.

К сожалению, как правило, именно эта сторона остается вне поля зрения общественности, а подчеркивается, якобы объективно антиреформенная направленность борьбы шахтеров, их враждебность интеллигенции и кооператорам. Такого рода утверждения отражают тенденции, характерные как раз для иных элементов рабочего движения. Подобные взгляды высказывали, например, деятели Объединенного фронта трудящихся и некоторые представители ВЦСПС, но они не находят никакого подтверждения в документах независимых организаций, объединяющих шахтеров, других рабочих и специалистов угольных бассейнов, вообще всех тех, кто создаст Конфедерацию Труда. Наоборот, в документах Съезда независимых рабочих движений говорится: «без связи с демократической интеллигенцией у рабочего движения нет будущего. Мы поборем казарменно-бюрократиче-

скую систему, обеспечим глубину и реалистичность выдвигаемых задач, избежим экстремизма в методах, если будем действовать в союзе с профессионально грамотной и граждански ответственной интеллигенцией».

Противоречие между действительным настроением демократического рабочего движения и тем, что ему зачастую приписывается настолько разительно, что в тех случаях, когда поддержка реформ рабочими организациями вообще игнорируется, трудно полностью отбросить мысль о сознательном и корыстном искажении ситуации.

Иное дело, когда подчеркивается неполное соответствие иерархии требований, содержащихся в документах демократических рабочих организаций и в индивидуальных высказываниях рабочих. Прямой опрос последних иной раз действительно свидетельствует о том, что в индивидуальных беседах и анкетах рабочие, выражая свои нужды, склонны говорить о надбавках к зарплате и пенсиях, чаще, чем о демократии и рыночных реформах. Точно так же в этих беседах достаточно четко проявляется массовое недовольство кооператорами, эгалитарные устремления и т.п. Однако это положение лишний раз подчеркивает потенциал рабочей организованности, то обстоятельство, что именно способность рабочего класса к организации делает его столь значительной общественной силой.

В организации выделяются наиболее сознательные, активные, ясно представляющие себе ситуацию люди. В этой связи важно отметить, что наши личные наблюдения за работой представителей стачкомов свидетельствуют о стремлении рабочих руководителей к компромиссу, к поиску взаимоприемлемых решений. В демократической рабочей организации понимание общественных интересов выступает яснее и глубже, чем в индивидуальных высказываниях. В первом случае чаще выявляется рассудок рабочего класса, во втором — рассудок этот нередко смешивается с предрассудком. По старой марксистской терминологии — это одно из проявлений диалектики превращения класса в себе в класс для себя. (Понятно, могут существовать и недемократические, отсталые рабочие организации, документы которых будут показывать в концентрированном виде как раз консервативные или даже реакционные представления рабочих, не рассудок, а предрассудок рабочей среды).

Кстати, в действиях организации отчетливее, чем у отдельных рабочих, проявляется не только рассудок, но и сердце рабочего класса, его способность к своего рода социальному великодушию. Рабочие организации отнюдь не склонны думать только о нуждах своих собственных членов. Солидарность, тяготение к которой вырабатывается у большинства рабочих самими условиями их труда, распространяется на всех тружеников. Вот, например, о чем рассказал на втором Съезде народный депутат от Коми АССР А. Филиппов. Одно из важных требований осенней забастовки 1989 г. в Воркуте было связано с тем, что при порядках, существовавших до стачки, работники при переходе с одного предприятия на другое теряли так называемые «северные

надбавки». Надбавки эти составляют значительную часть заработка, что ставит рабочих в зависимость от администрации — подобную той, в какой находились бесправные колхозники в сталинские времена (когда они могли покинуть деревню только «по справке» из колхоза или сельсовета). В итоге месячной забастовки горняки добились права менять работу по собственному желанию с сохранением надбавок. Но у государства в настоящее время нет возможности предоставить это право всем трудящимся Воркуты. И рабочие комитеты шахт по собственному почину решили отложить введение нового порядка до тех времен, когда этой льготой смогут воспользоваться все.

Точно так же рабочие комитеты Кузбасса, рассматривая в январе 1990 г. полугодовые итоги выполнения протоколов, заключенных в результате летних забастовок, поставили перед правительственной комиссией проблемы, касающиеся отнюдь не только шахтеров. Они потребовали обеспечения социальной справедливости в отношении деревни, в частности такого формирования цен на аграрную продукцию, при котором в расчет принималось бы удорожание машин и энергоносителей, поставляемых сельскому хозяйству. Представляется, что в этом требовании реальной помощи и реального сочувствия крестьянству куда больше, чем в десятках пространных выступлений радетелей отечественной «почвы» о долге города, необходимости спасения деревни, трагедии русского мужика и т.п.

Кроме того, что независимое рабочее движение может стать — и фактически становится — мощной организованной силой, обеспечивающей мирный ход революционных реформ, образуя органы, которым добровольно готово подчиняться население, помогает преодолеть кризис легитимности, оно способно смягчить еще одно противоречие современной ситуации.

Как уже говорилось, перестройка неизбежно сопряжена с периодом трудностей и ухудшением экономического положения масс. При разумной политике можно уменьшить тяготы переходного периода, но их нельзя избежать полностью. Тем важнее, что в области социально-политической перестройка может дать плоды гораздо быстрее. Гласность и свобода творчества уже вошли в жизнь. Но их влияние прежде всего ощущает интеллигенция, с трудом которой эти факторы связаны напрямую. Рабочее и общественно-политическое движение трудящихся могут дать почувствовать немедленные социально-политические плоды перестройки широким слоям рабочего класса, особенно его наиболее образованным и сознательным группам: молодежи, рабочим-интеллигентам. Так что в определенном смысле свободное рабочее движение, способствующее преодолению отчуждения трудящихся от власти, представляет ценность само по себе, независимо от других результатов. К тому же, сам фактор существования демократического рабочего движения становится средством предотвращения чрезмерного увеличения тягот перестройки. Оно может сыграть решающую роль в поддержании социальной справедливости и

предотвращения попыток переложить слишком большую часть издержек перестройки на плечи трудящихся.

VII.

Снова повторим, что свободному рабочему движению присущи не только конструктивный, но и *деструктивный, разрушительный потенциал*. С ним связаны экономические издержки, особенно когда рабочие прибегают к стачкам. Однако хозяйственный ущерб — не самая серьезная опасность рабочего движения.

Во-первых, массовое распространение забастовок совсем не обязательно должно привести к росту рабочего движения в дальнейшем, особенно, если политическая власть будет искать не конфронтации, а компромисса с рабочими, уважая при этом рабочую самостоятельность.

Во-вторых, негативные экономические последствия забастовок зачастую преувеличиваются. Во всяком случае, они не идут ни в какое сравнение с убытками, ежедневно и ежечасно возникающими из-за пороков нашей хозяйственно-политической системы. Во всех забастовках 1989 г. (включая те, которые связаны с национальными требованиями и не имеют непосредственного отношения к рабочему движению в собственном смысле) потеряно около 7 млн. человеко-дней. Вследствие общей бесхозяйственности за этот же период, по официальным данным, только в промышленности и строительстве потеряно 40 млн. человеко-дней, а по оценкам групп народных депутатов, изучающих проблему, на простои, прогулы, перекуры уходит 20-30% рабочего времени, или в тысячу раз больше, чем в ходе стачек. Забастовки стоили стране примерно 0,8 млрд. руб. Но, убытки и потери, неизбежные при нашей системе, достигают ежегодно 450 млрд.руб. — чуть не половины стоимости всей промышленной продукции.

Разумеется, громадный размах системных убытков делает ущерб забастовок чувствительным. Но дело в том, что забастовки не просто менее накладны, чем «нормальная» бесхозяйственность нашей экономики. Массовые трудовые конфликты зачастую оказываются средством, заставляющим устранить завалы на путях, обеспечивающих принятие хозяйственных и технических мер, способствующих экономическому прогрессу, не говоря уже о прогрессе социальном и политическом. Итог забастовки, в отличие от результатов бессмысленной и столь привычной нам бесхозяйственности, не чистая потеря, а баланс потерь и достижений. В конечном счете организованная борьба рабочих заставляет менять разоряющую нас хозяйственно-политическую систему. Так что, говоря о связанном со стачками непосредственном ущербе, надо иметь в виду и *долговременные приобретения*, которые дает рабочее движение.

Забастовки и другие формы прекращения работы станут действительным началом катастрофы лишь тогда, когда они приобретут не-

управляемый, стихийно-хаотический и цепной характер. Этому варианту развития больше всего способствует конфронтация с самостоятельными рабочими организациями, так или иначе противостоящими стихии. Само по себе организованное рабочее движение не повышает, а понижает вероятность стихийного разгула забастовок.

Серьезная опасность организованного, самостоятельного рабочего движения в другом — в возможности того, что мощь рабочей организации может быть направлена против демократизации и обновления советского общества и стать тормозом перестройки, тормозом тем более страшным, что такое реакционное рабочее движение способно легко соединиться с другими консервативными силами. Деятельность Объединенного фронта трудящихся и его поддержка некоторыми профсоюзными и партийными руководителями показывает реальность такой угрозы. Ведь ОФТ не скрывает своих целей. В резолюции его учредительного съезда прямо записано: «Замысел радикальной экономической реформы не выдерживает проверки практикой», «нынешняя реформа... превратила застой в кризис», «сохранение нынешнего курса на углубление рыночных отношений привело бы страну к экономическому и социальному краху».

О том, к чему может повести соединение рабочего движения с национальной рознью, страшно и подумать. Между тем в печати уже появлялись не слишком обдуманые заявления, в которых делались попытки установить такую связь. Фактическая сторона подобных заявлений (например, утверждения, что шахтерские забастовки 1989 г. есть по преимуществу национальное движение русских и украинских рабочих) совершенно не соответствует действительности: простой перечень фамилий, упоминаемых в документах, связанных со стачками и деятельностью рабочих комитетов, показывает как раз глубоко интернациональный состав участников. Однако несоответствие фактам не делает эти заявления менее опасными. К несчастью, пламя национальных распрей вспыхивает независимо от фактов, и любое неосторожное высказывание может явиться здесь роковой искрой.

Пока что реакционная струя в нашем рабочем движении слабее течения, объективно выступающего за продолжение реформы. Но опасность существует и она достаточна серьезна.

VIII.

В целом возможная роль самостоятельного рабочего движения определяется количественным соотношением различных форм борьбы рабочего класса и качественной направленностью развития рабочих организаций, степенью демократизации и цивилизованности их действий. Неограниченный разгул забастовочной стихии, безответственная эскалация невыполнимых требований могут превратить перестройку в неуправляемый хаос. Но и полное прекращение свободного рабочего движения, отказ от независимых требований (для поддержки которых иногда необходимо прибегать к забастовкам) сулят не

лучшую перспективу. Перестройка в этом случае заглохнет, завянет в болоте сопротивления консервативных сил. Чтобы этого не произошло, нужно демократическое и самостоятельное рабочее движение, решительное в своих действиях, но умеющее соразмерять их позитивные и негативные результаты, радикальное и вместе с тем ответственное, готовое и к борьбе, и к компромиссу.

Такое движение не создается по заказу, оно складывается (или не складывается) в органическом процессе своего свободного и отнюдь не до конца предсказуемого развития. Однако иной возможности на нынешнем этапе революционного процесса, в обстановке ослабления и легитимности власти просто нет. Управлять прямо и директивно сейчас нельзя. Можно и нужно действовать косвенно. Не пытаться давить рабочие организации, а всячески поддерживать демократические тенденции в них, понимая, что ни у кого нет изначальной монополии истины, что *рабочие в своих требованиях оказываются правы ничуть не реже, чем хозяйственный аппарат и центральные органы власти.*

И последнее. Демократическое (как и реакционное) рабочее движение развивается не в одиночку, оно взаимодействует с другими социальными силами. От того, на союз с какими группами и организациями ориентировано рабочее движение, во многом будет зависеть его дальнейшая судьба. Очень обнадеживающим выглядит с этой точки зрения тесное сотрудничество рабочих комитетов с представителями демократической интеллигенции в Союзе трудящихся Кузбасса, в особенности при подготовке его документов, равно как и попытка установления взаимосвязей рабочих комитетов Воркуты с кооператорами. Они говорят о реальной возможности объединения сил, объективно заинтересованных в демократии и планово-рыночной экономике. Если это взаимодействие выйдет за региональные рамки и если его дополнит союз самостоятельных рабочих организаций с общесоюзными движениями интеллигенции, демократическими силами в партии и в руководстве страны, преобразование советского общества станет необратимым.

Но будем помнить и о другой возможности. ОФТ также строится на союзе рабочего движения с определенными группами интеллигенции и аппарата. Люди, чья жизнь профессионально связана с идеологией деформированного социализма и которые объединены в так называемых обществах и ассоциациях научного коммунизма, играют ведущую роль в ОФТ. Не исключено, что они сумеют привлечь неопытное рабочее движение на свою сторону, превратить его в ударную силу антиперестройки.

Надо признать, что до сих пор представители антиперестроечных групп интеллигенции действовали в рабочем движении активнее демократической общественности. Будущее страны во многом зависит от того, изменится ли это положение. От того, поймут ли демократические круги общественности и демократические элементы власти, что дискуссии в интеллигентской и аппаратной среде — при всей их

важности — имеют сегодня все же вторичное значение по сравнению с ходом народного движения. А народ в современном обществе — это прежде всего рабочий класс, рабочее большинство трудящихся.

Примечания

1 См. «Общественное мнение в цифрах». Вып. №5. М., 1989, с. 6.

Народ и власть

Маятник оценок ситуации в стране, настроений в народе качнулся, сделал полный мах — от «всенародного одобрения курса» пять лет назад до предсказаний «революции снизу», взрыва недовольства, причем в ближайший год. Все говорят от имени народа: «народ за», «народ против», в народе нетерпение, брожение. Что же происходит в сознании народа на самом деле?

Прежде всего несколько общих замечаний.

По поводу массового сознания существует немало устойчивых мифов, десятилетиями насаждавшихся пропагандой, которые и до сих пор мешают правильно оценивать отношение людей к важным проблемам и событиям. Пожалуй, о трех из них следует сказать особо: о «морально-политическом единстве советских людей», о «новой исторической общности людей — советском народе» и о «моральном кодексе молодых строителей коммунизма». Нет ни того, ни другого, ни третьего.

Общество давно не монолитно, оно поляризовано, состоит из многих социальных слоев и групп с разными, часто противоположными интересами. Догматический подход к теории классов затмил реальность: за двумя дружественными классами и прослойкой между ними скрылись бюрократия с ее верхушкой — номенклатурой, квалифицированные рабочие и техники, работники торговли, люмпен-пролетарии и бездомные, специалисты с высшим образованием технического и гуманитарного профиля, колхозники, кооператоры и многие другие слои со своими интересами и взглядами. Заклинания о том, что их роднит отсутствие частной собственности, не могли скрыть от людей неравенство в доходах и уровне жизни, а официальная идеология с обещаниями скорого наступления коммунизма лишь усиливала неведение в лозунги и чувство отчуждения. Вместо одной идеологии формировались системы взглядов у каждого слоя, своя жизненная философия и моральные нормы.

Неожиданностью для многих стали национальные столкновения, национальная несправедливость или вообще разговоры о необходимости национального возрождения здесь и там. Казалось бы, вопрос давно решен — расцветает традиционная дружба, национальные различия стираются, советский народ создан. Не получилось этого. Чем больше

стирались на бумаге различия (в том числе и для народов, насильно согнанных со своей земли), тем сильнее становилось стремление сохранить и отстоять национальную самобытность и независимость. То, что старательно скрывалось или клеймилось как национализм, вышло наружу, заявило о себе в полный голос.

Добавьте к этому различие между востоком и западом страны, между Европой и Азией, между центром и провинцией, Крайним Севером, Дальним Востоком, учтите существование необъятного, неучтенного «дна» — бездомных, бедных, безработных — скрытых и явных, огромного преступного мира, — и вы получите картину не «монопольного единства», а «вавилонского» скопления слоев, групп и народов с различными, а порой конфликтующими интересами. Может быть, нечто подобное было в «священной Римской империи», или в Австро-Венгрии, или Британской империи. Но они не претендовали на «морально-политическое единство». Иными словами, гетерогенность нашего общества и соответственно разброс взглядов людей несравнимы с другими развитыми странами.

Что касается «молодых строителей коммунизма», то здесь положение тоже неважно. Многие удивляются, почему воруют, «несут», ломают, бросают на улице «всемирное» имущество, откуда такой размах хамства, грубости, насилия. Причин много. Часто на первом месте называют бедность, массовый дефицит. Однако важнее, наверное, деградация морали из-за официальной лжи, лицемерия, массовой коррупции представителей власти. Религию выгнали из общественной, духовной жизни общества, отлучили от воспитания, но заполнить вакуум новой, официальной моралью не удалось — вместе с неверием в идеологию все больше отбрасываются самые основы морали.

Если мы представим, каким было наше общество на подходе к перестройке, пять лет назад, то вспомним еще об одной важной черте массового сознания; ее можно было бы назвать «конформизм страха». Все то разнообразие взглядов, о котором мы говорили раньше, не было видно еще и потому, что люди боялись. Десятилетия террора, репрессий приучили целые поколения скрывать свои мысли, прилюдно повторять газетные штампы, за исключением тех, кто сидел в тюрьмах и психбольницах или уехал за границу. Что еще важнее, выросли поколения, в которых индоктринация с детского сада, подкрепленная страхом, выработала норму не иметь собственного суждения, быть как все, и тем более отучила рассуждать или размышлять о политике. Отсюда — политическая апатия, политическая неграмотность, а в целом — низкая политическая культура общества.

В перестройку наш народ вошел с мощным потенциалом недовольства жизнью, негодования по поводу растущих проблем, экономических и социальных, и недоверия к органам власти, ответственным за положение дел. На этом фоне и произошли смена руководства в апреле 1985 г. и последовавшие за ней перемены, важные для массового сознания своим символизмом; отказ от показухи и парадности,

обещание ускорения, ориентации на решение социальных проблем, подъем жизненного уровня. И все это через призму харизматического лидера, «доброего вождя», вера в которого соединилась с надеждой на улучшение жизни.

В этом важная черта массового сознания последних лет — вера в вождя и недоверие к основным институтам власти. В этом противоречии изначально была заложена опасность для успешности предпринятых грандиозных реформ. Наша жизнь последние четыре года вся шла скачками: съезд, пленумы, новые законы — о соцпредприятии, кооперации, поездки и выступления М. С. Горбачева, наконец партконференция, выборы, первый Съезд народных депутатов; и подорожание, «вымывание», исчезновение, дефициты, наркомания, преступность. Демократизация — и рост экономических и социальных проблем. Перефразируя известные слова нашего тирана, можно сказать: «жить стало хуже, жить стало веселее».

Нынешний год войдет в историю как год политической реформы. Такого у нас еще не было: выборы, парламент, законы. В то же время недовольство жизнью, недоверие властям, неудовлетворенность ходом перестройки и неверие в ее успех достигли небывало высокого уровня. Часть недовольства можно объяснить тем, что многие провалы и кризисы стали виднее из-за гласности, демократизация позволяет людям говорить о них без особого страха; в любом случае все больше людей осознает, что жить так дальше нельзя.

Для демократической формы правления критика и оппозиция неизбежны и естественны. В то же время высокий уровень недовольства в обществе отражает сомнения в правильности выбранного курса. С началом массовых опросов общественного мнения, проводимых Всесоюзным центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) появилась возможность более точно измерять поддержку или неодобрение, доверие или недоверие народа. Эти опросы показывают быстро меняющуюся и противоречивую картину массовых взглядов и настроений.

Кто виноват?

На этот вопрос не так легко ответить. Многие считают, что виновата система, другие видят причину трудностей в нашей лени и неумении работать, третьи обвиняют перестройку. Выступая в январе этого года на встрече с представителями творческой интеллигенции М. С. Горбачев обратился к ним с призывом помочь ему объяснить народу, что перелом к лучшему в экономике не сделаешь за день, что причины наших трудностей в ошибках предыдущих руководителей, которые нелегко исправить. Из писем в ЦК и правительство было видно, что недовольство народа медленностью перестройки дошло до предела.

Письма трудящихся, как у нас принято было говорить, или письма избирателей, как говорят в странах, где выборы основной канал демократии, это конечно, важный барометр настроений людей. Но писать письмо сядет не каждый, поэтому опросы общественного мнения все же надежней. Так вот, опросы в январе-феврале показали та-

кую картину. Считали, что «в экономических трудностях виновата перестройка» — 4%; что «экономические трудности являются неизбежным следствием экономической системы социализма» — 18%; остальные затруднились ответить или назвали другие причины.

Прошло полгода. Вера в перестройку еще несколько снизилась. Опрос, проведенный в конце августа, показал, что 47% населения ожидают улучшения положения благодаря перестройке, в основном незначительного, 35% полагали, что все останется как есть, т. е. плохо, или ситуация еще более ухудшится, остальные затруднились высказать какую-либо оценку. Еще пессимистичнее оценивало население ситуацию в начале нынешнего года: 29% ожидали ухудшения материального положения людей, 16 — улучшения и 27 — считали, что положение останется без изменений, 28% — затруднились дать ответ.

Эта степень пессимизма и недовольства хоть и велика, но далека от большинства. Однако важно знать, насколько недовольны недовольные, как неудовлетворенность проявляется в политических оценках и в практических действиях людей.

Первые демократические выборы 1989 г. несомненно стали испытанием на прочность важных институтов власти и их представителей. Некоторая часть кандидатов, особенно в Москве и Ленинграде, представила яркие программы, которые помогли избирателям сделать выбор. Но в большинстве случаев люди голосовали, учитывая должность и биографию, и часто — против «истэблишмента». Как известно, среди не попавших в число депутатов была значительная группа руководителей всех рангов, в т. ч. 30 секретарей обкомов и крайкомов партии. Крупное начальство отсеялось бы еще больше, не попади оно в спасительные списки делегатов от партии и других общественных организаций. После выборов многие отмечали — кто с удивлением, кто с негодованием, — что впервые в нашей истории принадлежность к руководящим, и прежде всего к партийным органам, вместо того, чтобы служить пропуском к еще большей власти, как это было раньше, вдруг стала недостатком, сигналом для избирателей, что этого человека надо провалить.

Потерпевшие и их коллеги пытались найти различные причины поражения — от своей чрезмерной занятости и непривычности к публичной риторике до происков антисоветских сил. Последнее ярко сформулировал на апрельском Пленуме ЦК В. К. Месяц, секретарь Московского обкома партии: «... открыто заявила о себе выползшая на улицы накипь, решившая нанести удар по перестройке, по партии, ее руководящим органам».

Дело, наверное, обстоит хуже. На выборах народ, отвергая разного рода руководителей, выразил недоверие всей административно-командной системе, ее аппарату, или иначе, тому, что в сознании народа объединяется в смикое понятие «власть», которая завела страну в глубочайший кризис. Все достаточно просто и известно всему миру:

вы лишаете народ мяса, сахара, мыла — народ лишает вас голосов на выборах. Вы посадили корабль на мель — вас просят сойти с мостика.

В опросе общественного мнения эти настроения проявились следующим образом (процент поддержки тех или иных положений анкеты):

— поскольку люди, которые завели нас в это состояние, по-прежнему у власти, необходимо полностью сменить руководство — 30%;

— все изменится, если каждый будет добросовестно и честно трудиться — 37%;

— с прежней силой действует командно-административная система, нужно менять всю систему управления обществом — 30%;

— все заработает, как только через демократические выборы к власти придут истинные представители народа — 25%;

— нужно довести до конца экономическую реформу, чтобы реально заработала аренда, кооперативы, ИТД — 16%;

— социализм исчерпал себя; вывести страну из тупика могут только новые условия — частная собственность, рыночная экономика — 14%;

— нас может выручить только твердая рука, железная дисциплина, как это было при Сталине — 8%;

(участвовавшие в опросе могли называть несколько позиций, поэтому сумма больше 100%).

Большинство так или иначе хочет перемен — сменить систему управления обществом, органы власти или их руководство. При этом степень доверия или недоверия к различным органам власти, влиятельным институтам общества весьма различна. Опросы ВЦИОМ в течение истекшего бурного года выяснили отношение населения к основным институтам общества, степень доверия к ним. В частности, задавался вопрос «Как вы считаете, какие организации в настоящее время наиболее активно выражают интересы народа, пользуются наибольшим доверием у населения?» Ответы на эти вопросы сведены в таблицу.

«Какие организации пользуются наибольшим доверием у населения?» (в %, 1989г.)

Доверие:	Полное			Частичное			Отсутствие		
	февр.	авг.	дек.	февр.	авг.	дек.	февр.	авг.	дек.
Милиция, суд, прокуратура	14	10	20	55	49	50	31	41	30
Местные советы	17	16	17	53	57	44	30	27	39
Верховные Советы	40	32		45	53		15	15	
Верховный Совет СССР ¹				39			49		12
Верховный Совет вашей республики ¹				28			50		22

Профсоюзы, ВЦСПС	21	16	20	54	48	44	26	36	36
Партия	37	22	26	44	47	39	19	31	35
Комсомол	16	11	11	40	40	33	45	50	56
Религиозные организации	17	22	35	45	45	45	38	33	20
Министерства, Совет министров СССР	26	14		48	48		26	38	
Совет министров СССР ¹				33			50		17
Печать, телевидение, радио	37	30	29	57	60	61	5	10	10

¹ Эти варианты ответов на вопрос «в какой мере население доверяет...» использовались лишь в декабрьском опросе 1989 г.

Эти институты и организации можно разделить по степени доверия к ним на две группы. Первая группа, с более высоким доверием народа, включает институты, «полное доверие» к которым превышает «полное недоверие». Сюда входят Верховные Советы, пресса, религиозные организации. Другая группа объединяет организации, институты, «полное недоверие» к которым превышает «полное доверие». Эта «зона недоверия» включает комсомол, профсоюзы, партию, министерства, местные Советы, правоохранительные органы, т. е. институты власти, ответственные в глазах народа за кризисное состояние страны.

Внутри этих групп за год произошла заметная подвижка. Снизилось доверие к партии, профсоюзам, комсомолу; выросло доверие к религиозным организациям. Немного убавилось доверие к прессе, которая тем не менее делит первые места по доверию населения, в то время как комсомол замыкает список.

Собственно из органов власти только Верховные Советы пользуются значительным доверием населения, и прежде всего Верховный Совет СССР; остальные институты власти и основные общественные организации, включая «правящую партию», как было принято говорить, испытывают значительное недоверие народа. Массовое сознание отражает фактически сложившуюся политическую ситуацию — двоевластие, когда действует выбранный народом — со всеми издержками первых демократических выборов — законодательный орган, а реальную власть по-прежнему удерживает партийно-государственный аппарат, оставшийся с эпохи застоя, который выборы пока не затронули. Борьба за реальную власть между этими силами ведется с переменным успехом: у Верховного Совета дальнебойная артиллерия законов, но ее немного и стреляет она нечасто; у аппарата основная сила — пехота, но ее огромное количество.

В сегодняшней бурной политической жизни особую роль играет М. С. Горбачев, положение которого, с точки зрения массового сознания, весьма противоречиво: с одной стороны, он глава наиболее попу-

лярного, избранного народом органа власти, а теперь — Президент страны; с другой — руководитель партии, доверие к которой значительно упало. С одной стороны, он автор перестройки и сторонник демократии, с другой — руководитель страны, состояние которой все ухудшается. Если в начале перестройки личная популярность М. С. Горбачева распространялась и на предлагавшиеся им реформы, то сейчас рост недовольства нагромождающимися одна на другую проблемами неминуемо вызывает снижение популярности лидера страны и поддержки реформ перестройки, которая ассоциируется с Горбачевым. В то же время эта популярность, по международным стандартам, по-прежнему высока. Мы привыкли к «всенародной» поддержке своих прошлых вождей, созданной услужливым аппаратом. В то же время в нормальных странах предел одобрения деятельности президента или премьер-министра — 60—70%, а 40—50% — это нормальный, «рабочий» уровень. В этой связи 43%, назвавших в августе М. С. Горбачева «самым выдающимся политическим деятелем страны, и примерно такой же процент, «полностью поддерживавших» деятельность М. С. Горбачева на посту Председателя Верховного Совета СССР в декабре-январе, отражают высокий уровень поддержки лидера. В США, например, популярность президента колеблется очень сильно. Рейган, начав первый президентский срок с уровня в 65—70%, через год, в разгар экономического кризиса, спустился до 23%, чтобы снова набрать почти 60% к следующим выборам.

Парламент или бунт

В наших условиях сегодня более важная проблема — падение доверия к власти вообще. Популярность Верховного Совета СССР высока прежде всего по сравнению с низким уровнем доверия к другим органам власти. По-прежнему основное политическое качество массового сознания — это политическое отчуждение. Это видно, в частности, из результатов опроса, в котором люди отмечали наиболее созвучные их представления высказывания:

— люди, которых мы выбираем в органы власти, быстро забывают о наших заботах, не учитывают в своей работе интересы народа — 45%;

— руководство — это особая группа людей, элита, которая живет только своими интересами, до нас им нет дела — 31%;

— наши органы власти — народные, у них те же интересы, что и у нас с вами — 14%;

— не имели мнения — 10%.

Это чувство безвластия, бесправия проявляется также в ответах на вопросы о том, какие группы в обществе пользуются большим, какие меньшим влиянием. Большинство считало недостаточным влияние рабочих, крестьян, пожилых людей, молодежи, интеллигенции, женщин. Отвечая на вопрос, как бы вы оценили влияние на политическую жизнь страны «таких людей, как вы», лишь 2% ответили, что

влияние слишком сильное, 11 — посчитали достаточным и 56 — недостаточным; 31% затруднился ответить.

Нарастание проблем, с которыми люди ничего не могут сделать, — рост цен, дефициты, разрушение окружающей среды — в сочетании с недоверием к власти усиливают протест, в котором негодование соседствует с беспомощностью. В силу неразвитости политической культуры и несовершенства форм политического участия в общественной жизни этот протест часто выражается не в конституционных демократических действиях, а в стихийных митингах, демонстрациях, забастовках, иногда в форме массового неповиновения властям, насилия, вандализма. Взрыв массового негодования, вспышка народного гнева — симптомы как тяжести проблем, превысивших предел терпения людей, так и чувства бесправия, недоверия властям.

Массовая забастовка шахтеров в августе 1989 г. была примером такого взрыва. Она вынудила власти, из-за опасности непоправимого ущерба для экономики, удовлетворить все требования бастовавших. Затем были приняты законы, запрещающие забастовки в важнейших отраслях, закон о трудовых спорах. Конечно, необходимы меры, предотвращающие анархию, паралич экономики; однако проблему недоверия они не снимают и потенциал массового протеста не уменьшают.

Два десятилетия назад по поводу несколько иной обстановки, чем у нас сегодня, известный американский социолог Д. Янкелевич высказал мысль, гипотезу, что массовое недовольство бывает двух видов, обозначаемых сходными английскими и французскими терминами — *resentment* и *ressentiment*. Первое означает негодование, которое направлено против конкретного института или органа власти и высказывая которое люди надеются быть услышанными и изменить ситуацию. Второе означает негодование, перешедшее в отчаяние, полное разочарование, когда люди в диалог с властями уже не верят, уговорам не поддаются и протест принимает взрывную, разрушительную форму. Нам это знакомо из нашей же истории, но не вредно знать и зарубежный опыт.

Если народ не верит властям и в старые догмы, то кому и во что он верит? По-прежнему прессе, и хотя она вовсе не едина в своих оценках людей и событий, если ей удастся сохранять при этом правдивость, она сможет быть посредником в спорах и конфликтах многочисленных слоев, групп и национальностей. Еще народ поверил в выборы как институт демократии. Если не везде, то по крайней мере в больших городах, на крупных предприятиях. На первые демократические выборы пришли весной 1989 г. 90% избирателей; впервые без принуждения, хотя накануне выборов, согласно опросу, половина людей не были уверены, что удастся избрать «наиболее достойных, знающих, активных людей». Но решили попробовать и, видимо, в основном не разочаровались. Потому что уже перед Съездом народных депутатов большинство считало, что Съезд и должен «осуществлять реальную верховную власть в нашем обществе». Так ответили 61%

опрошенных, при 30% полагающих, что эта реальная власть должна принадлежать Верховному Совету СССР и его рабочим органам; за то, чтобы реальная власть осуществлялась «партийно-государственным аппаратом» высказались 10%.

Вообще за год, от манифеста Нины Андреевой до Съезда народных депутатов, народное сознание прошло быстрый путь политизации. Если в дискуссии перед XIX партконференцией приняли участие десятки тысяч, то избирательная кампания затронула миллионы. Возможно, впервые за нашу историю значительная часть населения в выборах оно если и не возьмет власть в свои руки, то по крайней мере сможет участвовать в перераспределении власти между институтами общества, доверие к которым, как мы видели, различно.

Политизация сознания идет неровно, хотя и быстро; опыт демократии накапливается по крупицам. Пока понятны только два поляса — парламент и протест. Надо сказать, что другие каналы пока и не налажены — общественные организации, движения, клубы, ассоциации, партии; а традиционные, официальные «формы участия в общественной жизни» — партия, комсомол, профсоюзы — большим доверием не пользуются. Кстати, отношение к идее многопартийности противоречивое; взгляды на эту проблему распределились следующим образом:

— многопартийность совершенно необходима, как естественное развитие демократии — 27%;

— в КПСС существует все многообразие мнений, поэтому другие партии не нужны — 20%;

— реальной пользы от многопартийности не будет, лишь больше станет бюрократии, говорильни — 19%;

— у нас исторически сложилась однопартийная система и многопартийность будет носить искусственный характер — 11%;

— внутри партии уже существуют разные группы и фракции, у нас уже фактически многопартийность — 5%;

— идея многопартийности — антисоветская по своей сути; она подбрасывается враждебными элементами для раскола общества — 3%;

— не имели мнения — 23%;

(Отвечавшие называли несколько позиций, поэтому сумма превышает 100%).

Эти цифры, как и данные об уровне доверия к различным институтам, можно оценивать по-разному. Однако ясно, что эпоха гарантированного доверия к власти кончилась. Все институты и органы, как выбираемые, так и назначаемые, должны доверие и поддержку народа постоянно зарабатывать, а то и отвоёвывать в борьбе за влияние. Если бы номенклатура, которую сейчас ЦК призывает открыто обсудить перестройку в партии, заботилась о чем-либо еще, кроме своих кресел, то она бы поняла, что падение доверия к партии — реальность, что в значительной мере престиж партии держится на по-

пулярности М. С. Горбачева. В то же время недоверие к партии — это часть общего кризиса доверия к власти, ответственной в глазах народа за бедственное положение страны.

Из мирового опыта нам известны разные формы реакции на недоверие народа: правительства подаются в отставку, получив вотум недоверия, партии меняют программы и лидеров или лидеры учатся убеждать народ в правоте своих идей, в необходимости непопулярных программ. Другие пытаются найти виновного на стороне, «козла отпущения». Похоже, многим нашим политикам эта тактика больше по душе, как это стало очевидным на апрельском, да и других пленумах ЦК 1989 г. Одни обвиняют прессу, другие неформалов, третьи Политбюро за то, что не снабжает инструкциями, как бороться с теми и другими. Однако главная борьба за доверие ведется на полках магазинов, а также на страницах прессы, на площадях, в дискуссионных залах. При этом аморфный и абстрактный «советский народ» все чаще выступает в виде конкретных слоев, групп, национальностей, которые не смешиваются в потоке политической жизни, и взгляды которых, в том числе по отношению к власти, могут быть весьма различными.

Сходства и различия

Один из наиболее важных вопросов, вставших за последние несколько лет, — что мы вообще за народ? Обязательный атрибут всех кампаний застойного периода — лозунг «весь советский народ, как один, поддерживает...» — развалился, перестал существовать. И в том числе потому, что многочисленные народы страны с неожиданной быстротой стали заявлять о своих интересах, потребовали самостоятельности, самоопределения, а некоторые и отделения от Союза. И этот процесс сопровождается ростом антагонизма между некоторыми народами, между республиками и центром, причем этот «центр» далеко не только московские бюрократы, но и Россия. В этих условиях многие задают вопрос — а осталось ли вообще такое понятие «советский народ», есть ли в нем какой-нибудь реальный смысл, и если есть, то что объединяет все эти народы в один народ?

Анализ массового сознания в стране, в частности результаты немногочисленных пока надежных опросов общественного мнения, показывает, что есть ряд вещей, которые объединяют людей в разных регионах страны, или, несмотря на их нынешнее разъединение, являются для них общими. Есть некоторые общие идеи, есть общие герои и общие злодеи.

На сегодняшний день больше всего общего в критике; люди в самых разных регионах — в Прибалтике, России, Средней Азии, Закавказье, на Украине — отвергают тоталитарную, административно-командную систему, какими бы терминами они ее ни называли. Люди в массе своей не приемлют возврата к сталинизму, хотя ностальгию по «твердой руке», «сталинской дисциплине» испытывают от 5% до 20%

населения в разных республиках. Это не значит, что ни в одной республике не может быть возврата к какому-нибудь гибриду в виде мафиозно-диктаторской власти, но если Союз и разделится на самостоятельные страны, их народы будут стремиться к демократии, а не к диктатуре.

Что еще роднит литовцев и чукчей, русских и молдаван? Это, конечно, растущее недовольство своим экономическим положением, нехваткой товаров, ростом цен, вообще нищетой и неустроенностью миллионов людей. Мы породнились в бедности, и если это плохой скрепляющий цемент для содружества наций, для федерации, то, по крайней мере, это позволяет легче находить общий язык в поисках путей выхода из экономического кризиса — вместе или порознь. Во всех регионах люди оценивают экономическую ситуацию как кризисную, свой жизненный уровень считают снизившимся за последние годы, а надежды на экономический подъем в ближайшее время сомнительными. Больше 60% людей опасается, что экономическую реформу провести не удастся. Опрос, проведенный в январе 1990 г. показал, что лишь 5% рассчитывают на значительное улучшение экономической обстановки в ближайшие годы, 13% полагают, что положение стабилизируется, в то время как 63% ожидают нарастания трудностей и 11% — что произойдет экономическая катастрофа. При этом больше половины людей считают, что у правительства нет ясной программы того, что делать с экономикой, куда идти.

В этом отражается важнейшая черта массовых настроений сегодня — кризис доверия к власти. Недоверие, а у многих вообще презрение к властям всех видов нарастало еще со времен Хрущева. XX съезд и «оттепель» 60-х годов сняли первый слой страха с массового сознания и поведения, люди стали рассуждать, высказывать оценки власти — пусть в начале в узком кругу, среди друзей, на кухне, но этот процесс шел уже безостановочно. И чем более живым и лицемерным становился режим, тем более критичными и циничными становились оценки властей народом. С началом перестройки или, точнее, гласности, этот сосуд скрывавшихся настроений критики, недоверия и негодования открылся, дутое единодушие и «всенародное одобрение» лопнуло, и новое руководство, начавшее перестройку, первым за советскую историю ощутило в мирное время пресс народного скептицизма, сомнений и недоверия, нередко заслуженных обвинений — причем слева и справа, а потому взаимоисключающих: в промедлении — с одной стороны, и авантюризме — с другой.

Руководители партии, Верховного Совета и правительства пытаются разделить поток критики пополам: одна часть, которую следует отнести к прошлым режимам и вождям, и другая, что можно принять на свой счет, на нынешние просчеты. Однако делать это все труднее, поскольку нынешнее руководство у власти уже пять лет — пора держать ответ.

Эти настроения проявляются и в общем снижении доверия к руководству страны в целом. Так, январский опрос 1990 г. показал, что

«полностью доверяют» руководству страны 13%, «в основном доверяют» — 49 и «не доверяют» — 25 при 13% затруднившихся ответить.

Напрасно будут при этом представители тех или иных институтов искать утешения в том, что доверие к другим еще ниже, или наоборот, оправдывать свой крайне низкий авторитет у населения «объективными» факторами. Проблема шире, чем нелюбовь к конкретному начальству конкретных организаций. Народ не верит Власти. Интерпретировать этот факт можно по-разному. Возможны, по меньшей мере, четыре гипотезы. Одна из них — теория «хлеба и масла», согласно которой в условиях экономического кризиса доверие к властям, будь то при монархии или республике, неизбежно падает. Соответственно, при оздоровлении экономики доверие к власти вернется в норму.

Другая логика: нынешний кризис доверия — это аккумулированные претензии к властям за все их ошибки, допущенные в послевоенный период, которые стали известны благодаря гласности и уменьшению страха перед репрессиями за критику. Эта логика предполагает, что определенное недоверие населения институтам власти — неотьемлемая черта демократии и к этому нам придется привыкнуть, особенно власть предрежущим, избалованным послушанием и почтением народа.

Наконец третья гипотеза: низкое доверие к власти — это следствие более широкого процесса — отторжения народом самой системы, политической и экономической, назовите ее тоталитаризмом, или «развитым социализмом», или административно-командной системой, той, что довела страну до кризиса, до нищеты, но при которой никто как бы не виноват, все происходит само собой, а отдельный человек опутан правилами и запретами, напрочь отчужден от власти и начальства. Ему, этому начальству, а в его лице и всей «системе» народ и высказывает сейчас свое недоверие.

Есть еще и четвертый тип рассуждений, согласно которому недоверие институтам власти — результат их неузаконненности, нелегитимности, когда власти сами себя назначают, воспроизводят, выдвигают из своей среды, народ же в этом не участвует, играет роль безмолвной, управляемой массы. Эта система дала трещину с началом демократизации, законом о выборах и самими выборами прошлого и нынешнего года. Однако номенклатура по-прежнему в креслах и правит бал. И отношение народа к власти по-прежнему питается чувствами отчужденности от власти, хотя из-за неразвитости политической культуры в стране, люди сами по себе к этим выводам может быть и не приходят. Хотя в то же время политизация народа идет быстрее, чем многие ожидали. Очень четкой формулировкой отличается, например, письмо на эту тему читателя «Московской правды»: «В стране сложился самовоспроизводящийся государственный аппарат. Сам себя порождает, сам для себя и существует. Этот аппарат вне контроля со стороны общества. Какая уж тут демократизация...»

В политических взглядах народа происходят противоречивые процессы. С одной стороны, вырабатываются взгляды на новые реалии жизни: возможность выбирать из нескольких кандидатов, новая роль Советов и Верховного Совета, изменение роли партии, самоуправление предприятий, новые формы собственности, новые формы борьбы за свои права, в том числе забастовки и многое другое. С другой — на более абстрактном, теоретическом уровне — многие по-прежнему придерживаются старых привычных норм ценностей, лозунгов времен «развитого социализма» или патриотизма имперского типа, а некоторые хотели бы вернуться к «порядку и дисциплине» сталинских времен. Один и тот же человек, особенно в возрасте, требует не трогать «нашу славную историю», ругает бюрократию и привилегии, поддерживает народные фронты и ратует за незыблемость однопартийной системы. Иными словами, консерватизм на теоретическом уровне сочетается у многих с реформизмом или либерализмом на уровне более практических взглядов и отношений.

Еще одна черта массовых политических взглядов — слабая распространенность у нас традиционных для других стран каналов политической деятельности — партий, ассоциаций, политических клубов, органов политической прессы; пока народ привык скорее к митингу, сходке. Предвыборные кампании тоже носят скорее митинговый характер. Соответственно и лидеры подбираются больше соответствующие этой митинговой демократии, умеющие обратиться к народу через головы организаций, привлечь популярным лозунгом, эмоциональным призывом. Масса, толпа рождает трибуна, харизматического лидера, поэтому у новых лидеров так сильны популистские тенденции.

Накопленные с помощью опросов результаты изучения общественного мнения позволяют выделить политические ориентации, намечающиеся у населения, у народов нашей страны за последние годы. Традиционное деление людей в зависимости от их политических взглядов на либералов и консерваторов нам мало подходит, во всяком случае эти термины нужно подгонять под нашу действительность. Понятия «левый» — «правый» у нас вообще потеряли первоначальный смысл. Поэтому приходится использовать некую комбинированную систему описания, надеясь, что политическая жизнь вскоре предложит новые термины.

На одном полюсе нашего политического спектра находятся принципиальные сталинисты, как оправдывающие политику Сталина, так и считающие, что нам и сейчас нужны «твердая рука» и «железная дисциплина», это «клуб Нины Андреевой». Назовем их крайними консерваторами. Их численность колеблется от менее чем 2% в Эстонии до 18% в Казахстане. В РСФСР таких людей около 9%, и в среднем по стране — около 8% (по данным опроса ВЦИОМ от сентября прошлого года). Другой опрос ВЦИОМ (Ю. А. Левада, Н. А. Зоркая) показал, что 24% вообще считают, что нашему народу постоянно нужна «сильная рука». Можно предположить, что они имеют в виду

«сильную руку» без ГУЛАГа, лидера сильного, но доброго; возможно, президентская власть как раз и есть их идеал. Но вот еще 15% считают, что «бывают такие ситуации, когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках». Это уже монархистско-сталинистский вариант. Это, так сказать, гвардия консерватизма, на этих людей могут положиться сторонники поворота назад, к испытанному прошлому.

Значительно более широкий круг людей, которых можно отнести к умеренным консерваторам, считающих, что никакие революционные перемены в обществе не нужны, более того, опасны, и что залогом выхода из экономических трудностей является интенсификация труда, экономия и четкость. Для таких людей идеальным был лозунг «ускорения» на заре перестройки. По их мнению, система, социализм работают нормально, а все беды от расхлябанности, распушенности и пьянства. Таких умеренных консерваторов, сторонников «статус кво» около 25%.

Промежуточная группа центристов включает людей, которые основные надежды связывают с «экономической реформой» в ее раннем варианте — хозрасчет, самоокупаемость, а также аренда, кооперация и индивидуальная трудовая деятельность. Экономическая реформа прежде всего как децентрализация, здравый смысл и эффективность при оставлении нетронутой политической системы. В целом это реформаторы типа 1965 г. Численность этой группы колебалась последние годы, сейчас она насчитывает около 10—15% населения.

Следующую категорию можно назвать умеренными реформаторами. В значительной мере они видят успех перестройки в замене руководителей институтов власти на новых людей — с уходом, смещением старого руководства или его оттеснением на новых демократических выборах истинными представителями народа, сторонниками перестройки. Эти ориентации близки к популистским. В то же время многие люди из этой группы готовы одобрить и крупные политические реформы, новые экономические и политические законы. Величина этой группы — 25—30%.

Наконец, группа сторонников радикальных преобразований в обществе, которые условно можно отнести к либеральным (в его классическом понимании, относящемся к концу прошлого века). Эта группа включает людей, выступающих за смену всей административно-командной системы, как в политической, так и в хозяйственной жизни. Сюда входит большая часть людей (примерно 30%), считающих необходимым введение у нас многопартийной системы и значительное число (47%) тех, кто поддерживает идею развития частной собственности. В целом в этой группе примерно 25—30% людей. В свою очередь около трети этой радикально-либеральной группы — ее можно назвать крайне-радикальной — считает, что социализм в принципе исчерпал себя и из тупика нас может вывести только частная собственность и рыночная экономика. Для простоты этих людей можно было бы назвать сторонниками капиталистического пути раз-

вития, если бы они мыслили идеологическими категориями и если бы «капитализм» сегодня не представлял собой столь большой набор самых разных вариантов социально-экономического устройства общества.

Политические взгляды людей из различных социальных слоев, как показали опросы общественного мнения, по многим позициям близки. Основные различия — в оценке социализма как системы. Негативная оценка социализма колеблется от 4% людей с низким уровнем образования до 20—21% людей с высшим образованием, специалистов технического и гуманитарного профиля. Заметные отличия есть и в отношении к сталинизму: его одобряют 5% людей с высшим образованием и специалистов, 11% рабочих и 13% людей с низким уровнем образования. Большие различия во взглядах, как уже сказано, между республиками или крупными регионами страны. Но и при этих различиях прослеживаются сходные тенденции в политических оценках.

Приведенную схему политических взглядов, выделенные типы ориентаций можно было бы сделать несколько по-другому, иначе назвать группы, по-иному наполнить их численно, однако результаты все большего числа зондажей общественного мнения показывают, что в обществе реально существует широкий спектр политических ориентаций, включая полярные ценности и стремления. Плюрализм политических взглядов — вещь реально существующая и его отражение, овеществление в плюрализме политических организаций — лишь вопрос времени. И эти взгляды не просто тихо сожигаются рядом, как и в остальном мире, между ними идет борьба, и, естественно, это борьба за власть. Причем народ это все больше осознает. Например, в одном из опросов задавался вопрос: отражают ли идущие сейчас политические дискуссии борьбу за власть? 40% посчитало, что идет борьба за власть сторонников перестройки с приверженцами командных методов руководства, в то время как 23% полагало, что это скорее состязание единомышленников, различающихся лишь подходами к решению проблем. Надо сказать, что 37% затруднились ответить на этот вопрос. При этом в Эстонии увидели борьбу за власть в происходящих процессах 60%, в Казахстане — 28 и в РСФСР — 42%. Степень политизации в разных регионах разная, это очевидно, но политические процессы сходные и сходные тенденции формирования политических взглядов.

Весной 1990 г. в стране закончился в основном первый этап политической реформы: созданы парламенты Союза и республик на основе по большей части демократических выборов, образована президентская форма правления, избраны местные Советы, чьи полномочия еще предстоит выработать методом проб и ошибок. Без особого шума, в экстренном порядке ликвидирована 6-я статья Конституции — легальная основа диктатуры партии и тоталитарно-командной системы.

На четыре года выборная активность затихла. Начинается новый этап политической реформы: законотворчество новых органов власти и избранных в них народных представителей и создание культуры гражданского общества — деятельность общественных движений, организаций, партий по осуществлению интересов многочисленных социальных слоев и групп. Но стержнем политической жизни ближайших лет по-прежнему будет острая политическая борьба — борьба за выработку курса, которым должна идти страна (он далеко еще не определен), борьба за влияние в новых институтах и органах власти различных политических течений и партий, наконец борьба за различные формы решения национальных проблем, за сохранение Союза или за его демонтаж. И все это на фоне отчаянных попыток правительства, либеральных экономистов и новых бизнесменов вытащить машину экономики из трясины кризиса, преодолевая при этом не менее отчаянное сопротивление хозяйственно-партийного аппарата.

В значительной мере ход этой борьбы и этих реформ будет зависеть от массовых взглядов и настроений. От степени нетерпения и негодования народа по поводу нищеты, дефицитов, разгула преступности и отравления воды и воздуха промышленностью будет зависеть, пойдет ли второй этап политической реформы по пути «нежной революции», или румынского варианта, или дело дойдет до «площади Тяньаньмынь».

Эти массовые ожидания и настроения в начале нового этапа реформ пронизаны тревогой и пессимизмом. 43% считает, что «процесс демократизации в нашей стране затормозился», 15% полагает, что он «пошел на убыль», и лишь 21% считает, что он «успешно развивается»; 20% ожидает улучшения или стабилизации политической обстановки в стране в ближайший год, в то время как 58% считает наиболее вероятным нарастание напряженности, а 9% видит впереди возможность «кризиса, гражданской войны». По данным другого опроса (Ю. А. Левада и др.) возможность гражданской войны видит 30% при 36 — считающих ее невозможной, и 34% затруднившихся ответить; 40% полагают, что в нынешнем году возможен «переворот в высшем руководстве» страны, при 20 — считающих, что это невозможно, и 40% затруднившихся ответить. Мало похоже на настроения участников или наблюдателей «нежной революции».

Это недовольство не безадресно. На вопрос, что в настоящее время тормозит процессы обновления в стране, 39% назвали «нерешительность и непоследовательность правительства в проведении реформ», 32% — «стремление аппарата любыми средствами удержать власть». В целом, видимо, народу ясно, что он отвергает, от чего отказывается, каким путем идти. Радикализм соседствует с боязнью нового, грозящего непредсказуемыми последствиями. Отвечая на вопрос, «какой путь развития вы предпочли бы для нашей страны», 41% считает нужным следовать примеру Швеции или Польши, Венгрии, Чехословакии, или других западных стран, а 28% предлагают вернуться к «ленинскому пути развития социализма»; довольно устойчивая

группа — 12% — надеется вернуться к методам «твёрдой руки», железной дисциплины.

Опросы показывают, что соотношение сторонников радикальных преобразований в обществе и осторожных перемен составляет 5:3. Так, в январском опросе ВЦИОМ 53% считали, что «нам нужны немедленные и радикальные реформы, иначе нам не выйти из кризиса», в то время как 30% полагали, что «нужны постепенные преобразования; радикальные реформы приведут нас к хаосу».

По крайней мере народ готов слушать сейчас правду, какой бы горькой она ни была: 65% поддерживают полностью и 17% частично «дальнейшее расширение критики в печати» при 4% не поддерживающих этого. Народ устал от идеологии, которая привела нас к нищете. Он готов отказаться от любой догмы, любых «идейных основ» из истмата, если это поможет накормить людей и вывести их из бедности. Не отказ ли это от социализма? Если от голодного, бесправного, приведшего нас в хвост мировой цивилизации, то скорее всего так. Если от гуманного, демократичного общества социальной справедливости, то наверно нет. Впрочем все «измы», идеология вообще утратила свой незыблемый авторитет. Народ должен во всем убедиться сам, попробовать на вкус, и если ему не хватает политического опыта, то в здравом смысле ему не откажешь. Так, в одном из опросов ВЦИОМ (А. А. Голов, Л. Д. Гудков) выяснилось, где человек «скорее всего может найти ответ на вопросы, которые его заботят». 6% считали, что найти ответ можно в «марксистско-ленинском учении», 9 — в науке, 11 — в искусстве, литературе и 49% — «опираясь на собственный здравый смысл».

Политизация общественного мнения, поляризация массовых политических взглядов одними воспринимается как знак взросления нашей политической системы, как следствие демократизации и начало гражданского общества, для других это симптом потери контроля над народом и обществом, утрата командных позиций, власти. Поэтому усиливаются попытки если не искоренить сами взгляды, то по крайней мере уменьшить до предела информацию о них; отсюда попытки дискредитировать саму идею опросов общественного мнения, ошельмовать работу центров, проводящих опросы, в частности ВЦИОМ, зажим публикации результатов опросов в прессе: в эпоху гласности результаты опросов в печать попадают редко и с трудом. Из этого же ряда запрет на распространение данных опроса о собственности среди депутатов II Съезда, скрытые угрозы в адрес проводящих опрос, намеки шепотом, что можно спрашивать, а чего нельзя.

Призывы «спросите у народа» будут теперь раздаваться все чаще. Народная забитость и несправедливость приходят к концу. И голос народа все сильнее слышен на выборах, на митингах и через налаживающуюся понемногу технологию опросов общественного мнения. Эта обратная связь — от народа к власти, организованный институтами власти или незваная — одно из главных пока завоеваний пяти лет перестройки, наряду с гласностью в печати.

Властям лучше бы узнать правду о настроениях народа или народов из опросов, чем узнавать о них из «неожиданных» решений Верховного Совета той или иной республики, или, что гораздо хуже, из сводок о забастовках, блокадах, разрушении государственной границы или массовых столкновениях.

К тому же и опыт наших ближайших соседей на Западе показал, что внешнее спокойствие народа может скрывать зреющее нетерпение, неверие власти, негодование и ярость. Наш народ конечно чемпион долготерпения, а то и апатии, но за последние годы он уже преподнес немало сюрпризов и возможности далеко не истощились.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства

ПРОЛОГ

<i>Л. Васильев</i> Кризис социализма	9
<i>А. Ципко</i> Противоречия учения Карла Маркса	60
<i>А. Нуйкин</i> "Новое мышление" и старая совесть	84
<i>Д. Гранин</i> Наш дорогой Роман Авдеевич	106
<i>В. Селюнин</i> Рынок: химеры и реальности	132
<i>Ю. Черниченко</i> Земля и воля	151
<i>В. Киселев</i> Социализм: катастрофа или возрождение?	204
<i>М. Завельский</i> Теневая экономика: враг, друг..?	229
<i>Б. Ракитский</i> Основы теории переходного периода	262
<i>В. Сироткин</i> Номенклатура в историческом разрезе	292
ЧТО ДАЛЬШЕ?	
<i>В. Библер</i> О гражданском обществе и общественном договоре	335
<i>Г. Старовойтова</i> Государство, общество, нация	362
<i>А. Бутенко</i> Почему так идет перестройка?	379
<i>Л. Баткин</i> Три сцены из первого акта	402

<i>Ю. Буртин</i> На злобу дня	434
<i>А. Собчак</i> От съезда к съезду: становление новой политической системы	457
<i>А. Оболенский</i> Что день грядущий нам готовит?	482
<i>И. Виноградов</i> Бремя нашей свободы	510
<i>Н. Шмелев, В. Попов</i> Что же дальше?	535
<i>А. Эльянов</i> Законы и закономерности – подлинные и мнимые	560
<i>М. Лемешев</i> АЭС – преступление перед человечеством	587
<i>А. Яблоков</i> Экологическая ситуация в СССР: факты, анализ, прогноз	609
<i>Б. Курашвили</i> СССР в 2000 году	634
<i>Г. Ракитская</i> Эволюция союзной власти: идеология и практика девяти месяцев	674
<i>И. Клямкин</i> Логика власти и логика оппозиции	701
<i>Г. Водолазов</i> Формулы консолидации	720
<i>Л. Гордон, Э. Клопов</i> Перестройка и новое рабочее движение	748
<i>Н. Попов</i> Народ и власть	771

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ

Редактор-составитель *А. А. Протащук*
Редакторы *А. Н. Завьялова, Н. К. Сазанович*
Художник *Ю. Н. Егоров*
Технический редактор *Н. И. Касаткина*

ИБ № 18893

Сдано в набор 07.05.90. Подписано в печать с КОМ 31.05.90. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 49,5.

Усл. кр.-отт. 49,5. Уч.-изд. л. 52,03. Тираж 36000 экз. Заказ № 262. Цена 4 р.

Изд. № 47792. Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс"
Государственного комитета СССР по печати. 119847, ГСП, Москва, Зубовский
бульвар, 17. Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7
"Искра революции" В/О "Совэкспорткнига" Государственного комитета СССР
по печати. 121019, Москва, Аксаков пер., 13.

